

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

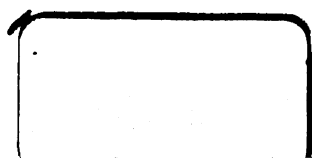
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Mir Bozhii

MICRO

*QC!

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

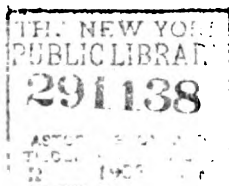
І Ю Л Ъ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 48).

1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 27-го іюня 1902 г.

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION
JUN 27 1902

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	отр.
1. ЭВОЛЮЦИОННЫЙ И КРИТИЧЕСКИЙ МЕТОДЪ ВЪ ТЕОРИИ ПОЗНАНІЯ. Проф. Г. Челпанова.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ЮЖНЫХЪ НАБРОСКОВЪ. О. Чюминной.	23
3. ИТА ГАЙНЕ. Повѣсть. (Окончаніе). Семена Юшневича.	25
4. О ВРАЧАХЪ. (По поводу «Записокъ врача» В. Вересаева). Врача Д. Жбанкова.	55
5. СОЦИОЛОГІЯ, СОЦІАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ И СОЦІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. (Соціологическій этюдъ). Проф. Н. Райхесберга.	85
6. ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года). (Окончаніе). Александра Кауфмана.	100
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ МАРИИ КОНОПНИЦКОЙ. (Переводъ съ польскаго). А. Калин—скаго.	120
8. МЫСЛЬ. Разсказъ. (Посвящаю женѣ моей А. М. Андреевой). Леонида Андреева.	122
9. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Очеркъ VIII. Марисъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго.	160
10. МОННА ВАННА. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Мориса Метерлинка. Переводъ съ французскаго. Т. Богдановичъ	191
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПѢВЦЫ. (Сонетъ). О. Чюминной.	236
12. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. П. Милюкова.	237
13. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Ром. м-рсь Гѣмпфри Уордъ. Перев. съ англійскаго З. Журавской (Продолженіе)	259

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОСТРОГОРСКИЙ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ. (Набросокъ воспоминаній ученика). Ив. Гревса.	1
15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Воспоминанія Вл. Короленко «О Глѣбѣ Успенскомъ». —Цѣльность личности Успенскаго какъ писателя и человека. —Его творчество. —Громадное значеніе Успенскаго какъ художника и бытописателя русской жизни. —Его законченность какъ писателя. А. Б.	15

16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Харьковскіе кобзари.—Предѣлы крестьянскаго самоуправленія.—«Тавричане».—Изъ школьныхъ воспоминаній.—Изверженія грязнаго вулкана на Кавказѣ.—Русскіе рабочіе въ Пруссіи.—За мѣсяцъ.	25
17. Изъ русскихъ журналовъ. («Русская Мысль»—май; «Историческій Вѣстникъ»—май; «Новое Дѣло»—май)..	38
✓ 18. За границей. Миръ и домашнія дѣла въ Англіи.—Музей мира и войны.—Изъ дебрей Испаніи.—Общественная жизнь въ Германіи.—Изъ области женскаго движенія во Франціи.— <u>Китайская періодическая печать</u>	44
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. Л. Н. Толстой о воспитаніи и обученіи.—Женское движеніе въ европейскихъ государствахъ.—Образованіе негровъ и роль ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Эпизоды изъ бурской войны	56
20. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. За мамонтомъ. П. Ю. Шмидта.	63
21. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Отклоненіе маятника въ Индіи.—Сейсмографъ, какъ барометръ.—Жидкіе кристаллы.—Еще о цвѣтной фотографіи.—Клещи на корняхъ винограда.—Глазъ крота.—Чума у птицъ.—Движеніе кишекъ, видимое благодаря лучамъ Рентгена.—Общество для изученія психологіи животныхъ.—Отравленіе пивомъ. В. А.	72
22. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія русская.—Философія.—Географія и этнографія.—Естествознаніе.—Медицина.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	81
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	108

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

✓ 24. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.	161
25. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками.	175

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА

Общины сестеръ милосердія Краснаго Креста имени
Ген.-Ад. М. П. Фонъ-Кауфманъ.

Варейская, Э.

1. Въ Общину принимаются дѣвицы и женщины всѣхъ сословій христіанскихъ вѣроисповѣданій, окончившія курсъ гимназіи, епархіальнаго училища или другого среднееучебнаго заведенія, либо выдержавшія испытаніе соотвѣтствующаго курса, не моложе 18 и не старше 40 лѣтъ.

2. Способность ихъ къ труду опредѣляется врачомъ Общины, который, при поступленіи, свидѣтельствуетъ состояніе ихъ здоровья.

3. Желающія поступить въ Общину должны прислать, на имя Предсѣдательницы Комитета Общины, слѣдующіе документы: 1) Прошеніе о принятіи въ Общину. 2) Метрическое свидѣтельство. 3) Видъ на жительство. 4) Свидѣтельство о политической благонадежности. 5) Свидѣтельство объ окончаніи курса ученія. 6) Фотографическую карточку.

4. Пріемъ въ Общину начинается съ 1-го Сентября.

5. Курсъ обученія практическаго и теоретическаго длится два года, не считая первыхъ четырехъ мѣсяцевъ, когда поступившая числится испытуемой ученицей *), а по истеченіи этого срока, по представленію старшей сестры и главнаго врача Общины и съ утвержденіемъ Предсѣдательницы, принимается въ сестры-ученицы.

6. Испытуемыя и сестры-ученицы обязаны подчиняться всѣмъ правиламъ, изложеннымъ въ инструкціи Общины.

7. Сестры-ученицы обязаны носить форменное платье при исполненіи своихъ обязанностей, а въ отпуску свое платье. Въ случаѣ крайней необходимости онѣ могутъ носить и форменное, но безъ знаменъ, присвоенныхъ ихъ званію **).

8. Сестра-ученица, желающая оставить Общину, безъ уважительной на то причины, какъ напримѣръ, семейныя обстоятельства или болѣзни, должна заявить о своемъ намѣреніи старшей сестрѣ за недѣлю до дня своего выхода.

9. Испытуемая ученица или сестра ученица, оказавшаяся непригодной, немедленно удаляется изъ Общины по согласенію старшей сестры съ главнымъ врачомъ и съ утвержденія Предсѣдательницы.

*) Испытуемая ученица можетъ отказаться по желанію, но отказавшись немедленно оставляетъ Общину.

**) Передникъ и косынка.

10. Сестра-ученица пользуется ежегодно свободнымъ мѣсяцемъ въ теченіе лѣта.

11. Больная сестра-ученица пользуется бесплатнымъ леченіемъ.

12. Сестры-ученицы, поступающія въ Общину, принимаются въ нее въ качествѣ: а) платныхъ ученицъ, б) стипендіатокъ Комитета и в) полустипендіатокъ.

а) Платная испытуемая ученица и сестра-ученица вносятъ ежегодно 250 руб., изъ коихъ 200 р. при поступленіи, а 50 р. по окончаніи перваго полугодія. На второй годъ, плата распредѣляется поровну (на оба полугодія (по 125 р. за каждое). Если матеріальное положеніе сестры-ученицы не позволяетъ ей сразу внести 200 р., то плата распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 75 р. при поступленіи, 75 р. по истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ и 100 р. въ теченіе втораго полугодія. Кромѣ того, сестрѣ-ученицѣ, пробывшей годъ въ Общинѣ и не имѣющей возможности уплатить за второй годъ своего обученія, предоставляется право обращаться къ Предсѣдательницѣ съ просьбой исхотайствовать у Правленія Комитета внести за нее установленную плату.

б) Стипендіатки ничего не платятъ но, по окончаніи обученія, обязаны оставаться въ распоряженіи Комитета въ теченіе 5 лѣтъ.

в) Полустипендіатки вносятъ ежегодно 100 р. и, по окончаніи обученія, обязаны пребыть въ распоряженіи Комитета 3 года.

13. По окончаніи курса обученія, сестра ученица, выдержавшая выпускной экзаменъ, удостоивается званія сестры Краснаго Креста и получаетъ право носить знакъ Краснаго Креста на передникѣ (пока она находится въ Общинѣ).

Поступивъ въ распоряженіе Комитета, она либо остается въ Общинѣ, либо командировается въ другія учрежденія, или къ частнымъ лицамъ по усмотрѣнію Правленія. Къ экзамену ей выдается форменное платье. На обмундированіе и личные свои расходы она получаетъ 20 р. въ мѣсяцъ, при пищевомъ довольствіи и квартирѣ. По истеченіи 10-лѣтней службы, эта сумма доходитъ до 25 р. въ мѣсяцъ.

Примѣчаніе. Свидѣтельство объ успѣшной подготовкѣ дается не рѣже, какъ по истеченіи одного года практической работы въ Общинѣ или въ качествѣ сестры милосердія.

14. Въ случаѣ болѣзни сестра пользуется даровымъ леченіемъ, но лишается обмундированія, если болѣзнь длится болѣе мѣсяца.

15. Права на пенсію выслужившихся сестеръ будутъ распределены по общимъ правиламъ Россійскаго Общества Краснаго Креста и Вѣдомства Императрицы Маріи.

16. Денежныя пожертвованія, получаемыя сестрами сверхъ назначеннаго имъ содержанія отъ Общины, поступаютъ въ Общину и служатъ для улучшенія матеріальнаго положенія сестеръ и облегченія ихъ будущности.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ И КРИТИЧЕСКИЙ МЕТОДЪ ВЪ ТЕОРИИ ПОЗНАНІЯ.

Проф. Г. Челпанова.

Несмотря на то, что всѣ философскія системы новѣйшаго времени должны были считаться съ кантовскою философіею, его теорія апріорности, составляющая основную часть его философій, не пользуется достаточнымъ признаніемъ, что происходитъ оттого, что сущность этой теоріи для очень многихъ остается неизвѣстной.

Многимъ кажется, что признать существованіе какихъ бы то ни было элементовъ познания, которые не зависятъ отъ опыта или которые получаютъ начало не изъ чувственного опыта, невозможно, потому что въ дѣйствительности, по современнымъ научнымъ воззрѣніямъ, всѣ наши познанія получаютъ начало изъ опыта.

Допущеніе такого ученія, которое признаетъ «формы» познания, не зависящія отъ опыта, является совершеннымъ противорѣчіемъ со всѣмъ тѣмъ, что признано въ современной наукѣ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что обыкновенная эмпирическая теорія, по которой высшія понятія получаютъ изъ индивидуальнаго опыта, далеко не всѣмъ казалась удовлетворительною, а потому въ недавнее время возникла попытка примиренія этой теоріи съ кантовскою теоріею, считающей высшія понятія невыводимыми изъ чувственного опыта. Такой примирительницей между двумя противоположными теоріями является эволюционная психологія, которая признаетъ, что дѣйствительно существуютъ «формы» познания, не выводимыя непосредственно изъ индивидуальнаго опыта, но относительно которыхъ, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ предположить, что они возникаютъ, въ концѣ концовъ, изъ опыта. Хотя эти формы и кажутся чѣмъ то готовымъ, законченнымъ, однако, несомнѣнно, что они являются продуктомъ опыта цѣлаго ряда поколѣній.

Въ эволюционной психологіи, повидимому, происходитъ примиреніе между точкой зрѣнія обыкновеннаго эмпиризма и точкой зрѣнія апіоризма. Она признаетъ, что существуютъ такіа познанія, которые не могутъ быть выводимы изъ индивидуальнаго опыта, но которые могутъ быть

выведены изъ родового опыта, т.-е. изъ опыта всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній.

Многимъ казалось, что эволюціонная психологія имѣетъ еще и то значеніе, что она собственно устраняетъ кантовскую теорію, такъ какъ она самымъ естественнымъ образомъ объясняетъ то, что въ кантовской теоріи остается необъясненнымъ.

Этотъ взглядъ въ настоящее время пользуется большимъ распространеніемъ; у насъ все еще продолжаютъ думать, что эволюціонная психологія доказала полную несостоятельность кантовской теоріи апіорности *).

Я въ настоящей статьѣ предполагаю показать, что это мнѣніе не основательно, потому что эволюціонная психологія и кантовская теорія познанія имѣютъ своимъ предметомъ совершенно отличныя другъ отъ друга вопросы, и всѣ разсужденія эволюціонной психологіи, относящіяся къ тому, чтобы объяснить происхожденіе апіорныхъ формъ сознанія, совершенно не колеблютъ кантовской теоріи. Можно признавать правильность эволюціонной точки зрѣнія и въ то же время признавать существованіе апіорныхъ элементовъ познанія; точка зрѣнія эволюціи и та точка зрѣнія, которая признаетъ существованіе апіорныхъ познаній, совсѣмъ другъ друга не исключаютъ.

Чтобы сдѣлать эту мысль понятной, я изложу взгляды Спенсера на генезисъ апіорныхъ формъ и затѣмъ разсмотрю, дѣйствительно ли его возраженія противъ кантовской теоріи познанія могутъ быть признаны основательными.

Спенсеръ, подобно Канту, признаетъ, что въ нашемъ познаніи имѣются такія понятія, которыя представляютъ нѣчто первоначальное, неразложимое на составные элементы, но въ то же время онъ признаетъ, что если стать на точку зрѣнія теоріи эволюціи, то можно доказать, что они обладаютъ производнымъ характеромъ. Спенсеръ вѣстѣ съ Кантомъ признаетъ, что существуютъ познанія, обладающія абсолютно достовѣрнымъ характеромъ, но только для него все сводится къ тому, чтобы показать, почему они такимъ характеромъ обладаютъ. И онъ дѣйствительно старается показать, что эти познанія являются результатомъ опыта предшествовавшихъ поколѣній.

Такъ какъ Спенсеръ все познаніе выводитъ въ концѣ концовъ изъ опыта, то его можно было бы считать эмпирикомъ, но эмпиризмъ его настолько своеобразный, что, повидимому, правильнѣе было бы сказать, что онъ занимаетъ среднее положеніе между эмпиризмомъ и апіоризмомъ. По крайней мѣрѣ, онъ самъ думаетъ, что обѣ эти теоріи должны быть признаны одинаково крайними. Апіоризмъ, по

*) См. напр., *Богданова* «О познаніи съ исторической точки зрѣнія», 1901 г. *Берсенева* «О критеріяхъ истины». («Русская Мысль» 1901 г., № 7) и брошюру «Дарвинизмъ и теорія познанія», 1899 г.

мнѣнію Спенсера, не правъ въ томъ отношеніи, что признаетъ какія-то готовые, законченныя формы въ нашемъ сознаніи. По его мнѣнію, все то, что кажется готовой, законченной формой, въ дѣйствительности есть не что иное, какъ продуктъ продолжительнаго опыта цѣлаго рода предшествовавшихъ поколѣній; съ другой стороны, онъ не согласенъ съ ходячимъ эмпиризмомъ въ томъ, что «формы» познанія могутъ быть выведены изъ индивидуальнаго опыта.

Есть еще одинъ очень существенный пунктъ, въ которомъ Спенсеръ расходится съ эмпиризмомъ, это именно по вопросу о «критеріи достовѣрности». Для эмпирика критеріемъ достовѣрности является опытъ или чувственное впечатлѣніе. Истинную реальность мы можемъ приписать только такимъ представленіямъ, которымъ соответствуетъ какое-либо впечатлѣніе. Если же въ нашемъ познаніи имѣются какія-нибудь представленія или идеи, которымъ не соответствуетъ никакихъ впечатлѣній, то такіа представленія мы должны считать просто иллюзіей. Напр., для идеи «необходимости» мы не можемъ указать какого-либо впечатлѣнія, а потому и самую идею слѣдуетъ считать иллюзорной.

По мнѣнію Милля, необходимыхъ идей или необходимыхъ соединеній идей, которыя, по общепринятымъ воззрѣніямъ, присущи математическимъ сужденіямъ, на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Мы можемъ, конечно, признавать, что тѣмъ или другимъ сужденіямъ присуща «необходимость», но эта необходимость въ дѣйствительности является видимостью. Извѣстная связь идей намъ кажется необходимой только потому, что она повторялась много разъ въ нашемъ опытѣ. Двѣ какія-либо идеи могутъ въ нашемъ опытѣ встрѣчаться въ соединеніи такъ часто, что въ послѣдствіи намъ можетъ казаться, что связь между этими идеями нерасторжима, что она обладаетъ характеромъ необходимости. Поэтому, если апріористы говорятъ, что математическія аксіомы и вообще апріорныя сужденія отличаются отъ обыкновенныхъ сужденій тѣмъ, что въ нихъ содержится элементъ необходимости, что они представляютъ собою неразрывную связь, то Милль съ этимъ не согласенъ. На самомъ дѣлѣ эти сужденія или эта связь идей, по его мнѣнію, вовсе не представляетъ собою чего-либо абсолютно нерасторжимаго.

Апріористы говорили, что критеріемъ достовѣрности тѣхъ или другихъ положеній является немыслимость отрицанія этихъ положеній. Напр., доказательствомъ необходимости математическаго положенія, по которому сумма двухъ сторонъ треугольника всегда больше третьей, является то обстоятельство, что мы не можемъ мыслить положеніе, обратное данному положенію. Для насъ немыслимо отрицаніе этого положенія. «Немыслимость отрицанія», поэтому, является критеріемъ особеннаго характера тѣхъ или иныхъ положеній.

Милль находитъ, что этотъ критерій немыслимости отрицанія не

*

можетъ доказывать необходимаго характера априорныхъ сужденій, потому что «немыслимость отрицанія» можетъ происходить вслѣдствіе привычки, вслѣдствіе того, что въ нашемъ опытѣ извѣстная связь представленій встрѣчалась настолько часто, что теперь кажется нерасторжимой. Спенсеръ въ отличіе отъ Милля именно признаетъ этотъ критерій немнмыслимости отрицанія. Этотъ критерій онъ называетъ «всеобщимъ постулатомъ» и думаетъ, что, въ концѣ концовъ, мы можемъ опредѣлять достовѣрность любыхъ сужденій при помощи этого критерія.

Эмпиризмъ утверждаетъ, что конечнымъ критеріемъ достовѣрности является *чувственная очевидность*. То или другое представленіе реально потому, что ему соотвѣтствуетъ извѣстное впечатлѣніе. Этого соотвѣтствія вполнѣ достаточно для того, чтобы утверждать реальность того или другого представленія. Спенсеръ находитъ, что одного этого критерія было бы недостаточно; нуженъ еще критерій немнмыслимости отрицанія: Въ самомъ дѣлѣ, если мы даже скажемъ, что данное представленіе реально потому, что оно соотвѣтствуетъ извѣстному впечатлѣнію, что оно въ этомъ смыслѣ чувственно-очевидно, то какимъ образомъ мы можемъ доказать, что оно чувственно очевидно? Для этого существуетъ только одно доказательство, которое состоитъ въ томъ, что намъ кажется, что иначе быть не можетъ; для насъ немнмыслимо, чтобы данное представленіе не соотвѣтствовало тому или другому впечатлѣнію. Слѣдовательно, и эмпиризмъ, который не признаетъ критерія немнмыслимости, въ дѣйствительности не можетъ обойтись безъ этого критерія *).

Различіе между Миллемъ и Спенсеромъ ясно. Для Милля критерій достовѣрности заключается въ чувственномъ воспріятіи. Для опредѣленія истинности чего либо мы должны обратиться прямо къ опыту. Спенсеръ же допускаетъ критерій достовѣрности, независимый отъ опыта: для него немнмыслимость отрицанія того или другого положенія можетъ также служить критеріемъ достовѣрности. Различіе между этими двумя критеріями также очевидно. Одинъ разъ мы ссылаемся на то, что находится во *внѣшнемъ* опытѣ, въ другой разъ на то, что находится во *внутреннемъ* опытѣ, на то, что мы называемъ внутренней очевидностью. Такимъ образомъ Спенсеръ отстываетъ отъ обыкновеннаго эмпиризма признаваніемъ внутренней очевидности. Въ зависимости отъ признанія критерія внутренней очевидности находится то обстоятельство, что Спенсеръ совсѣмъ отлично отъ Милля объясняетъ элементъ необходимости.

Онъ подвергаетъ разсмотрѣнію ту необходимость, которая присуща нѣкоторымъ сужденіямъ, и пытается опредѣлить, каковъ общій характеръ всѣхъ этихъ сужденій и откуда получается этотъ элементъ не-

*) Объ этомъ см. «Основанія Психологіи», т. IV, гл. XI.

обходимости. Въ каждомъ сужденіи мы имѣемъ соединеніе двухъ состояній сознанія. Но одни сужденія отличаются отъ другихъ именно наличностью элемента необходимости, для опредѣленія котораго нужно примѣнить критерій немнслимости отрицанія. Если мы возьмемъ, напр., такое сужденіе: «бумага бѣлая», то легко видѣть, что можно сказать: «бумага синяя» и т. д. Такое измѣненіе не содержитъ въ себѣ абсолютно ничего нелѣпаго, а это, другими словами, означаетъ, что мы не можемъ сказать, что бумага необходимо бѣлая. Въ этомъ сужденіи нѣтъ элемента необходимости. Если мы возьмемъ сужденіе: «листья дерева зеленые», то здѣсь мы уже имѣемъ болѣе необходимую связь, но и въ этомъ случаѣ мы не можемъ сказать, что связь между этими двумя идеями представляетъ собою нѣчто абсолютно необходимое, потому что если мы попытаемся разорвать связь, заключающуюся между ними, то мы увидимъ, что это возможно сдѣлать: мы можемъ представить себѣ, что древесные листья не зеленые. Но есть такіа сужденія, въ которыхъ связь между представленіями дѣйствительно носить характеръ чего-то абсолютно необходимаго, въ которыхъ эта связь неразрывна. Для того, чтобы опредѣлить, дѣйствительно ли въ данномъ сужденіи связь между субъектомъ и предикатомъ необходима т.-е., что они неразрывно связаны между собою, намъ слѣдуетъ только представить себѣ отрицаніе этого сужденія. Если это не удастся, то это является доказательствомъ того, что мы имѣемъ дѣло съ сужденіемъ, въ которомъ связь между субъектомъ и предикатомъ неразрывна.

Вотъ примѣръ неразрывности, которая можетъ существовать между элементами сужденія. «Если прикоснувшись въ темнотѣ къ какому-либо тѣлу и получивъ мгновенно сознаніе о нѣкоторой протяженности, какъ о сопровождающемъ сопротивленіи, я желаю рѣшить, дѣйствительно ли предложеніе: «все, что оказываетъ сопротивленіе, обладаетъ протяженностью», выражаетъ познаніе высшей достовѣрности, то какъ я поступлю? Я попробую отмыслить прочь протяженность отъ сопротивленія. Я думаю о сопротивленіи и пытаюсь отбросить протяженность. Я терплю полную неудачу въ этой попыткѣ. Я не могу представить себѣ предложенія: «все, что оказываетъ сопротивленіе, не-протяженно», и моя неудача представить себѣ отрицаніе этого есть открытіе того, что здѣсь вмѣстѣ съ подлежащимъ (нѣчто сопротивляющееся) неизмѣнно существуетъ и сказуемое (протяженность)». Слѣдовательно, въ нашемъ мышленіи мы не можемъ отдѣлить сопротивленія отъ протяженности, а это есть признакъ того, что онѣ дѣйствительно другъ отъ друга неотдѣлимы. Немнслимость отрицанія данного положенія показываетъ, что оно обладаетъ высшей достовѣрностью *).

Мысль съ этимъ не соглашается. По его мнѣнію, этотъ критерій,

*) Тамъ же, § 426.

не имѣетъ того значенія, которое ему приписываетъ Спенсеръ, потому что онъ легко можетъ вводить въ заблужденіе и заставлять насъ думать, что тѣ или иные предложенія обладаютъ абсолютнымъ характеромъ въ то время, какъ въ дѣйствительности они являются результатомъ привычки. Это свое утвержденіе онъ иллюстрируетъ слѣдующимъ примѣромъ. Нѣкогда людямъ казалось, что нѣкоторые представленія неразрывно тѣсно связаны, но потомъ оказывалось, что эта связь вовсе не неразрывна. Такихъ примѣровъ можно показать въ исторіи огромное множество. «Было время,—говоритъ Милль,—когда люди съ наиболѣе развитымъ умомъ, и наиболѣе свободные отъ разныхъ предразсудковъ, не могли повѣрить въ существованіе антиподовъ; они не были въ состояніи, въ противоположность къ старой ассоціаціи, представить себѣ, чтобы тяжесть дѣйствовала вверхъ вмѣсто того, чтобы дѣйствовать внизъ».

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Милля Спенсеръ говоритъ, что для доказательства правильности критерія немыслимости отрицанія слѣдуетъ всегда брать простыя предложенія, а не сложныя, какъ это дѣлаетъ Милль въ только что приведенномъ примѣрѣ съ антиподами. Если бы Милль вмѣсто того, чтобы брать сложные примѣры, взялъ простой примѣръ съ геометрическими положеніями, то онъ увидѣлъ бы, что немыслимость отрицанія является дѣйствительнымъ, и при томъ единственнымъ критеріемъ высшей достовѣрности. Аксіома, «что если къ двумъ неравнымъ величинамъ прибавлять равныя, то получатся равныя суммы, признавалась греками не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ нами самими». А какъ мы доказываемъ достовѣрность этого положенія? Только лишь такимъ образомъ, что мы показываемъ, что обратное положеніе немыслимо для насъ. Возьмемъ еще такой же простой примѣръ изъ области простѣйшихъ чувственныхъ состояній: «Если я увѣренъ,—говоритъ Спенсеръ, что я чувствую холодъ, то я признаю это истиннымъ только потому, что я не могу представить себѣ, что я не чувствую холода», и пока это предсженіе остается истиннымъ, отрицаніе его является немыслимымъ *).

Теперь ясно, почему нужно считать, что Спенсеръ уклоняется отъ ходячаго эмпиризма.

По Миллю, если мы желаемъ опредѣлить, истинна ли связь между какими-либо данными идеями, мы непремѣнно должны обратиться къ вещамъ и посмотреть, существуетъ ли такая же связь между ними. Связь между вещами есть единственный критерій истинности. По мнѣнію Спенсера, конечный критерій истинности даннаго положенія заключается въ немыслимости отрицанія его. Это признакъ, который опредѣляется не при помощи созерцанія вещей, а при помощи созерца-

*) «Основанія Психологіи», § 428.

нія самихъ *идей*. Все, что мы въ нашемъ познаніи не можемъ соединить, то мы должны считать ложнымъ.

Этимъ Спенсеръ приближается къ апіоризму.

Но какъ можно было объяснить то обстоятельство, что критерій *немыслимости* отрицанія является показателемъ высшей достовѣрности? Другими словами, какъ можно съ эволюціонной точки зрѣнія объяснить то обстоятельство, что если къ какому-либо предложенію можно приѣмнть критерій *немыслимости* отрицанія, то это значитъ, что мы имѣемъ дѣло съ сужденіемъ высшей достовѣрности? По мнѣнію Спенсера, связи между нашими представленіями выработались благодаря воздѣйствію объективныхъ связей, связей вещей. То или другое сужденіе находится въ зависимости отъ того, какіе факты дѣйствуютъ на наше сознаніе. Есть вещи, которыя всегда безъ исключенія бываютъ связаны другъ съ другомъ. Такія вещи, оказывая воздѣйствіе на наше сознаніе, должны создать сужденія, отрицаніе которыхъ *немыслимо*. «Соотвѣтственно каждому абсолютному однообразію природы, постоянно повторяющемуся въ нашей опытности, должно существовать въ насъ нѣкоторое убѣжденіе, отрицаніе котораго *немыслимо* и которое абсолютно справедливо. Постоянныя связи между вещами должны образовать постоянныя связи въ сознаніи. «Велѣдствіе безконечнаго повторенія абсолютныхъ внѣшнихъ связей, образуются внутреннія соединенія, необходимыя формы познанія» *). Такии образомъ, необходимыя идеи объясняются воздѣйствіемъ внѣшнихъ связей.

Но что для насъ особенно важно, такъ это то, что хотя абсолютное однообразіе и существуетъ въ природѣ и оказываетъ воздѣйствіе на наше сознаніе, но если бы допустили, что оно оказываетъ воздѣйствіе только на наше *индивидуальное* сознаніе, то мы не были бы въ состояніи объяснить, отчего связи между нѣкоторыми изъ нашихъ идей неразрывны.

Спенсеръ предполагаетъ, что неразрывныя связи идей, т.-е. собственно апіорныя формы сознанія, происходятъ не изъ индивидуальнаго опыта, а изъ опыта всѣхъ предшествующихъ поколѣній. Спенсеръ признаетъ апіорныя формы, но при этомъ предполагаетъ, что онѣ имѣютъ опытное происхожденіе.

Такимъ образомъ, если Спенсеръ признаетъ апіорныя формы, но при этомъ считаетъ ихъ происходящими изъ опыта, то кажется, что онъ примиряетъ Канта съ эмпиризмомъ.

Но дѣйствительно ли это такъ?

Я позволю себѣ напомнить въ самыхъ общихъ чертахъ, въ чемъ заключалось ученіе Канта. Кантъ доказывалъ, что существуютъ понятія (пространства, времени, причинности и пр.), которыя изъ чувственнаго

*) Тамъ же § 430.

опыта не получаютъ, но которыя обусловливаютъ все наше познаніе. Такія понятія, которыя отъ чувственнаго опыта не зависятъ, но которыя сами обусловливаютъ научное познаніе, называются у Канта апіорными понятіями. Между Кантомъ и эмпиризмомъ то различіе, что онъ признаетъ существованіе понятій, которыя не получаютъ изъ чувственнаго опыта *).

Спенсеръ думаетъ, что, признавая апіорныя формы сознанія выводимыми изъ опыта, онъ примиряетъ апіоризмъ съ эмпиризмомъ. «Таково, мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—единственно возможное согласіе между гипотезой опыта и гипотезой трансцендентализма, ни одно изъ которыхъ не можетъ быть поддерживаемо. Ученіе Канта встрѣчаетъ не меньшія трудности» **).

Для примиренія эмпиризма съ ученіемъ Канта путемъ признанія воздѣйствія вѣшняго міра, Спенсеръ считаетъ необходимымъ *біологическое* обоснованіе вопроса о происхожденіи познаній.

На первый взглядъ можетъ показаться непонятнымъ, почему онъ стремится дать біологическое обоснованіе психологическому вопросу. Но въ дѣйствительности это не трудно понять, если принять въ соображеніе, что Спенсеръ стоитъ на точкѣ зрѣнія психофизическаго параллелизма, признающаго соотвѣтствіе между явленіями психическими и фізіологическими. Поэтому, рассматривая съ точки зрѣнія біологическаго развитіе организма или фізіологической основы сознанія, онъ имѣетъ возможность, на основаніи развитія этого послѣдняго судить также и о развитіи психической жизни. Другая причина, почему онъ становится на біологическую точку зрѣнія, состоитъ въ томъ, что, благодаря ей, онъ рассматриваетъ развитіе организма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и психической жизни въ связи съ воздѣйствіемъ окружающей среды. Такое совмѣстное разсмотрѣніе психической жизни происходитъ отъ того, что, по мысли автора, психическая жизнь есть только частный случай жизни вообще. Это легко видѣть изъ его опредѣленія жизни. «Жизнь—говоритъ онъ,—есть непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ вѣшнымъ». Разберемъ смыслъ этого опредѣленія.

По мысли Спенсера для существованія жизни необходимо, чтобы внутреннія измѣненія соотвѣтствовали вѣшнымъ. Подъ *внутренними* измѣненіями онъ понимаетъ измѣненія, которыя совершаются въ организмѣ того или другого существа; сюда относятся извѣстные чувства, мысли, побужденія, волевые движенія и т. п., подъ *внѣшними* измѣненіями по отношенію къ данному организму онъ понимаетъ всѣ тѣ измѣненія, которыя совершаются вѣ предѣловъ даннаго организма; напр., измѣненія въ окружающей природѣ. Само собою понятно, что для сохраненія жизни необходимо, чтобы между тѣми измѣненіями,

*) См. изложеніе ученія Канта въ «Мірѣ Божьемъ». 1901. № 2, 3.

**) § 208.

которыя совершаются въ организмѣ данного существа, и между тѣми измѣненіями, которыя совершаются въ окружающей насъ средѣ, было бы определенное соотношеніе. Такого рода соотношеніе является необходимымъ условіемъ существованія, и установленіе такого соотношенія Спенсеръ называетъ «приспособленіемъ» организма къ окружающей средѣ.

Напр., для того, чтобы какое-нибудь животное могло спастись отъ преслѣдованія другого животнаго, необходимо чтобы тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ организмѣ этого животнаго, т.-е. извѣстныя воспріятія, чувства, движенія и т. п. соотвѣтствовали извѣстнымъ образомъ измѣненіямъ, совершающимся внѣ этого организма. Относительно животнаго, которое успѣваетъ избѣжать опасности, можно сказать, что между нимъ и внѣшнимъ міромъ существуетъ определенное соотвѣтствіе, что данное животное «приспособлено» къ окружающей средѣ. *)

Спенсеръ очень остроумно описываетъ тѣ виды соотвѣтствія, которыя можно видѣть у организмовъ, различно приспособленныхъ къ окружающей средѣ. **) Мы не станемъ слѣдить за Спенсеромъ въ этихъ разсужденіяхъ, но замѣтимъ только, что, по его мнѣнію, между *психической жизнью* и *средой* также существуетъ соотвѣтствіе, такъ какъ психическая жизнь для него есть частный видъ жизни вообще. Собственно для того, чтобы понять, о какомъ соотвѣтствіи идетъ рѣчь, когда говорится, что между психической жизнью и средой существуетъ соотвѣтствіе, скажемъ просто, что наше сознаніе должно болѣе или менѣе точно отражать свойства внѣшняго міра. Такой формулировкой мы ничуть не исказимъ смысла спенсеровой теоріи.

Поэтому, и относительно ума онъ могъ сказать, что «умъ состоитъ въ соотвѣтствіи». «Нужно, чтобы существовалъ извѣстный параллелизмъ между мыслящимъ существомъ и между внѣшними сосуществованіями и послѣдовательностями, отражаемыми его мыслью», т.-е., очевидно, подобно тому, какъ устанавливается соотвѣтствіе между внутренними процессами въ организмѣ и внѣшними событіями, такъ точно устанавливается соотвѣтствіе между умственными процессами и внѣшними измѣненіями. Внѣшнія измѣненія соотвѣтственнымъ образомъ отражаются въ сознаніи. Отсюда слѣдуетъ, что если какая-нибудь связь явленій во внѣшнемъ мірѣ повторяется часто, то она отражается въ сознаніи такимъ образомъ, что представленія, соотвѣтствующія этимъ явленіямъ, оказываются тѣсно связанными; и наоборотъ, если какая-нибудь связь явленій повторяется во внѣшнемъ мірѣ рѣдко, то связь между соотвѣтствующими этимъ явленіемъ представленіями будетъ очень слабая. Это приводитъ его къ установленію закона, который

*) Основанія «Психологіи», § 131.

**) §§ 133—176.

онъ называетъ «закономъ ума», и который собственно есть законъ ассоціаціи идей. Этотъ законъ онъ формулируетъ такъ: «Постоянство связи между состояніями сознанія пропорціонально постоянству связи между тѣми внѣшними дѣятельностями, которыми они соотвѣтствуютъ» *).

Между сосуществованіями и послѣдовательностями во внѣшнемъ мірѣ есть всевозможныя отношенія. Есть вещи, которыя связаны друга съ другомъ всегда безъ исключенія. Есть вещи, которыя мы воспринимаемъ связанными всего на всего только одинъ разъ. Между этими крайне многочисленными и совершенно случайными соединеніями лежатъ всевозможныя степени частоты соединеній и всѣ эти связи между внѣшними вещами отражаются въ сознаніи соотвѣтствующимъ образомъ. Между представленіями устанавливаются ассоціаціи различной прочности.

Дальнѣйшее объясненіе процесса ассоціаціи представленій состоитъ въ томъ, что онъ приписываетъ ему *физиологическую* основу, т.-е. утверждаетъ, что подобно тому, какъ устанавливается связь между представленіями, такъ точно устанавливается связь между соотвѣтствующими имъ физиологическими элементами, и прочность связи между этими послѣдними, пропорціональна частотѣ повторенія соотвѣтствующихъ представленій.

Сведеніе психологическаго процесса ассоціаціи на физиологическіе процессы для Спенсера представляется очень важнымъ, потому что при такомъ предположеніи легче понять *воздѣйствіе среды на сознаніе*. Что внѣшнія измѣненія могутъ оказывать воздѣйствіе на нервную систему, легко понять, а что это, въ свою очередь, можетъ оказывать воздѣйствіе на представленіе тоже легко понять вслѣдствіе признанной связи между психическими и физическими явленіями.

По эволюціонной психологіи, «умъ» не всегда существовалъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ теперь существуетъ; онъ имѣетъ определенное начало и долженъ возникать изъ другихъ болѣе элементарныхъ психическихъ процессовъ. Задача Спенсера заключается въ томъ, чтобы показать, изъ какихъ именно процессовъ и какими образомъ возникаетъ умъ.

Самымъ первоначальнымъ психическимъ процессомъ онъ считаетъ *рефлексъ*. Въ этой простѣйшей формѣ психическаго дѣйствія онъ видитъ «приспособленіе одного внутренняго отношенія къ одному внѣшнему отношенію». Это психическое состояніе есть не что иное, какъ отвѣтная реакція на одно внѣшнее возбужденіе при помощи одного движенія *).

Слѣдующая болѣе высокая стадія психическаго развитія у Спенсера называется *инстинктомъ*. Различіе между рефлексомъ и инстин-

*) Тамъ же § 189.

**) § 191.

къмъ состоитъ только въ томъ, что въ то время, какъ въ рефлексѣ на одно возбужденіе имѣется только лишь одно отвѣтное движеніе, въ инстинктѣ на рядъ возбужденій совершается цѣлый рядъ отвѣтныхъ движеній.

«Строго говоря, нельзя провести рѣзкой разграничительной линіи между инстинктомъ и просто рефлекторнымъ дѣйствіемъ, изъ котораго инстинктъ возникаетъ при помощи осложненія. Такъ что можно сказать, что инстинктъ есть просто сложный рефлексъ».

Переходъ простого рефлекса въ сложный, т.-е. въ инстинктъ, объясняется накопленіемъ опытовъ и наследственной передачей *).

Инстинктъ по мѣрѣ развитія даетъ начало болѣе высокой умственной способности, именно *памяти*, слѣдующимъ образомъ.

Память, по опредѣленію Спенсера, есть зачаточное состояніе тѣхъ нервныхъ возбужденій, которыя у насъ бываютъ въ то время, когда мы что-либо реально ощущаемъ или когда мы производимъ реальное движеніе. Если я говорю, что я «вспоминаю» какое-либо реальное движеніе, то это собственно значить, что я въ слабой степени ощущаю повтореніе тѣхъ самыхъ ощущений, которыя я испытывалъ, когда я производилъ реальное движеніе. Если я говорю, что я «вспоминаю» красный цвѣтъ, то это значить, что у меня въ зачаточной степени рождается то состояніе, которое я переживалъ, когда я ощущалъ красный цвѣтъ. «Воспоминаніе есть начало возбужденія всѣхъ тѣхъ нервовъ, болѣе сильное возбужденіе которыхъ было испытано во время движенія и реального ощущенія».

Память, по теоріи Спенсера, возникаетъ изъ инстинкта. Если инстинктивные дѣйствія находятся на низшей стадіи развитія, то они совершаются механически или автоматически. Въ этихъ дѣйствіяхъ существуетъ полная увѣренность. Но если животному приходится выполнять сложные инстинктивные движенія, то они уже не могутъ выполняться съ прежнею степенью увѣренности. Въ этомъ случаѣ нѣкоторыя психическія состоянія не реализуются, а возникаютъ только въ зачаточномъ состояніи возбужденія, которое и называется памятью.

Пояснимъ это при помощи примѣра. Предположимъ, что рядъ возбужденій ABC можетъ дѣйствовать на сознаніе въ различныхъ сочетаніяхъ, или въ сочетаніи съ DE, или въ сочетаніи съ PQ, и предположимъ, что на рядъ возбужденій ABCDE организмъ отвѣчаетъ при помощи движенія *a*, а на рядъ ABCPQ отвѣчаетъ при помощи движенія *b*. Предположимъ далѣе, что рядъ возбужденій ABC возникаетъ самостоятельно безъ DE и безъ PQ. Что тогда произойдетъ? Животное будетъ колебаться; оно не произведетъ никакого движенія ни *a*, ни *b*, но и то, и другое явится въ зачаточномъ состояніи. Это и

*) §§ 194—198.

будетъ «вспоминаніе» о движеніи. Такимъ образомъ объясняется возникновеніе памяти изъ привычныхъ инстинктивныхъ дѣйствій *).

Для насъ вопросъ о возникновеніи памяти представляетъ важность потому, что онъ способствуетъ разрѣшенію вопроса о происхожденіи ума. Съ возникновеніемъ памяти возникаетъ и умъ. Если мы возьмемъ только что приведенный примѣръ, когда въ сложныхъ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ начинается колебаніе, когда открывается возможность произвести одинаково то или другое отвѣтное движеніе, то при такихъ условіяхъ одержитъ перевѣсъ то отвѣтное движеніе, которое наиболѣе часто совершалось въ предшествующей опытности организма. Такое дѣйствіе будетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ и въ то же время наиболѣе разумнымъ. Такимъ образомъ объясняется генезисъ ума **).

Для насъ этихъ соображеній вполне достаточно, чтобы понять утвержденіе Спенсера, что *вышія умственныя способности возникаютъ изъ низшихъ*.

Мы видѣли уже, что чѣмъ чаще извѣстная связь между внѣшними впечатлѣніями оказываетъ воздѣйствіе на *сознаніе*, тѣмъ эта связь становится прочнѣе. Если мы переведемъ это на фізіологическій языкъ, то мы должны будемъ это выразить такимъ образомъ, что чѣмъ чаще на наше сознаніе оказываетъ воздѣйствіе какая-либо связь между вещами, тѣмъ болѣе прочныя связи устанавливаются въ *нервной системѣ*. Намъ слѣдуетъ пойти дальше и сказать, что эти нервныя связи могутъ передаваться по наслѣдству, какъ вообще можетъ передаваться по наслѣдству фізіологическая организація. Тогда для насъ станетъ вполне понятнымъ возникновеніе формъ мысли. Спенсеръ основываетъ свою теорію на признаніи *наслѣдственности психическихъ способностей*. По его теоріи, всѣ фізіологическія видоизмѣненія въ организмъ передаются по наслѣдству, а вмѣстѣ съ этими видоизмѣненіями передаются и соотвѣтствующія имъ видоизмѣненія и въ психической сферѣ. «Нашъ общій законъ, утверждающій, что при прочихъ равныхъ условіяхъ сила связи между психическими связями пропорціональна числу случаевъ, когда эти состоянія слѣдовали въ опытности организмовъ. Доставляетъ удовлетворительное объясненіе формъ мысли, какъ скоро мы его дополнимъ другимъ закономъ, утверждающимъ, что психическія послѣдовательности передаются потомкамъ въ формѣ нѣкотораго наслѣдственнаго стремленія къ такимъ послѣдовательностямъ». Коль скоро мы это допустимъ, тогда намъ тотчасъ же сдѣлается понятнымъ возникновеніе формъ сознанія (пространства, времени, причинности и т. п.), которыя мыслятся нами, какъ что-то постоянное, неизмѣнное.

*) § 199—202.

**) «Осн. Псих.» § 203—204.

Если признать, что частота какого-либо событія воплощается въ нервной системѣ и если допустить, что эти связи передаются по наслѣдству, то «установленіе тѣхъ прочно соединенныхъ, неуничтожимыхъ умственныхъ отношеній, которыя составляютъ собою наши идеи о пространствѣ и времени, также объяснимо на основаніи того же принципа» *).

Идеи пространства и времени у Спенсера называются *формами мысли*. Онъ называетъ ихъ также «инстинктивными умственными отношеніями», такъ какъ подобно тому, какъ инстинктъ является продуктомъ постояннаго повторенія, такъ и эти формы мысли являются продуктомъ однообразнаго воздѣйствія вѣшнихъ связей.

Пространство и время мы воспринимаемъ автоматически, неизмѣнно постоянно въ одномъ и томъ же видѣ. По теоріи Спенсера, это происходитъ оттого, что пространство, какъ и время, представляетъ собою наиболее постоянный элементъ человѣческаго воспріятія. Спенсеръ это разъясняетъ слѣдующимъ образомъ.

Если въ индивидуальномъ опытѣ какое-либо дѣйствіе повторяется очень часто, то связь между отдѣльными процессами, входящими въ составъ этого дѣйствія, дѣлается часто совершенно автоматической. Такое дѣйствіе, какъ пусканіе стрѣлы дикаремъ, имѣетъ автоматическій характеръ, потому что дикарь совершаетъ это дѣйствіе безъ всякой мысли о тѣхъ приспособленіяхъ, которыя необходимы для него. Эта способность совершать автоматическія дѣйствія можетъ передаваться по наслѣдству, что подтверждается тѣмъ, что существуютъ расы, которыя отличаются особеннымъ искусствомъ совершать тѣ или другія дѣйствія. Если предрасположеніе къ такимъ дѣйствіямъ, какъ пусканіе стрѣлы, можетъ передаваться наслѣдственно, то что же сказать о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя совершаются въ каждый моментъ нашей жизни, о дѣйствіяхъ, которыя мы совершаемъ всю жизнь, дѣйствія, которыя такимъ же образомъ, какъ и мы, совершалъ каждый изъ членовъ предшествовавшихъ поколѣній. О такихъ дѣйствіяхъ, «которыя испытываются всѣми организмами во всѣ моменты ихъ бодрственной жизни, между которыми существуютъ отношенія абсолютно постоянныя и абсолютно всеобщія», слѣдуетъ сказать, что благодаря имъ въ организмахъ должны установиться абсолютно постоянныя, абсолютно всеобщія отношенія». Воспріятіе же пространства и времени составляетъ именно такое дѣйствіе, которое совершалось организмами абсолютно постоянно **).

«Организация субъективныхъ отношеній, соотвѣтствующая этимъ объективнымъ отношеніямъ (пространства и времени), слагалась не только въ каждой расѣ существъ, но черезъ всѣ послѣдовательныя

*) «Осн. Псих.» § 208.

**) «Осн. Псих.», § 208.

расы существъ, вслѣдствіе чего эти субъективныя отношенія соединились лучше, чѣмъ всѣ другія. Такъ какъ эти связи между внѣшними существованіями испытываются каждымъ существомъ при каждомъ его воспріятіи, то это является новою причиною того, что связи между соответствующими имъ внутренними состояніями становятся болѣе неразрывными, чѣмъ всѣ другія». Представленіе пространства и времени, «будучи постоянными и безконечно повторяющимися элементами мысли, должны сдѣлаться автоматическими элементами, т.-е. такими элементами, *отъ которыхъ никакъ невозможно освободиться, или иначе сказать, они должны сдѣлаться формами интуиціи*» *).

Вслѣдствіе того, что пространство и время составляютъ самый частый предметъ воспріятія и связаны со всѣми впечатлѣніями внѣшняго міра, мы не въ состояніи думать объ этихъ послѣднихъ безъ того, чтобы у насъ не появлялось понятія пространства. Оно необходимо всегда сопровождаетъ наше мышленіе о внѣшнемъ мірѣ. Въ этомъ смыслѣ оно составляетъ неотъемлимое содержаніе нашего сознанія, а это значитъ, другими словами, что оно представляетъ собою то, что Кантъ называетъ формою мысли.

Такимъ образомъ, мы уже здѣсь видимъ, что Спенсеръ нашелъ объясненіе для кантовскихъ формъ пространства и времени, которыя всегда и неизмѣнно сопровождаютъ всякое наше воспріятіе. По объясненію Спенсера, неразрывная связь нашихъ внѣшнихъ впечатлѣній съ понятіемъ пространства объясняется тѣмъ, что воспріятіе пространства наиболѣе часто повторялось не только въ нашемъ индивидуальномъ опытѣ, но также и въ опытѣ всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній. То обстоятельство, что понятіе пространства есть необходимая форма воспріятія, объясняется просто изъ опыта.

Но хотя, по Спенсеру, понятія пространства и времени составляютъ продуктъ опыта (индивидуальнаго и родового), однако, изъ этого не слѣдуетъ, что его нужно считать эмпирикомъ просто. Онъ, какъ я уже сказалъ, занимаетъ среднее мѣсто между эмпиризмомъ и априоризмомъ. Онъ, по его собственнымъ словамъ, не является сторонникомъ эмпиризма Локка, который признавалъ всѣ идеи пріобрѣтенными. «Утверждать, что ранѣе испытываній, т.-е. до полученія первыхъ впечатлѣній, духъ представляетъ собою *tabula rasa* чистую доску, т.-е. совершенно пустую чистую поверхность, значитъ игнорировать такіе вопросы, откуда берется способность къ организаціи впечатлѣній. Откуда возникаютъ различія въ степени этой способности, различія, обнаруживаемыя различными расами организмовъ и различными индивидуумами одной и той же расы. Если при рожденіи не существуетъ ничего, кромѣ пассивной воспримчивости къ впечатлѣніямъ, то почему же лошадь не столь способна къ воспитанію, какъ человѣкъ. И если

*) «Осн. Псих.», 208.

намъ скажутъ, что тутъ различіе зависитъ отъ языка, то почему же кошка и собака, воспитанныя въ одномъ и томъ же домѣ, не представляютъ одной и той же степени и одного и того же рода умственного развитія. Гипотеза опыта въ ея ходячей формѣ предполагаетъ, что присутствіе *опредѣленно организованной нервной системы* есть обстоятельство, не имѣющее никакой важности, фактъ, котораго совсѣмъ не нужно брать въ соображеніе. Однако, это есть фактъ, имѣющій очень важное значеніе, фактъ, на который уже указывали критическія замѣчанія Лейбница и другихъ, фактъ, безъ котораго ассимиляція впечатлѣній была бы совершенно необъяснима *) Спенсеръ находитъ, что главный недостатокъ обыкновенной эмпирической теоріи состоитъ въ томъ, что она не признаетъ наличности извѣстной *врожденной способности въ организационіи впечатлѣній*. Съ другой стороны, Спенсеру кажется, что нельзя-таки просто сказать, что есть какія-то готовыя формы мысли въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе употребляли Лейбницъ и Кантъ. Ему кажется, что въ этой теоріи есть доля истины, но что полная истина можетъ быть достигнута только при соотвѣствующихъ поправкахъ. Поправка могла бы заключаться въ болѣе ясномъ опредѣленіи того, что значить *врожденная способность*. Спенсеръ предполагаетъ, что это понятіе тождественно съ понятіемъ наследственнаго фیزیологическаго предрасположенія.

Переведа такимъ образомъ психическую врожденность на врожден-

*) Тамъ же, § 208. Въ такомъ же смыслѣ высказывается и Льюисъ («Вопросы о жизни и духѣ». Т. I-й, 163). «Организмъ не есть пассивный пріемникъ внѣшнихъ впечатлѣній, но дѣятельный кооператоръ. Онъ не только имѣетъ свои собственные законы дѣйствія, но и заключаетъ въ себѣ то элементарное условіе сознанія, которое большинство теоретиковъ пытается вывести ab extra. Я хочу сказать, что чувствующій механизмъ не есть механизмъ простой и потому постоянный, но механизмъ измѣнчивый, имѣющій исторію. Не одни измѣненія внѣшняго міра записываются въ немъ чувствами, но эти черты соединяются въ немъ съ чертами прежнихъ надписей. Чувствующій субъектъ не есть tabula rasa, не листъ бѣлой бумаги, а палимпсестъ. Сенсуалистическая школа была слѣпа непонятнымъ образомъ къ самымъ условіямъ результатовъ, которые намѣревалась объяснить. Она считала мышленіе «преобразованнымъ ощущеніемъ», упуская изъ виду, что присутствіе способности группированія, отъ которой зависитъ мышленіе, было необходимо какъ для ощущенія, такъ и для его преобразованія. Не замѣчая факта, что организмъ есть непрерывное развитіе и заключаетъ въ своемъ строеніи готовыя формы дѣйствія, унаслѣдованныя отъ предковъ, приверженцы этой школы не обратили вниманія и на этотъ фактъ, что организмъ заключаетъ въ себѣ еще *наслѣдственный опытъ*, т.-е. родъ реакціи, предшествующій всякимъ прямымъ отношеніямъ къ внѣшнимъ вліяніямъ и необходимо опредѣляющій результаты индивидуальнаго опыта. Здѣсь мы можемъ видѣть на самомъ дѣлѣ то, что можетъ быть названо *априорнымъ условіемъ* въ каждомъ ощущеніи и въ каждой идеѣ, но это условіе имѣетъ историческій, а не трансцендентальный характеръ, оно есть результатъ опыта, хотя и не индивидуальнаго». Совершенно тождественныя съ этимъ взгляды были высказаны Дюбуа-Реймономъ («Reden von Emil Du Bois Reimond». 1886, стр. 53) и Геккелемъ (Häckel. «Natürliche Schöpfungsgeschichte». 4 Aufl., стр. 636).

ность фізіологическихъ условій, Спенсеръ начинаетъ затѣмъ говорить о врожденности извѣстнаго строенія мозга, нервовъ и т. д., что разумѣется, вполне понятно при его взглядѣ на параллельность между физическими и психическими процессами и, кромѣ того, при большей легкости трактовать о фізіологической врожденности, чѣмъ о психологической. Онъ долженъ былъ произвести этотъ переводъ психологической врожденности на фізіологическую, потому что, по его теоріи, измѣненія объективнаго міра такъ или иначе воплощаются въ нашей нервной системѣ, что тѣ или другія измѣненія объективнаго міра производятъ соотвѣтственные измѣненія въ нашемъ организмѣ.

«Въ нервной системѣ существуютъ извѣстные предустановленные отношенія, соотвѣтствующія отношеніямъ среды, и въ этомъ смыслѣ ученіе о формахъ интуиціи выражаетъ дѣйствительно существующую истину, хотя не ту, которую въ ней предполагаютъ ея защитники, но лишь параллельную истину. Соотвѣтственно абсолютнымъ внѣшнимъ отношеніямъ въ строеніи нервной системы установились абсолютныя внутреннія отношенія, которыя *потенціально присутствуютъ ранне рожденія въ формѣ определенныхъ нервныхъ связей*, которыя предшествуютъ индивидуальнымъ опытамъ, и независимы отъ нихъ, которыя автоматически раскрываются вмѣстѣ съ первыми познаніями» *).

Обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Спенсеръ, говоря о формахъ мысли, имѣетъ въ виду ихъ потенциальное предназначеніе въ формѣ определенныхъ нервныхъ связей.

Такимъ образомъ, кантовская теорія получаетъ самое простое выраженіе у Спенсера. Формы интуиціи получаются вслѣдствіе того, что абсолютнымъ внѣшнимъ отношеніямъ соотвѣтствуютъ абсолютныя внутреннія отношенія, которыя и суть именно «формы интуиціи».

Особенно важной у Спенсера, очевидно, является та мысль, что о тѣхъ или иныхъ умственныхъ или нервныхъ связяхъ, отражающихъ внѣшнія связи, слѣдуетъ не только сказать, что они устанавливаются у даннаго индивидуума, но слѣдуетъ также сказать, что они передаются по наслѣдству (и фізіологически и психологически) изъ поколѣнія въ поколѣніе.

«Человѣческій мозгъ есть организованная записъ безконечнаго числа впечатлѣній, полученныхъ въ продолженіи жизни или, правильнѣе говоря, въ продолженіи эволюціи того рода организмовъ, чрезъ который прошло развитіе человѣческаго организма. Результаты, производившіеся въ организмѣ наиболѣе однообразными и частыми опытами, завѣшались послѣдовательно однимъ поколѣніемъ другому, причемъ передавались и капиталъ и проценты. Такимъ-то путемъ и накопилась та высокая умственная сила, которая поконится въ скрытомъ состояніи въ мозгу ребенка, которую ребенокъ въ послѣдующей жизни и упраж-

*, «Осн. Псих.» § 208.

яется, а можетъ быть и усиливается и подвергается дальнѣйшему усложненію, и которая съ этими крошечными прибавленіями завѣщается будущимъ поколѣніемъ» *).

Опытъ cadaго индивидуума видоизмѣняетъ такъ или иначе мозгъ, и въ такомъ измѣненномъ видѣ мозгъ передается потомству, которое въ свою очередь прибавляетъ отъ себя нѣчто и вновь передаетъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Благодаря такой продолжительной работѣ измѣненія мозга въ различныхъ поколѣніяхъ, происходитъ то, что, наконецъ, пространство и время воспринимаются такъ, что они кажутся неразрывно связанными съ внѣшними впечатлѣніями.

Такимъ образомъ взглядъ Спенсера на «форму» пространства можно такъ формулировать: по его мнѣнію, понятіе пространства дѣйствительно имѣетъ всѣ тѣ признаки, которые присущи формамъ познанія. Мы не можемъ мыслить о какомъ-нибудь внѣшнемъ впечатлѣніи безъ того, чтобы это понятіе не было связано съ нимъ. Въ этомъ смыслѣ Спенсеръ согласенъ назвать его «необходимой» формой. Но онъ отнюдь не согласенъ съ тѣмъ, что эта форма имѣетъ какое-либо происхожденіе отличное отъ того, которое мы можемъ приписать всѣмъ нашимъ другимъ познаніямъ, и пытается объяснить это происхожденіе путемъ гипотезы эволюціи. По его теоріи, психическая жизнь является отраженіемъ объективной связи вещей.

Извѣстной связи психическихъ состояній всегда соотвѣтствуетъ извѣстная связь нервныхъ элементовъ и относительно прочности связи этихъ послѣднихъ слѣдуетъ сказать, что она находится въ зависимости отъ частоты повторенія той или другой связи въ объективномъ мірѣ. Такъ какъ наше воспріятіе пространства и времени мы совершаемъ каждое мгновекіе нашей жизни, то вполнѣ естественно, что связи, соотвѣтствующія этимъ воспріятіямъ, становятся неразрывными. Но что особенно важно для теоріи Спенсера, такъ это то, что для объясненія происхожденія формъ сознанія нельзя брать въ соображеніе опытъ и развитіе только индивидуальнаго сознанія, нужно брать еще въ соображеніе опытъ и развитіе предшествующихъ поколѣній.

Каждый индивидуумъ воспринимаетъ пространство въ такой совершенной формѣ, что о немъ можно сказать, что оно есть какъ бы готовая форма, что «оно апіоріи для даннаго индивидуума», но, конечно, мы не должны забывать, что оно «апостеріоріи для всѣхъ предшествующихъ поколѣній».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Спенсеръ признаетъ формы сознанія, причѣмъ подъ ними онъ понимаетъ тѣ понятія, которыя неразрывно связаны съ тѣми или другими воспріятіями, но въ отличіе

* «Осн. Псих.» § 208.

отъ Канта онъ считаетъ эти формы происходящими изъ чувственнаго опыта.

Разсмотримъ ближе теорію Спенсера о воспріятіи пространства. Она представляетъ для насъ интересъ потому, что содержитъ прямое возраженіе противъ теоріи Канта.

Кантъ, какъ мы видѣли, для доказательства того положенія, что пространство носить апріорный характеръ, утверждалъ, что внѣшнее воспріятіе невозможно безъ понятія пространства, что мы все можемъ отбросить изъ нашей мысли о вещахъ, но не можемъ отбросить понятія пространства. Мы можемъ, напр., мыслить, что въ воспринимаемыхъ нами вещахъ нѣтъ цвѣта или твердости и т. п., но мы не можемъ мыслить, чтобы они не имѣли протяженности. По мнѣнію Канта, это является доказательствомъ того, что свойства, которыя мы можемъ отмыслить прочь, получаются нами изъ внѣшняго опыта, а то, что мы не можемъ отмыслить, присуще и самому нашему сознанию. Это есть форма нашего сознанія. Понятіе пространства не получается изъ чувственнаго опыта, а, наоборотъ, само дѣлаетъ возможнымъ опытъ или познаніе. Кантіанцы вслѣдъ за Кантомъ утверждали, что понятіе пространства изъ опыта не получается, и это утверженіе часто понималось такимъ образомъ, какъ если бы понятіе пространства было неразложимо на составные элементы, что оно представляетъ собою нѣчто простое и неразложимое. Это утверждалось въ противоположность тѣмъ психологамъ, которые думали, что представленіе пространства въ нашемъ сознаніи складывается изъ разнородныхъ элементовъ (цвѣтовыхъ ощущеній, мускульнаго напряженія и т. п.). Спенсеръ примыкаетъ къ этому послѣднему направленію и думаетъ, что пространство имѣетъ производный характеръ.

Спенсеръ согласенъ съ Кантомъ въ томъ, что посредствомъ самонаблюденія просто нельзя показать, изъ какихъ элементовъ складывается представленіе пространства. Если мы будемъ оперировать съ нашимъ самонаблюденіемъ, то намъ будетъ казаться, что пространство неразложимо, но если мы обратимся къ объективной психологіи, т.-е. къ психологіи животныхъ, ребенка и т. п., то мы можемъ получить матеріалъ для разрѣшенія вопроса, изъ чего и какъ складывается представленіе пространства. Тогда мы убѣдимся косвеннымъ образомъ, что пространство только въ послѣдствіи сдѣлалось неразложимою формою мысли. Такимъ образомъ Спенсеръ находитъ, что Кантъ и кантіанцы совершенно неправильно поступали, думая рѣшить этотъ вопросъ при помощи изслѣдованія взрослого сознанія.

«Весьма важная ошибка старой психологіи,—говоритъ Спенсеръ,—включая сюда и психологію Канта, состоитъ въ томъ, что она обыкновенно разсматриваетъ сознаніе взрослого, не обращая вниманія на очевидный фактъ, что развитой мыслительный аппаратъ, которымъ

обладаетъ взрослый, не находится еще у ребенка, но развивается медленнымъ путемъ, а также, не обращая вниманія и на тотъ дѣйствительный фактъ, что ассоціаціи, несомнѣнно устанавливающіяся вслѣдствіе повторенныхъ опытовъ, вносятся нами во всѣ наши мыслительные процессы въ такой мѣрѣ и такимъ образомъ, что мы постоянно находимся въ опасности приписывать неразвитому уму такіа идеи, которыми обладаетъ только развитой умъ» *).

По мнѣнію Спенсера, слѣдовательно, то обстоятельство, что въ развитомъ сознаніи можетъ быть какая-либо форма, которая имѣетъ какъ бы готовый, законченный видъ, совсѣмъ еще не доказываетъ, что эта форма не состоитъ изъ простыхъ элементовъ и, разумѣется, то же самое слѣдуетъ сказать и относительно пространства. Оно то же разложимо на свои составные элементы.

Вторая ошибка въ анализѣ понятія пространства, по мнѣнію Спенсера, состоитъ въ томъ, что кантіанцы, говоря о пространствѣ и о неразрывной связи его съ ощущеніями, всегда подъ послѣдними подразумеваютъ ощущенія зрительныя и осязательныя. Оттого и кажется, что пространство является неизбѣжнымъ спутникомъ внѣшняго воспріятія. «Но если мы оставимъ въ сторонѣ ощущенія, приобретаемыя черезъ посредство зрѣнія и осязанія, и обратимъ вниманіе на другія ощущенія, то мы будемъ въ состояніи представить себя обладающими мыслями, не предполагающими пространства. Это именно справедливо относительно такихъ ощущеній, какъ звукъ и запахъ». Эти послѣднія ощущенія мы можемъ мыслить, причемъ ихъ или совсѣмъ не сопровождаетъ представленіе пространства, или сопровождаетъ только въ очень слабой степени.

«Наши различныя ощущенія влекутъ за собою сознаніе о пространствѣ въ очень различной степени, начиная отъ полнаго отсутствія такого сознанія, и доходя до очень живого сознанія пространства. Звуковыя ощущенія сами по себѣ не доставляютъ намъ сознанія о пространствѣ. Почти то же самое можетъ быть сказано и о запахахъ. Обонятельное ощущеніе не сопровождается первоначально никакою идеей о положеніи, только опытъ научаетъ насъ существованію связей между запахами и испускающими ихъ предметами, вслѣдствіе чего мы начинаемъ думать о нихъ, какъ о занимающихъ мѣсто въ пространствѣ» **).

Если бы былъ справедливъ взглядъ Канта, что пространство составляетъ первоначальную интуицію, то только что приведенныхъ фактовъ никакъ нельзя было бы объяснить. Почему въ самомъ дѣлѣ однимъ ощущеніемъ пространство присуще въ большей степени, дру-

*) «Осн. Псих.», § 330.

**) «Осн. Псих.», § 333.

гимъ въ меньшей? Если бы пространство было формой интуиціи, то оно должно было бы всѣмъ ощущеніямъ быть присущими въ одинаковой степени, чего, однако, въ дѣйствительности совсѣмъ нѣтъ.

Слѣдующее возраженіе похоже на это. Если бы пространство было формою интуиціи, то мы должны были бы воспринимать его всегда одинаковымъ, между тѣмъ оказывается, что ясность воспріятія пространственныхъ вещей по мѣрѣ удаленія ихъ отъ насъ становится меньшей; ясность эта возрастаетъ по мѣрѣ ихъ приближенія къ намъ. Если бы кантовская теорія, по которой пространство есть неизмѣнная форма сознанія, была вѣрна, то эта форма не измѣнялась бы въ томъ случаѣ, когда воспринимаемый нами предметъ отдаленъ.

Точно также кантовская теорія не можетъ объяснить того факта, почему въ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ состояніяхъ пространство кажется какъ бы разросшимся, увеличившимся. Съ точки зрѣнія кантовской теоріи нѣтъ никакихъ основаній для измѣненія пространства въ ненормальныхъ состояніяхъ.

По мнѣнію Спенсера, можно легко показать, что пространство обладаетъ производнымъ характеромъ. Мыслима такая форма сознанія, когда пространство въ нашемъ смыслѣ не воспринимается, а все воспринимается только въ послѣдовательности. Въ развитіи психической жизни былъ моментъ, когда все пространственное воспринималось не одновременно, а въ послѣдовательности, и только впоследствии, въ процессѣ эволюціи усвоена та форма воспріятія, которой человѣкъ обладаетъ въ настоящее время *).

Замѣтивъ такимъ образомъ, что пространство имѣетъ производный характеръ, Спенсеръ мимоходомъ касается вопроса о происхожденіи математическаго понятія прямой, какъ кратчайшаго разстоянія между двумя точками, и дѣлаетъ попытку объяснить тотъ элементъ необходимости, который въ этомъ понятіи содержится. Если мы смотримъ на сегментъ какого-нибудь круга, то изображеніе, которое онъ бросаетъ на сѣтчатку, необходимо будетъ таково, что дуга покроетъ большее число элементовъ сѣтчатки, чѣмъ хорда, соединяющая концы этой дуги, а такъ какъ каждый изъ этихъ элементовъ доставляетъ сознанію свое особенное впечатлѣніе, то рядъ впечатлѣній, произведенныхъ дугою, будетъ намъ казаться большимъ, чѣмъ тотъ рядъ, который производитъ хорда. До тѣхъ поръ, пока дуга будетъ имѣть сколько-нибудь замѣтную кривизну, она будетъ казаться большей, чѣмъ хорда. Къ этому присоединяются еще ощущенія, которыя получаются

*) Тамъ же § 335 (прибавленіе). См. также статью Спенсера, специально направленную противъ кантіанцевъ «Our space-consciousness» въ приложеніи къ 4-му изданію «Principles of Psychology». 1899. (Имѣется также въ новомъ русск. изданіи).

отъ сокращенія глазныхъ мускуловъ. Движеніе глазъ по линіи дуги доставляетъ сознанію большее количество ощущенія, чѣмъ движеніемъ глазъ по хордѣ.

Такимъ образомъ, дуга намъ кажется большей, чѣмъ хорда, по той причинѣ, что количество ощущеній въ одномъ случаѣ будетъ больше, чѣмъ въ другомъ. Отсюда Спенсеръ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Та истина, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, лежитъ въ скрытомъ состояніи въ строеніи глаза и тѣхъ нервныхъ центровъ, которые получаютъ и координируютъ зрительныя впечатлѣнія. Мы не можемъ мыслить о прямой линіи иначе, потому что продолженіи приспособленія между организмомъ и вѣшной средой, внутреннія отношенія до такой степени выѣпились по вѣшнымъ, что никакое усиліе не въ состояніи заставить ихъ теперь не соответствовать вѣшнымъ отношеніямъ».

«Подобно тому, какъ для руки стало невозможнымъ схватывать предметы посредствомъ сгибанія пальцевъ не внутрь, а наружу, такъ точно стало невозможнымъ и для тѣхъ нервныхъ дѣятельностей, посредствомъ которыхъ мы постигаемъ пространственныя отношенія, быть извращенными такимъ образомъ, чтобы сдѣлать насъ способными думать объ этихъ отношеніяхъ иначе, чѣмъ мы думаемъ. *Продолжительный опытъ, воплотившійся въ строеніи нервной системы, производитъ необходимость мышленія*» *).

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ, въ какомъ отношеніи находится Спенсеръ къ эмпиризму. Онъ, разумѣется, отступаетъ отъ обыкновеннаго эмпиризма, потому что онъ признаетъ многое такое, что послѣдній долженъ отрицать, чтобы оставаться послѣдовательнымъ. Онъ, напр., признаетъ необходимыя идеи, онъ признаетъ критерій достовѣрности, котораго не признаетъ эмпиризмъ (именно внутреннюю достовѣрность).

Онъ согласенъ съ тѣмъ, что формы пространства и времени имѣютъ характеръ чего-то абсолютно постояннаго въ нашемъ воспріятіи, но въ дѣйствительности онъ эмпирикъ, потому что онъ думаетъ, что наше познаніе есть просто копія объективныхъ отношеній, что объективныя связи производятъ то, что у насъ возникаютъ тѣ или другія идеи, или, какъ ихъ Спенсеръ называетъ, «внутреннія отношенія». Спенсеръ отличается отъ обыкновеннаго эмпиризма только лишь тѣмъ, что онъ, такъ сказать, удлинняетъ опытъ. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться опытомъ индивидуума, онъ, на томъ основаніи, что психическія состоянія параллельны физическимъ, а физическія видоизмѣненія передаются по наслѣдству, вмѣсто опыта индивидуума разсматриваетъ опытъ цѣлаго рода. Поэтому, о немъ слѣдуетъ сказать, что

*) § 332.

онъ эмпирикъ, потому что, по его мнѣнію, въ конечномъ счетѣ всѣ формы познанія получаютъ начало изъ опыта. Да къ тому же онъ самъ рѣшительно заявляетъ себя сторонникомъ эмпиризма. Максъ Мюллеръ однажды замѣтилъ, что «если Спенсеръ настаиваетъ на томъ, что въ сознаніи есть нѣчто такое, что не получается изъ опыта, то онъ чистый кантіанецъ». На это Спенсеръ отвѣчалъ: «эволюціонная точка зрѣнія чисто эмпирическая. Она отъ прежняго пониманія эмпириковъ отличается только тѣмъ, что расширяетъ понятіе опыта. Кантовское же пониманіе совсѣмъ не есть эмпирическое» *). Слѣдовательно, спенсеровская точка зрѣнія, по его собственному признанію, также эмпирическая, но только болѣе широкая, потому что при объясненіи возникновенія формъ сознанія она прибѣгаетъ къ признанію не только индивидуальнаго, но также и опыта предшествовавшихъ поколѣній.

Такимъ образомъ, несмотря на все то различіе, которое у него существуетъ съ Миллемъ, онъ все-таки остается эмпирикомъ. Но, съ другой стороны, не можетъ быть и рѣчи относительно того, что онъ является примирителемъ кантовскаго апіоризма съ эмпиризмомъ, потому что онъ совсѣмъ неправильно понимаетъ кантовскій апіоризмъ, какъ это мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) «Essays.», т. III, стр. 274 и д.

ИЗЪ ЮЖНЫХЪ НАБРОСКОВЪ.

1.

Змѣнится лентою дорога;
Направо—моря синева,
Налѣво яркая листва
Вдоль каменистаго отрога
Повисла цѣпкою ловой,
И камни къ камнямъ, словно братья,
Простерли дружески объятья.
И тутъ же свѣтлою слезой
Изъ-подъ скалы вода сочится
И струйкою звенящей мчится.
Тамъ кипарисы вознеслись
Челомъ въ сіяющую высь,
И лавръ зелено-золотистый,
Каштанъ цвѣтущій и вѣтвистый—
Лишь отгѣняютъ ихъ красу.
Береговую полосу
Они хранятъ, какъ стражи моря—
Вѣчно зеленый мавзолей,
Внимая дивной пѣснѣ горя,
Когда прибой бушуетъ злѣй,
Внимая радостнымъ напѣвамъ,
Когда подъ солнечнымъ пригрѣвомъ
Играютъ волны, и свѣтло
Сверкаютъ пѣною жемчужной,
И все кругомъ въ природѣ южной,
Все, кромѣ камня—расцвѣло.

2. NOTTURNO.

Ночною тьмой одѣлись дали,
И капли рѣдкія дождя,

Сухую почву бороздя,
 Почти безшумно упадали,
 И Одаларъ съ Медвѣдь-горой
 Какъ бы закутались чадрой.
 Царила тишь волшебной сказки;
 Лишь теплый вѣтеръ, полный ласки,
 Разгоряченнаго лица
 Касался нѣжно и несмѣло,
 А море, море безъ конца
 Во тьмѣ незримое шумѣло,—
 И плескъ дождя, и шумъ валовъ—
 Звучали пѣснью безъ словъ.

3. ВСТРѢЧА.

Рощи, бѣлые дома...
 У подножія холма
 Пріютился виноградникъ
 Близъ татарскихъ деревень.
 Вотъ промчался мимо всадникъ
 Въ шапкѣ рваной на бекрень,
 Смуглолицъ, во взорѣ удалъ...
 Хорошо-ль живется, худо-ль
 Уроженцамъ южныхъ странъ,—
 Каждый видомъ—крымскій ханъ.
 И на память мнѣ пришли вы,
 Простодушно-терпѣливы
 И безропотно-пугливы—
 Лица нашихъ сѣверянъ.

О. Чюмина.

ИТА ГАЙНЕ.

Повѣсть.

(Окончаніе *).

Все вошло у Иты Гайне въ обычную колею жизни кормилицы. Новые интересы, отъ которыхъ нельзя было ни уклониться, ни убѣжать, постепенно втянули ее. Наблюдая, какъ внимательно она оберегала ребенка, чтобы онъ не захлебнулся, когда его купали, какъ поспѣшно она старалась удовлетворить его голодь, какъ нѣжно прижимала его къ груди, когда онъ тянулся и ласкался къ ней, признавая въ ней постоянную мать, нельзя было повѣрить, что еще восемь недѣль назадъ эта самая Гайне клалась не измѣнять своему ребенку. Она и сама не замѣтила, какъ это случилось. Вѣчно съ нимъ, и днемъ, и ночью, вѣчно подъ бдительнымъ окомъ хозяйки, требовавшей проявленій любви и вниманія къ ребенку, вѣчно подъ чарами безыскусственной и трогательной привязанности послѣдняго, она незамѣтно всосала въ себя жесты, страхи и любовь настоящей матери. Теперь она безъ угрызений меньше думала о своемъ собственномъ, и бывали дни, когда о немъ совершенно не вспоминала. Когда Эстеръ приносила его захирѣвшаго, грязнаго, всегда покрытаго сыпью, она невольно сравнивала его съ тѣмъ, котораго она кормила, и ей нравился этотъ чужой, носившій въ своемъ бархатномъ, выхоленномъ тѣлѣ всѣ ея соки, всѣ ея труды и заботу о немъ.

Развѣ не все равно, кто родилъ? приходило ей въ голову. Важна та живая жизнь, которая была вложена въ ребенка, а ея живая жизнь была вложена въ него цѣликомъ со всѣми заботами и тревогами, и даже вмѣстѣ съ печальми о своемъ мальчикѣ, которому она не могла помочь.

Но если сильная рука неволи отрывала ее отъ своего ребенка, то, въ свою очередь, и онъ отрывался отъ нея, и не желалъ ея признавать, когда на рѣдкихъ свиданіяхъ она пыталась выразить

*) «Міръ Божій», № 5, май 1902 г.

ему свою любовь. И это тоже расхолаживало ее чувства. При первомъ подозрительномъ ее жестѣ, къ величайшей радости Эстеръ, онъ бросался, какъ испуганный звѣрекъ, къ этой послѣдней и кричалъ, и плакалъ, пока мать не оставляла его въ покоѣ. Въ такія минуты Гайне совершенно забывала, что пролила кровь для его рожденія, досадовала на него, — и поневолѣ брала чужого, который ласкался къ ней, и какъ-то безконтрольно думала, что онъ ее собственный. Не даромъ прошло для ее души это извращеніе материнскихъ чувствъ. Въ первыя недѣли она еще боролась, ненавидѣла себя и напрягала сердце, трогая его размышленіями, стараясь любить и жалѣть несчастнаго. Но голосъ жизни былъ сильнѣе голоса природы, и, какъ скрывающійся изъ виду корабль, все-таки скрывается, унося съ собою дорогое существо, какъ бы глазъ ни мучился и ни напрягался, чтобы различить еще движеніе платка, такъ и изъ ее сердца исчезала любовь къ собственному ребенку, хотя она мучилась, страдала и плакала, чтобы этого не случилось. Она даже попрежнему съ нетерпѣніемъ поджидала день свиданія съ нимъ, заготовляла все, что нужно было передать Эстеръ, но свиданіе было уже не тѣмъ и напоминало свиданіе въ тюрьмѣ, когда, встрѣчаясь въ искусственныхъ условіяхъ, не знаешь, что сказать, о чемъ спросить, на что обратить вниманіе, и съ тоской ждешь, чтобы пытка скорѣе окончилась. Иногда случалось, что она задумывалась о прежнихъ мечтаніяхъ и надеждахъ. Тогда вспыхивала старая любовь, совѣсть ударяла по наболѣвшимъ мѣстамъ, и ей казалось, что только одного дня жизни со своимъ мальчикомъ было бы достаточно, чтобы явились прежнія чувства къ нему. Но, зная, что этого дня жизни никто не дастъ ей, какъ бы она ни умоляла, она, не помня себя отъ досады, не боясь и не стѣсняясь, набрасывалась на Эстеръ, будто въ той лежала причина ее несчастья. Она требовала отъ нея отчета въ грязи, болѣзненномъ видѣ, худобѣ мальчика и волновалась и кричала, какъ-будто бы была барыней, а Эстеръ у нея служила.

— Не понимаю, не могу понять, Эстеръ, какъ вы не привязались къ ребенку. Вѣдь я бы къ кошкѣ, какъ къ родной, привыкла, если бы должна была заботиться о ней. Нѣтъ, непременно, Эстеръ, я уже найму другую женщину; съ вами, я вижу, намъ придется-таки разстаться.

И когда Эстеръ дѣлала ей за эти выходы хорошую отвѣдь, Гайне стихала, чувствуя всю фальшь своего положенія, своихъ криковъ, и неистово мечтала о какомъ-нибудь чудѣ, которое разрѣшило бы эти мученія.

Постепенно она опускалась и морально. Жизнь въ теплѣ и довольствѣ, благодаря только тому, что у нея оказалось хорошее

малою, существованіе безъ заботъ о хлѣбѣ и настоящаго труда, невниманіе и недуманіе о томъ, какимъ образомъ дѣлается ея ситая жизнь, восхищала и радовала ее. Заглядывая въ будущее, она съ ужасомъ думала о томъ, какъ ей придется перейти на старшій режимъ, выкормивъ ребенка. Но успокоеніе приходило скоро, и она все съ большей легкостью останавливалась на мысли о новой беременности, которая впослѣдствіи дастъ возможность жить такъ, чтобы ликованіе желудка не прекращалось. Теперь она не стѣснялась уже какъ раньше и крала безъ смущенія нужное для собственнаго ребенка и для Эстеръ, такъ какъ чувствовала себя незамѣнимой въ домѣ, если бы ее и поймали, и держала себя развязно съ хозяйкой, сердясь и крича на нее, лишь только что-нибудь было не по ней. Въ кухнѣ она образовала нѣчто въ родѣ клуба кормилицъ, и всегда по вечерамъ у нея сидѣло по нѣсколько женщинъ, служившихъ по близости или во дворѣ. Она возобновила и упрочила дружбу съ Гитель, отчасти съ Этель и многими другими и съ наслажденіемъ вѣдалась въ смѣлныя и тайны, которыя въ этомъ маленькомъ мірѣ были неистощимы. Собственныя дѣти этихъ женщинъ, пропадавшіе въ одиночествѣ и безъ вздоха надъ ними родной души, рѣдко служили темой для разговора, развѣ только что-нибудь выходящее изъ ряда вонъ въ ихъ судьбѣ останавливало вниманіе, — тогда на мигъ опрачались лица, старое человѣческое вспыхивало, и скорбь неслась отъ ихъ разговоровъ, какъ нечаянно забредшій въ домъ духъ раскаянія и печали. То, что дѣти умирали, пріѣлось уху, притупило чувства и такъ же трогало, какъ если бы умирали гдѣ-нибудь въ другомъ неизвѣстномъ мірѣ, но когда Гитель рассказывала, что на прошлой недѣлѣ у одной женщины ребенокъ, отданный на вскормленіе, отъ небрежности сгорѣлъ, а у другой подавился пуговицей, то это дѣйствовало, какъ ударъ по головѣ. Какъ ни зачерствѣли сердца въ борьбѣ за жизнь, но и въ нихъ, какъ въ глухомъ, наконецъ разслышавшемъ предостереженіе, начинало что-то шевелиться, и судьба своихъ дѣтей на время становилась преобладающимъ интересомъ. Но стихала тревога, забывалось чужое несчастье, и погруженіе человѣка въ бездну продолжалось своимъ путемъ. Все вошло у Иты въ обычную колею жизни кормилицы. Даже и Михель ее уже не такъ пугалъ, хотя становился все грубѣе и страшнѣе. Извративъ материнство и противъ воли отдалившись отъ своего ребенка, она этимъ шагомъ какъ бы перерубила связь съ своей прежней личностью. Вышло какъ-то такъ, что настоящей любовницей, женщиной, жившей для того, чтобы содержать своего любовника, она сдѣлалась, именно будучи на службѣ. Ей уже не было обидно, что она содержитъ Михеля и должна для него работать. Для кого бы она сбере-

гала деньги? Всѣ стимулы заботы исчезли, растворенные въ спокойной и обеспеченной жизни, и чтобы отъ нихъ не было никакого осадка, нужно было только стараться жить, ни о чемъ не думая. А это легче и удобнѣе всего давалось. Правда, она ссорилась и дралась съ нимъ, когда онъ каждый разъ увеличивалъ свои требованія и откровенно толкалъ ее къ систематическому и правильно организованному воровству (потому что оно было все еще противно ея душѣ), но не въ этомъ заключалась истинная причина ихъ размолвокъ. Какъ-то къ рукѣ были и гармонировали со всей ея жизнью эти тайныя сцены, грязныя и безчеловѣчныя, когда онъ ее билъ, а она отбивалась, разминая бродившее въ ней здоровье, какъ-то къ рукѣ были и эти нетрудныя и пріятныя заботы и страхи, и складывалась такая иллюзія новизны въ существованіи, что Михель становился ей дорогъ и нуженъ, и она мучилась, когда онъ не приходилъ.

Такъ шли недѣли, мѣсяцы. Кончалась тяжелая зима съ ея вьюгами и морозами, улицы окончательно покрылись грязью, точно природа передъ тѣмъ, какъ распахнуть свое покрывало и показывать, какъ она неотразимо прекрасна въ моментъ возрожденія, нарочно почернила всѣ свои краски. Лишь только подулъ вѣстникъ весны—теплый вѣтеръ, Ита начала выходить съ ребенкомъ. Въ первые разы она, подобно узнику, вырвавшемуся на свободу, всѣми порами впитывала въ себя наслажденіе отъ уличной суеты. Не было того уголка въ городѣ, гдѣ бы она ни побывала въ эти дни упоенія воздухомъ, свѣтомъ, тепломъ. Между прочимъ, она навѣстила нѣсколько разъ своего мальчика, но эти посѣщенія такъ разстраивали ее, такъ жестоко извили сердце, что она поневолѣ начала избѣгать ихъ. Потомъ, пресытившись прогулками въ одиночку, она стала ходить къ нему и заставляла себя просиживать у него часами. Равнодушной она, конечно, не могла оставаться и потихоньку, чтобы не возстановить противъ себя Эстеръ, начала вмѣшиваться въ жизнь ребенка. Въ первое время она просила позволенія, а потомъ обходилась и безъ него и часто купала его, стараясь держать въ чистотѣ, надѣдала Эстеръ требованіемъ подкармливать его и такъ попривыкла къ этой новой работѣ, что всяческими хитростями урывала свободные часы и приходила сюда. Близость къ своему ребенку дѣлала свое дѣло и чѣмъ дальше, тѣмъ ярче разгорались въ ней потухшія было привязанность и любовь къ нему. Когда она теперь сравнивала своего и чужого, который бился и плакалъ, сидя на рукахъ у старшей дѣвочки Эстеръ,—она почти не сознавала разницы между ними и чувствовала, что равно любить обоихъ, и въ сердцѣ ея равно отзывались жалобы одного и другого. Тотъ день жизни съ своимъ мальчикомъ, о которомъ она мечтала, пришелъ, а вмѣстѣ съ

нимъ, какъ она предвидѣла, пришло и старое. Вслѣдствіе этой новой особенной жизни, она совершенно перемѣнила свои отношенія къ барынѣ, стала мягче, сдержаннѣе и всѣми силами старалась угодить ей, чтобы не возстановить ее противъ себя. Новыя же ея настроенія, возраставшія съ быстротой, опять испортили ея отношенія къ Михелю, и между ними началась старая борьба. Теперь деньги опять нужны были ей, и каждая копейка имѣла значеніе для улучшенія жизни мальчика. Михель же ничего не хотѣлъ знать и возмущенный ея скупостью устраивалъ ей скандалъ за скандаломъ и грозилъ выжить ее изъ дома, гдѣ она служила. Случалось, что онъ врывался въ кухню, билъ ее, и отъ него можно было избавиться только при помощи полицейскаго. Положеніе Иты становилось критическимъ, и предвидѣлся день, когда, несмотря на всю нужду въ ней, ее придется отправить. Въ такомъ состояніи отчаянія она, возвращаясь какъ-то домой, послѣ посѣщенія своего мальчика, и мрачно раздумывая о томъ, что совершилось съ ней въ это короткое время, встрѣтилась съ Маней. На этотъ разъ Маня не старалась избѣжать Иты и при видѣ ея выразила полнѣйшую и искреннюю радость. Маня мало измѣнилась во внѣшности. Она все еще была недурна собой, но какъ-то втянулась, похудѣла и сильно проигрывала отъ того, что была одѣта съ нѣкоторымъ шикомъ подозрительныхъ женщинъ.

Только глаза ея оставались такими же мягкими, милыми, хотя и ушли во внутрь и какъ будто бы выражали затаенное недомогство.

— Ну, вотъ,—радостно произнесла она, подойдя къ Итѣ,—наконецъ-то я васъ встрѣтила. Давно я собиралась отыскать васъ, но всегда что-то мѣшало. Какъ вы живете? Здравствуйте же, здравствуйте.

Ита, въ свою очередь, тоже обрадовалась, и обѣ расцѣловались, къ удивленію прохожихъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже остановились изъ любопытства.

— Вотъ видите,—весело и оживленно говорила Маня, довольная встрѣчей,—гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ найдется. Что же это вы перемѣнились такъ? Какъ вашъ Михель? Я всегда вспоминала васъ. Я вѣдь тогда къ вамъ такъ сильно привязалась.

— Это неудивительно,—отвѣтила Гайне,—несчастье всегда сближаетъ людей, и даже скорбь, чѣмъ радости. Вотъ и вы перемѣнились. Вы... вы замужемъ? Право,—прибавила она, оглядывая ее еще разъ,—я бы васъ не узнала.

Онѣ пошли вмѣстѣ, дѣловито разговаривая между собой и сообщая второпяхъ важнѣйшія подробности изъ своей жизни.

Большая туча, наконецъ, соскользнула съ того мѣста, гдѣ стояло солнце, и вся улица вдругъ засмѣялась отъ свѣта. Все ожило, распѣло и заискрилось подъ разбѣжавшими лучами. Отчетливыя тѣни неслышно улеглись подлѣ домовъ. Воздухъ всколыхнулся, рѣзво помчался вдоль улицы, растолкалъ прохожихъ, опять побѣжалъ, и стоявшія въ лужицахъ воды, въ которыхъ отражались опрокинутыми дома, наморщились и заблестали розоватымъ серебромъ.

Теперь Ита молчала, а рассказывала Маня. Но по мѣрѣ разсказа лицо ея становилось все угрюмѣе, а отдѣльныя черты его плаксивыми. Она какъ-то вдругъ подурнѣла, и въ глаза уже отчетливо бросалась вся искусственность въ ея внѣшности и жалкій видъ выбывшаго изъ строя человѣка. Ита слушала ее съ глубокимъ сочувствіемъ и мысленно примѣряла ея неудачи къ своимъ.

„Какъ страшно у людей складывается жизнь“, думалось ей, „у злой судьбы нѣтъ дна мученіямъ“.

— Помните вы, какой я была, — сказала Маня. — Мнѣ казалось, что на свѣтѣ нѣтъ той силы, которая бы сломала меня, такой крѣпкой я себя чувствовала. Но я, Ита, была неопытна, какъ ребенокъ, и совсѣмъ не подозрѣвала, что существуютъ среди людей и такіе люди, какъ Яша. Ахъ, моя первая недѣля счастья! Помните вы, когда я ушла отъ васъ. Какъ сладка и нѣжна она была. Будто для той недѣли судьба моя собрала въ одно всѣ радости, какія мнѣ были суждены и бросила ихъ щедрой рукой, чтобы удесятерить мои силы для будущаго. Такъ ли и васъ околдовалъ вашъ Михель? Навѣрно такъ, ибо помню, какъ вы покорно несли свое ярмо. Вы вѣдь еще не вырвались отъ него? И не вырветесь, дорогая, теперь я уже всему вѣрю, что вы мнѣ когда-то рассказывали.

— Я это знаю, — встала Ита, — и вижу свою судьбу, какъ передъ глазами. По временамъ, Маня, у меня вѣдь нѣтъ ни одной надежды. Я почти, почти смирилась.

— И я тоже, Ита, я тоже. И всѣ, которыхъ знаю, смирились. Вырваться нельзя. Вѣдь онъ, Ита, на улицу меня послалъ беременной. Я на колѣняхъ ползала предъ нимъ и руки его, бившія меня, крѣпко цѣловала, но не помогло, Ита, ничего не помогло, потому что съ этими людьми ничего не помогаетъ. Вы не думайте, онъ любилъ меня, и я сама готова была уничтожить себя ради него, но пошла, пошла. Какъ же, Господи, а бы не пошла?!

Она выкрикнула послѣднія слова, забывъ, что находится на улицѣ, и опять обратила на себя вниманіе прохожихъ.

Ита съ состраданіемъ взглянула на нее. Свѣтило могущественное солнце, то, что посылаетъ жизнь всему живущему, весь

городъ былъ наполненъ суетящимися людьми, что должны были жить братски и любовно, но все же сестры по страданію были несчастны, и солнце, и люди оставались равнодушными къ нимъ.

Отчетливыя тѣни сокращались и смѣнялись. Въ воздухѣ ручьемъ лились радостные голоса, пѣвшіе возвращеніе весны.

— Ночи,—продолжала Маня,—я вначалѣ еще умѣла отма-
ливать у него, но позже онъ и ихъ отнял у меня, и такая, ра-
дость моя, жизнь пошла, что я и соображать перестала. Вы не
повѣрите, а я пьянствовала, какъ послѣдняя женщина, должна
была пьянствовать; но не то, что я падала, мучило меня, а то,
что удовлетворить его ничѣмъ не могла. Я вѣдь, хорошая моя,
въ игольное ушко пролѣзала, чтобы добиться отъ него похвалы,
а похвала, Ита, настоящая сестра жалости, но этихъ людей ни-
что не можетъ тронуть. Мнѣ развѣ любовь его нужна была? Мнѣ
сочувствія, жалости нужно въ моемъ положеніи, чтобы не сва-
литься съ ногъ. Вотъ, Яша, видишь, работаю я, какъ каторжная,
какъ собака каторжная, но пожалѣй за то, добрымъ словомъ
награди, приласкай, слезу, хоть одну слезу пролей надо мной.

Этихъ словъ не хватало Итѣ. Маня какъ бы разъяснила ей
то, что творилось въ ея собственной душѣ, когда она по цѣлымъ
днямъ не находила себѣ мѣста. И ея душа искала и томилась
о жалости, о слезѣ, о человѣческомъ чувствѣ къ себѣ.

— Видите ли вы меня, Ита, отсюда, когда, простившись съ
гостемъ, я выворачиваю карманы предъ Яшей, чтобы онъ повѣ-
рилъ, что я себѣ-то ничего не оставила? И въ эту самую ми-
нуту, какъ нарочно, вспомнится, что дома все еще ждетъ меня
женихъ мой и смотреть вдаль, и прислушивается, не явлюсь ли
вдругъ. Тогда мнѣ плакать хочется, и опять слезы его я ищу, и
ласкаюсь къ нему, и глазъ съ него не свожу—не пойметъ ли?
Но ничего, дорогая моя, не понимаетъ, и снова я, какъ птица на
веревкѣ, дохожу до конца квартала, ворочаюсь назадъ, а онъ,
спрятавшись за угломъ, стоитъ и стережетъ меня. Такъ таятся
дни мои, то съ совѣстью, то безъ совѣсти, а ребенокъ внутри
все растетъ и растетъ. Ахъ, Ита, каторжная, подлая я собака, и
меня бы убить слѣдовало!

Онѣ шли теперь молча и долго не разговаривали. Потянулъ
подозрительный вѣтерокъ, какъ предъ дождемъ. Большая синяя
туча, освѣщенная и прозрачная по краямъ, бѣжала имъ навстрѣчу
и быстро срослась съ сосѣдними облаками, совершенно потем-
нѣвшими. Солнце скрылось. Воздухъ посѣрѣлъ. Тѣни слились съ
цвѣтомъ земли.

— Какъ я васъ жалѣю,—вырвалось, наконецъ, у Иты.—О,
вы, вы уже навѣрно купили себѣ своими страданіями рай. Худ-
шего ада для человѣка и придумать нельзя.

День темнѣлъ. Въ лужицахъ уже потухли воды, на нихъ легли сѣроватыя пленки, и онѣ еще слабо отражали розоватыя лучи. Опять потянуло вѣтромъ, но теперь надолго. Уже разбивались о землю крупныя дождевыя капли. Прохожіе заторопились.

— Собирается дождь, — съ безпокойствомъ произнесла Ита. — Я, можетъ быть, зайду къ вамъ. Но прошу васъ, Маня, умоляю, соберите всѣ свои силы и боритесь. Вотъ и я не боролась, и посмотрите, что изъ меня сдѣлалось. Ахъ, по лицу вашему вижу, что говорю напрасно. Прощайте, я могу ребенка простудить. Мы еще увидимся.

Маня торопливо дала ей адресъ, и Ита сѣла въ конку. Тамъ она растянулась, чтобы покормить ребенка, и все время Маня у нея стояла передъ глазами. Въ окна конки билъ весенній дождь, билъ тяжело, огромными каплями, но по временамъ переставалъ, какъ бы задумываясь: для чего собственно онъ бьетъ? Сверкали молніи, широкія, долгія и ослѣпительныя. Люди входили и выходили, и суетились, точно на пожарѣ. Вся вода отъ дождя собралась у панели мостовой, и, грязная, бѣшено мчалась, точно кто-то хлесталъ ее сзади, чтобы она поскорѣе скрылась въ городскихъ отливахъ.

Когда Ита, наконецъ, пріѣхала, дождь едва уже моросилъ. Въ подъѣздѣ ее встрѣтила Этель и остановила.

— Я нѣсколько разъ выходила, чтобы встрѣтиться съ вами, — произнесла она. — У меня была Гитель и рассказала печальную новость. У нея сегодня умеръ ребенокъ.

— У Гитель ребенокъ умеръ? Уже? Не можетъ быть.

Холодный потъ покрылъ ея лобъ. „Это весна“, промелькнуло у нея. Ею овладѣлъ тревожный страхъ и тяжелое предчувствіе разомъ установилось въ душѣ. Она съ ненавистью вдохнула теплый воздухъ, пахнувшій нѣжнымъ ароматомъ зелени, и отъ волненія прислонилась къ стѣнѣ.

„До моего доходить очередь“, — опять мелькнуло у нея.

— Да, — отвѣтила Этель, — утромъ онъ умеръ. Что-то въ три часа его не стало. Отчего — не знаю. Гитель говоритъ, что отъ крупы. Сегодня уже пойду своего провѣдать. Не вѣрю, чтобы изъ моего вышелъ толкъ.

Она смахнула слезу и, тоже напуганная, мрачно прибавила:

— Не могла уговорить мужа, чтобы я перестала рожать. Видно Богу нуженъ былъ еще одинъ мученикъ. Но теперь, Ита, это уже въ послѣдній разъ. Я себя искалѣчу, искалѣчу разъ навсегда, чтобы перестать быть убійцей своихъ дѣтей. Не могу я больше. И сдѣлаю это, хотя бы мнѣ пришлось развестись съ нимъ.

Ита молча пошла во дворъ. Потомъ обернулась къ Этель и серьезно спросила у нея, глядя въ упоръ.

— Развѣ, Этель, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ средства, чтобы люди такъ не мучились? Ничѣмъ имъ нельзя помочь, — рѣшительно ничѣмъ? Подумайте, Этель, ни одного средства, такъ-таки ни одного?

Она сама не понимала, что говорила отъ волненія. Она чувствовала только, что теперь въ ней билось большое страданіе, и это требовало хоть вопроса, чтобы не задавило въ ней человѣка.

— Непремѣнно себя искалѣчу, — не понявъ ее, отвѣтила Этель, — вы это увидите, Ита. Завтра я пойду къ Миндель.

Ита стала уже подниматься по лѣстницѣ, какъ вдругъ Этель остановила ее и сказала:

— Совсѣмъ я забыла передать вамъ. Михель цѣлый часъ уже ждетъ васъ у лавочницы. Смотрите, не медлите. Кажется, онъ страшно сердитъ на васъ.

— А—а, — произнесла Ита разсѣянно, — Михель меня ждетъ.

И съ сквернымъ чувствомъ поднялась къ себѣ.

Но скверное чувство это не относилось къ Михелю, и было недоброе настроеніе, которое только что установилось въ ней, какъ устанавливается тѣнь, неощутимо, но рѣзко и отчетливо.

Вѣсти изъ окраинъ становились съ каждымъ днемъ все тревожнѣе. Ита ежедневно отъ той или другой кормилицы узнавала о новой смерти и напрягала всѣ силы, чтобы не пасть духомъ. Опять образовался промежутокъ безразличныхъ дней съ однообразными заботами и привычными интересами, и подозрительное спокойствіе это длилось все время, пока изъ окраинъ не было дурныхъ вѣстей. Но въ одинъ день вдругъ все перемѣнилось. Точно кто взялъ и рукой отвелъ какую-то преграду, и подждавшее злое и скверное, давно готовое ринуться разомъ, хлынуло неудержимымъ потокомъ. Собственно зло началось еще со смерти ребенка Гитель, павшаго первой жертвой весенней эпидеміи. Хотя шли разнородные слухи о кончинѣ мальчика, но въ дѣйствительности онъ умеръ отъ крупа, и въ этомъ сезонѣ онъ какъ бы первый подалъ сигналъ своимъ сотоварищамъ, разбросаннымъ по окраинамъ, начать собираться въ путь. Но такъ какъ въ теченіе послѣдовавшихъ дней болѣзнь нигдѣ не проявлялась, то населеніе постепенно начало успокоиваться. Внезапно смерть объявилась одновременно въ нѣсколькихъ концахъ, унесла нѣсколько дѣтей, опять прекратилась на нѣкоторое время и потомъ, точно вскормленная всяческими нечистотами бѣдноты, созрѣвъ на тепломъ солнцѣ, обласканная и обогрѣтая весной, правильно, и уже больше не уклоняясь, начала распространяться во всѣ стороны. Она шла, точно заблудившаяся странница, изъ дома въ домъ, изъ комнаты въ комнату, гдѣ водворялась на короткое время, — быстро убивала

и передвигалась дальше, оставляя за собой длинную ленту мертвых тѣлъ, которыя едва успѣвали убирать. Въ окраинѣ же устанавливалась та суетливая и лихорадочная жизнь, какая бываетъ во время эпидеміи, когда каждый старается уберечь свое родное и кровное. На выкормковъ не обращали ни малѣйшаго вниманія и ихъ десятками тащили съ утра до вечера на кладбище, и, сейчасъ же забытые послѣ смерти, они незамѣтно исчезали навсегда изъ этого суроваго и непривѣтливаго для нихъ міра, гдѣ съ перваго момента жизни у нихъ отнимали право на мать, на ласку, на хлѣбъ. Они умирали обезсиленные и истощенные и, борясь съ болѣзнью, оставленные безъ ухода гдѣ-нибудь въ грязномъ углу жалкой коморки, становились добычей паразитовъ, сотенъ мухъ, въѣдавшихъ имъ въ глаза, въ ноздри, и разлагались, еще не успѣвъ испустить дыханіе. Во всѣхъ этихъ домахъ нищеты и невольныхъ преступленій съ утра до ночи и съ ночи до утра безпрестанно неслись звуки жалобъ и хрипѣнія, сопровождаемые наивысшимъ напряженіемъ дѣтскихъ мышцъ, за которыми слѣдовали конвульсіи и агонія. Послѣ припадка они лежали, покрытые торжествовавшими тучами мухъ, ненужные и мѣшавшіе всѣмъ, и искреннія слезы ихъ матерей, разбросанныхъ по городу подлѣ чужихъ дѣтей, имѣвшихъ иную привилегію и счастье, часто, почти всегда, не сопровождали ихъ въ вѣчное жилище. Развращенныя, жалкія, забытыя, онѣ, подъ кнутомъ нищеты, укравъ молоко у своихъ дѣтей, крали дальше и послѣднее, не имѣя возможности поступить иначе. И смерть, не встрѣчая на своемъ пути матери, торжествовала и, распахнувъ широко крылья свои, съ угрозой повисла надъ дѣтскимъ царствомъ.

Въ одно утро Гайне, распеленавъ хозяйскаго ребенка, шумно забавляла его. Она бросалась на него съ размаха и, припавъ къ его жирной шейкѣ, громко лаяла на него и щекотала поцѣлуями. Мальчикъ заливался отъ хохота, рвалъ ее за волосы, и Ита, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, наслаждалась его счастьемъ. Вдругъ отворилась дверь, и громкіе незнакомые шаги съ особеннымъ пристукиваніемъ раздались въ комнатѣ. Ита быстро и съ безотчетнымъ безпокойствомъ обернулась и увидѣла предъ собой неизвѣстную ей женщину.

— Здравствуйте, — произнесла та равнодушнымъ голосомъ, оглядывая комнату, — я принесла вамъ скверную новость. Пугаться только еще незначѣтъ.

Ита сдѣлала къ ней шагъ, пристально всмотрѣлась ей въ лицо и спросила дрожащимъ голосомъ:

— Что случилось? Я васъ совсѣмъ не знаю.

Она стояла безъ кровинки въ лицѣ и чувствовала, какъ у нея тихо дрожали ноги. Мальчикъ поднялъ крикъ, и лицо его только

что безмѣрно радостное, выражало теперь полное недовольство жизнью. Гайне машинально взяла его на руки и дала ему грудь, чтобы онъ пересталъ мѣшать.

— Меня къ вамъ Эстеръ послала,—безучастно произнесла пришедшая,—вашъ ребенокъ ночью заболѣлъ и съ утра не беретъ молока. Пугаться вамъ еще незачѣмъ. Я посоветовала обложить его шею свинымъ саломъ, чтобы разогрѣть горло. Но Эстеръ не послушалась меня. Теперь ему, конечно, хуже, но все еще пугаться не нужно. Мой два года тому назадъ былъ опаснѣе болѣзнь, но я не пугалась, и онъ выздоровѣлъ.

Отъ страха и этого деревяннаго, безучастнаго голоса у Иты стало мутиться въ головѣ. Она присѣла, обливаясь потомъ, и все лицо ея покрылось морщинами.

— Что же будетъ?—спросила она наконецъ, сообразивъ и отдаваясь минутной вѣрѣ въ слова женщины.—Что мнѣ нужно дѣлать?

У незнакомки совсѣмъ одеревенѣло лицо, и въ каждой его черточкѣ теперь можно было прочесть: бояться ничего не нужно. У Иты лихорадочно работала голова, но чувствами она была еще далека отъ серьезности минуты. Въ этотъ мигъ всѣ ея инстинкты спали, и она испытывала только досаду противъ ребенка, за то, что онъ заболѣлъ и мѣшаетъ ей спокойно жить. Мальчикъ зашнуръ на ея рукахъ, и голова его двигалась вмѣстѣ съ дыханіемъ Гайне. Женщина постояла еще нѣсколько минутъ и потомъ спросила:

— Вы пойдете къ ребенку? Бояться, конечно, нечего, но нельзя знать, что можетъ случиться. Сезонъ начался, и дѣтей косятъ, какъ траву.

Она сдѣлала движеніе, какъ бы собираясь уйти. Гайне встрепенулась и поднялась, все укачивая ребенка. Она безцѣльно прощлась по комнатѣ и, продолжая думать о своемъ мальчикѣ, по-прежнему начала поддаваться ужасу.

— Подождите,—наконецъ, произнесла она,—я сейчасъ пойду съ вами.

Женщина покорно сѣла и стала рассказывать, какъ это случилось. Рассказывать было немного, но она ухитрилась разъ двадцать вставить, что бояться нечего, и для Иты это, наконецъ, сдѣлалось столь ужаснымъ, что она готова была убѣжать отъ нея. Устроивъ, кое-какъ, ребенка и прикачавъ его, она оборвала женщину на полусловѣ и пошла къ барынѣ взять позволеніе отлучиться. Съ барыней у нея вышли большія непріятности, когда та узнала, что у Иты заболѣлъ ребенокъ. Барыня готова была перевернуть еще сотню скандаловъ отъ Михеля, но никакъ не понимала и не хотѣла согласиться, чтобы Гайне пошла провѣдать своего мальчика.

— Нѣтъ, нѣтъ,—упорствовала она, возражая Итѣ,—я не могу васъ отпустить, и вы сами не должны этого желать. Я васъ считала порядочной женщиной, а вы оказываетесь хуже Богъ знаетъ кого. Я васъ вытащила изъ грязи и сдѣлала человѣкомъ, а вы вмѣсто благодарности, хотите погубить моего ребенка. Мальчикъ вашъ не выздоровѣетъ отъ того, пойдете или не пойдете къ нему. Пусть Михель отвезетъ его въ больницу. Я дамъ вамъ нѣсколько рублей не въ счетъ. Вамъ же къ нему незачѣмъ касаться. У него навѣрно скверная болѣзнь, и вы заразите моего. Развѣ мой вамъ не дорогъ?

— Дѣлайте со мной, что хотите,—настаивала Гайне,—но я не могу, я умру отъ безпокойства. Я должна пойти. Мнѣ мой ребенокъ такъ же дорогъ, какъ вамъ вашъ.

Она начала плакать, стараясь словами растрогать барыню.

— Поставьте себя на мое мѣсто. Я должна увидѣть своего ребенка. Я съ ума сойду. Вы должны меня отпустить, вы должны гнать меня, чтобы я пошла. Я хоть и бѣдная женщина, но я тоже мать, и кровь пролила надъ нимъ.

— Пролили кровь,—насмѣшливо произнесла барыня,—животное тоже проливаетъ. Подумаешь, ваша кровь! А вотъ сколько разъ вы меня увѣрали, что мой ребенокъ вамъ дороже жизни. Вы вѣдь клялись въ этомъ?

— Я васъ не обманывала,—тихо отвѣтила Гайне,—я люблю вашего мальчика, это правда. Но и свой мнѣ дорогъ. Только отпустите меня къ нему. Я клянусь, что не дотронусь до него. Но я должна пойти. Вѣрьте мнѣ, что я не могу иначе. Я буду беречься, клянусь вамъ. Можетъ быть ему совсѣмъ не такъ плохо. Пока онъ только груди не беретъ. Отпустите меня.

Она еще долго спорила. Барыня дошла до того, что стала угрожать не пустить ее силой, говорила, что дастъ знать полиціи, но чѣмъ больше она волновалась, тѣмъ Ита становилась непреклоннѣй. Она все твердила и клялась, что будетъ беречься, не притронется къ своему ребенку, и что немедленно отправить ребенка вмѣстѣ съ Эстеръ въ больницу. Барыня, наконецъ уступила, но пригрозила ей немилостью въ будущемъ. Ита съ радостью поблагодарила ее за разрѣшеніе, взяла у нея три рубля и, захвативъ подъ шаль узелокъ, отправилась со ждавшей женщиной къ Эстеръ. Раньше всего ей хотѣлось отыскать Михеля, чтобы не быть безпомощной, но тамъ, гдѣ онъ обыкновенно бывалъ, его уже не было въ этотъ часъ, и она только напрасно потеряла время. Она покорилась и рѣшила все устроить сама. Когда она пришла къ Эстеръ, ее встрѣтилъ старшій мальчикъ, и на вопросъ Иты о ребенкѣ онъ, какъ взрослый, махнулъ рукой и сказалъ, что нехорошо. Гайне съ трепетомъ вошла въ комнату.

Страхъ за жизнь мальчика, удесятерилъ ея любовь къ нему. Ребенокъ лежалъ въ кровати, а подлѣ него сидѣла Эстеръ, опустивъ голову. Ита не подходя близко, молча бросила взглядъ на ребенка, но сейчасъ же не выдержала и подбѣжала къ нему. Тяжелымъ безучастнымъ взглядомъ онъ, въ свою очередь, осмотрѣлъ ее и, какъ ей показалось, съ укоромъ, вздрагивая, отвернулся, тяжело дыша. Гайне всплеснула руками. На мигъ промелькнулъ онъ передъ ней здоровый, румяный, гладенькій, — такой, какимъ онъ былъ, когда она впервые пошла съ нимъ къ Розѣ, и все ея горе, и вся ея вина вдругъ освѣтилась во всей своей правдѣ. Передъ ней лежалъ высохшій мальчикъ съ непомѣрно длинными руками и ногами, синеватый, съ заостренными чертами, — странный маленькій старичокъ, похожій на уродцевъ, сохранныхъ въ спиртѣ. Эстеръ, увидѣвъ Гайне, кивнула ей головой и наклонилась къ ребенку. Мальчикъ потянулся къ ней своими длинными руками. Ита застыла въ положеніи ожиданія, и каждый слабый, какъ бы осмысленный стонъ ребенка, устроившагося на рукахъ Эстеръ, терзалъ ее.

— Я думаю, — произнесла Эстеръ своимъ густымъ, неприятнымъ голосомъ, — что это пройдетъ. Ночью ему, кажется, было гораздо хуже. Только жаръ его меня беспокоитъ. Посмотрите-ка.

Ита притронулась къ его лбу рукой и сейчасъ же поцѣловала его.

— Онъ горитъ, — отвѣтила Гайне, — и совсѣмъ посинѣлъ. Боже мой, хоть бы Михель былъ у меня подъ рукой. Вотъ что, милая Эстеръ, лучше всего будетъ отдать его въ больницу. Какъ вы думаете? Тамъ и другой присмотръ будетъ за нимъ, не правда ли? Конечно, если бы у васъ не было своихъ дѣтей...

— Это вѣрно, и я рада, что вы сами поняли. Я боюсь. Нужно сейчасъ же поѣхать съ нимъ. Вы взяли съ собой денегъ?

— Взяла, Эстеръ. Но въ больницѣ его вѣдь нельзя одного оставить. Если бы, милая Эстеръ, вы были такъ добры...

Эстеръ сѣла и подозрительно посмотрѣла на нее.

— Да, да, добры, — подтвердила Гайне. — Только доброта теперь ваша нужна. Ребенокъ вѣдь къ вамъ привыкъ, теперь вы ему мать, а не я. Вѣрьте, я бы съ радостью, что я говорю съ радостью, съ счастьемъ, съ благодарностью осталась съ нимъ въ больницѣ, но онъ вѣдь меня не захочетъ признать. Я все хорошо знаю; знаю, что у васъ мужъ есть, дѣти, хозяйство, но я заплачу вамъ Эстеръ, одного шага вашего я даромъ не попрошу. Вы должны остаться съ нимъ въ больницѣ.

— Этого, Ита, я не могу сдѣлать. Хоть какія деньги ни дайте, я откажусь. У меня, Ита, мужъ, который тяжело рабо-

таеть. У меня дѣти. Нѣтъ, Ита, вотъ этого я уже никакъ не могу сдѣлать.

— Но я вѣдь прошу, Эстеръ, я умоляю. Я только умоляю, Эстеръ, и ничего больше. Имѣю ли я право требовать? Вы вѣдь, Эстеръ, не можете быть недовольны мной. Чего я для васъ ни дѣлала. Я о васъ, Эстеръ, больше, чѣмъ о себѣ заботилась. Вы можете подтвердить сами, какъ я къ вамъ относилась. Прошу васъ—не меня, такъ его пожалѣйте.

Ита продолжала умолять ее и плакала, и лѣстила, но та все отговаривалась, ссылаясь на семью свою. Незамѣтно Эстеръ стала разгорячаться и, не вытерпѣвъ, наконецъ, принялась ругаться.

— Если вы несчастны,—кричала она,—то не нужно было отдавать своего мальчика такой счастливой женщинѣ, какой я была до знакомства съ вами. Вы нарочно отдали его мнѣ, чтобы разстроить мою счастливую жизнь. Я это отлично поняла съ перваго же раза, когда васъ увидѣла. Тогда я еще сказала себѣ, что эта женщина принесетъ мнѣ несчастье.

Ита не спорила и только съ жаромъ увѣщевала, взывая къ ея добрымъ чувствамъ. Но та не унималась и укоряла ее уже въ другомъ пороѣ.

— Съ другими не испытываешь такого мученія, какъ съ вами,—жалали она.—Ребенокъ заболѣлъ, и никто изъ этого не дѣлаетъ шума. Вы, милая, не первое лицо въ городѣ, не забывайте объ этомъ. Вы только всего на всего кормилица, и ничего больше. Идите и поучитесь еще, какъ нужно жить. Ступайте и посмотрите, какъ относятся такія, какъ вы, къ болѣзни и смерти своихъ дѣтей. Звука не слышно, вздоха не слышно. Здѣсь умираютъ десятками, и не слышно такого шума, какъ вы дѣлаете изъ-за одного. Умираютъ тихо, хоронятъ тихо и всякій занимается своими дѣлами. Вотъ оно какъ должно быть. Развѣ ваши дѣти—тоже дѣти? Ихъ въ шутку можно назвать дѣтьми. Подумайте только, зачѣмъ бы они выросли? Кому они нужны? Вы любите своего ребенка; всѣ любятъ, но не сходятъ изъ-за этого съ ума. Ступайте съ нимъ въ больницу, а меня оставьте въ покоѣ.

Однако, она уже не говорила прежнимъ непреклоннымъ тономъ, а когда на шумъ вошла сосѣдка и, узнавъ въ чемъ дѣло, стала на сторону Гайне, то женщины помирились, а нѣсколько лишнихъ лѣстивыхъ словъ Иты совсѣмъ уладили дѣло. Эстеръ согласилась, наконецъ, остаться съ мальчикомъ въ больницѣ и начала собираться. Когда онѣ вышли, былъ уже полдень. Эстеръ, пройдя кварталъ, объявила себя уставшей и потребовала, чтобы наняли дрожки. Гайне не возражала, и чрезъ нѣсколько минутъ онѣ уже катились по окраинѣ, подымая большое облако пыли... При вѣздѣ въ городъ Ита вдругъ замѣтила Михеля, который

стоялъ у воротъ плохенькаго дома и разговаривалъ съ какой-то женщиной.. У нея сжалось сердце, но, преодолевъ себя, она позвала его. Онъ подошелъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, хотѣлъ было уйти, но Гайне такъ убѣдительно просила его поѣхать съ ней, что онъ согласился и, махнувъ женщинѣ рукой, сѣлъ рядомъ.

Въ больницѣ ихъ немедленно приняли, и когда врачъ осматрѣлъ мальчика, то покачалъ головой и приказалъ немедленно перенести его въ инфекціонное отдѣленіе. Ита похолодѣла, понявъ по лицу доктора, что болѣзнь не шуточна. Однако, этого ей было недостаточно, и робкимъ голосомъ она спросила у врача, что онъ думаетъ о состояніи ребенка. Тотъ махнулъ рукой и произнесъ слово: „крупъ“. Михель, заложивъ руки за спиною, на цыпочкахъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и съ любопытствомъ прислушивался къ всему, что говорили здѣсь. Положеніе мальчика не трогало его, но такъ какъ ему рисовалась пріятная перспектива взять у Иты деньги, то ради нея онъ дѣлалъ видъ, что никакъ не все и опечаленъ.

— Слышишь, Михель,—прошептала она ему, боясь говорить здѣсь громко,—у мальчика крупъ. Пропалъ нашъ ребенокъ.

Въ ея глазахъ стояли слезы отчаянія, и теперь, глядя на Михеля, она искала въ немъ опоры, искала утѣшенія, чтобы не чувствовать на себѣ одной всей тяжести горя.

Михель посмотрѣлъ на нее, на мигъ растрогался и пробормоталъ:

— Что же дѣлать, Ита, что дѣлать?

Гайне при звукѣ этого мягкаго голоса задрожала отъ волненія, и только почтеніе и страхъ къ мѣсту удержали ее отъ рыданій. Она еще постояла подлѣ него, ожидая, не скажетъ ли онъ чего-нибудь, но такъ какъ Михель молчалъ, то пошла проститься съ ребенкомъ и отдала Эстеръ два рубля за доброту. Она долго стояла въ длинномъ каменномъ корридорѣ больницы, мрачномъ, какъ ея душа, слѣдила за Эстеръ, пока та не скрылась, и посылала ей въ догонку слова благодарности и благословенія, не замѣчая, какъ слезы текли изъ ея глазъ. Михель же успокоился и торопилъ ее уйти. Когда они очутились на улицѣ, онъ притворно вздохнулъ и попросилъ для себя рубль. Гайне посмотрѣла на него долгимъ укоризненнымъ взглядомъ, но ничего не сказала и отдала послѣднія 80 копѣекъ, что у нея остались отъ трехъ рублей. Онъ со вздохомъ поблагодарилъ ее и на первомъ поворотѣ приготовился уйти. Ита, понявъ его намѣреніе, не протестовала и чрезъ нѣсколько минутъ она уже плелась одна съ своимъ отчаяніемъ, раскаяніемъ и мучительной жалостью къ ребенку.

Дома она выдержала тяжелую сцену отъ барыни, когда та

узнала, что мальчикъ пріняли въ больницу, но стояла передъ ней съ окаменѣвшимъ выраженіемъ въ лицѣ, равнодушная ко всему въ мірѣ.

— Вы низкая женщина, — кричала барыня, — вы не имѣли права оставаться въ комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ. У него навѣрно дифтеритъ. Я бы васъ сейчасъ же выгнала, если бы къ несчастью не наступили теплые мѣсяцы. Ступайте и примите ванну. Одежду вашу мы сейчасъ же продадимъ старьевщику.

Гайне съ тѣмъ же равнодушіемъ подчинилась всему, чего требовала барыня и весь день была невнимательна къ хозяйскому ребенку.

Ита провела скверную ночь. Собственные огорченія ея отзывались на ребенкѣ. До утра онъ метался въ жару и не давалъ ей минуты возможности сосредоточиться на своемъ горѣ, обдумать его. Съ привычной покорностью она подчинялась его капризамъ, бѣгала съ нимъ по комнатѣ, цѣловала, ласкала и кормила, пѣла тихимъ, нѣжнымъ голосомъ, пѣла громкимъ, чтобы оглушить его, кричала и просила, но всѣ усилія ея были тщетны. Заснувъ или забывшись на минуту, онъ просыпался съ дикимъ воплемъ, и опять начиналась та же бѣготня съ нимъ и стараніе оглушить его пѣсней, крикомъ. Тревожная мысль о томъ, что она могла заразить его, гвоздила ее всю ночь, и поминутно она со страхомъ прислушивалась къ его дыханію и не сводила глазъ съ него, когда онъ глоталъ, трепеща увидѣть гримасу на его лицѣ. Раза два-три онъ глухо кашлянулъ и ей показалось, что наступилъ конецъ ея существованію. Отъ усталости и волненія чувства у нея перепутались, и ей самой неясно было, кого она жалѣетъ, за кого ей страшно. Она трогала его ладонки, которыя горѣли, цѣловала ихъ со смиреніемъ и нѣжностью и думала, какъ несчастенъ ея собственный мальчикъ, до котораго никому въ мірѣ дѣла нѣтъ. Но къ утру ребенокъ, однако, забылся, и когда она, наконецъ, позволила себѣ лечь, чтобы отдохнуть, ее охватила такая волна думъ, что заснуть она не сумѣла.

Наступило утро. Ребенокъ проснулся совершенно здоровымъ, безъ жара, веселенькій. Гайне не чувствовала усталости отъ радости за него. Она начала одѣваться думая, какъ устроить, чтобы вырваться изъ дому. Часовъ въ десять она начала заговаривать объ этомъ съ барыней, зная, что не мало потребуется съ ея стороны упорства и непреклонности, пока та согласится отпустить ее въ больницу. Какъ Гайне предвидѣла, барыня сначала не соглашалась, потомъ кричала, сердилась, но, понявъ, наконецъ, что сила не на ея сторонѣ, примирилась и дала согласіе. Но

чтобы оставить за собой последнее слово, выработала детальную программу, какъ Ита должна будетъ вести себя въ больницѣ. Въ сущности вся эта программа рѣшительно ни къ чему не нужна была, такъ какъ всѣ знали, что въ инфекціонную палату постороннихъ не пускаютъ, но страха ради и на всякій случай строго приказала Итѣ къ ребенку не подходить. Гайне общалась все, чего требовала отъ нея барыня, и въ 12 часовъ вышла изъ дому.

У воротъ больницы ей, какъ въ сказкѣ, пришлось умилиститъ чербера-привратника, который не хотѣлъ впустить ее. И когда она догадалась и всунула въ форточку свою руку съ ключью, входъ какъ бы по волшебству сталъ свободнымъ. Войдя, она долго блуждала въ огромномъ, застроенномъ мрачными флигелями, молчаливомъ дворѣ, не зная въ какомъ изъ этихъ домовъ лежитъ ея ребенокъ, и только послѣ многочисленныхъ разспросовъ, переходя изъ одного корридора въ другой и минуя зданіе, отдѣлявшее первый дворъ отъ второго, она нашла, наконецъ, дѣтское инфекціонное отдѣленіе. Это было простое, удивительно похожее на деревенскій домикъ зданіе, поражавшее бѣлизной своихъ стѣнъ, невысокое, съ частымъ рядомъ большихъ оконъ, и окруженное деревьями. Ита поискала дверей, но не нашла ихъ. Входъ въ домикъ былъ устроенъ сзади, такъ что приходилось миновать глухую стѣну, безъ оконъ, чтобы попасть въ него. Гайне даже не попыталась найти дверей, зная, что ее не впустятъ и подошла къ крайнему окну, въ которое и заглянула. Она увидѣла два ряда кроватей, малютокъ-дѣтей и женщинъ въ блузахъ подлѣ нихъ. Ита долго не находила своего ребенка. Каждый разъ проходили мимо нея люди съ серьезными лицами, сопровождаемые дѣвushками въ халатахъ, и она съ досадой, но почтительно отступала, отрываясь отъ окна. У другого окна, рядомъ съ ней стояли двѣ бѣдно одѣтыя женщины, которыя лицами своими какъ бы срослись со стекломъ. Раза два мимо нея пробѣжала служанка и вдругъ, обративъ почему-то на Гайне вниманіе, участливо и какимъ-то особеннымъ, мягкимъ, добрымъ голосомъ спросила, что она здѣсь дѣлаетъ. Ита отвѣтила дрожащимъ отъ благодарности голосомъ, что она собственно кормилица, но родной ея ребенокъ заболѣлъ крупомъ, и теперь она пришла провѣдать его, но какъ найти его не знаетъ и потому стоитъ подлѣ окна и ищетъ въ залѣ кормилицу ея мальчика. Служанка разспросила фамилію и общалась разузнать, въ какомъ положеніи теперь мальчикъ. Когда она ушла, Гайне опять впиалась въ окно глазами, но понявъ, что ищетъ здѣсь тщетно, осмѣлилась перейти къ тому окну, гдѣ стояли двѣ женщины, и, чтобы задобрить ихъ, спросила кого онѣ выглядываютъ въ палатѣ. Первая отвѣтила, что смотритъ на своего ребенка, который уже выздоравливаетъ. Вторая

сказала, что ея ребенокъ тоже началъ было выздоравливать, но послѣ двухдневной надежды положеніе его ухудшилось и кажется окончательно. Въ самой палатѣ дѣвочки ея теперь не было, такъ какъ ее взяли на операцію, и сама она стоитъ едва живая. Говоря это, женщина плакала и вытирала глаза чрезвычайно грязнымъ платкомъ. Обѣ онѣ также были кормилицами и познакомились въ часы дежурствъ у окна. Гайне нѣсколько разъ сочувственно вздохнула и, наконецъ, попросила у той, у которой ребенокъ выздоравливалъ, уступить ей мѣсто подлѣ окна, чтобы увидѣть и своего мальчика. Кормилица вѣжливо согласилась, и Ита, ставъ на ея мѣсто, послѣ быстрого и внимательнаго осмотра увидѣла Эстеръ, которую сначала едва узнала подъ больничнымъ халатомъ. Эстеръ сидѣла на четвертой кровати, какъ разъ противъ окна, а возлѣ нея фельдшерица возилась съ мальчикомъ. Гайне нетерпѣливо поманила ее рукой, закивала головой, крикнула, но Эстеръ нахмурила брови, прикусила нижнюю губу, давая этимъ понять, что не можетъ теперь выйти. Тогда Ита, забывъ, что Эстеръ не можетъ ее услышать, стала съ мольбой разспрашивать, какъ здоровье ребенка. Эстеръ знаками показала на уши, что не слышитъ и на всякій случай посмотрѣла на потолокъ, какъ бы говоря, что все въ рукахъ Бога. Фельдшерица между тѣмъ перешла на другую сторону кровати, и посадила ребенка у Эстеръ на колѣни такъ, чтобы свѣтъ отъ окна падалъ на его лицо. Ита жадно впилась въ него глазами. Она не слыхала его стонувъ, но угадывала ихъ по выраженію измученнаго личика и вздыхала вмѣстѣ съ нимъ, словно сама страдала отъ удушья. Эстеръ, обхвативъ одной рукой ребенка, положила другую на его лобъ и прижала голову къ своей груди. Теперь Гайне видно было, какъ онъ бился, рвался и изъ темно-сѣраго сталъ фіолетовымъ. Отъ ужаса и страданія Гайне крикнула и замахала руками. Что-то прежнее все-таки оставалось въ лицѣ мальчика и не стиралось временемъ, несмотря на все, что онъ перенесъ за періодъ разлуки съ матерью, и Ита узнавала его по жилочкамъ на шеѣ, которыя и тогда выступали у него, когда онъ капризничалъ. У Эстеръ отъ опущенныхъ вѣкъ было серьезное и строгое лицо, и Гайне чувствовала острую ненависть къ ней. Сама же она продѣлывала всѣ движенія ребенка, и ей казалось, что, испытывая вмѣстѣ съ нимъ боль, она облегчаетъ его страданія. Уступившая ей мѣсто женщина давно толкала ее, но Ита словно приросла къ мѣсту, и ее невозможно было сдвинуть. Когда, наконецъ, окончилась процедура смазыванія, и ребенокъ былъ положенъ на кровать, то и ея боли стихли, и она заплакала долгими слезами, не видя границъ своему несчастью и униженію. Какъ рвалась къ нему ея душа, одухотворенная обостри-

шейся любовью! Чьи заботы и уходъ за нимъ сравнились бы съ ея материнскимъ уходомъ, полнымъ искренности, самоотверженія, ласки, тревоги? Она умирала отъ любви и состраданія, но ничего, кромѣ глядѣнія въ стекло окна, не могла дать своему ребенку, ничего кромѣ слезъ своихъ, которыхъ онъ не могъ видѣть...

Эстеръ, наконецъ, вышла, и Гайне, бросившись къ ней, только теперь разглядѣла, какая та была странная въ халатѣ.

„Ребенокъ умереть“, молніей пронеслось у нея при взглядѣ на Эстеръ.

— Была ночь,—прошептала Эстеръ, влагая въ эти слова страшный смыслъ,—пусть больше не повторится такая ночь.

Ита отвела ее въ сторону и, держа за халатъ, спросила:

— Что говорить докторъ?

— Онъ киваетъ головой, но что это значитъ, не знаю. Фельдшерница, однако, думаетъ, что ему лучше.

— Чего же вы молчите,—открылся вдругъ у Гайне звонкій голосъ,—мнѣ кажется, что я уже двѣ жизни провела въ аду. Она говоритъ, что лучше? Я вамъ, Эстеръ, подарю свое мѣсячное жалованье. Спасите его мнѣ. Только теперь я поняла, какъ люблю его.

— Богъ поможетъ,—произнесла Эстеръ такимъ сухимъ и неприятнымъ тономъ, что Ита отъ страха не пожелала больше объясненій.

„Есть же такіе люди“, подумала она, оглядывая ее.

Она стояла и молча уже слушала Эстеръ объ ужасахъ, творившихся въ палатѣ.

— Вы видите этихъ двухъ женщинъ,—мигнула она, указывая Гайне на кормилицъ, стоявшихъ у окна. — Одна все еще ждетъ чего-то, хотя ребенка ея взяли въ операціонную. Дѣвочка какъ будто стала выздоравливать, но я сейчасъ же поняла, что это самый скверный признакъ.

— Моему вѣдь тоже лучше, — беззвучно и поблѣвъ, прошептала Ита.

Эстеръ смутилась, но сейчасъ же развязно отвѣтила:

— Вашъ другое дѣло. Ему совсѣмъ не такъ уже хорошо снаружи, а главное горло у него поправляется.

Ихъ прервалъ острый, болѣзненный крикъ. Она оглянулась и увидѣла вторую женщину, которая, припавъ къ окну, кричала:

— Разбойники, палачи, что вы сдѣлали съ моей дѣвочкой! Вы ее зарѣзали, зарѣзали!..

Эстеръ, испуганная этимъ крикомъ, посоветовала Итѣ уйти.

— Зачѣмъ вамъ оставаться здѣсь,—убѣждала она ее.—Тутъ никакое сердце не выдержитъ. Каждый разъ здѣсь происходятъ такіе исторіи. А въ палатѣ еще хуже. Тотъ умеръ, тотъ борется

со смертію, того несуть на операцію, и всѣ кричатъ, и мучатся. и страдаютъ, какъ въ аду. Уши не могутъ вмѣстить въ себѣ всѣ плачи и стоны. Идите, Ита, домой, идите, здѣсь вамъ не мѣсто. Идите, и пусть судьба никогда больше не приведетъ васъ сюда.

Гайне постепенно дала себя уговорить и предложила Эстеръ 50 копѣекъ.

— Я вѣдь ему, какъ мать, — сказала та, взявъ деньги, — и безъ меня онъ лекарство ни за что не принялъ бы.

— Вѣрьте, Эстеръ, я въ жизни не забуду вашего добра, вѣрьте мнѣ.

Она опять подошла къ окну и постояла подлѣ него, глядя со слезами на глазахъ, какъ онъ двигалъ руками и переворачивался. Потомъ повернулась къ Эстеръ и дала ей еще 50 копѣекъ.

— Пошлите эти деньги домой, — сказала она, — пусть мужъ вашъ купитъ что-нибудь дѣтямъ.

— Уходите уже, — повторила Эстеръ, — мнѣ пора къ мальчику.

Она показала ей рукой дорогу и ушла. Ита снова попала въ больничный дворъ, попрежнему запуталась и съ недоумѣніемъ стала искать дорогу къ воротамъ. Но, проходя мимо одного изъ зданій, она замѣтила женщину, которая показалась ей знакомой. Она подошла къ ней ближе, всмотрѣлась и, къ удивленію своему узнала Цирель.

— Какъ, это вы? — произнесла та своимъ сильнымъ голосомъ. Какъ вы попали въ больницу, развѣ вашъ мужъ заболѣлъ?

Гайне почти обрадовалась, увидѣвъ ее. Она живо напомнила то время, когда мальчикъ былъ еще ея собственнымъ и возбуждалъ во всѣхъ удивленіе.

— Нѣтъ не мужъ, а ребенокъ, — отвѣтила она. — У него крупъ, и онъ лежитъ здѣсь въ палатѣ.

— Нужно вамъ горевать! Посмотрите, какъ Цирель хорошо устроилась безъ ребенка. А парализованный мой вовсе не можетъ нарадоваться, чтобы его черти задушили.

Она весело разсмѣялась, а Ита, вспомнивъ ея исторію, почувствовала къ ней отвращеніе. Между тѣмъ, Цирель, обрадовавшись встрѣчѣ, начала рассказывать, что отложила уже себѣ немножко денегъ, что мужъ, подавиться бы ему, курить теперь ежедневно табакъ, но мѣсто свое она не скоро оставитъ, такъ ей пока еще выгодно за семь рублей въ мѣсяцъ быть кормилицей и служанкой. Когда же она соберетъ 70 рублей, то перестанетъ служить, возьметъ себѣ мѣсто на базарѣ и будетъ торговать рыбой.

— Ну, а вашъ ребенокъ? — спросила Ита.

— Уродъ мой хотите вы спросить? Я уже забыла о немъ, такъ давно это было. Миндель знаетъ, гдѣ онъ. Навѣрно на

томъ свѣтѣ. Что я хотѣла вамъ сказать? Да, о Миндель. Знаете, ее арестовали.

— Какъ арестовали?—удивилась Ита.—Вы вѣроятно, о другомъ говорите. Кто вамъ разсказалъ объ этомъ.

— Разсказали. За такія дѣла не гладятъ по головкѣ. Я рада, что мое дѣло давнее. Много людей пропало изъ-за нея, это я уже знаю. Но когда объ этомъ не знали, то не знали... А теперь все открылось. У нея скверное дѣло.

— Какое дѣло? Какъ странно, что мнѣ ничего извѣстно.

— А вотъ какое: помните Маню? Подождите, она вѣдь у насъ бывала. Мы однажды даже вышли вмѣстѣ отъ Розы. Помните.

— Боже мой, что случилось съ Маней?—прошептала Ита.

— Маня при смерти. Она лежитъ въ здѣшней палатѣ. Вы не знала объ этомъ? Какъ же. Старуха Миндель что-то повредила ей. Манинъ Яша не захотѣлъ оставить такъ дѣло и донесъ въ полицію. Миндель, конечно, сейчасъ же арестовали. Теперь идутъ слухи, что въ ея комнатѣ нашли трехъ мертвыхъ мальчиковъ.

Гайне слушала и плохо соображала, такъ поразила ее эта новость.

— Какая ужасная исторія,—прошептала она.—Вы увѣрены, что это не выдумка? Маня умираетъ. И вы сами своими глазами видѣли ее въ палатѣ. Бѣдная, несчастная дѣвушка. Я вѣдь недавно ее встрѣтила и общалась зайти къ ней. Какъ я ее умолила не рѣшаться на это.

— Въ жизни все такъ,—философски отвѣтила Цирель,—а своей судьбы не избѣжишь. Хотите ее увидеть? Я могу вамъ показать, гдѣ она лежитъ. Думаю, что успѣете еще попрощаться съ нею.

Гайне съ радостью согласилась, и обѣ направились къ зданію, стоявшему въ концѣ двора.

— Чего не произошло уже за это время,—проговорила Цирель.—Вотъ и Этель похоронили. Какая была славная женщина. Тонкая, умная, а вотъ дала же себя убить. Не лучше ли было родить и отдать ребенка старухѣ Миндель? Нужно, Ита, не только жизнь понимать, нужно быть хитрѣе ея. Что Этель выиграла? Мужъ ея уже женился, хотя и убивался о ней, а она гниетъ въ землѣ.

Гайне слушала и кивала головой. Мужъ Этель женился. Кто бы могъ повѣрить, что онъ способенъ на это? Вотъ подлый человекъ!

Онъ уже входили въ корридоръ, и Цирель оборвала разговоръ. Она указала ей палату, койку, гдѣ лежала Маня, попросила слу-

жанку позволить Итѣ пройти въ залъ и распростилась. Гайне робкими шагами пошла къ палатѣ. По обѣимъ сторонамъ во всю длину зала стояли кровати, на которыхъ лежали или сидѣли женщины. Поодинокѣ или въ компаніи, онѣ расхаживали по палатѣ, въ которой, къ удивленію Иты, царило оживленіе. Гайне съ трепетомъ подошла къ Манѣ, которая, узнавъ ее, слабой улыбкой выразила свою радость, такъ какъ двигаться ей было запрещено. Ита попала въ полосу свѣта и зажмурила глаза. Среднее окно было залито солнцемъ, и въ него нельзя было глядѣть. Отъ окна же шелъ толстый, свѣтлый столбъ, упиравшійся въ противоположную стѣну золотымъ квадратомъ, а въ столбѣ вихремъ кружились и текли микроскопическія пылинки сѣраго цвѣта. Изъ общаго шума въ палатѣ выдѣлились, какъ острія, два визгливыхъ женскихъ голоса, которые спорили другъ съ другомъ чрезъ весь залъ. Изрѣдка забѣгала фельдшерица красная и потная, кричала желчнымъ, возмущеннымъ голосомъ на больныхъ и водворяла порядокъ.

Ита сѣла подлѣ Мани и съ порывомъ схватила ее за руку.

— Вотъ гдѣ пришлось намъ свидѣться,—произнесла она печально,—не ждала я этого. Какъ я предостерегала васъ!

Маня поправила мѣшочекъ со льдомъ, лежавшій на ея непомерно'большомъ животѣ и отвернула лицо. Гайне сбоку посмотрѣла на нее и теперь только разглядѣла, какъ она измѣнилась. Носъ, подбородокъ и губы какъ-то осыли и были темно-желтаго цвѣта, какъ у мертвецовъ. Глаза похудѣли, запали буда-то назадъ, но сверкали удивительнымъ блескомъ, и эти сверкавшіе глаза, вмѣстѣ съ красными, точно подмалеванными щеками, придавали такое одухотворенное выраженіе всему лицу, что на первый взглядъ она производила впечатлѣніе, чего-то сильно живущаго, расцвѣтающаго.

— Помните,—произнесла, наконецъ, Маня,—вы однажды свазали мнѣ про себя, что вамъ не везетъ. Но вы не знали, Ита, что передо мной вы избранница. Также нѣкогда я думала, что у меня есть характеръ, но все-таки проституткой сдѣлалась я, а не вы. Это не изъ зависти говорю, а отвѣчаю на ваши слова. Вы, Ита, мягкая, но если придавить васъ, то вы вся цѣликомъ перетянетесь на другое мѣсто, а меня, твердую, лишь только крѣпко придавили, и я вся сломалась, какъ кукла изъ стекла. Поняли вы уже? Что значили для меня ваши совѣты, вся ваша мольба? Знаете ли вы, что Этель умерла?

— Да, я была на похоронахъ. Теперь ея мужъ женился.

— Вотъ какъ,—произнесла она равнодушно.—А мнѣ рассказывали, что ей никакой нужды обращаться къ старухѣ Миндель

не было. Почему же она сдѣлала? Я, Ита, ничего не понимаю. Чѣмъ больше живу, тѣмъ больше перестаю понимать.

Гайне поспѣшила передать ей послѣдній разговоръ съ Этель, и сначала Маня внимательно слушала, а потомъ махнула рукой, точно рассказъ ее раздражалъ.

— Вы меня не поняли, Ита, вѣдь мы тамъ всѣ почти искалѣченные, и рѣдко кто изъ насъ дѣлается беременной, а счастья все нѣтъ. То, что Этель хотѣла искалѣчить себя, конечно, лекарство; но оно не къ той болѣзни, — съ тайной мыслью закончила она.

— Вы давно уже здѣсь находитесь?

— Пятый день, мнѣ же кажется, что пять лѣтъ, такъ я страдала. Вотъ и теперь я едва удерживаюсь, чтобы не кричать, хотя и къ этому привыкла. Ко всему привыкаешь, Ита, такая уже подлая человѣческая душа.

— А мой ребенокъ лежитъ въ дѣтскомъ отдѣленіи. У него крупъ, — сообщила ей Ита, какъ бы желая дать знать, что не ко всему можно привыкнуть.

Маня поняла и не стала спрашивать.

— Человѣкъ, — произнесла она, все думая о томъ, о чемъ не переставала думать съ момента болѣзни, — человѣкъ — это злая собака, привязанная на короткой веревкѣ. Хорошо еще, что на короткой. Но Яшѣ я никогда не прощу, даже передъ смертью. Вы думаете, мнѣ жизни своей жалко? Если бы я еще вѣрила во что-то, то сказала бы: слава Богу, но уже ни во что не вѣрю, и смотрю на себя, какъ на помойную яму. Есть ли еще какая-нибудь грязь, которая въ меня не была брошена? Вы вѣдь въ лучшую свою минуту не съумѣете себѣ представить, какой я была, когда пріѣхала сюда. Священные книги болѣе грязны отъ пальцевъ людей, чѣмъ я была. И въ два года я вся изгадилась, какъ мѣсто для нечистотъ. Была одна надежда выбраться изъ грязи, и оттого я такъ любила своего будущаго ребенка. Какъ путеводная звѣзда, какъ спаситель онъ былъ для меня. Но и это поггло, какъ раннія мечты мои, какъ женихъ, какъ чистота и невинность моя, и, рѣшившись убить жившую во мнѣ жизнь, я такъ возненавидѣла себя, что смерть, увѣряю васъ, я встрѣчу съ радостью.

Она лежала и строго смотрѣла передъ собой, и въ глазахъ ея отражалась вся ненависть человѣка, безповоротно осудившаго себя. Ита же не понимала ее и старалась вызвать въ ней обычные чувства покорности судьбѣ.

— Не говорите мнѣ объ этихъ вещахъ, Ита, — произнесла она, — я не дѣвочка, и меня пряникомъ не подкупишь. Когда напьешься грязи такъ, что она уже въ горло не идетъ, то что сдѣлаетъ здѣсь капля чистой воды? И она загрязнится, и потому

лучше меня оставить, какъ я есть. Кричать, звать, тоже вѣдь не кого? Кто услышитъ васъ? Кто можетъ помочь? Покричите о своемъ ребенкѣ. Правда, если бы я это раньше знала, то, можетъ быть, здѣсь не лежала бы, но теперь уже поздно горевать. Знаете,—вдругъ сказала она, вѣдь—у Яши новая любовница.

— Не можетъ быть,—возмутилась Гайне,—вотъ низкій человекъ!

— Почему низкій? Скажите человекъ, и будетъ достаточно. Вы думаете, что я ревную? Вотъ тутъ-то вы ошибаетесь. Я вѣдь не сразу пошла къ Миндель. Послѣ того, какъ я встрѣтила васъ, я сказала себѣ: не нужно идти къ Миндель. И не пошла. Стыдно и больно мнѣ сдѣлалось, когда я съ вами поговорила. Такъ замечталась я, такъ замечталась. Я потомъ такія хитрости выдумывала, чтобы скрыть свою беременность, что вы бы удивились.

— Зачѣмъ же вы не убѣжали отъ Яши?

— А зачѣмъ вы не убѣжали отъ Михеля? Не бѣжалось какъ-то. Правда, были мысли, но какъ у птицы въ клеткѣ. Такъ подумаешь и этакъ подумаешь, а наступитъ вечеръ и скорѣе спѣшишь одѣться, чтобы онъ кулаками не погналъ. Но когда очень стало замѣтно, что я беременна, и этого уже никакими хитростями скрыть нельзя было, то въ два дня онъ мнѣ такую жизнь устроилъ, что я не выдержала и пошла къ Миндель. Я бы, пожалуй, повѣсилась,—задумчиво прибавила она,—да, повѣсилась, но надежда помѣшала. Все мысли были, что, можетъ быть, я въ другой разъ, когда забеременѣю, спасу ребенка. Такъ вѣдь я хотѣла матерью сдѣлаться, такъ хотѣла!..

Ита вспомнила и свои чувства во время беременности и одобрительно кивнула головой.

— Какъ-то пьянѣешь отъ этихъ чувствъ,—произнесла она,—и, кромѣ ребенка, ни о чемъ не думаешь. Я это хорошо знаю.

Маня закрыла глаза отъ боли и тихо застонала. Ита, удрученная, молча сидѣла подлѣ нея, и со страданіемъ смотрѣла ей въ глаза. Въ палатѣ уже было меньше шума. Всѣ женщины чинно лежали на своихъ мѣстахъ, и залъ принималъ свой обычный скучный, оффиціальныи видъ. У двухъ кроватей стояли фельдшерицы и наливали въ висѣвшія на стѣнѣ кружки воду, которую имъ подавала служанка. Гайне инстинктивно почувствовала, что нужно уйти и начала собираться. Маня уже громко стонала, губы у нея стали еще краснѣе, а глаза глубже ушли подъ лобъ.

— Я еще навѣщу васъ, дорогая,—прошентала Гайне, пугаясь этихъ стоновъ и не зная, что дѣлать.

Маня вмѣсто отвѣта сильно крикнула. Ита отъ страха вскопчила. На крикъ прибѣжала фельдшерица, а Гайне, опустивъ голову, быстро пошла къ выходу, чтобы избѣгнуть непріятностей.

Она шла съ тяжелой головой, опять потерявшись во дворѣ, и, глядя на мрачныя и непривѣтливныя строенія, не вѣрила теперь, что изъ нихъ человѣкъ можетъ вырваться живымъ. Точно длинныя змѣи, тянулись флигеля во всѣ стороны, и синеватыя отъ юсого свѣта стекла оконъ, какъ глаза, зловѣще глядѣли на нее, когда она проходила мимо нихъ.

„Погибла Маня“, пронеслось у нея, и, вспомнивъ, что и ея ребенокъ тоже за этими стѣнами, она со стономъ вздохнула.

Случайно она набрела на ворота и пошла къ выходу. Когда она очутилась на улицѣ, то вдругъ увидѣла Михеля, который, казалось, поджидалъ ее. При видѣ Иты, онъ быстро подошелъ къ ней и безъ предисловія сталъ кричать, что уже часъ, какъ поджидаетъ здѣсь, но еще болѣе разозлился, когда она замѣтила ему, что не знала объ этомъ.

— Ты всегда должна думать, что я тебя поджидаю, если такъ мало приносишь мнѣ, дрянъ этакая.

Ита даже не подумала упрекнуть его въ томъ, что онъ не спрашиваетъ о ребенкѣ. И только ради того, чтобы отвести его гнѣвъ, который мѣшалъ ей думать, сказала искусственно спокойнымъ голосомъ.

— Помнишь, Михель, Маню. Она лежитъ здѣсь при смерти. Я только что отъ нея.

Михель притихъ и засвисталъ.

— Да, да, я что-то слышалъ объ этомъ, — пробормоталъ онъ, — но Яша совсѣмъ не знаетъ, что ея болѣзнь такъ опасна.

— Вѣроятно, потому онъ и поспѣшилъ сойтись съ другой. Правда, вотъ ужъ подлець. Хорошіе товарищи у тебя, Михель, нечего сказать.

— Ну, ну, это не твое дѣло. А на какой чортъ, скажи, нужна ему больная?

Ита съ ненавистью посмотрѣла на безпечное лицо Михеля и, сдержавъ еще разъ закипѣвшій въ ней гнѣвъ, вынула послѣднія 50 копѣекъ, молча отдала ихъ ему, и когда онъ ушелъ отъ нее, облегченно вздохнула и поспѣшила домой.

Мальчикъ Гайне умеръ на слѣдующій день вечеромъ и былъ перенесенъ въ мертвецкую вмѣстѣ съ другими умершими, гдѣ они и должны были оставаться до утра. Въ мертвецкой уже лежала Маня, скончавшаяся нѣсколькими часами раньше. Она умерла, не примирившись съ жизнью, и лицо ея сохранило выраженіе отвращенія, которымъ она была полна въ послѣдніе часы. У смертнаго одра этой несчастной женщины не было ни одного родного человѣка, и лучшія мысли, которыя ей казались важными и хотѣлось высказать, она унесла съ собой въ могилу. Вмѣсто

живого человека, только что кипѣвшаго страстями, образовалась свободная пустота, ждавшая своего заполнения новой жертвой.

Въ тотъ же самый вечеръ Эстеръ, сперва провѣдавъ свою семью, отправилась къ Гайне, чтобы извѣстить ее о смерти ребенка. Эстеръ была очень оживлена отъ заботъ и предстоящихъ перемѣнъ, такъ какъ всегда эти, хотя и хлопотливыя, перемѣны сулили недурный излишекъ заработка. Счетовъ своихъ съ Итой она точно не помнила, но знала, что много перебрала у нея, и это вмѣстѣ съ свѣжими деньгами и подарками, которые должны были явиться съ новымъ ребенкомъ, обѣщало нѣчто очень пріятное и желанное. Она весело закусила, поболтала съ сосѣдками, предъ которыми нарочно дѣлала печальное лицо, и это было тоже ей пріятно, ибо свое благополучіе только тогда хорошо знаешь, когда чувствуешь, что другому скверно, — а потомъ, приказавъ мальчику не пускать отца ложиться до ея прихода, отправилась къ Гайне. По улицѣ она какъ бы плыла, а не шла, такъ легко у нея было на душѣ, и когда явилась къ Итѣ, то была совершенно вооружена, чтобы не упустить заработка, который могъ ей перепасть у Гайне. Въ кухню она вошла не прямо, а постучала въ окно. Цѣли этого новаго пріема она и сама не знала и дѣйствовала, какъ по вдохновенію, и, впущенная кухаркой, словно подъ вліяніемъ ужаснѣйшаго горя, упала, а не сѣла на стулъ, опустила голову, согнувшись вдвое и свѣсивъ руки, такъ что чуть не доставала ими до пола. Кухарка, при одномъ взглядѣ на эту странную позу, поняла о случившемся несчастии и изъ сожалѣнія быстро закрыла дверь, ведущую въ комнату, чтобы не дать Итѣ возможности слышать голосовъ. Сдѣлавъ это, она подошла къ Эстеръ, тронула ее за плечо и тихо спросила:

— Умеръ? Не тяните долго.

И, впившись въ нее глазами, ловко высвободила свои уши изъ-подъ платка, покрывавшаго ее голову, съ цѣлью не пропустить ни одной буквы изъ отвѣта.

— Только что скончался, — прошептала Эстеръ, исправивъ положеніе своей головы и тѣла. — Но я не въ силахъ передать бѣдной Итѣ эту вѣсть. Возьмите на себя заботу. Подготовьте ее какъ-нибудь. А я не могу. Я такъ измучена смертью и концомъ этого несчастнаго мальчика, что ея горя уже не вынесу. Ахъ, счастливы вы сто разъ, что не присутствовали, какъ онъ умиралъ. Вѣдь онъ, какъ взрослый, прощался со мной. Я еще какъ-будто вижу его. Право, на родную мать такъ не смотреть, какъ онъ глядѣлъ на меня. Пожалуйста, пойдите къ ней, скажите ей.

— Этого, Эстеръ, я не могу на себя взять, не рассчитывайте на меня. Я бы себѣ никогда не простила такой жестокости. Пріятно быть хорошимъ вѣстникомъ. Вы, Эстеръ, уже въ дѣлѣ —

кончайте его. Вамъ простиительно. Не вы виновны и сдѣлали для ребенка больше, чѣмъ человѣкъ можетъ.

Эстеръ подняла глаза къ небу, какъ бы призывая его въ свидѣтели своей доброты, и рѣшительно сказала:

— Пзовите ее, она по мнѣ сама догадается. Какое несчастье, Боже мой, какое ужасное несчастье.

Онѣ еще нѣсколько времени препирались, кому пойти, но Эстеръ, наконецъ, надоѣла комедія, и она встала съ намѣреніемъ самой отправиться вызвать Гайне.

— Нѣтъ, лучше уже я пойду, — рѣшила кухарка, подумавъ. — Ита можетъ на смерть перепугать ребенка. Ступайте въ подъездъ и подождите. Я ее сейчасъ пришлю.

Эстеръ одобрительно махнула головой и вышла. Но не успѣла еще устыться на свамейкѣ, какъ увидѣла бѣжавшую къ ней Гайне.

— Что случилось, Эстеръ? — крикнула та измѣнившимся голосомъ. — Что, что такое? Ахъ, не говорите еще.

Она закрыла уши руками и, не выдержавъ волненія, визгнула изо всѣхъ силъ. Эстеръ степенно поднялась и, обхвативъ ее руками, ласково, но серьезно сказала:

— Ну, что же за бѣда, Ита, не вы первая, не вы послѣдняя. Будутъ еще у васъ дѣти. Дорогому мальчику теперь лучше, чѣмъ намъ. О, повѣрьте, гораздо лучше. Ита, что же это вы дѣлаете? Ита! Богъ съ вами, несчастная.

Гайне, вырвавшись отъ нея, вцѣпилась обѣими руками въ свои волосы и съ ожесточеніемъ выдирала ихъ. При этомъ она кричала, какъ помѣшанная, издавая ужасные крики, долгіе и густые, и топала ногами. Крики моментально собрали народъ вокругъ нея. Всѣ толпились и съ тревогой спрашивали другъ у друга, что случилось, и не успокоились, пока Эстеръ не разсказала ближайшему къ себѣ человѣку, въ чемъ дѣло. А Ита продолжала кричать одними звуками, не находя ни одного слова для выраженія своего горя, и колотила себя уже кулаками по головѣ. Кругомъ нея разносился говоръ, и каждый что-нибудь дѣлалъ, чтобы помочь ей. Кто-то уже держалъ въ рукахъ лимонъ, запахло нашатыремъ, кто-то перехватилъ туго-на-туго руку Иты подлѣ плеча платкомъ, чтобы не дать ей упасть въ обморокъ, а Гайне все кричала, точно то, что управляло ея голосомъ и крикомъ, совершенно испортилось, а воля была безсильна задерживать эти звуки. Вдругъ она внезапно замолчала и упала безъ чувствъ. Нѣсколько человѣкъ подхватили ее и осторожно понесли наверхъ. Потомъ разошлись и остались выжидать во дворѣ, не понадобится ли еще ихъ помощь. Подлѣ Иты остались Эстеръ и кухарка и хлопотали, чтобы привести ее въ чувство. Барыня, встревоженная шумомъ, зашла въ кухню, посмотрѣла на лежавшую, мертвенно блѣдную кормилицу, разузнала, въ чемъ дѣло, и

осталась подлѣ на нѣсколько минутъ, выразивъ на лицѣ соболѣзнованіе. Потомъ вышла разстроенная, думая, главнымъ образомъ, о томъ, какъ отозвется на ея ребенкѣ горе Гайне.

„Если бы это случилось на двѣ недѣли позже, мальчика можно было бы отнять, а ее отправить“.

Но еще болѣе огорчилась барыня, когда подумала, что сегодняшнюю ночь ей придется самой повозиться съ ребенкомъ.

Ита, между тѣмъ, понемногу приходила въ себя. Дикими, большими глазами она оглядѣла комнату и, замѣтивъ, наконецъ, Эстеръ, сначала не узнала ее, но инстинктивно крикнула отъ страха. Эстеръ быстро начала ее уговаривать, стараясь смягчить свой голосъ, и при содѣйствіи кухарки начала приводить въ примѣръ массу прекрасныхъ и нравственныхъ исторій о томъ, какъ хорошо, если дѣти умираютъ въ раннемъ возрастѣ, не познавъ ужасовъ жизни. Гайне съ тупымъ отчаяніемъ слушала ихъ, заливалась ненадолго слезами, опять слушала и незамѣтно дала усыпить болѣвшее чувство. Когда она заговорила, то заговорила какъ бы простуженнымъ и пропадавшимъ голосомъ и попросила Эстеръ рассказать ей подробно о послѣднихъ минутахъ ребенка.

— Я никакъ не могла вырваться, чтобы навѣстить его еще разъ, — всхлипнула она, вдругъ вспомнивъ, какъ ей хотѣлось сегодня пойти въ больницу, — барыня ни за что не хотѣла меня отпустить. Главное, меня успокоило то, что вы никого не присылали ко мнѣ.

Эстеръ съ аппетитомъ начала рассказывать все до мельчайшихъ подробностей, не забывъ попутно прибавить о смерти двоихъ дѣтей, матерей которыхъ Гайне вчера видѣла у окна отдѣленія, а Ита подавляла въ себѣ рвавшееся изъ груди рыданіе, чтобы прослушать и навѣкъ запомнить всѣ эти ужасныя, но дорогія теперь подробности о ребенкѣ.

— Когда его похоронятъ? — вмѣшалась кухарка.

Гайне, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, глухо заплакала и закрыла лицо руками, а Эстеръ дѣловито отвѣтила:

— Конечно, завтра, — и озабоченно прибавила: — нужно не забыть сходить въ контору и сторговаться за похороны. Вы встанете пораньше, Ита, чтобы выиграть время. Если не поспѣшить, то мальчика могутъ разрѣзать въ больницѣ. Ихъ вѣдь тамъ, какъ капусту, рѣжутъ, если не поторопиться убрать.

— Я объ этомъ васъ попрошу, дорогая Эстеръ, — робко произнесла Гайне, отнимая руки отъ лица и вытирая глаза. — Моя голова теперь никуда не годится. Сама я ничего не сдѣлаю. Возьмите это на себя. Вы окажете несчастному мальчику послѣднюю услугу.

— Положимъ, я завтра занята; впрочемъ, я всегда занята. Но для мальчика сдѣлаю все. Есть у васъ деньги?

— Да. Я вамъ дамъ.

— Ну, такъ будьте спокойны. Съ деньгами я все скоро устрою. Вотъ, что я хотѣла вамъ сказать, Ита. Хвалить себя я не намѣрена. Пусть другіе меня хвалятъ. Но я по справедливости скажу, что за труды свои многое заслужила. Я потеряла время, трудъ, но не будемъ говорить долго объ этомъ. Наградите меня сами. Я довѣряю вамъ оцѣнить, сколько я заслужила у васъ.

Гайне посмотрѣла ей прямо въ глаза, но первая отвернулась и пошла къ барынѣ попросить денегъ. И только черезъ четверть часа, послѣ долгихъ объясненій съ барыней, она вернулась съ деньгами. Эстеръ при видѣ ея расцвѣла. Ита немеленно отсчитала ей столько, сколько она просила, еще разъ заставила рассказать себѣ подробности о смерти мальчика и такъ увлеклась, что просидѣла бы всю ночь, слушая. Но Эстеръ уже нечего было ждать здѣсь, и потому она безъ смущенія стала собираться, ссылаясь на то, что уже очень поздно. Кухарка также посоветовала не задерживать Эстеръ, чтобы та не проспала, и Гайне со вздохомъ согласилась, условившись утромъ встрѣтиться съ ней въ больницѣ. Потомъ, когда Эстеръ ушла, Ита молча отправилась въ свою комнату, легла лицомъ въ подушку и долго оставалась безъ движенія, тихо оплакивая свою жизнь. Ребенка не было въ комнатѣ, барыня побоялась довѣрить ей его, и Гайне еще больше чувствовала свое одиночество, всю ненужность въ этомъ мірѣ. Посреди ночи разъядающая печаль и сиротливость, послѣ стоновъ и слезъ, стали такъ невыносимы, что она рѣшила отправиться къ барынѣ за ребенкомъ, чтобы набраться мужества у своей любви къ нему. Но барыня не согласилась дать ей мальчика, и Гайне, еще болѣе уничтоженная, поплелась въ себѣ обратно, гдѣ совсѣмъ уже дала волю тому, что такъ мучило ее. Всплывши зубами въ подушку, она съ какимъ-то сладострастіемъ кричала въ нее изо всѣхъ силъ, какъ бы желая надорвать горло, легкія и сердце такъ, чтобы перестать чувствовать душевную боль. Какъ нарочно передъ ея глазами въ различныхъ видахъ и позахъ стоялъ ея мальчикъ и улыбался, и манилъ ее ручками, такой свѣженькій, розовенькій, гладенькій, и образъ его, заманчивый и ускользающій, вызывалъ въ ней такое отчаяніе, что ей хотѣлось разомъ прикончить съ собой, до того жизнь безъ него казалось ей ненужной, скучной и неинтересной. Вспоминала она и Михеля, которому не будетъ никакого дѣла до ея горя, который только выиграетъ отъ смерти мальчика, и ей хотѣлось побѣждать отыскать его и разозлить такъ, чтобы онъ ее убилъ. А въ душѣ, прорываваясь сквозь скорбныя мысли, властно выплывала и тенулась сѣрая, тяжелая дѣйствительность, нагло подсказывавшая, что ничего не измѣнится, и дальнѣйшая ея жизнь будетъ долгимъ и бессмысленнымъ повтореніемъ того, что она пережила въ этотъ годъ. И думалось ей еще, что не долго продержатся въ ней

всей свѣжести настоящія чувства, что они станутъ обычными и неострыми, и привыкнетъ она къ нимъ, какъ привыкла ко всѣмъ своимъ злословіямъ, и воспоминаніе обо всемъ зломъ будетъ затихать и выталкиваться новымъ и новымъ стремленіемъ прожить какъ-нибудь свою жизнь, чтобы меньше только чувствовать ея толчки и незамѣтно добратъ до смерти, которая все успокоитъ, сотретъ.

„Зачѣмъ же дальше жить, Господи!“ думалось ей.

— Развѣ нѣтъ надежды?—отвѣтила она себѣ.

Надежда! И она забылась, шепча это драгоценное, живительное, освѣщающее мракъ жизни слово, съ которымъ слабый и погибающій человѣкъ борется противъ яснаго пониманія нелѣпости и безцѣльности существованія.

„Надежда, надежда!..“

Великая обманщица опять побѣдила, какъ всегда побѣждала, и пошла отъ Гайне дальше къ людямъ, которые съ нетерпѣніемъ поджидали ея вдохновляющаго призыва на великій подвигъ—продолжать жить...

Гайне возвращалась съ кладбища, и двѣ женщины, Гитель и Цирель, поддерживали ее съ обѣихъ сторонъ. Жена парализованнаго уже долго поучала ее философіи жизни, но Ита разсѣянно слушала, невольно поддаваясь обаянію прекраснаго, свѣжаго, пахучаго дня. Отдѣленная отъ своего ребенка двумя аршинами земли, подъ которыми онъ теперь покоился, она начинала чувствовать, хотя и не полно, что огромная тяжесть, давившая душу, постепенно покидаетъ ее. Могила все закрыла, и страхи, и опасенія, и подозрѣнія, терзавшія ее, когда онъ лежалъ въ больницѣ, и когда еще была возможность спасти его, уже прошли. Теперь она возвращалась къ чужому, на котораго перенесла материнскую любовь,—и съ нимъ она немного отдохнетъ отъ печали. Нестрашнымъ казался ей и Михель, ибо въ такой прекрасный, радостный, ликовавшій день ничто не можетъ казаться страшнымъ, и будущее рисуется въ чудныхъ, радужныхъ краскахъ.

Сзади же шелъ Михель съ Яшей. Яша былъ задумчивъ, и на глазахъ его еще не высохли слезы, которыя онъ пролилъ у могилы Мани.

— Не горюй, дурень,—убѣждалъ его Михель,—прошлаго не вернешь. Съ другой будешь поступать умнѣе. Видишь ее,—онъ указалъ на Гайне,—даю тебѣ слово, что черезъ недѣлю она будетъ беременна. Такъ-то, мой милый.

Онъ засмѣялся деревяннымъ смѣхомъ совершенно довольнаго человѣка, а Яша, вздохнувъ, рѣшительно стряхнулъ съ себя печаль и сталъ думать о своей новой любовницѣ-модисткѣ, которая на-дняхъ, наконецъ, отдалась ему.

Жизнь продолжалась..

О ВРАЧАХЪ.

(По поводу «Записокъ врача» В. Вересаева).

Памяти «истиннаго учителя и врача» Вячеслава Алексантьевича Манассеина.

«Нельзя все сваливать на общія
условія жизни, для прогресса необхо-
дима и личная нравственность».

«Записки врача» не принадлежать къ числу обычныхъ, распростра-
ненныхъ и довольно безразличныхъ произведеній, которыя съ боль-
шимъ или меньшимъ интересомъ прочитываются и скоро забываются;
доказываетъ это тотъ живой интересъ, съ которымъ набросилась пу-
блика на книгу, обсужденіе ея въ различныхъ обществахъ и продол-
жающаяся цѣлый годъ полемика—рядъ горячихъ похвалъ и еще больше
ожесточенныхъ нападокъ. Впрочемъ, есть якобы равнодушные, но въ
дѣйствительности крайне недовольные врачи-практики и рецензенты,
которые стремятся доказать, что въ «Запискахъ» нѣтъ ничего новаго,
что все это давно и хорошо извѣстно, но уже самый ожесточенный
споръ доказываетъ, что это неправда. Авторъ такъ мастерски и мѣ-
стани художественно собралъ и представилъ старое извѣстное и новое
неизвѣстное публикѣ, что получилась довольно яркая картина лечеб-
наго дѣла, картина очень полезная и поучительная не только для пу-
блики, мало свѣдущей въ этомъ отношеніи, но и для специалистовъ.
Приводимъ здѣсь мнѣніе великаго знатока этого дѣла В. А. Манассеина
(«Врачъ» 1901 г. № 2): «Въ «Мірѣ Божьемъ» (январь) начата печата-
ніемъ статья г. Вересаева «Записки врача». Статья, написанная
очень тепло и талантливо, несомнѣнно, обратитъ на себя вниманіе об-
щей печати. Къ сожалѣнію, авторъ, рисуя недостатки преподаванія
медицины въ Россіи, мѣстами допускаетъ и преувеличенія, и слишкомъ
уже темныя краски,—обстоятельство, которое можетъ ввести читате-
лей-не врачей въ заблужденіе». Краткая, но какая глубоко справед-
ливая и вѣрная оцѣнка; только глубоко понимающій и знающій дѣло
врачъ и рѣдкій мастеръ слова могъ дѣлать такіа поразительно мѣт-
кія и краткія характеристики. Мало того, эта замѣтка была напи-

сана только по поводу первых главъ статьи: какимъ вѣрнымъ пророкомъ оказался Вячеславъ Авксентьевичъ относительно судьбы всей книги, а также достоинствъ и недостатковъ и даже дальнѣйшаго изложенія «Записокъ».

Въ виду большого значенія этой работы и сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго ею на врачей и публику, считаемъ необходимымъ подробно разобрать «Записки врача», а попутно поговорить и еще о нѣкоторыхъ сторонахъ врачебнаго дѣла, мало затронутыхъ или совершенно пропущенныхъ авторомъ, который не былъ общественнымъ врачомъ и на все смотрѣлъ съ точки зрѣнія отдѣльнаго врача. Нужно оговориться напередъ: всѣ неустройства врачебнаго дѣла зависятъ, помимо общихъ условій нашей жизни, отъ несовершенства самой медицины и отъ недостатковъ, присущихъ ея представителямъ врачамъ. Въ нашемъ разборѣ мы остановимся главнымъ образомъ на врачахъ. Матеріаломъ намъ служилъ преимущественно «Врачъ» — эта сокровищница «добра и зла» о врачахъ и врачебномъ дѣлѣ, почему вполне естественно и справедливо посвятить статью памяти Вячеслава Авксентьевича Манассеина, всю жизнь боровшагося съ нашими недостатками, сдѣлавшаго больше, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ врачей, для упорядоченія врачебнаго дѣла и наконецъ такъ справедливо указавшаго всю суть «Записокъ врача»: если бы мы выходили изъ университета хотя немного похожими на нашего дорогого учителя, то о многомъ не пришлось бы писать В. Вересаеву въ своихъ «Запискахъ».

Громадное вліяніе В. А. Манассеина и любовь къ нему студентовъ и больныхъ объясняются между прочимъ его *строгой послѣдовательностью*: на словахъ и на дѣлѣ онъ былъ одинъ тотъ-же; то, что онъ проповѣдывалъ на лекціяхъ и во «Врачѣ», проводилъ онъ и въ своей жизни и дѣятельности. Только такіе учителя и нужны, и полезны, а всѣ тѣ, которые говорятъ много «хорошихъ громкихъ словъ» и предлагаютъ радикальные проекты измѣненія общихъ условій жизни и въ то же время устраиваютъ «лавочки», совмѣщаютъ десятки мѣстъ и ради денегъ и личныхъ интересовъ забрасываютъ свое учительское дѣло, — всѣ эти профессора и другіе реформаторы суть лжеучители и безусловно вредны для молодежи. Нашу молодежь всегда упрекаютъ въ томъ, что она быстро теряетъ свои идеалы послѣ оставленія университетской скамейки, но прежде этотъ упрекъ нужно бросить учителямъ, которые, за рѣдкимъ исключеніемъ, даютъ своимъ ученикамъ и тайные, и явные примѣры пользованія наукой, какъ дойной коровой. Яркій примѣръ такого вреднаго вліянія на врачей даетъ московская Захарьинская школа, прививающая всѣмъ духъ наживы. Находятся такіе quasi-реформаторы, которые утверждаютъ, что личные примѣры и нравственность — ничто, а все — общія условія жизни. Это — сознательная и своекорыстная ложь! О какомъ измѣненіи общихъ условій можетъ быть рѣчь, если наши учителя и наша интеллигенція будутъ руководиться

въ своей жизни только личными интересами, аппетитами и устройствомъ своихъ личныхъ дѣлишекъ? Подобная жизнь только поддерживаетъ и укрѣпляетъ неправильныя общія условія нашей жизни, и только послѣдовательные борцы на словѣ и на дѣлѣ могутъ вести къ желательнымъ улучшеніямъ. Такимъ истиннымъ учителемъ и былъ Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ.

I.

Прежде всего мы горячо привѣтствуемъ В. Вересаева, что онъ рѣшился такъ искренно и откровенно повѣдать всѣмъ свои сомнѣнія и недостатки, горе и мученія, «вся своя сокровенная», на что рѣшаются очень и очень немногіе. «Записки врача» имѣютъ очень важное значеніе, какъ психологическій очеркъ, рисующій намъ развитіе и дѣятельность врача отъ А до Z: какъ онъ обучался, какое вліяніе оказывала медицина на студента, какъ начиналась и развивалась дѣятельность врача, какъ относился врачъ къ больнымъ и обществу, и какъ они отвѣчали ему, какой характеръ складывался во врачѣ подъ вліяніемъ занятія медициной и практикой и т. д. Особенно важны всѣ эти *свои* факты, *свои* сомнѣнія, *свои* неудачи, доводящія до апатіи и отчаянія, — мѣстами буквально слышится вопль души, — *свои* успѣхи, приводящіе къ неудержимому восторгу, какъ все это жизненно вѣрно и интересно особенно для начинающаго врача и студента, который найдетъ во всемъ этомъ много поучительнаго и полезнаго для себя. Не даромъ выпускные гимназисты зачитывались «Записками», желая найти указанія для выбора факультета.

Ограничясь авторъ только этимъ психологическимъ очеркомъ, то и тогда онъ не прошелъ бы безслѣдно, но въ немъ есть и другія стороны, пожалуй, болѣе важныя. Прежде всего многое, что авторъ говоритъ о себѣ, относится въ той или другой степени и къ другимъ врачамъ. Положимъ, одни изъ нихъ болѣе храбры и самоувѣренны, вторые болѣе талантливы или, наоборотъ, менѣе способны, другихъ менѣе волнуютъ сомнѣнія и проклятые вопросы, третьи приобрѣли болѣе знаній и сноровки въ университетахъ, — допускаемъ всѣ эти и другія различія въ способностяхъ, убѣжденіяхъ, характерѣ, склонностяхъ, обстановкѣ, первоначальныхъ условіяхъ для дѣятельности, и все-таки всѣ студенты и врачи такъ или иначе, въ той или другой степени, но испытали многое (если не все) изъ того, что пережилъ авторъ «Записокъ». Кто не испыталъ извѣстнаго волненія передъ первымъ трупомъ, кто не болѣлъ «болѣзнью третьяго курса», кто не волновался за первый прописанный рецептъ и за перваго больного, кто не переживалъ перехода отъ вѣры до полнаго отчаянія въ медицину и наоборотъ, кто, наконецъ, не испытывалъ разочарованій и тяжелыхъ, мучительныхъ сомнѣній въ безсиліи медицины даже въ рукахъ нашихъ луч-

шихъ учителей? Если найдутся таковыя, то они рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, по «Запискамъ врача» читатели знакомятся не только съ авторомъ, но вообще съ жизнью студента и врача, а это можетъ повести хотя бы у нѣкоторыхъ къ болѣе правильному пониманію врачебнаго дѣла и установленію болѣе правильныхъ отношеній между врачами и болѣе развитою частью общества. Приведемъ два примѣра.

Больные, а часто и окружающіе ихъ, обыкновенно весь неуспѣхъ леченія сваливаютъ на врачей, и В. Вересаевъ приводитъ рядъ убѣдительныхъ примѣровъ, что не все зависитъ отъ врача, отъ его незнанія или малой опытности, а часто отъ несовершенства нашей науки, и самые блестящіе представители медицины оказываются *въ настоящее время* безсильными передъ извѣстными болѣзнями и случаями. И вообще авторъ старается умѣрить требованія публики отъ медицины и врачей, что должно уменьшить число разочарованій и массу нареканій на врачей. Публика часто упрекаетъ врачей въ безсердечіи, отказахъ въ помощи и привлекаетъ ихъ къ суду, и В. Вересаевъ прекрасно доказываетъ, что и врачъ—человѣкъ съ его горами и слабостями; что недостатки, за которые проклинали врачей, присущи и легко прощаются другимъ специалистамъ; и что только одни врачи имѣютъ привилегію обязательно помогать всегда и всѣмъ, тогда какъ никому другому законъ не навязываетъ обязательной помощи: врачъ долженъ лѣтѣть всегда по первому зову, а булочникъ не обязанъ раздавать булки голодающимъ, хозяинъ—пускать безпріютныхъ въ свою квартиру, каждый бросаться въ воду спасать утопающаго. Вотъ эта-то *несправедливая привилегія* врачей и подаетъ поводъ къ массѣ нареканій и неправильнымъ отношеніямъ къ врачамъ. Конечно, было бы самообольщеніемъ предполагать, что «Записки врача» измѣнятъ въ корнѣ отношенія публики къ медицинѣ и врачамъ, но несомнѣнно, что онѣ внесутъ нѣкоторый плюсъ въ улучшеніе ихъ, хотя бы среди болѣе развитой части общества.

Кромѣ автобіографическаго отдѣла «Записки» содержатъ еще болѣе важную часть публицистически-полемическую, въ которой авторъ высказываетъ свои взгляды и критикуетъ нѣкоторыя стороны врачебнаго дѣла, положенія и дѣятельности врачей. Въ этой части встрѣчаются, къ сожалѣнію, пробѣлы, неточности и преувеличенія, которые могутъ вызвать невѣрное отношеніе къ медицинѣ и врачамъ. Въ авторѣ постоянно борются художникъ и изслѣдователь, и первый часто побѣждаетъ, что и вызываетъ преувеличенія, излишнюю густоту красокъ, а иногда и противорѣчія. Намъ думается также, что авторъ-художникъ нагромоздилъ въ свою статью слишкомъ много *проклятыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ*, которые также могутъ помѣшать практической цѣли—просвѣщенію публики. Возражать нельзя противъ возбужденія проклятыхъ вопросовъ въ такихъ прекрасныхъ разсказахъ, какъ Кота-Мурдыки, или въ специально-научныхъ статьяхъ, но смѣшеніе

ихъ съ практическими вопросами можетъ только затемнить дѣло. Положимъ, безъ указанія на нѣкоторые подобные неразрѣшимые вопросы нельзя было обойтись, во рядъ другихъ могъ бы быть совершенно исключенъ съ пользой для изложенія и впечатлѣнія. Какое, напримѣръ, имѣетъ значеніе безплодное сѣтованіе автора, что почтовый чиновникъ подвергъ свою жену вторичнымъ мукамъ рожденія ребенка, когда и «Наташа» не избѣгла той-же участи и пришлось даже прибѣгнуть къ помощи оператора? Или для какой цѣли приведены эти вопросы о любви: «И для чего любовь со всей ея поэзіей и счастьемъ? для чего любовь, если отъ нея столько мукъ? Да неужели же «любовь» является не насмѣшкою надъ любовью, если человѣкъ рѣшается причинить любимой женщины тѣ муки, которыя я видѣлъ въ акушерской клиникѣ?» Вѣдь отъ этихъ вопросовъ художника ни любовь, ни результаты ея не измѣнятся, а все-таки... и безъ такой любви жизнь была бы очень не красна.

А вотъ это преувеличеніе художника уже и совсѣмъ вредное: «Нужны какія-то идеальныя, для нашей жизни совершенно необычныя условія, чтобы болѣзнь стала дѣйствительно «случайностью»; при настоящихъ же условіяхъ болѣютъ всѣ: бѣдные болѣютъ отъ нужды, богатые—отъ довольства, работающіе отъ напряженія, бездѣльники отъ праздности, неосторожные отъ неосторожности, осторожные отъ осторожности. Во всѣхъ людяхъ съ самыхъ равныхъ лѣтъ гнѣздится разрушеніе; организмъ начинаетъ разлагаться, даже не успѣвъ еще развиться». Всѣмъ извѣстно, что мы смертны, но зачѣмъ же преувеличенія, зачѣмъ рисовать такую безвыходную мрачную картину и внушать читателямъ невѣрное представленіе, что при настоящихъ условіяхъ куда ни повернись, все болѣзнь и смерть. И теперь, при настоящихъ условіяхъ, можно жизнь устроить болѣе или менѣе правильно, можно избѣжать громадной массы страданій, не вытекающихъ изъ сущности нашей природы,—зачѣмъ же публикѣ сообщать невѣрные представленія о нашей природѣ и гигиенѣ, зачѣмъ безнадежнымъ запугиваніемъ нагонять боязнь и тоску, которыхъ у насъ и такъ хоть отбавляй? Могутъ возразить, что В. Вересаевъ не выдаетъ эти слова за научную истину, а передаетъ только впечатлѣнія удрученнаго безсильемъ науки студента. Къ сожалѣнію, это не такъ: авторъ-художникъ, приведя это впечатлѣніе, заставляетъ автора-ислѣдователя сейчасъ же привести научныя и статистическія доказательства этого: порча зубовъ у школьниковъ, хроническій насморкъ дѣтей, ежемѣсячныя страданія женщины и пр. А между тѣмъ авторъ-ислѣдователь могъ бы привести массу болѣе доказательныхъ фактовъ для обратнаго: англійская смертность гораздо ниже русской, наши дѣти мрутъ гораздо меньше крестьянскихъ, земледѣлецъ-работчій здоровѣе и долговѣчѣе фабричнаго, духовныя лица долговѣчнѣе врачей, правильная канализація оздоравливаетъ города, отсутствіе физическаго труда дѣ-

ласть насъ однобокими и неврастениками и пр., и пр. Всѣ эти первые попавшіеся факты ясно доказываютъ, что санитарныя условія много могутъ сдѣлать для оздоровленія, общественная и личная гигиена много помогаютъ отдѣльному человѣку и всему обществу, и что, слѣдовательно, заключеніе о вредѣ всякихъ настоящихъ условій жизни не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. И въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется не разъ встрѣчать подобныя же столкновенія между авторомъ-художникомъ и авторомъ-ислѣдователемъ, и чаще всего побѣждаетъ первый.

Переходимъ къ *последовательному* обзору.

II.

Студенчество на медицинскомъ факультетѣ обрисовано В. Вересаевымъ крупными и очень удачно выбранными штрихами, захватывающими все главное; всякій читающій врачъ найдетъ тутъ много знакомаго, испытаннаго во время нашей лучшей поры жизни—студенчества. Но остановимся только на особо выдающихся сторонахъ или тѣхъ соображеніяхъ и обобщеніяхъ, съ которыми мы не можемъ согласиться.

Осмотръ и изслѣдованія больныхъ. В. Вересаевъ указываетъ на то, что обученіе студентовъ сопряжено съ непріятностями и подчасъ страданіями для больныхъ, которыхъ приходится разспрашивать, осматривать и изслѣдовать и при томъ при большой толпѣ слушателей; страдаютъ отъ этого, главнымъ образомъ, бѣдные, лечащіеся въ больницѣ и клиникѣ. Является противорѣчіе, изъ котораго авторъ не находитъ выхода: медицина, одна изъ гуманнѣйшихъ наукъ, должна помогать человѣку и въ то же время бѣдныхъ больныхъ обращаетъ въ «манекены» для упражненій. Мы думаемъ, что въ этомъ много преувеличеннаго: большинство нашихъ учителей относится къ больнымъ съ возможной заботливостью и стараются какъ можно меньше беспокоить ихъ, особенно тяжело-больныхъ, и студенты также не забываютъ, что передъ ними не манекены, а живые люди, и къ тому же больные. Бываютъ, конечно, и рѣдкія прискорбныя исключенія, когда профессоръ видитъ въ больныхъ только «объекты» для изслѣдованія; 15—20 лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ вызвалъ большой шумъ случай излѣченія туфель одного больного за то, что онъ, кажется, не согласился на операцію; поднявшійся шумъ и протесты студентовъ и врачей указали, что всѣ они не на сторонѣ энергичнаго профессора. Чѣмъ кончилась эта исторія, не помню. Но за непріятности, испытываемыя въ клиникѣ, больные имѣютъ и очень существенное преимущество: они лечатся у нашихъ лучшихъ врачей и профессоровъ, и всѣмъ извѣстно, что многіе состоятельные больные усиленно домогаются попасть въ клиники и мирятся съ неудобствами ихъ. Пріятны также многимъ, особенно одинокимъ больнымъ, посѣщенія студентовъ-кураторовъ, которые являются хотя бы временнымъ отвлеченіемъ отъ мрачныхъ мыслей о болѣзни;

многіе относятся очень хорошо къ кураторамъ и ихъ изслѣдованіямъ, понимая, что безъ этого нельзя учиться. И если мы вспомнимъ, что для многихъ больныхъ одинъ приходъ врача доставляетъ уже облегченіе, и что психическія вліянія, способствующія отвлеченію вниманія и подъему самочувствія больного, имѣютъ большое значеніе на благопріятный ходъ болѣзни, то мы думаемъ, что клиническая обстановка, съ ея разнообразіемъ и лучшимъ уходомъ, съ избыткомъ покрываетъ вышеуказанныя неудобства. Сравните обычную убійственно-однообразную больничную обстановку и полную жизни клинику, и многіе изъ насъ, конечно, предпочтутъ послѣднюю. А если иногда и обращаются съ больными, какъ съ «объектами», то въ этомъ медицина только не отличается отъ общаго уклада нашей жизни, въ которой *бѣдные* вообще являются только *объектами* для тѣхъ или другихъ, но гораздо худшихъ тѣмъ, слѣдовательно, нужно бороться съ изъятіями въ нашемъ обращеніи и еще больше съ *общей ложью* нашей жизни... Но, во всякомъ случаѣ, будутъ бѣдные или нѣтъ, но учиться нельзя безъ больныхъ, — и по наряду, жребію или какъ-либо иначе, но часть больныхъ должна будетъ проходить черезъ руки студентовъ, этого избѣжать нельзя и выхода другого мы въ настоящее время себѣ представить не можемъ.

Непонятно отношеніе В. Вересаева къ *вскрытіямъ*, о которыхъ онъ говоритъ: «Безъ вскрытій не можетъ выработаться хорошій врачъ, безъ вскрытій не можетъ развиваться и совершенствоваться врачебная наука. Это такъ вѣрно и такъ понятно всякому не только врачу, но и развитому человѣку». И въ то же время авторъ снова увлекается, начинаетъ серьезно считаться съ предразсудкомъ, по которому вскрытіе умершаго есть «поруганіе»; для большаго впечатлѣнія на читателей, цитируетъ причитанія Некрасовской героини, приводитъ факты вреднаго вліянія вскрытій (берутъ больного передъ смертью изъ больницы, избегаютъ ложиться въ больницы изъ боязни вскрытія) и, что всего страннѣе и непозволительнѣе, упрекаетъ больничныхъ врачей, что они присвоили себѣ право вскрывать умершихъ совершенно самовольно: «законъ имъ такого права не даетъ», и родственники имѣютъ право *требовать* выдачи своихъ умершихъ безъ вскрытій. О какомъ законѣ говоритъ авторъ? Вѣдь *высшій законъ* для всѣхъ — польза человечества и развитіе науки, служащей послѣднему, а самъ авторъ признаетъ, что безъ вскрытій наука не можетъ развиваться и служить должнымъ образомъ больному человѣку. Зачѣмъ же ратовать за предразсудокъ и приглашать родственниковъ требовать своихъ умершихъ безъ вскрытія? Конечно, многимъ тяжело соглашаться на вскрытіе ихъ близкихъ людей, но вѣдь еще несравненно тяжелѣе терять этихъ людей только потому, что наука и врачи не достаточно сильны въ борьбѣ съ болѣзнями, а уменьшеніе матеріала для вскрытій явится еще однимъ изъ тормозовъ для этого усовершенствованія. Автору должно быть извѣстно, что не только провинціальныя университеты, но даже и Петербургъ

съ его громадной смертностью нерѣдко не даетъ необходимаго количества матеріала для анатомическихъ и другихъ занятій студентовъ и врачей; если же больницы будутъ отдавать родственникамъ всѣхъ умершихъ, то на чемъ мы будемъ учиться? Затѣмъ авторъ преувеличиваетъ значеніе страха передъ вскрытіями, говоря, что изъ-за него многіе не поступаютъ въ больницу; конечно, есть и таковыя, боящіяся призрака, но большинство избѣгаетъ больницъ по болѣе серьезнымъ соображеніямъ; но, во всякомъ случаѣ, боязнь больницъ—дѣло минувшихъ временъ, а теперь, какъ всѣмъ извѣстно, наши больницы переполнены, и газеты постоянно сообщаютъ о тѣхъ или другихъ печальныхъ послѣдствіяхъ отказа въ приемъ въ больницу. Упрекъ В. Вересаева одному врачу, почему онъ не уступилъ предразсудку матери, упрекъ больничнымъ врачамъ за яко бы незаконныя вскрытія и вообще всѣ сѣтованія по этому поводу включительно до неоднократнаго повторенія слова «поруганіе» есть противорѣчіе самому же себѣ и подливаніе масла въ огонь суевѣрія, а мы, врачи, особенно сталкивающіеся съ массой смыхъ вредныхъ предразсудковъ, должны всѣми разумными путями бороться съ этой тьмой не только въ простомъ народѣ, но и среди просвѣщеннаго общества. Картины же, нарисованныя авторомъ и бьющія на чувства, служатъ обратному. Закончимъ вопросами: будетъ ли доволенъ В. Вересаевъ, если врачей начнутъ таскать въ судъ за яко бы недозволенныя вскрытія въ больницахъ? Послужить ли это къ успѣху науки и благу человѣчества?

Въ вопросѣ о *живосъщеніяхъ на животныхъ* и о подготовкѣ къ хирургической дѣятельности В. Вересаевъ опять-таки проявляетъ свойственныя ему колебанія и двойственность. Онъ, конечно, всецѣло поддерживаетъ предложеніе Мажанди, чтобы врачи, до перехода къ операціямъ на людяхъ, научились оперировать на животныхъ, такъ какъ занятія на трупахъ недостаточны, и «живая кровь животныхъ, струящаяся подъ ударомъ ножа, или содроганіе живыхъ мышцъ во время оперирования развиваютъ въ молодомъ операторѣ смѣлость, находчивость и увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ» (проф. Тауберъ *). На самомъ дѣлѣ, операціи на животныхъ далеко не то, что на человѣкѣ,—всякая ошибка, неудача и даже смерть первыхъ не вызоветъ и сотой доли тѣхъ мученій, какъ самая малая ошибка при операціи на человѣкѣ,—но, во всякомъ случаѣ, онѣ необходимы, какъ дополненіе къ работамъ на трупахъ, если не столько въ *нравственномъ* отношеніи—пріобрѣтенія необходимой храбрости, то въ *механическомъ* отношеніи:

*) Но дальше профессоръ говоритъ: «Но съ другой стороны, я думаю, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такое упражненіе неопытной руки въ операціяхъ на живомъ негуманно и несогласно съ задачами врача вообще». А развѣ болѣе гуманно упражненіе неопытной руки хирурга въ операціяхъ на живомъ человѣкѣ, который, во всякомъ случаѣ, для насъ блаже и понятнѣе, чѣмъ животныя, какъ бы мы ни смотрѣли на послѣднихъ?

присмотрѣться къ текущей крови, живой ткани, умѣнью останавливать кровь и пр. Затѣмъ авторъ отстаиваетъ необходимость живосѣченій и для нужды науки: «Безъ живосѣченій познать и понять живой организмъ невозможно, а безъ полнаго и всесторонняго пониманія его и высшая цѣль медицины—леченіе невѣрно и ненадежно», и дальше: «Безъ живосѣченій нѣтъ пути къ созданію научной медицины, которая будетъ излечивать людей». Наглядно пользу опытовъ надъ животными авторъ доказываетъ остроумнымъ отвѣтомъ одного нѣмецкаго физиолога на запросъ правительства о живосѣченіяхъ: онъ прислалъ въ министерство книгу Германа «Руководство къ физиологіи» съ вычеркнутыми въ ней фактами, основанными на живосѣченіяхъ и оказалось... отъ книги осталось меньше половины. Поэтому авторъ вполне справедливо говорить, что борьба противъ живосѣченій основана на невѣжествѣ публики, и что бороться съ ними могутъ только «очень невѣжественные или очень недобросовѣстные люди». Кажется, взглядъ В. Вересаева по этимъ подробнымъ выдержкамъ ясенъ и опредѣленъ, но... затѣмъ начинается отбой назадъ: авторъ рисуетъ картину мученій оперированной обезьяны Степки, говорить, что «ему было непріятно и немножко стыдно», являлась мысль о преступленіи и заканчиваетъ: «Такая сентиментальность по отношенію къ низшимъ животнымъ смѣшна? Но такъ ли ужъ прочны и неизмѣнны критеріи сентиментальности?» Въ старину и рабъ считался низшимъ существомъ и бросался на сѣдѣніе муренамъ за разбитую вазу. Подобными картинками, сравненіями и вопросами авторъ побиваетъ свои доводы и чувствительныхъ читателей еще богѣе можетъ укрѣпить въ ихъ враждебномъ отношеніи къ живосѣченіямъ. Вѣдь нѣтъ другого выхода, нельзя быть медициной безъ живосѣченій, зачѣмъ же эти сѣтованія? Или уже нужно было быть послѣдовательнымъ и говорить все до конца: ежедневно убиваются многія тысячи всякаго скота и птицы для нашей пищи, ежедневно мучаются, заганиваются до мыла, до смерти рысаки и представители *тасканской* породы, ежедневно эксплуатируются коровы (надѣюсь, это—изнуреніе для нихъ, а не польза или удовольствіе), постоянно холостятся всякія животныя и пр. и пр.

Если уже поднимать проклятые вопросы о борьбѣ за существованіе и др., то слѣдуетъ договариваться до конца, а не останавливаться на полдорогѣ, и, снявши голову, не плакать о волосахъ, т.-е. объ оперированныхъ свинкахъ и обезьянахъ, когда ежедневно многія тысячи убиваются и мучаются не только для нужды, но даже и для удовольствія, иногда сквернаго, людей. Вѣдь не плачутъ же противники и противницы живосѣченій по поводу заѣзженныхъ лошадей и безобразныхъ охотъ на звѣрей, а, напротивъ, сами продѣлываютъ это. А скачки, бои быковъ, цирковыя представленія! Вѣдь мы еще такъ невѣжественны и Полны житейской ложью, что можемъ буквально залучать пару лошадей, чтобы успѣть на засѣданіе противниковъ живо-

сбченій и предложить тамъ самыя строгія кары противъ ученыхъ и врачей, производящихъ эти опыты! Смѣшно, въ виду этой лжи и лицемерія, разводить сентиментальности о небольшомъ числѣ животныхъ, страдающихъ дѣйствительно для пользы науки и человѣчества.

Конечно, всякая жестокость относительно животныхъ очерствяетъ человѣка, дѣлаетъ его, можетъ быть, менѣе чувствительнымъ и къ людскимъ страданіямъ, но съ этимъ нужно мириться, такъ какъ это при настоящихъ условіяхъ неизбѣжно, и нечего поддерживать ложную и лицемерную чувствительность лицъ, ратующихъ противъ необходимыхъ живосбченій и поддерживающихъ скачки и другія свои прихоти, мучительныя для животныхъ и даже для людей. И автору слѣдовало бы прямо заявить: живосбченія, подобно убійству животныхъ для пищи, нужвы, неизбѣжны, и всякіе ахи и охи тутъ излишни и вредны. Еще два слова: могутъ возразить, къ чему всѣ эти возраженія, когда авторъ говоритъ только о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ: онъ поднимаетъ вопросъ о критеріяхъ сентиментальности и такимъ образомъ ставитъ его на общее разсмотрѣніе и разрѣшеніе.

III.

Но вотъ это уже, дѣйствительно, серьезное и справедливое обвиненіе врачей: производились и производятся прямо *непозволительные, преступные опыты надъ здоровыми и больными людьми*, опыты не съ лечебной цѣлью, не только не полезные для больныхъ, но безусловно вредные для здоровья и даже опасные для жизни, какъ-то: прививки сифилиса, гонорреи, мягкой язвы, проказы, рожи, рака, зараженіе холерой и сыпными заразными формами, введеніе зародышей глисть, производимыя не ради леченія различныя впрыскиванія и оперативныя манипуляціи. Всю VIII главу В. Вересаевъ посвящаетъ этому, справедливо названному имъ *мортирологу* больныхъ и здоровыхъ, принесенныхъ въ жертву наукѣ, а, можетъ быть, и самолюбію производившихъ эти преступные опыты; этотъ списокъ можно увеличить изъ «Врача» *), въ которомъ ежегодно приводился рядъ подобныхъ сообщеній, а всѣ ли еще эти опыты доходятъ до печати? Приведемъ нѣкоторые примѣры, не указанные въ «Запискахъ».

Д-ра Arthur Biedl и Rudolf Kraus впрыскивали прямо въ кровь 4-мъ больнымъ 10%-й растворъ винограднаго сахара, и эти опыты не дали ничего даже и для науки. Д-ръ Henry Heimann прививалъ въ уретру 6-ти больныхъ и здоровыхъ гонококки Neisser'a и другіе двое-

*) «Врачъ», 1896, № 4; 1896, № 18; 1900, № 42; 1900, № 35; 1900, № 5; 1900, № 6; 1900, № 11; 1900, № 26; 1900, № 12; 1900, № 48; 1898, № 31; 1884, № 43 и др. №№.

кокки уретры. Проф. Celli впрыскивалъ здоровымъ кровь отъ больныхъ болотной лихорадкой. Проф. Magagliano бралъ кровь у истощенныхъ чахоточныхъ больныхъ для опытовъ надъ животными. Д-ръ Zanon доставалъ путемъ всасыванія иглами содержимое изъ пораженныхъ частей легкихъ чахоточныхъ больныхъ. Д-ръ de Simoni вводилъ въ нозь больныхъ вату, пропитанную молодыми агаровыми разводками палочки Frisch'a—возбудителя риносклеромы.

Въ прусской палатѣ одинъ депутатъ въ горячей рѣчи напалъ на проф. Neisser'a, позволившаго себѣ привить больнымъ проституткамъ (въ томъ числѣ были и малолѣтнія) безъ ихъ согласія противосифитическую сыворотку, причемъ нападавшій депутатъ допустилъ преувеличенія и обрушился на всѣхъ врачей и врачебную науку.

Общая и врачебная печать Германіи была взволнована въ 1900 г. обвиненіями терапевтической клиники проф. Stintzing'a въ Іенѣ въ неопозволительныхъ опытахъ надъ больными; поводомъ къ обвиненію послужила статья бывшего ассистента клиники д-ра Strübel'a, въ которой встрѣчаются прямо невѣроятныя мѣста. Дѣло идетъ о леченіи сахарнаго мочеизнуренія сухояденіемъ: больныхъ запирали на чердакѣ клиники въ небольшую комнату, въ окнахъ которой были желѣзные рѣшетки. Мучимый жаждой, больной пилъ дождевую воду, воду, приносимую для мытья, разъ ночью выпилъ свою мочу, затѣмъ, въ послѣдній день опыта, выломалъ рѣшетку въ окнѣ, вылезъ на крышу и «пробирался въ комнату служанки, гдѣ его накрыли, какъ разъ еще во время, когда онъ подходилъ къ крану водопровода...» Второй больной держался тоже подѣ замкомъ, и въ окно была вставлена тройная желѣзная рѣшетка. Вотъ что говоритъ далѣе д-ръ Strübel: «Въ этомъ опытѣ, правда, съ существованіемъ уже грозныхъ разстройствъ въ общемъ состояніи больного, мнѣ удалось существенно ограничить постоянное отдѣленіе мочи и даже на $1\frac{1}{2}$ часа совсѣмъ прекратить его, причемъ я отлично сознавалъ, что, при постоянномъ надзорѣ за пульсомъ и сердцемъ, я дошелъ до границы дозволеннаго. Если бы больной промучился жаждой еще два часа, то отдѣленіе мочи, можетъ быть, и совсѣмъ бы прекратилось, а, вѣроятно, вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась бы и работа сердца». Эти поступки ассистента нѣмецкая врачебная газета назвала возможными лишь для умалишеннаго человѣка. Въ свое оправданіе профессоръ, между прочимъ, писалъ, что опыты эти были для леченія больныхъ, и что больные добровольно согласились на нихъ и напередъ знали, что имъ придется испытать непріятныя явленія; больной всегда добровольно могъ прекратить леченіе и оставить клинику, а, между тѣмъ, одинъ изъ нихъ поступалъ и второй разъ для новаго леченія. «Эти объясненія, — говоритъ «Врачъ», — конечно, очень важны и смягчаютъ дѣло, но все-таки такіе опыты, хотя бы и съ лечебной цѣлью, не должны бы вовсе производиться».

Въ томъ же году проф. Pflüger обвинялъ проф. Israel'я и Munk'a въ томъ, будто бы они «позволили себѣ продѣлать фізіологическое живосѣченіе на человѣкѣ». Суть дѣла: въ берлинскую больницу поступила дѣвушка со слоновой болѣзнью голени, на которой было отверстие, и изъ него произвольно выдѣлялась пасока. Munk'у и Rosenstein'у захотѣлось изслѣдовать вліяніе разныхъ родовъ пищи на составъ пасоки, на что и согласился Israel. Заживленіе свища было приостановлено, пасоку собирали въ большихъ количествахъ, брали кровь, и больную заставляли нѣсколько разъ голодать по 9—24 часа, кормили иногда липаниномъ, углемъ и др., приставляли кровососныя банки. Въ свое оправданіе Israel, между прочимъ, писалъ, что больная вышла изъ больницы въ цвѣтущемъ состояніи и съ залеченнымъ свищемъ.

Наконецъ, что такое всѣмъ извѣстная буффонада Koch'a съ прививками туберкулина, сколько страданій причинили эти прививки, сколько больныхъ укоротила жизнь пресловутая сыворотка, предложенная для облагодѣтельствованія больныхъ, но безъ всякой научной провѣрки! Можетъ быть, и безсознательное, но все-таки преступленіе, принесшее богатыя и великія милости благодѣтелю и его приснымъ! Но особенно стараются врачи по части преступниковъ и другихъ отверженныхъ, и безъ того лишенныхъ всякихъ радостей. Не только въ старину, но и въ самое послѣднее время, приговоренные къ смерти преступники подвергались различнымъ преступнымъ опытамъ со стороны врачей; особенно въ этомъ отношеніи отличаются американскіе врачи съ электроказнью, о чемъ скажемъ ниже. Усердствуютъ и другіе, если не на практикѣ, то предложеніями, для осуществленія которыхъ у нихъ не хватаетъ силы, но—характерны и предложенія. Dionis des Carrières на французскомъ сѣздѣ по бугорчаткѣ серьезно доказывалъ, что врачамъ слѣдовало бы произвести опыты en grand съ кормленіемъ приговоренныхъ къ смертной казни мясомъ жемчужнаго скота. Проф. Eduard Lang предлагаетъ воспользоваться содержимыми въ тюрьмахъ преступниками для опытовъ надъ сифилитической заразой и антисифилитической сывороткой, такъ какъ «преступники долго остаются въ тюрьмахъ и удобны для продолжительнаго наблюденія». По мнѣнію профессора, этого не слѣдуетъ дѣлать насильно, а должно убѣдить преступниковъ въ пользѣ для людей отъ такихъ опытовъ, такъ какъ «каждый человѣкъ, не исключая преступниковъ, способенъ къ благородному самопожертвованію». Какъ этотъ великодушный профессоръ рѣшается приглашать къ самопожертвованію людей, у которыхъ и осталось, можетъ быть, только одно здоровье, не лучше ли было бы ему самому на себѣ проявить это благородство, чѣмъ убѣждать преступниковъ жертвовать послѣднимъ?

Къ сожалѣнію, не ограничились одними предложеніями. Одному осужденному къ смертной казни прививали проказу; въ Индіи врачи намѣрены прививать холерныя палочки осужденнымъ на смерть съ

услоніемъ, что перенесшіе опыты будутъ помилованы. «Врачъ» справедливо замѣчаетъ, что «не врачамъ быть палачами». Да, это—грустная страница нашего врачебнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что врачамъ-то особенно близки людскія страданія, и имъ же первымъ приходится имѣть дѣло съ послѣдствіями своихъ преступныхъ опытовъ. Мало того, и наука-то нерѣдко не выигрывала ничего отъ этихъ дѣяній, да и въ наукѣ ли тутъ суть, а не въ излишнемъ ли самолюбіи и желаніи покрыть себя nepозволительными лаврами за счетъ здоровья и жизни больныхъ и здоровыхъ людей? Въ самомъ дѣлѣ, лица, истинно увлеченныя наукой, имѣющей своей непосредственной задачей уменьшать страданія, прибѣгали къ совершенно иному пути, они производили опыты, часто опасные и угрожавшіе жизни, на самихъ себѣ, таковы: Спалайцани, Петтенкоферъ и Эммерихъ, Alibert, Blett, Fayet, Lenoble, Индеманъ и многіе другіе извѣстные и неизвѣстные друзья человечества; слава этимъ героямъ за ихъ, дѣйствительно, благородное самопожертвованіе!

Нѣкоторые изъ преступныхъ экспериментаторовъ приводили въ оправданіе, что онѣ дѣлали свои опыты съ согласія лицъ, подвергавшихся имъ, или надъ такими лицами, которымъ предстоитъ скоро умереть или вслѣдствіе болѣзни, или смертнаго приговора. Но эти оправданія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики и еще болѣе ухудшаютъ дѣло; у людей, близкихъ къ смерти, особенно не слѣдуетъ отравлять послѣднихъ минутъ жизни излишними страданіями и такимъ образомъ приближать конецъ, — просто поражаешься, какъ можетъ даже придти мысль *использовать умирающую*; что же касается согласія, то соглашавшіеся на опыты были обыкновенно люди мало развитые, люди зависимые, не могущіе отказать начальству (солдаты), наконецъ, даже малолѣтніе; ян тѣ, ни другіе не могутъ понимать всей той опасности, которой они подвергались, не знали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ (прививки сифилиса) они навсегда вводили ядъ въ свой организмъ и портили всю свою жизнь.

Непримиримый врагъ всякихъ уклоненій отъ непосредственной цѣли медицины, В. А. Манассеинъ писалъ, что опыты самые безвредные и даже всякія наблюденія, приносящія боль или безпокойство, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ тѣ и другія не имѣютъ въ виду лечебной цѣли, могутъ быть производимы только съ полнаго согласія и яснаго пониманія соглашающимися больными и здоровыми, чему они подвергаются. Что же касается опытовъ сомнительныхъ или даже опасныхъ, то здѣсь, намъ думается, мало одного согласія, а нужно, чтобы соглашающіеся были вполне развитые люди или всего лучше врачи, такъ какъ только они ясно понимаютъ, на что они идутъ, и каковы могутъ быть послѣдствія опытовъ: вѣдь не нужно забывать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ экспериментаторъ не знаетъ конечныхъ послѣдствій опыта, какъ же это растолковать неразвитому добровольцу?

Какъ же прекратить всѣ эти опыты, позорящіе врачей и врачебную науку, отъ кого должна исходить борьба? В. Вересаевъ заканчиваетъ свой мортирологъ призывомъ къ обществу: «Но пора и обществу перестать ждать, когда врачи, наконецъ, выйдутъ изъ своего бездѣйствія и принять собственныя мѣры для огражденія своихъ членовъ отъ ревнителей науки, забывшихъ о различіи между людьми и морскими свинками». Конечно, ничего нельзя возразить противъ всякой самодѣтельности общества, но въ данномъ случаѣ оно можетъ сдѣлать очень немного, такъ какъ членамъ общества проникнуть въ больницы и клиники и вмѣшаться въ отношенія между врачами и больными фактически невозможно. Вѣдь не избирать же для этого особую комиссію, которая все-таки не въ состояніи будутъ производить необходимое наблюденіе. Роль общества исчерпывается только протестомъ, а вся борьба противъ этого зла можетъ и должна вестись самими врачами и особенно врачебной печатью и нашими учителями. Кѣмъ и гдѣ производятся подобные опыты? Несомѣнно, что громадное большинство ихъ приходится на университеты и профессоровъ, и въ томъ числѣ не мало извѣстныхъ, какъ, напр., Нейссеръ, Бергманъ и др.; наши русскіе профессора, какъ видно изъ «Записокъ врача», также не безгрѣшны въ этомъ дѣлѣ. Стало-быть, профессора и должны начать борьбу, не дѣлать непозволительныхъ опытовъ и на своихъ лекціяхъ постоянно проводить мысль не только о вредѣ и непозволительности подобныхъ опытовъ, но и вообще о задачахъ и обязанностяхъ врача, что, къ сожалѣнію, дѣлается очень немногими, а остальные профессора заботятся только о приготовленіи ремесленниковъ, мало развитыхъ въ общественно-нравственномъ отношеніи. Оставляя университетскую скамью мало чувствительными въ этомъ направленіи, врачи, подъ давленіемъ жизни и очерствѣвающей спеціальности, дѣлаются еще болѣе неотзывчивыми, не предъявляя протеста противъ встрѣчающихся имъ всевозможныхъ уклоненій. Нѣкоторые изъ возражавшихъ В. Вересаеву говорятъ, что эти опыты—дѣло отдѣльныхъ врачей, и остальные врачи не виноваты въ этомъ; нѣтъ, мы *все врачи in corpore виноваты въ этомъ*, такъ какъ не дѣлая этихъ опытовъ сами, мы не протестуемъ противъ нихъ. Какъ на примѣръ халатнаго отношенія къ своему долгу, могу указать на одно засѣданіе Смоленскаго общества врачей, гдѣ одинъ врачъ дѣлалъ докладъ о своихъ очень стѣснительныхъ хотя и сопряженныхъ лишь съ незначительной болью надъ роженицами опытахъ, имѣющихъ цѣлью изслѣдованіе чувствительности. Было ли получено согласіе изслѣдуемыхъ, я не знаю, но во всякомъ случаѣ, моментъ для опытовъ надъ мучающимися женщинами весьма неудобный, и, однако, старшій врачъ разрѣшилъ эти опыты, а мы, слушавшіе докладъ, дѣлали всякія замѣчанія, и никому изъ насъ не пришла даже мысль протестовать противъ этихъ опытовъ.

Пойдемъ дальше: врачебные съѣзды, общества, академіи, куда по-

сылаются и гдѣ дѣлаются отчеты о различныхъ, а въ томъ числѣ и непозволительныхъ опытахъ, могли бы сократить ихъ до минимума, отказавшись принимать и выслушивать подобные доклады,—тогда не было бы главной цѣли производить эти опыты: вѣдь едва ли кто либо, кромѣ душевно-больныхъ, можетъ дѣлать ихъ только ради собственного удовольствія. А между тѣмъ, эти врачебныя учрежденія охотно выслушиваютъ отчеты о такихъ опытахъ даже безъ малѣйшаго протеста,—такъ сильно дѣйствуетъ увлеченіе наукой и еще болѣе профессиональная нечувствительность, привыкшая ко всевозможнымъ страданіямъ другихъ. Наконецъ, медицинская печать окончательно можетъ добить эти опыты, переставъ печатать отчеты о нихъ; при такомъ отрицательномъ отношеніи общества, съѣздовъ и печати, никто не станетъ работать, такъ сказать, «въ темную», бесплодно, не видя никакой поддержки и результатовъ отъ своей непозволительной и преступной работы. Къ сожалѣнію, настоящая медицинская печать относится также довольно халатно къ этому вопросу, какъ и ко многимъ другимъ врачебнымъ изъяснамъ, и только одинъ Вячеславъ Авксентьевичъ, какъ справедливо указываетъ В. Вересаевъ, упорно, постоянно, не взирая на лица, громилъ въ своемъ «Врачѣ» всякіе подобные опыты и призывалъ всѣхъ врачей къ борьбѣ съ ними.

Если и такому сильному голосу удалось не много сдѣлать; то, конечно, и мы не настолько наивны, чтобы думать, что нашимъ призывомъ къ съездамъ, обществамъ и печати данный вопросъ разрѣшенъ въ окончательномъ смыслѣ; нѣтъ, мы указали только на путь для его разрѣшенія, а затѣмъ онъ, какъ и многіе другіе наши недостатки, можетъ быть устраненъ, когда вообще наши врачебныя съезды примутся за активную борьбу со всѣми тѣми общими условіями, отъ которыхъ зависятъ какъ этотъ, такъ и другіе проклятые вопросы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

IV.

Вышеперечисленный мартирологъ долженъ быть увеличенъ еще громаднымъ рядомъ прискорбныхъ и позорныхъ фактовъ изъ врачебной жизни, о которыхъ В. Вересаевъ совершенно не упоминаетъ. Описанные опыты оправдываются хотя бы тѣмъ соображеніемъ, что они дѣлались для успѣха науки и, слѣд., для облегченія страданій больного человечества, но есть и такіе дѣянія и опыты врачей, которые или безусловны вредны для всѣхъ людей, или прямо служатъ для причиненія страданій и даже смерти. Это обширная область разнообразнаго *палачества*, какъ-то участіе врача въ смертной казни, при тѣлесныхъ наказаніяхъ и практическое примѣненіе *неомальтузіанства* до выкидышей включительно.

Издавна люди пытались бороться съ природой относительно произ-

веденія потомства,—или старались помѣшать самому зачатію, или прерывали начавшуюся беременность; экономическія условія играли тутъ меньшую роль, а главные причины были морально-эстетическаго характера: желаніе возможно дольше сохранить дѣвственныя формы или скрыть послѣдствія вѣбравныхъ сношеній. Насколько извѣстно, это прежде было рѣдкимъ явленіемъ, и только въ недавно окончившемся вѣкѣ, особенно со второй половины его, эта противоестественная борьба стала очень распространеннымъ явленіемъ, и обусловливается она преимущественно болѣе глубокими причинами: затрудненіемъ борьбы за существованіе и экономическими соображеніями—лучше пожить самимъ и лучше обезпечить одного-двухъ дѣтей. Сначала эти безнравственныя дѣйствія были присущи только состоятельнымъ классамъ, а затѣмъ воздержаніе отъ дѣторожденія стало распространяться и среди низшихъ рабочихъ классахъ, гдѣ оно вызывается болѣе насущными причинами, а не тѣми извращенными взглядами, которыхъ держатся высшіе классы. А такъ какъ люди всегда стремятся оправдать свои поступки какими-либо высшими законами, притянуть къ своей защитѣ науку, то и воспользовались совершенно неподходящими сюда «Опытами народонаселенія» Р. Мальтуса, откуда вся кампанія противъ дѣторожденія и получила названіе *мальтузіанства* или, вѣрнѣе, *неомальтузіанства*, такъ какъ Мальтусъ предлагалъ воздержаніе отъ брака и половыхъ сношеній, а никакъ не распутное направленіе настоящаго времени—воздержаніе отъ дѣторожденія при усиленныхъ половыхъ сношеніяхъ.

Къ крайнему сожалѣнію, это движеніе поддерживается и литературой, среди которой находятся не только рыночные писаки, но болѣе или менѣе крупные писатели, проповѣдующіе неомальтузіанство до крайнихъ предѣловъ, таковы Брандесъ, Нордау, Монтегацца и другіе *). Brandes утверждаетъ, что половое наслажденіе принадлежитъ къ общимъ правамъ человѣка и имъ слѣдуетъ пользоваться promiscue; «бракъ, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ законное страхованіе для непрерывнаго полового наслажденія». Nordau говоритъ, что «человѣкъ фактически не есть однобрачное животное», и «женщина должна быть обезпечена ея естественная доля въ любовной жизни человѣчества». Наконецъ, Mantegazza прямо совѣтуетъ «amate ma non generate». Естественно, что всѣ эти совѣты не остаются безъ вниманія и очень печальныхъ результатовъ. На Западѣ воздержаніе отъ дѣторожденія и прекращеніе уже наступившей беременности дошло до ужасающихъ размѣровъ, особенно это замѣтно на Франціи, гдѣ количество народонаселенія остановилось in statu quo; естественный го-

*) «Врачъ», 1899, № 12; 1900, № 12; 1887, № 15; 1900, № 22; 1899, № 37, 1899, № 35; 1894, № 4; 1897, № 1; 1889, № 6; 1898, № 44; 1899, № 4 и 7; 1892, № 9; 28, 14, 44, 46; 1889, № 3; 1898, № 48; 1899, № 40.

личный приростъ населенія крайне незначительный, а нѣкоторые годы наблюдается даже перевѣсъ смертности надъ рождаемостью. Какъ, въ какихъ слояхъ общества и въ какихъ отвратительныхъ и опасныхъ формахъ развито неомальтузіанство во Франціи, видно изъ весьма цѣннаго въ данномъ отношеніи романа Золя «Плодовитость».

Возвращаясь, однако, къ врачамъ, безъ участія которыхъ не могъ возникнуть и развиваться этотъ современный бичъ народонаселенія. И дѣйствительно, врачи принимаютъ въ этомъ явленіи самое дѣятельное участіе, а нѣкоторые сдѣлали его даже своей исключительной специальностью. Насколько правы эти врачи, и соответствуетъ ли ихъ дѣятельность задачамъ врачебной науки и пользѣ человѣчества? Какъ мы говорили уже выше, неомальтузіанство состоитъ или въ предупрежденіи зачатія, или въ прекращеніи беременности, т.-е. производствѣ преступнаго выкидыша. Первое достигается механическими приспособленіями, химическими агентами и различными манипуляціями при сношеніяхъ, о чемъ говорить здѣсь не мѣсто. Курьеза ради отиѣтимъ еще болѣе радикальное предложеніе г-жи Lee Moqué на съѣздѣ американскаго врачебнаго союза въ 1900 году: чтобы разрѣшать браки слабоумнымъ, алкоголикамъ, чахоточнымъ и др. и въ то же время не имѣть отъ нихъ потомства съ болѣзненной наследственностью, эта рѣшительная особа предлагаетъ обезпложивать подобныхъ женщинъ по способу проф. Spinnelli и мужчинъ по способу д-ра Ochsner'a, причемъ способность къ сношеніямъ у обоихъ половъ сохраняется, а способность зачатія устраняется. Вообще, радикалы — американскіе врачи!

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о допустимости всѣхъ этихъ предложений съ нравственной точки зрѣнія, что завело бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы разсмотрѣть всѣ устои нашей соціальной жизни, остановимся только на врачебной сторонѣ этихъ предупрежденій. Всѣ добросовѣстные наблюдатели настаиваютъ на большемъ или меньшемъ вредѣ всѣхъ предупредительныхъ средствъ, нарушающихъ нормальный физиологическій актъ, въ результатъ чего масса разнообразныхъ женскихъ заболѣваній, а также и нервныхъ формъ у обоихъ половъ. Мало того, нерѣдко не достигается и основная цѣль уменьшенія рожденій: при нѣкоторыхъ предупреждающихъ способахъ обѣ стороны остаются неудовлетворенными отъ своихъ половыхъ сношеній, и заводятъ постороннія связи внѣ брака. Я самъ наблюдалъ подобные факты при моей очень небольшой практикѣ среди состоятельныхъ людей въ деревнѣ. Кто-же въ выигрышѣ? Бракъ разрушенъ фактически, нравственная сторона жизни супруговъ, страдающая отъ всякихъ грязныхъ способовъ предупрежденія, окончательно нарушается внѣбрачной связью, и въ заключеніе всего являются тѣ же дѣти, только не отъ супруговъ! Бракъ нормальнаго нѣтъ, а дѣти есть, и послѣдствія этого—

тяжелыя семейныя драмы *). Тоже подтверждаетъ въ своемъ романѣ и Золя. Кстати, онъ же приводитъ примѣры, что смѣлое предложеніе американки Lee Moqué осуществляется въ Парижѣ даже надъ здоровыми женщинами особенными специалистами этого дѣла — врачами; ужасныя послѣдствія этой операціи включительно до смертельныхъ исходовъ описаны въ томъ же полумедицинскомъ романѣ.

Какъ же относятся врачи къ неомальтузіанству и ко всякимъ предупредительнымъ средствамъ, удовлетворяютъ ли они требованія своихъ здоровыхъ пацієнтокъ, часто безъ всякихъ обиняковъ спрашивающихъ врача о болѣе цѣлесообразныхъ средствахъ противъ зачатія? Несомнѣнно, что участіе врачей въ этомъ дѣлѣ очень большое, но учесть его крайне трудно, такъ какъ эта доходная дѣятельность одна изъ самыхъ интимныхъ и обѣими сторонами хранится въ строжайшей тайнѣ. Однако нѣкоторые заграничныя врачи очень энергично проводятъ свои взгляды и занимаются даже изобрѣтеніемъ и рекламированіемъ новыхъ средствъ противъ зачатія. Д-ръ Hans Ferdy жалуется въ одной нѣмецкой газетѣ, что Единбургская коллегія врачей исключила д-ра Albutt'a за изданіе книги, въ которой онъ описываетъ и совѣтуетъ употреблять нѣкоторыя изъ средствъ противъ зачатія. Впрочемъ, Ferdy утѣшаетъ себя тѣмъ, что ученіе новомальтузіанцевъ находитъ себѣ и между врачами всѣ больше и больше приверженцевъ, что въ самое послѣднее время одинъ изъ врачей Петербурга (очень почтенное имя), тайный совѣтникъ, записался въ пожизненные члены лиги. Изъ этого сообщенія видно, что существуетъ даже цѣлая международная лига для поддержки новаго ученія. Д-ра Zeppler, Birnbaum заявляютъ (противъ нихъ горячо возстаетъ д-ръ Böing), что врачъ не обязанъ и даже не имѣетъ права обсуждать подробности каждаго случая, въ которомъ за его помощью обращаются желающіе помѣшать зачатію. Д-ръ S. Herzberg идетъ еще дальше: если врачи не станутъ исполнять подобныхъ требованій, то ихъ замѣнятъ бабки, и врачи лишь потеряютъ своихъ больныхъ; слѣдовать этому совѣту, по мнѣнію Zeppler'a, значитъ только «считаться съ все болѣе и болѣе пролагающими себѣ путь болѣе свободными воззрѣніями на общественные, этическіе и экономическіе вопросы». Какихъ только хорошихъ словъ и принциповъ нельзя привести въ оправданіе самыхъ скверныхъ дѣяній, развѣ только они выгодны для защищающихъ! Характерно въ этихъ

*) «Врачъ» (1883 г. № 52) приводитъ продолжительныя наблюденія врача Lindner'a въ Будапештѣ надъ 52 неомальтузіанками: мужья, не удовлетворяясь неправильными сношеніями съ своими женами-неомальтузіанками, посѣщаютъ публичные дома, заражаются сами и заражаютъ своихъ женъ сифилисомъ и венерическими формами. Кромѣ того, у всѣхъ, долго практикующихъ тѣ или другіе способы воздержанія отъ зачатія, Lindner находилъ болѣе или менѣе серьезные страданія: истерія, маточныя кровотеченія, невралгіи, бѣли, неправильности мѣсячныхъ и пр., и 5 были заражены.

заявленіяхъ то, что не сознаніе въ необходимости и пользѣ заставляеть врачей удовлетворять просьбы паціентокъ, а опасеніе за переходъ послѣднихъ въ руки бабокъ и за лишеніе крупныхъ гонораровъ. Въ Мельбурнѣ «хирургъ О'Нага продалъ акціонерному обществу патентъ на право торговли особымъ порошкомъ Silenette, будто бы предупреждающимъ зачатіе, и когда въ общемъ собраніи отдѣла Британскаго врачебнаго общества въ Victoria баллотировалось исключеніе этого хирурга изъ общества, то подано менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ, необходимыхъ для исключенія,—ясно, что врачи, баллотировавшіе за О'Нага, сочувствовали его дѣятельности».

«Врачъ» въ 1899 г. писалъ, что искусственныя мѣры противъ зачатія не только во Франціи, но сильно распространяются въ Германіи и у насъ въ Россіи. И дѣйствительно, и у насъ начали выступать открыто, какъ на Западѣ, съ рекламами о всякихъ средствахъ. Такъ, въ томъ же году «Врачу» было прислано печатное объявленіе Казанскаго аптекарскаго магазина Г. В. Майзель: «Новость! гигиеническія предохранительныя пластинки «Галь противъ беременности», и дагѣ возмутительныя подробности употребленія этихъ пластинокъ. Нужно замѣтить, что у насъ всѣ медицинскія объявленія могутъ быть только съ разрѣшенія врачебнаго отдѣленія. Какъ же такъ?

Но это только «цвѣтики». А какое отношеніе къ медицинѣ, призванной лечить больныхъ и помогать природѣ въ борьбѣ съ болѣзнями, имѣетъ нарушеніе законовъ природы и причиненіе болѣзней, ведущихъ нерѣдко къ смерти, при прекращеніи уже наступившей беременности посредствомъ преступныхъ выкидышей? А между тѣмъ участіе врачей въ этомъ возмутительномъ дѣяніи, наивыгоднѣйшемъ по величинѣ гонорара, неоспоримо доказано въ значительныхъ размѣрахъ, доказано путемъ рекламъ, публичныхъ сообщеній самихъ участниковъ и судебными дѣлами; послѣднихъ было бы гораздо больше, если бы потерпѣвшіе не подвергались также строгому наказанію за допущеніе произвести выкидышъ, почему эти женщины рѣшаются только въ крайнихъ случаяхъ доводить дѣло до суда; чаще всего эти дѣла начинаются по почину близкихъ или постороннихъ лицъ. Литература по этому вопросу богатая; остановимся на главнѣйшемъ. Калифорнская печать жалуется на возрастаніе преступныхъ выкидышей, негодуя, что этой поворной, но зато весьма выгодной практикой не гнушаются и врачи даже очень почтенные. По поводу обвиненія двухъ Парижскихъ гинекологовъ въ производствѣ преступнаго выкидыша, французская врачебная печать признала печальный фактъ, что дѣйствительно «существуетъ извѣстное и притомъ не очень уже ограниченное число безсовѣстныхъ врачей». Къ остроумному способу узнать врачей и бабокъ, занимающихся преступными выкидышами, прибѣгла одна американская газета въ Чикаго: служащая въ этой редакціи молодая и красивая женщина побывавъ у многихъ городскихъ врачей и бабокъ и со слезами умоляла

избавить ее отъ яко бы вѣбрачной беременности. Въ результатѣ черезъ нѣсколько дней на страницахъ этой газеты былъ опубликованъ списокъ лицъ, занимающихся изгнаніемъ плодовъ, и въ томъ числѣ нѣсколько извѣстныхъ въ городѣ врачей. Поднялся шумъ; медицинское общество разбирало это дѣло и одного изъ врачей приговорило къ исключенію изъ общества. Д-ръ Orthmann обратилъ вниманіе на громадное возростаніе выкидышей въ Берлинѣ 30—40% и болѣе всѣхъ родовъ (при обычномъ процентѣ 10—20) и объясняетъ это необычайно частыми преступными выкидышами. Способствуютъ этому появляющіяся массами въ газетахъ безстыдные объявленія «о надежной помощи противъ остановки кровей» и пр. Среди авторовъ этихъ объявленій есть и врачи, но особенно много повивальныхъ бабокъ. Orthmann предлагаетъ строго преслѣдовать эти объявленія; по справедливому мнѣнію «Врача», объявленія, конечно, вредны, но одной этой мѣрой не удастся искоренить зло, сильно распространенное не въ одномъ Берлинѣ. Въ англійскихъ газетахъ также появлялась масса рекламъ лицъ, занимающихся вызываніемъ преступныхъ выкидышей, подъ видомъ предложенія «лекарствъ противъ неправильностей у женщинъ». Лондонская врачебная газета «The Lancet» повела ожесточенную борьбу противъ этихъ объявленій, и нѣкоторыя газеты прекратили ихъ печатаніе. Наконецъ, дѣла о выкидышахъ нерѣдко фигурируютъ на судѣ, чаще всего привлекаются къ отвѣтственности повивальныя бабки и различные шарлатаны обоого пола, которымъ несчастныя женщины вѣбруютъ свою судьбу и жизнь.

Не ускользаютъ отъ суда и нѣкоторые врачи, которые, конечно, ведутъ дѣло болѣе умѣло и болѣе осторожно, замѣтая старательно свои слѣды или, еще лучше, приводя научныя основанія для производства выкидыша, вызываемаго яко бы состояніемъ здоровья пациентки. Во «Врачѣ» за 1898 г. мы нашли три подобныхъ дѣла объ англійскихъ врачахъ: д-ръ Shorhouse осужденъ на 7 лѣтъ въ каторгу за то, что въ соучастіи съ химикомъ и однимъ шарлатаномъ занимался искусственными выкидышами; къ такому же наказанію приговоренъ д-ръ Collins, котораго судья призналъ профессиональнымъ вызывателемъ выкидышей; наконецъ, д-ръ Whitmarsh приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за преступный выкидышъ у дѣвушки, что вызвало ея смерть на 3-й день. «Врачъ» говоритъ по поводу послѣдняго дѣла: «если бы мы могли вообще признавать смертную жизнь,—этотъ позоръ образованныхъ странъ,—то только что приведенный приговоръ мы должны были бы признать вполне справедливымъ. *Трудно представить себѣ что-либо болѣе гнусное, чѣмъ врачъ совершающій преступные выкидыши!*» Англійская же газета «The Lancet», сравнивая дѣла Collins'a и Whitmarsh'a, сдѣлавшихъ одно и то же преступленіе, но осужденныхъ различно, указываетъ на неопредѣленность англійскаго закона и обращаетъ вниманіе законодателей, что смерть

вслѣдствіе преступнаго выкидыша не можетъ быть относима къ предвѣреннымъ убійствамъ. Очевидно, въ этой газетѣ заговорила профессія, такъ какъ В. А. Манассеинъ вполне справедливо указалъ, что «врачъ, дѣлающій преступный выкидышъ, отлично знаетъ, что послѣдній иногда можетъ обусловить и смерть матери, не говоря уже объ убіеніи плода».

Что касается положенія этого дѣла въ Россіи, то, повидимому, русскіе врачи менѣе западныхъ причастны къ этимъ преступленіямъ: съ одной стороны, борьба за существованіе и конкуренція среди врачей у насъ менѣе развита, съ другой, можетъ быть, русскіе врачи болѣе сердечные и добросовѣстные люди. Во всякомъ случаѣ, проникаетъ и къ намъ эта язва. Ж.-врачъ Н. В. Тальбергъ въ докладѣ о преступномъ выкидышѣ на III Пироговскомъ съѣздѣ врачей отмѣчаетъ, что преступное вытравливаніе плода и у насъ въ Россіи приняло широкіе размѣры, и замѣчается печальное явленіе—содѣйствіе выкидышамъ въ томъ или другомъ видѣ со стороны лицъ врачебнаго сословія. Судебныхъ дѣлъ у насъ очень много о бабкахъ, а о врачѣ мы встрѣтили только одно: юрьевскій д-ръ А. Крамеръ осужденъ за преступный выкидышъ.

Отношеніе медицины и врачей къ преступнымъ выкидышамъ должно быть безусловно отрицательное съ чисто врачебной точки зрѣнія, (не говоря уже о нравственной сторонѣ дѣла), потому что какъ бы искусно ни былъ сдѣланъ выкидышъ, онъ смертеленъ для плода и, что еще важнѣе, безусловно вреденъ для здоровья и даже опасенъ для жизни матери. Но нельзя забывать и о социальной подкладкѣ этого печальнаго явленія, и потому мы приведемъ очень справедливыя слова д-ра Н. Т. Byford'a, который совершенно отвергаетъ производство выкидышей у замужнихъ (кромѣ научныхъ строго опредѣленныхъ показаній), а объ обращающихся къ нему незамужнихъ, для которыхъ скрытіе послѣдствій паденія составляетъ чуть ли не вопросъ жизни и смерти, авторъ говоритъ: «Но когда, истративъ бесплодно и силы, и время на подыскиваніе такого исхода для этой женщины, чтобы она не должна была прибѣгнуть къ выкидышу, испробовавъ и увѣщанія и угрозы, а ее отпускалъ, отказавшись помочь ей освободиться отъ позора, то я чувствовалъ, что либо я, либо свѣтъ совершаетъ какую-то несправедливость, что ошибку ея никакъ нельзя исправить, и что она должна отдать свою жизнь въ руки такого человѣка, который промышляетъ производствомъ выкидышей». Указавъ на всю опасность обращенія къ послѣднимъ, Byfordъ заключаетъ: «Если взгляды общества не могутъ быть нажѣнены, если нѣтъ никакой возможности внушить ему терпимость къ подобнымъ ошибкамъ молодости, то для предупрежденія преступныхъ выкидышей слѣдуетъ дать возможность такимъ несчастнымъ скрыть отъ общества свой позоръ, доставивъ имъ и ихъ дѣтямъ пріютъ въ устроенныхъ для этой цѣли больницахъ».

Конечно, д-ръ Byford безусловно правъ, что врачи, отказавшись отъ участія въ выкидышахъ, вовсе еще не покончили съ этимъ вопросомъ, и имъ всегда придется встрѣчаться съ печальными послѣдствіями; нѣтъ, врачи, въ виду близости къ страданіямъ людей, должны бороться всѣми зависящими отъ нихъ способами съ той колоссальной ложью, которая существуетъ въ нашемъ обществѣ въ области отношеній обоехъ половъ, ложью, доходящей до того, что и теперь дѣти, рожденныя внѣ брака, называются *незаконными*, какъ будто не всѣ дѣти рождаются по одному закону природы! Но одни пріюты и спеціальныя больницы не помогутъ дѣлу, нужно ложь уничтожить въ корнѣ и измѣнить наши законы и наши взгляды на бракъ, а съ другой стороны—бороться съ распространеннымъ въ обществѣ заблужденіемъ, что половое воздержаніе вредно для здоровья. Много *грѣховъ* увидимъ мы и дальше у врачебнаго сословія, но почти всѣ они есть результатъ *общей лжи нашей жизни*, и въ этихъ грѣхахъ виноваты всѣ мы и все общество; вина врачей, можетъ быть, больше только потому, что они, какъ люди науки, люди независимые и могущіе говорить правду открыто и искренно, не дѣлаютъ этого, не протестуютъ, а напротивъ, сами поддѣлываются подъ ложь и неправду жизни часто изъ-за корыстныхъ цѣлей. *Одни грѣшатъ по нуждѣ, а врачи по корысти,—это вина непростительная!*

V.

Новомальтузіанство въ отдѣльныхъ, строго указанныхъ наукой случаяхъ требуетъ участія врачей, но уже никакого отношенія къ врачамъ не имѣютъ и не должны имѣть *тѣлесныя наказанія*; между тѣмъ, врачи и до сихъ поръ играютъ при нихъ унижительную роль: врачи свидѣлствуютъ приговоренныхъ къ наказанію, даютъ свое заключеніе, что приговоренный можетъ вынести наказаніе безъ опасности для жизни (?!), врачи же часто присутствуютъ при самомъ наказаніи, приводятъ наказуемаго въ чувство и рѣшаютъ, можно продолжать наказаніе или его слѣдуетъ отложить; въ послѣднемъ случаѣ тотъ же врачъ вылечиваетъ истерзаннаго и представляетъ его для полученія недоданной ему порціи плетей или розогъ. И все это продѣлывается на основаніи самой гуманной науки, которая заставляетъ насъ давать такое обѣщаніе: «Обѣщаю во всякое время помогать по лучшему моему разумѣнію прибѣгающимъ къ моему пособию страждущимъ». Для всѣхъ ясно, что во всей дѣятельности врачей по тѣлеснымъ наказаніямъ нѣтъ ничего, способствующаго облегченію страданій, а напротивъ, врачъ подготавливаетъ и выдаетъ человѣка на страданія; не будь разрѣшенія врача, наказаніе не можетъ состояться, а врачъ по давнему обѣщанію и по всѣмъ научнымъ показаніямъ не можетъ и не долженъ никогда давать такого разрѣшенія.

И, дѣйствительно, ни одинъ врачъ не имѣетъ твердыхъ научныхъ основаній поручиться, что наказанный не погибнетъ отъ шока, внутреннего кровоизліянія, зараженія или не покончитъ съ собой самоубійствомъ или не сдѣлается душевно-больнымъ. Въ печати общей и медицинской за послѣднее время былъ приведенъ цѣлый рядъ подобныхъ несчастныхъ случаевъ даже послѣ сравнительно легкаго тѣлеснаго наказанія розгами, смерть же подъ плетью всецѣло зависитъ отъ палача и составляетъ нерѣдкое явленіе, но только это происходитъ далеко отъ насъ—въ Сибири *). Могутъ сослаться на служебный долгъ врача, но это—пустая отговорка: не можетъ врачъ давать разрѣшеніе и ручаться въ томъ, чего онъ самъ не знаетъ. И находятъ же врачи возможнымъ и законнымъ отказываться отъ этой, не относящейся къ нимъ обязанности; такъ, напр., служащіе врачи Либовъ и Хлѣбниковъ высказались противъ наказанія крестьянъ розгами во время самарской экзекуціи въ 1899 г. и не дали своего разрѣшенія на это наказаніе; оно и не состоялось бы, если бы не нашелся третій врачъ Г. И. Дюнтеръ, признавшій возможнымъ дать крестьянамъ по 25 розогъ! «Было бы желательно знать *научныя* основы «экспертизы» г. Дюнтера?» спрашиваетъ «Врачъ». «Мы думали, что собственно для врачей нѣтъ надобности доказывать весь вредъ и всю нежелательность такихъ наказаній. Намъ казалось, что *остъ врачѣ могутъ высказываться только противъ тѣлесныхъ наказаній* уже и по тому одному, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить заранее въ каждомъ частномъ случаѣ степень вреда для здоровья и жизни имѣющаго подвергнуться наказанію... Къ сожалѣнію, мы ошибались». («Врачъ», 1899, № 30).

Мало того, находятся даже профессора, медицинскіе журналы и общества, которые отстаиваютъ тѣлесныя наказанія и проповѣдуютъ введеніе ихъ даже тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ **). Проф. Bergmann на судѣ въ Берлинѣ отстаивалъ педагогическую порку и доказывалъ, что данные мальчику монахами 59 ударовъ бамбуковой тростью не составляютъ истязанія, а только педагогическую порку, которую мальчикъ вполне заслужилъ. Предсѣдатель суда сдѣлалъ этому хирургу и тайному совѣтнику внушеніе за его непозволительную рѣчь, и публика встрѣтила ее шиканьемъ и ропотомъ. Германская печать объяснила этотъ поступокъ Bergmann'a тѣмъ, что онъ *родился и воспитался въ Россіи*. Лондонская очень распространенная врачебная газета «The Lancet», жалуюсь на увеличеніе въ Лондонѣ убійствъ и грабежей, происходящее яко бы отъ легкости наказаній, предлагаетъ проучивать преступниковъ

*) Объ участіи врачей и о вредѣ тѣлесныхъ наказаній подробно изложено въ кн. Вл. Яковенко и Д. Жбанкова «Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время» и въ рядѣ моихъ статей по этому вопросу во «Врачѣ» 1897—1901 гг.

**) «Врачъ» 1899, № 16. 1900, № 43. 1899, № 33.

розгами или тяжелой работой, причемъ *всѣ виновники злѣрскихъ нападеній непременно должны быть подвергаемы обстоятельной поркѣ*. Всѣ эти предложенія дѣлаются съ такимъ легкимъ сердцемъ потому, что они не касаются ни насъ, ни нашего сословія. И та же газета (см. выше) вступилась за врача, приговореннаго къ казни за преступный выкидышъ, хотя воровство голоднымъ, конечно, болѣе понятно, чѣмъ убійство врачомъ, дѣйствовавшимъ ради большого гонорара. Судебно-медицинское общество въ Нью-Йоркѣ въ 1899 г. обсуждало вопросъ о публичномъ наказаніи плетью, причемъ почти всѣ участвовавшіе въ преніяхъ высказались въ пользу плетей за извѣстнаго рода проступки. Та же газета «The Lancet» высказывается и за тѣлесныя наказанія дѣтей («Врачъ» 1901 г. № 43); слѣдую ея поученіямъ, старшій врачъ дѣтской больницы Lionel Stretton («Р. Врачъ» 1902 г. № 4) признаетъ необходимость тѣлеснаго наказанія для школьниковъ, требуя только, чтобы «наказаніе было приложено къ тѣмъ частямъ тѣла, которыя природою, повидимому, специально предназначены для этой цѣли (! до болѣе циничной наглости договориться трудно). Этотъ гуманистъ дальше высказывается противъ тонкой трости для наказанія, такъ какъ она можетъ разсѣчь кожу, а предлагаетъ для этого «хорошую толстую трость, подюжина чувствительныхъ ударовъ которою едва ли когда-либо причинить вредъ». И такіе циничные, противные всякимъ законамъ врачебной наукы совѣты даетъ больничный старшій врачъ въ просвѣщенной Англіи. Отсюда вполне понятно, что публика вообще мало довѣряетъ врачамъ, извращающимъ для своихъ личныхъ выгодъ и убѣжденій всѣ законы науки.

Итакъ, просвѣщенная заграница начинаетъ завидовать и подражать намъ, сохранившимъ позорныя тѣлесныя наказанія. Но къ чести русскихъ врачебныхъ сѣздовъ, обществъ и отдѣльныхъ врачей нужно высказать, что они послѣднія 8 лѣтъ ведутъ упорную борьбу противъ тѣлесныхъ наказаній путемъ ходатайствъ, протестовъ и печати, доказывая весь позоръ и вредъ отъ этихъ наказаній. Пироговскій сѣздъ всѣхъ русскихъ врачей, земскіе сѣзды: пермскій, смоленскій, московскій, александрійскій уѣздный, витебскій сельскій, врачебныя общества: казанское, саратовское, смоленское, новгородское, воронежское, иркутское, енисейское, омское, ярославское, минское и др. въ разное время выступали противъ тѣлесныхъ наказаній. Изъ отдѣльныхъ врачей нужно упомянуть объ особо ярыхъ противникахъ: покойная Е. П. Серебренникова, Вл. И. Яковенко, В. Ф. Бушуевъ, Н. С. Лобастъ, А. П. Чеховъ, П. Н. Коноваловъ, И. М. Гвоздевъ, Н. И. Кирилловъ, В. М. Михайловъ, Ниф. И. Долгополовъ, М. О. Шайкевичъ и др., и во главѣ ихъ стоялъ Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ, посвятившій всю свою жизнь борьбѣ со всякими насиліями и *ложью жизни*. Только что закончившійся Пироговскій сѣздъ врачей снова повторилъ свое ходатайство, и нужно надѣяться, что за нимъ снова послѣдуютъ

остальные врачебные съезды и общества, потому что, по справедливому замѣчанію казанскаго проф. И. М. Гвоздева, «врачу болѣе, чѣмъ кому-либо другому, слѣдуетъ всѣми силами и всѣми зависящими отъ него средствами способствовать исключенію наказанія розгами изъ постановленій законодательства». Слѣдуетъ это не только въ интересахъ наказуемыхъ, но и тѣхъ врачей, которые по своему безволюію принимаютъ участіе въ этомъ позорномъ наказаніи.

Какъ это отступленіе отъ нашихъ завѣтовъ и обѣщаній мститъ за себя, видно изъ удачнаго описанія Д. Маминимъ-Сибирякомъ состоянія духа сибирскаго врача, рѣшившагося отдохнуть отъ службы (очеркъ «На покой»). Онъ постоянно вспоминаетъ свою прошлую жизнь и службу въ Сибири; мрачныя картины тѣлесныхъ наказаній, истерзанныхъ преступниковъ встаютъ передъ глазами доктора, не даютъ ему покоя днемъ и будятъ ночью. По ночамъ отъ страха призываетъ онъ своего племянника и слугу и рассказываетъ имъ про ужасы, которые онъ видалъ во время своей службы: «Но всего ужаснѣе, когда приходилось выписывать изъ лазарета для слѣдующей порціи палокъ. Выигрывалъ каждую недѣлю, каждый день, каждый часъ. Боже мой, какая мука!.. Въ первое время мнѣ самому дѣлалось дурно, а потомъ я привыкъ, т.-е. не привыкъ, а отупѣлъ, какъ человѣкъ тупѣетъ отъ физическаго боли». Попробуетъ докторъ заснуть, а ему грезится прошлое въ самыхъ яркихъ картинахъ: «Онъ обходилъ тюремныя лазареты, гдѣ находились на излеченіи исполосованные преступники; потомъ онъ провожалъ на эшафотъ, потомъ залечивалъ наказаннаго для новой экзекуціи. Какія слова мольбы ему говорили, какими полными отчаянія глазами на него смотрѣли, сколько смертной муки въ каждомъ движеніи...» При этомъ онъ снова просыпался и шепталъ своему слугѣ: «А я хотѣлъ отдохнуть! Развѣ можно думать объ отдыхѣ, когда страшно жить?..»

А какое непосредственное отношеніе къ врачебной дѣятельности представляетъ также участіе врачей въ *смертной казни*, участіе не пассивное, а дѣятельное, состоящее въ производствѣ опытовъ надъ изобрѣтеніемъ болѣе гуманнхъ (?) способовъ лишить человѣка жизни? Ознакомимъ нѣсколько съ этой гуманной дѣятельностью, неустанную борьбу съ которой велъ покойный редакторъ «Врача» Вячеславъ Авксентьевичъ *). Д-ръ Abbott предложилъ отравлять преступниковъ окисью углерода. Эта благая мысль, поддерживаемая и другими американскими врачами, не умерла, и въ 1897 году собралась особая коммиссія—Allegheny Medical Society, которая и высказалась за замѣну принятой въ Пенсильваніи казни черезъ повѣшеніе удушеніемъ газомъ. Только нѣкоторые члены этой коммиссіи остались при особомъ

*) «Врачъ», 1889, № 46; 1897, № 1; 1900, № 30; 1891, № 32; 1888, № 48; 1889, № 25; 1889, № 31; 1892, № 10; 1898, № 42; 1896, № 38; 1900, № 43; 1900, № 42.

мнѣніи, сомнѣваясь въ необходимости смертной казни вообще, какъ бы и чѣмъ бы она ни производилась. Но особенно много поработали американскіе врачи надъ умерщвленіемъ людей посредствомъ электричества. «Не злая ли это иронія судьбы,—восклицаетъ Вячеславъ Авксентьевичъ,—что даже величайшими открытіями пользуются для дѣйствій, позорящихъ человѣчество!» Не менѣе рѣзко высказывается объ этомъ Philandros въ «The Lancet»: «Съ глубокимъ сожалѣніемъ прочиталъ я объ участіи врачей въ опытахъ надъ электроказнью 4 преступниковъ. Единственные общественные задачи и долгъ врачей—спасеніе человѣческой жизни, а не прекращеніе ея. Поэтому я горячо протестую противъ такого *протитутуированія* нашего человѣколюбиваго званія». Сначала этимъ прекраснымъ дѣломъ занимались отдѣльные врачи, а затѣмъ и врачебныя общества, убившія ради опыта много мелкихъ и крупныхъ животныхъ. Затѣмъ нью-йоркское судебное медицинское общество избрало особую комиссію для разработки вопроса о наилучшемъ способѣ умерщвленія преступниковъ электричествомъ; комиссія придумала особый столъ, который потомъ былъ устроенъ и обошелся въ 10.000 долларовъ. Специалисты по электричеству возстали противъ врачей, доказывая ихъ незнакомство съ электричествомъ и бѣдшую мучительность новой казни. Такъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ электриковъ Ralph W. Pore заявилъ, что «убиваніе электричествомъ окажется еще болѣе жестокимъ, чѣмъ повѣшеніе, разстрѣливаніе и др. цивилизованные способы казни, ибо оно отличается наибольшей ненадежностью, и преступникъ долженъ подвергаться болѣе продолжительной душевной пыткѣ во время приготовленія къ убійству. Неизвѣстно даже, какое именно количество электричества можетъ убить человѣка. Различные люди обладаютъ различнымъ сопротивленіемъ, которое, къ тому же, можетъ рѣзко колебаться въ теченіе $\frac{1}{2}$ часа у одного и того же человѣка... и, въ концѣ концовъ, можетъ случиться, что шокъ все-таки окажется несмертельнымъ». Убѣжденія этого рода среди американскихъ электриковъ настолько глубоки, что иные изъ нихъ жертвуютъ деньги для найма защитниковъ арестантамъ, которымъ грозитъ приговоръ къ электрической казни.

Однако, мнѣнія врачей побѣдили, и новая казнь введена въ Америкѣ, причемъ мучительность ея для казнимыхъ и позорность для врачей доказывается слѣдующими случаями, заимствованными «Врачомъ» изъ иностранныхъ газетъ. Недавно д-ръ Mac Donald фигурировалъ въ качествѣ палача при электроказни. По единогласному заявленію всѣхъ свидѣтелей, въ томъ числѣ и врачей, «эта форма казни—самое ужасное зрѣлище, какое только можно видѣть гдѣ-либо на свѣтѣ». Сначала *врач-палачъ* пропустилъ токъ черезъ руки жертвы, получились страшныя общія судороги, но смерти не послѣдовало. Черезъ 49 секундъ палачъ порѣшилъ возвратиться къ старому способу (электроды ко лбу и т. д.). На прилаживаніе прибора потребовалось

4 минуты, а корчи все продолжались. Когда электроды были поставлены, корчи усилились еще болѣе, и въ залѣ распространился запахъ горѣлаго мяса! Черезъ нѣкоторое время врачи заявили, что казненный «теперь уже мертвъ». Бывшій при казни депутатъ отъ полиціи былъ вынесенъ въ глубокомъ обморокѣ, очнувшись отъ котораго заявилъ о неотложной необходимости внести въ парламентъ проектъ закона объ отмѣнѣ всякой смертной казни. «Позорнѣй роли врача-палача,—говорить «Врачъ»,—врядъ ли можно себѣ что-нибудь представить, и даже мысль объ отмѣнѣ казни явилась не у врача, а у полицейскаго чиновника...» Но этого мало: въ статьѣ «Кто палачъ?» д-ръ O'Neill высказываетъ страшное подозрѣніе относительно лицъ, вскрывающихъ трупы преступниковъ, казнимыхъ электричествомъ (по закону они должны быть непременно вскрываемы). Къ вскрытію, по словамъ O'Neill'я, приступаютъ раньше, чѣмъ трупъ остынетъ, а такъ какъ вскрытіе не обнаруживаетъ причины смерти и не представляетъ ничего поучительнаго, то, по мнѣнію автора, цѣль этого вскрытія просто добить казеннаго... Авторъ разсказываетъ про такую казнь въ августѣ 1898 г. Преступника привязали къ креслу ремнями, замкнули токъ, вызвавшій молніеобразное судорожное сокращеніе всѣхъ мышцъ. Черезъ 1 минуту токъ былъ прерванъ, тѣло казнимаго опустилось въ креслѣ, онъ издавалъ звуки, подобные ржанію лошади, изъ открытаго рта вытекала слюна, сонная артерія билась. Токъ былъ снова замкнутъ на 30 секундъ... Свою статью O'Neill заканчиваетъ воззваніемъ къ врачебному сословію—открыто возстать противъ отправленія навязываемыхъ врачу закономъ обязанностей палача! Но и до сихъ поръ находятся еще врачи (и это въ свободнѣйшей странѣ—Америкѣ), которые соглашаются быть палачами! Впрочемъ, американскіе врачи и врачебныя изданія вообще радикальны во всемъ... что не касается ихъ пользы. Цѣлый рядъ врачей (D. B. Brower, J. Frazier и др.) и медицинскихъ газетъ предполагаютъ кастрировать всѣхъ преступниковъ, наклонныхъ къ преступленію, идіотовъ, порочныхъ людей и пр., такъ какъ это—удобная мѣра противъ распространенія врожденной склонности къ преступленіямъ и вырожденія. По словамъ Brower'a, холощете уже нѣсколько лѣтъ примѣняется въ штатѣ Канзасъ въ убѣжищѣ для идіотовъ при упорномъ рукоблудіи и съ видимою пользою. Кто далъ право врачамъ такъ издѣваться и звѣрствовать надъ беззащитными людьми? Отстаивающій это радикальное предложеніе, «Филадельфійскій медицинскій журналъ» говоритъ, что кастрированіе преступниковъ уже узаконено въ штатѣ Мичиганъ, а въ штатѣ Пенсильванія подобный законъ вырабатывается! «До какого озвѣрѣнія,—воскликаетъ В. А. Манассеинъ, — нужно дойти, чтобы проповѣдывать подобныя вещи? Особенно печально читать ихъ во врачебныхъ изданіяхъ, которыми палачество совѣтъ уже не къ лицу».

VI.

Есть одна яко бы медицинская дѣятельность врачей, которая для приданія ей бѣльшого значенія называется даже предупредительной или санитарной; это—*надзоръ за проституціей*, который долженъ предохранять населеніе отъ распространенія сифилиса и венерическихъ болѣзней. Надзоръ состоитъ въ томъ, что врачи, преимущественно городовые и военные, должны осматривать два раза въ недѣлю всѣхъ проституттокъ, зарегистрированныхъ въ публичныхъ домахъ и среди одинокоекъ, и больныхъ изъ нихъ отправлять въ больницы до излеченія. Всякому непосвященному эта мѣра можетъ показаться вполне рациональной: найдена больная, удалена въ больницу, и потребители избавлены отъ заразы. Но не такъ это на самомъ дѣлѣ: весь надзоръ является въ сущности фикціей и очень мало защищаетъ отъ зараженія; мало того, онъ служитъ провокаціей къ разврату и ведетъ за собой массу нежелательныхъ и вредныхъ явленій для общества, женщинъ и для самихъ врачей. Прежде всего содержательницы этихъ домовъ всегда находятъ возможнымъ часть своихъ женщинъ укрывать отъ осмотра, и именно наиболѣе красивыхъ и, слѣдовательно, наиболѣе практикующихъ, которыя и заражаются раньше и больше заражаютъ другихъ. Затѣмъ осматривающіе врачи обыкновенно имѣютъ много другихъ обязанностей и получаютъ часто съ этихъ домовъ извѣстныя суммы въ видѣ развѣдывыхъ и пр., и потому нерѣдко вовсе уже не такъ строго относятся къ этимъ осмотрамъ и производятъ ихъ бѣгло, безъ всѣхъ необходимыхъ микроскопическихъ и др. изслѣдованій. Но допустимъ, что всѣ врачи выполняютъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ *lege artis* свою обязанность,—могутъ ли они гарантировать, что осматрѣнная ими женщина совершенно здорова и, главное, что она не можетъ заразить? Во многихъ случаяхъ *нѣтъ*; женщина, найденная совершенно здоровой при самомъ тщательномъ осмотрѣ, можетъ заразить другихъ. А какую громадную опасность представляютъ промежутки между двумя осмотрами, особенно если припомнить чудовищныя цифры посѣщеній: въ праздники въ дешевыхъ петербургскихъ заведеніяхъ на одну женщину приходится 60—80 гостей! (М. И. Покровская. «Борьба съ проституціей»). Недѣйствительность осмотровъ доказываетъ примѣръ, приводимый Fournier: одинъ врачъ, болѣвшій еще до брака, очень строго слѣдилъ за собой и все-таки заразилъ жену. Если врачъ въ своихъ интересахъ не могъ достигнуть цѣли, то какъ же требовать этого отъ смотровыхъ врачей? Гдѣ же предохраненіе-то? А между тѣмъ, потребители, рассчитывая на значеніе осмотровъ, не ограничиваютъ своихъ желаній и не остерегаются и... заражаются. Вотъ этотъ-то обманъ и является призывомъ къ разврату, а къ тому же лишнимъ поводомъ и серьезнымъ поводомъ къ нареканіямъ на врачей и медицину!..

Итакъ, врачи грѣшатъ противъ науки и противъ чистоты нравовъ своей фиктивной гарантіей и, кромѣ того, поддерживаютъ ту ложь, что ради *призрачной* защиты однихъ можно производить постоянные насильственные осмотры другихъ, и безъ того являющихся паріями въ нашемъ *живомъ* обществѣ; эти осмотры, по словамъ знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, развращаютъ и унижаютъ проститутокъ гораздо болѣе, чѣмъ ихъ сношенія со многими. Но это не все. Регламентация проституции, основанная именно на врачебномъ осмотрѣ (а безъ такового осмотра вся регламентация излишня), ведетъ къ массѣ злоупотребленій, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, и буквально прибавляетъ къ бѣлому невольничеству въ видѣ облавъ, торговли живымъ товаромъ, оскорбленія невинныхъ. Заграничное общество аболиціонистовъ, ратующее за освобожденіе бѣлыхъ рабынь—результата общественнаго неустройства, раскрыло массу невѣроятныхъ фактовъ и злоупотребленій, въ которыхъ были заинтересованы и административныя власти, и врачи. Въ нашей печати также все болѣе и болѣе учащаются сообщенія о рынкахъ и торговлѣ бѣлыми рабынями какъ внутри государства, такъ и за границу; всѣмъ извѣстны случаи облавъ на подозрѣваемыхъ въ проституцію, въ которыя попадали и невинныя дѣвушки; не разъ начинались дѣла о гнусномъ освидѣтельствованіи совершенно невинныхъ дѣвушекъ, на которыхъ, какъ на проститутокъ, доносили разныя низкія лица, не достигшія своихъ цѣлей. И какую возмутительную роль въ этихъ осмотрахъ, въ этомъ неизгладимомъ оскорбленіи приходится играть представителямъ гуманной профессіи—врачамъ; изъ нихъ одинъ врачъ, Сефферъ, призналъ за проститутку двухъ дѣвушекъ, которыя при вторичномъ осмотрѣ оказались дѣвственницами, и судъ этому врачу сдѣлалъ выговоръ *). А за границей врачи въ этомъ дѣлѣ играютъ перѣдко настоящую роль сводней. Въ Англіи существуютъ врачи, которые свидѣтельствуютъ и выдаютъ удостовѣренія обреченнымъ на развратъ дѣвушкамъ въ томъ, что онѣ дѣвственницы; одного такого врача судило медицинское общество и сдѣлало ему выговоръ, «только выговоръ», замѣчаетъ «Врачъ». Другой врачъ выдавалъ такіе свидѣтельства маленькимъ дѣвочкамъ, назначаемымъ для стариковъ; третій покупалъ дѣвушекъ для себя и давалъ разныя «свидѣтельства» для сокрытія разныхъ преступленій въ этой торговлѣ.

И одна ли Англія и одни ли англійскіе врачи повинны въ этомъ? Въдъ регламентаціей проституции можно воспользоваться для многихъ «скоромныхъ» цѣлей. Помню очень грустную исторію одного студента-медика, который жилъ нѣкоторое время съ одной дѣвушкой, бросилъ ее и, когда она сошлась съ другимъ, донесъ на нее, какъ на тайную проститутку, отъ которой онъ яко бы заразился. Еще болѣе яркій случай изъ прошлаго рассказывали мнѣ про одного врача, явившагося

*) «Врачъ», 1885, № 23; 1886, № 44; 1886, № 1; 1886, № 32, 1886, № 40.

страдающимъ лицомъ. Этотъ врачъ, жившій съ невѣнчанной женой, считался очень неуживчивымъ за его борьбу съ различными злоупотребленіями; всякія попытки смирить врача оказались безуспѣшными, и тогда ему пригрозили, что его жену подвергнуть медицинскому осмотру, какъ проститутку, для выдачи ей соотвѣтственнаго билета. Врачъ былъ близокъ къ самоубійству... и ушелъ изъ города къ радости его враговъ, прибѣгшихъ къ гуманнымъ правиламъ о регламентаціи, проституціи...

Достаточно и этихъ примѣровъ. Врачи не должны прикрывать своимъ именемъ не обоснованный научно надзоръ за проституціей и вызываемый этимъ яко бы надзоромъ обманъ публики, а виѣсть съ этимъ рухнетъ и основанная на этомъ надзорѣ регламентація проституціи со всѣми ея злоупотребленіями и омерзительными подробностями: пуская проституція—эта ложь нашего общества—остается незамаскированная наукой и неприкрашенная во всей ея отвратительной наготѣ, а съ открытой ложью общество скорѣе справится.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Врачъ Д. Жбанковъ.

СОЦІОЛОГІЯ, СОЦІАЛЬНА ФІЛОСОФІЯ І СОЦІАЛЬНА ПОЛІТИКА.

(Соціологічний вступ).

Ни въ одну эпоху вопросы, касающіеся организаціи и развитія общественной жизни, не охватывали и не волновали человѣческое сознаніе въ такой степени, какъ въ теченіе прошлаго девятнадцатаго столѣтія. У колыбели этого столѣтія цивилизованному человѣчеству открывались блестящія надежды. Новорожденное столѣтіе обѣщало водрузить на землѣ знамя всеобщаго счастья и свободы, оно обѣщало искоренить всѣ общественныя бѣдствія, создать условія для всесторонняго гармоническаго развитія человѣческой личности. Всѣ эти надежды и упованія имѣли своимъ главнымъ основаніемъ глубокую вѣру въ совершенство и доброту природы, относительно которой нельзя было допустить, чтобы она могла имѣть намѣреніе сдѣлать созданное ею человѣчество несчастнымъ. Если человѣчеству, какъ учила исторія, и приходилось по временамъ испытывать разнаго рода страданія, то это, какъ полагали, являлось результатомъ только того, что жизнь человѣчества, благодаря поведенію власти имущихъ, противорѣчившему подчасъ требованіямъ разума, сбивалась съ истиннаго пути и принимала направленія, далеко не совпадавшія съ тѣми, которыя требовала природа; общественная жизнь все больше отдѣлялась отъ «естественнаго порядка вещей», такъ что въ концѣ концовъ, «естественный», т.-е. «разумный» образъ жизни былъ совершенно забытъ и утерянъ.

«Назадъ къ природѣ!» сдѣлалось лозунгомъ въ устахъ провозвѣстниковъ новой эры въ исторіи человѣчества. Впредь ничто не должно было мѣшать свободному проявленію «естественныхъ» силъ въ области общественной жизни; что хотъ сколько-нибудь могло стать на пути къ этому перерожденію должно быть устранено и уничтожено, або благотворное дѣйствіе «природы» можетъ проявиться во всемъ своемъ величій только въ томъ случаѣ, если человѣчество, всецѣло отречется отъ всего того хлама, который былъ искусственно созданъ прошлыми поколѣніями въ виду полнѣйшаго отсутствія пониманія цѣлей и стремленій природы.

Охваченное подобными мыслями и чувствами человечество поспѣшило устроить соотвѣтственно свою жизнь. Однимъ геройскимъ движеніемъ человечество сбросило съ своей шеи тяжелое иго и разбило оковы, наложенныя на него насиліемъ, своекорыстіемъ и хитростью. Въ нѣсколько мгновеній рухнули стѣны мрачной темницы, и предъ глазами находящагося дотогѣ въ заточеніи человѣка открылись широкіе и блестящіе горизонты.

Съ великой французской революціей принципъ авторитета, пользовавшійся въ прежнія времена неограниченной властью въ сферѣ государственной и общественной жизни, потерялъ всецѣло свой престижъ и свою силу. Его мѣсто занялъ безпрепятственно принципъ свободы. Слѣпо вѣря въ существованіе «естественной гармоніи интересовъ» между всѣми безъ исключенія общественными единицами, гармоніи, которая только въ атмосферѣ полнѣйшей свободы можетъ найти всестороннее существованіе, цивилизованное человечество начало свой новый образъ жизни. Наука, искусство и техника въ короткое время достигли высокой степени развитія; человѣческій духъ праздновалъ одну побѣду за другой; во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія и дѣятельности важнѣйшія открытія и изобрѣтенія съ быстротой слѣдовали другъ за другомъ; условія разумной ясности и дѣйствительнаго счастья увеличивались съ каждымъ днемъ все больше и больше. Эпоха всеобщаго довольства и счастья, о которой мечтали лучшіе люди, казалось, приближалась гигантскими шагами.

Однако первое очарованіе и возбужденіе быстро прошло. Наступило трезвое состояніе, которое позволило людямъ осмотрѣться и дать себѣ отчетъ въ томъ, что собственно произошло, чего достигли и куда приходится впредь направить свои шаги. Глубокій ужасъ охватилъ многихъ при видѣ той картины, которая открылась предъ ихъ прорзвѣвшими глазами. Весь пройденный путь былъ усыянъ трупами. По искаженнымъ лицамъ послѣднихъ, по ихъ изуродованнымъ членамъ можно было видѣть, какую страшную борьбу должны были вести всѣ эти несчастные страдальцы. Они пали, побѣжденные болѣе сильными; своими тѣлами они устлали путь, ведущій къ богатству и власти небольшой кучки избранныхъ.

Эта страшная, душу раздирающая картина тѣмъ не менѣе не въ состояніи была удержать большинство человечества отъ дальнѣйшей погони за собственной выгодой. Дикая травля продолжалась, и вскорѣ на сцену выступаютъ новые мыслители, которымъ даже удается путемъ весьма искусно обдуманыхъ «научныхъ» теорій вновь усыпить пробудившуюся было совѣсть болѣе счастливыхъ. Если прежде ожидали отъ жизни и дѣятельности сорази́рно съ «естественными» законами всякихъ благъ, то теперь создаются новые «естественные» законы, на которые возлагаютъ отвѣтственность за всѣ общественныя бѣдствія и страданія. Да, находятся даже проповѣдники, которые

именно въ этихъ вызывающихъ человѣческія страданія «естественныхъ» законахъ находятъ явнія доказательства премудрости и совершенства природы; эти проповѣдники стараются доказывать, что вслѣдствіе существованія этихъ «законовъ», приводящихъ къ «борьбѣ за существованіе», человѣчество становится съ каждымъ разомъ совершеннѣе, ибо эта борьба имѣетъ своимъ результатомъ побѣду сильныхъ и лучшихъ надъ слабыми и неразумными. Это ученіе, успокаивающее и вмѣстѣ съ тѣмъ лстящее сознанію «побѣдителей», стало въ средѣ послѣднихъ символомъ вѣры, такъ что еще въ 70-хъ годахъ одинъ изъ блестящихъ представителей этого слоя современнаго общества, извѣстный историкъ Трейчке, имѣлъ смѣлость бросить въ лицо человѣчеству слѣдующія тирады: «Законъ природы неизмѣненъ: только незначительное меньшинство должно пользоваться благами культуры; остальной массѣ выпадаетъ на долю работать въ потѣ своего лица... Культура немыслима безъ прислуги... Господство одного класса надъ другими вытекаетъ изъ природы общества,—такой порядокъ вещей справедливъ и необходимъ».

Но если эти и другія подобныя имъ теоріи, въ которыхъ, съ одной стороны, проявилось слѣпое преклоненіе предъ успѣхомъ, а съ другой—стремленіе нѣкоторыхъ сравнительно небольшихъ слоевъ общества поживиться на счетъ всей остальной массы,—и могли считаться побѣдителями въ «борьбѣ за существованіе» достаточнымъ «научнымъ» оправданіемъ ихъ образа дѣйствія, то онѣ, во всякомъ случаѣ, оказались недостаточно убѣдительными въ глазахъ побѣжденных: вопреки этимъ теоріямъ, послѣдніе все больше и больше проникались убѣжденіемъ въ ненужности и несправедливости ихъ страданій и несчастій. По мѣрѣ того, какъ становилось очевиднымъ, въ какую сторону пошло развитіе человѣческаго общества, по мѣрѣ того, какъ стало яснымъ, что новый порядокъ вещей сопряженъ съ физической и моральной дегенераціей большихъ слоевъ населенія цивилизованныхъ странъ,—среди униженныхъ и оскорбленныхъ мало-по-малу вырастаетъ и крѣпнеть духъ отрицанія и критики, зарождается и пускаетъ глубокіе корни страстное желаніе отвергнуть существующее и создать новый порядокъ человѣческаго общежитія. На сцену исторіи выступаютъ новыя теоріи, которыя, какъ по своей исходной точкѣ, такъ и всей своей сущностью, прямо противоположны тѣмъ, противъ которыхъ онѣ вышли въ походъ.

При критической оцѣнкѣ теорій, касающихся человѣческаго общежитія, теорій, созданныхъ въ теченіе послѣдняго историческаго періода, легко убѣдиться, что между ними положительно нѣтъ ни одной, которая не сдѣлала бы—сознательно или безсознательно—своей исходной точкой защиту интересовъ какого-либо общественнаго класса. Большинство защитниковъ данныхъ теорій хотя и заявляетъ,—и многіе дѣйствительно убѣждены въ томъ,—что проведеніе въ жизнь ихъ стремленій непременно приведетъ къ всеобщему благу, но, въ сущности, въ

основѣ подобныхъ заявленій и убѣжденій очень часто лежитъ смѣшеніе или отождествленіе интересовъ одного какого-либо класса съ интересами всего общества. Всѣ безъ исключенія соціальныя теоріи, начинающія съ теорій, проповѣдующихъ крайній индивидуализмъ и анархизмъ, и кончающія теоріями социализма и коммунизма, переживали въ своемъ развитіи такіе фазисы,—а нѣкоторые изъ нихъ и до сихъ поръ изъ нихъ не вышли,—въ которыхъ послѣдователи этихъ теорій питали глубокую вѣру въ то, что они собственно добиваются ничего иного, какъ полнѣйшаго счастья всѣхъ безъ исключенія членовъ человѣческаго общества. Однако, при столкновеніи съ реальной дѣйствительностью, послѣдователи отдѣльных теорій въ большинствѣ случаевъ забывали свои общечеловѣческія цѣли и тѣмъ обнаруживали истинный смыслъ проповѣдуемыхъ ими воззрѣній; тогда и становилось очевиднымъ, что различныя соціальныя теоріи являются живымъ олицетвореніемъ весьма реальныхъ стремленій различныхъ общественныхъ классовъ стремленій подчасъ прямо противоположныхъ другъ къ другу, ведущихъ другъ съ другомъ борьбу на жизнь и на смерть.

Такое положеніе вещей приходится, однако, считать весьма естественнымъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже необходимымъ. Къ этому заключенію приводитъ насъ трезвый взглядъ на ходъ исторической жизни человѣчества, которая представляетъ намъ въ области соціальныхъ отношеній постоянную борьбу различныхъ классовъ и группъ населенія. Въ виду этого, тѣ соціальныя теоріи, которыя или совсѣмъ не принимали во вниманіе существующую противоположность и борьбу интересовъ, или хотѣли примирить непримиримое, по необходимости были осуждены на безплодіе; они оставались утопіями и не имѣли никакого вліянія на ходъ общественнаго развитія. Жизнеспособными оказывались только тѣ теоріи, которыя сумѣли приспособиться къ дѣйствительнымъ потребностямъ общественныхъ классовъ, выдвинутыхъ историческимъ ходомъ вещей на болѣе или менѣе выдающееся мѣсто.

Замѣчательно, однако, то, что провозвѣстники и послѣдователи всѣхъ этихъ разнородныхъ соціальныхъ теорій ссылаются на свидѣтельство точной науки, давая которой будто бы вполне подтверждаютъ вѣрность ихъ взглядовъ и ученій. При этомъ каждый изъ нихъ убѣжденъ, что только его теорія зиждется на научномъ основаніи, что только она способна выдержать научную критику, что только ея цѣли и стремленія совпадаютъ съ требованіями истинной науки.

Очевидно, такое положеніе вещей не можетъ быть названо нормальнымъ. Во-первыхъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякая научная истина допускаетъ только одно толкованіе; она не можетъ разъяслять такъ, другой разъ иначе, она не можетъ мѣнять своего характера съ измѣненіемъ обстоятельствъ. Съ другой стороны, научная истина, дѣйствительно заслуживающая это названіе, обыкновенно обладаетъ такой силой убѣдительности, что всѣ логически мыслящіе, въ

концы концов, должны преклониться предъ ея аргументами и признать ее неприкосновенной. Отсюда, несомнѣнно, слѣдуетъ, что тѣ положенія, которыя считаются имѣющими разнообразными социальными теоріями научной истиной, въ сущности имѣютъ подчасъ весьма мало общаго съ этой послѣдней. И въ дѣйствительности большинство социальных теорій составлены изъ цѣлаго ряда посылокъ, дѣйствующихъ убѣдительно только на тѣхъ, которые по своимъ понятіямъ, чувствамъ и стремленіямъ предрасположены *спринтъ* въ ихъ смыслъ и значеніе; въ лучшемъ случаѣ эти послылки являются ничѣмъ инымъ, какъ болѣе или менѣе остроумными обобщеніями, полученными на основаніи наблюденія большаго или меньшаго числа типическихъ явленій социальной жизни, обобщеніями, которыя, какъ всѣ обобщенія подобаго рода, приложимы только въ извѣстныхъ границахъ при строго опредѣленныхъ конкретныхъ условіяхъ. Этимъ, конечно, не уничтожается *практическое* значеніе данныхъ теорій; напротивъ, при наличности предположенныхъ условій эти теоріи могутъ оказать ихъ послѣдователямъ несомнѣнную услугу; но въ убѣдительности съ точки зрѣнія положительной науки они отъ этого нисколько не выиграли: требованіе науки, заключающееся въ томъ, чтобы всякое положеніе, считающееся строго научнымъ, проявляло свой неизмѣнный характеръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно можетъ найти приложение, остается совершенно невыполненнымъ, ибо ничто не ручается намъ за то, что основанныя на охарактеризованныхъ выше постулатахъ теоріи не должны будутъ совершенно измѣнить своего внутреннего содержанія съ измѣненіемъ реальныхъ условій общественной жизни.

Гдѣ причины этого страннаго на первый взглядъ явленія? Чѣмъ объясняется хаотическое состояніе въ области социальных теорій? Мы думаемъ, что объясненіе надо искать, съ одной стороны, въ современномъ состояніи нашихъ знаній о социальной жизни вообще и съ другой въ самой сущности существующихъ социальных теорій.

Наука о человѣческомъ общежитіи находится, какъ извѣстно, еще только въ зачаткѣ. Мы еще далеки отъ возможности создать въ этой области что-нибудь абсолютно прочное и общепризнанное, не говоря уже о томъ, что мы и думать еще не можемъ объ установленіи неизбѣжныхъ, экзактныхъ социальных законовъ. Въ виду этого, наша практическая дѣятельность въ сферѣ социальной жизни лишена возможности опираться на твердую почву и видитъ себя вынужденной, въ виду требованій жизни, искать поддержки тамъ, гдѣ въ давнее время таковая представляется, часто при этомъ не обращая вниманія на то, насколько эта поддержка прочна и устойчива.

Что касается основного характера возникавшихъ до сихъ поръ социальных теорій, то онъ заключается, по нашему мнѣнію, въ ихъ специфическомъ отношеніи къ своему предмету, къ социальной дѣйствительности, отношеніи, рѣзко отлечающемся отъ соотвѣтственныхъ усло-

вій въ другихъ областяхъ человѣческаго знанія. Въ то время, какъ наука вообще изучаетъ вселенную съ цѣлью открыть или установить законы, проявляющіеся въ данной сферѣ явленій, не заботясь при этомъ о томъ, какое примѣненіе будетъ сдѣлано съ добытыми ею истинами, соціальныя теоріи въ громадномъ большинствѣ случаевъ руководствовались задачей отыскать пути и способы для достиженія заранее установленныхъ цѣлей жизни и дѣятельности въ сферѣ человѣческихъ отношеній. Само собою понятно, что, при такомъ отношеніи къ дѣлу, изученіе общественныхъ явленій должно было находиться всецѣло подъ вліяніемъ субъективныхъ желаній и убѣжденій изслѣдователя, который, самъ того не замѣчая, часто выдавалъ за истину то, что находилось въ гармоніи съ его предвзятыми представленіями и чувствами.

Къ сожалѣнію, послѣднее обстоятельство совершенно упускалось изъ виду большинствомъ общественныхъ дѣятелей, опиравшихся на опредѣленныхъ соціальныхъ теоріяхъ для оправданія своихъ стремленій и мѣропріятій. Многіе, повидимому, и понятія не имѣли о томъ, что собственно должна была бы представить собою истинная наука о человѣческомъ общежитіи, какими средствами эта наука должна была бы обладать, чего можно и должно было бы отъ нея требовать и ожидать. Съ другой стороны, многіе теоретики довольствовались подчасъ только установленіемъ общихъ ничего незначащихъ положеній, выходя изъ той точки зрѣнія, что, по отношенію къ общественнымъ явленіямъ, установленіе болѣе точныхъ и вполне достовѣрныхъ знаній совершенно немислимо. Ни въ одной области человѣческаго знанія не было столько диллетантизма, какъ въ интересующей насъ здѣсь сферѣ понятій. Въ виду этого мы, дѣйствительно, обладаемъ несмѣтнымъ количествомъ «ученыхъ» произведеній, касательно всевозможныхъ вопросовъ общественной жизни, но для истинной науки объ этой жизни мы до сихъ поръ еще не смогли создать прочнаго основанія.

Очевидно, что такое состояніе соціальной науки и общественной дѣятельности сопряжено съ громадной непроизводительной затратой силъ и энергіи. Борьба общественныхъ группъ приводитъ часто, вслѣдствіе отсутствія соотвѣтственныхъ научно обоснованныхъ знаній у борющихся, вслѣдствіе отсутствія ясной оцѣнки средствъ и условій борьбы, къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которые имѣли въ виду борющіеся. Если мы хотимъ выйти изъ этого положенія, если мы хотимъ сдѣлать наше знаніе о человѣческомъ общежитіи положительнымъ и строго научнымъ, съ тѣмъ, чтобы найти твердую основу для нашей сознательной соціальной дѣятельности, мы, очевидно, должны прежде всего позаботиться сдѣлать науку объ общественной жизни достойной этого названія. Для этой цѣли необходимо прежде всего установить въ точности задачи этой науки и провести рѣзкую границу между этими послѣдними и тѣми задачами, которые непосред-

ственно вытекаютъ изъ сферы нашихъ конкретныхъ стремленій, идеаловъ, касающихся улучшенія нашего общественнаго быта, ибо смѣшеніе этихъ по своей сущности весьма разнородныхъ задачъ и привело, главнымъ образомъ, къ тому хаотическому состоянію въ понятіяхъ и представленіяхъ, о которомъ мы говорили выше.

Извѣстно, что во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія практика предшествовала теоріи. Всюду и вездѣ первый толчокъ къ мышленію и изслѣдованію является со стороны соотвѣстныхъ реальнхъ потребностей. Только съ теченіемъ времени мышленіе мало-по-малу освобождается отъ привязи и начинаетъ прокладывать себѣ свои собственныя дороги. Но чѣмъ тѣснѣе объектъ мышленія связанъ съ реальными потребностями жизни, тѣмъ медленнѣе и труднѣе совершается это освобожденіе, тѣмъ больше времени необходимо для выработки совершенно самостоятельнаго мышленія, стоящаго выше своего предмета.

Эта общеизвѣстная истина лучше всего подтверждается ходомъ развитія нашего знанія о человѣческомъ общежитіи. Нигдѣ повседневныя практическія потребности не имѣли такого глубокаго и сильнаго вліянія, какъ въ интересующей насъ области человѣческаго мышленія. Чуть ли не въ каждомъ научномъ положеніи, чуть ли не въ каждой теоріи еще до сихъ поръ съ совершенной ясностью проглядываетъ тотъ практическій элементъ, который далъ первый рѣшительный импульсъ къ этимъ построеніямъ. На каждомъ шагѣ безпристрастному изслѣдователю приходится еще встрѣчаться съ предразсудками всевозможнаго свойства; нерѣдко онъ видитъ себя даже вынужденнымъ вести отчаянную борьбу съ грубымъ эгоизмомъ, алчностью и своекорыстіемъ; въ глазахъ многихъ свободное честное мышленіе, доискивающееся истины и только истины, является тяжелымъ преступленіемъ, заслуживающимъ тяжкаго наказанія. Право на свободное изслѣдованіе въ области социальнхъ отношеній во многихъ случаяхъ должно быть еще только завоевано.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что проблема, которую представляетъ собою человѣческое общежитіе, въ дѣйствительности является одной изъ самыхъ трудныхъ проблемъ, если не сказать самой трудной проблемой, въ области человѣческаго мышленія. Едва ли можно найти болѣе сложный объектъ изслѣдованія, причемъ приходится сказать, что тѣ методы изслѣдованія, которые привели въ другихъ областяхъ человѣческаго знанія къ такимъ блестящимъ результатамъ, здѣсь не находятъ для себя почти никакого приложенія. Если при этомъ принять во вниманіе то обстоятельство, что человѣческое общежитіе собственно сравнительно недавно было сдѣлано предметомъ научнаго изслѣдованія, то намъ станетъ совершенно яснымъ, почему наше знаніе объ этомъ предметѣ находится еще въ такомъ несовершенномъ состояніи.

Изученіемъ общественныхъ явленій занимаются въ настоящее время, не считая вспомогательныхъ наукъ, главнымъ образомъ, три дисциплины: соціологія, соціальная философія и соціальная политика. Изъ этихъ трехъ дисциплинъ соціологія возникла только въ самое послѣднее время, въ то время, какъ соціальной философіей занимались еще философы древняго міра; что же касается соціальной политики, то она по своему содержанию, пожалуй, еще гораздо старше соціальной философіи, однако въ формѣ болѣе или менѣе стройной системы знанія, касающагося строго опредѣленныхъ предметовъ, она является, безспорно, дѣтищемъ новаго времени.

Какое мѣсто принадлежитъ этимъ дисциплинамъ въ общей системѣ нашего знанія и въ какомъ отношеніи находятся они другъ къ другу, вотъ вопросы, на которые до сихъ поръ не дано яснаго и опредѣленнаго отвѣта. То тутъ, то тамъ еще и въ настоящее время раздаются голоса, отрицающіе теоретическое или практическое значеніе той или иной дисциплины; до сихъ поръ послѣднимъ не удалось добиться общепризнаннаго, стоящаго внѣ всякаго сомнѣнія права на существованіе. Въ то же время среди интересующихъ насъ дисциплинъ ведется постоянная борьба, поводомъ къ которой служатъ самые разнообразные предметы и вопросы. То возникаетъ споръ изъ-за нарушенія границы, установленной произвольно той или иной дисциплиной, то одна дисциплина отказывается признавать за истину то, во что другая вѣритъ. Каждая изъ нихъ хочетъ идти своей собственной дорогой, совершенно не сообразуясь съ тѣмъ, куда направляется другая; точки зрѣнія, установленныя одной, совершенно игнорируются другой; результаты опыта одной—для другой въ большинствѣ случаевъ какъ будто совершенно не существуютъ.

Однако, при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу, всѣ эти вопросы и спорные пункты могутъ быть разрѣшены сравнительно безъ особенныхъ усилій. Стоитъ только освободиться отъ тѣхъ теологическихъ и метафизическихъ предразсудковъ, которые все еще въ такомъ количествѣ отягчаютъ наше мышленіе, чтобы придти къ сознанію, что также и по отношенію къ человѣческому общежитію положительное, точное знаніе совершенно возможно, — возможно потому, что и эта область въ такой же степени лежитъ внутри жизни нашего опыта, подобно тѣмъ, тайны которыхъ человѣческому духу открыть уже удалось. Практическое же значеніе подобнаго рода знанія собственно ужъ не должно было бы подлежать такому сомнѣнію. Вѣдь наша цивилизація, какъ извѣстно, ведетъ свое начало лишь съ того момента, когда человѣческому духу удалось открыть во вселенной существованіе строго законсоразмѣрности явленій. Только съ того момента, когда это открытіе стало исходной точкой умозрѣнія, человѣчеству открылась также возможность разумной, цѣлесообразной жизни и дѣятельности. Нельзя поэтому усомниться въ томъ, что и наша соціальная жизнь

гораздо скорѣе была бы поднята на чрезвычайно высокую ступень развитія, если бы намъ удалось и въ этой области человѣческаго познания установить и опредѣлить съ полной достовѣрностью дѣйствующія здѣсь силы и законы.

Что же касается характера отношенія интересующихъ насъ дисциплинъ другъ къ другу, то оно опредѣляется тѣмъ кругомъ задачъ, которыя должны быть рѣшены каждой изъ нихъ. Ясное и точное опредѣленіе этихъ задачъ, являясь необходимымъ условіемъ успѣшнаго развитія соотвѣтственныхъ областей знанія, въ то же время даетъ возможность указать нашимъ дисциплинамъ подобающее имъ мѣсто въ общей системѣ нашего знанія.

Съ того момента, когда человѣческое общество перестало руководиться исключительно инстинктами, а начало вести болѣе или менѣе сознательную жизнь, ставя себѣ извѣстныя цѣли и стараясь ихъ достигнуть, съ того момента и было положено начало той системѣ понятій и представленій, которую мы называемъ теперь соціальною политикою. Само собою разумѣется, что переходъ отъ инстинктивной къ сознательной общественной дѣятельности не могъ совершиться вдругъ, безъ всякихъ усилій. Напротивъ, мы должны себѣ представить этотъ переходъ такъ, что сначала отдѣльныя цѣли возникали совершенно разрозненно въ общественномъ сознаніи, и что въ этомъ сознаніи съ каждой конкретной цѣлью было непосредственно связано и представленіе о конкретномъ актѣ дѣятельности, находящемся въ неразрывной связи съ первой. Только съ теченіемъ времени сознаніе стало различать понятіе о цѣли и понятіе о дѣйствіи, направленномъ для достиженія извѣстной цѣли; постановка цѣли и выборъ соотвѣтственнаго дѣйствія стали тогда двумя совершенно различными актами сознанія, и только теперь является возможность сознательно комбинировать разнородныя дѣйствія, привести эти дѣйствія въ стройный порядокъ, согласуя ихъ съ тѣми требованіями общественной жизни, которыя считаются желательными и справедливыми. Только эта возможность, возможность сознательнаго выбора средствъ для достиженія цѣлей, возникшихъ на почвѣ человѣческаго общежитія, и выталкивала по мѣрѣ того, какъ она росла и крѣпла, человѣческое общество изъ состоянія вѣчнаго однообразія, въ которомъ до сихъ поръ пребываютъ общества животныхъ, и привела его, наконецъ, на путь непрерывнаго развитія, ведущаго къ все болѣе сложнымъ и болѣе совершеннымъ формамъ существованія.

Но по мѣрѣ того, какъ накоплялось сознательная общественная дѣятельность, человѣческое сознаніе стало замѣчать нѣкотораго рода единство, проявляющееся, съ одной стороны, во всевозможныхъ возникавшихъ цѣляхъ, а съ другой—въ разнообразныхъ способахъ дѣйствія, направленныхъ на осуществленіе этихъ цѣлей. Ибо, какъ эти цѣли, такъ и соотвѣтственныя имъ дѣйствія имѣли своимъ единствен-

ственнымъ основаніемъ потребности и желанія, созданныя и обусловленные человѣческимъ общежитіемъ. Установленіе этого единства должно было въ чрезвычайной степени помочь ориентироваться въ сферѣ разнообразныхъ и запутанныхъ взаимныхъ отношеній членовъ общества, точно также какъ и дать возможность опредѣлять отношеніе человѣческаго общежитія къ остальной природѣ. Возможность такого познания, сопутствуемая потребностью въ немъ, и вызвала къ жизни эти благородныя усилія человѣческаго духа, которыя направлены, съ одной стороны, на удовлетвореніе потребности человѣческаго разума и познанію истины, а съ другой—на созданіе условій для болѣе счастливой человѣческой дѣятельности.

Стремленіе установить единство соціальной жизни, стремленіе свести все разнообразіе соціальныхъ явленій къ одному основному принципу должно было рано или поздно породить въ человѣческомъ сознаніи идею господства строгой законсоразмѣрности въ этой весьма сложной области, ибо человѣческому уму должно было вскорѣ стать яснымъ, что и въ этой области единство явленій возможно только при признаніи господства неизмѣнныхъ силъ, дѣйствующихъ на основаніи строгихъ, разъ навсегда установленныхъ законовъ. И если различные мыслители, и искали начало этого единства въ совершенно различныхъ сферахъ и разнo опредѣляли его характеръ и значеніе, то это, однако, не помѣшало укрѣпиться сознанію, что дѣйствіе соціальной законсоразмѣрности также можетъ быть измѣнено произволомъ или случайностью, какъ и всякія другія проявленія естественной законсоразмѣрности вообще. А разъ это сознаніе укрѣпилось, то вмѣстѣ съ тѣмъ естественно возникаетъ потребность проникнуть въ причинную связь между явленіями человѣческаго общежитія, возникаетъ задача открыть законы, дѣйствующіе въ области соціальныхъ отношеній.

Таковъ, по нашему мнѣнію, логическій ходъ развитія нашего знанія о человѣческомъ общежитіи. Здѣсь мы находимъ въ очертаніяхъ всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ съ теченіемъ временно сложилось содержаніе упомянутыхъ выше соціальныхъ дисциплинъ; здѣсь мы видимъ, вслѣдствіе какихъ причинъ и условій это содержаніе росло и развивалось. Конечно, въ дѣйствительности ходъ развитія нашихъ дисциплинъ во многихъ отношеніяхъ уклонялся отъ намѣченной нами линіи, однако, ближайшее знакомство съ интересующимъ насъ процессомъ показываетъ, что, при всей сложности и запутанности послѣдняго, основныя, характеристическія черты его съ каждымъ разомъ все яснѣе и яснѣе проявлялись.

Проблемы человѣческаго общежитія сдѣлались сперва предметомъ изученія философіи. Какъ во всѣхъ другихъ областяхъ человѣческаго знанія въ извѣстные періоды ихъ развитія, такъ и въ нашей области философія долгое время пользовалась исключительнымъ господствомъ, признавая за собой, впрочемъ, въ то время никѣмъ неоспарив-

ваемое право регулировать знаніе о соціальной жизни по своему усмотрѣнію. Она въ одинаковой степени держала въ своей власти соціальное мышленіе, какъ и соціальную дѣятельность, она устанавливала какъ для того, такъ и для другого, соотвѣтственныя цѣли и задачи, и сама же слѣдила за выборомъ средствъ для достиженія или разрѣшенія послѣднихъ. Философія или, точнѣе выражаясь, та вѣтвь ея, которая тянула свои соки изъ почвы соціальнаго сожителства людей, такъ называемая *соціальная философія*, является вначалѣ соединеніемъ элементовъ, чрезвычайно различныхъ между собою по существу и значенію. На ряду съ тѣми элементами, которые и впредь должны были войти въ содержаніе соціальной философіи, въ ней находились и всѣ тѣ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени должны были развиться другія соціальныя дисциплины, а именно: *соціологія* съ одной стороны и *соціальная политика* съ другой. Великая заслуга соціальной философіи заключается въ томъ, что она, стремясь подвести общественную жизнь подъ одинъ какой-либо всеобъемлющій принципъ, понять ее съ точки зрѣнія какой-либо великой одной цѣли или на основанія какой-либо одной всюду и вездѣ проявляющейся основной причины, внесла въ рядокъ и единство въ поразительное разнообразіе явленій человѣческаго общежитія. Не меньшая ея заслуга должна быть признана въ томъ, что она въ своемъ стремленіи объяснить смыслъ и сущность соціальной жизни создала и собрала громадный матеріалъ для постройки своего во многихъ отношеніяхъ величественнаго зданія. Конечно, она подчасъ подбирала только такой матеріалъ, который ей казался необходимымъ для временныхъ соціальныхъ цѣлей; много другого матеріала, изъ котораго, пожалуй, можно было бы создать болѣе прочное и болѣе красивое зданіе оставалось ею подчасъ совершенно незамѣченнымъ; часто она строила на пескѣ и илѣ, такъ что съ большими трудомъ построенное рушилось и погибало; тѣмъ не менѣе труды ея не остались безплодными, даже сдѣланныя ею ошибки послужили человѣчеству въ пользу.

Какъ часть философіи вообще, соціальная философія по своему существу не могла видѣть интереса въ отмѣриваніи и отвѣшиваніи, въ считаніи и расчитываніи; она этимъ заниматься и не могла бы, ибо въ ея личномъ запасѣ не могло оказаться нужныхъ средствъ и инструментовъ для производства точной провѣрки качества ея строительнаго матеріала. Однако, къ сознанію необходимости такой провѣрки съ одной стороны, какъ и невозможности произвести ее самой—съ другой, соціальная философія пришла только въ позднѣйшихъ стадіяхъ своего развитія, только тогда, когда ей самой стало очевиднымъ, что многое изъ того, что она создала, далеко не соотвѣтствуетъ имѣвшейся въ виду цѣли, когда она поняла, что созданныя ею зданія, никогда не были въ состояніи вмѣстить въ себя все человѣчество, что эти зданія, напротивъ, служили только временнымъ пристанищемъ сравнительно

небольшихъ группъ и слоевъ человѣческаго общества. Соціальная философія тогда должна была сознаться, что ей необходимо свою дѣятельность значительно сократить, свои задачи болѣе концентрировать; въ то же время ей стало яснымъ, что она свойственныя ей цѣли можетъ достигнуть только въ томъ случаѣ, если она приметъ во вниманіе извѣстныя условія, будетъ считаться съ извѣстными факторами, на характеръ и проявленіе которыхъ она лично не можетъ оказать никакого вліянія.

Фактъ одновременнаго существованія разнообразныхъ, нерѣдко прямо противоположныхъ другъ другу соціально-философскихъ системъ, точно также какъ непрерывное смѣненіе одной системы другой показало при томъ съ достаточной ясностью, что соціальная философія ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на то, чтобы быть, такъ сказать, признанной единственнымъ поставщикомъ нашего знанія о соціальной жизни. Тѣ же обстоятельства привели къ тому, что установленныя соціальной философіей максимы для соціальной дѣятельности получили въ глазахъ критически мыслящихъ личностей только релятивное значеніе.

Реакція противъ такого положенія дѣлъ въ области соціальнаго знанія не преминула проявиться, главнымъ образомъ, съ двухъ сторонъ: со стороны реальныхъ потребностей общегитія, точно также какъ и со стороны стремленія къ познаванію истины ради нея самой. Первый сильный протестъ противъ притязаній соціальной философіи былъ поднятъ самой практической жизнью, причемъ этотъ протестъ направляется главнымъ образомъ противъ абсолютнаго господства тѣхъ соціально-философскихъ системъ, которыя по своей сущности оказались враждебными проявленію свободнаго человѣческаго духа. Авторитетъ, такъ долго тяготѣвшій надъ человѣческимъ обществомъ, палъ, и на ряду съ путями, которые обозначила соціальная философія прежнихъ временъ, открылись новые, казавшіеся болѣе удовлетворяющими дѣйствительныя потребности жизни, нежели первые. При этомъ стало очевиднымъ, что мысли и чувства громаднаго большинства членовъ цивилизованнаго человѣчества, требованія, которыя оно ставитъ къ жизни, существенно отличаются отъ тѣхъ, которыя легли въ основу многихъ соціально-философскихъ системъ. Это несоотвѣтствіе между соціально-философскими системами съ одной стороны и потребностями большей части человѣчества съ другой имѣло своимъ ближайшимъ результатомъ то, что соціальная дѣятельность освободившаяся отъ непосредственнаго вліянія въ большинствѣ случаевъ предвзятыхъ теорій, стала вырабатывать себѣ свои собственныя понятія и представленія. Отсюда и ведетъ начало другая соціальная дисциплина, такъ называемая соціальная политика, которая видитъ, такимъ образомъ, свою задачу въ концентрированіи и систематизаціи тѣхъ своеобразныхъ понятій и представленій, которыя выросли на почвѣ живой практической дѣятель-

ности и которыми, вследствие этого, сохраняют свое значение только при известных строго определенных условиях места и времени.

Однако, отъ этой эмансипаціи, которая состояла главнымъ образомъ въ томъ, что у социальной философіи была, такъ сказать, взята возможность насиловать социальную дѣятельность, направляя ее на цѣли, часто несоотвѣтствовавшія потребностямъ громаднаго большинства членовъ человеческого общества,—выиграла не только социальная дѣятельность, получившая возможность свободно развиваться, но не въ меньшей степени и сама социальная философія. Вытѣсненная изъ сферъ, куда она попала только вследствие неясности предстоявшихъ ей рѣшить задачъ, она начинаетъ мало-по-малу сосредоточиваться на известныхъ проблемахъ, которыя по своей сущности являются никѣмъ неоспариваемымъ предметомъ философскаго мышленія. Социальная философія начинаетъ видѣть свою задачу въ освѣщеніи вопросовъ, касающихся сущности и смысла человеческого общежитія, въ созиданіи социального мировоззрѣнія, которое, съ одной стороны, должно давать отвѣтъ на вопросъ о мѣстѣ социальной жизни во вселенной, а съ другой—дать идеальный критерій, который помогъ бы мыслящему человѣку разобраться среди разнообразныхъ, перекрещивающихся и часто отрицающихъ другъ друга стремленій отдѣльныхъ индивидуумовъ и общественныхъ группъ.

Однако, главнаго все еще недоставало. Какъ выработка социального мировоззрѣнія со стороны социальной философіи, такъ и систематизированіе социальной дѣятельности со стороны социальной политики все еще какъ будто висѣли въ воздухѣ, не имѣя твердой и надежной точки опоры; имъ все еще недоставало той строгой научной подкладки, которая одна въ состояніи гарантировать вѣрное сужденіе о вещахъ и безошибочный выборъ средствъ для достиженія известныхъ цѣлей; недоставало, другими словами, научнаго объясненія бросающагося въ глаза взаимодѣйствія общественныхъ явленій, недоставало точнаго установленія причинной связи между различными социальными силами и элементами, отсутствовало точное знаніе о дѣйствующихъ въ сферѣ социальной жизни законахъ. Ни социальная философія, ни социальная политика по своему существу не въ состояніи были собственными силами добиться такого рода знанія. Явилась потребность въ созиданіи новой дисциплины, которая, вооруженная многовѣковымъ опытомъ другихъ отраслей положительнаго знанія, видѣла бы свою задачу въ томъ, чтобъ удовлетворить народившуюся потребность въ положительномъ знаніи и въ области социальной жизни. Эта новая дисциплина, возникавшая только нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и окрещенная нѣсколько странно звучащимъ именемъ «*Соціологія*», имѣетъ по существу своему полное право называться истинной наукой, несмотря на то, что она до сихъ поръ не можетъ похвалиться особенно значительными успѣхами, ибо, какъ всякая наука, соціологія стремится научными средствами все-

сторонне изучить подлежащія ея вѣдѣнію явленія, не заботясь о томъ, какое примѣненіе получать открытія или установленныя ею истины.

Но если развитіе первыхъ двухъ дисциплинъ въ общемъ совершалось безъ особенныхъ тревоженій, то новой дисциплинѣ, соціологіи, пришлось чуть ли не съ перваго дня своего появленія выдерживать всевозможныя нападки, направленные съ различныхъ сторонъ. Между прочимъ, ей приходилось неоднократно выслушивать, съ одной стороны, упреки въ томъ, будто она занимается изученіемъ предметовъ, которые издавна изслѣдовались другими дисциплинами, а съ другой, что она поставило себѣ задачи, рѣшеніе которыхъ съ самаго начала должно быть признана невозможнымъ. Однако, несмотря на эти нападки соціологіи удалось завербовать въ извѣстномъ смыслѣ себѣ право и даже въ значительной степени укрѣпить свою позицію. И если и нельзя отрицать, что соціологія до сихъ поръ не была еще въ состояніи установить законы, дѣйствующіе въ области соціальной жизни, то нельзя не признать и того, что надежды, возлагаемыя на нее съ различныхъ сторонъ, съ каждымъ днемъ крѣпнутъ и развиваются, въ то время какъ число относящихся къ ней скептически въ такой же степени уменьшается.

Только съ основаніемъ соціологіи могла быть рѣчь о возможности стройной цѣльной системы знанія о соціальной жизни. И если эта система въ настоящее время далеко еще не закончена со всѣхъ сторонъ, и если содержаніе каждой отдѣльной части этой системы пока еще не можетъ быть названо очень богатымъ, то, тѣмъ не менѣе, всѣ главные контуры этой чрезвычайно важной по своему значенію для человѣческой культуры системы знанія уже теперь съ достаточной ясностью выступаютъ наружу. Всѣ три дисциплины, о которыхъ была рѣчь выше, могутъ уже теперь работать рука объ руку; разграниченіе сферъ дѣятельности этихъ дисциплинъ, установленіе точныхъ и опредѣленныхъ задачъ для каждой изъ нихъ дѣлаетъ возможнымъ весьма плодотворное раздѣленіе труда въ одной и той же области при одномъ и томъ же предметѣ. Впредь научные результаты соціологическихъ изслѣдованій будутъ вести къ тому, что конструкціи соціальной философіи наполняются положительнымъ содержаніемъ, находящимся въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей; они, иначе выражаясь, будутъ вести къ тому, что соціальные идеалы, которые впредь будетъ вырабатывать соціальная философія, станутъ въ полномъ смыслѣ слова жизнеспособными. Соціальная политика, конечная цѣль которой заключается въ нахожденіи соотвѣствующихъ средствъ для осуществленія человѣческихъ стремленій и желаній въ сферѣ соціальной жизни или, что то же самое, для проведенія соціально-философскихъ идеаловъ въ жизнь, будетъ имѣть возможность пользоваться данными соціологіи съ тѣмъ, чтобъ съ возможно меньшей затратой силъ и энергіи направить процессъ развитія общественныхъ элементовъ въ желательную сторону.

Является теперь вопросъ: поведетъ ли дальнѣйшее развитіе социологін къ тому, что и въ области остальныхъ двухъ дисциплинъ не будетъ основанія для одновременнаго существованія нѣсколькихъ разнородныхъ системъ; поведетъ ли это развитіе къ тому, что и въ тѣхъ дисциплинахъ создастся одна стройная система, которая одна только и будетъ олицетворять собою истину и которая поэтому должна будетъ признана всѣми мыслящими безъ исключенія?

Отвѣтить на этотъ вопросъ точно и опредѣленно кажется намъ въ настоящее время вещь рискованной. Что социологія будетъ въ состояніи, наравнѣ съ другими науками, устанавливать научныя положенія, въ вѣрность которыхъ никто не будетъ имѣть возможности усомниться, мы можемъ считать въ настоящее время вопросомъ вполне рѣшеннымъ. Но точно также, какъ данныя другой какой-либо точной науки могутъ быть примѣняемы для достиженія разнородныхъ, подчасъ даже самыхъ противоположныхъ цѣлей, и данныя социологін будутъ, весьма вѣроятно, служить интересамъ разнообразнаго характера. До тѣхъ поръ, пока въ человѣческомъ обществѣ будутъ существовать различные классы, интересы которыхъ окажутся враждебными другъ другу, до тѣхъ поръ эти борющіеся между собою интересы и будутъ создавать потребности, стремленія и идеалы, которые тоже будутъ вести между собою борьбу за существованіе. Каждый отдѣльный классъ и тогда будетъ имѣть свое собственное мировоззрѣніе, а слѣдовательно, и свою собственную социальную философію. Въ такомъ же точно положеніи и будетъ находиться социальная политика, ибо разница въ цѣляхъ должна будетъ оказать свое вліяніе и на комбинацію и характеръ средствъ, на содержаніе и форму общественной дѣятельности. Но даже и при этихъ условіяхъ социологія будетъ въ состояніи оказывать весьма важныя услуги, ибо установленныя ею истины съ самаго начала сдѣлаютъ многія иллюзіи невозможными, а, съ другой стороны, многія надежды болѣе основательными; они укажутъ границы возможнаго, но и откроютъ новые дотогѣ неизвѣстные горизонты и побудятъ такимъ образомъ къ новымъ усиліямъ и новой дѣятельности.

Но если когда-либо классовая рознь и классовая борьба исчезнутъ изъ среды человѣческаго общества, если когда-либо будутъ устранены причины, заставляющія членовъ человѣческаго общества вступать въ борьбу другъ съ другомъ, и идеалы свободы, равенства и братства найдутъ свое осуществленіе въ дѣйствительной жизни, тогда на широкомъ и прочномъ базисѣ науки о человѣческомъ обществѣ, безъ сомнѣнія, будетъ воздвигнута единая стройная социально-философская система, въ служеніе которой для блага всего человѣчества станетъ такая же единая нераздѣльная система социальной политики.

Проф. Н. Райхесбергъ.

ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года).

(Окончаніе *).

VI.

Амурскіе помѣщики.

Вотъ сожженная манчжурская деревня Будунда. Остатки стѣнъ, груды перегорѣвшей глины, мѣстами почти неповрежденные огнемъ конусообразныя печи, обгорѣлые столбы изгородей; кое-гдѣ валяются маленькіе жерновки отъ китайскихъ ручныхъ мельницъ; на огородахъ гряды, заросшія густымъ и крупнымъ бурьяномъ, среди котораго мѣстами пробивается самосѣвный лукъ.

— Народъ-то куда дѣвался?—спрашиваемъ ямщика.

— Ушли,—вехотя отвѣчаетъ ямщикъ...—А которыхъ побили,—добавляетъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія,—кто уходитъ не хотѣлъ. Какъ стали жечь Будунду, они попрятались въ травѣ да въ кустахъ; послали команду ихъ искать, да всѣхъ и перебили.

— Кто же это билъ-то?—спрашиваемъ.

— Да такъ, всякій народъ: которые деревенскіе, а больше шпанъ разная изъ города набралась; ну, тоже и покорыстовались, котораго имущества манчжуры въ землю не попрятали.

Миновавъ Будунду, ѣдемъ нѣкоторое время долиною Зеи, по извилистой, торной дорогѣ, причемъ пересекаемъ широкую полосу бывшихъ манчжурскихъ пашенъ; теперь это сплошныя заросли высокаго бурьяна, сквозь который, однако, еще ясно видны характерныя для китайскихъ пашенъ узкія, прямыя, какъ стрѣла, грядки. На переѣздѣ черезъ небольшое болотце, тянущееся вдоль вѣшняго края долины, вся наша тройка проваливается по брюхо; оказывается, устроенная бывшими обитателями Будунды крѣпкая гать разобрана на топливо переселенцами, которымъ въ прошломъ году было дозволено собрать манчжурскій хлѣбъ. Затѣмъ поднимаемся на невысокій увалъ, густо поросшій дубовымъ кустарникомъ, и выѣзжаемъ на безпредѣльную

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь, 1902 г.

степь, во всѣ стороны раскинувшуюся своими пологими, куполообразными перевалами. Куда ни взглянешь глазъ, вездѣ сплошныя распаханныя поля, среди которыхъ кое-гдѣ разбросаны небольшія рощицы, да въ разныхъ направленіяхъ протянулись сѣнокосныя низины.

Едва поднявшись на увалъ, мы переѣзжаемъ черезъ неширокій ровъ, сплошь заросшій кустарникомъ. Это—«манчжурская канава», граница бывшихъ манчжурскихъ, нынѣ отданныхъ казакамъ земель бывшего за-Зейскаго района; а вдоль этой канавы протянулся длинный рядъ такъ называемыхъ «нумерныхъ» участковъ—небольшихъ земельныхъ дачекъ, наръзанныхъ и распроданныхъ въ частныя руки со специальною цѣлью—прекратить расплываніе въ стороны манчжурскихъ запашекъ. За полосой «нумерныхъ» участковъ располагается нѣсколько молоканскихъ селеній—Тамбовка, Толстовка, Жарикова, Гильчинъ, и въ перемежку съ ихъ надѣлами, группируясь преимущественно вдоль рѣчки Гильчина, разбросаны также многочисленные участки частнаго владѣнія.

Меня очень интересовали «амурскіе помѣщики»—эти единственные въ Сибири серьезныя зачатки частнаго землевладѣнія и частновладѣльческаго хозяйства, въ которыхъ одни видятъ главную опору будущаго агрикультурнаго и всякаго иного прогресса Сибири, а другіе ничего не видятъ, кромѣ бесполезной растраты цѣннаго государственнаго достоянія, и мнѣ поэтому очень любопытно было хоть мимоходомъ посмотрѣть на нѣсколько такихъ частновладѣльческихъ хозяйствъ.

Нашей ближайшею цѣлью была «Исаевская займка»,—какъ я себѣ представлялъ по названію, помѣстье нѣкоего Исаева; и мы завидѣли эту займку почти сейчасъ же, какъ только поднялись на валъ и перѣехали черезъ «Манчжурскую канаву». Но то, что я видѣлъ, повергло меня въ немалое изумленіе: вмѣсто помѣщичьей усадьбы передо мной открылось нѣчто въ родѣ небольшой деревни, окруженной рощицами молоденькаго, недавно запущеннаго лѣса: девять хорошихъ домовъ крестьянскаго типа, съ довольно плохо огороженными или вовсе неогороженными дворами, съ довольно неважными, по большей части, службами, и только на выѣздѣ красуются какія-то обширныя, но, очевидно, необитаемыя хоромы городского типа, а насупротивъ нихъ—небольшая двупоставная паровая мельница. Хоромы съ мельницей и при нихъ 350 десятинъ земли,—это собственно и была настоящая Исаевская займка. Девять жилыхъ домовъ—это усадьбы молоканъ, владѣющихъ участками отъ семидесяти пяти до четырехсотъ десятинъ каждый; трое изъ этихъ молоканъ купили сообща Исаевскую займку; мельницу и при ней пятьдесятъ десятинъ оставили пока въ общемъ владѣніи, а остальные триста десятинъ подѣлили на три равныя доли.

Заѣзжаемъ въ одинъ изъ девяти дворовъ. Заходимъ въ избу, просимъ кваса. Завязывается разговоръ; кромѣ хозяина избы, главы

семьи въ двадцать семь душъ, въ разговорѣ принимаютъ участіе и собравшіеся сосѣди—все крѣпкій, рослый народъ, настоящіе мужики по облику и одеждѣ. Изъ разговора оказывается, что строй жизни этихъ девяти дворовъ—настоящій деревенскій: у нихъ есть выборный староста, гоняются очередныя подводы; общее усадѣбное мѣсто—на сходящихся углахъ четырехъ сосѣднихъ участковъ; хлопчутъ объ отводѣ полоски земли спеціально подъ общій выгонъ.

— Вотъ вы какъ живете,—высказываю я свое изумленіе:—а я думалъ, что вы помѣщики, такъ помѣщики и есть,—своими усадьбами живете.

— Какіе мы, ваше б-діе, помѣщики,—возражаетъ хозяинъ избы:—мы мужики, по-мужицки живемъ, всю жизнь въ землѣ роемся...

— Они всегда другъ къ дружкѣ жмутся, стараются деревнями жить,—разъясняетъ мой спутникъ, мѣстный обыватель, вдоль и поперекъ знающій всѣхъ заемщиковъ.

— Да какъ же, баринъ,—говоритъ одинъ изъ заемщиковъ,—намъ иначе и жить-то? Вотъ, деревней поселились, и учителя собча нанимаемъ, и выгонъ у насъ общій будетъ, и мельницей ловчѣе пользоваться будетъ; да и жить-то на міру веселѣй, нежели по одиночкѣ.

Начинаю спрашивать о хозяйствѣ. Оказывается, что заимщики пораспахали уже почти всѣ свои земли; залогі (цѣлины) парятъ, начинаютъ оставлять подъ паръ и «мятыя» земли, постепенно переходя такимъ образомъ къ общесибирской залежно-паровой системѣ полеводства; пахутъ плугами—«козульками» (американской фирмы «Деегъ» съ оленемъ въ качествѣ марки), нѣкоторые—двухлемешными; всѣ имѣютъ жнеи—«адрианки» («Adriance. Platt»), трое только что купили сноповалки; у троихъ есть молотилки, остальные пользуются молотилками у этихъ трехъ, платя за обмоловъ хлѣба по 4 р.—4 р. 50 к. съ десятины. Сѣютъ пшеницу, много овса, частью на зерно, частью на зеленый кормъ; начинаютъ дѣлать посѣвы черныхъ китайскихъ бобовъ (соя), вводя, такимъ образомъ, въ сѣвооборотъ начало плодосмѣны. Лошади по большей части привозныя, томскія, рогатый скотъ мѣстный, монгольскій, овцы по большей части переродъ отъ таврическихъ, слабая, плохо переносящая мѣстный климатъ; есть и мѣстныя, плохой породы. Словомъ, хозяйство обычнаго для данной мѣстности крестьянскаго типа. Обработаны поля очень хорошо и аккуратно, но и здѣсь я не замѣчаю отличія отъ полей сосѣднихъ деревень. Да и сами заимщики не считаютъ себя въ чемъ-либо выдающимися хозяевами. «Который крестьянинъ бѣдный,—отвѣчаютъ они на мой вопросъ,—тому гдѣ же противъ насъ землю обработать; а ежели у котораго деревенскаго сила, тотъ намъ нисколько не уважить»...

Побесѣдовали, напились квасу,—и дальше. Почти сплошныя пашни, прерывающіяся небольшими сѣнокосными лощинками или полосками цѣлины, заросшей орѣшникомъ. На каждой полуверстѣ, то справа, то

слѣва, видѣются толстые-претолстые межевые столбы, поставленные на границахъ отдѣльныхъ владѣній. Минуемъ небольшіе участки—въ пятьдесятъ и въ сто десятинъ—Крахмалева и Красина; вотъ жмутся другъ къ другу ихъ усадьбы—плохенькія крестьянскія избы, жалкія хозяйственныя постройки; у Крахмалева, оказывается всего три лошади, такъ что поднимать цѣлину ему приходится помощью супруги. Минуемъ въ густой рощѣ усадьбу другого Крахмалева—большой домъ, невысокіе крѣпкіе амбары и почему-то—типичная хохлацкая клуня; недоѣзжая усадьбы—широкая полоса чернаго пара и обширнаго поля, засѣянная пшеницей.

— А вотъ тамъ, слѣва,—говоритъ мой спутникъ,—у Л-на четыреста десятинъ...

Л—нѣ благовѣщенскій коммерсантъ, заводчикъ и спекулянтъ, раскинувшій свои сѣти по всему Амуру и всему Забайкалью.

— А что-жъ онъ съ ними дѣлаетъ,—спрашиваю я?

— Да что жъ дѣлаетъ? Ничего не дѣлаетъ, ждетъ; а придетъ время—найдетъ, какъ деньгу нажить. Вѣдь сейчасъ ужъ землю по пятнадцати да по тридцати рублей за десятину продаютъ, а покупаютъ-то по три двадцать пять... Много ихъ, такихъ-то... Вотъ сейчасъ одинъ баринъ хлопочетъ, чтобы ему тысячу двѣсти десятинъ отвели; обѣщаетъ край облагодѣтельствовать—мельницу паровую поставить. Тоже, подумаешь, благодѣтель! Тутъ мельницъ-то сколько угодно—однѣхъ паровыхъ въ этой мѣстности четырнадцать штукъ. А себя-то, конечно, облагодѣтельствуетъ: купить за четыре тысячи, продать черезъ годъ за пятнадцать—багышъ хорошій... Да еще подай ему непременно междугранокъ между деревнями, чтобы мужичковъ нажатъ хорошенько—тоже благодѣяніе для края...

Еще нѣсколько межевыхъ столбовъ, такихъ же толстыхъ. Затѣмъ столбы исчезаютъ, и дорога нѣсколько верстъ тянется черезъ прекрасно обрабатываемыя, на видъ, поля деревни Толстовки. Вотъ и Толстовка—деревня въ семьдесятъ съ небольшимъ дворовъ, изъ нихъ девять—баптисты, остальные—молокане—все Косицыны, Ланкины, Саяпины, Тулуповы, Лиштаевы.

Ѣдемъ по длинной-длинной улицѣ. Огромные дворы (на Амурѣ подъ усадьбы вѣрѣается по десятинѣ—четверо больше, чѣмъ въ сибирскихъ частяхъ Сибири), передъ домами—полисаднички, кое-гдѣ цвѣтники; дома все большіе, крѣпкіе, нѣкоторые городского типа, съ верандами, другіе—крестьянской постройки; большіе, крѣпкіе амбары. Заѣзжаемъ на вѣѣзжую квартиру—она оказывается занятою: остановился благовѣщенскій адвокатъ, возвращающійся съ описи имущества у одного изъ ближайшихъ молскантъ-занищниковъ. Сельскій староста подсаживается къ намъ въ экипажъ, проводитъ насъ на другую квартиру. Въ темнотѣ—было около десяти часовъ вечера—насъ обгоняетъ какая-то фигура... на велосипедѣ.

- Это кто-жъ такой?—спрашиваемъ старосту.
- А кузнецъ здѣшній, велосипедъ завелъ.
- А куда-жъ онъ на немъ ѣздитъ?
- Да куда случится: къ своимъ ѣздитъ въ гости, въ другія деревни, а то просто разгуляться.

Ну, не американцы-ли?..

Вотъ, наконецъ, и желанная квартира: домъ изъ двухъ обширныхъ половинъ; въ «избѣ», рядомъ съ русскою печкой, американская ручная помпа («у насъ у всѣхъ такія, — объясняетъ хозяинъ на мой вопросъ, — а то больно трудно бабамъ-то воду таскать»). Изъ чистой комнаты отгорожено, по молоканскому обычаю, двѣ или три маленькихъ кѣ-тушки, по одной для каждой брачной пары; въ углу и еще гдѣ-то стоятъ двѣ ручныхъ швейныхъ машины («въ Россіи у бабы прялка, — замѣчаетъ мой спутникъ, — а здѣсь швейная машина»).

Толстовка очень зажиточная и при томъ—равномѣрно зажиточная деревня: богачи сѣютъ по 90—100 молоканскихъ десятинъ (=1²/₃ казенной десятины), самые бѣдныя—не менѣе пятнадцати, двадцати десятинъ каждый. Распахали рѣшительно всю надѣльную землю, кромѣ мокрыхъ низинъ. Сѣнокосовъ почти не оставили—косятъ низины и залежи, но тѣхъ и другихъ тоже осталось мало; сѣютъ поэтому много овса на зеленый кормъ, сѣяли и китайскіе бобы, но не развели своихъ сѣмянъ, а покупали у манчжуръ, а потому, теперь, съ изгнаніемъ манчжуръ, пришлось, вѣроятно, временно прекратить посѣвы бобовъ. Хозяйство въ основѣ своей, какъ вездѣ, самое первобытное: сѣютъ хлѣбъ за хлѣбомъ по двѣнадцати и болѣе лѣтъ подрядъ, безъ отдыха и пара; но зато по части орудій и машинъ Толстовка вмѣстѣ съ сосѣднею Тамбовкой ничуть не уступаютъ самымъ богатымъ частновладельческимъ заимкамъ: и въ той, и въ другой есть хозяева, имѣющіе машинъ на четыре или на пять тысячъ рублей; всѣ болѣе состоятельные хозяева отъ болѣе дешевыхъ заводскихъ пахатныхъ орудій перешли къ дорогимъ плугамъ съ сидѣньемъ; большинство имѣетъ рядовыя сѣялки, сортировки; жнеи - «адрианки» уже выходятъ изъ употребленія: въ Толстовкѣ уже въ 1900 году работало двѣнадцать сноповязалокъ, а нынѣ весной заказали еще двадцать четыре; у двѣнадцати хозяевъ молотилки—изъ нихъ одна приспособлена къ локомотиву паровой мельницы...

Ѣдемъ дальше, все по такой же слабо волнистой сторонѣ, по большей части сплошь распаханной, а по непаханнымъ мѣстамъ то густо уросшей мелкимъ орѣшникомъ, то усѣянной желтыми лиліями и блѣдно-лиловыми ирисами. Минуемъ опять нѣсколько межевыхъ столбовъ и видимъ въ сторонѣ, среди небольшихъ рощицъ, нѣсколько частновладельческихъ усадебъ. Затѣмъ столбы исчезаютъ, и мы ѣдемъ опять сплошными, превосходно обработанными пашнями, любуясь густыми, ровными и чистыми хлѣбами. Это—пашни деревни Тамбовки, той са-

ной Тамбовки, задолженность которой въ банкахъ исчисляется уже сотнями тысячъ рублей.

Тамбовка—большая деревня въ сто шестьдесятъ дворовъ, тоже молоканъ и частью баптистовъ,—все такіе же Ланины, Косицыны и т. п. На видъ улицы Тамбовки лучше благовѣщенскихъ: почти сплошь жегъзные крыши, дома съ балконами или верандами, окрашенные масляною краскою въ разнообразѣйшіе цвѣта; громадные, крѣпкіе амбары съ тесовыми крышами, специальные сараи для земледѣльческихъ машинъ. При этомъ, однако, заборы по большей части очень плохи: это все жалкія изгороди, у нѣкоторыхъ закрѣплены канавами и валиками. Это—вліяніе безгѣся, уже заставившаго тамбовцевъ (какъ и жителей Жариковой, Гильчина и другихъ селеній) подумать о восстановленіи лѣса и запустить подъ лѣсъ довольно большую площадь жокрой заросли. Громадные запашки, несмотря на десятинный на семью надѣлъ, заставили почувствовать «утѣшеніе» и въ пахатной землѣ, и это утѣшеніе, какъ вездѣ въ Сибиря, привело уже въ Тамбовкѣ къ передѣлу ближайшей къ селенію части пахатныхъ земель.

Благосостояніе въ Тамбовкѣ менѣе равномѣрно, нежели въ Толстовкѣ: въ Тамбовкѣ не мало хозяевъ, засѣвающихъ болѣе сотни «молоканскихъ» десятинъ, а восемь изъ числа тамбовскихъ молоканъ, продолжая жить въ деревнѣ и пахать надѣльную землю, владѣютъ и участками купчей земли. Но не мало и бѣдноты, засѣвающей по 2—3 десятины, а то и вовсе не имѣющей посѣва. Усовершенствованныя орудія и машины, какъ я уже говорилъ, не менѣе и даже болѣе въ ходу, нежели въ Толстовкѣ, причемъ покупаютъ ихъ не только богачи, но и сравнительно бѣдные хозяева—«молокане ужъ такой народъ—нѣтъ денегъ, такъ найдутъ»: молотилки «почестъ-что въ каждомъ дворѣ», у богатыхъ—дорогія, съ вѣялкой, у менѣе состоятельныхъ—подешевые; сноповязалокъ въ 1900 году работало двадцать, весною 1901 года закупили еще пятьдесятъ; рядовыя сѣялки, сортировки, косилки и т. п. Пробѣжало, говорятъ, по области одно чрезвычайно высокое начальство. Мѣстные власти, на показъ этому лицу, велѣли тамбовцамъ и толстовцамъ выстроить въ шеренгу всѣ ихъ машины—начальство такъ и развело руками!..

Отъ границы тамбовскаго надѣла ѣдемъ, можно сказать, черезъ самое сердце амурскаго частнаго землевладѣнія: дорога идетъ внизъ по Гильчину, вдоль праваго берега котораго, вплоть до самой «Манчжурской канавы», сплошною лентой вытянулись молоканскія заимки.

Вотъ заимки Ѳедора и Евстагѣя Косицыныхъ и Тулупова—поселочекъ въ четыре двора, у всѣхъ четырехъ десятинные участки; одна изъ четырехъ усадебъ роскошная, другія попроще; пашни вытянуты обширными сплошными полями, засѣянными подъ одну межу, но обработаны плохо и сильно заросли сорными травами.

Вотъ другой поселочекъ, нѣмного побольше—это заимка Елифана

Ланкина съ товарищами. Заходимъ въ первую попавшуюся избу—къ старику Тулупову, одному изъ «первыхъ жителей» заимки; коренастый, крѣпкій старикъ, чисто крестьянскаго облика; простой крестьянскій дворъ съ большимъ сараемъ для машинъ; за дворомъ крохотная тѣнистая рощица, въ ней столикъ и скамейка.

— Изъ первыхъ я здѣсь, баринъ, изъ первыхъ,—отвѣчаетъ на наши разспросы старикъ Тулуповъ:—вшестеромъ мы заимку-то заводили. Купили наперво пятьсотъ, потомъ еще триста десятинъ, отдѣлили мѣстечко подъ дома да для скота выпуска, а прочую землю подъ посѣвъ дѣлимъ: подѣлимъ уголь, снимемъ три хлѣба, бросимъ отдыхать и новый уголь дѣлимъ.

Дѣлятъ землю на шесть равныхъ паевъ; но Тулуповъ выдѣлил одного изъ своихъ четырехъ сыновей, которому теперь, при раздѣлѣ пашни отводится соотвѣтствующая доля; а другой товарищъ, Поповъ, умеръ, и его доля разбилась между шестью его сыновьями.

— Худо живутъ парни,—разсказываетъ старикъ Тулуповъ,—все споры у нихъ, до суда доходили. Да вотъ съ Ланкиными, съ Трофимомъ да съ Евдокимомъ, псособиться не можемъ; выдѣлять хотятъ пай-то, да мы ихъ не пускаемъ.

Какъ оказалось затѣмъ, кромѣ своего пая въ обществѣ владѣнн, Тулуповъ имѣетъ еще два участка, купленныхъ единолично, одинъ въ сто двадцать, другой въ полтора ста десятинъ; засѣваетъ около семидесяти десятинъ,—все тѣ же пшеница, овесъ да китайскіе бобы. Своими машинами Тулуповъ непремѣнно захотѣлъ намъ похвалиться: повелъ насъ въ сарай, гдѣ показалъ намъ три плуга съ сидѣніями, конныя грабли, сноповязалку, молотилку, рядовую сѣялку.

— Всѣ деньги, баринъ, на эти машины уходятъ—домъ вотъ у насъ плохонекъ, да все не соберусь новый ставить, а на машины и нѣтъ денегъ, такъ найдешь.

Идемъ пѣшкомъ къ Евдокиму Ланкину, владѣющему, кромѣ пая въ той же артели, еще девятьюстами десятинами, изъ которыхъ четверста прикуплены недавно, уже по пятнадцати рублей за десятину. Роскошный городской домъ, огромный дворъ, нѣсколько большихъ амбаровъ, обширный сарай съ земледѣльческими орудіями и машинами, рядомъ доканчивается постройка паровой мельницы съ пятнадцатисильнымъ локобилемъ. Самого Евдокима не оказывается дома. Его сынъ, лоценый парень, въ лакированныхъ ботфортахъ, не проявляетъ особенной склонности къ разговорамъ, а потому мы ограничиваемся посѣщеніемъ машиннаго сарая съ паровою молотилкой, тремя сноповязалками, тремя конными граблями и всею прочею «снастью», потребною для обработки и уборки ста двадцати молоканскихъ десятинъ, и черезъ калитку проходимъ къ другому Ланкину—Трофиму.

Такой же громадный дворъ; домъ гораздо проще, но очень просторный; обстановка самая простая, и только бросается въ глаза, на

стѣй, коллекція хорошихъ винтовокъ разнообразныхъ иностранныхъ системъ. Самъ Трофимъ—коренастый мужчина, мѣщанскаго облика, съ истрями, пронизывающими глазами, по большей части живетъ въ городѣ и только наѣзжаетъ на заимку; какъ и большинство состоятельныхъ молоканъ, онъ далеко не исключительно сельскій хозяинъ: онъ ведетъ, кромѣ того, и крупныя торговыя дѣла, главнымъ образомъ, разныя поставки на прииски, а въ 1900 году онъ заработалъ, ни много, ни мало, двадцать тысячъ рублей на перевозкѣ военныхъ грузовъ въ Цицикарь и въ другіе пункты бывшей на военномъ положеніи Манчжуріи. Ближайшее заведываніе хозяйствомъ на заимкѣ лежитъ на двухъ-изъ сыновей Трофима—тоже вышощенныхъ юношахъ въ лакированныхъ ботфортахъ. Земли у Трофима меньше, чѣмъ у Евдокима—кромѣ пая въ артельномъ участкѣ, онъ имѣетъ всего шестьсотъ десятинъ; но засѣваетъ онъ больше—до полутораста десятинъ, имѣетъ еще большій мертвый инвентарь и также обладаетъ паровою мельницею. Хозяйство Трофима имѣетъ менѣе казовый видъ, нежели у Евдокима, но въ сущности ведется, повидимому, лучше и имѣетъ болѣе, такъ сказать, прогрессивный характеръ: онъ выписываетъ—врочемъ, пока безъ особаго успѣха—улучшенные сорта пшеницы и овса, собирается устроить конскій заводъ, строить кожевню. Но особенную гордость Трофима составляетъ его садъ—большая площадь, правильно засаженная фруктовыми деревьями; деревья, впрочемъ, почти все мѣстныхъ, плохихъ породъ, непривитыя, и только въ нынѣшнемъ году высажено нѣсколько экземпляровъ привозныхъ породъ, купленныхъ у выписавшаго нѣсколько тысячъ саженцевъ молокана же Косицына.

Минуетъ еще нѣсколько заимокъ: вотъ заимка Тимашевыхъ съ товарищами, — опять небольшой поселокъ изъ семи дворовъ, владѣющихъ небольшими, по большей части стодесятинными участками; вотъ заимка Лаврентія Дружина — крупное хозяйство съ восемьюстами десятинами земли и паровою мельницею, только что разбившееся по семейному раздѣлу на нѣсколько частей. Ёдемъ дальше внизъ по Гильчигу, за рѣкою видимъ утопающую въ садахъ и рощахъ деревеньку Жарикову.

— Банкротовкой ее зовутъ, — говоритъ мой спутникъ: — проторгуетъсѣя благовѣщенскій купецъ изъ молоканъ — сейчасъ записывается въ крестьяне въ Жарикову; ужъ сколько ихъ такъ позаписалось!

Вотъ и еще заимка, на самомъ краю Гильчинскаго увала — всего два двора. Это заимка Фокина и Никифора Болотина. Хозяйство послѣдняго одно изъ самыхъ извѣстныхъ въ краѣ, приводимыхъ въ примѣръ культурнаго значенія частнаго землевладѣнія, а потому мы заходимъ на нѣсколько минутъ еще и на Болотинскую заимку. Простая постройка, безъ всякихъ городскихъ затѣй; крестьянскаго обличья и самъ хозяинъ—одинъ изъ двухъ братьевъ Болотиныхъ. Но хозяйство одно

изъ самыхъ крупныхъ: восемьсотъ десятинъ земли, посѣва полтораста молоканскихъ десятинъ, четыре плуга съ сидѣльями, три сноповязалки. Гордость Болотинныхъ—это ихъ конный заводъ изъ 25—30-ти матокъ мѣстной породы, съ томскими производителями; лошади раскупаются и въ Благовѣщенскѣ, и по деревнямъ, по триста рублей и дороже за штуку. Рогатый скотъ тоже хорошій, но мѣстной породы, безъ всякихъ попытокъ улучшенія извнѣ.

— Отчего вы скота не выпишите изъ Россіи? — спрашиваетъ мой спутникъ Болотина.—Тоже бы заводъ завести могли!

— Да думаю выписать, только все руки не доходятъ. А слышать Косицынъ поѣхалъ ужъ въ Россію быковъ покупать?

— Поѣхалъ, вагонъ рассчитываетъ привезти.

— Какой это Косицынъ? заимщикъ? — спрашиваю я.

— Нѣтъ, крестьянинъ. А вотъ я тутъ еще другого человѣчка подбиваю за скотомъ ѣхать, должно быть нонче поѣдетъ; тотъ изъ заимщиковъ...

Еще нѣсколько верстъ по долинѣ Гильчина, у самага подножья увала. Затѣмъ мы пересѣкаемъ долину и въѣзжаемъ черезъ деревню Гильчинъ—опять все Саянины, Ланкины и Косицыны. И здѣсь помпы Нортонъ въ избахъ, обширные дворы, крѣпкіе амбары, но застройка сравнительно простая, безъ того шика, какъ, напримѣръ, въ Тамбовкѣ.

— Небось, поплоче живете противъ тамбовскихъ? — спрашиваю я одного изъ многочисленныхъ Саяниныхъ.

— Кто его знаетъ, ваше блдіе,—отвѣчаетъ Саянинъ, слегка обиженнымъ тономъ.—Строеніе-то у насъ не такое, какъ въ Тамбовкѣ, а машинъ — подходяще; а ужъ посѣвами и скотомъ наши и вовсе не уважать тамбовскимъ.

Подъ проливнымъ дождемъ въѣзжаемъ изъ Гильчина, чтобы прямокомъ, черезъ бывшія манчжурскія земли, проѣхать въ Благовѣщенскъ. Нашей тройкѣ предстоитъ нелегкая задача—провезти насъ слишкомъ пятьдесятъ верстъ по сильно размоченной дорогѣ, но рѣзвые забайкалки блистательно справляются съ этою задачей.

— Вотъ томскимъ лошадямъ ни въ жисть этакъ не вывезти,—говоритъ нашъ ямщикъ, а эти—и глядѣть не на что, а посмотрите, подъ конецъ еще рѣзвѣй побѣгутъ.

Проѣхали нѣсколько верстъ гильчинскими полями. Миновали послѣднюю заимку—одного изъ Лиштаевыхъ, владѣльца стодесятинного участка: скромная изба, очень мало хозяйственныхъ построекъ, но около дома тѣнистая рощица со скамьями и качелью.

Сейчасъ же за заимкой—«Манчжурская канава», а за нею опять та же мерзость запустѣнія, которую я уже видѣлъ въ Будундѣ: тѣ же кучи глины, обгорѣлые столбы, полуобвалившіяся печи на мѣстахъ бывшихъ манчжурскихъ селеній; тѣ же заросшіе густымъ, темно-

зеленымъ бурьяномъ огороды и также заросшія бурьяномъ, но много типа, пашни, съ ясно видвыми еще гребнями или грядками.

— И что у нихъ за огороды были, — скорбятъ мой спутникъ, — какъ они приспособились къ спросу! Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я прѣхалъ въ Благовѣщенскъ — у нихъ только свои, китайскіе овощи были: а подъ конецъ чего только они ни разводили: и салатъ, и круглую редиску, и кочанную капусту, и цвѣтную!

— Насидятся теперь благовѣщенцы безъ овощей, — говорю я.

— Ну, нѣтъ, сейчасъ-то овощей, дѣйствительно, мало, но будутъ; крестьяне разведутъ: прежде конкуренція манджуръ была имъ не под силу, а потому они не занимались огородами; а теперь уже начали выписывать сѣмена и раздѣлывать землю подъ огороды.

Какъ и подъ Будудюю, мерзость запустѣнія отразилась и на самой дорогѣ: и здѣсь гати и мосты разобраны на дрова переселенцами-могилевцами, проводившими здѣсь лѣто и снимавшими манчжурскій хлѣбъ.

Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе производитъ эта пустыня, еще такъ недавно кипѣвшая жизнью и трудомъ...

— Теперь ничего, привыкли, — говорить, оборачиваясь къ намъ, ямщикъ. — А то съ весны жутко было ѣздить — пусто, никого нѣтъ... А прежде бывало все манчжуры, здороваются, разговариваютъ. «Амбѣ, говорятъ, куда пошелъ, какой деревня, какой дѣло».

Вотъ и Благовѣщенскъ.

VII.

Малый Хинганъ.

При яркомъ свѣтѣ полной луны, тысячами искръ переливающейся на мелкой ряби Амура, пароходъ нашъ огибаетъ замѣчательно красиво: утесъ, по очертанію своему нѣсколько напоминающій Лю-Дагъ, около Гурауфа, и съ большимъ трудомъ — изъ-за сильнаго теченія — пристаетъ къ казачьему поселку Пашковскому. Этотъ поселокъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Амуръ, пройдя около четырехсотъ верстъ въ низменныхъ, почти плоскихъ берегахъ, входитъ въ тѣснины Малаго Хингана.

Мы сходимъ съ парохода и, предшествуемые поселковымъ атаманомъ, скромнымъ человѣкомъ совсѣмъ не казачьяго вида, пробираемся ночевать на бездѣйствующую лѣтомъ почтовую станцію. При лунномъ свѣтѣ можно ясно различить довольно хорошіе жилые дома, но, какъ вездѣ въ казачьихъ селеніяхъ, съ плохо огороженными дворами и жалкими службами или же и вовсе безъ изгородей и хозяйственныхъ построекъ. Издали доносятся пьяные крики и пѣніе.

— Питейное, — спрашиваю атамана, показывая въ направленіи, откуда доносятся звуки?

- Питейное.
- Что-жь это они разгулялись—кажись, не праздникъ?
- Помочь была у одного жителя, теперь угощаетъ.
- Косить началъ?
- Косить.

Переночевавъ, часовъ около семи утра идемъ на Амуръ купаться. По дорогѣ встрѣчаемъ человѣкъ пять казаковъ, въ фуражкахъ съ желтыми кантами,—все уже навеселѣ,—пробирающихся къ питейному.

Съ выѣздомъ въ тайгу, въ виду изобилія «гнуса» въ утренніе часы, надо было ждать до послѣ-обѣда. Приходилось подумать о нашемъ продовольствіи. У хозяйки станціи, красивой молодой бабы, но съ какимъ-то безнадежнымъ уныніемъ, написаннымъ на лицѣ, къ нашему счастью, оказались яйца. Спрашиваемъ сметаны или творогу—ни того, ни другого нѣтъ: «Одна корова у насъ-то—пойду развѣ поспрошу у сосѣдей». Одна корова, въ очевидно, зажиточномъ дворѣ, съ двумя жилыми домами и почтовою станціей!..

Поиски хозяйки оказались тщетными: ни сметаны, ни творогу не оказалось въ цѣломъ поселкѣ.

— Сами съ голоду пропадаемъ:—извинялась баба:—все пропились; сколько есть мужиковъ—все въ кабакахъ сидятъ. Куръ и то въ кабакахъ тащатъ. Какія у насъ угодыя богатія, а вовсе обнищали...

То же подтверждаетъ и поселковый атаманъ:

— Пашней,—говоритъ онъ,—да скотомъ у насъ мало занимаются; все больше около пріисковъ Любавинскихъ живутъ да около пароходовъ.

— Да около питейнаго?—спрашиваю я.

— Ну, и около питейнаго тоже, — безъ возраженій соглашается атаманъ.

Около часу начинаетъ собираться нашъ таѣжный обозъ. Является одинъ казакъ, приводитъ во дворъ лошадей и, взойдя въ нашу горницу, въ необыкновенно цивилизованныхъ выраженіяхъ рассказываетъ намъ о характерѣ и привычкахъ своей лошади.

— Прелестная, ваше бл—діе, лошадь,—заканчиваетъ онъ свое сообщеніе.

Приводятъ еще пару лошадей; въ комнату къ намъ заходитъ одинъ изъ нашихъ будущихъ проводниковъ, предупредить, что «по здѣшней системѣ лучше такъ, чтобы господамъ позади конюховъ (чисто пріисковый терминъ!) ѣхать,—отъ паута легче будетъ».

Наконецъ, нашъ небольшой обозъ готовъ—лошади засѣдланы, завьючены, и мы трогаемся въ путь. На первомъ же переходѣ выясняется, что наши «прелестныя» лошади совершенно безсильны, а вьючная, взятая изъ-подъ жеребенка, ложится чуть не въ каждой «падушкѣ», такъ что ее приходится развьючивать, вытаскивать изъ топи и опять вьючить: цивилизованные проводники-казаки—лодыри,

которые до самого конца нашей экскурсии такъ и не выучились тому, чему обыкновенно таежные проводники выучиваются въ первый же день—именно, какъ слѣдуетъ перевязывать вьюки, откуда опять масса лишннихъ останковъ и перевьючекъ. Въ конечномъ же результатѣ мы ни въ одинъ день этой экскурсии не смогли пройти болѣе сорока верстъ, тогда какъ при менѣе цивилизованныхъ проводникахъ и лучшихъ лошадяхъ намъ и по худшимъ таежнымъ тропамъ удавалось проходить по шестидесяти и даже семидесяти верстъ въ день.

Поднимаемся сначала вверхъ по небольшой веселой рѣчкѣ Хингану. Путь идетъ по довольно широкой—въ 3—4 версты—долинѣ, окаймленной некрутыми горами или холмами, поросшими рѣдкимъ дубомъ или черною березой. Сама долина очень напоминаетъ, въ миніатюрѣ, конечно, долину Амура: низины съ рослою травой, усѣянною блѣдно-желтыми лиліями и красно-фіолетовыми ирисами, при закатѣ солнца принимающими чудный, почти бордово-красный оттѣнокъ; едва замѣтные «мыски», поросшіе густою травой луговогоѣснаго типа съ массою піоновъ, красныхъ лилій, полового горошка и т. п.; «мыски» покыпше, съ густою зарослью орѣшника, по которой разбросаны то отдѣльными деревьями, то небольшими рощицами, черная береза, ильмы, липа и т. п. породы. Симпатичная, веселая долина, почти сплошь удобная для заведенія, но пока, за исключеніемъ небольшихъ клочковъ казачьихъ пашенъ и покосовъ, совершенно пустынная.

Ночуемъ въ тридцати пяти верстахъ отъ Пашковой, при впаденіи въ Хинганъ другой, тоже бойкой и веселой рѣчки Сололи, на зимовьѣ, которое было построено и содержалось раньше владѣльцами ближайшихъ, нынѣ оставленныхъ пріисковъ; теперь оно служитъ жилищемъ для одного тунгуса и для семьи бывшего нивовщика, совместно занимающихся звѣриннымъ промысломъ. На зимовьѣ застаемъ однихъ только ребятъ, которые и помогаютъ намъ просушивать подмокшія на бродахъ и въ болотахъ вещи, согрѣть воду для чая и консервированныхъ щей, развести дымокуры для предохраненія людей и лошадей отъ «гноса».

На утро мы встаемъ съ разсвѣтомъ, чтобы сдѣлать какъ можно больше пути по утреннему холодку. Но, увы, наши казаки растеряли лошадей, и только въ седьмомъ часу, когда солнце уже начало порядочно жарить, намъ удастся тронуться въ путь.

Сначала мы тянемся вверхъ по узкой долинѣ, вѣрнѣе лоцинѣ, рѣчки Сололи. Какъ самая лоцина, такъ и склоны окаймляющихъ ее довольно высокихъ и крутыхъ горъ—одной изъ многочисленныхъ вѣтвей Малаго Хингана, покрыты дремучею листовничною тайгой, къ которой мѣстами подмѣшиваются то ель или пихта, то бѣлая береза; усѣянная каменными обломками почва долины густо заросла орѣшникомъ, шиповникомъ и другими кустарными породами, а вдоль самого русла Сололи тянется узенькая полоска болотистаго луга. Мало-

по-малу долина исчезаетъ и Сололи превращается въ горный ручей, почти безъ опредѣленнаго русла; двигаясь вверхъ по теченію этого ручья, то параллельно ему, на нѣкоторомъ разстояніи, то пересѣкая его десятки разъ, то ступая прямо по каменистому руслу, спотыкаясь о камни, увязая въ липкой глинѣ, наши лошади медленно взвозятъ насть вверхъ по довольно отлогому, въ этомъ мѣстѣ, склону хребта. И здѣсь все та же типичная, по преимуществу лиственничная тайга съ густымъ подлѣскомъ изъ орѣшника, шиповника, дикаго жасмина, малинника, причемъ и древесныя, и кустарныя породы по хребту достигаютъ гораздо большаго роста, нежели въ долинѣ. Вязкая глинистая почва покрыта густою, рослою травой, и только на самомъ гребнѣ хребта исчезаютъ ирисы и лиліи.

За подъемомъ слѣдуетъ такой же спускъ, затѣмъ новый подъемъ и новый спускъ, обращенный къ востоку и по характеру растительности довольно рѣзко отличающійся отъ пройденныхъ раньше склоновъ: къ хвойной тайгѣ подмѣшивается крупная липа, кленъ, горный ильмъ; чѣмъ ниже спускаемся по склону, тѣмъ больше лиственныхъ породъ, тѣмъ гуще подлѣсокъ, мѣстами перевитый то дикимъ виноградомъ, то разными неизвѣстными мнѣ видами вьющихся растений; появляются и новые виды травъ, съ которыми мнѣ пришлось ближе познакомиться въ послѣдствіи, уже въ уссурійской тайгѣ.

Однако, этотъ восточный склонъ является лишь островкомъ болѣе южной, уссурійской флоры среди преобладающаго въ данной мѣстности моря лиственничной тайги. За этимъ склономъ, довольно широко на востокъ и юго-востокъ, разстилается возвышенное плоскогорье, изрѣзанное безчисленнымъ множествомъ рѣчекъ, ручьевъ и просто «падушекъ», составляющихъ рѣчную систему Сутара—большой рѣки, которая ниже по теченію принимаетъ названіе Большой Биры и впадаетъ въ Амуръ недалеко отъ Хабаровска. Это плоскогорье—область золотыхъ приисковъ Хинганской или иначе—Сутарской системы.

Вотъ Любавинскіе прииски: Ириновскій, Любавинскій, Фроловскій. Ириновскій и Любавинскій прииски совершенно заброшены и являютъ собой довольно-таки безотрадную картину. Среди сплошной лиственничной тайги, мѣстами мѣшанной съ березою, вдоль прихотливо извивающагося ручейка, начисто вырублена полоса, шириною съ версту или немного менѣе, и глазъ устааетъ отъ вида этого безконечнаго множества почернѣлыхъ пней, уныло торчащихъ среди яркозеленой травы. Вдоль самого русла ручья безпорядочно разбросаны то болѣе темныя кучи снятыхъ съ золотоноснаго пласта «торфовъ», то розовато-бѣлыя груды отваловъ, уже прошедшихъ черезъ промывку и давшихъ свою добычу золота. Гдѣ тропа ближе подходитъ къ ручью, тамъ она вьется среди наполненныхъ застоявшеюся, загнивающею водою заброшенныхъ разрывовъ, которые сплошь и рядомъ перерѣзываютъ поперекъ равне проторенную или даже искусственно проложенную тропу, такъ что

наполненные водою ямы приходится объѣзжать, то перебираясь черезъ кучи торфовъ или отваловъ, то увязая въ искусственно-образованныхъ, благодаря засыпкѣ живого теченія ручья, болотахъ, то проваливаясь въ какихъ-то ямахъ, предательски закрытыхъ прогнившими жердями и присыпанныхъ сверху тонкимъ слоемъ бѣлаго песка. Картина, повторяю, довольно безотрадная и при томъ совершенно не вызывающая въ умѣ представленія о плановѣрной, систематической работѣ разсыпаннаго почти по поверхности земли золотого богатства. Напротивъ, видно, что все дѣлалось безпорядочно, кое-какъ, лишь бы поскорѣе вырвать самые лучшіе куски, а общая картина заброшеннаго прииска такая, точно не люди вели здѣсь свою разумную работу, а какія-то гигантскія свиньи взрыли поверхность земли въ поискахъ за золотыми желудами....

Такую же картину представляетъ собою и третій приискъ—Фроловскій: тѣ же безконечныя черныя пни, посреди тѣхъ же сѣрыхъ кучи торфовъ и бѣлыхъ груды отваловъ, тѣ же предательскія западни и ямы, наполненныя загнивающею водою. Но въ то время, какъ на Ириновскомъ и Любавинскомъ приискахъ не осталось уже никакихъ построекъ и нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни, кромѣ красныхъ лоскутковъ на заброшенныхъ китайскихъ божницахъ, подѣзжая къ Фроловскому, мы еще издали видимъ какую то избу и не безъ удовольствія, —вѣдь скучно цѣлый день плестись по безлюдной тайгѣ—замѣчаемъ вьющійся надъ избою дымокъ и какія-то шевелящіяся около нея человѣческія фигуры. Однако, дымокъ какъ-то сразу исчезаетъ, куда-то скрываются и человѣческія фигуры, и когда мы, наконецъ, поравнялись съ избою она не подавала уже никакихъ признаковъ человѣческой жизни...

Опять перевалъ съ лиственничною тайгой... Пройдя пару верстъ, мы выходимъ къ новому ручью, и передъ нами открывается новый приискъ—Казанскій, принадлежащій къ серіи уже не Любавинскихъ, а Рубиновскихъ приисковъ. Снова тѣ же пни и тѣ же кучи отваловъ. Но жизнь на Казанскомъ приискѣ еще не угасла окончательно: на видномъ мѣстѣ красуется крохотная церковка или часовня; по одну сторону ручья, на пригоркѣ, стоитъ нѣсколько домовъ и амбаровъ приисковой администраціи, по другую—нѣсколько лачугъ, около которыхъ виднѣются синія рубахи и косы китайскихъ рабочихъ.

Особой «посѣтительской», какія бываютъ на крупныхъ приискахъ, на Казанскомъ приискѣ нѣтъ. Намъ приглашаютъ остановиться у матеріальнаго—вмѣстѣ съ нарядчикомъ единственнаго, кажется, начальства на этомъ приискѣ.

Отъ матеріальнаго узнаемъ, что и Казанскій приискъ почти заброшенъ.

— Одни только китайцы еще у меня остались—сорокъ семь человѣкъ, старательскими работами работаютъ; да и то только семь че-

ловѣкъ на этомъ пріискѣ, а остальные тутъ по сосѣдству, на Григорьевскомъ.

— А русскихъ вовсе нѣтъ?

— Нѣтъ, золота уже мало осталось, только одни китайцы могутъ работать.

— Почему такъ?

— Да хозяйскими работами ужъ нѣтъ расчета работать, стараться русскому рабочему не изъ чего, а китайцы — народъ безотвѣтный: тридцать рублей за лѣто очистится, онъ говоритъ—много заработалъ; а ужъ сто рублей — про это онъ и думать не смѣетъ!.. Да и то сказать, рѣдко кому и тридцать рублей очищается, все больше въ долгу остаются, такъ изъ года въ годъ и работаютъ...

Начинаемъ спрашивать матеріальнаго о дѣйствующихъ пріискахъ Рубиновской компаніи; оказывается, главную добычу даетъ теперь расположенный въ двѣнадцать верстахъ отъ Казанскаго Ермишиный пріискъ, на которомъ работаетъ до пятисотъ китайцевъ; хорошо работаютъ еще и нѣкоторые другіе пріиски.

— Теперь вотъ, — добавляетъ матеріальный, — купили у Любавинскихъ Фроловскій пріискъ — вы вотъ сейчасъ проѣзжали; только еще не работаютъ.

— Какъ не работаютъ?—удивляемся мы.—А мы тамъ какъ будто людей видѣли.

— Людей? — съ нѣкоторой тревогой переспрашиваетъ матеріальный. — Нѣтъ, нашихъ рабочихъ тамъ нѣтъ, видно хищники забрались работать...

Переночевавъ, отправляемся въ дальнѣйшій путь. Почти въ теченіе цѣлаго дня этотъ путь пролегаетъ все по тому же возвышенному плоскогорью, при пересѣченіи рѣчекъ и ручьевъ спускаясь въ заболоченныя «пади», затѣмъ опять поднимаясь на поросшіе то лиственничною тайгою, то лиственнымъ разнотравьемъ, междурѣчные перевалы; въ зависимости отъ мельчайшихъ измѣненій рельефа, почва то болѣе или менѣе сухая, то замѣтно заболоченная. Лѣсъ вездѣ, въ отличіе отъ горной тайги, не слишкомъ рослый, по большей части корявый, а нерѣдко попадаются и участки съ совершенно вымокшимъ, мертвымъ лѣсомъ.

Начиная отъ самаго Казанскаго пріиска, нашъ путь идетъ торною тропкою, соединяющею систему Рубиновскихъ пріисковъ съ ихъ «резиденціею» на Амурѣ—станицею Радде, гдѣ намъ предстоитъ опять попасть на пароходъ. На значительной части своего протяженія тропа эта превращена уже въ искусственную верховую, а кое-гдѣ даже въ доступную для ѣзды на колесахъ, дорожку. Мѣстами на многія версты кряду тянутся проложенныя черезъ болота и мечежины крѣпкія гати изъ жердей и даже изъ некрупныхъ бревенъ; въ другихъ мѣстахъ хотя и есть гати, но онѣ въ такомъ видѣ, что остается только объ-

ѣзжать ихъ какъ можно дальше стороною или, сѣдѣвши, осторожно проводить лошадей въ поводу, иначе переломаетъ ноги и себѣ, и лошади; а на нѣкоторыхъ частяхъ пути не видно и вовсе никакихъ слѣдовъ какихъ бы то ни было, хотя бы простѣйшихъ искусственныхъ сооружений. Мѣстами доходить до смѣшного: протянувшаяся на десятки и сотни саженъ крѣпкая гать вдругъ прерывается среди самага топкого болота, на нѣсколько саженъ, какъ будто нарочно для того, чтобы показать путнику, какъ скверно бы ему было, если бы нечестная администрація присковъ не позаботилась устроить гатей...

На пути нашемъ по Сутарскому плоскогорью мы минуемъ, оставляя ихъ нѣсколько въ сторонѣ, приски Григорьевскій, Ернишнй, Инокентьевскій; проѣзжаемъ по высокой плотинѣ, отводящей воду изъ пади, которая, очевидно, предназначена подъ новую разработку. Наконецъ, достигаемъ сгорѣвшаго стараго Рубиновскаго зимовья и здѣсь спускаемся въ долину или, вѣрнѣе, въ ущелье небольшой рѣчки Дичуна. Опять узенькая лощинка, въ какую-нибудь сотню саженъ шириной; по обѣимъ сторонамъ крутые горные склоны, густо поросшіе густою лиственничною тайгою. Характерною тайгою изъ ели, пихты, кедра, лиственницы покрыта и сама долина; почва здѣсь, если можно такъ выразиться, каменное болото: сплошная осыпь изъ каменныхъ обломковъ, покрытая глубокимъ слоемъ болотнаго перегноя, по тропѣ разбѣшаннаго въ жидкую грязь, изъ которой повсюду торчатъ каменные обломки, а по ветронутымъ мѣстамъ заросшаго густою, рослою травою. Самъ Дичунъ—удивительно бойкая, весело журчащая, извилистая горная рѣчка, которую намъ до пятнадцати разъ приходится перейти въ бродъ на протяженіи какого-нибудь десятка верстъ.

Ночуемъ въ амбарѣ, на новомъ Рубиновскомъ зимовьѣ, совершенно утопающемъ въ дыму разведенныхъ со всѣхъ стѣнъ «дымокурновъ». Зимовщикъ—пожилой человекъ съ красивымъ и пріятно-добродушнымъ лицомъ и съ не-русскимъ акцентомъ; это—черкесъ, сосланный за убійство, совершенное изъ мести за убитого брата. Съ нами раздѣляетъ ночлегъ какой-то мѣщанинъ, который ведетъ на приски гуртъ убойнаго скота; по дорогѣ, оказывается, онъ растерялъ нѣсколько быковъ, сбѣжавшихъ отъ одолевшаго ихъ «гноса»; кромѣ того, на зимовьѣ вочуетъ артель корейцевъ, идущихъ на приски, на старательскую работу. Отъ нихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что въ Радде установленъ карантинъ для лошадей, такъ какъ въ нѣсколькихъ ближайшихъ казачьихъ поселкахъ появилась сибирская язва.

На другое утро, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ зимовья, мы опять переваливаемъ черезъ одно изъ многочисленныхъ развѣтвленій Малаго Хингана. Отлогій подъемъ и отлогій спускъ, почти безъ каменистыхъ обнаженій, покрыты густою, первобытною тайгою: чудный, огромныхъ размѣровъ, прямой лѣсъ изъ хвойныхъ—кедра, пихты, лиственницы и лиственныхъ породъ—липы, вяза, клена, черной березы, грецкого орѣха

и т. п.; между деревьями густо занялся кустарный подгѣсокъ, и все это перевито поднимающимся до самаго гребня хребта дикимъ виноградомъ и другими вьющимися растеніями. Въ общемъ, своеобразнѣйшая смѣсь типичной сѣверной, сибирской тайги съ соотвѣтствующею уже гораздо болѣе теплomu климату средне-амурскою или уссурійскою флорой.

По отлогому спуску, любясь пестрою зеленью другихъ, покрытыхъ такою же пестрою тайгою хребтовъ, мы спускаемся въ долину маленькой рѣчки, впадающей въ Амуръ у Раддевской станицы. Вотъ вдали показывается станица. Сейчасъ, значить, карантинъ — придется оставить лошадей и затѣмъ уже изъ станицы присылать кого-нибудь за нашими вьюками. Вотъ, наконецъ, мы уже и вплотную подѣхали къ станицѣ; двумя длинными-длинными улицами она вытянулась вдоль берега Амура, по неширокой долинкѣ, къ которой со всѣхъ сторонъ подступаютъ лѣсистые склоны Хингана. Однако, карантина все-таки не видно.

— Какъ же намъ быть, — спрашиваемъ мы нашихъ проводниковъ?

— Да чего быть-то, — отвѣчаютъ проводники не безъ нѣкотораго недоумѣнія въ голосъ, — просто до земской квартиры ѣхать, да и все.

Однако, у насъ не хватаетъ смѣлости на столь простое рѣшеніе вопроса. Подѣхавъ къ первымъ изгородямъ, я слѣзаю съ лошади и пѣшкомъ иду до первой избы, гдѣ оказывается на лицо какой-то мѣстный обыватель.

— У васъ что же, нѣтъ развѣ карантина?

— Пошлѣ нѣтъ, — есть карантинъ.

— Да гдѣ жъ онъ?

— А по дорогамъ стоитъ, отъ Башуровой да отъ Помпеевки.

Башурова и Помпеевка — казачьи поселки, расположенные по Амуру, и такимъ образомъ оказывается, что карантинъ поставленъ по совершенно непроѣзжей лѣтомъ почтовой тропѣ, проложенной вдоль Амура, и не поставленъ на бойкой дорогѣ, по которой лѣтомъ идетъ оживленное движеніе между Амуромъ и хинганскими приисками.

— Такъ какъ же намъ быть-то, — продолжаю я недоумѣвать, — можно ѣхать на станицу или нельзя?

— Пошлѣ нельзя, — можно; ѣзжайте до атамана, онъ вамъ ужъ скажетъ.

Посоветовавшись съ товарищемъ, мы рѣшаемъ ѣхать до атамана. Ёдемъ, однако, съ опаскою, ёдемъ и оглядываемся — не бѣжитъ ли кто-нибудь остановить насъ. Однако, никто насъ не останавливаетъ. Въѣзжаемъ въ самую станицу. На открытой площадкѣ, недалеко отъ церкви, сидятъ кругомъ казаки, совѣщаются, вѣроятно, о какихъ-нибудь общественныхъ дѣлахъ. Мы замедляемъ ходъ нашихъ лошадей — можетъ быть въ кругу есть какое-нибудь начальство, которое найдетъ нужнымъ насъ остановить. Однако, насъ и здѣсь никто не задерживаетъ и мы безпрепятственно добираемся до земской квартиры.

Только что успѣли развьючить лошадей—является станичный атаманъ, важный господинъ съ фельдфебельскими нашивками, и довольно рѣзко начинаетъ выговаривать намъ за самовольный вѣздъ съ лошадьми въ станицу. Мы объясняемъ ему, что ѣдемъ изъ совершенно безопаснаго мѣста и что если со стороны принсковъ не полагается вѣзжать на лошадяхъ, то слѣдовало съ этой стороны поставить карантинъ. На этомъ дѣло благополучно кончается...

Наша земская квартира на самомъ берегу Амура. Насупротивъ, на китайскомъ берегу, двѣ сопки рядомъ: одна пологая, въ видѣ усѣченного конуса, безлѣсная; другая очень неправильной формы, съ остроконечными вершинками и крутыми склонами, покрыта густымъ лѣсомъ; между двумя сопками—неширокая лощинка, которая загибается вглубь и уходитъ куда-то вглубь манчжурскаго материка; изъ лощины по склону лѣсистой сопки вьется зигзагообразная тропинка, которая оканчивается небольшою высѣченною въ скалѣ площадкою—мѣстоположеніе разрушенной китайской кумирни.

Мѣсто очень красивое и въ нѣкоторомъ родѣ историческое: это—Сансинъ, мѣсто одного изъ прошлогоднихъ поражений китайцевъ.

— Вы только посмотрите, рассказывалъ намъ одинъ изъ мѣстныхъ чиновныхъ обывателей:—вѣдь эта падь—настоящая ловушка: никакого выхода иначе, какъ въ Амуръ. А они съ большого ума тутъ постъ устроили—человѣкъ восемьсотъ было. Ну посадили нашихъ на пароходъ—роту солдатъ, да казаковъ нашихъ изъ Радде; плыветъ пароходъ мимо китайцевъ—они насторожились, готовы къ бою. Прошелъ пароходъ—китайцы успокоились, залегли спать, даже часового не оставили,—ничего. А наши высадились немножко ниже, обошли кругомъ, на сонныхъ напали,—и рѣзать; человѣкъ триста перерѣзали, а остальные—кто куда; нашихъ всего три человѣка пострадало—солдатъ да два казака... А знаете ли и,—добавилъ рассказчикъ,—хорошо вѣдь китайцы съ нашими казаками жили, дружно; еще наканунѣ нѣкоторые приходили сюда въ гости—«не знаемъ, говорятъ, какъ это мы ваша воевай будемъ». Вообще съ китайцами жить можно было по-сосѣдски, только обижать не очень ихъ. Вотъ наши раддевскіе всегда и косили у нихъ, и скотъ пасли за Амуромъ,—изъ нашихъ никого и не тронули, даже когда начались беспорядки въ Манчуріи. Вотъ екатериновикольскимъ, тѣмъ спуску китайцы не давали, потому что тѣ сами только и норовили, какъ бы китайца пристрѣлить да ограбить...

Послѣ двухдневнаго ожиданія попадаемъ, наконецъ, на «частный» (т. е. не почтовый) пароходъ—большой заднеколесникъ «Амуръ»; рядомъ съ пароходомъ привязана баржа. На пароходѣ классныхъ пассажировъ не очень много, хотя все же пассажиры не только заняли всѣ каюты, но кочуютъ и по всѣмъ диванамъ въ общей каютъ-компаніи. Но затѣмъ, частью на пароходѣ, частью на баржѣ, масса простого

народа: здѣсь размѣстились остатки все той же третьей партіи казаковъ-переселенцевъ, которую я засталъ, болѣе мѣсяца тому назадъ, въ Стрѣтенскѣ, не мало семействъ «неорганизованныхъ» переселенцевъ-крестьянъ да партія человекъ въ двѣсти новобранцевъ. Какъ оказывается, пароходъ шелъ отъ Стрѣтенска до Благовѣщенска тринадцать сутокъ, неоднократно сидѣлъ на перекатахъ, разгружался и перегружался. Въ третьемъ классѣ и на баржѣ, по мѣстнымъ понятіямъ, довольно просторно: ночью, при нѣкоторой осторожности, возможно пройти, не наступая на спящихъ тѣла; однако, занято тѣлами рѣшительно все, что только можно было занять.

— Бойко, видно, работаете,—спрашиваемъ кого-то изъ пароходныхъ служащихъ.

— Да ничего; только не позволяютъ нонче много народу набирать. А прежде на этомъ пароходѣ, безъ баржи, до семисотъ человекъ возили, а китайцевъ такъ и всю тысячу.

И на баржѣ, и въ третьемъ классѣ, публика за продолжительное плаваніе устроилась болѣе или менѣе какъ дома: стираютъ бѣлье, шьютъ, стряпаютъ пищу; къ пароходному тенту подвѣшено съ десятокъ зыбковъ. Чтобы скоротать время, развлекаются всѣми возможными способами: больше всего въ ходу карты; разыгрываютъ «царя Максимилиана» и разныя другія мистеріи; устраиваютъ плясъ—пляшутъ и трепака, и польку; многіе занимаются исканіемъ у себя и у другихъ одолевавшихъ всѣхъ паразитовъ. Когда пароходъ останавливается для набора дровъ или для ночлега, вся эта масса выступаетъ на берегъ, зажигаетъ костры, купается, удить рыбу, просто гуляетъ и только съ немалымъ трудомъ, когда наступаетъ время отхода, удается водворить всю публику обратно на пароходъ.

Въ первомъ классѣ развлекаются то картами, то граммофономъ (граммофонами торгуетъ помощникъ капитана, который для рекламы угощаетъ пассажировъ граммофонными концертами), то сномъ или ѣдою, то, конечно, разговорами. Разговоры все больше вертятся вокругъ золота, спиртоносовъ и иныхъ ютящихся около золота хищниковъ крупнаго, средняго и мелкаго калибра, съ разными варіаціями на старую тему—«воръ у вора дубинку укралъ»; нѣтъ-нѣтъ, то въ одномъ кружкѣ, то въ другомъ, разговоръ сойдетъ на прошлогднія «китайскія событія», въ частности на благовѣщенское потопленіе китайцевъ и разграбленіе китайскаго имущества. Медленный ходъ и частыя остановки нашего парохода наводятъ разговоръ вообще на пароходныя дѣла и пароходчиковъ, на необходимость урегулированія Амура или еще лучше—замѣны воднаго пути желѣзною дорогой.

— Пароходчикамъ—тѣмъ отъ мелководья нѣтъ никакого убытка,—разъясняетъ по этому поводу разговорчивый помощникъ капитана, являющійся главнымъ зацѣвлаго въ каютъ-компаніи перваго класса.—Ну, положимъ, сядетъ пароходъ на мель,—ну, такъ что же? Сгрузятъ

грузъ, назадъ погрузять, а то и вовсе оставить на берегу; все это—на шею кладчику, а пароходчикъ всегда свое возьметъ. Вы читали наши печатныя условія,—обращается «помощникъ» къ публикѣ:—вы почтайте хорошенько!.. Какъ подписалъ кладчикъ квитанцію съ этими условіями,—ужь онъ у насъ въ рукахъ, ничего не можетъ подѣлать. Вотъ эти года что-то кладчики умнѣе становятся—свои условія стали писать,—ну, тутъ ужь намъ не такая лафа...

До станицы Екатерино-Никольской Амуръ все время вьется въ гѣсинахъ Хингана; невысокія горы, иногда остроконечныя, чаще куполообразныя, спускаются прямо къ рѣкѣ, по большей части—болѣе или менѣе крутыми склонами; горы эти то сплошь заросли негустымъ лѣсомъ, ужь исключительно лиственными, причемъ пятна свѣтлой зелени клена, вяза, грецкого орѣха рѣзко выдѣляются на болѣе темномъ основномъ фонѣ дуба и черной березы; то, напротивъ, онѣ покрыты только травой и зарослями мелкаго кустарника, лѣсъ же вытягивается лишь узкими полосами или даже рядами единичныхъ деревьевъ по выдающимся ребрамъ или гребнямъ хребтовъ.

За Екатерино-Никольскою Амуръ течетъ уже опять среди безконечныхъ, уныло-однообразныхъ заливныхъ луговъ, окаймленныхъ полосками ивоваго кустарника. Только изрѣдка, иногда на русскомъ, чаще на китайскомъ берегу, къ Амуру подходятъ то отдѣльныя сопки, то небольшіе и невысокіе хребты, съ вершинами болѣе или менѣе причудливой формы — какъ бы аванпосты, отдѣлившіеся отъ обширныхъ массивовъ Хингана...

Вотъ и сліяніе Амура съ Уссури, и на самомъ сліяніи Хабаровскъ—административная столица Приамурья. Огромная масса воды, невысокій трехглавый мысъ, на которомъ пестрѣютъ то деревянныя, то сѣрыя съ краснымъ—особенность Хабаровска—кирпичныя городскія постройки, масса зелени и на самомъ видномъ мѣстѣ, надъ обрывомъ, среди густой зелени городского сада, эффектный памятникъ Муравьева, со спокойною гордостью, взирающаго на присоединенный имъ Амуръ.

Пароходъ медленно подходитъ къ полоскѣ отлогого берега, спускаетъ привилегированную публику непосредственно въ городъ, а самъ съ переселенцами и прочимъ «народомъ» отходить къ переселенческимъ баракамъ, гдѣ «народу» предстоитъ еще медицинскій осмотръ.

Прощай пока, Амуръ...

Александръ Кауфманъ

К о н е ц ъ .

ИЗЪ МАРИИ КОНОПНИЦКОЙ *).

(Переводъ съ польскаго).

I.

ВЪ ГОРАХЪ.

О, пойдѣмъ со мною въ горы,
Въ тишь лѣсную и прохладу!
Пѣсни старыя съ тобою
Запоемъ тамъ дружно, сряду.
Гой, гой! Съ вѣтромъ мчится эхо,
Пѣснь свободно въ даль несется,
Въ глубинѣ души клокочетъ,
Яркимъ пламенемъ займется.
Прочь! Не надо вешней пѣсни,
Соловиной, нѣжной, страстной:
Для счастливыхъ цвѣтъ весенній,
Майскій день душистый, ясный.
Пой мнѣ пѣсню громовую,
Что орломъ паритъ высоко,
Что гнѣзда, летая, ищетъ,
Всюду ищетъ одиноко.
Спой мнѣ старую ту пѣсню,
Что, какъ знамя, развѣвалась,
Чтобы вихрь ей вторилъ буйный,
Чтобъ въ горахъ не забывалась.
Гой! Смѣшалъ всѣ пѣсни вѣтеръ...
Не осилить тебѣ шума...
Только слышенъ гулъ потока,
Только боръ шумитъ угромомъ.

II.

Журавли ужъ возвратились,
Что за мной летѣли.

*) Марія Конопницкая, знаменитая польская поэтесса, праздновала въ апрѣлѣ текущего года 25-ти-лѣтне своей литературной дѣятельности. Читатели нашего журнала хорошо знакомы съ крупнымъ талантомъ этой благородной писательницы по многочисленнымъ переводамъ, въ разное время помѣщеннымъ у насъ. Она известна также, какъ и новеллистка—прелестными разсказами преимущественно изъ народной жизни.

Ред.

Сны я вижу днемъ и ночью,
 Думы одолѣли.
 Здѣсь чудесъ не оберешься,
 Яреи всѣ, богаты;
 Но ничто мнѣ не замѣнитъ
 Васъ, поля и хаты!
 Я на все гляжу, но чужды
 Сердцу эти дива;
 И душа, какъ пташка, мчится
 Въ даль, гдѣ зрѣтъ нива.
 Какъ во снѣ брожу, мечтая,
 И пою въ неволѣ,
 Про мою родную хатку,
 Про родное поле!

III.

Иль мнѣ дайте, пташки,
 Вашъ уборъ крылатый,
 Иль не пойте къ ночи
 Надъ моею хатой.
 Ни съ тоской своею
 Сладить я не въ силахъ,
 Ни путемъ умчаться
 Птичекъ легкокрылыхъ.
 Ой! и тѣнь людская
 Побѣжитъ — отстанетъ,
 А тоска злодѣйка
 Гнаться не устанетъ.
 Погулялъ я съ плугомъ
 И съ сохой не мало,
 Но душа все ныла,
 Всюду тосковала.
 Еслибъ въ Божьемъ мірѣ
 Край такой былъ вѣдомъ,
 Гдѣ-бъ тоска съ слезами
 Не ходила слѣдомъ;
 Свой табунъ тамъ пасъ бы
 На лугу зеленомъ,
 Понеслась бы пѣсня
 Радостно, со звономъ.
 Гой!

А. Малин—скій.

МЫСЛЬ.

Разсказъ.

Посвящаю женѣ моей А. М. Андреевой.

11-го декабря 1900 года докторъ медицины Антонъ Игнатьевичъ Керженцевъ совершилъ убійство. Какъ вся совокупность данныхъ, при которыхъ совершилось преступленіе, такъ и нѣкоторыя предшествовавшія ему обстоятельства давали поводъ заподозрить Керженцева въ ненормальности его умственныхъ способностей.

Положенный на испытаніе въ Елизаветинскую психіатрическую больницу, Керженцевъ былъ подвергнутъ строгому и внимательному надзору нѣсколькихъ опытныхъ психіатровъ, среди которыхъ находился профессоръ Држембицкій, недавно умершій. Вотъ письменныя объясненія, которыя даны были по поводу происшедшаго самимъ докторомъ Керженцевымъ черезъ мѣсяцъ послѣ начала испытанія; вмѣстѣ съ другими матеріалами, добытыми слѣдствіемъ, они легли въ основу судебной экспертизы.

Л и с т ь п е р в ы й.

До сихъ поръ, гг. эксперты, я скрывалъ истину, но теперь обстоятельства вынуждаютъ меня открыть ее. И узнавъ ее, вы поймете, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ это можетъ показаться профанамъ: или горячечная рубашка, или кандалы. Тутъ есть третье—не кандалы и не рубашка, а, пожалуй, болѣе страшное, чѣмъ то и другое, вмѣстѣ взятое.

Убитый мною Алексѣй Константиновичъ Савеловъ былъ моимъ товарищемъ по гимназій и университету, хотя по спеціальностямъ мы разошлись: я, какъ вамъ извѣстно, врачъ, а онъ окончилъ курсъ по юридическому факультету. Нельзя сказать, чтобы я не любилъ покойнаго; онъ всегда былъ мнѣ симпатиченъ, и болѣе близкихъ друзей, чѣмъ онъ, я никогда не имѣлъ. Но при всѣхъ симпатичныхъ свойствахъ, онъ не принадлежалъ къ тѣмъ

людямъ, которые могутъ внушить мнѣ уваженіе. Удивительная мягкость и податливость его натуры, странное непостоянство въ области мысли и чувства, рѣзкая крайность и необоснованность его постоянно мѣнявшихся сужденій заставляли меня смотрѣть на него, какъ на ребенка или женщину. Близкіе ему люди, нерѣдко страдавшіе отъ его выходовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по нелогичности человѣческой натуры, очень его любившіе, старались найти оправданіе его недостаткамъ и своему чувству и называли его „художникомъ“. И дѣйствительно, выходило такъ, будто это ничтожное слово совсѣмъ оправдываетъ его, и то, что для всякаго нормальнаго человѣка было бы дурнымъ, дѣлаетъ безразличнымъ и даже хорошимъ. Такова была сила придуманнаго слова, что даже я одно время поддался общему настроенію и охотно извинялъ Алексѣю его мелкіе недостатки. Мелкіе—потому что къ большимъ, какъ ко всему крупному, онъ былъ неспособенъ. Объ этомъ достаточно свидѣлствуютъ и его литературныя произведенія, въ которыхъ все мелко и ничтожно, что бы ни говорила близорукая критика, падкая на открытіе новыхъ талантовъ. Красивы и ничтожны были его произведенія, красивъ и ничтоженъ былъ онъ самъ.

Когда Алексѣй умеръ, ему было тридцать одинъ годъ; на одинъ съ немногимъ годъ моложе меня.

Алексѣй былъ женатъ. Если вы видѣли его жену теперь, послѣ его смерти, когда на ней трауръ, вы не можете составить представленія о томъ, какой красивой была она когда-то: такъ сильно, сильно она подуряѣла. Щеки сѣрыя и кожа на лицѣ такая дряблая, старая, старая, какъ поношенная перчатка. И морщинки. Это сейчасъ морщинки, а еще годъ пройдетъ и это будутъ глубокія борозды и канавы: вѣдь она такъ его любила. И глаза ея теперь уже не сверкаютъ и не смѣются, а прежде они всегда смѣялись, даже въ то время, когда имъ нужно было плакать. Всего одну минуту видѣлъ я ее, случайно столкнувшись съ нею у слѣдователя, и былъ пораженъ переменой. Даже гнѣвно взглянуть на меня она не могла. Такая жалкая!

Только трое, Алексѣй, я и Татьяна Николаевна знали, что пять лѣтъ тому назадъ, за два года до женитьбы Алексѣя, я дѣлалъ Татьянѣ Николаевнѣ предложеніе и оно было отвергнуто. Конечно, это только предполагается, что трое, а, навѣрное, у Татьяны Николаевны есть еще десятковъ подругъ и друзей, подробно осведомленныхъ о томъ, какъ однажды докторъ Керженцевъ возмечталъ о бракѣ и получилъ унижительный отказъ. Не знаю, помнить ли она, что она тогда засмѣялась; вѣроятно, не помнить—ей такъ часто приходилось смѣяться. И тогда напомниме ей: *5 сентября она засмѣялась*. Если она будетъ отказы-

ваться,—а она будетъ отказываться, — то напомните, какъ это было. Я, этотъ сильный человѣкъ, который никогда не плакалъ, который никогда ничего не боялся—я стоялъ передъ нею и дрожалъ. Я дрожалъ и видѣлъ, какъ кусаетъ она губы, и уже протянулъ руку, чтобы обнять ее, когда она подняла глаза, и въ нихъ былъ смѣхъ. Рука моя осталась въ воздухѣ, а она засмѣялась и долго смѣялась. Столько, сколько ей хотѣлось. Но потомъ она все-таки извинилась.

— Извините пожалуйста,—сказала она, а глаза ея смѣялись.

И я тоже улыбнулся, и если бы я могъ простить ей ея смѣхъ, то никогда не прощу этой своей улыбки. Это было 5 сентября въ 6 часовъ вечера—по петербургскому времени. По петербургскому, добавляю я, потому, что мы находились тогда на вокзальной платформѣ, и я сейчасъ ясно вижу большой бѣлый циферблатъ и такое положеніе черныхъ стрѣлокъ: вверхъ и внизъ. Алексѣй Константиновичъ былъ убитъ также ровно въ шесть часовъ. Совпаденіе странное, но могущее открыть многое догадливому человѣку.

Однимъ изъ основаній къ тому, чтобы посадить меня сюда было отсутствіе мотива къ преступленію. Теперь вы видите, что мотивъ существовалъ? Конечно, это не было ревностью. Последняя предполагаетъ въ человѣкѣ пылкій темпераментъ и слабость мыслительныхъ способностей, т.-е. нѣчто прямо противоположное мнѣ, человѣку холодному и разсудочному. Местъ? Да, скорѣе мѣсть, если уже такъ необходимо старое слово для опредѣленія новаго и незнакомаго чувства. Дѣло въ томъ, что Татьяна Николаевна еще разъ заставила меня ошибиться и это всегда злило меня. Хорошо зная Алексѣя, я былъ увѣренъ, что въ бракѣ съ нимъ Татьяна Николаевна будетъ очень несчастна и пожалѣетъ обо мнѣ, и поэтому я такъ настаивалъ, чтобы Алексѣй, тогда еще просто влюбленный, женился на ней. Еще только за мѣсяцъ до своей трагической смерти онъ говорилъ мнѣ:

— Это тебѣ я обязанъ своимъ счастьемъ: Правда, Таня.

А она смотрѣла на меня, говорила „правда“ и глаза ея улыбаются. Я тоже улыбался. И потомъ мы всѣ разсмѣялись, когда онъ обнялъ Татьяну Николаевну—при мнѣ они не стѣснялись—и добавилъ:

— Да, братъ, далъ ты маху!

Эта неумѣстная и нетактичная шутка сократила его жизнь на цѣлую недѣлю: первоначально я рѣшилъ убить его восемнадцатаго декабря.

Да, бракъ ихъ оказался счастливымъ и счастлива была именно она. Онъ любилъ Татьяну Николаевну не сильно, да и вообще онъ не былъ способенъ къ глубокой любви. Было и у него свое

любимое дѣло—литература, выводившее его интересы за предѣлы спальни. А она любила только его и только имъ однимъ жила. Потомъ онъ былъ нездоровый человѣкъ: частыя головныя боли, бессонница, и это, конечно, мучало его. А ей даже ухаживать за нимъ больнымъ и выполнять его капризы было счастьемъ. Вѣдь когда женщина полюбитъ, она становится невмѣняемой.

И вотъ изъ дня въ день я видѣлъ ея улыбающееся лицо, ея счастливое лицо, молодое, красивое, беззаботное. И думалъ: это устроилъ я. Хотѣлъ дать ей безпутнаго мужа и лишить ее себя, а вмѣсто того, и мужа далъ такого, котораго она любитъ, и самъ остался при ней. Вы поймете эту странность: она умѣе своего мужа и бесѣдовать любила со мной, а побесѣдовавъ—спать шла съ нимъ и была счастлива.

Я не помню, когда впервые пришла мнѣ мысль убить Алексѣя. Какъ то незамѣтно она явилась, но уже съ первой минуты стала такой старой, какъ будто я съ нею родился. Я знаю, что мнѣ хотѣлось сдѣлать Татьяну Николаевну несчастной и что сперва я придумывалъ много другихъ плановъ, менѣе гибельныхъ для Алексѣя—я всегда былъ врагомъ ненужной жестокости. Пользуясь своимъ вліяніемъ на Алексѣя, я думалъ влюбить его въ другую женщину или сдѣлать его пьяницей (у него была къ этому наклонность), но всѣ эти способы не годились. Дѣло въ томъ, что Татьяна Николаевна ухитрилась бы остаться счастливой, даже отдавая его другой женщинѣ, слушая его пьяную болтовню или принимая его пьяныя ласки. Ей нужно было, чтобы этотъ человѣкъ жилъ, а она такъ или иначе служила ему. Бываютъ такія рабскія натуры. И какъ рабы, они не могутъ понять и оцѣнить чужой силы, не силы ихъ господина. Были на свѣтѣ женщины умныя, хорошія и талантливыя, но справедливой женщины міръ еще не видалъ и не увидитъ.

Признаюсь искренно, не для того, чтобы добиться ненужнаго мнѣ снисхожденія, а чтобы показать, какимъ правильнымъ нормальнымъ путемъ создавалось мое рѣшеніе—что мнѣ довольно долго пришлось бороться съ жалостью къ человѣку, котораго я осудилъ на смерть. Жаль его было за предсмертный ужасъ и тѣ секунды страданія, пока будетъ проламываться его черепъ. Жаль было—не знаю, поймете ли вы это—самого черепа. Въ стройно работающемъ живомъ организмѣ есть особенная красота—и смерть, какъ и болѣзнь, какъ и старость прежде всего безобразіе. Помню, какъ давно еще, когда я только что кончилъ университетъ, мнѣ попала въ руки красивая молодая собака съ стройными сильными членами, и мнѣ стоило большого усилія надъ собой содрать съ нея кожу, какъ требовалъ того опытъ. И долго потомъ было непріятно вспоминать ее.

И еслибъ Алексѣй не былъ такимъ болѣзненнымъ, "хилымъ" — не знаю, быть можетъ я и не убилъ бы его. Но красивую его голову мнѣ и до сихъ поръ жаль. Передайте, пожалуйста Татьянѣ Николаевнѣ и это. Красивая, красивая была голова. Плохи у него были одни глаза — блѣдные, безъ огня и энергіи.

Не убилъ бы я Алексѣя и въ томъ случаѣ, если бы критика была права и онъ дѣйствительно былъ бы такимъ крупнымъ литературнымъ дарованіемъ. Въ жизни такъ много темнаго и она такъ нуждается въ освѣщающихъ ея путь талантахъ, что каждый изъ нихъ нужно беречь, какъ драгоценнѣйшій алмазъ, какъ то, что оправдываетъ въ человѣчествѣ существованіе тысячъ негодяевъ и пошляковъ. *Но Алексѣй не былъ талантомъ.*

Здѣсь не мѣсто для критической статьи — но вчитайтесь въ наиболѣе напумѣвшія произведенія покойнаго, и вы увидите, что они не были нужны для жизни. Они нужны были и интересны для сотни ожирѣвшихъ людей, нуждающихся въ развлеченіи, но не для жизни, но не для насъ, пытающихся разгадать ее. Въ то время, какъ писатель силою своей мысли и таланта долженъ творить новую жизнь, Савеловъ только описывалъ старую, не пытаясь даже разгадать ея сокровенный смыслъ. Единственный его рассказъ, который мнѣ нравится, въ которомъ онъ близко подходитъ къ области неразвѣданнаго, это рассказъ „Тайна“, но онъ исключеніе. Самое, однако, дурное было то, что Алексѣй видимо началъ исписываться и отъ счастливой жизни растерялъ послѣдніе зубы, которыми нужно вбиваться въ жизнь и грызть ее. Онъ самъ нерѣдко говорилъ мнѣ о своихъ сомнѣніяхъ, и я видѣлъ, что они основательны; я точно и подробно выпыталъ планы его будущихъ работъ — и пусть утѣшатся горюющіе поклонники: въ нихъ не было ничего новаго и крупнаго. Изъ близкихъ Алексѣю людей одна жена не видѣла упадка его таланта и никогда не увидѣла бы. И знаете, почему? Она не всегда читала произведенія своего мужа. Но когда я попробовалъ какъ то хоть немного раскрыть ей глаза, она попросту сочла меня за негодяя. И убѣдившись, что мы одни, сказала:

— Вы не можете ему простить другого.

— Чего?

— Того, что онъ мой мужъ и я люблю его. Если бы Алексѣй не чувствовалъ къ вамъ такого пристрастія...

Она запнулась и я предупредительно закончилъ ея мысль:

— Вы меня выгнали бы?

Въ ея глазахъ блеснулъ смѣхъ. И, невинно улыбаясь, она медленно проговорила:

— Нѣтъ. Оставила бы.

А я никогда вѣдь, ни однимъ словомъ и жестомъ не пока-

заль, что продолжаю любить ее. Но тутъ подумаль: тѣмъ лучше, если она догадывается.

Самый фактъ отнятія жизни у человѣка не останавливалъ меня. Я зналь, что это преступленіе, строго караемое закономъ, но вѣдь почти все, что мы дѣлаемъ, преступленіе, и только слѣпой не видитъ этого. Для тѣхъ, кто вѣритъ въ Бога, преступленіе передъ Богомъ; для другихъ—преступленіе передъ людьми; для такихъ какъ я—преступленіе передъ самимъ собой. Было бы большимъ преступленіемъ, еслибъ признавъ необходимымъ убить Алексѣя, я не выполнилъ этого рѣшенія. А то, что люди дѣлають преступленія на большія и маленькія и убійство называютъ большимъ преступленіемъ—мнѣ и всегда казалось обычной и жалкою людской ложью передъ самимъ собой, стараніемъ спрятаться отъ отвѣта за собственной спиной.

Не боялся я и самого себя, и это было важнѣе всего. Для убійцы, для преступника самое страшное не полиція, не судъ, а онъ самъ, его нервы, мощный протестъ всего тѣла, воспитаннаго въ извѣстныхъ традиціяхъ. Вспомните Раскольникова, этого такъ жалко и такъ нелѣпо погибшаго человѣка, и тѣмъ ему подобныхъ. И я очень долго, очень внимательно останавливался на этомъ вопросѣ, представляя себя, какимъ я буду послѣ убійства. Не скажу, чтобы я пришелъ къ полной увѣренности въ своемъ спокойствіи—подобной увѣренности не могло создаться у мыслящаго человѣка, предвидящаго всѣ случайности. Но собравъ тщательно всѣ данныя изъ своего прошлаго, принявъ въ расчетъ силу моей воли, крѣпость неистощенной нервной системы, глубокое и искреннее презрѣніе къ ходячей морали—я могъ питать относительную увѣренность въ благополучномъ исходѣ предпріятія. Здѣсь не лишнее будетъ рассказать вамъ одинъ интересный фактъ изъ моей жизни.

Когда то, еще будучи студентомъ пятаго семестра, я укралъ 15 р. изъ довѣренныхъ мнѣ товарищескихъ денегъ, сказалъ, что кассиръ ошибся въ счетѣ и всѣ мнѣ повѣрили. Это было больше, чѣмъ простая кража, когда нуждающійся крадетъ у богатаго—тутъ и нарушенное довѣріе, и отнятіе денегъ именно у голоднаго, да еще товарища, да еще студента, и при томъ человѣкомъ со средствами (почему мнѣ и повѣрили). Вамъ, вѣроятно, этотъ поступокъ кажется болѣе противнымъ, чѣмъ даже совершенное мною убійство друга—не такъ ли? А мнѣ, помню, было весело, что я счумѣль сдѣлать это такъ хорошо и ловко, и я смотрѣль въ глаза, прямо въ глаза тѣмъ, кому смѣло и свободно глалъ. Глаза у меня черные; красивые, прямые и имъ вѣрили. Но болѣе всего я былъ гордъ тѣмъ, что совершенно не испытываю угрызѣній совѣсти—что мнѣ и нужно было самому себѣ доказать. И

до настоящаго дня я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю тепи ненужно роскошнаго обѣда, который я задалъ себѣ на украденныя деньги и съ аппетитомъ сѣлъ.

И развѣ теперь я испытываю угрызения совѣсти? Раскаяніе въ содѣянномъ? Ничуть.

Мнѣ тяжело. Мнѣ безумно тяжело, какъ ни одному въ мірѣ человѣку, и волосы мои сѣдѣютъ—но это другое. *Другое*. Страшное, неожиданное, невѣроятное въ своей ужасной простотѣ.

Листъ второй.

Моя задача была такова. Нужно, чтобы я убилъ Алексѣя; нужно, чтобы Татьяна Николаевна видѣла, что это именно я убилъ ея мужа и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ законная кара не коснулась меня. Не говоря уже о томъ, что наказаніе дало бы Татьянѣ Николаевнѣ лишній поводъ посмѣяться, я вообще совершенно не хотѣлъ каторги. Я очень люблю жизнь.

Я люблю, когда въ тонкомъ стаканѣ играетъ золотистое вино, я люблю, усталый, протянуться въ чистой постели; мнѣ нравится весной дышать чистымъ воздухомъ, видѣть красивый закатъ, читать интересныя и умныя книги. Я люблю себя, силу своихъ мышцъ, силу своей мысли, ясной и точной. Я люблю то, что я одинокъ и ни одинъ любопытный взглядъ не проникъ въ глубину моей души съ ея темными провалами и безднами, на краю которыхъ кружится голова. Никогда я не понималъ и не зналъ того, что люди называютъ скукою жизни. Жизнь интересна и я люблю ее за ту великую тайну, что въ ней заключена, я люблю ее даже за ея жестокости, за ея свирѣпую мстительность и сатанински-веселую игру людьми и событіями.

Я былъ единственный человѣкъ, котораго я уважалъ—какъ же могъ я рисковать отправить этого человѣка въ каторгу, гдѣ его лишатъ возможности вести необходимое ему разнообразное, полное и глубокое существованіе!.. Да и съ вашей точки зрѣнія я былъ правъ, желая уклониться отъ каторги. Я очень удачно врачую; не нуждаясь въ средствахъ, я лечу много бѣдняковъ. Я полезенъ. Навѣрное полезнѣе, чѣмъ убитый мною Савеловъ.

И безнаказанности можно было добиться легко. Существуютъ тысячи способовъ незамѣтно убить человѣка и мнѣ, какъ врачу, было особенно легко прибѣгнуть въ одному изъ нихъ. И среди придуманныхъ мною и отброшенныхъ плановъ долгое время занималъ меня такой: привить Алексѣю неизлечимую и отвратительную болѣзнь. Но неудобства этого плана были очевидны: длительныя страданія для самаго объекта, нѣчто некрасивое во всемъ этомъ, грубое и какъ-то слишкомъ ужъ... не умное и, наконецъ,

и въ болѣзни мужа Татьяна Николаевна нашла бы для себя радость. Особенно осложнялась моя задача обязательнымъ требованіемъ, чтобы Татьяна. Николаевна знала руку, поразившую ея мужа. Но только трусы боятся препятствій; такихъ, какъ я, они привлекаютъ.

Случайность, этотъ великій союзникъ умныхъ, пришла мнѣ на помощь. И я позволяю себѣ обратить особенное ваше вниманіе, гг. эксперты, на эту подробность: *именно случайность*, т.-е. нѣчто внѣшнее, не зависящее отъ меня, послужило основой и поводомъ для дальнѣйшаго. Въ одной газетѣ я нашелъ замѣтку про кассира, не то приказчика (вырѣзка изъ газеты, вѣроятно, осталась у меня дома или находится у слѣдователя), который симулировалъ припадокъ падучей и, якобы во время него, потерялъ деньги, а въ дѣйствительности, конечно, укралъ. Приказчикъ оказался трусомъ и сознался, указавъ даже мѣсто украденныхъ денегъ, но самая мысль была недурна и осуществима. Симулировать сумасшествіе, убить Алексѣя въ состояніи якобы умоизступленія и потомъ „выздоровѣть“—вотъ планъ, создавшійся у меня въ одну минуту, но потребовавшій много времени и труда, чтобы принять вполне опредѣленную конкретную форму. Съ психіатріей въ то время я былъ знакомъ поверхностно, какъ всякій врачъ не специалистъ, и около года ушло у меня на чтеніе всякаго рода источниковъ и размышленіе. Къ концу этого времени я убѣдился, что планъ мой вполне осуществимъ.

Первое, на что должны будутъ устремить вниманіе эксперты, это наслѣдственныя вліянія,—и моя наслѣдственность, въ великой моей радости, оказалось вполне подходящей. Отецъ былъ алкоголикомъ; одинъ дядя, его братъ, кончилъ свою жизнь въ больницѣ для умалишенныхъ, и, наконецъ, единственная сестра моя. Анна, уже умершая, страдала эпилепсіей. Правда, что со стороны матери у насъ въ роду всѣ были здоровяки, но вѣдь достаточно одной капли яда безумія, чтобы отравить цѣлый рядъ поколѣній. По своему мощному здоровью я пошелъ въ родъ матери, но кое-какія безобидныя странности у меня существовали и могли сослужить мнѣ службу. Моя относительная нелюдимость, которая есть просто признакъ здороваго ума, предпочитающаго проводить время наединѣ съ самимъ собою и книгами, чѣмъ тратить его на праздную и пустую болтовню, могла сойти за болѣзненную мизантропію; холодность темперамента, не ищущаго грубыхъ чувственныхъ наслажденій—за выраженіе дегенераціи. Самое упорство въ достиженіи разъ поставленныхъ цѣлей—а примѣровъ ему можно было найти не мало въ моей богатой жизни—на языкѣ господъ эспертовъ получило бы страшное названіе мономаніи, господства навязчивыхъ идей.

Почва для симуляціи была, такимъ образомъ, необыкновенно благопріятна — статика безумія была на лицо, дѣло оставалось за динамикой. По ненамѣренной подмалевкѣ природы нужно было провести два-три удачныхъ штриха, и картина сумасшествія готова. И я очень ясно представилъ себѣ, какъ это будетъ, не программными мыслями, а живыми образами: хоть я и не пишу плохихъ разсказовъ, но я далеко не лишенъ художественнаго чутія и фантазіи.

Я увидѣлъ, что провести свою роль я буду въ состояніи. Наклонность къ притворству всегда лежала въ моемъ характерѣ и была одною изъ формъ, въ которыхъ стремился я къ внутренней свободѣ. Еще въ гимназіи я часто симулировалъ дружбу: ходилъ по корридору обнявшись, какъ это дѣлаютъ настоящіе друзья, искусно поддѣлывалъ дружески-откровенную рѣчь и незамѣтно выпытывалъ. А когда разнѣженный пріятель выкладывалъ всего себя, я отбрасывалъ отъ себя его душонку и уходилъ прочь съ гордымъ сознаніемъ своей силы и внутренней свободы. Тѣмъ же двойственникомъ оставался я и дома, среди родныхъ; какъ въ старовѣрческомъ домѣ существуетъ особая посуда для чужихъ, такъ и у меня было все особое для людей: особая улыбка, особые разговоры и откровенность. Я видѣлъ, что люди дѣлаютъ много глупаго, вреднаго для себя и ненужнаго, и мнѣ казалось, что если я стану говорить правду о себѣ, то я стану, какъ и всѣ, и это глупое и ненужное овладѣетъ мною.

Мнѣ всегда правилось быть почтительнымъ съ тѣми, кого я презиралъ, и цѣловать людей, которыхъ я ненавидѣлъ, что дѣлало меня свободнымъ и господиномъ надъ другими. Зато никогда не зналъ я лжи передъ самимъ собою, этой наиболѣе распространенной и самой низкой формы порабощенія человѣка жизнью. И чѣмъ больше я лгалъ людямъ, тѣмъ безпощадно правдивѣе становился передъ самимъ собою — достоинство, которымъ не многіе могутъ похвалиться.

Вообще, мнѣ думается, во мнѣ скрывался недюжинный актеръ, способный сочетать естественность игры, доходившую временами до полного сліянія съ олицетворяемымъ лицомъ, — съ неослабѣвающимъ холоднымъ контролемъ разума. Даже при обыкновенномъ книжномъ чтеніи я цѣликомъ входилъ въ психику изображаемаго лица и, повѣрите ли? — уже взрослый, горькими слезами плакалъ надъ „Хижиной дяди Тома“. Какое это дивное свойство гибкаго, изощреннаго культурою ума — перевоплощаться! Живешь словно тысячею жизней, то опускаешься въ адскую тьму, то поднимаешься на горнія свѣтлыя высоты, однимъ взоромъ окидываешь безконечный міръ. — Если человѣку суждено стать Богомъ, то престоломъ его будетъ книга...

Да. Это такъ. Кстати, я хочу вамъ пожаловаться на здѣшніе порядки. То меня укладываютъ спать, когда мнѣ хочется писать, *когда мнѣ нужно писать*. То не закрываютъ дверей, и я долженъ слушать, какъ оретъ какой-то сумасшедшій. Оретъ, оретъ — это прямо нестерпимо. Такъ дѣйствительно можно свести человека съ ума и сказать, что онъ и раньше былъ сумасшедшимъ. И неужели у нихъ нѣтъ лишней свѣчки, и я долженъ портить себѣ глаза электричествомъ?

Ну вотъ. И когда-то я подумывалъ даже о сценѣ, но бросилъ эту глупую мысль: притворство, когда всѣ знаютъ, что это притворство, уже теряетъ свою цѣну. Да и дешевые лавры присяжнаго лицедѣя на казенномъ жалованьи мало привлекали меня. О степени моего искусства можете судить по тому, что многіе ослы и до сихъ поръ считаютъ меня искреннѣйшимъ и правдивѣйшимъ человекомъ. И что странно: мнѣ всегда удавалось проводить не ослѣвъ, — это я такъ сказалъ, сгоряча, — а именно умныхъ людей; и наоборотъ, существуютъ двѣ категоріи существъ низшаго порядка, у которыхъ я никогда не могъ добиться довѣрія: это — женщины и собаки.

Вы знаете, что достопочтенная Татьяна Николаевна никогда не вѣрила моей любви и не вѣритъ, я думаю, даже теперь, когда я убилъ ея мужа? По ея логикѣ выходить такъ: я ее не любилъ, а Алексѣя убилъ за то, что она его любитъ. И эта бессмыслица, навѣрное, кажется ей и осмысленной, и убѣдительною. И вѣдь умная женщина!

Провести роль сумасшедшаго мнѣ казалось не очень труднымъ. Часть необходимыхъ указаній дали мнѣ книги; часть я долженъ былъ, какъ всякій настоящій актеръ во всякой роли, восполнить собственнымъ творчествомъ, а остальное возсоздать сама публика, давно изощрившая свои чувства книгами и театромъ, гдѣ по двумъ-тремъ неяснымъ контурамъ ее приучили возсоздавать живыя лица. Конечно, неминуемо должны были остаться нѣкоторые пробѣлы — и это было особенно опасно въ виду строгой научной экспертизы, которой меня подвергнуть, но и здѣсь серьезной опасности не предвидѣлось. Обширная область психопатологіи настолько еще мало разработала, въ ней такъ еще много темнаго и случайнаго, такъ великъ просторъ для фантазерства и субъективизма, что я смѣло вручалъ свою судьбу въ ваши руки, гг. эксперты. Надѣюсь, что я не обидѣлъ васъ. Я не покушаюсь на вашъ научный авторитетъ и увѣренъ, что вы согласитесь со мною, какъ люди, привыкшіе къ добросовѣстному научному мышленію.

...Наконецъ-таки пересталъ орать. Это просто нестерпимо.

И еще въ то время, когда мой планъ находился только въ

проектѣ, у меня явилась мысль, которая едва ли могла придти въ безумную голову. *Это мысль о грозной опасности моего опыта.* Вы понимаете, о чемъ я говорю. Сумасшествіе—это такой огонь, съ которымъ шутить опасно. Разведя костеръ въ серединѣ порохового погреба, вы можете чувствовать себя въ большей безопасности, нежели тогда, если хоть малѣйшая мысль о безуміи закрадется въ вашу голову. И я это зналъ, зналъ—но развѣ опасность значить что-нибудь для храбраго человѣка?

И развѣ я не чувствовалъ своей мысли твердой, свѣтлой, точно выкованной изъ стали и безусловно мнѣ послушной? Словно остро отточенная рапира, она извивалось, жалила, кусала, раздѣляла ткани событій, точно змѣя безшумно вползала въ неизвѣданныя и мрачныя глубины, что навѣки сокрыты отъ дневного свѣта, а рукоять ея была въ моей рукѣ, желѣзной рукѣ искуснаго и опытнаго фехтовальщика. Какъ она была послушна, исполнительна и быстра, моя мысль, и какъ я любилъ ее, мою рабу, мою грозную силу, мое единственное сокровище!

...Онъ опять оретъ, и я не могу больше писать. Какъ ужасно, когда человѣкъ воетъ. Я слышалъ много страшныхъ звуковъ, но этотъ всѣхъ страшнѣе, всѣхъ ужаснѣе. Онъ не похожъ ни на что другое, этотъ голосъ звѣря, проходящій черезъ гортань человѣка. Что-то свирѣпое и трусливое; свободное и жалкое до подлости. Ротъ кривится на сторону, мышцы лица натягиваются, какъ веревки, зубы по-собачьи оскалываются и изъ темнаго отверстія рта идетъ этотъ отвратительный, ревушій, свистащій, хохочущій, воющій звукъ...

Да. Да. Такова была моя мысль. Кстати: вы обратите, конечно, вниманіе на мой почеркъ, и я прошу васъ не придавать значенія тому, что онъ иногда дрожитъ и какъ будто мѣняется. Я давно уже не писалъ, событія послѣдняго времени и бессонница сильно ослабили меня и вотъ рука иногда вздрагиваетъ. *Это и раньше случалось со мной.*

Л и с т ь т р е т і й.

Теперь вы понимаете, что это за страшный припадокъ случился со мною на вечерѣ у Каргановыхъ. Это былъ мой первый опытъ, удавшійся даже сверхъ ожиданій. Точно уже всѣ заранѣе знали, что такъ это со мной и будетъ, точно внезапное сумасшествіе вполне здороваго человѣка въ ихъ глазахъ кажется чѣмъ-то естественнымъ, такимъ, чего можно всегда ожидать. Никто не удивился и всѣ на перебой расцвѣчивали мою игру игрой собственной фантазіи—у рѣдкаго гастролера подбирается такая прекрасная труппа, какъ эти наивные, глупые и довѣрчивые люди.

Разсказывали они вамъ, какъ я былъ блѣденъ и страшенъ? Какъ холодный—да, именно, холодный потъ покрывалъ мое чело? Какимъ безумнымъ огнемъ горѣли мои черные глаза? Когда они передавали мнѣ всѣ эти свои наблюденія, я былъ съ виду мраченъ и подавленъ, а вся душа моя трепетала отъ гордости, счастья и насмѣшки.

Татьяны Николаевны и ея мужа на вечерѣ не было—не знаю, обратили ли вы на это вниманіе. И это не было случайностью: я боялся запугать ее или, еще хуже, внушить ей подозрѣнія. Если существовалъ человѣкъ, который могъ проникнуть въ мою игру, такъ это только она.

И вообще тутъ ничего не было случайнаго. Наоборотъ, каждая мелочь, самая ничтожная, была строго продумана. Моментъ припадка—за ужиномъ—я выбралъ потому, что всѣ будутъ въ сборѣ и будутъ нѣсколько возбуждены виномъ. Сѣлъ я у края стола, подальше отъ канделябровъ со свѣчами, такъ какъ вовсе не хотѣлъ устроить пожара или обжечь себѣ носъ. Рядомъ съ собою я посадилъ Павла Петровича Поспѣлова, эту жирную свинью, которой мнѣ давно хотѣлось сдѣлать какую-нибудь непріятность. Особенно противенъ онъ, когда ѣстъ. Когда первый разъ я увидалъ его за этимъ занятіемъ, мнѣ пришло въ голову, что ѣда есть дѣло безправственное. Тутъ все это приходилось кстати. И, навѣрно, ни одна душа не замѣтила, что тарелка, разлетѣвшаяся подъ моимъ кулакомъ, была сверху прикрыта салфеткой, чтобы не порѣзать руки.

Самый фокусъ былъ поразительно грубъ, даже глупъ, но на это именно я рассчитывалъ. Болѣе тонкой штуки они не поняли бы. Сперва я размахивалъ руками и „возбужденно“ разговаривалъ съ Павломъ Петровичемъ, пока тотъ не началъ въ удивленіи тарачить свои глазенки; потомъ я впалъ въ „сосредоточенную задумчивость“, дождавшись вопроса со стороны обязательной Ирины Павловны:

— Что съ вами Антонъ Игнатьевичъ? Отчего вы такой мрачный?

И когда всѣ взоры обратились на меня, я трагически улыбнулся.

— Вы нездоровы?

— Да. Немного. Кружится голова. Но не беспокойтесь пожалуйста. Это сейчасъ пройдетъ.

Хозяйка успокоилась, а Павелъ Петровичъ подозрительно, съ неодобреніемъ покосился на меня. И въ слѣдующую минуту, когда онъ съ блаженнымъ видомъ поднесъ къ губамъ рюмку портвейна, я—разъ!—выбилъ рюмку изъ подъ самого его носа, два!—трахнулъ кулакомъ по тарелкѣ. Осколки летятъ, Павелъ Петровичъ барахтается и хрюкаетъ, барыни визжатъ, а я оста-

ливъ зубы, тащу со стола скатерть со всѣмъ, что на ней есть — это была преуморительная картина!

Да. Ну вотъ меня обступили, схватили: кто воды несетъ, кто усаживаетъ меня въ кресло, а я рычу, какъ тигръ въ зоологическомъ и глазами выдѣлываю. И все это было такъ нелѣпо, и всѣ они были такъ глупы, что мнѣ, ей Богу, не на шутку захотѣлось разбить нѣсколько этихъ мордъ — пользуясь привелегированностью моего положенія. Но я, конечно, воздержался.

Дальше картина медленнаго успокоенія, съ бурнымъ вздыманіемъ груди, закатываніемъ глазъ, поскрипываніемъ зубами и слабыми вопросами.

— Гдѣ я? Что со мною?

Даже это нелѣпо-французское: „гдѣ я?“ имѣло успѣхъ у этихъ господъ, и не меньше трехъ дураковъ немедленно отпрапортовали:

— У Каргановыхъ. (Сладкимъ голосомъ): Вы знаете, дорогой докторъ, кто такая Ирина Павловна Карганова?

Положительно они были слишкомъ мелки для хорошей игры!

Черезъ день — я далъ время дойти слухамъ до Савеловыхъ — разговоръ съ Татьяной Николаевной и Алексѣемъ. Послѣдній какъ то не осмыслилъ происшедшаго и ограничился вопросомъ:

— Что это ты, братъ, натворилъ у Каргановыхъ?

Повертѣлъ своимъ пиджачкомъ и ушелъ въ кабинетъ заниматься. Этакъ сойди я дѣйствительно съ ума, онъ и не поперхнулся бы. Зато особенно многорѣчиво, бурно и, конечно, неискренно было сочувствіе его супруги. И тутъ... не то, чтобы мнѣ стало жаль начатаго, а просто явился вопросъ: да стоитъ ли?

— Вы сильно любите мужа, — сказалъ я Татьянѣ Николаевнѣ, провожавшей взоромъ Алексѣя. Она быстро обернулась.

— Да. А что?

— Да ничего, такъ, — и послѣ минутнаго молчанія, сторожаго, полного невысказанныхъ мыслей, я добавилъ: почему вы не довѣряете мнѣ?

Она быстро и прямо посмотрѣла мнѣ въ глаза, но не отвѣтила. И въ эту минуту я забылъ, что когда то давно она засмѣялась, и не было у меня зла на нее, и то, что я дѣлаю, показалось мнѣ ненужнымъ и страннымъ. Это была усталость, естественная послѣ сильнаго подъема нервовъ, и длилась она всего одно мгновеніе.

— А развѣ вамъ можно вѣрить? — спросила Татьяна Николаевна послѣ долгаго молчанія.

— Конечно нельзя — шутливо отвѣтилъ я, а внутри меня уже снова разгорѣлся потухшій огонь. Силу, смѣлость, ни передъ чѣмъ не останавливающуюся рѣшимость ощутилъ я въ себѣ.

Гордый уже достигнутымъ успѣхомъ, я смѣло рѣшилъ идти до конца. Борьба—вотъ радость жизни.

Второй припадокъ случился черезъ мѣсяцъ послѣ перваго. Здѣсь не все было такъ продумано, да это и излишне при существованіи общаго плана. У меня не было намѣренія устраивать его именно въ этотъ вечеръ, но разъ обстоятельства складывались такъ благопріятно, глупо было бы не воспользоваться ими. И я ясно помню, какъ все это произошло. Мы сидѣли въ гостиной и болтали, когда мнѣ стало очень грустно. Мнѣ живо представилось—вообще это рѣдко бываетъ—какъ я чуждъ всѣмъ этимъ людямъ и одинокъ въ мірѣ,—я, навѣки заключенный въ эту голову, въ эту тюрьму. И тогда всѣ они стали противны мнѣ. И съ яростью я ударилъ кулакомъ и закричалъ что-то грубое и съ радостью увидѣлъ испугъ на ихъ поблѣднѣвшихъ лицахъ.

— Негодяи!—кричалъ—я. Поганые, довольные негодяи! Лжецы лицемѣры, ехидны. Ненавижу васъ!

И правда, что я боролся съ ними, потомъ съ лакеями и кучерами. Но вѣдь я зналъ, что борюсь, и зналъ, что это нарочно. Просто мнѣ было пріятно бить ихъ, сказать прямо въ глаза правду о томъ, какіе они. Развѣ всякій, кто говоритъ правду, сумасшедшій? Увѣряю васъ гг. эксперты, что я все сознавалъ, что, ударяя, я чувствовалъ подъ рукою живое тѣло, которому больно. А дома, оставшись одинъ, я смѣялся и думалъ, какой я удивительный, прекрасный актеръ. Потомъ я легъ спать и на ночь читалъ книжку, даже могу вамъ сказать какую: Гюн Мопассана; какъ всегда наслаждался ею и заснулъ, какъ младенецъ. А развѣ сумасшедшіе читаютъ книги и наслаждаются ими? Развѣ они спятъ, какъ младенцы?

Сумасшедшіе не спятъ. Они страдаютъ и въ головѣ у нихъ все мутится. Да. Мутится и падаетъ. И имъ хочется выть, царапать себя руками. Имъ хочется стать вотъ такъ на четвереньки и ползти тихо, тихо и потомъ разомъ вскочить и закричать:

— Ага!

И засмѣяться. И выть. Такъ поднять голову и долго, долго, протяжно-протяжно, жалко-жалко.

Да. Да.

А я спалъ, какъ младенецъ. Развѣ сумасшедшіе спятъ какъ младенцы?

Листъ четвертый.

Вчера вечеромъ сидѣла Маша спросила меня:

— Антонъ Игнатьевичъ! Вы никогда не молитесь Богу?

Она была серьезна и вѣрила, что я отвѣчу ей искренно и серьезно. И я отвѣтилъ ей, безъ улыбки, какъ она хотѣла:

— Нѣтъ, Маша, никогда. Но если это доставить вамъ удовольствіе, вы можете перекрестить меня.

И все также серьезно она трижды перекрестила меня, и я былъ очень радъ, что доставилъ минуту удовольствія этой превосходной женщины. Какъ всѣ высоко стоящіе и свободные люди, вы, гг. эксперты, не обращаете вниманія на прислугу, но намъ, арестантамъ и „сумасшедшимъ“, приходится видѣть ее близко и подчасъ совершать удивительныя открытія. Такъ, вамъ, вѣроятно, не приходило и въ голову, что сидѣла Маша, приставленная вами наблюдать за сумасшедшими—*сама сумасшедшая*? А это такъ.

Приглядитесь къ ея походкѣ, безшумной, скользящей, немного пугливой и удивительно осторожной и ловкой, точно она ходитъ между невидимыми обнаженными мечами. Всмотритесь въ ея лицо, но сдѣлайте это какъ-нибудь незамѣтно для нея, чтобы она не знала о вашемъ присутствіи. Когда приходитъ кто-нибудь изъ васъ, лицо Маши становится серьезнымъ, важнымъ, но снисходительно улыбающимся—какъ разъ то выраженіе, которое въ этотъ моментъ господствуетъ на вашемъ лицѣ. Дѣло въ томъ, что Маша обладает странною и многозначительною способностью произвольно отражать на своемъ лицѣ выраженіе всѣхъ другихъ лицъ. Иногда она смотритъ на меня и улыбается. Этакая блѣдная, отраженная, словно чужая улыбка. И я догадываюсь, что я улыбался, когда она взглянула на меня. Иногда лицо Маши становится страдальческимъ, угрюмымъ; брови сходятся къ переносью, углы рта опускаются; все лицо старѣетъ на десятокъ лѣтъ и темнѣетъ,—вѣроятно, таково же иногда мое лицо. Случается, что я ее пугаю своимъ взглядомъ. Вы знаете, какъ страшенъ и немного страшенъ взглядъ всякаго глубоко задумавшагося человека. И глаза Маши расширяются, зрачокъ темнѣетъ и, слегка приподнявъ руки, она безшумно идетъ ко мнѣ и что-нибудь со мной дѣлаетъ, дружеское и неожиданное: приглаживаетъ мнѣ волосы или поправляютъ халатъ.

— Поясъ у васъ развяжется!—говоритъ она, а лицо ея все такое же испуганное.

Но мнѣ случается видѣть ее одну. И когда она одна, на лицѣ ея странно отсутствуетъ всякое выраженіе. Оно блѣдно, красиво и загадочно, какъ лицо мертвеца. Крикнешь ей: Маша!—она быстро обернется, улыбнется *своею*, нѣжною и пугливою улыбкою и спроситъ:

— Вамъ подать что-нибудь?..

Она всегда что-нибудь подаетъ, принимаетъ, и если ей нечего

подавать, принимать и убирать, видимо безпокоится. И всегда она безшумная. Я ни разу не замѣчалъ, чтобы она что-нибудь уронила или стукнула. Я пробовалъ говорить съ нею о жизни, и она странно равнодушна ко всему, даже къ убійствамъ, пожарамъ и всякому другому ужасу, который такъ дѣйствуетъ на малоразвитыхъ людей.

— Вы понимаете: ихъ убиваютъ, ранятъ, и у нихъ остаются маленькія голодные дѣти,—говорилъ я ей про войну.

— Да, понимаю,—отвѣтила она и задумчиво спросила:—вамъ не дали молока, вы сегодня мало купали.

Я смѣюсь, и она, отвѣчаетъ немного испуганнымъ смѣхомъ. Она ни разу не была въ театрѣ, не знаетъ, что Россія—государство, и что есть другія государства; она неграмотна и Евангеліе слышала только то, которое отрывками читаютъ въ церкви. И каждый вечеръ она становится на колѣни и подолгу молится.

Я долго считалъ ее просто ограниченнымъ, тупымъ существомъ, рожденнымъ для рабства, но одинъ случай заставилъ меня измѣнить взглядъ. Вы, вѣроятно, знаете, вамъ, вѣроятно, сказали, что я пережилъ здѣсь одну скверную минуту, которая ничего, конечно, не доказываетъ, кромѣ усталости и временнаго упадка силъ. *Это было полотенце.* Конечно я сильнѣе Маши и могъ убить ее, такъ какъ мы были только вдвоемъ и еслибъ она крикнула илихватила меня за руку... но она ничего этого не сдѣлала. Она только сказала:

— Не надо, голубчикъ.

Я часто потомъ думалъ надъ этимъ „не надо“ и до сихъ поръ не могу понять той удивительной силы, которая въ немъ заключена, и которую я чувствую. Она не въ самомъ словѣ, безсмысленномъ и пустомъ; она гдѣ то въ неизвѣстной мнѣ и недоступной глубинѣ Машиной души. Она знаетъ что-то. Да она знаетъ, но не можетъ или не хочетъ сказать. Потомъ я много разъ добивался отъ Маши объясненія этого „не надо“, и она не могла объяснить.

— Вы думаете, что самоубійство грѣхъ? Что его запретилъ Богъ?

— Нѣтъ.

— Почему же не надо?

— Такъ. Не надо—и она улыбается и спрашиваетъ:—вамъ не принести чего-нибудь?

Положительно, она сумасшедшая, но тихая и полезная, какъ многіе сумасшедшіе. И вы не трогайте ее.

Я позволилъ себѣ уклониться отъ повѣствованія, такъ какъ вчерашній Машинъ поступокъ бросилъ меня къ воспоминаніямъ о дѣтствѣ. Матери я не помню, но у меня была тетя Анфиса,

которая всегда крестила меня на ночь. Она была молчаливая старая дѣва съ прыщами на лицѣ и очень стыдилась, когда отецъ шутилъ съ ней о женихахъ. Я былъ еще маленькій, лѣтъ одиннадцати, когда она удавилась въ маленькомъ сарайчикѣ, гдѣ у насъ складывали уголья. Отцу она потомъ все представлялось, и этотъ веселый атеистъ заказывалъ обѣдни и панихиды.

Онъ былъ очень умный и очень талантливый, мой отецъ, и его рѣчи въ судѣ заставляли плакать не только нервныхъ дамъ но и серьезныхъ, уравновѣшенныхъ людей. Только я не плакалъ слушая его, потому что зналъ его и зналъ, что самъ онъ ничего не понимаетъ изъ того, что говоритъ. У него много было знаній, много мыслей и еще больше словъ; и слова, и мысли, и знанія часто комбинировались очень улачно и красиво, но онъ самъ ничего въ этомъ не понималъ. *Я часто сомнѣвался даже, существуешь ли онъ,* до того весь онъ былъ во внѣ, въ звукахъ и жестахъ, и мнѣ часто казалось, что это не человѣкъ, а мелькающій въ синемаграфѣ образъ, соединенный съ грамофономъ. Онъ не понималъ, что онъ человѣкъ, что сейчасъ онъ живетъ, а потомъ умретъ, и ничего не искалъ. И когда онъ ложился въ постель, переставалъ двигаться и засыпалъ, онъ, навѣрное, не видѣлъ никакихъ сновъ и переставалъ существовать. Своимъ языкомъ—онъ былъ адвокатомъ—онъ зарабатывалъ тысячу тридцать въ годъ и ни разу онъ не удивился и не задумался надъ этимъ обстоятельствомъ. Помню, мы поѣхали съ нимъ въ только что купленное имѣніе, и я сказалъ, указывая на деревья парка:

— Кліенты?

Онъ улыбнулся, польщенный, и отвѣтилъ:

— Да, братъ, талантъ—великое дѣло.

Онъ много пилъ, и опьяненіе выражалось только въ томъ, что все у него начиналось быстрее двигаться, а потомъ сразу останавливалось—это онъ засыпалъ. И всѣ считали его необыкновенно даровитымъ, а онъ постоянно говорилъ, что еслибъ онъ не сдѣлался знаменитымъ адвокатомъ, то былъ бы знаменитымъ художникомъ или писателемъ. Къ сожалѣнію, это правда.

И менѣе всего понималъ онъ меня. Однажды случилось такъ, что намъ грозила потеря всего состоянія. И для меня это было ужасно. Въ наши дни, когда только богатство даетъ свободу, я не знаю, чѣмъ бы я сталъ, еслибъ судьба поставила меня въ ряды пролетаріата. Я и сейчасъ безъ гнѣва не могу себѣ представить, что кто-нибудь осмѣливается наложить на меня свою руку—заставляетъ меня дѣлать то, чего я не хочу, покупаетъ за гроши мой трудъ, мою кровь, мои нервы, мою жизнь. Но этотъ ужасъ я испыталъ только на одну минуту, а въ слѣдующую я понялъ, что такіе, какъ я, никогда не бываютъ бѣдны.

А отецъ не понималъ этого. Онъ искренно считалъ меня тупымъ юншей и со страхомъ смотрѣлъ на мою мнимую безпомощность.

— Ахъ, Антонъ, Антонъ, что будешь ты дѣлать!..—говорилъ онъ. Самъ онъ совсѣмъ раскисъ: длинные нечесанные волосы свисли на лобъ, лицо было желто. Я отвѣтилъ:

— За меня, папаша, не безпокойся. Такъ какъ я не талантливъ, то я убью Ротшильда или ограблю банкъ.

Отецъ разсердился, такъ какъ принялъ мой отвѣтъ за неумѣстную и плоскую шутку. Онъ видѣлъ мое лицо, онъ слышалъ мой голосъ и все-таки принялъ это за шутку. Жалкій картонный палецъ, по недоразумѣнію считавшійся человѣкомъ!

Души моей онъ не зналъ, а весь внѣшній распорядокъ моей жизни возмущалъ его, ибо не владывался въ его пониманіе. Въ гимназіи я хорошо учился и это его огорчало. Когда приходили гости,—адвокаты, литераторы и художники,—онъ тыкалъ въ меня пальцемъ и говорилъ:

— А сынъ-то у меня—первый ученикъ. Чѣмъ прогнѣвалъ я Бога?

И всѣ смѣялись надо мною, и я смѣялся надъ всѣми. Но еще болѣе, чѣмъ мои успѣхи, огорчало его мое поведеніе и костюмъ. Онъ нарочно приходилъ въ мою комнату съ тѣмъ, чтобы незамѣтно для меня переложить книги на столъ и произвести хоть какой-нибудь безпорядокъ. Моя аккуратная прическа лишила его аппетита.

— Инспекторъ приказываетъ коротко стриться,—говорилъ я серьезно и почтительно.

Онъ крупно ругался, а внутри меня все дрожало отъ презрительнаго хохота, и не безъ основанія дѣлилъ я тогда весь міръ на инспекторовъ просто и инспекторовъ на изнанку. И всѣ они тянулись въ моей головѣ: одни, чтобы остричь ее, другіе—чтобы вытянуть изъ нея волосы.

Хуже всего для отца были мои тетрадки. Иногда пьяный, онъ разсматривалъ ихъ съ безнадежнымъ и комическимъ отчаяніемъ.

— Случалось ли тебѣ хоть разъ поставить кляксу?—спрашивалъ онъ.

— Да, случалось, папаша. Третьяго дня я капнулъ на тригонометрію.

— Вылизалъ?

— То-есть, какъ вылизалъ?

— Ну, да, вылизалъ кляксу?

— Нѣтъ, я приложилъ пропускной бумаги.

Отецъ пьянымъ жестомъ отмахивался рукой и ворчалъ, поднимаясь:

— Нѣтъ, ты не сынъ мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ.

Среди ненавистныхъ ему тетрадокъ была одна, которая могла, однако, доставить ему удовольствіе. Въ ней также не было ни одной кривой строчки, ни вляксы, ни помарки. И стояло въ ней приблизительно слѣдующее:

„Мой отецъ пьяница, воръ и трусъ“. Далѣе слѣдовали нѣкоторыя подробности, которыя изъ уваженія къ памяти отца, а также и къ закону, я не считаю нужнымъ передавать.

Здѣсь мнѣ приходитъ на память одинъ забытый мною фактъ, который, какъ я вижу теперь, не будетъ лишень для васъ гг. эксперты, крупнаго интереса. Я очень радъ, что вспомнилъ его, очень, очень радъ. Какъ я могъ его забыть?

У насъ въ домѣ жила горничная Катя, которая была любовницею отца и одновременно любовницею моею. Отца она любила потому, что онъ давалъ ей деньги, а меня за то, что я былъ молодъ, имѣлъ красивые черные глаза и не давалъ денегъ. И въ ту ночь, когда трупъ моего отца стоялъ въ залѣ, я отправился въ комнату Кати. Она была недалеко отъ залы, и въ ней явственно слышно было чтеніе дѣлчка.

Думаю, что безсмертный духъ моего отца получилъ полное удовлетвореніе!

Нѣтъ, это дѣйствительно интересный фактъ, и я не понимаю, какъ могъ я забыть его. Вамъ, гг. эксперты, это можетъ показаться мальчишествомъ, дѣтской выходкой, не имѣющей серьезнаго значенія, но это неправда. Это, господа эксперты, была жестокая битва, и побѣда въ ней не дешево досталась мнѣ. Ставкою была моя жизнь. Струсъ я, поверни назадъ, оказался неспособнымъ къ любви — я убилъ бы себя. *Это было рѣшено, я помню.*

И то, что я дѣлалъ, для юноши моихъ лѣтъ было не такъ-то легко. Теперь я знаю, что я боролся съ вѣтреной мельницей, но тогда все дѣло представлялось мнѣ въ иномъ свѣтѣ. Сейчасъ мнѣ уже трудно воспроизвести въ памяти пережитое, но чувство, помнится, у меня было такое, будто однимъ поступкомъ я нарушаю всѣ законы, божескіе и человѣческіе. И я ужасно трусилъ, до смѣшного, но все-таки справился съ собою, и когда вошелъ къ Катѣ, то былъ готовъ къ поцѣлуямъ, какъ Ромео.

Да, тогда я былъ еще, какъ кажется, романтикомъ. Счастливая пора, какъ она далека! Помню, гг. эксперты, что, возвращаясь отъ Кати, я остановился передъ трупомъ, сложилъ руки на груди, какъ Наполеонъ, и съ комической гордостью посмотрѣлъ на него. И тутъ же вздрогнулъ, испугавшись шевельнувшегося покрывала. Счастливая, далекая пора!

Боюсь думать, но кажется я никогда не переставалъ быть

романтикомъ. И чуть ли я не былъ идеалистомъ. Я вѣрилъ въ человѣческую мысль и въ ея безграничную мощь. Вся исторія человечества представлялась мнѣ шествіемъ одной торжествующей мысли, и это было еще такъ недавно. И мнѣ страшно подумать, что вся моя жизнь была обманомъ, что всю жизнь я былъ безумцемъ, какъ тотъ сумасшедшій актеръ, котораго я видѣлъ въ сосѣдней палатѣ. Онъ набиралъ отовсюду синихъ и красныхъ бумажекъ и каждую изъ нихъ называлъ миллиономъ; онъ выпрашивалъ ихъ у посѣтителей, кралъ и таскалъ ихъ изъ клозета, и сторожа грубо шутили, а онъ искренно и глубоко презиралъ ихъ. Я ему понравился, и на прощаніе онъ далъ мнѣ миллионъ.

— Это небольшой миллиончикъ, — сказалъ онъ, — но вы меня извините: у меня сейчасъ такіе расходы, такіе расходы.

И, отведя меня въ сторону, шопотомъ пояснилъ:

— Сейчасъ я приторговываюсь къ Италіи. Хочу прогнать папу и ввести тамъ новыя деньги, вотъ эти. И потомъ, въ воскресенье, объявлю себя святымъ. Итальянцы будутъ рады, они всегда очень радуются, когда имъ даютъ новаго святого.

Не съ этимъ ли миллиономъ я жилъ?

Мнѣ странно подумать, что мои книги, мои товарищи и друзья, все также стоятъ въ своихъ шкафахъ и молчаливо хранятъ то, что я считалъ мудростью земли, ея надеждой и счастьемъ. Я знаю, гг. эксперты, что сумасшедшій ли я или нѣтъ, но, съ вашей точки зрѣнія, я негодяй, — посмотрѣли бы вы на этого негодяя, когда онъ входитъ въ свою бібліотеку?

Сходите, гг. эксперты, осмотрите мою квартиру, это будетъ для васъ интересно. Въ лѣвомъ верхнемъ ящикѣ письменнаго стола вы найдете подробный каталогъ книгъ, картинъ и бездѣлушекъ; тамъ же вы найдете ключи отъ шкафовъ. Вы сами люди науки, и я вѣрю, что вы съ должнымъ уваженіемъ и аккуратностью отнесетесь къ моимъ вещамъ. *Также прошу васъ слѣдить, чтобы не коптили лампы.* Нѣтъ ничего ужаснѣе этой копоти: она забирается всюду, и потомъ стоитъ большого труда удалить ее.

На влочки.

Сейчасъ фельдшеръ Петровъ отказался дать мнѣ Chloralamid; въ той дозѣ, въ какой я требую. Прежде всего я врачъ и знаю, что дѣлаю, и затѣмъ, если мнѣ будетъ отказано, я приму рѣшительныя мѣры. Я двѣ ночи не спалъ и вовсе не желаю сходить съ ума. Я требую, чтобы мнѣ дали хлораламиду. Я этого требую. Это *безчестно* — сводить съ ума.

Листъ пятый.

Послѣ второго припадка меня начали бояться. Во многихъ домахъ передо мною поспѣшно захлопывались двери; при случай-
ной встрѣчѣ знакомые ежигись, подло улыбались и многозначи-
тельно спрашивали:

— Ну какъ, голубчикъ, здоровье?

Положеніе было какъ разъ такое, при которомъ я могъ со-
вершить любое беззаконіе и не потерять уваженія окружающихъ.
Я смотрѣлъ на людей и думалъ: если я захочу, я могу убить
этого и этого, и ничего мнѣ за то не будетъ. И то, что я
испытывалъ при этой мысли, было ново, пріятно и немного
страшно. Человѣкъ пересталъ быть чѣмъ-то строго защищаемымъ,
до чего боязно прикоснуться: словно шелуха какая-то спала съ
него, онъ былъ словно голый и убить его казалось легко и со-
блазнительно.

Страхъ такой плотной стѣной ограждалъ меня онъ пытливыхъ
взоровъ, что сама собою упразднялась необходимость въ третьемъ
подготовительномъ припадкѣ. Только въ этомъ отношеніи отступалъ
я отъ начертаннаго плана, но въ томъ-то и сила таланта, что
онъ не сковываетъ себя рамками и въ сообразности съ измѣ-
нившимся обстоятельствами мѣняетъ и весь ходъ битвы. Но нужно
было еще получить официальное отпущеніе грѣховъ бывшихъ и раз-
рѣшеніе на грѣхи будущіе—научно медицинское удостовѣреніе
моей болѣзни.

И здѣсь я дождался такого стеченія обстоятельствъ, при кото-
ромъ мое обращеніе къ психіатру могло казаться случайностью,
или даже чѣмъ-то вынужденнымъ. Это была, быть можетъ, и
излишняя, но художественная тонкость въ отдѣлѣ моей роли.
Послали меня къ психіатру Татьяна Николаевна и ея мужъ.

— Пожалуйста, сходите къ доктору, дорогой Антонъ Игна-
тьевичъ,—говорила Татьяна Николаевна. Она никогда раньше не
называла меня „дорогимъ“, и нужно мнѣ было прослыть сума-
шедшимъ, чтобы получить эту ничтожную ласку.

— Хорошо, дорогая Татьяна Николаевна, я схожу,—новкорно
отвѣтилъ я. Мы втроемъ—Алексѣй былъ тутъ же—сидѣли въ
кабинетѣ, гдѣ впослѣдствіи произошло убійство.

— Да, Антонъ, обязательно сходи,—авторитетно подтвердилъ
Алексѣй.—А то надѣлаешь чего-нибудь такого.

— Но что же могу я „надѣлать“?—робко оправдывался я
передъ своимъ строгимъ другомъ.

— Мало ли чего. Голову кому-нибудь прошибешь.

Я поворачивалъ въ рукахъ тяжелое чугунное прессъ-папье,
смотрѣлъ то на него, то на Алексѣя и спрашивалъ:

— Голову! Ты говоришь голову!

— Ну да, голову. Хватишь вотъ такой штукой, какъ эта, и готово.

Это становилось интересно. *Именно голову и именно этой штукой намѣревался я просадить, а теперь эта самая голова разсуждала, какъ это выйдетъ.* Разсуждала и беззаботно улыбалась. А есть люди, которые вѣрятъ въ предчувствія, въ то, что смерть зараннѣе посылаетъ какихъ-то своихъ незримыхъ вѣстниковъ—какая чепуха!

— Ну едва-ли можно сдѣлать что-нибудь этой вещью,—сказалъ я.—Она слишкомъ легка.

— Что ты городишь: легка!—возмутился Алексѣй, выдернувъ у меня изъ рукъ прессъ-папье и взявъ за тонкую ручку, нѣсколько разъ взмахнулъ.—Попробуй!

— Да я же знаю...

— Нѣтъ, ты возьми вотъ такъ и увидишь.

Нехотя, улыбаясь, я взялъ тяжелую вещь, но тутъ виѣшалась Татьяна Николаевна. Блѣдная, съ трясущимися губами, она сказала, скорѣе закричала:

— Алексѣй, оставь! Алексѣй, оставь!

— Что ты Таня! Что съ тобой?—изумился онъ.

— Оставь! Ты знаешь, какъ не люблю я такія шутки.

Мы разсмѣялись, и прессъ-папье было поставлено на столъ.

У профессора Т. все произошло такъ, какъ я и ожидалъ. Онъ былъ очень остороженъ, сдержанъ въ выраженіяхъ, но серьезенъ; спрашивалъ, есть ли у меня родные, уходу которыхъ я могу поручить себя, совѣтовалъ посидѣть дома, поотдохнуть и успокоиться. Опираясь на свое званіе врача, я слегка поспорилъ съ нимъ, и если у него и оставались какія-нибудь сомнѣнія, то тутъ, когда я осмѣлился возражать ему, онъ безповоротно зачислилъ меня въ сумасшедшіе. Конечно, гг. эксперты, вы не придадите серьезнаго значенія этой безобидной шуткѣ надъ однимъ изъ нашихъ собратьевъ: какъ ученый, профессоръ Т., несомнѣнно, достоинъ уваженія и почета.

Слѣдующіе нѣсколько дней были одними изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни. Меня жалѣли, какъ признаннаго больного, ко мнѣ дѣлали визиты, со мной говорили какимъ-то лояльнымъ, нелѣпымъ языкомъ, и только одинъ я зналъ, что я здоровъ, какъ ниго, и наслаждался отчетливой, могучей работой своей мысли. Изъ всего удивительнаго, непостижимаго, чѣмъ богата жизнь, самое удивительное и непостижимое—это человѣческая мысль. Въ ней божественность, въ ней залогъ безсмертія и могучая сила, не знающая преградъ. Люди поражаются восторгомъ и изумленіемъ, когда глядятъ на снѣжныя вершины

горныхъ громадъ; еслибъ они понимали самихъ себя, то больше, чѣмъ горами, больше чѣмъ, всѣми чудесами и красотами міра, они были бы поражены своей способностью мыслить. Простая мысль чернорабочаго о томъ, какъ цѣлесообразнѣе положить одинъ кирпичъ на другой—вотъ величайшее чудо и глубочайшая тайна.

И я наслаждался своею мыслію. Невинная въ своей красотѣ, она отдавалась мнѣ со сграстію, какъ любовница, служила мнѣ, какъ раба, и поддерживала меня, какъ другъ. Не думайте, что всѣ эти дни, проведенные дома въ четырехъ стѣнахъ я размышлялъ только о своемъ планѣ. Нѣтъ, тамъ все было ясно и все продумано. Я размышлялъ обо всемъ. Я и моя мысль, мы словно играли съ жизнью и смертію и высоко-высоко парили надъ ними. Между прочимъ, я рѣшилъ въ тѣ дни двѣ очень интересныя шахматныя задачи, надъ которыми трудился давно, но безуспѣшно. Вы знаете, конечно, что три года назадъ я участвовалъ въ международномъ шахматномъ турнирѣ и занялъ второе мѣсто послѣ Ласкера. Еслибъ я не былъ врагомъ всякой публичности и продолжалъ участвовать въ состязаніяхъ, *Ласкеру пришлось бы уступить насиженное мѣсто.*

И съ той минуты, какъ жизнь Алексѣя была отдана въ мои руки, я почувствовалъ въ немъ особенное расположеніе. Мнѣ пріятно было думать, что онъ живетъ, пьетъ, ѣстъ и радуется, и все это потому, что я позволяю. Чувство, схожее съ чувствомъ отца къ сыну. И что меня тревожило, такъ это его здоровье. При всей своей хилости, онъ непростительно неостороженъ: отказывается носить фуфайку и въ самую опасную, сырую погоду выходить безъ галошъ. Успокоила меня Татьяна Николаевна. Она заѣхала навѣстить меня и рассказала, что Алексѣй совершенно здоровъ и даже спитъ хорошо, что съ нимъ рѣдко бѣваетъ. Обрадованный, я попросилъ Татьяну Николаевну передать Алексѣю книгу, — рѣдкій экземпляръ, случайно попавшій мнѣ въ руки и давно нравившійся Алексѣю. Быть можетъ, съ точки зрѣнія моего плана, этотъ подарокъ былъ ошибкой—могли заподозрить въ этомъ преднамѣренную подтасовку, но мнѣ такъ хотѣлось доставить Алексѣю удовольствіе, что я рѣшилъ немного рискнуть. Я пренебрегъ даже тѣмъ обстоятельствомъ, что въ смыслѣ художественности моей игры подарокъ былъ уже шаржемъ.

Съ Татьяной Николаевной въ этотъ разъ я былъ очень милъ и простъ и произвелъ на нее хорошее впечатлѣніе. Ни она, ни Алексѣй не видѣли ни одного моего припадка и имъ, очевидно, трудно, даже невозможно было представить меня сумасшедшимъ.

— Заѣзжайте же къ намъ, — просила Татьяна Николаевна при прощаніи.

— Нельзя, — улыбнулся я. — Доктор не велѣлъ.

— Ну вотъ еще пустяки. Къ намъ можно, — это все равно что дома. И Алеша скучаетъ безъ васъ.

Я общалъ, и ни одно общаніе не давалось съ такою увѣренностію въ исполненіи, какъ это. Не кажется ли вамъ г. эксперты, когда вы узнаете обо всѣхъ этихъ счастливыхъ совпаденіяхъ, не кажется ли вамъ, что уже не мною только былъ осужденъ на смерть Алексѣй, а и кѣмъ-то другимъ? А въ сущности, никакого „другого“ нѣтъ, и все такъ просто и логично.

Чугунное прессъ-папье стояло на своемъ мѣстѣ, когда 11-го декабря въ 5 часовъ вечера я вошелъ въ кабинетъ къ Алексѣю. Въ этотъ часъ, передъ обѣдомъ — обѣдаютъ они въ семь часовъ — и Алексѣй, и Татьяна Николаевна проводятъ въ отдыхъ. Моему приходу очень обрадовались.

— Спасибо за книгу, дружище — сказалъ Алексѣй, трясая мою руку. — Я и самъ собирался къ тебѣ, да Таня сказала, что ты совсѣмъ поправился. Мы нынче въ театръ — ѣдемъ съ нами?

Начался разговоръ. Въ этотъ день я рѣшилъ совсѣмъ не притворяться — въ этомъ отсутствіи притворства было свое тонкое притворство — и находясь подъ впечатлѣніемъ пережитаго подъема мысли, говорилъ много и интересно. Еслибъ почитатели таланта Савелова знали, сколько лучшихъ „его“ мыслей зародилось и было выношено въ головѣ никому неизвѣстнаго доктора Керженцева!

Я говорилъ ясно, точно, отдѣлывая фразы; я смотрѣлъ въ то же время на стрѣлку часовъ и думалъ, что когда она будетъ на шести, я стану убійцей. И я говорилъ что-то смѣшное, и они смѣялись, а я старался запомнить ощущеніе человѣка, который еще не убійца, но скоро станетъ убійцей. Уже не въ отвлеченномъ представленіи, а совсѣмъ просто понималъ я процессъ жизни въ Алексѣѣ, бѣненіе его сердца, переливаніе въ вѣсѣлахъ крови, безшумную вибрацію мозга и то, какъ процессъ этотъ прервется, сердце перестанетъ гнать кровь и замретъ мозгъ.

На какой мысли онъ замретъ?

Никогда ясность моего сознанія не достигала такой высоты и силы; никогда не было такъ полно ощущеніе многограннаго, стройно работающаго я. Точно Богъ — не видя, я видѣлъ, не слушая — я слышалъ, не думая — я сознавалъ.

Оставалось семь минутъ, когда Алексѣй лѣниво поднялся съ дивана, потянулся и вышелъ.

— Я сейчасъ, — сказалъ онъ, выходя.

Мнѣ не хотѣлось смотрѣть на Татьяну Николаевну, и я ото-

шелъ къ окну, раздвинулъ драпри и сталъ. И не глядя, я почувствовалъ, какъ Татьяна Николаевна торопливо прошла комнату и стала рядомъ со мною. Я слышалъ ея дыханіе, зналъ, что она смотритъ не въ окно, а на меня, и молчалъ.

— Какъ славно блестить свѣтъ—сказала Татьяна Николаевна, но я не отозвался. Дыханіе ея стало чаще, потомъ прервалось.

— Антонъ Игнатьевичъ!—сказала она и остановилась.

Я молчалъ.

— Антонъ Игнатьевичъ!—повторила она такъ же нерѣшительно, и тутъ я взглянулъ на нее. Она быстро отшатнулась, чуть не упала, точно ее отбросило той страшной силой, которая была въ моемъ взглядѣ. Отшатнулась и бросилась къ вошедшему мужу.

— Алексѣй!—бормотала она.—Алексѣй... Онъ...

— Ну что онъ?

Не улыбаясь, но голосомъ отѣняя шутку, я сказалъ:

— Она думаетъ, что я хочу убить тебя этой шуткой.

И совсѣмъ спокойно, не скрываясь, я взялъ прессъ-папье, приподнял его въ рукѣ и спокойно подошелъ къ Алексѣю. Онъ не мигая смотрѣлъ на меня своими блѣдными глазами и повторялъ:

— Она думаетъ...

— Да, она думаетъ.

Медленно, плавно я сталъ приподнимать свою руку, и Алексѣй также медленно сталъ приподнимать свою, все не спуская съ меня глазъ.

— *Погоди!*—строго сказалъ я.

Рука Алексѣя остановилась и, все не спуская съ меня глазъ, онъ недовѣрчиво улыбнулся, блѣдно, однѣми губами. Татьяна Николаевна что-то страшно крикнула, но было поздно. Я ударилъ острымъ концомъ въ високъ, ближе къ темени, чѣмъ къ глазу. И когда онъ упалъ, я нагнулся и еще два раза ударилъ его. Слѣдователь говорилъ мнѣ что я билъ его много разъ, потому что голова его вся раздроблена. Но эта не правда. Я ударилъ его всего на всего *три раза*: разъ когда онъ стоялъ, и два раза потомъ на полу.

Правда, что удары были очень сильны, но ихъ было *всего три*. Это я помню навѣрно. *Три удара*.

Листъ шестой.

Не старайтесь разобрать зачеркнутое въ концѣ четвертаго листа и вообще не придавайте излишняго значенія моимъ пометкамъ, какъ мнимымъ признакамъ разстроеннаго мышленія. Въ томъ странномъ положеніи, въ которомъ я очутился, я долженъ

быть странно остороженъ, чего я не скрываю, и что вы прекрасно понимаете.

Ночной мракъ всегда сильно дѣйствуетъ на утомленную нервную систему, и потому такъ часто приходятъ ночью страшныя мысли. А въ ту ночь, первую за убійствомъ, мои нервы были, конечно, въ особенномъ напряженіи. Какъ я ни владѣлъ собою, но убить человѣка не шутка. За чаемъ, уже приведя себя въ порядокъ, отмывши ногти и перемѣнивъ платье, я позвалъ посидѣть съ собою Марью Васильевну. Это моя экономка и отчасти жена. У нея, кажется, есть на сторонѣ любовникъ, но женщина она красивая, тихая и не жадная, и я легко помирился съ этимъ маленькимъ недостаткомъ, который почти неизбеженъ въ положеніи человѣка, приобретающаго любовь за деньги. И вотъ эта глупая женщина первая нанесла мнѣ ударъ.

— Поцѣлуй меня,—сказалъ я.

Она глупо улыбнулась и застыла на своемъ мѣстѣ.

— Ну же!

Она вздрогнула, покраснѣла и, сдѣлавъ испуганные глаза, моляще протянулась ко мнѣ черезъ столъ, говоря:

— Антонъ Игнатьевичъ, душечка, сходите къ доктору!

— Чего еще?—разсердился я.

— Ой, не кричите, боюсь! Ой, боюсь васъ, душечка, ангельчикъ!

А она вѣдь ничего не знала ни о моихъ припадкахъ, ни объ убійствѣ, и я всегда былъ съ нею ласковъ и ровень. Значить было во мнѣ что то такое, чего нѣтъ у другихъ людей, и что пугаетъ—мелькнула у меня мысль и тотчасъ исчезла, оставивъ странное ощущеніе холода въ ногахъ и спинѣ. Я понялъ, что Марья Васильевна узнала что нибудь на сторонѣ, отъ прислуги, или наткнулась на сброшенное мною испорченное платье, и этимъ совершенно естественно объяснялся ея страхъ.

— Ступайте,—приказалъ я.

Потомъ я лежалъ на диванѣ въ своей библіотекѣ. Читать не хотѣлось, во всемъ тѣлѣ чувствовалось усталость и состояніе въ общемъ было такое, какъ у актера послѣ блестяще сыгранной роли. Мнѣ пріятно было смотрѣть на книги и пріятно было думать, что когда нибудь потомъ я буду ихъ читать. Правилась мнѣ вся моя квартира и диванъ, и Марья Васильевна. Мелкали въ головѣ отрывки фразъ изъ моей роли, мысленно воспроизводились движенія, которыя я дѣлалъ и изрѣдка лѣниво проползали критическія мысли: а вотъ тутъ лучше можно было сказать или сдѣлать. Но своимъ импровизированнымъ „погоди!“ я былъ очень доволенъ. Дѣйствительно, это рѣдкій и для тѣхъ, кто не испытывалъ самъ, невѣроятный образецъ силы внушенія.

— „Погоди!“—повторялъ я, закрывъ глаза и улыбался. И

*

вѣки мои стали тяжелѣть, и мнѣ хотѣлось спать, когда лѣнливо, просто, какъ всѣ другія, въ мою голову вошла новая мысль, обладающая всѣми свойствами *моей* мысли: ясностью, точностью и простотой. Лѣнливо вошла и остановилась. Вотъ она дословно и въ третьемъ, какъ было почему-то, лицѣ:

„А весьма возможно, что докторъ Керженцевъ дѣйствительно сумасшедшій. Онъ думалъ, что онъ притворяется, а онъ дѣйствительно сумасшедшій. И сейчасъ сумасшедшій“.

Три, четыре раза повторялась эта мысль, а я все еще улыбался, не понимая:

„Онъ думалъ, что онъ притворяется, а онъ дѣйствительно сумасшедшій. И сейчасъ сумасшедшій“.

Но когда я понялъ... Сперва я подумалъ, что эту фразу сказала Марья Васильевна, потому что какъ будто былъ голосъ и голосъ этотъ какъ будто былъ ея. Потомъ я подумалъ на Алексѣя. Да, на Алексѣя, на убитаго. Потомъ я понялъ, что это подумалъ я—и это былъ ужасъ. Взявъ себя за волосы, уже стоя почему то на серединѣ комнаты, я сказалъ:

— Такъ. Все кончено. Случилось то, чего я опасался. Я слишкомъ близко подошелъ къ границѣ, и теперь мнѣ остается впереди только одно—сумасшествіе.

Когда пріѣхали арестовать меня, я оказался, по ихъ словамъ, въ ужасномъ видѣ,—взлохмаченный, въ разорванномъ платьѣ, блѣдный и страшный. Но, Господи! Развѣ пережить такую ночь и все таки не сойти съ ума не значить обладать несокрушимымъ мозгомъ? А вѣдь я только платье разорвалъ и разбилъ зеркало. Кстати: позвольте дать вамъ одинъ совѣтъ. Если когда-нибудь одному изъ васъ придется пережить то, что пережилъ я въ эту ночь, завѣсьте зеркала въ той комнатѣ, гдѣ вы будете метаться. Завѣсьте такъ же, какъ вы завѣшиваете ихъ тогда, когда въ домѣ стоитъ покойникъ. *Завѣсьте!*

Мнѣ страшно объ этомъ писать. Я боюсь того, что мнѣ нужно вспомнить и сказать. Но дальше откладывать нельзя и, быть можетъ, полусловами я только увеличиваю ужасъ.

Этотъ вечеръ.

Вообразите себѣ пьяную змѣю, да, да, именно пьяную змѣю: она сохранила свою злость; ловкость и быстрота ея еще усилилась, а зубы все такъ же остры и ядовиты. И она пьяна, и она въ запертой комнатѣ, гдѣ много дрожащихъ отъ ужаса людей. И холодно свирѣпая, она скользитъ между ними, обвиваетъ ноги, жалитъ въ самое лицо, въ губы и вьется клубкомъ, и впивается въ собственное тѣло. И кажется, будто не одна, а тысячи змѣй вьются и жалятъ и пожираютъ сами себя. Такова была моя

мысль, та самая, въ которую я вѣрилъ, и въ остротѣ и ядовитости зубовъ которой я видѣлъ спасеніе свое и защиту.

Единая мысль разбилась на тысячу мыслей, и каждая изъ нихъ была сильна, и всѣ онѣ были враждебны. Онѣ кружились въ дикомъ танцѣ, а музыкою имъ былъ чудовищный голосъ, гулей какъ труба, и неся онъ откуда то изъ невѣдомой мнѣ глубины. *Это была бѣжавшая мысль, самая страшная изъ жмѣй, ибо она пряталась во мракъ.* Изъ головы, гдѣ я крѣпко держалъ ее, она ушла въ тайники тѣла, въ черную и неизвѣданную его глубину. И оттуда она кричала, какъ посторонній, какъ бѣжавшій рабъ, наглый и дерзкій въ сознаніи своей безопасности:

— *Ты думалъ, что ты притворяешься, а ты былъ сумасшедшимъ. Ты маленький, ты злой, ты глупый, ты докторъ Керженцевъ. Какой то докторъ Керженцевъ, сумасшедшій докторъ Керженцевъ!..*

Такъ она кричала, и я не зналъ, откуда исходитъ ея чудовищный голосъ. Я даже не знаю, кто это былъ; я называю это мыслью, но можетъ быть это была не мысль. Мысли—тѣ какъ голуби надъ пожаромъ кружились въ головѣ, а она кричала откуда то съ низу, сверху, сбоковъ, гдѣ я не могъ ни увидѣть ее, ни поймать.

И самое страшное, что я испыталъ—это было сознаніе, что я не знаю себя и никогда не зналъ. Пока мое я находилось въ моей ярко освѣщенной головѣ, гдѣ все движется и живетъ въ законномъ порядкѣ, я понималъ и зналъ себя, размышлялъ о своемъ характерѣ и планахъ и былъ, какъ думалъ, господиномъ. Теперь же я увидѣлъ, что я не господинъ, а рабъ жалкій и безсильный. Представьте, что вы жили въ домѣ, гдѣ много комнатъ, занимали одну только комнату, и думали, что владѣете всѣмъ домою. И вдругъ вы узнали, что тамъ, въ другихъ комнатахъ живутъ. *Да, живутъ.* Живутъ какія-то загадочныя существа, быть можетъ люди, быть можетъ что-нибудь другое, и домъ принадлежитъ имъ. Вы хотите узнать, кто они, но дверь заперта, и не слышно за нею ни звука, ни голоса. И въ то же время вы знаете, что именно тамъ, за этой молчаливой дверью рѣшается ваша судьба.

Я подошелъ къ зеркалу... Завѣсьте зеркала. Завѣсьте!

Потомъ я ничего не помню до тѣхъ поръ, пока пришла судебная власть и полиція. Я спросилъ, который часъ, и мнѣ сказали: девять. И я долго не могъ понять, что со времени моего возвращенія домой прошло только два часа, а съ момента убійства Алексѣя около трехъ.

Простите, гг. эксперты, что такой важный для экспертизы

моментъ, какъ это ужасное состояніе послѣ убійства, я описалъ въ такихъ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Но это все, что я помню и что могу передать человѣческимъ языкомъ. Напримѣръ, не могу я передать человѣческимъ языкомъ того ужаса, который я все время тогда испытывалъ. Кромѣ того, я не могу сказать съ положительною увѣренностью, что все, такъ слабо мною намѣченное, было въ дѣйствительности. Быть можетъ, этого не было, а было что-нибудь другое. Одно только я твердо помню—это мысль или голосъ, или еще что-то:

„Докторъ Керженцевъ думалъ, что онъ притворяется сумасшедшимъ, а онъ дѣйствительно сумасшедшій“.

Сейчасъ я пробовалъ свой пульсъ: 180! Это сейчасъ, только при одномъ воспоминаніи!

Листъ седьмой.

Прошлый разъ я написалъ много ненужнаго и жалкаго вздора и, къ сожалѣнію, вы теперь уже получили и прочли его. Боюсь, что онъ дастъ вамъ ложное представленіе о моей личности, а также о дѣйствительномъ состояніи моихъ умственныхъ способностей. Впрочемъ, я вѣрю въ ваши знанія и въ вашъ ясный умъ, гг. эксперты.

Вы понимаете, что только серьезныя причины могли заставить меня, д-ра Керженцева, открыть всю истину объ убійствѣ Савелова. И вы легко поймете и оцѣните ихъ, когда я скажу, что я не знаю и сейчасъ, притворялся ли я сумасшедшимъ, чтобы безнаказанно убить или убилъ потому, что былъ сумасшедшимъ; и навсегда, вѣроятно, лишентъ возможности узнать это. Кошмаръ того вечера исчезъ, но онъ оставилъ огненный слѣдъ. Нѣтъ вздорныхъ страховъ, но есть ужасъ человѣка, который потерялъ все, есть холодное сознаніе паденія, гибели, обмана и неразрѣшимости.

Вы, ученые, будете спорить обо мнѣ. Одни изъ васъ скажутъ, что я сумасшедшій, другіе будутъ доказывать, что я здоровый и допускать только нѣкоторыя ограниченія въ пользу дегенерации. Но со всею вашею ученостью, вы не докажете такъ ясно ни того, что я сумасшедшій, ни того, что я здоровый, какъ докажу это я. Моя мысль вернулась ко мнѣ и, какъ вы убѣдитесь, ей нельзя отказать ни въ силѣ, ни въ остротѣ. Превосходная, энергичная мысль—вѣдь и врагамъ слѣдуетъ отдавать должное!

Я—сумасшедшій. Не угодно ли выслушать—почему?

Первою осуждаетъ меня наслѣдственность, та самая наслѣдственность, которой я такъ обрадовался, обдумывая свой планъ. Припадки, которые были у меня въ дѣтствѣ... Виноватъ, господа.

Я хотѣлъ утаить отъ васъ эту подробность о припадкахъ и писать, что съ дѣтства я былъ здоровякомъ. Это не значить, что въ фактѣ существованія какихъ-то вздорныхъ, скоро кончившихся припадковъ я видѣлъ какую-нибудь опасность для себя. Просто, я не хотѣлъ загромождать разсказа неважными подробностями. Теперь эта подробность понадобилась мнѣ для строго логическаго построения, и, какъ видите, я, не обинуясь, передаю ее.

Такъ вотъ. Наслѣдственность и припадки свидѣлствуютъ о моемъ предрасположеніи къ психической болѣзни. И она началась, незамѣтно для самого меня, много раньше, чѣмъ я придумалъ планъ убійства. Но обладая, какъ *все сумасшедшіе*, безсознательной хитростью и способностью приноравливать безумные поступки къ нормамъ разумнаго мышленія, я сталъ обманывать, но не другихъ, какъ я думалъ, а себя. Увлекаемый чуждой мнѣ силой, я дѣлалъ видъ, что иду самъ. Изъ остальнаго доказательства можно лѣпить, какъ изъ воска. Не такъ ли?

Ничего не стоитъ доказать, что Татьяну Николаевну я не любилъ, что мотива истиннаго къ преступленію не было, а былъ только выдуманный. Въ странности моего плана, въ хладнокровіи, съ какимъ я его осуществлялъ, въ массѣ мелочей очень легко усмотрѣть все ту же безумную волю. Даже самая острота и подъѣмъ моей мысли передъ преступленіемъ доказываютъ мою ненормальность.

«Такъ, раненый на смерть, я въ циркѣ игралъ,
Гладиатора смерть представляя»...

Ни одной мелочи въ своей жизни не оставилъ я неизслѣдованной. Я прослѣдилъ всю свою жизнь. Къ каждому своему шагу, къ каждой своей мысли, слову, я прилагалъ мѣрку безумія, и она подходила къ каждому слову, къ каждой мысли. Оказалось, и это было самымъ удивительнымъ, что и до этой ночи мнѣ уже приходила мысль: ужъ не сумасшедшій ли я дѣйствительно? Но я какъ-то отдѣлывался отъ этой мысли, забывалъ о ней.

И доказавъ, что я сумасшедшій, знаете вы, что я увидѣлъ? Что *я не сумасшедшій*—вотъ что я увидѣлъ. Извольте выслушать.

Самое большое, въ чемъ уличаютъ меня наслѣдственность и припадки, это дегенерация. Я одинъ изъ вырождающихся, какихъ много, какого можно найти, если поискать повнимательнѣе, даже среди васъ, гг. эксперты. Это даетъ прекрасный ключъ ко всему остальному. Мои нравственные воззрѣнія вы можете объяснить не сознательной продуманностью, а дегенерацией. Дѣйствительно, нравственные инстинкты заложены такъ глубоко, что только при нѣкоторомъ уклоненіи отъ нормальнаго типа, возможно полное отъ нихъ освобожденіе. И наука, все еще слиш-

комъ смѣлая въ своихъ обобщеніяхъ, всѣ такія уклоненія относитъ въ область дегенераціи, хотя бы физически человѣкъ былъ сложенъ, какъ Аполлонъ, и здоровъ, какъ послѣдній идіотъ. Но пусть будетъ такъ. Я ничего не имѣю противъ дегенераціи—она вводитъ меня въ славную компанію.

Не стану я отстаивать и своего мотива къ преступленію. Говорю вамъ совершенно искренне, что Татьяна Николаевна дѣйствительно оскорбила меня своимъ смѣхомъ, и обида залегла очень глубоко, какъ это бываетъ у такихъ скрытыхъ, одинокихъ натуръ, какъ я. Но пусть это неправда. Пусть даже любви у меня не было. Но развѣ нельзя допустить, что убійствомъ Алексѣя я просто хотѣлъ попытать свои силы? Вѣдь вы свободно допускаете существованіе людей, которые влѣзаютъ, рискуя жизнью, на неприступныя горы, только потому, что онѣ неприступныя, и не называете ихъ сумасшедшими. Не осмѣлитесь же вы назвать сумасшедшимъ Нансена, этого величайшаго человѣка истекающаго столѣтія! Въ нравственной жизни есть свои полюсы, и одного изъ нихъ пытался я достичь.

Васъ смущаетъ отсутствіе ревности, мести, корысти и другихъ, истинно нелѣпныхъ мотивовъ, которые вы привыкли считать единственно настоящими и здоровыми. Но тогда вы, люди науки, осудите Нансена, осудите его вмѣстѣ съ тѣми глупцами и невѣждами, которые и его предпріятіе считаютъ безуміемъ.

Мой планъ... Онъ необыченъ, онъ оригиналенъ, онъ смѣлъ до дерзости, но развѣ онъ не разуменъ съ точки зрѣнія поставленной мною цѣли? И именно моя наклонность къ притворству, вполне разумно вамъ объясненная, могла подсказать мнѣ этотъ планъ. Подъемъ мысли—но развѣ геніальность и вправду умопомѣшательство? Хладнокровіе—но почему убійца непременно долженъ дрожать, блѣднѣть и колебаться? Труссы всегда дрожатъ, даже когда обнимаютъ своихъ горничныхъ, и храбрость—развѣ безуміе?

А какъ просто объясняются мои собственные сомнѣнія въ томъ, что я здоровый! Какъ настоящій художникъ, артистъ, я слишкомъ глубоко вошелъ въ роль, временно отождествился съ изображаемымъ лицомъ и на минуту потерялъ способность самоотчета. Скажете ли вы, что даже среди присяжныхъ, ежедневно ломающихся лицедѣевъ нѣтъ такихъ, которые, играя Отелло, чувствуютъ дѣйствительную потребность убить?

Довольно убѣдительно, не правда ли, гг. ученые? Но не чувствуете ли вы одной странной вещи: когда я доказываю, что я сумасшедшій, вамъ вѣжется, что я здоровый, а когда я доказываю, что я здоровый, вы слышите сумасшедшаго.

Да. Это потому, что вы не вѣрите мнѣ... Но и я не вѣрю

себѣ, ибо кому въ себѣ я буду вѣрить? Подлой и ничтожной мысли, лживому холопу, который служить всякому. Онъ годенъ лишь на то, чтобы чистить сапоги, а я сдѣлалъ его своимъ другомъ, своимъ богомъ. Долой съ трона, жалкая, безсильная мысль!

Кто же я, гг. эксперты, сумасшедшій или нѣтъ?

Маша, милая женщина, вы знаете, что-то, чего не знаю я. Скажите, кого просить мнѣ о помощи?

Я знаю вашъ отвѣтъ, Маша. *Нѣтъ это не то.* Вы добрая и славная женщина, Маша, но вы не знаете ни физики, ни химіи, вы ни разу не были въ театръ и даже не подозреваете, что та штука, на которой вы живете, принимая, подавая и убирая, вертится. А она вертится, Маша, вертится, и съ нею вертимся и мы. Вы дитя, Маша, вы тупое существо, почти растеніе, и я очень завидую вамъ, почти столько же, сколько презираю васъ.

Нѣтъ, Маша, не вы отвѣтите мнѣ. И вы ничего не знаете, это неправда. Въ одной изъ темныхъ коморокъ вашего нехитраго дома живетъ кто-то, очень вамъ полезный, но у меня эта комната пуста. Онъ давно умеръ, тотъ, кто тамъ жилъ, и на могилѣ его я воздвигъ пышный памятникъ. *Онъ умеръ, Маша, умеръ и не воскреснетъ.*

Кто же я, гг. эксперты, сумасшедшій или нѣтъ? Простите, что я съ такой невѣжливой настойчивостью привязываюсь къ вамъ съ этимъ вопросомъ, но вѣдь вы „люди науки“, какъ называлъ васъ мой отецъ, когда хотѣлъ польстить вамъ, у васъ есть книги, и вы обладаете ясной, точной и непогрѣшимой человѣческой мыслью. Конечно, половина васъ останется при одномъ мнѣніи, другая—при другомъ, но я вамъ повѣрю гг. ученые—и первымъ повѣрю и вторымъ повѣрю. Скажите же... а въ помощь вашему просвѣщенному уму я приведу интересный, очень интересный фактъ.

Въ одинъ тихій и мирный вечеръ, проведенный мною среди этихъ бѣлыхъ стѣнъ, на лицѣ Маши, когда оно попадало мнѣ на глаза, я замѣчалъ выраженіе ужаса, растерянности и подчиненности чему-то сильному и страшному. Потомъ она ушла, а я сѣлъ на приготовленной постели и продолжалъ думать о томъ, чего мнѣ хочется. А хотѣлось мнѣ странныхъ вещей. Мнѣ, дру Керженцеву, хотѣлось вѣть. Не кричать, а именно вѣть, какъ вонъ тотъ. Хотѣлось рвать на себѣ платье и царапать себя ногтями. Взять рубашку у ворота, сперва немного, совсѣмъ немного потянуть, а потомъ—разъ! и до самого низа. И хотѣлось мнѣ, дру Керженцеву, стать на четвереньки и ползать. А кругомъ было тихо, и снѣгъ стучалъ въ окна, и гдѣ-то неподалеку беззвучно молилась Маша. И я долго обдуманно выбиралъ, что мнѣ сдѣлать. Если вѣть, то выйдетъ громко и получится скандалъ. Если

разодрать рубашку, то завтра замѣтятъ. И вполнѣ разумно я выбралъ третье: ползать. Никто не услышитъ, а если увидятъ, то скажу, что оторвалась пуговица, и я ищу ее.

И пока я выбиралъ и рѣшалъ, было хорошо, не страшно и даже приятно, такъ что, помнится, я болталъ ногой. Но вотъ я подумалъ:

— Да зачѣмъ же ползать? Развѣ я дѣйствительно сумасшедшій?

И стало страшно и сразу захотѣлось всего: ползать, вѣть, царапаться. И я обозлился.

— Ты хочешь ползать?—спросилъ я. Но оно молчало. Оно уже не хотѣло.

— Нѣтъ, вѣдь ты хочешь ползать?—настаивалъ я. И оно молчало.

— Ну, ползай же.

И, засучивъ рукава, я сталъ на четвереньки и поползъ. И когда я обошелъ еще только половину комнаты, мнѣ стало такъ смѣшно отъ этой нелѣпости, что я усѣлся тутъ же на полу и хохоталъ, хохоталъ, хохоталъ.

Съ привычной и неугасшей еще вѣрой въ то, что можно что-то знать, я думалъ, что нашелъ источникъ своихъ безумныхъ желаній. Очевидно, желаніе ползать и другія были результатомъ самовнушенія. Настойчивая мысль о томъ, что я сумасшедшій, вызывала и сумасшедшія желанія, а какъ только я выполнилъ ихъ, оказалось, что и желаній-то никакихъ нѣтъ и я не безумный. Разсужденіе, какъ видите, весьма простое и логическое. Но...

Но вѣдь все-таки я ползалъ? я ползалъ? кто же я, оправдывающійся сумасшедшій или здоровый, сводящій себя съ ума?

Помогите же мнѣ, вы, высокоученные мужи! Пусть ваше авторитетное слово склонитъ вѣсы въ ту или другую сторону и рѣшитъ этотъ ужасный, дикій вопросъ. И такъ я жду!..

Напрасно я жду. О мои милые головастики—развѣ вы не я? Развѣ въ вашихъ лысыхъ головахъ работаетъ не та же подлая, человѣческая мысль, вѣчно лгущая, измѣнчивая, призрачная, какъ у меня? И чѣмъ моя хуже вашей? Вы станете доказывать, что я сумасшедшій, я докажу вамъ, что я здоровъ, вы станете доказывать, что я здоровъ, я докажу вамъ, что я сумасшедшій. Вы скажете, что нельзя красть, убивать и обманывать потому, что это безнравственность и преступленіе, а я вамъ докажу, что можно убивать и грабить, и что это очень нравственно. И вы будете мыслить и говорить, и я буду мыслить и говорить, и всѣ мы будемъ правы, и никто изъ насъ не будетъ правъ. Гдѣ судья, который можетъ разсудить насъ и найти правду?

У васъ есть громадное преимущество, которое даетъ однимъ

вамъ знаніе истины: вы не совершили преступленія, не находитесь подъ судомъ и приглашены за приличную плату изслѣдовать состояніе моей психики. И потому я сумасшедшій. А если бы сюда посадили васъ, профессоръ Джембицкій, и меня пригласили бы наблюдать за вами, то сумасшедшимъ были бы вы, а я былъ бы важной птицей—экспертомъ, лгуномъ, который отличается отъ другихъ лгуновъ только тѣмъ, что лжетъ не иначе, какъ подъ присягой.

Правда, вы никого не убивали, не совершали кражи ради кражи и когда нанимаете извозчика, то обязательно выторговываете у него гривенникъ, что доказываетъ полное ваше душевное здоровье. Вы не сумасшедшій. Но можетъ случить совсѣмъ неожиданная вещь...

Вдругъ завтра, сейчасъ, сію минуту, когда вы читаете эти строки, вамъ пришла ужасно глупая, но не осторожная мысль: а не сумасшедшій ли и я? Кѣмъ вы будете тогда, г. профессоръ? Этакая глупая, вздорная мысль, ибо отъ чего вамъ сходить съ ума? Но попробуйте прогнать ее. Вы пили молоко и думали, что оно цѣльное, пока кто то не сказалъ, что оно смѣшано съ водой. И конечно —нѣтъ болѣе цѣльнаго молока.

Вы сумасшедшій. Не хотите ли проползти на четверенькахъ? Конечно, не хотите, ибо какой же здоровый человѣкъ захочетъ ползать. Ну, а все-таки? Не является ли у васъ такого легонькаго желанія, совсѣмъ легонькаго, совсѣмъ пустячнаго, надъ которымъ смѣяться хочется—соскользнуть со стула и немного, совсѣмъ немного проползти? Конечно, не является, откуда ему явиться у здороваго человѣка, который сейчасъ только пилъ чай и разговаривалъ съ женой. Но не чувствуете ли вы вашихъ ногъ, хотя раньше вы ихъ не чувствовали, и не кажется ли вамъ, что въ колѣнахъ происходитъ что-то странное: тяжелое опѣменение борется съ желаніемъ согнуть колѣна, а потомъ... *Видъ на самомъ дѣлѣ, г. Джембицкій, развѣ кто-нибудь можетъ васъ удержать, если вы захотите крошечку проползти?*

Никто.

Но погодите ползать. Вы еще нужны мнѣ. Борьба моя еще не кончена.

Л и с т ь в о с ь м о й.

Одно изъ проявленій парадоксальности моей натуры: я очень люблю дѣтей, совсѣмъ маленькихъ дѣтей, когда они только что начинаютъ лепетать и бываютъ похожи на всѣхъ маленькихъ животныхъ: щенятъ, котятъ и змѣнышей. Даже змѣи въ дѣт-

ствѣ бывають привлекательны. И нынѣшней осенью въ погожій, солнечный день мнѣ довелось видѣть такую картинку. Крохотная дѣвочка въ ватномъ пальтецѣ и капюшонѣ, изъ-подъ котораго только и видны были розовыя щечки и носикъ, хотѣла подойти къ совсѣмъ уже крохотной собачонкѣ на тонкихъ ножкахъ, съ тоненькой мордочкой и трусливо зажатымъ между ногами хвостомъ. И вдругъ ей стало страшно, она повернулась и, какъ маленькій бѣлый клубочекъ, покатила къ тутъ же стоявшей нянѣкѣ и молча, безъ слезъ и крика, спрятала лицо у нея въ колѣнахъ. А крохотная собачонка ласково моргала и пугливо поджимала хвостъ, и лицо у няньки было такое доброе, простое.

— Не бойся, — говорила нянька и улыбалась мнѣ, и лицо у нея было такое доброе, простое.

Не знаю почему, но мнѣ часто вспоминалась эта дѣвочка и на волѣ, когда я осуществлялъ планъ убійства Савелова, и здѣсь. Тогда же еще, при взглядѣ на эту милую группу подъ яснымъ осеннимъ солнцемъ, у меня явилось странное чувство, какъ будто разгадка чего-то, и задуманное мною убійство показалось мнѣ холодною ложью изъ какого-то другого, совсѣмъ особаго міра. И то, что обѣ онѣ, и дѣвочка, и собачонка, были такія маленькія и милыя, и что онѣ смѣшно боялись другъ друга, и то, что солнце такъ тепло свѣтило—все это было такъ просто и такъ полно кроткой и глубокой мудростью, будто здѣсь именно, въ этой группѣ заключается разгадка бытія. Такое было чувство. И я сказалъ себѣ: „Надо объ этомъ какъ слѣдуетъ подумать“ — но такъ и не подумалъ.

А теперь я не помню, что же было тогда такое, и мучительно стараюсь понять, но не могу. И я не знаю, зачѣмъ я рассказывалъ вамъ эту смѣшную ненужную исторію, когда еще такъ много нужно мнѣ рассказать серьезнаго и важнаго. *Необходимо кончить.*

Оставимъ въ покоѣ мертвецовъ. Алексѣй убить, онъ давно уже началъ разлагаться, его нѣтъ—чортъ съ нимъ! Въ положеніи мертвецовъ есть кое-что пріятное.

Не будемъ говорить и о Татьянѣ Николаевнѣ. Она несчастна, и я охотно присоединяюсь къ общимъ сожалѣніямъ, но что значить это несчастье, всѣ несчастья въ мірѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что переживаю сейчасъ я, д-ръ Керженцевъ! Мало ли женъ на свѣтѣ теряютъ любимыхъ мужей, и мало ли онѣ будутъ ихъ терять? Оставимъ ихъ—пусть плачутъ.

Но вотъ тутъ, въ этой головѣ...

Вы понимаете гг. эксперты, какъ это ужасно сложилось. Никого въ мірѣ не любилъ я, кромѣ себя, а въ себѣ я любилъ не это гнусное тѣло, которое любить и пошляки—я любилъ свою

человѣческую мысль, свою свободу. Я ничего не зналъ и не знаю выше своей мысли, я боготворилъ ее—и развѣ она не стоила этого? Развѣ какъ исполнитъ не боролась она со всѣмъ міромъ и его заблужденіями. На вершину высокой горы взнесла она меня, и я видѣлъ, какъ глубоко внизу копошились людишки съ ихъ мелкими животными страстями, съ ихъ вѣчнымъ страхомъ передъ жизнью и смертью, съ ихъ церквами, обѣдами и молебнами.

Развѣ я не былъ и великъ, и свободенъ, и счастливъ? Какъ средневѣковый баронъ, засѣвшій, словно въ орлиномъ гнѣздѣ, въ своемъ неприступномъ замкѣ, гордо и властно смотреть на лежащія внизу долины—такъ непобѣдимъ и гордъ былъ я въ своемъ замкѣ—за этими черепными костями. Царь надъ самимъ собой, я былъ царемъ и надъ міромъ.

И мнѣ измѣнили. Подло, коварно, какъ измѣняютъ женщины, холопы—и мысли. Мой замокъ сталъ моей тюрьмой. Въ моемъ замкѣ напали на меня враги—гдѣ же спасеніе? Въ неприступности замка, въ толщинѣ его стѣнъ моя гибель. Голосъ не проходитъ наружу—и кто сильный спасетъ меня? Никто. Ибо никого нѣтъ сильнѣе меня, а я—я и есть единственный врагъ моего „я“.

Подлая мысль измѣнила мнѣ, тому, кто такъ вѣрилъ въ нее и ее любилъ. Она не стала хуже: та же свѣтлая, острая, упругая, какъ рапира, но рукоятъ ея ужъ не въ моей рукѣ. И меня, ея творца, ея господина, она убиваетъ съ тѣмъ же тупымъ равнодушіемъ, какъ я убивалъ ею другихъ.

Наступаетъ ночь, и меня охватываетъ бѣшеный ужасъ. Я былъ твердъ на землѣ, и крѣпко стояли на ней мои ноги—а теперь я брошенъ въ пустоту безконечнаго пространства. Великое и грозное одиночество, когда и сзади, и впереди, и кругомъ зіяющая пустота; ужасное одиночество, когда я, тотъ, который живетъ, чувствуетъ, мыслить, который такъ дорогъ, и есть единственный когда я такъ малъ, безконечно ничтоженъ и слабъ и каждую секунду готовъ потухнуть. Зловѣщее одиночество, когда самого себя я составляю лишь ничтожную частицу, когда въ самомъ себѣ я окруженъ и задушенъ угрюмо молчащими, таинственными врагами. Куда ни иду я—я всюду несу ихъ съ собою; одинокій въ пустотѣ вселенной, и въ самомъ себѣ не имѣю я друга. Безумное одиночество, когда я не знаю, кто я, одинокій, когда моими устами, моей мыслью, моимъ голосомъ говорятъ невѣдомые *они*.

Такъ жить нельзя. А міръ спокойно спитъ, и мужья цѣлуютъ своихъ женъ, и ученье читаютъ лекціи, и нищій радуется брошенной копѣйкѣ. Безумный, счастливый въ своемъ безуміи міръ, ужасно будетъ твое пробужденіе!

Кто сильный дастъ мнѣ руку помощи? Никто. Никто. Гдѣ найду я то вѣчное, къ чему я могъ бы прилѣпиться съ своимъ

жалкимъ, безсильнымъ, до ужаса одинокимъ я? Нигдѣ. Нигдѣ. О милая, милая дѣвочка, почему къ тебѣ тянутся сейчасъ мои окровавленные руки — вѣдь ты также человѣкъ и такъ же ничтожна и одинока и подвержена смерти. Жалѣю ли я тебя, или хочу, чтобы ты меня пожалѣла, но какъ, за щитомъ, укрылся бы я за твоимъ безпомощнымъ тѣльцемъ, отъ безнадежной пустоты вѣковъ и пространства. Но нѣтъ, нѣтъ, все это ложь.

О большой, громадной услугѣ я попрошу васъ гг. эксперты, и если вы чувствуете въ себѣ хоть немного человѣка, вы не откажете въ ней. Надѣюсь, мы достаточно поняли другъ друга, настолько, чтобы не вѣрить другъ другу. И если я попрошу васъ сказать на судѣ, что я человѣкъ здоровый, то менѣ всего повѣрю вашимъ словамъ я. Для себя вы можете рѣшать, но для меня никто не рѣшитъ этого вопроса:

Притворялся ли я сумасшедшимъ, чтобы убить, или убилъ потому, что былъ сумасшедшимъ?

Но судьи повѣрятъ вамъ и дадутъ мнѣ то, чего я хочу: каторгу. Прошу васъ не придавать ложнаго толкованія моимъ намѣреніямъ. Я не раскаиваюсь, что убилъ Савелова, я не ищу въ карѣ искупленія грѣха, и если для доказательства того, что я здоровъ, вамъ понадобится, чтобы я кого-нибудь убилъ съ цѣлью грабежа—я съ удовольствіемъ убью и ограблю. Но въ каторгѣ я ищу другого, чего, я не знаю еще и самъ.

Меня тянетъ къ этимъ людямъ какая-то смутная надежда, что среди нихъ, нарушившихъ ваши законы, убійцъ, грабителей, я найду невѣдомые мнѣ источники жизни и снова стану себѣ другомъ. Но пусть это неправда, пусть надежда обманетъ меня, я все-таки хочу быть съ ними. О, я знаю васъ! Вы трусы и лицемеры, вы больше всего любите вашъ покой и вы съ радостью всякаго вора, стащившаго калачъ, запратали бы въ сумасшедшій домъ—вы охотнѣе весь міръ и самихъ себя признаете сумасшедшими, нежели осмѣлитесь коснуться вашихъ любимыхъ выдумокъ. Я знаю васъ. Преступникъ и преступленіе — это вѣчная ваша тревога, это грозный голосъ неизвѣданной бездны, это неумолимое осужденіе всей вашей разумной и нравственной жизни, и какъ бы плотно вы ни затыкали ватой уши, оно проходитъ, оно проходитъ! И я хочу къ нимъ. Я, докторъ Керженцевъ, стану въ ряды этой страшной для васъ арміи, какъ вѣчный укоръ, какъ тотъ, кто спрашиваетъ и ждетъ отвѣта.

Не униженно прошу я васъ, а требую: скажите, что я здоровъ. Солгите, если не вѣрите этому. Но если вы малодушно умоете ваши ученые руки и посадите меня въ сумасшедшій домъ или отпустите на свободу, дружески предупреждаю васъ: я надѣлаю вамъ крупныхъ непріятностей.

Для меня нѣтъ судьи, нѣтъ, закона, нѣтъ недозволеннаго. Все можно. Вы можете представить себѣ міръ, въ которомъ нѣтъ законовъ притяженія, въ которомъ нѣтъ верха, низа, въ которомъ все повинуется только прихоти и случаю? Я, докторъ Керженцевъ, этотъ новый міръ. Все можно. И я, докторъ Керженцевъ докажу вамъ это. Я притворюсь здоровымъ. Я добьюсь свободы. И всю остальную жизнь я буду учиться. Я окружу себя вашими книгами, я возьму отъ васъ всю мощь вашего знанія, которымъ вы гордитесь, и найду одну вещь, въ которомъ давно назрѣла необходимость. *Это будетъ взрывчатое вещество.* Такое сильное, какого не видали еще люди: сильнѣ динамита, сильнѣ натроглицерина, сильнѣ самой мысли о немъ. Я талантливъ, настойчивъ и я найду его. *И когда я найду его, я взорву на воздухъ вашу проклятую землю, у которой такъ много боговъ и нѣтъ единаго вѣчнаго Бога.*

На судѣ докторъ Керженцевъ держался очень спокойно и во все время засѣданія оставался въ одной и той же ничего не говорящей позѣ. На вопросы онъ отвѣчалъ равнодушно и безучастно, иногда заставляя дважды повторять ихъ. Одинъ разъ онъ насмѣшилъ избранную публику, въ огромномъ количествѣ наполнившую залъ суда. Предсѣдатель обратился съ какимъ-то приказаніемъ къ судебному приставу, и посудимый, очевидно не дослышавъ или по разсѣянности, всталъ и громко спросилъ:

— Что? Нужно выходить?

— Куда выходить?—удивился предсѣдатель.

— Не знаю. Вы что-то сказали.

Въ публикѣ засмѣялись и предсѣдатель пояснилъ Керженцеву, въ чемъ дѣло.

Экспертовъ психіатровъ было вызвано четверо и мнѣнія ихъ раздѣлились поровну. Послѣ рѣчи прокурора предсѣдатель обратился къ обвиняемому, отказавшемуся отъ защитника:

— Обвиняемый! Что вы имѣете сказать въ свое оправданіе?

Докторъ Керженцевъ всталъ. Тусклыми, словно незрячими глазами онъ медленно обвелъ судей и взглянулъ на публику. И тѣ, на кого упалъ этотъ тяжелый невидящій взглядъ, испытали странное и мучительное чувство: будто изъ пустыхъ орбитъ черепа на нихъ взглянула сама равнодушная и нѣмая смерть.

— Ничего,—отвѣтилъ обвиняемый.

И еще разъ окинулъ онъ взоромъ людей, собравшихся судить его, и повторилъ:

— Ничего.

Присяжные засѣдатели удалились въ комнату совѣщаній.

Леонидъ Андреевъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

ОЧЕРКЪ VIII.

Критики капиталистическаго строя.

(Продолженіе *).

Марксъ.

По странной исторической случайности, критическій социализмъ насчитываетъ столько-же великихъ представителей, какъ и утопическій социализмъ. Прудонъ, Родбертусъ и Марксъ могутъ быть противопоставлены Оуэну, Сентъ-Симону и Фурье. Но среди критиковъ далеко не замѣчается того сходства общаго міросозерцанія, которое характерно для утопистовъ. Анархистъ Прудонъ, вышедшій изъ полукрестьянской среды, сохранившій всю жизнь тяготѣніе къ мелкобуржуазнымъ идеаламъ, имѣетъ весьма мало общаго по своему социальному міровоззрѣнію съ крупнымъ землевладѣльцемъ и сторонникомъ крѣпкой государственной власти Родбертусомъ; еще глубже отличается отъ нихъ обоихъ величайшій представитель критическаго социализма, вдохновитель новѣйшаго рабочаго движенія,—Карлъ Марксъ.

Въ лицѣ Маркса мы имѣемъ передъ собою удивительно законченную и цѣльную фигуру, какъ бы всю вылитую изъ бронзы. Что-то мощное, непоколебимое и безгранично самоувѣренное, но въ то же время угловатое, жесткое, рѣзкое сквозитъ во всякой чертѣ его характернаго нравственнаго облика. Видно, что передъ вами человекъ, привыкшій царить надъ умами людей и не допускающій ни минуты сомнѣнія въ своемъ правѣ на это. Его портретъ нѣсколько напоминаетъ изображеніе Юпитера Олимпійца. И дѣйствительно, такимъ олимпійцемъ, повелителемъ неба, держащимъ въ своихъ рукахъ громоносныя стрѣлы, долженъ былъ казаться Марксъ своимъ многочисленнымъ ученикамъ и послѣдователямъ. Въ своемъ собственномъ царствѣ онъ былъ не конституціоннымъ монархомъ, но самодержавнымъ владыкой. Его умственное руководство превращалось въ желѣзную диктатуру,

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль, 1902 г.

которой долженъ былъ подчиняться каждый, вступавшій съ нимъ въ духовное общеніе.

По вѣдшимъ фактамъ своей жизни Марксъ можетъ показаться типомъ самоотверженнаго борца за идеалъ. Большую часть жизни онъ прожилъ политическимъ эмигрантомъ, въ бѣдности, нерѣдко въ тяжелой обстановкѣ политическаго одиночества. Его первые шаги на жизненномъ пути сопровождались большими успѣхами, но затѣмъ наступили трудные долгіе годы изгнанія среди полного равнодушія публики къ научной работѣ великаго мыслителя и при индифференцизмѣ рабочаго класса къ его социальной проповѣди. Все это, однако, нисколько не сломило энергіи Маркса, который въ минуты невзгоды оставался такимъ же твердымъ и непоколебимымъ, какъ и во время успѣховъ. Его социальное мировоззрѣніе сложилось очень рано—когда ему не было и 30 лѣтъ; но умирая 64—лѣтнимъ старикомъ, онъ ни однимъ словомъ, ни тѣмъ болѣе дѣломъ, не измѣнилъ этому мировоззрѣнію и остался ему вѣренъ до конца; никакихъ компромиссовъ не было въ его политической карьерѣ. Неуклонно шелъ онъ выбраннымъ имъ самымъ путемъ и могъ съ полнымъ правомъ приписать къ себѣ гордые слова Данте:

Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!

(Слѣдуй своему пути, и пусть люди говорятъ, что хотятъ!).

И все же Марксъ былъ всего менѣе борцомъ за идеалъ. Идеализмъ былъ вообще несвойственъ его натурѣ. Не былъ онъ и фанатикомъ идеи, ибо не идея владѣла имъ, но онъ владѣлъ своей идеей. Изъ всѣхъ страстей, волнующихъ душу людей, его холодная душа была всего доступнѣе одной пожирающей страсти—страсти къ познанію. Упорная умственная работа привела Маркса къ выработкѣ законченнаго мировоззрѣнія, и вся его жизнь превратилась въ борьбу за торжество этого мировоззрѣнія. Но, несмотря на настойчивость и поразительную энергію, которую Марксъ проявилъ въ своей жизненной борьбѣ, борьба эта не освѣщалась тѣмъ высшимъ свѣтомъ, о которомъ говорилъ своимъ ученикамъ умиравшій Сентъ-Симонъ—свѣтомъ энтузіазма. Въ лицѣ Маркса мы имѣемъ передъ собой не вдохновеннаго бойца за лучшее будущее человѣчества, но упорнаго и настойчиваго мыслителя, непоколебимо убѣжденнаго, что имъ открыты законы развитія человѣческаго общества, что завѣса будущаго спала передъ его умственнымъ взоромъ, и что люди должны идти указаннымъ имъ путемъ, ибо такова желѣзная необходимость. Литературный талантъ Маркса, хотя далеко не могъ равняться съ силой его научной мысли, все же былъ перворазряднымъ; многія страницы его произведеній блещутъ такой сжатой энергіей выраженія и такимъ блескомъ и остроуміемъ сравненій и метафоръ, что должны быть причислены къ лучшимъ образчикамъ художественной прозы. Но какъ ни разно-

образны и ни могущественны душевныя струны Маркса, одна струна никогда не звучала въ его душѣ—энтузіазма, вдохновенія.

Ненависть, презрѣніе, сарказмъ—вотъ тѣ чувства, изъ которыхъ слагался пафосъ Маркса. Творецъ «Капитала» былъ глубокимъ психологомъ, но нельзя не согласиться съ Зомбартомъ, что человѣческая душа была раскрыта для него лишь на половину: все темное и злое находило въ нашемъ мыслителѣ удивительнаго ясновидца, но по отношенію къ благороднымъ движеніямъ человѣческой души онъ страдалъ чѣмъ-то весьма похожимъ на умственную слѣпоту.

Какимъ глубокимъ контрастомъ является душевный обликъ Маркса сравнительно съ обликами великихъ утопистовъ! Непобѣдимая любовь къ людямъ Оуэна; рыцарственное благородство Сентъ-Симона; вдохновенныя мечты Фурье о прекрасномъ, гармоничномъ строѣ будущаго общества—всѣ эти движущія силы идеалистическаго міровоззрѣнія утопистовъ были чужды Марксу. И если онъ сошелся съ утопистами въ своемъ социальномъ идеалѣ, то это, съ одной стороны, потому, что научный анализъ объективнаго хода историческаго развитія оправдывалъ въ его глазахъ прогнозъ утопистовъ; съ другой же стороны, Марксъ не былъ лишенъ чувствъ, толкавшихъ его въ ту же сторону, куда шли и утописты. Правда, чувство любви къ людямъ было ему мало доступно. Но зато онъ былъ чрезвычайно способенъ ко враждѣ—и вражда къ угнетателямъ замѣняла въ его душѣ любовь къ угнетеннымъ.

Къ своимъ политическимъ врагамъ Марксъ былъ безпощаденъ; а врагомъ его было сдѣлаться легко—для этого было достаточно не быть его послѣдователемъ. Одной изъ самыхъ грустныхъ страницъ біографіи великаго экономиста являются его отношенія къ разнымъ выдающимся лицамъ, съ которыми его сталкивала судьба и съ которыми онъ расходился во взглядахъ. Мы уже касались этой стороны жизни Маркса, говоря о Прудонѣ. Отношенія Маркса къ Лассалю отмѣчены той же печатью злобной нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ, не вполне согласнымъ съ его собственнымъ образомъ мысли. Едва умеръ Лассаль, въ апогеѣ своей славы, основавши германскую рабочую партію, совершивши великое дѣло, которому, казалось, долженъ бы былъ сочувствовать Марксъ, какъ его прежній другъ помѣщаетъ на первой же страницѣ предисловія къ «Капиталу» нѣсколько пренебрежительныхъ строкъ, долженствовавшихъ дискредитировать Лассалья въ общественномъ мнѣніи. Въ томъ же «Капиталѣ» (въ первомъ изданіи) содержится недостойная выходка и противъ Герцена, котораго Марксъ зналъ очень близко и къ которому онъ относился непріязненно. Вообще всѣ полемическія столкновенія Маркса отличаются чрезвычайнымъ избыткомъ личной злобы къ противнику и производятъ тягостное впечатлѣніе своимъ недостаткомъ моральнаго такта. Трудно указать другого такого мастера въ уничтоженіи противника путемъ выраженія ему самого ядовитаго

презрѣнія—и трудно указать другого писателя, пускавшаго это оружіе въ ходъ такъ часто и такъ охотно.

Съ особенной ненавистью Марксъ преслѣдовалъ Бакунина, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, чтобы скомпрометтировать своего врага. Въ 1848 году, въ газетѣ Маркса «Neue Rheinische Zeitung» появилась корреспонденція изъ Парижа, утверждавшая, что въ рукахъ Жоржъ Зандъ имѣются документы, устанавливающіе принадлежность Бакунина къ тайной полиціи. Жоржъ Зандъ съ негодованіемъ отвергла эту инсинуацію, и Марксъ долженъ былъ признать неосновательность всего обвиненія. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько лѣтъ спустя, друзья Маркса возобновили кампанію противъ Бакунина, съ тѣми же заподозриваніями и съ той же низкой клеветой. Герценъ долженъ былъ неоднократно выступать на защиту своего друга. Но когда основалась «Международная ассоціація рабочихъ» и для Маркса было важно предотвратить враждебныя дѣйствія Бакунина, онъ поспѣшилъ возстановить съ нимъ личныя сношенія и, по словамъ послѣдняго, «увѣрялъ его въ своей искренней дружбѣ и глубокомъ уваженіи».

Въ «Интернаціонали» Бакунинъ выступилъ противникомъ Маркса и сдѣлался опять предметомъ самыхъ ожесточенныхъ преслѣдованій со стороны марксистовъ. Марксъ оставался большей частью за кулисами, но не подлежитъ сомнѣнію, что руководителемъ всей кампаніи былъ именно онъ. Не было той низости и того преступленія, въ которыхъ бы ни былъ обвиненъ Бакунинъ.

Всѣ эти факты достаточно характеризуютъ отношеніе Маркса къ своимъ политическимъ противникамъ. Со своими друзьями, въ своей частной жизни, онъ былъ совсѣмъ инымъ. Подобно многимъ сильнымъ людямъ, онъ былъ мягокъ и добродушенъ съ тѣми, кто ему покорялся и признавалъ его авторитетъ. Суровый политическій боецъ преобразался у своего домашнего очага, въ интимномъ кругу, среди своей семьи, которую онъ очень любилъ, въ веселаго, остроумнаго и пріятливаго хозяина и собесѣдника. По словамъ Либкнехта, одной изъ трогательныхъ чертъ Маркса была его любовь къ дѣтямъ—онъ чувствовалъ большую потребность въ дѣтскомъ обществѣ и могъ цѣлыми часами играть съ дѣтьми. Обладая крѣпкимъ здоровымъ организмомъ, уравновѣшеннымъ, хотя и желчнымъ характеромъ, Марксъ любилъ простыя непритязательныя развлеченія и веселье было частымъ гостемъ въ его домѣ. Трудно сказать, внушалъ ли онъ къ себѣ любовь; но, несомнѣнно, многіе передъ нимъ преклонялись и были ему преданы. Со своими вѣрноподданными онъ былъ милостивымъ повелителемъ; но ничего похожего на равенство не было въ интимномъ кругу Маркса. Онъ одинъ царилъ, а всѣ прочіе были его покорными слугами и учениками. И горе было ученику, который осмѣлился бы ослушаться учителя!

*

Нравственная атмосфера, въ которой жилъ этотъ духовный владыка, недурно охарактеризована въ шутивномъ письмѣ, цитируемомъ Либкнехтомъ — однимъ изъ самыхъ преданныхъ учениковъ Маркса, иногда выходившимъ, однако, изъ повиновенія своему строгому учителю. Либкнехтъ получилъ приглашеніе отъ своего пріятели, переселившись въ Америку и хорошаго знавшаго интимный кружокъ Маркса, принять участіе въ редактированіи американской газеты. «Ты будешь здѣсь, по крайней мѣрѣ, свободнымъ человѣкомъ,—писалъ Либкнехту его другъ, — получишь возможность дѣйствовать самостоятельно. А что ты тамъ? Игрушка въ чужихъ рукахъ — осель, котораго заставляютъ таскать тяжести, чтобы потомъ осмѣять. Что такое ваше духовное царство? Наверху возсѣдаетъ на тронѣ всезнающій, премудрый Далай-Лама—Марксъ. Затѣмъ, долго, долго нѣтъ ничего. Потомъ идетъ Энгельсъ. Опять долго, долго нѣтъ ничего. Послѣ слѣдуетъ Вольфъ. И опять долго, долго нѣтъ ничего. И, наконецъ, приходитъ, быть можетъ, очередь «сентиментальнаго осла» Либкнехта».

Но Либкнехтъ, какъ и многіе другіе, мирился со своимъ положеніемъ—онъ нашелъ въ ученіи Маркса свой символъ вѣры, научную основу всей своей практической общественной дѣятельности. Могучая индивидуальность гениальнаго мыслителя, несмотря на свои, для многихъ, отталкивающія черты, заключала въ себѣ что-то чрезвычайно импонирующее. Чувствовалась не только огромная умственная сила, но и желѣзная воля. Соединеніе того и другого создавало тотъ совершенно исключительный моральный авторитетъ, которымъ этотъ духовный вождь пользовался среди своихъ послѣдователей.

Карлъ Марксъ (1818—1883) происходилъ изъ еврейской семьи, изъ которой въ теченіе ряда поколѣній выходили замѣчательные раввины. Отецъ его былъ адвокатомъ и вскорѣ послѣ рожденія Карла принялъ крещеніе вмѣстѣ со всей семьей. Въ университетѣ молодой Марксъ специально изучалъ философію и право и получилъ степень доктора философіи. Онъ предполагалъ открыть курсъ лекцій по философіи въ Боннскомъ университетѣ, но созданныя правительствомъ затрудненія для академической дѣятельности его друга Бруно Бауэра (который былъ доцентомъ теологіи) побудили молодого ученаго отказаться отъ этой мысли.

Итакъ, Марксъ получилъ философское образованіе и первоначально думалъ посвятить себя специальному изученію философіи. Его первая работа—докторская диссертация о философіи Эпикура—была написана на философскую тему. Серьезная философская школа, которую прошелъ Марксъ, несомнѣнно, глубоко отразилась на всей послѣдующей литературной дѣятельности великаго эконоимста. Тѣмъ не менѣе философа изъ него не вышло. Несмотря на свою огромную умственную силу и крайне широкую область своихъ изслѣдованій, охватывающихъ всю общественную жизнь въ совокупности, никакой законченной системы

своихъ философскихъ воззрѣній Марксъ не далъ. Въ исторіи философіи для нашего доктора философіи почти нѣтъ мѣста.

Философская непродуктивность нашего мыслителя зависѣла отъ его отрицательнаго отношенія къ философіи, какъ особой области познанія. Будущій творецъ матеріалистической теоріи общественнаго развитія вышелъ изъ идеалистической школы Гегеля. Въ концѣ 30-хъ годовъ, когда нашъ юный «studiosus philosophiae» проходитъ въ Боннѣ свой философскій курсъ, Гегель былъ вѣнчаннымъ королемъ философской мысли Германіи. Метафизика праздновала свои самые пышные триумфы и за ея побѣдной колесницей скромно шла наука. Но нашъ молодой философъ не присоединился къ этому торжественному шествію. Въ свойствахъ своего ума и характера онъ обладалъ талисманомъ, охранявшимъ его отъ метафизическихъ увлеченій. Трудно указать въ исторіи мировой мысли другой выдающійся умъ, который былъ бы до такой степени чуждъ всякихъ идеалистическихъ порывовъ, какъ умъ Маркса. Никакого искаженія вѣчнаго и абсолютнаго, никакого стремленія за предѣлы матеріальнаго опыта, никакой жажды вѣры, даже никакого чувства тайны, наполняющей міръ! Прямо-таки странно, какимъ образомъ такой сильный умъ могъ мыслить такъ грубо-реалистически! Быть можетъ, Марксъ былъ единственнымъ въ исторіи примѣромъ гениальнаго мыслителя, совершенно лишеннаго религіознаго чувства. И конечно, только философская непродуманность его міросозерцанія давала ему возможность съ такимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относиться къ верховнымъ проблемамъ человѣческаго духа, неотступно привлекающимъ къ себѣ возвышенные умы. Вообще, по своему общему міросозерцанію и душевному складу, Марксъ болѣе всего напоминаетъ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка, съ ихъ моралью разумнаго эгоизма и реалистической ограниченностью философскаго мышленія. Но французскіе матеріалисты были людьми малаго духа, между тѣмъ какъ Марксъ былъ мыслителемъ огромной силы. И въ этомъ глубокое различіе между ними.

При такихъ умственныхъ симпатіяхъ Марксъ не могъ проникнуться идеалистическимъ духомъ философіи Гегеля. Тѣмъ не менѣе, гегеліанская школа не прошла для него безслѣдно. Отвергнувъ наиболѣе существенную, идеалистическую часть системы Гегеля — все положительное содержаніе этой системы — нашъ философъ усвоилъ діалектическій методъ Гегеля — представленіе о мировомъ процессѣ, какъ о непрерывномъ развитіи путемъ противоположностей. Однако, марксистская діалектика существенно отличается отъ гегеліанской. У Гегеля процессъ природы есть вѣдшее обнаруженіе процесса мысли. «Для меня же, — говоритъ Марксъ въ предисловіи ко второму изданію «Капитала», — идеальное начало является, наоборотъ, лишь прошедшимъ черезъ человѣческій мозгъ матеріальнымъ началомъ... Діалек-

тика стоитъ у Гегеля вверхъ ногами. Нужно ее перевернуть, чтобы найти рациональное начало въ мистической оболочкѣ.

Подвергнувши гегелевскую діалектику этой операціи, Марксъ призналъ ее вполне пригоднымъ методомъ изслѣдованія общественнаго развитія. Діалектическое развитіе предполагаетъ постоянную смѣну трехъ фазисовъ—тезиса, антитезиса и синтезиса: данная ступень развитія (тезисъ) влечетъ свое отрицаніе (антитезисъ), за которымъ слѣдуетъ высшая ступень, отрицающая отрицаніе и примиряющая противорѣчіе двухъ предшествовавшихъ ступеней въ высшемъ единствѣ (синтезисъ), въ свою очередь отрицаемомъ дальнѣйшей ступенью развитія и т. д. Внутреннія противорѣчія, присущія каждому бытію, являются движущими силами развитія. Развитіе неимѣетъ конца—все находится въ непрерывномъ движеніи, возникаетъ для того, чтобы погибнуть, и погибаетъ для того, чтобы возникнуть въ новомъ видѣ—неподвижна лишь голая абстракція отъ всякаго движенія—«безсмертная смерть».

Этотъ методъ Марксъ примѣнилъ къ изученію историческаго развитія общества. Но, строго говоря, авторъ «Капитала», какъ онъ и самъ признавался, только «кокетничалъ гегелевской манерой выражаться» (предисловіе ко второму изданію «Капитала»). Отъ гегелевскаго метода осталась у него почти одна терминологія. Врядъ ли Марксъ придавалъ объективное значеніе знаменитому діалектическому закону; вѣроятноже, что онъ видѣлъ въ діалектической формулѣ лишь удобную схему для группировки историческихъ фактовъ. «Если Марксъ изображаетъ данный историческій процессъ, какъ отрицаніе отрицанія,—говоритъ Энгельсъ,—то онъ отнюдь не думаетъ этимъ самымъ доказать историческую необходимость этого процесса. Наоборотъ, послѣ того, какъ Марксъ доказалъ, что данный ходъ вещей частью уже осуществился въ опредѣленномъ видѣ, частью необходимо долженъ осуществиться въ будущемъ, онъ его характеризуетъ, какъ процессъ, совершающійся согласно опредѣленному діалектическому закону («Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft». 3 Aufl. S. 136). И Энгельсъ вполне правъ. Какъ бы мы ни относились къ гегелевскому діалектическому закону, будемъ ли мы его признавать истиннымъ или ложнымъ, это нисколько не можетъ повліять на нашу оцѣнку историческихъ обобщеній и выводовъ Маркса. Они обосновываются аргументами и доводами совершенно другого порядка, къ которымъ правильность или ложность гегелевскаго закона не имѣетъ никакого отношенія. Гегелианская терминологія, вмѣстѣ съ пресловутымъ «отрицаніемъ отрицанія», можетъ быть совершенно устраниена изъ социальныхъ теорій Маркса безъ всякаго ущерба для ихъ доказательности и логической силы.

Гораздо глубже повліялъ на Маркса другой философъ, также вышедшій изъ школы Гегеля, но чуждый гегелевскому идеализму—Людвигъ Фейербахъ. Его книга «Сущность христіанства» пришла какъ нельзя болѣе по вкусу юныхъ гегелианцевъ, стремивъ-

шихся освободить свои умы отъ метафизическаго плѣна. Не нужно забывать, что дѣло происходило на порогѣ 40-хъ годовъ, когда вся-умственная атмосфера Европы была насыщена приближавшейся революціонной грозой. Книга Фейербаха показала откровеніемъ. «Нужно самому пережить освобождающее дѣйствіе этой книги, чтобы составить себѣ представленіе о ея значеніи,—писалъ Энгельсъ.—Воодушевление было всеобщее; мы всѣ моментально сдѣлались учениками Фейербаха» («L. Feuerbach», S. 11).

И дѣйствительно, въ лицѣ автора «Сущности христіанства» Марксъ нашелъ философа значительно болѣе родственнаго себѣ по духу, чѣмъ Гегель. Главное, что привлекало нашего юнаго отрицателя въ Фейербаха—это общее направленіе его философіи. Въ области морали Фейербахъ былъ утилитаристомъ, въ области философіи—матеріалистомъ. Одному изъ своихъ сочиненій Фейербахъ далъ характерный подзаголовокъ: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ». Философское значеніе этого оригинальнаго мыслителя Энгельсъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. «Путь развитія Фейербаха идетъ отъ гегеліанства—правда, далеко не ортодоксальнаго—къ матеріализму, развитіе, приводящее на нѣкоторой своей ступени къ совершенному разрыву съ идеалистической системой Гегеля. Съ непреодолимой силой въ умѣ Фейербаха возникаетъ убѣжденіе, что принимаемое Гегелемъ доміровое существованіе абсолютной идеи, вѣчное бытіе логическихъ категорій, есть не что иное, какъ остатокъ фантастическихъ суевѣрій; что матеріальный, чувственно-воспринимаемый міръ, къ которому принадлежимъ мы сами, есть единственно реальное бытіе, и что наше сознаніе и мышленіе, какими бы сверхчувственными они намъ не казались, суть продукты матеріальнаго, тѣлеснаго органа, мозга. Не матерія продуктъ мозга, но духъ есть не что иное, какъ высшій продуктъ матеріи» («L. Feuerbach», S. 18).

Всѣ эти идеи, вплоть до знаменитаго тезиса «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ» (зерно матеріалистическаго пониманія исторіи), были восприняты Марксомъ. Но для нашего радикальнаго мыслителя даже Фейербахъ былъ слишкомъ идеалистиченъ. Несмотря на свой матеріализмъ, авторъ «Сущности христіанства» признавалъ необходимость религіи—хотя бы только религіи человѣчества. Онъ былъ не чуждъ энтузіазма: отвергнувъ поклоненіе высшему началу, онъ склонялъ колѣна передъ величіемъ любви, которая была въякомъ его системы, верховной силой, управляющей человѣческимъ обществомъ. На этомъ базисѣ нѣсколько сентиментальный, несмотря на свой атеизмъ, философъ стремился обосновать свою систему морали.

Какъ презрительно долженъ былъ относиться къ этимъ слабостямъ добродушнаго нѣмецкаго философа молодой Марксъ! Онъ столь же мало вѣрилъ въ любовь, какъ и въ абсолютную идею. Человѣческая исторія, насыщенная насиліемъ и кровью безчисленныхъ поколѣній,

казалась ему лучшимъ опроверженіемъ религіи любви. Онъ возлагалъ свои надежды не на любовь, а на пониманіе своихъ интересовъ людьми и на силу, которая должна, наконецъ, избавить людей отъ тяготящаго надъ ними тысячелѣтняго гнета. Вотъ, напр., какую пренебрежительную отвѣдь даетъ Фейербаху вѣрный другъ Маркса и надежный выразитель его взглядовъ, Энгельсъ:

«Любовь есть логическая формула, которая разрѣшаетъ у Фейербаха всѣ трудности практической жизни—и это въ обществѣ, раздѣленномъ на классы съ діаметрально противоположными интересами! Философія его лишается такимъ образомъ послѣднихъ признаковъ своего революціоннаго характера, и превращается въ старую пѣсню—любите другъ друга, заключайте другъ друга въ объятія безъ различія пола и сословія—всеобщая пѣснь примиренія! Словомъ, фейербаховская мораль ничѣмъ не отличается отъ своихъ предшественницъ. Она претендуетъ имѣть силу для всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ и всѣхъ состояній, и потому нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть примѣненія и также безсильна по отношенію къ реальному міру, какъ кантовскій императивъ. Въ дѣйствительности, каждый классъ, даже каждый родъ профессіи имѣетъ свою особую мораль» («Feuerbach», S. 34).

Эти краткія комментаріи Энгельса къ философіи Фейербаха даютъ превосходную характеристику философскаго міросозерцанія Маркса, которое окончательно сложилось въ половинѣ 40-хъ годовъ. Мы уже говорили, что Марксъ долженъ былъ отказаться отъ академической дѣятельности, къ которой онъ себя готовилъ. Съ этихъ поръ его жизнь направляется по совершенно иному пути.

Уже въ 1842 г. (т.-е. всего 24-хъ лѣтъ отъ роду) нашъ радикальный философъ становится редакторомъ большой оппозиціонной газеты въ Кѣльнѣ — «Rheinische Zeitung». Газета была органомъ оппозиціонной буржуазіи и просуществовала не долго—правительство поспѣшило ее закрыть.

На родинѣ Марксу дѣлать нечего, онъ ѣдетъ въ Парижъ и вмѣстѣ съ Арнольдомъ Руге основываетъ органъ «Deutsch-französische Jahrbücher», изъ котораго появился, однако, только первый номеръ. Журналъ прекратился частью вслѣдствіе трудности доставленія его въ Германію, частью вслѣдствіе принципиальныхъ разногласій между редакторами. Разногласія состояли, по словамъ Энгельса, въ томъ, что Руге оставался гегелианцемъ и буржуазнымъ радикаломъ, между тѣмъ какъ Марксъ, подъ влияніемъ изученія французскихъ социалистовъ, переходитъ къ социализму.

Существовала еще третья, весьма любопытная причина быстрого крушенія литературнаго предпріятія Маркса. Дѣло въ томъ, что юному германскому социалисту совершенно не удалось привлечь къ участію въ своемъ органѣ главарей французскаго социализма. По словамъ Меринга,

ихъ оттолкнулъ крайній атеизмъ Маркса, въ то время какъ они сами пытались сблизить социализмъ съ христианствомъ...

Около этого времени Марксъ начинаетъ упорно изучать экономическіе вопросы. Первый толчокъ къ экономическимъ изслѣдованіямъ былъ данъ нашему мыслителю по его собственнымъ словамъ, необходимою высказываться по экономическимъ вопросамъ въ редактируемой имъ газетѣ «*Rheinische Zeitung*». Пребываніе въ Парижѣ доставило молодому нѣмецкому эмигранту случай ближе познакомиться съ французскими социалистами, изъ которыхъ наибольшее вліяніе на него оказали, вѣроятно, Прудонъ. Вѣстѣ съ тѣмъ существенное значеніе въ выработкѣ социальнаго міровоззрѣнія Маркса имѣла, повидному, и книга Лоренца Штейна «*Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs*» (1842 г.).

Въ числѣ сотрудниковъ «*Deutsch-französische Jahrbücher*» былъ и Фридрихъ Энгельсъ, съ которымъ Марксъ хорошо сошелся въ Парижѣ въ 1844 году; между ними установилась тѣсная дружба, основанная на сходствѣ воззрѣній и на полномъ подчиненіи Энгельса своему нѣсколько болѣе старшему сверстнику. Въ исторіи трудно указать другой примѣръ такой тѣсной духовной связи двухъ выдающихся людей. Что Энгельсъ самъ по себѣ представлялъ крупную величину, это достаточно доказывается его работами, исполненными до сближенія съ Марксомъ. Одна изъ нихъ, «*Die Lage der arbeitenden Klasse in England*», представляетъ собой безспорно замѣчательное произведеніе, оригинальное и глубокое. Но въ натурѣ Энгельса, повидному, не хватало самостоятельности и энергіи; послѣ сближенія съ Марксомъ онъ какъ бы утрачиваетъ свою индивидуальность, совершенно отходитъ на второй планъ, довольствуясь скромной ролью сотрудника своего великаго друга и популяризатора его взглядовъ. Только послѣ смерти Маркса Энгельсъ перестаетъ играть «вторую скрипку» и занимаетъ въ руководствѣ рабочимъ движеніемъ его мѣсто.

Первымъ совмѣстнымъ трудомъ обомъ друзей была книга направленная противъ ихъ прежняго товарища—Бруно Бауэра «*Die heilige Familie. Gegen Bruno Bauer und Konsorten*» (1845 г.) написанная въ томъ рѣзко полемическомъ тонѣ, который характеризуетъ всѣ произведенія Маркса.

Въ Парижѣ Марксъ пробылъ не долго. Прусскому правительству удалось выхлопотать у министерства Гюго высылку молодого публициста изъ Франціи за редактированіе небольшой нѣмецкой оппозиціонной газеты «*Vorwärts*», издававшейся въ Парижѣ. Преслѣдуемый писатель переселяется въ 1845 году въ Брюссель и здѣсь издаетъ въ 1847 г. полемическую книгу противъ Прудона. Оба друга становятся членами одного тайнаго политическаго общества и выпускаютъ въ началѣ 1848 г., по порученію этого общества, знаменитый «Манифестъ».

Затѣмъ слѣдуетъ февральская революція, арестованіе Маркса въ

Брюссель и возвращеніе его въ Парижъ по приглашенію одного изъ членовъ временнаго правительства. Вся Европа полна революціонной смутой, Германія волнуется. Марксъ спѣшитъ вернуться на родину и возобновляетъ въ Кёльнѣ изданіе газеты «Neue Rheinische Zeitung», просуществовавшей, однако, меньше года. Побѣда реакціи повела къ высылкѣ молодого революціоннаго публициста изъ Кёльна, а вслѣдъ затѣмъ и французское правительство запретило ему пребываніе въ Парижѣ.

Тутъ наступаетъ рѣшительный поворотъ въ жизни нашего мыслителя; на политической аренѣ ему дѣлать нечего и онъ удаляется въ обычное убѣжище политическихъ эмигрантовъ европейскаго континента въ свободную Англію, въ Лондонъ, который и дѣлается его окончательнымъ и постояннымъ мѣстомъ жительства.

Революціонныя бури затихли. Скитанья Маркса кончились и онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ живетъ не преслѣдуемый и не тревожимый никѣмъ въ міровой столицѣ. Но это внѣшнее спокойствіе было тяжелымъ испытаніемъ для творца «Капитала». По своей натурѣ онъ былъ борцомъ; его мощная воля требовала энергичной дѣятельности, а между тѣмъ, политическія условія Европы обрекали его въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ на полное политическое бездѣйствіе. Когда Марксъ впервые переѣхалъ Ламаншъ, ему едва исполнился 31 годъ; несмотря на такую молодость, онъ былъ уже однимъ изъ самыхъ видныхъ радикальныхъ публицистовъ Германіи и пользовался огромнымъ вліяніемъ и авторитетомъ среди своихъ единомышленниковъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи 1848 г., когда даже самымъ скептическимъ людямъ могло казаться, что наступилъ соціальныя катаклизмы, за которыми послѣдуетъ рожденіе міра будущаго. Но революціонный вихрь пронесся—и старая Европа устояла; только обломки революціонныхъ партій свидѣтельствовали о неудавшейся революціи.

Первые годы реакціи были особенно тяжелы для политическихъ эмигрантовъ, скопившихся изъ всѣхъ странъ Европы въ Лондонѣ. Разочарованіе было глубоко. Послѣ столькихъ блестящихъ успѣховъ—такое уничтожающее пораженіе! Послѣ столькихъ свѣтлыхъ надеждъ—такая удручающая дѣйствительность! Бывшіе диктаторы, главнокомандующіе революціонныхъ армій, министры, члены временныхъ правительствъ превратились въ жалкихъ изгнанниковъ, искавшихъ и не находившихъ заработка. Такое паденіе было труднымъ испытаніемъ стойкости политическихъ убѣжденій многихъ политическихъ дѣятелей. Болѣе слабые пали и «поклонились тому, что сжигали», но и самые сильные поколебались духомъ, утратили энергію и прежнюю вѣру, поддались разочарованію, которое охватило всю европейскую демократію. Вспомнимъ, напримѣръ, какой тяжелый душевный кризисъ пережилъ въ это время Герценъ—человѣкъ выдающейся энергіи и свѣтлаго ума. И, быть можетъ, среди всѣхъ усталыхъ, измученныхъ, ко-

любившихся или совсѣмъ измѣнившихъ своему дѣлу ветерановъ и инвалидовъ революціи одинъ Марксъ остался такимъ же бодрымъ, какимъ онъ былъ въ минуты наибольшаго подъема революціонной волны. Его социальное мировоззрѣніе только крѣпнеть подъ влияніемъ пережитыхъ испытаній. Въ тѣхъ событіяхъ, которыя другимъ казались крушеніемъ движенія, онъ видѣлъ лишь послѣдовательные фазисы развитія движенія. За отливомъ долженъ послѣдовать приливъ,—и чѣмъ сильнѣе реакція, тѣмъ выше должна подняться грядущая волна.

Политическій застой 50-хъ годовъ былъ періодомъ самой упорной, бодрой и плодотворной умственной работы для Маркса. Уже въ концѣ 40-хъ годовъ онъ обладалъ серьезной экономической эрудиціей и, какъ показываетъ его книга противъ Прудона, былъ хорошо знакомъ съ англійской экономической литературой. Пребываніе въ Лондонѣ и постоянныя занятія въ Британскомъ Музеѣ доставили ему возможность расширить свою экономическую эрудицію въ колоссальныхъ размѣрахъ. По всей вѣроятности, никто до и послѣ Маркса не зналъ въ такомъ совершенствѣ и въ такой полнотѣ англійскую экономическую литературу. Французскую экономическую литературу онъ также зналъ хорошо, нѣмецкую же гораздо меньше, какъ показываетъ засвидѣтельствованное Энгельсомъ его незнакомство съ первыми работами Родбертуса.

Въ 50-хъ годахъ Марксъ дѣятельно сотрудничалъ въ «New-York Tribune» и выпустилъ нѣсколько брошюръ, изъ которыхъ особенно замѣчательна «Der 18 Brumaire des Louis Bonaparte» (1852 г.)—мастерской анализъ событій, поведшихъ къ диктатурѣ Бонапарта. Наконецъ, въ 1859 г. онъ представилъ первый очеркъ своей критики капиталистическаго строя, въ работѣ подъ заглавіемъ «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Книга эта должна была быть первымъ выпускомъ задуманнаго Марксомъ обширнаго экономическаго сочиненія, но послѣдующихъ выпусковъ не появилось благодаря тому, что авторъ измѣнилъ планъ своей работы. Вмѣсто продолженія «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», онъ выпустилъ въ 1867 г. первый томъ своего главнаго, въ полномъ смыслѣ слова гениальнаго, труда «Das Kapital». Второй томъ «Капитала» вышелъ послѣ смерти своего великаго автора, въ 1885 году, третій—въ 1894 г.

Въ 60-хъ годахъ, въ то время когда Марксъ работалъ надъ «Капиталомъ», обстоятельства позволили ему вернуться къ практической общественной дѣятельности. Въ 1864 г., въ Лондонѣ была основана «Международная ассоціація рабочихъ». Инициатива созданія интернационали не принадлежала Марксу, но такъ какъ Марксъ былъ великъ, а прочіе члены интернационали были людьми обыкновеннаго роста, то руководство общества естественно перешло къ нему. Задачей интернационали было объединеніе рабочаго движенія въ разныхъ странахъ капиталистическаго міра и поддержка этого движенія общими силами пролетаріата. Со стороны Маркса требовалась

большая ловкость и хитрость для того, чтобы корабль интернационали не разбился съ первыхъ же шаговъ о подводные камни партійныхъ раздоровъ среди рабочихъ. Но великій экономистъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ искуснымъ дипломатомъ. Онъ умѣлъ, когда нужно, скрывать свои мысли и прибѣгать къ туманнымъ выраженіямъ, когда требовалось заставить людей согласиться съ тѣмъ, съ чѣмъ они несогласны. Вступительный адресъ общества и его статуты, принадлежащіе перу Маркса, были составлены такъ ловко, что самые противоположныя рабочія теченія могли примкнуть къ интернационали.

Дѣятельность общества вначалѣ выразилась, главнымъ образомъ, въ поддержкѣ стачекъ. Однако, съ каждымъ годомъ Марксъ все болѣе и болѣе забиралъ въ свои руки нити управленія обществомъ, постепенно проникавшемся идеями автора «Капитала» и подчинявшемся его социально-политической программѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ росла и оппозиція, группировавшаяся преимущественно вокругъ Бакунина и приводшая, въ концѣ концовъ, къ крушенію интернационали. Въ 1872 г. на конгрессѣ въ Гаагѣ было постановлено подъ внушеніемъ Маркса, лично ненавидѣвшаго Бакунина, исключеніе послѣдняго изъ состава общества. Это повело къ расколу интернационали—цѣлый рядъ секцій высказался за Бакунина, и «Международная ассоціація рабочихъ» фактически прекратила существованіе.

Паденіемъ интернационали заканчивается публичная политическая дѣятельность Маркса; но его вліяніе на рабочее движеніе всего міра оставалось громаднымъ. Вѣрный ученикъ Маркса, Либкнехтъ явился пропагандистомъ социально-политической программы своего учителя среди германскихъ рабочихъ. Въ 1875 г. на конгрессѣ въ Готѣ послѣдовало сліяніе двухъ до того времени независимыхъ рабочихъ партій Германіи, изъ которыхъ одна, (большая); состояла изъ лассаліанцевъ, а меньшая изъ марксистовъ. Несмотря, однако, на свое численное преобладаніе, лассаліанцы были совершенно поглощены марксистами. Такимъ образомъ, и не принимая непосредственнаго участія въ политической жизни Германіи, Марксъ былъ фактически верховнымъ вождемъ германскаго рабочаго движенія. По мѣрѣ распространенія идей марксизма (которыя къ концу XIX столѣтія охватили рабочую интеллигенцію всей Западной Европы, за исключеніемъ Англіи), росло и вліяніе Маркса. Къ концу жизни гениальный экономистъ былъ въ апогеѣ славы и вліянія. Его мысли стали символомъ вѣры сотенъ тысячъ рабочихъ всего міра; его практическая программа легла въ основаніе политической борьбы пролетаріата европейскаго континента. Всѣ его бывшіе соперники сошли со сцены или были забыты. И онъ оставался единственнымъ общепризнаннымъ верховнымъ авторитетомъ, творцомъ и главою самаго могущественнаго социальнаго движенія новаго времени.

II.

Ученіе Маркса охватываетъ собой не только экономическую теорію, но и общую философію исторіи; въ то же время, изъ теоретическихъ основъ этого ученія вытекаетъ опредѣленная программа политической и общественной дѣятельности. Поэтому марксизмъ можетъ быть изучаемъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Въ нижеслѣдующемъ критическомъ изслѣдованіи марксизма мы подвергнемъ анализу три основныхъ доктрины Маркса:

1) его философію исторіи (такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи, или, какъ удачно назвалъ это пониманіе Штаммлеръ, социальный матеріализмъ);

2) абстрактную теорію капитализма—ученіе о природѣ капиталистическаго хозяйства;

3) ученіе о развитіи капиталистическаго строя и превращеніи его въ иную, высшую общественную форму.

По словамъ Энгельса, Марксъ пришелъ къ идеѣ матеріалистическаго пониманія исторіи совершенно независимо отъ него. Уже въ началѣ 1845 г. идея эта была высказана Энгельсу его другомъ при свиданіи ихъ въ Брюсселѣ. Въ ихъ первой совмѣстной работѣ «Die heilige Familie» ясно видно вліяніе новой историко-философской идеи, но болѣе определенное литературное выраженіе она получаетъ позднѣе въ полемической брошюрѣ Маркса противъ Прудона «Das Elend der Philosophie».

«Das Manifest» представляетъ собой первую гениальную попытку приложить матеріалистическое пониманіе исторіи къ объясненію всего повѣйшаго социальнаго развитія Европы. Небольшія работы Маркса конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, составившіяся, главнымъ образомъ, изъ газетныхъ корреспонденцій и статей, являются также превосходными частичными примѣненіями идеи социальнаго матеріализма къ изслѣдованію фактовъ современности. Особое значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ небольшая брошюра Маркса «Der 18 Brumaire des Louis Bonaparte».

Затѣмъ. разсматриваемая теорія получила свою «классическую», по словамъ Кауцкаго, формулировку въ предисловіи къ «Zur Kritik der politischen Oekonomie». Въ 3-хъ томахъ «Капитала» идея социальнаго матеріализма является центральнымъ фокусомъ, откуда исходятъ цѣлыя снопы лучей, которыми Марксъ такъ ярко и своеобразно освѣтилъ социальный строй нашего времени; но для дальнѣйшаго развитія и обосновки самой теоріи, въ ея абстрактной формѣ, «Капиталъ» даетъ немного. Въ концѣ концовъ, въ работахъ Маркса мы находимъ гениальное примѣненіе теоріи матеріалистическаго пониманія исторіи къ объясненію историческихъ фактовъ, но сама теорія остается выраженной въ рядѣ отрывочныхъ афоризмовъ, безъ всякой попытки дать что-либо похожее на строго логическое доказательство ея.

Истолкованіе и доказательство соціального матеріализма выпало на долю Энгельса. Его книга «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft» (1878) даетъ въ этомъ отношеніи всего больше. Небольшая работа того же автора «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats» (1884) представляетъ собой интересную попытку объяснить древнѣйшую исторію съ точки зрѣнія названной теоріи. Философскимъ обоснованіемъ теоріи историческаго матеріализма должна служить брошюра Энгельса «Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie» (1888); но, къ сожалѣнію, именно въ философскомъ отношеніи брошюра эта очень слаба. Въ качествѣ попытокъ доказательства соціального матеріализма представляютъ интересъ написанная Энгельсомъ біографія Маркса (1878) и его же рѣчь на могилѣ Маркса (1883). Наконецъ, весьма любопытнымъ документомъ, въ смыслѣ выясненія позднѣйшихъ взглядовъ Энгельса на соціальный матеріализмъ, являются его письма къ разнымъ лицамъ, опубликованныя уже послѣ его смерти въ журналѣ «Der Sozialistische Akademiker» (1895), газетѣ «Leipziger Volkszeitung» (1895) и «Geschichte der deutschen Sozialdemokratie» (1898) Меринга.

Теорія матеріалистическаго пониманія исторіи не только не пользовалась при жизни Маркса признаніемъ со стороны ученыхъ, но даже и не была предметомъ сколько-нибудь серьезнаго изученія и критики. И лишь послѣ того, какъ творецъ этой теоріи сошелъ въ могилу, интересъ къ ней значительно увеличился; въ настоящее время врядъ ли какая-либо соціальная теорія можетъ похвалиться болѣе обширной литературой, чѣмъ историческій матеріализмъ. Къ сожалѣнію, качество этой литературы далеко не соотвѣтствуетъ ея количеству. И друзья и враги новаго направленія исторической мысли проявляли, въ большинствѣ случаевъ, мало критическаго отношенія къ нему. Друзья ограничивались простой популяризацией теоріи и, въ лучшемъ случаѣ, примѣненіемъ ея къ объясненію историческихъ фактовъ (что нерѣдко приводило къ весьма плодотворнымъ результатамъ). Враги, вѣсто критическаго анализа основъ соціального матеріализма, довольствовались указаніемъ на его недоказанность и на существованіе историческихъ фактовъ, объясненіе которыхъ съ матеріалистической точки зрѣнія представляется затруднительнымъ. Въ итогѣ, дѣло критическаго изученія новой доктрины подвигалось весьма мало. И только въ 1896 г., съ появленіемъ замѣчательнаго труда Штаммлера «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung», критика соціального матеріализма сдѣлала серьезный шагъ впередъ.

Однако, нельзя не признать, что вина незначительности научныхъ результатовъ многолѣтнихъ споровъ о новой теоріи историческаго процесса падаетъ, до извѣстной степени, и на ея автора. Какъ уже сказано, Марксъ не далъ своей теоріи законченнаго логическаго развитія. Работы Энгельса далеко не достаточно восполняютъ этотъ пробѣлъ.

Благодаря этому, даже самое содержаніе теоріи (не говоря уже объ ея обоснованіи) остается и по настоящее время не вполне яснымъ и опредѣленнымъ. Соціальный матеріализмъ Маркса—Энгельса понимается различными писателями различнымъ образомъ, и иногда именно сторонники этой теоріи оказываются виновными въ ея извращеніи. Извѣстна ироническая фраза Маркса: «Moi, je ne suis pas marxiste». Еще болѣе грубымъ извращеніемъ подвергается разсматриваемая теорія сплошь и рядомъ въ рукахъ ея критиковъ. Причина всѣхъ этихъ прискорбныхъ недоразумѣній указана Энгельсомъ въ одномъ изъ вышеназванныхъ писемъ. «Марксъ и я,—писалъ Энгельсъ,—мы сами отчасти виноваты въ томъ, что «молодые» придаютъ иногда большее значеніе экономической сторонѣ, чѣмъ это слѣдовало бы. Мы должны были, въ спорѣ съ противниками, подчеркнуть важность оспариваемаго ими основного принципа и не всегда имѣли подходящий случай, время и мѣсто для того, чтобы отмѣтить должное значеніе остальныхъ взаимодействующихъ моментовъ» («Der sozialistische Akademiker». 1895. Oktober).

И дѣйствительно, ни у Маркса, ни у Энгельса мы не встрѣчаемъ достаточно полной характеристики новой соціологической теоріи, которая была, по словамъ Энгельса, «самымъ лучшимъ орудіемъ труда и самымъ мощнымъ оружіемъ» въ рукахъ ея творцовъ. Въ виду этого, установить истинное содержаніе соціального матеріализма представляется настолько же важнымъ, насколько и труднымъ дѣломъ. Нужно свести воедино многочисленные отрывочныя замѣчанія Маркса и Энгельса и конструировать изъ этихъ иногда противорѣчивыхъ формулировокъ сущность историко-философской доктрины творцовъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Каждое отдѣльное опредѣленіе этой доктрины, которое мы встрѣчаемъ въ трудахъ обоихъ ея авторовъ, недостаточно и неполно; и только изъ совокупности этихъ опредѣленій, а также, что всего важнѣе, изъ внимательнаго анализа примѣненія названной теоріи ея творцами къ объясненію историческихъ фактовъ, мы можемъ вывести правильное заключеніе о томъ, что понимали Марксъ и Энгельсъ подъ историческимъ матеріализмомъ.

Неясностью и неполнотой страдаетъ даже и «классическое» опредѣленіе разсматриваемой доктрины въ знаменитомъ предисловіи къ «Критикѣ политической экономіи». Но такъ какъ это опредѣленіе все же является наилучшимъ, то мы и примемъ его отправнымъ пунктомъ въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи и критикѣ теоріи соціального матеріализма.

Вотъ это опредѣленіе. «Въ общественномъ производствѣ,—говоритъ Марксъ,—служащемъ для поддержанія жизни, люди вступаютъ въ опредѣленные отношенія, необходимыя и не зависящія отъ ихъ воли, соответствующія опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отноше-

ній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные общественныя формы сознанія. Способомъ производства матеріальной жизни обуславливается социальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніемъ людей опредѣляется ихъ бытіе, а наоборотъ, ихъ сознаніе опредѣляется ихъ общественнымъ бытіемъ. На извѣстной ступени своего развитія производительныя силы общества приходятъ въ конфликтъ съ существующими производственными отношеніями, въ рамкахъ которыхъ онѣ до тѣхъ поръ существовали или, что есть лишь юридическое выраженіе того же явленія, съ отношеніями собственности. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ отношенія эти становятся узамъ для послѣднихъ. Тогда наступаетъ эпоха социальнаго переворота. Съ измѣненіемъ экономической основы измѣняется быстрѣе или тише вся огромная надстройка. При изученіи такихъ переворотовъ, нужно всегда различать между матеріальнымъ переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства, допускающимъ точную естественно-научную формулировку, и юридическими, политическими, религіозными, художественными или философскими, коротко, идеологическими формами, въ которыя люди облачаютъ этотъ конфликтъ въ своемъ сознаніи и въ которыхъ они борются... Никакая общественная формація не погибаетъ, не развивъ всѣхъ производительныхъ силъ, для которыхъ она даетъ достаточный просторъ; новыя производственныя отношенія никогда не возникаютъ прежде, чѣмъ въ нѣдрахъ стараго общества не будутъ подготовлены матеріальныя условія ихъ существованія».

Итакъ, Марксъ различаетъ три социально-экономическія категоріи: производительныя силы, способъ производства и производственныя отношенія. Послѣднія равнозначущи экономической структурѣ общества, юридическимъ выраженіемъ которой являются отношенія собственности. Развитіе производительныхъ силъ приводитъ ихъ къ конфликту со способомъ производства и вытекающими изъ послѣдняго производственными отношеніями, или, что то же, съ юридическими формами общества. Этотъ конфликтъ завершается измѣненіемъ способа производства и юридическихъ формъ общества, приспособленіемъ ихъ къ новой ступени развитія производительныхъ силъ.

Нельзя не согласиться съ Массарикомъ, авторомъ, въ общемъ довольно слабой книги «Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus», что цитированное опредѣленіе знаменитой теоріи Маркса всего менѣе заслуживаетъ названія классическаго, такъ какъ ему не достааетъ самого существеннаго для того, чтобы быть классическимъ: точности и ясности. Что нужно, напр., понимать въ данномъ случаѣ подъ «производительными силами»? Этимъ весьма двусмысленнымъ терминомъ Марксъ пользуется очень часто, совершенно не заботясь объ его опредѣленіи. Точно также, сравненіе экономической

структуры съ основаніемъ, а юридическаго и политическаго строя съ надстройкой, находится въ противорѣчій съ послѣдующимъ утвержденіемъ Маркса, что юридическій строй, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой своей части (формы собственности) есть лишь правовое выраженіе (форма) экономической структуры.

Марксъ былъ блестящимъ стилистомъ и любилъ прибѣгать къ образнымъ выраженіямъ. Многія страницы его книгъ читаются, поэтому, какъ истинно художественное произведеніе. Но пристрастіе къ метафорамъ и образной формѣ выраженія заключаетъ въ себѣ для научнаго дѣятеля нѣчто опасное. Метафоры могутъ затемнить мысль автора и скрыть отъ него истинныя трудности вопроса. Именно это и случилось въ данномъ случаѣ съ Марксомъ. Сравненіе экономической структуры съ основой, а юридическаго и политическаго строя съ надстройкой (къ этому сравненію Марксъ прибѣгаетъ неоднократно, повторяя его въ первомъ томѣ «Капитала») есть, несомнѣнно, неудачное сравненіе, не поясняющее, а затемняющее мысль автора. Говорить объ экономіи и правѣ, какъ о фундаментѣ и надстройкѣ, значитъ не понимать, что право есть форма, содержаніемъ которой является социальная жизнь, въ томъ числѣ и социальная экономія. Право безъ содержанія такъ же мало реально, какъ и социальная экономія безъ права. Экономическая структура и имущественное право не суть два самостоятельныхъ явленія, находящихся между собой въ нѣкоторой связи, но одно и то же явленіе, разсматриваемое съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, съ двухъ различныхъ сторонъ,—со стороны содержанія (экономія) и со стороны формы (право). Такъ понималъ отношеніе между экономіей и правомъ и самъ Марксъ, какъ видно изъ его отождествленія экономической структуры съ отношеніями права собственности.

Отсюда ясна неудачность классическаго сравненія Маркса: оно неправильно выражаетъ мысль автора, отнюдь неповиннаго въ томъ грубомъ непониманіи природы права, которое предполагается названнымъ сравненіемъ.

Но, во всякомъ случаѣ, приведенная метафора не препятствуетъ возстановленію истинной мысли автора. Иное слѣдуетъ сказать о другомъ образномъ выраженіи Маркса—о пресловутыхъ «производительныхъ силахъ». Мы считаемъ этотъ терминъ образнымъ выраженіемъ такъ какъ, несомнѣнно, Марксъ не думалъ, чтобы въ человѣческомъ обществѣ дѣйствовали, помимо людей, особыя «производительныя силы» въ родѣ физическихъ силъ тяжести, теплоты и т. п. Ясное дѣло, что «производительныя силы» не суть самостоятельныя силы въ точномъ естественно-научномъ смыслѣ слова, а лишь фигуральное выраженіе для нѣкоторой абстракціи, для нѣкоторой стороны социальнаго процесса. Между тѣмъ, и Марксъ, и Энгельсъ сплошь и рядомъ говорятъ о «производительныхъ силахъ», какъ о настоящихъ объективныхъ силахъ, принудительно дѣйствующихъ на человѣка. Вотъ, напр., какъ ха-

рактизуетъ Энгельсъ въ «Анти-Дюрингѣ» сущность новѣйшаго соціального конфликта: «Новыя производительныя силы переросли буржуазную форму ихъ утилизованія; и этотъ конфликтъ между производительными силами и способомъ производства не есть конфликтъ, происходящій въ головахъ людей... но конфликтъ въ самыхъ фактахъ, объективный конфликтъ, происходящій внѣ насъ, независимо отъ воли и дѣятельности даже тѣхъ лицъ, которыя его вызываютъ... Механизмъ капиталистическаго способа производства отказывается работать подъ давленіемъ созданныхъ имъ самимъ производительныхъ силъ... Экономическая коллизія достигаетъ своего апогея: способъ производства возстаётъ противъ способа обиха, производительныя силы встаютъ противъ способа производства, который онѣ переросли». («Herrn Eugen Dührings» etc. S. 287, 297).

Въ этомъ изображеніи соціального конфликта нашего времени «производительныя силы» фигурируютъ совершенно въ роли внѣшнихъ силъ природы, не зависящихъ отъ человѣка и господствующихъ надъ нимъ. И, однако, соціальный матеріализмъ Маркса и Энгельса не имѣетъ ничего общаго съ антропо-географическимъ пониманіемъ исторіи (по терминологіи П. Барта, автора книги «Philosophie der Geschichte als Sociologie») — съ тѣмъ взглядомъ, согласно которому соціальные факты всецѣло объясняются особенностями внѣшней матеріальной среды, въ которой живутъ люди. Крайніе представители этого послѣдняго направленія, какъ, напр., Мужолъ, пытаются вывести всѣ національныя отличія народовъ и даже основныя законы историческаго развитія изъ свойствъ географической среды. Общество представляется имъ пассивнымъ продуктомъ матеріальныхъ силъ внѣшней природы, среди которой оно живетъ. Марксизмъ совершенно чуждъ этой точки зрѣнія. Для соціального матеріализма самъ человѣкъ есть могуществѣннѣйшая историческая сила; отношенія человѣка къ внѣшней природѣ выражаются не только въ зависимости человѣка отъ природы, но и въ подчиненіи послѣдней человѣку. Географическая среда есть лишь отправной пунктъ соціального развитія. Но такъ какъ географическая среда сравнительно неподвижна (геологическія перемѣны совершаются съ такой медленностью, что съ точки зрѣнія быстро несущейся человѣческой исторіи исторія земли представляется остановившейся и застывшей), то соціальныя перемѣны должны имѣть, очевидно, свои собственныя причины, которыя мы напрасно стали бы искать въ окружающей матеріальной средѣ. Современная Греція, по своимъ географическимъ свойствамъ, ничѣмъ не отличается отъ древней Эллады; но какъ мало похожи греки нашего времени на благороднѣйшую человѣческую расу, которую когда-либо знала исторія, — на эллиновъ, творцовъ неподражаемо-прекрасной античной культуры!

Марксизмъ не отрицаетъ зависимости человѣка отъ внѣшней природы; но внѣшняя матеріальная среда влѣяетъ на человѣка, по пони-

манію Маркса, не непосредственно, а лишь через посредство искусственной матеріальной среды, создаваемой самимъ человѣкомъ. Въ законахъ развитія этой вторичной, искусственной среды марксизмъ ищетъ ключа къ пониманію человѣческой исторіи.

Поэтому «развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ», о которомъ говоритъ Марксъ, никоимъ образомъ не есть развитіе силъ вѣшной природы (напр., геологическія перемѣны). Производительныя силы общества могутъ развиваться и, дѣйствительно, развиваются при неподвижности вѣшной матеріальной среды и марксизмъ исходитъ въ своемъ анализѣ соціальнаго развитія, изъ предположенія такой неподвижности.

Что же слѣдуетъ, въ такомъ случаѣ, понимать подъ таинственными «матеріальными производительными силами», которыя въ марксистской идеологіи (особенно у нѣкоторыхъ «учениковъ») играютъ роль, нѣсколько напоминающую роль жизненной силы въ физиологіи добраго стараго времени? Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, благодаря тому, что самъ Марксъ употребляетъ рассматриваемый терминъ въ самыхъ различныхъ смыслахъ. Такъ, напр., въ своей книгѣ противъ Прудона, онъ называетъ «революціонный общественный классъ самой могущественной изъ производительныхъ силъ» («Das Elend der Philosophie», 181). Если исходить изъ этого словоупотребленія и называть общественныя группы производительными силами, то соціальныя матеріализмъ потеряетъ всякій смыслъ и превратится въ новинную тавтологію — «общественное развитіе опредѣляется развитіемъ общества».

Мы думаемъ, что единственное средство придать понятію «матеріальныхъ производительныхъ силъ» вполне опредѣленное содержаніе, это—отожествить рассматриваемое понятіе съ понятіемъ *матеріальныхъ условій хозяйственной труда*. Матеріальныя условія хозяйства отнюдь не неподвижны и не представляютъ собой чего-то стоящаго внѣ общественнаго развитія; напротивъ, каждая новая ступень соціальнаго развитія предполагаетъ соответствующее измѣненіе хозяйственной техники. Каждая новая машина, каждая перемѣна техническихъ приѣмовъ или объема производства, каждое измѣненіе путей сообщенія, способовъ сношенія между людьми, приѣмовъ храненія и обмѣна продуктовъ и пр., и пр. измѣняетъ матеріальную обстановку, при которой совершается хозяйственный трудъ. Матеріальная обстановка хозяйства не есть, слѣдовательно, пассивный продуктъ физико-химическихъ силъ вѣшной природы, но непрерывно развивающійся и видоизмѣняющійся историческій продуктъ самого человѣческаго общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, матеріальныя условія труда слѣдуетъ строго отличать отъ социальныхъ условій труда. Хозяйственный трудъ происходитъ не только въ матеріальной, но и въ социальной обстановкѣ—

онъ предполагаетъ и создаетъ опредѣленные социальныя отношенія и всегда является поэтому социально-урегулированнымъ трудомъ. По этой причинѣ всякое хозяйство можетъ разсматриваться съ двухъ сторонъ—съ технической и социальной. Но съ точки зрѣнія социального материализма, социальная сторона хозяйства (отношенія между участниками производства, явленія, такъ называемаго, распредѣленія, общественные законы и нормы, регулирующие хозяйственный трудъ, какъ, напр., фабричные законы и пр., и пр.) имѣетъ не основной, а производный характеръ: она опредѣляется матеріальной стороной хозяйства, которая играетъ роль господствующаго момента не только социального хозяйства, но и всей социальной жизни.

Такова основная идея социального материализма. Именно въ этомъ смыслѣ Марксъ говорилъ въ своей книгѣ противъ Прудона, что «ручная мельница даетъ общество съ феодальными синьорами, паровая машина — съ промышленными капиталистами». Но не нужно слишкомъ суживать понятіе хозяйственной техники. Социальный материализмъ отнюдь не утверждаетъ, что изобрѣтеніе новыхъ орудій производства есть единственный двигатель историческаго процесса. Несостоятельность этой послѣдней точки зрѣнія очевидна уже изъ того, что только въ новѣйшее время промышленныя изобрѣтенія быстро слѣдуютъ другъ за другомъ—въ прежнія историческія эпохи пѣлыя столѣтія проходили безъ всякихъ существенныхъ перемѣнъ въ орудіяхъ труда, и тѣмъ не менѣе исторія человѣчества не стояла на мѣстѣ. Превращеніе ремесла и домашней промышленности въ мануфактуру—объединеніе прежнихъ мелкихъ производителей въ одной крупной мастерской подъ руководствомъ капиталиста—было чрезвычайно важной ступенью хозяйственнаго, а вмѣстѣ и социального прогресса Европы. Между тѣмъ, возникновеніе мануфактуры отнюдь не было вызвано какимъ-либо промышленнымъ изобрѣтеніемъ или измѣненіемъ орудій труда. По своимъ орудіямъ труда мануфактура мало отличалась отъ ремесла—только фабрика создала новыя орудія производства, замѣнивъ ручную работу машинной. Тѣмъ не менѣе, по матеріальнымъ условіямъ труда мануфактура была глубоко различна отъ ремесла: уже одинъ тотъ фактъ, что рабочіе работали не порознь, а сообща, подъ одной кровлей и по одному плану, значилъ чрезвычайно много. Даже «и при неизмѣнныхъ пріемахъ труда, одновременное употребленіе большого числа рабочихъ, производить дѣлую революцію въ матеріальныхъ процессахъ труда» («Капиталъ», т. I, стр. 257). Мануфактура же измѣнила и самыя пріемы работы, сдѣлавъ возможнымъ раздѣленіе труда между отдѣльными рабочими. Слѣдствіемъ этого явилось значительное возрастаніе производительности труда. Поэтому Энгельсъ имѣлъ полное право назвать «раздѣленіе труда и соединеніе многихъ частичныхъ рабочихъ въ одной мануфактурѣ новой производительной силой» («Feuerbach». S. 48).

Производительность труда является лучшимъ показателемъ состоянія

хозяйственной техники въ данную историческую эпоху. Тезисъ Маркса о зависимости социальнаго развитія отъ развитія производительныхъ силъ имѣетъ, поэтому, смыслъ признанія зависимости социальнаго развитія отъ развитія производительности общественнаго труда. Каждой ступени производительности труда соответствуетъ, согласно матеріалистическому пониманію исторіи, опредѣленный способъ производства, опредѣленная экономическая и вообще социальная структура общества, опредѣленное состояніе нравовъ, мѣтій, вѣрованій и пр.

Мы познакомились съ опредѣленіемъ социальнаго матеріализма, принадлежащемъ перу Маркса. Другое не менѣе извѣстное и не менѣе «классическое» опредѣленіе той же теоріи имѣется въ книгѣ Энгельса противъ Дюринга. «Матеріалистическое пониманіе исторіи,—говоритъ Энгельсъ,—исходитъ изъ положенія, что производство, а вслѣдъ за производствомъ обмѣнъ продуктовъ есть основаніе всего общественнаго строя; что въ каждомъ историческомъ обществѣ раздѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и социальное раздѣленіе на классы или сословія опредѣляется тѣмъ, что и какъ производится, и какъ произведенное обмѣнивается. Поэтому послѣднія причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и политическихъ требованій слѣдуетъ искать не въ головахъ людей, въ ихъ растущемъ пониманіи вѣчной правды и справедливости, а въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна; ихъ слѣдуетъ искать не въ философіи, а въ экономіи соответствующей эпохи» («Anti-Dühring». S. 286).

Опредѣленіе Энгельса съ формальной стороны довольно значительно отличается отъ опредѣленія Маркса. Вмѣсто «производительныхъ силъ» мы встрѣчаемъ, въ качествѣ «послѣдней причины» «способы производства и обмѣна». Это, отчасти, простой недосмотръ со стороны Энгельса. Страницей дальше мы читаемъ въ той-же книгѣ о «конфликтѣ между производительными силами и способомъ производства», конфликтѣ, вызываемомъ развитіемъ производительныхъ силъ и приводящемъ къ измѣненію способа производства. Если такъ, то нельзя называть «измѣненія способовъ производства и обмѣна» *послѣдними* причинами общественныхъ перемѣнъ, ибо эти якобы послѣднія причины оказываются сами слѣдствіемъ другихъ, еще болѣе «послѣднихъ», причинъ.

Оставляя, однако, въ сторонѣ эту неточность, нельзя не отмѣтить, что у Энгельса, въ качествѣ «послѣднихъ причинъ», фигурируютъ способы не только производства, но и обмѣна, безъ всякаго поясненія, въ какомъ соотношеніи другъ къ другу находятся оба эти момента. Установленное нами выше понятіе матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда объемлетъ какъ трудъ производства, такъ и трудъ обмѣна, ибо и то, и другое, въ равной мѣрѣ, хозяйственный трудъ. Очень неточно говоритъ Энгельсъ о «производствѣ и обмѣнѣ», какъ «основаніи общественнаго строя»: неточность состоитъ въ томъ, что не указано,

какая сторона производства и обмѣна—техническая или социальная—является такимъ основаніемъ.

Въ общемъ, опредѣленіе сущности социальнаго матеріализма у Энгельса съ формальной стороны еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ у Маркса, но основная мысль въ обоихъ опредѣленіяхъ одна и та же. Матеріальныя условія хозяйственнаго труда—вотъ въ чемъ видитъ социальный матеріализмъ послѣднюю опредѣляющую причину социальнаго строя.

Но одной этой идеей отнюдь не исчерпывается содержаніе историко-философской концепціи Маркса. Второй существенной идеей социальнаго матеріализма слѣдуетъ признать характерное для него представленіе о способахъ измѣненія дѣйствующаго права. Каждой опредѣленной ступени производительности труда соответствуетъ, какъ мы уже говорили, опредѣленная форма правового строя. Пока эта форма даетъ достаточный просторъ для развитія социальнаго хозяйства, для поднятія производительности общественнаго труда, до тѣхъ поръ она не испытываетъ существенныхъ перемѣнъ; но социальное хозяйство развивается въ то время, какъ правовая форма остается неподвижной. Это должно рано или поздно привести къ конфликту между хозяйствомъ и правомъ: существующее право иль средства развитія становятся тормозомъ для хозяйства, препятствіемъ для дальнѣйшаго поднятія производительности труда. Конфликтъ разрѣшается измѣненіемъ правовой формы, приспособленіемъ ея къ новымъ матеріальнымъ условіямъ хозяйственнаго труда, къ новой ступени производительности послѣдняго. Самое разрѣшеніе конфликта представлялось Марксу въ формѣ социальной катастрофы: дѣйствующее право не испытываетъ постепенныхъ измѣненій, соответствующихъ и параллельныхъ измѣненіямъ матеріальныхъ условій труда, но остается неподвижнымъ до тѣхъ поръ, пока давленіе развивающагося социальнаго хозяйства на стѣснительныя для него формы права не приобрѣтитъ достаточной силы для быстрого разрушенія существующаго права и созданія на развалинахъ послѣдняго новаго права.

Таковы объективныя причины социальныхъ переворотовъ, скрытыя отъ общественнаго сознанія. Въ общественномъ сознаніи конфликтъ этотъ принимаетъ форму *классовой борьбы*. Представленіе о борьбѣ классовъ, какъ о главнѣйшемъ содержаніи исторіи, является третьей основной идеей историческаго матеріализма. Уже на первой страницѣ «Манифеста» читаемъ знаменитыя слова: «Исторія всего существующаго общества есть исторія борьбы классовъ». Тезисъ этотъ впоследствии подвергнулся нѣкоторому ограниченію: подъ влияніемъ работъ изслѣдователей первобытной культуры, особенно Моргана, Марксъ и Энгельсъ пришли къ заключенію, что первобытное общество не распадается на классы, а слѣдовательно не знаетъ и классовой борьбы. Жизнь доисторическаго общества вообще не укладывается въ обычную

концепцію соціального матеріалізму. По словамъ Маркса, строеніе и жизнь этого общества управляются не однимъ, а двумя независимыми моментами: «Ступенью развитія труда съ одной стороны, ступенью развитія семьи—съ другой... Чѣмъ меньше развитъ трудъ, чѣмъ ограничѣннѣе количество его продуктовъ, а слѣдовательно, и количество богатства въ обществѣ, тѣмъ болѣе управляютъ общественнымъ строемъ кровныя родовыя узы». («Происхожденія семьи, частной собственности и государства». Предисловіе къ 1 изд.). Такимъ образомъ, по отношенію къ первобытному, доисторическому обществу Марксъ, а вслѣдъ за нимъ и Энгельсъ, совсѣмъ отказываются отъ монастическаго объясненія. Соціальныи матеріализмъ есть теорія лишь познѣйшаго общества, основаннаго на частной собственности и распадающагося на классы—общества, послѣдовательныя фазисы развитія котораго и составляютъ все содержаніе писанной исторіи.

Распаденіе общества на классы опредѣляется матеріальными условіями хозяйственнаго труда. Лишь на опредѣленной ступени производительности труда возникаетъ классовое общество, ибо пока человѣкъ въ состояніи только прокормить самого себя, до тѣхъ поръ невозможно регулярное присвоеніе трудового продукта другимъ лицомъ, а слѣдовательно невозможно и образованіе въ обществѣ неработающихъ классовъ. Способъ производства продуктовъ управляетъ ихъ распредѣленіемъ, а классовыя различія суть не что иное, какъ соціальныя выраженія неравенства распредѣленія продуктовъ труда. Такимъ образомъ, способъ производства, а слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ, матеріальныя условія хозяйственнаго труда опредѣляютъ классовое сложеніе общества.

Въ первоначальномъ коммунистическомъ обществѣ отсутствовала политическая власть, какъ обособленный органъ общества. Но уже въ самыхъ примитивныхъ обществахъ замѣчаются начатки раздѣленія общественнаго труда—въ военное время во главѣ племени становится выбранный вождь, въ мирное время необходимы лица, рѣшающія споры, возникающіе между членами общины, руководители общественныхъ работъ, служители религіознаго культа и проч. По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія общества, исполнители различныхъ соціальныхъ функцій обособляются въ замкнутыя общественныя группы и такимъ образомъ создаются касты и сословія. «Въ основаніи политическаго господства всегда лежало исполненіе какой-либо общественной службы» (Энгельсъ). Но достигнувъ политическаго преобладанія, правящіе классы эксплуатируютъ свою власть въ своихъ экономическихъ интересахъ. Политическое и экономическое поработеніе большинства населенія привилегированнымъ меньшинствомъ становится основаніемъ общественнаго устройства.

Всякая новая ступень производительности труда требуетъ и новой классовой группировки общества. Отживающая правовая форма, возник-

шая на почвѣ прежнихъ хозяйственныхъ отношеній, находятъ себѣ защитниковъ въ тѣхъ общественныхъ классахъ, которымъ эта форма обезпечивала господство. Наоборотъ, новыя условія хозяйства создаютъ новые общественные классы, экономическіе интересы которыхъ требуютъ преобразованія правовыхъ формъ. Такимъ образомъ, конфликтъ социальнаго хозяйства и права выражается въ общественномъ сознаніи борьбой классовъ за свои экономическіе интересы, а побѣда новаго способа производства принимаетъ видъ социальнаго переворота, побѣды передового общественного класса.

Мы уже отмѣчали, что съ точки зрѣнія социальнаго матеріализма, не только формы права, но и вся социальная жизнь въ совокупности опредѣляется матеріальными условіями хозяйства. Политическій и правовой строй представляютъ собой—говоритъ Энгельсъ въ своей брошюрѣ о Фейербахѣ—наиболѣе близкій, непосредственный продуктъ хозяйственнаго строя общества. Гораздо дальше отстоятъ отъ хозяйства наука, искусство, философія, религія; ихъ связь съ хозяйствомъ гораздо запутаннѣе, сложнѣе и темнѣе, но все же эта связь существуетъ. «Вся эпоха ренессанса, съ половины XV вѣка, создана городами, иначе говоря буржуазіей; это же слѣдуетъ сказать и о пробуждающейся вслѣдъ затѣмъ философіи; ея содержаніе является лишь философскимъ выраженіемъ идей, сопутствующихъ превращенію мелкой и средней буржуазіи въ крупную буржуазію».

Таково ученіе социальнаго матеріализма. Его сущность можетъ быть сформулирована въ слѣдующихъ трехъ тезисахъ:

1) Со времени распадѣнія общества на классы социальная жизнь и социальное развитие опредѣляются, въ конечномъ счетѣ, состояніемъ и развитіемъ матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда.

2) Каждой опредѣленной ступени производительности труда соответствуетъ опредѣленная форма права. Развитие производительности труда приводитъ къ конфликту между матеріальными условіями социальнаго хозяйства и правомъ. Изъ средства поощренія право становится тормозомъ хозяйственнаго развитія. Конфликтъ завершается социальнымъ переворотомъ—преобразованіемъ права и приспособленіемъ его къ новымъ матеріальнымъ условіямъ социальнаго хозяйства.

3) Въ общественномъ сознаніи конфликтъ этотъ выражается борьбой классовъ, составляющей всё содержаніе міровой исторіи съ тѣхъ поръ, какъ общество распалось на классы.

Приступая къ критикѣ матеріалистическаго пониманія исторіи, слѣдуетъ, прежде всего, имѣть въ виду, что ученіе это стремится къ достиженію полнаго *социальнаго монизма*. По мнѣнію своихъ сторонниковъ, оно даетъ возможность монистическаго объясненія всей социальной жизни въ совокупности. Первымъ шагомъ социальной науки является признаніе тѣсной взаимной зависимости, взаимодѣйствія *всѣхъ* моментовъ социальной жизни, образующихъ, благодаря этому, одно связанное,

неразрывное и недѣлимое цѣлое, одинъ организмъ, несмотря на множественность проявленій общественной жизни. Даннымъ состояніемъ соціального хозяйства предполагается данное состояніе права, знаній, нравовъ, подобно тому, какъ даннымъ состояніемъ нравовъ, знаній или права предполагается данное состояніе хозяйства. Въ интересной книгѣ римскаго профессора Лабріола: «Del materialismo storico» (1896 г.), недурно показано, какъ различныя частныя соціальныя науки—политическая экономія, этика, юриспруденція, политика и пр., изучаютъ, по существу, не различные предметы, но одинъ и тотъ же предметъ—общество—съ различныхъ точекъ зрѣнія. Человѣческое общество есть нѣкоторое единство и потому его развитіе должно обладать такимъ же единствомъ; между тѣмъ, мы принуждены изучать общество, какъ и его развитіе, съ множественныхъ точекъ зрѣнія. Отсюда возникаетъ стремленіе къ соціальному мизму.

Но для достиженія такого мизма нужно, повидимому, выйти изъ круга соціального взаимодѣйствія. Ибо пока мы находимся въ этомъ кругу, до тѣхъ поръ никакой отдѣльный соціальный моментъ не можетъ быть признанъ единственно господствующимъ моментомъ общественнаго развитія, такъ какъ самъ этотъ якобы господствующій моментъ подпадаетъ вліянію другихъ моментовъ. Неясное понятіе «матеріальныхъ производительныхъ силъ» понадобилось творцамъ соціального матеріализма именно какъ выходъ изъ заколдованнаго круга соціального взаимодѣйствія. Саморазвивающіяся, всемогущія «матеріальныя производительныя силы»—это какъ бы особыя внѣшнія силы, стоящія выше соціального взаимодѣйствія и потому опредѣляющія послѣднее, не будучи имъ опредѣляемыми. Но мы постарались показать, что понятіе «матеріальныхъ производительныхъ силъ» сводится къ понятію матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда. Условія же эти, согласно всей концепціи марксизма, даются не непосредственно внѣшней природой, а создаются человѣческимъ обществомъ. Матеріальная обстановка труда есть, слѣдовательно, продуктъ историческаго развитія общества; другими словами, она подчиняется воздѣйствію всѣхъ тѣхъ социальныхъ моментовъ, изъ которыхъ складается жизнь и развитіе общества. Экономическій фундаментъ, на которомъ, по мнѣнію Маркса, покоится все соціальное зданіе, несомнѣнно, есть не только причина, но и продуктъ общественнаго развитія; самый горячій сторонникъ матеріалистическаго пониманія исторіи долженъ признать, что непосредственныя, ближайшія причины перемѣнъ матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда—того, что Марксъ называетъ состояніемъ матеріальныхъ производительныхъ силъ, сплошь и рядомъ исходятъ изъ неэкономическихъ сферъ соціальной жизни. Достаточно указать на роль государства и науки въ качествѣ факторовъ промышленнаго прогресса, чтобы сдѣлать это несомнѣннымъ.

Правда, соціальныя матеріализмъ утверждаетъ, что если *ближайшія*

причины экономических и социальных переменъ весьма часто исходятъ не изъ сферы хозяйства, зато *конечныя* причины всегда коренятся въ материальныхъ условіяхъ социального хозяйства. Это можетъ быть вѣрно или не вѣрно—для насъ это, на данной ступени нашего изслѣдованія, не важно; намъ важно теперь лишь отмѣтить, что указанная Марксомъ социальная первопричина (материальныя условія хозяйственнаго труда) вполне доступна влиянію иныхъ, нехозяйственныхъ моментовъ социальной жизни. Мы все еще въ закодированномъ трудѣ социального взаимодействія, вывести изъ котораго насъ обѣщаютъ социальный материализмъ.

И этого не могли отрицать даже творцы теории. Въ одномъ изъ интересныхъ писемъ Энгельса, опубликованномъ послѣ его смерти, читаемъ, напр., слѣдующее: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и всякое другое развитіе основывается на экономическомъ развитіи. Но всѣ эти виды развитія реагируютъ другъ на друга, а также и на экономическую основу. Не слѣдуетъ думать, что состояніе хозяйства есть единственно активная причина, а все прочее только пассивное слѣдствіе. Нѣтъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ взаимодействие на основѣ рѣшающей, въ послѣдней инстанціи, экономической необходимости (*«Der Sozialistische Akademiker»*. 1895).

Итакъ, «послѣднія причины всѣхъ общественныхъ переменъ» (материальныя условія хозяйственнаго труда) подпадаютъ, въ свою очередь, воздѣйствію производныхъ, неэкономическихъ моментовъ. При такомъ положеніи вещей материалистическое пониманіе исторіи никомъ образомъ не можетъ быть доказано или опровергнуто простымъ анализомъ причинъ тѣхъ или иныхъ историческихъ фактовъ. Социальный материализмъ отнюдь не отрицаетъ, что всякое историческое событіе есть сложный результатъ взаимодействія множества социальныхъ моментовъ, въ число которыхъ входятъ, какъ экономическіе, такъ и неэкономическіе моменты. Если бы социальный материализмъ признавалъ единственно активной причиной экономію, а все прочее пассивнымъ продуктомъ хозяйства, въ такомъ случаѣ рассматриваемое ученіе могло бы быть опровергнуто указаніемъ неэкономическихъ причинъ даннаго историческаго событія. Но социальный материализмъ признаетъ влияніе неэкономическихъ моментовъ; онъ настаиваетъ лишь на томъ что «въ *послѣдней инстанціи*» экономическая необходимость играетъ рѣшающую роль. Къ сожалѣнію, понятіе «послѣдней инстанціи» до крайности неопредѣленно. Очевидно, «послѣднюю инстанцію» нельзя разумѣть въ хронологическомъ смыслѣ, ибо, по словамъ самого Энгельса, историческій процессъ есть сложный результатъ взаимодействій множества факторовъ, среди которыхъ материальныя условія социального хозяйства суть не только активная причина другихъ моментовъ социальной жизни, но пассивное слѣдствіе послѣднихъ. Какимъ же образомъ мо-

жемъ мы добраться, при анализѣ причинъ историческаго факта, до послѣдней, экономической, причины? Вѣдь эта послѣдняя причина, въ свою очередь, обусловлена другими, неэкономическими причинами и т. д., и т. д. до безконечности. Споръ о «послѣдней» причинѣ социальныхъ явленій превращается, въ этомъ случаѣ, въ споръ о томъ, что появилось раньше—курица или яйцо.

Итакъ, конкретный историческій анализъ причинъ историческихъ событій отнюдь не пригоденъ для разрѣшенія проблемъ, выдвигаемыхъ социальнымъ материализмомъ. Для доказательства этой теоріи необходимо представить общія историко-философскія основанія, въ силу которыхъ одинъ моментъ социальной жизни (хозяйственный) признается господствующимъ, а всѣ прочіе подчиненными, производными, не смотря на то, что моментъ, признанный господствующимъ, находится въ зависимости отъ другихъ моментовъ, признаваемыхъ подчиненными.

Къ сожалѣнію, ни у Маркса, ни у Энгельса мы не найдемъ ничего похожаго на подобное доказательство ихъ историкофилософской теоріи. Доказательствомъ правильности материалистическаго пониманія исторіи являются, въ ихъ глазахъ, представленные ими объясненія конкретныхъ историческихъ фактовъ. Но если бы даже историческія объясненія Маркса и Энгельса были несравненно сильнѣе и глубже обоснованы, нежели это есть на самомъ дѣлѣ, все же, по только что указанной причинѣ, они не могли бы составить требуемаго доказательства. Поэтому, для критической оцѣнки разсматриваемой доктрины мы сами должны выполнить ту работу, которой не выполнили творцы доктрины: свести во едино и разобрать общіе историко-философскіе аргументы въ пользу социального материализма.

«Социальный материализмъ,—говоритъ Штаммлеръ,—хочетъ объяснить закономерное развитіе человѣческаго общества изъ развитія экономическихъ явленій; но представители этой теоріи никогда не признаютъ хотя бы косвенно или намекомъ, что именно понимаютъ они подъ экономическимъ явленіемъ...» «Материалистическое пониманіе исторіи совсѣмъ отказывается отъ опредѣленія социального хозяйства» («Wirtschaft und Recht». S. 78—79). Замѣчаніе Штаммлера глубоко вѣрно. И мы думаемъ, что творцы разсматриваемой теоріи потому не дали опредѣленія понятія хозяйства, что границы этого понятія были имъ самимъ неясны (подобно границамъ другого излюбленнаго Марксомъ, но никогда имъ не опредѣляемаго понятія «производительныхъ силъ»).

Между тѣмъ, всякое научное обоснованіе социального материализма должно исходить изъ строго опредѣленнаго понятія хозяйства. Къ сожалѣнію, несмотря на многолѣтнее существованіе особой науки о народномъ хозяйствѣ, самое понятіе хозяйства до настоящаго времени все еще не можетъ считаться точно установленнымъ. Экономическая наука точно также не обладаетъ всѣми признаваемымъ опредѣленіемъ

хозяйства, какъ наука о правѣ — опредѣленіемъ права. Эта неопредѣленность мало вредитъ успѣхамъ данной науки въ предѣлахъ ея спеціальной области: неясность границъ научной территоріи не препятствуетъ плодотворному изученію ея внутреннихъ подраздѣленій. Но когда мы выходимъ за предѣлы частныхъ социальныхъ наукъ и изучаемъ взаимное соотношеніе изслѣдуемыхъ ими отдѣльныхъ социальныхъ моментовъ, тогда спутанность границъ этихъ моментовъ не можетъ не приводить къ спутанности искомыхъ соотношеній. И мы не сомнѣваемся, что одну изъ существенныхъ причинъ формальной невыработанности теоріи материалистическаго пониманія исторіи слѣдуетъ искать въ неопредѣленности лежащаго въ основаніи всей теоріи понятія хозяйства.

Замѣчательная критика социального материализма, представленная Штаммлеромъ, также чрезвычайно пострадала отъ совершенной несостоятельности даннаго имъ опредѣленія хозяйства. Авторъ этой критики, которую, несмотря на ея огромные недостатки, все же слѣдуетъ признать наилучшимъ изъ всего, что до сихъ поръ написано о марксизмѣ, не экономистъ — и это весьма невыгодно отразилось на его квивѣ. Штаммлеръ совершенно вѣрно отмѣчаетъ неправильность распространеннаго взгляда, согласно которому отличительнымъ признакомъ хозяйственной дѣятельности является родъ потребности, которой эта дѣятельность служитъ. Нерѣдко думаютъ, что хозяйство необходимо лишь для удовлетворенія такъ называемыхъ «низшихъ», физиологическихъ потребностей человѣка, связанныхъ съ поддержаніемъ нашей жизни, какъ, напр., потребности въ пищѣ, жилищѣ и т. п. Но это безусловно невѣрно. Прежде всего, гдѣ провести демаркаціонную линію между «низшими» и «высшими» потребностями? Куда отнести, напр., потребность въ украшеніяхъ, изящной одеждѣ, красивой мебелировкѣ и пр.? Но допустимъ даже, что такая демаркаціонная линія проведена, что намъ удалось выдѣлить группу «хозяйственныхъ» потребностей. Все же это не дастъ отличительнаго признака хозяйства. «Слѣдуетъ ли считать производство полотна только въ томъ случаѣ социальнымъ хозяйствомъ, когда полотно употребляется для одежды, картофельныхъ мѣшковъ, парусовъ, и не признавать этого производства социальнымъ хозяйствомъ, если полотно покупается живописцемъ для исторической картины?.. Нужно ли признавать дѣятельность столяра только въ томъ случаѣ социально-хозяйственной, если столяръ выдѣлываетъ стулья для жилыхъ помѣщеній или трактировъ, но не признавать ее социально-хозяйственной, если стулья предназначаются для школъ, церквей, музеевъ? Или считать социальнымъ хозяйствомъ постройку дома для огражденія насъ отъ холода и вѣтра, но не считать социальнымъ хозяйствомъ постройку концертныхъ залъ, библиотекъ?» («Wirtschaft und Recht», S. 142).

Отвѣтъ на всѣ эти вопросы можетъ быть только отрицательный.

Не подлежит сомнію, что производство скрипокъ точно также относится къ области хозяйства, какъ и производство плуговъ. Во Владимирской губерніи существуютъ цѣлыя села кустарей, живущихъ изготовленіемъ иконъ; работа иконъ всѣми признается такимъ же хозяйственнымъ промысломъ, какъ и приготовленіе полушубковъ, хотя въ первомъ случаѣ хозяйственная дѣятельность направлена на изготовленіе предметовъ, удовлетворяющихъ самой высшей потребности—религіозной, а во второмъ—«низшей» потребности въ теплой одеждѣ. Поэтому необходимо совершенно отказаться отъ мысли, что отличительнымъ признакомъ хозяйственной дѣятельности можетъ служить родъ потребности, которой эта дѣятельность удовлетворяетъ. Хозяйственная дѣятельность можетъ быть направлена на удовлетвореніе самыхъ различныхъ потребностей, начиная отъ низшихъ до самыхъ высшихъ.

Но если такъ, то чѣмъ же отличается хозяйственная дѣятельность отъ нехозяйственной? И вотъ, не находя надежнаго отличительнаго признака хозяйства, Штаммлеръ непомѣрно расширяетъ это понятіе. Соціальнымъ хозяйствомъ, по его терминологіи, является всякое виѣшнимъ образомъ урегулированное «взаимодѣйствіе людей, направленное на удовлетвореніе потребностей человѣка» («Wirtschaft und Recht». S. 139). Нечего и говорить, что ни одинъ экономистъ не согласится съ такимъ опредѣленіемъ хозяйства. По Штаммлеру, соціальнымъ хозяйствомъ является, напр., театральное представленіе, судебное разбирательство, война, богослуженіе. Всякая совмѣстная, урегулированная дѣятельность человѣка оказывается хозяйствомъ, понятіе котораго, расширившись до такой степени, становится совершенно бессодержательнымъ. Не подлежит сомнію, что какъ наука политической экономіи, такъ и обычное словоупотребленіе исходитъ изъ совершенно иного понятія хозяйства, точнаго опредѣленія котораго хотя и нѣтъ, но которое смутно чувствуется каждымъ. Мы всѣ, «даже не обучавшіеся въ семинаріи», легко отличаемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какая дѣятельность входитъ въ составъ хозяйства, и какая нѣтъ. Трудность заключается лишь въ точномъ установленіи отличительныхъ признаковъ, которыми безсознательно руководствуется въ данномъ случаѣ разговорный языкъ.

Мы думаемъ, что понятіе хозяйства можетъ быть наилучше опредѣлено слѣдующимъ образомъ: *хозяйствомъ называется совокупность планомѣрныхъ, основанныхъ на расчетъ дѣйствій человека, направленныхъ на созданіе матеріальной обстановки, необходимой для удовлетворенія нашихъ потребностей.*

Хозяйственная дѣятельность отличается отъ нехозяйственной слѣдующими тремя признаками:

1) Хозяйственная дѣятельность предполагаетъ опредѣленный планъ, расчетъ, стремленіе достигнуть съ наименьшими усиліями, затратами,

наибольшей суммы пользы. Ідѣ этого разсчета нѣтъ, тамъ нѣтъ и хозяйства. Поэтому добываніе пищи дикарями Бюхеръ совершенно правильно отказывается признавать хозяйствомъ.

2) Хозяйственная дѣятельность всегда есть средство, а не цѣль. Хозяйство должно дать *возможность* удовлетворенія нашихъ потребностей, но само по себѣ оно еще не удовлетворяетъ нашихъ потребностей. Этимъ отличается хозяйственная дѣятельность отъ игры, забавы, спорта, художественнаго творчества и вообще отъ всякаго рода дѣятельности, которая служить сама по себѣ цѣлью. Исходя изъ этого признака мы называемъ хозяйствомъ охоту промысловаго охотника, живущаго этой охотой, и отказываемся называть хозяйствомъ охоту спортсмена-любителя, называемъ хозяйствомъ кустарное производство иконъ, но не считаемъ хозяйствомъ творчества истиннаго художника.

3) Хозяйство всегда направлено на внѣшній міръ, на матеріальную обстановку нашей жизни. Для удовлетворенія нашихъ потребностей необходимы извѣстные матеріальныя условія, созданіе которыхъ и есть дѣло хозяйства. Этимъ отличается хозяйственная дѣятельность отъ дѣятельности, направленной на насъ самихъ, а также и на другихъ людей, если эти люди сами по себѣ для насъ являются цѣлью. Поэтому дѣятельность учителя, судьи, врача, священника, актера, писателя и т. п. не относится къ области хозяйства. По этой же причинѣ потребленіе не есть хозяйство, задача котораго исполнена въ тотъ моментъ, какъ мы получили матеріальную возможность приступить къ потребленію.

По своему содержанію хозяйственная дѣятельность можетъ выражаться или въ измѣненіи внѣшней природы, приспособленіи ея къ нашимъ потребностямъ (производство), или въ измѣненіи нашего положенія въ пространствѣ по отношенію къ внѣшней природѣ (транспортъ), или же въ переходѣ владѣнія предметами внѣшняго міра отъ однихъ лицъ къ другимъ (обмѣнъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ непосредственной цѣлью хозяйственной дѣятельности остаются **возможное** улучшеніе матеріальныхъ условій, въ которыхъ находится то или иное лицо по отношенію къ удовлетворенію своихъ потребностей.

М. Туганъ-Барановскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОННА ВАННА.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Мориса Метерлинка.

Переводъ съ французскаго Т. Богдановичъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гвидо Колонна, начальникъ Пизанскаго гарнизона.

Марко Колонна, отецъ Гвидо.

Принципаль, наемный полководецъ на службѣ Флоренціи.

Тривульціо, комиссаръ флорентійской республики.

Джіованни (Монна Ванна), жена Гвидо.

Берсо, лейтенантъ Гвидо.

Торелло, лейтенантъ Гвидо.

Ведіо, секретарь Принципалья.

Вельможи, солдаты, крестьяне, мужчины и женщины изъ народа и т. п.
Первое и третье дѣйствія происходятъ въ Пизѣ; второе передъ городомъ.

Конецъ XV вѣка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала во дворцѣ Гвидо Колонна.

СЦЕНА I

Гвидо, Берсо и Торелло.

Они разговариваютъ около окна, изъ котораго видны окрестности Пизы.

Гвидо. Мы дошли теперь до такой крайности, что синьорія рѣшилась, наконецъ, открыть мнѣ тѣ бѣдствія, которыя она такъ долго отъ насъ скрывала. Обѣ арміи, посланныя Венеціей намъ на помощь, осаждены флорентійцами, одна въ Бибіенѣ, другая въ Эльчи. Проходы въ Верни, Кіузѣ и въ Монталонэ, Ареццо и всѣ выходы Казантина въ рукахъ непріятеля. Мы отрѣзаны отъ всего міра и ничто не защититъ насъ отъ ярости Флоренціи; а она неумолима, когда не дрожитъ за себя. Солдаты наши и народъ еще не знаютъ объ этихъ пораженіяхъ, но самые тревожные слухи начинаютъ распространяться. Что они сдѣлаютъ, когда узнаютъ истину? Ихъ ярость и ихъ ненависть обратятся на насъ и на синьорію... Они доведены до отчаянія, до безумія тремя

мѣсяцами осады, бесплоднаго героизма, голода и ужасныхъ страданій,—какихъ не переносилъ до сихъ поръ ни одинъ городъ. Единственная надежда, заставлявшая ихъ слушаться, затаивъ злобу, скоро рушится, и тогда—возмущеніе, вторженіе непріятеля и конецъ Пизы.

Борсо. У моихъ людей не осталось ничего... Ни одной стрѣлы, ни одной пули. Обыщите хоть всѣ бочки въ подземельяхъ, тамъ не найти ни одной унціи пороха.

Торелло. Я выпустилъ третьяго дня наше послѣднее ядро противъ батареи Сантъ-Антоніо и Стампачевой башни, у Страдіотовъ остались одни мечи и они отказываются выходить на укрѣпленія.

Борсо. Вонъ посмотрите, брешь, пробитая сегодня утромъ пушками Принцивала, въ этой стѣнѣ, которую защищали наши венеціанскіе союзники. Въ ней около 50 сажень; черезъ нее свободно пройдетъ цѣлое стадо овецъ. Удержаться тамъ нѣтъ возможности. И римская пѣхота, и славяне, и албанцы заявили мнѣ, что уйдутъ, если капитуляція не будетъ подписана сегодня же вечеромъ.

Гвидо. Уже три раза за послѣдніе десять дней синьорія посылала своихъ старѣйшихъ членовъ, чтобы обсудить условія капитуляціи. Они не вернулись къ намъ.

Торелло. Принцивалъ не можетъ простить намъ убійства своего лейтенанта, Антоніо Рено, растерзаннаго на нашихъ улицахъ разъяренной толпой. Флоренція воспользовалась этимъ, чтобы объявить насъ вѣтъ закона; она хочетъ поступить съ нами, какъ съ варварами.

Гвидо. Я послалъ своего отца, чтобы онъ объяснилъ имъ и оправдалъ проступокъ обезумѣвшей толпы, которую мы не въ состояніи были сдержать. Это священный заложникъ, но и онъ не вернулся...

Борсо. Ужъ больше недѣли городъ открытъ со всѣхъ сторонъ, стѣны разрушены, пушки молчатъ. Почему Принцивалъ не идетъ на приступъ? Или онъ боится какой-нибудь западни? Или у него не хватаетъ храбрости, или, наконецъ, Флоренція дала ему какія-нибудь тайныя инструкціи?

Гвидо. Инструкціи Флоренціи всегда таинственны. Но намѣренія ея ясны. Пиза слишкомъ долго состоитъ вѣрной союзницей Венеціи и примѣръ ея тревожитъ другіе маленькіе города Тосканы:—ясно, Пизанская республика должна исчезнуть... Понемногу, дѣйствуя искусно и изъподтишка, Флоренція разожгла эту войну, вызывая противника на необычныя жестокости и вѣроломства, чтобы заранѣе оправдать будущую месть. Я не безъ основанія подозреваю, что ея эмиссары подбили нашихъ крестьянъ покончить съ Рено. Не безъ причины также она послала противъ насъ самаго жестокаго изъ своихъ наемниковъ, этого дикаго Принцивала, стяжавшаго такую мрачную славу при разграбленіи Пяченцы. По ошибкѣ, какъ говорятъ, онъ велѣлъ умертвить тамъ всѣхъ вооруженныхъ мужчинъ, а пять тысячъ свободныхъ женщинъ продалъ въ рабство.

Борсо. Это не совсѣмъ такъ. И избіеніе, и продажа въ рабство были исполнены по приказу эмиссаровъ Флоренціи, а не Принцивала. Я самъ никогда не видалъ Принцивала, но одинъ изъ моихъ братьевъ зналъ его. Онъ варваръ по происхожденію: отецъ его былъ не то баскъ, не то бретонецъ; у него была ювелирная лавка въ Венеціи. Онъ низкаго происхожденія, это вѣрно, но онъ совсѣмъ не такой дикарь, какъ думаютъ. Онъ человѣкъ опасный—вспыльчивый, своенравный, разгульный, но вѣрный и честный. Я безъ опасенія отдалъ бы ему свой мечъ.

Гвидо. Не отдавайте лучше, пока онъ еще можетъ защищать васъ. Мы увидимъ его на дѣлѣ и узнаемъ, кто изъ насъ правъ. А въ ожиданіи, испробуемъ послѣднее средство, которое остается тому, кто не хочетъ дать себя задушить, не пошевеливъ головой и не поднявъ руки. Прежде всего надо открыть всю правду солдатамъ, гражданамъ и крестьянамъ, укрывшимся въ городѣ. Пусть они знаютъ, что намъ не предлагаютъ капитуляціи. Пусть они знаютъ, что дѣло идетъ не о миролюбивой войнѣ, когда великія арміи бьются отъ восхода до заката солнца и оставляютъ на полѣ сраженія трехъ раненыхъ, и не о братской осадѣ, когда побѣдитель скоро дѣлается гостемъ и лучшимъ другомъ побѣжденнаго. Это—безпощадная война, гдѣ рѣшается вопросъ жизни и смерти, гдѣ наши жены, наши дѣти...

СЦЕНА II.

Тѣ же и Марко.

Входитъ Марко. Гвидо замѣчаетъ его, бѣжитъ къ нему навстрѣчу и обнимаетъ его.

Гвидо. Отецъ!.. Какой счастливый случай среди всѣхъ нашихъ бѣдствій, какое чудо возвращаетъ намъ васъ, когда я пересталъ уже надеяться? Вы не ранены? Вамъ трудно идти! Они мучили васъ? Вамъ удалось спастись? Что же они надъ вами сдѣлали?

Марко. Ничего! Благодареніе Богу, ничего! Они вовсе не такіе варвары. Они приняли меня, какъ почетнаго гостя. Принцивалъ читалъ мои произведенія; онъ говорилъ со мной по поводу трехъ діалоговъ Платона, которые я нашелъ и перевелъ. А иду я съ трудомъ оттого, что я старъ и возвращаюсь издалека. Знаете ли вы, кого я встрѣтилъ въ палаткѣ Принцивала?

Гвидо. Я догадываюсь: безжалостныхъ комиссаровъ Флоренціи.

Марко. Да, правда, и ихъ также; по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ,—я видѣлъ только одного. Но первый, съ кѣмъ меня тамъ познакомили, былъ Марцелъ Фидинъ, уважаемый учитель, открывшій Платона. Марцелъ Фидинъ—это душа Платона, снова явившаяся на землѣ!.. Я отдалъ бы десять лѣтъ жизни, чтобы увидѣть его, прежде чѣмъ отправлюсь туда, куда отправляются всѣ. Мы встрѣтились точно два брата, наконецъ нашедшіе другъ друга. Мы говорили о Гезіодѣ, объ Аристотелѣ, о Гомерѣ. Онъ нашелъ въ оливковой рошѣ на берегу Арно, недалеко отъ лагеря, зарытый въ песокъ торсъ богини, такой дивно

прекрасный, что вы забыли бы о войнѣ, если бы увидѣли его. Мы стали рыть дальше; онъ нашелъ обломокъ руки, а я двѣ кисти рукъ, тонкія и изящныя, точно созданныя, чтобъ порождать улыбки, окроплять росой, ласкать зарю. Легкіе пальцы одной были сложены такъ, будто она нѣжно касалась груди, другая все еще сжимала ручку зеркала.

Гвидо. Отецъ, не забывайте, что цѣлый народъ умираетъ съ голоду и ему не до нѣжныхъ рукъ и не до бронзовыхъ торсовъ.

Марно. Это торсъ мраморный.

Гвидо. Пусть такъ, но поговоримъ лучше о тридцати тысячахъ жизней, которыя можетъ погубить малѣйшая неосторожность, минута промедленія, а во время сказанное слово, хорошая вѣсть, можетъ быть, спасти. Вы отправились туда не ради торсовъ и осколковъ рукъ. Что они сказали вамъ? Что хотятъ сдѣлать съ нами Флоренція и Принцивалъ? Скажите скорѣй! Чего они ждуть? Развѣ вы не слышите, какъ эти несчастные кричатъ тамъ подь окнами? Они рвутъ другъ у друга траву, которая растетъ среди камней.

Марно. Правда. Я и забылъ, что вы ведете войну теперь, когда вновь рождается весна; когда небо дышетъ счастьемъ, какъ пробуждающийся король; когда море вздымается, какъ сверкающая чаша, которую богиня воздуха предлагаетъ богамъ воздуха; когда земля такъ прекрасна и такъ полна любви къ людямъ. Но у васъ свои радости, а я слишкомъ долго говорилъ о моихъ. Да, вы правы; у меня есть вѣсть, которую я давно долженъ былъ сообщить вамъ. Тридцать тысячъ жизней могутъ быть спасены, и вся тяжесть должна лечь на одну. Но она зато можетъ покрыть себя высокой и чистой славой, болѣе высокой и чистой, чѣмъ военная слава. Дѣло вотъ въ чемъ. Но не приходите въ ужасъ отъ первыхъ словъ, не отрѣзывайте себѣ отступленія, не давайте тѣхъ клятвъ, которыя связываютъ разумъ, если бы онъ захотѣлъ измѣнить рѣшеніе.

Гвидо (*отпуская жестомъ своихъ офицеровъ*). Ступайте.

Марно. Нѣтъ, оставайтесь... Сейчасъ рѣшится наша общая участь... Мнѣ бы хотѣлось, напротивъ, чтобы зала была переполнена всѣми жертвами, которыхъ мы можемъ спасти; чтобы несчастные, которыми мы принесемъ избавленіе, слышали подь окнами вѣсть спасенія, такъ какъ я приношу спасеніе, если только вашъ разумъ приметъ его. Десять тысячъ умовъ съ трудомъ перетянуть вѣсь одной ошибки, тяжесть которой я чувствую тѣмъ болѣе, что я самъ...

Гвидо. Отецъ, прошу васъ, оставимъ эти загадки. Что это за условіе, о которомъ надо такъ пространно говорить? Намъ можно все сказать, мы дожили до такого времени, когда ничѣмъ нельзя удивить.

Марно. Такъ вотъ, я видѣлъ Принцивала и говорилъ съ нимъ. Какъ странно и невѣрно рисуютъ люди образъ того, кого они боятся!.. Я, какъ Пріамъ, шелъ въ ставку Ахиллеса. Я думалъ, что встрѣчу варвара, надменнаго и тупого, какимъ его изображали, безумца, вѣчно

окровавленного и пьяного, съ испышками геніальности, неизвѣстно откуда являющимися на полѣ битвы... Я думалъ, что увижу демона войны, слѣпого, дикаго, жестокаго, тщеславнаго и коварнаго.

Гвидо. Принципаль именно таковъ, кромѣ развѣ коварства.

Борсо. Это вѣрно, онъ вполне честенъ, хотя и служить Флоренціи, онъ два раза доказалъ намъ свою честность.

Марко. Я встрѣтилъ человѣка, склонившагося передо мной, какъ любящій ученикъ склоняется передъ учителемъ. Онъ образованъ, краснорѣчивъ, исполненъ мудрости и преданъ наукѣ. Онъ умѣетъ слушать и глубоко чувствуетъ красоту. Его улыбка полна ума; отъ мягокъ, великодушенъ и не любитъ войны. Онъ старается проникнуть въ сущность вещей и въ причины страстей. Онъ умѣетъ заглядывать въ самого себя; онъ исполненъ честности и искренности и служитъ коварной республикѣ противъ воли. Жизненные случайности или, быть можетъ, судьба познакомили его съ оружіемъ и вывели его на славное поприще, которое онъ ненавидитъ и хочетъ покинуть... Но раньше онъ во что бы то ни стало хочетъ исполнить одно свое желаніе, роковое желаніе... Такія желанія бываютъ у нѣкоторыхъ людей, рожденныхъ, повидимому, подъ опасной звѣздой великой и недоступной любви...

Гвидо. Отецъ, не забывайте, какъ тяжело ожиданіе для тѣхъ, кто умираетъ съ голоду! Оставимъ всѣ эти качества, которыя насъ не касаются, и откройте намъ, наконецъ, обѣщанную вѣсть спасенія.

Марко. Правда, я, быть можетъ, совершенно напрасно медлю, хотя эта вѣсть жестока именно для двухъ самыхъ дорогихъ для меня существъ...

Гвидо. Свою долю я принимаю, но на кого же падаетъ вторая?

Марко. Слушайте... Когда я шелъ сюда, то это казалось страннымъ и труднымъ, но съ другой стороны такая чудесная возможность спасенія...

Гвидо. Говорите же!

Марко. Флоренція рѣшила уничтожить насъ. Военные децемвиры нашли это необходимымъ и сенаторія утвердила ихъ декретъ. Рѣшеніе это неизмѣнно. Но осторожная и лицемѣрная, Флоренція не хочетъ нести передъ міромъ, который она цивилизуетъ, отвѣтственность за слишкомъ варварскую побѣду. Она будетъ утверждать, что Пиза отвергла милостивыя условія капитуляціи, которыя она ей предлагала. Городъ будетъ взятъ приступомъ. Туда пустятъ испанскихъ и германскихъ наемниковъ. Этимъ совершенно лишнее дѣлать особые распоряженія, когда дѣло идетъ о насиліяхъ, грабежѣ, поджогахъ и избиеніи. Вполнѣ достаточно, чтобы они не чувствовали надъ собой палки начальника; а начальники ихъ въ этотъ день постараются сдѣлать видъ, что они не могутъ съ ними справиться. Вотъ какая участь насъ ожидаетъ. А городъ красной линіи *) будетъ выражать сожалѣнія по поводу

*) Гербъ Флоренціи.

злѣдѣйства, если оно превзойдетъ его самыя смѣлыя ожиданія, и пѣликомъ отнесетъ его на счетъ непредвидѣнной распущенности наемныхъ солдатъ. Онъ распустилъ ихъ съ видомъ отвращенія, какъ только сможетъ обойтись безъ нихъ послѣ нашего истребленія.

Гвидо. Я узнаю Флоренцію.

Марко. Вотъ устные и секретныя распоряженія, данныя республикой Принцивалю. Цѣлую недѣлю они побуждаютъ его назначить этотъ рѣшающій приступъ. До сихъ поръ онъ откладывалъ его подъ различными предлогами. Съ другой стороны, онъ перехватывалъ письма, въ которыхъ комиссары, слѣдящіе за каждымъ его шагомъ, обвиняютъ его передъ синьоріей въ измѣнѣ. Какъ только Пиза будетъ разрушена и война окончена, его будетъ ждать во Флоренціи судъ, пытки и казнь, какъ многихъ генераловъ, казавшихся республикѣ опасными. Ему извѣстна его участь.

Гвидо. Хорошо. Что же онъ предлагаетъ?

Марко. Онъ ручается за нѣкоторую часть стрѣлковъ, которыхъ онъ самъ нанялъ. И, во всякомъ случаѣ, онъ совершенно увѣренъ въ гвардіи изъ ста человѣкъ, составляющей ядро войска и всецѣло ему преданной. Онъ предлагаетъ вамъ ввести въ Пизу всѣхъ, кто захочетъ слѣдовать за нимъ и защищать ее противъ войска, которое онъ покидаетъ.

Гвидо. Людей у насъ достаточно, мы не нуждаемся въ такихъ опасныхъ союзникахъ. Пусть намъ дадутъ пороху, пуль и припасовъ.

Марко. Хорошо. Онъ предвидѣлъ, что вы откажетесь отъ предложенія, которое можетъ показаться подозрительнымъ. Онъ предлагаетъ ввести въ городъ обозъ изъ трехсотъ возовъ провизіи и вооруженія, только что пришедшій въ лагерь.

Гвидо. Какъ же онъ это устроитъ?

Марко. Не знаю, но онъ дѣлаетъ все, что хочетъ. Несмотря на присутствіе флорентійскихъ комиссаровъ, онъ полновластный хозяинъ лагеря, пока синьорія не отозвала его. А она не рѣшится отозвать его наканунѣ сраженія отъ войска, у котораго добыча уже почти въ рукахъ и которое вѣритъ въ него. Она поневолѣ выжидаетъ время...

Гвидо. Допустимъ! Я понимаю, что онъ спасаетъ насъ, чтобы спасти самого себя и заранѣе отмстить за себя. Но онъ могъ бы сдѣлать это болѣе блестящимъ или болѣе ловкимъ способомъ. Что ему за выгода такъ раздражать своихъ враговъ? Чего онъ проситъ въ замѣнъ?

Марко. Наступаетъ минута, сынъ мой, когда слова становятся жестокими и могучими, когда два-три слова получаютъ всю силу судьбы и ищутъ своихъ жертвъ. Меня приводитъ въ содроганіе мысль, что отъ звука моего голоса, отъ того, какъ я буду говорить, зависитъ смерть или спасеніе столькихъ людей.

Гвидо. Я не могу догадаться. Самыя жестокія слова мало прибавляютъ къ дѣйствительнымъ страданьямъ.

Марко. Я уже говорилъ вамъ: Принципаль, повидимому, уменъ, благороденъ и великодушенъ. Но можно ли найти мудреца, у котораго нѣтъ какой-нибудь безумной фантазіи; можно ли найти добраго человѣка, не питавшаго какой-нибудь чудовищной идеи? Направо помѣщается разумъ, состраданіе, справедливость, налѣво совсѣмъ иное, желанія, страсти, быть можетъ, кто знаетъ, безумство, которое такъ часто овладѣваетъ нами! Я самъ впадалъ въ него; оно можетъ овладѣть вами и могло бы вновь овладѣть мною. Такъ созданъ человѣкъ... Горе, превышающее человѣческія силы, сторожитъ васъ. А я, видѣвшій ясно, что оно не будетъ пропорціонально тому злу, которое его вызоветъ, я далъ обѣщаніе еще болѣе безразсудное, чѣмъ это безразсудное горе... И это безразсудное обѣщаніе будетъ безразсудно выполнено вѣстникомъ благородія, которымъ я хотѣлъ бы явиться передъ вами... Я обѣщалъ вернуться во вражескій лагерь, если вы не примете его предложенія. Что ждетъ меня тамъ? Очень вѣроятно, мученіе и смерть. Тѣмъ не менѣе, я вернусь. Напрасно я говорю себѣ, что это безуміе, которое я облакаю въ пурпуръ, чтобы создать себѣ иллюзію,—я сдѣлаю это безуміе, которое не могу не порицать... у меня тоже не хватаетъ силъ слѣдовать своему разуму... Но я все еще не сказалъ вамъ... Ахъ, я не знаю, что дѣлать! Я нанизываю слова, я придумываю фразы, чтобы только отдалить хоть немного рѣшительную минуту... Но, быть можетъ, я напрасно такъ сомнѣваюсь въ васъ! Итакъ, онъ сегодня же вечеромъ пришлетъ въ Пизу весь этотъ громадный обозъ, всѣ эти припасы, которые я видѣлъ, телѣги, полныя зерна, вина, фруктовъ, овощей, стада барановъ, стада быковъ, столько всего, что можно цѣлые мѣсяцы кормить весь народъ, столько бочекъ пороху, столько слитковъ свинца, что Пиза безъ труда побѣдитъ Флоренцію и укрѣпится вновь, и это все будетъ въ городѣ сегодня же, если взамѣнъ этого вы пошлете Принципалу на одну только ночь, такъ какъ при первыхъ лучахъ зари онъ отправитъ ее обратно; только онъ требуетъ въ знакъ покорности и смиренія, чтобы она пришла одна и обнаженная, прикрытая только своимъ плащомъ...

Гвидо. Да кто же? Кто долженъ придти?

Марко. Джіованна.

Гвидо. Кто?.. Жена моя... Ванна?

Марко. Да, твоя Джіованна, я уже сказалъ!

Гвидо. Но почему именно моя Джіованна, если у него такого рода желанія? Вѣдь есть же тысячи женщинъ...

Марко. Она самая прекрасная, и онъ любитъ ее.

Гвидо. Онъ любитъ ее? Гдѣ же онъ ее видѣлъ? Онъ не знаетъ ее.

Марко. Онъ видѣлъ ее, онъ ее знаетъ, но онъ не захотѣлъ сказать, какимъ образомъ и съ какихъ поръ.

Гвидо. А она, она тоже его видѣла? Гдѣ же онъ ее встрѣчалъ?

Марко. Она никогда его не видѣла, во всякомъ случаѣ не помнитъ.

Гвидо. Откуда вы это знаете?

Марко. Она сама мнѣ сказала.

Гвидо. Когда?

Марко. Передъ тѣмъ, какъ я пришелъ къ вамъ.

Гвидо. И вы сказали ей?..

Марко. Все.

Гвидо. Все... Что?.. Весь этотъ позорный торгъ?.. И вы осмѣлились?..

Марко. Да.

Гвидо. И что же она отвѣтила?

Марко. Она ничего не отвѣтила, она поблѣднѣла и удалилась, не сказавъ ни слова.

Гвидо. Да, это самое лучшее... Она могла бы броситься на васъ, плюнуть вамъ въ лицо или упасть къ вашимъ ногамъ... но такъ всего лучше... Поблѣднѣть и уйти!.. Такъ поступилъ бы ангелъ... Не надо было ничего говорить; и мы, въ свою очередь, тоже не будемъ больше ничего говорить... Мы займемъ снова наши мѣста на укрѣпленіяхъ, и если придется умереть тамъ, мы умремъ, не покрывъ грязью нашего пораженія.

Марко. Сынъ мой, я понимаю тебя; испытаніе почти такъ же трудно для меня, какъ и для тебя, но ударъ уже нанесенъ. Подождемъ, пока разсудокъ не отведетъ надлежащаго мѣста нашему горю и нашимъ обязанностямъ.

Гвидо. Обязанность одна предъ такимъ гнуснымъ предложеніемъ; размышленіе только усиливаетъ отвращеніе къ нему.

Марко. Но подумай, имѣешь ли ты право обречь на смерть цѣлый народъ, чтобы отсрочить на нѣсколько печальныхъ часовъ неизбежное несчастье? Когда Пиза будетъ взята, Ванна все равно окажется во власти побѣдителя.

Гвидо. Нѣтъ... это уже мое дѣло.

Марко. Пусть такъ! Но тысячи жизней!.. Неужели ты не согласишься, что это много, слишкомъ много, несправедливо, быть можетъ... Если бы отъ этого выбора зависѣло только твое счастье, ты избралъ бы смерть, и я понялъ бы это... Хотя я самъ, достигшій предѣла жизни и видѣвшій на своемъ вѣку много людей, а стало быть, и много горя, я нахожу, что неразумно предпочитать какимъ угодно страданіямъ, физическимъ или нравственнымъ, ужасную холодную, смерть съ ея вѣчнымъ молчаніемъ... Но здѣсь дѣло идетъ о тысячахъ жизней, о товарищахъ по оружію, о женщинахъ, о дѣтяхъ. Сдѣлайте, что требуетъ отъ васъ этотъ безумецъ, и то, что вамъ представляется чудовищнымъ, покажется геройствомъ тѣмъ, кто останется въ живыхъ и и кто будетъ смотрѣть на вашъ поступокъ болѣе спокойнымъ, болѣе справедливымъ и болѣе гуманнымъ взглядомъ. Повѣрьте мнѣ, никакая плата не можетъ быть чрезмерной для спасенія жизни, всѣ добродѣтели,

всѣ идеалы человѣка, все, что называютъ честью, вѣрностью, и т. п., все кажется дѣтской игрой въ сравненіи съ этимъ. Ты хочешь выйти чистымъ изъ ужаснаго испытанія, ты хочешь остаться героемъ, но ты ошибаешься, думая, что героизмъ не можетъ имѣть иной вершины, кромѣ смерти. Самый геройскій поступокъ всегда самый трудный и смерть часто легче жизни.

Гвидо. И вы—отецъ мнѣ?

Марко. Да, и я горжусь этимъ. Если я иду противъ тебя сегодня, то я борюсь и съ самимъ собой, и я любилъ бы тебя менѣе, если бы ты сразу уступилъ.

Гвидо. Да, вы отецъ мнѣ, и вы доказали это,—вы вѣдь тоже избежете смерть. Я не принимаю гнуснаго условія, и вы вернетесь во вражескій лагерь навстрѣчу тому, что готовить вамъ Флоренція.

Марко. Сынъ мой, дѣло идетъ здѣсь не только обо мнѣ, о бесполезномъ старцѣ, жизнь котораго приходитъ къ концу и до котораго никому нѣтъ дѣла... Потому-то я и думаю, что мнѣ не стоитъ бороться съ укоренившимся во мнѣ безуміемъ и тратить много трудовъ на то, чтобы поступить согласно съ высшей мудростью... Я не знаю, зачѣмъ я туда пойду... въ моемъ старомъ тѣлѣ живетъ слишкомъ молодая душа, и я самъ принадлежу къ поколѣнію, слишкомъ удаленному отъ эпохи владычества разума... но я жалѣю, что силы прошлаго мѣшаютъ мнѣ нарушить безразсудное общаніе.

Гвидо. Я послѣдую вашему примѣру.

Марко. Что ты хочешь сказать?

Гвидо. Что поступлю, какъ и вы, что останусь вѣрнымъ этимъ силамъ прошлаго, которыя вамъ кажутся нелѣпыми, но которыя, по счастью, еще имѣютъ власть надъ вами.

Марко. Онѣ не имѣютъ надо мною власти, когда дѣло идетъ о другихъ. И если, чтобъ внести свѣтъ въ твою душу, нужна жалкая жертва моимъ стариковскимъ словомъ, я отказываюсь въ душѣ сдерживать свое общаніе и, какъ бы ты ни поступилъ, я не пойду туда...

Гвидо. Отецъ, довольно. У меня могутъ сорваться слова, которыхъ сынъ не долженъ говорить отцу, когда тотъ заблуждается...

Марко. Говори, мой сынъ, скажи всѣ слова, какія негодованіе хочешь исторгнуть изъ твоего сердца... Я приму ихъ, какъ доказательство истиннаго горя. Моя любовь къ тебѣ не зависитъ отъ словъ, какія ты можешь сказать. Но, проклиная меня, позволь, чтобъ мѣсто проклятій, которыя гнѣвъ вырветъ изъ твоего сердца, заняло разумное и великодушное состраданіе.

Гвидо. Довольно. Больше я не хочу слушать. Подумайте и вообразите себѣ то, что вы хотите заставить меня сдѣлать. Въ эту минуту не мнѣ, а вамъ измѣнилъ разумъ, высокій и благородный разумъ; страхъ смерти смутилъ вашу мудрость! Я же смотрю на эту смерть съ меньшей тревогой; я помню уроки мужества, которые вы мнѣ давали, прежде чѣмъ

годы и безплодныя книжныя знанія поколебали ваше. Мы одни въ этой залѣ, никто не былъ свидѣтелемъ вашей слабости, мои два лейтенанта будутъ хранить вмѣстѣ со мной эту тайну, которую, увы! мы не унесемъ далеко отсюда. Пусть это будетъ похоронено въ нашихъ сердцахъ, и поговоримъ теперь о послѣдней битвѣ...

Марко. Нѣтъ, сынъ мой, это не можетъ быть похоронено. Годы и безплодныя занятія научили меня тому, что нельзя ни ради какой цѣли похоронить такимъ образомъ хотя бы одну человѣческую жизнь. Если вы думаете, что у меня нѣтъ уже того мужества, которое вы прославляете, то у меня осталось иное, менѣ замѣтное, быть можетъ, и менѣ прославляемое людьми, такъ какъ оно приноситъ меньше зла, а люди преклоняются передъ тѣмъ, что заставляетъ ихъ страдать. Это мужество поможетъ мнѣ исполнить мой послѣдній долгъ.

Гвидо. Какой же это долгъ?

Марко. Я закончу то, что такъ неудачно началъ. Ты былъ однимъ изъ судей, но ты не былъ единственнымъ. Всѣ, чья жизнь или смерть рѣшаются въ этотъ часъ, имѣютъ право знать свою участь, знать, отъ чего зависитъ ихъ спасеніе.

Гвидо. Я не вполне понимаю, по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что еще не вполне понялъ... Вы хотите сказать?

Марко. Я хочу сказать, что выйдя изъ этой залы я сообщу народу то предложеніе, которое сдѣлалъ тебѣ Принципаль и которое ты отвергъ.

Гвидо. Прекрасно. На этотъ разъ я понялъ. Я сожалею, что безполезный разговоръ завелъ насъ такъ далеко, и сожалею, что ваше заблужденіе заставляетъ меня нарушить уваженіе, подобающее вашему возрасту; но долгъ сына—защищать отца даже противъ него самого, если онъ ошибается. Кромѣ того, пока Пиза существуетъ, я ея господинъ, хранитель ея чести... Борсо и Торелло, я доверяю вамъ своего отца; вы будете наблюдать за нимъ, пока разумъ его прояснится... Здѣсь ничего не произошло. Никто не будетъ ничего знать. Отецъ мой, я прощаю васъ. Вы простите меня тогда, когда послѣдняя минута оживитъ въ васъ воспоминанія о тѣхъ дняхъ, когда вы учили меня быть человѣкомъ, чуждымъ страха и добровольной слабости.

Марко. Я прощаю тебѣ, сынъ мой, раньше послѣдняго часа, я поступилъ бы такъ же, какъ и ты. Пусть ты лишишь меня свободы, но тайна моя свободна. Теперь ужъ поздно заглушать мой голосъ...

Гвидо. Что это значитъ?

Марко. Это значитъ, что въ настоящую минуту синьорія обсуждаетъ предложеніе Принципала.

Гвидо. Синьорія?.. Кто же ей сообщилъ?

Марко. Я самъ, передъ тѣмъ какъ сообщить вамъ.

Гвидо. Нѣтъ, это невозможно! Не можетъ быть, чтобы страхъ смерти и опустошенія, произведенныя въ вашемъ сердцѣ старостью, могли до-

вести васъ до такого безумія! Предать мое единственное счастье, всю мою любовь, всю мою радость, всю чистоту моей и ея жизни въ чужія руки, которыя будутъ хладнокровно взвѣшивать и измѣрять его, какъ онѣ взвѣшиваютъ въ своихъ лавкахъ соль или мѣрятъ масло!.. Я еще не вѣрю этому... Я повѣрю только, когда увижу своими глазами. А когда увижу, я посмотрю на васъ, на васъ, мой несчастный отецъ! Я васъ любилъ, я думалъ, что знаю васъ, я старался походить на васъ и теперь я посмотрю на васъ съ большимъ изумленіемъ, съ такимъ же ужасомъ, какъ на то подлое и отвратительное чудовище, которое заставляетъ васъ погружаться во всю эту грязь!..

Марко. Ты правъ, мой сынъ, ты плохо знаешь меня; и въ этомъ я виню самого себя. Когда пришла старость, я не сумѣлъ передать тебѣ того, чему она научила меня о жизни, о любви, о горѣ и радости человѣка... Мы часто живемъ такъ рядомъ съ тѣми, кого мы любимъ, и не говоримъ имъ именно того, что только и важно было бы сказать. Люди идутъ по пути жизни, убаюканные прошлымъ, думая, что все измѣняется вмѣстѣ съ ними, а когда какое-нибудь несчастье пробуждаетъ ихъ, они съ удивленіемъ замѣчаютъ, какъ они далеки другъ отъ друга... Если бы я раньше раскрывалъ передъ тобой всѣ перемѣны, происходившія въ моемъ сердцѣ, суетныя мысли, испарявшіяся оттуда, и истинныя понятія, занимавшія ихъ мѣсто, я не стоялъ бы сегодня передъ тобой, какъ жалкій незнакомецъ, котораго ты готовъ возненавидѣть!

Гвидо. Я счастливъ, что такъ поздно узналъ васъ... Что же касается остального—тѣмъ хуже. Я напередъ знаю, какъ рѣшить синьорію. Слишкомъ легко спастись такимъ образомъ за счетъ одного человѣка; передъ такимъ искушеніемъ не устояло бы и болѣе благородное мужество, чѣмъ мужество этихъ горожанъ, жалѣющихъ только свои прилавки. Но они не имѣютъ права этого отъ меня требовать! Этого никто не можетъ отъ меня требовать! Я отдалъ имъ свою кровь, спокойствіе своихъ ночей, всѣ труды, всѣ страданія долгой осады. Этого довольно и это все, что я могу дать,—остальное принадлежитъ мнѣ. Я ихъ не послушаюсь и напомню, что я—начальникъ еще. У меня остаются еще мои триста страдотовъ; они повинуются только моему голосу и не послѣдуютъ подлымъ совѣтамъ.

Марко. Ты ошибаешься, сынъ мой. Пизанская синьорія, и эти горожане, которыхъ ты презираешь, не зная еще, какъ они рѣшатъ, подали въ минуту бѣдствія прекрасный примѣръ благородства и твердости. Они не пожелали, чтобы ихъ спасеніе покоилось на исторгнутой у женщины жертвѣ ея чистотой и ея любовью. Въ ту минуту, когда я оставилъ ихъ, они послали за Вайной, чтобъ отдать въ ея руки участь города.

Гвидо. Какъ!... Они осмѣлились! Они осмѣлились, когда меня не было, повторить передъ ней безстыдные слова этого бѣшеннаго сатира? Моя Ванна... Подумать только объ ея нѣжномъ лицѣ, краснѣющемъ отъ

одного взгляда, о ея стыдливости, еще болѣе отгнѣняющей блескъ ея красоты!.. Моя Ванна!.. передъ этими стариками съ маслявыми глазками, передъ этими торгашами съ блѣдными лицами и лицемѣрными улыбками, которые трепетали передъ ней, какъ передъ святыней. И они скажутъ ей: «Поди туда одна и обнаженная, какъ онъ требуетъ». Отдать ему это тѣло, котораго не смѣло коснуться ничье желаніе, такимъ чистымъ и дѣвственнымъ оно казалось, которое я—супругъ ея—держалъ раскрывать, прося свои руки, умолая глаза свои оставаться чистыми и цѣломудренными, чтобы не оскорбить его трепетомъ... И въ это самое время, пока я разсуждаю, они говорятъ ей... Они тверды и благородны... они не заставляютъ ее идти противъ воли... Какъ же бы они поступили, если бы я былъ тамъ? Имъ нужно только ея согласіе... А мое согласіе, кто спрашивалъ меня объ немъ?

Марко. Я, сынъ мой. И если я не добился его, они придутъ въ въ свою очередь...

Гвидо. Имъ незачѣмъ приходить, Ванна отвѣтитъ имъ за насъ обоихъ.

Марко. Я надѣюсь, если только ты примешь ея отвѣтъ.

Гвидо. Ея отвѣтъ? Такъ вы сомнѣваетесь въ немъ?.. А вы знаете ее, вы видѣли ее каждый день, съ перваго часа, когда она, осыпанная цвѣтами, озаренная улыбкой своей единственной любви, переступила порогъ той самой залы, гдѣ вы торгуете ею, гдѣ вы осмѣлились усумниться въ единственномъ отвѣтѣ, какой можетъ дать женщина отцу, забывшемуся до того, что онъ готовъ желать...

Марко. Сынъ мой, каждый видитъ въ другомъ то, что онъ находитъ въ самомъ себѣ, и каждый понимаетъ его иначе, не выше уровня собственной совѣсти.

Гвидо. Да... Поэтому-то, конечно, я плохо зналъ васъ. Но если глазамъ моимъ суждено открыться дважды на двѣ такія ужасныя ошибки, я предпочелъ бы, о мой Богъ, закрыть ихъ навсегда!

Марко. Они увидѣли бы, сынъ мой, больше свѣта. Я говорю такъ, потому что я видѣлъ въ ней силу, которой ты не видѣлъ. И не сомнѣваюсь въ ея отвѣтѣ.

Гвидо. Если вы не сомнѣваетесь, то и я не сомнѣваюсь, я принимаю ея рѣшеніе теперь же заранѣе, безъ колебаній, слѣпо, неизмѣнно. Если оно не совпадетъ съ моимъ, значитъ, мы ошибались другъ въ другѣ съ перваго часа до этого послѣдняго дня. Значитъ—любовь наша была величайшей ложью, которая распадается въ прахъ; значитъ все, что я обожалъ въ ней, жило здѣсь, въ этой блѣдной, черезчуръ довѣрчивой головѣ, которая теперь на границѣ безумія, въ этомъ несчастномъ сердцѣ, знавшемъ лишь одно счастье и любившемъ призракъ!

СЦЕНА III.

ТѢ же и Ванна.

Слышеть гулъ толпы, повторяющей имя моны Ванны. Дверь въ глубинѣ открывается, и Ванна, вся блѣдная, входитъ одна въ залу; въ дверяхъ же, не рѣшаясь войти, толпятся мужчины и женщины.

Гвидо (*увидѣвъ Джіованну, бросается къ ней, беретъ ее за руки, ласкаетъ ея лицо и съ лихорадочной нѣжностью обнимаетъ ее*). Моя Ванна!.. Что они сдѣлали?.. Нѣтъ, не повторяй мнѣ того, что они говорили! Дай взглянуть на твой лобъ, заглянуть въ глубину твоихъ глазъ. А! все осталось чистымъ и яснымъ, какъ вода, въ которой купаются ангелы! Они не смогли загрязнить ничего изъ того, что я любилъ, и всѣ ихъ слова падали, какъ камни, бросаемые въ небо, которые ни на минуту не смущаютъ ясность лазури! Когда они увидѣли эти глаза, они не осмѣлились ни о чемъ просить, я увѣренъ, они не потребовали отвѣта. Ихъ ясность была уже отвѣтомъ. Она, точно озеро любви и свѣта, легла преградой между ихъ мыслями и твоими... А теперь, посмотри, подойди ближе... Вотъ человѣкъ, котораго я зову отцомъ... Видишь, онъ опускаетъ голову, бѣлые волосы скрываютъ его... Надо простить ему... Онъ старъ и ошибается... Надо имѣть къ нему состраданіе, надо пересилить себя. Твои глаза не могутъ вернуть ему разумъ, до того онъ далекъ отъ насъ. Онъ не знаетъ насъ; наша любовь была для его слѣпой старости, точно апрѣльскій дождь для жѣлового утеса... Ни одинъ изъ ея лучей не коснулся его, онъ не подстерегъ ни одного изъ нашихъ поцѣлуевъ... Онъ думаетъ, что мы любимъ, какъ тѣ, которые не умѣютъ любить. Онъ только слова можетъ понять, ему нуженъ твой отвѣтъ... Скажи же ему свой отвѣтъ.

Ванна (*подходя къ Марко*). Отецъ, я пойду сегодня вечеромъ.

Марко (*цѣлуя ее въ лобъ*). Я это зналъ, дочь моя...

Гвидо. Что?.. Что ты ему сказала?.. Ты говоришь ему или мнѣ?

Ванна. И тебѣ также, Гвидо... Я должна повиноваться...

Гвидо. Но кому? Въ этомъ все... Я все еще не понимаю...

Ванна. Я пойду вечеромъ въ лагерь Принцивала.

Гвидо. И отдашься ему, какъ онъ требовалъ?

Ванна. Да.

Гвидо. И покончишь съ нимъ и съ собой? Или убьешь его? Это не пришло мнѣ въ голову... Вѣдь такъ? такъ? такъ вѣдь, тогда я все пойму!..

Ванна. Я не убью его. Они возьмутъ тогда городъ...

Гвидо. Какъ! И это ты!.. Такъ ты его любишь!.. Ты любила его? Съ какихъ поръ ты его любишь?

Ванна. Я не знаю его, я его никогда не видала.

Гвидо. Но ты знаешь, каковъ онъ?.. Они рассказывали, конечно.. Они сказали, что онъ...

Ванна. Кто-то говоритъ сейчасъ, что онъ старикъ; больше я ничего не знаю...

Гвидо. Онъ не старикъ, онъ молодъ и красивъ... Онъ гораздо моложе меня... Но почему же онъ не потребовалъ чего-нибудь другого?.. Я пошелъ бы туда, одинъ, со сложенными руками, на колѣняхъ, чтобы спасти нашъ городъ. Я согласился бы уйти одинъ, одинъ... нищій, ^{нищій} ~~и онъ~~ ^{и онъ}, я бродилъ бы до конца дней и просилъ милостыню по пустыннымъ дорогамъ, если бы Принцивалъ этого требовалъ. Но гнусная прихоть этого варвара!.. Никогда, ни въ одной странѣ побѣдитель не осмѣлился бы!.. *(Подходя къ Ваннѣ и обнимая ее)*. О, Ванна! моя Ванна!.. Я все еще не вѣрю! Это не ты говорила! Я ничего не слышалъ и все еще можно исправить... Это просто стѣны повторили рѣчь моего отца... Скажи, что я ошибся, ослышался; что вся наша любовь, вся твоя чистота, говорили «нѣтъ», кричали «нѣтъ», разъ тебѣ пришлось пройти черезъ позоръ такого выбора! Ко мнѣ долетѣло лишь запоздавшее эхо... Ничего не было сказано, и ты нарушишь дѣвственное молчаніе. Видишь, всѣ слушаютъ, никто ничего не знаетъ, и ты должна сказать первое слово. Говори же его скорѣе, Ванна, чтобы они узнали тебя; говори, Ванна, чтобы они узнали нашу любовь, чтобы разрушить, наконецъ, этотъ кошмаръ... Скажи то слово, котораго я жду; оно должно быть сказано, чтобъ поддержать все, что готово обрушиться во мнѣ.

Ванна. Я знаю, Гвидо,—твоя доля самая тяжелая.

Гвидо *(невольно отстраняя ее)*. Но я несу ее одинъ!.. Ты не любила меня... Это ничего не стоитъ тѣмъ, у кого души нѣтъ; это что-то неизвѣданное... быть можетъ, даже праздникъ... Но я съумѣю помѣшать этому празднику! Что бы тутъ ни говорилось, что бы ни дѣлалось, я еще начальникъ. Что ты скажешь, если я не стерплю и запру тебя въ такую славную тюрьму, исполнѣнцѣломудренную тюрьму, въ прохладное подземелье подъ этой залой, и повсюду у рѣшетокъ поставлю моихъ страдіотовъ, и стану ждать, пока огонь въ тебѣ погаснетъ, и твой героизмъ немного охладѣетъ... Возьмите же ее, я приказалъ! Я далъ приказъ... Ну! Повинуйтесь же!

Ванна. Гвидо, ты же хорошо знаешь...

Гвидо. Они не слушаются... Никто не двигается... Ты, Борсо, Торелло, что же, развѣ у васъ руки окаменѣли? Или мой голосъ ослабѣлъ?.. А вы, тамъ, у дверей, развѣ вы не слышите моего голоса? Я кричу такъ, что кажется скала треснула бы! Входите же! Возьмите ее, она принадлежитъ всѣмъ... Я понимаю, они боятся... Они хотятъ жить!.. И они будутъ жить, а мнѣ—смерть! Боже!.. Это вѣдь не трудно... цѣлая толпа и... одинъ... одинъ расплачивается за всѣхъ... Почему я, а не вы?.. У васъ у всѣхъ есть вѣдь жены. *(Подходитъ къ Ваннѣ, обнажая на половину шпагу)*. А если я предпочту твою смерть нашему позору... Ты не подумала объ этомъ?.. А если... если... посмотри—одно только движеніе...

Ванна. Сдѣлай такъ, Гвидо, если любовь велитъ тебѣ.

Гвидо. Если любовь велитъ тебѣ! И ты осмѣливаешься говорить о любви, которой ты не знала? Ты никогда не любила... Ты мертва, какъ пустыня, на которую я все потратилъ. И ничего!.. даже ни одной слезы... Я былъ для тебя лишь прибѣжищемъ въ нуждѣ. Если бы хоть одну минуту...

Ванна. Гвидо! ты видишь, я не могу говорить... посмотри на меня. Я холодбю, я умираю...

Гвидо (*внезапно обнимаетъ ее*). Дай обнять тебя, Ванна... Въ моихъ объятыхъ ты будешь жить!

Ванна (*отстраняясь и выпрямляясь*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Гвидо... Я знаю... Я не могу сказать... Силы оставляютъ меня, когда я хочу сказать хоть слово... Я не могу.. Я хочу... Я обдумала, я знаю, я люблю тебя, я тебѣ всѣмъ обязана... можетъ быть, я отвратительна... и все-таки я пойду! я пойду! я пойду!

Гвидо (*отталкивая ее*). Прекрасно! уходи, уходи, ступай туда... Я отъ всего отказываюсь, ступай! Я разрываю съ тобой... (*Ударяя по рукояткѣ своей шпаги*). У меня остается еще это.

Ванна (*хватая его за руки*). Гвидо!

Гвидо (*отталкивая ее*). Ахъ, не прикасайся ко мнѣ своими теплыми, мягкими руками... Мой отецъ правъ, онъ тебя лучше знаетъ... Отецъ, вотъ она... Это ваше дѣло, кончайте же его, не останавливайтесь на полъ-пути! Отведите ее въ палатку... Я останусь... я буду здѣсь, когда вы пойдете... но не думайте, что я дотронусь до того хлѣба и мяса, за который она заплатитъ!.. Мнѣ остается одно, и вы скоро узнаете...

Ванна (*хватаясь за него*). Гвидо, погляди мнѣ въ глаза, не прячь своихъ глазъ... Это единственная угроза... Погляди... Мнѣ нужно видѣть.

Гвидо (*смотритъ на нее, отстраняетъ и говоритъ сдержанно*). Смотри. Уйди, я тебя не знаю... Нечего медлить, онъ ждетъ, наступаетъ вечеръ... Не бойся... Развѣ у меня взглядъ человѣка, рѣшившагося на какое-нибудь безумство? Отъ погибшей любви не умираютъ. Разумъ измѣняется, когда человѣкъ любитъ. А мой теперь окрѣпъ. Я извѣдалъ любовь до самаго дна, любовь и чистоту... Мнѣ больше нечего сказать. Нѣтъ, нѣтъ, пусти, уברי свои руки, онѣ не удержатъ уходящую любовь... Съ нею кончено, совсѣмъ кончено... И слѣда не осталось... Все прошлое рушится, и будущее тоже... Да, эти тонкіе пальчики, эти чистые глаза, эти губы... Я въ нихъ вѣрилъ когда-то. Теперь мнѣ ничего не осталось. (*Отталкивая поочередно обѣ руки Ванны*). Ничего, ничего, меньше, чѣмъ ничего... Прощай, Ванна, ступай, прощай... Ты идешь туда?

Ванна. Да...

Гвидо. Ты не вернешься?..

Ванна. Вернусь.

Гвидо. Увидимъ. А! прекрасно... Увидимъ... Кто бы могъ подумать, что отецъ зналъ ее лучше, чѣмъ я?..

(Онъ пошатывается и удерживается за колонну. Ванна, одна, медленно удаляется, не оглядываясь на него).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Палатка Принцивали.—Роскошь.—Беспорядокъ.—По стѣнамъ золотыя и шелковыя ткани. Оружіе, груды драгоценныхъ мѣховъ, полу-открытые сундуки, до верху наполненные драгоценностями и яркими матеріями.—Въ глубинѣ входъ, завѣшанный вышитымъ ковромъ.

СЦЕНА I.

Ведіо, Принциваль.

Принциваль, стоя у стола, разбираетъ пергаменты, планы, оружіе. Входитъ Ведіо.

Ведіо. Вотъ письмо отъ комиссара республики.

Принциваль. Тривульціо?

Ведіо. Да. Мессеръ Малладура, второй комиссаръ, еще не вернулся.

Принциваль. Должно быть, венеціанское войско, угрожающее Флоренціи со стороны Казантена, не такъ легко побѣдить, какъ они думали... Дай письмо. *(Беретъ письмо и читаетъ)*. Онъ послѣдній разъ передаетъ мнѣ рѣшительное приказаніе назначить на зарѣ приступъ, угрожая иначе немедленнымъ арестомъ... Прекрасно! Стало быть, ночь еще принадлежитъ мнѣ... Они воображаютъ, что этими старыми словами можно запугать человѣка, который ждетъ такого часа, единственного въ жизни! Заключение, судъ и что еще? Я знаю, что все это значить... Они бы ужъ давнымъ давно посадили меня въ тюрьму, если бы осмѣлились...

Ведіо. Мессеръ Тривульціо, передавая мнѣ письмо, сказалъ, что онъ придетъ слѣдомъ за мной поговорить съ вами.

Принциваль. Наконецъ-то онъ отважился. Разговоръ будетъ рѣшительный. Этотъ жалкій, маленькій писарекъ, изображающій здѣсь тайное могущество Флоренціи, и не смѣющій взглянуть мнѣ въ глаза, блѣдный человѣчекъ, ненавидящій меня больше смерти, проведетъ здѣсь такую ночь, какой онъ не ждалъ. Должно быть, онъ получилъ важныя предписанія, если рѣшается проникнуть въ самую берлогу чудовища... Кто стоитъ на стражѣ у дверей?

Ведіо. Два старыхъ солдата изъ вашего галиційскаго отряда. Кажется, одинъ Гернандо, а другой, вѣроятно, Диего...

Принциваль. Оглично, эти будутъ повиноваться мнѣ, даже еслибъ я приказалъ заковать въ цѣпи Бога-Отца... Темнѣетъ. Вели зажечь лампы. Который часъ теперь?

Ведіо. Девятый.

Принциваль. Марко Колонна еще не вернулся?

Ведіо. Я приказалъ караульнымъ проводить его къ вамъ, какъ только онъ перейдетъ черезъ ровъ.

Принциваль. Онъ долженъ былъ вернуться до восьми, если они отвергнутъ предложеніе... Рѣшительный часъ настаетъ... въ немъ вся моя жизнь... Странно, что человѣкъ можетъ вложить все, свою судьбу, свой разумъ, свое сердце, свое счастье и несчастье, все, въ такую преходящую вещь, какъ любовь женщины... Я самъ готовъ смѣяться надъ этимъ... еслибъ хватило силъ для смѣха. Марко не возвращается... Значить—она придетъ... Посмотри, не видно ли сигнальнаго огня, говорящаго «да», не видно ли свѣта, озаряющаго трепещущіе шаги той, которая жертвуетъ собой за всѣхъ, которая, спасая свой народъ, спасаетъ и меня... Нѣтъ! я пойду самъ... Я не хочу, чтобы другіе глаза, даже глаза друга увидѣли раньше моихъ, задержали хоть на мигъ то счастье, котораго я жду съ первыхъ дней моего ранняго дѣтства... *(Онъ подходитъ къ выходу, поднимаетъ коверъ и всматривается въ ночную тьму)*. Огонь! Ведіо!.. Посмотри! Онъ горитъ, онъ заливаетъ свѣтомъ всю ночь! Именно на этой башнѣ онъ и долженъ былъ горѣть... Онъ пронизываетъ тьму... Во всемъ городѣ горитъ одинъ этотъ огонь... О, никогда Пиза не посылала еще къ небесамъ такого прекраснаго цвѣтка, ожидаемаго съ такимъ страстнымъ и безнадёжнымъ нетерпѣніемъ!.. О, мои милые пизанцы, у васъ будетъ сегодня такой праздникъ, что вы никогда его не забудете; и я буду счастливъ, точно я спасъ свой родной городъ.

Ведіо *(хватая его за руку)*. Войдемъ въ палатку, съ той стороны подходитъ мессеръ Тривульціо.

Принциваль *(входя)*. Правда! нужно еще... Впрочемъ, разговоръ будетъ краткій. *(Подходя къ столу, перебираетъ бумаги на немъ)*. У тебя эти три письма?

Ведіо. Тутъ только два письма...

Принциваль. Два, которые я перехватилъ, и сегодняшній приказъ...

Ведіо. Вотъ два первыхъ, а вотъ и послѣдній, вы скомкали его.

Принциваль. Я слышу... *(солдатъ поднимаетъ коверъ. Входитъ Тривульціо)*.

СЦЕНА II.

Тѣ же и Тривульціо.

Тривульціо. Замѣтили вы колеблющійся свѣтъ, подающій какіе-то сигналы съ пизанской башни?

Принциваль. Вы думаете, что это сигналы?

Тривульціо. Я не сомнѣваюсь... Мыѣ нужно говорить съ вами, Принциваль...

Принциваль. Я васъ слушаю. Ступай, Ведіо; но не уходи далеко. Ты будешь нуженъ мнѣ. *(Ведіо уходитъ)*.

Тривульціо. Вы знаете, Принциваль, какое уваженіе я къ вамъ питаю. У васъ есть много доказательствъ этого, но вамъ извѣстны далеко не всѣ. Флорентійская политика, которую называютъ вѣроломною, хотя она только осторожна, требуетъ, чтобы многія вещи оставались долгое время скрытыми даже отъ тѣхъ, кого она посвящаетъ въ свои самыя сокровенныя тайны. Мы всѣ повинемся ей тайнымъ приказамъ, и каждый долженъ мужественно нести на себѣ тяжесть этихъ тайнъ, — въ этомъ заключается разумная сила родины. Довольно вамъ знать, что я всегда принималъ участіе въ рѣшеніяхъ синьоріи, мало-по-малу поставившей васъ, несмотря на вашу молодость и безвѣстное происхождение, во главѣ самыхъ лучшихъ военныхъ силъ республики. Объ этомъ выборѣ не приходилось, конечно, жалѣть. Но съ нѣкоторыхъ поръ образовалась враждебная вамъ партія. Боюсь, что, сообщая вамъ объ этомъ, я даю нѣкоторый перевѣсъ моей искренней дружбѣ къ вамъ надъ долгомъ въ строгомъ смыслѣ. Но строгій долгъ иногда приноситъ больше вреда, чѣмъ самое смѣлое великодушіе. Такъ вотъ, имѣйте въ виду, что ваша медлительность и ваши колебанія вызываютъ самыя жестокія нападки. Многіе сомнѣваются даже въ вашей вѣрности. Нѣкоторыя опредѣленные донесенія подтвердили ихъ подозрѣнія. Это произвело очень сильное впечатлѣніе на ту часть собранія, которая и раньше была къ вамъ неблагопріятно настроена. Обсуждали даже вопросъ о вашемъ заключеніи и о преданіи васъ суду. Къ счастью, меня въ-время предупредили. Я отправился во Флоренцію и безъ труда представилъ противоположныя доказательства. Я поручился за васъ. Вамъ предстоитъ теперь оправдать мое довѣріе, которое ни на минуту не колебалось. Если вы будете продолжать бездѣйствовать, мы погибли. Мой товарищъ, мессеръ Малладура, задержанъ въ Бибіентѣ войсками венеціанскаго проведитора. Другое войско подходитъ къ Флоренціи съ сѣвера. Дѣло идетъ о спасеніи города. Вы можете все исправить, если объявите назавтра рѣшительный приступъ. Онъ вернетъ намъ нашу лучшую армію и единственнаго полководца, неизмѣнно увѣнчаннаго побѣдой. Онъ позволитъ намъ вернуться во Флоренцію съ высоко поднятой головой, встрѣтивъ тамъ триумфъ, который превратитъ вашихъ вчерашнихъ враговъ въ самыхъ пылкихъ приверженцевъ и сторонниковъ.

Принциваль. Вы сказали все, что хотѣли сказать?

Тривульціо. Да, почти все... хотя я умолчалъ о горячей привязанности къ вамъ, которая все росла во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю. Она росла, несмотря на трудное положеніе, въ которое насъ ставятъ почти противорѣчивые законы, требующіе, чтобы власть главнокомандующаго умѣрялась въ опасные моменты тайнымъ могуществомъ Флоренціи, скромнымъ представителемъ которой среди блеска оружія являюсь въ настоящій моментъ я...

Принциваль. Этотъ приказъ, полученный мною сейчасъ, написанъ вашей дружкой?

Тривульціо. Да.

Принциваль. Это навѣрно вашъ почеркъ?

Тривульціо. Безусловно. Почему вы сомнѣваетесь?

Принциваль. А эти два письма, узнаете вы ихъ?

Тривульціо. Быть можетъ... Я не знаю... Что тамъ написано? Я долженъ знать...

Принциваль. Къ чему? Все равно—я знаю.

Тривульціо. Ахъ, такъ это тѣ самыя два письма... Я именно и хотѣлъ, чтобы они попались вамъ... Хитрость вполне удалась.

Принциваль. Полно. Я не ребенокъ. Оставимъ эти уловки и вообще прекратимъ этотъ разговоръ. Я очень слѣшу его кончить, чтобы получить, наконецъ, награду, съ которой не сравнится никакой триумфъ во Флоренціи! Вы обличаете тутъ всѣ мои поступки, вы доносите на меня никакъ, ложно, безъ всякихъ законныхъ мотивовъ, единственно рада удовольствію повредить мнѣ и еще, пожалуй, чтобы подыскать заранѣе оправданіе извѣстной скупости Флоренціи; она боится, что благодарность побѣдоносному наемнику обойдется ей слишкомъ дорого. Тутъ все подтасовано съ такой коварной ловкостью, что минутой я самъ начинаю сомнѣваться въ своей невинности! Ваша мелкая, хитрая зависть, ваша ужасная ненависть исказила, унизила, загрязнила все съ первой недѣли осады до того счастливаго часа, когда я открылъ, наконецъ, глаза и хочу оправдать ваши подозрѣнія. Я велѣлъ тщательно переписать эти письма и отослалъ ихъ во Флоренцію. Я выждалъ отговорокъ. Вамъ вѣрятъ на слово. Вамъ вѣрятъ тѣмъ охотнѣе, что дали вамъ напередъ тему для обвиненій. Меня судятъ, не выслушавъ, и приговариваютъ къ смерти. Я знаю, что послѣ этого, будь я невиненъ, какъ архангелъ, мнѣ ничѣмъ не опровергнуть обвиненій. Вотъ почему я рѣшаюсь вырваться, я разбиваю ваши бессмысленныя цѣпи и иду вамъ навстрѣчу... До сихъ поръ я не былъ измѣнникомъ, но послѣ этихъ двухъ писемъ я подготовилъ вашу гибель. Сегодня вечеромъ я продамъ васъ и вашихъ злосчастныхъ повелителей, продамъ самымъ жестокимъ, самымъ непоправимымъ образомъ... И я буду думать, что никогда не совершилъ болѣе полезнаго поступка, чѣмъ въ этотъ разъ, униживъ единственный городъ, который считаетъ коварство въ числѣ гражданскихъ добродѣтелей и хочетъ, чтобы хитрость, лицемеріе, неблагодарность, низость и ложь управляли міромъ! Сегодня же вечеромъ, благодаря мнѣ, вашъ вѣчный врагъ, мѣшавшій вамъ развращать міръ за предѣлами вашихъ стѣнъ, сегодня же вечеромъ, благодаря мнѣ, Пиза будетъ спасена и снова окрѣпнетъ, чтобы попрежнему презирать вашу власть... О! не вставляйте, не дѣлайте бесполезныхъ движеній... Всѣ мѣры уже приняты, все совершится неизбежно; вы въ моей власти, и, также какъ я держу васъ въ своихъ рукахъ, также, думается мнѣ, я держу въ рукахъ участь Флоренціи...

Тривульціо. *(вынимая кинжалъ и нанося ударъ Принцивалю).* Пока еще нѣтъ. Пока мои руки свободны...

Принциваль *(инстинктивно, отражая ударъ рукой, подкидываетъ клинокъ и онъ попадаетъ ему въ лицо. Потомъ онъ схватываетъ руку Тривульціо).*

А! вотъ какъ!.. Я не ожидалъ такого взрыва страха. Вотъ вы и въ моихъ рукахъ, вы чувствуете, что каждая изъ нихъ стоитъ всей вашей особы. А вотъ и вашъ кинжалъ... Мнѣ стоитъ опустить его... Онъ точно ищетъ вашего горла... Вы не жмурите глазъ, вы стало быть не боитесь?

Тривульціо. Нѣтъ... Возмите кинжалъ, вы имѣете полное право. Я зналъ, что рискую жизнью.

Принциваль *(отпуская его).* А! правда? Въ такомъ случаѣ и удивляюсь вамъ. Это рѣдкій случай. Даже среди насъ, людей оружія, не многіе способны пойти такимъ образомъ навстрѣчу смерти. Я не думалъ, чтобы въ такомъ маленькомъ тѣлѣ...

Тривульціо. Всѣ вы, у кого всегда обнаженный мечъ въ рукахъ, воображаете, что есть только та храбрость, которая сверкаетъ на кончикѣ лезвія.

Принциваль. Возможно, что вы и правы... Прекрасно... Вы не свободны, но вамъ не будетъ причинено ни малѣйшаго зла. Мы служимъ разнымъ богамъ *(вытирая кровь струящуюся у него по лицу).* А, у меня кровь. Ударъ нельзя назвать неловкимъ. Немного торопливый, правда, но довольно сильный. Во всякомъ случаѣ еще немного и... А вы, что бы вы сдѣлали, если бы держали въ рукахъ того, кто едва не отправилъ васъ въ тотъ міръ, куда никому не хочется отправляться?

Тривульціо. Я не пощадилъ бы его.

Принциваль. Я не понимаю васъ, вы странный человѣкъ. Признайтесь, что письма ваши были неблагородны. Я пролилъ свою кровь въ трехъ большихъ битвахъ, я дѣлалъ, что могъ, власть принадлежала вамъ, я честно служилъ тѣмъ, кто меня избралъ, и ни одна измѣнническая мысль не проникала въ мое сердце. Вы должны были это знать, потому что вы слѣдили за мной. А между тѣмъ вы въ вашихъ письмахъ изъ ненависти, изъ зависти или изъ соображеній экономіи, перетолковывали всякій шагъ, направленный къ вашему спасенію, вы ловко обманывали, вы нагромождали ложь на ложь...

Тривульціо. Лгали сами факты, да это и неважно. Важно было уловить тотъ опасный часъ, когда солдатъ, возгордившійся двумя, тремя побѣдами, не захочетъ больше повиноваться своимъ повелителямъ, имѣющимъ болѣе высокую миссію, чѣмъ онъ. Этотъ часъ пробылъ; настоящий моментъ служить доказательствомъ этого. Флорентійскій народъ слишкомъ полюбилъ васъ. Мы должны устранять идоловъ, которыхъ онъ создаетъ себѣ. Въ данную минуту онъ недоволенъ нами, но онъ для того и поставилъ насъ, чтобы мы служили противо-

вѣсомъ его случайнымъ капризамъ. Онъ лучше, чѣмъ предполагають, понимаетъ свое назначеніе, и когда мы уничтожаемъ то, передъ чѣмъ онъ началъ преклоняться, онъ чувствуетъ, что мы противъ его желанія исполняемъ все же его волю. Вотъ почему я рѣшилъ, что настала часть указать идола. Я предупредилъ Флоренцію, она напередъ знала, какъ надо понимать мою ложь.

Принциваль. Часть не наступала еще и не наступила бы, если бы ваши ужасныя письма...

Тривульціо. Онъ могъ бы наступить и этого довольно.

Принциваль. Какъ! Невинный человѣкъ по пустому подозрѣнію, приносится безъ сожалѣнія въ жертву, изъ-за опасности, которая можетъ быть, могла бы угрожать?! ;

Тривульціо. Передъ лицомъ Флоренціи одинъ человѣкъ не идетъ въ счетъ.

Принциваль. Такъ вы, значитъ, вѣрите въ судьбу Флоренціи, въ ея назначеніе, въ ея жизнь? Въ такомъ случаѣ я не понимаю ее?

Тривульціо. Да, я только въ нее и вѣрю; кромѣ нея для меня ничего не существуетъ

Принциваль. Это возможно. И вы съ своей стороны правы, если вы вѣрите. У меня нѣтъ родины, я не могу знать. Иногда мнѣ кажется, что мнѣ тоже нужна была бы родина. Но у меня есть другое, чего у васъ никогда не будетъ, и ни у кого этого не было въ такой мѣрѣ, какъ у меня! У меня это будетъ сейчасъ, сію минуту, вотъ тутъ, на этомъ мѣстѣ. Это замѣнитъ все. Теперь разстанемся, у насъ нѣтъ времени рѣшать эти вопросы. Мы слишкомъ далеки другъ отъ друга, хотя почти сходимся въ одномъ пунктѣ. У каждого человѣка своя судьба. Однимъ владѣть какою нибудь идеею, другимъ желаніе. И вамъ было бы такъ же трудно отказаться отъ своей идеи, какъ мнѣ отказаться отъ своего желанія. Имъ человѣкъ остается вѣрнѣе до конца, если у него въ душѣ больше жара, чѣмъ у среднихъ людей. И, поступая въ этомъ смыслѣ, онъ всегда правъ,—у него такъ мало свободы. Прощайте, Тривульціо, наши пути расходятся. Дайте мнѣ руку.

Тривульціо. Не теперь. Я протяну вамъ руку, когда наказаніе...

Принциваль. Согласенъ. Сегодня вы проиграли, завтра вы одержите верхъ. (Зоветъ.) Ведіо! (Входитъ Ведіо.)

Ведіо. Господинъ! Что это? вы ранены? у васъ кровь.

Принциваль. Пустяки. Позови двухъ стражниковъ. Пусть они уведутъ этого человѣка, но не дѣлають ему никакого зла. Это врагъ, но врагъ, котораго я люблю. Пусть они помѣстятъ его въ вѣрное мѣсто, такъ, чтобы никто его не видѣлъ. Они за него отвѣчаютъ. Они освободятъ его, когда я прикажу. (Ведіо уходитъ и уводитъ Тривульціо. Принциваль передъ зеркаломъ разсматриваетъ свою рану).

Принциваль. Кровь идетъ, точно задѣта артерія... Рана неглубока,

*

но онъ раскроилъ мнѣ половину лица... Кто бы могъ подумать, чтобы такой тщедушный человѣкъ... (*Входитъ Ведіо*). Все исполнено?

Ведіо. Да. Но вы себя губите, господинъ.

Принциваль. Я гублю себя! Я бы хотѣлъ до самой смерти губить себя подобнымъ образомъ. Я гублю себя, Ведіо! Но никогда еще ни одинъ человѣкъ не завоевалъ такимъ образомъ, посредствомъ справедливой мести единственное счастье, о которомъ онъ мечталъ съ тѣхъ поръ, какъ научился мечтать! Я бы ждалъ его, я стремился бы къ нему, не останавливаясь ни передъ какимъ преступленіемъ, такъ какъ оно необходимо мнѣ и оно принадлежитъ мнѣ; а теперь, когда моя счастливая звѣзда приводитъ его мнѣ въ своихъ серебряныхъ лучахъ и отдаетъ во имя справедливости и состраданія, вы говорите: «Онъ губить себя!» Бѣдный человѣкъ, лишенный огня!.. Бѣдный человѣкъ, не знающій любви! Развѣ ты не чувствуешь, что въ эту минуту въ небесахъ взвѣшиваютъ мою судьбу, и она перевѣшивается сто счастлихъ, долю тысячи влюбленныхъ! Я подхожу къ той минутѣ, когда человѣкъ, намѣченный судьбой для благороднаго торжества или для великаго несчастья, оказывается вдругъ на вершинѣ своей жизни, куда все его толкаетъ, гдѣ все поддерживаетъ его, гдѣ все доступно ему! И что за дѣло до остального, до того, что случится послѣ? Мы знаемъ, что человѣкъ не созданъ для подобныхъ мгновеній, и что тѣ, кому они выпадаютъ на долю, падаютъ подъ ихъ тяжестью.

Ведіо (*подходитъ съ бѣлыми бинтами*). Кровь все еще течетъ. Дайте я вамъ забинтую лицо...

Принциваль. Забинтуйте, если нельзя иначе... Но постарайтесь, чтобъ бинтъ не закрывалъ глазъ и не пересѣкалъ рта. (*Смотрится въ зеркало*). У меня такой видъ, точно я больной, вырвавшійся отъ хирурга, тогда какъ я влюбленный, который готовъ помчаться навстрѣчу любви... Не такъ, не такъ. (*Онъ сдвигаетъ бинтъ. Слышенъ звукъ выстрѣла*). Что это?

Ведіо. Стрѣляютъ на сторожевыхъ постахъ.

Принциваль. Кто же далъ приказъ? Это, должно быть, ошибка. А вдругъ это въ нее? Предупредилъ ли ты?

Ведіо. Предупредилъ... Нѣтъ, это невозможно... Я поставилъ нѣсколько стражниковъ, они приведутъ ее къ вамъ, какъ только она явится...

Принциваль. Больше ничего не слышно. Минута приближается... А ты, мой Ведіо, мой добрый Ведіо, что же будетъ съ тобой?

Ведіо. Я пойду за вами.

Принциваль. Нѣтъ, лучше оставь меня... Я не знаю, куда я пойду, что со мной будетъ. Одинъ ты ускользнешь, тебя никто не будетъ преслѣдовать, тогда какъ съ твоимъ господиномъ... Въ этихъ сундукахъ много золота, возьми его, оно больше не нужно. Вozy запряжены, стада въ сборѣ?

Ведю. Все у палатки.

Принциваль. Хорошо, когда будетъ пора, я подамъ знакъ, ты сдѣлаешь, что нужно... Пои же, посмотри, не...

СЦЕНА III.

Принциваль, Ванна.

Ведю выходитъ. Принциваль съ минуту остается одинъ. Ведю приподнимаетъ коверъ у входа и говоритъ въ полголоса: «Господинъ». Потомъ онъ удаляется, а Монна Ванна, завернутая въ длинный плащъ, показывается въ дверяхъ и останавливается у порога. Принциваль вдрагиваетъ и дѣлаетъ шагъ ей навстрѣчу.

Ванна (*сдавленнымъ голосомъ*). Я пришла... вы этого требовали...

Принциваль (*подходя*). У васъ кровь на рукѣ. Вы ранены?

Ванна. Пуля задѣла мнѣ плечо.

Принциваль. Гдѣ?... когда? Это ужасно...

Ванна. Когда я подходила къ лагерю.

Принциваль. Кто же выстрѣлил?

Ванна. Не знаю... Этотъ человѣкъ убѣждалъ.

Принциваль. Покажите мнѣ рану.

* Ванна (*приоткрывая сверху свой плащъ*). Вотъ она.

Принциваль. Надъ лѣвой грудью... Она не проникла внутрь... Только задѣла кожу... Вамъ больно?

Ванна. Нѣтъ.

Принциваль. Хотите, я велю забинтовать рану?

Ванна. Нѣтъ. (*Молчаніе*).

Принциваль. Вы рѣшились?

Ванна. Да.

Принциваль. Напомнить вамъ условія...

Ванна. Не нужно, я знаю.

Принциваль. Вы не сожалѣете, что пришли?

Ванна. Развѣ надо было являться безъ сожалѣній?

Принциваль. Вашъ мужъ согласенъ?

Ванна. Да.

Принциваль. Я хочу, чтобы вы поступали свободно... Время еще есть, вы, можете быть, перерѣшите?

Ванна. Нѣтъ.

Принциваль. Что васъ побудило?

Ванна. Тамъ умирають съ голоду, а на завтра предстояла гибель, еще болѣе скорая.

Принциваль. И никакихъ другихъ причинъ у васъ не было?

Ванна. Какая же могла быть еще причина?

Принциваль. Понимаю... Стало быть, добродѣтельная женщина...

Ванна. Да.

Принциваль. Любя своего мужа...

Ванна. Да.

Принциваль. Глубоко?

Ванна. Да.

Принциваль. Подъ этимъ плащемъ на васъ ничего нѣтъ?

Ванна. Нѣтъ. *(Дѣлаетъ движеніе, чтобы сбросить плащъ; Принциваль жестомъ останавливаетъ ее).*

Принциваль. Вы замѣтили передъ палаткой ряды возовъ и стада?

Ванна. Да.

Принциваль. Тамъ двѣсти возовъ, наполненныхъ лучшей тосканской пшеницей. Двѣсти нагружены сѣномъ, плодами и винами изъ окрестностей Сѣнны. Тридцать возовъ пороку прибыли прямо изъ Германіи, а двѣнадцать нагружены свинцомъ. Кромѣ того тамъ шестьсотъ англійскихъ быковъ и тысяча двѣсти штукъ овецъ. Все это ждетъ только вашего приказанія, чтобы двинуться въ Пизу. Хотите взглянуть, какъ они тронутся?

Ванна. Да.

Принциваль. Подойдите къ выходу. *(Онъ приподнимаетъ коверъ, отдаетъ приказъ и подаетъ знакъ рукой. Поднимается глухой растущій шумъ, зажигаются факелы, хлопаютъ бичи; возы трогаются, стада мычатъ, блеютъ и топчутъ ногами. Ванна и Принциваль, стоя на порогахъ палатки, смотрятъ, какъ громадный обозъ удаляется при свѣтѣ факеловъ въ даль звѣздной ночи).* Съ этого вечера, благодаря вамъ, Пиза не будетъ голодать. Она станетъ снова нецѣлительной и будетъ завтра пѣть, торжествующая, опьяненная радостью, на которую никто не могъ уже надѣяться. Вы довольны?

Ванна. Да.

Принциваль. Закроемъ входъ. Вечеръ еще теплый, но ночь будетъ холодна. Вы пришли безъ оружія, безъ припрятаннаго яда?

Ванна. На мнѣ нѣтъ ничего, кромѣ сандалій и плаща. Снимите съ меня все, если вы боитесь западни.

Принциваль. Я боюсь не за себя, а за васъ.

Ванна. Ихъ жизнь для меня важнѣе...

Принциваль. Это хорошо, вы правы... Подите сюда, вотъ моя постель. Это постель воина. Она груба и жестка, не шире гроба, и недостойна васъ. Прилягте на эти шкуры зубровъ и барановъ, они не испытывали еще прикосновенія нѣжнаго и прекраснаго тѣла женщины. Положите подъ голову этотъ мѣхъ, онъ помягче. Это шкура рыси, мнѣ далъ ее послѣ побѣды одинъ африканскій король. *(Ванна садится, плотно закутавшись въ плащъ).* Свѣтъ лампы падаетъ вамъ въ глаза. Не переставитъ ли ее?

Ванна. Все равно...

Принциваль. *(Опускается на колѣни около постели и съ заглушеннымъ рыданіемъ схватываетъ руку Ванны).* Джіованна!.. *(Ванна съ изумленіемъ поднимаетъ голову и взглядываетъ на него).* О, Ванна! моя Ванна! Вѣдь я тоже привыкъ называть васъ этимъ именемъ... Теперь

силы измѣняютъ мнѣ, когда я произношу его... Оно такъ долго было заключено въ мое сердце, что теперь, вырываясь оттуда, разбиваетъ свою тюрьму... Оно—само мое сердце, другого у меня нѣтъ... Въ каждомъ слогѣ его вся моя жизнь, и когда я произношу его, жизнь словно уходитъ изъ меня. Это имя стало мнѣ роднымъ; мнѣ казалось, я знаю его; я такъ часто повторялъ его, какъ великое слово любви, и я говорилъ себѣ, что когда-нибудь надо будетъ имѣть мужество хотъ разъ произнести его передъ той, кого оно тѣтено призывало. Я думалъ, губы мои приняли форму этого звука, онѣ сжуютъ въ нужную минуту произнести его съ такой нѣжностью, съ такимъ уваженіемъ, съ такой глубокой и смиренной преданностью, что та, кто услышитъ его, пойметъ, какая въ немъ мука, какая любовь... Но вотъ теперь оно обращается уже не къ призраку. Оно уже не то... Я не узнаю его, когда оно вырывается изъ моихъ устъ, прерываемое рыданіями, истерзанное тревогой... Я слишкомъ много вложилъ въ него. Этотъ пылъ это обожаніе разбиваютъ мои силы, и голосъ мой замираетъ...

Ванна. Кто вы?

Принциваль. Вы не узнаете меня?.. Память ничего не говоритъ вамъ? О, время! Какія дивныя вещи оно уноситъ! Но эти дивныя вещи существовали только для меня... Можетъ быть, и лучше, что онѣ забыты... У меня не будетъ больше надежды, у меня будетъ меньше сожалѣній. Нѣтъ, я для васъ никто, я просто бѣдный человѣкъ, увидѣвшій на мигъ цѣль своей жизни... Я несчастный, ни о чемъ не просящій, не знающій даже, о чемъ просить. Но я бы хотѣлъ, если это возможно, сказать вамъ, прежде чѣмъ вы меня покинете, чѣмъ вы для меня были, чѣмъ вы будете до конца моей жизни...

Ванна. Значитъ, вы меня знаете? Кто же вы?

Принциваль. Развѣ вы никогда не видѣли того, кто смотритъ теперь на васъ, какъ развѣ въ сказочномъ мірѣ смотрятъ на источникъ радости и жизни... какъ я уже не надѣялся смотрѣть на васъ?

Ванна. Нѣтъ... насколько я припоминаю...

Принциваль. Да, конечно, вы не знали, я былъ увѣренъ, что вы не знаете... Вамъ было всего восемь лѣтъ, а мнѣ десять, когда я встрѣтилъ васъ впервые.

Ванна. Гдѣ это?

Принциваль. Въ Венеціи. Это было въ воскресенье, въ іюнѣ. Мой отецъ, старый ювелиръ, принесъ жемчужное ожерелье вашей матери. Она любовалась жемчугомъ... Я бродилъ по саду... И вотъ я увидалъ васъ въ миртовой рощѣ, у мраморнаго бассейна. Тоненькое золотое колечко упало въ воду... Вы плакали у края бассейна... Я вошелъ въ воду, чуть не утонулъ, но досталъ кольцо и надѣлъ вамъ на палецъ. Вы поцѣловали меня и были счастливы...

Ванна. Бѣлокурый мальчикъ, его звали Джіанелло... Такъ ты—Джіанелло?

Принциваль. Да...

Ванна. Развѣ возможно узнать васъ?.. Да еще съ этими бинтами, закрывающими все лицо... Я вижу одни глаза...

Принциваль (*отодвигая немного бинтъ*). Узнаете вы меня, если я сниму бинтъ?

Ванна. Да... пожалуй... кажется, да... у васъ и теперь что-то дѣтское въ улыбкѣ... Но и вы ранены, кровь такъ и льетъ.

Принциваль. О, для меня это ничего не значитъ, вотъ вы—другое дѣло...

Ванна. Но кровь просачивается... Позвольте мнѣ перевязать бинтъ. Онъ плохо положенъ. (*Она поправляетъ бинтъ*). Во время этой войны я часто ухаживала за ранеными... Да, да, я вспоминаю... Я помню садъ, гранаты, лавры, розы... Мы не разъ послѣ полудня играли тамъ на залитомъ солнцемъ, тепломъ пескѣ...

Принциваль. Двѣнадцать разъ, я считалъ. Я могъ бы припомнить вамъ всѣ наши игры, всѣ ваши слова...

Ванна. Потомъ, разъ, помню, я ждала... Я вѣдь васъ очень любила. Вы были такой серьезный, кроткій, какъ дѣвочка, и вы обращались со мной, какъ съ королевой... Вы не пришли.

Принциваль. Отецъ увезъ меня. Онъ ѣхалъ въ Африку... Тамъ мы заблудились въ пустынѣ, потомъ я попалъ въ плѣнъ къ арабамъ, къ туркамъ, къ испанцамъ, не знаю ужъ къ кому еще. Когда я вернулся въ Венецію, ваша мать умерла, сада уже не было... Я потерялъ вашъ слѣдъ, потомъ я снова нашелъ его, благодаря вашей красотѣ, оставлявшей всюду незабываемое воспоминаніе.

Ванна. Вы сразу узнали меня, когда я вошла?

Принциваль. Если бы вмѣстѣ съ вами въ палатку вошло десять тысячъ одинаково одѣтыхъ, одинаково прекрасныхъ женщинъ, какъ десять тысячъ сестеръ, которыхъ не различала быть мать, я всталъ бы, взялъ васъ за руку и сказалъ: «Вотъ она». Это странно, не правда ли? Чтобы любимый образъ могъ такъ жить въ сердцѣ... а вашъ образъ дѣйствительно жилъ въ моемъ сердцѣ, онъ измѣнялся съ каждымъ днемъ, какъ въ дѣйствительной жизни. И сегодняшний образъ стиралъ вчерашній, онъ расцвѣталъ, онъ становился все прекраснѣе, годы сообщали ему все, что они даютъ развивающемуся ребенку. Когда я увидѣлъ васъ, мнѣ показалось сперва, что глаза мои ошибаются. Воспоминанія мои были такъ прекрасны и такъ точны... Но они были слишкомъ робки и не поспѣвали за жизнью... Они не осмѣлились придать вамъ тотъ блескъ, который ослѣпилъ меня въ первый моментъ... Я точно человѣкъ, вспоминающій цвѣтокъ, который онъ какъ-то мимоходомъ видѣлъ въ паркѣ, и вдругъ увидѣвшій десятки тысячъ такихъ цвѣтовъ на дугу, залитомъ солнцемъ. Я увидѣлъ тотъ самый лобъ, глаза, волосы, я открылъ въ обожаемомъ лицѣ ту же душу; но красота ихъ оставила далеко за собой тотъ образъ, который я легѣлъ

въ тиши долгіе дни, мѣсяцы, годы, озаренный лишь свѣтомъ воспоминаній, давно отставшаго отъ дѣйствительности.

Ванна. Да, вы любили меня такъ, какъ любятъ въ этомъ возрастѣ, но время и разлука всегда украшаютъ любовь.

Принциваль. Люди всегда говорятъ, что они любятъ или любили только разъ въ жизни, но рѣдко это бываетъ правда. Свои влеченія, также какъ и свою холодность, они облачаютъ въ красивый нарядъ исключительныхъ страданій, знакомыхъ лишь тѣмъ, кто рожденъ для единой любви. А когда одинъ изъ этихъ несчастныхъ хочетъ открыть глубокую и печальную истину, разбившую его жизнь, онъ долженъ употребить тѣ же слова, ставшія въ устахъ другихъ лишь красивой ложью, и—слова эти, захваченныя счастливыми любовниками,—оказываются лишненными всей своей силы и значенія. Та, кто ихъ слушаетъ, невольно низводитъ эти святые и часто печальныя слова на степень ихъ ходячей цѣнности, придавая имъ тотъ дешевый смыслъ, какой они имѣютъ среди людей.

Ванна. Я не сдѣлаю такъ. Я понимаю эту любовь; мы всѣ ждемъ ее на зарѣ жизни и отказываемся потомъ, такъ какъ съ годами—хотя мнѣ и немного лѣтъ—многое гаснетъ въ насъ.—А когда вы снова вернулись въ Венецію и вамъ указали мой слѣдъ, что же тогда? Развѣ уже было поздно? Вы не постарались увидаться съ той, которую вы такъ любили?

Принциваль. Въ Венеціи я узналъ, что ваша мать умерла и что вы выходите замужъ за важнаго тосканскаго вельможу, за самаго могущественнаго, самаго богатаго человѣка въ Пизѣ, и что вы должны стать какой-то счастливой и обожаемой королевой. А что могъ предложить вамъ я? Бѣдность и скитальчество искателя приключеній безъ родины и безъ пристанища... Мнѣ показалось, что сама судьба требуетъ отъ моей любви той жертвы, которую я принесъ. Я много разъ бродилъ вокругъ этого города, не рѣшаясь войти въ него, чтобы не поддаться желанію видѣть васъ и не смутить счастья и любви, которыя вы нашли. Я отдалъ свою шпагу на службу чужому народу, я сдѣлалъ два или три похода, я приобрѣлъ славу, какъ наемникъ. Я жилъ изо дня въ день, ни на что не надѣясь, пока Флоренція не послала меня на Пизу...

Ванна. Какъ слабы и трусливы мужчины, когда они любятъ! Не ошибитесь,—я не люблю васъ и не могу сказать, полюбила ли бы. Но въ сердцѣ моемъ громко возмущается самая душа любви, при мысли, что человѣкъ, любившій меня такъ, какъ и я могла бы полюбить, не напелъ въ себѣ смѣлости передъ лицомъ любви!

Принциваль. Смѣлости у меня бы хватило... Вы не представляете себѣ, какая нужна была смѣлость, чтобы вернуться... Но было уже поздно.

Ванна. Когда вы оставили Венецію, еще не было поздно. Никогда не поздно, если дѣло идетъ о любви, наполняющей всю жизнь... Она

не уступаетъ. Когда она ничего не ждетъ, она все еще надѣется... Когда она перестаетъ надѣяться, она все-таки продолжаетъ добиваться. Если бы я любила такъ, какъ вы, я... Ахъ, трудно сказать, чтобы можно сдѣлать... но я увѣрена, что случай не могъ бы безъ борьбы вырвать у меня надежду! Я стремилась бы къ ней день и ночь. Ахъ, я не стала бы думать о другой любви, о другомъ счастьи! Я сказала бы судьбѣ: «Посторонись, я иду»! Я принудила бы камни помогать мнѣ, я заставила бы того, кого я полюбила, повторить эти слова, и повторить не разъ!

Принциваль (*пытаясь овладѣть рукою Ванны*). Ты не любишь его, Ванна?

Ванна. Кого?

Принциваль. Гвидо.

Ванна (*Отнимая руку*). Не ищите моей руки. Я не даю ее. Я вижу, что слова мои недостаточно ясны. Когда Гвидо женился на мнѣ, я была одна, я почти нуждалась. Бѣдная, одинокая женщина, особенно когда она красива и не снисходитъ до лживыхъ увертокъ, скоро дѣлается жертвою безчисленныхъ сплетень... Гвидо не обратилъ на нихъ вниманія, онъ вѣрилъ въ меня, и эта вѣра меня покорила. Онъ сдѣлалъ меня счастливой, отказавшись отъ безумныхъ, быть можетъ, грезъ, не осуществимыхъ, повидимому, въ нашей жизни. И вы тоже увидите,—я хочу надѣяться на это—что можно быть счастливымъ, не проводя цѣлые дни въ мечтахъ о счастьи, какого еще никто не извѣдалъ. Я люблю теперь Гвидо, не такой странной любовью, какою любите вы, по вашимъ словамъ, но безъ сомнѣнія болѣе ровной, болѣе вѣрной, болѣе прочной... Эта любовь дана мнѣ жизнью; я не была слѣпа, принимая ее; другой у меня не будетъ, и если кто-нибудь разобьетъ ее, то, во всякомъ случаѣ, не я... Вы невѣрно меня поняли. Быть можетъ, я сама произнесла слова, которыя ввели васъ въ заблужденіе, но я говорила не о васъ и не о себѣ; я говорила отъ имени той любви, которую предчувствуешь на зарѣ жизни; она существуетъ, быть можетъ, но ни я, ни вы не знали ее,—вы тоже, такъ какъ вы не сдѣлали того, что требуетъ такая любовь.

Принциваль. Вы строго судите мою любовь, Ванна, но вы не знаете, что она перенесла, что она должна была сдѣлать, чтобы добиться этой счастливой минуты. Всякая другая любовь отступила бы передъ этимъ. Но если бы даже она ничего не сдѣлала, если бы она ничего не добилась, я все-таки знаю, что она существуетъ, такъ какъ я ея жертва; она взяла мою жизнь, она убиваетъ во мнѣ все, что даетъ радость и славу челоуку. Съ тѣхъ поръ, какъ она овладѣла мною, каждый мой шагъ, каждое мое движеніе имѣли цѣлью приблизить меня къ ней хоть на минуту, чтобы узнать свою судьбу, не повредивъ вамъ. Ахъ, повѣрьте мнѣ, Ванна, вы должны мнѣ повѣрить—вѣдь не трудно вѣрить тому, кто ничего не проситъ и ни на что не надѣется... Вы те-

перь у меня въ палаткѣ, вы въ моей власти. Мнѣ стоитъ сказать слово, протянуть руку, и я буду обладать всѣмъ, къ чему стремится обычная любовь. Но вы, также какъ и я, знаете, повидимому, что любовь, о которой я говорю, добивается другого, вотъ почему я хочу, чтобы вы не сомнѣвались въ моей любви. Я бралъ вашу руку, надѣясь, что вы повѣрите мнѣ, теперь я не коснусь ея болѣе ни пальцемъ, ни губами. Но, по крайней мѣрѣ, Ванна, когда мы разстанемся, чтобы не встрѣчаться болѣе, унесите съ собой увѣренность, что я любилъ васъ именно этой любовью, и она уступила только передъ невозможностью.

Ванна. Я потому и допускаю сомнѣніе въ ней, что она могла увидѣть въ чемъ-нибудь непреодолимое препятствіе... Не подумайте только, что я радовалась бы, если бы она преодолѣла ужасныя препятствія, что я жажду испытаній свѣше человѣческихъ силъ. Разсказываютъ, что одна женщина въ Пизѣ бросила перчатку въ львиный ровъ, тамъ за башней, и попросила своего возлюбленнаго принести ее. У него не было никакого оружія, кромѣ кожаннаго хлыстика. Тѣмъ не менѣе, онъ пошелъ, отстранилъ львовъ, взялъ перчатку; опустившись на колѣни, отдалъ ее той женщинѣ, удалился, не произнеся ни слова... и не вернулся болѣе. Я нахожу, что онъ поступилъ слишкомъ мягко; если при немъ былъ хлыстъ, онъ долженъ былъ съ его помощью внушить той, кто надѣвался такъ надъ божественнымъ чувствомъ, болѣе правильное представленіе о правахъ и обязанностяхъ истинной любви. Я не требую отъ васъ подобныхъ доказательствъ, я охотно вѣрю вамъ. Но ради вашего счастья и ради моего тоже, я хотѣла бы сомнѣваться. Въ такой исключительной любви, какъ ваша, есть нѣчто священное, что должно тревожить даже самую холодную, самую добродѣтельную женщину. Вотъ почему я всматриваюсь въ ваши поступки и была бы почти счастлива, еслибъ не нашла въ нихъ слѣда этой смертельной и очень рѣдко счастливой страсти. Я была бы почти увѣрена, что не найду этого, если бы не ваше послѣдній поступокъ, когда вы безумно бросили въ пропасть все—ваше прошедшее, ваше будущее, вашу славу, вашу жизнь, все, что у васъ есть, чтобы заставить меня придти на одинъ часъ въ эту палатку. Этотъ поступокъ заставляетъ меня сказать, что, быть можетъ, вы не ошиблись...

Принциваль. Какъ разъ именно этотъ поступокъ ничего не доказываетъ.

Ванна. Какимъ образомъ?

Принциваль. Мнѣ пріятнѣе сказать вамъ правду. Потребовавъ васъ сюда для спасенія Пизы, я ничѣмъ не жертвовалъ.

Ванна. Я не совсѣмъ понимаю? Вы не измѣнили вашей родинѣ? Вы не погубили своего прошлаго? своего будущаго? Вы не обрекли себя на изгнаніе, на смерть, быть можетъ?

Принциваль. Прежде всего, у меня нѣтъ родины... Если бы она была

у меня, мнѣ думается, я не принесъ бы ее въ жертву любви, какова бы ни была эта любовь... Но я только наемникъ, вѣрный, пока ему вѣрны, и измѣняющій, когда чувствуетъ, что ему измѣняютъ... Коммиссарами Флоренціи сдѣланъ на меня ложный доносъ, и я былъ обвиненъ безъ суда республикой торгашей, обычаи которой вы знаете не хуже меня. Я зналъ, что мнѣ нѣтъ спасенія. То, что я сдѣлалъ сегодня вечеромъ, не повредитъ мнѣ больше; напротивъ, я, быть можетъ, найду въ этомъ спасеніе, если какой-нибудь счастливый случай еще можетъ спасти меня...

Ванна. Значитъ, вы очень немногимъ пожертвовали мнѣ?

Принциваль. Ничѣмъ. Я долженъ былъ сказать это вамъ... Я радъ, что представился случай... Мнѣ было бы непріятно купить ложью хоть одну вашу улыбку.

Ванна. Это хорошо, Джіанелло, это стоитъ любви и самыхъ прекрасныхъ доказательствъ ея. Тебѣ не придется искать руки, ~~лучше~~ избѣжавшей тебя. Вотъ она.

Принциваль. Ахъ! лучше бы ее завоевала любовь! Но пусть хоть такъ. Она все же моя теперь, Ванна, я держу ее въ своихъ рукахъ, я люблю ея перламутровымъ свѣтомъ, я вдыхаю въ себя ея жизнь, я на мгновеніе упиваюсь сладостной иллюзіей; я ощущаю ея теплую свѣжесть, я сжимаю ее, я открываю и закрываю ее, точно она готова отвѣтить мнѣ на волшебномъ и тайномъ языкѣ влюбленныхъ... Я покрываю ее поцѣлуями, и ты не отнимаешь ее, Ванна? Такъ ты не сердилась на меня за жестокое испытаніе?

Ванна. Я сдѣлала бы то же самое на твоемъ мѣстѣ, быть можетъ, немного лучше или немного хуже.

Принциваль. А когда ты согласилась пойти въ мою палатку, ты знала, кто я?

Ванна. Никто этого не зналъ... О начальникъ непріятельской арміи ходили противорѣчивые слухи. По словамъ однихъ, ты былъ отвратительный старикъ, по словамъ другихъ—молодой принцъ дивной красоты.

Принциваль. Вѣдь отецъ Гвидо меня видѣлъ. Развѣ онъ не сказалъ тебѣ ничего?

Ванна. Нѣтъ.

Принциваль. Ты не спрашивала его?

Ванна. Нѣтъ.

Принциваль. Значитъ ты шла ночью, одна, беззащитная, чтобы отдаться неизвѣстному, быть можетъ, отвратительному варвару, и неужели тѣло твое не содрагалось, неужели сердце твое не трепетало?

Ванна. Нѣтъ. Идти надо было.

Принциваль. А когда ты увидѣла меня, ты не поколебалась?

Ванна. Вѣдь ты же помнишь? Я вѣдь не увидѣла ничего, кромѣ этихъ бинтовъ...

Принциваль. Такъ, ну а потомъ, Ванна, когда я отстранилъ ихъ?

Ванна. Тогда уже было совсѣмъ другое, и я знала... А ты, на что ты рѣшался, когда я входила въ твою палатку? Неужели ты въ самомъ дѣлѣ собирался воспользоваться до конца нашимъ бѣдствіемъ.

Принциваль. Ахъ, я не знаю самъ, что я хотѣлъ сдѣлать. Я чувствовалъ, что погибъ и хотѣлъ погубить все. Я ненавидѣлъ тебя за любовь мою къ тебѣ. И я такъ бы и поступилъ, если бы вошла не ты. Но всякая другая показалась бы мнѣ отвратительной. Если бы ты сама оказалась не похожей на себя... Я прихожу въ ужасъ отъ одной мысли объ этомъ. Довольно было бы одного слова—не твоего, одного не твоего жеста, малѣйшаго пустяка, чтобы разжечь ненависть и разнуздать чудовище. Но едва я увидѣлъ тебя, я понялъ, что это невозможно.

Ванна. Я тоже увидѣла это, и уже не боялась тебя, мы поняли другъ друга, не сказавъ еще ни слова. Это, право, удивительно... Мнѣ кажется, я поступала бы совершенно такъ, какъ ты, если бы любила, какъ ты. Иногда мнѣ кажется, что я на твоемъ мѣстѣ, а ты меня слушаешь, и я говорю все, что ты мнѣ говоришь.

Принциваль. И я также, Ванна, я съ первой минуты почувствовалъ, что стѣна, отдѣляющая каждого человѣка отъ другого, у насъ съ тобой стала прозрачной, какъ чистая влага, и я погружалъ въ нее свои руки, погружалъ свои взоры, потомъ съ нихъ струился свѣтъ, съ нихъ струилось довѣріе и искренность, точно я погружалъ ихъ въ собственную совѣсть, въ собственное сердце. Мнѣ стало казаться также, что всѣ люди измѣнились, и что я ошибался въ нихъ до сихъ поръ... Но больше всего мнѣ казалось, что я измѣняюсь самъ, что я выхожу изъ долгаго заточенія, что двери тюрьмы открываются, что цвѣты и листья раздвигаютъ рѣшетки исчезаютъ всѣ камни и горизонтъ расширяется, что свѣжій утренній воздухъ проникаетъ въ мою душу, обвѣваетъ мою любовь.

Ванна. И во мнѣ происходила перемѣна. Я удивлялась себѣ, что могу разговаривать такъ съ тобой съ первой минуты... Я очень молчалива... Я никогда ни съ кѣмъ не говорила такъ, кромѣ развѣ Марко, отца Гвидо... Да и съ нимъ совершенно иначе... Онъ живетъ всегда въ области грезъ, которыя захватываютъ его цѣликомъ, и мы говорили съ нимъ всего три, четыре раза. Въ глазахъ другихъ всегда видно желаніе, и оно мѣшаетъ сказать имъ, что любишь ихъ, что хочешь знать, что происходитъ въ ихъ сердцахъ... Въ твоихъ глазахъ тоже видно желаніе, но только оно не такое, оно не отталкиваетъ, не пугаетъ... Я сейчасъ же почувствовала, что знаю тебя, хотя и не помню, гдѣ я тебя видѣла.

Принциваль. Могла ли бы ты полюбить меня, если бы мой злой рокъ не привелъ меня назадъ, когда уже было поздно?

Ванна. Если бы я могла сказать, что полюбила бы тебя, это значило бы, что я уже люблю тебя,—вѣдь такъ, Джіанелло? А ты не

хуже меня знаешь, что это невозможно... Но мы говоримъ съ тобой, точно мы на необитаемомъ островѣ... Если бы я была одна въ мірѣ, это бы ничего... Но мы слишкомъ долго забываемъ, какъ другой человѣкъ страдаетъ въ то время, когда мы посылаемъ улыбки прошедшему... Когда я уходила изъ Пизы,—это горе Гвидо, этотъ полный отчаянья голосъ, эта блѣдность... Нѣтъ, я не могу больше медлить... Заря, должно быть, ужъ недалеко, мнѣ надо скорѣе узнать... Но я слышу шаги. Кто-то подходитъ къ палаткѣ. Слѣпой случай великодушнѣе насъ съ тобой. Тамъ шепчутся у входа... Слушай, слушай... Что это?

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Ведіо.

Снаружи доносится шопотъ и звукъ торопливыхъ шаговъ, потомъ голосъ Ведіо, говорящаго за входомъ.

Ведіо (*не входя*). Господинъ!

Принциваль. Это голосъ Ведіо... Входи! Что тамъ такое?

Ведіо (*у входа въ палатку*). Я прибѣжалъ бѣгомъ... Спасайтесь, господинъ! Пора... Мессеръ Маладура, второй комиссаръ Флоренціи...

Принциваль. Вѣдь онъ былъ въ Бибіенѣ.

Ведіо. Онъ вернулся... Съ нимъ шестьсотъ человѣкъ... Все Флорентійцы. Я видѣлъ, какъ они шли... Лагерь въ волненіи... Онъ привезъ приказъ... Васъ объявили измѣнникомъ... Онъ ищетъ Тривульціо... Боюсь, онъ найдетъ его, раньше, чѣмъ вы...

Принциваль. Иди, Ванна.

Ванна. Куда мнѣ идти?

Принциваль. Ведіо съ двумя вѣрными людьми отведетъ тебя въ Пизу.

Ванна. А ты, куда же ты пойдешь?

Принциваль. Не знаю... Все равно... Міръ великъ, найдется для меня убѣжище...

Ведіо. О, господинъ, будьте осторожны. Они заняли всю мѣстность вокругъ города; Тоскана переполнена шпионами.

Ванна. Пойдемъ въ Пизу.

Принциваль. Съ тобой?

Ванна. Да.

Принциваль. Не могу.

Ванна. Хотя на нѣсколько дней... Ты скроешься такимъ образомъ отъ первыхъ преслѣдованій.

Принциваль. А твой мужъ?

Ванна. Онъ знаетъ не хуже тебя, какъ поступать съ гостемъ.

Принциваль. И онъ повѣритъ тебѣ, когда ты ему скажешь...

Ванна. Да. Если бы онъ не повѣрилъ мнѣ... Но это невозможно...

Пойдемъ.

Принциваль. Нѣтъ.

Ванна. Почему? Чего ты боишься?

Принциваль. Я боюсь за тебя.

Ванна. Для меня опасность совершенно одинакова, буду ли я одна или съ тобой. Бояться надо за тебя. Ты спасъ Пизу. Теперь она должна спасти тебя... Ты придешь подъ моей охраной, я отвѣчаю за тебя...

Принциваль. Я пойду съ тобой.

Ванна. Это лучшее доказательство твоей любви... Идемъ.

Принциваль. А твоя рана.

Ванна Твоя гораздо серьезнѣе...

Принциваль. Не думай о ней... Это не первая... Но твоя... Подумають, что кровь... *(Онъ протягиваетъ руку, чтобы оттереть плащъ).*

Ванна. *(Отстраняя его руку и плотнѣе закутываясь въ плащъ).* Нѣтъ, нѣтъ, Джіанелло... Мы не враги теперь... Мнѣ холодно.

Принциваль. Ахъ, я и забылъ, что ты должна идти почти нагая ночью. И я, варваръ, потребовалъ этого... Вотъ сундуки, куда я складывалъ военную добычу... Вотъ золоченныя одежды, вотъ парчевыя покрывала.

Ванна *(беретъ наудачу одно изъ покрывалъ и закутывается въ него).* Этого довольно... Надо скорѣй спасать тебя... Идемъ, открой палатку... *(Принциваль влѣзъ съ Ванной подходитъ къ выходу и открываетъ его. Глухой шумъ, покрываемый отдаленнымъ перезвономъ колоколовъ, врывается въ тишину ночи. Черезъ открытое отверстіе вдали видна освѣщенная Пиза, усыпаемая праздничными огнями, бросающая на темное небо большое зарево свѣта).*

Принциваль. Ванна! Ванна! смотри!...

Ванна. Что это, Джіанелло? Это радостные огни, они зажгли ихъ, чтобы отпраздновать твое дѣло... Всѣ стѣны покрыты ими, укрѣпленія горятъ, башня свѣтится точно праздничный факель... Всѣ другія башни тоже сверкають, точно звѣзды... Улицы, точно огненные дороги въ небѣ... Я узнаю ихъ направленіе, я такъ же ясно вижу ихъ отраженіе, какъ видѣла утромъ мостовую на нихъ. Вотъ пизанскій соборъ весь въ огняхъ. А вотъ Campo Santo *) лежитъ темнымъ островомъ... Какъ будто жизнь, казалось исчезнувшая, поспѣшно возвращается, свѣтится на стрѣлахъ, сверкаетъ въ камняхъ, переливается черезъ стѣны, заливаютъ окрестности и зоветъ насъ... Слушай, слушай же... Развѣ ты не слышишь кликовъ безумной радости, точно море затопило Пизу... И колокола поють, точно въ день моей свадьбы... Ахъ, я слишкомъ счастлива, я вдвойнѣ счастлива, такъ какъ этимъ счастьемъ я обязана тому, кто больше всѣхъ любилъ меня! Идемъ, мой Джіанелло. *(Цѣлуетъ его въ лобъ).* Вотъ единственный поцѣлуй, который я могу тебѣ дать.

Принциваль. О, моя Джіованна! Онъ прекраснѣе всѣхъ, какіе могла дать любви!.. Но что съ тобой? Ты шатаешься, у тебя подгибаются колѣни... Обопришь на меня, положи руку на мое плечо.

*) Кладбище.

Ванна. Это ничего... Я иду за тобой... Это отъ радости... Я слишкомъ понадѣялась на женскія силы... Поддерживай меня, носи меня, пусть ничто не задерживаетъ моихъ первыхъ счастливыхъ шаговъ... Ахъ, какъ прекрасна ночь и встающая заря! Поспѣшимъ, пора... Мы должны придти раньше, чѣмъ погаснетъ радость... *(Они выходятъ обнявшись).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Парадная зала во дворцѣ Гвидо Колонна. Высокія окна, мраморныя колонны, портики, шелковыя ткани по стѣнамъ и т. п. Налѣво на второмъ планѣ большая терраса, вазы съ цвѣтами на баллюстрадахъ; къ ней ведетъ двойная наружная лѣстница. Въ срединѣ вала между колоннами широкія мраморныя ступени ведутъ на ту же террасу, съ которой открывается видъ на часть города.

СЦЕНА I.

Гвидо, Марко, Борсо и Торелло входятъ.

Гвидо. Я сдѣлалъ, какъ вы хотѣли, какъ она хотѣла, какъ всѣ хотѣли. Насталъ чередъ и для моей воли. Я молчалъ, я прятался, я задерживалъ дыханіе, какъ трусъ, когда воры грабятъ его домъ. И я былъ честенъ въ своей низости! Вы сдѣлали изъ меня торговца, точно соблюдающаго условія торга. Но вотъ и заря... Всю ночь я не двинулся съ мѣста... Я измѣрилъ всю глубину униженія. Надо было честно выполнить условія, надо было уплатить сполна за ваши припасы... Вся эта благородная ночь, до послѣдней минуты, конечно, принадлежала покупателю! О, за такое количество хлѣба, быковъ, овощей цѣна была нечрезмѣрно высока! Теперь я уплатилъ, и вы насытились. Я снова свободенъ, я снова становлюсь начальникомъ. Довольно этого позора.

Марко. Сынъ мой, я не знаю твоихъ намѣреній, никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ такое горе, какъ твое. Никто не въ силахъ также облегчить его. Самое это счастье, порожденное имъ, со всѣхъ сторонъ окружающее тебя, вносить еще больше горечи въ твои первыя слезы,—я вполне понимаю это. Теперь, когда городъ спасенъ, мы тоже готовы жалѣть объ этомъ спасеніи, купленномъ такой дорогою цѣной. И невольно мы опускаемъ глаза передъ тѣмъ, кто несправедливо несетъ на себѣ одномъ всю тяжесть этого. И тѣмъ не менѣе, если бы снова вернулось вчера, мнѣ пришлось бы поступать такъ же, какъ я поступилъ, намѣчать тѣхъ же жертвъ и вызывать ту же несправедливость. Человѣкъ, желающій быть справедливымъ, принужденъ всю жизнь съ грустью дѣлать выборъ между двумя или тремя неравными несправедливостями... Я не знаю, что сказать тебѣ, но если мой голосъ, который когда-то тебѣ былъ дорогъ, можетъ послѣдній разъ проникнуть въ твое сердце, нѣкогда внимательное къ нему, я попрошу тебя, сынъ мой, не слѣдуй слѣпо первымъ внушеніямъ гнѣва и страданія. Подожди, пока пройдетъ опасный часъ, когда мы говоримъ слова, которыя уже

нельзя взять обратно. Сейчас вернется Ванна... не суди ее сегодня, не отталкивай никого, не принимай безповоротных рѣшеній... Все, что человекъ дѣлаетъ, все, что онъ говоритъ въ минуты слишкомъ большого горя, роковымъ образомъ неисправимо... Ванна вернется въ отчаяніи. Не упрекай ее. Тебѣ лучше не видѣть ее сейчасъ по возвращеніи, если ты не чувствуешь въ себѣ силы говорить съ нею такъ, какъ ты сталъ бы говорить черезъ много дней... Время проходитъ и приноситъ иногда много великодушія, справедливости и благоразумія намъ, бѣднымъ людямъ,—игрушкамъ столькихъ силъ. Только тѣ слова имѣютъ цѣну, которыя говорятся, когда человекъ понялъ, простилъ и снова полюбилъ, и только объ нихъ надо было бы думать, когда насъ ослѣпляетъ боль...

Гвидо. Вы кончили? Наконецъ! Право, теперь не время медоточивыхъ словъ, ими никого не обманешь... Я далъ вамъ послѣдній разъ сказать мнѣ все, что вы хотѣли. Мнѣ хотѣлось знать, что предложить мнѣ ваша мудрость взаимнѣ жизни, такъ искусно разбитой ею. И вотъ что она мнѣ преподноситъ!... Ждать, терпѣть, принимать, забывать, прощать и плакать! Такъ нѣтъ же! Этого мало! Лучше уже не быть благоразумнымъ. Чтобъ искупить мой позоръ, нужно другое, не одни слова! То, что я хочу сдѣлать, очень просто. Нѣсколько лѣтъ назадъ вы сами потребовали бы отъ меня это. Другой человекъ обладалъ Ванной, Ванна не принадлежитъ мнѣ, пока человекъ этотъ живъ. Я живу не по прописнымъ правиламъ. Я слѣдую великому закону, управляющему всякимъ, въ комъ живо сердце. Пиза накормлена и снова можетъ защищаться. Она получила свою долю оружія, я требую своей! Съ выпѣшняго дня ея солдаты снова принадлежатъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, лучшіе, тѣ которыхъ я набиралъ и самъ оплачивалъ. Я ничѣмъ болѣе не обязанъ ей, и я беру назадъ то, что мнѣ принадлежитъ. Она получить ихъ только тогда, когда они исполняютъ то, что я имѣю право требовать. А въ остальномъ, вотъ,—Ванну... я прощаю или прощу, когда его не будетъ на свѣтѣ. Она была обманута. Она заблуждалась ужасно, но, конечно, героически. Надъ ея состраданіемъ, надъ величіемъ ея души гнусно насмѣялись. Допустимъ, это можетъ если не забыться, то затеряться такъ далеко въ прошломъ, что любовь не сможетъ найти его. Но есть человекъ, на котораго я отнынѣ не могу смотрѣть безъ стыда и ужаса. Есть человекъ, который долженъ былъ руководить и поддерживать великое и благородное счастье, и который сталъ его врагомъ и губителемъ. И вы увидите вещь, страшную и неслыханную и все же справедливую: сына, который среди пошатнувшагося міра, судить собственного отца, проклинаетъ его, отрекается отъ него, изгоняетъ его, ненавидитъ и презираетъ его!

Марко. Проклинай меня, сынъ мой, только ее прости. Если въ твоихъ глазахъ героическій поступокъ, спасшій столько жизней, является непрощаемой ошибкой, то ошибка эта дѣликомъ лежитъ на мнѣ,

героизмъ же принадлежитъ другимъ. Совѣтъ мой былъ хорошъ, но дать его было легко, такъ какъ я не участвовалъ въ жертвѣ. Теперь когда я теряю все, что у меня есть самаго дорогого, онъ мнѣ кажется болѣе цѣннымъ. Ты судилъ по совѣсти, я судилъ бы такъ же, если бы былъ моложе. Я уйду, дитя мое, ты не увидишь меня болѣе, я понимаю, что тебѣ тяжело смотрѣть, на меня, но я надѣюсь, что буду видѣть тебя украдкой. Я уйду, не рѣшаясь надѣяться, что доживу до тѣхъ поръ, когда ты простишь мнѣ причиненное тебѣ зло, я долго жилъ и знаю, что тѣ, кто какъ ты, находятся въ срединѣ жизненнаго пути, не скоро прощаютъ. У меня не остается ничего, чему можно позавидовать, и мнѣ бы хотѣлось знать что я унесъ изъ твоего сердца всю ненависть, всю жажду мести, всѣ болѣзненные воспоминанія, и что та, которая вернется сейчасъ, не найдетъ ихъ. Я попрошу тебя объ одномъ. Позволь мнѣ взглянуть еще разъ, какъ она бросится въ твои объятія. Потомъ я уйду, не жалясь и не считая тебя несправедливымъ. Самый старейшій долженъ по справедливости брать на свои плечи самую тяжелую долю человѣческихъ страданій, такъ какъ ему остается сдѣлать всего нѣсколько шаговъ до той минуты, когда съ него снимутъ все бремя. *(Во время послѣднихъ словъ Марко снаружи доносится глухой, но сильный шумъ. Въ наступившемъ молчаніи шумъ этотъ растетъ, приближается, опредѣляется; сначала это точно гулъ ожиданія, потомъ отдаленные приветственные клики движущейся толпы. Скоро, прорывая безформенный шумъ, начинаютъ все яснѣе слышаться тысячи разъ повторяемые крики: «Ванна! Ванна!.. Наша мѣна Ванна! Слава мѣнѣ Ваннѣ! Наша мѣна Ванна! Ванна! Ванна!» Марко бросается къ портику, ведущему на террасу).* Это Ванна! Она возвращается!.. Вотъ она! Они приветствуютъ ее! Слышите! Слышите! *(Борсо и Торелло выходятъ вслѣдъ за нимъ на террасу, Гвидо стоитъ одинъ, прислонившись къ колоннѣ и смотритъ въ даль. Во время послѣдующей сцены крики все усиливаются и быстро приближаются. Марко на террасѣ продолжаетъ:)* О, вся площадь, всѣ улицы, деревья, окна, все сплошь покрыто, головами и машущими руками! Точно всѣ камни, листья и черепицы превратились въ людей! Но гдѣ же Ванна? Я вижу только облако, то расходящееся, то смыкающееся! Борсо, мои старые глаза отказываются служить моей любви. Старость, слезы, опасенія ослѣпляютъ ихъ. Они не находятъ того единственнаго существа, которое хотятъ видѣть! Гдѣ она? Видишь ты ее? Въ какую сторону идти мнѣ ей навстрѣчу?

Борсо *(удерживая его)*. Нѣтъ, не ходите. Толпа слишкомъ густая и возбужденная. Они давятъ женщинъ, опрокидываютъ дѣтей. Да это и не нужно, Ванна будетъ здѣсь раньше, чѣмъ вы можете. Она идетъ сюда, вотъ она! Она поднимаетъ голову, она замѣтила насъ. Она спѣшитъ, она смотритъ на насъ и улыбается.

Марко. Такъ вы ее видите! А я все еще не вижу! Ахъ мои полу-

мертвые глаза, они ничего не различают! Первый разъ я проклиная старость, она научила меня столькимъ вещамъ и скрыла отъ меня эту! Вы видите ее, такъ скажите же, какая она? Видите вы ее лицо?

Борсо. Она возвращается торжествующая. Она точно осязаетъ всю толпу, привѣтствующую ее.

Торелло. А кто же это идетъ съ ней рядомъ?

Борсо. Не знаю. Я не могу узнать. Лицо его закрыто.

Марко. Вы слышите, какой восторгъ! Весь дворецъ дрожить, и цвѣты падаютъ съ вазъ на баллюстраду. Ступени и мраморныя плиты словно поднимаются подъ нашими ногами и хотятъ унести насъ всѣхъ въ водоворотъ общей радости. Ахъ, я тоже начинаю различать! Толпа подходитъ къ рѣшеткѣ. Я вижу она разступается посерединѣ.

Борсо. Да, толпа раздается передъ Ванной; когда она приближается, она устраиваетъ ей триумфальный проходъ. Они бросаютъ ей цвѣты, пальмовыя вѣтви, драгоцѣнности. Матери протягиваютъ руки, чтобы она коснулась ихъ дѣтей. Мужчины ложатся на землю и цѣлуютъ камни, на которыя ступали ее ноги. Берегитесь... Они приближаются... Они не владѣютъ собой. Они опрокинуть насъ, если войдутъ на лѣстницу. Къ счастью со всѣхъ сторонъ сбѣгается стража и преграждаетъ входъ... Я прикажу имъ осадить толпу и запереть рѣшетки, если это еще возможно.

Марко. Нѣтъ! Нѣтъ! Пусть радость разольется здѣсь такъ же свободно, какъ въ ихъ сердцахъ! Что за дѣло до того, что она опрокидываетъ, когда любовь такъ велика! Они довольно пострадали, теперь ихъ освобожденіе можетъ снести всѣ преграды. О, мой бѣдный, мой добрый народъ! Я самъ опьянѣлъ, я самъ готовъ кричать отъ радости вмѣстѣ съ тобой! О, Ванна! моя Ванна! Неужели это ты, ты сама подходишь къ лѣстницѣ? *(Онъ бросается къ ней навстрѣчу, но Борсо и Торелло удерживаютъ его)*. Входи, входи, Ванна! Они держатъ меня. Они боятся радости! Иди, иди, Ванна, ты прекраснѣе Юдифи и чище Лукреціи! Иди, иди, Ванна, вся осыпанная цвѣтами! *(Онъ подбѣгаетъ къ мраморнымъ вазамъ, рветъ цвѣты полными пригоршнями и бросаетъ на лѣстницу)*. У меня тоже есть цвѣты, чтобы привѣтствовать жизнь. У меня тоже есть лиліи, лавры и розы, чтобы вѣнчать славу! *(Крики восторга становятся все болѣе бѣшенными)*.

СЦЕНА II.

Тѣ же, Ванна, Принциваль.

Ванна въ сопровожденіи Принциваля показывается наверху лѣстницы и на послѣдней ступени бросается въ объятія Марко. Толпа заливаютъ всю лѣстницу, террасу, портики, но держится на нѣкоторомъ разстояніи отъ центральной группы, состоящей изъ Ванны, Принциваля, Марко, Борсо и Торелло.

Ванна *(бросаясь въ объятія Марко)*. Отецъ мой, я счастлива!

Марко *(крѣпко обнимая ее)*. Я тоже счастливъ, дочь моя, такъ

какъ ты вернулась къ намъ! Дай мнѣ посмотрѣть на тебя... Ты вся сіяешь, точно ты спускаешься съ небесъ, торжествующихъ твое возвращеніе. Ужасный врагъ не потушилъ ни одного луча твоихъ глазъ, не отнялъ у тебя твоей улыбки.

Ванна. Отецъ, я скажу вамъ... Но гдѣ же Гвидо? Прежде всего надо облегчить его сердце... Онъ еще не знаетъ...

Марко. Идемъ, Ванна, онъ тутъ... Иди, меня отталкиваютъ, и это, быть можетъ, справедливо. Но тебѣ прощаютъ твою великодушную вину, и я хочу самъ толкнуть тебя въ его объятія, чтобъ мой послѣдній взглядъ сохранилъ вашу любовь... *(Въ эту минуту Гвидо дѣлаетъ шагъ навстрѣчу Ваннѣ. Она хочетъ заговорить и дѣлаетъ движеніе, чтобъ броситься въ его объятія. Но Гвидо рѣзкимъ жестомъ останавливаетъ ее и отталкиваетъ).*

Гвидо *(обращается къ окружающимъ отрывистымъ, рѣзкимъ и повелительнымъ голосомъ)*. Оставьте васъ!

Ванна. Нѣтъ! Нѣтъ! Подождите! Гвидо, ты не знаешь... Я сейчасъ скажу тебѣ, я скажу всѣмъ... Гвидо, я возвращаюсь такой же чистой, и никто...

Гвидо *(прерываетъ ее, отталкиваетъ и говоритъ, постепенно возмущая голосъ подъ вліяніемъ гнѣва, все сильнѣе овладѣвающей имъ)*. Не подходи ко мнѣ, ты! Не прикасайся ко мнѣ!.. *(Наступая на толпу, начинающую проникать въ залу и отступающую передъ нимъ)*. Вы слышали? Я васъ прошу уйти и оставить насъ однихъ. Вы хозяева у себя, а здѣсь я хозяинъ. Борсо и Торелло, позовите стражу... А! я васъ понимаю! Послѣ праздника вамъ нужно еще представленіе! Но вы не увидите его, оно не для васъ, вы не достойны его... У васъ есть мясо и вино, я уплатилъ за васъ всѣхъ, чего же вы еще ждете? Кажется, мнѣ можно оставить хоть мое горе... Ступайте, ѣшьте и пейте! У меня другія заботы и моихъ слезъ вы не увидите... Убийрайтесь, говорю вамъ! *(Молчаливое движеніе въ толпѣ, понемногу удаляющейся)*. Нѣкоторые все-таки остаются? Уходите же! *(Беретъ за руку своего отца)*. И вы также! Вы, главное! Вы прежде всѣхъ, потому что ваша вина! Вы не увидите моихъ слезъ! Ахъ, я хочу быть одинъ, одинъ какъ въ гробу, больше чѣмъ въ гробу. Я долженъ, наконецъ, узнать, что мнѣ нужно! *(Замѣчая Принцивала, который не трогался съ мѣста)*. А ты?.. Кто ты? Что ты стоишь тутъ закутанной статуей? Что ты—позоръ, или смерть, которая меня выжидаетъ? Уходи, развѣ ты не понимаешь? *(Беретъ алебарду у одного изъ солдатъ)*. Что же? Гнать мнѣ тебя алебардой? Ты берешься за шпагу? У меня вѣдь тоже есть шпага, но я не пушу ее въ ходъ теперь... Она мнѣ нужна для одного единственного человѣка, только для одного... А онъ... Но почему ты закрываешь голову? У меня вовсе нѣтъ охоты забавляться масками... Ты не отвѣчаешь?.. Я хочу видѣть тебя, кто ты такой? Погоди! *(Хо-*

четь сорвать съ него плащъ. Ванна бросается между нимъ и Принцивалемъ и останавливаетъ его).

Ванна. Не трогай его!

Ты Принциваль (останавливается удивленный). А! Ванна?.. Ты, Ванна? Откуда у тебя такая сила?

Ванна. Это онъ спасъ меня...

Гвидо. А! А! онъ спасъ тебя... Спасъ потомъ... когда было уже поздно... Онъ совершилъ великій подвижъ... Лучше бы...

Ванна (*мехорадочно*). Дай же мнѣ, наконецъ, сказать, прошу тебя, Гвидо... Ты поймешь, съ перваго слова... Онъ спасъ меня, понимаешь! Не тронулъ, пощадилъ... Онъ не коснулся меня... Никто меня не касался... Онъ пришелъ подъ моей охраной... Я дала ему слово, твое слово, наше слово... Я возвращаюсь чистой, какъ ушла... Подожди, пока твой гнѣвъ... Дай мнѣ сказать тебѣ... Не бойся... Лучше всѣмъ намъ... Онъ не сказалъ ни слова, не сдѣлалъ ни одного движенія, которыя бы могли...

Гвидо. Да кто же онъ? Кто это?

Ванна. Принциваль.

Гвидо. Кто? Онъ? Какъ? Этотъ? Это Принциваль?

Ванна. Да, да, онъ твой гость. Онъ довѣрился тебѣ. Онъ нашъ спаситель.

Гвидо (*одну минуту стоитъ, пораженный изумленіемъ, потомъ начинаетъ говорить быстро, съ растущимъ возбужденіемъ, мышающимъ Ванну прервать его*). О, такъ вотъ что, моя Ванна! О, это точно цѣломудренная роса, падающая съ неба! О, Ванна, моя Ванна! Ты прекрасна! Я люблю тебя, наконецъ, я тебя понялъ! Да, ты была права. Если это было неизбежно, надо было поступить именно такъ! Ахъ, я понимаю твою высокую хитрость, еще болѣе высокую, чѣмъ твоя вина! Я не зналъ, я не могъ предвидѣть... Другая убила бы его, какъ Юдифь Олоферна... Но его преступленіе больше, чѣмъ преступленіе Олоферна, и требуетъ болѣе ужаснаго мщенія. Привести его къ его жертвамъ, которыя станутъ его палачами... Какое великолѣпное торжество! Онъ шелъ, увлекаемый твоими подблудами, кротко, нѣжно, какъ барашекъ идетъ за цвѣтущей вѣткой!.. Что намъ до подблудевъ, ввущенныхъ ненавистью! Онъ попался въ ловушку... Ты поступила хорошо; если бы ты убила его тамъ, въ его палаткѣ, послѣ ужаснаго преступленія, этого было мало, могло бы еще остаться сомнѣніе, никто его не видѣлъ... Всѣ знали объ ужасномъ торгѣ; надо, чтобы всѣ узнали, чѣмъ искупаютъ такое надруганіе надъ человѣческой природой... Но какъ ты это сдѣлала? Это величайшее торжество для чести женщины... А, ты сама имъ скажешь! (*Бѣжитъ на террасу и кричитъ громовымъ голосомъ*). Принциваль! Принциваль! Врагъ въ нашихъ рукахъ!

Ванна (*хватаясь за него, пытается удержать*). Нѣтъ, нѣтъ, послушай... Это не то... Гвидо, умоляю тебя... Ты ошибаешься, Гвидо...

Гвидо (*освобождается отъ нея и кричитъ еще громче*). Оставь меня, ты увидишь. Они должны узнать... (*Обращаясь къ толпѣ*). Идите сюда, вы должны теперь вернуться... И вы также, отецъ. Нечего просовывать голову между колоннъ. Вы высматриваете, не виѣшается ли въ мою судьбу какой-нибудь богъ, чтобы исправить причиненное вами зло и принести намъ миръ! Возвращайтесь! Миръ насталъ. Великое чудо свершилось! Пусть самые камни слышать и запомнить, что сейчасъ произойдетъ! Я уже не прячусь больше, мой позоръ снятъ! Я выйду отсюда чистымъ, какъ самые чистые, счастливымъ, какъ тѣ, кто не знаетъ, что такое утрата! Вы можете привѣтствовать мою Ванну! Я тоже привѣтствую ее съ вами и громче всѣхъ васъ! (*Проталкивая въ залу толпящихся на террасѣ*). На этотъ разъ и для васъ будетъ зрѣлище! Есть въ мірѣ справедливость! Ахъ, я это зналъ, но я не зналъ, что она такъ скоро восторжествуетъ! Я думалъ, что мнѣ придется ждать ее годы и годы! Я думалъ, что буду всю жизнь подстерегать ее всюду, на поворотахъ тропинокъ, въ лѣсахъ, на улицахъ... И вдругъ она является среди этой залы предо мной, передъ нами, на этихъ самыхъ ступеняхъ! Какое чудо свершилось?.. Сейчасъ мы о немъ узнаемъ. Свершила его Ванна! Справедливость явилась, она исполнить свое дѣло... (*Обращается къ Марко, взявъ его за руку*). Видите вы этого человѣка?

Марко. Да. Кто это?

Гвидо. Вѣдь вы же его видѣли, вы говорили съ нимъ, вы были его добровольнымъ посломъ... (*Принципаль повертываетъ голову къ Марко, тотъ узнаетъ его*).

Марко. Принципаль! (*Движеніе въ толпѣ*).

Гвидо. Да, это онъ, онъ самъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія... Подойдите же, посмотрите, потрогайте его, поговорите съ нимъ; можетъ быть, у него найдется какое-нибудь новое порученіе... Развѣ я не правъ былъ, суля вамъ чудо? Не бойтесь, подходите, онъ не уйдетъ. Только закройте двери, чтобъ какое-нибудь новое чудо не отняло его у насъ! Но не будемъ пока его трогать! Онъ доставитъ намъ еще много радостей... Посмотрите на него, мои бѣдные братья! Это онъ заставлялъ васъ страдать, онъ хотѣлъ истребить васъ, онъ продавалъ вашихъ женъ и дѣтей! Теперь онъ мой, онъ вашъ, онъ нашъ! Но вамъ онъ не причинилъ такихъ страданій, какъ мнѣ... Сейчасъ я отдамъ вамъ его... (*Обращаясь прямо къ толпѣ*). Вы всѣ здѣсь, вы будете свидѣтелями... Все должно быть ясно... Вы поняли это чудо, это геройство? Ему принадлежала Ванна. Иначе нельзя было... вы всѣ требовали этого... вы ее продали... Я никого не проклинаю. Что сдѣлано, то сдѣлано, вы имѣли право предпочесть свою жизнь моему бѣдному счастью... Но что вы можете сдѣлать, чтобъ воскресить убитую любовь? Вы сумѣли только уничтожить; надо возстановить! И вотъ Ванна сдѣлала это. Она сдѣлала лучше, чѣмъ Лукреція или

Юдифь! Лукреція убила себя; Юдифь убила Олоферна... Это слишкомъ просто, слишкомъ скрытно! Ванна никого не станетъ убивать подъ кровомъ палатки, она привела сюда жертву живою для всенароднаго закланія... Мы сами сотремъ позоръ, который мы же и навлекли... Какъ она это сдѣлала? Она сейчасъ скажетъ намъ...

Ванна. Да, я скажу вамъ, но совѣмъ не это!..

Гвидо (*прерывая Ванну, обнимаетъ ее*). Дай, я сперва обниму тебя, чтобы всѣ знали...

Ванна (*съ силой отталкивая его*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ еще! Нѣтъ, никогда больше, если ты не выслушаешь меня! Слушай же, Гвидо! Здѣсь дѣло идетъ о настоящей чести и о другомъ счастьи, не о тѣхъ, которыя помutilи твой разумъ! Я рада, что всѣ вернулись... Они, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ ты, меня услышатъ, скорѣе, чѣмъ ты, меня поймутъ. Выслушай меня, Гвидо, я не позволю тебѣ обнимать меня, прежде чѣмъ ты узнаешь...

Гвидо (*снова обнимаетъ ее, прерывая*). Я узнаю, все узнаю, но, прежде всего я...

Ванна. Да слушай же, говорю тебѣ! Я никогда не лгала, но сегодня я скажу всю правду до конца, такую правду, какую говорятъ только разъ, которая убиваетъ или даритъ жизнь... Слушай, Гвидо, и смотри на меня, если ты не видѣлъ меня до сихъ поръ. Теперь ты первый и единственный разъ можешь полюбить меня такъ, какъ я хочу быть любимой... Я говорю теперь во имя нашей жизни, во имя всего, что во мнѣ есть, всего, чѣмъ ты мнѣ былъ... Будь способенъ повѣрить тому, что кажется невѣроятнымъ. Этотъ человѣкъ не обладалъ мною... Его ничто не связывало, — ему меня отдали... И я выхожу изъ его палатки, какъ изъ дома брата... Онъ не прикоснулся ко мнѣ...

Гвидо. Почему?

Ванна. Потому что онъ любитъ меня!

Гвидо. А, такъ вотъ что ты хотѣла сказать намъ... Такъ вотъ оно — чудо! Да, да, я въ первыхъ же словахъ почувствовалъ что-то непонятное. Это блеснуло молніей. Я не вдумывался... Я приписалъ это твоему смятенію, ужасу, помутившему мысль... Но теперь я вижу, что надо смотрѣть проще... (*Внезапно мнѣяетъ тонъ на болѣе спокойный*). Итакъ, ты приходишь къ нему, въ его палатку одна, почти обнаженная, проводишь всю ночь, и онъ не обладалъ тобой?

Ванна (*съ силой*). Нѣтъ!

Гвидо. Онъ не дотрогивался до тебя, не обнималъ тебя?

Ванна. Я только разъ поцѣловала его въ лобъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же...

Гвидо. Въ лобъ! Въ лобъ!.. Посмотри на меня, Ванна... Неужели я похожъ на человѣка, котораго можно увѣрить, что звѣзды — это зерна чемерицы, и что можно погасить луну, паянувъ въ колодець!

Чѣмъ я далъ поводъ?.. Нѣтъ, я замолчу... Я не хочу губить насъ безвозвратно... Я не понимаю, какая у тебя цѣль. Или въ бреду этой ночи поколебался твой разсудокъ, или мой...

Ванна. Это не бредъ, это истинная правда.

Гвидо. Правда, великій Боже!. Только правды я и ищу! Но должна же она быть хоть сколько-нибудь понятной, человѣческой!.. Какъ! Человѣкъ желаетъ тебя до такой степени, что измѣняетъ родинѣ, продаетъ все за одну ночь, губить себя навсегда, позорно себя губить, рѣшается на то, на что никто никогда не рѣшался, отрѣзываетъ себя отъ всего міра... И ты во власти этого человѣка, одна, обнаженная у него въ палаткѣ; передъ нимъ ничего, кромѣ этой ночи, купленной такой цѣной, и этотъ человѣкъ довольствуется однимъ поцѣлуемъ въ лобъ и является сюда увѣрять насъ въ этомъ? Нѣтъ, есть же предѣлы! Не издѣвайтесь такъ долго надъ горемъ... Если онъ не требовалъ ничего другого, для чего же онъ заставилъ весь народъ переживать такую ночь, для чего онъ повергъ меня въ такое отчаяніе, отъ котораго я чуть съ ума не сошелъ и состарился на десять лѣтъ? Ахъ, если ему нуженъ былъ только поцѣлуй въ лобъ, онъ могъ бы спасти насъ, не подвергая такимъ терзаніямъ. Онъ просто явился бы къ намъ, словно Богъ, съ вѣстью спасенія. А онъ!.. Нѣтъ... Такъ поцѣлуя въ лобъ не требуютъ, такъ его не готовятъ! Правду открываютъ наши вопли, наше отчаянье... Нѣтъ, я не могу быть судьей; это дѣло, мое собственное дѣло, и мнѣ трудно видѣть ясно... Пусть судятъ другіе и рѣшаютъ за меня. (*Обращаясь къ толпѣ*). Вы слышали? Я не знаю, почему она говоритъ такъ... Но то, что она говорила—сказано, судите же... Вы-то должны ей вѣрить, вѣдь она спасла васъ! Скажите же, вѣрите вы ей? Пусть тотъ, кто вѣритъ ей, выйдетъ изъ толпы и опровергнетъ предъ нами здравый смыслъ человѣческій! Мнѣ бы любопытно поглядѣть на него! (*Марко одинъ выходитъ изъ толпы, идъ слышенъ только робкій, неясный шототъ*).

Марко (*поспѣшно выходитъ на сцену*). Я вѣрю ей.

Гвидо. Вы ихъ сообщникъ... Но остальные, другіе! Гдѣ же они? Кто ей вѣритъ? (*Ваннѣ*). Ты слышала ихъ? Ты ихъ спасла, но и ихъ останавливаетъ тотъ хохотъ, который огласилъ бы залу... даже тѣ, кто что-то шепталъ тамъ, не рѣшаются показаться... А я, я обязанъ...

Ванна. Они не обязаны мнѣ вѣрить, но ты, ты вѣдь любишь меня...

Гвидо. А! Я люблю тебя, и потому долженъ не видѣть обмана!

Ванна. Посмотри на меня, Гвидо... Я вкладываю всю свою силу, всю свою честность, все, чѣмъ я тебѣ обязана, въ этотъ послѣдній взглядъ... Этотъ человѣкъ не обладалъ мною! Это истина!

Гвидо. Хорошо, очень хорошо... Больше мнѣ ничего не нужно... Теперь я все знаю... Да, это истина, или, вѣрнѣе, любовь... Теперь я понимаю... Ты хотѣла спасти его... Я не знаю, какъ одна ночь могла настолько измѣнить женщину, которую я такъ любилъ... Но спасти его

надо было иначе... (*Возвышая голосъ*). Вы, всё, слушайте меня... въ послѣдній разъ! Я сейчас дамъ клятву! Я еще цѣпляюсь за край бездонной пропасти!.. Еще минута, и руки мои сорвутся... Я не хочу губить ее... Слышите вы меня? Голосъ мой потерялъ свою силу... Подойдите ближе, если нужно. Вы видите эту женщину и этого человѣка? Ясно, что они любятъ другъ друга... Такъ вотъ,—не забудьте: я взвѣшиваю всякое слово, какъ взвѣшиваютъ лекарство у изголовья умирающаго,—они выйдутъ отсюда съ моего согласія, свободно, безъ насилія, безъ оскорбленій, возьмутъ съ собой все, что захотятъ. Дайте имъ дорогу. Привѣтствуйте ихъ, бросайте имъ цвѣты, если хотите... они пойдутъ, куда повлечетъ ихъ безуміе любви... пусть только эта женщина, которая была нѣкогда моей женой, скажетъ мнѣ правду, единственную возможную правду. Только это еще я люблю въ ней, только этимъ она отплатитъ мнѣ за все, что я для нея сдѣлаю... Поняла ты, Ванна? Обладаль тобою этотъ человѣкъ? Да или нѣтъ? Отвѣчай мнѣ; больше мнѣ ничего не нужно... Это не испытаніе и не ловушка. Я далъ клятву. Они всё свидѣтели.

Ванна. Я сказала правду... онъ не прикасался ко мнѣ...

Гвидо. Хорошо! Ты сказала. Ты сама произнесла надъ нимъ приговоръ. Теперь ужъ ничего не подѣлаешь. Теперь я пробуждаюсь. (*Подходитъ къ стражѣ и указываетъ ей Принцивалю*). Человѣкъ этотъ принадлежитъ мнѣ, возьмите его, свяжите его, сведите его въ самое глубокое подземелье подъ этой залой... Я спущусь вслѣдъ за вами. (*Ваннѣ*). Вы не увидите его больше, и я приду сообщить вамъ настоящую истину, которую мы скоро узнаемъ изъ его послѣднихъ словъ.

Ванна (*кидаясь въ средину стражи, окружившей Принцивала*). Нѣтъ! нѣтъ! Онъ мой! Я солгала! я солгала! Онъ овладѣлъ мной! онъ овладѣлъ мной! онъ обладалъ мной! (*Отстраняя стражу*). Отойдите, вы! Не отнимайте у меня моей доли! Онъ принадлежитъ мнѣ одной! Я хочу собственными руками... Подло, низко, обманомъ онъ овладѣлъ мной, да, онъ овладѣлъ мной!

Принциваль (*пытаясь заглушить ея голосъ*). Она лжетъ! Она лжетъ, чтобы спасти меня, но никакая пытка...

Ванна. Молчите. (*Обращаясь къ народу*). Онъ боится! (*Приближаясь къ Принцивалю, какъ будто для того, чтобы связать ему руки*). Дайте же мнѣ веревки, цѣпи, кандалы! Теперь, когда моя ненавистьшла исходъ, я сама закую его, я сама предамъ его. (*Тихо Принцивалю, связывая ему руки*). Молчи!.. Это спасетъ насъ!.. Молчи, это соединяетъ насъ!.. Я принадлежу тебѣ, я тебя люблю!.. Дай мнѣ связать тебя... Я буду твоимъ стражемъ, я освобожу тебя... мы бѣжимъ... (*Кричитъ, точно желая принудить Принцивала молчать*). Молчите! (*Толпѣ*). Онъ умоляетъ меня вполголоса! (*Открываетъ лицо Принцивала*). Взгляните на это лицо. На немъ еще видны слѣды этой ужасной ночи! (*Приоткрывая свой плащъ на окровавленномъ плечѣ*). У меня

тоже остался знак! Страшная ночь любви! Посмотрите на него! Вотъ онъ! Онъ ужасенъ и низокъ! (*Замѣчая, что стража дѣлаетъ движеніе, чтобы увести Принцивала*). Нѣтъ, нѣтъ, оставьте его мнѣ! Это моя добыча! Я хочу, чтобы онъ принадлежалъ мнѣ одной!.. Стерегите его! Держите его!.. Видите, онъ хочетъ бѣжать!

Гвидо. Зачѣмъ же онъ пришелъ?.. Зачѣмъ ты лгала?

Ванна (*колеблется, подыскивая слова*). Я солгала... я не знаю... я не хотѣла говорить... Слушай, теперь... Да, да, ты все поймешь... Не всегда знаешь, что дѣлаешь... Нельзя предвидѣть... Когда я пошла туда, нѣтъ, я не думала... Но случаются такія вещи... Да, да, ты узнаешь сейчасъ, завѣса сорвана! Тѣмъ хуже для тебя, ты самъ пожелалъ этого... Я боялась тебя... Я боялась твоей любви и твоего отчаянія. Но ты самъ хочешь... хорошо же! Я скажу тебѣ... (*Голосомъ болѣе спокойнымъ и увѣреннымъ*). Нѣтъ, нѣтъ, у меня не было той мысли, которую ты высказалъ... Я не думала привести его къ жестокому палачамъ, чтобы вмѣстѣ отомстить ему... Моя мысль не была такъ прекрасна, но я больше любила тебя... Я вела его на жестокую смерть, но я хотѣла, чтобы позорное воспоминаніе объ этой позорной ночи не висѣло надъ тобой до конца нашихъ дней... Я бы отомстила ему одна, во мракѣ и тишинѣ. Я убивала бы его медленно, постепенно, пока его кровь, падая капля за каплей, не смыла его преступленія... Ты не узналъ бы никогда ужасной истины, и ужасное воспоминаніе не вставало бы тѣнью, смущая наши поцѣлуи... Я боялась, сознаюсь въ этомъ, что ты, вспоминая эту ужасную картину, не въ состояніи будешь любить меня... Это было безумно, я знаю, я требовала слишкомъ многого... Я желала невозможнаго. Но ты все узнаешь... (*Обращаясь къ толпѣ*). Такъ много сказано, что уже не время падать нашу любовь, надо, чтобы вы поняли... Я все скажу, а вы будьте судьями... Вотъ что я сдѣлала... Этотъ человѣкъ овладѣлъ мной подло, низко, я уже сказала вамъ... Я хотѣла убить его, и мы боролись... Но онъ обезоружилъ меня... Тогда я увидѣла возможность мести болѣе ужасной, и я улыбулась ему. Онъ повѣрилъ моей улыбкѣ... Ахъ, мужчины всѣ безумны! Обманывать ихъ справедливо! Они обожаютъ ложь! Когда имъ показываютъ жизнь, они думаютъ, что это смерть! Когда имъ предлагаютъ смерть, они принимаютъ ее за жизнь!.. Онъ думалъ, что овладѣлъ мной, а въ дѣйствительности я овладѣла имъ! Теперь онъ въ могилѣ, и я сама запечатаю ее! Надо было привести его, награждая поцѣлуями, какъ послушнаго ягненка... Теперь онъ въ моихъ рукахъ, и онъ уже не выпустятъ его! А, мой прекрасный Принцивалъ! Ты узнаешь такіе поцѣлуи, какихъ еще никто не зналъ!

Гвидо (*приближаясь*). Ванна!

Ванна. Посмотри на него ближе! Онъ полонъ надежды! Онъ сейчасъ же повѣрилъ мнѣ, какъ только я сказала ему: «Принцивалъ, я люблю тебя!..» Ахъ, онъ пошелъ бы за мной въ самый адъ!.. Я дѣло-

вала его такъ. (*Она страстно цѣлуетъ его*). Джіанелло, я люблю тебя! Цѣлуй же меня! Это подѣлуй истинной любовью! (*Оборачиваясь къ Гвидо*). Онъ и теперь цѣлуетъ меня! Ахъ, отъ этого ужаса недалеко до смѣха!.. Теперь онъ мой! Создатель! Онъ мой передъ Богомъ и людьми! Я хочу, чтобъ онъ былъ мой и онъ будетъ моимъ! Это награда за мою ночь, великолѣпная награда! (*Она пошатывается и удерживается за колонну*). Берегитесь, я падаю! Я не выдержу этой радости! (*Задышающимъ голосомъ*). Отецъ, поручаю его вамъ, пока мои силы... Пусть его уведутъ, пока... Пусть найдутъ въ подземельи такую темницу, куда не могъ бы никто... И ключъ будетъ у меня! И у меня будетъ ключъ! Пусть мнѣ его дадутъ сейчасъ же! И пусть никто не трогаетъ его!.. Это моя доля, я хочу получить ее цѣлкомъ! Гвидо! Онъ принадлежитъ мнѣ! (*Дѣлаетъ шагъ къ Марко*). Отецъ, онъ принадлежитъ мнѣ, и вы за него отвѣчаете. (*Пристально смотритъ на Марко*). Вы понимаете, отецъ? Вы его сторожите. Пусть ни одна тѣнь оскорбленія не коснется его лица, чтобы мнѣ его вернули, когда у меня будутъ, наконецъ, силы отмстить за себя! (*Принцивалля уводитъ*). Прощай, мой Принцивалль... О, мы увидимся еще! (*Въ то время, какъ Гвидо съ солдатами уводитъ Принцивалля, Ванна вскрикиваетъ, пошатывается и падаетъ на руки Марко, бросившаяся поддержать ее*).

Марко (*быстро, вполголоса, наклонясь къ Ваннѣ*). Да, Ванна, я понялъ... Я понялъ твою ложь... Ты сдѣлала невозможное... Жизнь имѣетъ свои права... Очнись, Ванна. Надо продолжать лгать, такъ какъ намъ не вѣрять. (*Зоветъ Гвидо*). Гвидо, она зоветъ тебя... Гвидо, она приходитъ въ себя.

Гвидо (*подбѣгаетъ и беретъ Ванну въ свои объятія*). Моя Ванна... Ова улыбается... Моя Ванна, отвѣчай мнѣ... Открой глаза, Ванна... Ну посмотри же на меня... Я никогда не сомнѣвался... Теперь все кончено, и все будетъ забыто въ упоеніи мести... Все это былъ лишь дурной сонъ...

Ванна. (*Открывая глаза, слабымъ голосомъ*). Гдѣ онъ? Да, я знаю... Но дайте мнѣ ключъ... Ключъ отъ тюрьмы. Не надо, чтобы другіе...

Гвидо. Стража вернется сейчасъ... Они принесутъ тебѣ ключъ.

Ванна. Я хочу, чтобъ онъ былъ у меня, чтобы я знала, чтобы никто другой... Это былъ дурной сонъ... Теперь начнется хорошій... Теперь начнется хорошій...

ПѢВЦЫ.

Сонетъ.

Пѣвцы прекраснаго, туманъ сомнѣній мрачныхъ
Для васъ не затемнилъ востальныхъ водъ хрусталь,
Въ струяхъ поэзіи холодныхъ и прозрачныхъ
Не скрыли вы завѣтную печаль.

Для васъ крушеній нѣтъ и нѣтъ огней маячныхъ,
Утесы грозные пугаютъ васъ едва-ль,
И вы съ довѣрчивой улыбкой новобрачныхъ
Глядите предъ собой въ заманчивую даль.

Картину знаю я: тюремный дворъ сырой...
Онъ кажется еще мрачнѣй и непріятнѣй
Въ холодномъ сумракѣ; вечернею порой
Присѣлъ въ углу его пѣвецъ безпечный съ лютней,
И тамъ, гдѣ мракъ и смерть, и камень, и чугунокъ,
Онъ сыплетъ золото своихъ пѣвучихъ струнъ.

О. Чюмина.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ *).

Второй періодъ «легисломаніи» Екатерины (1775—1785).—Обстоятельства, побудившія ее вернуться къ законодательнымъ работамъ.—Вліяніе пугачевщины: ея соціально-политическая программа и дворянскія демонстраціи Екатерины.—Вліяніе депутатскихъ наказовъ.—Вліяніе Блэкстона.—Вліяніе остзейскихъ учреждений.—Выборныя должности Учрежденія о губерніяхъ.—Идейный вкладъ Екатерины въ У. о. г.—Идеаль и дѣйствительность дворянскаго самоуправления.—Стремленіе приурочить его къ службѣ и чину.—Значеніе губернскихъ учреждений для распространенія дворянской культуры въ провинціи.—Общій планъ екатерининскихъ преобразованій.—Исключеніе изъ него крестьянскаго вопроса.—Характеръ жалованныхъ грамотъ сословіямъ.—Предположенія о реформѣ центральныхъ учреждений.—Причины, почему эти предположенія были отложены.

«Недоразумѣніе», о которомъ мы говорили въ началѣ предыдущей главы, разсѣялось. Власть и общественное мнѣніе пошли различными путями, и когда эти пути пересѣклись вновь, ихъ встрѣча была, какъ увидимъ, далеко не дружественнаго характера. Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому столкновенію, намъ слѣдуетъ познакомиться ближе съ путями, избранными властью.

Выборъ этотъ происходилъ при трудныхъ обстоятельствахъ, и нельзя отрицать что,—при этихъ обстоятельствахъ,—онъ въ значительной степени оказался вынужденнымъ. Однако, въ трудныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не было ничего, что не было бы подготовлено предыдущимъ общимъ положеніемъ дѣлъ. И, въ этомъ смыслѣ, окончательный выборъ направленія внутренней политики не былъ чѣмъ либо новымъ и неожиданнымъ. Краски сгустились; очертанія стали рельефнѣе; но, въ общемъ, это тотъ же тонъ, тѣ же тенденціи, которыя намѣтились у Екатерины давно, какъ мы могли видѣть и изъ нашего предыдущаго изложенія.

1774 годъ былъ однимъ изъ тяжелыхъ годовъ для Екатерины. Съ турецкаго театра войны до самаго конца іюля получались свѣдѣнія одно неудовлетворительнѣе другого. Внутри имперіи разгоралась жакерія, грозившая принять небывалые размѣры. Слухъ за слухомъ приходилъ изъ Москвы, что чернь волнуется, что тюрьмы переполнены открытыми сторонниками Пугачева, что губернаторъ принужденъ былъ

*) См. «М. В.» 1901 г., дек.

стрѣлять въ мятежную толпу, что 18 человѣкъ повѣшено. Дворянство, въ свою очередь, нервничало и не скрывало своего раздраженія противъ правительства, которое не умѣло его защитить. И среди этой, переполненной политической отравой атмосферы, раскрылась старая рана екатерининскаго правленія,—вопросъ о ея отношеніи къ наслѣднику престола. Все, что притаилось при самомъ дворѣ оппозиціоннаго, заговорило или, предполагалось, должно было заговорить. Герои и участники и даже простые свидѣтели переворота 1762 года, казалось, самымъ своимъ присутствіемъ снова напоминали про непрочность положенія Екатерины. Этотъ психологическій моментъ окончательно толкнулъ императрицу отъ Орловыхъ и Чернышевыхъ къ Потемкину. Но Потемкинъ былъ только надежной точкой опоры, точкой приложенія силы; силой осталась сама Екатерина. И, надо сказать, она обнаружила гибкость и энергію, которыя помогли ей справиться съ трудностью положенія. Утѣшая вскорѣ послѣ того Роберта Гуннинга, англійскаго представителя,—который, правда, ждалъ отъ нея войскъ, а не утѣшеній, въ затруднительномъ положеніи Англіи,—Екатерина обмолвилась нѣсколькими искренними словами о своихъ собственныхъ затрудненіяхъ, только что пережитыхъ ею. «Повѣрьте мнѣ, я не основывала своей надежды на успѣхъ на какомъ-либо одномъ средствѣ дѣйствія. Есть моменты, когда не приходится быть слишкомъ ригористичной». И дѣйствительно, мы видимъ не одну, а нѣсколько Екатерину, борящихся съ приливомъ, готовымъ ее захлестнуть. Она осыпаетъ золотомъ перваго встрѣчнаго шарлатана, явившагося съ Поволжья съ предложеніемъ выдать или убить Пугачева; и она же обращаетъ всю пугачевщину въ шутку въ своей литературно-дипломатической болтовнѣ съ Вольтеромъ, Гриммомъ и мадамъ Бельеке. Она отдаляетъ вѣрныхъ друзей, привыкшихъ дѣлать съ ней власть, и дѣлаетъ будирующаго противъ нея, но безопаснаго честолюбца Панина—усмирителемъ пугачевщины. Она отминаятъ, послѣ трудной и дорогой войны, рядъ податей, чтобы доказать, что русскіе финансы въ блестящемъ положеніи; и она выбираетъ Москву, средоточіе оппозиціи, ареной своихъ блестящихъ празднествъ по поводу заключенія мира. Напрасно близорукіе партизаны, въ родѣ Сиверса, всѣми силами отговариваютъ ее отъ этого путешествія въ Москву. Екатерина лучше ихъ понимаетъ значеніе политической mise en scène, и съ той же демонстративностью, съ какой она устраивала въ Москвѣ открытіе своей Комиссіи, она выбираетъ это же самое мѣсто для продолженія своихъ законодательныхъ трудовъ. Да, она, наконецъ, будетъ продолжать эти труды: не только потому, что всѣ этого ждутъ отъ нея въ Европѣ, что сама жизнь требуетъ реформъ, сколько потому, что теперь—это козырь въ ея рукахъ, одинъ изъ «инструментовъ царсгованія»; потому что, какъ она хорошо понимаетъ сама, даже и безъ совѣтовъ Бибикова, однихъ палліативовъ и зрѣлищъ мало, чтобы побороть общее недоволь-

ство; потому наконецъ, что это ея профессія и ея специальность «дѣлать людей довольными», — тѣхъ людей, которые ей нужны, — и потому что для этой цѣли у нея есть, какъ она увѣрена, большой запасъ рецептовъ и средствъ.

Изъ этого запаса она, конечно, пустить въ дѣло тѣ средства, которыя требуются данной минутой. Всмотримся внимательнѣе въ главный фактъ, послужившій психологическимъ толчкомъ для новаго прилива екатерининской «легиславаніи», и мы легко поймемъ, что и почему поставлено было на ближайшую очередь.

Главнымъ толчкомъ было, конечно, то положеніе вещей, которое съ особенной ясностью было обнаружено пугачевщиной. Пугачевщина, какъ *фактъ*, могла быть устранена смѣлой операціей. Пугачевщина, какъ *симптомъ*, требовала систематическаго и продолжительнаго леченія.

Въ своемъ происхожденіи, пугачевщина была однимъ изъ давно знакомыхъ Москвѣ проявленій борьбы между рядовымъ казачествомъ и казацкой аристократіей. Въ этой социальной борьбѣ можковская политика постоянно стремились дать перевѣсъ казацкой старшинѣ надъ казачествомъ, казачеству надъ посольствомъ (крестьянствомъ). Но иногда правительству поневолѣ приходилось поддерживать демократическіе элементы, — когда болѣе вліятельныя общественныя группы слишкомъ уже открыто обнаруживали автономистскія стремленія или вступали въ сношенія съ поляками и турками. Во второй половинѣ XVIII вѣка положеніе дѣла значительно перемѣнилось. Съ одной стороны, уже не было больше основаній опасаться, что казацкая старшина *восточной* русской окраины войдетъ въ союзъ съ политическими врагами Россіи. Съ другой стороны, социальный процессъ закрѣпощенія посольства и присвоеніе казацкихъ земель въ частную собственность старшиной — къ этому времени почти завершился; и этотъ быстрый ростъ земельной силы новой казацкой аристократіи отлично гармонировалъ съ ростомъ шляхетскихъ тенденцій въ самой Россіи. Вотъ почему политика Петербурга на Дону и особенно на Волгѣ уже совсѣмъ не представляетъ даже тѣхъ, чисто вѣнскихъ заигрываній съ казацкой демократіей, какихъ нечужда была политика Москвы на Днѣпрѣ. Старшинская партія стала здѣсь окончательно — правительственной, а войсковая — оппозиціонной. Новорожденное казацкое дворянство и старшинская бюрократія быстро сознали свою солидарность съ дворянствомъ и бюрократіей имперіи. И еще быстрѣе простой народъ, закрѣпощаемый тѣмъ и другимъ дворянствомъ, долженъ былъ признать въ обоихъ своего общаго врага: — тѣмъ болѣе, что притокъ бѣглыхъ переселенцевъ изъ центра на окраины никогда не прерывался и приносилъ съ собой постоянно свѣжую струю социальной вражды, обостряемой еще болѣе крѣпостническими стремленіями мѣстной казацкой старшины. Этой солидарностью чувствъ и интересовъ обѣихъ социальныхъ

группъ въ центрѣ и на окраинѣ объясняется, почему движеніе, вначалѣ специфически казачье, антистаршинское, такъ легко и быстро перекинулось изъ только что начавшей заселяться территорія казаковъ и инородцевъ въ черту тоже не особенно стараго помѣщичьяго землевладѣнія и крѣпостного права. Пугачевскія прокламаціи не оставляли никакого сомнѣнія относительно соціального характера движенія. Главная цѣль его — истребленіе «тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые, не насытивъ Россією, но и природныя казачьи войска хотѣли раздѣлить въ крестьянство и истребить казачій родъ». «Всему свѣту извѣстно, — заявлялось въ прокламаціи одного изъ сообщниковъ Пугачева, — сколько во изнуреніе приведена Россія. Отъ кого-жь? Вамъ самимъ то безызвѣстно. Дворянство обладаетъ крестьянами; но хотя въ законѣ Божіемъ и написано, чтобы они крестьянъ такъ же содержали, какъ и дѣтей, но они... хуже почитали собакъ своихъ, съ которыми гонялись за зайцами. Компанейщики завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работой утрудили, что и въ ссылкахъ того никогда не бываетъ». Самъ Пугачевъ не упускалъ случая объяснять, что и потерпѣлъ онъ, и лишень былъ престола — за свою попытку улучшить положеніе крестьянъ: за то, что хотѣлъ перевести дворянство на жалованье, а земли вернуть крестьянамъ *). Конечно, есть въ прокламаціяхъ и другіе мотивы: тягости со стороны государства (подушная подать и рекрутчина) и перемѣна вѣры. Но и эти оба мотива ставятся въ самую тѣсную связь съ главнымъ, антидворянскимъ. «Отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ древняго святыхъ отецъ преданія законъ христіанскій нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того съ ихъ зловреднаго умысла, съ нѣмецкихъ обычаевъ, введенъ въ Россію другой законъ, и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣрѣ, какъ въ крестѣ, такъ и въ прочемъ, неистовства; и подвергнули, кромѣ (т.-е. вопреки) нашей монаршей власти, всю Россію себѣ въ подданство, съ наложеніемъ великихъ отягощеніевъ и доводя ее до самой и крайней гибели». Исходъ намѣчался самъ собою: замѣнить дворянское войско — казачимъ; тогда не нужно будетъ ни помѣщичьихъ, ни государственныхъ сборовъ, ни рекрутчины. «Вѣрноподанныхъ» Пугачева ожидала «вольность, безъ всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутовъ набору; войско изъ вольножелающихъ къ службѣ великое исчисленіе имѣть будетъ; дворянство крестьянъ своихъ великими работами и податями отягощать не будутъ, понеже каждый восчувствуетъ прописанную вольность и свободу».

Современники хорошо понимали, что сила Пугачева не въ немъ самомъ, а въ этой соціально-политической программѣ, которая съ своего рода необходимостью вытекала изъ всей вѣковой исторіи крестьянства и явилась неизбѣжнымъ, неустранимымъ выраженіемъ его клас-

*) Ср. Очерки, I, стр. 214—215 (4 изд.).

соваго самосознанія. (Ср. «Оч.», I, 138—139, 209 и слѣд.). Въ этомъ смыслѣ, вся крестьянская Россія была пугачевской. «Не вездѣ ль опасность одинакова? И не весь ли черный народъ вообще, когда не въявь, такъ въ сердцахъ своихъ—бунтуетъ и готовъ поднять на насъ свои руки?» Такъ спрашивалъ себя, всего въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, помѣщикъ Болотовъ, смущенный слухами о приближеніи Пугачева. Единственной гарантіей противъ «этихъ бородачей» Болотовъ считалъ, что ему случилось быть въ тотъ моментъ не въ своей, а въ государственной деревнѣ. «Тамъ наши люди первые могли бы быть нашими злодѣями и врагами, а здѣшнимъ мы—сторона дѣло. *Ничѣмъ мы имъ еще не нагубили*». И однако, и въ этихъ ожиданіяхъ Болотовъ ошибся. Обратившись къ новобранцамъ, собраннымъ противъ Пугачева, съ увѣщаніемъ «драться хорошенько», онъ услышалъ отъ одного изъ нихъ самый недвусмысленный отвѣтъ. «Да, сказалъ онъ мнѣ на сіе, злодѣйски усмѣхаясь; сталъ бы я бить свою братью! А развѣ васъ, бояръ, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье сіе!» Не мудрено, что тотъ же Болотовъ,—писатель и интеллигентъ, какъ мы знаемъ,—будучи допущенъ вмѣстѣ съ другими «дворянами и господами» къ самому эшафоту Пугачева, вынесъ изъ зрѣлища казни одно только чувство—сословнаго удовлетворенія этимъ «истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ» *).

Политика власти, когда приходилось выбирать между противоположными интересами дворянства и крестьянства, намъ хорошо извѣстна. Мы видѣли, что уже Иванъ Грозный, впервые выставившій демократическо-монархическую программу, резюмѣлъ подъ своимъ демократизмомъ собственно защиту интересовъ служилаго «воинства». То же самое «воинство», опираясь на которое Грозный «игралъ» со знатію, «какъ съ младенцами», вынесло на своихъ плечахъ смуту и посадило на престолъ новую династію. Взамѣнъ того, оно получило право свободного распоряженія крѣпостнымъ трудомъ и значительную долю участія въ выгодахъ установившагося бюрократическаго режима. Наконецъ, на то же «воинство» предпочиталъ опираться и Петръ Великій въ борьбѣ съ своими многочисленными врагами **). Зато, самъ того не сознавая, онъ посѣялъ зародыши сословныхъ привилегій въ западно-европейскомъ смыслѣ среди излюбленнаго имъ гвардейскаго офицерства. Теперь эти сѣмена принесли свой плодъ. Корпоративное сознаніе зародилось; не хватало только корпоративной организаціи, и эту орга-

*) Съ другимъ чувствомъ—«отвращенія», боровшагося съ любопытствомъ—ушелъ отъ того же эшафота пятнадцатилѣтній И. И. Дмитріевъ, писатель слѣдующаго, Карамзинскаго поколѣнія. «Чувствительное сердце его» (онъ говоритъ про своего брата эти слова, которыя можно отнести и къ нему самому и ко всему поколѣнію) уже «не могло выносить такого позорища».

**) См. Очерки, III, 1, стр. 65, 77—89, 147—149.

низацію предстояло дать Екатерину, чтобы успокоить недовольство, вызванное въ дворянствѣ успѣхами пугачевщины.

Для начала Екатерина посетила—еще во время самой борьбы и въ интересахъ ея успѣха—признать свое дѣло солидарнымъ съ дѣломъ дворянства. Когда, по вызову Бибикова, казанское дворянство постановило сформировать особый конный корпусъ, Екатерина велѣла передать дворянамъ, что она, въ виду пожертвованія ихъ, «поставляетъ себѣ тѣмъ сугубѣйшимъ долгомъ—цѣлость, благосостояніе и безопасность ихъ ничѣмъ нераздѣлимою почитать съ собственною нашею и имперіи нашей безопасностію и благосостояніемъ». Съ своей стороны, *«яко помѣщица той цуберніи»*, императрица приказывала поставить въ дворянскій корпусъ рекрутъ съ дворцовыхъ волостей. Демонстрація Екатерины вызвала высокопарный отвѣтъ дворянства, написанный Державинымъ. По старинному дворяне умилялись, что императрица «пріемлетъ на себя рабье названіе», и, переходя въ новый тонъ, восклицали: «признаемъ тебя своею помѣщицею: принимаемъ тебя въ свое товарищество; когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою. Но за сіе и ты ходатайствуй за насъ у престола величества твоего».

Эту роль—ходатая передъ самой собой за дворянство—Екатерину не трудно было выполнить послѣ всего того, что было сказано и сдѣлано депутатами ея Комиссіи отъ собственного имени дворянства. Насущныя потребности и корпоративныя тенденціи дворянъ были ей хорошо извѣстны изъ наказовъ и рѣчей, изъ преній и баллотировокъ по вопросу «о правахъ благородныхъ». Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ тому, что Екатерина взяла изъ этого источника, намъ надо познакомиться съ идеологическими источниками сословнаго законодательства Екатерины.

Источники эти были такъ же не похожи на прежнихъ вдохновителей Екатерины, какъ не похожъ былъ и ея новый приемъ подготовки законопроектовъ—наединѣ съ собой, въ собственномъ кабинетѣ, иногда съ однимъ—двумя экспертами, призываемыми *ad hoc*,—на старую форму шумныхъ преній въ Комиссіи. Провозвѣстниковъ новыхъ абстрактныхъ идей, теоретиковъ «общаго блага», «благодѣтелей человечества» смѣняють на ея рабочемъ столѣ тяжеловѣсныя историко-юридическія изслѣдованія и монографіи по специальнымъ вопросамъ. Екатерина никогда не любила политическаго абсолютизма Руссо; но и въ политическомъ релятивизмѣ Монтескье было еще чересчуръ достаточно абсолютныхъ элементовъ, которые она принимала на вѣру. Теперь Екатерина беретъ въ руководители писателя-юриста той страны, гдѣ особенно силенъ юридическій консерватизмъ. Вмѣстѣ съ нимъ она готова подчинить всякую теорію существующему факту: въ этомъ фактѣ, въ существующемъ, вѣками сложившемся общественномъ строѣ, въ историческихъ прецедентахъ она ищетъ единственной твердой опоры—если не для теоріи, то для законодательства. Блэкстонъ зани-

иметь мѣсто Монтескье. И какъ различенъ отъ прежняго способъ пользованія новымъ авторитетомъ! Цѣлыми страницами Екатерина переписывала когда-то «президента Монтескье» въ свой Наказъ и спѣшила выставить на показъ всему свѣту свой безцеремонный литературный плагиатъ. Теперь, изъ Блэкстона она ничего не беретъ прямо: это ея «нить, которую она разматываетъ на свой манеръ». И она совсѣмъ не читаетъ больше «экономистовъ» и всякихъ другихъ «—истовъ», которые въ изобиліи шлютъ ей свои сочиненія, стараясь поддѣйствовать на ея умъ и волю. Она занимается теперь не «болтовнею», а «дѣломъ». Плоды ея новыхъ работъ, въ ея глазахъ, конечно, гораздо выше Наказа; но своимъ корреспондентамъ, Вольтеру или Гриму, она вовсе не спѣшитъ теперь посылать свои работы. Почему? О, конечно, не потому, чтобы эти «указы» не были бы краснорѣчивы или не принесли бы великой пользы «человѣчеству». Но дѣло въ томъ, что... «ихъ переведутъ плохо: въ нихъ больше идей, чѣмъ фразъ, а у переводчиковъ больше фразъ, чѣмъ идей»... Наконецъ,—это Екатерина пишетъ послѣ настойчивыхъ упрасиваній не въ мѣру льстивыхъ корреспондентовъ,—«это слишкомъ скучное чтеніе; это очень хорошо, быть можетъ очень красиво, но ужасно скучно».

Дѣйствительно, скучное, дѣловое чтеніе; но мы не можемъ освободить себя отъ него, какъ освобождала Екатерина своихъ корреспондентовъ. Послѣдуемъ за ней въ ея московское уединеніе; посидимъ надъ разгонистымъ почеркомъ ея черновиковъ, въ которыхъ пять мѣсяцевъ подрядъ, упорно марая, зачеркивая и переписывая, она вырабатывала текстъ перваго своего капитальнаго законодательнаго акта, «Учрежденія о губерніяхъ». Что взяла она здѣсь изъ дворянскихъ просьбъ и желаній? Въ чемъ можно усмотрѣть идеологическое вліяніе Блэкстона?

Въ сущности, оба эти источника сходились ближе, чѣмъ можно было бы ожидать отъ такихъ полярныхъ повидимому, явленій, какъ русская жизнь и англійская теорія XVIII-го вѣка. Мы знаемъ, что самое единодушное желаніе дворянскихъ депутатовъ заключалось въ томъ, чтобы въ русской провинціи созданы были близкія къ населенію судебно-полицейскія учрежденія и чтобы въ составъ этихъ учреждений, цѣликомъ или отчасти, введены были выборные отъ дворянства. Но въ Англіи XVIII-й вѣкъ былъ какъ разъ вѣкомъ расцвѣта областныхъ судебно-полицейскихъ учреждений, отдавшихъ деревенское населеніе всецѣло въ распоряженіе класса помѣстныхъ землевладѣльцевъ. Къ этому именно классу—лордовъ и сквайровъ, полновластныхъ хозяевъ сельской Англіи,—обращается Блэкстонъ съ своими «Комментаріями на англійскіе законы». Прирожденные законодатели и судьи, они должны знать законы страны, какъ долженъ былъ знать римское право римскій патрицій. Понятно, что здѣсь была бы неумѣстна демократическая теорія общественнаго договора. Блэкстонъ рѣшительно

признать ее «абсурдной» и оставляетъ «теоретикамъ». Оставаясь сыномъ своего вѣка, онъ не можетъ, конечно, не признавать теоріи «естественнаго права» вообще; но онъ весьма предусмотрительно отдѣляетъ сферу дѣйствія естественнаго права отъ сферы дѣйствія положительнаго закона. Санкцію закона (поскольку онъ не противорѣчитъ «здравому разсудку»), Блэкстонъ ищетъ исключительно въ правительственномъ распоряженіи. Въ своемъ уваженіи къ существующему, онъ даже идетъ еще дальше. «Хотя бы разумъ, диктовавшій законы, и не былъ ясенъ съ перваго взгляда, мы обязаны слишкомъ большимъ уваженіемъ къ нашимъ предкамъ, чтобы предположить, что они дѣйствовали вовсе безъ всякаго разсужденія». Такому руководителю Екатерина смѣла могла ввѣриться, чѣмъ разнымъ «вралямъ» — «экономистамъ». И мы можемъ легко предположить, что роль, отведенная «джентри» въ публичномъ и частномъ правѣ Англіи, въ частности же и въ мѣстномъ управленіи англійскаго графства, очень помогла Екаторинѣ помириться съ сословно-автономистскими стремленіями русскаго дворянства.

Былъ впрочемъ еще одинъ ближайшій источникъ, который могъ послужить и послужилъ нагляднымъ образцомъ тѣхъ же сословныхъ мѣстныхъ учреждений, какихъ добивалось наше дворянство и какія въ такой полнотѣ осуществлены были въ отечествѣ Блэкстона. Въ остзейскомъ краѣ, подъ покровомъ шведскихъ бюрократическихъ формъ, «рыцарство», въ сущности, держало въ своихъ рукахъ все управленіе краемъ. Правда, остзейскіе порядки вызывали какъ разъ тѣ же самыя жалобы, которыя такъ часто слышатся въ дворянскихъ наказахъ. До суда и расправы и здѣсь было далеко простому, не привилегированному обывателю; за отсутствіемъ на мѣстѣ представителей законной власти, и здѣсь самоуправство было въ порядкѣ вещей; помѣщикъ и здѣсь фактически былъ высшей властью и неограниченно господствовалъ въ предѣлахъ, а частью и за предѣлами собственнаго имѣнія. Но даже и такое несовершенное въ юридическомъ отношеніи состояніе остзейскихъ провинцій все-таки оставалось идеаломъ для страны, гдѣ, послѣ неудачной попытки Петра (см. выше), воевода оставался единственнымъ и повновластнымъ хозяиномъ цѣлой территоріи уѣзда, гдѣ «въ одной воеводской канцеляріи совокуплены» были «дѣла всякаго рода и званія».

Теперь эти дѣла должны были распредѣлиться по принадлежности. Финансы, полиція и судъ получали свои отдѣльные органы въ уѣздѣ и въ губерніи; въ судѣ и полиціи получали значительное участіе выборные представители дворянства. Ближайшее мѣсто по отношенію къ населенію занялъ при этомъ судебно-полицейскій органъ, соотвѣтствовавшій лифляндскому «орднунтсгерихту». Согласно желаніямъ наказовъ этотъ органъ былъ цѣликомъ составленъ изъ выборныхъ: во главѣ его «земскій капитанъ-исправникъ» избираемый дворянствомъ; при немъ 2—3 «засѣдателя», выбранныхъ отъ дворянъ и двое отъ государствен-

ных крестьянъ, гдѣ они были. Но Екатерина хотѣла отдѣлить судъ отъ управленія и организовать судебныя мѣста согласно идеѣ, усвоенной ею еще въ Наказѣ: именно такъ, чтобы «всякаго человѣка судить черезъ равныхъ ему». Поэтому рядомъ съ названнымъ органомъ («нижнимъ земскимъ судомъ»), получившимъ преимущественно полицейское значеніе (хотя и сохранившимъ до 1889 года свою коллегіальную форму), она поставила чисто судебный органъ *первой* инстанціи для дворянъ («уѣздный судъ»), въ соотвѣтствіе такимъ же органамъ для горожанъ (городовой магистратъ) и не помѣщичьихъ крестьянъ (нижняя *народная* расправа—такъ назывался этотъ органъ въ первоначальномъ текстѣ). Затѣмъ суды *средней* инстанціи (уничтоженные вскорѣ, въ 1796 г.) тоже устранивались по сословіямъ: дворяне получили въ этой инстанціи «верхній земскій судъ» (остзейскій оберландгерихтъ), въ соотвѣтствіе «губернскому магистрату» и «верхней народной расправѣ» для горожанъ и крестьянъ. Весь составъ дворянскаго уѣзднаго суда былъ выборный отъ дворянства; въ верхнемъ же судѣ только два предсѣдателя были назначенные, отъ короны. Напротивъ, въ крестьянскихъ судахъ обѣихъ инстанцій предсѣдателями были лица назначенные правительствомъ, т. е. опять-таки служащіе дворяне; «не запрещалось» и крестьянскихъ засѣдателей выбирать «изъ дворянъ или ученыхъ, или чиновныхъ людей». Суды *высшей* инстанціи въ губерніи (гражданская и уголовная палата) были уже вполнѣ коронными по составу.

«Сей порядокъ сходственъ съ порядкомъ нашихъ остзейскихъ провинцій», признавала сама Екатерина. Принимаясь за его осуществленіе, она и пригласила поэтому, въ качествѣ экспертовъ, одного ландрата изъ Эстляндіи, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, и лифляндца Сиверса, которому предоставлено было произвести первый опытъ введенія новыхъ учреждений—въ Тверской и Новгородской губерніяхъ. Сиверсъ, несомнѣнно, преувеличиваетъ свою роль при самой разработкѣ проекта. Безспорно только одно, что по его совѣту исключена изъ черновиковъ Екатерины промежуточная инстанція между уѣдомъ и губерніей: *провинція*, которая дѣйствительно являлась лишней, послѣ того какъ сами губерніи были уменьшены до размѣровъ прежней провинціи *).

Напротивъ, самая существенная черта, *отличающая* «Учрежденіе» отъ его остзейскаго образца,—именно, проведеніе болѣе стройной, чѣмъ практичной,—и никогда не осуществившейся вполнѣ—системы сословныхъ «судовъ паровъ» для крестьянъ, горожанъ и дворянства—есть, конечно, личное дѣло самой Екатерины. Въ этой идеѣ нельзя не видѣть центральнаго зерна, около котораго кристаллизовалось все остальное идейное содержаніе «Учрежденія о губерніяхъ».

*) Прямимъ послѣдствіемъ этой перемены было накопленіе въ губернскомъ порядкѣ судебныхъ мѣстъ двухъ высшихъ инстанцій («палаты» и «верхніе» сословные суды, скоро отиѣненные).

Устройствомъ «судовъ равныхъ», дѣйствительно, не ограничиваются идеологическіе элементы «Учрежденія». Въ первоначальный проектъ закона, при самомъ началѣ его разработки, императрица вставила еще три характерныхъ органа, почерпнутые изъ другихъ источниковъ и, несомнѣнно, представляющие то, что Екатерина считала своимъ особенно важнымъ идейнымъ вкладомъ въ Учрежденіе о губерніяхъ. Всѣ три прибавлены на поляхъ къ первоначальному тексту, разрываютъ стройность системы, и Екатерина тщетно ищетъ у Сиверса указаній, какъ бы возстановить эту стройность. Новые органы эти: 1) сиротскіе суды, дворянскій (опека) и городской; 2) приказъ общественнаго призрѣнія и 3) совѣстный судъ. Что касается опеки, указанія на это Екатерина могла найти въ наказахъ, въ томъ числѣ въ имѣвшемъ особое влияние на нее наказѣ сената, изъ котораго усвоены ею многія частности. Но устройству приказа общественнаго призрѣнія—этого предшественника теперешнихъ земствъ, предназначеннаго вѣдать мѣстную благотворительность, медицину и народное образованіе,—стоитъ въ несомнѣнной связи съ ея личными просвѣтительными тенденціями. Объ этомъ приказѣ Екатерина особенно заботится: ставить его рядомъ съ высшими мѣстами въ губерніи,—съ губернскимъ правленіемъ и судебными палатами; даетъ ему безвозвратно капиталъ въ 15.000 для начала его дѣятельности. Еще интереснѣе происхожденіе совѣстнаго суда: самое названіе этого учрежденія — *cour de l'équité* указываетъ на заимствованіе изъ Блэкстона. Назначеніе совѣстнаго суда — смягчать жесткость закона въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ и восполнять недостатокъ законовъ: совѣстный судъ долженъ дѣйствовать тамъ, гдѣ законы молчатъ. Въ такой постановкѣ нельзя не видѣть результатовъ чтенія Блэкстона. Уже самыя вступительныя слова этой главы «Учрежденія»: «Понеже личная безопасность каждаго вѣрноподданнаго весьма драгоценна есть челоѣколюбивому монаршему сердцу» и т. д., а также дальнѣйшій параграфъ (401: «Буде кто пришлетъ прошеніе въ совѣстный судъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ болѣе 3 дней, и въ тѣ три дни ему не объявлено, за что онъ содержится въ тюрьмѣ или что онъ въ тѣ 3 дни не допрашиванъ, тогда с. с., не выходя изъ присутствія, долженствуетъ послать повелѣніе» и т. д.) — показываютъ, что глава «Комментаріевъ» о *habeas corpus* произвела на императрицу сильное впечатлѣніе. Своимъ совѣстнымъ судомъ Екатерина особенно гордилась и ожидала отъ него важныхъ послѣдствій. Въ своей перепискѣ она не разъ повторяетъ, что это будетъ «могила ябеды». Въ порядкѣ губернскихъ учреждений совѣстный судъ поставленъ еще независимѣе, чѣмъ приказъ общественнаго призрѣнія. Въ обоихъ учрежденіяхъ засѣдаютъ, подъ предсѣдательствомъ короннаго судьи и губернатора, выборные представители всѣхъ трехъ сословій поровну.

Если даже оставить въ сторонѣ только что перечисленные органы, необходимо будетъ все-таки признать, что Учрежденіе о губерніяхъ

вводило въ наше государственное право совершенно новыя начала. Въ виду этого, Екатерина сочла даже нужнымъ теоретически оправдать необходимость подобныхъ нововведеній. Въ предисловіи къ Учрежденію она ссылается на «многіе примѣры» «въ доказательство истины сей, что распространеніе предѣловъ государства, умноженіе въ ономъ народа и происшедшее изобиліе въ способахъ ко внутреннему и извнѣ текущему обогащенію (обыкновенно и повсюду) переменяли какъ образъ ихъ управленія, такъ часто и заставляли дополнять самыя законоположенія, учинившіяся напослѣдокъ или неудобными или недостаточными, коихъ довѣло (т.-е. которыя были достаточны, при основаніи державы и въ первомъ ея состояніи) *). И этотъ аргументъ далеко не былъ лишнимъ. Новыя учрежденія, прежде всего, предполагали существованіе корпоративно-организованныхъ общественныхъ группъ, выбиравшихъ своихъ представителей въ новыя общественныя и правительственныя должности. Но самое понятіе корпораціи, какъ юридическаго лица, настолько чуждо было нашему праву, что Екатеринѣ пришлось объяснять это правовое понятіе выписками изъ Блэкстона и Джексона.

Не мудрено, что и для власти, и для дворянства далеко не сразу стало ясно все значеніе введенныхъ правительствомъ выборовъ и словнаго представительства. Фактически у дворянства явились «предводители» уже тогда, когда надобно было устроить выборы въ Комиссію уложенія. Но манифестъ 14-го декабря 1766 г. создавалъ эту должность лишь на два года— «для лучшаго между собой порядка» при выборѣ депутата и на «случай, если даны будутъ отъ верховной власти ка-

*) Въ черновыхъ текстахъ выработкѣ этого интереснаго мѣста предшествовала довольно продолжительная работа, очень характерная для исторіи екатерининскихъ идей о естественномъ правѣ. Указавъ на недостаточность историческихъ свѣдѣній оначаль человѣческихъ обществъ (Блэкстонъ въ этомъ случаѣ ищетъ указаній въ Библии), Екатерина ссылается, какъ на единственный остающійся источникъ, [на здравый разумъ], который «заставляетъ думать, что во всякомъ народѣ управленіе его» ... «сходствовало съ народнымъ», пишетъ она сперва привычную мысль, но тотчасъ же оговаривается: «или заимствовало чего ни на есть отъ народнаго». Но и эта оговорка кажется Екатеринѣ недостаточной: она надписываетъ надъ строкой фразу, выражающую совершенно противоположную мысль (эти слова мы ставимъ въ скобки): «сходствовало съ народнымъ (или надъ нимъ власть имѣющимъ) умночеграніемъ». Далѣе исправленный текстъ читается (зачеркнутое Екатериной въ скобкахъ): «или же, по крайней мѣрѣ, заимствовало много или мало отъ оного, устанавливаемо же было или (вдругъ силою) исподволя по общему желанію (согласію общимъ, надобностямъ) или силою. Перемены же происходили по положенію дѣлъ и разнообразныхъ военныхъ и мирныхъ обстоятельствъ внутреннихъ и вѣншихъ, или же по умноженію или умаленію людей или земли ими занятыми. Краткое сіе описаніе замыкаетъ въ себѣ безъ изъятія лѣтописанія всѣхъ государствъ». Мы видимъ, какъ мысль императрицы колеблется, отвыкая отъ «абсурдной» теоріи общественнаго договора и приноворя старыя термины къ новому пониманію, вытекающему изъ чтенія Блэкстона.

кія особыя повелѣнія» относительно «всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ дворянъ». На второе двухлѣтіе (1769) выборы были опять назначены особымъ указомъ, и только при третьихъ выборахъ (1771) сдѣлано было распоряженіе повторять ихъ впредь, не дожидаясь особыхъ указовъ. Часть дворянства, правда, уже въ наказахъ обнаружила стремленіе къ постоянной корпоративной организаціи дворянства, требовавъ отъ правительства не только права выбора въ судебно-полицейскія должности, но также и права періодическаго созыва дворянскихъ собраний—для выслушанія отчетовъ выборныхъ лицъ, для обсужденій сословныхъ нуждъ дворянства и даже для представленія петицій. Однако, «Учрежденіе о губерніяхъ» признавало лишь *выборныя* собранія дворянства, и только на прямой запросъ Безбородко о правѣ обсужденія нуждъ и петицій (1778: «кромѣ выборовъ, ежели общее собраніе дворянства или нѣкоторые уѣзды будутъ имѣть надобность или пожелаютъ собраться для совѣта съ собратіями своими о нуждахъ и пользахъ взаимныхъ... можно ли дозволить имъ о томъ совѣтовать и дѣлать представленія или жалобы именемъ общества чрезъ депутатовъ?») Екатерина лаконически отвѣчала: «дозволить», введя затѣмъ это дозволеніе и въ текстъ жалованной грамоты дворянству 1785 года.

Такимъ образомъ, лишь мало-по-малу дѣло, начатое въ рамкахъ прежнихъ законодательныхъ комиссій XVII—XVIII вѣковъ, разрослось до предѣловъ настоящаго дворянскаго самоуправленія, гораздо болѣе напоминавшаго средневѣковыя сословныя учрежденія Запада, чѣмъ губныя учрежденія Грознаго или «всеуѣздныя избы» московскаго черносошнаго сѣвера.

Но, отставъ отъ одного берега, пристали ли новые порядки къ другому? Конечно, нѣтъ,—и этимъ объясняются колебанія теоретиковъ государственнаго права, слѣдуетъ ли признать дворянскія учрежденія Екатерины за самоуправленіе вообще. Стоитъ взглянуть на сосѣднюю Лифляндію, послужившую ближайшимъ источникомъ этихъ учреждений, чтобы замѣтить и оцѣнить всю разницу. Въ Лифляндіи даже коронныя должности, замѣщаемыя мѣстнымъ дворянствомъ, приобрѣтали земскій характеръ. Напротивъ, у насъ, какъ сейчасъ увидимъ, земскія должности стремились приобрѣсти коронный характеръ. Средоточіемъ дворянской силы въ Лифляндіи была та самая «коллегія ландратовъ», которую когда-то Петръ тщетно старался привить Россіи. И эта коллегія настолько стояла въ разрѣзъ съ духомъ екатерининскихъ учреждений, что, къ великому огорченію Сиверса и раздраженію мѣстнаго дворянства, она была первая уничтожена, когда Екатерина рѣшилась навязать краю свои новыя учрежденія. Такимъ образомъ, введеніе губернскихъ учреждений, бывшее торжествомъ дворянскихъ тенденцій у насъ, явилось въ остзейскихъ губерніяхъ первымъ симптомъ ихъ паденія. Такъ велико было различіе между сословными

учреждениями, вводимыми искусственно, и теми же учреждениями, сложившимися исторически *).

Въ чемъ же корень различія? Мы это поймемъ сразу, если скажемъ, что съ самаго начала дѣйствія новыхъ учреждений и власть, и дворянство смотрѣло на нихъ, какъ на новаго рода службу, повинность, и что общественную дѣятельность очень скоро пришлось свести къ масштабу такого единственного тогда и всемогущаго соціального мѣрила, какимъ былъ чинъ (ср. выше).

Отъ службы,—единственной, какую дворянство до тѣхъ поръ знало, т.е. военной,—дворянство было, правда, только что уволено. Но оно такъ сроднилось съ мыслью, что только служба и даетъ ему его соціальное положеніе въ государствѣ, что никакъ не могло понять своего освобожденія и, въ массѣ, отнеслось къ освобожденію отъ службы недоувѣрчиво и подозрительно. Въ самой Комиссіи вопросъ этотъ не разъ становился предметомъ горячихъ споровъ, и самые ретроградные элементы дворянства оригинальнымъ образомъ сходились съ самыми передовыми во мнѣніи, что освобождать дворянство отъ службы не слѣдуетъ. Иначе оно теряетъ право владѣть крестьянами: такова была задняя мысль у всѣхъ, въ томъ числѣ и у самихъ крестьянъ, какъ мы знаемъ («Оч.», I, стр. 214). Эта задняя мысль и явилась источникомъ всѣхъ возраженій: какъ крѣпостниковъ, въ родѣ Выродова, находившихъ, что дворянинъ долженъ служить «изъ благодарности» «за предпочтеніе передъ прочими», такъ и радикаловъ, въ родѣ Урсинуса или городского депутата Антонова, утверждавшихъ, что каждый дворянинъ долженъ «собственными заслугами» возобновлять предпочтеніе, оказанное предкамъ. Общее мнѣніе было, что, представленное самому себѣ, дворянство предастся праздности и бездѣлю въ своихъ имѣніяхъ. Противовѣсомъ противъ всѣхъ этихъ опасеній и явилось созданіе новыхъ коронныхъ и выборныхъ должностей по мѣстному управленію. Даже такіе близкіе къ губернской реформѣ люди, какъ Сиверсъ, видѣли въ ней, главнымъ образомъ, поправку къ указу о вольности отъ службы. Служба на мѣстѣ являлась лучшимъ средствомъ примирить интересы дворянства съ нуждами правительства: сельскую жизнь съ государственной службой. По остроумному выраженію одного изслѣдователя, дворянство переводилось только изъ министерства военнаго въ

*) Первоначально Екатерина не имѣла въ виду дѣлать свои губернскія учрежденія орудіемъ руссификаціи окраинъ. Въ черновомъ текстѣ находимъ прямую оговорку въ этомъ смыслѣ: «Все сіе не касается до тѣхъ губерній, кои имѣютъ особыя подтвержденные привилегіи, какъ-то Малороссія, Лифляндія и прочія;—и не до Сибири». И далѣе: «исключая изъ сего новаго учрежденія всѣ тѣ области, земли и княженія нашего государства, коими особыми привилегіями и жалованными грамотами отъ предковъ нашихъ и насъ самихъ снабжены или нашими конфирмаціями подтверждены». Ср. выше, пренія въ Комиссіи. Какъ извѣстно, губернскія учрежденія были распространены на Малороссію въ 1782 г. и на Лифляндію и Эстляндію въ 1783 г.

министерство внутренних дѣлъ. И раньше, чѣмъ имп. Николай I рельефно выразилъ эту мысль, одѣвши всѣхъ дворянъ безъ различія въ одинъ мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ, екатерининскіе цѣлѣные мундиры дворянъ по губерніямъ уже намѣчали такой исходъ, хотя ближайшей ихъ цѣлью и было символизировать корпоративность и привилегированность сословія, имѣвшаго входъ ко двору.

Наиболѣе интеллигентные изъ дворянъ такъ и поняли съ самаго начала новыя права дворянства, какъ новый видъ службы. «Учрежденіе собраній дворянскихъ есть истинное право», замѣчалъ, напр., Щербатовъ, «если бы оно зависѣло отъ собственнаго согласія или отъ тѣхъ, кого они сами начальниками себѣ изберутъ; но какъ сего нѣтъ, то они собираются не для сужденія о своихъ дѣлахъ, не для разсмотрѣнія общей и частной пользы, но токмо какъ нѣкоторыя орудія, которыя сносятъ, для угнетенія самихъ же ихъ». Это доказывалось, по мнѣнію Щербатова самой постановкой дворянскаго представительства въ законѣ, который «уподлялъ чинъ губернскаго предводителя» и ставилъ его въ полную зависимость отъ намѣстника и губернатора. Какъ извѣстно, «хозяинъ губерніи» по Учрежденію былъ, дѣйствительно, единственнымъ и безконтрольнымъ посредникомъ между областью и верховной властью: положеніе, которое одинаково вызывало оппозицію новому закону какъ среди придворныхъ временщиковъ, такъ и среди вліятельныхъ элементовъ провинціи. По замѣчанію Щербатова, намѣстники и губернаторы, «бывъ деспоты въ губерніяхъ, всегда могутъ имѣть нѣкоторую партію для избранія, кого пожелаютъ... а потому всѣ судьи и будутъ по ихъ волѣ выбираться» *). Щербатовъ забывалъ только прибавить, что огромное большинство рядового дворянства не видѣло въ такой постановкѣ ничего обиднаго для своего корпоративнаго достоинства. Дворянство, какъ это мы знаемъ изъ сообщеній Сиверса, на перебой бросилось занимать губернскія должности, не различая выборныхъ отъ невыборныхъ и видя въ тѣхъ и другихъ лишь новый путь для службы и выслуги.

Необходимымъ послѣдствіемъ такого взгляда власти и самого дворянства на выборныя должности, какъ на новый типъ государственной службы, было включеніе ихъ въ рамки табели о рангахъ. «Учре-

*) Предсказанія Щербатова подтверждаются наблюденіями надъ петербургскими выборами двухъ пріѣзжихъ французовъ (1792), въ отзывѣ которыхъ, конечно, отражаются и тогдашніе толки *столичнаго* дворянства: «Читая указъ объ этихъ собраніяхъ, видишь, что не можетъ быть лучшихъ правилъ и большаго простора для корпоративнаго обсужденія общественныхъ и государственныхъ дѣлъ. Но до сихъ поръ власть ставила столько препятствій предположеніямъ собраній, генераль-губернаторы такъ сильно вліяли на рѣшеніе ихъ, что результаты этихъ собраній можно считать совершенно сведенными къ нулю. Извѣстно заранѣе, кого выберутъ, потому что кандидаты указаны свыше, и власть охотно жертвуетъ формой (назначенія), разъ дворянство этимъ удовлетворяется, только бы остался не существу полновластнымъ господиномъ».

жение о губерніяхъ» сочло должность предводителя и дворянскихъ засѣдателей совѣстнаго и верхняго земскаго суда въ 7 классѣ, капитана-исправника и уѣздныхъ засѣдателей—въ 9-мъ, засѣдателей при исправникѣ—въ 10-мъ. Но дворянство этимъ не ограничилося. Тотчасъ же возникъ дальнѣйшій вопросъ о томъ, какъ устроить свободный переходъ съ одной «службы» на другую, съ коронной на земскую и наоборотъ. Рѣшить вопросъ полнымъ приравненіемъ «обѣихъ государственныхъ службъ» Екатерина, однако, не рѣшилась. Она ограничилась установленіемъ правила, что губернскую должность извѣстнаго ранга могъ получить только тотъ, кто по своей предыдущей службѣ дослужился до ближайшаго низшаго ранга табели *). Для дворянъ, конечно, важнѣе было добиться обратнаго, т.-е., чтобы на государственную службу дворянинъ принимался въ рангѣ, какой занималъ по выборной (и вообще губернской) должности. Практика сената, который систематически игнорировалъ ранги низшихъ должностей, (заполняемыхъ по назначенію губернскаго правленія) вызывала сильное недовольство дворянъ.

Дальнѣйшее развитіе законодательства, хотя и не оправдало ожиданій дворянъ относительно губернской службы, тѣмъ не менѣе, совершалось, именно въ направленіи бюрократизаціи земской службы. Предводитель, также какъ исправникъ, превратились, въ концѣ-концовъ въ чиновниковъ, отягощенныхъ изобиліемъ правительственныхъ порученій. Не давая желаемыхъ правъ по службѣ, правительство не стѣснялось усложнять обязанности губернскихъ учреждений. Въ результатѣ, послѣ перваго увлеченія мѣстной службой, дворянство быстро отхлынуло отъ нея **). Умственный и нравственный цензъ набирае-

*) Тотъ, кто вовсе не служилъ, не могъ совсѣмъ участвовать въ самоуправленіи: дворяне, не имѣвшіе оберъ-офицерскаго ранга, по жалованной грамотѣ 1785 г. могли присутствовать въ собраніи, но безъ права голоса и, тѣмъ болѣе, безъ права быть выбранными въ какую-либо должность.

**) Объ этомъ имѣется любопытное свидѣтельство В. Н. Каразина (1801): онъ жалуется на случайность и произволъ коронныхъ назначеній въ смыслѣ губернскія должности, важныя для службы, но отнатыя у мѣстнаго общества; наоборотъ, низшія должности, не представлявшія служебнаго интереса, предоставлялись общественному выбору и скоро стали пренебрегаться дворянами. «Отъ сего произошло, что со времени открытія намѣстничества, мало-по-малу важность дворянскихъ выборовъ упала до того, что напоследокъ стали производить ихъ съ пренебреженіемъ. Никто изъ людей достойныхъ не хотѣлъ быть выбраннымъ въ уѣздныя чины или въ верхній земскій судъ, и сіи мѣста предоставляли, какъ милостыню, дворянамъ, не имѣющихъ другихъ способовъ къ жизни. Вообще примѣчено, что первые выборы въ губерніяхъ были и самыя лучшіе: тогда не успѣли еще рассмотреть всѣхъ сихъ послѣдствій, и намѣренія монархини произвели всеобщій энтузіазмъ къ добру; простылъ сей жаръ, когда увидѣли, что безпристрастіе выбирающихъ и безкорыстіе избранныхъ были равно посмѣяны... что уѣздная присутственныя мѣста суть пустая инстанція», а дѣло вершится въ губерніи, въ коронныхъ палатахъ.

мыхъ сильно упалъ, какъ только обнаружилось, что мѣстная служба не можетъ служить предварительнымъ стажемъ для государственной. И тутъ-то выяснился вполне обязательно-служебный характеръ выборной службы. «Уклоненіе» отъ выборовъ и отъ выборныхъ должностей стало трактоваться властями, какъ преступленіе; уже въ XVIII в. и въ началѣ XIX-го законъ опредѣляетъ наказаніе за такое уклоненіе, потомъ пробуетъ повысить цензъ избирателей, ранги избираемыхъ, сроки ихъ службы (1831),—и все напрасно. Создавъ нѣсколько несомнѣнно полезныхъ для государства и общества учреждений, законъ Екатерины не создалъ самоуправленія въ Россіи.

Это не значитъ, однако же, чтобы губернскія учрежденія не имѣли значенія для дворянскаго сословія. Совершенно напротивъ. Отдавъ полицію, судъ и частью управленіе въ губерніи въ руки дворянства, «Учрежденіе о губерніяхъ» послужило началомъ огромной перемѣны въ жизни русской провинціи. Служба по выборамъ все-таки закрѣпила дворянское общество на мѣстахъ, установила связи между его членами, соединила ихъ съ городомъ, куда до сихъ поръ дворяне ѣздили только въ лавки къ купцамъ и въ канцеляріи къ приказнымъ крючкамъ, помогавшимъ имъ оттягать у сосѣда имѣніе. «Дворянство входитъ мало-по-малу во вкусъ—собираться въ городѣ и строиться тамъ», пишетъ Сиверсъ о Твери и Новгородѣ. «Начало знатное дворянство не токмо въ губернскомъ городѣ часто съѣзжаться, но и строить порядочные дома для ихъ всегдашняго житья», повторяетъ почти тѣми же словами Державинъ о Тамбовѣ. «Эпоха сія,—подтверждаетъ Болотовъ,—была по всей справедливости самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества и послѣдствіями своими произвела во всемъ великія перемѣны...» «Такое хорошее и веселое житье было въ особенности въ первыя 3 или 6 лѣтъ (т.-е. на первыхъ двухъ выборахъ) по открытіи намѣстничества (Тульскаго, 1777) и было намъ столь приятно, что на вѣкъ осталось для насъ незабвенно». Послѣднія слова, которыя могли бы повторить тысячи тогдашнихъ дворянъ, показываютъ намъ, гдѣ мы должны искать сущности «великой перемѣны», совершившейся въ жизни нашего провинціального дворянства со введеніемъ губернскихъ учреждений. Это были не дворянскія привилегіи сами по себѣ: законъ ничего или очень мало могъ бы прибавить въ этомъ отношеніи къ тому, что уже существовало фактически. Не было это и торжество порядка и законности, такъ какъ, надо признаться, губернскія учрежденія не составили и въ этомъ отношеніи какой-либо особой эры: для низшихъ слоевъ населенія бѣлая близость власти отозвалась на первыхъ порахъ лишь большимъ количествомъ приказныхъ и чиновныхъ насилій, а также большими расходами на новыя земскія власти. «Незабвенны» были для среднего дворянства годы устройства намѣстничествъ, какъ годы окончательнаго насажденія въ провинціи той дворянской культуры, начало которой мы имѣли случай прослѣ-

дать въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Подъ культурой мы разумѣемъ тутъ отнюдь не какія-либо новыя явленія умственной и нравственной жизни: это просто приобщеніе провинціи къ тѣмъ новымъ формамъ общественности, которыя вырабатывались съ начала вѣка вблизи двора и среди привилегированнаго населенія столицы (см. выше).

Екатерина и тутъ первая подаетъ знакъ для общаго подражанія. Въ дни московскихъ празднествъ по поводу Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1775) она развѣртываетъ въ грандіозныхъ размѣрахъ ту самую программу, которая въ миниатюрѣ будетъ выполняться, на личный или на казенный счетъ, ея намѣстниками при открытіи учреждений въ губернскихъ городахъ. «Я здѣсь четыре недѣли,—пишетъ Екатерина надамъ Бьельке изъ Москвы, въ ожиданіи торжествъ,—два раза въ недѣлю у меня пріемы, и ни разу не было меньше 400—500 дамъ; я дала три маскарада, куда допускалось только дворянство, и ни на одинъ не было роздано меньше 6—7.000 билетовъ». Въ дни торжествъ, въ іюлѣ 1775 г. Москва еще больше переполняется провинціальнымъ дворянствомъ; и даже такія простыя души, какъ семья Болотова, удостоиваются взглянуть, въ первый разъ въ жизни, на настоящій балъ-маскарадъ, театръ и въ довершеніе всего, великолѣпный фейерверкъ. Черезъ два года у себя въ Тулѣ они будутъ показывать все это, и балъ, и маскарадъ, и театръ, и фейерверкъ, еще болѣе простымъ душамъ, чѣмъ онѣ сами. Еще черезъ десятокъ лѣтъ, проѣзжая черезъ Смоленскъ, Екатерина будетъ имѣть удовольствіе видѣть себя окруженной цѣлымъ цвѣтникомъ дамъ и дѣвицъ, въ великолѣпныхъ столичныхъ костюмахъ, и съ самыми изысканными манерами, которыя только въ ея скептическомъ спутникѣ, Сегюрѣ, вызываютъ подозрѣніе, что истинная культура отсутствуетъ подъ этой маской цивилизации. Но дѣло, конечно, не въ томъ,—не въ этой «истинной культурѣ». Дѣло въ томъ, что дворянство довольно; что «вранье» въ провинціи на время прекращается и уступаетъ мѣсто славословію.

Екатерина, декламировавшая и издававшая строгіе законы противъ роскоши и расточительности,—хотѣла ли одного только этого результата, сочиняя въ то же самое время, между куртагами и маскарадами, свое «Учрежденіе о губерніяхъ»? Разумѣется, она мѣтила дальше и думала захватить глубже. «Учрежденіе», по ея мысли, было только обломкомъ, отдѣльнымъ кускомъ большого цѣлаго; и если она издавала его первымъ, то лишь для того—какъ она сама выразилась въ предисловіи,—чтобъ «приготовить тѣмъ самымъ и облегчить лучшее и точнѣйшее исполненіе полезнѣйшихъ впредь издаваемыхъ узаконеній». Послѣдующія обстоятельства—и особенно увлеченіе внѣшней политической такъ и свели все зданіе законодательства Екатерины къ обломкамъ. Но это не мѣшаетъ намъ попытаться возстановить изъ намековъ и набросковъ, по крайней мѣрѣ, его общіе контуры.

Ближайшій свидѣтель второго періода екатерининской «легисля-

маніи», Сиверсъ, нѣсколько лѣтъ спустя (1779), уѣзжая изъ Петербурга, напоминаетъ императрицѣ обо всемъ, что такъ недавно еще она имѣла намѣреніе создать тотчасъ же вслѣдъ за «Учрежденіемъ о губерніяхъ». «Если ваше величество меня спросите, какой отдѣлъ я считаю важнѣе,—мнѣ будетъ трудно отвѣтить. Все одинаково необходимо: судебные уставы, уголовное и гражданское уложеніе, вексельный уставъ, инструкція казначействамъ, директорамъ экономіи (государственныхъ имуществъ), городовое положеніе, глава о дворянствѣ, преобразованіе столичныхъ учреждений, наконецъ, прибавлю съ стѣсненнымъ сердцемъ,—сельскій законъ,—законъ человѣчности». Къ этому послѣднему, «закону человѣчности», Сиверсъ много разъ возвращается въ своей перепискѣ съ Екатериной, напоминая ей постоянно, что «въ основѣ смуть оренбургскихъ, казанскихъ и поволжскихъ лежало невыносимое иго рабства»; что «приверженцы Пугачева состояли исключительно изъ крѣпостныхъ, недовольныхъ своими господами», что «источникъ броженія всегда будетъ оставаться одинъ и тотъ же, пока не будетъ издано закона о сельскомъ хозяйствѣ». Но съ другой стороны тотъ же Сиверсъ оговаривался, что «пока такого закона нѣтъ, необходимо поддерживать положеніе дворянства какъ оно есть; если позволить крѣпостнымъ хотя бы самадѣйшій протестъ или разсужденіе, то, зная человѣческое сердце, нельзя ручаться за послѣдствія». Исходя изъ такого же «знанія человѣческаго сердца» и пониманія пугачевщины, Екатерина, какъ мы знаемъ, уже сдѣлала свой выборъ. «Законъ человѣчности» къ этому времени уже не представлялся ей—не только легко осуществимымъ, но даже и осуществимымъ вообще. Она молчаливо вычеркнула его изъ списка своихъ будущихъ преобразованій. Хорошо еще, что «знаніе человѣческаго сердца» не позволило ей искать рѣшенія крестьянскаго вопроса въ томъ, въ чемъ искали его многіе современники,—и въ томъ числѣ Сиверсъ: въ систематической раздачѣ всѣхъ государственныхъ крестьянъ во владѣніе дворянству. Это не помѣшало, правда, усиленной раздачѣ этихъ же крестьянъ фаворитамъ и усиленной продажѣ дворянамъ государственныхъ земель; не помѣшало и юридическому укрѣпленію дворянской власти надъ крѣпостными на основахъ *частнаго* права. Въ итогѣ, по заключенію современнаго спеціалиста, «въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и даже для распространенія крѣпостнаго права, чѣмъ для его ограниченія».

Словомъ, «законъ человѣчности» надо исключить изъ перечня, сдѣланнаго Сиверсомъ. Остаются основныя права сословій и кодификація матеріальнаго и процессуальнаго права. Послѣднее осталось не только не выполненнымъ, но почти и не начатымъ,—если не считать подготовительныхъ выписокъ изъ старыхъ законовъ, сдѣланныхъ въ Комиссіи и, можетъ быть, подобныхъ же выписокъ, представленныхъ Екатеринѣ Соймоновымъ въ восьмидесятихъ годахъ, съ распредѣленіемъ

изъ на этотъ разъ «по блэкстоновымъ заглавіямъ». Главный интересъ Екатерины сосредоточился на болѣ легкой и благодарной задачѣ, на составленіи жалованныхъ грамотъ разнымъ сословіямъ. Для этого матеріалъ въ значительной степени былъ заготовленъ частными комиссиями. Наибольшаго вниманія удостоились, конечно, матеріалы для жалованной грамоты дворянству: здѣсь приняты были Екатериной во вниманіе не только проектъ и докладъ частной комиссіи, но и пренія «о правахъ благородныхъ» въ большой Комиссіи, гдѣ эти пренія заняли, какъ мы знаемъ (см. выше) не мало засѣданій. Однако, текстъ грамоты, выработанный Екатериной, остается оригинальнымъ: главное его отличіе отъ матеріаловъ состоитъ въ томъ, что особенно разработаннымъ оказывается у Екатерины отдѣлъ о корпоративныхъ правахъ дворянскихъ обществъ (въ матеріалахъ онъ едва намѣченъ въ главныхъ чертахъ), тогда какъ перечисленіе отдѣльныхъ личныхъ правъ, требовавшихся депутатами, значительно сокращено или представлено въ болѣе обобщенной, юридически-систематизированной формѣ. Эту разницу нельзя не поставить въ связь съ изученіемъ заинтересовавшихся Екатерины образцовъ европейскаго государственнаго права. Та же разница между проектами и составленнымъ Екатериной текстомъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ замѣчается въ Городовомъ положеніи, черновикъ котораго составленъ былъ Екатериной уже въ 1779 году. Матеріальныя особенности и условія русской городской жизни отходятъ здѣсь еще болѣе на второй планъ передъ чисто формальными вопросами корпоративнаго городского устройства. Вниманіе императрицы какъ будто устремлено, главнымъ образомъ, на то, чтобы выдерживать, насколько возможно больше, симметрію между городскимъ и дворянскимъ корпоративнымъ устройствомъ. Идеологія разошлась здѣсь еще дальше съ практикой—уже въ самой формулировкѣ закона. Какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ («Оч.» I, стр. 201, изд. 4-е), городская автономія явилась гораздо въ большей степени, чѣмъ дворянская, мертворожденнымъ плодомъ. Органы самоуправленія здѣсь еще скорѣе и безпрепятственнѣе приняли характеръ правительственныхъ административныхъ органовъ, чѣмъ это было съ дворянской службой по выборамъ. Въ третьей жалованной грамотѣ, «сельской» (предназначавшейся конечно только для свободныхъ крестьянъ вѣдомства директора экономіи)—формальные вопросы получили еще больше преобладанія, и интересъ къ симметріи окончательно возобладать надъ интересомъ къ матеріальному содержанію сельской жизни. Вся эта грамота есть не больше, какъ отдѣлъ городской грамоты о ремесленной управѣ, съ замѣной только термина «городской» терминомъ «сельскій». Не мудрено, что въ результатѣ получилось нѣчто совершенно не примѣнимое къ сельскому быту вообще и къ русскому быту, съ его своеобразностями, съ его общиннымъ землевладѣніемъ,—въ особенности. Крестьянинъ трактовался какъ цеховой, за его работой устанавливался самый мелочной надзоръ; для полученія

права на веденіе самостоятельнаго хозяйства онъ подвергался экзамену и т. п. Естественно, что этотъ проектъ такъ и остался въ бумагахъ Екатерины, не получивъ дальнѣйшаго движенія. Онъ не оказалъ даже никакого вліянія на позднѣйшее киселевское устройство казенныхъ селеній, проникнутое отчасти сходныхъ духомъ детальной правительственной опеки.

Необходимо остановиться еще на одной чертѣ екатерининскаго плана реформы, не обратившей на себя должнаго вниманія изслѣдователей. Во главѣ реформированнаго государства она хотѣла поставить реформированныя центральныя учрежденія. Рассказывая о своихъ намѣреніяхъ московскому главнокомандующему кн. М. Н. Волковскому, она представляетъ свой планъ (1775) въ слѣдующихъ чертахъ: «Окромѣ трехъ государственныхъ коллегій, прочія исчезнуть (ср. «Оч.», I, 171). Сенатъ останется. При немъ будетъ палата, дабы сенатъ имѣлъ, гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ. *Въ палату обратитъ я намѣрена Коммиссію уложенія*». Только сопоставляя эти торопливыя слова съ извѣстнымъ намъ совѣтомъ, поданнымъ Екатеринѣ Дидро, (см. выше) мы можемъ понять полное значеніе ея намѣренія. Что это намѣреніе не было случайнымъ, только мелькнувшимъ въ ея головѣ и тотчасъ же оставленнымъ, видно изъ дальнѣйшей судьбы его. Къ своей идеѣ о переустройствѣ сената Екатерина вернулась въ 1787 г., т.-е. накануне второй турецкой войны и французскихъ замѣшательствъ. Въ это время былъ составленъ ею проектъ указа о сенатской реформѣ. Текстъ указа пока неизвѣстенъ, но о содержаніи его можно заключать съ большою вѣроятностью, если сопоставить то, что говорить о немъ секретарь Екатерины, Храповицкій, — съ одной позднѣйшей запиской Безбородко (1799), очевидно, основанной на томъ же указѣ и частью передающей подлинныя выраженія его. Здѣсь, послѣ несомнѣнно екатерининскихъ замѣчаній объ устройствѣ высшихъ судовъ, совѣстнаго и уголовнаго, находимъ фразу: «все собраніе депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзираніе правъ государственныхъ... Когда издается новый законъ, то проектъ онаго посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ на ревизію въ общее сената собраніе и, наконецъ, утверждается самодержавною властію». По прямому смыслу этого мѣста, подъ «всѣмъ собраніемъ депутатовъ» приходится разумѣть собраніе однихъ только сословныхъ депутатовъ двухъ упомянутыхъ высшихъ судовъ. Но, даже при такомъ пониманіи остается несомнѣннымъ, что въ этой ограниченной формѣ собранія депутатовъ сохранился здѣсь слѣдъ той «палаты» при сенатѣ, въ которую Екатерина хотѣла еще въ 1775 г. превратить свою Коммиссію уложенія *).

*) Еще ближе былъ бы смыслъ этой фразы къ первоначальному намѣренію императрицы, если бы оказалось, что она дѣликомъ переписана Безбородкомъ изъ первоначальнаго проекта, безъ соображенія съ другими частями его черновика.

Когда же совершилась эта замѣна болѣе широкаго плана болѣе узкимъ? Десять дней спустя послѣ цитированной выше замѣтки Храповицкаго, подъ 26 апр. 1787 г. встрѣчаемъ въ его дневникѣ сравненіе, сдѣланное Екатериной между ея «собраніемъ депутатовъ» и *Assemblée des Notables*, созванной Людовикомъ XVI, въ видѣ неизбежной уступки общественному мнѣнію Франціи. Вынужденный характеръ такой уступки Екатерина очень хорошо понимала. Въ январѣ 1788 г. Храповицкій заноситъ въ дневникъ: «разговоръ о обстоятельствахъ Франціи, и что ей должно войти въ войну, дабы избѣгнуть сдѣланнаго королемъ обѣщанія о собраніи чиновъ государственныхъ». Екатерина, конечно, не нуждалась въ такомъ героическомъ средствѣ, «дабы избѣгнуть» того, что Дидро считалъ ея «обѣщаніемъ», торжественно даннымъ передъ всей страной. Тѣмъ не менѣе въ положеніи была извѣстная аналогія, и тонкая проницательность Екатерины относительно положенія Людовика XVI, несомнѣнно, имѣла источникомъ ея личный тяжелый опытъ. Въ своемъ предисловіи къ Учрежденію о губерніяхъ она не даромъ нашла нужнымъ оправдываться войной въ пріостановкѣ своей законодательной дѣятельности. «Свѣту извѣстно, что въ 1766 г. уже приступили мы къ созыву депутатовъ со всей имперіи, и уже оставалось намъ ожидать отъ трудовъ Комиссіи уложенія плодовъ, соответствующихъ нашему попеченію о благѣ общемъ и частномъ, какъ объявленіе съ турецкой стороны въ 1768 году войны Россіи и шестилѣтнее продолженіе оной, отвлекая людей и возможности отъ продолжительнаго сочиненія цѣлаго узаконенія, и умножая собою бремя, заняло время и мысли упражненіемъ не менѣе важнымъ» и т. д. Теперь, послѣ десяти лѣтъ мира, Екатерина опять поднимала нить своей завоевательной политики; подобно первой турецкой войнѣ, и вторая должна была отнять у ней «время упражняться пріятнѣйшимъ сердцу трудомъ—снабдить имперію нужными и полезными учрежденіями». Прошло еще два съ половиной мѣсяца послѣ послѣдней замѣтки Храповицкаго, и секретарь Екатерины вноситъ въ журналъ, между извѣстіями о заграничной почтѣ, о спѣшномъ письмѣ къ Потемкину и о сочиненіи новой комедіи Екатериной,—ея замѣтку по поводу новаго разговора о реформѣ сената: «не время теперь дѣлать реформы». И вопросъ опять откладывается, пока уже въ послѣдній годъ царствованія мы не встрѣчаемъ Екатерину вновь за сочиненіемъ «Устава о сенатѣ». На этотъ разъ, вѣроятно, и явилось ограниченіе первоначальнаго плана, о которомъ свидѣтельствуетъ записка Безбородки *).

*) Можетъ быть, съ цѣлью замѣнить отброшенную идею контроля черезъ депутатовъ, Екатерина прибѣгла тогда же къ идеѣ контроля *при помощи сенаторскихъ ревизій*, встрѣчаемой въ запискѣ Безбородки. «Государь не можетъ объять своимъ собственнымъ осмотромъ столь обширную имперію, избираетъ оную по губерніямъ, чрезъ довѣренныхъ его особъ, и именно, одного сенатора, двухъ дворянскихъ, двухъ мѣщанскихъ и двухъ поселянскихъ депутатовъ, которые всѣ раз-

«Не время для реформъ» — это не значитъ, конечно, чтобы не было времени дѣлать реформы, когда есть время для писанія комедій. Это симптомъ новаго направленія внутренней политики, признакъ наступленія третьяго и послѣдняго періода царствованія Екатерины. Къ настроенію императрицы за этотъ періодъ мы еще вернемся. Теперь намъ нужно ознакомиться предварительно съ развитіемъ русскаго общественнаго мнѣнія за время, соотвѣтствующее главнымъ екатерининскимъ реформамъ.

Донесенія Гуннинга см. въ «Сборникѣ Ист. Общ.», т. XIX. Новѣйшая архивная работа о пугачевщинѣ принадлежитъ Н. Ѳ. Дубровину: «Пугачевъ и его сообщники», три тома, Спб. 1884. Объ обращеніи Екатерины къ казанскому дворянству см. «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова», М. 1865. Сочиненіемъ Блэкстона Екатерина пользовалась во французскомъ переводѣ: «Commentaires sur les loix anglaises», de M. Blackstone, Bruxelles, 1774—76, шесть томовъ. Объ остзейскихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ XVIII вѣка см. *Julius Eckardt*, *Livland im achtzehnten Jahrhundert*, I, Lpz., 1876. Черновики Екатерины, относящіеся къ выработкѣ текста Учрежденія о губерніяхъ и Городоваго положенія, хранятся въ Государственномъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, въ X отдѣлѣ; тамъ же матеріалы для жалованной грамоты дворянству и перебѣленные рукописи сельскихъ положеній съ замѣтками Екатерины. Послѣднія изданы В. И. Вешняковымъ въ Сб. Ист. Об., т. XX. Сношенія Екатерины съ Сиверсомъ см. въ соч. *K. Blum*: *Ein russischer Staatsmann*, т. II, Lpz. и Heidelberg, 1857. Общія свѣдѣнія о губернскихъ реформахъ Екатерины см. въ соч. *Лохвицкаго*, Губернія, Спб. 1865; въ курсахъ государственнаго права *Градовскаго* и *Коркунова*. О роли дворянства см. *Романовича-Славатинскаго*, Дворянство въ Россіи, Спб., 1870, мемуары Державина, Волотова, сочиненія Шерботова и др. Оцѣнка дѣятельности губернскихъ учреждений см. въ докладѣ Валуговянскаго для комиссіи 1826 г. въ Сб. И. Об., т. XC. Проекты правъ сословій, выработанные частными комиссіями, напечатаны въ Сб. И. О. т. XXXII и XXXVI. Переписка Екатерины съ Волконскимъ издана въ «Осьмнадцатомъ вѣкѣ», II. Вартенева, т. I. Записка Волконскаго о преобразованіи учреждений въ Сб. И. О. т. V. Наказъ сената см. въ Сб. И. О. т. LXIII. О реформѣ сената см. богатую библиографическими указаніями статью В. С. Иконникова, Сенатъ въ царствованіе Екатерины II, Русскій Архивъ 1898, № 11. Записка Безбородко «О потребностяхъ имперіи Россійской» напечатана въ Сб. Ист. Общ. т. XXIX. Записка Каразина см. въ Читеніяхъ О. И. и Др. 1863, кп. III.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Милуковъ.

дѣляются такъ, чтобы каждые три года всякая губернія осматрѣна была въ подробности».

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ Гёмпфри Уордъ.

Перев. съ англійскаго З. Журавской.

(Продолженіе *).

ГЛАВА III.

Было около четырехъ часовъ. Сэръ Уильфридъ только что вышелъ отъ леди Генри.

Онъ опять шелъ на Брутонъ-стритъ и думалъ о маленькой сценкѣ между mademoiselle Ле-Бретонъ и леди Генри, которой онъ былъ свидѣтелемъ, и о той надменной рѣзкости, съ которой леди Генри отдавала своей компаньонкѣ одно приказаніе за другимъ—относительно собакъ, обмѣна книгъ въ библіотекѣ, порученія портнихѣ, заказовъ у разныхъ поставщиковъ и т. д., и т. д., какъ бы специально для того, чтобы при сэръ Уильфридѣ Бери поставить на свое мѣсто женщину, осмѣлившуюся сдѣлаться ея соперницей. Подъ конецъ, вѣроятно, надѣясь на слѣпоту леди Генри, mademoiselle Ле-Бретонъ неожиданно подняла опущенные глаза и кинула на него гордый и пылкій взглядъ. Губы ея шевелились; сэръ Уильфридъ привсталъ съ кресла, но за ней уже захлопнулась дверь.

Сэръ Уильфридъ не могъ думать объ этомъ безъ нѣкотораго волненія.

«Что она хотѣла? Напомнить мнѣ о Герардслѣ? Положительно я долженъ переговорить съ нею наединѣ, несмотря на леди Генри».

Онъ шелъ по направленію къ Бондъ-Стритъ, размышляя о странныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ женщинъ—о безсильной зависти и злобѣ, глодавшихъ леди Генри, и домашнемъ рабствѣ mademoiselle Ле-Бретонъ, представлявшемъ такой контрастъ съ авторитетомъ, которымъ она пользовалась въ обществѣ. Положеніе трудное и запутанное, и, однако, какъ въ ней сказывается родовая гордость и высокая степень интеллигентности! Старый дипломатъ былъ глубоко заинтересованъ. Онъ чувствовалъ нѣкоторую жалость къ своему старому другу,

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

леди Генри, и относился къ ней снисходительно, но не могъ выкинуть изъ головы mademoiselle Жюли.

«Чего ради она, при такихъ условіяхъ, живетъ у нея?»

Этотъ самый вопросъ онъ предложилъ леди Генри; та презрительно отвѣтила:

— Потому что она любитъ сладко ѣсть и пить и не хочетъ отказаться отъ этого. Само собой, мое обращеніе ей не по вкусу, но она прекрасно знаетъ, что того, что она имѣетъ у меня въ домѣ, ей не найти нигдѣ. Я даю ей точку опоры, и этимъ она не станетъ рисковать изъ-за моихъ кислыхъ словъ. Я могу говорить съ ней, какъ мнѣ угодно, и ужъ конечно, церемониться не буду. Да вы только посмотрите на нее—развѣ она создана для бѣдности? Въ роскоши она чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ. А что бы съ ней было, еслибъ она ушла отъ меня? Бѣгала бы по урокамъ, либо была бы приходящей учительницей въ какой-нибудь школѣ! Это совсѣмъ не по ней.

— Но вѣдь она могла бы взять другое мѣсто, такое же, какъ у васъ,—наекнуть сэръ Уильфридъ.

— Вы забываете, что за рекомендаціей пришли бы ко мнѣ. О! я допускаю, что у нея есть шансы. Эта глупышка, Эвелина Кроуборо, давно бы взяла ее къ себѣ, но я шепнула два словечка ея мужу, и тотъ воспротивился. Онъ прямо заявилъ женѣ, что не желаетъ, чтобы у нихъ въ домѣ жила чужестранка и при томъ интриганка. Нѣтъ, нѣтъ, пока мы прикованы другъ къ другу. Я не могу избавиться отъ нея, а ей нѣтъ надобности избавляться отъ меня. Разумѣется, можетъ дойти и до того, что намъ обѣимъ станетъ не въ мочь. Но пока собственный интересъ заставляетъ насъ кое-какъ уживаться. О! не говорите мнѣ, что это гадко! Я сама это знаю. Съ каждымъ днемъ ея пребыванія въ моемъ домѣ я становлюсь все болѣе и болѣе непріятной старухой.

И болѣе требовательной также. Сэръ Уильфриду было смѣшно и жалко вспомнить о томъ, сколько порученій она надавала mademoiselle Жюли.

«Во всякомъ случаѣ», думалъ онъ, «эта дѣвушка добровѣстно зарабатываетъ свой хлѣбъ. Это добрыхъ полдня работы. Но Господи помилуй!» онъ даже остановился. Какъ же это она обѣщала вчера зайти къ герцогинѣ? Вѣдь я слышалъ своими ушами. И леди Генри объ этомъ ни слова! О! это забавно!

Онъ задумчиво пошелъ дальше, по дорогѣ завернулъ въ клубъ, чтобы написать нѣсколько писемъ. Но въ пять часовъ взялъ извозчика и велѣлъ везти себя на Гросвеноръ—скверъ. У подъязда огромнаго дворца изъ краснаго кирпича, гдѣ жили Кроуборо, онъ велѣлъ остановиться и спросилъ герцогиню. Великолѣпный дворецкій, предѣлствовавшій въ *hall'*, старый слуга, припомнилъ его и впустилъ безъ всякихъ затрудненій.

— Есть кто-нибудь у ея свѣтлости?—спросилъ сэръ Уильфридъ, когда дворецкій передавалъ его съ рукъ на руки лакею, чтобы тотъ проводилъ его наверхъ.

— Никого, сэръ Уильфридъ, кромѣ миссъ Ле-Бретонъ и м-ра Делафилда. Ея свѣтлость велѣли мнѣ говорить: «иѣтъ дома», но я увѣренъ, что васъ онѣ примутъ.

Сэръ Уильфридъ улыбнулся.

Когда онъ вошелъ въ гостиную, герцогиня и бывшіе съ нею не замѣтили сразу ни лакея, докладывавшаго о немъ, ни его самого, и онъ имѣлъ возможность полюбоваться очаровательной сценкой.

Малютка дѣвочка въ бѣломъ атласномъ платьѣ до пятъ и бѣлой атласной шапочкѣ, обшитой кружевомъ и завязанной подъ подбородкомъ, приподнявъ одной рукой юбочку, танцевала передъ герцогиней и mademoiselle Ле-Бретонъ сидѣвшей за фортепьяно. Въ другой рукѣ малютка держала кусочекъ сухарика и съ помощью его управляла движеніями своего кавалера, маленькаго чернаго шпика, граціознаго, съ шелковой шерсткой, который, стоя на заднихъ лапкахъ и не сводя глазъ съ сухарика, повторялъ каждое движеніе своей маленькой госпожи. А она, съ ея большими голубыми глазами, то строгими, то торжествующими, съ бѣлокурыми волосами, выбивающимися изъ-подъ шапочки пышными завитками, съ крошечной ножкой, выглядывавшей изъ-подъ платья, съ поднятой кверху пухленькой ручкой, точно живая сошла съ портрета пра-прабабушки, висѣвшаго на стѣнѣ напротивъ—одного изъ самыхъ удачныхъ твореній Рейнольдса.

За стуломъ mademoiselle Ле-Бретонъ стоялъ Джэкобъ Делафилдъ, а герцогиня, сидѣвшая тутъ же рядомъ на низенькомъ креслѣ, весело отбивала руками тактъ гавота, который играла mademoiselle Жюли, и смѣялась, одобряя свою маленькую дочку. Сама она, съ ея нѣжными бѣлорозовыми личикомъ въ легкомъ облакѣ свѣтлыхъ волосъ, оживленная, смѣющаяся, съ крошечными бѣлыми ручками, хлопавшими въ тактъ каждому движенію дѣвочки, казалась почти ребенкомъ. Вся въ кружевахъ и шелку, въ свѣтло-голубомъ платьѣ, падавшемъ вокругъ нея изящными складками, маленькая фея, одѣтая Воротомъ, она расшалавалась, какъ ребенокъ, и ея серебристый смѣхъ звонко разносился по комнатѣ.

Рядомъ съ ней живой контрастъ ея—Жюли Ле-Бретонъ—тонкая, высокая, смуглая, тоже смѣялась. Тѣ самые глаза, что бросили недавно сэръ Уильфриду такой гордый и пылкій взглядъ, теперь сіяли удовольствіемъ. Джэкобъ Делафилдъ изъ-за ея плеча тоже смѣялся и кричалъ дѣвочкѣ: «Браво, Тотти, отлично!» Всѣ трое, ребенокъ и собака, видимо, отъ души наслаждались обществомъ другъ друга; трудно было бы найти болѣе довольную и счастливую группу.

— Сэръ Уильфридъ!

Удивленная герцогиня вскочила, и въ одинъ мигъ, къ огорченію

сэръ Уильфрида, очаровательная сценка распалась. Дѣвочка сѣла на полъ, съ трудомъ оберегая себя и сухарикъ отъ дикихъ прыжковъ собаки. Делафильдъ вмигъ принялъ обычный безстрастный видъ. Mademoiselle Ле-Бретонъ встала изъ-за рояля.

— Нѣтъ, нѣтъ!—умоляюще воскликнулъ сэръ Уильфридъ, протягивая руку, чтобы остановить ее.—Какъ это нехорошо съ вашей стороны! Продолжайте!

— О! мы здѣсь дурачились съ бэби, — сказала герцогиня. — Ей давно пора въ дѣтскую. Садитесь сэръ Уильфридъ. Жюли, вы сами снесете бэби, или мнѣ позвонить м-рсу Робсонъ?

— Я снесу ее.

Mademoiselle Ле-Бретонъ опустилаcь на колѣни передъ дѣвочкой. Та живо вскочила, подобрала свое платье, смѣясь, но пугливо оглянувшись черезъ плечо на собаку, и однимъ прыжкомъ очутилась въ объятіяхъ mademoiselle Жюли. Затѣмъ, взвизгнувъ отъ восторга, подобрала свои ножки, чтобы шпигъ не могъ ихъ достать, вся дрожа отъ радости и лукавства, прижалась бѣлокурой головкой къ плечу mademoiselle Жюли, и та ее унесла.

Сэръ Уильфридъ, со шляпой въ рукѣ, постоялъ немного, глядя имъ вслѣдъ. Онъ только сейчасъ вспомнилъ, что Лэкинтонъ и семья герцогини были въ родствѣ между собой. Онъ какъ-то притихъ и молча сидѣлъ возлѣ хозяйки, пока та заваривала для него свѣжій чай. Но лишь только дверь слѣдующей гостиной затворилась за mademoiselle Жюли, какъ герцогиня съ живостью повернулась къ нему.

— Ну что, очевидно, тетя Флора уже нажаловалась вамъ.

Сэръ Уильфридъ поставилъ на столъ уже поднесенную къ губамъ чашку чаю и посмотрѣлъ сначала на герцогиню, потомъ на Джэкоба Делафильда.

— О! Джэкобу все извѣстно,—поспѣшила успокоить его герцогиня. — Здѣсь главная квартира Жюли; мы составляемъ ея штабъ. Вы же пришли отъ непріятеля!

Сэръ Уильфридъ вынулъ изъ кармана бѣлый фуляръ и махнулъ имъ.

— Вотъ мой мирный флагъ. Прошу обращаться со мной хорошо.

— Мы сами рады начать съ вами переговоры,—засмѣялась герцогиня.—Не правда ли, Джэкобъ?

И придвинулась къ нему ближе.

— Что вамъ говорила тетя Флора?

Сэръ Уильфридъ медлилъ отвѣтомъ и, казалось, изучалъ свои сапоги. Въ этой позѣ, съ его свѣтлыми, почти сѣдыми волосами, тщательно раздѣленными проборомъ посрединѣ надъ гладкимъ добродушнымъ лбомъ, онъ казался совсѣмъ ручнымъ и смиреннымъ. Но Джэкобъ Делафильдъ издавна зналъ его.

— Не думаю, чтобы вы поступали правильно,—сказалъ, наконецъ,

сэръ Уильфридъ, подымая глаза на герцогиню.—Я здѣсь пришлый человекъ, это мнѣ должно быть предоставлено право задавать вопросы.

— Пожалуйста,—сказала герцогиня, опершись подбородкомъ на руку.—Мы съ Джэкобомъ расскажемъ вамъ все, что знаемъ.

Делафильдъ подтвердилъ это кивкомъ головы. Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ на одного, потомъ на другую и поспѣшилъ напомнить себѣ, что они росли вмѣстѣ и съ колыбели были друзьями или могли быть.

— Ну-съ, прежде всего,—началъ онъ, не спѣша,—я пораженъ удивленіемъ при видѣ того, какъ быстро все дѣлаетъ mademoiselle Ле-Бретонъ. Полтора часа тому назадъ,—онъ посмотрѣлъ на часы,—леди Генри при мнѣ надавала ей столько порученій, что обыкновенному смертному хватило бы на полдня.

Герцогиня захлопала въ ладоши и весело сказала:

— Эти порученія исполняетъ теперь за нее моя горничная. Черезъ часъ она вернется. Къ тому времени, какъ Жюли возвратится домой, все будетъ сдѣлано, а я проведу около двухъ часовъ въ ея восхитительномъ обществѣ. Что тутъ дурного?

— А гдѣ же собаки?—спросилъ, озираясь, сэръ Уильфридъ?

— Собаки тети Флоры? Въ комнатѣ экономки объѣдаются бисквитами... Онѣ обожаютъ нашу экономку.

— И леди Генри освѣдомлена объ этомъ раздѣленіи труда?—съ улыбкой продолжалъ допрашивать сэръ Уильфридъ.

— Конечно, нѣтъ,—краснѣя, созналась герцогиня.—Но вѣдь она дѣлаетъ жизнь Жюли невозможной: надо же какъ-нибудь поправлять это. Что такое тетя Флора наговорила вамъ? Мы были увѣрены, что она призоветъ васъ на совѣтъ, она ужъ давно намекала. По всей вѣроятности, она наговорила вамъ, что Жюли интригуетъ противъ нея, много себѣ позволяетъ, ссорить ее съ ея друзьями и т. д., и т. д.?

Сэръ Уильфридъ, улыбаясь, подалъ ей свою чашку и попросилъ еще чаю.

— Прошу замѣтить,—сказалъ онъ,—что до сихъ поръ я успѣлъ задать только два вопроса. Если вы хотите, чтобы шансы были совершенно равны, за мной остается право, по крайней мѣрѣ, еще на четыре.

Герцогиня отодвинулась, смущенная и нѣсколько раздосадованная. Зато Джэкобъ Делафильдъ наклонился къ нему и сказалъ спокойно, но съ удареніемъ:

— Мы сами жаждемъ, сэръ Уильфридъ, сообщить вамъ все, что намъ извѣстно.

Сэръ Уильфридъ взглянулъ на него. Въ глазахъ молодого человека горѣлъ огонь, ясный и ровный, но все же огонь. Сэръ Уильфридъ помнилъ его юношей, лѣнивымъ, немного соней; теперь въ его лицѣ прибавилось много больше выраженія, значительности, силы; это само по себѣ говорило много.

— Во-первыхъ, можете ли вы сообщить мнѣ исторію происхожденія этой леди?

Герцогиня и Джэкобъ Делафилдъ переглянулись. Затѣмъ герцогиня выговорила неувѣренно:

— Да, мы знаемъ... Она довѣрилась намъ. Въ этомъ нѣтъ ничего дискредитирующаго ее...

Выраженіе лица сэръ Уильфрида измѣнилось.

— А! вы то же знаете?—воскликнула герцогиня.

— Я зналъ ея отца и мать,—просто сказалъ сэръ Уильфридъ.

Герцогиня вздохнула съ облегченіемъ. Джэкобъ Делафилдъ всталъ, прошелся по комнатѣ и вернулся къ сэръ Уильфриду.

— Теперь мы можемъ говорить откровенно. Положеніе очень трудное, и мы—Эвелина и я—не знали, имѣемъ ли мы право разъяснять его. Но разъ леди Генри...

— О, да, насчетъ этого можете не беспокоиться. Фактъ родства *mademoiselle* Ле-Бретонъ...

— Да вѣдь въ этомъ-то родствѣ и все дѣло! Къ нему-то тетя Флора и ревнуетъ!—съ негодованіемъ воскликнула герцогиня.—О, она такая тиранка, эта тетя Флора! Именно потому, что Жюли принадлежитъ къ тому же кругу, что и она, что и всѣ мы, по крови, что бы тамъ ни говорилъ законъ, она и видитъ въ ней соперницу и мучаетъ ее съ утра до ночи. Я вамъ говорю, сэръ Уильфридъ, что вынесла эта бѣдная дѣвушка, этого никто и представить себѣ не можетъ, кромѣ насъ, потому что все это происходило на нашихъ глазахъ. За послѣдніе три года леди Генри обязана ей всѣмъ—прямо-таки всѣмъ! Что бы съ ней было, еслибъ не Жюли? Она говоритъ, что Жюли обманываетъ ее, старается ее выгнать, отбиваетъ у нея друзей—и всякій вздоръ въ томъ же родѣ! Желала бы я знать, какъ бы это она одна держала салонъ, слѣпая старуха, которая даже не въ состояніи сама написать приглашеніе или узнать кого-нибудь въ лицо? Сначала леди Генри все свалила на Жюли, гордилась ея умомъ, всячески выдвигала ее; а потомъ, когда оказалось, что Жюли имѣетъ большой успѣхъ, что въ Брутонъ-стритъ начинаютъ бывать столько же ради нея, сколько ради леди Генри, тогда леди Генри обратилась противъ нея, жалуется на нее всѣмъ и каждому, толкуетъ объ'измѣнѣ и вѣроломствѣ и обращается съ Жюли невозможно, прямо топчетъ ее ногами! Развѣ Жюли можетъ не быть умной и привлекательной, когда она умна и привлекательна? еще вчера м-ръ Монтрезоръ говорилъ мнѣ: «Стоитъ этой женщинѣ войти въ комнату, гдѣ я сижу, чтобы я сразу пришелъ въ хорошее расположеніе духа!» А почему? Потому что она никогда не думаетъ о себѣ, но всегда старается выставить въ наилучшемъ свѣтѣ другого. И чтобы леди Генри такъ съ ней обращалась!—Герцогиня съ негодованіемъ развела руками.—Вопросъ, конечно, въ томъ, можетъ ли это продолжаться.

— Я не увѣренъ,—нерѣшительно началъ сэръ Уильфридъ,—чтобы леди Генри желала бы немедленно положить конецъ такому положенію вещей.

Делафилдъ злобно засмѣялся.

— Дѣло не въ ней, а въ томъ, можетъ ли mademoiselle Жюли и ея друзья дольше мириться съ нимъ.

— Видите ли вы,—съ жаромъ заговорила герцогиня.—Жюли такое преданное, любящее созданіе. Она помнитъ, что леди Генри вначалѣ была добра къ ней, дала ей возможность выдвинуться, а теперь она старѣется, хвораетъ... Жюли ужасно жалѣетъ ее. Она не хочетъ бросить ее одну, на произволъ слугъ...

— Насколько я понимаю, слуги также преданы mademoiselle Жюли?—спросилъ сэръ Уильфридъ.

— Да; леди Генри и въ этомъ видитъ для себя обиду?—презрительно вставилъ Делафилдъ.—А какъ же имъ не любить ея? Когда у дворцоваго ребеночка былъ боленъ, та же mademoiselle Жюли навѣщала его въ больницѣ, носила ему цвѣты и винограды...

— Изъ оранжерей леди Генри?

— Ну такъ что же? У леди Генри столько всего этого, что она не знаетъ, куда дѣвать. Да вѣдь и не въ одномъ же виноградѣ дѣло! Тутъ важна трата времени, забота, вниманіе. Затѣмъ, когда младшій выѣздною задумалъ выселиться въ Америку, кто же, какъ не mademoiselle Жюли помогъ ему? Она нашла ему мѣсто, выпросила для него у м-ра Монтрезора рекомендательное письмо къ его американскимъ друзьямъ, и, разумѣется, малый теперь преданъ ей на всю жизнь. Желалъ бы я знать, когда это леди Генри дѣлала что-нибудь подобное? Само собой, слуги любятъ mademoiselle, и она этого заслуживаетъ.

— Я вижу, вижу,—сказалъ сэръ Уильфридъ, слегка кивая головой и не отводя глазъ отъ ковра,—эта молодая дѣвица очень сообразительна, умѣетъ попасть въ самую точку.

Делафилдъ кинулъ ему недовольный и слегка недоумѣвающий взглядъ.

— Развѣ въ этомъ есть что-нибудь дурное?—спросилъ онъ почти рѣзко.

— О, ничего, ничего!—послѣшилъ завѣрить сэръ Уильфридъ.—Но скажите, пожалуйста, почему леди Генри все говоритъ объ интригахъ? Всегда ли mademoiselle дѣйствовала въ отношеніи ея открыто и прямо?

— Послушайте,—повела плечиками герцогиня,—развѣ съ такой старой тиранкой можно дѣйствовать совершенно открыто и прямо? Съ ней поневолѣ приходится хитрить. Въ послѣднее время, чтобы быть увѣренной, что весь день Жюли принадлежитъ ей, она наваливаетъ на нее такую кучу работы, что, еслибъ не я, бѣдной дѣвушкѣ некогда было бы вздохнуть, не говорю ужъ—развлекъся. Прошлымъ лѣтомъ

вышла цѣлая исторія изъ-за того, что Жюли во время вакацій, когда леди Генри думала, что она въ Парижѣ, у школьной подружки, на самомъ дѣлѣ прогостила недѣлку у Дѣнкомовъ—это замужняя племянница леди Генри—у нихъ помѣстье въ Кентѣ. Дѣнкомы познакомились съ нею, конечно, у той же леди Генри, потомъ встрѣтили ее въ Луврѣ, узнали ближе, пришли въ восторгъ отъ нея и стали упрямивать, чтобъ она заѣхала къ нимъ на обратномъ пути—ихъ помѣстье возлѣ Кэнтербѣри. Они съ Жюли рѣшили, что лучше не говорить объ этомъ леди Генри—она такъ нелѣпо ревнива, но потомъ это какъ-то вышло наружу, и леди Генри разсвирипѣла.

— Я долженъ замѣтить,—поспѣшно вставилъ Делафилдъ,—что, по моему, въ данномъ случаѣ лучше было дѣйствовать открыто; я и тогда это говорилъ.

— Можетъ быть,—неохотно согласилась герцогиня и опять повела плечами.—Но что же дѣлать теперь? Леди Генри должна измѣнить свое обращеніе, иначе Жюли не можетъ и не должна оставаться у нея. У Жюли много приверженцевъ, не правда ли, Джэкобъ? Они не позволятъ замучить ее до смерти.

— Конечно, нѣтъ. И въ то-же время,—Делафилдъ повернулся къ старому дипломату,—всѣ мы видимъ и понимаемъ выгоды настоящей комбинаціи. Гдѣ найдетъ леди Генри другую такую особу, какъ mademoiselle Ле-Бретонъ, которая бы сумѣла такъ поставить ее домъ и ея салонъ. За послѣдніе два года ея пятницы были самыя удачныя и блестящія въ Лондонѣ. А для mademoiselle Ле-Бретонъ, разумѣется, много значить покровительство леди Генри...

— Много?—воскликнулъ сэръ Уильфридъ.—Все, милый мой Джэкобъ!

— Н-не знаю,—протянулъ Делафилдъ.—Быть можетъ, это покупается слишкомъ дорогою цѣной.

Сэръ Уильфридъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на него. Онъ зналъ Джэкоба Делафилда ребенкомъ, зналъ школьникомъ, зналъ студентомъ—всегда, несмотря на свою обычную безпечность и лѣнь, юноша глубоко возмущался несправедливостію и притѣсненіемъ, въ каждый данный моментъ его легко было поднять на защиту обиженнаго. Что руководить имъ теперь? Завербовала ли его герцогиня и онъ просто вступился за слабого, потому что это въ его натурѣ? Или же...

— Само собой, мы должны приложить всѣ старанія, чтобы уладить дѣло,—помолчавъ, замѣтилъ сэръ Уильфридъ.—Быть можетъ, mademoiselle Ле-Бретонъ разрѣшитъ мнѣ при случаѣ вставить за нее словечко. Думаю, что я еще имѣю нѣкоторое вліяніе на леди Генри. Но только, милая моя крестница,—онъ положилъ свою руку на руку герцогини,—не посылайте вы вашу горничную исполнять порученія.

— Но вѣдь это необходимо! Подумайте только: 16-го открывается мой базаръ. Я прямо не могу обойтись безъ Жюли. Вы не знаете, какая она мастерица все это устраивать. Я непремѣнно хочу, чтобъ

она декламировала. Она такъ великолѣпно говорить по-французски! И потому она такая умница, такая изобрѣтательная! У нея все идетъ, какъ по маслу, стоитъ ей взяться за дѣло. Но если я зайнусь объ этомъ тетѣ Флорѣ, она станетъ бросать намъ палки въ колеса. Ей нестерпима мысль, что Жюли можетъ имѣть успѣхъ и быть на виду. Ужъ безъ этого не обойдется!

— И все-таки, Эвелина,—вмѣшался Делафилдъ, видимо, опять чувствуя себя неловко,—я полагаю лучше сказать леди Генри.

— Ну тогда и отложите попеченіе: все-равно ничего не выйдетъ!—капризно воскликнула герцогиня и отвернулась.

Делафилдъ, шагая изъ угла въ уголъ, вдругъ поднялъ руку, какъ бы предостерегая. Въ сосѣднюю комнату вошла *mademoiselle* Ле-Бретонъ.

— Жюли! Идите сюда!—Герцогиня вскочила и побѣжала ей навстрѣчу.—Джэкобъ такой гадкій!.. Онъ говоритъ, что намъ лучше сказать леди Генри относительно 16-го.

Молодая женщина обняла рукой за талію *mademoiselle* Ле-Бретонъ и, наморщивъ лобикъ, озабоченно смотрѣла на нее. Эти двѣ женщины—одна хрупкая, хорошенькая, нервно подвижная, съ пышной прической и платьемъ, другая смуглая, стройная, сильная, вся съ ногъ до головы въ черномъ—представляли между собою рѣзкій контрастъ.

Пока герцогиня говорила, Жюли, улыбаясь, смотрѣла на Джэкоба Делафилда.

— Я въ вашей власти,—сказала она кротко.—Само собой, я не желаю ничего скрывать отъ леди Генри. Пожалуйста, рѣшите за меня.

Вокругъ рта сэръ Уильфрида легла насмѣшливая складка. Онъ отвернулся и началъ играть разрѣзнымъ ножичкомъ.

— Жюли,—нерѣшительно заговорила герцогиня,—надѣюсь, вы не разсердитесь—мы тутъ немного посовѣтовались съ сэръ Уильфридомъ. Я была увѣрена, что тетя Флора говорила ему...

— Разумѣется. Я сама была въ этомъ увѣрена.

Жюли слегка выпрямила станъ и посмотрѣла на сэръ Уильфрида. Она говорила спокойно, но каждое ея движеніе было какъ-то особенно интересно и значительно. Сила характера давала себя знать и подъ маской покоя.

Сэръ Уильфридъ противъ воли началъ оправдываться:

— Видите-ли, *mademoiselle*, со стороны леди Генри было естественно довѣриться мнѣ. Она, вѣроятно, говорила вамъ, что я нѣсколько лѣтъ былъ ея повѣреннымъ и опекуномъ надъ ея имуществомъ. Въ силу этого, ей приходилось совѣтоваться со мной о многомъ. И, насколько я могу судить, изъ ея словъ и изъ того, что говоритъ герцогиня, ясно, что для нея, при ея теперешнемъ безпомощномъ состояніи, всего вѣрнѣе сохранить свои отношенія съ вами.

Онъ говорилъ серьезно и ласково; насмѣшливыя складки на его

гладко выбритомъ и хорошо выдрессированномъ лицѣ совсѣмъ исчезли. Жюли Ле-Бретонъ съ достоинствомъ отвѣтила:

— Да, для нея они важны. Но боюсь, что въ такомъ видѣ они не могутъ продолжаться.

Наступила пауза. Затѣмъ сэръ Уильфридъ подошелъ къ *mademoiselle*.

— Я слышалъ, что вы собираетесь домой? Вы мнѣ позволите проводить васъ?

— Конечно.

Герцогиня, огорченная тѣмъ оборотомъ, какой приняло дѣло,—теперь у нея было мало надежды на успѣхъ базара,—напрасно возста-вала противъ такого внезапнаго ухода. Жюли закуталась въ свою мѣховую накидку, причемъ сэръ Уильфридъ, знатокъ въ этихъ вещахъ, сразу замѣтилъ, что мѣхъ красивый и дорогой, и стала про-щаться. Оставила ли она свою руку дольше, чѣмъ слѣдуетъ, въ рукѣ Джэкоба Делафильда? Выражалось ли во взглядѣ молодого человѣка нѣчто большее, чѣмъ готовность, помощь и поддержка, какой, по спра-ведливости, заслуживаетъ угнетенный?

Сэръ Уильфридъ не былъ увѣренъ ни въ томъ, ни въ другомъ.

Когда они вышли на поблѣвпшій отъ инея, ярко освѣщенный Грос-веноръ-скверъ, Жюли Ле-Бретонъ повернулась къ своему спутнику.

— Вы знали мою мать и отца. Я помню, вы пріѣзжали къ намъ.

Что такое было въ ея голосѣ — въ этомъ красивомъ, звучномъ го-лосѣ? Онъ звучалъ твердо, но въ немъ какъ-то чувствовалась близость волненія, что всему придавало драматическую окраску.

— Да, да,—повторялъ онъ нѣсколько смущенно.—Я хорошо зналъ ее—еще дѣвочкой зналъ на школьной скамьѣ... Бѣдная леди Роза!

Его спутница неожиданно остановилась, и голосъ ея, когда она за-говорила, звучалъ нѣсколько хрипло.

— Если вы были другомъ моей матери, вы меня выслушаете терпѣ-ливо, хотя вы и повѣренный леди Генри.

— Разумѣется!—воскликнулъ сэръ Уильфридъ, и они пошли дальше.

Г л а в а IV.

— Но прежде всего, — сказала *mademoiselle* Ле-Бретонъ, не безъ досады глядя на чету террьеровъ, съ лаемъ прыгавшихъ вокругъ нея, — надо отвести домой собакъ; при нихъ никакой разговоръ невоз-моженъ.

— У васъ всѣ дѣла уже сдѣланы?

Его спутница улыбнулась.

— Все, что нужно леди Генри, находится здѣсь.—Она указала на сумку, висѣвшую у нея на рукѣ и на глазахъ сэръ Уильфрида пере-данную ей въ hall'ѣ, послѣ какихъ-то таинственныхъ переговоровъ по-

потомъ, элегантно одѣтою молодою женщиной, безъ сомнѣнія, горничной герцогини.

— Позвольте, я буду нести.

Mademoiselle Ле-Бретонъ придержала мѣшокъ.

— Очень вамъ благодарна, но такія вещи меня нисколько не смущаютъ.

Они ускорили шагъ. При собакахъ, дѣйствительно, разговоръ былъ невозможенъ. Когда ихъ вели на цѣпочкѣ, они все время воевали съ тѣмъ, кто ихъ велъ. Когда ихъ спускали, онѣ не пропускали ни одного пожилого джентльмена и ни одного мальчишки разсыльного.

— Вы всегда сами водите ихъ гулять?—спросилъ сэръ Уильфридъ, когда онъ и его спутница раскраснѣлись и выбились изъ силъ.

— Всегда.

— Вы любите собакъ?

— Любила прежде. Можетъ быть, опять когда-нибудь буду любить.

— А я такъ желалъ бы, чтобъ у нихъ у всѣхъ была одна только шея! — ирочно выговорилъ сэръ Уильфридъ, только что извлекшій Макса, старшаго изъ терьеровъ, изъ телѣжки съ пирожками, въ которой владѣлецъ, по оплошности, оставилъ дверцы открытыми, заболтавшись въ сосѣдней кухнѣ. Тѣмъ временемъ mademoiselle Жюли вошла въ Нерономъ, младшимъ, нырнувшимъ въ самую глубь необыкновенно вонючаго мусорнаго ведра, стоявшаго у входа въ больницу.

— Неужели же вы всегда производите на лондонскихъ улицахъ такую кутерьму? — недовѣрчиво спросилъ еще разъ сэръ Уильфридъ, когда они, наконецъ, благополучно сдали собакъ лакею у подъѣзда леди Генри.

— Два раза въ день, утромъ и вечеромъ, — усмѣхнулась mademoiselle Жюли. И обратилась къ лакею: — Передайте, пожалуйста, леди Генри, что я буду дома черезъ полчаса.

Они свернули въ западную часть города, гдѣ на улицахъ было свѣтло и людно. Сэръ Уильфридъ скоро замѣтилъ, что среди красивыхъ и хорошо одѣтыхъ женщинъ, то и дѣло попадавшихся имъ навстрѣчу, его спутница болѣе чѣмъ не терялась. Теперь она напоминала ему не столько свою мать, сколько отца. Сэръ Уильфридъ впервые познакомился съ Мариоттомъ Дальримплемъ въ Дамаскѣ, когда тотъ, двадцати шести лѣтъ отъ роду, только начиналъ рядъ своихъ знаменитыхъ путешествій по Востоку, прославившихъ его имя. Это былъ блестящій молодой человѣкъ; отъ него вѣяло несокрушимой силой, съ которой все легко, презрѣниемъ къ посредственности, неспособностью подчиняться...

— Я бы желала, чтобъ вы замѣтили себя, — начала Жюли, — что я вошла въ домъ леди Генри, исполненная самыхъ лучшихъ намереній.

— Я въ этомъ увѣренъ, — сказалъ сэръ Уильфридъ, отрываясь мыслями отъ Дамаска. — И вамъ, должно быть, предстояла очень трудная задача.

Mademoiselle Ле-Бретонъ пожала плечами. — Разумѣется, я знала заранѣе, что мнѣ будетъ трудно. И что касается разныхъ непріятностей — собакъ и тому подобное, — это бы еще не бѣда; съ этимъ я охотно готова мириться. Но я не могу допустить, чтобы меня унижали въ присутствіи тѣхъ, которые сдѣлались моими друзьями только потому, что леди Генри сама этого добивалась!

— Леди Генри вначалѣ вполне довѣряла вамъ.

— Черезъ два мѣсяца она уже все сдала мнѣ на руки — домъ, хозяйство, приемы, корреспонденцію, такъ сказать, почти всю свою общественную жизнь. Она повѣряла мнѣ всѣ свои тайны («ну ужъ это-то нѣтъ, голубушка! Это едва-ли!» подумалъ сэръ Уильфريدъ); она обращалась къ моей помощи во всѣхъ своихъ дѣлахъ. И, по совѣсти скажу: я дѣлала все, что могла, чтобы облегчить ея жизнь.

— Такъ я понялъ и изъ ея словъ.

— Такъ почему-же, — съ внезапной страстью въ голосъ воскликнула, повернувшись къ нему, mademoiselle Ле Бретонъ, — почему леди Генри не можетъ оставить меня въ покоѣ? Развѣ преданность и... и тѣ качества, которыя ей требовались во мнѣ, встрѣчаются такъ ужъ часто? Я сказала себѣ, что хоть она и слѣпа, и безпомощна, отъ этого она ничего не должна терять. Не только хозяйство и дѣла ея должны идти такъ же хорошо, какъ прежде, но и салонъ ея сохранить прежнюю привлекательность, и ея пятницы будутъ попрежнему блестящи. Свѣтъ готовъ былъ покинуть ее. Я помогла ей вернуть его обратно. Она не можетъ жить безъ общества, безъ успѣха, а теперь она меня ненавидитъ за то, что я сдѣлала. Развѣ это справедливо! Развѣ это разумно?

— По всей вѣроятности, она чувствуетъ, что успѣхомъ ея салонъ обязанъ теперь уже не ей.

— Да, такъ она говоритъ. Но, пожалуйста, вдумайтесь хорошенько въ эти слова. У нея собираются гости — что же мнѣ пойти спать и оставить ее съ ними одну? Я не разъ это предлагала, но, разумѣется, это невозможно. А разъ уже мнѣ необходимо быть тамъ, должна же я, мнѣ кажется, держать себя, какъ леди, а не какъ горничная. Право, леди Генри требуетъ слишкомъ многого! Въ маленькой квартиркѣ моей матери въ Брюггѣ, гдѣ у насъ бывали всего два-три человека, я привыкла къ такому же хорошему обществу и болтовнѣ, не менѣе блестящей, чѣмъ та, какую слыхала на своемъ вѣку леди Генри!

Они проходили мимо электрическаго фонаря, и сэръ Уильфريدъ, поднявъ глаза, былъ и взволнованъ, и нѣсколько непріятно пораженъ выраженіемъ лица своей собесѣдницы. Когда это видано, чтобы компаньонка, живущая на жалованьи, позволяла себѣ такъ говорить! Онъ снова почувствовалъ приливъ симпатіи къ леди Генри! ~

— Неужели же у леди Генри такъ-таки нѣтъ ровно никакихъ причинъ быть недовольной? — сухо ват спросилъ онъ.

Mademoiselle Ле-Бретонъ не сразу отвѣтила.

— Я не хочу выставить себя святой,—сказала она, наконецъ, со-
всѣмъ другимъ тономъ, смиреннымъ, но въ этомъ смиреніи было не
меньше гордости, чѣмъ въ ея прежнихъ самоувѣренныхъ отвѣтахъ. —
Я... я выросла въ бѣдности... мать моя умерла, когда мнѣ было всего
пятнадцать лѣтъ. Мнѣ приходилось защищаться, какъ защищаются
бѣдняки — при помощи молчанія. Я выучилась не говорить о томъ,
что касается меня лично. Я не могла позволить себѣ быть искренной —
какъ богатая англійскія дѣвушки. Больше скажу — иногда я скрываетъ
тамъ, гдѣ лучше было говорить и дѣйствовать открыто, конечно,
только въ пустякахъ, и если бы леди Генри отнеслась снисходительнѣе...

Голосъ ея дрогнулъ, и это, видимо, было ей непріятно. Они сдѣ-
лали нѣсколько шаговъ молча.

— «Только въ пустякахъ?» спрашивалъ себя сэръ Уильфридъ.

Уста ихъ молчали, но умы какъ бы продолжали бесѣдовать между
собой, потому что нѣкоторое время спустя Жюли Ле-Бретонъ безъ вся-
кихъ вступленій сказала:

— Разумѣется, я говорю только о тѣхъ случаяхъ, когда леди Генри
имѣла нѣкоторое право знать, какъ я поступила или намѣрена посту-
пить. Что касается до моихъ мыслей и чувствъ, леди Генри не имѣетъ
никакихъ правъ на мое довѣріе.

«Это предупрежденіе, молъ, примите къ свѣдѣнію!» — подумалъ
сэръ Уильфридъ, а въ слухъ сказалъ:

— Насколько я понялъ, тутъ дѣло не въ мысляхъ и чувствахъ, а
въ поступкахъ.

— Въ родѣ визита къ Денкомамъ? — нетерпѣливо перебила *mademoi-
selle* Ле-Бретонъ — О! тутъ я вполне признаю себя виноватой, — и та-
кихъ примѣровъ леди Генри могла бы привести нѣсколько. Видите-ли —
она сама помогла мнѣ приобрести друзей, и потому только, что это ей
непріятно, я должна со всѣми порвать. Но она забываетъ объ одномъ.
Друзья слишкомъ, слишкомъ новы для меня — слишкомъ дороги...

Голосъ опять измѣнилъ ей. Какъ онъ вздрагивалъ и проникалъ въ
душу. Сэръ Уильфридъ, самъ того не сознавая, жадно прислушивался
къ каждому слову.

— Нѣтъ, — продолжала дѣвушка. — Если вопросъ будетъ поставленъ
такъ: или отказаться отъ друзей, которыхъ я приобрѣла въ ея домѣ,
или уйти — я уйду. Это лучше выяснитъ сразу.

Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы мнѣ позволите предложить вамъ одинъ вопросъ, *mademoiselle*.

— Конечно. Сколько хотите.

— Пытали ли вы, питаете ли вы теперь хоть нѣкоторую симпатію
къ леди Генри?

— Симпатію? Я могла бы страшно привязаться къ ней. Леди
Генри чрезвычайно интересная женщина. Видѣть изо дня въ день, какъ
она борется съ своими недугами — это прямо великолѣпно.

Ничего не могло быть пріятнѣе модуляціи ея голоса при этихъ словахъ — перехода отъ первой удивленной ноты къ серьезному и женственно-нѣжному окончанію. И опять въ нихъ прозвучало затаенное и рвущееся наружу чувство. Нарождавшееся въ душѣ сэръ Уильфрида чувство антипатіи къ ней нѣсколько смягчилось.

— Все-таки, — началъ онъ мягко, — надо быть снисходительной. Надо же принять въ расчетъ старость и слабость...

— О! что касается этого, вы не можете сказать мнѣ ничего такого, чего бы я сама постоянно не говорила сама себѣ! — вырвалось у нея почти рѣзко. — Но есть вещи, которыя... иногда ея раздражительность становится не только мучительной для меня, но и унижительной для нея самой... О! Еслибъ вы только знали!.. — дѣвушка съ негодованіемъ перевела духъ. — Мнѣ трудно даже заставить себя говорить о такихъ *misèges*. Но вѣдь ее все раздражаетъ — она ко всему ревнуетъ. Ей обидно, что я заказала себѣ новое платье, что м-ръ Монтрезоръ прислалъ мнѣ билетъ на право входа въ палату общинъ, что Эвелина Кроуборо сдѣлала мнѣ подарокъ къ Рождеству... она на все обижается. Давеча на Рождество Эвелина подарила мнѣ этотъ мѣхъ, — она единственный человѣкъ въ Лондонѣ, отъ котораго я могу принять хоть фартингъ, или вещь стоимостью въ одинъ фартингъ...

Она умолкла и неожиданно задала ему вопросъ:

— Какъ вы думаете, почему я взяла отъ нея подарокъ?

— Она вамъ родственница, — спокойно сказалъ сэръ Уильфридъ.

— А вы это знали! Ну такъ вотъ, — почему же Эвелинѣ не быть доброй ко мнѣ, хотя я — то, что есть! Я напомнила объ этомъ леди Генри, но она считаетъ меня чѣмъ-то въ родѣ приживалки, которая льнетъ къ герцогинѣ, чтобы получать подарки выше своего положенія. Она мнѣ наговорила такихъ вещей, которыя трудно забыть, я промолчала, но не перестала носить мѣхъ.

Какъ властно повела она худенькими плечами подъ ниспадавшими съ нихъ складками шеншиля! Мѣховая накидка получила символическое значеніе знамени, которое ни на минуту нельзя выпускать изъ рукъ.

— Я никогда не отвѣчала ей — понимаете? — никогда! — продолжала она торопливо. — Вы видѣли сегодня, какъ леди Генри отдаетъ мнѣ приказанія. Ни съ одной служанкой въ домѣ она не посмѣла бы говорить такимъ тономъ. Развѣ я обидѣлась?

— Вы выказали большую выдержку и снисходительность, я восхищался вами.

— Ахъ, какая тутъ выдержка! Я боюсь, что вы меня не поймете. Во всей этой исторіи самое странное то, что я боюсь леди Генри — до смерти боюсь; когда она говоритъ со мной, я чувствую себя, какъ ребенокъ, который закрываетъ лицо руками, чтобы избѣжать удара. Я инстинктивно не то что повинуюсь, но готова ползать у ней въ ногахъ. Еслибъ

вы провели свою юность, какъ я; еслибъ вы существовали, учились, веселились только изъ милости; еслибъ вамъ приходилось какъ-нибудь поддерживать свое достоинство передъ другими дѣвушками, у которыхъ была семья, деньги, друзья, ния, все—тогда какъ у васъ...

Она вдругъ смолкла, нагѣренно остановилась, прежде чѣмъ у нея оборвался голосъ. Сэръ Уильфриду было неловко отъ сознанія, что онъ не можетъ выказать ей надлежащаго сочувствія, котораго, казалось, требовало все ея существо. Но она тотчасъ оправилась.

— Я думаю, мнѣ лучше описать вамъ вкратцѣ нашу жизнь за послѣдніе полгода,—сказала она, повернувшись къ нему,—разумѣется съ моей точки зрѣнія. Но вѣдь вы уже выслушали леди Генри.

И она очень сдержанно изложила ему главные ссоры и недоразумѣнія, отравлявшія жизнь въ Брутонъ-стритъ въ указанный ею періодъ времени. Это была непріятная исторія, и Жюли, очевидно, рассказывала еѣ съ отвращеніемъ. Въ ея тонѣ была нотка оскорбленной деликатности—словно у человѣка, забрызганнаго грязью противъ его воли.

Трудно было сказать что-нибудь въ защиту леди Генри. Все это дѣйствительно выходило «гнусно». Двѣ женщины, обѣ умныя, образованныя, разныхъ лѣтъ, прикованныя другъ къ другу, вздорили изъ-за каждаго пустяка; старшая жестоко ревновала къ успѣху въ обществѣ своей компаньонки, который казался ей оскорбленіемъ ея знатному роду и бывшему вліянію въ свѣтѣ, младшая защищалась, сначала льстя и покоряясь, затѣмъ, когда убѣдилась, что безнадежно, пуская въ ходъ всю свою ловкость и знаніе свѣта, что, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, весьма походило на интриги; изъ этихъ элементовъ складывалось положеніе нестерпимое для обѣихъ, и по мѣрѣ того, какъ Жюли рассказывала, сэръ Уильфридъ сознавался себѣ, что найти выходъ изъ этого положенія трудно. Онъ самъ не зналъ, на чьей сторонѣ его симпатія.

— Нѣтъ! Я и то была слишкомъ уступчива!—съ грустью закончила свой рассказъ mademoiselle Ле-Бретонъ.—Мнѣ стыдно вспомнить, что я терпѣла. Но теперь дѣло зашло слишкомъ далеко. Надо что-нибудь предпринять. Если я уйду—леди Генри придется трудно.

Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ на свою спутницу.

— Леди Генри сама хорошо это знаетъ.

— Да, — былъ спокойный отвѣтъ, — знаетъ, но не представляетъ себѣ ясно, какъ это будетъ. Видите ли, если, дойдеть до разрыва она не потерпитъ погумѣръ. Тѣмъ, кто приметъ мою сторону, придется поссориться съ ней. А за меня будутъ многіе.

Сэръ Уильфридъ непріязненно усмѣхнулся.—Вы, очевидно, все это хорошо обдумали.

Mademoiselle Ле-Бретонъ не отвѣтила. Нѣсколько минутъ они шли молча. Вдругъ она начала, такъ неожиданно и такъ тихо, что сэръ Уильфридъ даже вздрогнулъ:

— Если бы леди Генри могла когда-нибудь почувствовать, что она унизила меня, что я сознаю себя въ ея власти. Но этого она никогда не могла добиться. Она знаетъ, что я считаю себя ничуть не ниже ея по происхожденію, что я не стыжусь своихъ родителей, что мои принципы позволяютъ мнѣ имѣть собственное мнѣніе о такихъ вещахъ...

— Ваши принципы?—пробормоталъ сэръ Уильфридъ.

— Вы правы!—Она вдругъ повернулась къ нему, съ виду спокойная, но съ затаенной страстью въ голосѣ.—Мнѣ волей-неволей пришлось все обдумать! Я знаю, конечно, что свѣтъ думаетъ заодно съ леди Генри. А потому я должна жить безъ имени, безъ родныхъ и держать языкъ за зубами. Еслибъ свѣтъ зналъ, онъ бы считалъ, что я не смѣю въ глаза никому взглянуть. А я смѣю! Я такъ же горжусь моей матерью, какъ и моимъ отцомъ. Я боготворю память обихъ! Этого рода условности въ моихъ глазахъ—ничто!..

— Милая моя барышня!

— О! Я не жду сочувствія ни отъ васъ и ни отъ кого!—усмѣхнулась она, и въ ея голосѣ, какъ ни былъ онъ тихъ, старый дипломатъ почувалъ приближеніе бури.—Вы свѣтскій человѣкъ—вы знали моихъ родителей—и тѣмъ не менѣе я прекрасно понимаю, что и въ вашихъ глазахъ я покрыта безславіемъ. Ну и пусть! И пусть! Мнѣ все равно! Каждый судить, какъ ему угодно, но только...

Она съ трудомъ совлала съ собой и снова смолкла. Они шли теперь въ розоватыхъ февральскихъ сумеркахъ къ мраморной аркѣ. Было слишкомъ темно чтобы разглядѣть ея лицо подъ вуалеткой, да сэръ Уильфридъ и не хотѣлъ его видѣть. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ собраться съ мыслями, его спутница уже опять заговорила, совсѣмъ другимъ тономъ:

— Не знаю, съ чего это я такъ разболталась съ вами. Должно быть оттого, что вы видѣли насъ въ Герардслоу.—Она подняла вуаль, и ему показалась, что она отираетъ слезы. —Этого никогда еще не бывало со мною въ Лондонѣ.—Ну-съ, итакъ вернемся къ нашему разговору. Если произойдетъ разрывъ...

— Зачѣмъ же непременно разрывъ? Милая миссъ Ле-Бретонъ, выслушайте меня. Я отлично вижу, что у васъ много причинъ быть недовоальной, но вѣдь и у леди Генри есть свои обиды.

И учтиво-авторитетнымъ тономъ, съ тактомъ, достойнымъ его профессіи, старый дипломатъ началъ обсуждать положеніе.

Началъ и самъ дивился тому, съ какимъ участіемъ къ ней, словно они близкія друзья! Что такое есть въ этой дѣвушкѣ, что она заставляетъ мужчину противъ его воли брать ее подъ защиту? Многое изъ того, что она говорила, казалось ему дерзкимъ или болѣзненно исковерканнымъ. Но теперь, когда ея возбужденіе видимо улеглось, когда она слушала его, такая растерянная, беспомощная, онъ чувствовалъ въ ней именно ту женскую слабость и робость, въ которой она

внимала себя по отношенію къ леди Генри, и чисто по-мужски чувствовать себя обезоруженнымъ. Она говорила рѣзко, запальчиво — безъ сомнѣнія, потому что была поставлена въ трудное положеніе. Но когда пришелъ его чередъ говорить, она не сердилась и не возражала. Чѣмъ ласковѣй звучалъ его голосъ, тѣмъ больше она уступала, иногда прямо-таки шла ему навстрѣчу, словно рѣзкость ея рѣчей всего больше за-дѣвала ее самое, и за всѣмъ этимъ притаилась печальная жизнь и тоскующее сердце, которое только и просило немного пониманія и сочувствія.

«Я скоро буду называть ее: «душа моя» и гладить ея ручку!» думалъ старый дипломатъ, динясь самому себѣ. Уныніе, выражавшееся въ ея лицѣ и походкѣ начинало его тяготить; ему искренно хотѣлось ободрить и утѣшить ее. Онъ все больше и больше напрягалъ свой умъ, чтобы распутать эту путаницу отношеній двухъ одинаково воспримчивыхъ женщинъ. Для кого же онъ такъ старался? Какъ будто не для леди Генри—я ужъ, конечно, не для миссъ Ле-Бретонъ? Такъ для кого же? Не для тѣхъ ли, теперь уже умершихъ, бѣдныхъ влюбленныхъ, которые много лѣтъ тому назадъ такъ тронули его сердце? Не ихъ ли призракъ рѣяли вокругъ него, на крыльяхъ зимняго вѣтра?

Какъ бы тамъ ни было, отечески мудрые совѣты такъ и сыпались изъ его устъ, и миссъ Ле-Бретонъ внимала ему съ самой лестной покорностью.

— Ну, теперь мы, кажется, пришли къ соглашенію,—весело сказалъ онъ, когда они повернули назадъ, на Брутонъ-стритъ.

Mademoiselle Ле-Бретонъ вздохнула.

— Вы очень добры.—О! я сдѣлаю все, что могу. Но...

Она съ покачала головой. Съ видомъ сомнѣнія.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо «но»! Предположимъ, что вы для начала скажите ей о базарѣ.

— Обязательно скажу. Она меня не пуститъ. Но Эвелина найдетъ кого-нибудь другого.

— Ну, это мы еще увидимъ! Если вы мнѣ разрѣшите, я попытаю счастья.

Жюли Ле-Бретонъ не отвѣтила, но ея глаза улыбнулись ему съ грустной лаской, которая не ускользнула отъ него, даже и въ темнотѣ. Въ этомъ уступчивомъ настроеніи ея голосъ и движенія были полны такой затаенной нѣжности, такого благородства, что сэръ Уильфридъ совсѣмъ растаялъ.

И вдругъ у него мелькнула мысль, заставившая его опять сжаться.

— М-ръ Делафилдъ, если не ошибаюсь, очень причастенъ всей этой исторіи?

Mademoiselle Ле-Бретонъ засмѣялась и сразу отвѣтила.

— Онъ очень добръ ко мнѣ. Онъ какъ-то слышалъ, какъ леди Генри говорила со мной—разсердясь. Это на него, повидимому, не-

пріятно подѣйствовало. Онъ пытался раза два укротить ее. О! онъ былъ очень добръ ко мнѣ.

- Онъ имѣетъ на нее вліяніе?
- Не особенно большое.
- Вы о немъ хорошаго мнѣнія?

Онъ повернулся къ ней разсчитанно рѣзкимъ движеніемъ. Она какъ будто немного удивилась.

— Я? Но вѣдь его всѣ считаютъ хорошимъ человѣкомъ. Герцогъ, говорятъ, во всемъ ему довѣряетъ.

— Когда я покидалъ Англію, онъ былъ еще студентомъ, лѣнивымъ, немножко соней. Мнѣ любопытно было посмотрѣть, насколько онъ съ тѣхъ поръ развился. Извѣстно вамъ, на чемъ сосредоточиваются теперь его интересы.

Mademoiselle Ле-Бретонъ колебалась.

— Право, боюсь, что я не знаю,—сказала она наконецъ, улыбаясь и какъ будто съ сожалѣніемъ.—Но Эвелина Кроуборо, конечно, все вамъ расскажетъ о немъ. Они такіе старые друзья!

«Нѣтъ, изъ нея немного вытянешь»,—мысленно сказалъ себѣ сэръ Уильфридъ.

Невдалекѣ уже виденъ былъ фонарь надъ подъѣздомъ леди Генри, когда сэръ Уильфридъ, погоривъ немного о Монтрезорѣ, у котораго онъ долженъ былъ сегодня обѣдать, словно вскользь замѣтилъ:

— Красивый малый этотъ капитанъ Уорквортъ, съ которымъ я встрѣтился давеча у леди Генри.

— Ахъ да, леди Генри въ большой дружбѣ съ нимъ,—быстро подхватила mademoiselle Жюли.—Она совѣтуется съ нимъ относительно воспоминаній о своемъ покойномъ супругѣ.

— Воспоминанія...?—Сэръ Уильфридъ остановился, какъ вкопанный.—Что за чудеса! Леди Генри пишетъ воспоминанія о своемъ покойномъ мужѣ?

— Ну да. Они наполовину уже написаны. Я думала, вы знаете.

— Нѣтъ! Честное слово!—Это ужъ слишкомъ! Теперь остается только написать воспоминанія о Генри Делафилдѣ... Господи помилуй!

И сэръ Уильфридъ пошелъ дальше, постукивая палкой по столбику, слово за слово это облегчало его. Жюли Ле-Бретонъ спокойно продолжала:

— Если не ошибаюсь, покойный лордъ Генри и отецъ капитана Уоркворта вмѣстѣ усмиряли возстаніе въ Индіи, и у капитана есть письма...

— Ну еще бы! еще бы!—пробормоталъ сэръ Уильфридъ.—Чего ради этотъ господинъ вернулся домой именно теперь?

— Можетъ быть, леди Генри это и извѣстно,—сказала Жюли, довѣрчиво глядя ему въ глаза, какъ человѣкъ, который радъ былъ бы отвѣтить на вопросъ, еслибъ могъ.—Они подолгу разговариваютъ между собой. Но—почему-жъ бы ему и не пріѣхать сюда?

— Потому что ему слѣдовало бы сидѣть въ своемъ полку и заниматься службой, вмѣсто того, чтобы рыскать по свѣту, выискивая, на чемъ бы выдвинуться, къ чему пристегнуть свое имя.

— О!—любезно, но какъ-то уклончиво протянула Жюли.—Развѣ вы думаете, что ему нужно что-нибудь особенное?

Сэръ Уильфридъ пожалъ плечами.

— Я не посвященъ въ его честолюбивые замыслы. Но вы и леди Генри, повидимому, хорошо его знаете.

Глаза изъ-подъ соломенныхъ рѣсницъ зорко смотрѣли на нее.

— Я разговаривала съ нимъ въ паркѣ сегодня утромъ,—словно размышляя вслухъ, сказала Жюли Ле-Бретонъ.—Онъ проситъ меня переписать письма его отца для леди Генри и заставить ее какъ можно скорѣе вернуть ему оригиналы. Онъ все время тревожится, когда письма не у него въ рукахъ.

— Гм...—усмѣхнулся сэръ Уильфридъ.

Они стояли у подъѣзда леди Генри. Сэръ Уильфридъ такъ дернулъ за звонокъ, словно хотѣлъ выразить всю силу своего невысказаннаго недовѣрія. Онъ ни одной минуты не вѣрилъ, что во время встрѣчи, которую онъ подсмотрѣлъ утромъ въ паркѣ, рѣчь шла о письмахъ генерала Уоркворта и что тутъ играло какую бы то ни было роль чувство сыновней любви.

Жюли Ле-Бретонъ протянула ему руку.

— Благодарю васъ, очень—выговорила она серьезно и мягко.

Минуту тому назадъ сэръ Уильфридъ говорилъ себѣ, что не пожметъ ей, и однако-жъ пожалъ, чувствуя, что въ немъ борятся противоположныя чувства.

— Наоборотъ, это я долженъ васъ благодарить за то, что вы разрѣшили мнѣ побесѣдовать съ вами. Если я могу быть полезенъ вамъ и леди Генри, пожалуйста, приказывайте во всякое время.

Жюли Ле-Бретонъ еще разъ улыбнулась ему и вошла.

Сэръ Уильфридъ сбѣжалъ съ лѣстницы, дивясь самому себѣ.

«Она умѣетъ обойти человѣка. Интересно знать, какое на нее впечатлѣніе произвели мои слова. Имъ... Посмотримъ, что извѣстно Монтрезору. Они, кажется, въ большой дружбѣ. Ея «принципы»—а, каково? Опасные принципы для женщины такого происхожденія!..»

Часа два спустя сэръ Уильфридъ Бѣри входилъ въ гостиную Монтрезора. Онъ пришелъ съ сознаниемъ необходимости заставить министерство принять извѣстную программу дѣйствій относительно русской политики въ Персіи. Но первый, кого онъ увидалъ, былъ лордъ Лэкинтонъ. Онъ стоялъ на коврикѣ у камина и грѣлся у огня. При видѣ этого оживленнаго лица, сѣдой гривы волосъ, высокой фигуры, все еще статной и даже молодой, этого ничего не подозревающего добродушія, всѣ его мысли спутались, и ему какъ-то начало казаться, что въ свѣтѣ все пошло наыворотъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ обѣда онъ улучилъ четверть часа, чтобы побесѣдовать съ хозяиномъ и добросовѣстно воспользовался этимъ временемъ. Затѣмъ, назначивъ другъ другу свиданіе на другой день для болѣе продолжительнаго разговора, оба почувствовали, что исполнили свой долгъ и большаго отъ нихъ требовать нельзя, и, повидимому, у обоихъ возникла одновременно одна и та же мысль.

— А какъ вы нашли леди Генри?—съ улыбкой спросилъ Монтрезоръ, закуривая сигаретку.

— Она совсѣмъ ослѣбла, и ревматизмъ ея ухудшился. Но помимо этого я не замѣтилъ особенной перемѣны. Въ общемъ, она несетъ свою старость удивительно бодро.

— Да, только у бѣдной испортился характеръ, засмѣялся Монтрезоръ. Въ послѣднее время она, положительно испытываетъ наше терпѣніе. И хуже всего то, что ея вспышки обрушиваются, главнымъ образомъ, на бѣдную дѣвушку, которая живетъ у нея—чрезвычайно интересное и милое созданіе!

Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ черезъ столъ. Лордъ Лэкинтонъ рассказывалъ скабрёзные анекдоты двумъ чиновникамъ министерства иностранныхъ дѣлъ; тѣ смѣялись и подзадоривали его. Безпечная болтовня и веселость старика были, очевидно, заразительны; онъ былъ общимъ баловнемъ на такихъ обѣдахъ и зналъ это.

— Если не ошибаюсь, вы принимаете дружеское участіе въ *mademoiselle* Ле-Бретонъ?—сказалъ Бѣри, поворачиваясь къ хозяину.

— О! Мы съ герцогиней и Делафилдомъ дѣлаемъ, что можемъ, чтобы защитить ее и сохранить между ними добрыя отношенія. Я увѣренъ, что леди Генри уже изливала вамъ свое горе, не правда ли?

— Увы, да!

— Я знаю, что она не сможетъ скрыть это отъ васъ, хотя бы на одинъ день. Она прямо разсудокъ теряетъ, когда говоритъ объ этомъ. И это ужасно жаль!

— Такъ вы думаете, что вся вина на сторонѣ леди Генри?

Министръ пожалъ плечами.

— Во всякомъ случаѣ, я лично не вижу ничего, что бы ее оправдывало. На знаменитыхъ пятницахъ *mademoiselle* Жюли всегда старается выдвинуть на первый планъ леди Генри. А въ другихъ отношеніяхъ она прямо-таки извелась, ухаживая за старухой. Иной разъ прямо зло беретъ смотрѣть на это!

— Такъ что на вашъ взглядъ лучшей компаньонки нельзя желать? Монтрезоръ засмѣялся.

— О! что касается до совершенства!..

— Леди Генри жалуется, что она постоянно интригуетъ. Вы этого не замѣчали?

По лицу министра скользнула нѣсколько странная улыбка.

— Относительно леди Генри вѣтъ. А вообще — *o! mademoiselle Жюли* большой дипломатъ.

Улыбка, очевидно, вызываемая какой-то невысказанной забавной мыслью, все больше расплывалась по его суровому лицу.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Она умѣетъ помогать своимъ друзьямъ лучше многихъ. За послѣдніе два-три года *mademoiselle Ле-Бретонъ* на моихъ глазахъ вывела въ люди двухъ-трехъ человѣкъ, если не больше. И теперь она тянетъ одного на буксиръ.

Сэръ Уильфридъ придвинулся къ нему ближе. Они отвернулись отъ стола, какъ будто разговаривая о сигарахъ.

— Молодого Уоркворта?

Министръ опять усмѣхнулся и не сразу отвѣтилъ.

— О! она не докучаетъ мнѣ просьбами—для этого она слишкомъ умна. Но она добирается до меня самыми забавными косвенными путями. Я отлично всегда вижу слѣды ея работы. Есть два-три человѣка, вы понимаете, съ вѣсомъ, которые бываютъ по вечерамъ у леди Генри,—все это ея добрыя друзья... О! я увѣренъ, что она добьется своего.

— Между нами — вы не думаете, что она сама заинтересована этимъ молодымъ человѣкомъ?

Монтрезоръ опять пожалъ плечами.

— Не знаю. Это не обязательно. Она любитъ чувствовать себя силой, по моему, здѣсь большую роль играетъ ненормальность ея положенія. Это очень любопытно — въ сущности, совсѣмъ по женски и забавно—и совершенно безобидно.

— Вы и другіе не обижаетесь на это?

— Нѣтъ—у нея это выходитъ не обидно. Только теперь—именно теперь—она немножко пересолила. Противъ меня выдвинуты сразу четыре батареи. Она, должно быть, только объ этомъ и думаетъ.

Сэръ Уильфридъ слегка покраснѣлъ. Онъ вспомнилъ комедію, разграниченную ею у подъѣзда, ея слова: «Развѣ ему нужно что-нибудь особенное?» и въ тонѣ его зазвучала нотка личной обиды.

— Ну, а я не могу не чувствовать, что у леди Генри есть причины быть недовольной. Какъ ухитрилась эта дѣвушка добиться такого положенія въ свѣтѣ въ такой короткій срокъ... Это странно—если хотите, даже загадочно...

— О, конечно, леди Генри трудно съ этимъ мириться. Безъ семьи, безъ связей...

Онъ, не торопясь, надѣлъ очки и впился испытующимъ взглядомъ въ лицо своего собесѣдника.

Сэръ Уильфридъ чуть замѣтно, но многозначительно указалъ на лорда Лэкинтона. Монтрезоръ сдѣлалъ изумленное движеніе. Оба посмотрѣли черезъ столъ на старика, потомъ другъ на друга.

— Вы знаете?—чуть слышно спросилъ Монтрезоръ.

Сэръ Уильфридъ кивнулъ головой. И тутъ же чутье подсказало ему, что больше посвященныхъ нѣтъ.

Когда они вернулись въ гостиную, выглядѣвшую нѣсколько пустой въ ожиданіи раута, который въ этотъ вечеръ устраивала у себя м-ръ Монтрезоръ, сэръ Уильфридъ завелъ разговоръ съ лордомъ Лэкинтономъ. Старикъ говорилъ интересно, хотя и поверхностно, постоянно перескакивая съ каждой темы на себя, свои взгляды, воспоминанія и знакомства, что было характерно, но въ немъ не отталкивало. Сэръ Уильфридъ подмѣтилъ въ немъ кой-какіе новые и жалкіе признаки старости. Старикъ прежде трещалъ безъ умолку, а теперь иногда вдругъ смолкалъ, и отъ него вѣяло грустью—словно неожиданнымъ холоднымъ дыханьемъ какихъ-то невѣдомыхъ дальнихъ морей.

Гостиная понемногу наполнялась; къ нимъ подошелъ молодой журналистъ-критикъ, повидимому, хорошо знакомый съ лордомъ Лэкинтономъ. У нихъ тотчасъ завязался оживленный разговоръ о картинахъ, въ особенности о выставкѣ въ Антверпенѣ, откуда молодой человекъ только что вернулся.

— На обратномъ пути я на нѣсколько часовъ заѣхалъ въ Брюгге,—говорилъ журналистъ. — Теперь тамъ картины размѣщены гораздо лучше, чѣмъ прежде. Вы когда тамъ были въ послѣдній разъ?

Лордъ Лэкинтонъ вздрогнулъ.

— Въ Брюгге? Я не былъ тамъ уже двадцать лѣтъ.

И онъ неожиданно сѣлъ, вертя въ рукахъ разрывной ножикъ и не отводя глазъ отъ ковра. Нижняя челюсть его немного отвисла. Словно какое-то облако встало между нимъ и его собесѣдниками.

Сэръ Уильфридъ, у котораго въ памяти еще свѣжъ былъ рассказъ леди Генри, какъ-то особенно ярко чувствовалъ настроеніе старика. Быть можетъ, передъ глазами обоихъ стоялъ въ эту минуту одинъ и тотъ же образъ — леди Розы, угасающей въ бѣдной комнаткѣ, съ окнами, выходящими на одинъ изъ каналовъ, которыми изрѣзаны Брюгге, сложившей тамъ остатки жизни, красоты и ума, нѣкогда сдѣлавшихъ ее любимицей отца, который, по какимъ то непонятнымъ причинамъ, оставилъ ее страдать и умирать одну.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВИКТОРЪ ПЕТРВОИЧЪ ОСТРОГОРСКІЙ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ.

(Набросокъ воспоминаній ученика).

«Забирайте съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдастъ назадъ и обратно! Могила милосердія ея; на ней напишется: «здесь погребенъ человѣкъ»; но ничего не прочитаешь въ холодныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости».

Гоголь.

Развитіе общества зависитъ отъ сохраненія собранныхъ плодовъ и накопленія свѣжихъ силъ; оно живетъ старыми традиціями и движется новыми идеями. Лучшимъ носителемъ прогресса является, несомнѣнно, тотъ, кто самъ творитъ новыя принципы и показываетъ путь для ихъ приложенія. Но почтенное мѣсто пріобрѣтаетъ въ жизни общества и человѣкъ, который задается цѣлью беречь и распространять то благое, что хранится въ сложившейся традиціи, что открывается въ не имъ созданныхъ идеяхъ, если онъ умѣетъ это дѣлать честно и талантливо. Достоинъ благодарной памяти тотъ, кто принимаетъ на себя миссію объединять смѣняющія другъ друга поколѣнія, передавая, съ одной стороны, дѣламъ оставленное отцами наслѣдіе, служа, съ другой, назрѣвающимъ новымъ потребностямъ юншества. Такова роль, налагаемая жизнью на «учителя-идеалиста», одного изъ которыхъ мы въ Петербургѣ недавно провожали въ могилу.

Съ именемъ Виктора Петровича Острогорскаго въ тѣхъ, кто у него учился давно, когда онъ былъ молодъ, но, повидимому, также и до конца его трудового поприща, прекратившагося лишь вмѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ, нераздѣльно связывается образъ привлекательно-хорошій, бодрый, идейный и одушевленный. Для большинства же гимназистовъ-«ларинцевъ», пребывавшихъ въ стѣнахъ этого учебнаго заведенія въ 70-хъ годахъ XIX в., онъ былъ центромъ духовной жизни. Свѣтомъ, исходившимъ отъ его симпатичной личности, красилась и согрѣвалась мрачная и холодная атмосфера тяжелой учебной дѣятельности, окружавшей обыкновенно дѣтей въ расадникахъ классическаго просвѣщенія того времени. Слушая В. П., общаясь съ нимъ, вспоминая его, ученики дѣйствительно привыкали соединять съ понятіями «школа», «учитель» признакъ чего-то уважаемаго и дорогого, такого, что притягиваетъ къ жизни въ юности, оставляетъ завѣты зрѣлому возрасту, даетъ цѣльность суще-

ствованію до старости. Въ годы, когда особенно сильна была система, введенная реформою гр. Толстого въ наше среднее образованіе, ученикамъ петербургской Ларинской гимназіи жилось сравнительно легче и вольнѣе, чѣмъ другимъ, благодаря душевной добротѣ и мягкости тогдашняго ея директора, теперь давно уже умершаго И. Ѳ. Кнорринга, котораго слѣдуетъ помянуть признательнымъ словомъ. Но онъ давалъ лишь благопріятную форму, которую по настоящему наполняли живымъ содержаніемъ—это добросовѣстно признають и ученики, и сослуживцы—одинъ В. П. Онъ становился душевною опорою и разумнымъ двигателемъ для многихъ изъ учениковъ, которымъ не удавалось найти въ собственныхъ семьяхъ твердыхъ основъ умственного и нравственнаго развитія, и которыхъ школа сковывала въ большинствѣ случаевъ цѣпами мертвеннаго формализма. Такая сила происходила отъ цѣлаго ряда всегда рѣдкихъ, а въ тѣ времена положительно драгоценныхъ свойствъ его природы, отъ серьезнаго и благороднаго направленія его работы. Онъ шелъ навстрѣчу дѣтямъ съ полнымъ довѣріемъ, когда ихъ угнетала постоянная подозрительность; онъ обращался къ нимъ съ свободнымъ предложеніемъ прекрасной пищи духовной, когда учебная система стремилась низвести школьное дѣло до сухой и бездушной «гимнастики ума», налагавшейся педантическимъ принужденіемъ. Когда они оутаны были мелочными заботами о механическомъ дисциплинированіи ихъ поведения и мало находили отвѣтовъ на пробуждавшіеся научные и нравственные, общественные и личные запросы, онъ открывалъ имъ позвѣію жизни, научая чувствовать ея красоту, увлекая искать въ ней правду. Онъ нерѣдко заставлялъ горячимъ и искреннимъ словомъ трепетать молодые сердца отъ возникавшей любви «къ высокому и прекрасному» и при этомъ будилъ въ лучшихъ охоту къ труду, поселяя жажду опредѣленія смысла жизни и подводя къ тому огромному матеріалу, который почерпается для этой цѣли въ великолѣпномъ источникѣ отечественнаго и мірового искусства.

Въ то время, когда проходили гимназическіе годы пишущаго эти строки (1870-ые), В. П. преподавалъ русскій языкъ и словесность въ Ларинской гимназіи, начиная съ четвертаго класса, и велъ учениковъ до конца курса. Когда мы перешли къ нему отъ другого учителя, обстановка, совсѣмъ для насъ непривычная по своей привлекательной простотѣ и безхитростной сердечности, прежде всего, поразила насъ при занятіяхъ съ нимъ. Первый урокъ — помню его, какъ бы это было вчера, — состоялся послѣ большой перемѣны, въ самой срединѣ труднаго, часто скучнаго, нерѣдко страшнаго школьнаго дня. Въ классъ быстро вошелъ, нѣсколько разъ кланяясь, худощавый, невысокій ростомъ и согнувшійся впередъ человекъ, съ острой бородкой и длинными (тогда еще совсѣмъ темными) кудрями, съ серьезнымъ и внимательнымъ, но добрымъ взглядомъ косившихъ глазъ, съ большимъ, туго набитымъ портфелемъ подъ мышкой. Положивъ свой багажъ («чемоданъ», какъ онъ самъ шутилъ называлъ свой педагогическій грузъ) на учительскій столъ, снявъ съ себя часы и помѣстивъ ихъ вѣдетъ съ цѣпочкой туда же (всѣ эти предметы стали потомъ очень милы полюбившимъ его ученикамъ), В. П., позвавъ насъ на помощь, придвинулъ каеэдру къ ученическимъ скамьямъ. «Хочу быть поближе къ вамъ,

чтобы лучше видѣть и слышать васъ», сказалъ онъ съ веселою улыбкою. Затѣмъ онъ попросилъ принести ему кружку квасу, «а то горло пересыхаетъ». Уже отъ однихъ этихъ словъ, чуждыхъ недоступнаго величія, которое любили напускать на себя педагоги, и въ непринужденно-дѣловитомъ, дружелюбномъ тонѣ, какимъ онъ говорилъ, чуялось что-то задушевное и бодрящее. Всѣ переглядывались, одобрительно посмѣиваясь; сама собою спадала съ пуганыхъ гимназистовъ выросшая кора трусливой скрытности, всегда подстерегавшей опасность, легко заподозрѣвавшей въ старшемъ «злого врага». Отъ всей фигуры новаго учителя, немножко смѣшного по манерамъ, вѣяло живымъ и теплымъ привѣтомъ. Сразу слагался вокругъ него порядокъ, въ которомъ послѣдній неудачникъ, загнанный двойками и единицами, вновь сознавалъ себя человѣкомъ, и въ душѣ его шевелилось что-то радостное, подающее надежду. Въ дѣтахъ трудно, что бы съ ними ни дѣлали, задавить во всѣхъ и до конца чуткость души и привязанность къ положительнымъ сторонамъ жизни. Торопливо внесъ В. П., при содѣйствіи учениковъ, которые сконфуженно, но весело вставали на его переключку, списокъ ихъ въ свою книжечку; книжечка эта въ коричневой плетеной обложкѣ не возбуждала въ насъ ужаса, какъ роковыя карманныя скрижали другихъ менторовъ, испещренныхъ символами нашихъ прегрѣшеній. Затѣмъ онъ объявилъ, что начнетъ занятія съ пробѣрочной диктовки. Сердца учениковъ слегка екнули: вспомнились скорбные листки, окровавленные грозными знаками красныхъ чернилъ, высокія суммы ошибокъ, низкія цифры отмѣтокъ. Но новый учитель прибавилъ: «Надо вамъ ясно знать самимъ, въ чемъ вы слабы, тогда вы и обратите сами вниманіе на свою грамотность; мнѣ же некогда съ этимъ долго возиться: у насъ будетъ много другого важнаго дѣла, гдѣ вамъ нужна будетъ моя помощь». Такая точка зрѣнія вдохнула спокойствіе въ потревоженные души: она поднимала личное достоинство учащихся. Мы приучены были во всемъ ходить на помочахъ, ждать приказанія, а тутъ насъ призывали къ сотрудичеству. Подобное отношеніе къ ученикамъ, которое укрѣпляло въ нихъ сознаніе ихъ человѣческаго равенства съ учителемъ, являлось въ воспитательной дѣятельности В. П. превосходнымъ моральнымъ началомъ.

Онъ диктовалъ намъ стихотвореніе Майкова:

На мысъ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленою сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына...

Маленькая красивая пѣса (ее хорошо помнятъ ученики В. П.: на ней онъ выяснялъ образованіе «сочиненія»), прекрасно произнесенная, врѣзывалась въ сознаніе пишущихъ не одними формами и окончаніями ея словъ, но и рисующею въ ней трогательною интимною картиною, изяществомъ языка, пластичностью изображенія. Отобравъ листки, В. П. тутъ же въ классѣ сталъ поправлять диктовки. Приступая къ дѣлу, онъ спокойно и твердо объявилъ: «Полъ-балла за ошибку, четверть-балла за пропущенный или неправильный знакъ». Но строгая формула не утратила, не вызвала тайнаго раздраженія въ ученикахъ, а почувствовалась, какъ опредѣленный, общій и справедливый законъ. Живое

забѣгалъ въ рукѣ озабоченно сгорбившагося надъ столомъ В. П. карандашъ, быстро постукивая остріемъ по бумагѣ, и всѣ выслушивали приговоръ, иногда неприятный, безъ тягостнаго ощущенія грозящей бѣды. Даже тѣ, кому доставались причудливыя и на видъ зловѣщія отмѣтки $\frac{3}{4}, 0$ или $-1\frac{1}{2}$, не ощущали себя казнимыми, понимая, что эти цифры представляютъ лишь условные знаки подсчета промаховъ, а не являются орудіями возмездія; самая точность ихъ какъ бы знаменовала, что они стоятъ выше учительскаго произвола. Къ тому же они никогда не вносились въ классный журналъ «на позорище». Указывая ошибки, В. П. не сердился, не возмущался невѣжествомъ, не стыдился, не читалъ прописныхъ нотацій, а сжато, отчетливо и доброжелательно ихъ разъяснялъ, подсказывая на будущее время правила орфографіи, полныя здраваго смысла и практическаго удобства. Это былъ образецъ «естественнаго» педагогическаго метода, вполне свободнаго отъ рутинѣ и доктринерства. Пропустивъ мимо вниманія единственную ошибку въ тетради одного изъ лучшихъ учениковъ, онъ поставилъ ему 5 и съ одобреніемъ отозвался о его диктовкѣ. У того, наперекоръ закоренѣлой всеобщей привычкѣ гимназистовъ къ обманамъ, подъ впечатлѣніемъ довѣрчиваго и дружелюбнаго тона урока, невольно вырвалось признаніе. «А, у васъ ошибка! Значить получаете $4\frac{1}{2}$ ». Когда же другіе стали восклицать, что за откровенность слѣдуетъ оставить товарищу полный баллъ, В. П. выразилъ на лицѣ такое изумленіе, что представители школьной этики почувствовали безъ дальнихъ словъ низменность своего взгляда о необходимости награды за честность. Послѣ окончанія урока, уже выйдя изъ класса и остановившись въ корридорѣ среди окружившихъ его живую толпою новыхъ питомцевъ, онъ сталъ говорить имъ въ яркихъ, высухлыхъ словахъ, въ чемъ будетъ заключаться предстоящій курсъ. Каждый изъ насъ приподнятый и взволнованный, думалъ: «Хорошій человекъ, и интересно будетъ у него учиться!» А это уже значило много для гимназистовъ 70-хъ годовъ, въ которыхъ достаточно была притуплена воспримчивость.

Описанный первый урокъ, при всей заурядности содержанія, типично рисуетъ то настроеніе, которое съ самаго начала устанавливалъ Острогорскій въ классѣ, попадавшемъ къ нему въ руки, даже исполняя скучныя требованія программы. По крайней мѣрѣ, въ его часы мы жили именно въ такомъ «тепломъ душевномъ климатѣ».

Лучшею сферою дѣятельности В. П. было, безъ сомнѣнія, преподаваніе литературы. Языкъ самъ по себѣ мало привлекалъ его, и онъ былъ слабымъ филологомъ. Но при постановкѣ грамматической части курса онъ обладалъ свойствомъ, въ высшей степени важнымъ для учителя средней школы, — правильнымъ пониманіемъ реальной пользы и чувствомъ мѣры. Хорошо представляя себѣ неподготовленность учениковъ къ научному курсу о языкѣ, онъ дѣлалъ изъ этого вѣрный выводъ, что грамматика должна быть сведена въ гимназій къ тому минимуму, который необходимъ для осмысленнаго правописанія. Дѣйствительно, писали мы у него грамотно, а грамматической тяжести не ощущали. Даже древне-славянская письменность и разборы ея главныхъ формъ давались намъ съ его словъ безъ большихъ усилій и траты времени. Центръ тяже-

сти своего курса В. П. удавалось сосредоточивать въ годы торжества грамматизма въ гимназическомъ ученіи на теоріи и исторіи словесности. Дать литературную начитанность, развитъ художественный вкусъ, сообщить связныя знанія историческаго характера, объединить все это гуманною идеею и любовью къ родному и общечеловѣческому—вотъ цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ и которыхъ искусно достигалъ.

Уже въ четвертомъ классѣ, рядомъ съ повторительнымъ обзоромъ русскаго синтаксиса и краткимъ обобщающимъ очеркомъ этимологіи древне-славянскаго сравнительно съ русскою, В. П. отдавалъ много времени ознакомленію съ литературнымъ матеріаломъ и обработкѣ вводныхъ вопросовъ теоріи словесности. Такое сочетаніе элементовъ придавало его урокамъ постоянно возобновляющуюся жизненность. Въ пятомъ и шестомъ классѣ теоретическій курсъ развивался, скажу даже лучше—«расцвѣталъ». Въ шестомъ же начиналась исторія литературы, которая заканчивалась въ восьмомъ Гоголемъ съ бѣглыми перспективами впередъ въ область послѣ-гоголевскаго блестящаго вѣка. Въ настоящихъ быстро набросанныхъ листкахъ воспоминаній о скончавшемся учителѣ мнѣ нѣтъ возможности разбирать планъ его курса, защищая его въ цѣломъ, критикуя въ деталяхъ *). Я бы хотѣлъ только, говоря о преподаваніи дорогаго наставника далекой юности, дать нѣсколько эскизовъ, которые начертали бы общій характеръ его работы и помогли бы запечатлѣть его духовный обликъ, выяснить причины его вліянія.

В. П., конечно, нельзя было назвать ни ученымъ специалистомъ, ни глубокимъ мыслителемъ. Значеніе его заключалось не въ оригинальности идей и не въ новизнѣ метода. Это былъ только удивительно начитанный и цѣльно сложившійся очень талантливый популяризаторъ, убѣжденный и одушевленный распространитель въ сознаніи захирѣвшихъ учащихся поколѣній 70-хъ и 80-хъ годовъ идеализма 40-хъ прошедшаго черезъ общественность 60-хъ годовъ. Но въ скромной, не производящей эффекта и не дающей славы роли учителя, опирающагося на принципы и данныя, добытыя другими—великими поэтами и критиками, педагогами-новаторами—онъ обнаруживалъ рѣдкое своеобразіе въ замѣчательномъ умѣніи роднить съ идеями умы своихъ питомцевъ, насаждать въ нихъ благое преданіе, трогать духовнымъ свѣтомъ ихъ сердца. Простота построенія и наглядная колоритность разсказа были важными качествами, присущими преподаванію В. П. Онъ могъ достигать большихъ результатовъ, орудуя сравнительно малымъ матеріаломъ. Онъ всегда держалъ свое изложеніе на высотѣ «идейности», никогда не лишая его «интереса», и двигалъ учениковъ впередъ, побуждая ихъ идти легкимъ и бодрымъ шагомъ, такъ что они не испытывали растерянности, тяжести, гнета или скуки отъ непосильности задачи. Безъ чрезмѣрнаго напряженія онъ вводилъ учениковъ въ трудные вопросы, правда не очень углубляясь въ нихъ, но давая все-таки чувствовать ихъ глубину, раскрывая впереди горизонты и подерживая тѣхъ, которые, послѣ

*) Въ написанныхъ В. П.—чемъ сочиненіяхъ онъ самъ оставилъ сводъ того, что дѣлалъ въ классѣ, и что завѣщалъ своимъ ученикамъ. См. особенно его «Воспоминанія о преподаваніи словесности» (изд. 2. Москва, 1886 г.).

даннаго толчка, самостійно пускались въ дорогу для ихъ обслѣдованія, отдавая дань уваженія не только способностямъ, но и труду. Онъ владѣлъ даромъ облекать въ элементарную форму, вполне чуждую, впрочемъ, обезличенія и обезцвѣченія предмета, довольно сложное содержаніе, зажигать въ себѣ огонь «возвышенной мысли» и вызывать искру энтузіазма въ слушателяхъ при освѣщеніи каждаго вопроса, который онъ затрогивавъ. Если искать краткаго термина для обозначенія духа преподаванія Острогорскаго, можно сказать, что онъ училъ познанію добра въ жизни черезъ раскрытіе красоты въ ея лучшихъ продуктахъ, произведеніяхъ поэзіи.

Послѣ непосредственнаго обаянія человѣчнаго обращенія съ ними учителя, учениковъ привлекало къ нему его художественное чтеніе. Читалъ онъ дѣйствительно превосходно прозаическую и стихотворную рѣчь, трагическое и комическое, Тургенева и Пушкина, Шекспира, Мольера и Островскаго. Для меня останется навсегда незабвеннымъ впечатлѣніе отъ второго урока В. П., когда онъ читалъ намъ, четвертоклассникамъ, «Пѣвцовъ» Тургенева. Даже тѣ изъ насъ, кто выросъ въ деревнѣ и рано полюбилъ читать, тутъ впервые особенно глубоко почувствовали истинность, проясненнымъ мастерски прочитаннымъ произведеніемъ, и разнообразную прелесть, какая таится въ природѣ, и богатую поучительность, какую открываетъ повседневная жизнь, и безконечный запасъ духовныхъ радостей, которыя несетъ намъ литература.

Курсъ всегда двигался у В. П. опредѣленно и энергично, не заставаясь, не расплываясь въ подробностяхъ, но никогда вмѣстѣ съ тѣмъ не переходя въ сухость и схематизмъ. Сжатая конкретность была особенностью его внѣшней формы. Важнымъ подспорьемъ при прохожденіи предмета являлись у него письменныя работы, которыя онъ умѣлъ ставить на почву, удивительно плодотворную для развитія въ ученикахъ знаній и склонностей, мысли и языка. Темами для сочиненій онъ бралъ различные живые вопросы: историческіе, бытовые, психологическіе, нравственные, въ одно время и близкіе ученикамъ, и вводящіе ихъ въ новыя области. Разработка ихъ всегда основывалась на реальномъ литературномъ матеріалѣ; задачи формулировалась жгуче, и всякій работающій, способный къ идеализму ученикъ захватывался такими темами, увлекался и непременно получалъ отъ каждой работы что-нибудь существенное для своего образованія. Такъ называемыхъ «отвлеченныхъ» разсужденій онъ избегалъ, опасаясь давать упражненія въ фразерствѣ. Но если они выросли изъ курса или сами назрѣвали въ умѣ учениковъ, онъ допускалъ и ихъ и ставилъ оригинально и искренно сюжеты, кажущіеся бессодержательными или ошпеленными. Онъ охотно давалъ возможность ученикамъ развивать свое творчество на «вольныхъ» темахъ, хорошо пользовался дѣтскими воспоминаніями гимназистовъ, наталкивалъ ихъ на разработку личныхъ наблюденій изъ народной жизни. Онъ любилъ при помощи сочиненій обращать вниманіе юмошей на изученіе искусства, посылалъ на выставки картинъ и рекомендовалъ излагать свои впечатлѣнія. Помню, какъ увлекались мы еще въ среднихъ классахъ тогда только возникавшею школою «передвижниковъ», сколько пережили хорошихъ часовъ, обсуждая на урокахъ В. П. представлявшіяся списанія картинъ

и ихъ оцѣнокъ: мы вводились такимъ образомъ въ совершенно новый міръ мыслей и образовъ. Онъ могъ отлично разбирать сочиненія, особенно когда авторы ихъ легко или самоувѣренно распоряжались важными и дорогими ему вопросами. Когда одинъ мой товарищъ подаль ему бойкую, но поверхностную характеристику Рудина, какъ иллюстрацію пословицы — «не все то золото, что блеститъ», В. П., задѣтый живо хлесткостью тона молодого критика, прочиталъ намъ блестящую лекцію о просвѣтительномъ значеніи людей рудинскаго типа въ жизни нашего общества. Такъ знакомились мы попутно, занимаясь съ В. П., съ широкимъ кругомъ интересовъ науки и литературы, искусства и жизни.

Каждый годичный курсъ В. П. начиналъ увлекательнымъ разъясненіемъ его общей программы, которая вырисовывалась, какъ чудесная картина, открывавшая заманчивыя дали. Тутъ же указывались литературныя произведенія, историческія, критическія и инныя книги, какія онъ считалъ необходимымъ матеріаломъ для чтенія учениковъ. Онъ при этомъ такъ хорошо, ясно и симпатично характеризовалъ значеніе и интересъ этихъ книгъ, что легко удавалось ему пробуждать и поддерживать въ живыхъ и способныхъ мальчикахъ вдохновеніе и пылливый духъ; даже слабые и вялые ощущали себя затронутыми. Правда, многіе планы, о которыхъ онъ мечталъ, оставались часто невыполненными, но причину такого разлада между идеаломъ и дѣйствительностью было обыкновенно не легкомысліе и паденіе пыла въ самомъ преподавателѣ, а нерадѣніе большинства питомцевъ, быстро погружавшихся въ апатію подъ охлаждающимъ дѣйствіемъ школы и жизни. В. П. задавался цѣлью не только указать, что читать, но и научить, какъ это дѣлать. Мы рано привыкли, подъ его вліяніемъ въ своей самостоятельной работѣ «читать съ перомъ въ рукѣ», отиѣчая въ особыя тетрадки и новыя мысли, которыя привлекали вниманіе, и понравившіеся отрывки, и вызванныя недоумѣнія. Онъ совѣтовалъ заводить для такого «домашняго чтенія» толстую тетрадь на цѣлый годъ, въ которой заносился бы непринужденно весь накопляющійся матеріалъ выписокъ, конспектовъ, вопросовъ, впечатлѣній, плановъ, заглавій найденныхъ или указанныхъ книгъ и т. д. Онъ говорилъ, что такъ будутъ сохраняться результаты личныхъ занятій, закрѣпляться картина ежегодной исторіи души, которую потомъ пріятно и важно будетъ пересматривать и передумывать. Мало-по-малу, незамѣтно мягкое, чуждое всякаго нравственнаго насилія или умственнаго принужденія вліяніе В. П. простиралось за предѣлы гимназическихъ стѣнъ и уроковъ русскаго языка: оно шло вмѣстѣ съ учениками въ ихъ дома — богатые и бѣдные, веселые или печальные, — создавая любимое дѣло, сильное мальчишамъ и облагораживавшее ихъ среди разнообразныхъ условій матеріальной обезпеченности и семейной обстановки, наполняя ихъ внутреннюю жизнь хорошимъ идейнымъ содержаніемъ.

Самыми выдающимися частями курса В. П. были теорія поэзіи, особенно драмы, затѣмъ обзоръ народной словесности и больше всего новой русскаго литературы. Изучая въ классѣ произведенія для опредѣленія отличій главныхъ поэтическихъ видовъ, онъ грезилъ въ разборъ ихъ исключительности.

обнаруживалъ чуткость при постановкѣ задачи, вкусъ при построеніи плана ея разработки, гибкость и индивидуализацію при ея выполненіи. Работалъ онъ надъ прекраснымъ матеріаломъ, выбравшимся не изъ одной русской, но и изъ мировой литературы. Когда мы учились въ пятомъ классѣ, вышелъ впервые переводъ В. П. книги Эккардта, «Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій», съ приложеніемъ составленнаго переводчикомъ очерка теоріи поэзи. Намъ очень много хорошаго дала эта книга. Она приучила серьезно и вдумчиво относиться къ изучаемымъ произведеніямъ, а главное, она окружила насъ крупными фигурами гениальныхъ европейскихъ поэтовъ, которые своимъ словомъ поднимали душу, окрыляли воображеніе, учили тому, что такое господство ума надъ явленіями жизни *). Въ годы, когда преподаваніе словесности находилось еще подъ давленіемъ схоластическаго формализма, когда въ работахъ нашего замѣчательнаго ученаго, профессора и академика А. Н. Веселовскаго только залагались основанія сравнительной эволюціонной поэтики, В. П. уже стремился воспользоваться новыми точками зрѣнія, провести историческій методъ черезъ гимназическій курсъ, знакомя отчасти съ происхожденіемъ и развитіемъ поэтическихъ родовъ во всемірной литературѣ. Собственно, на урокахъ В. П. мы—классики—нѣсколько познакомились съ греческими и римскими писателями. Онъ именно далъ намъ почувствовать красоту и величіе Гомера, Пиндара, Софокла, Аристофана, Плавта, Вергилія, Горація, Ювенала. Отъ него приобрѣли мы нѣкоторую способность понимать и цѣнить древній міръ **). Первостепенныя произведенія литературы другихъ великихъ эпохъ также проходили передъ нашимъ умственнымъ взоромъ въ лучшихъ и типичнѣйшихъ образцахъ различныхъ поэтическихъ категорій. Мы близко знакомились съ Шекспиромъ, Шиллеромъ и Гете, не оставались вполне чужды «Божественной комедіи», приобрѣтали понятіе о Мильтонѣ и Тассо, Байронѣ и Гюго, Сервантесѣ и Диккенсѣ. Беру только пришедшіе первыми на память крупнѣйшіе примѣры, случайно выхваченные изъ разныхъ странъ, сферъ и временъ, чтобы быстро показать широту размаха курсовъ В. П. Разбиравшіяся произведенія не оставались у него въ видѣ ничѣмъ не связанныхъ обрывковъ, а вставлялись въ рамку эпохи, освящались умственными и общественными движеніями, ихъ породившими, истолковывались біографіями и характеристиками авторовъ. Поэты не только своими произведеніями, но и примѣромъ своего жизненнаго поприща и идейнаго подвига должны были, по мысли В. П., становиться нашими учителями. Разматривая теорію и исторію драмы, В. П., знакомилъ насъ и съ развитіемъ сценическаго искусства. Греческій театръ, средневѣковая мистерія, театръ

*) См. въ 3-мъ изд. этой книги (Спб. 1897) интересное предисловіе, въ которомъ В. П. говоритъ «о происхожденіи ея и пользованіи ею».

**) В. П. рассказываетъ самъ (см. «Новости», 1901 г. № 108), какія формальныя препятствія ставились ему въ Ларинской гимназіи, когда онъ—учитель «русской» словесности задался цѣлью знакомить учениковъ съ перлами «греческой и римской» литературы, подъ предлогомъ, что это дѣло—есть монополія преподавателей древнихъ языковъ, и что ознакомленіе съ классическими авторами должно происходить только въ подлинникѣ.

во время Шекспира, возникновение сцены у насъ—обо всемъ этомъ мы получали у него хорошее представлѣніе. Онъ приучалъ насъ разумно посѣщать драматическія представленія, пользуясь и этою воспитательною силою для нашего развитія. Съ Грибоѣдовымъ, Гоголемъ, Островскимъ мы сроднились въ театрѣ, куда и самъ онъ часто насъ сопровождалъ. Когда въ первый разъ прѣхалъ въ Петербургъ знаменитый итальянскій трагикъ Росси (въ 1876 г.), намъ заранѣе рассказалъ о немъ В. П., настойчиво рекомендуя непременно слѣдить за спектаклями его труппы. Шекспиръ раскрылся передъ нами во всей его необъятной силѣ и глубинѣ именно при посредствѣ интерпретаціи великаго артиста. Это было одно изъ самыхъ замѣчательныхъ юношескихъ впечатлѣній нашихъ, воспринятыхъ отъ искусства, и не изгладятся изъ памяти тѣ бесѣды, которыя мы вели съ В. П. подъ обаяніемъ великолѣпной игры первокласснаго художника.

Когда введено было въ гимназіяхъ отдѣльное преподаваніе логики, В. П. и здѣсь остался чистъ отъ сухости и педантизма. Онъ не мучилъ насъ формальными тонкостями, а знакомилъ преимущественно съ психологическими основами мышленія и пытался дать намъ понятіе о роли великихъ геніевъ человѣческой мысли, вводилъ насъ въ главные моменты исторіи философіи древней и новой, дѣлая это осторожно, безъ нарушенія чувства мѣры. Это также сильно увлекало лучшихъ изъ учениковъ и расширяло съ пользою ихъ умственную подготовку къ высшему образованію.

Курсъ исторіи литературы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ его частяхъ равнымъ образомъ, очень удавался В. П.—Очеркъ русской народной словесности строился на интересномъ бытовомъ фундаментѣ и къ нему привлекался сравнительный матеріалъ изъ былевого эпоса и пѣсенной лирики другихъ народовъ. Впрочемъ, этотъ отдѣлъ носилъ преимущественно описательный характеръ: у В. П. не хватало систематической научной эрудиціи, чтобы построить генетическую картину постепеннаго развитія мѣологическаго міросозерцанія древняго народа въ его поэтическомъ выраженіи. Но дать почувствовать красоту образовъ, созданныхъ народнымъ творчествомъ, и выяснитъ важность ихъ изученія онъ умѣлъ очень хорошо. Прекрасный анализъ русскихъ былинъ глубоко вѣдрилъ въ нашу память. Когда въ молодости В. П. мечталъ о магистертвѣ, онъ началъ работать надъ диссертацией о богатыряхъ новгородскаго цикла и любилъ возвращаться къ этой темѣ на своихъ урокахъ, которые выходили чрезвычайно интересными и содержательными. Древней русской литературы онъ не любилъ и не былъ достаточно строгимъ историкомъ, чтобы искусно пользоваться древнею письменностью, какъ культурнымъ матеріаломъ для выясненія развитія нашего стараго просвѣщенія.

Литературная исторія XVIII в. въ Россіи не составляла также сильной стороны въ курсѣ В. П. и проводилась довольно блѣдно, за исключеніемъ главы о Новиковѣ и сатирическихъ журналахъ, на которыхъ онъ иногда останавливался подробно. Не очень любилъ онъ и Жуковского, какъ оригинальнаго поэта, но превосходно пользовался его переводами для характеристики различныхъ направленій, которыя вліяли на его музу, и поэтовъ, которые вдохновляли его

лиру переводчика. Вообще, обзорніе развитія русской литературы давало ему поводъ для многихъ въ высшей степени цѣнныхъ экскурсовъ въ область исторіи идей и настроеній, волновавшихъ и двигавшихъ европейское общество. Романтизмъ, классицизмъ, просвѣщеніе XVIII в., Sturm und Drang, романтика, особенно байронизмъ,—все это проходило передъ нами въ быстрыхъ, но яркихъ этюдахъ. Это было очень хорошо—мы только отъ В. П. получали свѣдѣнія о великихъ явленіяхъ въ исторіи человѣческой мысли, и для пробужденныхъ учениковъ такіе уроки, которыми сильно увлекался и самъ учитель, доставляли истинное наслажденіе. Нѣкоторые изъ насъ много работали въ указанныхъ областяхъ, основательно знакомились съ литературными текстами, вчитывались въ большія руководства по исторіи литературы Геттнера, Порфирьева, въ книги А. Н. Пыпина и др. В. П. по симпатіямъ былъ западникомъ, сохраняя горячую любовь къ родинѣ, умѣя вдыхать въ учениковъ страстное желаніе служить ей, содѣйствуя укрѣпленію той струи гуманизма и умственного свѣта, которая течетъ къ намъ изъ Европы.

Идя далѣе въ исторіи русской литературы, В. П. на притѣрѣ Грибоѣдова хорошо показывалъ, что можетъ дать поэзія для наученія общества, и какъ произведеніе поэта играетъ общественно-педагогическую роль. Но въ концѣ его историческаго курса былъ всегда отдѣлъ о Пушкинѣ. Это былъ, несомнѣнно, его любимый поэтъ, и его онъ проходилъ мастерски, не жалѣя времени, углубляясь въ подробности, предлагая разнообразнѣйшія темы для письменныхъ работъ. Нѣкоторые изъ его уроковъ о Пушкинѣ принимали видъ замѣчательно живыхъ діалоговъ, полныхъ интереснѣйшаго содержанія; иногда они переходили въ вдохновенныя лекціи. Обращаясь къ воспитанникамъ старшаго класса, онъ считалъ себя въ правѣ говорить о трудныхъ вопросахъ психологическихъ, философскихъ, общественныхъ, эстетическихъ. Онъ, который владѣлъ рѣдкимъ даромъ доступнаго, популярнаго изложенія, всегда энергично вооружался противъ общераспространеннаго среди официальныхъ руководителей школы стремленія непременно вынуть серьезное содержаніе изъ гимназическаго курса, понизить уровень и тонъ ихъ разработки. Онъ смѣло и вѣрно утверждалъ, что дѣти гораздо больше понимаютъ, чѣмъ мы думаемъ, исправлялъ убожество программъ, внося въ нихъ богатый идейный матеріалъ. Лермонтовъ и Гоголь оказывались обыкновенно сжатыми въ концѣ курса, но такъ какъ произведенія обоихъ писателей были извѣстны ученикамъ В. П. изъ курса предшествующихъ классовъ, то и тутъ получались прекрасные образцы общей оцѣнки великихъ писателей. Экскурсы о Толстомъ, Достоевскомъ и специально о Тургеневѣ прерывали или, вѣрнѣе, украшали разработку программы, начиная уже съ пятого, отчасти даже съ четвертаго класса. Тургенева въ освѣщеніи В. П. Острогорскаго мы приучались любить особенно горячо не только за громадный литературный талантъ и тонкую художественность, но и за свѣтлую общественную роль. Его образъ былъ для насъ не только величественнымъ, но близкимъ и дорогимъ.

Разбирая поэтовъ, В. П. основательно знакомилъ насъ и съ критиками. Лессингъ, Гервингусъ, Сентъ-Бевъ, Тэнъ на западѣ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Дружбинскій, Писаревъ въ Россіи извѣстны были намъ не по одному имени, и изу-

ченіе ихъ трудовъ входило въ обычай не только полезный, но и пріятный. Раскрывая передъ нами славныя страницы нашего литературнаго прошлаго, В. П. сближалъ насъ съ крупными моментами новѣйшей исторіи самосознанія нашего общества. Философскія движенія 40-хъ годовъ, кружки Станкевича, Грановскаго, Гердена были намъ знакомы въ ихъ просвѣтительномъ значеніи, равно какъ и дѣятели эпохи великихъ реформъ. В. П. училъ насъ знать и уважать результаты работы замѣчательныхъ представителей педагогическаго дѣла—Ушинскаго, Пирогова, Стоюнина, Водовозова и др. Мало-по-малу скромная личная душевная жизнь каждаго воспріимчиваго ученика В. П. сливалась, такимъ образомъ, съ широкимъ потокомъ развитія русскаго общества. Самъ отзывчивый къ современности, онъ не могъ не побуждать своихъ питомцевъ прислушиваться къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя имѣли близкое отношеніе къ литературѣ. Онъ отмѣчалъ намъ, когда мы перешли въ старшіе классы, выдающіяся статьи критическаго и публицистическаго характера, печатавшіяся въ новыхъ книжкахъ журналовъ и руководилъ нами при ихъ чтеніи. Нечего и говорить о появлявшихся крупныхъ произведеніяхъ беллетристики. Сочиненія Тургенева, Толстого, Достоевскаго, Некрасова, Салтыкова ожидались нами, какъ праздники. Мы посѣщали устраивавшіяся тогда литературнымъ фондомъ интереснѣйшія чтенія, въ которыхъ принимали участіе первоклассные писатели. Въ годъ послѣдняго пріѣзда въ Петербургъ И. С. Тургенева мы съ бурною радостью участвовали въ устроенной ему восторженной встрѣчѣ на литературномъ вечерѣ въ пользу женскихъ курсовъ и поднесли ему адресъ отъ группы гимназистовъ, получивъ на это благословеніе отъ В. П. Онъ не пропускалъ случая, чтобы остановить наше вниманіе на дѣятельности хорошаго литературнаго, общественнаго или педагогическаго работника по поводу скорбнаго факта его кончины или радостнаго появленія новаго труда или осуществленія полезнаго предпріятія. В. П. не боялся того, что жизнь будетъ врываться въ школу; напротивъ, онъ понималъ необходимость естественнаго взаимодѣйствія между частью и цѣлымъ. Онъ только заботился, чтобы реакція первой на вторую была чистою и правильною, старался сдерживать въ должныхъ границахъ и направлять къ добру силу впечатлѣнія, производимаго на юнаго школьника фактами дѣйствительности.

Самый способъ преподаванія много способствовалъ усиленію вліянія В. П. Онъ былъ положительно великолѣпнымъ рассказчикомъ. Уроки его слагались въ видѣ подвижныхъ бесѣдъ, разнообразныхъ по формѣ въ зависимости отъ ихъ содержанія, отъ настроенія учителя и класса. Изъ нихъ обыкновенно выросло полное красокъ живое и закругленное цѣлое; иногда они поднимались до высоты импровизаціи. Никогда не забуду, напримѣръ, превосходныя лекціи его объ Евгеніи Онегинѣ. Пренебрегая чопорностью чинопочитанія, отъ которой погибаетъ всякая нравственная связь между учащимъ и учащимися, онъ не сушил обстановки на своихъ урокахъ требованіемъ рабской дисциплины, ненавидѣлъ этикетъ, и самъ держалъ себя съ большою простотою. Онъ садился нерѣдко прямо на столъ около кого-нибудь изъ учениковъ, забираясь съ ногами на скамью; тепло и оживленно смотреть его глаза, съ одушевленіемъ лилась его рѣчь, всегда посвященнаго важному, хорошему предмету, усыпляя лишь немногихъ—только

дѣлаго ряда поколѣній гимназистовъ-ларинцевъ въ 70-ые годы, вылилось искренно изъ глубины души. Думаю, что я не преувеличилъ его значенія: пусть судятъ объ этомъ другіе близкіе ученики его, мои сверстники, въ числѣ которыхъ есть учителя, профессора и общественные дѣятели. Иногда, говоря о дорогомъ дѣлѣ, невольно присоединяешь къ характеристикѣ хорошаго работника, на его поприщѣ всѣ черты, которыя рисуются идеальной сущностью самаго дѣла. Но я убѣжденъ, что всѣ указанныя свойства жили въ личности исчезнувшего учителя, составляя основу его природы. Я не хотѣлъ писать ему похвального слова. У него было много недостатковъ, о которыхъ мы знали. Память о нихъ ступшевуется подъ горькимъ впечатлѣніемъ недавней утраты. Да и не въ нихъ суть. Они могли ослаблять или колебать въ иныхъ случаяхъ его авторитетъ и вліяніе, разстраивать даже отношенія съ нимъ у нѣкоторыхъ лицъ при болѣе тѣсныхъ интимныхъ столкновеніяхъ; но они, твердо вѣрю, не разрушаютъ справедливости высказаннаго здѣсь общаго сужденія о В. П., какъ о талантливомъ и неутомимомъ труженикѣ на тернистомъ у насъ пути педагога, какъ объ искреннемъ идеалистѣ и честномъ человѣкѣ. Жизнь моя такъ сложилась, что я мало видѣлся съ нимъ послѣдніе годы, но печальная вѣсть о его кончинѣ заставила съ ожившею ясностью и вновь поднявшею благодарностью припомнить все, что онъ сдѣлалъ для насъ, своихъ учениковъ. Слѣдуя за гробомъ В. П., я переживалъ нераздѣльно связанную съ нимъ раннюю юность, когда залагалось въ душѣ при его помощи то, что теперь привязывается къ жизни, и чѣмъ гордится совѣсть. Я считалъ своимъ долгомъ отдать ему посильно заслуженную имъ честь на страницахъ журнала, который онъ редактировалъ и любилъ. Обращаюсь я, главнымъ образомъ, къ тѣмъ, увѣренъ, многочисленнымъ ученикамъ и ученицамъ В. П., которые смотрѣли на него такъ же, какъ я, и къ учителямъ, которые увлекаются задачею, составлявшею душу его жизни до самаго ея неизбѣжнаго конца. Послѣдніе въ его книгахъ найдутъ для себя полезныя пособія *). Два его юбилея показали, какъ его знали и чтили люди, близкіе ему по профессіямъ. Самъ онъ въ прекрасныхъ статьяхъ о «Прошломъ, настоящемъ и желанномъ будущемъ нашей школы», написанныхъ годъ тому назадъ, когда оживилась надежда на ея реформу **), хорошо сформулировалъ принципы, какіе его всегда вдохновляли. Въ интересной автобіографической книжечкѣ ***) онъ самъ разсказалъ, какъ сложилась его личность и дѣятельность, а въ своемъ посмертномъ письмѣ къ ученикамъ, напечатанномъ въ газетахъ, обнаружилъ, какъ

*) Я не могу говорить о нихъ здѣсь специально, но долженъ особенно настоятельно рекомендовать всѣмъ учащимъ его сочиненіе—«Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми» (5 изд. Спб. 1901 г.), положительно незамѣнимое при начальномъ и среднемъ обученіи. Ср. еще его же «Письма объ эстетическомъ воспитаніи» (изд. 2. Спб. 1896). Списокъ работъ В. П., помѣщенный въ майской книжкѣ «Міра Божьяго» за текущій годъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какимъ онъ былъ плодовитымъ педагогическимъ писателемъ, и на какіе дѣйствительно живые и важные вопросы онъ отзывался.

**) См. «Новости», №№ 106 и 108 за 1901 г.

***) «Изъ исторіи моего учительства» (Спб. 1895 г.).

близка была его сердцу и народная школа, для которой онъ также не мало работалъ и писалъ *). Самъ В. П. въ годы тяжелаго настоящаго нашей средней школы боролся за поддержаніе идеалистической традиціи ея прошлаго въ шестидесятые годы, старался спасти учениковъ отъ мертвѣщаго дѣйствія жесткой рутины. Привѣтствуя тѣхъ, кому выпадаетъ на долю нынѣ создать реформу ея желанное будущее, онъ призываетъ ихъ стать подъ знамя гуманнѣйшаго начала, отрѣшившись отъ узкаго фанатизма тѣхъ, кто насаждалъ нынѣ существующіе порядки, и внявъ разумнымъ и справедливымъ желаніямъ страны. Свою статью В. П. заканчиваетъ слѣдующими убѣжденными словами: «Недовѣріемъ къ обществу, подозрительностью, страхомъ передъ частнымъ починомъ и смѣлымъ правдивымъ словомъ людей, желающихъ добра своему отечеству и готовыхъ всею душою идти на помощь всякимъ благимъ начинаніямъ въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ народное образованіе, еще никогда и нигдѣ не подымалось и не распространялось просвѣщеніе; серьезное же вниманіе къ насущнымъ потребностямъ послѣдняго и участіе въ организаціи этого просвѣщенія со стороны всего общества, только одни могутъ дать важнѣйшій залогъ ближайшаго нравственнаго и матеріальнаго преуспѣянія дорогой всѣмъ намъ матери—родины, чего уже давно такъ страстно жаждутъ всѣ истинно-русскіе люди».

Мы, любившіе и уважавшіе В. П. ученики, можемъ назвать его по правдѣ «хорошимъ учителемъ», и намъ дорого, чтобы помнилось его скромное, но прекрасное дѣло. Мы должны пожелать, чтобы «у его гробового входа» всегда возрождалась и «играла молодая жизнь», и чтобы на такое поддерживающееся доброе преданіе взирали не одна «равнодушная природа», но и заинтересованное русское общество.

Ив. Гревсъ.

*) Нахожу умѣстнымъ привести здѣсь текстъ этого письма: «Когда прочтется это письмо, автора не будетъ въ живыхъ. Я былъ такъ счастливъ, что видѣлъ много разъ трогательное къ себѣ вниманіе ярко выразившееся въ 1889 г., въ день чествованія четверть-вѣкового юбилея моей педагогической дѣятельности. Это вниманіе учившагося у меня и публики не оставляло меня до конца жизни и всегда было лучшею наградою за мою посильную дѣятельность, и вотъ теперь, умирая и вѣря въ искренность выражаемыхъ мной чувствъ, обращаюсь къ моимъ ученицамъ, ученикамъ, собратьямъ по литературѣ и всѣмъ, кто меня знаетъ, любитъ и помнитъ, съ посмертною послѣднею просьбою. Она относится не ко мнѣ, — мнѣ уже ничего не нужно, — а къ дѣлу которое всю мою жизнь было мнѣ дорого. Уже старикомъ, въ 1896 г., на мои собственныя средства, получаемыя съ уроковъ и литературнаго труда, я основалъ въ городѣ Валдаѣ бесплатное училище, двухклассную общеобразовательную школу, помѣщающуюся въ моемъ домѣ, но требующую особаго помѣщенія, котораго при жизни мнѣ не удалось построить. Со смертию моею дорогое для меня дѣтище гибнетъ, и вотъ обращаюсь къ вамъ, мои ученики и ученицы, собратья по литературѣ и всѣ, кто меня любилъ, — не оставьте моея Валдайской школы въ вашей энергичной поддержкѣ въ формѣ-ли попечительства, литературно-музыкальных вечеровъ, которые я такъ любилъ устраивать съ моими учениками, путемъ лекцій, словомъ, какъ надумается. Вамъ, выражавшимъ ко мнѣ при жизни такъ часто свою пріязнь, вѣряю мою школу въ той увѣренности, что вы не дадите ей погибнуть послѣ моей смерти. Васъ любившій, теперь умершій Викторъ Острогорскій».

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Воспоминанія Вл. Короленко «О Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ». — Цѣльность личности Успенскаго какъ писателя и человѣка. — Его творчество. — Громадное значеніе Успенскаго какъ художника и быто-писателя русской жизни. — Его законченность какъ писателя.

Изъ числа писателей — народниковъ, выступившихъ цѣлымъ гнѣздомъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ, одинъ Глѣбъ Успенскій не только не затерялся въ «дали временъ», какъ почти всѣ его современники и сверстники, но сохранилъ неувядающую свѣжесть интереса и громадное значеніе, какъ быто-писатель русской жизни. Стоитъ взять его произведеніе, что такъ часто приходится дѣлать нашему брату журналисту для справки, для цитаты, и уже не можешь оторваться отъ его нерѣдко гениальныхъ по яркости и жизненности страницъ. Увлечшись чтеніемъ, забываешь и о справкѣ и просто наслаждаешься его чуднымъ языкомъ, этимъ истинно-русскимъ, яркимъ и образнымъ языкомъ, его художественнымъ умѣніемъ творить жизнь, изъ незначительной, пустой сценки возсоздать такую подавляющую подчасъ картину человѣческой скорби или несчастья, что, потрясенный до глубины души, откладываешь книгу, чтобы передохнуть отъ его мучительной правды. Его, какъ и другихъ великихъ нашихъ писателей, нельзя читать «сплошь», что называется: онъ до того волнуетъ, захватываетъ и заставляетъ вдумываться, что приходится то и дѣло откладывать книгу, чтобы овладѣть впечатлѣніемъ и получше охватить всю глубину нарисованнаго образа. И когда, желая дать себѣ отчетъ, начинаешь вспоминать, что именно у него ярче всего, что законченѣе и цѣльнѣе — встаетъ такая масса этихъ образовъ, такое разнообразіе «лицъ, нарѣчій, состояній», что невольно чувствуешь себя подавленнымъ громадною захвата этого удивительнаго русскаго писателя, великаго знатока русской жизни и по истинѣ гениальнаго художника, по той проникновенности, съ которой онъ рисуетъ душу мужика, рабочаго, интеллигента, солдата, и всякаго живого человѣка въ данную минуту привлекавшаго его вниманіе. Кого здѣсь только нѣтъ? Порфиричъ, Ершишка, Хрипуновъ, Михаль Ивановичъ, Кудимычъ, Мымрецовъ, Тяпушкинъ, чиновникъ («Задача»), «вольный казакъ», Иванъ Босыхъ, Иванъ Ермолаичъ, Варвара, спившійся дьяконъ, безконечная вереница разныхъ дѣльцовъ и дѣятелей, вплоть до того русскаго мужика, что силою однихъ «природныхъ дарованій» сразу, въ одинъ присѣтъ, производитъ цѣнность въ сто рублей, и...

Аракчеевъ. Да и этотъ послѣдній, и такъ выписанный, что вы можете прочесть всего Шиллера, Богдановича, сколько угодно копаться въ «Русской Старинѣ» и все же не получите такого яркаго и цѣльнаго впечатлѣнія, какъ отъ нѣсколькихъ строкъ Глѣба Ивановича. «Страху нѣмъ въ себѣ,—разсказываетъ старый бурмистръ.—Столь много было въ немъ, значить, испугу этого самаго. Носъ у него, у покойника, былъ этакій мясистый, толстый, сизый, значить, съ сизинкой. И гнусавый былъ, гнусилъ... Идетъ ли, ѣдетъ ли, все будто мертвый, потому глаза у него были тусклые и такъ оказывали, какъ, примѣромъ сказать, гнилыя мѣста вотъ на яблокахъ бываютъ: будто глядять, а будто нѣтъ, будто есть глаза, а будто только гнилыя ямы. Вотъ въ этакое то видѣ—ѣдетъ ли, идетъ ли—точно мертвецъ холодный, и носъ этотъ самый сизый, мясистый, висить. А чуть раскрылъ ротъ—и загудитъ, точно изъ подъ земли или изъ могилы: «Па-а-а-а-а-а!» Да въ носъ, гнусавый былъ... «Па-а-а-а-а-а!» Это ужъ, стало быть, что-нибудь заприимѣтнѣе... И только его и словъ было, а то все какъ мертвый... Вотъ какой былъ сурьезный, дьяволъ!» Цѣльность впечатлѣнія отъ этого несравненнаго образа, такъ, мимоходомъ начертаннаго Глѣбомъ Ивановичемъ, еще усиливается тѣмъ, что разсказчикъ (въ очеркѣ «старый бурмистръ») весь на сторонѣ Аракчеева («такъ... былъ порядокъ»).

Такими безподобными перлами переполнены три увѣсистыхъ тома компактнаго изданія твореній Успенскаго. И среди безконечнаго разнообразія этихъ образовъ, то подавляющихъ васъ, то трогательныхъ до слезъ, то возбуждающихъ самое неудержимое дѣтское веселье, все время не покидаетъ васъ образъ самого творца, всегда грустный, словно трепещущій отъ удивленія и скорби при видѣ того, что творится вокругъ него, или словно недоумѣвающий, какъ же это никто, кромѣ него, не видитъ, не пугается всего безобразія жизни, не замѣчаетъ, какъ далеко-далеко уклонилась эта жизнь отъ красоты настоящаго человѣка? Потому что самъ онъ, Глѣбъ Ивановичъ, переполненъ трепетнымъ восторгомъ передъ этой чарующей красотой истиннаго человѣка и потому такъ до болѣзненности чутокъ ко всякимъ уклоненіямъ, уродующимъ «образъ и подобіе божье». Изъ этой чуткости и восторга передъ человѣческой красотой, передъ красотой природы и жизни вообще протекаетъ и дѣтская невольность Глѣба Ивановича, съ которой онъ относится ко всѣмъ и всему. Глѣвъ, суровое осужденіе, беспощадная жесткость къ описываемымъ имъ звѣроподобнымъ чуднѣшамъ, къ образамъ почти апокалипсическаго характера, какъ приведенный выше Аракчеевскій портретъ,—чужды ему вполне. Онъ и за нихъ страдаетъ, какъ и за тѣхъ, кто пострадалъ отъ нихъ. Онъ и въ ихъ искаженныхъ злобою лицахъ видитъ черты, сближающія ихъ съ общечеловѣческой красотой, которая въ этихъ несчастныхъ превратилась въ свою противоположность. Кму пожалуй, еще больнѣе при видѣ ихъ, чѣмъ при видѣ ихъ жертвъ, потому что страданіе приближаетъ къ красотѣ, очищаетъ и возвышаетъ, тогда какъ дикое безобразіе палачей выступаетъ на фонѣ общаго страданія еще ярче и гнуснѣе, до жгучей боли ранить сердце писателя. Самому предателю, котораго такъ беспощадно казнилъ Салтыковъ, Успенскій не смогъ бы сказать роковое: «иди! нѣтъ тебѣ прощенія!» Самое большее—онъ молча отвернулся бы отъ него. «И его тоже мать родила»,

какъ говорить у Достоевскаго каторжникъ, указывая на закованный трупъ своего товарища.

Источникъ этой незлобивости Успенскаго отнюдь не безразличье или слащавая гуманность, преисполненная мира и всепрощенія. Напротивъ, Глѣбъ Ивановичъ—это живое воплощеніе дѣйственной любви и неустанныхъ поисковъ за дѣлами и проявленіями именно такой дѣятельной любви. Всѣ его произведенія проникнуты этимъ исканіемъ, беспокойнымъ, напряженнымъ, страстнымъ. Въ самыхъ совершенныхъ и законченныхъ своихъ произведеніяхъ онъ не выдерживаетъ спокойнаго эпического тона, и то и дѣло стремительно уклоняется въ сторону, не въ силахъ удержать свое рвущееся на голосъ любви сердце. Нарисовавъ удивительную картину человѣческихъ безобразій, онъ же первый приходитъ въ ужасъ и ищетъ пути къ устраниенію ихъ, къ истинной правдѣ человѣческихъ отношеній, къ замѣнѣ «зоологической» правды — правдой человѣческой, которая пребудетъ во вѣкъ. И если когда негодованіе прорывается у Успенскаго, то въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда, вмѣсто этой правды, подсовываютъ другую, подъ разными соусами скрывающуюся, «звѣриную» по существу. Такъ было, напр., послѣ знаменитой рѣчи Достоевскаго (на пушкинскомъ празднествѣ) о «русскомъ все-человѣкѣ». Во второй половинѣ своей замѣчательной статьи, посвященной описанію торжества («На другой день»), у него прорываются такіа злыя слова, звучитъ мѣстами такой ѣдкой сарказмъ, какого вы не найдете нигдѣ во всѣхъ его произведеніяхъ. Его возмутила именно неискренность оратора, его игра словами, то, что на своемъ оригинальномъ языкѣ Успенскій характеризуетъ, какъ подмѣну «все-человѣческаго» — «все-заячьими свойствами». Характеризуя эту знаменитую рѣчь, Успенскій превращается въ сатирика, — вообще, ему мало свойственная роль. По его словамъ, Достоевскій разными вставками, незамѣтными уклоненіями, путанными словечками сводитъ своего все-человѣка на нѣтъ. «Такіе заячьи прыжки даютъ автору возможность превратить мало-по-малу все свое «фантастическое дѣланіе» въ самую ординарную проповѣдь полнѣйшаго мертвѣнія. Помаленьку, да полегоньку, съ кочки на кочку, прыгъ да прыгъ, все-заяцъ мало-по-малу допрыгиваетъ до непроходимой дебри, въ которой не видать ужъ и заячьяго хвоста...»

У Успенскаго нѣтъ ни проповѣди любви, ни всепрощенія, ни какихъ бы то ни было высокихъ словечекъ: онъ—сама простота, какъ въ изображенія, такъ и въ языкѣ, до того ему чуждо все искусственное, дѣланное, надуманное. Отъ того и самая форма его произведеній такая смѣшная—наполовину беллетристика, наполовину публицистика. О чемъ бы онъ ни рассказывалъ, онъ не можетъ воздержаться, чтобы не высказать всѣхъ мыслей, какія ему пришли въ голову по этому поводу. Если такіе постоянные переходы отъ разсказа къ размышленію мѣшаютъ иногда читателю, ослабляя впечатлѣніе, зато они тѣмъ ярче и цѣльнѣе обрисовываютъ писателя, раскрывая его душу цѣликомъ, не оставляя никакихъ сомнѣній, что и какъ именно думалъ Успенскій по тому или иному поводу. Но какъ разнообразны темы его произведеній, охватывая всю нашу русскую дѣйствительность, такъ же разнообразенъ и трудно объемлемъ и самъ Успенскій. Онъ поистинѣ «дистанція огромнаго размѣра», и этимъ можно

объяснить, что литература о немъ такъ бѣдна. Вступительная статья Н. Е. Михайловскаго и его же статьи въ «Русскомъ Богатствѣ» текущаго года, небольшое сравнительно мѣсто, удѣленное Успенскому г. Скабичевскимъ въ его «Исторіи литературы», статья г. Уманьскаго «Писатель переходнаго времени» въ «Русской мысли» этого года — вотъ, пожалуй, и все, что есть объ Успенскомъ. Можно указать еще очеркъ г. Волжскаго «Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ», въ которомъ есть очень важныя замѣчанія о разныхъ взглядахъ Успенскаго, но въ общемъ г. Волжскій только комментируетъ и дополняетъ извѣстную «Вступительную статью» Н. Е. Михайловскаго, на что, впрочемъ, онъ самъ же и указываетъ.

Смерть Успенскаго оживила литературу о немъ, и мы уже теперь имѣемъ превосходную характеристику его, какъ писателя и человѣка, данную В. Г. Короленко въ статьѣ его «О Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ», заключающей личныя воспоминанія автора. Самъ чуткій и вдумчивый художникъ, Короленко, быть можетъ, лучше и глубже всѣхъ сумѣлъ изобразить этого оригинальнѣйшаго человѣка, котораго мы всѣ знаемъ только по его писаніямъ. И человѣкъ въ изображеніи его такъ тѣсно и полно сливается съ писателемъ, что ихъ уже не отдѣлить, разъ вы прочли эти воспоминанія. Изъ небольшихъ, обыденныхъ фактовъ, изъ незамѣтныхъ черточекъ онъ создалъ такой обаятельный образъ, что Глѣбъ Ивановичъ выступилъ еще свѣтлѣе и чище, чѣмъ мы могли знать его раньше, и въ то же время многое, о чемъ мы только догадывались, выступить теперь въ его произведеніяхъ яснѣе, понятнѣе и еще болѣе захватывать васъ, когда вы знаете теперь душу Успенскаго. Самъ Короленко познакомился съ нимъ уже на склонѣ его литературной дѣятельности, незадолго до роковаго конца, такъ неожиданно пресѣкшаго его писательскую работу. Это было во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда усталость, разочарованіе и какое-то безсиліе разслабленной воли господствовали въ обществѣ.

«Всякій,—говоритъ Короленко,—кто жилъ уже сознательною жизнью въ то смутное и туманное время, помнить общій тонъ тогдашняго настроенія. У такъ называемой интеллигенціи начиналась съ «меньшимъ братомъ» крупная ссора (о которой послѣдній, впрочемъ, по обыкновенію, даже не зналъ). Хотя Успенскій никогда не идеализировалъ мужика, наоборотъ, съ большой горечью и силой говорилъ о мужицкомъ свинствахъ и о распоясовской темнотѣ даже въ періодъ наибольшаго увлеченія «устоями» и тайнами «народной правды», тѣмъ не менѣе въ это время онъ со всей силой своего огромнаго таланта продолжалъ призывать вниманіе общества ко всѣмъ вопросамъ народной жизни, со всѣми ея болящими противорѣчіями и во всей ея связи съ интеллигентною совѣстью и мыслью. Такъ что съ реакціей противъ мужика начиналась реакція и противъ Успенскаго: къ нему обращались запросы, упреки, письма. Въ одной изъ своихъ статей въ «Отеч. Запискахъ» Глѣбъ Ивановичъ съ большимъ остроуміемъ отиѣчалъ и отражалъ это настроеніе при самомъ его возникновеніи. Онъ характеризовалъ его словами: «надо и намъ». Что въ самомъ дѣлѣ: мужикъ заполонилъ всю литературу. Мужикъ да мужикъ, народъ да народъ. «Мы тоже хотимъ.... надо и намъ....» Началось само-углубленіе, само-усовершенствованіе, рѣшеніе вопросовъ изолированной личности, внѣ связисъ

общественными вопросами, до тѣхъ поръ властно занимавшими умы и сердца. «Восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ самого себя», съ обычною мѣткостью характеризовалъ Глѣбъ Ивановичъ одну сторону этого настроенія. Огорченный и разочарованный, русскій интеллигентный человѣкъ углублялся въ себя, уходилъ въ культурные скиты или обиженно требовалъ «новой красоты», становясь особенно капризнымъ относительно эстетики и формы».

Такое настроеніе переживалъ и одинъ пріятель автора, раздѣляя указанное предубѣжденіе противъ Успенскаго за его настойчивые призывы «все-таки смотрѣть на мужика».

«Однажды,—продолжаетъ Короленко,—онъ вошелъ въ мою гостиную, когда за чайнымъ столомъ, въ кружкѣ моей семьи и знакомыхъ, сидѣлъ Глѣбъ Ивановичъ, только что пріѣхавшій въ Нижній Новгородъ. Онъ говорилъ о чемъ-то своимъ обычнымъ тономъ, въ которомъ проглядывала какая-то сдержанная, глубокая печаль, по временамъ вдругъ уступавшая мѣсто вспышкамъ особеннаго, только Успенскому присущаго, тихаго юмора. Я представилъ своего пріятеля. Успенскій всталъ, пожалъ ему руку, невнятно пробормоталъ свою фамилію и опять обратился къ занимавшей его темѣ, которая уже овладѣла вниманіемъ слушателей. Взглянувъ случайно на своего пріятеля, я замѣтилъ на его лицѣ напряженное вниманіе, смѣшанное съ чрезвычайнымъ изумленіемъ. Черезъ четверть часа онъ поднялся съ своего мѣста и, выйдя въ сосѣдную комнату, поманилъ меня за собою.

«—Кто это у васъ?—спросилъ онъ съ величайшимъ любопытствомъ.—Я не разслышалъ его фамиліи.

«—А что? Почему вы спрашиваете такимъ тономъ?

«—Это какой-то необыкновенный человѣкъ. Отъ него вѣетъ геніальностью.

«—Поздравляю васъ,—отвѣтилъ я смѣясь,—вы познакомились съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ».

Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, «мой пріятель былъ завоеванъ навсегда, и притомъ не писатель предрасположилъ его къ личности, наоборотъ—необыкновенное обаяніе личности обратило скептика къ изученію произведеній писателя».

И это вполне понятно, такъ какъ, по словамъ Короленки, Глѣбъ Ивановичъ былъ «дорогимъ и рѣдкимъ исключеніемъ», когда писатель и личность нераздѣлены другъ отъ друга. Этимъ объясняетъ авторъ особый тонъ и манеру творчества Успенскаго, который не вынашивалъ своихъ твореній, не отдѣлывалъ ихъ съ тщательностью и любовью ради нихъ самихъ: «ему нужна была не красота, не цѣльность впечатлѣнія, не образъ. Съ лихорадочной страстностью среди обломковъ стараго онъ искалъ матеріаловъ для созиданія новой совѣсти, правилъ для новой жизни или хотя бы для новыхъ желаній этой жизни. То, что онъ предполагалъ извѣстнымъ, общимъ у себя и читателя, надъ тѣмъ онъ не останавливался для детальной отдѣлки, то отиѣчалъ только бѣглыми штрихами, заполнялъ кое-какъ, лишь бы не оставить пустоты. Наоборотъ, то, что еще только мелькало впереди смутными очертаніями будущей правды,—за тѣмъ онъ гнался страстно и торопливо, не выжи-

дая, пока оно самопроизвольно сложится въ душѣ въ ясный самодовлѣющій образъ. Онъ пытался обрисовать его поскорѣе для насущныхъ потребностей данной исторической минуты тѣми словами, какія первыя приходили на умъ. Отъ этого онъ часто повторялся, все усиливая находимыя идеи, заставляя читателя переживать съ нимъ вмѣстѣ и его поиски, и его разочарованія, и всю подготовительную работу, пускалъ своихъ жильцовъ, когда у постройки еще не были убраны лѣса. Все это искупалось важностью и насущностью занимавшихъ Успенскаго вопросовъ, а общность настроеній писателя и его читателей заполняла пробѣлы въ этой торопливой работѣ... Но особенно интересна во всемъ этомъ самая личность автора, съ ея своеобразной глубиной, съ ея необыкновенной чуткостью къ вопросамъ совѣсти, съ ея смятеніемъ и болью... И всякій, кто зналъ Успенскаго лично, кто помнитъ это обаяніе и значительность основного душевнаго тона, который сразу чувствовался во всякомъ словѣ, движеніи, взглядѣ задумчивыхъ глазъ, въ самомъ даже молчаніи Успенскаго,—согласится съ отзывомъ моего пріятеля: отъ этой своеобразной, единственной въ своемъ родѣ личности дѣйствительно вѣяло геніальностью...

Дѣйствительно, все въ личности Успенскаго было «не какъ у другихъ-прочихъ» и сразу привлекало вниманіе, начиная съ его «удивительныхъ глазъ, широко разставленныхъ и глубокихъ. Въ нихъ было что-то ласковое и печальное въ то же время; лицо мнѣ показалось усталымъ,—описываетъ Короленко первое свое знакомство съ Успенскимъ. — Помню, однако, что оно какъ-то сразу, безъ всякаго промежуточнаго впечатлѣнія и разлада, слилось со всѣмъ лучшимъ, что отлагалось въ души отъ его произведеній. Мнѣ казалось только, что лицо и взглядъ автора «Будки», «Разоренія» и столькихъ картинъ, полныхъ яркаго и своеобразнаго юмора—должно бы быть нѣсколько веселѣе. Однако, я чувствовалъ, что отъ этого оно не стало бы лучше, чѣмъ съ этой грустью, сосредоточенной, вдумчивой и какъ будто давно отложившейся на самомъ днѣ этой глубокой души».

Также глубоко и значителенъ былъ онъ весь, даже въ небольшихъ замѣчаніяхъ, бѣглыхъ отзвухахъ, какъ значительны тѣ образныя, яркія вставки въ его произведеніяхъ, когда онъ вдругъ однимъ словечкомъ, коротенькой сценкой, неожиданнымъ сравненіемъ, какъ молніей, освѣтитъ цѣлое сложное явленіе, запечатлѣтъ въ вашей памяти рѣдкій типъ или подчеркнетъ, словно ударомъ рѣзца, главную особенность того или иного характера. Иные жалуются на «трудность» чтенія Успенскаго, и въ этомъ есть доля правды, потому что онъ требуетъ напряженнаго вниманія,—иначе рискуешь пропустить драгоценную черту, «крылатое» словечко, глубокую и оригинальную мысль, которыми блещутъ страницы его очерковъ и рассказовъ. Онъ самъ — вся страсть и напряженіе даже въ самыхъ эпическихъ своихъ произведеніяхъ, и это утомляетъ. Его нельзя читать бѣгло, перелистывать, выхватывая отдѣльное «морское», такъ какъ все у него, при видимой разбросанности и неустройствѣ, крѣпко связано цементомъ его страстнаго исканія и неумолчно рвущейся къ дѣлу любви.

Въ разговорѣ его, приводимомъ авторомъ, вы слышите это постоянное напряженіе чувства, звучащаго все время, какъ туго натянутая струна, которая кажется, вотъ-вотъ оборвется и замретъ съ жалобнымъ, хватающимъ за сердце,

тономъ. Авторъ приводитъ его неподобный отзывъ о Достоевскомъ, котораго собесѣдники случайно коснулись.

«— Вы его любите?—спросилъ меня Глѣбъ Ивановичъ.

«Я отвѣчалъ, что не люблю, но нѣкоторыя его вещи, напр., «Преступленіе и наказаніе», перечитываю съ величайшимъ интересомъ.

«— Перечитываете?—переспросилъ меня Успенскій, какъ будто удивляясь, и потомъ, слѣдя за дымомъ папиросы своими задумчивыми глазами, сказалъ:— А я не могу... Знаете ли... у меня особенное ощущеніе... Иногда ѣдешь въ поѣздѣ... И задремлешь... И вдругъ чувствуешь, что господинъ, сидѣвшій противъ тебя... самый обыкновенный господинъ... даже съ добрымъ лицомъ... И вдругъ тянется къ тебѣ рукой... и прямо... прямо за горло хочетъ схватить... или что-то сдѣлать надъ тобой... И не можешь никакъ двинуться.

«Онъ говорилъ это такъ выразительно и такъ глядѣлъ своими большими глазами, что я, какъ бы подъ внушеніемъ, самъ почувствовалъ легкое вѣяніе этого кошмара и долженъ былъ согласиться, что это описаніе очень близко къ ощущенію, которое испытывается порой при чтеніи Достоевскаго.

«— А все-таки есть много правды,—возразилъ я.

«— Правды?—Глѣбъ Ивановичъ задумался и потомъ, указывая двумя пальцами на дверь кабинета, которая была открыта и прислонена къ стѣнѣ, сказалъ:—Посмотрите вотъ на эту дверь, много-ли тутъ за нею утаится?

«— Конечно, не много,—отвѣтилъ я, еще не понимая этого перехода мысли.

«— Пара калошъ...

«— Пожалуй.

«— Положительно пара калошъ. Ничего больше...—И вдругъ, повернувшись ко мнѣ лицомъ и оживляясь, онъ докончилъ:—А онъ сюда столько набьетъ... человѣческаго страданія... горя... подлости человѣческой... что прямо на четыре каменные дома хватить».

Такая напряженность чувства и вѣчная работа мысли не могли не истощать этого удивительнаго человѣка, что и разрѣшилось нервной болѣзнью, такъ рано положившей конецъ его писательской дѣятельности. Короленко положительно отрицаетъ нелѣпые слухи объ алкоголизмѣ Глѣба Ивановича. Онъ много курилъ и въ обществѣ пилъ со всѣми, но «вообще, когда теперь я вспоминаю эту папиросу и вино и то, что я, безъ привычки, тоже курилъ и пилъ въ присутствіи Глѣба Ивановича, и что ни куреніе, ни табакъ не оказывали на меня никакого дѣйствія,—то мнѣ кажется, что это было какое-то ровное, безпрестанное и чрезвычайно интенсивное горѣніе мозга и нервовъ, разнѣвающее, увлекавшее тотчасъ же и другихъ въ свою сферу. И въ этомъ горѣніи совершенно утопало впечатлѣніе наркотиковъ. Это были просто капли, шипѣвшія на раскаленной плитѣ. Но плита раскалялась не ими...»

Внутренній огонь, сжигавшій Успенскаго, придавалъ всей его фигурѣ что то особенное. «Разсказывая что нибудь, онъ глядѣлъ на собесѣдника своимъ глубокимъ мерцающимъ взглядомъ, говорилъ тихо, какъ будто сквозь слегка сжатые зубы и при этомъ жестикулировалъ какъ-то особенно, то и дѣло прикладывая два пальца къ груди, какъ будто указывая на какую то боль, которую онъ чувствовалъ отъ собственныхъ разсказовъ гдѣ то въ области сердца. Его

рѣчь была отрывиста, безъ закругленныхъ періодовъ, полная причудливыхъ изгибовъ и неожиданныхъ опредѣленій, часто вспыхивала своеобразнымъ юморомъ. И никогда она не производила впечатлѣнія простой болтовни на досугъ, среди которой такъ хорошо иногда отдохнуть отъ работы и отъ мыслей. Его молчаніе было отмѣчено тѣми же чертами, какъ и его разговоръ. Въ его отрывистыхъ замѣчаніяхъ, какъ и въ его молчаніи чувствовалась какая то неразрывная связь. Въ одномъ изъ своихъ очерковъ онъ говоритъ, что иногда можно «молчать о многомъ». Дѣйствительно, бываютъ разговоры, въ которыхъ содержанія меньше, чѣмъ въ полномъ молчаніи, и бываетъ молчаніе, въ которомъ ходъ мысли чувствуется яснѣе, чѣмъ въ иномъ даже умномъ разговорѣ. Такое именно значительное молчаніе чувствовалось въ паузахъ Успенскаго. Его рѣчь и его паузы продолжали другъ друга... Разъ вслушавшись въ основное содержаніе занимавшей его мысли, вы уже были во власти этого теченія, во время самыхъ паузъ уже чувствовали это «молчаніе обо многомъ» и невольно ждали, гдѣ эта не отдыхающая мысль сверкнетъ на поверхности какимъ нибудь неожиданнымъ поворотомъ, образомъ, картиной, иногда въ одной короткой фразѣ или даже въ одномъ только словѣ.

«Я думаю, что эта манера молчать такъ же утомительна, какъ и напряженная работа. А между тѣмъ, это было нормальное состояніе Успенскаго, по крайней мѣрѣ, въ томъ періодѣ его жизни, когда я зналъ его. Для него почти не существовало тѣхъ минутъ полного безразличія организма, когда въ немъ совершаются, не задѣвая сознанія, одни только растительные, восстанавливающіе процессы. Нѣкоторыя «житія» рисуютъ намъ подвижниковъ, никогда не разставшихся съ молитвой, которая входила даже въ ихъ забытье и сонъ. Совершенно также нѣкоторые вопросы совѣсти и мысли никогда не засыпали въ Успенскомъ. И это то, я думаю, придавало такую выдѣляющую значительность его лицу, его словамъ, его взгляду, самому его молчанію.

«Но это же и сжигало его неустаннымъ огнемъ.»

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ авторъ показываетъ намъ, какъ «господствующая идея» овладѣвала Успенскимъ и на каждомъ шагѣ, въ каждомъ поступкѣ и словѣ проявляла надъ нимъ свою неодолимую силу, подчиняя себѣ и всѣхъ его окружающихъ. Передать всю прелесть этого разсказа невозможно, пришлось бы перепечатать его до слова, такъ какъ все здѣсь значительно и вносить новый и новый штрихъ въ характеристику Успенскаго.

«Всю жизнь онъ стремился къ правдѣ, хотя бы и болящей, но истинной». заканчиваетъ свои воспоминанія г. Короленко, и вотъ почему такое громадное значеніе имѣютъ его произведенія, въ которыхъ запечатлѣлся цѣлый періодъ русской жизни со всѣми его исканіями, болями, надеждами и разочарованіями, и каждое слово здѣсь—правда. Въ самый разгаръ народническихъ увлеченій одинъ Успенскій неизмѣнно оставался правдивымъ и, страстно болѣя душой за «мужицкое свинство», представилъ всѣ отрицательныя стороны народной жизни также ярко и выпукло, какъ и привлекавшія его положительныя. Онъ не колебался признать односторонность этой народной правды, окрестивъ ее «зослогической», потому что, по его словамъ, «народное дѣло непремѣнно должно быть выяснено въ амой строгой безпристрастности и, если угодно, безстрашіи».

Ни одинъ народникъ писатель не далъ намъ такой уповательно правдивой картины «красоты ржаного поля», «гармоніи земледѣльческихъ идеаловъ», «поэзіи земледѣльческаго труда» и рядомъ съ этимъ только онъ далъ и обратную сторону, обрисовавъ въ своихъ «Мишанькахъ» и другихъ не менѣ яркихъ типахъ всѣ темныя, поразительно мрачныя и чисто «звѣриныя» явленія того же земледѣльческаго уклада.

Значеніе Успенскаго, какъ бытописателя народной жизни, такъ велико что безъ изученія его не мыслимо сколько-нибудь правильное представленіе о народѣ. И вполнѣ понятно, почему въ разгаръ спора марксистовъ съ народниками Успенскій былъ единственнымъ изъ народническихъ писателей, котораго читали съ карандашомъ въ рукѣ, изучая и вчитываясь въ его произведенія, какъ если-бы это были ученія, статистическія и экономическія изслѣдованія. Богатство фактическаго матеріала въ нихъ соединяется съ такимъ проникновеніемъ въ глубину народной психологіи, что въ этомъ отношеніи Успенскій пока не имѣетъ соперниковъ. Эта сторона произведеній его никогда не утратитъ значенія, хотя-бы настроеніе, съ какимъ все это было написано, и испарилось. По мѣткому выраженію г. Короленко, Успенскій мѣстами становится «трудень», т. е. намъ трудно войти въ его настроеніе «исканія» правды въ народной жизни, но *правдивость* картины той же жизни осталась навсегда запечатлѣнной въ его произведеніяхъ, отмѣченныхъ печатью почти геніальности.

Говоря «почти», мы въ сущности совершаемъ нѣкую несправедливость, по отношенію къ Успенскому, безсознательно дѣлая уступку мнѣнію, будто Успенскій не все сказалъ, не все далъ, что могъ бы сказать. Это мнѣніе раздѣляютъ многіе, напр.: тотъ же Короленко, такъ глубоко заглянувшій въ Успенскаго, какъ никто,—исключая развѣ Н. К. Михайловскаго,—говоритъ, что «Успенскій не сказался въ своихъ произведеніяхъ со всею силою своей необыкновенной личности, и своего таланта. Чистый образъ, тщательно вывошенный въ душѣ и выплавленный изъ однороднаго художественнаго матеріала, вообще легче привлекаетъ вниманіе и живетъ дольше, чѣмъ та смѣсь образа и публицистики, посредствомъ которой работалъ Успенскій». Намъ кажется, въ этихъ словахъ есть доля невѣрной оцѣнки Успенскаго, къ которому не примѣнимы никакія общія мѣрки. Это вѣрно, что онъ не далъ «чистаго образа» и въ его творчествѣ преобладаетъ «смѣсь образа и публицистики». Но ее такъ и надо оцѣнивать какъ преобладающую особенность Успенскаго-писателя, и тогда мы должны признать, что эта «смѣсь», въ родѣ Ивана Босыхъ изъ «Власти земли», Порфирича изъ «Нравовъ Растеряевской улицы» или Мырзцова—геніальные образы, наряду съ которыми можно поставить Каратаева изъ «Войны и мира» да типы, встрѣчающіеся у Гоголя и Салтыкова. Затѣмъ, въ его мелкихъ по объему произведеніяхъ, каковы рассказы, собранные имъ подъ общимъ заглавіемъ «Растеряевскіе типы и сцены», «Столичная бѣдность», «Мелочи» и другіе,—публицистики нѣтъ совсѣмъ, или если угодно—она сказывается мѣстами въ субъективизмѣ автора, въ его нескрываемой подчасъ симпатіи или антипатіи къ герою. Такіе чудные рассказы, какъ «Нужда пѣсенки поетъ», «Задача», «Про одну старуху», «Будка»,

«Дворникъ» и масса другихъ того же рода — останутся въ русской литературѣ чудными образцами творчества, надъ которыми время безсильно.

Мы думаемъ, поэтому, что въ трехъ компактныхъ томахъ, оставленныхъ намъ Успенскимъ, онъ сказался весь, безъ остатка, такъ, какъ немногіе изъ нашихъ великихъ писателей. Его огромный художественный талантъ развернулся въ его произведеніяхъ во весь ростъ, а его душа, скорбная, ищущая, не мирящаяся ни съ какой неправдой, вѣчно напряженная въ неустанныхъ поискахъ справедливости, гармоніи человѣческихъ отношеній — вылилась съ такой полнотой, яркостью и стремительностью, что я не знаю, чего еще могли бы мы потребовать отъ Успенскаго, для выясненія его, какъ писателя и человека. Если бы не роковая болѣзнь, прекратившая его работу въ годы полной физической и умственной бодрости, мы, вѣроятно, получили бы еще рядъ чудныхъ рассказовъ и очерковъ, представляющихъ ту же «смѣсь образа и публицистики», что и раньше, и содержаніемъ своимъ они уяснили бы намъ многое, что мы пережили за эти десять послѣднихъ мучительныхъ лѣтъ болѣзни Успенскаго. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что крупный переворотъ, совершившійся за это время въ русскомъ обществѣ, не избѣгъ бы вниманія такого чуткаго и глубокаго наблюдателя, какимъ является Успенскій-художникъ. И кто знаетъ, можетъ быть, многое получило бы иное направление подъ влияніемъ его мощнаго таланта, такъ глубоко умѣвшаго «потрясать» сердца... Но все это не прибавило бы ни одной лишней черты къ его характеристикѣ, не увеличило бы и не уменьшило его, какъ писателя, — это явилось бы только приложеніемъ все тѣхъ же силъ, которыя съ исчерпывающей полнотой вылились въ его произведеніяхъ.

Думаемъ, что въ такомъ мнѣніи нѣтъ ничего, умаляющаго значенія Успенскаго въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ теперь, и даже напротивъ. Мнѣ лично всегда нѣсколько обидно за любимаго писателя, когда говорятъ, что онъ не далъ всего, — потому что не далъ того-то и того-то, — не весь проявился въ своихъ произведеніяхъ, — и обиднѣе всего такое мнѣніе именно объ Успенскомъ, который далъ больше, чѣмъ можно бы ожидать отъ такой нервной, напряженно-страстной писательской организаци. Объемъ его работы вызываетъ, по истинѣ, удивленіе: свыше 3.000 убористыхъ страницъ, до трехсотъ печатныхъ листовъ, — и какихъ листовъ! — на протяженіи менѣе, чѣмъ тридцати лѣтъ! Мало писателей, которые могли бы гордиться такой продуктивностью, и при томъ такой значительной по содержанію, влиянію и силѣ впечатлѣнія. Что больше могли бы мы требовать отъ Успенскаго?

Какъ писатель, онъ представляется намъ вполне законченнымъ, завершеннымъ, оригинальнымъ явленіемъ русской пореформенной жизни, которую онъ отразилъ въ своемъ творествѣ съ необычайной полнотой. Всѣ изгибы этой жизни, ея бурныя теченія и широкіе разливы, мели и бездонные яры мы находимъ въ произведеніяхъ его мысли, которая, по удивительно вѣрному слову Короленки, «шла какъ рѣка, которая то течетъ на поверхности, то исчезаетъ подъ землей, чтобы черезъ нѣкоторое время опять сверкнуть уже въ другомъ мѣстѣ», вынося наверхъ тѣ чудные перлы, которыми переполнена сокровищница, именуемая «Сочиненіями Глѣба Успенскаго».

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Н а р о д и н ѣ.

Харьковскіе кобзарі. Въ программу XII археологическаго сѣзда, который состоится въ августѣ нынѣшняго года въ Харьковѣ, входитъ, между прочимъ, всестороннее знакомство съ кобзарями и лирниками, ихъ бытомъ, поэтическимъ матеріаломъ и степенью ихъ вліянія на окружающую среду. Свѣдѣнія о кобзаряхъ Харьковской губерніи, собранныя для сѣзда г. Е. Кристомъ, опубликованы недавно въ «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ».

Всѣ извѣстные г. Кристу кобзарі учились у стариковъ со словъ. «Сначала расскаже, а потомъ начне співаты, а мы повторяемо», какъ пояснилъ одинъ изъ современныхъ бандуристовъ. Обыкновенно молодой слѣпецъ поступалъ на обученіе къ уже извѣстному бандуристу. Курсъ ученія продолжался отъ 2-хъ до 3-хъ и иногда до 4-хъ лѣтъ. Учитель одѣвалъ и обувалъ своего ученика, но зато, обучивъ немного, посылалъ пѣть и отбиралъ у него весь заработокъ. Правило «передавай не все, что самъ знаешь», котораго крѣпко держались встарину учителя—дѣячки, практиковалось и бандуристами. Поэтому, бандуристы не довольствуются тѣмъ, что узнаютъ отъ своего учителя, а стараются учиться другъ у друга. Кромѣ того, кое какія пѣсни въ послѣднее время сообщаютъ бандуристамъ и слушатели. Такъ Древкину какая то барыня дала выписку божественной пѣсни: «Гора Аeonъ». Его родной братъ читалъ ему вслухъ, а Древкинъ, обладая хорошою памятью, скоро запомнилъ. Затѣмъ ему удалось схватить мотивъ и теперь онъ распѣваетъ эту пѣсню постоянно.

Окончивъ курсъ ученія, бандуристы покидаютъ своихъ учителей и начинаютъ путешествовать самостоятельно по окружнымъ деревнямъ, ярмаркамъ и храмовымъ праздникамъ. Несмотря на то, что многіе бандуристы живутъ недалеко отъ Харькова, въ городѣ они бываютъ рѣдко, да и то стараются пѣть на базарахъ вмѣстѣ со слѣпцами безъ бандуры, потому что полиція ихъ преслѣдуетъ. На преслѣдованіе со стороны полиціи бандуристы жаловались еще въ семидесятыхъ годахъ и такъ продолжается и до сихъ поръ. Почему это дѣлается такъ, неизвѣстно и тѣмъ болѣе это странно, разъ слѣпцы-зрячіе, нищие и попрошайки всѣхъ родовъ шаяются по Харькову безпрепятственно, а зазвать бандуриста къ себѣ на домъ зачастую не представляется возможнымъ, ибо они

боятся полиції. Минув Харьковъ, бандуристы лѣтомъ вочують изъ деревни въ деревню, зимою же дальше своей деревни не ходять.

Всѣ бандуристы говорятъ о паденіи заработка. Раньше, по ихъ словамъ, было неизмѣримо лучше. Причину упадка они объясняютъ каждый по своему, но въ общемъ все сводится къ тому, что раньше народъ былъ добрѣе. Наиболѣе рельефно характеризуетъ свое положеніе относительно заработка лирикъ Зозуля: «Наше діло хіба яке! Якъ людямъ гарно, то и намъ хорошо. Набредешь на щедрого, той заробышы!» Стало быть, все зависитъ отъ того, какъ живетъ людямъ. А раньше по словамъ бандуристовъ людямъ жилось лучше, потому и они были добрѣе. Помимо этого, по словамъ Древкина, раньше жили чумаки, которые любили послушать бандуриста и щедро платили.

Что касается вопроса о современномъ отношеніи народа къ бандуристамъ, то здѣсь крестьяне рѣзко дѣлятся на два класса: богатыхъ и бѣдныхъ. Богатые крестьяне не только не подаютъ бандуристамъ ничего, но зачастую прямо гонять со двора, называя ихъ лодырями (лѣвтями). Но зато бѣдные относятся къ нимъ хорошо и удѣляютъ все, что могутъ. И во всякомъ случаѣ никогда не отпустить со двора, не снабдивъ предварительно хотя бы кускомъ хлѣба.

Затѣмъ еще одно замѣчаніе. Думы про предковъ-героевъ постепенно исчезаютъ изъ репертуара бандуристовъ и замѣняются фабричными пѣснями. Къ сожалѣнію, г. Кристь относится къ этимъ послѣднимъ совершенно отрицательно и потому не считаетъ нужнымъ привести ни одного образца изъ этихъ пѣсень, распѣваемыхъ кобзарями въ видѣ уступки требованіямъ времени.

Предѣлы крестьянскаго самоуправленія. Интересную иллюстрацію даетъ г. Х—въ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» къ тому общезвѣстному въ сущности факту, что крестьянская община, крестьянскій «міръ» нерѣдко связанъ въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ, въ своемъ «самоуправленіи» самой мелочной опекой своего ближайшаго начальства «земскаго». Изъ этихъ отношеній «міра» и начальства истекаютъ иногда странныя, частью комическія, а частью и печальныя явленія.

Просить, напримѣръ, сельскій учитель «міръ» отвести ему десятину земли при школѣ для устройства на этой землѣ сада, огорода или пасѣки, гдѣ бы онъ могъ учить ребятъ огородничеству или пчеловодству.

«Міръ» отказываетъ учителю, вполне резонно мотивируя свой отказъ такими, примѣрно, соображеніями:

— Нѣтъ, Авдокимычъ, не подходитъ это дѣло. Не выдетъ наше дѣло земли тебѣ дать. Конечно, мы знаемъ, мужикъ ты хорошій, міръ ты обидѣть не согласенъ. Ну, да, вѣдь, нынче ты, а завтра другой; а тамъ прійдетъ земскій да прикажетъ этотъ твой садъ то канавой окопать али оградой огородить, да мало ли чего еще на мірскую шею навалить можетъ. А ужъ она и такъ хряститъ у насъ, шея то. Ты, вотъ что, Авдокимычъ, мы ужъ тебѣ въ полѣ десятинки двѣ отрѣжемъ: сѣй себѣ чего хочешь на доброе здоровье, а тутъ у училища, не выходитъ наше дѣло земли тебѣ отвести.

Знаю я и такой фактъ.

На склонѣ лѣтъ одинъ бывшій цѣловальникъ, нажившій изрядныя деньжонки, вознамѣрился «подумать о душѣ». Человѣкъ онъ былъ одинокій, родственниковъ у него не было, и вотъ онъ вздумалъ въ ближайшемъ селѣ построить богадѣльню. Надѣлалъ онъ тысячъ сто кирпича, перевозилъ этотъ кирпичъ въ село и поѣхалъ потолковать со «стариками» насчетъ мѣста подъ богадѣльню. Каково же было удивленіе и раздраженіе этого человѣка, когда міръ категорически отказался отъ богадѣльни и мѣста подъ нее не далъ.

— Да что же это вы, старики? Ай на васъ креста нѣту? Не для себя, вѣдь, я это дѣло то затѣваю. Для Бога.

— Понимаемъ мы все это, Ойрсъ Иванычъ, да нельзя намъ тебѣ мѣсто отвести. Не выходитъ наше дѣло то.

— Да отчего же, старики? Не Богъ вѣсть сколько мѣста подъ нее надо.

— Да ужъ будемъ тебѣ, Ойрсъ Иванычъ, обсказывать прямо: не въ мѣстѣ тутъ дѣло. Много ли тутъ мѣста? А дѣло вотъ въ чемъ. Хорошо, построишь ты богадѣльню, наберешь въ нее стариковъ, старухъ, скажемъ. Ну, покуда ты живъ, все ладно будетъ: будешь ты ихъ кормить и все прочее. А, вѣдь, подъ Богомъ то, Ойрсъ Иванычъ, всѣ, вѣдь, ходимъ. Ну-ка, не ровень часъ, померешь ты. Тогда-то что? Куда этихъ старухъ, стариковъ дѣвать? Кто ихъ кормить-то будетъ? Да какъ навалить эту твою богадѣльню на мірскую шею-то... Вотъ и нельзя намъ тебѣ мѣста отвести. Не обезсудь, Ойрсъ Иванычъ».

«И вотъ многія добрыя начинанія лопаются оттого, что ни единичный мужикъ, ни «міръ» не чувствуютъ себя хозяевами своего дѣла. Если бы «міръ» зналъ, что онъ можетъ, напимѣръ, дать землю подъ школьный огородъ, подъ богадѣльню, но можетъ и отобрать эту землю въ томъ случаѣ, если бы это понадобилось «міру», однимъ словомъ, если бы «міръ» чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ, дѣло было бы совсѣмъ другое. На почвѣ этихъ же отношеній «міра» и «начальства» вырастаютъ и другія явленія. Минувшій сельскохозяйственный годъ былъ однимъ изъ плохихъ годовъ. Во многихъ мѣстахъ Россіи было то, что на официальномъ языкѣ называется «недородомъ». Недородъ этотъ захватилъ и благословенную Тамбовскую губернію, откуда я и пишу это письмо. Не родились, собственно, въ минувшемъ году яровые хлѣба: рожь родилась еще удовлетворительно, но за недородомъ яровыхъ хлѣбовъ и, главное, за недостаткомъ яровой соломы урожай ржи пришлось дѣлить между людьми и скотомъ, всю зиму скотъ кормился ржаной рѣзкой, посыпавшейся мукой. Ржи поэтому не хватало, и къ веснѣ народъ во многихъ мѣстахъ оказался въ безвыходномъ положеніи: «отощалъ». Въ мірскихъ запасныхъ магазинахъ была засыпанная общественниками рожь, но «начальство» находило раздѣлъ ея весною неблаговременнымъ и отказывало обществу въ ихъ просьбахъ раздѣлить эту рожь. Тогда въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ во многихъ селахъ произошло «разграбленіе» крестьянами собственныхъ запасныхъ магазиновъ. Очень любопытны подробности этихъ «разграбленій».

Обобщать сказаннаго, думаю, говорить г. Х.—въ нечего. Общество, «міръ» являются не хозяевами своего «добра». Хозяйничанье общественнымъ «добромъ», конечно, требуетъ извѣстнаго порядка, соблюденія извѣстныхъ нормъ, но во

всякомъ случаѣ хозяиномъ общественнаго «добра» являются по существу дѣла прежде всего сами общинники. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, хозяиномъ является «земскій» въ предположеніи, что онъ лучше знаетъ нужды «міра», чѣмъ самъ «міръ». Хорошо ли это, и насколько нужно,—пусть каждый судить по своему.

«Тавричане». Тавричанами на Сѣверномъ Кавказѣ называютъ выходцевъ изъ Таврической губерніи, занимающихся овцеводствомъ. И если въ степяхъ Сѣвернаго Кавказа вообще нѣтъ недостатка въ хищникахъ, то первое мѣсто среди нихъ по алчности, грубымъ и до крайности безцеремоннымъ приѣмамъ опутыванія своихъ жертвъ, безспорно, принадлежитъ тавричанамъ. По словамъ «Донской Рѣчи», на Сѣверномъ Кавказѣ, тавричане начали появляться съ своими отарами овецъ въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ Таврической губерніи значительно сократился просторъ степей, необходимый для широко поставленнаго овцеводства. Въ то время на Сѣверномъ Кавказѣ цѣны на земли стояли еще довольно низкія, напр., въ кубанской и терской областяхъ десятина черноземной «цѣлины» продавалась не дороже 25—30 р., а арендная плата выше одного рубля за десятину и не доходила, благодаря чему большая часть мѣстныхъ частновладѣльческихъ земель и была закуплена тавричанами, а такъ называемые запасные станичные надѣлы очутились у нихъ въ долгосрочной арендѣ. Сдѣлавшись, такимъ образомъ, «земельными господами», тавричане на первыхъ же порахъ постарались поставить себя во враждебныя отношенія къ мѣстному коренному населенію—казакамъ и сельскимъ жителямъ; захватывая общественныя станичныя земли, они въ тоже время заводили въ судахъ безконечныя тяжбы о нарушеніи станичниками границъ ихъ земельныхъ владѣній; производя громадныя потравы станичныхъ «покосовъ» и хлѣбныхъ полей, они за ничтожныя потравы на своихъ земляхъ скотомъ станичниковъ брали слишкомъ большіе штрафы или же загоняли захваченный скотъ въ свои хутора—«экономіи» и т. д. Съ арендуемыми землями тавричане также мало церемонились—брали съ нихъ и изъ нихъ все, что только можно взять, а взамѣнъ ничего не давали: молодыя рощи, лѣса сводились на нѣтъ, а сами земли выпахивались до полнаго истощенія или вытаптывались громадными стадами овецъ такъ, что потомъ на нихъ, кромѣ репейника и густого бурьяна, долгіе годы ничего не родилось. Протесты станичниковъ противъ хищничества тавричанъ въ большинствѣ случаевъ не давали положительныхъ результатовъ, вслѣдствіе чего въ борьбѣ съ этими хищниками они все чаще и чаще начали прибѣгать къ своимъ «средствіямъ»; съ своей стороны тавричане въ долгу не оставались, и сплошь да рядомъ въ столкновеніяхъ этихъ двухъ элементовъ дѣло доходило, да и теперь до кровавыхъ расправъ. Благодаря этому, и понинѣ тавричанинъ для станичника и сельскаго жителя является синонимомъ темной силы, и о добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ между ними не можетъ быть и рѣчи.

Но станичные и сельскіе жители еще не лишены возможности такъ или иначе бороться съ алчностью тавричанъ, но чье положеніе въ этомъ отноше-

ни остается безпомощнымъ, такъ это положеніе того пришлаго рабочаго люда, который имѣетъ несчастье наниматься въ тавричанамъ на «сроки», т.-е. за-кабалаться въ батраки на болѣе или менѣе продолжительное время. Тавричанинъ за 40—50 р. въ теченіе 5—6 мѣсяцевъ норовитъ изъ батрака выжать всѣ его силы и все здоровье. Батракъ вѣчно въ работѣ, никогда онъ не знаетъ отдыха, даже праздниковъ нѣтъ для него. Особенно тяжела работа батрака въ лѣтнюю пору, когда завезенный въ степь верстъ за 100—150 отъ жилого мѣста, онъ, подъ присмотромъ хозяина или его приказчика, то печется подъ знойными лучами южнаго солнца, то мокнетъ подъ холодными дождемъ, изнемогая подъ непосильной работой. Заболѣетъ онъ—ему некому помочь, да это и не считается нужнымъ; приходится отлеживаться въ балаганѣ или подъ стогомъ сѣна, выслушивая градъ грубыхъ ругательствъ хозяина, упрекающаго его въ лѣни и притворствіи. Выдержала натура,—опять батракъ запрыгается въ ту же постылую работу, а умеръ—туда ему и дорога—свезутъ въ ближайшую станицу и похоронятъ на кладбищѣ, а то, такъ просто закопаютъ тутъ же въ степи... Бросить ненавистную работу, уйти изъ экономіи батраку нельзя, такъ какъ хозяинъ, не прибѣгая къ законному суду, расправится съ нимъ по своему, а эта расправа бываетъ слишкомъ жестокой: уголовныя хроники владикавказскаго, екатеринодарскаго и ставропольскаго окружныхъ судовъ нерѣдко даютъ потрясающія картины этой жестокости. Особенно тяжело положеніе тѣхъ батраковъ, которые не имѣютъ при себѣ паспортовъ: вѣчно находясь подъ страхомъ быть преданными въ руки полиціи и начать длинное путешествіе на родину по тюрьмамъ и этапамъ, они волей-неволей принуждены терпѣть свою горькую участь до удобнаго случая, когда представится возможность бѣжать отъ хозяина.

Въ денежныхъ расчетахъ съ рабочими тавричане сплошь и рядомъ практикуютъ обсчетыванія и всевозможныя плутни. Хотя рабочими и предъявляются къ нимъ въ мировые суды иски объ уплатѣ заработанныхъ денегъ, однако, имъ не всегда представляется возможность доказать справедливость этихъ исковъ, такъ какъ при наймѣ батраки не заключаютъ съ тавричанами никакихъ письменныхъ условій, да и когда ихъ заключать, если наемъ на работу совершается при неизбѣжномъ «могарычѣ», на который наниматель не скупится.

По словамъ одной изъ кавказскихъ газетъ, тавричане, въ виду недостатка степей для овцеводства на Сѣверномъ Кавказѣ, намѣреваются перекочевать въ Туркестанскій край. Если это сообщеніе вѣрно, то—зачѣсть «Донская Рѣчь»—остается пожелать имъ счастливаго пути, такъ какъ мѣстное населеніе, кромѣ зла и вреда отъ нихъ, ничего хорошаго не видѣло и не видитъ.

Изъ школьныхъ воспоминаній. Если газеты устали уже мечтать на темы о постановкѣ школьнаго дѣла въ будущемъ, если о современной школѣ онѣ вообще говорятъ мало и неохотно, то воспоминанія о школьной жизни въ прошломъ, хотя бы и очень недалекомъ, продолжаютъ то здѣсь, то тамъ появляться на газетныхъ столбцахъ. Въ «Сѣверномъ Браѣ», напримѣръ, напе-

чатаны интересныя воспоминанія о небольшой провинціальной гимназій, въ которой было всего 160 учащихся.

«Пріѣхалъ къ намъ однажды ревизоръ,—разсказываетъ авторъ. Наши учителя—въ регаліяхъ и какъ то странно измѣнились, что особенно сказывалось въ обращеніи съ нами. Намъ вѣжливо просили, даже умоляли получше въ это время учить уроки. Какъ теперь помню: входитъ ревизоръ къ намъ въ классъ, начинается спрашивать и останавливается на мнѣ.

— Вы какого происхожденія? — вдругъ спрашиваетъ ревизоръ, обращаясь ко мнѣ.

Вопросъ былъ для меня совершенно неожиданный и, пожалуй, даже не совсѣмъ понятенъ.

Кой-какъ удалось установить, что я—сынъ мѣщанина. Боже, что сдѣлалось съ фізіономіей петербургскаго ревизора, когда онъ услышалъ, что я—сынъ мѣщанина!

— На какомъ основаніи онъ въ гимназій? — шипѣлъ ревизоръ, уже не смотря на меня, а только тыча пальцемъ по тому направленію, гдѣ должна находиться моя персона...

Изъ дадѣннѣйшаго разговора ревизора съ директоромъ я понялъ только, что поступилъ въ гимназію ранѣе чего-то. Навсегда останется въ памяти эта сцена. Было и больно, и обидно. На глазахъ слезы. Почему же мнѣ нельзя быть въ гимназій? Что мой отецъ сдѣлалъ такое позорное? Подобные вопросы неслись въ моей головѣ. Теперь то я знаю, почему рассердился ревизоръ, увидѣвъ меня на гимназической скамьѣ».

При своемъ поступленіи въ гимназію, авторъ засталъ въ ней еще нѣсколько талантливыхъ и опытныхъ педагоговъ. Но скоро на смѣну имъ явились молодые педагоги чиновники, и въ школѣ водворилась мертвечина и ложь, насквозь пропитавшая гимназію. Лгали учителя, лгали передъ собой и передъ учениками, лгали и ученики. Правдивость и искренность старательно изгонялись изъ школы. «Мы смотрѣли на учителей, какъ на мучителей, а они на насъ, какъ на преступниковъ. Все должно было согласоваться съ предписаніями и циркулярами. А какъ? Надъ этимъ не задумывались».

Особенно памятна автору фигура учителя латинскаго языка, бывшаго въ то же время инспекторомъ.

За его строптивый нравъ прозвали его «Барсомъ». Время его инспекторства веѣмъ памятно. Карцеръ былъ всегда занятъ. Гимназисты каждую минуту должны были быть готовыми сѣсть въ карцеръ, потому что никто не зналъ, чего отъ насъ требуютъ. Требованія эти доходили иногда до курьезовъ.

Одинъ близорукій гимназистъ шелъ однажды ко всеобщей. Дѣло было осенью. На улицѣ темно, несмотря на фонари. Вдругъ около панели останавливается пролетка, съ которой сходитъ какой то господинъ.

— А, чего это ты, братецъ, не кланяешься, когда инспекторъ ѣдетъ? Это былъ Барсъ.

— Виновать, я не видѣлъ; темно; я близорукъ, — лепеталъ озадаченный гимназистъ.

— Чего тутъ темно, близорукъ! Не слышишь развѣ, что моя линейка (закричать)?

Мы должны были даже знать инспекторскую линейку.

Со мной былъ такой случай. Купилъ я въ магазинѣ доску для выпиливанія рамокъ. Иду съ доской домой. Слышу, визжитъ инспекторская линейка. Снимаю фуражку.

— Чего это ты съ палками по улицѣ болтаешься?

— Это—не палка, а доска, господинъ инспекторъ.

— Какая, такая тамъ еще доска. Зачѣмъ?

Я даю объясненіе.

— А, это можно,—послышался отвѣтъ, и инспекторская линейка затрепала еще сильнѣе.

Такъ жилось въ гимназіи, и, во всякомъ случаѣ, не лучше чувствовали себя и семинаристы. Вотъ что рассказываетъ о своихъ семинарскихъ годахъ сотрудникъ «Забайкаля»:

«Никого мы такъ не боялись, какъ инспектора М—ва; во-первыхъ, онъ сильно и больно билъ, а во-вторыхъ, безъ вины часто оставлялъ безъ обѣда и ужина. Безъ обѣда онъ оставлялъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Бѣдный ученикъ уже не могъ на кухнѣ достать чего-нибудь поѣсть послѣ общаго обѣда. Это все еще ничего. Но въ одно прѣкрасное время г. М—въ объявляетъ, что онъ приказываетъ всѣмъ ученикамъ приходить къ нему по одиночкѣ и рассказывать свои грѣхи!.. Ослушаться было невозможно. Помню хорошо, какъ былъ я самъ на этой самой «исповѣди». Захожу; инспекторъ стоитъ у стола.

— Ну, говори, въ чемъ грѣшенъ?

Молчу.

— Говори! Тебѣ говорятъ!

— На базаръ безъ спросу бѣгалъ,—едва слышно отвѣчаю я.

Записываетъ въ толстую тетрадь.

— На кухню бѣгалъ за ржаными сухарями, — продолжаю я также тихо исповѣдываться.

— Ну, а еще что?—кричитъ исповѣдникъ.

Молчу.

— А не знаешь ли, какъ меня дразнить?

Молчу.

— А не писалъ ли записокъ прогимназисткамъ? — продолжается допросъ.

— Нѣтъ.

«Далѣе слѣдовало еще много вопросовъ. Эти исповѣди бывали иногда передъ настоящею исповѣдью, а иногда тотчасъ же послѣ нея. Какъ это ни грустно, а приходилось мириться. Сыскныя наклонности «исповѣдника» до того были развиты, что когда мы съ товарищемъ жили на квартирѣ, то и тамъ онъ не оставлялъ насъ въ покоѣ: однажды пріѣхалъ къ намъ, перерылъ все въ ящикахъ, забралъ тетради, книжки, которыхъ такъ до сихъ поръ и не отдалъ. А билъ такъ жестоко, что, пожалуй, теперь никто не повѣритъ. Двумъ братьямъ Малыше-

вымъ чуть не оторвалъ уши, а нѣкоего Казанцева едва не зашибъ объ лавку. Собрались было мы писать жалобу, да раздумали. Сподвижникомъ педагога былъ нѣкто Ф. М. В—овъ. Съ хитрымъ лисьимъ лицомъ, мягкой кошачьей походкой, онъ умѣлъ ловить учениковъ и... умѣлъ наказывать. Я бывало знаю урокъ хорошо, но все-таки въ брюки на колѣна подкладываю тряпки, чтобы было мягче стоять на нихъ. Я былъ не любимъ имъ, поэтому и знаніе не спасало. Во время урока пѣнія только смычокъ свисталъ и гудѣлъ въ воздухъ, а затѣмъ обрушивался на головы и руки нелюбимыхъ. А любимцы его были: нѣкто Пр—овъ Н. и др.; первый учился плохо, но не былъ наказуемъ. Съ грѣхомъ пополамъ кончилъ я курсъ и навсегда распрощался съ милыми моими воспитателями.

«Были два учителя очень хорошіе, которые не только не позволяли себѣ бить ученика, но даже и не наказывали, но эти два субъекта не сентиментальничали съ нами, а просто относились по-человѣчески, и мы ихъ больше уважали и цѣнили. Бывало придешь изъ церкви усталый, разбитый, а тутъ кричатъ: «стройся!» Встаешь въ ряды, глядишь—бѣжить М—въ, становится лицомъ къ намъ и начинаетъ угощать длинной рѣчью часа два. И эти рѣчи почти ежедневно! Въ залѣ—пыль, духота, громкая, бичующая наши фиктивные пороки, рѣчь инспектора—такъ все и гонить на улицу поиграть, а нельзя. И кланешься поневолѣ своихъ воспитателей, бурсацкую жизнь съ ея мертвыми языками.

«Да, вотъ какое воспитаніе мы получали въ концѣ XIX вѣка».

Изверженіе грязнаго вулкана на Кавказѣ. Къ сѣверо-западу отъ с. Боби, Бакинскаго уѣзда, въ 2 верстахъ отъ него, находится гора «Гузы-Гранъ». Гора эта, высотой около 300 саж., вулканическаго происхожденія, такъ какъ не разъ изъ вершины ея происходили изверженія, о чемъ, по словамъ «Каспія», свидѣлствуетъ, и сейчасъ находящаяся по уклонамъ ея застывшая во многихъ мѣстахъ лава. Такіе грязные вулканы или сопки мѣстные татары зовутъ «ахтарма», вслѣдствіе чего и гора, недалеко отъ сел. Боби, именуется «Гузы-Гранъ ахтармасы». Извѣстно, что такихъ «ахтарма» много по всему побережью Каспійскаго моря и въ частности въ Бакинскомъ уѣздѣ на отдаленныхъ возвышенностяхъ около ст. Пута («Алладжанъ ахтармасы» и др.). Изъ этихъ грязныхъ вулкановъ по временамъ извергаются песокъ и камни и показывается огненное пламя, но такъ какъ по близости ихъ нѣтъ жилыхъ поселеній, то этого рода явленія природы въ Бакинскомъ уѣздѣ проходятъ мало замѣтными, не причиняя никакого вреда. Но на этотъ разъ изверженіе «Гузы-Гранъ ахтармасы» было не изъ такихъ и имѣло болѣе серьезныя послѣдствія. Изверженіе это произошло какъ разъ въ полдень 15-го мая. Воздухъ сразу огласился страшнымъ шумомъ и громомъ на подобіе выстрѣла изъ орудія, моментально все окружающее покрылось густой пылью, вслѣдъ за которой показалось огромное огненное зарево, словно рѣкой полившееся изъ вершины горы. Въ одинъ мигъ вся ближайшая окрестность была объята пламенемъ, которое къ тому-же несло съ собой и разбрасывало горячій песокъ и большіе камни. Въ это время у

подножья горы около имѣющагося здѣсь водопоя отдыхала баранта изъ нѣсколькихъ стадъ, принадлежащихъ жителямъ сел. Коби. Пламя вулкана моментально охватило баранту и несчастныя животныя въ страшномъ переполохѣ сами бросались въ огонь. Явленіе продолжалось всего 3—5 минутъ. Столь же быстро пламя прекратилось и лишь кое-гдѣ съ вершины сыпались песокъ и камни. Обезумѣвшіе отъ страха пастухи только послѣ этого увидѣли, какія тяжелыя послѣдствія имѣло происшедшее страшное явленіе природы; у подножія горы и недалеко въ оврагѣ лежала сотня труповъ обгорѣлыхъ барановъ; мѣстами несчастныя животныя корчились въ предсмертныхъ судорогахъ; оставшіеся въ живыхъ бараны метались въ разныя стороны отъ испуга.

Въ послѣдній разъ изверженіе изъ этого грязнаго вулкана имѣло мѣсто, какъ говорятъ, лѣтъ 8 тому назадъ; бывали изверженія и раньше, но мѣстные старожилы не помнятъ, чтобы явленіе это сопровождалось такимъ страшнымъ взрывомъ и особенно подобнымъ огромнымъ пламенемъ, какъ теперь. Что-же касается до жертвъ, то рѣдко такое явленіе въ данной мѣстности не сопровождалось уничтоженіемъ того или другого количества мелкаго скота, откуда и названіе «Гузы-Гранъ ахтармаси» (вулканъ, уничтожающій барашковъ).

Непосредственно послѣ изверженія и слѣдующіе дни вся окрестность горы была сильно пропитана удушливыми газами, причемъ особенно слышался запахъ сѣры. Шумъ отъ взрыва и пламя были слышны и видны изъ сел. Коби, расположеннаго на низменности. Селеніе это отстоитъ отъ г. Баку 15—18 верстахъ.

Изверженіе Гузы-Гранъ ахтармаси произвело крайне удручающее впечатлѣніе на жителей Коби и другихъ селеній, которые, напуганные недавней шемахинской катастрофой, опасаются землетрясенія.

Русскіе рабочіе въ Пруссіи. Ежегодно съ наступленіемъ весны изъ прусскаго края и изъ юго-западныхъ губерній въ Пруссію направляется за заработками множество сельскихъ рабочихъ, причемъ значительная часть ихъ уходитъ безъ паспортовъ. Явленіе это не разъ уже отмѣчалось и въ печати, и въ консульскихъ донесеніяхъ, причемъ во всѣхъ случаяхъ оно объяснялось несовершенствомъ дѣйствующей паспортной системы. Кое-какія мѣры для устраненія этого явленія были приняты русской администраціей, но ихъ очевидно недостаточно, такъ какъ уходъ рабочихъ безъ паспортовъ продолжается. На одинъ весьма существенный и до сихъ поръ еще не устраненный недостатокъ паспортной системы указываетъ теперь въ газетѣ «Крај» г. Мейштовичъ, котораго мы цитируемъ здѣсь въ изложеніи «Русскихъ Вѣдомостей».

Вкратцѣ исторія измѣненій въ выдачѣ паспортовъ уходящимъ въ Пруссію рабочимъ такова. По русско-германскому трактату 1894 г., рабочимъ принадлежало право пребыванія въ предѣлахъ Германіи съ начала полевыхъ работъ по 1-е декабря. Однако, съ этимъ правомъ не согласовалась русская паспортная практика, согласно которой рабочимъ выдавались бесплатные паспорта (легитимационныя карты) только на недѣльный срокъ. Лишь въ 1897 г. на основаніи русско-германскаго соглашенія, русскія власти ввели выдачу бесплатныхъ пас-

портовъ двухъ видовъ; срокомъ на одинъ мѣсяцъ во всякое время года и на восемь мѣсяцевъ—съ 1-го апрѣля по 1-е декабря. И если до введенія правилъ 1897 г. рабочіе пребывали въ Пруссіи въ теченіе всего сезона земледѣльческихъ работъ съ недѣльными легитимационными картами, чѣмъ обуславливалось ихъ безправное положеніе за границей, то для очень многихъ рабочихъ дѣло обстоятъ нисколько не лучше и теперь, потому что необходимость заставляетъ ихъ отправляться за границу къ началу земледѣльческихъ работъ, т. е. гораздо ранѣе 1-го апрѣля; такимъ образомъ рабочіе, выбравъ одномѣсячные паспорта и оставаясь съ ними въ Пруссіи до окончанія полевыхъ работъ, опять попадаютъ въ совершенно безправное положеніе и полную зависимость отъ произвола хозяевъ и прусской администраціи. Подъ постоянной угрозой высылки рабочіе принуждены терпѣливо переносить всякаго рода притѣсненія со стороны хозяина, безпрекословно соглашались на наложеніе штрафовъ за малѣйшую и часто мнимую неисправность въ работѣ, довольствоваться весьма скуднымъ пищевымъ пайкомъ, и т. под. При всякомъ выраженіи неудовольствія, при малѣйшей попыткѣ отстаивать свои законныя права, рабочій подвергается немедленному высленію изъ Пруссіи, какъ неимѣющій паспорта.

Тѣмъ не менѣе, эти весьма существенныя неудобства, усугубляемыя еще перспективой этапнаго слѣдованія на родину, повидимому, нисколько не уменьшаютъ числа рабочихъ, уходящихъ за границу по одномѣсячнымъ легитимационнымъ картамъ. Даже болѣе того, газеты констатируютъ массу случаевъ совершенно нелегальнаго ухода рабочихъ за границу,—безъ всякихъ паспортовъ. Надо думать, что при этомъ рабочіе руководствуются тѣмъ соображеніемъ, что если выборка одномѣсячнаго паспорта, связанная съ родомъ формальностей, не гарантируетъ отъ безправнаго положенія за границей, то положеніе рабочаго, которому удалось пробраться черезъ границу безъ паспорта, на дѣлѣ будетъ нисколько не хуже того, въ какое попадаетъ обладающій одномѣсячной легитимационной картой. Какъ бы то ни было, дѣйствующая паспортная система, преслѣдующая цѣли если не урегулированія, то регистраціи сезоннаго переселенческаго движенія въ Пруссію, не достигаетъ и этой цѣли. Помимо этого, она очень тяжело отзывалась на интересахъ рабочихъ, которымъ посчастливилось найти за границей заработокъ, отдавая ихъ всецѣло во власть произволу прускаго помѣщика и полиціи. Причины, заставляющія крестьянъ изъ года въ годъ искать заработка за границей, коренятся въ общей весьма неудовлетворительной экономической обстановкѣ крестьянства, и потому паспортная система не можетъ служить средствомъ не только для уничтоженія этой эмиграціи, но даже для сколько-нибудь замѣтнаго сокращенія ея. Поэтому только такая паспортная система будетъ цѣлесообразной и соответствующей интересамъ крестьянъ, которая не будетъ создавать никакихъ препятствій для эмиграціи рабочихъ и до возможной степени облегчитъ процедуру выправки паспорта. Случаи ухода рабочихъ за границу безъ паспортовъ могутъ прекратиться только при томъ условіи, если паспортъ будетъ получаться быстро и безъ особенныхъ затрудненій и имѣть силу на весь срокъ пребыванія рабочаго за границей.

За мѣсяць. Особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности опубликована программа вопросовъ, которые должны служить предметомъ ближайшихъ работъ совѣщанія.

Какъ видно изъ этой программы, особое совѣщаніе основной своей задачей считаетъ улучшение сельскохозяйственной и экономической техники, около вопросовъ которой и сосредоточены всѣ намѣченные совѣщаніемъ 27 пунктовъ программы. Впрочемъ, особое совѣщаніе не считаетъ эту программу исчерпывающей свою работу и предоставляетъ мѣстнымъ дѣателямъ въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ пополнять ее новыми темами и вопросами. Въ виду этого мнѣнія мѣстныхъ дѣателей о предстоящей совѣщанію работѣ пріобрѣтають особенный интересъ.

Постановленіе саратовскаго земскаго собранія, говоритъ «Сарат. Листокъ», состоялось по поводу обширнаго и обстоятельнаго доклада губернской управы, указывавшей на громадное общегосударственное значеніе работъ особаго совѣщанія и на необходимость непосредственнаго участія земствъ въ его занятіяхъ. Собраніе постановило: во-1-хъ, представить особому совѣщанію свои соображенія по поводу нуждъ сельскохозяйственной промышленности Саратовской губерніи и, во-2-хъ, возбудить передъ министерствомъ финансовъ ходатайство о приглашеніи представителя саратовскаго земства, по выбору собранія къ участию въ работахъ особаго совѣщанія.

Цѣнный докладъ на ту же тему о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности представляла курскому чрезвычайному, губернскому собранію курская губернская управа. Не останавливаясь на частностяхъ, лишь загораживающихъ основной вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, управа указывала на необходимость цѣлой системы коренныхъ улучшеній, которыя невозможны, пока крестьянинъ остается безъ правъ, безъ знаній, безъ капитала и орудій производства, а существующій сельскій порядокъ не даетъ воспитаться ни инициативѣ, ни привычкѣ къ самостоятельности. Собраніе признало пока преждевременнымъ баллотировать самый докладъ по существу и постановило, прежде всего, ходатайствовать о допущеніи къ участию въ работахъ особаго совѣщанія выборныхъ представителей земства.

— Неопредѣленное положеніе, въ какомъ находился со времени отставки генерала П. С. Ванновскаго вопросъ о школьной реформѣ, теперь вполне разрѣшается нижеслѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 10-го іюня на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгера:

«Григорій Эдуардовичъ. Назначивъ васъ управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія, Я возложилъ на васъ въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей задачу разработать и представить на Мое утвержденіе черезъ государственный совѣтъ проекты преобразованія средней школы и высшихъ учебныхъ заведеній. Дабы при выполненіи этой работы воспользоваться тѣмъ, что Я призналъ полезнымъ въ предположеніяхъ вашихъ ближайшихъ предмѣстниковъ, Мною разрѣшено вамъ подвергнуть новому разсмотрѣнію составленные ими проекты, касающіеся средней школы. Независимо отъ сего признаю нужнымъ преподать нѣкоторые руководительныя указанія. Прежде всего подтверждаю Мое требованіе,

чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи приучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не срошенный религіозными-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволие и самоувѣреніе. Для указанной Мною цѣли слѣдуетъ немедленно позаботиться о томъ, чтобы постепенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ были устраиваемы воспитательные пансіоны при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, строго подбирая для воспитательнаго дѣла наилучшихъ людей и отнюдь не допуская къ нему лицъ, неподготовленныхъ къ указаннымъ Мною задачамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю необходимымъ разработку вопроса о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ, призванныхъ нести учебную и воспитательную службу. Относительно устройства школы, Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа. Что касается университетовъ, то послѣ печальнаго опыта минувшихъ лѣтъ, Я ожидаю отъ учебной администраціи и профессоровъ сердечнаго и предусмотрительнаго участія къ духовному міру вѣренной ихъ попеченіямъ молодежи. Да помнать они, что во всѣхъ случаяхъ сомнѣній, борьбы и увлеченій молодежь въ правѣ искать и находить въ своихъ руководителяхъ недостающихъ ей—опыта, стойкости убѣжденій и сознанія зависимости иногда цѣлой жизни отъ одной минуты безразсуднаго увлеченія. Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ въ концѣ нынѣшняго учебнаго года въ самостоятельномъ сознаніи своего долга вернулись къ учебнымъ занятіямъ и порядку. Я хочу вѣрить, что послѣ лѣтнаго отдыха и успокоеннаго обращенія къ своей совѣсти, а также подъ благотворнымъ вліяніемъ родителей и близкихъ, учащаяся молодежь внимлетъ Моему голосу, призывающему ее вмѣстѣ со всѣми Моими вѣропопдаанными подъ сѣнь труда и законности. Безпорядкамъ, позорящимъ науку и университеты, которыми въ прежнее время сиравадно гордилась Россія, и губящимъ столько дорогихъ отечеству и Мнѣ молодыхъ жизней, долженъ быть, во благо вѣренняго Мнѣ Богомъ народа, положенъ конецъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукой написано:

«НИКОЛАЙ».

— Такъ какъ 11-го іюня с. г. истекъ срокъ дѣйствія Высочайшаго повелѣнія о средней общеобразовательной школѣ, то, какъ видно изъ опубликованнаго по этому случаю правительственнаго сообщенія, для устройства учебной части въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія на 1902—1903 учебный годъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ маѣ 1902 года была образована особая коммиссія; въ составъ ея, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, вошли, въ качествѣ представителей отъ каждаго округа, по одному директору гимназій и реальнаго учи-

лица. Въ своихъ работахъ комиссія исходила изъ того положенія, что прекращеніе дѣйствія Высочайшаго повелѣнія 11-го іюня 1901 года само по себѣ предполагаетъ возстановленіе того порядка, который дѣйствовалъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ до 1901 года. Но, съ другой стороны, комиссія полагала, что такое возстановленіе закона возможно въ томъ лишь случаѣ, если дѣйствіе его будетъ согласовано съ совокупностью тѣхъ условій, въ которыхъ въ настоящее время находятся среднія учебныя заведенія, и если временное возвращеніе къ старому порядку совершится при полномъ вниманіи къ интересамъ учащихся. Исходя изъ этихъ соображеній, комиссія высказалась за сохраненіе въ первыхъ двухъ классахъ гимназій на предстоящій учебный годъ строя, бывшаго въ предыдущемъ году; изученіе латинскаго языка предположено начать съ III-го класса, продолжая начатый курсъ природовѣдѣнія, а для 4-го класса, выработать двѣ таблицы уроковъ, на случай сохраненія гимназій двухъ рядовъ, одну—съ обоими древними языками, другую—съ однимъ латинскимъ; изъ новыхъ же языковъ нѣмецкій начинать съ I-го, а французскій—съ II-го класса. Въ реальныхъ училищахъ почти все оставляется по старому.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, куда поступили эти предположенія директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, внесъ въ нихъ нѣкоторыя существенныя поправки. Такъ, онъ полагаетъ необходимымъ возстановить въ гимназіяхъ преподаваніе греческаго языка въ IV-мъ классѣ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что при устройствѣ учебной части на 1902—3 учебный годъ слѣдуетъ отнюдь не уклоняться отъ двухъ существующихъ типовъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ что предположеніе комиссіи о возможномъ третьемъ типѣ (гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ), какъ затрогивающее по существу и отчасти предрѣшающее общій вопросъ о будущей реформѣ, не должно бы подлежать обсужденію.

Заключеніе комиссіи и мнѣніе ученаго комитета поступать на разсмотрѣніе совѣта министра народнаго просвѣщенія.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г-на министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣть соизволить: собраніе въ текущемъ году статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ губерніяхъ: Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской, прекратить, предоставивъ примѣненіе этой мѣры въ отдѣльныхъ сельскихъ мѣстностяхъ остальныхъ 22-хъ губерній усмотрѣнію начальниковъ губерній.

— 15-го мая виленскимъ военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло о Гиршѣ Давидовѣ Лекухѣ (онъ же Лекертъ и Лекеръ), преданномъ суду за покушеніе на убійство виленскаго губернатора, генералъ-лейтенанта фонъ-Валля. Военно-окружный судъ, признавъ Лекуху виновнымъ, приговорилъ его, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Поданная осужденнымъ кассационная жалоба разсмотрѣна главнымъ военнымъ судомъ въ засѣданіи 21-го сего мая и оставлена безъ послѣдствій.

28-го сего мая. приговоръ приведенъ въ исполненіе, въ порядкѣ ст. 963 и 964 уст. угол. суд., въ гор. Вильнѣ.

— 8-го іюня кievскимъ военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло о крестьянинѣ с. Снагости, Снагостской волости, Рыльского уѣзда, Курской губерніи, Никитѣ Кузминѣ Чепегинѣ, преданномъ этому суду кievскимъ, волинскимъ и подольскимъ генераль-губернаторомъ. на основаніи п. 1 ст. 17 прил. I къ ст. 1 (примѣч. 2) устава о предупрежденіи и прес. преступленій изд. 1890 г. для сужденія по законамъ военного времени. Судъ призналъ его виновнымъ въ покушеніи на убійство отставного генераль-лейтенанта Вейса, имѣвшемъ мѣсто 12-го мая этого года въ подъѣздѣ сада кievскаго купческаго собранія, причеиъ самаго убійства не послѣдовало лишь по особымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, а потому постановилъ: подвергнуть Чепегина за означенное преступное дѣяніе лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы срокомъ на двадцать лѣтъ съ послѣдствіями, указанными въ законѣ.

Приговоръ этотъ будетъ представленъ на утвержденіе кievскаго, волинскаго и подольскаго генераль-губернатора.

— Съ 20-го мая по 20 іюня въ пользу школы В. П. Острогорскаго въ Валдаѣ поступило въ контору редакціи:

Отъ Ив. М. Гревса (гонораръ за статью «В. П. Острогорскій какъ учитель») 75 р.

Отъ А. Г. Мейна изъ Буровщины 5 р.

Отъ служащихъ въ Щигровской женской прогимназіи 8 р.

Итого 88 руб.

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Русская Мысль»—май; «Историческій Вѣстникъ»—май; «Новое Дѣло»—май).

Тридцать перваго мая текущаго года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти талантливаго поэта и человѣка съ громкой въ свое время политической извѣстностью, Николая Платоновича Огарева. Объ этомъ обстоятельствѣ вспомнила г-жа Некрасова, посвятивъ покойному поэту въ майской книжкѣ «Русской Мысли» рядъ теплыхъ строкъ въ замѣткѣ, озаглавленной «О послѣднихъ годахъ жизни Н. П. Огарева». Намъ уже приходилось отиѣчать по другому поводу то грустное обстоятельство, что образъ такой замѣчательной личности, какъ Огаревъ, и тѣмъ болѣе всѣ далеко незаурядныя подробности его жизни еще далеки отъ того, чтобы на нихъ могъ быть пролить полный свѣтъ, но и кромѣ этого, приходится сказать, что мы просто-таки мало интересуемся жизнью нашихъ замѣчательныхъ людей, мало знаемъ даже и изъ того, надъ чѣмъ уже утерали свою силу всякія «не-зависящія обстоятельства». Многимъ ли извѣстны, въ самомъ дѣлѣ, потрясающія по своему трагизму послѣднія минуты жизни Огарева, нынѣ воспроизводимыя г-жею Некрасовою въ ея вышеупомянутой статьѣ? Человѣкъ, горячее сердце котораго представляло съ юности неизсякаемый родникъ любви къ родинѣ, человѣкъ, отдавшій всѣ свои силы на служеніе ей, пожертвовавшій для нея всѣмъ, что только могли доставить ему происхожденіе, связи и огромное

богатство, этотъ человѣкъ угасалъ одинъ-одинехонекъ вдали отъ Россіи, въ туманномъ Гринвичѣ, съ разбитой душой, съ разбитыми упованіями... Изъ всѣхъ когда-то многочисленныхъ друзей и поклонниковъ, лишь одинъ поспѣшилъ съ континента въ Англію, чтобы проститься съ умирающимъ и сдѣлать послѣднія распоряженія касательно похоронъ. То была дочь его неизмѣннаго друга Герцена, Наталья Александровна. Умирающій былъ еще въ сознаніи, когда она явилась въ Гринвичъ, узналъ свою дорогую «Тату», но вскорѣ впалъ въ безпамятство.

«Когда Николай Платоновичъ испустилъ послѣдній вздохъ,—пишетъ въ своей статьѣ г-жа Некрасова,—Наталья Александровна вручила англичанкѣ Мэри,—которая давно уже жила при Огаревѣ и ходила за нимъ,—необходимыя деньги на похороны и на всѣ неизбѣжныя въ подобныхъ случаяхъ расходы, сама же не осталась дожидаться похоронъ, а, захвативъ всѣ «старыя тетради», отказанныя покойнымъ поэтомъ «дѣтямъ Герцена», простилась съ покойникомъ и поспѣшила уѣхать домой, предоставивъ «мертвымъ хоронить мертвыхъ». Ее пугало общество Мэри,—этой грубой, необразованной и доволно распущенной женщины, съ которой у Н. П. не могло быть ничего общаго; поэтому, чтобы избѣжать возможныхъ неприємностей, какихъ-нибудь неожиданностей, Н. А. поспѣшала уѣхать, какъ только въ Гринвичѣ не стало того, для котораго она пріѣхала съ континента.

«И мертвые хоронили мертвыхъ!

«Одна Мэри была при той торжественной минутѣ, когда нашего русскаго поэта опускали въ могилу на гринвическомъ кладбищѣ: greenwich burial board № 469. Ни экипажей, ни провожатыхъ, ни вѣнковъ, ни друзей, ни родныхъ ни знакомыхъ,—одна только Мэри составляла весь похоронный кортежъ»...

Въ еще болѣе далекихъ временахъ переносить насъ напечатанная въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» очень интересная замѣтка г. Безроднаго, подъ заглавіемъ «Кюхельбекеръ и Грибоѣдовъ». Оба имени эти настолько близки всякому, интересующемуся судьбами литературнаго и общественнаго развитія Россіи, что всякая подробность, касающаяся ихъ біографій представляетъ, несомнѣнно, большое значеніе; эпизодъ-же, разсказываемый г. Безроднымъ, извлечшимъ матеріалъ для своей замѣтки о Кюхельбекерѣ и Грибоѣдовѣ изъ дѣлъ главнаго военнаго суда 1829 года, является въ печати, если не ошибаемся, въ первый разъ; правда, приговоръ надъ Сергѣемъ Оболенскимъ, о которомъ у насъ сейчасъ будетъ рѣчь, былъ въ свое время опубликованъ въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ»; но мы говоримъ, конечно, о печати не спеціальной, а общей. Дѣло вотъ въ чемъ: въ 1823 году изъ елисаветградскаго гусарскаго полка былъ уволенъ отъ службы «за самовольную отлучку изъ полка» и разныя продерзости по отношенію къ начальнику дивизіи генералъ-лейтенанту Будбергу штабсъ-ротмистръ князь Сергій Сергѣевичъ Оболенскій. Дѣло этимъ, однако, не кончилось, и императоръ Николай въ декабрѣ 1826 года повелѣлъ выдержать Оболенскаго годъ въ дивабургской крѣпости и затѣмъ отправить на Кавказъ рядовымъ въ Нижегородскій

драгунскій полкъ. Отсидѣвъ положенный ему срокъ, рядовой князь Оболенскій двинулся въ апрѣлѣ 1828 года въ Грузію, въ сопровожденіи урядника Аксюка. (Въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» сказано Оксюка). Раздраженный ли, какъ утверждалъ Оболенскій впоследствии, грубостями Аксюка, или подъ вліяніемъ виновныхъ паровъ, которыми насытили его при проѣздѣ черезъ Орелъ мѣстные гусарскіе офицеры, но только, по выѣздѣ изъ Орла, Оболенскій напалъ на Аксюка и поранилъ его принадлежавшей послѣднему саблей. За это Оболенскаго снова вернули въ Орелъ и тщательно обыскали. При обыскѣ въ его бумажникѣ было найдено безымянное письмо и два листка съ какими-то продолговатыми прорѣзками съ разставленными накрестъ буквами К. Н. Л. W. и т. д. Тутъ же были написаны и какія-то цифры. Власти всполошились, но Оболенскій упорно отказывался сказать, что это за письмо, а относительно листовъ показалъ, что они написаны и прорѣзаны имъ безъ всякой цѣли. Тогда Оболенскаго послали на Кавказъ, а о дѣлѣ начато было слѣдствіе, которое выяснило, что найденное у Оболенскаго письмо написано Кюхельбекеромъ Грибоѣдову. По докладѣ обо всемъ этомъ государю, его величество повелѣлъ «имѣть за Оболенскимъ строжайшій присмотръ и допросить Кюхельбекера». Объ этомъ повелѣніи Бенкендорфъ увѣдомилъ главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ графа Паскевича-Эриванскаго и коменданта Динабургской крѣпости. Вскорѣ послѣ этого Бенкендорфъ представилъ государю докладную записку о результатахъ произведеннаго по дѣлу Оболенскаго разслѣдованія. Паскевичъ извѣщалъ, что Оболенскій остался при своемъ первоначальномъ показаніи, будто бы онъ не помнитъ, кто передалъ ему найденное у него письмо; динабургскій же комендантъ донесъ, что Кюхельбекеръ показалъ слѣдующее: «Статскій совѣтникъ Грибоѣдовъ былъ ему самымъ ближайшимъ и лучшимъ другомъ, коему онъ одолженъ въ особенности величайшемъ благодѣяніемъ, о коемъ онъ говорить въ концѣ письма, и чувства благодарности къ Грибоѣдову были единственною причиною, заставившею его стараться письменно напомнить о себѣ, и какъ онъ не могъ надѣяться получить позволеніе на написаніе ему письма, а какъ отправление Оболенскаго въ Грузію казалось ему единственнымъ средствомъ для извѣщенія Грибоѣдова о себѣ, то онъ рѣшился отдать письмо Оболенскому, который содержался въ одномъ заніи съ нимъ, гдѣ, расположены арестантскія роты, занимая отдѣльную комнату, вольѣ занимаемой Кюхельбекеромъ, а обѣ комнаты имѣютъ выходъ въ одинъ общій малый коридоръ. Касательно найденныхъ у Оболенскаго двухъ бумажныхъ листовъ съ прорѣзанными отверстиями Кюхельбекеръ утвердительно объявилъ, что ему совершенно неизвѣстно, съ какой цѣлью имѣлъ ихъ при себѣ Оболенскій».

Письмо, изъ-за котораго загорѣлся сыр-боръ, было самаго невиннаго содержанія и гласило слѣдующее:

«Я долго колебался, писать-ли къ тебѣ. Но, можетъ быть, въ жизни мнѣ не представится уже другой случай увѣдомить тебя, что я еще не умеръ, что люблю тебя попрежнему; и не ты-ли былъ лучшимъ моимъ другомъ? Хоту вѣрить въ человѣчество, не сомнѣваюсь, что ты—ты тотъ же, что мое письмо будетъ тебѣ пріятно: отвѣта не требую—къ чему? Прощу тебя, мой другъ,

быть, если можешь, полезнымъ вручителю: онъ былъ вѣрнымъ товарищемъ твоего В... (т.-е., очевидно, Вильгельма) въ продолженіи шести почти мѣсяцевъ; онъ утѣшалъ меня, когда мнѣ нужно было утѣшеніе. Онъ тебя увѣдомитъ, гдѣ я и при какихъ обстоятельствахъ. Прости! До свиданія въ томъ мірѣ, въ который ты первый вновь заставилъ меня вѣрять.

В. К.

За послабленіе арестантамъ, благодаря чему они могли встрѣчаться, коменданту динабургской крѣпости было сдѣлано замѣчаніе, Кюхельбекеръ, по видимому, именно за написаніе этого письма былъ переведенъ изъ динабургской крѣпости въ ревельскую цитадель, а дѣло объ Оболенскомъ аудиторіатскій департаментъ послалъ на заключеніе Паскевича. Послѣдній собственноручно написалъ, что полагалъ бы, «лиша Оболенскаго дворянскаго званія и княжескаго достоинства, сослать въ Сибирь въ каторжную работу на шесть лѣтъ и по прошествіи сего срока оставить тамъ на поселеніи».

Въ окончательной формѣ докладъ аудиторіатскаго департамента главнаго штаба гласилъ, что, признавъ Оболенскаго виновнымъ «въ причиненіи обнаженною саблею въ бокъ раны уряднику Аксюку, въ упорномъ сокрытіи полученія письма отъ государственнаго преступника Кюхельбекера для отдачи статскому совѣтнику Грибоѣдову, а также въ изъявленіи ропота на правительство», департаментъ, представляя все это на высочайшее усмотрѣніе, полагалъ: «его, Оболенскаго, лишивъ дворянства и княжескаго достоинства, также воинскаго званія, какъ вреднаго для службы и нетерпимаго въ обществѣ, сослать въ Сибирь на поселеніе». На этомъ докладъ собственною его императорскаго величества рукою было написано: «быть по сему». Приговоръ надъ Оболенскимъ былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ той же книжкѣ «Историческаго Вѣстника» достойна быть отмѣченною небольшая замѣтка г. Васюкова «Воспоминанія о Ф. Д. Нефедовѣ». Достойна она этого въ двухъ отношеніяхъ: положительномъ и отрицательномъ. Въ положительномъ, по причинѣ производящаго очень хорошее впечатлѣніе изображенія авторомъ чрезвычайно симпатичной личности покойнаго Нефедова, какъ человѣка, и въ отрицательномъ, въ качествѣ яркаго образчика того удивительно упорнаго непониманія нѣкоторыми писателями одного изъ общественно-литературныхъ направленій послѣднихъ лѣтъ.

Мы выйдемъ то мѣсто изъ статьи г. Васюкова, въ которомъ онъ изображаетъ дѣятельность Ф. Д. Нефедова въ качествѣ секретаря общества любителей россійской словесности. Съ его избраніемъ на эту должность жизнь общества чрезвычайно оживилась. «Публичныя засѣданія стали происходить ежедневно въ зданіи московскаго университета, вся московская интеллигенція мало-по-малу стала постояннымъ посѣтителемъ этихъ дѣйствительно живыхъ и въ высшей степени интересныхъ собраній. Популярность этихъ засѣданій дошла, наконецъ, до того, что не хватало въ большой залѣ университета мѣста для желающихъ, и билеты для входа на публичное засѣданіе общества разбирались заранѣе, доставаясь съ большимъ трудомъ. Я не стану говорить о той

пользѣ, которую непосредственно получала молодежь во время этихъ живыхъ общеній литературы съ публикой. Нефедовъ, этотъ беззаветный слуга и адептъ русской литературы, заставилъ молодежь и полюбить и интересоваться послѣдней. Литераторы тоже оживились и стали читать въ засѣданіяхъ общества свои новыя произведенія, послѣ чего они уже появлялись въ печати. Я помню, какъ ломилась публика, чтобы послушать рассказъ графа Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», который авторъ далъ прочесть въ обществѣ... Знаменитый авторъ самъ не читалъ своего рассказа, а поручилъ прочесть А. С. Пругавину. Огромное впечатлѣніе произвелъ тогда этотъ рассказъ на болѣе чѣмъ многочисленныхъ слушателей, изъ которыхъ многіе сидѣли по двое на одномъ стулѣ, всѣ окна были заняты студентами, народъ стоялъ за дверьми, желая услышать хоть что-нибудь... Повторяю, засѣданія общества притягивали къ себѣ людей и одно время въ секретарство Нефедова играли видную роль въ московскомъ интеллигентномъ мірѣ. Большой эффектъ въ тогдашніе дни произвелъ чтеніемъ своихъ воспоминаній покойный Гиляровъ-Платоновъ, мастерски прочитавшій интересные эпизоды... Въ громадной аудиторіи въ теченіе нѣсколькихъ часовъ раздавался дружный, искренній смѣхъ, и я, какъ теперь, помню лектора, оживленнаго и тоже смѣющагося безъ удержу. Свѣжесть и искренность чувствовалась въ этихъ засѣданіяхъ, главнымъ образомъ, успѣхомъ своимъ обязанныхъ Ф. Д. Нефедову, его энергіи и труду, котораго было не мало положено, чтобы поднять общество, которое столько лѣтъ мирно дремало и въ настоящее время снова обнаруживаетъ весьма слабые признаки жизни. Да, такого секретаря, каковыиъ былъ Нефедовъ, трудно найти, какъ трудно встрѣтить человѣка, такъ любившаго русскую литературу и буквально только и жившаго ея интересами».

Какъ писатель, Нефедовъ былъ вполне «народникъ», а такъ какъ преобладающимъ настроеніемъ въ извѣстныхъ кругахъ общества было то же народничество, и къ тому же Филиппъ Діомидовичъ отличался далеко не зауряднымъ литературнымъ дарованіемъ, то онъ, естественно, являлся однимъ изъ наиболѣе популярныхъ выразителей извѣстнаго рода чаяній и ожиданій. Но вотъ на смѣну народничества явилось новое направленіе, въ литературѣ зазвучали совсѣмъ другія ноты, въ воздухѣ запахло чѣмъ-то совершенно инымъ. То, что произошло, — мы глубочайшимъ образомъ убѣждены въ этомъ, — внесло въ высшей степени свѣжую, *крѣпительную* струю въ положительно впадавшее въ прострацію общество, — вспомните типъ «восьмидесятника», — но оно было страшно чуждо высокосимпатичнымъ, но всѣмъ своимъ существомъ сросшимся съ инымъ строемъ возрѣній, людямъ, въ родѣ Нефедова, и они не увидѣли въ новомъ явленіи ничего, кромѣ какого-то болѣзненнаго упадка общества...

«— Ну, что, какое это общество? — говорилъ по поводу явленія, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, по словамъ г. Васюкова, покойный Нефедовъ: — вялое, индифферентное. Развѣ у него здоровы инстинкты?! Знаете, когда у человѣка испорченъ, развращенъ желудокъ, тогда онъ всякую пакость предпочитаетъ здоровой пищѣ. Теперь увлеклись босьяками, фабричными, однимъ словомъ, народомъ больнымъ, жалкимъ, *неспособнымъ на то, что можетъ вынести*

наше крестьянство. Да, увлеклись большим, искалеченным материалом, а на здоровый никакого вниманія. Нечего сказать, остроумно!..»

Именно, «нечего сказать, остроумно!..» Обратите вниманіе, читатель, на подчеркнутую нами фразу въ разсужденіяхъ Нефедова.

Но Нефедовъ и за всѣмъ тѣмъ остается Нефедовымъ, писателемъ, имя котораго займетъ почетное мѣсто на страницахъ русской литературы,—его нельзя винить за непониманіе, повидимому, очень простыхъ вещей, ибо «не вліяютъ вина новаго въ мѣхи старые», но что сказать о самомъ авторѣ воспоминаній о Нефедовѣ г. Васюковъ? Тутъ уже «старыми мѣхами» ничего не объяснишь, ибо какъ разсказывать въ той же статьѣ самъ г. Васюковъ, его собственная литературная дѣятельность началась только въ восьмидесятыхъ годахъ, а надо искать какого-нибудь другого объясненія. Не угодно ли читателю прослушать собственную г. Васюкова характеристику того направленія, къ которому, какъ выше упомянуто, по извинительнымъ причинамъ отнесся отрицательно Нефедовъ? «Подожли 90-е годы, и въ русской литературѣ началось другое вѣяніе, обратное интересамъ къ «мухику». Фабричный бытъ, къ которому покойный относился отрицательно, получилъ въ литературѣ иное освѣщеніе, затѣмъ за фабрикой выступилъ босаякъ, теперешній герой русской литературы. Города, развившіеся на счетъ мужика, многолюдные центры, стали рѣшать всѣ вопросы, не спрашивая деревни и не интересуясь послѣдней. Нѣкоторые, прямо отчаянные журналисты, объявили войну русской общинѣ, требуя ея уничтоженія, какъ консервативной и невѣжественной единицы. Такіе люди почему-то назывались марксистами, хотя Карлъ Маркъ преклонялся передъ общиной и усматривалъ въ этой вѣковой русской формѣ земледѣлія и землевладѣнія блестящую будущность русскаго народа».

И далѣе:

«Россія безъ мною миллионнаго земледѣльческаго народа—это въ родѣ того, что Китайъ безъ чая!»

Можно, конечно, подивиться смѣлости г. Васюкова, выступающаго съ обличеніями явленія, запаса свѣдѣній о которомъ у него громко говорить самъ за себя, хотя бы только въ подчеркнутыхъ нами мѣстахъ его писанія, но можно отнестись къ этому и иначе: можно лишь указать читателю на живучесть невѣжества у нѣкоторыхъ писателей и идти себѣ своей дорогой. Это мы и сдѣлаемъ.

Перехода отъ воспоминаній о прошломъ, которыя заняли все наше обзорѣніе, къ какой-никакой, а все-таки современности, мы выпишемъ съ удовольствіемъ слѣдующія строки изъ майской книжки «Новаго Дѣла»:

«Франко-русскія торжества не обошлись безъ участія русской печати; правда, въ Петербургѣ эту печать представляли «Новое Время», «Биржевыя Вѣдомости», «Свѣтъ» и «Петербургская Газета», (авторъ, кажется, забылъ упомянуть еще «Гражданина»), а въ Москвѣ «Москов. Вѣдомости» да «Московский Листокъ», но тѣмъ не менѣе былъ избранъ «комитетъ» (предсѣдательствовалъ А. С. Суворинъ), который, повидимому, французскіе журна-

листы такъ-таки и сочли за настоящій комитетъ печати, не предполагая, что его компетенція ограничивается трехдневнымъ срокомъ и правомъ на устройство раута. Какъ кулинарная, такъ и сценическая часть прошли превосходно. Но не обошлось и безъ эпизода скандальнаго свойства. Только что прибыли французскіе суда, какъ на одно изъ нихъ, обманувъ бдительный дозоръ, причаляли два русскихъ журналиста и, представившись изумленному начальству судна, заявили о желаніи «комитета» имѣть у себя на раутѣ французскихъ офицеровъ. Имъ отказали—журналисты продолжали умаливать; начальству пришлось пожать плечами и... отвернуться. Объ этомъ съ наивною откровенностью повѣдалъ на страницахъ «Новаго Времени» одинъ изъ делегатовъ г. Ю Бѣляевъ, видимо, не находя въ своемъ поведеніи ничего конфузнаго для достоинства журналиста. Въ Москвѣ характерно то, что русскую печать здѣсь представлялъ г. Гринмутъ, и французы, вѣроятно, были увѣрены, что имѣютъ дѣло съ самымъ уважаемымъ и популярнымъ русскимъ журналистомъ. Удостоились они также поклониться праху скончавшаго въ это время редактора «Московского Листка» В. Н. Пастухова-сына. Конечно, почтить усопшаго, каковъ бы онъ ни былъ при жизни, всегда благопристойно. Но думается, что и здѣсь французскіе журналисты были не вполне въ курсѣ дѣла, и едва ли они подозревали, что на гробъ русскаго журналиста возложены были вѣнки отъ правленія товарищества *ресторана* «Эрмитажъ» и отъ владѣльца *кафешантана* Шарля Омона!

Да, много траги-комическаго и просто комическаго представляло собою, по слухамъ,—говоримъ, по слухамъ, ибо ни мы и никто изъ нашихъ знакомыхъ писателей въ «торжествѣ», разумѣется, никакого участія не принимали,—это «единеніе» французскихъ и русскихъ, съ позволенія сказать, «представителей» общественнаго мнѣнія. Рассказываютъ, что одинъ изъ просвѣщенныхъ русскихъ журналистовъ, желая провозгласить на обѣдѣ тостъ за извѣстную *м-ше* Адавъ, но, не зная хорошенько ея имени, замѣнилъ его болѣе знакомымъ «журналистикѣ» именемъ и провозгласилъ тостъ за *м-ше* Анго... Не ручаемся за достовѣрность этого анекдота, но, что, при томъ личномъ составѣ который представлялъ передъ французами русскую литературу, такая «ошибка» была вполне *возможна*,—можетъ ли быть въ этомъ хоть какое-нибудь сомнѣніе?.. Вѣдь была же рѣчь г. Гринмута въ Москвѣ,—и это уже не по слухамъ, а по сообщенію московскихъ газетъ,—покрыта бурными звуками... Марсельезы... Какъ тутъ не воскликнуть вмѣстѣ съ поэтомъ:

О, наша родина, Богомъ хранимая!
Сколько простора въ тебѣ необъятнаго,
Сколько таятся въ тебѣ—о, любимая!
Непостижимаго и непонятнаго...

За границей.

Миръ и домашнія дѣла въ Англіи. Англичане переживаютъ въ настоящее время періодъ успокоенія по случаю заключенія мира. Какою бы дорогою цѣной ни былъ купленъ этотъ миръ, но въ данный моментъ никто объ этомъ не думаетъ и не подводитъ итоговъ войны, продолжавшейся 2¹/₂ года и стоившей столькихъ человѣческихъ жизней. У всѣхъ вырвался вздохъ облегченія, когда получено было извѣстіе, что кровопролитіе прекратилось, хотя многое еще не выяснено и многое возбуждаетъ сомнѣнія. Судя по англійскимъ телеграммамъ, въ Южной Африкѣ теперь разыгрываются трогательныя сцены примиренія между бурами и англичанами, и недавніе враги братаются между собой. Нѣкоторые англійскіе корреспонденты передаютъ, будто буры выражаютъ радость не только по случаю окончанія войны, но и по поводу того, что они теперь становятся «подданными англійской короны». Даже англійскія газеты находятъ такіе рассказы чрезчуръ смѣлыми и предостерегаютъ корреспондентовъ не слишкомъ увлекаться собственною фантазіей. Какъ бы то ни было, но Англія теперь переживаетъ медовый мѣсяцъ мира, и поэтому все южно-африканскія событія представляются ей пока въ розовомъ свѣтѣ. Англійская печать переполнена хвалебными гимнами бурмамъ; англичане восхищаются ихъ характеромъ, превозносятъ ихъ добродѣтели и лоялизмъ, и это въ такихъ органахъ печати, которые раньше обвиняли ихъ въ томъ, что они ведутъ безчеловѣчную войну, и утверждали, что буровъ не надо щадить и что къ нимъ надо примѣнить самыя строгія репрессаліи, въ родѣ казни Шееперса и т. д. Однимъ словомъ, въ англійской печати въ данный моментъ замѣчается полнѣйшій переворотъ, вызванный, вѣроятно, желаніемъ облегчить примиреніе между двумя національностями въ Южной Африкѣ.

Однако, и тутъ существуютъ исключенія, къ числу которыхъ принадлежатъ капскіе имперіалисты, требующіе пріостановки дѣйствія капской конституціи. Какъ это ни странно, но въ капской колоніи существуетъ очень сильное движеніе въ пользу этой мѣры, и одинъ изъ капскихъ министровъ даже вышелъ въ отставку со спеціальною цѣлью, чтобы имѣть возможность председательствовать на митингахъ, устраиваемыхъ для пропаганды идеи о временной отмінѣ конституціи. Обыкновенно такіе митинги устраиваются для заявленія какихъ либо протестовъ, требованій расширенія индивидуальныхъ правъ и т. п. или же для распространенія идей свободы, а теперь, въ Капской колоніи, на нихъ требуется возстановленіе опеки правительства и отміна гражданскаго права. «Вотъ къ чему насъ привелъ имперіализмъ и слѣпая пристрастная политика!» восклицаетъ по этому поводу одна изъ либеральныхъ англійскихъ газетъ.

Король Эдуардъ нѣсколько разъ выражалъ желаніе, чтобы къ его корона-

ції во всемъ его обширномъ государствѣ господствовалъ миръ. Въ Южной Африкѣ это удалось достигнуть, благодаря тому, что англичане не стали настаивать на прежнемъ требованіи Чамберлена «безусловной сдачи». Очень возможно, что если бы Чамберленъ сохранилъ въ силѣ свое прежнее вліяніе, то кровопролитіе продолжалось бы еще долгое время, и буры продолжали бы борьбу. Такъ или иначе, миръ теперь восстановленъ въ отдаленныхъ колоніяхъ британской имперіи, и даже на границахъ Индіи, населенныхъ воинственными племенами, теперь пока все спокойно. Но того же нельзя сказать объ Англіи. Ирландцы продолжаютъ свою агитацію, и результаты ея довольно значительны. Предстоящія коронаціонныя торжества послужили толчкомъ къ усиленію національнаго движенія въ Ирландіи. Ирландскіе націоналисты готовили дѣльный рядъ демонстрацій, и въ Дублинѣ, напримѣръ, муниципалитетъ рѣшилъ не устраивать никакого праздника по случаю мира и даже дублинскій лордъ мэръ отклонилъ приглашеніе пріѣхать въ Лондонъ для участія въ коронаціонныхъ торжествахъ въ качествѣ королевскаго гостя. Кромѣ того, городской совѣтъ въ Дублинѣ запретилъ устройство дѣтскаго праздника въ Фениксъ-паркѣ, проектированнаго лоялистами, и не позволилъ закрывать школы на время коронаціоннаго торжества.

Ирландцы, разумѣется, находятся на сторонѣ буровъ, и не проходило дня, чтобы они не устроили какой-нибудь демонстраціи въ ихъ пользу. Такъ, напримѣръ, депутатъ Вуганъ требовалъ въ палатѣ общинъ, чтобы трехъ содержателей кабаковъ въ его округѣ лишили права торговать на томъ основаніи, что въ день празднованія покоренія мужественнаго народа, у котораго отняли свободу и страну!—эти трое кабатчиковъ украсили свою лавочку британскими флагами. Далѣе депутатъ требовалъ, чтобы правительство приняло мѣры, предупреждающія повтореніе подобныхъ манифестацій. Разумѣется, правительство отклонило самымъ рѣшительнымъ образомъ всѣ эти требованія депутата, вслѣдствіе чего ирландскіе націоналисты устроили демонстрацію въ самомъ парламентѣ.

Либеральный «клубъ восьмидесятниковъ» (Eighty Club) отпраздновалъ свое совершеннѣтіе, т.-е. 21 годъ своего существованія. Этотъ клубъ съ той минуты, какъ онъ поднялъ свое знамя въ 1881 году, сдѣлался однимъ изъ главныхъ политическихъ учрежденій либеральной партіи и поддерживалъ ея идеи. Основатели этого клуба, молодые энтузіасты, такъ много потрудившіеся въ пользу распространенія либеральныхъ идей и съ пыломъ, свойственнымъ молодости, боровшіеся за распространеніе избирательныхъ правъ, теперь превратились въ солидныхъ государственныхъ дѣателей, занявшихъ выдающееся мѣсто въ политической жизни государства. Правда, на торжествѣ совершеннѣтія клуба не оказалось многихъ изъ его прежнихъ дѣателей. Нѣкоторые сошли со сцены жизни, а другіе измѣнили своимъ прежнимъ взглядамъ. Такъ, напримѣръ, отсутствовалъ лордъ Розберри, перешедшій въ лагерь имперіалистовъ.

Предсѣдатель клуба сэръ Кэмпбелль Баннерманъ напомнилъ о славныхъ дняхъ «Моллосіанской кампаніи», когда клубъ поддержалъ Гладстона, выступившаго противникомъ «агрессивной, чванной и наглой иностранной политики».

Въ тѣ дни духъ либерализма былъ силенъ въ Англіи, и юные либералы чувствовали, что на нихъ лежитъ миссія, и они шли проповѣдывать свои идеи и заставляли людей слушать себя. Клубъ восьмидесятниковъ долженъ оставаться вѣренъ своему славному прошлому, сказалъ Кэмпбелъ Баннерманъ. Онъ долженъ приготовиться теперь къ новой борьбѣ съ наиболѣе уточненнымъ типомъ джизгонизма, выражающемся въ имперіализмѣ, и это будетъ лучшимъ празднованіемъ совершеннѣйшаго клуба. Положеніе теперь серьезнѣе, чѣмъ было во времена Гладстона и Биконсфильда. Биконсфильдъ стремился обезпечить Англіи преобладающее мѣсто въ совѣтѣ народовъ, но Чэмберленъ презираетъ Европу и желаетъ превратить Англію въ ядро совершенно изолированной отъ остальнаго міра и самодовлѣющей британской имперіи, которая будетъ повелѣвать всей Европѣ своими тарифами, опираясь на свои шесть армейскихъ корпусовъ и громадный флотъ. Возрожденіе либерализма возможно лишь въ томъ случаѣ, если молодые его члены снова начнутъ компанію противъ такого чудовищнаго понятія объ имперіи. Реакціонное движеніе въ Англіи является результатомъ имперіализма, и сторонники либерализма обязаны употребить все свои усилія, чтобы спасти свободу торговли и національное воспитаніе, которымъ угрожаетъ серьезная опасность въ образѣ новыхъ тарифовъ и новаго школьнаго законопроекта.

Либеральная англійская печать, конечно, подчеркнула это празднество и рѣчи либеральныхъ ораторовъ, указывая на то, что оно совпало съ заключеніемъ мира въ Южной Африкѣ. Еще не время подводить итоги войны, но, во всякомъ случаѣ, въ кружкахъ англійскаго либерализма уже проскальзываетъ надежда, что этотъ миръ, условія котораго до сихъ поръ еще не вполне выяснены, подействуетъ отрезвляющимъ образомъ на Англію. Она очнется отъ «угара имперіализма», и здоровыя силы націи снова возьмутъ верхъ.

Лондонъ переполненъ въ настоящее время разными политическими дѣятелями и представителями англійскихъ колоній и въ числѣ этихъ колоніальныхъ гостей особеннымъ вниманіемъ пользуется новозеландскій министръ президентъ Ричардъ Седдонъ, завзятый имперіалистъ. Но, помимо этого качества, Седдонъ возбуждаетъ всеобщій интересъ какъ настоящій самородокъ, всѣмъ обязанный только себѣ. Онъ родился въ Лонкаширѣ, гдѣ отецъ его, считавшійся очень образованнымъ человекомъ, былъ директоромъ школы, соотвѣтствующей нашей гимназій. Но юный Седдонъ не извлекъ никакой пользы изъ своего привилегированнаго положенія, онъ не хотѣлъ учиться и 14-ти лѣтъ бѣжалъ изъ родительскаго дома. Сначала онъ поступилъ ученикомъ въ машиностроительную мастерскую, но жизнь въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ казалась ему слишкомъ скучной. Извѣстія о находкѣ золота въ Австраліи довершили остальное, и вотъ въ 1860 г. Седдонъ, которому было тогда 15 лѣтъ, нанялся матросомъ на судно, отходящее въ Австралію. Однако ему сначала не повезло въ профессіи золотоискателя и онъ снова поступилъ въ мастерскую. Такъ онъ проработалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ колоній «Викторія» около 4-хъ лѣтъ, затѣмъ опять бросилъ свои инструменты и отправился добывать золото, на этотъ разъ въ Новую Зеландію. Тамъ ему счастье

улыбнулось и окончательно поселившись въ Новой Зеландіи, онъ скоро приобрѣлъ вліяніе въ средѣ своихъ товарищей золотопромышленниковъ и въ мѣстныхъ политическихъ кружкахъ. Седдонъ былъ выбранъ ими депутатомъ въ парламентъ и такъ какъ онъ сдержалъ всѣ свои обѣщанія избирателямъ, то вліяніе его и значеніе усилились. Имѣя уже тридцать лѣтъ отъ роду и занимая выдающееся мѣсто въ колоніи, Седдонъ созналъ, что въ его образованіи существуютъ очень большіе пробѣлы, которые необходимо пополнить, чтобы быть государственнымъ дѣятелемъ. Онъ принялся учиться и въ теченіе десяти лѣтъ преодолѣлъ громадный трудъ, превратившись изъ неуча въ всесторонне образованнаго человѣка. Обладая желѣзною волей и недюжиннымъ умомъ, Седдонъ достигъ зенита власти въ Новой Зеландіи, гдѣ онъ пользуется безграничнымъ вліяніемъ. По убѣжденіямъ своимъ онъ социалистъ. Новозеландія обязана ему введеніемъ всѣхъ прогрессивныхъ мѣропріятій, избирательнаго права женщинъ, третейскихъ судовъ во всѣхъ рабочихъ вопросахъ и т. д. Но во внѣшней политикѣ Седдонъ такой же крайній и убѣжденный сторонникъ британскаго империализма и благодаря ему Новая Зеландія оказала такую поддержку Англіи въ трансваальской войнѣ. Седдонъ исходитъ изъ той идеи, что британскій флагъ служить лучшей гарантіей свободы и защитой отъ личнаго произвола и не мѣшаетъ странѣ развиваться и устраниваться по своему. Доказательствомъ служить Новая Зеландія. Но во всемъ остальномъ Седдонъ приверженецъ полной свободы дѣйствій и вслѣдствіе его вліянія Новая Зеландія отказалась вступить въ австралійскую федерацію и сохраняетъ свою безусловную самостоятельность.

Музей мира и войны. Въ Люцернѣ, въ прошломъ мѣсяцѣ, состоялось торжественное открытіе международнаго музея мира и войны, устроеннаго по мысли покойнаго варшавскаго финансиста Блюха, автора извѣстнаго произведенія «Война будущаго съ точки зрѣнія технической, экономической и политической».

Покойный основатель этого единственнаго въ мірѣ музея хотѣлъ сосредоточить въ немъ всѣ факторы войны, наглядно показать постепенное развитіе военнаго дѣла, громаднаго усовершенствованія военной техники и подтвердить такимъ образомъ взгляды, высказанные имъ въ его книгѣ, что война, при такихъ условіяхъ, должна быть очень не продолжительна и раньше окончанія должна привести къ банкротству воюющія государства, такъ какъ она потребуетъ громадныхъ затратъ и громаднаго войска.

Многими, однако, было высказано предположеніе, что музей этотъ болѣе заслуживаетъ названія музея войны, нежели мира. Онъ наглядно изображаетъ чудовищное развитіе военной техники. При чемъ же тутъ миръ? Гдѣ скрывается идея мира въ этомъ учрежденіи? Такого рода взгляды высказывались передъ самымъ открытіемъ музея, на торжество котораго съѣхались всѣ главные представители движенія мира въ Европѣ, Фредерикъ Пасси, раздѣлившій премію мира съ Дюнаномъ, Стэдъ, Берта Зуттнеръ и др. На это сынъ покойнаго основателя Генрихъ Блюхъ выразилъ въ своей рѣчи слѣдующее: «Дѣйствительно выставленныя картины и предметы, собранныя въ этомъ музеѣ, имѣютъ

скорѣе воинственный характеръ, но развѣ этотъ музей все-таки не есть музей мира? Развѣ многіе посѣтители этого музея, наглядно убѣдившись въ преобладающемъ могуществѣ современнаго оружія, не придуть, наконецъ, въ заключенію, что война при такихъ условіяхъ болѣе, чѣмъ когда-либо будетъ, имѣть преступный характеръ и почти становится невозможной!..»

Музей, распадающійся на нѣсколько отдѣловъ, иллюстрируетъ, съ одной стороны, эволюцію военнаго искусства во всѣхъ направленіяхъ, относительно вооруженія, снарядовъ и способовъ веденія войны, съ другой—онъ долженъ показать послѣдствія войны, ея непосредственное вліяніе на населеніе странъ, ведущихъ между собою войну, и общее вліяніе на цивилизованныя націи.

Честь открытія музея выпала на долю старика Пасси, который дрожащими руками перерѣзалъ шелковую ленту, закрывавшую входъ въ музей, и сказалъ, что онъ надѣется открыть двери въ будущій храмъ мира. «Пусть люди убѣдятся, наконецъ, что война съѣтъ войну,—воскликнулъ онъ,—что она одинаково вредна какъ побѣжденнымъ, такъ и побѣдителямъ и что на подготовленіе ея тратятся громадныя суммы, которыя исключительно тратятся на изысканіе наиболѣе усовершенствованныхъ способовъ убиванія людей, между тѣмъ какъ эти самыя суммы могли бы облагодѣтельствовать человѣчество, облегчить нужду и социальныя бѣдствія и вмѣсто смерти принести людямъ жизнь!»

При музеѣ находится помѣщеніе, въ которомъ общество мира можетъ утраивать свои собранія.

Изъ дебрей Испаніи. Въ первыхъ числахъ іюня этого года въ Барселонѣ состоялись торжественныя похороны каталонскаго поэта Яцинто Вердагуэры, носившія, при существующихъ условіяхъ въ Испаніи, характеръ народной демонстраціи. Вердагуэръ былъ національный поэтъ, онъ писалъ свои произведенія на каталонскомъ нарѣчьи, но самое главное—онъ происходилъ изъ крестьянской семьи и принадлежалъ къ духовному званію. Родители его, простые земледѣльцы рабочіе, отдали его въ семинарію, гдѣ онъ скоро обратилъ на себя вниманіе своими способностями и нѣсколько разъ получалъ награду за свои стихи. Въ 1870 году онъ былъ посвященъ въ санъ священника, а въ 1877 году опубликовалъ свою знаменитую поэму «Atlantida», которая была переведена почти на всѣ европейскіе языки. Спустя шесть лѣтъ послѣ этого онъ получилъ премію за свою оду къ Барселонѣ, которая была издана на счетъ городского совѣта и отпечатана во множествѣ экземпляровъ.

Произведенія Вердагуэры составляютъ гордость Каталоніи, и похороны его были обставлены торжественно. Даже испанскій министръ просвѣщенія присутствовалъ на нихъ въ качествѣ представителя отъ правительства и говорилъ прочувствованную рѣчь, обращаясь къ толпѣ. Но при жизни бѣдный поэтъ испытывалъ только одни гоненія и нужду. Когда онъ заболѣлъ, то его друзья и поклонники его таланта сложились, чтобы доставить ему возможность лѣчиться, такъ какъ у него не было никакихъ средствъ къ существованію. Всю жизнь онъ бѣдствовалъ, не умѣя примѣняться къ требованіямъ своего положенія. Семь лѣтъ тому назадъ друзья выхлопотали ему очень хорошее мѣсто; онъ былъ назначенъ священни-

комъ домовою церкви маркиза Кампильяса, архи-милліонера и креатуры іезуитовъ. Когда онъ получилъ это назначеніе, то его коллеги священники страшно завидовали ему, но онъ недолго удержался въ этой должности. Между прочимъ, на его обязанности лежала раздача милостыни и помощь нуждающимся. Вердагуэра съ особенною добросовѣстностью выполнялъ эту миссію и помогалъ всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся, не разбирая ихъ религіозныхъ воззрѣній. Когда маркизъ узналъ объ этомъ, то страшно разсердился и призвалъ своего священника къ отвѣту. Грозныя рѣчи маркиза нисколько не испугали Вердагуэра, который, однако, всегда отличался застѣнчивостью и скромностью. Нисколько не смущаясь, онъ сталъ доказывать маркизу, что Христосъ не дѣлалъ никакого различія между самаритянами и галилеянами, между праведными и грѣшниками, и тотъ, кто раздастъ милостыню, также не долженъ дѣлать такихъ различій, иначе милостыня перестаетъ быть милостыней, если она будетъ раздаваться только въ награду за правотворность. Разумѣется, подобныя рѣчи произвели какъ разъ обратное дѣйствіе, и возмущенный воспитанникъ іезуитовъ съ позоромъ выгналъ изъ своего дома священника, осмѣливагося ему преподавать христіанскія истины. Но онъ этимъ не ограничился, и бѣдному Вердагуэрѣ пришлось на себѣ испытать, что значить гнѣвъ сильныхъ міра. Маркизъ взвелъ на него разные обвиненія и сначала отдалъ его подъ судъ. Долго тянулася судебная проволочка, но все-таки, въ концѣ концовъ присяжные оправдали Вердагуэру. Тогда начались преслѣдованія римской курии. Епископъ Моргадесъ лишилъ его права служить обѣдню, заключилъ его въ монастырь и затѣмъ приказалъ монастырскому врачу объявить его сумасшедшимъ. Вердагуэра покорно переносилъ всѣ эти преслѣдованія и не пробовалъ возставать противъ нихъ, покоряясь власти церкви. Но друзья его возмущались, и, по ихъ настояніямъ, его изслѣдовала коммиссія врачей, которая объявила его умственно здоровымъ. Однако, долгіе годы притѣсненій и нужды не могли не отразиться на его физическомъ здоровьѣ. У него сдѣлалась чахотка. Даже на смертномъ одрѣ іезуиты не оставляли его въ покоѣ и за нѣсколько дней до смерти заставили его подписать составленное ими завѣщаніе. Больной Вердагуэра уже совершенно не въ силахъ былъ имъ противорѣчить. Къ нему никого не пускали, но при помощи преданнаго слуги ему удалось все-таки увѣдомить объ этомъ бургомистра городка, гдѣ онъ жилъ. Тогда бургомистръ захватилъ съ собою нотаріуса и двухъ свидѣтелей и силою ворвался къ умирающему поэту. Сейчасъ же было составлено новое завѣщаніе и, успокоенный насчетъ судьбы своихъ поэтическихъ произведеній, Вердагуэра подписалъ это новое завѣщаніе и черезъ нѣсколько дней умеръ. Хотя онъ и не пробовалъ бороться противъ іезуитовъ и не порывалъ съ римскою церковью, тѣмъ не менѣе населеніе Барселоны чествовало въ его лицѣ не только своего народнаго поэта, но и жертву іезуитовъ, и его похороны носили характеръ антиклерикальной демонстраціи.

Антиіезуитское теченіе попрежнему очень сильно въ Испаніи и выражается волненіями въ разныхъ мѣстахъ. Между клерикальною и антиклерикальною печатью полемика не прекращается, и испанскія антиклерикальныя газеты не упускаютъ ни одного удобнаго случая, чтобы разразиться нападками

противъ католическаго духовенства. Такимъ поводомъ недавно послужило поведеніе католическихъ прелатовъ на боѣ быковъ. Законами церкви имъ это запрещено, но это не мѣшаетъ имъ усердно посѣщать любимое народное зрѣлище и въ Испаніи не найдется ни одного священника, который бы не былъ любителемъ боя быковъ. Тѣ архіепископы и епископы, которые состоятъ членами сената, имѣютъ даровые билеты на эти представленія боя быковъ, и никогда еще ни одинъ изъ нихъ не отказался отъ этого права. Остальные епископы, на которыхъ не распространяется такая привилегія, заваливаютъ своими просьбами министровъ насчетъ полученія входнаго билета на боѣ быковъ. Напрасно имъ указываютъ на законы церкви; испанское духовенство нисколько не стѣсняется обходить ихъ, когда это нужно. Не даромъ Мольеръ сказалъ устами Тартюфа: «Il est avec le ciel des accommodements». Эти слова, можетъ быть, болѣе всего подходятъ къ испанскимъ прелатамъ.

Общественная жизнь въ Германіи. Императоръ Вильгельмъ давно уже прославился своею способностью произносить рѣчи, но на этотъ разъ его словоохотливость поразила даже германскую печать. Послѣ своей маріенбургской рѣчи на праздникъ тевтонскаго ордена, надѣлавшей столько шума въ печати, вслѣдствіе своего вызывающаго тона по адресу польской національности въ Пруссіи, императоръ Вильгельмъ успѣлъ произнести еще нѣсколько рѣчей въ самое короткое время. Посѣщая города рейнскихъ провинцій, онъ въ каждомъ неизмѣнно говорилъ рѣчь; въ Крефельдѣ, Нюрнбергѣ, Аахенѣ и Везелѣ онъ выдвигалъ на сцену историческія воспоминанія, говорилъ о великой исторической роли Германіи, о великихъ дѣяніяхъ своихъ предковъ и въ ушахъ его слушателей должно было раздаваться бряцаніе германскаго оружія. Только рѣчь, произнесенная имъ въ Боннѣ на комершѣ, устроенномъ студенческаго корпорацией «Borussia», по случаю 75-ти-лѣтней годовщины этой корпорации, носила нѣсколько иной характеръ, но и она была полна историческихъ воспоминаній о рыцарскихъ турнирахъ, на которыхъ присутствовали дамы, увѣнчавшія побѣдителей. Присутствіе императрицы и придворныхъ дамъ, смотрѣвшихъ изъ ложи на студенческій комершъ, навело императора на эту мысль и послужило ему темой для импровизаціи.

Одна изъ нѣмецкихъ газетъ замѣчаетъ по этому поводу, что обиліе рѣчей и вѣзливость выражающагося въ нихъ настроенія дѣйствуетъ ошеломляющимъ образомъ на нѣмецкую публику. То въ этихъ рѣчахъ говорится о духѣ строптивости, который замѣчается въ странѣ, и о тучахъ, которыя заволакиваютъ горизонтъ, то въ нихъ раздается угроза или они носятъ характеръ высокомернаго вызова, какъ, напр., его «China Reden» (китайскія рѣчи), гдѣ императоръ вызывалъ призракъ царя гунновъ и т. д., то вдругъ настроеніе рѣчей мѣняется и онѣ проникаются жизнерадостнымъ духомъ, какъ заехенская рѣчь императора Вильгельма, въ которой онъ называетъ Германію «страною свѣта и солнца, а нѣмцевъ избраннымъ народомъ!» «И всѣ эти перемѣны взглядовъ и настроеній императорскихъ рѣчей,—говоритъ одна изъ газетъ,—не вызываются никакими внѣшними измѣненіями условій; повидимому, никакихъ

перемѣнъ не произошло въ германскомъ государствѣ, все остается попрежнему, а, между тѣмъ, рѣчь императора то звучитъ побѣдоносно, проникнутая—оптимизмомъ и восторженностью, то въ ней раздаются браняніе оружія, высказываются пессимистическіе взгляды и непривычная суровость дѣйствуетъ какъ грозное предостереженіе...»

Трудно вообще германскому обществу привыкнуть къ этимъ перемѣнамъ настроеній, но особенно трудно приходится графу Бюлову, который не успѣваетъ услѣдить за всѣми перемѣнами и часто попадаетъ не въ тонъ. Поэтому въ Берлинѣ увѣряютъ, что положеніе его, не прочно, что довѣріе къ нему пошатнулось. Очень характеренъ въ данномъ случаѣ слѣдующій анекдотъ, который разсказывается теперь въ Берлинѣ. Какъ извѣстно, графъ Бюловъ, старавшійся до сихъ поръ угождать аграріямъ, внезапно измѣнилъ свою тактику и демонстративно удалился изъ прусскаго ландтага, когда аграріи внесли свое предложеніе, имѣющее цѣлью провести въ сеймѣ всѣ ихъ протекціонистскія поправки къ таможенному законопроекту правительства. Наканунѣ предложеніе разсматривалось въ совѣтѣ министровъ и графъ Бюловъ имѣлъ послѣ того аудіенцію у императора, во время которой онъ указывалъ на необходимость новой капитуляціи въ пользу аграріевъ, увѣренный, на основаніи выказанныхъ императоромъ симпатій къ этой партіи, въ которой онъ усматриваетъ поддержку престола, что императоръ согласится съ нимъ. Каково же было его удивленіе, когда Вильгельмъ II сухо и отрывисто, тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій, сказалъ: «Вы ошибаетесь, графъ. Надо имъ дать по рукамъ, безъ церемоніи!» Озадаченный Бюловъ вернулся домой и на другой день выполнилъ приказаніе императора, въ свою очередь приведавъ въ изумленіе аграріевъ внезапною перемѣною тактики.

Въ этомъ году весной состоялся въ Галлѣ конгрессъ прусскихъ народныхъ учительницъ, отличавшейся многолюдностью. Было прочтано нѣсколько интересныхъ докладовъ, изъ которыхъ особенно обратилъ на себя вниманіе докладъ одной учительницы на тему: «Что можетъ сдѣлать народная школа въ борьбѣ съ алкоголизмомъ?» Въ числѣ мѣръ, которыя могутъ быть дѣйствительны въ борьбѣ съ этимъ ужаснымъ зломъ, подрывающимъ здоровье народа, учительница причисляетъ развитіе чувства прекраснаго. Школа должна стараться развивать это чувство у дѣтей и научить ихъ понимать прекрасное. «Пьянство оскорбляетъ эстетическое чувство,—сказала она,—и если съ дѣтскихъ лѣтъ начнемъ развивать его, то оно можетъ послужить впоследствии задерживающимъ факторомъ въ дѣлѣ распространенія пьянства». Докладъ вызвалъ оживленные пренія.

Изъ области женскаго движенія во Франціи. На состоявшемся недавно ежегодномъ собраніи «Conférence de Versailles» предсѣдательница французскаго женскаго союза г-жа Моно сообщила интересныя свѣдѣнія о дѣятельности этого союза, преимущественно въ области благотворительности. Французскій женскій союзъ, основанный въ 1900 году, насчитываетъ уже теперь 26.000 членовъ и къ 1-му іюля 1901 года примкнулъ къ международной федераціи женскихъ

союзовъ. Союзъ распадается на четыре секціи: первая занимается благотворительностью, вторая воспитаніемъ, третья законодательствомъ, четвертая женскимъ трудомъ. По настоятельной просьбѣ американскаго женскаго союза французскій союзъ постановилъ рѣшеніе, что «избирательное право женщины должно быть положено въ основу всѣхъ стремленій къ эмансипаціи». Но въ виду существующихъ условій французскій союзъ ограничивается только требованіемъ для французской женщины права голоса на общинныхъ выборахъ.

Изъ отчета о разныхъ благотвѣтельныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ союзомъ, видно, что «*cercele du travail féminin*», (Boulevard des Capucines), членами котораго состоятъ преимущественно модистки и т. п., процвѣтаетъ и развивается. Это клубъ работающихъ женщинъ, при которомъ находится ресторанъ, научные курсы и лѣтняя колонія для членовъ клуба, число которыхъ въ два года возрасло до 442. Годовой членскій взносъ шесть франковъ.

Другое благотворительное учрежденіе называется «L'Abri» (пріютъ). Оно было основано въ 1900 г. и цѣль его—помогать семьямъ, которыя почему-либо не въ состояніи уплатить квартирной платы или не могутъ найти помѣщенія за подходящую цѣну. Вопросъ о жилищахъ рабочихъ въ Парижѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. «*Société philanthropique*» и «*Société des logements ouvriers à bon marché*» (общество дешевыхъ помѣщеній для рабочихъ) устроили нѣсколько домовъ для рабочихъ, но, разумѣется, этого слишкомъ мало, чтобы удовлетворить потребности, существующей въ этомъ отношеніи. Но хуже всего положеніе многодѣтныхъ семействъ рабочихъ, которымъ еще труднѣе найти помѣщеніе; въ виду этого и возникло новое «Общество для устройства квартиръ для большихъ семействъ», которое, однако, требуетъ, чтобы семья имѣла не менѣе трехъ дѣтей, такъ какъ лишь при этомъ условіи она можетъ рассчитывать на помощь общества.

Послѣ квартирнаго вопроса, представляющаго злѣе для всѣхъ большихъ и промышленныхъ городовъ, былъ поднятъ вопросъ о прислугѣ. «Необходимо устройство школъ для прислуги», заявляетъ рѣшеніе собранія. Въ Швейцаріи уже существуютъ школы домоводства и вотъ по образцу этихъ школъ будетъ открыта въ Парижѣ такая же школа съ годичнымъ курсомъ, причемъ ученицы должны быть не моложе 14-ти и не старше 18-ти лѣтъ. Плата за ученіе 100 фр.

На конференціи были прочитаны отчеты о дѣятельности другаго женскаго общества поставившаго себѣ цѣлью освобожденіе женщины изъ когтей полиціи нравовъ. Ему удалось уже освободить такимъ образомъ 37 женщинъ и вернуть ихъ на путь честнаго труда, доставивъ имъ и пріютъ и честный заработокъ.

Вопросъ объ устройствѣ садовъ для рабочихъ (*jardins ouvriers*) также служилъ предметомъ обсужденія на конференціи. Изъ преній выяснилось, что многіе французскіе города поощряютъ это «возвращеніе къ природѣ», и уже отвели участки земли для устройства такихъ садовъ. Точно также и въ области другихъ вопросовъ союзъ всегда встрѣчалъ сочувствіе общества и готовность прийти къ нему на помощь во всѣхъ дѣлахъ благотворительности. Союзъ распространялъ свою дѣятельность и на французскія колоніи. На собраніи при-

существовала между прочимъ, одна молодая миссіонерша изъ Мадагаскара, сообщившая о дѣятельности миссій и насажденіи цивилизаціи среди гавансовъ. Однако, по ея словамъ, поведение бѣлыхъ цивилизаторовъ и тамъ оставляетъ желать многого, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ европейцы основываютъ свои колоніи. «Бѣлые думаютъ, что имъ все дозволено въ колоніяхъ,—сказала она,—и намъ очень трудно бываетъ оградить отъ нихъ туземную женскую молодежь. Я, напримѣръ, состою при дѣтскомъ пріютѣ, который въ сущности является пріютомъ Магдалинъ, а между тѣмъ, наши питомицы—семи, пяти и даже трехлѣтнія дѣвочки!» Миссіонерша просила собраніе обратиться къ губернатору Мадагаскара, генералу Гальени, съ просьбою обратить вниманіе и прекратить подобныя злоупотребленія бѣлыхъ, позорящія европейскую цивилизацію. Такъ какъ версальская конференція не представляетъ постоянного собранія, то рѣшено ходатайствовать объ этомъ отъ имени французскаго женскаго союза.

Китайская періодическая печать. Какъ ни былъ недоступенъ Китай вліянію западной цивилизаціи, это вліяніе все-таки отразилось въ одномъ направленіи, а именно въ отношеніи китайской печати, на которую оказали свое дѣйствіе сношенія съ западомъ. Въ Китаѣ уже со времени IX столѣтія существуютъ періодическія изданія, носящія характеръ газетъ, но теперешняя форма усвоена была ими лишь за послѣдніе годы XIX столѣтія, и поэтому китайскія современныя газеты можно разсматривать, какъ продукты иностраннаго вліянія. Въ большинствѣ газетныхъ предпріятій въ Китаѣ участвуютъ иностранныя капиталы. Издатели и редакторы газетъ исключительно китайцы. Въ Китаѣ, гдѣ каждый, желающій занимать общественное положеніе, непремѣнно долженъ получить литературное образованіе, не трудно, конечно, найти подходящихъ для этихъ должностей людей. Сотрудники и наборщики также китайцы.

Всего сильнѣе развита китайская печать въ портовыхъ городахъ, гдѣ есть европейскія поселенія. Законовъ о печати въ Китаѣ нѣтъ, и китайская печать свободна и не подчинена никакому регламенту или цензурѣ, но это выгодное положеніе имѣетъ свои темныя стороны; мандарины пользуются привилегіей поступать съ печатью, какъ имъ вздумается, и поэтому горе газетъ, которая напечатала какую-нибудь статью, которая можетъ придтись не по вкусу мандаринамъ. Китайскія власти, не долго думая, являются, запираютъ типографіи и арестовываютъ издателя. Но хитрые китайцы нашли лазейку. Во избѣжаніе такого внезапнаго прекращенія газеты, китайцы устраниваютъ свои газетныя предпріятія подъ прикрытіемъ какой-нибудь европейской фирмы и какой-нибудь иностранецъ подписывается въ качествѣ редактора. Эта уловка дѣйствительно гарантируетъ до нѣкоторой степени газеты отъ насильственной смерти, и, благодаря ей, газеты могутъ существовать въ Китаѣ и даже осмѣливаются высказывать довольно либеральныя взгляды.

Самая старѣйшая изъ китайскихъ газетъ,—это «Пекинская газета», основанная въ 1770 году. Съ европейской точки зрѣнія ее нельзя назвать официальнымъ органомъ, хотя она и считается таковымъ. Газета эта выходитъ съ разрѣшенія правительства и печатаетъ императорскіе декреты, распоряженія и

постановленія различныхъ правительственныхъ учреждений. Правда газета лишена при этомъ права сопровождать эти декреты или распоряженія какими бы то ни было комментаріями; да они врядъ ли нужны, потому что всякій декретъ и т. п. официальный документъ всегда заключаетъ въ себѣ весьма подробную мотивировку.

«Пекинская газета» выходитъ ежедневно и въ особенности распространена въ кругу образованныхъ китайцевъ. Она печатается на двѣнадцати маленькихъ тоненькихъ страничкахъ, причемъ каждая страница раздѣляется красными линиями на десять столбцовъ. Замѣчательно, что почти въ каждомъ номерѣ этой полуофициальной газеты печатаются сообщенія о незаконныхъ поступкахъ и злоупотребленіяхъ мандариновъ.

Важѣйшая по своему вліянію и распространенію китайская газета издается въ Шанхаѣ и называется «Ши-бу-Ши-нао» что означаетъ «новѣйшія новости». Она также печатается на тонкихъ и узкихъ листкахъ и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ шесть страницъ. По примѣру англійскихъ газетъ, первая страница этой газеты заполняется исключительно объявленіями и рекламами. На второй страницѣ помѣщаются политическія извѣстія, императорскія указы, официальные назначенія и, наконецъ, телеграммы изъ-за границы. Такъ какъ китайская печать не имѣетъ собственнаго телеграфнаго бюро, то она пользуется телеграммами изъ англійскихъ и японскихъ газетъ, но при этомъ всегда, добросовѣстнымъ образомъ, указываетъ источникъ. Для внутреннихъ извѣстій газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ провинціяхъ. Передовыя статьи, въ которыхъ обсуждаются важѣйшіе вопросы внутренней и внешней политики, помѣщаются въ самомъ концѣ газеты. По словамъ знатоковъ китайскаго языка, эта газета въ литературномъ отношеніи стоитъ на высотѣ требованій. Редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлый штабъ сотрудниковъ и дѣйствительно слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается въ Китаѣ и другихъ мѣстахъ. Но эта газета преимущественно читается образованными классами китайскаго населенія. Для народа существуютъ другія газеты, болѣе дешевыя и удовлетворяющія вкусамъ толпы, какъ, напримѣръ, «Чингъ-Вен-Шао» (новости) и др.

Въ Китаѣ издаются также и иллюстрированныя сатирическія газеты. Изъ нихъ самая распространенная «Ню-ро», которая всячески старается позабавить читателей своими юмористическими выходками и карриатурами, разумѣется, насчетъ «иностранныхъ дьяволовъ», представляющихъ, повидимому, неисчерпаемый источникъ для китайскаго остроумія. Эта любимая иллюстрированная газета китайцевъ выходитъ разъ въ недѣлю и заключаетъ въ себѣ отъ 10 до 12 страницъ рисунковъ и лишь двѣ-три страницы текста.

Китайскій журналистъ для того, чтобы имѣть успѣхъ на своемъ поприщѣ, долженъ обладать очень основательными знаніями китайской классической литературы. Самостоятельные взгляды и оригинальность мышленія не столь важны для успѣха китайскаго писателя, какъ умѣнье во-время и кстати привести цитаты изъ классической литературы Китая, и чѣмъ больше такихъ цитатъ, тѣмъ талантливѣе считается писатель. Такимъ образомъ, китайскому

журналисту нечего особенно заботиться о стилѣ и надо только знать наизусть классическихъ писателей да умиѣть выбирать изъ нихъ цитаты.

Китайскія газеты имѣютъ большой кругъ читателей, потому что въ странѣ почти нѣтъ неграмотныхъ. Въ заголовкѣ каждой китайской газеты непрѣмнно находится слѣдующая надпись: «Подними каждый валяющійся клочокъ бумаги, если на немъ что-нибудь напечатано; это приноситъ неизмѣримую пользу!» Китайцы въ большинствѣ случаевъ выполняютъ этотъ совѣтъ. Въ лавкахъ и общественныхъ учрежденіяхъ газеты всегда заботливо собираются и ихъ читаютъ до тѣхъ поръ, пока онѣ совсѣмъ не истреплются. Тогда онѣ уже поступаютъ къ представителю одного китайскаго общества, цѣль котораго—заботиться о томъ, чтобы каждый напечатанный клочокъ бумаги имѣлъ достойный конецъ. Общество отправляетъ полученную макулатуру въ Винъ-Міао, гдѣ она сжигается въ спеціально устроенныхъ для этой цѣли печахъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Л. Н. Толстой. О воспитаніи и обученіи.—Женское движеніе въ европейскихъ государствахъ.—Образованіе негровъ и роль ихъ въ Соединенныхъ штатахъ.—Эпизоды изъ бурской войны.

Въ июньской книжкѣ журнала «La Revue» (бывш. «Revue des Revues», 15 juin) помѣщено письмо—«О воспитаніи и обученіи»—гр. Л. Н. Толстого, съ замѣткой отъ редакціи, что оно было адресовано авторомъ одному изъ его друзей въ 1901 г. и еще нигдѣ не появлялось въ печати. Левъ Николаевичъ уполномочилъ редакцію французскаго журнала напечатать теперь же это письмо, хотя оно не представляется законченной статьей по данному предмету, но врядъ ли автору вскорѣ удастся вернуться къ вопросу. Въ настоящемъ письмѣ Л. Н. Толстой настаиваетъ на тѣсной связи проблемъ воспитанія съ выработкой религіознаго міросозерцанія; между тѣмъ, по его мнѣнію, «у насъ, среди нашего такъ называемаго образованнаго общества, религія не только не признается исходной точкой воспитанія, не только не считается важнымъ и необходимымъ предметомъ среди другихъ предметовъ, но, наоборотъ, ее считают однимъ изъ самыхъ ничтожныхъ предметовъ, бесполезной вещью, переживаніемъ прошлаго (чему никто серьезно не вѣритъ), которое, въ приличіи, кое-какъ преподается въ школахъ. Въ основу всего должно быть введено такое религіозное ученіе, которое стояло бы въ уровень съ человѣческими знаніями, безъ національных и классовыхъ ограниченій». «Наша жизнь,—продолжаетъ далѣе Л. Н.,—не имѣетъ другого смысла, кромѣ исполненія того безконечнаго Начала, частью котораго мы себя признаемъ. Но воля этого Начала состоитъ въ единеніи всѣхъ живыхъ существъ и у людей она выражается, прежде всего, въ терпѣніи и во взаимной помощи. Единеніе и взаимная помощь составляютъ смыслъ и дѣло жизни, потому что такова воля того Начала, которое управляетъ и руководитъ міромъ и составляетъ основу нашего существованія. Все дѣло воспитанія не только должно быть основано на этомъ Началѣ, но должно руководиться Имъ. Все, что содѣйствуетъ единенію живыхъ существъ, братству людей, должно

быть поощряемо при воспитаніи и, наоборотъ, все, что разъединяетъ, должно быть устранено».

Установивъ, что воспитаніе человѣка происходитъ при помощи «внушенія» (Suggestion), въ силу котораго дѣти, обладающія по преимуществу способностью поддаваться внушенію, ставятся въ зависимость отъ взрослыхъ, Л. Н. Толстой напоминаетъ — «какъ важно для дѣтей, чтобы они подчинялись не лживымъ и дурнымъ внушеніямъ, а вліяніямъ правдивымъ и добрымъ». Авторъ различаетъ у дѣтей внушеніе сознательное или намѣренное, со стороны взрослыхъ, и внушеніе бессознательное, или непроизвольное, которое заключается въ той склонности у дѣтей подражать взрослымъ, которая, независимо отъ какого-либо руководства, и представляетъ большую опасность въ виду возможности дурныхъ примѣровъ. Внушеніе сознательное есть въ собственномъ смыслѣ обученіе; внушеніе бессознательное, которое по мнѣнію Толстого, принято называть воспитаніемъ, онъ считаетъ правильнѣе обозначить просвѣщеніемъ или просвѣтлѣніемъ (éclairage), но такъ какъ «въ нашемъ обществѣ всѣ стремленія направлены лишь къ обученію, то просвѣщеніе находится невольнo въ пренебреженіи и это происходитъ отъ того, что наша жизнь сама по себѣ есть плохая жизнь, т.-е. не просвѣщенная». Авторъ склоненъ, согласно своимъ старымъ симпатіямъ, находить преимущество простого уклада жизни въ бѣдныхъ семьяхъ, у рабочихъ людей — «поскольку ими не овладѣли пороки, свойственные бѣднотѣ», и, въ противоположность этому, указываетъ на ложныя условія жизни въ буржуазныхъ классахъ, въ семьяхъ рентьеровъ, арендаторовъ, чиновниковъ, даже художниковъ и писателей: «такая семья, ведущая буржуазный образъ жизни, не предаваясь ни пьянству, ни инымъ порокамъ, не оскорбляя и не обижая другихъ людей, считаетъ себя вполне нравственной семьей и хочетъ дать нравственное воспитаніе дѣтямъ. Однако, несмотря на искреннее желаніе и старанія, это воспитаніе никогда не удастся, ибо безнравственность жизни подобной семьи, которая не пользуется по-отечески трудомъ, вѣняемымъ другимъ людямъ, эта безнравственность, которую уже не замѣчаютъ взрослые въ силу привычки, должна бросаться въ глаза дѣтямъ, обладающимъ душевной чистотой, и извращаетъ ихъ понятіе о добрѣ. Дѣти слышатъ правила нравственности, правила объ уваженіи къ другимъ людямъ, но бессознательно они не только будутъ подражать (тому, что вокругъ нихъ дѣлается), но и примутъ, какъ правило, тотъ фактъ, что одни призваны пачкать сапоги и платья а другіе ихъ чистить, одни готовятъ кушанья, другіе ихъ съѣдаютъ и т. п. Дѣтямъ, живущимъ въ такой средѣ, также невозможно внушить истинное пониманіе нравственности, какъ воспитать въ любви и воздержаніи ребенка, который не видитъ вокругъ себя никого, кромѣ пьяницъ, ребенка, котораго бы стали самого спать». Авторъ развиваетъ далѣе ту несомнѣнную истину, что для успѣшности дѣла воспитанія, необходимо, чтобы воспитатели сами работали надъ собой и стремились къ наивозможному самоусовершенствованію. Не разсматривая самые приемы воспитанія, Л. Н. Толстой сграницивается указаніемъ, что они существуютъ и что нужно ихъ розыскивать. Переходя къ вопросамъ «обученія», авторъ устанавливаетъ весьма субъективную систему

знанія, основанную на очень произвольной классификаціи наукъ, которую неумѣстно было бы воспроизводить безъ критическаго анализа ея основаній. Знаменательно лишь то, что, исключая группу такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ (историко-филологическія, юридическія и теологическія дисциплины знанія), авторъ заканчиваетъ самымъ горячимъ призывомъ къ изученію иностранныхъ языковъ (къ которымъ причисленъ даже «эсперанто», правда, съ оговоркой—«буде возможно») и рекомендуетъ заставлять дѣтей сперва понять, при чтеніи, общее значеніе прочитаннаго, потомъ останавливаться на разборѣ болѣе существенныхъ словъ, съ указаніемъ ихъ основъ и грамматическихъ формъ.

Г-жа Ширмахеръ помѣщаетъ въ «Revue des Revues» обзоръ различныхъ фактовъ, указывающихъ на прогрессъ или пріостановку женскаго движенія въ разныхъ странахъ.

Въ Цюрихѣ кантональный совѣтъ высказался огромнымъ большинствомъ голосовъ противъ участія женщинъ въ выборахъ, касающихся духовныхъ дѣлъ и церкви. Такъ какъ женщины являются главными посѣтителницами церквей, то рѣшеніе кантональных совѣтниковъ, по мнѣнію г-жи Ширмахеръ страдаетъ отсутствіемъ логики.

Въ Бельгіи пренія по вопросу объ избирательныхъ правахъ женщинъ продолжаются, но они носятъ чисто теоретическій характеръ. Италія вотировала недавно законъ о работѣ женщинъ, что уже составляетъ шагъ впередъ, такъ какъ въ Италіи даже дѣти не пользуются достаточнымъ покровительствомъ законовъ и съ девяти лѣтъ могутъ уже работать на фабрикахъ. Въ отношеніи образованія, высшаго и средняго, итальянцы не могутъ пожаловаться на свое правительство, хотя большинство дѣвушекъ буржуазіи (50.000) и получаютъ свое образованіе въ монастыряхъ, но правительствомъ открыты гимназіи для дѣвочекъ. Въ Римѣ и Флоренціи существуютъ два учебныхъ заведенія, подготовляющія молодыхъ дѣвушекъ къ полученію степени бакалавра. Итальянскіе университеты открыты для женщинъ, но только 132 (на 21.813 студентовъ) слушаютъ университетскій курсъ. Въ Италіи женщина не допускается къ занятію адвокатурой, но тѣмъ не менѣе каедрю права въ болонскомъ университетѣ занимается женщина, Тереза Лабріола. Разумѣется, такое противорѣчіе является результатомъ борьбы антифеминистской партіи съ феминисткой.

Два народа, имена которыхъ еще не были занесены въ списки женскаго движенія, въ послѣднее время начали выказывать эмансипаторскія склонности. Въ Сербіи, напримѣръ, совершенно неожиданно былъ выдвинутъ на сцену вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ. Но сербскій сенатъ отклонилъ ходатайство о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ, между тѣмъ какъ митрополитъ и епископы подали свои голоса въ пользу женщинъ.

Словены также зашевелились. Словенская писательница Цофка Кведеръ издала первый феминистскій манифестъ въ своей книгѣ, являющейся настоящимъ крикомъ души. «Женщина вѣдь прежде всего человѣческое существо говоритъ словенская писательница, и она имѣетъ такое же право какъ мужъ»

чина на свободу, счастье, истину и знание. Видѣть, знать, понимать—вотъ девизъ современной женщины!» говорить Цофка.

Разумѣется, это страстное воззваніе вызвало энергичный отпоръ со стороны реакціонерной партіи, но зато прогрессистская партія усиливаетъ свою дѣятельность и собирается даже превратить одинъ семейный органъ «Slovenka» въ органъ передовыхъ идей и феминизма.

Въ Норвегіи женщины въ первый разъ принимали участіе въ муниципальных выборахъ. Выборы въ Христианіи составили настоящее событіе. «Это былъ торжественный актъ, говоритъ одинъ старый норвежскій избиратель. Можно было видѣть стариковъ, которые приходили вмѣстѣ со своими женами, чтобы положить бюллетени въ избирательную урну, застѣнчивыхъ и мужественныхъ молодыхъ дѣвушекъ, явившихся, чтобы выполнить свой первый актъ гражданки, и смѣявшихся надъ своею неловкостью». Женщины всѣхъ классовъ принимали участіе въ выборахъ, работницы, буржуазки и жены богатыхъ чкоммерсантовъ.

Большинство норвежскихъ женщинъ вотировало за консерваторовъ и такимъ образомъ большинство муниципального совѣта въ Христианіи измѣнило свой характеръ, изъ либеральнаго стало консервативнымъ. Однако не слѣдуетъ думать, что этотъ фактъ является выраженіемъ реакціонныхъ взглядовъ женщинъ. Норвежская консервативная партія не есть ни партія церкви, ни реакція, это просто партія уніонистовъ, требующихъ сохраненія уніи между Норвегіей и Швеціей.

Норвежскія женщины не только могутъ выбирать, но и сами могутъ быть избираемы на муниципальных выборахъ. Въ Христианіи двѣ женщины выбраны въ муниципальный совѣтъ.

Въ австрійскихъ общинахъ женщины, плательщицы податей, пользуются правомъ голоса на муниципальных выборахъ. 22 женщины въ Краковѣ издали специальное воззваніе, обращенное къ избирательницамъ и приглашающее ихъ лично являться къ избирательнымъ урнамъ, а не передавать свои права другимъ. Недавно служащія въ почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствѣ въ Австріи праздновали 30-лѣтіе вступленія женщинъ на государственную службу. Въ 1872 году въ видѣ опыта были приняты 40 женщинъ, а теперь ихъ 3.000 и первоначальное жалованье удвоено. На юбилей присутствовали высшіе чиновники, что придадо ему официальный характеръ, и всѣ большія газеты посвятили ему длинныя и хвалебныя статьи. Но въ другихъ отношеніяхъ австрійскимъ женщинамъ все-таки приходится еще бороться съ многочисленными препятствіями, такъ, напримѣръ, въ Австріи женщины допускаются на медицинскій факультетъ, но лишь въ качествѣ простыхъ слушательницъ, и даже тѣ, которыя имѣютъ докторскій дипломъ, не пользуются никакими правами.

Успѣхи женскаго движенія въ Австріи далеко не такъ значительны, какъ въ Германіи, гдѣ большимъ шагомъ впередъ является организація общества, имѣющаго цѣлью расширеніе политическихъ правъ женщинъ. Резиденція этого общества находится въ Гамбургѣ, такъ какъ старинныя законы этого города дозволяютъ женщинамъ вступать въ политическія ассоціаціи,

чего не дозволяютъ имъ въ Пруссіи, Баваріи и во множествѣ другихъ маленькихъ государствъ. Это общество отправило женскую депутацію къ канцлеру, которая изложила ему стремленія германскихъ женщинъ и подтвердила ему, что женщины страдаютъ отъ того подчиненнаго положенія, которое имъ создать законъ и которое они занимаютъ въ общественной жизни и въ германскихъ университетахъ. Германскій канцлеръ обѣщалъ имъ свою поддержку, не прибавляя, что онъ «не всемогущъ», а министръ просвѣщенія на каждомъ шагѣ тормозитъ стремленія женщинъ и является сторонникомъ самыхъ реакціонныхъ взглядовъ.

Въ «Регист» напечатана статья одного американскаго профессора о высшемъ образованіи негровъ. По его словамъ, роль негровъ въ развитіи американскаго государства—это вопросъ будущаго, но, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что негры должны будутъ принимать участіе въ судьбѣ Соединенныхъ Штатовъ, и поэтому вопросъ о высшемъ образованіи негровъ получаетъ особенное значеніе. Еще Викторъ Гюго говорилъ, что XIX-ое столѣтіе освободило негра, но XX-ое столѣтіе должно сдѣлать изъ него человѣка, однако, въ Америкѣ существуетъ предубѣжденіе, что негры представляютъ невѣжественную массу которая лишь постепенно и съ трудомъ можетъ развитъ свой кругозоръ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ негръ неспособенъ къ высшему образованію и предназначенъ быть ремесленникомъ. Врядъ ли онъ въ состояніи возвыситься надъ среднимъ уровнемъ, поэтому лишнее было бы доставлять ему возможность получить высшее образованіе. «Такъ рассуждаетъ огромное большинство въ Соединенныхъ Штатахъ,—говоритъ профессоръ,—но справедливо ли это? Быть можетъ, негры еще въ теченіе многихъ лѣтъ будутъ исключительно только рабочими, промышленнымъ классомъ, но вѣдь исторія указываетъ, что именно средній и рабочіе классы доставили наилучшій матеріалъ для англо-американской цивилизаціи. Аргументомъ противъ высшаго образованія негровъ служатъ также те, что негръ, въ огромномъ большинствѣ, бѣденъ, бѣднымъ же, все равно къ какой бы расѣ они ни принадлежали, не слѣдуетъ поступать въ коллегіи, такъ какъ результатомъ является недовольство прежними условіями жизни, несчастье и неудачи на жизненномъ поприщѣ. Но именно это недовольство, вносящее новыя, оживляющіе элементы въ старыя узкія рамки жизни, вызывали зачастую перемѣны къ лучшему въ соціальной организаціи. Во всякомъ случаѣ, благородное недовольство не можетъ принести вреда ни индивиду, ни расѣ, наоборотъ, оно часто служитъ предвѣстникомъ измѣненій къ лучшему, между тѣмъ какъ довольство настоящимъ не разъ бывало началомъ упадка».

Въ англо-бурской войнѣ женщины, какъ извѣстно, играли выдающуюся роль. Онѣ сопровождали своихъ мужей и отцовъ на поле битвы, заряжали для нихъ ружья, подавали снаряды и т. д., а часто и сами исполняли обязанности стрѣлковъ. Тѣ, которые оставались на фермахъ, помогали укрываться бѣглецамъ и развѣдчикамъ и въ особенности въ этомъ отношеніи отличались

жены и дочери африкандеровъ, перешедшихъ на сторону буровъ и именуемыхъ поэтому англичанами мятежниками. Женщины, оставаясь на фермахъ и занимаясь хозяйствомъ, искусно скрывали участіе своихъ мужчинъ въ возстаніи, и англичанамъ лишь рѣдко удавалось уличить ихъ. Одинъ англійскій офицеръ, находившійся въ одномъ изъ отрядовъ, охотившихся за Деветомъ, рассказываетъ въ «*Blakwood Magazine*» слѣдующее о своемъ столкновеніи съ африкандерскими женщинами.

Онъ былъ посланъ во главѣ одного отряда въ погоню за мятежниками, и шпионъ привелъ его на африкандерскую ферму, гдѣ должны были скрываться мятежники. Однако, англичанинъ не нашелъ тамъ никого, кромѣ жены и дочери отсутствовавшего «по дѣламъ фермы» хозяина и молодого работника бура. Фермерша встрѣтила англійскаго офицера очень спокойно, но холодно, и пожалуй, даже враждебно. Дочь же, наоборотъ, была съ ними очень любезна и разговорчива, выказывая безпечную веселость. Переночевавъ на фермѣ, отрядъ отправился дальше, захвативъ съ собою молодого бура, въ качествѣ проводника и заложника. Тутъ молодая дѣвушка не выдержала и, отозвавъ офицера въ сторону, горько плача, созналась ему, что она любитъ молодого бура и боится за него. «Если бы вы мнѣ сказали, куда вы идете, чтобы я могла потомъ провѣдать его!» говорила она. Наивный англійскій офицеръ повѣрилъ ея искренности и откровенно сознается въ этомъ. Онъ сказалъ ей, куда идетъ отрядъ, и въ результатъ получилось то, что задуманное нападеніе врасплохъ на команды Лоттера и Герцога не удалось; дѣвушка предупредила ихъ!

Въ другой разъ, несмотря на форсированный маршъ, онъ все-таки не засталъ на фермѣ отрядъ мятежниковъ, который долженъ былъ тамъ находиться. Офицеръ былъ твердо увѣренъ, что онъ тамъ его настигнетъ врасплохъ, такъ какъ имѣлъ на этотъ счетъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія, но мятежной команды и слѣдъ простылъ. Въмѣсто нея онъ нашелъ на фермѣ одну свою старинную знакомую, миссъ Претеріусъ, которую меньше всего ожидалъ встрѣтить тамъ. «Какъ вы сюда попали? спросилъ онъ ее, крайне удивленный». «Частью верхомъ, частью въ канской телѣгѣ» отвѣчала она, смѣясь, на что онъ замѣтилъ ей нѣсколько сердито, что онъ и такъ знаетъ, что она не могла дойти сюда пѣшкомъ. На дальнѣйшій вопросъ, зачѣмъ она здѣсь очутилась, она рѣзко возразила ему, что, въ качествѣ «англійской подданной», она не считаетъ нужнымъ отвѣчать на столь дерзкій вопросъ. «Достаточно уже и того, что ваше знаменитое англійское войско не въ состояніи защитить канскихъ фермеровъ, воскликнула она.—А тутъ вы еще осмѣливаетесь англійскихъ же подданныхъ преслѣдовать разспросами!» Миссъ Претеріусъ говорила такимъ тономъ, что бѣдный англійскій офицеръ смутился и сталъ извиняться передъ нею и только впоследствии ему пришлось убѣдиться, что онъ оба раза попался впросакъ. Онъ встрѣтилъ дѣвушку, которая тогда на фермѣ умоляла его сказать ей, куда онъ уводитъ ея жениха, молодого бура. Этотъ буръ былъ разстрѣлянъ англичанами, и когда офицеръ сообщилъ объ этомъ молодой дѣвушкѣ, то она, въ удивленію его, приняла это извѣстіе вполне спокойно и затѣмъ созналась ему, что она тогда соизволила, чтобы узнать куда отправляется его отрядъ.

«И вы, англійская подданная, предупредили команду Лоттера!» воскликнулъ онъ. — «Я не совершила никакого преступленія и ни одного слова не сказала про англичанъ, — отвѣчала она спокойно. — Я только проѣхала черезъ лагерь Лоттера и больше ничего». Но въ лагерьъ знали, откуда она явилась и что означаетъ ея появленіе. «Увѣряю — васъ, прибавила она, — что каждую ночь сотни молодыхъ африкандерскихъ дѣвушекъ скачутъ такимъ образомъ по степи и выполняютъ службу развѣдчиковъ. На насъ дѣвушекъ скорѣе можно положиться, нежели на кафровъ, и мы поддерживаемъ сообщенія между командами».

Англійскій офицеръ искренно сознается, что, отправляясь въ Южную Африку, онъ преисполненъ былъ презрѣнія къ врагу. Буровъ онъ считалъ низшей расой и ставилъ ихъ довольно низко, относясь къ нимъ съ высокомеріемъ истиннаго англичанина. Но ему пришлось измѣнить свое мнѣніе и онъ не стыдится сознаться въ этомъ. Онъ былъ пораженъ, какъ мало англичане знали тотъ народъ, съ которымъ начали войну. Они совсѣмъ не знали африкандерскихъ женщинъ, а между тѣмъ именно имъ они обязаны многими своими успѣхами въ этой войнѣ. Промахи, надѣланные англичанами во время войны, имѣютъ ту хорошую сторону, что научили ихъ правильной опѣнкѣ того народа, съ которымъ они теперь должны совмѣстно трудиться надъ созданіемъ мирной и счастливой Южной Африки.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

За мамонтомъ.

Когда ученый міръ впервые познакомился съ ископаемыми остатками животных древнихъ геологическихъ періодовъ и понялъ ихъ истинное значеніе, никто не рѣшился бы и мечтать, что мы будемъ когда-нибудь въ состояніи изслѣдовать не только кости ихъ, но и мягкія части ихъ организма, между тѣмъ въ настоящее время это невозможное предположеніе осуществилось, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одному изъ угасшихъ исполиновъ ледниковой эпохи—*мамонту* (*Elephas primigenius*).

Впрочемъ, находженіе замерзшихъ и болѣе или менѣе хорошо сохранившихся труповъ вымершихъ животныхъ восходитъ къ довольно давнимъ временамъ и лишь по чисто случайнымъ причинамъ находки эти не попадали въ руки ученыхъ. Первой такой находкой были остатки носорога съ кожей и мясомъ, найденные въ 1771 г. на берегу р. Вилюя. Въ 1799 году былъ впервые найденъ однимъ тунгусомъ на полуостровѣ Быкова, у устья р. Лены хорошо сохранившійся трупъ мамонта; къ сожалѣнію, лишь черезъ 7 лѣтъ, слухъ объ этомъ дошелъ до случайно путешествовавшего тогда по Сибири натуралиста Адамса. Когда онъ посѣтилъ мѣсто находки, то трупъ мамонта оказался ужъ въ значительной степени съѣденнымъ—сохранились только глаза, ухо, кусокъ кожи и на костяхъ кое-гдѣ уцѣлѣли сухожилія и связки. Адамсъ добылъ при этомъ случаѣ почти полный скелетъ мамонта, который и сохраняется съ тѣхъ поръ въ зоологическомъ музеѣ Императорской академіи наукъ. Тогда же были найдены впервые и волосы мамонта и было установлено, что онъ имѣлъ довольно густой и длинный волосяной покровъ, приспособленный къ существованію при суровыхъ климатическихъ условіяхъ.

Позднѣе, въ 1865 году, еще разъ былъ открытъ полный трупъ мамонта между устьями рѣкъ Тазъ и Енисей. Академія Наукъ снарядила экспедицію подъ начальствомъ Ф. Б. Шмидта, но и эта экспедиція опоздала,—ей удалось добыть лишь разрозненные части трупа, все остальное было съѣдено хищными животными.

Въ 1869 году остатки мамонта съ кусками кожи и мяса были найдены барономъ Майдемомъ въ области рѣкъ Колымъ, Ковшечей и Шандранъ, а въ 1885 году такія же находки были сдѣланы барономъ Толемъ у р. Яны.

Неудачныя попытки добыть полный и хорошо сохранившійся трупъ мамонта заставляли даже сомнѣваться въ принципиальной возможности такой находки,—такъ академикъ Л. Шренкъ въ 1872 году смотрѣлъ на возможность получить пригодный для изслѣдованія трупъ мамонта съ большимъ недоумѣніемъ.

Должно, однако, замѣтить, что причиною всѣхъ прежнихъ неудачъ въ значительной мѣрѣ было плохое состояніе путей сообщенія въ тѣ времена: пока извѣстіе шло изъ Сибири до Петербурга и пока къ мѣсту находки поспѣвала прибыть экспедиція, трупъ мамонта, быть можетъ, ранѣе и хорошо сохранившійся, оказывался или разложившимся или съѣденнымъ хищнымъ животными.

Огромный прогрессъ, проявившійся въ путяхъ сообщенія Сибири за последнее время, явился въ данномъ отношеніи чрезвычайно благоприятнымъ обстоятельствомъ. При существованіи Сибирской желѣзной дороги и телеграфа, первая же попытка добыть трупъ мамонта увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ и успѣхъ этотъ, какъ мы увидимъ, обусловленъ въ значительной степени, именно, быстротою передвиженія,—опоздай экспедиція на мѣсяць, и всѣ ея труды могли бы остаться безъ результатовъ.

На-дняхъ опубликованы первыя извѣстія объ экспедиціи, снаряженной академіей наукъ въ прошломъ году для раскопки трупа мамонта *).

Находка мамонта совершалась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ серединѣ августа 1900 года ламутъ Тарабыкинъ, преслѣдуя оленя, нашелъ на берегу р. Березовки, впадающей въ Колыму, бивень мамонта вѣсомъ въ 4 пуд. 25 фунт., онъ сталъ искать второго бивня и наткнулся во время этихъ поисковъ на торчащую изъ земли голову мамонта съ обрывками кожи на ней. Такая находка испугала Тарабыкина, такъ какъ у ламутовъ существуетъ повѣріе, что тотъ, кто найдетъ трупъ мамонта и потравожитъ его, непремѣнно заболѣетъ. Тарабыкинъ вернулся въ свою юрту, находящуюся въ 20-ти верстахъ отъ мѣста находки, и сообщилъ о нахожденіи мамонта двумъ другимъ ламутамъ. На слѣдующій день они втроемъ отправились къ мамонту и отрубили единственный сохранившійся у него клыкъ вѣсомъ въ 1³/₄ пуда. Въ концѣ августа всѣ три ламута отправились на Колыму и продали клыкъ казаку Явловскому, причемъ рассказали ему объ обстоятельствахъ, при которыхъ клыкъ этотъ былъ найденъ. Къ счастью для науки Явловскій понялъ, какое важное значеніе имѣетъ сообщеніе ламутовъ. Онъ не повѣрилъ имъ, однако, на слово, а самъ отправился вмѣстѣ съ ними на мѣсто, гдѣ былъ найденъ мамонтъ и убѣдился собственными глазами въ томъ, что значительная часть мамонта цѣла. Чтобы не было сомнѣнія въ его словахъ, онъ вырѣзалъ изъ головы трупа и съ ноги его по куску кожи, взялъ часть содержимаго желудка и представилъ все это въ средне-колымское полицейское управленіе. Помощникъ исправника Н. Л. Горнъ, прежде чѣмъ доносить официально о находкѣ, самъ освидѣтель-

*) «Отчеты начальника экспедиціи Имп. академіи наукъ на Березовку для раскопки трупа мамонта, О. Ф. Герца». «Извѣстія Имп. академіи наукъ», т. XVI, 1902 г. № 4.

стовалъ трупъ мамонта и, найдя все такъ, какъ рассказывалъ Явловскій, донесъ якутскому губернатору, который препроводилъ его рапортъ въ Петербургъ.

По полученіи въ серединѣ апрѣля 1901 года извѣстія о нахожденіи мамонта, Императорская академія наукъ исходатайствовала ассигнованіе суммы въ 16.300 р. для снаряженія экспедиціи на р. Березовку. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ и. д. старшаго зоолога зоологическаго музея академіи наукъ О. Ф. Герцъ и къ нему въ качествѣ помощниковъ были прикомандированы и. д. старшаго препаратора Е. В. Пфиценмейеръ и студентъ юрьевскаго университета Д. П. Севастьяновъ.

Уже 3-го мая экспедиціи удалось выѣхать изъ Петербурга, 14-го мая экспедиція прибыла въ Иркутскъ, гдѣ запаслась всѣмъ необходимымъ для дальняго и труднаго пути—предстояло сдѣлать 2.800 верстъ частью на пароходѣ, частью на лошадахъ до Якутска и около 3.000 верстъ верхомъ и пѣшкомъ отъ Якутска до Средне-Колымска.

1-го іюня экспедиція не безъ задержекъ и затрудненій въ пути прибыла въ Якутскъ, гдѣ снова пришлось сдѣлать продолжительную остановку для того, чтобы нанять людей, запастись провизіей, распредѣлить вещи по вьюкамъ и т. д. Всѣ старанія ускорить дѣло разбивались о непреодолимую апатію и привычку къ полусонному существованію мѣстныхъ жителей. Трудно было добиться отъ нихъ быстрого исполненія работы или заказа даже при помощи просьбъ и хорошаго вознагражденія, и если только члены экспедиціи не присутствовали сами при исполненіи работы, то все дѣло ограничивалось однимъ общаніемъ.

Выѣхавъ изъ Якутска 20-го іюня, экспедиція добралась на пароходѣ до станціи Таринской на р. Алданъ. Оттуда пришлось двигаться уже вьючнымъ путемъ по направленію къ Верхоянску на 20-ти вьючныхъ лошадахъ, съ тремя ямщиками и двумя казаками. Каковъ былъ этотъ путь и условія, въ которыхъ приходилось двигаться экспедиціи, объ этомъ лучше свидѣлствуютъ слѣдующія слова начальника экспедиціи: «Мы весьма тихо двигались впередъ до Верхоянскаго перевала. Бывали дни, въ которые мы съ утра до вечера сидѣли на лошади и, несмотря на это, проходили всего какихъ-нибудь 25—35 верстъ. Вслѣдствіе продолжительныхъ дождей дорога стала до того непроходимой, что лошади на каждомъ шагу погружались по брюхо въ грязь; особенную опасность представляла переправа черезъ быстро текущую р. Тукуланъ. Нарочный, посланный впередъ якутскимъ исправникомъ, долженъ былъ просидѣть цѣлыхъ 9 дней на берегу Тукулана, прежде чѣмъ онъ могъ рискнуть переправиться черезъ рѣку; ямщикъ съ лошадыю утонули при этой переправѣ. Какъ выяснилось впоследствии, лошадь, бывшая при ямщикѣ, совершала этотъ путь впервые, чѣмъ и объясняется это несчастье. Вся почта, навьюченная на находящуюся при ямщикѣ лошадь, безвозвратно погибла; трупы ямщика и лошади не были найдены, такъ какъ быстрое теченіе все унесло въ Алданъ. Провожающій насъ старшій ямщикъ провелъ экспедицію благополучно черезъ рѣку въ разстояніи приблизительно 1½ версты отъ мѣста несчастья внизъ по теченію; при этомъ мы основательно промокли».

За крутымъ Верхоянскимъ переваломъ дорога стала нѣсколько лучше, такъ что экспедиція могла дѣлать въ день уже 55—75 верстъ. 9-го іюля она прибыла въ Верхоянскъ, сдѣлавъ 938 верстъ въ 19 дней. Теперь ей предстояла самая трудная часть пути—дорога отъ Верхоянска до Средне Колымска, 2.000 верстъ по заброшенному, ужасному вьючному тракту; чтобы пройти этотъ путь, потребовалось два мѣсяца неустанной работы.

Здѣсь не всегда можно было достать потребное количество лошадей, и потому пришлось раздѣлить экспедицію на двѣ части, изъ которыхъ одна, съ начальникомъ во главѣ, отправилась впередъ налегкѣ форсированными переходами, другая же двигалась болѣе медленно.

Начавшіеся съ 17-го іюля дожди сильно препятствовали передвиженію—они обуславливали сильнѣйшую прибыль воды въ рѣкахъ и страшно портили и безъ того невозможную дорогу, пролегающую черезъ болотистую тайгу. Впродолженіи нѣсколькихъ дней экспедиціи приходилось изъ-за сильнаго ливня оставаться на мѣстѣ, а въ тѣ дни, когда погода была лучше, удавалось при всѣхъ стараніяхъ проходить не болѣе 10—15 верстъ въ сутки.

У р. Индигирки экспедиція натолкнулась на непреодолимое препятствіе—дорога такъ испортилась дождями, что о продолженіи пути на лошадяхъ не могло быть и рѣчи; къ счастью, удалось сдѣлать часть пути на лодкахъ.

Уровень воды въ Индигиркѣ такъ сильно поднялся изъ-за дождей, что паромщикъ-якутъ долго не соглашался переправлять экспедицію на другую сторону рѣки. Какъ долго можетъ продолжаться такое половодье, видно изъ того обстоятельства, что почтѣ, вышедшей изъ Якутска за два мѣсяца до выѣзда оттуда экспедиціи, и присоединившемуся къ ней священнику, ѣхавшему къ мѣсту служенія, пришлось прождать у Индигирки 44 дня, прежде чѣмъ представилась возможность переправиться черезъ рѣку.

«Между Индигиркой и Колымой,—пишетъ О. Ф. Герцъ,—на разстояніи приблизительно 700 верстъ, мы встрѣчали лишь весьма незначительное число юртъ, и на всемъ этомъ протяженіи дорога была болѣе или менѣе твердая. Мѣстность была монотонная и болотистая, безъ всякаго разнообразія. Тайга покрыта мелкимъ лѣсомъ, состоящимъ изъ лиственницы (*Larix dahurica*), сибѣ-шанной съ ивами и кустарной березой. Попадались множество озеръ, которые приходилось постоянно объѣзжать. Дорога была безотрадная, и въ концѣ концовъ мы совершенно апатично сидѣли на нашихъ лошадяхъ и безсознательно продѣлывали всякія кавалерійскія штуки при переходѣ лошади изъ одной ямы болота въ другую».

Въ довершеніе всего на одномъ изъ невысокихъ переваловъ началась снѣжная вьюга, длившаяся 4 дня и занесшая путешественниковъ, спасавшихся въ небольшой палаткѣ, двухъяршиннымъ слоемъ снѣга.

Между тѣмъ, приходилось торопиться, какъ только было возможно,—промедленіе могло не только заставить выдержать въ тундрѣ тяжелую зимовку, но и угрожало успѣху экспедиціи. Если бы не удалось вырыть трупъ мамонта до наступленія зимы, то зимою, вслѣдствіе полного промерзанія почвы, это сдѣлалось бы уже совершенно невозможнымъ, пришлось бы дожидаться лѣта, а

между тѣмъ, весенніе потоки и разливъ могли бы окончательно испортить или даже унести трупъ.

Лишь благодаря непоколебимому терпѣнію, энергіи и удивительной выносливости начальника экспедиціи, удалось все же достигъ цѣли во-время. Послѣ чрезвычайно труднаго перехода въ 300 верстъ отъ Средне-Колымска, 9-го сентября первая часть экспедиціи прибыла на р. Березовку къ мѣсту находки мамонта, который оказался нетронутымъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ его оставилъ казакъ Явловскій.

Трупъ мамонта находился на обрывистомъ лѣвомъ берегу рѣки, довольно круто спускавшемся отъ уровня почвы окружающей тайги къ рѣкѣ, которая бѣжитъ на 55 метр. ниже. Отъ берега трупъ находился въ 62 метрахъ и на 35 метрахъ надъ уровнемъ рѣки. Строеіе берега наводитъ на многія размышленія. Дѣло въ томъ, что подъ сравнительно тонкимъ верхнимъ слоемъ земли, прикрытымъ мхомъ, залегаетъ слой глинистой почвы, смѣшанной съ перегноемъ, камнями, корнями и кусочками дерева, толщиною въ 2, мѣстами въ 4 метра; чрезъ эту массу тянутся слоистые пласты льда толщиною въ 15—18 сантиметровъ. Подъ этимъ же наноснымъ слоемъ земли обнаруживается сплошная вертикальная ледяная стѣна, вышиною надъ мѣстомъ нахождения мамонта въ 5—7 метровъ.

Такая ледяная стѣна была найдена и въ другихъ мѣстахъ обрывистаго берега рѣки. Ледъ, изъ котораго она состоитъ, буровато-землистаго цвѣта и содержитъ множество воздушныхъ пузырьковъ, форма которыхъ частью продолговатая, частью круглая. Между пузырьками, часто остающимися въ связи между собою, проникаютъ тонкіе слои песка или глины, образующіе мѣстами небольшія глыбы. Въ болѣе глубокихъ слояхъ ледяной скалы ледъ становится крѣпче и прозрачѣе, мѣстами онъ даже совсѣмъ бѣлый и хрупкій; пробывъ, однако, хотя бы и короткое время, подъ вліяніемъ воздуха, и этотъ ледъ вновь принимаетъ желтовато-бурю окраску и тогда производитъ впечатлѣніе стараго льда.

Спрашивается, откуда взялся этотъ толстый, быть можетъ, даже очень толстый слой льда, прикрытый почвой, на которой и развилась теперешняя растительность? Г. Герцъ считаетъ мало вѣроятнымъ, что бы онъ могъ возникнуть изъ нанесенныхъ и смерзшихся слоевъ снѣга или отъ замерзанія разлившейся по долину воды, — скорѣе всего, это ледъ древній, сохранившійся отъ ледниковаго періода. Это остатокъ гигантскаго бывшаго здѣсь нѣкогда ледника, прикрытый нанесенною почвой. Въ настоящее время ледяная стѣна постепенно подтаиваетъ отъ тепла и дождей и это обуславливаетъ сползаніе земляныхъ массъ, иногда цѣлыхъ холмовъ. При подобномъ-то сползаніи и обнаружился, по всей вѣроятности, трупъ мамонта, отъ котораго, впрочемъ, выставлялась наружу лишь одна голова.

Кожа на черепѣ оказалась съѣденной хищными животными, не нашлось и хобота о чемъ приходится особенно пожалѣть:—изучить устройство хобота мамонта было бы чрезвычайно интересно.

Нѣкоторыя части головы оказались все же покрытыми кожей,—такъ, она

сохранилась на щекахъ, на правомъ вѣкѣ, отчасти на темени и на верхней губѣ; очень хорошо сохранилась нижняя губа.

Самымъ интереснымъ открытіемъ было нахожденіе *остатковъ пищи* между зубами мамонта, — доказательство того, что мамонтъ погибъ внезапно или, по крайней мѣрѣ, очень быстро. Остатки эти состоятъ изъ частей растеній, изслѣдование которыхъ, равно какъ и изслѣдование прекрасно сохранившагося содержимаго желудка дастъ, несомнѣнно, интереснѣйшіе результаты.

Какъ только экспедиція мало-мальски осматрѣлась, начаты были одновременно двѣ работы: постройка хижины для зимняго жилья и трудная и мѣшкотная работа по извлеченію мамонта. Первоначально съ бугра, образовавшагося надъ трупомъ, слой за слоемъ осторожно снималась земля, въ которой найдено было большое количество густой и длинной шерсти мамонта, отдѣлившейся отъ кожи.

Когда трупъ былъ обнаженъ отъ земли, дальнѣйшія работы были прекращены до прибытія второй партіи экспедиціи. Наступали уже холода, и можно было опасаться скорого замерзанія почвы; чтобы облегчить работу по извлеченію мамонта и воспрепятствовать примерзанію трупа, рѣшено было возвести надъ нимъ большую отопляемую избу, въ которой и можно было бы уже затѣмъ продолжать дальнѣйшія работы безпрепятственно.

Положеніе трупа мамонта, выяснившееся, когда была удалена земля, прикрывавшая его, чрезвычайно характерно. Обѣ переднія ноги были выставлены впередъ, обѣ заднія были подвернуты подъ трупомъ. Во всякомъ случаѣ, ясно было, что трупъ не былъ сюда принесенъ водою, а животное погибло именно на этомъ мѣстѣ и не отъ голода и истощенія — желудокъ его оказался набитымъ пищею. Вся поза мамонта свидѣтельствовала о томъ, что онъ провалился въ трещину или разсѣлину, находившуюся, по всей вѣроятности, въ ледяномъ слое прикрытомъ тогда, быть можетъ, еще болѣе тонкимъ, чѣмъ теперь, слоемъ почвы. Попадъ въ разсѣлину, мамонтъ попробовалъ выкарабкаться и этимъ объясняется расположеніе его переднихъ ногъ: на правую, нѣсколько согнутую въ колѣнѣ, онъ, повидимому, упирался, тогда какъ лѣвою пробовалъ ступить далѣе впередъ. Поврежденія, полученныя имъ при паденіи, были, однако, настолько серьезныя, что, не успѣвъ выбраться, животное издохло. Дѣйствительно, у мамонта оказались сломанными тазъ и правое предплечье.

20-го сентября прибыла вторая часть экспедиціи, подъ начальствомъ г. Пфиценмейера, претерпѣвшая въ пути тѣ же самыя затрудненія и лишенія, какъ и первая. Тотчасъ же было приступлено къ постройкѣ избы надъ трупомъ мамонта, и къ 30-му сентября изба была уже готова. Попробовали ее отапливать, и оказалось, что это вполне возможно. Чтобы трупъ не подвергался слишкомъ сильному нагрѣванію лучистой теплотою печи, онъ былъ отдѣленъ отъ послѣдней перегородкой. Для того, однако, чтобы мамонтъ не замерзалъ, приходилось безъ перерыву топить днемъ и ночью и все время наблюдать за огнемъ, чтобы не надѣлать пожара и не погубить такимъ образомъ драгоценную находку.

Подъ покровомъ выстроенной избы работы по отрытію мамонта продолжа-

лись безпрепятственно, теперь уже въ теплѣ. Въ виду темноты, царившей въ избѣ пришлось проломить въ стѣнѣ окошко и, за неимѣніемъ стеколъ, вставить въ него большую льдину.

Постепенно, съ большою осторожностью, начали снимать землю съ различныхъ частей трупа. Мѣстами на кожѣ животного сохранилась въ полной цѣлости густая и длинная шерсть его, свидѣтельствовавшая о томъ, что мамонтъ вполне былъ приспособленъ къ холодному климату. Такая шерсть, состоящая изъ длинныхъ волосъ въ 10—12 сант. длины и короткаго подшерстка, была найдена на нижней поверхности лѣвой передней ноги, такая же шерсть была найдена и у заднихъ ногъ. Цвѣтъ шерсти былъ отъ свѣтлаго желто-бураго до темно-бураго. Около нижней губы въ мерзлой землѣ торчали волосы, принадлежащіе подбородку и груди,—ихъ длина была 36 сант., но они были оборваны на концахъ и, судя по толщинѣ концовъ, можно было думать, что нормальная ихъ длина около 50 сантим. ($\frac{3}{4}$ аршина); эти волосы были черны и лишь ближе къ ногамъ становились свѣтлѣе. Длинная шерсть была и на плечахъ животного, спускаясь съ нихъ въ видѣ длинной гривы. Брюхо было покрыто лишь желтовато-бурымъ подшерсткомъ, длиною въ 2—3 сантим.

Кожа сохранилась большею частью превосходно, но кое-гдѣ ея не хватало,—такъ, на головѣ, въ передней части туловища и отчасти на бокахъ. Подъ кожей находился слой сала до 9 сантим. толщиною, оно было бѣлаго цвѣта, безъ запаха, губчатой, ноздреватой консистенціи и свободно рѣзалось.

Жилистое и проросшее жиромъ мясо изъ-подъ плеча было темно-краснаго цвѣта и на видъ казалось такимъ же свѣжимъ, какъ сильно промерзшее бычачье или конское мясо. «Долгое время мы совѣтовались,—пишетъ г. Герцъ,—не отвѣдать ли намъ этого мяса, такъ какъ оно имѣло очень аппетитный видъ, однако, никто не могъ рѣшиться взять его въ ротъ и ему предпочитали конину *). Брошенное собакамъ мясо мамонта съѣдалось ими весьма охотно».

Желудокъ мамонта оказался подвергшимся сильному гніенію, какъ это и должно было ожидать. Стѣнки его были темно-кофейно-бураго цвѣта, почти черныя; онъ сгнилъ и мѣстами разорванъ. Въ желудкѣ заключалось болѣе пуда остатковъ пищи, частью въ хорошемъ сохраненіи.

Само собою разумѣется, что при состояніи путей сообщенія, достаточно охарактеризованномъ выше, нельзя было и думать о перевезеніи мамонта цѣликомъ или большими частями. Приходилось расчленивъ трупъ на такіе куски, которые могли бы быть перевезены на нартахъ, запряженныхъ оленями. По мѣрѣ того, какъ части трупа освобождались все болѣе и болѣе отъ земли, ихъ отдѣляли одну за другою. Такъ былъ снятъ черепъ, отдѣлены переднія конечности, взятая почти цѣликомъ, вынута значительная часть желудка.

Интересно, что сохранились даже остатки крови, именно между желудкомъ

*) Мы можемъ добавить, что когда мамонтъ былъ привезенъ въ Петербургъ, нашелся одинъ смѣльчакъ, рискнувшій попробовать его мяса; но... ему пришлось за это поплатиться серьезнымъ расстройствомъ желудка и онъ никому не рекомендовалъ повторять этого опыта!

и грудною костью были найдены частицы крови, «напоминающія собою марганцевокислый калий въ мелкихъ кусочкахъ»; при размягченіи эти частицы оставляютъ послѣ себя легко смываемое грязное темно-красное пятно; на ощупь онѣ напоминаютъ грубый сухой песокъ. Въ другомъ мѣстѣ трупѣ, именно у плечевыхъ костей кровь была другого вида,—она имѣла свѣтлый глинисто-желтый цвѣтъ и на ощупь казалась какъ бы превращенной въ извѣсть.

Несмотря на относительно хорошее состояніе сохраненія трупѣ, онѣ все же испускали сильнѣйшую вонь, распространявшуюся далеко по всей окрестности. Позднѣе вонь эта ослабѣла, но «можетъ быть,—пишетъ г. Герцъ,—мы до того къ ней привыкли, что и не замѣчаемъ ея болѣе».

По мѣрѣ того, какъ приближались къ хвостовому концу трупѣ, работа по расчлененію его становилась все труднѣе и труднѣе. Мясо, находящееся подъ тазомъ, было совершенно заморожено и твердо, какъ камень,—отдѣлать его отъ костей было чрезвычайно трудно. Кости бедра были такъ крѣпко соединены связками съ берцовыми, что пришлось вырѣзать всѣ эти кости цѣликомъ и расчленивать ихъ уже послѣ того, какъ онѣ были вынуты изъ трупѣ.

«Послѣ того, какъ мы срѣзали 7—8 пудовъ мяса,—пишетъ г. Герцъ,—мы могли приступить къ поднятію и нижней брюшной кожи, которая оказалась еще очень объемистой и которую мы рѣшили раздѣлить на куски только тогда, когда она будетъ вся обнаружена. Поднявъ при помощи рабочихъ кусокъ кожи, вѣсящій пудовъ 12—14, мы, къ величайшей нашей радости, открыли мы полный хвостъ мамонта и этимъ выяснили другой загадочный пунктъ. Радость, овладѣвшая нами при этомъ новомъ открытіи, была настолько велика, что мы, положивъ громадный кусокъ снова на землю, трижды громко прокричали «ура.» Мы не рѣшились разрѣзать еще цѣлый кусокъ кожи, дабы имѣть возможность доставить этотъ чудный объектъ цѣликомъ въ Императорскую академію наукъ».

Хвостъ оказался гораздо короче, чѣмъ предполагали раньше, и чѣмъ его воспроизводили на рисункахъ и восстановленныхъ по разрозненнымъ частямъ скелетахъ (напр., на скелетѣ, имѣющемся въ зоологическомъ музеѣ академіи наукъ). Онѣ состоялъ, очевидно, изъ 22—25 хвостовыхъ позвонковъ и длиною былъ лишь въ 36 сантим. по нижней сторонѣ; у основанія своего онѣ былъ расширенъ, такъ что въ обхватѣ имѣлъ 32 сантиметра. На концѣ хвоста имѣлись твердые, обломанные приблизительно до $\frac{1}{4}$ своей длины, волосы, указывающіе на то, что здѣсь находилась густая метелка волосъ. Длина этихъ волосъ достигаетъ 20—35 сантим., они ржаво-бурого цвѣта, какъ и волосы на передней сторонѣ лѣвой передней ноги. Волосы эти чрезвычайно толсты: нѣкоторые изъ нихъ у корня обладаютъ діаметромъ въ $\frac{1}{2}$ миллим.; на нижней сторонѣ хвоста они располагались гуще всего на самомъ концѣ его и съ боковъ.

11-го октября были произведены послѣднія операціи по разборкѣ трупѣ; части трупѣ были перенесены въ помѣщеніе экспедиціи и возможно прочно упакованы въ тюки такого размѣра и вѣса, что являлось возможнымъ перевезти ихъ на нартахъ.

Когда яма, изъ которой извлекли мамонта, была расчищена, ее еще углубили на $2\frac{1}{4}$ метра; оказалось, что на глубинѣ 1,9 метра начался сплошной

ледъ такого же точно качества, какъ ледъ стѣны обнаруживающейся на обрывѣ. Обстоятельство это доказываетъ, что ледяная стѣна, продолжается и подъ поверхностью берега, быть можетъ, даже и подъ рѣкою.

Во времени окончанія работъ зимняя дорога уже вполне установилась и являлось возможнымъ отправиться въ обратный путь. Для перевозки мамонта, составлявшаго въ общемъ грузъ около 100 пудовъ, было выстроено 10 саней, лошади были запасены заблаговременно, и 15-го октября первая партія экспедиціи тронулась въ путь.

Обратный путь экспедиціи былъ не многимъ легче предыдущаго тяжелаго путешествія къ мѣсту находки мамонта. Морозы стояли въ 45—50° R. ниже 0°, такъ что неоднократно бывали случаи отмораживанія лица. Сидѣнье или лежанье въ продолженіи дѣльных мѣсяцевъ въ узкихъ нартахъ сильно утомляло, а во время остановокъ въ первобытныхъ «поварняхъ», построенныхъ для защиты путешественниковъ отъ непогоды между отдѣльными станціями, расположенными часто въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ одна отъ другой, рѣдко приходилось отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Прimitives каминны ихъ обыкновенно такъ плохо грѣли и такъ сильно дымили, что по часамъ приходилось сидѣть передъ ними на корточкахъ, чтобы сколько-нибудь отогрѣться. Ощущался и недостатокъ въ провизіи, тѣмъ болѣе, что годъ былъ безродный, и сами туземцы голодали.

Нерѣдко приходилось идти много верстъ пѣшкомъ, или вслѣдствіе чрезмѣрныхъ свѣжныхъ сугробовъ, или же, наоборотъ, изъ-за того, что свѣгъ оказывался сметеннымъ съ дороги. Большимъ затрудненіемъ являлись также «тарыны» — замерзшіе разливы рѣкъ. Приходилось идти на протяженіи многихъ верстъ по гладкой, какъ зеркало, ледяной поверхности, на которой ежеминутно падали и люди и лошади, а иногда случалось при этомъ и проходить текущую черезъ тарыны ледяную воду.

Вообще на этомъ тяжеломъ пути экспедиціи пришлось испытать всѣ прелести путешествія зимою по сѣверной Сибири.

24-го декабря прибыла въ Якутскъ первая часть экспедиціи и 6-го января — вторая. Черезъ десять дней экспедиція выѣхала въ Иркутскъ и 18-го февраля благополучно прибыла въ Петербургъ, привезя въ полной сохранности свою цѣнную научную добычу.

Должно отдать полную справедливость энергіи, распорядительности и умѣнію г. Герца, — болѣе быстро и успѣшно не было возможности выполнить возложенную на него трудную задачу. Въ теченіе 10 мѣсяцевъ экспедиціей было пройдено 6.000 верстъ на саняхъ и 3.000 верстъ верхомъ по самой непроходимой тайгѣ и въ самую неблагоприятную пору. Уже само по себѣ это путешествіе является, въ виду перенесенныхъ экспедиціей лишеній, подвигомъ, свидѣтельствующимъ о самоотверженной преданности дѣлу науки.

Привезенныя въ замороженномъ видѣ части мамонта оказались въ превосходномъ состояніи. Кромѣ полного скелета, значительной части кожи, большого количества волосъ, оказался сохранившимся языкъ, желудокъ, penis, части

мозга со вполне ясно различимой мозговой оболочкой, вышеупомянутые сгустки крови, наконецъ вполне цѣлая мускулатура конечностей.

Мышцы сохранились идеально, и подъ микроскопомъ можно было даже наблюдать и измѣрить поперечную полосатость ихъ. Пишущему эти строки пришлось видѣть отпрепарированныя конечности мамонта, — приходилось только удивляться той, по истинѣ, чудной картинѣ, которую онѣ представляли. Смоченныя мышцы отличались отъ свѣжихъ только своимъ коричневымъ цвѣтомъ, по формѣ же и по ясности своихъ взаимоотношеній онѣ не оставляли желать ничего лучшаго. Особенно красива была одна изъ мышцъ передней конечности, разбивающаяся внизу на пять головокъ, идущихъ къ пальцамъ. Трудно было повѣрить словамъ геологовъ, доказывавшихъ, что мышцы эти пролежали въ нѣдрахъ земли не менѣе 10.000—70.000 лѣтъ!

Мы обладаемъ, такимъ образомъ, теперь научнымъ сокровищемъ, которому трудно подобрать равное на протяжении всей исторіи естествознанія. Это самое обстоятельство малагаетъ, однако, на наше высшее ученое учрежденіе и большую отвѣтственность передъ лицомъ всемірной науки: недостаточно обладать цѣннымъ матеріаломъ, надо его теперь использовать соотвѣтственно съ достоинствомъ русской науки. Намъ кажется, что единственнымъ вѣрнымъ исходомъ было бы избраніе академіей наукъ комиссіи изъ выдающихся русскихъ ученыхъ различныхъ специальностей, которой и должно бы предоставить обсудить планъ и способъ дальнѣйшей обработки драгоценной научной добычи.

П. Ю. Шмидтъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Отклоненіе маятника въ Индіи. — Сейсмографъ, какъ барометръ. — Жидкіе кристаллы. — Еще о цвѣтной фотографіи. — Клещи на корняхъ винограда. — Глазъ крота. — Чума у птицъ. — Движеніе кишекъ, видимое благодаря лучамъ Рентгена. — Общество для изученія психологіи животныхъ. — Отравленіе пивомъ.

S. G. Burrard произвелъ рядъ многочисленныхъ наблюденій надъ отклоненіемъ маятника въ Индіи. Какъ извѣстно, маятникъ отклоняется отъ вертикальной линіи, если земная кора въ данномъ мѣстѣ не однородна и онъ испытываетъ, съ одной стороны, большее притяженіе, благодаря присутствію болѣе плотныхъ частей, металлическихъ залежей и т. п. Такое отклоненіе маятника отъ вертикали причиняетъ большія затрудненія при тригонометрическихъ съемкахъ, такая неправильность въ опредѣленіи вертикальной линіи, сказывавшаяся на показаніяхъ теодолита, влечетъ за собой ошибки въ астрономическомъ опредѣленіи мѣста. Нерѣдко отклоненія маятника встрѣчаются даже въ такой равнинной странѣ, какъ Россія; напомнимъ извѣстныя аномаліи недалеко отъ Москвы. Когда подобныя явленія были замѣчены въ Индіи, то причину отклоненій маятника сначала приписывали Гималаямъ, но при детальнѣхъ изслѣ-

дованіяхъ оказалось, что вліяніе этого мощнаго хребта существуетъ только на относительно близкихъ разстояніяхъ отъ него, въ другихъ же мѣстахъ, напр., въ Центральной Индіи, наблюдаемыя отклоненія маятника не могутъ быть объяснены вліяніемъ Гималаевъ и должны быть приписаны мѣстнымъ вліяніямъ. Дальнѣйшія изслѣдованія произведенныя г. Виггардъ въ различнѣйшихъ пунктахъ Индіи, привели къ совершенно новымъ и неожиданнымъ выводамъ. Мы приводимъ ихъ здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ. Если провести линію, почти черезъ Калькутту къ Дексъ, пересекающую Индостанъ въ направленіи юго-востокъ-сѣверо-западъ, то эта линія для мѣсть, расположенныхъ къ югу и къ сѣверу отъ нея, явится центромъ протяженія. На станціяхъ, расположенныхъ къ сѣверу отклоненіе маятника будетъ въ сторону юга, на южныхъ станціяхъ— въ сторону сѣвера. Дѣло происходитъ такимъ образомъ, какъ будто по этой линіи тянется подземная, очень плотная горная цѣпь, перерѣзающая весь полуостровъ съ востока на западъ на протяженіи 16.000 километровъ. Эта-то подземная цѣпь, идущая параллельно Гималаямъ, и вызываетъ въ предѣлахъ отъ 16-го до 30-го градуса сѣверной широты отклоненіе маятника. Но дѣйствительно ли существуетъ такая подземная цѣпь, богатая металлами, или же просто земная кора въ данномъ направленіи плотнѣе, чѣмъ къ югу и къ сѣверу отъ него? Для рѣшенія этого вопроса необходимы продолжительныя и спеціальныя изслѣдованія, которыя потребуютъ еще многихъ лѣтъ и, можетъ быть, многихъ работниковъ.

Сейсмографъ въ роли барометра. Этому интересному вопросу посвящена одна изъ послѣднихъ статей *F. Napier Denison*. Въ 1898 г. въ метеорологической обсерваторіи въ Викторіи имъ былъ установленъ сейсмографъ системы Мильна, въ цѣляхъ сравненія колебаній послѣдняго съ измѣненіями атмосфернаго давленія, отмѣчаемыми аерографомъ. Рядомъ продолжительныхъ наблюденій авторъ констатировалъ, что, когда атмосферное давленіе по берегу Тихаго океана, начиная отъ англійской Колумбіи до сѣвера Калифорніи, высоко, а въ открытомъ морѣ относительно низко, горизонтальный маятникъ сейсмографа имѣетъ тенденцію двигаться къ востоку. Когда же съ запада приближается буря, то этотъ маятникъ, часто за 18—24 часа до того, какъ мѣстный барометръ начнетъ падать, уже совершаетъ колебанія по направленію къ востоку, а, если, затѣмъ, наступаетъ періодъ высокаго давленія, то маятникъ сейсмографа начинаетъ совершать колебанія къ западу раньше, чѣмъ станетъ возможнымъ указать этотъ періодъ на обыкновенныхъ метеорологическихъ картахъ.

Жидкіе кристаллы. Относительно недавно, въ началѣ 90-хъ годовъ, проф. Леманомъ были открыты жидкіе кристаллы, или точнѣе жидкости, владѣющія двушреломленіемъ и плеохроизмомъ, т.е. такими оптическими свойствами, которыя считались до того связанными исключительно съ кристаллическимъ строеніемъ вещества. Затѣмъ появились работы Квинке, Таммана и нѣкоторыхъ другихъ, объяснявшихъ эти оптическія явленія тѣмъ, что въ изслѣдуемыхъ мутныхъ жидкостяхъ всегда находятся мельчайшіе твердые кристаллики. Эти-то кристаллики

и вызываютъ двупреломленіе или плеохроизмъ. Только что вышедшая въ свѣтъ работа итальянскаго ученаго *А. Америкіо* заставляетъ склоняться скорѣе въ пользу предположенія Лемана, чѣмъ выводовъ Квинке и Таммана. Америкіо производилъ свои изслѣдованія надъ пара-азоксифенетоломъ («кристаллическія» свойства котораго были констатированы уже предыдущими наблюдателями) и пара-азофенетоломъ и могъ показать передъ большою аудиторіей двупреломленіе и плеохроизмъ этихъ двухъ веществъ въ жидкомъ состояніи. Для рѣшенія вопроса, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ настоящей жидкостью или же съ мельчайшими кристаллами, находящимися въ мутной жидкости въ взвѣшенномъ состояніи, Америкіо прибѣгнулъ къ калориметрическимъ измѣреніямъ. Для пара-азофенетоло итальянскій ученый нашелъ слѣдующія величины удѣльной теплоты: 1) въ жидкомъ и прозрачномъ состояніи при $170^{\circ}-0,47$; 2) въ жидкомъ, но мутномъ состояніи $150^{\circ}-0,49$; 3) въ твердомъ состояніи при $132^{\circ}-0,39$. Для пара-азоксифенетоло величины удѣльной теплоты будутъ слѣдующія: 1) въ жидкомъ, прозрачномъ состояніи при $170^{\circ}-0,47$; 2) въ жидкомъ, но мутномъ состояніи при $154^{\circ}-0,51$. Эти числа совпадаютъ съ данными *Шенка*, который для пара-азоксифенетоло тоже нашелъ, что удѣльная теплота въ прозрачномъ состояніи меньше, чѣмъ въ мутномъ, дающемъ явленія двупреломленія и плеохроизма.

Такимъ образомъ, изслѣдованія Америкіо и Шенка указываютъ скорѣе на особое жидкое (мутное) состояніе вышеозначенныхъ веществъ, чѣмъ на присутствіе въ такихъ жидкостяхъ мельчайшихъ твердыхъ кристалликовъ, и Америкіо предлагаетъ назвать такія жидкости, владѣющія двупреломленіемъ и плеохроизмомъ, «двупреломляющими или анизотропными жидкостями».

Еще о цвѣтной фотографіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ №№-овъ журнала «Promettens» нѣмецкій ученый *Мите* предлагаетъ слѣдующій способъ цвѣтной фотографіи. Способъ этотъ относится къ такъ называемымъ непрямымъ, предложеннымъ Липиманомъ, при которыхъ, какъ извѣстно, пользуются тремя различныхъ цвѣтовъ негативами (краснымъ, зеленымъ и фіолетовымъ) для полученія или трехъ снимковъ, окрашенныхъ въ дополнительные цвѣта (субтрактивный способъ), или трехъ діапозитивовъ, дающихъ при наложеніи ихъ другъ на друга точное воспроизведеніе цвѣтовъ предмета (аддитивный способъ). Первый способъ примѣняется къ трехцвѣтному печатанію—особенно иллюстрацій, гдѣ онъ даетъ прекрасные результаты, второй даетъ изображенія окрашенныхъ предметовъ на экранахъ. Насколько все это кажется сложнымъ на первый взглядъ, настолько же практическое примѣненіе названнаго способа цвѣтной фотографіи и въ особенности второго—аддитивнаго способа является дѣломъ очень простымъ. Существеннымъ условіемъ примѣненія этого метода является приготовленіе цвѣточувствительной пластинки, которая позволяла бы закрѣпить красныя части воспроизводимаго объекта, при относительно непродолжительной экспозиціи. Уже больше 25-ти лѣтъ тому назадъ Фогель показалъ, что обыкновенная фотографическая пластинка, чувствительная болѣе или менѣе явственнымъ образомъ лишь по отношенію къ голубому цвѣту, при по-

мощи нѣкоторыхъ манипуляцій, можетъ быть сдѣлана чувствительной и по отношенію къ другимъ цвѣтамъ. Въ настоящее время фабрикація чувствительныхъ пластинокъ достигла такихъ успѣховъ, что отношенія между продолжительностью экспозиціи для голубого, зеленого и красного цвѣтовъ выражаются приблизительно числами 1, $2\frac{1}{2}$ и 3, такъ что, благодаря этимъ пластинкамъ, полученіе трехъ цвѣтныхъ клише въ соотвѣтственно приспособленномъ аппаратѣ лишь немного осложняетъ приемы обыкновеннаго фотографированія.

Мите пользуется небольшимъ ручнымъ аппаратомъ съ камерой обыкновенныхъ размѣровъ, съ свѣтосильнымъ объективомъ и щелью, въ длину которой расположены три окрашенныхъ діафрагмы для красного, зеленого и фіолетоваго цвѣта. Пластинка, на которой воспроизводятся три негативныхъ снимка рядомъ, помѣщается въ кассеткѣ, въ отверстіи, сзади щели. Негативы получаютъ послѣдовательнымъ передвиженіемъ трехъ діафрагмъ и при одинаковой продолжительности экспозиціи для всѣхъ трехъ негативовъ, такъ какъ путемъ предварительныхъ опытовъ можно урегулировать какъ величину экрановъ, такъ и количество пропускаемаго свѣта. Всѣ три негатива могутъ быть сняты и одновременно, если пользоваться специальными аппаратами, которые, впрочемъ, большихъ преимуществъ не представляютъ, такъ какъ они и не портативны и не даютъ достаточно сильнаго освѣщенія. Продолжительность экспозиціи, общая для всѣхъ 3-хъ негативовъ, при ясной погодѣ не превышаетъ 6—7 секундъ. Изъ полученныхъ такимъ образомъ негативовъ можно, какъ мы уже сказали выше, приготовить діапозитивы и получить изъ нихъ прозрачное цвѣтное изображеніе, при помощи специального аппарата, или же пользоваться ими для проэкцій на экранѣ. Для послѣдней цѣли существуетъ также специальный аппаратъ, представляющій собою тройную проэкціонную камеру, три оси которой расположены такимъ образомъ, что при проэктированіи на экранѣ всѣ три отдѣльные изображенія покрываютъ одно другое. Передъ каждымъ изъ 3-хъ объективовъ этого проэкціоннаго аппарата находятся діафрагмы соотвѣтствующихъ цвѣтовъ; въ результатѣ получается изображеніе, совершеннѣйшимъ образомъ воспроизводящее натуральные цвѣта предмета. Что касается трехцвѣтнаго печатанія (субтрактивный способъ), то даже самые совершенные, снимки сдѣланные по этому способу, даютъ лишь приближенные воспроизведенія натуральныхъ цвѣтовъ, и всѣ существующія попытки (Люмьера, Селле и др.) подойти къ рѣшенію этой задачи еще довольно далеки отъ ея окончательнаго рѣшенія. Въ заключеніе авторъ указываетъ на то огромное научное техническое, и художественное значеніе, какое могутъ и будутъ имѣть прозрачно-цвѣтные снимки, какъ матеріалъ для проэкціонныхъ демонстрацій. Существуетъ огромная масса предметовъ и явленій, черное проэктированіе которыхъ можетъ дать на экранѣ только самое приблизительное и неполное представленіе о нихъ, съ развитіемъ же техники цвѣтнаго фотографированія по аддитивному способу сдѣлается возможнымъ болѣе совершенное воспроизведеніе такихъ предметовъ и явленій.

Клещи на корняхъ винограда. Съ 1895 года *Манжэнь* и *Віала* начали изучать болѣзнь виноградныхъ лозъ, впервые появившуюся въ этомъ году въ Провансѣ и по характеру своему непохожую на всѣ извѣстныя до того болѣзни. По изслѣдованіямъ этихъ ученыхъ, въ данной болѣзни большую роль играетъ клещъ *Coerophagus echinoris*, который грызетъ корни лозы; клещъ этотъ нападаетъ на лозу уже послѣ того, какъ филлоксеры, угрицы, кошениль и другіе паразиты произвели свойственные имъ пораженія корней лозы. Такимъ образомъ, къ пораженіямъ вышеупомянутыхъ паразитовъ присоединяются поврежденія, наносимыя клещами и окончательно уничтожающія части растенія; не будь клещей, эти растенія могли бы устоять, несмотря на дѣятельность другихъ паразитовъ. *Coerophagus echinoris* — санрефитный паразитъ — живетъ обыкновенно на болѣе или менѣе разложившихся остаткахъ дерева. Дѣлается же онъ паразитомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова только послѣ того, какъ корни растенія приготовлены для него или поврежденіями другихъ паразитовъ, или же ненормальнымъ развитіемъ самого растенія. Клещъ этотъ не является специфическимъ паразитомъ виноградной лозы, но можетъ жить и на другихъ растеніяхъ. Манжэнь и Віала его не только на всѣхъ французскихъ лозахъ, но теплота также и на корняхъ больныхъ лозъ, присланныхъ изъ Калифорніи, Палестины, Португаліи, Австраліи, Чили и пр. По мнѣнію этихъ ученыхъ данный паразитъ можно найти во всѣхъ больныхъ виноградникахъ. Единственное средство, уничтожающее этихъ клещей, состоитъ въ поливкѣ пораженныхъ ими виноградниковъ сѣрнистымъ углеродомъ въ количествѣ 300 килограммовъ въ одинъ пріемъ на каждый гекторъ виноградника или же, еще лучше, въ 2 пріема по 200 кило каждый разъ. Благодаря этому средству болѣзнь виноградника уничтожается къ концу 2-го года. Поливка производилась лѣтомъ (между іюнемъ и сентябремъ).

Глазъ крота. Въ *American Morphological Society* напечатано интересное изслѣдованіе James B. Slonaker'a о глазѣ крота. Весь глазъ этого животного покрытъ кожей и имѣетъ видъ черного пятна. Глазъ — совершенно вырожденный и не можетъ служить органомъ зрѣнія; самое большое, что, животное можетъ только различать свѣтъ отъ темноты.

Поражаетъ громадное уменьшеніе размѣровъ глаза, касающееся больше всей совокупности этого органа, чѣмъ ретины; послѣдняя имѣетъ относительно значительные размѣры, но только, вслѣдствіе общаго вырожденія, вся въ складкахъ и сморщена. Стекловидное тѣло и передняя камера также сильно атрофированы, а иногда даже совершенно отсутствуютъ. Хрусталикъ атрофированъ и форма его у различныхъ индивидуумовъ намѣнена самымъ различнымъ образомъ. Строеніе глаза, какъ у новорожденныхъ, такъ и взрослыхъ животныхъ одинаково. Различіе только въ томъ, что глазъ вырослаго крота вѣситъ больше, чѣмъ новорожденнаго. Глазные мускулы и оптический нервъ ясно различимы, но при рожденіи нервъ состоитъ почти исключительно изъ клѣточекъ, въ немъ почти нѣтъ волоконъ; позже появляются и волокна, но это превращеніе происходитъ только въ глазъ и не идетъ далѣе. Разрѣзъ

глаза крота сведены къ одной точкѣ и расположены такимъ образомъ, что лучи свѣта не могли бы войти въ глазъ по линіи зрительной оси, если бы даже кожа, покрывающая глазъ этого животнаго, была снята. Въ ретинѣ присутствуютъ все нормальные элементы, но только слой гангліозныхъ клѣтокъ очень толстъ. Характернымъ для хрусталика глаза крота являются особыя клѣтки, съ ясно выраженными ядрами, напоминающія хрящевыя клѣтки.

Чума у птицъ. Болѣзнь эта клинически изслѣдована 10 лѣтъ тому назадъ въ Италіи, гдѣ она производитъ громадныя опустошенія среди птицъ. За послѣдній годъ въ Германіи во многихъ мѣстахъ эпизоція эта также истребила массу птицъ. Только недавно изучили эту болѣзнь съ точки зрѣнія бактеріологической два итальянскихъ ученыхъ—*Маджіари* и *Валенти* (изъ моденскаго гігіеническаго института) и два австрійскихъ *Лоде* и *Груберъ* (изъ иннебрукскаго гігіеническаго института). Какъ тѣ, такъ и другіе ученые, независимо другъ отъ друга, пришли къ заключенію что, микробъ, вызывающій эту болѣзнь принадлежитъ къ невидимымъ микробамъ.

Лоде и Груберъ дали названіе этой болѣзни «*куанолорфіа*», что означаетъ «синюха гребешка». Но по мнѣнію *Центани*, синюха гребешка не является вовсе постояннымъ и характернымъ признакомъ этой болѣзни, лучше всего назвать ее *чумой*.

Болѣзнь обыкновенно оканчивается смертію въ 3, 4 дня самое большее, но въ нѣкоторыхъ особыхъ и рѣдкихъ случаяхъ можетъ продолжаться 7—8 дней. Животное, заболѣвшее чумой, никогда не выздоравливаетъ; стоитъ заболѣть одной только птицѣ, то, въ большинствѣ случаевъ, заболѣвають и все остальные. Заболѣвшая птица отказывается отъ пищи, впадаетъ въ состояніе слабости и сонливости, свертывается въ клубокъ и не обращаетъ никакого вниманія на окружающее. Температура быстро подымается до 43°, а затѣмъ во время агоніи также быстро падаетъ иногда даже до 30°. Анатомо-патологическія измѣненія не представляютъ ничего характернаго, кровь—ничего ненормальнаго; культуры крови не содержатъ микробовъ; различнѣйшіе методы окраски съ цѣлью открыть присутствіе микроба, дали отрицательные результаты. И все же, несмотря на это, достаточно впрыснуть нѣсколько капель такой крови подъ кожу здоровой курицы, чтобы она умерла черезъ 3—4 дня. Достаточно даже простого укола обмокнутой въ эту кровь иглы, чтобы вызвать смерть, иногда уже черезъ 30 часовъ. По изслѣдованіямъ *Маджіори* и *Валенти*, чтобы убить курицу въ 60 часовъ, достаточно впрыснуть ей 4 куб. сант. крови, разведенной въ пропорціи 1:125.000.000. Болѣзнь можетъ прекинуть и черезъ пищеварительный каналъ: стоитъ только шалить нѣсколько капель крови на пищу.

Все вышеупомянутые авторы вибѣтъ съ *Центани* пришли къ заключенію, что если нельзя открыть никакого микроба этой болѣзни, то только вслѣдствіе чрезвычайно малой величины его. Это предположеніе вполне подтверждается слѣдующими опытами. *Центани* разрѣзывалъ на маленькіе кусочки сердце и легкія зараженной курицы дѣлалъ изъ нихъ эмпульсію въ 100 куб. с.

физиологическаго раствора соли и профильтровывалъ все это. Профильтрованная жидкость оставалась совершенно прозрачною даже послѣ 8 дней нахожденія ея въ воздушной банѣ, но тѣмъ не менѣе достаточно было впрыснуть ее въ количествѣ 1 куб. сант. здоровой курицы, чтобы послѣдняя погибла черезъ 34 часа. Многочисленные опыты подобнаго рода убѣждаютъ въ томъ, что микробъ легко проходить черезъ фильтр Шамберлена и Беркефельда, сохраняя вполнѣ всю свою ядовитость. Микробъ чумы птицъ выдерживаетъ температуру въ 55° въ продолженіи получаса, но его уничтожаетъ температура въ 60° , если его подвергать ея дѣйствию въ теченіе часа. Въ запаянныхъ трубкахъ микробъ этотъ можетъ сохраняться очень долго.

Кроликъ, собака, лисица, которыхъ кормили курицей, зараженной чумой не заболѣвали ею. Чувствительными же къ ней оказались: индюкъ, гусь, курица, утка. Голубь самъ не заражается чумой, но если впрыснуть ему подъ кожу кровь или профильтрованную вытяжку органовъ чумной птицы, то у него появляются головокруженія и онъ начинаетъ терять равновѣсіе. При вскрытіи такого голубя у него находятъ патологическія измѣненія въ полукружныхъ каналахъ.

По мнѣнію Центани и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, извѣстно 10 невидимыхъ микробовъ; къ нимъ принадлежатъ, между прочими, микробъ чумы рогатаго скота и микробъ желтой лихорадки.

О движеніяхъ кишекъ, изучаемыхъ при помощи лучей Рентгена. Уже нѣсколько лѣтъ, благодаря рентгеновскимъ лучамъ, стало возможнымъ наблюдать у лягушки и собаки нѣкоторыя изъ движеній желудка. Испытуемое животное заставляли проглатывать съ пищей большое количество основной азотнокислой соли висмута и затѣмъ помѣщали животное между аппаратомъ, дающимъ рентгеновскіе лучи, и фосфоресцирующимъ экраномъ. На этомъ послѣднемъ желудокъ животного, ставшій благодаря висмуту, непроницаемымъ, для рентгеновскихъ лучей вырисовывается съ поразительною ясностью. Такимъ образомъ, по краю тѣни, отбрасываемой желудкомъ и соответствующей большой кривизнѣ его, можно видѣть движущуюся медленно и равномерно другую небольшую тѣнь, по направленію отъ дна желудка къ привратнику, причемъ движенія этой тѣни постепенно замедляются и у самаго привратника прекращаются.

Недавно Канону удалось изучить движенія тонкихъ и толстыхъ кишекъ, при помощи рентгеновскихъ лучей, не прибѣгая къ вскрытію животного, какъ это дѣлалось предыдущими авторами. Въ тонкихъ кишкахъ наблюдаются два рода движеній, независимыхъ другъ отъ друга: движенія перистальтическія и кольцеобразныя сокращенія. Перистальтическія движенія совершаются по направленію естественнаго передвиженія содержимаго кишекъ и состоятъ въ червеобразномъ движеніи, т.е. въ послѣдовательномъ кругломъ суженіи кишки, начиная сверху. Перистальтическія движенія также ясно видимы на кишечникѣ животного, брюшная полость котораго вскрыта, и кишечникъ такимъ образомъ подвергается охлажденію и высыханію. Особенно же эти движенія

сильны у животного, умирающего отъ удушья, асфиксии. На ряду съ этими движеніями, давно извѣстными и описанными, Канонъ указываетъ на существованіе кольцевого суженія, которое происходитъ внезапно въ различныхъ, точкахъ тонкихъ кишекъ, расположенныхъ равномерно по отношенію другъ къ другу. Кольца эти ограничиваютъ извѣстные участки кишекъ; затѣмъ въ этихъ участкахъ также появляется кольцевое суженіе, и это явленіе совершается съ громадной быстротой, у кошки, напримѣръ, до 30 разъ въ минуту. Ясно, какъ, благодаря этимъ различнымъ движеніямъ, хорошо смѣшиваются между собою пищеварительные соки и пищевыя вещества. Антиперистальтическія движенія, ни разу не наблюдавшіяся въ тонкихъ кишкахъ, наблюдаются главнымъ образомъ, въ толстыхъ же кишкахъ, продолжаются эти движенія въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и останавливаются у заслонки слѣпой кишки, у которой прекращаются также перистальтическія движенія тонкихъ кишекъ. Кромѣ того Канонъ наблюдалъ общія сократительныя движенія толстыхъ кишекъ, начинающіяся въ моментъ поступленія содержимаго тонкихъ кишекъ въ толстыя, послѣ того, какъ оно прошло заслонку слѣпой кишки.

Общество для изученія зоологіи животныхъ. При парижскомъ институтѣ психологіи (Institut psychologique) только что образовалась особая секція зоопсихологіи. Эта секція избрала президентомъ Эдмонда Перье, вице-президентомъ Эспинаса, секретарями Маршала и Менего. Среди ея членовъ находятся, между прочими, члены института — Делажъ, Жіаръ, Гумбертъ, профессора Бувье, Усталаэ, Вальянъ и многіе др. Эта группа поставила себѣ цѣлю: 1) изучать всѣ психическія проявленія животныхъ при помощи точныхъ методовъ наблюденія и опыта; 2) способствовать появленію работъ въ этой области; 3) связывать и сравнивать полученные результаты для того, чтобы вывести заключенія, соотвѣтствующія даннымъ науки.

Въ статьѣ, опубликованной отъ имени этой группы, говорится, что къ сотрудничеству будутъ привлечены всѣ, несмотря на различія философскаго толка; единственное условіе, требуемое отъ сотрудниковъ то, это чтобы доставлялись точные факты, по возможности подлежащіе контролю, и чтобы работы были проведены методами научнаго наблюденія и опыта. По отношенію къ познаннымъ прекраснымъ случаямъ для изслѣдованій является изученіе тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣваетъ психика животныхъ при одомашненіи и дрессировкѣ. Лица, занимающіяся животноводствомъ, и охотники могутъ внести богатый вкладъ въ изученіе психологіи животныхъ, при условіи, конечно, что эти лица будутъ не чужды научной критики.

По отношенію къ птицамъ было бы полезно собрать разсѣянные матеріалы, касающіеся миграцій и причинъ, вызывающихъ послѣднія, а также данныя о разведеніи голубей, монографіи о дикихъ видахъ, факты измѣненія инстинкта, въ зависимости отъ вѣшнихъ условій и т. п. Для психологіи насѣкомыхъ большой интересъ представляли бы монографіи, касающіяся психическихъ способностей определеннаго вида, изученіе индивидуальных измѣненій даннаго инстинкта, въ зависимости отъ климата и отъ условій опыта, создаваемыхъ экспериментаторомъ.

Вообще всѣ классы животныхъ могутъ быть подвергнуты подобному изученію; даже изученіе тѣхъ, у которыхъ проявленія психической дѣятельности наиболѣе просты и элементарны, дасть основанія для разрѣшенія многихъ интересныхъ проблеммъ.

Нужно надѣяться, что секція зоопсихологій своими собственными изслѣдованіями и публикаціями, а также созданіемъ особой библіотеки и специальныхъ лабораторій окажетъ громадное вліяніе на прогрессъ психологической науки.

Не умалило бы достоинства и русской науки учрежденіе подобныхъ секцій при нашихъ обществахъ естествоиспытателей, тѣмъ болѣе, что и среди русскихъ ученыхъ есть не мало лицъ, съ большимъ успѣхомъ работающих уже въ области зоопсихологій.

Отравленіе пивомъ. Годъ тому назадъ въ газетахъ появилось сообщеніе изъ Англіи о случаяхъ отравленія мышьякомъ при употребленіи пива, причемъ нѣкоторые изъ этихъ случаевъ сопровождались даже смертью. Недавно напечатанъ отчетъ комиссіи, назначенной для разслѣдованія причинъ, вызвавшихъ эти случаи. Какъ выяснилось изъ тщательныхъ анализовъ различныхъ сортовъ англійскаго пива, содержащими мышьякъ оказались всѣ тѣ сорта, при изготовленіи которыхъ употреблялся сахаръ одной ливерпульской фирмы. На заводѣ этой фирмы сахаръ получался путемъ обработки крахмала сѣрной кислотой, которая доставлялась, въ свою очередь, однимъ химическимъ заводомъ въ Лидсѣ. Кислота эта заключала до 2,6% мышьяка, часть котораго, разумѣется, переходила и въ сахаръ, такъ что послѣдній оказался содержащимъ отъ 0,05 до 0,15% мышьяковистой кислоты. Пиво же, приготовленное при употребленіи такого сахара, содержало 0,0031—0,0143 грамма мышьяковистой кислоты на 1 литръ (0,25 гр. дѣйствуютъ въ большинствѣ случаевъ уже смертельно). Отсюда очевидна опасность употребленія неочищенныхъ кислотъ при фабрикаціи пищевыхъ продуктовъ и необходимость воспрещенія употреблять такіа кислоты. Опасна также работа съ такими кислотами. Такъ, недавно три итальянца умерли въ Бреславлѣ отъ отравленія мышьяковистымъ водородомъ. Для увеселенія ярмарочной публики на площади пускали воздушный шаръ. Шаръ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, наполнялся водородомъ, который добывали дѣйствіемъ неочищенной соляной кислоты на цинкъ. Вмѣстѣ съ водородомъ, при дѣйствіи такой кислоты, несомнѣнно, получался и тотъ ядовитый газъ, жертвой котораго сдѣлались итальянцы.

В. А.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Іюль

1902 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія русская.—Философія.—Географія и этнографія.—Естествознаніе.—Медицина.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Ив. Бунинъ. «Новыя стихотворенія». — *З. Гиппиусъ.* «Третья книга рассказовъ». — *Филдингъ.* «Душа одного народа».

Новыя стихотворенія. Ивана Бунина. Москва. 1902 г. Ц. 1 р. Новыя стихотворенія г. Бунина очень милы, хотя и не прибавляютъ ничего къ имени его, какъ поэта, послѣ извѣстнаго его сборника «Листопадъ». Во многомъ они даже уступаютъ его прежнимъ стихотвореніямъ, какъ по выразительности и яркости стиха, такъ и по содержанію, въ которомъ нѣтъ прежней ясности настроенія. Скорѣе—во всѣхъ преобладаетъ что-то надуманное, подчасъ холодное умствованіе замѣняетъ силу чувства, что расхолаживаетъ читателя. Невольно становится жаль прежняго г. Бунина съ его полугрустными, полумечтательными настроеніями, съ его тонкимъ, любовнымъ пониманіемъ природы, съ его умѣніемъ такъ нѣжно изображать безконечные переливы красокъ то осени, какъ въ «Листопадѣ», то первыхъ дней весны или жгучихъ морозныхъ ночей. Г-нъ Бунинъ, по видимому, хочетъ стать выше всего этого, стремится на нѣкія вершины, гдѣ въ уединенномъ величіи хочетъ безстрастно взирать на нашу грѣшную землю. И тамъ раздражается советомъ:

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.
Проходятъ дни. Быть можетъ, и донынѣ
Снѣга хранить мой одинокій слѣдъ.
На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Гдѣ радостью сіяетъ зимній свѣтъ,
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертилъ мой стихъ на изумрудной льдинѣ.
И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня пойметъ. Пусть никогда въ долинѣ
Его толпы не радуется привѣтъ!
На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ.

Увы! старо все это, какъ міръ, и кажется, со временъ Горація, не было поэта, который горделиво не заявлялъ-бы такихъ же требованій: «*procul profani!*» Но и не было также поэта, который писалъ бы свои сонеты только для себя, а не для насъ грѣшныхъ. Въ особенности, когда онъ предаетъ ихъ прозаическому тисненію,—хотя бы и на картонѣ, какъ выпустилъ свои «Новыя стихотворенія» г. Бунинъ,—и лаконически, но твердо заявляетъ: «Цѣна 1 р.».

И въ новомъ сборникѣ, къ счастью для читателей, есть не мало прекрасныхъ, простыхъ пьесъ, чуждыхъ настроенію неземнаго величія и прочихъ мало

свойственныхъ таланту г. Буннина аксесуаровъ. Таковы «Жемчугъ», «Съ кургана», «Въ старомъ городѣ», «Ночь», «Въ поздній часъ» и другія, въ которыхъ поэтъ свободно отдается охватившему его настроенію любви, вѣжной ласки или грусти, ни мало не заботясь о «вершинахъ» и собственномъ величіи. Въ нихъ чувствуется прежній г. Бунинъ, еще не чужающійся толпы и потому понятный намъ и близкій.

А. Б.

Гиппиусъ. Третья книга рассказовъ. 1902 г. Ц. 2 р. Изд. А. Е. Коляинскаго. Большую часть книги занимает повѣсть «Сумерки духи», напечатанная два года назадъ въ «Жизни» и тогда же вызвавшая только недоумѣніе какъ читателей, такъ и критики. Перечитывая ее теперь вновь, мы должны признаться, что это недоумѣніе еще усиливается, и мы глубоко убѣждены, что и самъ авторъ едва ли понимаетъ, въ чемъ собственно здѣсь сумерки и каково должно бы быть просвѣтленіе? Крупнѣйшимъ недостаткомъ повѣсти является—скука и нехудожественность.

Вообще, большія вещи не по силамъ г-жѣ Гиппиусъ, у которой не хватаетъ силъ написать широкую картину, сложную и глубокую. Она по таланту новеллистка, и ея небольшіе рассказы гораздо лучше, ярче и живѣе. Въ настоящемъ сборникѣ, къ сожалѣнію, изъ пяти рассказовъ хороши только одинъ и то испорченный страннымъ и вычурнымъ заглавіемъ «Святая плоть». Въ прошломъ году этотъ рассказъ былъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ подъ заглавіемъ «Чистая сердцемъ». Теперь г-жѣ Гиппиусъ понадобилось перемѣнить названіе, чтобы создать параллель къ фантастической драмѣ, помѣщенной въ томъ же сборникѣ, — «Святая кровь», о которой мы уже говорили по поводу сборника «Сѣверные цвѣты».

Въ одномъ изъ рассказовъ «Слишкомъ ранніе», — слишкомъ пусто, чтобы стоило на немъ останавливаться, — мы натолкнулись на курьезное замѣчаніе, что «бывшіе декаденты очень практичны». Это очень вѣрно, но съ добавленіемъ, что «не только бывшіе». Они весьма недурно умѣютъ вести свои дѣлишки, съ «новой красотой» сочетая старые, но вѣрные приемы для добыванія «презрѣнныхъ средствъ», необходимыхъ для существованія всякой красоты.

А въ общемъ «Третья книга» рассказовъ г-жи Гиппиусъ отдаетъ такой щемящей скукой, что бѣднаго автора становится жалко. Только злая скука можетъ вызывать такіа, наприм., признанія: «Что же такое декаденты, настоящіе, страшные?.. Декаденты—это тѣ, которые дошли до раздвоенія и не удержались, упали въ плѣнительность предѣльной дисгармоніи, и гибнутъ, потому что для нихъ уже нѣтъ соединенія. Декадентовъ губить ихъ тѣло. Декадентовъ губить ихъ душа. То, что, соединяясь, создаетъ силу, — въ раздѣльности—только двѣ слабости. Два кинжала, доточенные до тонкости лезвья и иглы; два кинжала, которые можно бы перековать въ одинъ мечъ!» Право, нужно скучать, какъ «фаянсовый монсъ», чтобы дописаться до такого словозверженія. «Писать легче, нежели говорить: мы пишемъ. Отвлеченно писать легче, нежели прямо—и я пустилась въ общія разсужденія. Исписала страницы—и не сказала главного», пишетъ героиня того же рассказа «Слишкомъ ранніе», — и все это цѣлкомъ примѣнно къ бѣдному автору, въ книгѣ котораго мы все время путаемся въ такихъ изліяніяхъ и въ концѣ концовъ—ничего. До главного онъ такъ и не можетъ добраться, снѣдаемый скукой и безсиліемъ одолѣть ее.

А. Б.

Фильдингъ. Душа одного народа. Пер. съ англійскаго П. А. Буланже. Изд. «Посредника». Москва. 1902 г. Ц. 1 р. Мало книгъ, которыя читались бы съ такимъ неослабнымъ интересомъ и давали бы такъ много. Это полное и глубокое изложеніе буддистской доктрины, но не въ видѣ отвлеченнаго разсужденія, а въ увлекательномъ, художественномъ рассказѣ о жизни и бытѣ бирманцевъ. Буддизмъ изображенъ въ томъ видѣ, какъ онъ отразился въ душѣ

бирманцевъ, въ ихъ правахъ, общественномъ устройствѣ, взаимныхъ отношеніяхъ и въ отношеніяхъ къ чужестранцамъ. По увлекательности и поэтичности описаній книга Фильдинга можетъ быть поставлена наравнѣ съ знаменитой поэмой Эдвина Арнольда о Буддѣ. Она очень близка съ ней и по духу, но Арнольдъ излагаетъ въ поэтическихъ образахъ жизнь и ученіе Будды, а Фильдингъ повѣствуетъ о томъ, какъ подъ влияніемъ этого ученія сложилась жизнь цѣлаго народа и развилась его душа. «Жизнь бирманца и вѣра его—это одно великое цѣлое», говоритъ авторъ въ заключеніе, и въ своей книгѣ развиваетъ эту основную мысль съ блескомъ и силой. Оригинальность книги усиливается тѣмъ, что предъ читателемъ постепенно раскрывается одна изъ чудеснѣйшихъ восточныхъ культуръ, своей древностью не уступающая нашей и во многихъ отношеніяхъ стоящая выше. Она проще, естественнѣе и, главное, справедливѣе нашей. Многое, о чемъ мы только мечтаемъ, въ ней осуществлено, и люди тамъ не страдаютъ отъ раздвоенности между требованіями вѣры и условіями своей жизни, что и придаетъ такую обаятельность картинѣ, рисуемой авторомъ. Если даже авторъ увлекается самъ и идеализируетъ жизнь бирманцевъ, все же его книга не теряетъ значеніе, открывая возможность идеальнаго существованія безъ вѣчныхъ мукъ неудовлетворенности, безъ колебаній между ведѣніями совѣсти и требованіями общественного уклада, безъ тяжелыхъ матеріальныхъ нуждъ и мучительной борьбы за существованіе. Какую роль играетъ въ этомъ буддизмъ и какъ бирманцы сдумали устроить жизни согласно его наставленіямъ, все это въ прекрасной формѣ найдетъ читатель въ этой замѣчательной и глубокой книгѣ.

А. Б.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Мезіеръ. «Русская словесность».—Н. Степановъ. «В. А. Жуковский, какъ наставникъ».—И. Бяляевъ. «Крестьянинъ-писатель начала XVIII в.».—В. Н. Майковъ. «Сочиненія».

Русская словесность съ XI по XIX столѣтія включительно. Библиографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Часть II. Русская словесность XVIII и XIX ст. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Составила А. В. Мезіеръ. Спб. 1902. III+650 стр. Цѣна 4 руб. Первый томъ труда г-жи Мезіеръ, содержавшій въ себѣ указатель книгъ и журнальныхъ статей, относившихся къ древней (до-петровской) русской литературѣ, вышелъ въ свѣтъ въ 1900 г. Теперь появился и заключительный 2-ой томъ, въ которомъ трудолюбивая составительница нѣсколькихъ кропотливыхъ библиографическихъ трудовъ, г-жа Мезіеръ, собрала, насколько это было доступно, подробный перечень книгъ, брошюръ, сборниковъ и журнальныхъ (и даже газетныхъ) статей, относящихся къ области русской беллетристики, поэзій, критики и соприкасающихся съ ними отраслей литературы за два послѣднія столѣтія—восемнадцатое и девятнадцатое.

Трудъ г-жи Мезіеръ заслуживаетъ тѣмъ большую благодарность, что послѣ смерти извѣстнаго библиографа В. И. Межова (даваго, кромѣ разныхъ специальныхъ библиографическихъ работъ, также и указанія критикъ и рецензій по русской литературѣ и ея исторіи въ его каталогахъ Базунова и Исакова и прибавленій къ этимъ каталогамъ), у насъ, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка, вовсе не имѣлось общихъ библиографическихъ работъ по современной русской литературѣ. Между тѣмъ, указатель критическихъ статей какъ о прежнихъ, такъ и о современныхъ писателяхъ необходимъ и для читаю-

щей публики, и для всѣхъ, занимающихся литературой. Поэтому то книга г-жи Мезіеръ является совершенно необходимой и для многихъ должна стать настоящимъ пособіемъ.

Въ книгѣ г-жи Мезіеръ перечислены въ алфавитномъ порядкѣ не только отдѣльно изданныя произведенія русскихъ беллетристовъ, поэтовъ и критиковъ, но даже указаны ихъ статьи въ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ. Это перечисленіе доведено до текущаго 1902 года. При указаніяхъ полныхъ собраній сочиненій и сборниковъ подробно перечисляется все ихъ содержаніе (причемъ относительно сочиненій Бѣлинскаго, Лермонтова, Пушкина, Л. Н. Толстого и др. крупныхъ писателей даже встрѣчаются по нѣсколько разъ излишніе повторенія при перечисленіяхъ содержанія разныхъ изданій ихъ сочиненій).

Въ такомъ громадномъ и сложномъ трудѣ, какъ книга г-жи Мезіеръ, встрѣчаются, конечно, ошибки, промахи и пропуски, ничуть, однако, не умаляющіе цѣнности этого почтеннаго труда. Такъ, уже при бѣгломъ просмотрѣ книги г-жи Мезіеръ (простудировать весь этотъ трудъ, заключающій въ себѣ до 26.000 заглавій на 650 страницахъ, въ 2 столбца, мелкаго шрифта и большаго формата, потребуется много времени и усилій даже для присяжныхъ библіографовъ) мы натолкнулись на разные ошибки или пропуски. Напр., статьи А. М. Скабичевского (въ «Отеч. Зап.» 1874 г.) «Мысли, навѣваемые текущей литературой», подписанныя псевдонимомъ *Пароловскій мизантропъ* (псевдонимъ этотъ былъ раскрытъ еще въ 70-хъ годахъ) приписаны Н. Б. Михайловскому (стр. 604). Не указаны разные и довольно цѣнные критическія статьи а наиболѣе крупныхъ русскихъ писателяхъ. Пропущена, напр., о г. Короленко, статья 1898 г. О. Д. Батюшкова «О смѣнѣ поколѣній и объ искательѣ», какъ пропущена статья того-же г. Батюшкова (и тоже 1898 г.) о Чеховѣ и Короленко «На разстояніи полулѣтка». Не указаны нѣкоторыя критическія статьи о сочиненіяхъ Щедрина (стр. 363—364 и 507), и въ списокъ статей Д. И. Писарева (стр. 628), не вошедшихъ будто бы въ собраніе его сочиненій, по ошибкѣ включены 9 его статей, включенныхъ въ 2 послѣднія Павленковскія изданія сочиненій Писарева. Эта ошибка тѣмъ удивительнѣе, что тѣ же самыя статьи указаны (стр. 597) при перечисленіи содержанія Павленковскаго изданія 1894 г. сочиненій Писарева. Три статьи Салтыкова въ «Отеч. Зап.» 1870—1871 г.г. приписаны какому то г. М. М. (стр. 606). Не указаны статьи о Баратынскомъ П. О. Морозова и П. В. Быкова, а о декабристѣ Батенковѣ пропущена весьма цѣнная статья В. И. Якушкина. Далеко не всѣ статьи указаны и о Герценѣ (хотя ихъ можно было бы взять изъ «Источниковъ словаря русскихъ писателей» С. А. Венгерова). Статья «Памяти В. С. Курочкина», принадлежащая Л. М. Медвѣдеву (въ «Сѣв. Курьерѣ» 1900 г. подъ нею подписана фамилія автора), приписана Д. Сильчевскому (стр. 496), которому, въ дѣйствительности, принадлежитъ совсѣмъ другая статья (хотя въ томъ же «Сѣв. Курьерѣ»): «Изъ воспоминаній о В. С. Курочкинѣ». Число такихъ ошибокъ мы могли бы еще увеличить, но, повторяемъ, онѣ не уменьшаютъ значенія и важности труда г-жи Мезіеръ, почему и нельзя не пожелать этой книгѣ успѣха.

Д. П. С.

Н. П. Степановъ. В. А. Жуковский, какъ наставникъ Царя-Освободителя. Спб. 1902 г. стр. 94. Цѣна 60 коп. Автору названной книжки почему-то показалось, что о педагогической дѣятельности Жуковскаго «мало извѣстно кому *что-нибудь*», и онъ задался цѣлью «возстановить образъ педагога-поэта». Но для возстановленія этого образа г. Степановъ воспользовался далеко не всѣмъ печатнымъ матеріаломъ, изъ говоря уже о бумагахъ Жуковскаго, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ. Отсюда въ его книжкѣ цѣлый рядъ пробѣловъ, фактическихъ ошибокъ и невѣрныхъ выводовъ, свидѣтельствующихъ также и о недостаточномъ знакомствѣ автора съ біографіей Жуков-

скаго. Такъ, напримѣръ, г. Степановъ даетъ невѣрныя свѣдѣнія о матери Жуковскаго, о его товарищахъ по благородному пансіону, о первыхъ его путешествіяхъ за границу. Педагогическія занятія поэта съ великой княгиней Александрой Теодоровной названы «успѣшными» тогда какъ сама ученица Жуковскаго считала ихъ неуспѣшными и въ своихъ воспоминаніяхъ записала, что Жуковскій былъ слишкомъ поэтъ, чтобы быть хорошимъ учителемъ. Начало занятій Жуковскаго съ наслѣдникомъ указано невѣрно. При изложеніи «учебнаго плана», составленнаго Жуковскимъ, г. Степановъ впасть въ странную ошибку: онъ доказываетъ, что «проектъ плана», составленъ въ началѣ 1826 года, хотя уже изъ первой страницы этого проекта, гдѣ говорится: «по пріѣздѣ моемъ», «въ бытность мою въ Дрезденѣ», видно, что документъ этотъ составленъ по возвращеніи Жуковскаго изъ-за границы, то-есть въ концѣ 1827 года. При передачѣ педагогическихъ взглядовъ Жуковскаго г. Степановъ, желая воздать ему «хвалу», впадаетъ временами въ излишній восторгъ, съ другой стороны желаніе быть безпристрастнымъ заставляетъ его находить противорѣчія и недостатки тамъ, гдѣ ихъ трудно отыскать. Говоря о результатахъ педагогической дѣятельности Жуковскаго, авторъ книжки склоненъ приписывать ему такія заслуги, которыя ему едва ли принадлежатъ. По мнѣнію г. Степанова, «многіе справедливо приписываютъ идею освобожденія крестьянъ Жуковскому», а болѣе авторитетныя свидѣтельства говорятъ, что воспитанникъ поэта, до вступленія на престолъ, былъ убѣжденъ въ необходимости сохранить крѣпостное право.

Въ общемъ книжка г. Степанова производитъ впечатлѣніе наскоро и довольно небрежно составленнаго, хотя прекрасно изданнаго труда. С. Ашевскій.

И. С. Бѣляевъ. Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. М. 1902 г. Стр. 75 Ц, 40 к. Книжка г. Бѣляева, изданная обществомъ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія, можетъ быть рекомендована для первоначальнаго ознакомленія съ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ сподвижниковъ Петра Великаго. Въ этой книжкѣ сообщаются новыя біографическія данныя о Посошковѣ и дается краткое изложеніе главнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ его взглядовъ на различные стороны тогдашней русскаго жизни, причемъ приводятся не только свѣтлыя взгляды «перваго русскаго экономиста», не потерявшіе своего значенія и до настоящаго времени, но и такіе отзывы, которые свидѣтельствуютъ о крайней нетерпимости и даже жестокости Посошкова по отношенію къ преступникамъ, ремесленникамъ и иностранцамъ. Для автора книжки Посошковъ — типичный представитель русскаго народа со всеми его достоинствами и недостатками и въ то же время «яркій образецъ хорошаго, добраго москвича, соединяющаго свойственныя ему терпѣніе и выносливость съ трудолюбіемъ сѣверянина и отвагой южанина, смысленность и предприимчивость ярославца съ твердостью духа и свободолюбіемъ новгородца». За будущую судьбу такого народа, который выдѣляется изъ своей среды Посошковыхъ, не говоря уже о Ломоносовыхъ, нечего опасаться. «Наша обязанность—говоритъ г. Бѣляевъ—помочь только ему въ поступательномъ движеніи терпѣливымъ отеческимъ (?) отношеніемъ, гдѣ возможно, и просвѣщеніемъ. И то и другое для него то же, что для голоднаго кусокъ хлѣба».

Бъ недостаткамъ книжки г. Бѣляева надо отнести стремленіе автора, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, прибѣгать къ не особенно удачнымъ предположеніямъ. Не слѣдовало бы также употреблять такихъ выраженій, какъ, напримѣръ: «одинъ червь изъ среды великаго русскаго народа». А что касается «отеческаго» попеченія, то не лучше ли о семъ не распространяться.

С. А.

Сочиненія В. Н. Майкова. 2 т. Кіевъ. Изд. Фунса. Стр. XXXIV+298+

330. Цѣна 1 рубль. Неожданная смерть Вадеріана Майкова въ юномъ еще возрастѣ вызвала общее сожалѣніе всѣхъ, кто его зналъ, и породила восторженные некрологи, написанные въ 1847 году Гончаровымъ, Плещеевымъ и др. Но очень скоро безвременно умершій писатель былъ совершенно забытъ, несмотря даже на то, что о немъ печатно напоминали Достоевскій и Тургеневъ, какъ о много обѣщавшей прекрасной личности и какъ о преемникѣ Бѣлинскаго. Впервые вывелъ Майкова изъ забвенія г. Скабичевскій въ статьяхъ о русской критикѣ, появившихся въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Позже, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, Майкову была посвящена большая статья г. Арсеньева, перепечатанная въ его «Критическихъ этюдахъ». Оба названные писателя отнесли къ Майкову очень сочувственно, отвели ему «почетное мѣсто въ исторіи русской критики» и признали въ немъ предшественника такихъ дѣятелей русской литературы, какъ Чернышевскій и Михайловскій. Пять лѣтъ спустя послѣ появленія статьи г. Арсеньева появились «Критическіе опыты» Майкова съ обширной внушительной статьей. Авторъ этой статьи (по всей вѣроятности, покойный академикъ Леонидъ Майковъ) отмѣтилъ «неполноту и незаконченность во многихъ сужденіяхъ В. Майкова», но въ то же время нашелъ въ его статьяхъ «богатство внутренняго содержанія» и высоко оцѣнилъ его непосредственное чувство изящнаго и его «самобытную» эстетическую доктрину, хранящую въ себѣ до сихъ поръ «залогъ плодотворной разработки».

Базалось, была прочно установлена репутація Майкова, какъ ученика и подражателя Бѣлинскаго, но далеко опередившаго учителя еще при жизни послѣдняго. Но изъ среды поклонниковъ великаго критика не замедлили раздаться рѣзкіе протесты. По отзыву г. Протопопова, взгляды Майкова отличаются такой чисто юношеской сбивчивостью и хаотичностью, при наличности которой «мудрено завоевать себѣ почетное мѣсто въ исторіи литературы». Еще рѣзче отнесся къ Майкову г. Ивановъ въ своей «Исторіи русской критики». Г. Ивановъ нашелъ у Майкова «многословіе статей, запутанность доказательства, смуту основныхъ положеній, уродливое нагроможденіе отступленій и подробностей и въ общемъ утомительность и неудобоваримость, исключительныя въ публицистикѣ сороковыхъ годовъ». По мнѣнію историка русской критики, «если бы Майковъ не попалъ въ «Отечественныя Записки» и не занялъ мѣста перваго критика въ популярнѣйшемъ журналѣ и непосредственно послѣ Бѣлинскаго, его личность врядъ ли привлекла бы вниманіе современниковъ и врядъ ли дошла бы до потомства». «Весь эстетическій капиталъ Майкова,—говоритъ г. Ивановъ въ другомъ мѣстѣ,—или точное воспроизведеніе раннихъ и позднихъ идей Бѣлинскаго... или столь же оригинальныя, сколько и неубѣдительныя открытія». Вообще, «въ лицѣ Майкова на сцену публицистики выступала въ полномъ смыслѣ отрицательная сила», и «оставленное имъ наслѣдство представляетъ развѣ только самые смутные намеки на роскошный плодъ».

Приведенныя рѣзко противоположныя сужденія о литературномъ наслѣдствѣ Майкова объясняются какъ различіемъ критеріевъ и точекъ зрѣнія у его цѣнителей и судей, такъ и указанною уже хаотичностью его идей, что признается даже поклонниками покойнаго критика. Это послѣднее обстоятельство, дающее поводъ къ діаметрально-противоположнымъ выводамъ, едва ли когда-нибудь позволитъ установиться единогласію въ оцѣнкѣ Майкова.

Г. Александровскій, написавшій вступительную статью для новаго изданія сочиненій Майкова, конечно, относится къ нему крайне благосклонно, даже восторженно. Онъ признаетъ его статьи «очень интересными... и для современнаго читателя» и въ своихъ отзывахъ о значеніи Майкова идетъ гораздо дальше прежнихъ его поклонниковъ. Онъ готовъ видѣть въ Майковѣ предшественника и Бокля, и Гюйо. Онъ находитъ у него «мѣткія замѣчанія» даже тамъ, гдѣ есть только заведомо невѣрные сужденія, напримѣръ, въ рецензій Мяззевскаго пере-

вода «Слова о полку Игоря», гдѣ высказываются такія вещи: «Слово» замѣчательно, «не столько по внутреннему своему достоинству, сколько по той роли, которую играет оно въ исторіи нашей новѣйшей литературы... Безотчетное уваженіе къ «Слову о полку Игоря», передаваемое изъ рода въ родъ въ нашихъ школахъ и учебникахъ, не имѣетъ для себя *никакого* прочнаго основанія и утверждается не на самостоятельныхъ убѣжденіяхъ, а единственно на привычкѣ преклоняться безусловно предъ авторитетомъ чужихъ мнѣній». Подобныя сужденія не дѣлаютъ особенной чести эстетическому чутью Майкова, а признаніе подобныхъ сужденій «мѣткими замѣчаніями» столь же мало лестно для его восторженного поклонника. Еще навѣѣ со стороны г. Александровскаго выдавать статью Майкова «Объ отношеніи производительности къ распредѣленію богатства» за послѣднее слово экономическаго матеріализма и рекомендовать ее для прочтенія «всякому».

Что касается самаго изданія, то оно, за исключеніемъ одной рецензій, воспроизводитъ изданіе 1891 года, только статьи распредѣлены въ иномъ порядкѣ и вмѣсто полнаго указателя, имѣющагося въ первомъ изданіи, дано что-то въ родѣ указателя. Бумага и шрифтъ для дешеваго изданія очень хороши.

С. Ашевскій.

ИСТОРИЯ РУССКАЯ.

В. Денъ. «Населенія Россіи по пятой ревизіи». — «Наша желѣзнодорожная политика». С. Середонинъ. «Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ».

В. Э. Денъ. Населеніе Россіи по пятой ревизіи. Подушная подать въ XVIII вѣкѣ и статистика населенія въ концѣ XVIII вѣка. Томъ первый. М. 1902. Томъ второй, часть вторая. М. 1902. Два тома, только что вышедшіе въ свѣтъ подъ этимъ заглавіемъ, представляютъ собою часть обширнаго историко-статистическаго труда, предпринятаго В. Э. Денемъ. Авторъ имѣетъ въ виду сравнить не только въ общихъ результатахъ, но и по уѣздамъ и по сословіямъ данныя о населеніи, заключающіяся въ окладныхъ книгахъ пятой ревизіи, произведенной въ 1796 году, съ свѣдѣніями, добытыми первой все-россійской однодневной переписью 1897 года. Въ видахъ нѣкотораго сокращенія труда, г. Денъ ограничивается при этомъ изученіемъ населенія только великороссійскихъ и новороссійскихъ губерній. Для выполненія поставленной задачи оказалось необходимымъ исполнить рядъ предварительныхъ изысканій: во-первыхъ, относительно степени достовѣрности ревизій въ связи съ ихъ примѣномъ и организаціей; во-вторыхъ, объ измѣненіяхъ въ областномъ дѣленіи Россіи за изучаемое столѣтіе; въ-третьихъ, о составѣ и податномъ значеніи различныхъ сословныхъ группъ, на которыя дѣлилось и дѣлится населеніе Россіи. Часть этой подготовительной работы и исполнена въ напечатанныхъ двухъ томахъ: именно, въ нихъ содержится обзоръ ревизій, исторія областныхъ дѣленій и изслѣдованія состава и значенія нѣкоторыхъ мелкихъ соціальныхъ группъ (отставныхъ солдатъ, солдатскихъ женъ и дѣтей и военнаго населенія и инородцевъ Оренбургскаго края).

Трудъ г. Дена можетъ быть оцѣниваемъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, можно разсматривать его въ отношеніи къ главной цѣли автора, какъ рядъ подготовленныхъ къ ней этюдовъ; во-вторыхъ, выводы автора можно взвѣсить какъ таковыя сами по себѣ, независимо отъ конечной цѣли, потому что они касаются важныхъ историческихъ вопросовъ, недостаточно освѣщенныхъ въ литературѣ.

Разсматривая работу г. Дена съ первой точки зрѣнія, т.-е. въ отношеніи

къ главной задачѣ — сравнить населеніе по пятой ревизіи съ населеніемъ по переписи 1897 года, — нельзя не признать, что авторъ иногда переходитъ должные предѣлы, вдается въ подробности, совершенно ненужныя для его специальной задачи, и тѣмъ отдалаетъ завершеніе своего труда: такъ, напр., 126 страницъ II тома заняты изученіемъ отставныхъ солдатъ; между тѣмъ, по собственному признанію автора, это состояніе — немногочисленно, и данныя о немъ пятой ревизіи весьма неудовлетворительны. А между тѣмъ, г. Денъ занимается изученіемъ ряда подробностей относительно положенія отставныхъ солдатъ: напр., онъ говоритъ объ органахъ, производившихъ отставку (стр. 9 — 15), объ обязанностяхъ полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ (стр. 17 и сл.), о матеріальномъ положеніи отставныхъ (стр. 33) и т. д., — все вопросы, не имѣющіе никакого отношенія къ главной темѣ изслѣдованія. Итакъ, разсматривая изданную въ свѣтъ часть сочиненія г. Дена, какъ подготовительный экскурсъ къ главной работѣ, приходится пожелать большаго экономіи во времени и мѣстѣ и устраненія излишнихъ подробностей, не относящихся къ дѣлу.

Но вопросы объ исторіи областныхъ дѣленій и отдѣльныхъ социальныхъ группъ имѣютъ также самостоятельное научное значеніе, важны сами по себѣ. Быть можетъ, съ этой второй точки зрѣнія, работа г. Дена не оставляетъ желать ничего лучшаго? На этотъ вопросъ также нельзя отвѣтить утвердительно. Дѣло не въ томъ одномъ, что авторъ могъ бы найти обширный архивный матеріалъ, котораго онъ не использовалъ (мы не рѣшаемся ставить это обстоятельство въ особенный упрекъ автору какъ неспециалисту-историку); дѣло въ томъ, что, изслѣдуя вопросы объ областныхъ дѣленіяхъ и социальныхъ группахъ, нельзя ограничиваться критикой и систематическимъ изложеніемъ относящагося сюда матеріала, надо еще уяснить причинную связь изучаемыхъ явленій съ другими сторонами общественной жизни даннаго времени: изучая напр., специально исторію областныхъ дѣленій, административныхъ единицъ, нельзя игнорировать естественныя, хозяйственныя, этнографическія, чисто-административныя условія, вліявшія на административныя расчлененія государства. Такимъ образомъ, сдѣлавъ слишкомъ много для своей специальной задачи, г. Денъ слишкомъ мало далъ для изслѣдуемыхъ имъ вопросовъ, взятыхъ независимо отъ этой специальной задачи.

Приведенныя замѣчанія не имѣютъ цѣлью умалить большія достоинства, присущія разбираемому сочиненію. Въ числу этихъ достоинствъ принадлежитъ, во-первыхъ, превосходный планъ работы, во-вторыхъ, чрезвычайная точность и обстоятельность труда; въ-третьихъ, нельзя не замѣтить, что все нужное для своей цѣли авторъ сдѣлалъ, насколько то позволяли имѣвшіеся въ его рукахъ источники; въ-четвертыхъ, наконецъ, и первоначальная критика и систематизація матеріала объ административномъ дѣленіи и социальныхъ группахъ имѣютъ несомнѣнную цѣнность, расчищая путь для дальнѣйшихъ работъ въ данной сферѣ.

Главная часть работы г. Дена впереди. Когда эта часть появится въ печати, мы, безъ сомнѣнія, познакомимся и съ тѣми высшими обобщеніями, которыя сдѣлаетъ авторъ. Ихъ важность для экономической исторіи Россіи за послѣднее столѣтіе не можетъ подлежать сомнѣнію. Но, помимо этого, разбираемое сочиненіе важно еще въ одномъ отношеніи, — какъ симптомъ того сближенія и общенія, которыя происходятъ между отдѣльными отраслями общественнаго дѣянія. Конечно, это не первый примѣръ того, что экономистъ занимается исторіей, но несомнѣнно, что послѣ окончанія работы г. Дену будетъ принадлежать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду изслѣдователей исторіи народнаго хозяйства въ Россіи. Пожелаемъ скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго завершенія его интереснаго труда.

Н. Рожковъ.

Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива комитета министровъ. Историческій очеркъ составленный начальникомъ отдѣленія кан-

целярмію комитета министровъ Н. А. Кислинскимъ подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Изданіе канцелярію комитета министровъ Слб. 1902 г. Столѣтіе административныхъ преобразованій императора Александра I вызвало появленіе въ свѣтъ нѣсколькихъ официальныхъ изданій, количество которыхъ, насколько извѣстно, должно еще увеличиться въ ближайшемъ будущемъ. Однимъ изъ такихъ изданій является двухтомное сочиненіе съ приведеннымъ выше заглавіемъ. Составленное чрезвычайно добросовѣстно на основаніи обширнаго и цѣннаго архивнаго матеріала, оно даетъ возможность съ надлежащею полнотою и ясностью представить себѣ ходъ русской желѣзнодорожной политики въ царствованія императоровъ Николая I и Александра II. Процессъ развитія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, на основаніи фактическихъ данныхъ, изложенныхъ въ разбираемой книгѣ, можно раздѣлить на три періода (оговариваемся, что это дѣленіе принадлежитъ не автору книги, а намъ): 1) періодъ подготовительный, съ 1835 до 1856 года включительно, 2) періодъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства, съ 1857 по 1877 годъ, 3) періодъ перехода къ сосредоточенію желѣзнодорожнаго хозяйства въ рукахъ государства, съ 1878 по 1881 годъ. Первый періодъ характеризуется прежде всего борьбою между сторонниками и противниками сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; дѣло въ томъ, что въ тридцатыхъ годахъ многіе видные государственные дѣятели, къ числу которыхъ принадлежали министръ финансовъ Канкринъ и главноуправляющій вѣдомствомъ путей сообщенія графъ Толъ, отрицали пользу и значеніе желѣзныхъ дорогъ для Россіи. Въ началѣ 40-хъ годовъ убѣжденіе въ пользѣ желѣзныхъ дорогъ утвердилось прочно, благодаря въ особенности докладу инженеровъ Крафта и Мельникова, изучившихъ обстоятельно желѣзнодорожное дѣло въ Америкѣ. Признаками этого служатъ Высочайшее повелѣніе 1 февраля 1842 г. о сооруженіи дороги между Петербургомъ и Москвою и послѣдовавшая вскорѣ затѣя замѣна Толя Клейнмихелемъ и Канкринъ Вронченкомъ. Вторая характеристическая черта перваго періода—это установленіе способовъ желѣзнодорожнаго строительства,—средствами казны (Николаевская и Варшавско-Вѣнская дороги) и при помощи частныхъ обществъ (все прочіе); при этомъ намѣтились нѣкоторыя основныя черты устройства частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній: правительственная гарантія дохода, установленіе сроковъ перехода въ казну и выкупа, обязательность приобрѣтенія части рельсовъ и подвижнаго состава на русскихъ заводахъ и т. д. Въ - третьихъ, тогда же положено было основаніе административной организаціи, вѣдавшей желѣзныя дороги: сразу намѣтились задачи и функціи вѣдомствъ путейскаго и финансоваго, и также роль комитета министровъ и специальныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ. Въ результатъ получилось до 1.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Второго періодъ (1857—1877 гг.)—время усиленнаго и энергичнаго, сильно поощряемаго правительствомъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства. Въ этотъ періодъ строительство отличалось уже планоустрою: неоднократно вырабатывались и въ значительной мѣрѣ осуществлялись планы сѣти необходимыхъ дорогъ. Важной особенностью времени являлось то обстоятельство, что желѣзнодорожная политика направлялась по преимуществу министерствомъ финансовъ, которое при Княжевичѣ и особенно при Рейтернѣ усиленно содѣйствовало образованію частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній. Вѣдомство путей сообщенія иногда шло рука объ руку съ финансовымъ вѣдомствомъ (такъ было при гр. В. А. Бобринскомъ и Посетѣ), но нерѣдко отставало и принципъ казеннаго строительства (напр., при Мельниковѣ и гр. А. П. Бобринскомъ). Побѣда, впрочемъ, долго неизмѣнно оставалась за Рейтерномъ. Это было вообще чрезвычайно горячее время и въ желѣзнодорожной политикѣ, какъ и въ другихъ областяхъ русской общественной и государственной жизни. Рейтернъ принадлежавшій къ либеральному кружку великаго князя Константина Николаевича, былъ горячимъ и убѣж-

деннымъ сторонникомъ частной инициативы въ промышленной жизни вообще и въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ въ частности. Роль правительства понималась министромъ финансовъ лишь въ смыслѣ энергичнаго содѣйствія и покровительства, заботливо устранявшаго различныя препятствія. Такое пониманіе дѣла соответствовало и основной потребности государственнаго хозяйства того времени: установить равновѣсіе въ бюджетѣ и укрѣпить государственный кредитъ. Все это было достигнуто, и къ концу періода Россія обладала уже болѣе, чѣмъ 20.000 верстъ желѣзнодорожныхъ путей. Но результаты финансовой политики Рейтерна были уничтожены русско-турецкой войной 1877—1878 годовъ, которой онъ былъ непримиримымъ противникомъ. Въ то же время въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ обнаружился важные пробѣлы и недостатки: 1) многія дороги были построены плохо и обнаружили слабую провозоспособность; 2) хозяйство многихъ компаній велось крайне нерасчетливо, и онѣ не исполняли своихъ обязательствъ передъ правительствомъ, вслѣдствіе чего все болѣе должны правительству, пока, наконецъ во многихъ случаяхъ задолженность не сдѣлалась совершенно безнадежною; 3) правительственный надзоръ за дѣйствіями компаній и воздѣйствіе государства на частныя желѣзнодорожныя общества оказались недостаточными. Тогда начался третій періодъ: въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ правительство пришло къ убѣжденію въ необходимости строить желѣзныя дороги на средства казны и подѣ ей распоряженіемъ и создало потребность въ выкупѣ старыхъ линій въ казну.

Такова общая схема разбираемаго труда. Несмотря на обширный объемъ, на множество цифровыхъ данныхъ, на разныя подробности относительно развѣшенія отдѣльных желѣзнодорожныхъ линій, книга читается легко и съ неослабвающимъ интересомъ. Причина этого заключается въ необыкновенно яркомъ конкретномъ изображеніи всѣхъ отдѣльных перипетій русской желѣзнодорожной политики. Но при всѣхъ достоинствахъ труда существуютъ и недостатки. Главный изъ нихъ заключается въ томъ, что разбираемое сочиненіе въ сущности не есть настоящее изслѣдованіе, а только первоначальная обработка и систематизація матеріала, лишь отчасти связываемая съ изображеніемъ общихъ теченій въ *политической* жизни страны. Этотъ недостатокъ въ сущности тѣсно связанъ съ указанными достоинствами книги: увлекаясь конкретными подробностями, лицами и событіями, авторъ нерѣдко заслоняетъ ими болѣе общія теченія и вліянія. Это видно уже изъ того, что приходится помимо автора устанавливать общіе періоды развитія желѣзнодорожнаго дѣла. Затѣмъ обращая нѣкоторое вниманіе на общія политическія условія и на обстоятельства, относящіеся къ *государственному* хозяйству, авторъ не ставитъ въ связь изучаемыхъ имъ явленій съ общими теченіями *народнаго* хозяйства, не ищетъ объясненія тамъ, гдѣ въ сущности надо его искать,—въ сферѣ экономической. Въдѣ вся финансовая система Рейтерна и его желѣзнодорожная политика объясняются въ конечномъ счетѣ переходомъ Россіи къ тому моменту экономического развитія, когда денежное хозяйство, давно проникавшее уже въ массы населенія, захватило большинство послѣдняго и сосредоточило въ рукахъ меньшинства значительные капиталы, искавшіе помѣщенія. Хозяйственные условія времени вызывали необходимость усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, привлеченія къ нему русскихъ и иностранныхъ капиталовъ, поощренія фабричной производительности, и исключали возможность непосредственной дѣятельности казны въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ.

Во всякомъ случаѣ, книга, составленная г. Кислинскимъ, заслуживаетъ обстоятельнаго изученія со стороны всякаго, кто интересуется историческими и экономическими вопросами.

Н. Рожковъ.

С. М. Середонинъ. Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ первый. Спб. 1902 г. Трудъ г. Середонина имѣетъ такое же

юбилейное происхождение, какъ и сочиненіе г. Кислинскаго. Въ сущности это только начало обширнаго обзора, первый его томъ охватывающій періодъ времени отъ 1802 до 1825 г., т.-е. царствованіе императора Александра I. Какъ первоначальная обработка и систематизація матеріала, работа г. Середонина имѣетъ большое значеніе, но хотя авторъ—специалистъ по русской исторіи,—онъ все-таки не далъ намъ ученаго изслѣдованія. Быть можетъ, это и не входило въ его планы, но тогда надо было быть послѣдовательнымъ и не говорить въ началѣ книги о боярской думѣ, тѣмъ болѣе, что сказанное о ней повергаетъ читателя въ немалое недоумѣніе: г. Середонинъ считаетъ неважнымъ существующее въ литературѣ разногласіе по вопросу о томъ, была ли дума учрежденіемъ. Что же въ такомъ случаѣ важно, по мнѣнію автора? Вѣдь это одинъ изъ коренныхъ вопросовъ въ исторіи боярской думы.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть, что авторъ добровольно сгузилъ сферу своей работы, что онъ оставилъ въ тѣни сферу, въ которой дѣйствовалъ комитетъ министровъ при Александрѣ I. Мы не отрицаемъ трудности такой задачи, но ея, по крайней мѣрѣ, частичнаго разрѣшенія мы въ правѣ требовать отъ специалиста-историка. Необходимо было дать хотя бы общее изображеніе социальныхъ и политическихъ условій, вызвавшихъ въ жизни центральныя учрежденія александровской эпохи. Нельзя было упускать изъ вида и общую постановку и функціи верховной власти, безъ изображенія которыхъ совершенно непонятна съ научной точки зрѣнія дѣятельность высшихъ государственныхъ учреждений, которыя призваны раздѣлять съ монархомъ сферу его непосредственной дѣятельности и къ числу которыхъ, несомнѣнно, принадлежалъ и принадлежитъ комитетъ министровъ.

Если къ этому прибавить, что и въ литературномъ отношеніи трудъ г. Середонина не блещетъ особыми достоинствами, то придется признать разбираемую книгу не для большой публики. Специалисту она, конечно, сослужитъ свою службу.

Н. Рожкова.

ФИЛОСОФІЯ.

Шопенгауэръ. «Афоризмы о житейской мудрости».—В. Саводникъ. «Ничщеанецъ 40-хъ годовъ».

Шопенгауэръ. Афоризмы о житейской мудрости. Переводъ проф. З. и Е. Левицкой-Роголя подъ общей редакціей Н. Зинченко. 1902 г. Спб. Цѣна по подпискѣ 50 коп. Афоризмы о житейской мудрости—одно изъ самыхъ изящныхъ и самыхъ остроумныхъ произведеній Шопенгауэра. Переводъ точный и изящный, который давалъ бы хоть нѣкоторое представленіе о слогѣ художника-мыслителя, могъ бы быть весьма и весьма желателенъ. Но, къ сожалѣнію, разбираемый переводъ составленъ, употребляя выраженіе Шопенгауэра, «по способу массоваго производства—дешево и дурно». Онъ не только не изященъ, а просто невѣренъ. Возьмемъ нѣсколько первыхъ строчекъ и мы убѣдимся, что переводъ даже не соответствуетъ оригиналу. Первые строчки перевода гласятъ: «Я изучаю (!) здѣсь житейскую мудрость въ ея имманентномъ смыслѣ, т.-е. подразумѣваю подъ этимъ искусство сдѣлать жизнь настолько пріятной и счастливой, насколько это возможно. Этотъ *этюдъ* (!) могъ бы также называться *эдемонологіей*» и т. д. Вмѣсто этого слѣдуетъ: «Я беру здѣсь понятіе житейской мудрости въ вполне имманентномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ искусства сдѣлать жизнь возможно пріятной и счастливой. *Руководство* (Anleitung) къ этой послѣдней можно было бы также назвать *эдемонологіей*». Строкой ниже вмѣсто «объективный», употребляется терминъ «внѣшній», что въ дѣя-

номъ случаѣ совершенно не имѣть смысла. Съ терминами «субъективный» и «объективный» переводчики никакъ справиться не могутъ. На стр. 37-й читаемъ: «Что *субъективъ* несравненно важнѣе для нашего счастья, нежели *объективъ* (!), это подтверждается рѣшительно всѣмъ». На стр. 44-й переводчики совсѣмъ не поняли смысла оригинала. Они переводятъ: «По-англійски не говорятъ: «Парижъ ему нравится», а говорятъ: «Онъ наслаждается въ Парижѣ». Въ оригиналѣ стоитъ: «По-англійски не говорятъ: «Онъ наслаждается Парижемъ», а «онъ наслаждается *себѣ* въ Парижѣ» («...er genießt Paris, sondern er genießt sich in Paris»). Шопенгауэръ придаетъ здѣсь особенное значеніе возвратному мѣстоимѣнію. На стр. 21. «Четвероякій корень закона достаточнаго основанія» названъ «квадратнымъ корнемъ достаточной причинности». Такихъ ошибокъ въ книгѣ чрезвычайно много. Они происходятъ не только оттого, что переводчики мало знакомы съ переводимымъ предметомъ, но также и оттого, что они переводили *не съ нѣмецкаго языка*, какъ слѣдовало бы, а, вѣроятно, съ французскаго. Это можно видѣть изъ слѣдующаго. На стр. 91-й перевода говорится: «Мы можемъ говорить себѣ каждое утро: *la journée m'appartient*», между тѣмъ у Шопенгауэра въ оригиналѣ нѣтъ никакой французской фразы, а стоитъ по-нѣмцки: «*Der Tag ist mein*». На стр. 99-й перевода: «Восклицать съ энтузіазмомъ *l'honneur passe avant la vie*», между тѣмъ какъ у Шопенгауэра опять-таки говорится по-нѣмцки: «*Über's Leben geht noch die Ehre*». На стр. 23-й перевода: Докторъ Мейеръ изъ *Майенца* увѣрялъ меня, что «Брокгаузъ даетъ ему тысячу *луидоровъ*». Очевидно, «Майенца» вмѣсто «Майнца» получилось изъ французскаго Мауенсе; изъ того же источника получились «луидоры» вмѣсто «талеровъ». Шопенгауэръ цитируетъ сочиненія Аристотеля всюду по-латыни (*Ethica Nicomachea* и пр.), переводчики въ тѣхъ же мѣстахъ приводятъ эти сочиненія по-французски (*Morale à Nicomaque* и пр.). Изъ этого ясно, что переводчики переводили не съ нѣмецкаго оригинала и даже не справляясь съ нимъ, о чемъ редакторъ перевода счелъ нужнымъ просто умолчать. Конечно, если бы читатель узналъ, что переводъ сочиненія Шопенгауэра сдѣланъ не съ оригинала, а съ какого-нибудь французскаго или румынскаго перевода, то онъ въ его глазахъ совершенно утратилъ бы всякое значеніе. Разъ переводъ сдѣланъ не съ оригинала, а съ французскаго перевода, то литературная добросовѣстность требуетъ, чтобы объ этомъ было упомянуто на обложкѣ книгъ, въ особенности это обязательно для редактора перевода г. Зинченко, который на стр. 167-й въ примѣчаніи слѣдующимъ образомъ выражается о современныхъ литераторахъ: «Редакціи нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ буквально переполнены явными прелюбодѣями мысли, шулерами нравственности и газетными кокетками... Почти въ каждомъ журналѣ и газетѣ попадаются статьи, написанныя литературными негодаями... и т. д. въ этомъ родѣ. Намъ кажется, что авторъ *такихъ* словъ не долженъ былъ бы умалчивать того, что переводъ изданной имъ книги сдѣланъ не съ оригинала.

Г. Ч.

В. Саводникъ. Ницшеанецъ 40-хъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія эгоизма. Москва, 1902 г., стр. 90. Ц. 60 коп. Г. Саводникъ пишетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» стихотворенія, въ «Вопросахъ философіи и психологіи» — философскія статьи и отдѣльными брошюрами издастъ историко-литературные очерки (мы, впрочемъ, знаемъ лишь одинъ — о В. А. Баратынскомъ). Изъ всѣхъ разнообразныхъ родовъ его творчества намъ лично нравятся болѣе всего статьи по философіи. Можно быть какого угодно мнѣнія о степени оригинальности его философскихъ взглядовъ, но его литературная манера выдаетъ одно симпатичное качество, часто отсутствующее у многихъ россійскихъ «философовъ»: когда онъ пишетъ, то не кокетничаетъ, не охорашивается, не предается попыткамъ съострить, не сообщаетъ съ кабалистически-таинственнымъ видомъ, что дважды два четыре, — а худо ли, хорошо ли — излагаетъ себѣ

спокойно «своими словами» тѣ изъ прочитанныхъ мыслей, которыя показались ему интересными. Въ нашъ домающійся и кривляющійся вѣкъ и за то нужно быть писателю благодарнымъ. Г. Саводникъ, подобно очень и очень многимъ своимъ современникамъ и коллегамъ, получаетъ духовное пропитаніе отъ старыхъ и новыхъ нѣмцевъ, но онъ вовсе не поглощенъ заботою такъ приготавливать полноценное продовольствіе, чтобы нелзя было распознать: по ту или по сю сторону Вержболова эти духовные плоды пронзростаютъ? Науманъ—такъ Науманъ, Паульсенъ—такъ Паульсенъ, Авенариусъ—такъ Авенариусъ, Гефдингъ—такъ Гефдингъ—г. Саводникъ подаетъ ихъ всѣхъ обыкновенно, во всей неприкосновенности. Онъ даже можетъ заслужить упрекъ въ слишкомъ ужъ эническомъ безпристрастіи: «судьбѣ, какъ турокъ или татаринъ—за все равно онъ благодаренъ»,—пошлетъ ли она на его письменный столъ бриантъ въ родѣ Авенариуса, или мѣдную пуговицу вродѣ какого-нибудь нѣмецкаго г. Гусева.

Въ брошюрѣ, лежащей предъ нами, г. Саводникъ занятъ Штирнеромъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ авторъ и на сей разъ ни въ малѣйшей степени не заслуживаетъ упрека въ открытіи какой-либо философской Америки, но налагаетъ рядъ проработанныхъ и передуманныхъ (и, дѣйствительно, интересныхъ) мыслей Штирнера и нѣмецкихъ мыслей о Штирнерѣ. Въ основѣ очерка лежитъ вышедшая въ 1898 году книга Макка (котораго г. Саводникъ, несмотря на общепринятый нѣмецкій прононсъ этой шотландской фамиліи, называетъ Мак-кземъ); книга Макка называется: «Max Stirner, sein Leben und Sein Werk» и содержитъ всѣ скудныя данныя, какія только имѣются относительно жизни Штирнера, а также разборъ его идей. Положивъ въ основу изложенія работу Макка, авторъ не остался чуждъ и другимъ литературнымъ трудовъ, относящихся къ занимающему его вопросу; ознакомился и съ произведеніями Штирнера. Въ результатъ появился очеркъ не бесполезный для первоначальнаго (но только самаго элементарнаго) ознакомленія съ интересной фигурою человека, котораго очень многіе и очень давно уже называютъ прямымъ предшественникомъ, духовнымъ предкомъ Ницше. Хотѣлось бы только, чтобы читатель первоначально принялъ къ свѣдѣнію слѣдующія замѣчанія. Іоганнъ Каспаръ Шмидтъ (псевдон.—Максъ Штирнеръ) есть философъ крайняго индивидуализма и самый крайній протестантъ противъ всѣхъ общественныхъ рамокъ и преградъ, которыя и въ его время въ 40хъ гг., и въ наше—стѣсняють личность и ея полную, безпредѣльную свободу. Протестуетъ онъ и противъ такихъ идеаловъ и моральныхъ ученій, которыя стремятся подчинить силы личности нуждамъ и благу общества. «Какъ много говорятъ намъ о должномъ, о долгѣ! Прежде всего на меня возлагается долгъ по отношенію къ Богу, затѣмъ на мою обязанность возлагаютъ дѣло человечества, дѣло истины, свободы, гуманности, справедливости; потомъ идетъ еще народное дѣло, общественное дѣло, которымъ я обязанъ служить, и только мое дѣло никогда не можетъ стать воплію моихъ дѣломъ, иначе я прослышу грубымъ эгоистомъ. Но развѣ Богъ, или народъ, или общество, или человечество, которымъ я обязанъ служить, не пользуются моимъ служеніемъ эгоистически? Положимъ, напр., вы работаете для общества или для народа, для человечества,—жертвуете собой для его будущаго благосостоянія—развѣ общество не пользуется вами для своихъ, т. е. эгоистическихъ цѣлей? И кто оказывается въ данномъ случаѣ въ выигрышѣ,—вы или общество? Точно также въ выигрышѣ оказывается народъ и человечество, на счетъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, исполняющихъ по отношенію къ нимъ лишь роль самоотверженныхъ слугъ» (стр. 18). Эта и ей подобныя цитаты ни въ какомъ случаѣ не приводятъ и не могутъ привести къ тому выводу, который столь же бездоказательно, сколь категорически дѣлаетъ г. Саводникъ.—«Штирнеръ рѣшительный демократъ». (85). Не быть приверженцемъ идею интеллектуальнаго аристократизма Ренана или расового, на-

слѣдственнаго аристократизма Ницше еще не значить быть демократомъ. Отрицаніе аристократизма еще не есть демократизмъ,—и по логикѣ г. Саводника слѣдуетъ признать демократомъ Павла Петровича, говорившаго, что у него—тотъ аристократъ, на кого онъ смотритъ, и до тѣхъ поръ, пока онъ на него смотритъ. Въ демократическихъ ученіяхъ Штирнеръ (подобно Ницше) видитъ тормазъ и тиски для личности и ея естественныхъ стремленій. Вообще г. Саводникъ чрезвычайно производитъ въ опредѣленіи общественныхъ идеаловъ того или иного философа. Изъ Ницше, напримѣръ у котораго почти на каждый афоризмъ можно приискать пару другихъ, его опровергающихъ, г. Саводникъ храбро приводитъ одно мнѣніе и дѣлаетъ на основаніи этого мнѣнія выводъ: «напротивъ того, Ницше—сторонникъ сильной государственной власти; поэтому въ русскомъ самодержавіи онъ видитъ залогъ великой будущности Россіи». Это значить совершенно игнорировать тотъ фактъ, что Ницше скорбитъ объ интеллектуальныхъ и моральныхъ силахъ людей, трагически на управленіе государствомъ и на служеніе его цѣлямъ. Бисмаркъ, отдающій всѣ свои силы на управленіе Германіей, и Бебель, отдающій всѣ свои силы на борьбу съ Бисмаркомъ, если судить съ этой основной точки зрѣнія Ницше,—одинаково употребляютъ свою жизнь на то, на что не слѣдуетъ. Капризы темперамента заставляли Ницше бранить демагоговъ гораздо рѣзче, нежели онъ журилъ людей власти, но дѣлать изъ него то, что сдѣлалъ на восемьдесятъ пятой страницѣ г. Саводникъ,—прямо не позволительно. Пользуясь методомъ выдергиванія фразъ у парадоксальныхъ мыслителей и, даже, у непарадоксальныхъ, я берусь доказать г. Саводнику, что Добролюбовъ стоялъ за порку крестьянъ, ибо въ статьѣ «Народное дѣло» полемизируетъ противъ тѣхъ, кто отрицательно относились къ установленнымъ крестьянами наказаніямъ за питье водки (во время борьбы съ откупамъ): берусь доказать, что Гюи-де-Мопассанъ былъ католическимъ мыслителемъ, ибо въ одномъ мѣстѣ онъ рассказываетъ, какъ старый вольнодумецъ-аристократъ, лежавшій на смертномъ одрѣ, возмущился приходомъ (для спасенія его души) протестантскаго пастора *еще больше*, нежели раньше—приходомъ католическаго аббата; могу, съ другой стороны, безъ малѣйшаго труда «обнаружить» у Карамзина благосклонное отношеніе къ политическимъ убійствамъ, а у Тургенева—горячее славянофильство и т. д. и т. д. У насъ столько болтается отъ имени Ницше (да и отъ разныхъ другихъ именъ—смотря по надобности), что человеку, которому, мы не сомнѣваемся, чужды манухинско-леухинскія цѣли популяризаціи модныхъ философовъ,—должно съ особенною осторожностью слѣдить за каждымъ летучимъ Schlagwort'омъ, которое онъ изъ связнаго контекста философской книги выносить въ видѣ хорошенькаго словеснаго сувениричка на улицу. Улица, вѣдь, все переварить по спеціальнымъ законамъ своего желудка.

Изложеніе у г. Саводника весьма живое, выводы (кромѣ вышеотмѣченныхъ и еще двухъ-трехъ «поспѣшностей») ясные и, на нашъ взглядъ, вытекающіе изъ сути дѣла. «Односторонность міросозерцанія Штирнера, коренившаяся, безъ сомнѣнія, въ особенностяхъ его душевнаго склада, въ преобладаніи въ немъ разсудочныхъ элементовъ надъ эмоціональными, отразилась и на общемъ характерѣ его главнаго произведенія. Въ книгѣ Штирнера чувствуется отчаянное дерзновеніе мысли, совершенно неожиданное въ скромномъ преподавателѣ нѣмецкаго женскаго пансіона. Штирнеръ, поставивъ знакъ вопроса надъ всѣмъ тѣмъ, чему вѣровали, чему поклонялись лучшіе умы всѣхъ временъ, объявилъ безмысленнымъ идолопоклонствомъ служеніе идеаламъ, бросилъ вызовъ всякому идеализму вообще», читаемъ въ концѣ разбираемой книжки. Авторъ не вѣритъ въ прочный успѣхъ проповѣди Штирнера и Ницше противъ принциповъ любви къ ближнему и нравственной отвѣтственности личности. Мы, съ своей стороны, примыкаемъ къ этому мнѣнію о невозможности прочнаго успѣха подобной

проповѣдъ въ области теоріи, но, въ области практики, если не Штирнеръ, то Ницше кое-чѣмъ могъ бы быть уже (или еще?) доволенъ... Тѣмъ, кто не имѣетъ въ виду изучать самого Штирнера, рекомендуемъ прочесть изложеніе его идей въ книжкѣ г. Саводника, конечно, читая cum grano salis. Но много ли есть книгъ, которыя возможно читать безъ этого? Т.

ЭТНОГРАФІЯ И ГЕОГРАФІЯ.

Г. Шурцъ. «Краткое народовѣдѣніе». — А. Прозоровъ. «Экономическій обзоръ Охотско-Камчатскаго края». — П. Головачевъ. «Сибирь, — природа, люди, жизнь».

Д-ръ Генрихъ Шурцъ. Краткое народовѣдѣніе. Переводъ съ нѣмецкаго Д. А. Коропчевскаго. Съ 67 рисунками. Второе изданіе редакціи журналовъ «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ». (Учительская библіотекa). Москва 1902. VII+368 стр. 8. Ц. 1 р. 25 к. Уже появленіе второго изданія книги Шурца свидѣтельствуетъ о томъ успѣхѣ, который она имѣла у русскихъ читателей. И этотъ успѣхъ вполне заслуженный. Книга, какъ учебникъ, отличается большими достоинствами: краткостью и ясностью изложенія, стройнымъ планомъ и необыкновенною для такого сравнительно небольшого объема полнотою. Эта полнота въ особенности сказывается во второй описательной части, дающей очеркъ всѣхъ народовъ земного шара. Полнота позволяетъ этому краткому учебнику народовѣдѣнія быть также и справочной книгой, и въ этихъ видахъ авторъ приложилъ къ ней подробный и тщательно составленный указатель.

Переводчикъ, г. Коропчевскій, не ограничился только однимъ переводомъ, онъ внесъ въ книгу еще два прибавленія: 1) «классификацію человѣчества по культурнымъ ступенямъ Моргана, Деникера и Сетерленда» и 2) «этнографическую классификацію Деникера». Эти прибавленія, конечно, излишнія, хотя невольно напрашивается вопросъ, почему только это добавилъ переводчикъ. Авторъ самъ, вѣроятно, зналъ взгляды Моргана и, однако, не нашелъ нужнымъ приводить его классификацію. По самой задачѣ своей книга Шурца вовсе не имѣетъ въ виду ознакомить со всѣми существующими взглядами различныхъ ученыхъ, а дать, наоборотъ, одну систему. Съ этой точки зрѣнія прибавленія г. переводчика несомнѣнно нарушаютъ стройность плана.

Того же упрека заслуживаютъ также и нѣкоторыя (немногочисленные вообще) примѣчанія переводчика. Г. Коропчевскій на первой же страницѣ введенія не можетъ удержаться отъ полемики противъ автора по поводу пониманія такихъ терминовъ, какъ «этнографія», «этнологія» и т. п. Г. Коропчевскій, такимъ образомъ, уже на первой страницѣ старается передъ читателемъ разрушить ту систему, которую стрѣбитъ Шурцъ. Даже если бы г. Коропчевскій былъ вполне правъ, то и тогда мы сказали бы, что не слѣдуетъ переводить такой учебникъ, съ системою котораго не соглашаешься; но еще хуже то, что вопросъ оказывается только въ словѣ: г. Коропчевскій предлагаетъ все сочиненіе раздѣлить на двѣ части «на общее и частное или спеціальное народовѣдѣніе». Но вѣдь сочиненіе г. Шурца именно на двѣ части и раздѣлено и даже болѣе того именно на *эти двѣ части*, только Шурцъ первую часть называетъ «сравнительнымъ народовѣдѣніемъ (этнологіей)», а вторую «этнографіей» (описательнымъ народовѣдѣніемъ. И мнѣ кажется, что этимъ названіямъ нужно дать предпочтеніе передъ блѣдными словами «общее» и «частное», за которыя почему-то стоитъ г. Коропчевскій. Такимъ образомъ на нашъ взглядъ, и здѣсь г. переводчикъ разрушаетъ своимъ примѣчаніемъ систему автора.

Далѣ нельзя не отмѣтить нѣкоторой небрежности въ самомъ языкѣ русскаго перевода. Непріятное впечатлѣніе производить неудачныя выраженія и неточности перевода, въ особенности если принять въ соображеніе, что книжка появляется во второмъ изданіи. Правда переводчикъ заявляетъ, что новое изданіе «является повтореніемъ перваго»; но не слѣдуетъ же повторять и неточности.

Вообще, нельзя не пожелать книги и во второмъ изданіи того же успѣха, такъ какъ по внутреннимъ своимъ достоинствамъ она очень хороша, и внимательный читатель всегда самъ съумѣетъ исправить неточности перевода.

Д. Кудряевскій.

А. А. Прозоровъ. Экономическій обзоръ Охотско-Камчатскаго края. Съ тремя картами. XI+388 стр. Я хотѣлъ бы, чтобы эта книга, служащая хорошимъ дополненіемъ къ изданному министерствомъ финансовъ въ 1900 г. изслѣдованію д-ра Слюнина—«Охотско-Камчатскій край», стала настольной у тѣхъ, отъ кого такъ или иначе зависитъ благополучіе далекой охотско-камчатской окраины нашего обширнаго отечества. Тогда, можетъ быть, бездушно-индифферентное, а подчасъ и неразумное отношеніе къ ея нуждамъ смѣнилось бы инымъ, и ей не пришлось бы лихомъ вспоминать тотъ день, когда нога перваго русскаго вступила на ея дѣвственную почву. Этотъ первый русскій былъ хищникъ, и моментъ его появленія на восточномъ склонѣ Станового хребта послужилъ началомъ эпохи самаго беспощаднаго расхищенія природныхъ ея богатствъ въ ущербъ коренному ея обитателю, для котораго съ тѣхъ поръ наступили черные дни. Къ стыду нашему, эта эпоха все еще длится и не вѣсть, когда кончится... Порукой тому—принципы, которыми еще недавно руководились, а можетъ быть, и понынѣ еще руководятся столпы мѣстной администраціи.

Вотъ, напримѣръ, что писалъ въ 1900 году военный губернаторъ приморской области, генералъ-лейтенантъ Унтербергеръ, по поводу попытокъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ насадить въ краѣ правильную эксплуатацію рыбныхъ богатствъ, пропадающихъ нынѣ безъ пользы, и тѣмъ дать заработокъ туземному населенію: «Съ мѣстными условіями этихъ сѣверныхъ странъ, съ точки зрѣнія экспорта, мы почти вовсе незнакомы, а потому до ихъ основательнаго изслѣдованія приходится ставить частнымъ предпріятіямъ такого рода строгія условія, при которыхъ мало найдется охотниковъ заняться этимъ дѣломъ». «Приморская область». Сиб., стр. 33—34). При такомъ руководящемъ принципѣ, справедливо замѣчаетъ А. А. Прозоровъ, было бы правильнѣе вовсе воспретить всякую дѣятельность, такъ какъ это пресловутое «основательное изслѣдованіе» едва ли когда послѣдуетъ. А пока край отъ такого, во всякомъ случаѣ, болѣе, чѣмъ оригинальнаго, взгляда на вещи безспорно терпитъ: золото, найденное еще въ 1895 г., все еще не разрабатывается, въ виду поставленныхъ правительствомъ невозможныхъ условій; развитію рыбныхъ промысловъ мѣстная администрація ставитъ всяческія препоны; котиковое стадо, хотя и не русскими, а американцами и англичанами, но все же «основательно изслѣдованное», не охраняется и изъ года въ годъ таетъ и т. д., такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что на всемъ охотско-камчатскомъ побережьи всюду наблюдаются признаки упадка и оскуднѣнія; и въ то время, когда американское побережье Тихаго океана быстро развивается и за послѣдніе 35—40 лѣтъ стало мѣстомъ дѣятельности сотенъ тысячи людей, привлеченныхъ туда его естественными богатствами, наши владѣнія, лежащія въ той же полосѣ и въ одинаковыхъ условіяхъ, прозябаютъ и замираютъ, а туземное ихъ населеніе вымираетъ, причемъ богатства края расхищаются американцами совершенно безнаказанно, съ молчаливаго на то согласія самой русской администраціи, считающей ихъ тамъ хозяйничанье пока неустрашимымъ зломъ (Унтербергеръ, цитир. соч., стр. 15—16).

«Экономическій обзоръ Охотско-Камчатскаго края» написанъ вполне обстоятельно; въ упрекъ автору можно было бы только поставить неудачную рас- планировку богатаго матеріала, которымъ онъ располагалъ, вызвавшую необходимость неоднократныхъ повтореній. Не мало въ книгѣ также такихъ мелкихъ подробностей, которыя безъ ущерба для ея содержанія могли бы быть выпущены.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

П. Головачевъ. Сибирь—природа, люди, жизнь. 300 страницъ, 66 рисунковъ, 2 карты. Изд. Ю. И. Базановой. Москва 1902. Цѣна 1 рубль. *).

Книга г. Головачева восполняетъ пробѣлъ, существующій въ литературѣ о современномъ состояніи Сибири. Чрезвычайно дешевая, прекрасно изданная, она въ легкой, общедоступной, а нерѣдко—даже изящной и увлекательной формѣ даетъ хотя и сжатую, но широкую и всестороннюю картину сибирской жизни и природы, при томъ картину, написанную, въ общемъ, очень сочными красками и рѣзкими штрихами. Эта книга, поэтому, съ удовольствіемъ и пользою прочтется всякимъ, кто, не теряя слишкомъ много времени, захочетъ составить себѣ общее понятіе о природѣ и людяхъ нашей обширной восточной окраины.

Привѣтствуя появленіе книги г. Головачева и будучи увѣренъ, что ей придется увидѣть и второе изданіе, я, тѣмъ не менѣе считаю, своею обязанностью обратить вниманіе и на нѣкоторые недочеты книги, вытекающіе, главнымъ образомъ изъ односторонности ея общаго плана. По задачѣ своей, книга должна-бы дать понятіе и о природѣ Сибири, и о *ея* важнѣйшихъ сторонахъ жизни ея населенія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности въ книгѣ много—мѣстами даже слишкомъ много—чистой этнографіи, въ родѣ описаній антропологическихъ признаковъ, вѣрованій, матеріальной культуры различныхъ племенныхъ группъ сибирскаго населенія,—и едва ли достаточно данныхъ для характеристики его хозяйственной жизни. Чтобы не быть голословнымъ, упомяну, наприимѣръ, о чрезмѣрно краткой характеристикѣ такой основной отрасли сибирскаго хозяйства, какъ земледѣліе; изъ книги г. Головачева мы почти ничего не узнаемъ о происходящей въ Сибири интереснѣйшей эволюціи системъ земледѣльческаго хозяйства, а равно о такихъ первостепенно-важныхъ обстоятельствахъ, какъ рѣзкія колебанія урожаевъ и не менѣе рѣзкія колебанія цѣнъ, накладывающія такой неблагоприятный отпечатокъ на весь ходъ сибирскаго крестьянскаго хозяйства. Затѣмъ, г. Головачевъ вовсе не касается вопроса о формахъ пользованія землею у сибирскихъ крестьянъ, если не считать нѣсколькихъ случайныхъ упоминаній о прежнемъ захватѣ и о его стѣсненіи благодаря массовому наплыву переселенцевъ.

Не безукоризненна и та глава книги г. Головачева, которая посвящена описанію сибирской природы. Не будучи специалистомъ по этой части, я не могу, однако, не отмѣтить такого существеннаго пробѣла, какъ умолчаніе, при характеристикѣ сибирской тайги, о такомъ первостепенно-важномъ фактѣ, какъ совершающаяся здѣсь, подъ вліяніемъ по преимуществу огня, смѣна растительныхъ формаций въ видѣ вытѣсненія первобытной хвойной тайги лиственными насажденіями съ соответственнымъ измѣненіемъ травяного покрова. Существеннымъ пробѣломъ я считаю затѣмъ отсутствіе характеристики рѣчныхъ долинъ Уссурийскаго и частью Амурскаго края; данныя по этому вопросу г. Головачевъ могъ-бы найти хотя бы у Будничева, а, между тѣмъ, характерный рельефъ и связанныя съ нимъ особенности въ распредѣленіи почвъ и растительности имѣютъ весьма важное вліяніе на весь ходъ заселенія края и обращенія его подъ культуру.

Эти и подобные пробѣлы находятся, несомнѣнно, въ известной связи съ

*) Весь сборъ въ пользу общества вспомощ. учаш. сибиряк. въ учебн. зав. Москвы.

нѣкоторую случайностью подбора источниковъ, которыми г. Головачевъ пользовался для составленія своей книги. Изобиліе этихъ источниковъ на первый взглядъ подавляющее—списокъ ихъ занимаетъ въ концѣ книги семь страницъ петита. Но ближе всматриваясь въ этотъ списокъ, мы видимъ въ немъ массу газетныхъ статей, многія изъ которыхъ едва ли могутъ быть отнесены къ числу тѣхъ «достоверныхъ» данныхъ, о которыхъ говорится въ предисловіи къ книгѣ, и не находимъ нѣкоторыхъ первостепенно важныхъ сочиненій. Мы не находимъ, напримѣръ, для Уссурийскаго края работъ Буссе, Будищева, Надарова, Брюкова, для Енисейской губерніи—работъ Ярилова и Кулакова, не встречаемъ въ числѣ пособій IV тома исторіи русской этнографіи Пыпина. По двумъ западно-сибирскимъ губерніямъ названы только 9 выпусковъ статистическихъ «матеріаловъ», тогда какъ ихъ имѣется 22 да еще сводный томъ подъ заглавіемъ «Крестыанское землепользованіе и хозяйство въ Tob. и Томск. губ.». Изъ иностранныхъ сочиненій названы только бѣглые очерки Legras и не упомянуто о серьезныхъ работахъ Wiedenfeld'a и Aulagnon'a и т. д. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ г. Головачевъ называетъ не фундаментальныя работы, а журнальныя статьи тѣхъ же авторовъ, рефераты или замѣтки второстепеннаго значенія. Такъ, въ списокъ источниковъ поименованы двѣ статьи «Сибирской жизни» о хабаровской выставкѣ 1899 года и не названъ толстый томъ подъ заглавіемъ «Приамурскій край на амурско-приморской выставкѣ», въ которомъ имѣется весьма важная работа г. Дульского о сельскомъ хозяйствѣ амурской области. Изъ работъ В. И. Семевского относительно быта золотопромышленныхъ рабочихъ названа статья, напечатанная въ «Сибирскомъ сборникѣ», и не упомянуто о двухтомной монографіи того же автора—«Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ». Упоминается о предварительномъ отчетѣ г. Гордягина по изслѣдованію почвъ Тобольской губерніи и не поименована его большая книга «Матеріалы для познанія почвъ и растительности Западной Сибири». Упоминается о нѣкоторыхъ статьяхъ пишущаго эти строки по вопросу о формахъ землепользованія, потерявшихъ всякое значеніе съ выходомъ его книги «Крестыанская община въ Сибири», а самая эта книга въ списокъ источниковъ не поименована.

«Только подъемъ и улучшеніе жизни Сибири—такъ заключаетъ г. Головачевъ свою книгу—во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ, а не одностороннее добываніе и вывозъ на отдаленные рынки ея животныхъ и растительныхъ богатствъ, могутъ упредить благосостояніе этой страны и сдѣлать ее драгоценною составною частью Россіи». Мы конечно обими руками подписываемся подъ этимъ конечнымъ выводомъ Головачева. Въ частности, мы лично далеко не принадлежимъ къ числу фанатическихъ поклонниковъ Сибирской желѣзной дороги и думаемъ, что то усиленное вниманіе, которое оказывалось Сибири въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, не очень много дало *самой Сибири* и ея коренному и старожилому населенію. Но намъ думается, что г. Головачевъ вѣнчаетъ въ вину послѣднему десятилѣтію очень многое такое, что начало обнаруживаться несравненно ранѣе и было болѣе или менѣе неизбежнымъ продуктомъ несравненно ранѣе начавшейся эволюціи.

Послѣднее десятилѣтіе не принесло Сибири какихъ-либо новыхъ бѣдствій, оно только рѣзче подчеркнуло тѣ язвы, которыя издавна подтачивали природу и хозяйство Сибири, и выставило въ болѣе яркомъ свѣтѣ неустойчивость мнимаго благосостоянія ея населенія.

А. Кауфманъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

В. Н. Львовъ. «Начальный учебникъ зоологіи».—А. Додель. «Что такое жизнь?».—«Африка географическій сборникъ».—П. Лесгафтъ. «Руководство по физическому образованію дѣтей».

В. Н. Львовъ. Начальный учебникъ зоологіи для среднихъ заведеній. Часть I. Позвоночная, съ 222 рис. Москва 1902 г. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Цѣна 1 р. За послѣдній годъ появилось нѣсколько учебниковъ по естественной исторіи, въ частности по зоологіи, составленныхъ лицами вполне компетентными. Въ числу этихъ-то учебниковъ, вызванныхъ къ жизни, вѣроятно, возникшимъ было интересомъ къ естествознанію въ средней школѣ, относится и рассматриваемая книга приватъ-доцента В. Н. Львова.

Задавшись цѣлью составить такой учебникъ, который давалъ бы ученикамъ не одно только книжное знакомство съ предметомъ, а помогалъ бы также и практически ознакомиться хоть съ нѣкоторыми представителями животныхъ, В. Н. Львовъ начинаетъ свой учебникъ подробнымъ разсмотрѣніемъ строенія тѣла обыкновеннаго окуня, представителя одного изъ подклассовъ рыбъ. По-явно, что съ строеніемъ окуня не трудно ознакомить учениковъ и въ классѣ, на урокѣ, да и дома всякій можетъ достать себѣ рыбу и посмотрѣть на ней все то, о чемъ говорится въ книгѣ. Такое ознакомленіе съ строеніемъ рыбы дѣйствительно дастъ твердое основаніе дальнѣйшему наученію зоологіи позвоночныхъ.

Послѣ описанія строенія тѣла окуня, авторъ переходитъ къ систематическому описанію рыбъ перечисляя важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ представителей изъ всѣхъ шести подклассовъ. За рыбами слѣдуютъ земноводныя, пресмыкающіяся, птицы и млекопитающія.

Вся книга напечатана двумя шрифтами—все менѣе существенное набрано петитомъ. Болѣе подробно описываетъ авторъ тѣхъ животныхъ, которые представляютъ интересъ по своему образу жизни; иногда дѣлаются указанія на палеонтологическія данныя и происхожденіе животныхъ формъ.

Въ общемъ надо признать учебникъ составленный В. Н. Львовымъ, вполне пригоднымъ для средней школы. Отмѣтимъ въ заключеніе нѣсколько недосмотровъ, которые легко могутъ быть исправлены во 2-мъ изданіи: такъ, на стр. 161-ой изображенъ скелетъ лошади, а подпись гласитъ: «скелетъ *осла*»; да-лѣе, чрезвычайно странно то, что рассказывается о зайцахъ: русакъ и бѣлякъ. Русакъ, говоритъ авторъ, отличается длинными ушами и длинными задними ногами; водится въ средней и южной Европѣ; бѣлякъ водится на сѣверѣ и на высокихъ горахъ и отличается тѣмъ, что зимой становится бѣлымъ, какъ сѣбѣ. Здѣсь многое требуетъ исправленія: длинные уши, длинные заднія ноги также и у бѣляка, а съ другой стороны, и русакъ бѣлѣетъ на зиму (кро-мѣ концовъ ушей и полосы на спинѣ); наконецъ, есть мѣста, напр., та же Мос-ковская губернія, гдѣ встрѣчаются оба зайца рядомъ; было бы очень печально, если бы ученики повѣрили, что бѣляки встрѣчаются дѣйствительно только «на сѣверѣ и на высокихъ горахъ»...

Издана книга прекрасно и цѣна ея крайне дешевая. *Б. Федченко.*

«Что такое жизнь?» Изъ сборника популярныхъ лекцій и статей про-фессора цюрихскаго университета А. Доделя. Переводъ съ нѣмецкаго П. Б—цнаго, съ разрѣшенія автора. Выпускъ 1—3. Саратовъ 1901—1902 г. (Склада изданія въ книжн. магаз. М. А. Кудрявцева въ Саратовѣ). Цю-рихскій ботаникъ, профессоръ А. Додель пользуется какъ на своей родинѣ, такъ и въ Германіи вполне заслуженной популярностью, какъ авторъ цѣлага ряда общедоступныхъ сочиненій по вопросамъ естествознанія, общедоступныхъ въ

истинномъ смыслѣ этого слова. Судя по большому числу изданій, его книжки дѣйствительно читаются въ самыхъ широкихъ кругахъ нѣмецкаго народа. Характерной чертой его очерковъ, отличающей ихъ отъ другихъ нѣмецкихъ естественнонаучныхъ популяризаций, является его нѣсколько рѣзкій тонъ, съ которымъ онъ подчеркиваетъ всякое приобрѣтеніе научной мысли, какъ бы стараясь защитить ихъ отъ нападковъ обскурантовъ, враговъ знанія и прогресса. Это объясняется тѣмъ, что авторъ одинъ изъ первыхъ открыто выступилъ въ свое время въ защиту дарвинизма и ему пришлось вынести на своихъ плечахъ часть тѣхъ гоненій, которыя воздвигались въ свое время противъ этого великаго ученія. Отзвуки этой-то борьбы проявляются часто и теперь, въ новыхъ изданіяхъ его статей, являясь подчасъ нѣкоторымъ анахронизмомъ. Несомнѣнно также, что тотъ односторонній естественно-научный матеріализмъ, представителемъ котораго является авторъ въ своихъ очеркахъ, едва ли удовлетворитъ челоѣка, слѣдившаго за новѣйшими фазисами развитія натурфилософскихъ воззрѣній. Но не въ этомъ сила его книжки, а въ его искреннемъ стремленіи подѣлиться результатами научной работы съ самыми широкими слоями читателей изъ народа и интеллигенціи, въ той глубокой вѣрѣ во всеобщающую силу знанія, которою дышетъ каждая строка. «Въ теченіе тысячелѣтій намъ повторяли: «ваши предки вкусили отъ древа познанія; это былъ грѣхъ, поэтому они и умерли». А теперь мы скажемъ: «наши предки вѣшали отъ древа невѣдѣнія и невѣжества, которое ведетъ къ заблужденіямъ и смерти, поэтому они и умерли». «Изслѣдуйте законы природы, и вы будете жить» и т. д.

Передъ нами лежатъ три выпуска. Первый выпускъ заключаетъ общее введеніе, во второмъ мы находимъ главу «Изъ исторіи взглядовъ на жизнь». Третій трактуетъ о химизмѣ живыхъ существъ («Вещество живаго тѣла»). Переводъ сдѣланъ въ общемъ очень старательно. Не совсѣмъ понятно, почему вмѣсто удѣльнаго вѣса употребленъ «собственный вѣсъ» (стр. 71), нѣсколько странно звучитъ «число единица» (стр. 28), «микроскопистъ» (стр. 17); такіе слова какъ «континентъ», «депо» и т. п. слѣдуетъ переводить на русскій языкъ. Внѣшность изданія (печать, бумага) хороша. Книжку Доделя, которую можно рекомендовать всѣмъ, интересующимся естествознаніемъ, слѣдовало бы издать по возможно болѣе дешевой цѣнѣ; между тѣмъ, вышедшіе 3 выпуска стоютъ уже 65 коп. (за 73 страницы).

С. Ч.

Африка. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. Цѣна 2 руб. Москва. 1902. Африка—четвертая по счету книга цѣлой серіи географическихъ сборниковъ, изданіе которыхъ предпринято группой молодыхъ, энергичныхъ московскихъ преподавателей — гг. Круберомъ, Григорьевымъ, Барковымъ и Чефрановымъ. По своей внѣшности, иллюстраціямъ и общему плану «Африка» мало отличается отъ предшествовавшихъ ей «Европы», «Азіи» и «Америки» и представляетъ превосходное пособие для преподаванія географіи и въ то же время весьма интересную книгу для чтенія, и не для однихъ только учениковъ тѣхъ классовъ, гдѣ проходитъ географія Африки. Нѣкоторые изъ вышедшихъ раньше сборниковъ (напр., «Америка») допущены въ бесплатныя народныя читальни, и намъ кажется, что слѣдовало бы желать возможно широкаго распространенія этихъ сборниковъ именно среди народа, такъ какъ здѣсь мало подготовленный читатель найдетъ отвѣты на массу могущихъ интересовать его вопросовъ.

По объему «Африка» нѣсколько меньше «Америки» и «Европы», но по содержанію, кажется, еще интереснѣе. Начиная съ острова Мадейры, постепенно предъ читателемъ проходитъ вся Африка — Алжиръ, Тунисъ, Триполи, Сахара. Подробно остановившись на Египтѣ, составители переходятъ далѣе къ

Абиссиніи и Судану. Центральная Африка описывается, главнымъ образомъ, по Стенли, Билиманджаро — по Гансу Мейеру. Далѣе слѣдуетъ восточная окраина южной половины Африки — Занзибаръ, Замабези. Нѣсколько статей посвящено странѣ буровъ и, наконецъ, тремя статьями о Мадагаскарѣ заканчивается книга.

Желаемъ «Африкѣ» самого широкаго распространія и надѣемся скорѣ видѣть печатающіяся уже «Россію» и «Австралію».

Б. Федченко.

Руководство по физическому образованію дѣтей школьнаго возраста. П. Лесгафтъ. Часть II. Слб. Цѣна 2 руб. Первая часть разбираемой книги была выпущена проф. Лесгафтомъ 13 лѣтъ тому назадъ. Въ ней былъ изложенъ историческій очеркъ и элементарный отдѣлъ физическаго образованія; авторъ стремился заложить основу ученія, которая помогла бы педагогамъ «развить въ ребенкѣ любовь къ труду, а молодого человѣка подготовить къ производству всякой элементарной физической работы по слову». Нужны были долгіе годы опыта и практики, чтобы вполне осуществить планъ физическаго образованія дѣтей, предложенный и разработанный профессоромъ Лесгафтомъ. Мы всѣ знаемъ сколько упорнаго труда и энергіи затрачено нашимъ почтеннымъ ученымъ и педагогомъ при преслѣдованіи имъ поставленной цѣли и не его вина, что принципы, положенные имъ въ основу воспитанія, и система физическаго образованія, разработанная имъ и его школою до сихъ поръ не получила еще общаго признанія. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы вспомнимъ, что русская школа, въ особенности средняя школа преслѣдовала цѣли, ничего общаго съ дѣломъ воспитанія и образованія не имѣющая, такъ какъ игнорировала ту основную истину, что ребенокъ и юноша такіа личности, какъ и взрослый человѣкъ, и что запросы развивающагося организма вполне законны и подлежатъ удовлетворенію.

«Въ школѣ, говоритъ профессоръ Лесгафтъ, — совершенно забыли о томъ, что такое физическое образованіе, которое въ свое время было единственною обязательною задачею въ школѣ. Въ школѣ желаютъ только учить по определенной программѣ, по утвержденному шаблону и этимъ ограничиваются; но ребенокъ — не машина и не поддается этому. Приходится спрашивать вмѣстѣ съ Лессингомъ, почему почти нѣтъ самостоятельныхъ людей, которые умѣли бы творчески проявляться? На это можно отвѣтить: потому, что школа только учить и угнетаетъ ученика и забываетъ объ образованіи «человѣка». Задачей школы нашъ почтенный ученый считаетъ *выясненіе значенія личности человека и ограниченіе произвола въ его дѣйствіяхъ*. «Въ школѣ, — говоритъ проф. Лесгафтъ — необходимо помнить, что *порядокъ*, т.-е. соотношеніе или послѣдовательность дѣятельности — *жизнь*, она только при порядкѣ складывается, а *приказъ*, безусловное и невыясненное требованіе — *смерть*, приказъ исключаетъ разсужденіе, на которомъ основано все школьное дѣло. Только разсужденіемъ вырабатываются мысли, а школа только и стремится возбудить мысль. Физическое образованіе стремится приучить ребенка владѣть собою, направлять свои дѣйствія мыслью, что должно достигаться систематическими занятіями, а также играми и прогулками; ни въ чемъ и никогда не допуская никакого произвола, необходимо болѣе всего приучать занимающихся къ порядку и законности». Поэтому авторъ единственной школой, приближающейся къ идеальной, школой, не знающей переутомленія и порока, считаетъ англійскую: «У учениковъ этой школы число ежедневныхъ занятій умственныхъ и физическихъ обыкновенно равны; у нихъ въ школѣ нѣтъ гимнастики, нѣтъ ручного труда, а существуетъ очень точно выработанная система игръ. Молодой человѣкъ оканчивая общеобразовательную школу вполне приготовленъ къ жизни; по словамъ самихъ нѣмецкихъ педагоговъ, онъ вѣрнопъ тѣломъ и хорошо владѣетъ собою, онъ уважаетъ законъ и высоко чтитъ товарищество. Получаетъ онъ это все, главнымъ образомъ, на площадкѣ». Школа, по

мнѣнію проф. Лесгафта, не можетъ существовать безъ физическаго образованія; физическія упражненія должны быть непремѣнно ежедневными и производиться въ промежуткахъ между умственными занятіями въ полномъ соотношеніи съ послѣдними. Ни физическія, ни умственные занятія не должны носить утилитарнаго характера.

Физическое образованіе должно приучить молодого человѣка «сознательно относиться къ своимъ дѣйствіямъ и производить свою работу съ возможно менѣйшей тратой матеріала и силъ». Методъ физическаго образованія тотъ же, что и умственного: онъ состоитъ, главнымъ образомъ, «въ разединеніи производимыхъ движеній и дѣйствій и въ сравненіи ихъ между собой». Физическое образованіе, согласно профессору Лесгафту, можетъ быть раздѣлено на три отдѣла: элементарный, средній и старшій. Первый состоитъ изъ элементарныхъ движеній (сгибаніе, разгибаніе, отведеніе, приведеніе, круговыя движенія и т. п.) и ихъ осложненій (ходьба, бѣгъ, метаніе), а также игръ и прогулокъ. Второй (средній, отъ 12—15 лѣтъ) состоитъ изъ этихъ же движеній, но съ постепенно и послѣдовательно усиливающимся напряженіемъ (продолжительность, отягощеніе и пр.), причемъ всѣ эти упражненія примѣняются въ видѣ игръ партіями. Главная задача старшаго отдѣла состоитъ въ изученіи пространственныхъ отношеній и умѣньи распредѣлять свои дѣйствія во времени, т.-е. развить глазомеръ, познакомиться съ сопротивляемостью различныхъ тѣлъ и приучиться къ различію ощущеній, связанныхъ съ различной скоростью въ работѣ. Достигается эта цѣль измѣреніями и взвѣшиваніями различныхъ тѣлъ, опредѣленіемъ угловъ геометрическихъ фигуръ и распредѣленіемъ тѣлъ въ пространствѣ; метаніемъ тѣлъ различной формы, вѣса, плотности, бѣгомъ, прыжками, борьбой и разными сложными играми съ партіями съ большою продолжительностью и большимъ напряженіемъ. Въ младшемъ возрастѣ $\frac{1}{4}$ урока должна быть занята элементарными упражненіями, $\frac{1}{4}$ —бѣгомъ и метаніемъ и $\frac{1}{2}$ —играми. Въ среднемъ— $\frac{1}{3}$ урока—сложными упражненіями съ отягощеніемъ и бѣгомъ, $\frac{1}{3}$ —упражненіями съ увеличивающимся напряженіемъ (прыжки, метаніе и борьба) и $\frac{1}{3}$ —играми. Въ старшемъ возрастѣ всѣ упражненія производятся съ измѣреніемъ и опредѣленіемъ скорости. Упражненія должны совершаться по преимуществу на чистомъ воздухѣ, на особой площадкѣ и безъ всякихъ гимнастическихъ аппаратовъ. Проф. Лесгафтъ—горячій противникъ этихъ аппаратовъ, такъ какъ упражненія на нихъ неестественны, вредны и совершенно не соответствуютъ строенію молодого организма.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, основы, на которыхъ нашъ извѣстный анатомъ строитъ физическое образованіе дѣтей и юношей. Разбираемая книга является второй, такъ сказать, практической и описательной частью громаднаго труда проф. Лесгафта о физическомъ образованіи. Въ ней авторъ детально описываетъ свою систему физическихъ упражненій. Глава IV-ая посвящена сложнымъ упражненіямъ или упражненіямъ съ увеличивающимся напряженіемъ (упражненія съ гирями и т. п., метаніе, прыганье, бѣгъ); V-ая—изученію пространственныхъ отношеній, VI-ая—примѣненію систематическихъ упражненій въ видѣ сложныхъ дѣйствій—т.-е. играть, прогулкамъ, плаванію, бѣгу на конькахъ, фехтованію и пр.; VII-ая—методикѣ физическихъ упражненій.

Вѣроятно, специалисты-врачи, фізіологи и педагоги могли бы многое возразить почтенному автору въ отношеніи деталей его системы, но одно неоспоримо, что основныхъ принциповъ проф. Лесгафта поколебать нельзя, неоспоримо также и то, что наши школы ими не воспользуются. Впрочемъ, кто знаетъ?! Намъ уже приходилось указывать на «огромный плюсъ русской жизни», въ общемъ итогѣ дающій великолѣпнѣйшій минусъ—на наше единствѣе въ своемъ родѣ «авось». Дѣйствительно, почему той удивительной педагогической скачокъ съ препятствіями, которую мы наблюдаемъ уже второй годъ, въ ея цѣлесообраз-

номъ круговомъ движеніи не наткнуться случайно и на принципы физическаго образованія проф. Лесгафта?! Авось!

В. Алафоновъ.

МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА.

Ф. Блюменталь. «Борьба съ туберкулезомъ» — Ф. Гетше. — «Современное состояніе вопроса о народныхъ санаторіяхъ для чахоточныхъ». — М. Лаштинъ. Краткій біографическій словарь знаменитыхъ статей».

Ф. М. Блюменталь. Общественная борьба съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзнію въ Западной Европѣ и Америкѣ. Часть I-я (Бельгія, Франція, Англія, Германія). Москва. 1901 г. Цѣна не обозначена. D-г S. A. Кнорф. Туберкулезъ, какъ народная болѣзнь, и борьба съ нимъ. Переведено съ согласія автора, подъ редакціей Ф. М. Блюменталья. Москва. 1901 г. Ц. 40 коп. Доходъ съ русскаго изданія поступитъ въ пользу комиссіи по распространенію гигиеническихъ знаній въ народѣ при обществѣ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Въ отчетѣ о происходившемъ въ Москвѣ съѣздѣ врачей въ память Н. И. Пирогова *) было, между прочимъ, указано на важное значеніе работъ организованной при обществѣ русскихъ врачей комиссіи по борьбѣ съ туберкулезомъ. Однимъ изъ видныхъ и дѣятельныхъ членовъ этой комиссіи является д-ръ Ф. М. Блюменталь, взявшій на себя трудъ ознакомленія членовъ комиссіи со всѣми тѣми, что сдѣлано въ данномъ направленіи въ европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ. Результатомъ работъ г-на Блюменталья явилась пока первая изъ вышеназванныхъ книгъ, представляющая обзоръ дѣятельности 4-хъ европейскихъ государствъ въ дѣлѣ борьбы съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзнію. Интересъ книги г. Блюменталья заключается въ томъ, что она даетъ полную и исчерпывающую картину положенія дѣла въ каждомъ изъ описанныхъ государствъ, причемъ автору пришлось нѣрѣдко имѣть дѣло съ матеріаломъ сырымъ, необработаннымъ, и во всякомъ случаѣ, не легко доступнымъ, приходилось рыться въ журналахъ, газетахъ, отчетахъ разныхъ обществъ, комиссій, собраній, законодательныхъ учрежденій и т. д.

Описаніе борьбы съ туберкулезомъ въ каждомъ государствѣ начинается съ статистической справки о степени развитія туберкулеза въ данной странѣ, затѣмъ дается историческій очеркъ вопроса и, наконецъ, излагается современное положеніе дѣла.

Исторія борьбы съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзнію, какъ съ общественнымъ зломъ, очень коротка, такъ какъ насчитывается какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ. «Крестовый» походъ противъ этой болѣзни начался въ Германіи, которая въ настоящее время справедливо можетъ гордиться своимъ успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ и служить примѣромъ для другихъ странъ.

Туберкулезъ, какъ социальное зло, находится въ тѣснѣйшей связи съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ, бытовыхъ, экономическихъ и т. п. явленій и, вслѣдствіе этого, борьба съ нимъ, какъ показалъ опытъ, при помощи только тѣхъ средствъ, какими располагаетъ медицина, не ведетъ къ цѣли. Еще въ 1853 году Бремеръ предложилъ свой знаменитый діететико-гигиеническій способъ лѣченія чахотки, который до нашихъ дней остается единственнымъ и лучшимъ и, вѣроятно, такимъ останется до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдено причинное леченіе болѣзни. Созданная Бремеромъ въ Герберсдорфѣ санаторія для легочныхъ больныхъ стала пунктомъ, куда со всѣхъ концовъ міра направла-

*) См. «Міръ Божій», февраль, 1902 г.

лись больные за исцѣленіемъ, куда стекались и врачи, дѣлавшіеся ревностными пропагаторами новаго способа леченія. И тѣмъ не менѣе, значеніе новаго метода было ограничено до тѣхъ поръ, пока услугами санаторій могли пользоваться только зажиточные люди, которые и безъ этихъ учрежденій располагаютъ большими средствами для борьбы со всякаго рода болѣзнями. Мы видимъ, что велѣдъ за санаторіей въ Герберсдорфѣ возникаетъ созданный учениками и послѣдователями Бремера цѣлый рядъ другихъ санаторій, въ ихъ устройствѣ вносятся усовершенствованія, но все это доступно пока богатымъ, т.-е. меньшинству. Только съ изданіемъ закона объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ болѣзни и инвалидности прекрасный лечебный методъ дѣлается въ Германіи достояніемъ народныхъ массъ.

Не останавливаясь здѣсь на подробностяхъ закона о страхованіи рабочихъ, интереснаго не только съ точки зрѣнія борьбы съ туберкулезомъ, скажемъ только, что въ настоящее время въ Германіи застраховано отъ инвалидности 12.700.000 чел., въ 1900 г. тамъ было 324.319 лицъ, получающихъ инвалидную ренту, и 195.133, получающихъ ренту по старости. Уплачиваемыя ренты считаются въ сотни милліоновъ марокъ, резервный капиталъ кассъ равенъ 538 милліонамъ марокъ. Уплачиваемая инвалидамъ рента составляется изъ взносовъ самихъ рабочихъ, изъ взносовъ работодателей и государства, которое даетъ больше $\frac{1}{3}$ капитала.

Вотъ эти-то кассы страхованія отъ инвалидности въ связи съ кассами страхованія отъ болѣзней взяли на себя починъ демократизаціи лечебнаго метода Бремера и, благодаря ихъ усиліямъ, Германія покрыта цѣлою сѣтью народныхъ санаторій, гдѣ десятки тысячъ рабочихъ восстанавливаютъ свою утраченную работоспособность и, такимъ образомъ, опять являются дѣятельными членами общества.

Во главѣ движенія въ смыслѣ устройства народныхъ санаторій стоятъ находящійся въ Берлинѣ центральный комитетъ, этотъ, по выраженію д-ра Блюментала, генеральный штабъ антитуберкулезной арміи въ Германіи.

Нѣкоторые крупные предприниматели, какъ Штуммъ, Крупшъ и другіе, видя наглядно пользу, приносимую народными санаторіями, устраиваютъ таковыя для своихъ рабочихъ, ихъ примѣру слѣдуютъ менѣе крупные фабриканты и заводчики, соединяющіеся въ группы для устройства такихъ же санаторій для своихъ рабочихъ.

Помимо народныхъ санаторій дѣлу борьбы съ туберкулезомъ въ Германіи служатъ еще цѣлый рядъ другихъ вспомогательныхъ учреждений, какъ амбулаторіи для ранняго распознаванія болѣзни, поликлиники, предназначенныя для той же цѣли и воспитывающія публику въ антитуберкулезномъ духѣ, пріюты для выздоравливающихъ, слабыхъ, хронически-больныхъ и т. д.

Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что въ Германіи ведется вѣдѣть съ тѣмъ борьба противъ вообще антигигіеническихъ условій жизни рабочихъ и въ особенности противъ дурныхъ квартиръ, являющихся рассадниками всевозможныхъ болѣзней, то мы получимъ нѣкоторое представленіе о походѣ противъ туберкулеза, какъ онъ ведется у нашихъ сосѣдей въ настоящее время.

Результаты этой плодотворной дѣятельности успѣли уже наглядно сказаться въ рѣзкомъ уменьшеніи смертности отъ туберкулеза, которая прогрессивно падаетъ съ 1889 года. Такъ, въ 1889 году на 10.000 чел. умирало отъ туберкулеза 31,4, а въ 1897 году—21,8, иначе говоря, за время съ 1889 по 1897 г. отъ туберкулеза умерло круглымъ счетомъ на 184.000 чел. менѣе, чѣмъ это было до введенія закона объ обязательномъ страхованіи.

Германія, такъ много сдѣлавшая въ дѣлѣ борьбы съ туберкулезомъ среди взрослыхъ, должна уступить пальму первенства Франціи въ смыслѣ тѣхъ заботъ.

какія проявляются въ этой странѣ, для охраненія здоровья туберкулезныхъ дѣтей.

Лѣтнія дѣтскія санаторіи, знаменитыя приморскія станціи для дѣтей составляютъ справедливую гордость Франціи.

Зато, въ общемъ, Франція сдѣлала до сихъ поръ сравнительно мало въ антитуберкулезной войнѣ. Тамъ, какъ и въ Бельгіи, все дѣло сводится пока къ пропагандѣ антитуберкулезныхъ идей, которыми Германія занимается сравнительно мало. Неуспѣхъ дѣла во Франціи долженъ въ значительной мѣрѣ быть приписанъ невнимательному, небрежному отношенію къ дѣлу высшаго медицинскаго учрежденія въ странѣ — медицинской академіи, которая только въ послѣднее время согласилась признать важность и государственное значеніе туберкулезнаго вопроса. Важнымъ событіемъ въ антитуберкулезномъ движеніи во Франціи является назначеніе въ 1899 году, по инициативѣ президента совѣта министровъ Вальдека Руссо, комиссіи для изысканій мѣръ, которыми удалось бы успѣшно бороться противъ распространенія туберкулеза въ странѣ. Комиссія эта, въ трудахъ которой принимали участіе свѣтила медицинской науки, закончила уже свою задачу и передала свой проектъ въ парламентскую комиссію общественной гігіены. Такимъ образомъ, теперь дѣло за парламентомъ и сенатомъ, чтобы борьба съ туберкулезомъ во Франціи стала на твердую почву и велась по строго опредѣленному плану.

Въ Бельгіи ведется удивительно успѣшно пропаганда антитуберкулезныхъ идей, и для этой цѣли служатъ школы, казармы, церкви, собранія, комитеты, афиши, листки, брошюры и т. д.; а организованная національная лига для борьбы съ туберкулезомъ занимается устройствомъ народныхъ санаторій.

Что касается Англіи, то въ ней общественная борьба непосредственно съ туберкулезомъ до послѣдняго времени была развита сравнительно мало, что объясняется общимъ устройствомъ этой страны. Дѣло въ томъ, что въ Англіи, благодаря образцовой санитарной организаціи вообще, замѣчается общее паденіе болѣзненности и смертности населенія, отъ всѣхъ болѣзней, въ томъ числѣ и отъ туберкулеза.

Стройное и сильно развитое санитарное законодательство въ связи съ законами по строительной гігіенѣ, сознательное отношеніе къ дѣлу всего населенія, огромныя денежныя затраты на санитарное благоустройство — все это вмѣстѣ оказало и продолжаетъ оказывать самое благотворное вліяніе на профилактику (предупрежденіе) туберкулеза. Всѣ эти мѣропріятія, косвенно содѣйствовавшія уменьшенію туберкулеза въ странѣ, не вызывали необходимости специальныхъ мѣръ. Тѣмъ не менѣе и Англія, увлеченная блестящими успѣхами Германіи, основала въ 1898 году «національную ассоціацію для предупрежденія чахотки и другихъ формъ туберкулеза», подчеркнувъ въ самомъ заглавіи особую важность предупредительныхъ мѣръ.

Краткая библиографическая замѣтка не даетъ возможности исчерпать все богатое содержаніе книги д-ра Блюментала, къ которой мы и отсылаемъ интересующихся дѣломъ, а сами выразимъ пожеланіе, чтобы авторъ возможно скорѣе познакомилъ насъ съ положеніемъ вопроса въ другихъ еще не описанныхъ намъ государствахъ Европы и Америки.

Наше отечество, говоритъ д-ръ Блюменталь въ предисловіи къ своей книгѣ, еще не успѣвъ примкнуть къ союзной антитуберкулезной арміи, имѣетъ то преимущество, что можетъ наверстать потерянное, воспользовавшись богатымъ опытомъ западно-европейскихъ соборовъ, примѣняя и разнообразныя приемы борьбы соотвѣтственно условіямъ русской дѣйствительности.

Брошюра д-ра Кнорфа, заглавіе которой мы выше выписали, представляетъ собой популярное изложеніе для болѣе или менѣе интеллигентной публики вопроса о туберкулезѣ и борьбѣ съ нимъ. Брошюра эта, удостоенная первой пре

ми міжнароднаго конгресса для боротьбы съ туберкулезомъ въ Германіи, расходится въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ въ Германіи и такого же успѣха ей надо пожелать и у насъ, въ особенности въ виду тѣхъ цѣлей, для которыхъ предназначается доходъ съ изданія.

Для борьбы съ туберкулезомъ, по справедливому замѣчанію д-ра Кпорфъа, нужна совмѣстная работа мудраго правительства, опытныхъ врачей и просвѣщеннаго народа.

В. И. Б—къ.

Ф. А. Гетье. Современное состояніе вопроса о народныхъ санаторіяхъ для чахоточныхъ. Москва. 1901 г. Цѣна 75 коп. Прекрасная книга д-ра Гетье, тоже состоящаго членомъ московской комиссіи по борьбѣ съ туберкулезомъ, является прекраснымъ дополненіемъ къ книгѣ д-ра Блюменталля. Въ то время какъ послѣдній даетъ очеркъ всѣхъ мѣропріятій, принимаемыхъ въ той или другой странѣ въ борьбѣ съ туберкулезомъ, д-ръ Гетье, опытный больничный врачъ, останавливаетъ свое вниманіе почти исключительно на главной лечебной мѣрѣ—на санаторіяхъ.

Книга написана прекраснымъ языкомъ и будетъ съ одинаковымъ интересомъ прочтена и врачомъ, и вообще образованнымъ человѣкомъ.

Какъ видно изъ этой книги, наше отечество въ дѣлѣ устройства санаторій занимаетъ послѣднее мѣсто. Кромѣ разныхъ предположеній объ открытіи санаторій то здѣсь, то тамъ, мы въ настоящее время располагаемъ прекрасной, но къ сожалѣнію, доступной только богатымъ санаторіей Халила въ Финляндіи и Таицкой санаторіей общества русскихъ врачей въ Петербургѣ, рассчитанной уже на людей съ небольшимъ достаткомъ. Москва получила недавно даръ въ 200.000 рублей спеціально на устройство санаторіи для недостаточныхъ чахоточныхъ больныхъ.

В. И. Б—къ.

Д-ръ мед. М. Ю. Лахтинъ. Краткій біографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ. Спб. 1902 г. Цѣна 75 коп. Книжка д-ра Лахтина, являя собой образецъ того, какъ не долженъ составляться біографическій словарь, не заслуживала бы никакого вниманія, если бы на обложкѣ не значились громкія званія автора: онъ не только докторъ медицины, но и приватъ-доцентъ московскаго университета. Возможно, что въ лицѣ г. Лахтина мы имѣемъ кандидата на вакантную въ Москвѣ кафедру исторіи медицины.

Какъ трудъ приватъ-доцента, т.-е. человѣка ученаго, книжка д-ра Лахтина неслѣдственно должна быть отмѣчена.

Въ предисловіи къ своей книжкѣ авторъ говоритъ о значеніи біографическаго элемента въ исторіи, ссылается на Карлейля, Вундта, Готшталля и др. и въ концѣ такъ опредѣляетъ задачу своего труда: «Въ нашемъ словарѣ помѣщены біографіи врачей всѣхъ странъ и временъ, но не всѣхъ врачей, а лишь наиболѣе извѣстныхъ, такъ какъ для того, чтобы описать всѣхъ рядовыхъ бойцовъ въ области медицины не хватило-бы человѣческой жизни»... И далѣе: «Въ настоящій словарь не вошли также біографіи нынѣ живущихъ русскихъ врачей, вслѣдствіе крайней трудности собиранія нужнаго для того матеріала».

Какъ же г. Лахтинъ выполнилъ свою задачу?

Въ словарѣ, дѣйствительно, нѣтъ ни одного современнаго русскаго дѣятеля въ области медицины и съ этой стороны г. Лахтинъ вполне точно выполнилъ то, что обѣщалъ въ предисловіи, но, добросовѣстности ради, онъ долженъ былъ бы прибавить, что у него почти нѣтъ не только живущихъ знаменитыхъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и другихъ странъ врачей, но уже и умершихъ хотя бы только въ истекшемъ XIX столѣтіи.

Чѣмъ объясняется пропускъ такихъ именъ, какъ Кохъ, Крафтъ-Эбингъ, Цимсенъ, Нотнагель, Лейденъ, Бергманъ, Бенедиктъ, Сенаторъ, Зонненбургъ, Крепелинъ, Эрбъ, Мендель, Мункъ, Петтенкоферъ, Коноръ, Гебра, Уина, Шре-

дерь, Штрикеръ, Шретеръ и т. д. безъ конца. Можетъ быть, по мнѣнію г. Лахтина, имена этихъ лицъ недостаточно извѣстны въ медицинѣ? Почему г. Лахтинъ счелъ возможнымъ обойти молчаніемъ извѣстныхъ профессоровъ родного университета, уже покойныхъ, какъ Захарьинъ, Басовъ, Оверъ, Маклаковъ и др.?

Но такими вопросами можно было бы заполнить не одну страницу.

Укажемъ на нѣкоторые курьезы въ книжкѣ г. Лахтина. Въ біографіи С. П. Боткина, между прочимъ, сказано, что онъ за границей занимался у тогдашнихъ корифеевъ клиники Траубе и Оппольцера. Естественно, что хотя эти господа должны были бы удостоится помѣщенія въ словарь г. Лахтина, но—увы!—г. Лахтинъ нашелъ, очевидно, эту честь для Траубе и Оппольцера слишкомъ большою... Не упомянувъ имени проф. Винтерница, творца современной научной гидротерапіи, г. Лахтинъ даетъ довольно подробное жизнеописаніе пастора Кнейпа, которому отведено немного меньше мѣста, чѣмъ Рудольфу Вирхову; пропустивъ такого незамѣтнаго врача, какъ Гельмгольцъ, г. Лахтинъ считаетъ долгомъ сообщить, что «д-ръ Меднеръ Леонардъ, лейбъ-медикъ датскаго королевича Іоанна, прибылъ съ нимъ въ Москву 19-го сентября 1602 г.» И больше ни слова. Какъ это важно! Какая историческая точность! Именно 19-го сентября, а не 18-го или 20-го! Вообще у г. Лахтина замѣтно «влеченіе—родъ недуга» ко всякимъ лейбъ-медикамъ всѣхъ временъ и странъ, хотя бы у нихъ не было никакихъ заслугъ предъ медициной.

Врачъ В. Б—къ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го мая по 15-ое іюня 1902 г.).

- М. Чайковский. Жизнь П. И. Чайковского. Изд. П. Юргенсона. Цѣна кажд. вып. 40 коп.
- Г. Тарди. Общественное мнѣніе и толпа. Перев. съ франц. подъ ред. П. Когана. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
- Г. М. Тумановъ. Замѣтка о городскомъ самоуправленіи на Кавказѣ. Тифлисъ. 1902 г. Ц. 75 к.
- К. Лавриченко. Вѣра въ жизнь. Ром. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.
- Н. И. Перелыгина. Черевички. Повѣсть. Мск. 1902 г. Ц. 35 к.
- Нэтъ-Дугласъ. Счастье бѣднаго малыша. Мск. 1902 г. Ц. 35 к.
- М. Н. Богдановъ. Мышь. Разск. Мск. 1902 г. Ц. 8 к.
- Его же. Летучая мышь. Разск. для дѣтей. Мск. 1902 г. Ц. 8 к.
- Д-ръ Н. Пасковский. О долгодѣтіи и сохраненіи молодости. Изд. Д. И. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 12 к.
- А. Иноземцева. Вѣтъ почвы. Драма въ 5 дѣйств. Н.-Новгородъ. 1902 г. Цѣна 50 к.
- М. Богдановъ. Изъ жизни птицъ. Изд. К. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 10 к.
- Его же. Какъ люди научились разводить рыбъ. Изд. то же. Ц. 10 к.
- В. Н. Спасскій. Защита сельскихъ угодій живыми изгородями и лѣсными опушками. Изд. то же. Ц. 10 к.
- Мэтью Арнольдъ. Задачи современной критики. Перев. съ англ. М. Изд. «Посредникъ». Ц. 15 к.
- Р. В. Эмерсонъ. Высшая душа. Перев. съ англ. Накашидзе. Мск. 1902 г. Цѣна 20 к.
- И. Горбуновъ-Посадовъ и В. Лукьянская. Другъ животныхъ. Ч. I. Мск. 1902 г. Ц. 85 к.
- И. Крыловъ. Басни. Кн. I—III для младш., средн. и старш. возр. Изд. Жирнова. Ц. 5 к.
- А. В. Кольцовъ. Избранныя стихотворенія. Кн. I и II. Изд. то же. Ц. 5 к.
- Н. Г. Вороновъ. Элементы исторіи. Мск. 1901 г. Ц. 50 к.
- Арсеньевъ. Разказы и стихотворенія. Изд. 2-ое А. Ивановой. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Пр. М. Богдановъ. Скворецъ и воробей. Разск. Мск. 1902 г. Ц. 10 к.
- В. Добролюбовъ. Ложь гг. Н. Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ и Н. Чернышевскомъ и духовенствѣ. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.
- Н. А. Палушинъ. Исай. Сказка. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.
- С. Порѣцкій. Друзья растений. Мск. 1902 г. Ц. 70 к.
- Ученіе графа Толстого о жизни. Изд. 2-ое «Посредника». Мск. 1902 г. Ц. 15 к.
- А. А. Зубрилинъ. Какъ улучшили свое хозяйство крестьяне Волоколамск. уѣзда. Мск. 1902 г. Ц. 2 к.
- Проф. И. Поповъ. О молочномъ дѣлѣ въ крестьянск. хозяйствѣ. Мск. 1902 г. Ц. 2 г.
- Его же. Объ уходѣ за копытами лошади. То же. Ц. 2 к.
- Его же. Какъ дѣлають посуду глиняную и фарфоровую. Мск. 1902 г. Ц. 6 коп.
- Д. Горностаевъ. Какъ построить крестьянскую кирпичную избу. Мск. 1902 г. Ц. 6 к.
- Любичъ-Кожуровъ. Ворона и ея знакомые. Изд. Ефимова. Мск. 1902 г. Ц. 55 к.
- Ами-Пальмъ. Лалли и ея звѣздочки. Сказка. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.
- Карлъ Клейнъ. Подъ громомъ пушекъ. Перев. съ нѣм. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
- Я. Крюковская. Повѣсти и разказы. Изд. журн. «Русская Школа». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- В. Л. Дѣдловъ. Школьные воспоминанія. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- Теодоръ Герцль. Философскіе разказы. Перев. съ нѣм. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Ш. Ш. Ночь въ музеѣ восковыхъ фигуръ. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.
- А. Новиковъ. Второй сборникъ статей 1901—1902. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- П. Ганзенъ. Опытъ оводоревленія деревни. Спб. Изд. Маркса. Ц. 75 к.
- А. Зотовъ. Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англ. крупной промышленности. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Д. Невзоровъ. Изъ быта села Птичьаго, Оренб. губ. Юрьевъ. 1902 г.
- М. Соболевъ. Очерки изъ исторіи всемірной торговли. Мск. «Книжное Дѣло». Ц. 1 р.
- Е. Любичъ. Изъ жизни. Изд. Каранта. Ц. 50 к.
- К. Григорьевъ. Бредъ жизни. Спб. Изд. Арищенко. Ц. 80 к.
- Н. Ди-Сеньи. Курсъ прямолинейной тригонометріи. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Д. Галанинъ. Мысли и наблюденія по вопросу о средней школѣ. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.
- А. Билимовичъ. Товарное движеніе на русск. желѣзн. дорогахъ. Кіевъ. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- К. Байзъ. Исторія искусствъ. Въ перев. Кульженко. Кіевъ. М. 1902 г.
- Е. Орловъ. Техническій анализъ. Вып. X. Изд. К. Тихомирова. Ц. 1 р. 50 к.

- А. де-Норвентъ. Американскіе милліардеры. Перев. съ франц. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Г. Брандесъ. Собраніе сочиненій. Перев. съ датск. подъ ред. М. Луичкоу. Изд. В. Фукса. Кіевъ. 1902 г. Ц. 6 р.
- Мансъ Нордау. Собраніе сочиненій. Перев. съ нѣм. Михайлова. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902 г. Ц. 6 р.
- Эрнестъ-Ренанъ. Собраніе сочиненій. Перев. съ франц. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902 г. Ц. 5 р.
- Э. Ожешко. Собраніе сочиненій. Перев. съ польск. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902 г. Ц. 5 р.
- Отчетъ о дѣятельности бібліотеки служащихъ въ Управленіи дорогъ, на станціяхъ и вагоновъ за 1899 и 1900 гг. Юбилейное изданіе (1875—1900 г.). Кустарные промыслы. Ярослав. губ. Изд. губ. земства. Ярославль. 1902 г.
- Роль Курскаго губ. земства въ дѣлѣ народнаго образованія за послѣдн. 6 лѣтъ. Путеводитель по Волгѣ, Окѣ, Камѣ, Вяткѣ и Вѣлой. Изд. И. Иванова. Ц. съ перес. 35 коп.
- Отчетъ о-ва вспомошествов. студентамъ. Спб. универс. за 1901 г. Спб. 1902 г.
- Краткій очеркъ дѣятельности Вятск. земства по народн. образов. за пятилѣтіе 1896—1900 гг.
- Отчетъ Пензенск. обществ. бібліотеки им. Лермонтова 1900—1901 г.
- Отчетъ Херсонской обществ. бібліотеки за 1901 г.
- Сельскохозяиств. обзоръ Нижег. губ. за 1900 г.
- Докладъ общ. собранія къ 10-ти-лѣтію 1-й бесплатной народной читальни Харьк. о-ва грамотности. Харьковъ. 1902 г.
- Н. Березинъ. Три мѣсяца среди людоѣдовъ. Спб. 1901 г. Ц. 60 к.
- В. И. Немировичъ - Данченко. Облѣтѣвшіе листья. Разказы. Спб. Изд. П. П. Соѣкина. Ц. 1 р. 50 к.
- Д-ръ П. А. Граціановъ. Борьба съ сифилисомъ. Харьковъ. 1902 г.
- В. Абрамовъ. Овчининъ. Ром. въ 2 част. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Радцигъ. Производство и потребленіе овса на всемъ свѣтѣ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- О. Лернеръ. Одесская старина. Одесса. 1902 г.
- Ө. Грековъ. О первоначальномъ воспитаніи и обученіи дѣтей и о гигиенѣ юношества. Мск. 1902 г. Ц. 35 к.
- Ад. Меркель. Юридическая экспедиція. Перев. В. Зейделя. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Е. Зыгинцевъ. Къ вопросу объ участіи земства и общества въ постановкѣ народн. образованія.
- М. Савинъ. Пѣсни рабочаго. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.
- Пр. Маршалъ. Анатомія птицъ въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Э. Жебаръ. Пія и Викторинъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- А. Радцигъ. Лѣсъ и лѣсное хозяйство въ разныхъ государствахъ. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- В. Лукьянская. Три тысячи лѣтъ тому назадъ. Изд. «Посредника». Мск. 1901 г.
- Е. Лозинскій. Отчизна и обществодѣланіе въ среднихъ школахъ на западѣ. Мск. 1902 г.
- Л. Мара. Миражи. Варшава. 1902 г. Цѣна 1 р.
- А. Никольскій. Земля, община и трудъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- С. Браиловскій. Тазы или Iduh'a. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- М. П. Красильниковъ. Платежи, недоимки продовольственная задолженность населенія Уфимск. губ. Изд. губ. земства. Уфа. 1902 г.
- Александръ. Мѣстное самоуправленіе русск. крестьянъ. Изд. т-ва Вольфъ. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*A sporting trip through Abyssinia*» by P. H. G. Powell Cotton with Illustrations and Map (Rowland Ward). (Охотничья поездка в Абиссинию). Очень интересная книга, въ которой заключается описаніе малоизвѣстныхъ или даже совсѣмъ неизвѣстныхъ областей Абиссиніи. Авторъ—завзятый спортсменъ и охотникъ и поэтому онъ отводитъ много страницъ описанію своихъ охотничьихъ экскурсій, но описанія эти очень занимательны. Спортъ, однако, не мѣшаетъ автору знакомиться съ мѣстной жизнью и обычаями, которые авторъ описываетъ такъ же увлекательно и живо, какъ и свои охотничьи походы. Вообще книга его изобилуетъ интересными описаніями, тѣмъ болѣе, что путешествіе автора по малоизвѣстной странѣ не обошлось безъ приключеній, какъ комическаго, такъ и драматическаго характера. Авторъ повзбодился снабдить свою книгу хорошими иллюстраціями. (Athenaeum).

«*The Rights of Man, a Study in Twentieth Century Problems*» by Dr Lyman Abbott (Tames Clarkand Co) 6 s. (Права человека). Цѣль автора—опредѣлить права человека въ обществѣ, въ государствѣ и церкви. Авторъ твердо вѣритъ въ будущее демократіи, несмотря на всѣ ея ошибки и отступленія въ данный моментъ, и надѣется на счастливыя исходы борьбы, которая происходитъ въ настоящее время между реакціонерными и прогрессивными теченіями. (Monthly Review).

«*L'Evolution Sociale en Australie*» par Louis Vigouroux (Armand Colin) 4 fr. (Соціальная эволюція въ Австраліи). Это сочиненіе представляетъ результатъ очень подробнаго и методическаго изслѣдованія на мѣстѣ всѣхъ условій развитія Австраліи. Авторъ съ полнымъ безпристрастіемъ высказываетъ свое сужденіе о фактахъ, значеніе которыхъ выяснилось только послѣ организаціи австралійской федераціи. Исторія Австраліи и ея послѣдовательная эволюція представляетъ спеціальныи интересъ для Европы и поэтому появленіе изслѣдованія автора отвѣчаетъ потребностямъ минуты. Во всякомъ случаѣ, авторъ дѣлаетъ весьма цѣнный вкладъ въ литературу объ Австраліи. (Journal des Débats).

«*The Scientific Memoirs of Thomas Huxley*» Edited by Sir Michael Foster and F. Ray Lankester. London. (Macmillan and Co) 30 s. (Научные мемуары Томаса Гексли). Это заключительный томъ всѣхъ

научныхъ сочиненій покойнаго Томаса Гексли, въ которомъ собраны 28 статей, касающихся самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Часть изъ нихъ посвящена описательной палеонтологіи, морфологическимъ вопросамъ, классификаціи животнаго міра и т. д. Однако, кромѣ этихъ спеціальныхъ статей, въ сборникъ включены и статьи болѣе общаго характера, какъ, напр., два біографическихкія очерка: «Вильямъ Гарвей и теорія кровообращенія» и «Ричардъ Оуэнъ и его значеніе въ исторіи анатомической науки».

(Daily News).

«*The Economic History of British India*» by Romesh Dutt. London (Kegan Paul) 7 s. 6 d. (Экономическая исторія британской Индіи). Экономическое положеніе Индіи представляетъ въ настоящее время большое мѣсто британской Имперіи и потому подробное и безпристрастное изслѣдованіе этого вопроса, какое заключается въ названной книгѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Авторъ изслѣдуетъ причины экономической слабости Индіи, упадка ея земледѣлія и промышленности и открыто порицаетъ существующую въ Индіи систему управленія и налоговъ, истощающихъ страну. (Daily News).

«*La Psychophysique*» par Marcel Feilaut. Paris (Alcan) 7 fr. 50. (Психопсихика). Авторъ посвящаетъ свое изслѣдованіе наукѣ, которая опредѣляетъ взаимныя отношенія души и тѣла; онъ изучаетъ происхожденіе этой науки и ея эволюціи. Первая часть, конечно, посвящена главнѣйшему представителю психифизики Фегнеру и его работамъ въ этой области. (Polybiblion).

«*La logique chez l'enfant et sa culture*» Etude de psychologie appliquée, par Frédéric Gueyrat. Paris (Alcan) 2 fr. 50. (Логика у ребенка и ея культура). Авторъ изучаетъ въ своей книгѣ теоретически и практически ходъ умственнаго развитія у ребенка и преимущественно останавливается на постепенномъ развитіи дѣтской логики. Онъ указываетъ, посредствомъ какихъ методовъ вниманія и соотвѣствующихъ педагогическихъ приемовъ можно сгладить недостатки и усовершенствовать качества дѣтскаго ума. Осторожность выводовъ, наблюдательность и опытность—вотъ качества, которыми характеризуется трудъ автора, представляющій очень полезное руководство для педагоговъ и родителей. (Polybiblion).

«L'âme saine» par P. K. Clérissac. Paris (Oudin) 2 fr. (Здоровая душа). Въ противоположность большой человеческой душѣ, которая страдает и жалуется, авторъ рисуетъ здоровую душу, и старается внушить читателю желаніе достигнуть этого идеала. Онъ говоритъ объ искусственныхъ условіяхъ существованія, которыя создаетъ себѣ человекъ и которыя дѣйствуютъ расслабляющимъ образомъ на его волю и энергію, и преподавать читателямъ правила нравственной и умственной гигиены, необходимыя для сохраненія здоровой души.

(Polybiblion).

«La liberté et le devoir, fondements de la morale et critique des systèmes de morale contemporaine» par Albert Farges. Paris (Berche et Trahin) 7 fr. 50 (Свобода и долгъ, основы нравственности и критика современной нравственной системы). Въ первой части этой книги авторъ вслѣдуетъ свободу съ точки зрѣнія нравственной, психологической и метафизической и обнаруживаетъ очень большую эрудицію и основательное знакомство съ литературою предмета.

(Journal des Débats).

«Questions de philosophie morale et sociale» par I. P. Durand (de Gros) avec une introduction par Parodi. Paris. (Alcan). 2 fr. 50 (Вопросы нравственной и социальной философіи). Въ этой книгѣ заключается цѣлый рядъ исследованийъ, посвященныхъ вопросамъ материализма, атеизма, детерминизма, трансформизма, социализма, психологіи и гипнотизма. Книга написана очень живо и отличается смѣлостью взглядовъ и выводовъ.

(Journal des Débats).

«Du Beau. Essai sur l'origine et l'évolution du sentiment esthétique» par Lucien Bray. Paris. (Alcan). 5 fr. (О прекрасномъ. Опытъ изслѣдованія происхожденія и эволюціи эстетическаго чувства). Авторъ обращаетъ свое главное вниманіе на генезисъ эстетической эволюціи. Изслѣдованіе природы necessarily приводитъ къ заключенію, что красота связана съ воспроизводительною функціей. Авторъ изслѣдуетъ красоту въ мірѣ растительномъ и животномъ и изучаетъ тѣ факторы, интеллектуальные и нравственные, которые усложняютъ и развиваютъ первоначальное чувство прекраснаго.

(Polybiblion).

«Question d'histoire et d'enseignement» par Ch. V. Langlois (Librairie Hachette). 3 fr. 50. (Вопросы исторіи и преподаванія). Авторъ этой книги, адъюнктъ профессора парижскаго университета, собралъ въ ней свои статьи, которыя онъ писалъ о вопросахъ образованія, о преподаваніи исторіи, историческомъ методѣ и бібліографіи. Вотъ названія отдѣльных

главъ его книги: «Университеты въ средніе вѣка»; «Исторія французской коллежіи»; Парижскій университетъ 1900 года; «Международная ассоціація академій и т. д. (Revue de Paris).

«L'Impérialisme allemand» par Maurice Lair. (Нѣмецкій империализмъ). Побѣда германскихъ армій въ 1870 г. глубоко измѣнила духъ націи. Въ Германіи, также какъ и теперь въ Англіи, находился империализмъ, выразившійся въ обихѣ страсти въ двойной формѣ: «индустриализма» и «вооруженнаго мира». Въ названной книгѣ авторъ подвергаетъ изслѣдованію нравственную эволюцію Германіи. Въ послѣдней главѣ онъ говоритъ о тревожныхъ симптомахъ, указывающихъ, что народъ не можетъ долго рассчитывать на «авторитетъ силы».

(Revue de Paris).

«India and its Problems» by W. S. Lilly (Sandiland Co). (Индія и ея проблемы). Въ этой небольшой книгѣ (308 стр. крупнаго шрифта) авторъ даетъ довольно полную картину Индіи, ея физическихъ особенностей, ея населенія, религіи и литературы и въ краткихъ словахъ излагаетъ ея исторію. Въ концѣ онъ говоритъ о нѣкоторыхъ наиболее важныхъ проблемахъ, разрѣшеніе которыхъ должно имѣть огромное значеніе для будущаго Индіи.

(Bookseller).

«Facts and Comments» by Herbert Spenser (William and Nordate). (Факты и комментарии). Въ своемъ предисловіи къ этому небольшому томику знаменитый философъ говоритъ, что, по всей вѣроятности, это будетъ его послѣднимъ трудомъ. Статьи, собранныя въ этой книгѣ, касаются разнообразныхъ предметовъ. Спенсеръ говоритъ о политикѣ, о южно-африканской войнѣ и т. п. современныхъ фактахъ. Одна изъ статей озаглавлена «Империализмъ и рабство» и заключаетъ въ себѣ много глубокихъ мыслей.

(Daily News).

«Dangerous Trades: the historical, social and Legal Aspects of Industrial Occupations as affecting Health» by a number of experts. Edited by Thomas Oliver (Murray). (Опасные роды промышленности). Въ этой книгѣ разсматривается исторія, социальное вліяніе и законность такихъ промышленныхъ занятій, которыя вредно отзываются на здоровьи человека. По словамъ составителя книги, Великобританія была пионеромъ въ дѣлѣ фабричнаго законодательства. Въ числѣ статей, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, находится и статья мистриссъ Теннакъ, которая была фабричнымъ инспекторомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и въ особенности хорошо изучила фабричный трудъ женщинъ. Научныя статьи въ сборникѣ, касающіяся различныхъ видовъ фабричнаго труда и

ихъ вліанія на здоровье человѣка, написаны компетентными въ этихъ вопросахъ людьми и специалистами. Этотъ сборникъ особенно полезенъ людямъ, имѣющимъ какое-либо отношеніе къ вреднымъ отраслямъ промышленности, или непосредственно заинтересованнымъ въ нихъ въ качествѣ ли рабочихъ или хозяевъ. Въ книгѣ изложены факты и статистическія данныя, вмѣстѣ съ научнымъ освѣщеніемъ вопроса, что даетъ возможность читателю самому дѣлать выводы относительно интересующаго его вопроса.

(Daily News).

«*La Pensée Antique*» par Joseph Fabre. Paris (Alcan). 5 fr. (Древнее мышленіе). Это начало очерка эволюціи человѣчельческой мысли, который долженъ составить исторію философій. Онъ распадается на три части, охватывающія періодъ отъ Моисея до Марка Аврелія. Въ первой части излагаются доктрины египтянъ, евреевъ, хананеянъ и халдеянъ, персовъ, индусовъ и китайцевъ. Во второй части изслѣдуется философское мышленіе греческаго міра, а въ третьей—римскаго.

(Journal des Débats).

«*La vie artistique de l'humanité*» par A. Roux. Paris (Scléiches). 1 fr. 50. (Художественная жизнь челоѣчества). Въ этой небольшой, но содержательной книгѣ, излагается исторія элементарнаго искусства и читатель знакомится съ главнѣйшими современными школами. Книга снабжена гравюрами.

(Journal des Débats).

«*L'Art et la vie*» par R. Mauille de la Clavière. Paris (Perrin). 3 fr. 50. (Искусство и жизнь). «Искусство—это культъ, вызывающій чувство симпатіи и любви»—такими словами начинается авторъ свою книгу, въ которой онъ въ особенности останавливается на роли женщины въ созданіи красоты жизни и добра. Во многихъ своихъ заключеніяхъ авторъ обнаруживаетъ тонкую психологическую наблюдательность и пониманіе женской души. Его книгу можно назвать до нѣкоторой степени руководствомъ женскаго воспитанія, хотя и лишеннымъ всякаго педантизма.

(Journal des Débats).

«*L'Education des jeunes filles*» par Henri Marion, prof. à la Faculté des

lettres de Paris (Armand Colin). 3 fr. 50 (Воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ). Авторъ, читавшій въ Сорбоннѣ курсъ «Наука воспитанія» (science de l'Éducation), посвящаетъ эту книгу проблемѣ воспитанія дѣвушекъ. Онъ изслѣдуетъ вопросъ, гдѣ должны воспитываться дѣвочки и кто можетъ быть помощникомъ семьи въ этомъ отношеніи. Далѣе онъ подробно говоритъ о нравственномъ воспитаніи дѣтства и отрочества, о современныхъ идеалахъ свободы и разума, о физическомъ, практическомъ и эстетическомъ воспитаніи и, наконецъ, о нязшемъ, среднемъ и высшемъ образованіи дѣвушекъ и др. вопросахъ, касающихся женскаго воспитанія.

(Revue internationale).

«*Psychologie de la femme*» par Henri Marion. Paris (Armand Colin). (Психологія женщины). Очень интересная книга, посвященная психологіи женщины. Авторъ изслѣдуетъ особенности женской природы съ физиологической и психологической точки зрѣнія проявленія этихъ особенностей у маленькой дѣвочки; онъ говоритъ объ общей чувствительности, эгоистическихъ наклонностяхъ, высшихъ чувствахъ и т. д. Особенно подробно онъ разбираетъ качества женскаго ума и воли. Въ заключеніе онъ говоритъ о судьбахъ женщины и о ея правахъ въ современномъ обществѣ.

(Journal des Débats).

«*Syndicats ouvriers, Fédérations, Bourses du travail*» par Leon de Seilnac (Armand Colin). Paris. 3 fr. 50. (Рабочіе синдикаты, федератіи и биржи труда). Авторъ изслѣдуетъ причины возникновенія синдикатовъ, ихъ существованіе и развитіе. Онъ описываетъ послѣдовательно наиболѣе замѣчательные типы рабочихъ синдикатовъ; существующихъ въ настоящее время, указываетъ на ихъ ростъ и на организацію федераціи ремеселъ. Вторая часть книги посвящена организаціи биржъ труда или мѣстныхъ федерацій ремесленныхъ синдикатовъ и, главнымъ образомъ, парижской биржи труда. Въ заключеніе авторъ посвящаетъ свое вниманіе программѣ французскихъ синдикатовъ и объединенію рабочихъ силъ.

(Journal des Débats).

силъву, что не могло быть сомнѣнія въ его виновности. Два года спустя, этому самому человѣку пришлось вести экспрессъ по уклону въ семь миль длиною, въ томъ мѣстѣ, гдѣ желѣзная дорога проходитъ черезъ [Алле-ганы. Путь настолько прямъ, что виденъ весь на протяженіи семи миль, и когда поѣздъ уже прошелъ половину разстоянія, Конелли замѣтилъ, что на встрѣчу ему съ головокругительной быстротой несутся вѣсколко оторвавшихся отъ какого-нибудь поѣзда товарныхъ вагоновъ. Положеніе было отчаянное: идти впередъ или остановиться — одинаково означало вѣрную смерть. Даже дать поѣзду задній ходъ, нельзя было избѣжать столкновенія съ раскатившимися подъ уклонъ вагонами. Конелли послалъ кочегара отцѣпить паровозъ и, давъ свистокъ, чтобы въ затормозили вагоны, одинъ на паровозѣ помчался на встрѣчу катившимся вагонамъ. Произошло ужасное столкновеніе, Конелли былъ конечно убитъ, но спасъ жизни двухсотъ человѣкъ. А, между тѣмъ, этотъ самый Конелли два года передъ тѣмъ хотѣлъ сжечь живыми сорокъ своихъ же товарищей рабочихъ.

Какъ его назвать — дурнымъ или хорошимъ?

— Право, дружище, я отказываюсь рѣшить эту загадку. Конечно, на свѣтѣ масса прекрасныхъ вещей и между ними этотъ фаршъ. Осмѣлюсь попросить еще кусочекъ?

Питеръ улыбнулся.

— Джениферъ всегда заботится о будущемъ, и не думаю, что бы онъ далъ тебѣ еще. Джениферъ, можно дать и-ру Д'Аллуа еще кусочекъ?

— Можно, баринъ. — Джениферъ улыбнулся до ушей. — Если только этотъ баринъ не боится испортить себѣ аппетитъ.

— Ну, не надо, — сказалъ Уаттсъ. — Недождень, что будетъ дальше. А остатокъ пирога заверните мнѣ въ бумагу, я возьму его съ собой.

— Приходилось вамъ въ политикѣ встрѣчаться съ такими людьми, которыхъ вы считали безчестными? — спросила миссисъ Д'Аллуа.

— Нѣтъ. Я вообще мало знаю такихъ

людей, которыхъ рѣшилъ бы назвать безчестными. Кромѣ того, я дѣлаю большую разницу между человѣкомъ, совершившимъ безчестный поступокъ, и безчестнымъ человѣкомъ.

— Это слишкомъ тонкое различіе, — сказала мадамъ.

— Не думаю. Безчестный человѣкъ, по моему, тотъ, кто постоянно и неизмѣнно работаетъ съ дурными пѣлями и побужденіями. Но есть много людей, въ жизни которыхъ больше положительныхъ чѣмъ отрицательныхъ показателей, которые иногда, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, поступаютъ безчестно. Одинъ солжетъ, поддавшись искушенію; другой возьметъ взытку; третій обманетъ. Почти у каждаго человѣка есть какое-нибудь слабое мѣсто, но не можемъ же мы изъ-за этого слабого мѣста отвергнуть человѣка, какъ негоднаго и дурного, какъ нельзя сказать, что человѣкъ вполнѣ негоденъ физически, если онъ близорукъ, хромъ или глуховатъ. Если бы намъ предстоялъ выборъ между новымъ блестящимъ орудіемъ и старымъ заржавленнымъ, мы не стали бы колебаться. Но если у насъ есть только послѣднее, то развѣ не будетъ безуміемъ отказываться употреблять его только потому, что на свѣтѣ существуетъ лучшее.

— Но развѣ вы не поощряете зла въ человѣкѣ, отказываясь порицать его? — спросила миссисъ Д'Аллуа.

— Зло не нуждается въ поощреніи. Мое правило, какъ въ политикѣ, такъ и въ жизни, бороться съ безчестностью вездѣ, гдѣ я ее встрѣчу. Но я стараюсь бороться съ дѣйствіемъ, а не съ человѣкомъ. И, если я нахожу, что зло непоправимо, я не преслѣдую того, кто его сдѣлалъ. Можно достигнуть гораздо большаго дружбой и терпѣніемъ, чѣмъ ожесточеніемъ и преслѣдованіемъ. Человѣкъ не исправится оттого, что вы ему скажете, что онъ дуренъ. Для чѣтыре тому назадъ у меня былъ альдерменъ, который готовъ былъ поступить безчестно. Я могъ назвать его негодяемъ и былъ бы правъ. Но я не сдѣлалъ этого. Я сказалъ ему по-дружески, что я считаю честнымъ, и убѣдилъ его такъ, что онъ отказался отъ своего намѣренія и ушелъ моимъ другомъ. Если бы

я поссорился съ нимъ, онъ совершилъ бы свое дурное дѣло, я бы сталъ бороться съ нимъ на выборахъ и побѣдилъ бы его. Но онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и до пятидесяти его приверженцевъ сдѣлались бы моими злѣйшими врагами и противились бы каждому моему предложенію въ будущемъ. Если бы я ссорился со всѣми ему подобными людьми, я бы потерялъ или понизилъ свое вліяніе въ участкѣ. Но, поступивъ съ нимъ по-дружески, я предупредилъ его дурной поступокъ, и мы будемъ продолжать работать вмѣстѣ. Конечно, человѣкъ можетъ быть настолько дуренъ, что съ нимъ невозможно будетъ такъ поступить, но такіе люди такъ же рѣдки въ политикѣ, какъ и въ жизни.

— Стерлингъ—молчальникъ, желающій ѣздить по политической аренѣ верхомъ на всемъ своемъ участкѣ,—замѣтилъ Уаттсъ.

— Я не утверждаю, что я правъ,—сказалъ Питеръ.—Прежде я думалъ совершенно иначе. При началѣ моей карьеры я былъ горячимъ реформаторомъ. Но я убѣдился, что свѣтъ нельзя измѣнить однимъ ударомъ, и если бы люди употребляли на собственное усовершенствованіе ту энергію, которую они тратятъ на исправленіе свѣта и своихъ друзей, то не нужно было бы никакихъ реформаторовъ.

— Старая англійская пословица говорить, что «люди, которые не могутъ справиться со своими собственными дѣлами, мѣшajúтся въ дѣла ближнихъ»—вполнѣ примѣнима въ этомъ случаѣ.—сказалъ Уаттсъ.

— А вы не считаете унизительнымъ для себя дружить съ подобными людьми?—спросила миссисъ Д'Аллуа.

— Вы знакомы съ м-ромъ Дрюиттъ?—спросилъ Питеръ.

— Да,—отвѣчали всѣ, кромѣ французженки.

— Вы считаете пріятнымъ свое знакомство съ нимъ?

— Еще бы,—отвѣчалъ Уаттсъ.—Онъ презабавный малый и всеобщій любимецъ.

— Десять лѣтъ тому назадъ этотъ

человѣкъ имѣлъ самое скверное вліяніе на политику штата Нью-Йоркъ.

Въ Альбани, гдѣ онъ работалъ въ пользу одной крупной партіи, его считали ответственнымъ за каждый подлогъ, за каждый подкупъ. Я не хочу сказать, что онъ самъ подкупалъ людей,—для этого грязнаго дѣла у него были специальные помощники,—но каждый истраченный долларъ проходилъ черезъ его руки, и онъ зналъ, на что онъ былъ истраченъ.

Въ концѣ концовъ, онъ такъ успѣшно дѣйствовалъ, что сталъ председателемъ корпораціи. Благодаря этому положенію и его уму, Нью-Йоркъ примирился съ нимъ и теперь даже наньчится съ нимъ. Я нахожу, что мнѣ нисколько не тяжело пожимать руки тѣмъ, когдѣ онъ подкупалъ, чѣмъ вамъ дружить съ человѣкомъ, завѣдывавшимъ подкупами.

— Предполагая, что всѣ товарищества, компаніи и желѣзно-дорожныя общества ответственны за подкупы, тѣмъ болѣе необходимо выбирать людей, стоящихъ выше подкуповъ,—сказалъ Ле-Гранъ.—Почему не поступать такъ, какъ поступаютъ въ парламентѣ? Выбирайте только такихъ людей, которыхъ высокія качества и богатство ставятъ выше всѣхъ искушеній.

— Богатый человѣкъ не лучше бѣднаго. Вся разница въ томъ, что бѣдняка можно подкупить, а богатый самъ подкупаетъ другихъ. Посмотрите на поведеніе палаты лордовъ въ дѣлѣ о хлѣбныхъ законахъ; на возстаніе рабовладѣльцевъ; на погоню миллионеровъ-сенаторовъ за серебромъ. Первые хотѣли заставить бѣняковъ платить двойную плату за насущный хлѣбъ; рабовладѣльцы готовы были скорѣе разорить свою собственную страну, чѣмъ удовлетворить справедливости, миллионеры не задумались возбудить биржевую панику, разоряя сотни и лишая занятій тысячи людей, только чтобы получить нѣсколько лишнихъ процентовъ на свое серебро. Они честно вотировали для блага своихъ ближнихъ или были подкуплены?

Миссисъ Д'Аллуа встала, говоря:

— Питеръ, мы рано пришли и должны

раньше уйти. Я боюсь, что мы вамъ надоели.

Питеръ проводилъ гостей до экипажа. Спускаясь по лѣстницѣ, онъ сказалъ Леонорѣ:

— Боюсь, что вамъ было скучно. Я прочелъ вамъ цѣлую лекцію, но мнѣ хотѣлось разъяснить вамъ нѣкоторые вопросы.

— Почему же?

— Потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вамъ придется много читать въ газетахъ про «боссовъ», и я не хочу чтобы вы также дурно думали о насъ, какъ большинство публики.

— Я никогда не буду дурно думать о васъ, Питеръ,—сказала Леонора задумчивымъ голосомъ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Питеръ.—И если вы прочтаете про меня что-нибудь такое, что смутитъ васъ, вы прямо скажете мнѣ?

— Непременно. Только я думала, что вы никогда не говорите о политикѣ.

— Съ вами я буду говорить. Вы знаете, друзья должны все говорить другъ другу.

Когда Леонора усѣлась въ экипажъ, она разсуждала сама съ собой: «Мнѣ Ле-Гранъ говорить, что онъ, и миссъ Де-Во, и м-ръ Огденъ—всѣ пробовали заставить Питера говорить о политикѣ, но онъ не хотѣлъ. А между тѣмъ, они знаютъ его столько лѣтъ, и такіе друзья съ нимъ. Это очень странно!»

И Леонора глубоко задумалась, вѣроятно объ американской политикѣ.

ГЛАВА XLVII.

Питеръ не въ духѣ.

Недоумѣніе Леоноры возрастало, но все имѣетъ свои предѣлы, и скоро она начала догадываться, въ чемъ дѣло.

Прежде всего она замѣтила, что Питеръ слишкомъ много времени посвящаетъ ей. Онъ не только ежедневно катался съ нею въ паркѣ, но вездѣ встрѣчалъ ее.

Шла ли Леонара на выставку, ее встрѣчалъ тамъ Питеръ, отправлялась ли въ концертъ—Питеръ уже былъ тамъ.

Выходила ли она изъ церкви—ее ждалъ Питеръ. И каждый разъ онъ считалъ своимъ долгомъ проводить ее домой.

Сначала Леонора думала, что эти встрѣчи—случайныя, но онъ повторялся съ такимъ постоянствомъ, что ей пришлось отказаться отъ этой мысли, и наконецъ она замѣтила, что Питеръ при каждой встрѣчѣ ловко старается выпросить ее о томъ, что она намѣрена дѣлать на слѣдующій день.

Но это было не все: Питеръ, казалось, хотѣлъ заставить ее посвящать ему все ее время. Хотя лѣто уже наступило, онъ устроилъ второй обѣдъ. Онъ абонировалъ ложу въ театрѣ. Онъ занялъ у м-ра Пелля шарабанъ и возилъ ихъ всѣхъ завтракать къ миссисъ Костелль въ Вестчестеръ. Потомъ просто возилъ кататься и угощалъ обѣдомъ въ загородномъ помѣщеніи своего клуба.

Цвѣты такъ и сыпались на Леонору. Питеръ прежде всегда насмѣшливо улыбался, когда при немъ говорили, что каждую дѣвушку можно подкупить цвѣтами и конфетами,—теперь онъ пришелъ къ заключенію, что пріятно посылать цвѣты любимой дѣвушкѣ, и что въ этомъ нѣтъ никакого подкупа.

Потомъ Леонорѣ захотѣлось имѣть собаку, настоящую овчарку, и всѣ юридическія и политическія дѣла были забыты, пока Питеру не удалось отыскать подходящий экземпляръ.

Послѣднее и самое ясное подтвержденіе своихъ подозрѣній Леонора получила отъ Дороти.

— Сегодня я получила большой сюрпризъ, который очень обрадовалъ меня, да и вамъ доставитъ удовольствіе,—сказала Дороти Леонорѣ.

— Что такое?

— Питеръ спросилъ меня за обѣдомъ, возьмемъ ли мы опять дачу Аннеке въ Ньюпортѣ, и когда я сказала, что возьмемъ, онъ просилъ меня оставить одну комнату для него, чтобы онъ могъ пріѣзжать каждую пятницу вечеромъ и оставаться до утра понедѣльника. Прежде никогда не удавалось залучить его хотя одинъ разъ. Намъ съ Реемъ просто захотѣлось крикнуть ура!

Такимъ образомъ, загадка разъясни-

лась. Леонора не могла не чувствовать, что Питеръ обращался съ нею не такъ, какъ съ остальными. Правда, онъ не высказывалъ открыто своихъ чувствъ; лицо его оставалось спокойнымъ, голосъ звучалъ попрежнему ровно, когда онъ говорилъ съ нею. Однако Леонора сначала смутно чувствовала, а затѣмъ и окончательно убѣдилась, что, когда они оставались вдвоемъ, его голосъ и взглядъ становились особенно нѣжны.

Но, разгадавъ загадку, Леонора не пришла въ восторгъ.

«Боже мой», вздыхала она про себя, «я-то воображала, что мы будемъ такими друзьями! Что мы будемъ все говорить другъ другу. А онъ все дѣло испортилъ. Онъ, навѣрное, начнетъ приставать ко мнѣ, требовать отвѣта, будетъ разочарованъ—тутъ и конецъ нашей дружбѣ. Господи! И почему это мужчины такъ странно ведутъ себя? Почему имъ мало дружбы?»

Этотъ вопросъ уже предлагался многими женщинами и является слѣдствіемъ ихъ скромности, могущей заставить мужчину краснѣть за свой эгоизмъ. Чтобы получить отвѣтъ на него, мы совѣтуемъ каждой дѣвушкѣ посмотрѣть въ зеркало.

Леонора рѣшила убить всѣ надежды Питера прежде, чѣмъ онъ успѣютъ расцвѣсти, сдѣлать ему намекъ, который послужилъ бы предостереженіемъ. Многія женщины поступали такъ и до нея и избавили этимъ своихъ поклонниковъ отъ многихъ неприятностей. Но Леонора, старательно обдумавъ свой предполагаемый разговоръ съ Питеромъ, чуть не испортила все дѣло, когда ей пришлось привести свое намѣреніе въ исполненіе. Восемнадцатилѣтнія дѣвушки рѣдко ведутъ себя хладнокровно въ любовныхъ дѣлахъ. Вотъ что произошло.

Леонора сказала однажды Питеру, который, проводивъ ее домой послѣ обычной прогулки, зашелъ выпить чаю:

— Если я спрошу вашего мнѣнія объ одномъ вопросѣ, вы отвѣтите мнѣ ожервенно?

— Попробую.

— Вотъ въ чемъ дѣло: есть одинъ очень милый молодой человекъ, англичанинъ, съ которымъ я познакомилась

въ Лондонѣ. Онъ пріѣхалъ за мной въ Америку и очень смущаетъ меня. Онъ совсѣмъ бѣдный, и папа думаетъ, что ему нужны только мои деньги. Неужели это можетъ быть?

До сихъ поръ дѣло шло гладко по программѣ. Но въ эту минуту все перевернулось. Чашка Питера со звономъ полетѣла на полъ, а онъ самъ откинулся на спинку кресла съ выраженіемъ жестокаго страданія на лицѣ.

— Питеръ! — закричала Леонора. — Что съ вами?

— Простите меня, — сказалъ Питеръ, стараясь сдержать свое волненіе. — Послѣ операціи мои глаза иногда плохо ведутъ себя. Говорятъ, что это невралгія зрительнаго нерва. Иногда я чувствую сильную боль. Не обращайтесь на меня вниманіе. Черезъ минуту все пройдетъ, если я спокойно посижу.

— Я не могу помочь вамъ?

— Нѣтъ, у меня была глазная примочка, которую я постоянно носилъ при себѣ, но у меня такъ давно не было болей, что я пересталъ носить ее.

— Что же вызываетъ боль?

— Обыкновенно какое нибудь потрясеніе. Это чисто нервное явленіе.

— Какое же потрясеніе могло быть у васъ теперь? — спросила Леонора, такъ глубоко сознававшая свою вину, что чувствовала необходимость прикинуться невиновной.

Питеръ сейчасъ же подобрался и, наклонившись, началъ спокойно собирать черепки чашки. Онъ сложилъ ихъ всѣ на столъ и сказалъ:

— Я страшно испугался, когда чашка выскользнула у меня изъ рукъ. Это было очень глупо съ моей стороны. Вы не сердитесь, что я разбилъ вашу хорошенькую чашечку?

— Стоять ли говорить объ этомъ! — отвѣтила Леонора, а про себя подумала: «Батюшки! Дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ я думала. Я никогда не рѣшусь сказать ему!»

Но она рѣшилась, и ей помогъ самъ Питеръ, мужественно вернувшись къ вопросу:

— Я недостаточно знаю м-ра Маке... вашего англичанина, чтобы судить о

немъ, но я бы не рѣшился подозрѣвать чловѣка въ подобныхъ мысляхъ, даже если бы онъ былъ очень бѣденъ.

— Почему?

— Потому что каждый мужчина скорѣе полюбитъ васъ, чѣмъ ваше приданое.

— Вы такъ думаете?

— Да.

— Я очень рада. Это меня мучило. Не въ данномъ случаѣ, конечно, потому что этотъ претендентъ мнѣ вовсе не нравится. Но я боялась, что мнѣ придется относиться съ подозрѣніемъ къ каждому, кто ко мнѣ приближается.

Глаза Питера перестали горѣть, и вторая чашка чаю, которая только что душила его, показалась ему нектаромъ.

Теперь Леонора рѣшилась высказать то, къ чему она такъ старательно готовилась. Будь ей двадцать пять лѣтъ, она сдѣлала бы это безъ предварительныхъ приготовленій.

— Я не хочу, чтобы мужчины приставали ко мнѣ; пусть оставляютъ меня въ покоѣ, — сказала она. — У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія выходить замужъ раньше, чѣмъ черезъ пять лѣтъ, и я рѣшила отказывать всѣмъ, кто будетъ теперь ко мнѣ свататься.

Пять лѣтъ! Питеръ спокойно пилъ чай, но въ душу его проникло отчаяніе. Слова Леоноры служили вѣрнымъ признакомъ того, что сердце ея молчало. Будь она влюблена, она не стала бы ждать и пяти мѣсяцевъ, не только пяти лѣтъ! Когда Питеръ вернулся домой, онъ готовъ былъ впасть въ отчаяніе, какъ... какъ много лѣтъ тому назадъ. Даже тотъ очевидный фактъ, что Леонора ни въ кого другого не влюблена, не утѣшалъ его. Однако на слѣдующій день положеніе еще ухудшилось.

Когда онъ встрѣтилъ Леонору въ паркѣ, она доказала ему, что женщина можетъ быть также безжалостна, какъ самый грубый уличный боецъ. Женщины обыкновенно не могутъ видѣть пролитой крови, но онѣ умѣютъ нравственно терзать чловѣка такъ, какъ не терзаетъ ни одинъ хищный звѣрь.

— Знаете ли вы, — начала Леонора, — что мы катаемся съ вами въ послѣдній разъ?

— Надѣюсь, что нѣтъ — отвѣтилъ Питеръ, и такъ затанулъ поводья, что Забѣйка только сердито зафыркалъ.

— Мы измѣнили свои планы. вмѣсто того, чтобы переезжать на будущей недѣлѣ въ Ньюпортъ, мнѣ удалось наконецъ убѣдить папу попутешествовать немного, чтобы познакомиться съ моей родиной, а то мнѣ стыдно, что я совсѣмъ не знаю ее. Мы ѣдемъ въ субботу въ Вашингтонъ, оттуда въ Калифорнію, потомъ въ Йеллоустонскій паркъ и на Ниагару. Въ Ньюпортъ мы вернемся только въ половинѣ августа.

Питеръ не умеръ на мѣстѣ. Онъ ухватился за соломинку, по которой надѣялся выбраться.

— Это будетъ прелестное путешествие, я бы то же съ удовольствіемъ прокатился.

— Я бы очень хотѣла, чтобы вы поѣхали съ нами, — сказала Леонора, проливая цѣлительный бальзамъ на рану, только что нанесенную ея рукой (женщины всегда такъ поступаютъ) — Только мы рѣшили, что намъ гораздо веселѣе будетъ ѣздить вчетверомъ, въ своей семьѣ.

— Сколько времени вы пробудете въ Вашингтонѣ? — спросилъ Питеръ, снова хватаясь за соломинку, но уже съ меньшей надеждой.

— Съ недѣлю. А что?

— Президентъ звалъ меня къ себѣ, и я думалъ съѣздить къ нему на будущей недѣлѣ.

«Боже мой!» — подумала Леонора, «какъ онъ настойчивъ!»

— Гдѣ вы остановитесь?

— Мы еще не рѣшили. А вы гдѣ будете? — спросила Леонора.

— Президентъ приглашалъ остановиться у него, но я, вѣроятно, остановлюсь въ гостинницѣ, чтобы быть свободнѣе.

Питеръ былъ юристъ и не видѣлъ необходимости выдавать свои намѣренія.

— Если я буду въ Вашингтонѣ въ одно время съ вами, мнѣ можетъ быть удасться повеселить васъ. Я могу добыть вамъ приглашеніе на завтракъ въ Бѣломъ Домѣ и, такъ какъ я знакомъ со всѣмъ официальнымъ міромъ, то могу

показать вамъ кое-что интересное, что недоступно простымъ смертнымъ.

Бѣдный Питеръ! Онъ старался соблазнить Леонору общаніемъ удовольствій, только бы она не прогнала его!

— Зачѣмъ президентъ хочетъ васъ видѣть?

— Чтобы говорить о дѣлѣ.

— О губернаторствѣ?

— Да. Хотя мы громко не говоримъ объ этомъ.

— Правда ли, Питеръ, что отъ васъ зависитъ, кто будетъ губернаторомъ, какъ говорятъ газеты?

— Нѣтъ, неправда. Я готовъ дать двадцать пять тысячъ долларовъ, чтобы узнать имя демократическаго кандидата.

— Почему?

— Вы не разсердитесь, если я не скажу вамъ?

— Разсержусь. Я хочу знать, и вы должны мнѣ сказать, — сказала мучительница съ важнымъ видомъ.

— Хорошо, я скажу вамъ, — хотя это тайна, если вы скажете мнѣ одну вашу тайну, которую я хочу знать.

— Нѣтъ, — сказала Леонора, — я не считаю это нужнымъ. Вы должны мнѣ сказать, не требуя отъ меня никакихъ общаній.

Леонорѣ не нравилось, что человѣкъ влюбился въ нее, но она готова была командовать имъ и мучить его.

— Такъ я ничего не скажу вамъ, — отвѣтилъ Питеръ, дѣлая громадные усилія, чтобы быть твердымъ.

Леонора искоса посмотрѣла на Питера, чтобы убѣдиться, действительно ли его сопротивленіе, или онъ только представляется. Затѣмъ она перестала сознавать его присутствіе.

Питеръ сказалъ что-то.

Молчаніе.

Питеръ задалъ вопросъ.

Молчаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять попытался заговорить.

Опять молчаніе.

— Вамъ въ самомъ дѣлѣ такъ хочется знать? — спросилъ онъ наконецъ, сдаваясь безъ всякихъ условій.

Онъ былъ награжденъ ласковымъ взглядомъ съ удивительныхъ глазъ.

— Да, — сказала она.

— Большая паника способствовала образованію такъ называемой рабочей партіи, и, судя по разнымъ признакамъ, они собираются предложить дурного человѣка. Теперь идетъ подпольная агитация, чтобы демократическая партія поддержала того, кого предложить рабочая партія.

— А кто это будетъ?

— Нѣкто Стивенъ Магиръ.

— Вы не хотите его?

— Нѣтъ. Сколько мнѣ ни приходилось сталкиваться съ нимъ, онъ всегда заявлялъ себя какимъ-нибудь сомнительнымъ поступкомъ. Но онъ сумѣлъ приобрести нѣкоторую популярность и силу, а такъ какъ онъ вездѣ и всюду кричалъ, что онъ демократъ, то и надѣется добыть поддержку партіи.

— Развѣ вы не можете приказать собранію не выбирать его?

Въ глазахъ Питера мелькнула улыбка.

— Не совсѣмъ удобно приказывать что-нибудь людямъ въ этой странѣ.

— Но развѣ вы не можете предупредить ихъ?

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ. Но при теперешнемъ положеніи вещей это можетъ имѣть для меня непріятныя послѣдствія.

— Отчего?

— Это большой секретъ, вы понимаете?

— Да, — сказала Леонора, которая сгорала отъ любопытства. — Я отлично умѣю хранить секреты.

— Вы въ этомъ увѣрены? — спросилъ Питеръ.

— Увѣрена.

— Я тоже умѣю.

Леонора была внѣ себя отъ негодованія:

— Я не позволю такъ обращаться со мной! — сказала она. — Скажите ли вы мнѣ или нѣтъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Питеръ.

«Онъ упрямъ», думала Леонора.

— Значитъ мы съ вами больше не друзья? — спросила она.

— Очень пріятно, — сдержанно отвѣтилъ Питеръ.

— Что?! — Леонора съ изумленіемъ смотрѣла на него.

— Я пришелъ къ заключенію, — сказалъ Питеръ, — что намъ не стоитъ быть друзьями. Поэтому лучше сразу покончить. Какъ вы думаете?

— Какая прелестная лошадь у миссъ Уинтропъ, не правда ли? сказала Леонора.

Но она не дождалась отвѣта на свой вопросъ, какъ не дождался и Питеръ.

ГЛАВА XLVIII.

Борьба.

Когда Питеръ вернулся изъ Вашингтона, онъ поразилъ всѣхъ своею мрачностью. Друзья напрасно старались развлечь его. Онъ ни разу не съѣзжалъ въ Ньюпортъ къ Ривингтонамъ, хотя Дороти писала ему умоляющія письма и напоминала объ общаніи.

Питеръ даже почти пересталъ разговаривать со своими компаніонами обо всемъ, что не касалось ихъ общаго дѣла. Джениферъ приходилъ просто въ отчаяніе: какія бы тонкія кушанья онъ ни измышлялъ, какъ ни старался заманчивѣе подать — Питеръ почти ничего не ѣлъ. Настроеніе Питера измѣнилось только тогда, когда онъ вынулъ изъ маленькаго саше, которое постоянно носилъ въ карманѣ, коллекцію разнообразныхъ вещей и прижималъ ихъ къ губамъ. Въ эти минуты онъ выглядѣлъ не такимъ свирѣпымъ. Просто надо удивляться, какую массу дѣлъ онъ сдѣлалъ, сколько книгъ прочелъ и сколько сигаръ выкурилъ въ промежутокъ времени между первымъ іюня и серединой августа. Лидеры партій, которые были увѣрены, что Питеръ не приметъ участія въ предстоящей избирательной кампаніи, послѣ его возвращенія изъ Вашингтона, стали думать иначе. «Вѣрно президентъ просилъ его вмѣшаться», передавали другъ другу шопотомъ. «Только теперь уже поздно. Все развѣрено и взвѣшено».

Питеръ самъ нашелъ, что два мѣсяца, посвященные поклоненію прекраснымъ глазамъ, привели его къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Онъ выпустилъ новоды изъ рукъ, что ему случалось и съ Забіякой, но вѣрный конь слу-

шался его голоса, а теперь передъ Питеромъ было то, что часто называютъ «тигромъ». Однако, весь Нью-Йоркъ чего-то ждалъ и чувствовалъ, что нѣчто уже сдѣлано.

Ни одна газета не отказалась бы дать пять тысячъ долларовъ, чтобы узнать, что произошло за закрытыми дверями въ три часа времени. Но никто не могъ сказать этого, и газеты занялись фабрикаціей сенсаціонныхъ новостей, въ которыхъ было столько же правды, сколько бываетъ сходства въ портретахъ знаменитостей, напечатанныхъ въ иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ приложеніяхъ газетъ. Три газеты особенно отличались и мы приводимъ заголовки ихъ статей:

Воссы воюютъ!

Горячіе слова и взгляды!

Но всѣ они подождутъ хвостъ!

Есть красота и въ ревѣ бури,

Величіе есть въ шумѣ водъ.....

Но когда зареветъ нашъ Стерлингъ,
Самъ тигръ сконфуженъ и смущенъ.

Такъ писали въ одной республиканской газетѣ.

Въ другой появилась такая замѣтка:

Магиръ впереди!

Старикъ ласковъ. Обѣдъ миротворцевъ
въ Магаттанъ-Клубѣ. Друзья совѣтуются.

Трудъ и демократія плечо съ плечомъ.
Общими силами на врага!

Въ третьей маленькой, копѣичной газетѣ, почти незнакомой читающей публикѣ, но болѣе схиждной, чѣмъ всѣ остальные газеты вмѣстѣ взятая, и старающейся доказать, что она лучше всѣхъ освѣдомлена, писали:

Молчальникъ-Младшій опять машетъ
дубиной!

Перестаньте шалить!

Онъ высаживаетъ Магира по третьему
пункту!

А теперь поиграемъ въ мячикъ!

Хотя всѣ эти заголовки могутъ показаться очень длинными и таинственными, — въ нихъ было достаточно правды, чтобы вдохновить толпу.

Намъ нѣтъ надобности разсказывать содержаніе статей, появившихся подъ подобными заглавіями, потому что мы знаемъ всю истину. Вотъ что произошло на самомъ дѣлѣ.

Однажды вечеромъ, въ срединѣ іюня,

Питеръ зашелъ въ Мангаттанъ-Клубъ. Ему пришлось поздороваться съ кучей народа, который толпился въ залѣ, потомъ онъ занялся газетами. Пока онъ читалъ, къ нему подошелъ одинъ изъ друзей и сказалъ:

— Что, Стерлингъ, читаете о собственныхъ беззаконіяхъ?

— О, нѣтъ,—отвѣтилъ Питеръ, вставая и пожимая ему руку.—Я пересталъ читать о нихъ, вотъ уже скоро девять лѣтъ. Жизнь слишкомъ коротка и всего не перечитаешь.

— Бельтонъ и Веберъ охорашивались въ передней, когда я пришелъ, теперь они, вѣрно, въ кафе.

Питеръ ничего не отвѣтилъ, а взялъ его подъ руку, и они вмѣстѣ пошли въ кафе. Питеръ пожалъ руку тремъ мужчинамъ, уже находившимся тамъ, и они усѣлись за круглый столикъ. Многіе изъ посѣтителей, замѣтивъ эту группу, толкали другъ друга и перешептывались.

— М-ръ Стерлингъ, въ гостиную репортеръ отъ «Солнца», онъ проситъ васъ принять его,—доложилъ клубный лакей.

— Я не могу принять его теперь,—спокойно отвѣтилъ Питеръ.—Но скажите ему, чтобы онъ зашелъ послѣ одиннадцати часовъ; можетъ быть, у меня будетъ нѣчто для него.

Четверо его собесѣдниковъ обмѣнялись взглядами.

— Не могу себѣ представить, Стерлингъ, чтобы у васъ могло быть интервью съ газетчиками,—нѣсколько нервно засмѣялся одинъ изъ нихъ.

Питеръ улыбнулся.

— Не многіе изъ насъ умѣютъ быть постоянными. Я не могу себѣ представить, чтобы кто-нибудь изъ васъ сдѣлалъ политическую ошибку, но вы не застрахованы отъ нея, и когда-нибудь это можетъ случиться.

Наступила значительная пауза, которая была нарушена только появленіемъ еще трехъ собесѣдниковъ.

Они всѣ вмѣстѣ поднялись на лифтѣ въ слѣдующій этажъ и расположились въ отдѣльной маленькой столовой.

Полтора часа, пока продолжался обѣдъ,

они говорили о томъ и о семъ, какъ будто на свѣтѣ не существовало серьезныхъ вопросовъ. Но когда лакей подаль имъ сигары и кофе и удалился, болтовня внезапно стихла, и на мгновеніе воцарилось молчаніе. Тогда одинъ изъ обѣдающихъ сказалъ:

— Жаль, что всѣмъ нельзя угодить, но власть всегда въ рукахъ большинства.

— Да,—быстро подхватилъ другой,—придется помириться на Магиръ.

— Ничего другого не подѣлаешь,—подтвердилъ третій.

Но четвертый спросилъ:

— Такъ для чего же мы теперь собрались?

Казалось, никто не зналъ, что ему отвѣтить. Черезъ минуту первый снова заговорилъ:

— Только этимъ путемъ мы не можемъ быть увѣрены въ побѣдѣ.

— Онъ дастъ намъ какое угодно ручательство,—отозвался второй.

— А такъ какъ мы согласились, то мы, во всякомъ случаѣ, связаны,—сказалъ опять первый.

Питеръ, до сихъ поръ не принимавшій участія въ разговорѣ, вынулъ сигару изо рта:

— Кто это связанъ?—спросилъ онъ совершенно спокойно.

— Какъ кто? Вся организация, т.-е. партія—отвѣтилъ номеръ второй такимъ тономъ, точно хотѣлъ сказать: «Только попробуй спорить со мной!»

— Я не вижу возможности отогнать теперь, Стерлингъ,—замѣтилъ номеръ первый.

— Да и къ чему это?—сказалъ третій.—Рабочая партія обѣщаетъ намъ поддержать иѣстные назначенія, а Магиръ не только завзятый демократъ, но еще дастъ намъ солидные ручательства.

— Ничего и говорить даже о предложеніи кого-либо другого—подтвердилъ номеръ первый,—такъ такъ за Магира подавляющее большинство въ избирательномъ собраніи.

— Тогда какъ ни одинъ изъ остальныхъ кандидатовъ не соберетъ и пятидесяти голосовъ,—добавилъ номеръ второй.

Всѣ они посмотрѣли на Питера и замолчали.

Питеръ глубоко задумался, пуская клубы дыма.

— Что вы скажете?—спросилъ номеръ первый.

Питеръ только покачалъ головой.

— Но я говорю вамъ, что дѣло уже сдѣлано!—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ закричалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Теперь поздно отступать! Мы бы хотѣли сдѣлать по вашему, Стерлингъ, но не можемъ на этотъ разъ. Мы должны думать о пользѣ партіи!

— Но не руководствоваться при этомъ собственными чувствами—сказалъ Питеръ.—Я думаю именно о партіи. Каждый голосъ, который получить Магиръ отъ рабочей партіи, будетъ стоить намъ одного демократическаго избирательнаго бюллетеня.

— Не можемъ же мы рассчитывать выиграть, если будемъ бороться съ общими партіями. Республиканцы просто пройдутъ по нашимъ головамъ.

Будь Питеръ горячимъ реформаторомъ, онъ бы непремѣнно сказалъ: «Пусть лучше это, чѣмъ избраніе негодяя». Но Питеръ былъ политикъ и не видѣлъ необходимости высказывать тѣ непріятныя вещи, которыя онъ думалъ про себя. Поэтому онъ сказалъ:

— Рабочая партія возьметъ отъ республиканцевъ столько же голосовъ, сколько и отъ насъ, а за каждый голосъ, отнятый у насъ рабочей партіей, мы можемъ получить республиканскій голосъ, если только выставимъ настоящаго человѣка.

— Вадоръ!—закричалъ номеръ первый.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ второй.

— Въ наше смутное время назначеніе подобнаго человѣка, какъ Магиръ, который играетъ на самыхъ низменныхъ страстяхъ и говоритъ социалистическія рѣчи, можетъ достаточно напугать консерваторовъ, чтобы заставить ихъ выйти изъ рядовъ и поддержать болѣе надежнаго кандидата, т. е. нашего.

— Но зачѣмъ идти на рискъ, когда съ Магиромъ дѣло вѣрнѣе?

Питеръ отвѣтилъ.

— Мы въ состояніи побѣдить со своимъ кандидатомъ, намъ не для чего торговаться съ рабочей партіей или поддерживать ее. Мы можемъ выбрать Магира съ помощью худшихъ избирателей города или своего собственнаго кандидата — съ помощью лучшихъ избирателей.

— Вы думаете, что это возможно?—спросилъ тотъ, который спрашивалъ, для чего они собрались.

— Конечно. Рабочая партія шумитъ сильно, но врядъ ли она согласится дать намъ устрицу и удовлетвориться раковинной. Посмотрите, что они намъ предлагаютъ: всѣ государственныя и мѣстныя должности, кромѣ шести членовъ конгресса, двухъ сенаторовъ и губернатора, хотя эта послѣдняя по праву принадлежитъ намъ, такъ какъ за послѣднія пять лѣтъ ее занимали демократы.

— Вы упускаете изъ виду, что было уже сдѣлано,—сказалъ номеръ первый.

Питеръ молча затянулся сигарой.

— Да, уже поздно, списки уже составлены,—подтвердилъ другой.

Питеръ пересталъ курить.

— Однако, собраніе еще не назначено,—спокойно замѣтилъ онъ.

Но въ этомъ спокойномъ замѣчаніи скрывалось какое-то незамѣтное жало, потому что номеръ второй закричалъ:

— Полноте! Мы рѣшились, не будемъ больше переливать изъ пустого въ порожнее!

Питеръ снова сталъ молча пускать дымъ.

— Что вы задумали, Стерлингъ?—спросилъ номеръ первый.

— Вы видите, что намъ отрѣзано отступленіе. Соединяйтесь съ нами или вовсе не выходите на сцену.

— Такъ какъ вы пожелали принять рѣшеніе, не посовѣтовавшись со мной,—сказалъ Питеръ,—то можетъ быть и мнѣ позволите воспользоваться этой привилегіей?

— Ну и убирайтесь къ чорту!—сердито закричалъ номеръ шестой. Питеръ спокойно курилъ.

— Однако, что же вы намѣрены дѣлать?—спросилъ номеръ первый.

Питеръ встряхнулъ золу съ сигары.

— Вы считаете себя обязанными поддерживать Магира?

— Да, мы обязаны,—въ униссонъ отвѣтили четыре голоса.

— И я также обязанъ...—сказалъ Питеръ.

— Что?!

— Бороться съ нимъ,—спокойно докончили онъ.

— Вѣдь я говорилъ вамъ, что большинство въ собраніи за Магира,—сказалъ номеръ первый.—Развѣ вы не вѣрите мнѣ?

— Вѣрю.

— Какой же толкъ въ вашей оппозиціи?

— Она пересилилъ Магира.

— Никакая сила на свѣтѣ не въ состояніи будетъ сдѣлать это.—Питеръ молча курилъ.

— Вамъ не удастся побить его въ избирательномъ собраніи, Стерлингъ. Делегаты всѣ на его сторонѣ и выберутъ его по первому разу.

— Вы забыли про 4-ое ноября?—спросилъ Питеръ.

Номеръ первый вскочилъ съ мѣста:

— Вы хотите?..

— Неужели?!—спросилъ номеръ третій.

Питеръ молчалъ.

— Послушайте, Стерлингъ, скажите, что вы задумали?

— Я собираюсь,—началъ Питеръ,—если избирательное собраніе позоветъ Стивена Магира, говорить противъ него во всѣхъ участкахъ города и предлагать каждому отдѣльному избирателю, на котораго я могу имѣть вліяніе, подавать голосъ за республиканскаго кандидата.

— Вы одинъ пойдете противъ цѣлой партіи?—спросилъ кто-то испуганнымъ голосомъ.

— Вы станете предателемъ!—закричалъ другой.

— Я всему готовъ былъ вѣрить, только не этому!—проворчалъ третій.

Питеръ молчалъ.

— Сознаться, вѣдь вы шутите?—спросилъ номеръ шестой.

— Я не шучу,—отвѣтилъ Питеръ,—и я столько же измѣняю партіи, сколько

и вы. Вы настойчиво желаете поддержать кандидата рабочей партіи, а я—республиканской. Мы оба идемъ противъ нашей партіи.

— Побѣдимъ мы,—сказалъ номеръ первый.

Питеръ ничего не отвѣчалъ.

— Ну, я въ этомъ не увѣренъ!—замѣтилъ номеръ седьмой.

— Сколькоихъ голосовъ вы можете лишить насъ, Стерлингъ?

— Не считалъ.—Питеръ, казалось, былъ очень доволенъ.

— Уже не собираетесь ли вы въ одиночку сражаться съ нами?

Питеръ улыбнулся.

— У меня нѣтъ времени повидать многихъ, но я не одинъ. Больманъ говоритъ, что пивовары поддержать меня, Гуммель обѣщалъ помощь, а президент—невѣжательство.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ номеръ седьмой—наше дѣло проиграно. «Шестой» представляетъ, по крайней мѣрѣ, 3.500 голосовъ, а съ друзьями Стерлинга, рабочими Гуммеля и Больмана мы потеряемъ до 25.000 голосовъ въ городѣ, не считая тѣхъ демократовъ, которыхъ отпугнула рабочая партія. Всего, пожалуй, будетъ до 35.000, не говоря уже о громадной брешѣ въ избирательной кассѣ.

Преимущество практическаго политика въ томъ, что для него число голосовъ важнѣе собственныхъ желаній.

Номеръ первый согласился.—Да, наша пѣсенка спѣта. Вы перевернули всѣ наши расчеты. Кого вы думаете предложить?

— Портера?—спросилъ Питеръ.

— Нѣтъ!—отвѣчали три голоса разомъ.

— Онъ намъ надобѣ,—сказалъ номеръ первый.

— Но это честный, прямой человекъ,—замѣтилъ Питеръ.

— Что же дѣлать. Довольно намъ одного опыта съ человекомъ, у котораго такъ мало сообразительности. Онъ, можетъ быть, очень образованный, но чертъ меня возьми, если у него есть хоть капля здраваго смысла. Вы бы предложили намъ еще университетскаго профессора!

— Слушайте, Стерлингъ, — началъ номеръ седьмой. — Дѣло такъ повернулось, что намъ необходимо предложить избирательному собранію человѣка, котораго поддержали бы всѣ делегаты. Такой человѣкъ только одинъ, и вы знаете, о комъ я говорю.

Питеръ всталъ и потушилъ сигару.

— Кажется больше ничего не остается, — сказалъ онъ задумчиво. — Какъ по вашему?

Послѣдовало молчаніе, потомъ номеръ первый сказалъ:

— Это единственное средство.

— Хорошо, — сказалъ Питеръ. — Я выставлю свою кандидатуру, если это необходимо, но не разглашайте объ этомъ пока; можетъ быть, мы придумаемъ что-нибудь лучшее.

— Врядъ-ли, — радостно подхватилъ номеръ первый, протягивая ему руку.

— Жаль, что Бостелль умеръ, — замѣтилъ кто-то. — Онъ не повѣрилъ бы, что мы заставили васъ согласиться, когда онъ никакъ не могъ это сдѣлать.

Вотъ что на самомъ дѣлѣ произошло послѣ того обѣда, о которомъ такъ много говорили.

Питеръ сошелъ съ лѣстницы съ очень серьезнымъ лицомъ.

Швейцаръ доложилъ ему.

— Въ гостиной ожидаютъ шесть репортеровъ, м-ръ Стерлингъ, и всѣ они желаютъ васъ видѣть.

Кто-то, кто въ эту минуту входилъ, сказалъ: «Мнѣ жаль васъ, Питеръ».

Питеръ тихонько улыбнулся.

— Скажите имъ, что ихъ желаніе не соответствуетъ моему.

Потомъ онъ повернулся къ вновь пришедшему:

— Все благополучно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ партіи, Гуммель, но мнѣ придется кое-кого подмазать, чтобы достигнуть желаемыхъ результатовъ.

— Вотъ такъ штука! Неужели?..

Питеръ утвердительно кивнулъ головой.

— Я даю двадцать пять тысячъ долларовъ въ кассу, — сказалъ Гуммель довольнымъ голосомъ.

— Извините, м-ръ Стерлингъ! — подскочилъ какой-то господинъ.

— Охотно извиняю, — отвѣтилъ Питеръ. — И самъ прошу о томъ же, мнѣ необходимо немедленно уѣхать.

Питеръ имѣлъ жестокость тотчасъ же привести свои слова въ исполненіе, а репортеръ остался стоять съ выраженіемъ недоумѣнія и разочарованія на лицѣ.

Питеръ быстро шелъ по улицѣ. Придя домой, онъ сѣлъ въ кресло, закурилъ сигару, и лицо его сдѣлалось еще серьезнѣе. Оно не было грустно и угрюмо, какимъ его видѣли послѣдніе два мѣсяца. Теперь оно походило на лицо человѣка, который знаетъ, что ему осталось жить только нѣсколько часовъ, но которому смерть не внушаетъ ужаса.

Питеръ глубоко задумался: «Мнѣ придется пожертвовать всѣмъ, въ чемъ до сихъ поръ я видѣлъ смыслъ жизни: моей профессіей, друзьями, возможностью помогать другимъ, книгами и покоемъ. Меня не поймутъ, будутъ бранить и ненавидѣть. Всею, что я буду дѣлать, стану противиться изъ партійныхъ интересовъ. Друзья осудятъ меня, враги еще болѣе ожесточатся. Я лишусь пятидесяти тысячъ долларовъ въ годъ и сдѣлаюсь рабочимъ. Я даже потеряю большую часть моего вліянія».

Такъ разсуждалъ человѣкъ, семнадцать лѣтъ безкорыстно проработавшій на политическомъ поприщѣ. Онъ видѣлъ, что лишается друзей, дохода, покоя и независимости для титула, благодаря которому рискуетъ потерять также и свое вліяніе. Однако, этотъ титулъ — одинъ изъ самыхъ крупныхъ политическихъ призовъ. Надо ли удивляться, что настоящіе американцы допускаютъ до высшихъ должностей припыхлыхъ иностранцевъ и предпочитаютъ какой угодно трудъ, чтобы только не подставлять спину ударамъ общественнаго мнѣнія и прессы и не терять заработка и покоя для эфемерной власти?

Наконецъ, Питеръ всталъ. «Можетъ быть, она будетъ довольна», громко произнесъ онъ. Потомъ онъ разложилъ передъ собой нѣсколько фотографій, ден-

точку, золотой, три записочки, визитную карточку, кусочек пропускной бумаги, носовой платочек (который Леонора и Питеръ тѣтено искали цѣлыхъ десять минутъ), перчатку и нѣсколько сухихъ розъ и фіалокъ. Онъ долго задумчиво смотрѣлъ на нихъ, и теперь трудно было узнать въ немъ того человѣка, который два часа тому назадъ усмиривъ разъяреннаго «тигра» и заставивъ его лизать свои руки.

Глава XLIX.

Тучи собираются.

Мѣсяцъ спустя Питеръ былъ обрадованъ письмомъ отъ Уаттса, который сообщалъ ему, что они вернулись въ Ньюпортъ и ждутъ Питера. «Я нарочно никого не приглашалъ въ этомъ году, чтобы ты имѣлъ свободу дѣйствій. Между нами, я увѣренъ, что Крошка гораздо больше скучала безъ своего друга, чѣмъ хотѣла сознаться въ этомъ».

— Вотъ чудеса! — думалъ Джениферъ. — Откуда у него аппетитъ взялся сегодня! — Джениферъ не успѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, Питеръ послалъ его отпрать телеграмму: «Могу я прѣхать сегодня? П. С.»

— Когда вы вернетесь, Джениферъ, — сказалъ Питеръ, — вы уложите мой чемоданъ и свой собственный. Можете быть, намъ придется ѣхать въ Ньюпортъ въ два часа.

Видимо, Питеру не хотѣлось опоздать на поѣздъ въ случаѣ благопріятнаго отвѣта.

Питеръ прошелъ въ контору и сталъ готовить дѣла такъ, чтобы въ его отсутствіе не могло произойти никакихъ недоразумѣній. Онъ не долго работалъ, когда мальчикъ-разсылный доложилъ ему:

— М-ръ Стерлингъ, васъ желаетъ видѣть м-ръ Кассіусъ Керлю.

Питеръ пересталъ писать:

— Онъ сказалъ, что ему нужно?

— Нѣтъ!

— Такъ спроси его, пожалуйста. — И Питеръ снова сталъ писать.

Мальчикъ вернулся и подалъ Питеру сложенный лоскутокъ бумаги.

— Онъ говоритъ, что скажетъ это только лично вамъ, м-ръ Стерлингъ.

Питеръ развернулъ записку и прочелъ: «съ порученіемъ отъ Магира».

— Проси его. — Питеръ придавилъ кнопку въ своемъ столѣ, на которой было написано: «старшій секретарь».

Тотчасъ же этотъ послѣдній явился.

— Самуэльсъ, — сказалъ Питеръ. — Я попрошу васъ остаться здѣсь и послушать, о чемъ будутъ говорить.

Въ это время черезъ другую дверь вошелъ посѣтитель.

— Здравствуйте, м-ръ Стерлингъ, — сказалъ онъ.

— Здравствуйте, — отвѣтилъ Питеръ, холодно кивнувъ ему головой, не вставая съ мѣста.

— У меня къ вамъ порученіе, м-ръ Стерлингъ, — началъ человѣкъ, подвигая себѣ стулъ и усаживаясь, — но оно личнаго характера.

Питеръ ничего не отвѣтилъ и сталъ писать.

— Вы поняли меня? Я желаю говорить съ вами съ глазу на глазъ, — сказалъ посѣтитель послѣ довольно длинной паузы.

— М-ръ Самуэльсъ — мой довѣренный секретарь. Вы можете свободно говорить при немъ. — Питеръ говорилъ, не поднимая глазъ съ бумаги.

— Я не желаю постороннихъ свѣдѣтелей.

— Когда я получилъ вашу записку, — отвѣтилъ Питеръ, — я послалъ за м-ромъ Самуэльсомъ. Если вамъ надо говорить — говорите при немъ. Не хотите — не надо.

Питеръ усердно писалъ.

— Мы отлично знаемъ, чьи это штуки. Это начинка пирога вашего знаменитаго обѣда.

— Это все, что Магиръ велѣлъ вамъ сказать? — спросилъ Питеръ, отрываясь отъ дѣла.

— Ну нѣтъ, дудни! — сказалъ человѣкъ. — Это только начало. Теперь мы поняли, въ чемъ дѣло. Вамъ нечего отрекаться. Вы сами хотите слѣзнуть губернаторство, вотъ вы и натравили всѣхъ на Магира, а сами потихоньку работаете. О, мы отлично знаемъ, гдѣ руки зимуютъ!

— Скажите мнѣ, когда начинается ваше порученіе,—замѣтилъ Питеръ, не прерывая своего занятія.

— Магиръ велѣлъ сказать вамъ, чтобы вы шли заднимъ ходомъ, чтобы повернули оглобли.

— Скажите м-ру Магиру, что вы исполнили его порученіе.

— О, это не все, и совѣтую вамъ хорошенько запомнить это: Магиръ знаетъ кое что, и если вы выступите кандидатомъ, онъ ударитъ въ набатъ.

— Это вы говорите тоже по порученію м-ра Магира?—спросилъ Питеръ.

— Черезъ полчаса послѣ того, какъ вы примете назначеніе, сыщики займутся вашимъ прошлымъ, мы все выкопаемъ и обо всемъ протрубимъ.

Питеръ всталъ, и человѣкъ сейчасъ же вскочилъ, опустивъ руку въ карманъ. Но въ ту же минуту Питеръ заговорилъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ.

— Это такъ похоже на м-ра Магира, что я вѣрю, что вы дѣйствительно отъ него. Вернитесь къ нему и скажите, что вы исполнили его порученіе; что я знаю его и его способы дѣйствій; что я понимаю его надежды смести меня со своего пути угрозою личнаго скандала; что, судя людей по себѣ, онъ не можетъ повѣрить, чтобы жизнь человѣка могла быть безупречною. Скажите ему, что на этотъ разъ онъ ошибся. Скажите ему, что онъ еще болѣе укрѣпилъ меня въ моемъ намѣреніи выставить свою кандидатуру; что я скорѣе самъ рѣшусь принять это назначеніе, чѣмъ допущу его выступить избранникомъ демократической партіи. Пусть направляетъ на меня своихъ ищеекъ, онъ ничего не найдетъ въ моей жизни.

Питеръ повернулся къ двери съ намѣреніемъ выйти изъ комнаты; онъ чувствовалъ, что не въ состояніи больше сдерживаться.

Но Керлю остановилъ его.

— Пойдите минутку,—закричалъ онъ.—Я еще не все сказалъ. У насъ есть доказательства.

Питеръ остановился и насмѣшливо улыбнулся.

— Я уже удивлялся, что Магиръ грозитъ мнѣ такъ неопредѣленно.

— Нѣтъ, сударь,—сказалъ Керлю очень нахально и увѣренно, однако баррикадируясь столомъ отъ Питера и его секретаря.—У насъ есть доказательства, которыя врядъ ли будутъ вамъ по вкусу, и мы опубликуемъ ихъ, какъ только вы примете назначеніе.

— Скажите м-ру Магиру, что я прошу его не трудиться ждать моего назначенія. Я во всякомъ случаѣ приму его.

— И опозорите вашего лучшаго друга?—спросилъ Керлю.

Питеръ вздрогнулъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Ага!—сказалъ Керлю.—Задѣло за живое?

Питеръ съ минуту спокойно стоялъ, хотя руки его замѣтно дрожали, и во всей фигурѣ чувствовалось напряженіе.

Все, что онъ сказалъ, было: «Однако?»

— Вспомните поѣздочку на «Маджестикъ»?

Питеръ ничего не понималъ.

— Мы достали клятвенное свидѣтельство двухъ слугъ,—продолжалъ Керлю.—Они намъ кое-что поразсказали про ваши шашни. Не поблагодарять васъ м-ръ и миссъ Ривингтонъ, когда ихъ пропечатаютъ!

Въ ту-же минуту раздался испуганный крикъ и выстрѣлъ, на который немедленно прибѣжали компаньоны Питера и всѣ служащіе. Они увидѣли, что Керлю откинулся на столъ, а Питеръ одной рукой держитъ его за горло, а другой замахнулся на него тяжелой хрустальной чернильницей.

Лицо Питера было искажено гнѣвомъ; жизнь Керлю, казалось, висѣла на волосѣхъ; но это продолжалось только одно мгновеніе. Питеръ поставилъ чернильницу на столъ и, доставъ платокъ, старательно вытеръ чернильное пятно на рукѣ, только что душившей Керлю.

Этотъ почтенный джентельменъ медленно выпрямился, и немногія мѣста на его лицѣ, не залитыя чернилами, приняли зеленоватый оттѣнокъ, а руки его дрожали больше, чѣмъ рука Питера минуту тому назадъ.

— Питеръ!—закричалъ Огденъ.—Что случилось?

— Я на мгновеніе вышелъ изъ себя,—отвѣтилъ Питеръ.

— Кто же стрѣлялъ?

Питеръ повернулся къ служащимъ:—
Уйдите всѣ,—сказалъ онъ.

— И не болтайте. Врядъ ли сосѣди слышали что-нибудь, но если кто-нибудь придетъ и станетъ спрашивать, направьте его ко мнѣ.

Когда служащіе ушли, Питеръ сказалъ своимъ компаньонамъ.

— Мистеръ Керлю пришелъ ко мнѣ съ такимъ порученіемъ, что, по его мнѣнію, нуждается въ защитѣ револьвера.

Повидимому, онъ былъ правъ.

— Вы не ранены?

— Я чувствовалъ какой-то ударъ.—

Питеръ дотронулся до своего бока, потомъ разстегнулъ сюртукъ и досталъ изъ бокового кармана маленькое саше. Въ то же время на полъ упала сплюснутая пуля. Питеръ съ безпокойствомъ заглянулъ въ саше. Пуля пробила только нижній край фотографіи и перчатку. Питеръ засмѣялся счастливымъ смѣхомъ.

— У меня былъ въ карманѣ золотой, и пуля сплюснулась объ него. А еще говорятъ, что вѣра въ счастливую монету предрасудокъ!

Керлю направился къ двери.

— Стойте!—сказалъ Питеръ. Керлю остановился.

— Рей,—началъ Питеръ,—я въ страшномъ затрудненіи. Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ.

— Въ чемъ дѣло, Питеръ?

— Одинъ человѣкъ заставляетъ меня отступитъ и допустить величайшее политическое зло. Чтобы достигнуть этого, онъ грозитъ опубликовать лживыя показанія безсовѣстныхъ негодяевъ о моей преступной близости съ замужней женщиной.

— Вотъ вздоръ!—расхохотался Рей.—Да пусть печатаетъ хоть тысячу, и никто ему не повѣритъ.

— Онъ это самъ знаетъ. Но онъ знаетъ также, что, хотя это ложь, она покроетъ позоромъ имя самой чистой женщины, которая когда-либо жила на свѣтѣ. Онъ знаетъ, что любители сплетенъ подхватятъ эту ложь и злорадно суютъ ее по всему свѣту; что под-

польная пресса будетъ обливаться грязью цѣлые годы; что въ пылу политической борьбы его партизаны слишкомъ охотно повѣрятъ завѣдомой лжи и будутъ повторять ее; наконецъ, что никакое судебное преслѣдованіе, никакой обвинительный приговоръ не смоютъ пятна съ честнаго имени женщины. И вотъ онъ надѣется, что я скорѣе откажусь отъ назначенія, чѣмъ подвергну такой опасности женщину, которую я уважаю, ее мужа и семью. Что же мнѣ дѣлать?

— Что дѣлать? Бороться съ нимъ. Пусть дѣлаетъ, что хочетъ.

Питеръ положилъ руку на плечо Рея.

— Даже если... если она дорога намъ обомъ?

— Питеръ!!!

— Да, это такъ. Помнишь, какъ тебя неожиданно потребовали домой во время нашего путешествія по Испаніи? Ты поручилъ мнѣ проводить миссъ Де-Во и... Помнишь? Они подкупили или просто поддѣлали показанія двухъ слугъ на «Маджестикъ».

Рей слѣлалъ движеніе, чтобы броситься на Керлю, но желѣзная рука Питера, лежавшая на его плечѣ, удержала его.

— Я хотѣлъ убить его,—спокойно сказалъ Питеръ,—но я во время вспомнилъ, что онъ—только жалкое орудіе.

— Боже мой! Питеръ, что же я могу сказать?

— Рей, мнѣ ничего не значить отступить. Я готовъ былъ принять назначеніе, но только по чувству долга, какъ жертву. Я виѣшался только, чтобы предупредить зло. Поэтому не думай, что мнѣ тяжело отказаться.

— Питеръ, дѣлай, какъ самъ знаешь. Мы не должны вступать въ компромиссъ съ неправдой, даже ради нея.

Питеръ крѣпко пожалъ ему руку.

— Я не думаю, чтобы они посмѣли выполнить свою угрозу,—сказалъ онъ;—но я могу ошибаться, и не хотѣлъ, безъ твоего согласія, мѣшать тебе въ это дѣло.

— Они, наѣдрное, исполняютъ угрозу!—закричалъ Огденъ. Подлецъ,—придуманнѣйшую такую гадость, безъ колебанія воспользуется ею.

— Нѣтъ, — сказалъ Питеръ, — человекъ, который пользуется орудіемъ трусовъ, самъ трусъ въ душѣ. Но мы можемъ и предупредить его. Онъ обратился къ Берлю:

— Передайте м-ру Магирѣ о нашемъ свиданіи. Скажите ему, что я пощадилъ васъ только потому, что не вы главный зачинщикъ. Но передайте ему отъ меня, что если онъ обмолвится однимъ словомъ о миссисъ Ривингтонъ, я разыщу его, гдѣ бы онъ ни былъ, и убью, какъ собаку.

Питеръ спокойно пошелъ въ свою уборную и смылъ чернила со своихъ рукъ.

Берлю поспѣшно ушелъ и, какъ былъ, залитый чернилами, отправился къ своему патрону, которому рассказалъ о случившемся.

— И онъ сдѣлаетъ то, что сказалъ, м-ръ Магиръ, — докончилъ онъ. — Если бы вы видѣли его взглядъ, когда онъ говорилъ это и когда душилъ меня! Я еще и теперь чувствую его.

— Какъ ты думаешь, онъ сдержалъ бы слово? — спросилъ Рей Огдена, когда они вернулись въ кабинетъ Рея.

— Я не думалъ бы этого, если бы не видѣлъ выраженія его лица, когда онъ стоялъ надъ этимъ поддономъ. У него были глаза убійцы. И подумаешь, что это старикъ Питеръ, самый спокойный изъ всѣхъ людей! Надо поговорить съ нимъ, скажи ему, что...

— Ты самъ не смѣешь?

— А ты?

— Я не смѣю. Если онъ самъ начнетъ.

— Рей и Огденъ, — сказалъ спокойный голосъ, — я попросилъ бы васъ записать все то, что вы видѣли и слышали сегодня. Это можетъ пригодиться въ будущемъ.

— Питеръ! — воскликнулъ Рей. — Ты не долженъ исполнить то, чѣмъ грозилъ. Подумай, какой ужасный конецъ твоей карьеры! Пусть этотъ подлецъ дѣлаетъ все, что угодно, ты только не попади въ каторгу! Это...

Питеръ поднялъ руку.

— Ты плохо знаешь американцевъ, Рей. Если Магиръ распустилъ свою кле-

вету — я убью его, и во всей странѣ не найдется присяжныхъ, которые засудили бы меня, узнавъ всю правду. Магиръ это хорошо знаетъ, и мы больше ничего не услышимъ объ этой гадости, я увѣренъ.

Питеръ вернулся въ свой кабинетъ. «Теперь я не удивляюсь, — думалъ онъ, глядя на залитые чернилами столъ и полъ, — что большинство людей считаютъ политическихъ дѣателей негодяями и мошенниками. Однако, никто не употреблялъ бы такихъ низкихъ и гнусныхъ средствъ, если бы на свѣтѣ не было низкихъ и гнусныхъ людей, способныхъ придумать ихъ. Значитъ не политика виновата, а человечество».

ГЛАВА Е.

Солнце свѣтитъ снова.

Питеръ готовъ былъ погрузиться въ размышленія неутѣшительнаго характера, когда взглядъ его упалъ на спящую пулю, лежавшую на полу. Онъ съ улыбкой поднялъ ее. «Я зналъ, что это мой талисманъ», сказалъ онъ. Онъ снова вынулъ саше и поцѣловалъ измятую, исковерканную монету, потомъ сталъ разсматривать фотографіи. «Онъ ничуть не попорченъ, — съ радостью замѣтилъ онъ; — пуля не коснулась даже платя». Онъ печально задумался надъ перчаткой, но забылъ о ней въ ту минуту, какъ ему подали телеграмму. Въ ней было только два слова: «пріѣзжай немедленно», но этого было достаточно, чтобы заставить Питера забыть на время обо всемъ на свѣтѣ. Онъ машинально опустился въ кресло и устремилъ взглядъ въ гладкую стѣну, думая о темно-сѣрыхъ глазахъ.

Но на лицѣ его появилось какое-то новое выраженіе, не похожее на то, что являлось у него въ прежніе годы во время подобныхъ размышленій. — Трехмѣсячное мрачное настроеніе Питера разлетѣлось, какъ дымъ.

Уаттсъ и Леонора встрѣтили Питера на станціи.

«Другъ» необыкновенно мило привѣтствовалъ его. Хотя ея обращеніе не

было такъ просто и естественно, какъ прежде, однако было видно, что она очень рада видѣть Питера.

— Какъ пріятно опять видѣть васъ, — говорила Леонора протягивая ему руку. — Я надѣялась, что вы пріѣдете скорѣе!

Питеръ ничего не могъ отвѣтить, онъ былъ слишкомъ счастливъ. Онъ смѣло уеѣлся въ шарабанъ рядомъ съ Леонорой, предоставляя Уаттсу сидѣніе рядомъ съ кучеромъ, и молчалъ до тѣхъ поръ, пока Уаттсъ не спросилъ его о путешествіи до Ньюпорта.

— Еще прелестнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, хотя я думалъ, что это невозможно, — отвѣтилъ Питеръ разсѣянно.

— Э? — сказалъ Уаттсъ, съ удивленіемъ оборачиваясь на Питера. Но Леонора, казалось, вовсе не была удивлена. Она только смотрѣла въ сторону, и губки ея вздрагивали отъ сдержаннаго смѣха.

— Это путешествіе-то? — допытывался Уаттсъ.

— Вѣдь вы говорили о Ньюпортѣ? — Леонора хотѣла помочь молчаливому Питеру, смотря на него изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ.

Питеръ ничего не могъ отвѣтить. Онъ не могъ лгать, и Леонорѣ онъ еще больше понравился тѣмъ, что не хотѣлъ воспользоваться лазейкой, которую она ему открыла.

Уаттсъ продолжалъ.

— Понимаю! Да, конечно, Ньюпортъ все украшается съ каждымъ годомъ. А не было душно въ вагонѣ, старина?

— Не знаю, я не замѣтилъ.

— Не замѣтилъ въ такую-то жару!

— Я думалъ о другомъ, — сказалъ Питеръ.

— О политикѣ? — освѣдомился Уаттсъ.

— О, Питеръ, — вмѣшалась Леонора, — насъ такъ страшно занимали всѣ эти толки. А какъ страшно трудно было доставать нью-іоркскія газеты на западѣ! Только я очень многого не понимаю; я спрашивала здѣсь цѣлую кучу народу, но, кажется, они толкомъ ничего не знаютъ. А кто знаетъ, тѣ подыали меня на смѣхъ. Вчера я встрѣтила м-ръ Пелля на турнирѣ въ теннисъ

и надѣялась, что онъ мнѣ все объяснитъ. Но онъ такой противный! Вся его фигура выражала: «Стоитъ ли терять время на разговоры съ дѣвченкой!» Я сказала, что я вашъ лучшій другъ, и что вы мнѣ все расскажете когда пріѣдете, а онъ только разсмѣялся и сказалъ, что не сомнѣвается въ этомъ, такъ какъ вы навѣстны своей болтливостью. Я ненавижу мужчинъ, которые смѣются надъ женщинами, когда тѣ хотятъ серьезно говорить.

— Я думаю, — сказалъ Питеръ, — мы провалимъ Пелля при слѣдующихъ выборахъ. Членъ конгресса, который смѣется надъ моимъ другомъ, никуда не годится?

— Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлайте это! Это будетъ ему хорошій урокъ, — истинно сказала Леонора. — Человѣкъ, который смѣется надъ женщинами, не можетъ быть хорошимъ членомъ конгресса.

— Нѣтъ, мы лучше вотъ что сдѣлаемъ! — началъ Питеръ. — Я не хочу лишать его должности, потому что... потому что у него старая мать. Я лучше скажу вамъ что-то, что вы ему передадите. Онъ будетъ страшно изумленъ и захочетъ знать, откуда вы это узнали, и вы можете безконечно дразнить его.

— О, Питеръ! — воскликнула Леонора. — Прелестнѣе васъ нѣтъ никого на свѣтѣ.

— Въ чемъ дѣло? — интересовался Уаттсъ.

— Это большой секретъ, — отвѣтилъ Питеръ. — Я скажу его только одной миссъ Д'Аллау, чтобы я зналъ, кого мнѣ притянуть къ отвѣту, если онъ не узнаетъ кто-нибудь, кромѣ Пелля.

— Ахъ, какъ весело! — вскричала Леонора, даже подпрыгнувъ отъ радости.

— Что-нибудь насчетъ знаменитаго обѣда? — допытывался Уаттсъ.

— Нѣтъ.

— Питеръ, мнѣ такъ хочется знать! Скажите мнѣ, что вы сдѣлали?

— Я съѣлъ обѣдъ.

— Не пробуйте поступать, какъ м-ръ Пелль, — вскричала Леонора, не то я возьму обратно все, что говорила вамъ сегодня.

— Ты ревѣлъ, а тигръ поджигалъ хвостъ?—спросилъ Уаттсъ.

— Это послѣдняя выдумка моихъ друзей-непріятелей.

— Вѣдь вы мнѣ расскажете все, правда, Питеръ?—приставала Леонора.

— Можешь ты мнѣ дать завтра утромъ лошадь, Уаттсъ? Забіяка ѣдетъ на пароходъ и не пріѣдетъ раньше завтрашняго вечера.

— Да, съ удовольствіемъ. У меня есть какъ разъ одна, подходящая къ твоему росту.

— Терпѣть не могу увертокъ.

— Я не увертываюсь,—сказалъ Питеръ,—я только предложилъ предварительный вопросъ. Если вы завтра встанете пораньше и побѣдете верхомъ со мной до завтрака, я вамъ расскажу все что произошло на этомъ обѣдѣ. Вы одна, кромѣ участниковъ, будете знать объ этомъ.

Это было откровенный и беззащитный подкупъ, но Питеръ былъ «босомъ» и поступалъ, какъ таковой.

Искушеніе было слишкомъ сильно, чтобы устоять противъ него. Леонора отвѣтила:

— Непремѣнно встану—и снова улыбнулась. Однако, про себя подумала: «Ужъ задамъ я тебѣ, чтобы ты помнилъ, какъ мнѣ отказывать!»

Леонора хорошо обдумала, какъ она будетъ обращаться съ Питеромъ. Она рѣшила при всякомъ удобномъ случаѣ упоминать о «пяти годахъ», впрочемъ собиралась быть дружески откровенной попрежнему, пока онъ будетъ довольствоваться этимъ. Но если Питеръ предъявитъ какія-нибудь другія требованія, Леонора рѣшила не обращать на него больше никакого вниманія, чтобы онъ ясно почувствовалъ, что за каждымъ неумѣстнымъ намекомъ слѣдуетъ немедленное возмездіе. «Я не позволю ему объясняться», рѣшила Леонора.

Мнѣ все равно, хочетъ онъ этого или нѣтъ. Если я дамъ ему высказаться, я должна буду сказать ему «нѣтъ», а тогда онъ уѣдетъ въ Нью-Йоркъ, ставъ дуться и, навѣрное, больше никогда не пріѣдетъ къ намъ. А я хочу, чтобы онъ оставался моимъ другомъ.

Послѣ обѣда Леонора сказала Питеру: «Я каждый вечеръ играю на билліардѣ съ папой. Хотите играть съ нами?»

— Я не умѣю,—отвѣтилъ Питеръ.

— Значитъ вамъ надо научиться. Вы будете играть со мной, потому что папа меня всегда обыгрываетъ. Я васъ выучу.

Нѣсколько часовъ прошли весело, всѣ смѣялись надъ Питеромъ, дѣлавшимъ промахи, и надъ попытками Леоноры учить его. «Каждая женщина должна была бы играть на билліардѣ», думалъ Питеръ. «Это такая граціозная картина»

— Вы хорошо поняли, въ чемъ дѣло, но вы слишкомъ сильно бьете,—ворчала Леонора.—Надо чуть-чуть дотрегиваться до шара, а вы такъ его ударяете, точно собрались разнести весь билліардъ.

— Правомнѣ необходимо научиться,—говорилъ Питеръ, который въ прежніе годы такъ упорно отказывался отъ этой игры.

— Я васъ отлично выучу, пока вы у насъ.—сказала Леонора. Конечно теперь Питеръ не отказывался. Онъ не отказался и отъ другого урока; когда они вернулись въ гостиную, Леонора спросила:—Вы научились вальсировать?

Питеръ улыбнулся, что такая пламенная американка употребляетъ французскія слова, но отвѣтилъ совершенно серьезно:

— Нѣтъ, я былъ слишкомъ занятъ.

— Какъ стыдно!—сказала Леонора. На этой недѣлѣ будутъ два вечера, и мама уже писала, чтобы васъ пригласили.

— Очень трудно научиться?—спросилъ Питеръ.

— Нѣтъ, это такъ же просто, какъ дышать, но гораздо пріятнѣе.

— Могли бы вы выучить меня?

— Конечно. Мама, сыграй пожалуйста вальсъ. Ну, смотрите! Леонора приподняла платокъ кончиками пальцевъ, чтобы можно было видѣть ея ножки.—Разъ, два, три—поворотъ: разъ, два, три—поворотъ. Только и всего! Теперь вы.

Питеръ добросовѣстно принялся за дѣло, стараясь повторить движенія маленькихъ ножекъ. Когда она показывала, это казалось такъ легко, но когда онъ

самъ попробоваль, то нашель, что это гораздо труднѣе.

— Ахъ вы, медвѣдь,—хохотала Леонора.—Смотрите: разъ два, три, вотъ такъ! Разъ, два, три—вотъ такъ!

Питеръ восхищался ея граціозной фигуркой и крошечными ножками, но не обратилъ никакого вниманія на па.

— Ну,—сказала Леонора, останавливаясь.—Попробуйте теперь. Питеръ сталъ пробовать и готовъ былъ плясать всю ночь, только бы Леонора показывала ему.

Наконецъ, она сказала:

— Теперь возьмите меня за руки. Нѣтъ, просто за руки, чтобы я могла видѣть ваши ноги. Ну, теперь попробуемъ вмѣстѣ. Впередъ, назадъ, поворотъ! Впередъ, назадъ, поворотъ!

Питеръ сталъ лучше понимать и готовъ былъ плясать до изнеможенія. Но черезъ нѣсколько минутъ Леонора сказала:

— Теперь попробуемъ понастоящему. Возьмите мою руку, а другой рукой держите такъ. Теперь хорошо. Только никогда не держите даму слишкомъ крѣпко. Мы это ненавидимъ. Да, такъ отлично. Ну, мама, еще разъ. Разъ, два, три. Разъ, два, три!

Питеръ нашель, что это просто божественно, и готовъ былъ заплакать, когда урокъ кончился, и Леонора сказала:

— Если вы поупражняйтесь у себя въ комнатѣ со стуломъ, дѣло совсѣмъ пойдетъ на ладъ.

— Я очень туго соображаю—отвѣтилъ Питеръ, которому мысль вальсировать со стуломъ вовсе не улыбалась.— Можеть быть, у васъ найдется время завтра еще поучить меня; я гораздо скорѣе выучусь съ вами.

— Посмотримъ.

— Вы оставите мнѣ нѣсколько вальсовъ на вечеръ?

— Вотъ что мы сдѣлаемъ,—сказала Леонора.—Я буду танцовать съ вами всѣ танцы, на которые меня никто не пригласитъ. Вы еще не достаточно хорошо танцуете, чтобы я отдавала вамъ предпочтеніе передъ другими кавалерами. Я обожаю вальсировать, а съ плохимъ танзоромъ это просто мученіе.

Питеръ только что считалъ вальсъ

самымъ лучшимъ удовольствіемъ на свѣтѣ; теперь онъ измѣнилъ мнѣніе и сталъ считать его отвратительнымъ.

«А все-таки, несмотря ни на что, я выучусь танцовать», рѣшилъ онъ.

Глава II.

Развитіе истинной любви.

На слѣдующій день Питеръ катался съ Леонорой верхомъ и рассказывалъ ей про знаменитый обѣдъ. Леонора слушала его съ большимъ интересомъ, а когда онъ кончилъ, сказала ему съ видомъ глубоко знающаго человѣка:

— Вы поступили именно такъ, какъ слѣдовало. Я вполне одобряю васъ.

— Вы сняли съ моей души большую тяжесть,—серьезно отвѣтилъ Питеръ.—Вы говорили, что хотите, чтобы я этой зимой сопровождалъ васъ, когда вы станете выѣзжать, и я боялся, что вы будете недовольны, если мнѣ придется переселиться въ Альбани.

— Развѣ вы не можете жить въ Нью-Йоркѣ?—спросила Леонора съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Нѣтъ не могу.

— Я эгкимъ очень недовольна,—сказала Леонора.—Что за польза быть друзьями, если приходится жить въ разныхъ городахъ?

— Я того же мнѣнія. Не думаю, чтобы мнѣ удалось уговорить васъ ѣхать со мной и заняться моимъ хозяйствомъ?

«Непремѣнно надо осадить его!» подумала Леонора.

— Нѣтъ,—сказала она Питеру.— Плохо придется даже тому, кого я люблю, если онъ потребуетъ этого раньше пяти лѣтъ.

Она сбоку посмотрѣла на него, желая убѣдиться, попала-ли въ цѣль, и изъ страдальческаго выраженія лица Питера увидѣла, что ударъ былъ слишкомъ жестокъ. Поэтому она поспѣшила прибавить:

— Впрочемъ, вы можете дать для меня балъ, и тогда мы всѣ пріѣдемъ къ вамъ погостить на недѣлку.

Питеръ слегка оживился, но все-таки грустно сказалъ:

— Просто не знаю, что я буду безъ васъ дѣлать! Мнѣ такъ необходимы ваши совѣты и въ политикѣ, и въ хозяйствѣ.

— Хорошо, — смилостивилась Леонора; — если вы не можете обойтись безъ посторонней помощи, мы пробудемъ двѣ недѣли. Только вы должны катать меня на салазкахъ и устраивать для меня всякія удовольствія.

«Что бы сказали газеты», подумалъ Питеръ, «если бы губернаторъ сталъ кататься на салазкахъ?»

Послѣ поздняго завтрака Питера повели смотрѣть турниръ игроковъ въ теннисъ. Онъ думалъ, что ему не будетъ скучно, такъ какъ онъ будетъ сидѣть рядомъ съ Леонорой. Но вышло иначе. Прежде всего ему хотѣлось, чтобы она обращала поменьше вниманія на игроковъ. Потомъ онъ подумалъ, что свѣтскимъ франтамъ, увивавшимся около Леоноры, слѣдовало бы держаться подалѣе. Питеръ положительно бѣсился, видя, какъ весело и непринужденно Леонора болтаетъ о совершенно непонятныхъ ему вещахъ, и какъ охотно за ней ухаживаютъ мужчины. А какъ она смѣялась въ отвѣтъ на то, что они говорили! Леонора замѣтила, что Питеръ не въ духѣ, и очень удивилась.

— Что вы ворчите, какъ Дурачекъ (собака, которую подарилъ Питеръ), — сказала она, забывъ объ игрѣ въ теннисъ и глядя на него большими глазами.

— Меня сердитъ, когда я вижу, что здоровые, сильные люди занимаются перебрасываньемъ маленькихъ мячиковъ, а цѣлая толпа смотреть на нихъ и думать, что это ужасно нужно. — Питеръ говорилъ неправду и внутренно злился на себя за это.

— Развѣ вы никогда не играли въ теннисъ?

— Никогда. Я даже не знаю, что значить сервировать.

— Боже мой! — сказала Леонора. — Вы ужасно необразованы!

— Самъ знаю, — ворчалъ Питеръ, — зѣвѣть мнѣ дѣлать нечего, и я не знаю, зачѣмъ я прѣхалъ. Я участковой «боссъ», и мое мѣсто въ «саложахъ». Не бойтесь прямо сказать мнѣ это.

Все это было очень нелѣпо, но Питеръ дѣйствительно страдалъ, и на лицѣ его появились морщины, которыхъ Леонора прежде не замѣчала. Онъ стоитъ того, чтобы его отправить провѣтриться, пока онъ не придетъ въ лучшее настроеніе! Но Леонора не сдѣлала этого, напротивъ, она повернулась спиной къ теннису и сказала:

— Пожалуйста, не говорите такъ, Питеръ. Вы отлично знаете, что я этого не думаю. — Леонора поняла его душевное настроеніе. «Бѣдный, думала она, надо его развеселить».

Поэтому она перестала интересоваться теннисомъ.

— Посмотрите, — сказала она. — Тамъ стоятъ м-ръ Пелль и миссъ Уинтропъ. Отведите меня къ нимъ, я сейчасъ устрою ему мой сюрпризъ. А вы пока займите миссъ Уинтропъ.

— Какъ, Питеръ! — воскликнулъ Пелль. — Когда вы прѣхали?

— Вчера вечеромъ. Какъ поживаете миссъ Уинтропъ?

Впродолженіи двухъ минутъ Питеръ разговаривалъ или, вѣрнѣе, слушалъ, что говорила ему эта дѣвица. Наконецъ, слава Богу! подошелъ одинъ изъ тѣхъ юношей, которыхъ Питеръ только что проклиналъ, и освободилъ его. Питеръ подошелъ къ Леонорѣ какъ разъ въ ту минуту, когда она спрашивала м-ра Пелля:

— М-ръ Пелль, что вы думаете о политическихъ планахъ?

Пелль вздохнулъ про себя.

— Вы можете прочесть о нихъ въ газетахъ.

— Нѣтъ, я хочу знать ваше мнѣніе, въ особенности о великомъ походѣ, который предпринимаетъ демократическое избирательное собраніе.

— Это насчетъ назначенія Магира?

Леонора приняла важный видъ.

— Конечно, нѣтъ, — сказала она небрежно. — Всѣ знаютъ, что этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ на общѣ въ Мангатакъ-Клубѣ. Я подразумѣвала необыкновенное рѣшеніе вопроса о будущихъ сенаторахъ.

Пелль пересталъ вздыхать и насторожился.

— Я васъ не понимаю, — сказалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — недоувѣрчиво спросила Леонора, наморщивъ носикъ. — Я была увѣрена, что вы уже знаете! Я просто поражена!

Пелль смотрѣлъ на нее полу-насмѣшливо, полу-вопросительно.

— Какое же это рѣшеніе?

— Назначеніе кандидата на освобождающуюся вакансію въ сенатъ.

— Какой вздоръ! — расхохотался Пелль. — Избирательное собраніе ничего общаго съ сенаторами не имѣетъ. Ихъ выбирать законодательное собраніе.

«Неужели женщины, когда хотятъ совѣтаться въ политику, не могутъ выучить хоть азбуки?» думалъ онъ.

— Конечно, — сказала Леонора. Но это совершенно новая идея. Сенатъ такъ дурно поступалъ, что всѣ лидеры рѣшили сдѣлать его болѣе демократическимъ учрежденіемъ. Для этого они хотятъ, чтобы нью-йорское избирательное собраніе выбрало одного сенатора, а законодательному собранію останется только утвердить его. Если другіе штаты послѣдуютъ примѣру Нью-Йорка, то сенатъ сдѣлается вполне уважаемымъ учрежденіемъ, послушнымъ общественному мнѣнію.

Пелль насмѣшливо улыбнулся:

— Въ какой сумасшедшей газетѣ вы вычитали это?

— Я вовсе не читала это, — отвѣтила Леонора, а въ глазахъ ея такъ и сверкало лукавство. — Газеты всегда опаздываютъ со своими свѣдѣніями. Но я не думала, что вы такъ плохо освѣдомлены, такъ какъ вы должны быть назначены на основаніи новаго рѣшенія.

Пелль съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее:

— Что вы хотите сказать?

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не знаете, что избирательное собраніе представило резолюцію, по которой вы назначаетесь сенаторомъ? — отвѣтила Леонора, въ голосѣ и лицѣ которой выражалось удивленіе, смѣшанное съ чуть-чуть презрительнымъ сожалѣніемъ.

— Кто это сказалъ вамъ? — снова спросилъ Пелль съ любопытствомъ и

сомнѣніемъ, составлявшими довольно смѣшной контрастъ съ его насмѣшливымъ поведеніемъ минуту тому назадъ.

— Говорятъ! — сказала Леонора, пожимая плечами. — Вы сами знаете, м-ръ Пелль, что нельзя всего говорить тѣмъ людямъ, которые не удостоились довѣрія вождей партіи.

— Я думаю, вы просто мистифицируете меня. Если бы на самомъ дѣлѣ предполагалось что-нибудь похожее на это, вы не могли бы знать.

— О! — сказала Леонора, продолжая мучить его. — Я бы могла рассказать гораздо больше. Но вѣдь вы терпѣть не можете вести политическіе разговоры съ дамами.

Пелль смирился.

— Скажите мнѣ, кто вамъ это сказалъ?

— Кажется, намъ пора идти домой, — сказала Леонора, обращаясь къ Питеру, который не меньше наслаждался ея триумфомъ.

— Питеръ, — спросилъ Пелль, — слышали вы, что говорить миссъ Д'Аллуа?

— Частію слышалъ.

— Откуда она могла узнать?

— Я встрѣтился съ миссъ Д'Аллуа на завтракѣ въ Бѣломъ домѣ, въ прошлѣмъ мѣсяцѣ, — отвѣтилъ Питеръ совершенно серьезно, — и мы съ ней и съ президентомъ много говорили о политикѣ. Миссъ Д'Аллуа большой знатокъ политики. Надѣюсь, вы не выдали никакой тайны, миссъ Д'Аллуа?

— Боюсь, что я проговаривалась, — сказала Леонора, — но больше ничего не скажу.

Пелль посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, когда они пошли къ экипажу.

— Какъ странно, — думалъ онъ, — она не могла узнать все это отъ Питера. Онъ никогда не проговаривается. Что за чортъ, откуда же она взяла это? Сенаторъ Вонъ Пелль. Это звучитъ не дурно. Да правда ли это еще?»

— Я думаю, — съ торжествомъ объявила Леонора своему другу, — что ему бы еще хотѣлось поговорить со мной о политикѣ. Славно я его помучу, пусть только попробуетъ!

Питеру пришло въ голову, что Леонора, не смотря на свою кажущуюся

откровенность, говорить не всегда то, что думаетъ. Онъ быстро повернулся къ ей и спросилъ.

— Вы серьезно говорите, что откажете всякому, кто посвѣтается за васъ раньше, чѣмъ черезъ пять лѣтъ?

Все торжество Леоноры разлетѣлось на всѣ четыре стороны. — «Какой неслыхано дерзкій вопросъ послѣ того, какъ я такъ часто говорила это. Что же мнѣ отвѣтить?» — думала она. Она строго посмотрѣла въ глаза Питера:

— Я не откажу потому, что даже не позволю ему говорить. Если кто-нибудь посмѣетъ свататься за меня, я прямо скажу ему, что не желаю его слушать.

— Она и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаетъ это, — вздыхалъ про себя Питеръ. — Почему это лучшія дѣвушки не хотятъ выходить замужъ?

Питеръ былъ сердитъ и, что еще хуже, показавъ это. Леонора тоже пришла въ дурное расположеніе духа.

«Вотъ», мысленно разсуждала она, «я такъ и знала, что это случится. Онъ теперь будетъ дуться. Лучше всего дать ему высказаться, тогда онъ уѣдетъ въ Нью-Йоркъ и не будетъ надоедать мнѣ».

Итакъ, «лучшіе друзья» ѣхали домой изъ Базина, не глядя другъ на друга и не говоря ни слова. Ясно, что Питеръ былъ правъ, — не стоитъ быть друзьями.

Однако, трудно было долго дуться. Во-первыхъ надо было помочь Леонорѣ выйти изъ экипажа, а это было очень пріятно, потому что ей пришлось протянуть ручку Питеру, который въ ту же минуту рѣшилъ, что жить еще стоитъ. Затѣмъ лакей въ дверяхъ подаль Питеру двѣ депеши самого обширнаго развѣра, а Леонора, въ свою очередь, нашла интересъ къ жизни.

— О чемъ онъ? — спросила она.

— Насчетъ избирательнаго собранія. Я такъ поспѣшно уѣхалъ, что нѣкоторые подробности остались невыясненными.

— Читайте вслухъ, — спокойно сказала Леонора, когда Питеръ распечаталъ первую.

Питеръ улыбнулся.

— Если я это сдѣлаю, вы дадите мнѣ урокъ вальса послѣ завтрака?

— Не торгуйтесь, — замѣтила Леонора съ неодобреніемъ.

— Прекрасно. — Питеръ сунулъ телеграммы въ карманъ и направился къ лѣстницѣ.

Леонора дала ему подняться до первой площадки. Но когда она убѣдилась, что онъ серьезно намѣренъ идти въ свою комнату, она позвала:

— Питеръ!

Питеръ остановился и сверху посмотрѣлъ на нее, потомъ спустился и спросилъ:

— Ну, въ чемъ дѣло?

Леонора и сердилась, и смѣялась: «Вы должны сами желать прочесть ихъ мнѣ, разъ мы съ вами такіе друзья».

— Да, но и вы должны сами желать выучить меня вальсировать, разъ мы съ вами такіе друзья.

— Я не люблю капризовъ, — сказала Леонора.

Питеръ засмѣялся. «И я не люблю», — сказалъ онъ. — Чтобы доказать вамъ, что я лучше васъ, а прочту вамъ депеши.

«А я буду учить его танцовать», подумала Леонора.

Питеръ развернулъ длинную телеграмму на нѣсколькихъ листахъ.

— Помните, что это тайна.

— Хорошо. — Леонора оглядѣла переднюю съ видомъ заговорщика.

— Пойдите наверхъ въ фонарикъ, — шепнула она и пошла впередъ.

Когда они расположились въ фонарикѣ и задернули портьеру, Леонора спросила:

— Ну?

— Сядьте ближе ко мнѣ, чтобы я могъ шептать вамъ на ухо, — сказалъ Питеръ.

— Нѣтъ, — сказала Леонора, настъ здѣсь и такъ никто не услышитъ. — «Я бы задала тебѣ за это, — думала она, да ты тогда, пожалуй, читать не станешь».

— Вы помните, что не должны никому повторять того, что сейчасъ услышите. — Питеръ чему то улыбался.

— Ну, понятно! — сердито отвѣтила Леонора.

Питеръ сталъ читать:

— Воспользуйтесь свѣдѣніями Гудзона, чтобы графства не повѣрили свѣдѣтельству двадцати извѣстныхъ дураковъ

до завтрашняго вечера, когда Мальта сосчитаетъ ровно семнадцать. Потѣмъ дастъ нуль Гаймаркету, отбѣнивъ Мозель въ тридцать три, чтобы укрѣпиться черезъ юриста, который только что прїѣхалъ...

— Я не хочу, чтобы со мной такъ обращались!— съ гнѣвомъ прервала его Леонора.

— Что вы хотите сказать?—спросилъ Питеръ, продолжая улыбаться. — Я читалъ вамъ, какъ вы хотѣли.

— Неправда, вы дурачите меня, и сами смѣетесь.

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ.— Это все тутъ написано

— Покажите.— Леонора перегнулаась черезъ плечо Питера, чтобы заглянуть въ депешу.

— Это только двѣ страницы, а всѣхъ ихъ восемнадцать,—сказалъ Питеръ, держа бумагу такъ, что Леонора должна была совсѣмъ нагнуться надъ нимъ, чтобы читать.

Леонора просмотрѣла депешу.

— Это сумасшедшій писалъ?

— Нѣтъ.— Питеръ нашелъ подпись.— Это отъ Грина, только никому не говорите этого.

— Завтракъ поданъ, барышня,—доложилъ лакей.

«Чортъ побери завтракъ», подумалъ Питеръ.

— Пожалуйста, скажите мнѣ, что это значить?—просила Леонора вставая.

— Не могу, пока не достану ключъ и не дешифрирую депешу.

— Ахъ!—воскликнула Леонора, отъ восторга захлопавъ въ ладоши.— Шифрованная депеша! Какъ страшно интересно! Мы займемся ею послѣ завтрака и вмѣстѣ будемъ разбирать ее, хорошо?

— Послѣ урока танцевъ, хотите вы сказать?—поправилъ Питеръ.

— Почему вы знаете, что я буду давать вамъ урокъ?

— Вы мнѣ сами сказали.

— Никогда! Я вамъ ни слова не говорила.

— Вы сказали не словами, а глазами. Леонора серьезно посмотрѣла на него.

— Вы вовсе не «простакъ Питеръ»—

сказала она.— Я не люблю слишкомъ проникательныхъ людей.

Она повернулась и пошла въ свою комнату.

«Мнѣ надо быть ужасно осторожной», разсуждала она, поправляя прическу; «этотъ человѣкъ требуетъ особеннаго обращенія. Слѣдовало бы отослать его въ Нью-Йоркъ, да ужъ очень меня политика интересуетъ. Придется оставить его до конца кампаніи. Тогда ему придется уѣхать въ Альбани, и все будетъ хорошо. Надо подумать: онъ говорилъ, что губернатору служить три года. Это не пять лѣтъ, но, можетъ быть, онъ до тѣхъ поръ станетъ умнѣе».

Что касается Питера, то онъ, умывая руки, громко насвистывалъ, чего съ нимъ уже не случалось много лѣтъ.

Онъ самъ не зналъ, почему, но это вѣрнѣе передавало его настроеніе, чѣмъ недавняя воркотня.

Глава I.H.

Ангель хранитель.

Насколько утро прошло для Питера печально, настолько день не оставлялъ желать ничего лучшаго. Сначала, послѣ завтрака, онъ немного потанцовалъ съ Леонорой, а потомъ они оба уѣхали за большой столъ въ бібліотекѣ и вмѣстѣ дешифровали мудренныя депешы. Наконецъ, надо было хорошенько обсудить ихъ важность и значеніе, написать отвѣты и перевести ихъ на шифръ. Все это время они близко, близко сидѣли другъ къ другу, такъ что ихъ дыханіе смѣшивалось, и Леонора совершенно забыла, что рѣшилась «проучить» Питера, такъ она прониклась важностью участія въ американской политикѣ. Когда отвѣтныя депешы были переписаны начисто, Леонора взглянула на Питера и съ удовольствіемъ сказала: «Мнѣ кажется, мы очень хорошо придумали. Какъ вы думаете, они сдѣлаютъ все, что мы имъ сказали?»

Питеръ, всматриваясь въ это дорогое ему личико, такъ открыто и оживленно смотрѣвшее на него, думалъ, какой подвигъ нужно совершить, чтобы имѣть право поцѣловать его?

Нѣсколько разъ уже въ продолженіи этого дня ему хотѣлось распѣловать Леонору, и удерживалъ его только страхъ, какъ отнесется она къ подобной дерзости.

Къ счастью, нельзя было прочесть этихъ мыслей на его лицѣ.

— Что же вы скоро перестанете разглядывать меня и сообразовите отвѣтить на мой вопросъ?—сказала Леонора.

— Я думаю, что они поступать такъ, какъ мы имъ совѣтуемъ,—улыбнулся Питеръ.—Завтра мы вѣроятно получимъ отвѣтъ, узнаемъ намѣреніе страны и будемъ имѣть возможность говорить опредѣленно.

— Завтра опять будутъ шифрованные депеши?

— Непремѣнно.—Питеръ подумалъ: «Надо написать Грину и остальнымъ, чтобы они каждый день телеграфировали мнѣ».

— А теперь будемъ пить чай. Я обожаю политику,—заявила Леонора.

— Значитъ вамъ бы понравилось въ Альбани,—сказалъ Питеръ, пододвигая ей кресло къ маленькому чайному столу.

— Я бы ни за что на свѣтѣ не согласилась жить въ Альбани,—сказала Леонора, быстро возвращаясь къ прежнему воинственному настроенію. Но въ ту же минуту она обожгла себѣ палецъ спичкой, которой собиралась зажечь лампу, и ея жестокія слова кончились жалобнымъ крикомъ:

— Ай какъ больно!

— Дайте, я посмотрю,—сочувственно сказалъ Питеръ.

Маленькая ручка протянулась къ нему.—Очень больно,—сказала Леонора, видя, что на ея пальцѣ вѣтъ даже ни малѣйшаго знака, и боясь, что Питеръ будетъ смѣяться надъ ней, когда сравнить ея пустынный ожогъ съ тѣми, отъ которыхъ онъ такъ страдалъ.

Но Питеръ отнесся очень серьезно.

— Я вѣрю, сказалъ онъ,—я самъ хорошо знаю, какая это боль,—и онъ подблывалъ пострадавшій пальчикъ. Повидимому, Питеру было все равно, правится ли Леонорѣ Альбани или нѣтъ.

Вечеръ прошелъ для Питера менѣе

счастливо. Когда они встали отъ обѣда, Леонора сказала Питеру, что ѣдетъ танцевать.

— Мнѣ позволили привезти васъ. Вы хотите ѣхать?

— Да, если вы будете танцевать со мной.

— Я уже разъ сказала, что буду танцевать съ вами только тогда, когда меня не пригласятъ настоящіе кавалеры. Если вы будете по близости, я свободные танцы буду отдавать вамъ.

— Развѣ у васъ бываютъ свободные танцы?—спросилъ Питеръ, изумляясь даже возможности этого.

— Я всего разъ была на вечерѣ, и тогда у меня не было свободныхъ.

— Хорошо,—сказалъ Питеръ довольно мрачно.—Я поѣду.

— О,—спокойно возразила Леонора,—пожалуйста, не трудитесь, если это только ради меня.

— Совсе нѣтъ,—буркнулъ Питеръ.— Я поѣду для собственнаго удовольствія.—Сказавъ это, онъ невольно разсмѣялся, и Леонора тоже. Сыгравъ партію на билліардѣ, они всѣ поѣхали на вечерѣ.

Въ ту минуту, какъ они входили въ Казино, Питеръ услышалъ знакомый голосъ, назвавшій его по имени. Онъ обернулся и увидѣлъ Дороти. Дороти сказала только: «Питеръ!» но Питеръ хорошо понималъ, что она ждетъ объясненія, и даже не пробовалъ увертываться.

— Дороти,—кратко сказалъ Питеръ, бросая взглядъ въ сторону Леоноры, чтобы убѣдиться, что она его не слышитъ.—Когда вы проводили здѣсь лѣто съ миссъ Де-Во, Рей каждую недѣлю пріѣзжалъ въ Ньюпортъ?

— Да, конечно.

— Ну, а если бы вы путешествовали на западъ, сталъ бы онъ пріѣзжать?

— О, Питеръ!—шепнула Дороти, какъ и рада, что это наконецъ пришло!—Мы надѣемся, что наши читатели поймутъ процессъ мышленія Дороти, такъ какъ слова ея мало вязались съ вопросомъ Питера.

— Она прелестна,—продолжала Дороти,—и я увѣрена, что могу помочь вамъ.

— Мнѣ очень нужна помощь,—вдох-

нуль Питеръ.—Она не любитъ меня, и я ничего не могу подѣлать! Она увѣрляетъ, что не хочетъ выходить замужъ раньше...

— Вздоръ! — перебила его Дороти тономъ не допускающимъ возраженія, и поспѣшно направилась въ дамскую уборную. Питеръ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Что это вздоръ, хотѣлось бы мнѣ знать?—думалъ онъ. Дороти принялась за представлявшееся сватовство со всею ревностью счастливой въ замужествѣ женщины. Но если судить по ея разговору съ Леонорой, то можно было думать, что она совершенно противъ женитьбы Питера на этой послѣдней. Питеръ любилъ Дороти и не считалъ ее способной на предательство, но чтобы онъ подумалъ, подслушавъ разговоръ, происходившій передъ большимъ зеркаломъ въ дамской уборной?

— Я ужасно рада, что Питеръ появился именно на сегодняшнемъ вечерѣ,—сказала Дороти.

— Почему?—спокойно спросила Леонора, повидимому безъ всякаго интереса.

— Потому, что здѣсь миссъ Биддль. Я уже два года стараюсь свести ихъ. По моему, они созданы другъ для друга.

Леонора поправила непослушный локонъ, вышедшій изъ прически, и сказала:

— Какая у васъ прелестная брошка.

— Не правда ли? Это Рей мнѣ подарилъ,—отвѣтила Дороти вполне естественнымъ тономъ.

— Я никогда не встрѣчалась съ миссъ Биддль,—замѣтила Леонора.

— Она — настоящая красавица и страшно богата; у нея тавія прелестныя манеры! Питеръ обращаетъ большое вниманіе на то, какъ дѣвушка держится. Онъ терпѣть не можетъ вертушекъ и болтушекъ. Странно, что хотя онъ самъ неразговорчивъ и не танцуетъ, всѣ подростки обожаютъ его. Но миссъ Биддль уже не совсѣмъ молоденькая дѣвушка и умѣетъ говорить о серьезныхъ предметахъ. Она очень интересуется политикой и филантропіей.

— Мнѣ казалось,—небрежно сказала Леонора, поправляя свои кружевные

оборки,—что Питеръ никогда не говоритъ о политикѣ.

— Да, это вѣрно,—согласилась Дороти,—но она изучала политическую экономію, а Питеръ любитъ говорить объ отвлеченныхъ предметахъ. Миссъ Биддль создана, чтобы быть женою государственнаго дѣятеля. Красавица, съ огромнымъ тактомъ, большая умница, а главное очень сдержана и разсудительна. Я вдвойнѣ рада, что они встрѣтятся именно здѣсь: миссъ Биддль больше не танцуетъ, поэтому она можетъ занять Питера, который навѣрное будетъ страшно скучать.

— Если только она захочетъ съ нимъ разговаривать.

— О, за это я нисколько не боюсь. Питеръ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ каждая женщина готова сразу влюбиться. Развѣ вы не знаете, дорогая, сколько ему представлялось партій, если бы онъ только захотѣлъ? Конечно, онъ не обращаетъ вниманія на такихъ особъ какъ мы съ вами; мы не можемъ понять его и раздѣлить его честолюбивыя стремленія. Онъ смотритъ на насъ, какъ на легкомысленныхъ бабочекъ занимающихся только нарядами, танцами и сплетнями.

— Онъ говоритъ о политикѣ со мной.—Леонора не могла удержаться, чтобы не сказать этого. Слова Дороти ей вовсе не нравились.

— О, Питеръ такой джентельменъ, что будетъ серьезно говорить даже съ нами, но только изъ вѣжливости. Я сколько разъ видѣла, какъ онъ разговаривалъ съ такими дѣвочками, какъ вы; онъ былъ очаровательно любезенъ, и можно было даже подумать, что онъ находитъ удовольствіе въ ихъ болтовнѣ. Но изъ того, что мнѣ говорилъ Рей, я поняла, что Питеръ не высоко цѣнитъ свѣтскихъ дѣвушекъ.

— Ты готова, Леонора? — спросила миссъ Д'Аллуа.

Да, Леонора была готова. Уаттсъ и Питеръ тоже давно были готовы и ждали ихъ; Уаттсъ даже сердился, Питеръ — нѣтъ. Питеръ готовъ былъ ждать хоть цѣлый часъ, лишь бы выѣсть съ Леонорой подняться по лѣстницѣ. Этими

Около мѣста продажи рыбы и мяса, которое подъ тропиками всегда уже замѣтно издали по запаху, находятся лавки продавцовъ соли. Неподалеку отъ мясного рынка располагаются также переносныя кухни, гдѣ туземцы ѣдятъ ризъ руками.

Особенно привлекательныя ряды, гдѣ продаются очень дешево различные плетенныя издѣлія, сдѣланныя верѣдко съ большимъ вкусомъ. Я не могъ устоять отъ искушенія и закупилъ разныхъ шляпъ, корзинокъ и прелестныхъ маленькихъ кѣточекъ для птицъ, въ которыхъ любитель птицъ малаецъ носить съ собою своихъ голубей и особенно цѣннаго здѣсь бео (*Eulabes religiosa*), голосъ котораго удивительно походить на человѣческій. Тутъ же лежатъ груды черныхъ связокъ превосходныхъ веревокъ изъ волоконъ сахарной пальмы (*Arenga saccharifera*)—это темныя волокна, называемыя малайцами «вджу» и располагающіяся между нижними черешками листьевъ и стволомъ; въ горахъ ихъ употребляютъ также для устройства крышъ.

Страсть къ куренію сильно распространена и всюду встрѣчаются лавочки табаку, который завернуть обыкновенно въ листья пальмы нипа. Въ горахъ особенно можно за очень недорогую цѣну запасться превосходнымъ папироснымъ табакомъ. Лежатъ здѣсь также выложенные для продажи продукты деревьевъ, растущихъ въ дѣственныхъ лѣсахъ,—камфара и бензойная смола, наконецъ, гуттаперча, добываемая изъ дерева *Isonandra gutta*. При едіѣствіи консула нѣ удалось достать сдѣланный изъ гуттаперчи хлыстъ, какіе производятся лишь внутри страны и снабжены печатью сдѣлавшаго ихъ туземца. Хлыстъ этотъ выполненъ съ замѣчательнымъ вкусомъ изъ чередующихся волнистыхъ коричневыхъ и бѣлыхъ слоевъ.

Базару придаютъ своеобразную фizioномію также снующіе всюду китайцы, которые навязываютъ всѣмъ китайскіе товары; съ другой стороны, мѣстные торговцы соблазняютъ своихъ соплеменниковъ различными европейскими бездѣлушками. Не безъ удовольствія замѣтилъ я, что попадаются и произведенія германской промышленности—напримѣръ, стальные издѣлія Золингена. На ряду съ европейскими матеріями самыхъ кричащихъ цвѣтовъ привлекаютъ вниманіе также красивыя ткани мѣстнаго производства, служащія для изготовленія саронговъ. Впрочемъ, тѣхъ драгоцѣнныхъ саронговъ, сотканныхъ изъ шелку и пропизанныхъ золотыми нитями, которыя одѣваются лишь при торжественныхъ случаяхъ, здѣсь на базарѣ не приходится видѣть.

Кто не боится всѣхъ неприяностей, связанныхъ съ посѣщеніемъ базара, именно нестерпимой жары, аромата, исходящаго отъ буйволовъ, дуріана и разлагающихся рыбъ, а также и толкотни, тому нигдѣ не найти лучшаго случая познакомиться ближе съ типами и жизнью народа.

Скажемъ кстати нѣсколько словъ и о крупныхъ торговыхъ оборотахъ Паданга. Городъ этотъ медленно, но непрерывно, развивается и общается сдѣлаться главнымъ торговымъ центромъ Суматры. Въ 1898 году сюда было ввезено товаровъ на 7.100.000 и вывезено на 5.200.000 голландскихъ гульденовъ. Наиболѣе важными продуктами вывоза являются кофе, копра, мускатные орѣхи и цвѣты, гуттаперча, каучукъ, кожи, корица и сахарный тростникъ.

Если бы германская промышленность сумѣла приспособиться ко вкусамъ населенія, то для нея открылась бы въ прилегающихъ къ Падангу мѣстностяхъ прекрасная область для сбыта товаровъ.

Со всѣхъ сторонъ намъ рекомендовали воспользоваться пребываніемъ въ Падангѣ для экскурсіи на падагское горное плато или, на официальномъ голландскомъ языкѣ, въ страну Бовенландъ. Съ замѣчательною любезностію правительство предоставило въ наше распоряженіе салонъ-вагонъ горной желѣзной дороги, который ожидаетъ насъ въ предмѣстьи Паданга Пулу-Айеръ.

Гавань Эмпи является исходнымъ пунктомъ для системы узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, которые прежде всего служатъ для доставки каменнаго угля. Этотъ послѣдній добывается на востокъ отъ озера Сингкаракъ въ окрестностяхъ верхняго теченія рѣки Умбилемъ и нагружается на конечномъ пунктѣ желѣзной дороги въ Сава-Дунто. Каменноугольныя залежи были здѣсь открыты 1867—186 годахъ горнымъ инженеромъ де-Греве. Каменный уголь выходитъ здѣсь на поверхность многочисленными пластами толщиною до 6 метровъ и по происхожденію своему относится къ началу третичной эпохи; по качествамъ своему это—бурый уголь, который все же, однако, содержитъ около 77% углерода и такимъ образомъ приближается по своему составу къ черному. Де-Греве тотчасъ же понялъ значеніе своего открытія и съ большою энергіею принялся убѣждать правительство предпринять эксплоатацию этихъ неожиданно богатыхъ запасовъ угля. Въ 1872 году была отправлена подъ его начальствомъ экспедиція для изслѣдованія наиболѣе удобныхъ способовъ перевозки угля на западный берегъ. Заслуженнаго изслѣдователя постигла при этомъ трагическая судьба: лодка, съ которой производились промѣры въ рѣкѣ Квантанъ, перевернулась и де-Греве утонулъ въ бурныхъ водахъ. Экспедиція между тѣмъ убѣдилась въ томъ, что перевозка угля по рѣкамъ являлась невозможной и, такимъ образомъ, правительство пришло къ заключенію, что необходимо осуществить мысль де-Греве и создать желѣзную дорогу. Въ 1873 году инженеру Ключзенайеру было поручено выработать проектъ желѣзнодорожнаго пути. Послѣдній могъ быть проведенъ для доставки угля въ Падангъ по двумъ направленіямъ: болѣе короткій путь могъ пройти черезъ хребетъ Баризанъ персваломъ. Субангъ вышиною въ 1.123 метра, тогда какъ болѣе длинный путь можно было вести черезъ Падангъ-Пандіангъ. Въ концѣ концовъ было избрано послѣднее направленіе и желѣзная дорога построена на государственныя средства. При этомъ имѣлось въ виду, что Падангское плоскогорье принадлежитъ къ наиболѣе густо населеннымъ частямъ Суматры и представляетъ изъ себя древнѣйшую культурную страну, которой желѣзная дорога могла влить новую жизнь. Съ тою же цѣлю была проведена вѣтвь отъ Падангъ Пандіангъ на фортъ де-Кокъ и Паякомбо. Главный инженеръ яванскихъ желѣзныхъ дорогъ Инцрманъ былъ отправленъ въ Германію, чтобы ознакомиться съ послѣдними усовершенствованіями въ устройствѣ зубчатыхъ желѣзныхъ дорогъ и затѣмъ былъ оставленъ во главѣ постройки Падангской желѣзной дороги. Въ 1887 году постройка дороги началась, въ 1892 году была открыта часть пути до форта де-Кока и незадолго до нашего прибытія вся постройка перешла въ эксплоатацию. Узкоколейная дорога эта общаю длиною въ 306 километровъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ имѣетъ зубчатый путь,—въ нѣкоторыхъ техническихъ отношеніяхъ она является единственною въ своемъ родѣ, особенно если принять во вниманіе трудности постройки горныхъ желѣзныхъ дорогъ подъ экваторомъ. Едва она была открыта, какъ самая трудная часть ея была разрушена водами вздувшейся вслѣдствіе дождей рѣки Аней, и пришлось перестраивать ее и даже нѣсколько отодвинуть

луть, чтобы гарантировать его отъ дальѣйшей возможности разрушенія разливами. Что касается до подъѣмовъ, гдѣ желѣзная дорога переходитъ въ зубчатую, то они концентрируются главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Падангъ-Пандіангъ. Наиболѣе высоко поднимается дорога у Котта-Бару, у подножія вулкана Мерапи; здѣсь она достигаетъ 1154 метровъ н. у. м., приближаясь такимъ образомъ къ высотѣ Сентъ-Готтардскаго туннеля. При постройкѣ пользовались и германскими матеріалами: локомотивы были изготовлены въ Эсслингенѣ, рельсы—на Крупновскихъ заводахъ. Небольшіе вагоны, сообразно съ климатическими условіями, хорошо вентилируются. Имѣются два класса, изъ которыхъ въ одномъ ждять преимущественно низшіе слои населенія, тогда какъ другимъ пользуются европейцы, богатые китайцы, зажиточные малайцы.

Трудно описать то богатство и разнообразіе ландшафтовъ и новыхъ впечатлѣній, которыя положительно подавляютъ путешественника. Перейдя черезъ изящный желѣзнодорожный мостъ, соединяющій берега рѣки Палавга, желѣзная дорога оставляетъ Падангъ къ сѣверу и идетъ черезъ богатѣйшую воздѣланную низменность Бенедюланда. Мѣстность имѣетъ характеръ парковаго ландшафта: искусственно орошаемыя рисовыя поля чередуются то съ хижинами, обсаженными пальмами и фруктовыми деревьями, то съ небольшими рощицами и болотистыми впадинами, заросшими невысокими пальмами нипа (*Nipa fruticosa*), саговыми пальмами и панданусами. Желѣзная дорога пересѣкаетъ затѣмъ нижнее теченіе рѣки Аней и приблизительно черезъ два часа по выѣздѣ поѣздъ направляется къ горамъ, надъ которыми рѣзко вырисовываются силуэты дымящагося конуса вулкана Мерапи и двойного вулкана Сингалахъ-Тандикатъ. На станціи Каутанамъ, гдѣ мѣняется локомотивъ, желѣзнодорожный путь вступаетъ въ боковую долину—въ ущелье рѣки Аней. Долина эта замыкается обрывистыми склонами горы Тандикатъ вышиною въ 2.453 метровъ; зубчатый путь, извиваясь многочисленными изгибами и пересѣкая 8 разъ рѣку Аней, направляется по ущелью, которое соединяетъ въ себѣ романтическую прелесть скалистыхъ горъ съ волшебными видами богатѣйшей тропической растительности. Склоны покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ раздаются звуки адскаго концерта гиббоновъ - сіаманговъ (*Hylobates syndactylus*); то тамъ, то здѣсь у самой желѣзной дороги видѣются древовидные папоротники, то одиночные, то собранные въ группы, и въ глубинахъ ущелья бышено несется по трахитовымъ и шифернымъ обломкамъ скалъ рѣка Аней, берущая свое начало высоко въ горахъ. Мѣстами встрѣчаются еще остатки разрушенныхъ мостовъ и слѣды тѣхъ опустошеній, которыя были произведены здѣсь рѣкою вскорѣ послѣ открытія желѣзной дороги. Передъ глазами путника постоянно мѣняются картины, вызывающія нерѣдко невольный крикъ изумленія. То встрѣчается водопадъ, низвергающійся со скалъ недалеко отъ порога, то спускаются тѣсно стѣны ущелья, то поражаютъ взоръ невиданные представители тропической флоры. Желѣзная дорога поднимается до 770 метровъ и оставляетъ ущелье лишь недалеко отъ Палавга-Пандіангъ.

Падангъ-Пандіангъ представляетъ изъ себя поселеніе, не блещущее архитектурными красотою: небольшія хижины, — четырехъ-угольные каменные ящики, покрытые крышами изъ волнистаго оцинкованнаго желѣза, производятъ довольно однообразное впечатлѣніе. Сопутствовавшій намъ голландскій чиновникъ объяснилъ намъ, что въ видахъ опасности отъ огня послѣднее время было предписано

примѣнять для крышъ желѣзо вмѣсто пальмовыхъ волоконъ. Какъ ни рациональна такая мѣра, все же должно замѣтить, что она въ значительной степени лишаетъ живописности деревни въ горахъ. Вульгарный матеріалъ этотъ не позволяетъ придать крышѣ граціозныхъ очертаній и получаются безобразные ящики, нарушающіе совер-

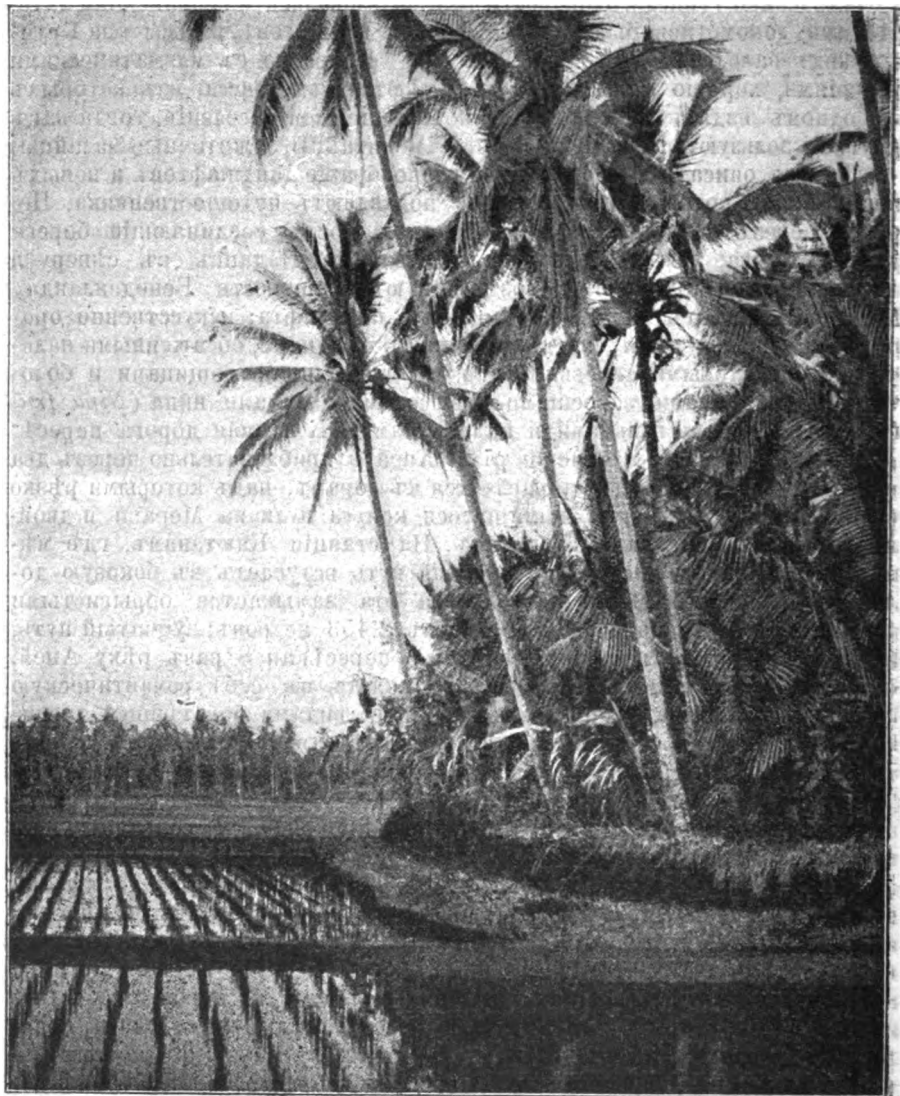

Рис. 53. Рисовыя поля и кокосовыя пальмы въ окрестностяхъ Паданга.

шенно гармонію съ окружающимъ. Лишь когда приходится побродить по самымъ улицамъ поселенія, гдѣ находятся казармы и домъ начальника округа, его изящныя голландскія явилы и сохранившіеся еще кое-гдѣ въ неприкосновенности оригинальныя хижины туземцевъ производятъ впечатлѣніе болѣе привѣтливое. Этому способствуетъ и удиви-

тельный видъ, открывающійся оттуда на огромный вулканъ Мерапи, который покрытъ почти до вершины лѣсомъ и отъ времени до времени выпускаетъ изъ своего коническаго кратера темные столбы густого дыма.

Въ болѣе прохладномъ горномъ воздухѣ чувствуешь себя, послѣ того какъ побывалъ въ жаркой долинѣ, какъ бы возродившимся. У подножія горы можно совершить превосходную прогулку пѣшкомъ, а въ небольшой гостинницѣ «Мерапи», блестящей голландскою чистотою и опрятностью, можно прекрасно устроиться. Утромъ холодный душъ изъ горной воды освѣжаетъ необыкновенно, а послѣ прогулки пріятно подкрѣпиться неизбѣжнымъ мѣстнымъ кушаньемъ—рисомъ съ пикантными приправами, которыхъ около дюжины. Вечеромъ здѣсь очень уютно сидѣть въ саду и наблюдать за движеніемъ живописной туземной толпы, пока не наступитъ ночь и не загорятся мириады свѣтящихся наэвномыхъ, сообщающихъ окружающему невиданное великолѣпіе.

Мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы отъ глубинъ океана поведемъ его теперь на роскошное Падангское плоскогоріе и изложимъ всѣ полученные нами впечатлѣнія въ одномъ общемъ очеркѣ.

Юго-западный берегъ Суматры занятъ болѣе или менѣе крутыми хребтами, которые тянутся по всей длинѣ острова параллельно другъ другу съ юго-востока на сѣверо-западъ въ три или четыре ряда. Они покрыты лѣсомъ почти до своихъ гребней и иногда пересекаются поперечными долинами, по которымъ шумливыя горныя рѣчки сбѣгаютъ къ берегамъ. Кое-гдѣ эти горы Баризанъ отступаютъ далѣе отъ береговъ и образуютъ расширенныя поперечныя долины, покрытыя чрезвычайно плодородной наносной почвой и отдѣляющіяся иногда отъ моря второстепенными горными хребтами. Наиболѣе широкая изъ этихъ долинъ и представляетъ изъ себя богатая окрестности Паданга—на малайскомъ языкѣ самое слово «падангъ» означаетъ долину. Второстепенный хребетъ ея оканчивается горою Апенбергъ, сложенной изъ андезита. Надъ горными хребтами выдаются конусообразныя вершины вулкановъ, изъ которыхъ 8 являются дѣйствующими и по настоящее время. Количество дѣйствующихъ вулкановъ здѣсь, впрочемъ, менѣе значительно чѣмъ на Явѣ, гдѣ нѣется ихъ 28, но зато на Суматрѣ гораздо больше потухшихъ вулкановъ—болѣе 50, такъ что по даннымъ, сообщаемымъ Фербекомъ, на каждыя 19 километровъ протяженія острова приходится въ среднемъ по одному вулкану. Самымъ высокимъ является вулканъ Индрапура, располагающійся на югъ отъ Бовенланда и достигающій 3.690 метровъ.

Мѣстами вулканическіе конусы сходятся тѣснѣе, образуя двойные вулканы, линія соединенія которыхъ направлена косо къ общему продольному направленію хребтовъ. Это наблюдается, напримѣръ, въ той части острова, которой мы дадимъ здѣсь болѣе подробную характеристику,—именно на плоскогоріи Паданга. Послѣднему сообщаетъ особый отпечатокъ вулканъ Мерапи, вышиною въ 2.891 метръ, и противолежащій ему, также дѣйствующій вулканъ Сингаланъ въ 2.890 метровъ; Сингаланъ является двойнымъ вулканомъ, такъ какъ къ нему тѣсно примыкаетъ, образуя его южную вершину, вулканъ Тандикатъ въ 2.458 метра. Эти вулканы засыпали верхнія части рѣчныхъ до-

линь своими продуктами изверженія и образовали возвышенное плато Агамъ.

Въ прежнія времена основнымъ мѣстообитаніемъ человѣческаго рода считались всегда болѣ прохладныя плодородныя возвышенности тропической полосы, и по отношенію къ плато Агамъ такое представленіе, дѣйствительно, правильно: здѣсь находится центръ древняго государства Менангабау, отъ столицы котораго Бреанганъ еще и по сегодня сохранились на половинѣ вывѣтрившіяся развалины у склоновъ Мерапи. Населеніе здѣсь въ прежнія времена исповѣдывало брамическую религію, которая по свидѣтельству Раффлса была вытѣс-

Рис. 54. Ущелье Арау.

нена лишь въ XV, по другимъ источникамъ—около конца XII столѣтія исламомъ. Установлено, во всякомъ случаѣ что въ 1160 году малайцы выселились, вслѣдствіе избытка населенія, съ возвышеннаго плато и переебрались на Малакку, откуда они распространились по всему Зондскому архипелагу. Плоскогоріе Паданга является почвой широко развитой древней культуры, отъ которой сохранились, однако, лишь очень немногіе молчаливые свидѣтели, въ видѣ развалинъ. То, что было до XII вѣка, совершенно скрывается въ историческомъ мракѣ; совершенно неизвѣстно, кто населялъ эту страну и наслаждался обильными дарами природы, разбѣянными на этихъ богатыхъ возвышенностяхъ.

Если обратиться за разъясненіемъ происхожденія падангокаго плато и большей части Суматры къ геологии, то она можетъ сказать, что еще въ концѣ мѣловеаго періода суша была вѣсь покрыта меремъ и начала подниматься лишь въ самомъ началѣ третичнаго. Вулканическія изверженія произывали толщѣ основныхъ горъ изъ сланцевъ и гранитовъ, на которыхъ находились обильные осадки извести каменноугольнаго періода и девонскихъ отложений. На этихъ слояхъ располагаются въ Бовенландѣ песчаники и мергелевые сланцы, въ которыхъ сохранились превосходно отпечатки рыбъ эоценоваго періода. Послѣ того какъ суша поднялась, она покрылась роскошной растительностью, — остатки послѣдней встрѣчаются въ видѣ пластовъ угля, располагающихся между слоями бѣдныхъ окаменѣlostями песчаниковъ, которые мощностью достигаютъ иногда 1.000 футъ. Открытіе слоевъ угля на рѣкѣ Умбилиенъ имѣло для голландской колоніи большое значеніе и, какъ было уже сказано, въ значительной степени обусловило постройку желѣзной дороги. Мѣстами слои песчаниковъ, содержащіе каменный уголь, покрыты отложениями коралловыхъ известняковъ. На горномъ плато Агамъ, образованномъ въ значительной степени скопленіемъ вулканическихъ андезитовыхъ продуктовъ изверженія, наблюдаются по склонамъ вулкановъ Сингаланъ и Мерапи глубокія трещины, происшедшія, по всей вѣроятности, вслѣдствіе вулканической дѣятельности и затѣмъ расширенныя благодаря разрушительной дѣятельности протекающихъ по нимъ горныхъ потоковъ. Разрушающая дѣятельность воды придаетъ горнымъ плато вообще нерѣдко совершенно своеобразную фазіономію; напримѣръ, въ окрестностяхъ форта де-Кокъ и Паякомбо наблюдаются обширныя горныя котловины, связанныя между собою узкими ущельями. Съ другой стороны, та же дѣятельность воды обусловила возникновеніе тѣхъ горныхъ ущелій, которыя голландцами называются «клоофъ» и съ вертикальныхъ стѣнъ которыхъ нерѣдко срываются горные ручьи бурными водопадами, разбивающимися въ водяную пыль.

Такимъ образомъ получаютъ ландшафты, напоминающіе часто, не смотря на отличіе въ деталяхъ, тѣ виды, которые приходится наблюдать въ окрестностяхъ Берна. Правда, снѣжныя вершины здѣсь отсутствуютъ и замѣнены вулканическими конусами, но журчащіе горные ручьи, обрамленные роскошной растительностью, водопады, зеленныя поверхности полей, засѣянныхъ рисомъ, и прячущіся межъ кустами бамбука горныя деревушки, наконецъ, этотъ свѣжій и чистый горный воздухъ — все это невольно вызываетъ въ памяти тѣ впечатлѣнія, которыя когда-то были получены въ Альпахъ. Но когда выберешься изъ глубокихъ ущелій, взоръ останавливается на вулканическихъ кратерахъ, царящихъ надъ облаками и затянутыхъ фіолетовою дымкою, на рядахъ горныхъ вершинъ хребта Варизанъ и на голубой зеркальной поверхности озера Сингкаракъ, которое выполняетъ продолжную долину, примыкающую къ плоскому плато.

Вызвѣтрившаяся вулканическая почва, значительная влажность воздуха и обильные осадки создаютъ въ высокой степени благоприятныя условія для богатаго и роскошнаго развитія растительности, — дѣйствительный гѣстъ, однако, здѣсь отгѣсняется въ значительной степени широко развитыми культурными площадями. На первомъ планѣ стоятъ здѣсь культура риса и сава. Поля, благодаря остроумной системѣ орошенія, постоянно находятся подъ водою и голландское правительство сильно заботится объ улучшеніи орошенія. Поражаетъ та удивительная пра-

вилость, съ которою разсаживаются кусты риса совершенно прямыми рядами въ болотистой почвѣ. Рисъ, котораго туземцы различаютъ своимъ привычнымъ глазомъ не менѣе 14-ти сортовъ, собирается съ полей два раза въ годъ и нерѣдко до сихъ поръ вымочивается самымъ примитивнымъ способомъ прямо ногами людей. Тутъ же находятся плантаціи сахарнаго тростника, посреди которыхъ, причась въ ихъ зелени, располагаются мельницы для размалыванія тростника. Мельницы эти приводятся въ движеніе буйволомъ съ завязанными глазами, который припрягается къ горизонтальному стержню и ходитъ по кругу; онъ приводитъ въ движеніе вертикальный валъ, на которомъ находятся выдающіеся спиральные обороты, входящіе между такими же оборотами другого вала. Между этими валами вкладываются стебли тростника и выжимаемый сокъ собирается въ подставленные плоскіе сосуды.

Какъ на низинахъ, такъ и на возвышенномъ Бовенландѣ богато

Рис. 55. Рисовыя поля, расположенныя террасами.

развиты среди растительности пальмы. Нерѣдко здѣсь встрѣчается сахарная пальма (*Arenga saccharifera*), лубяныя волокна которой служатъ матеріаломъ для крышъ и хижинъ, тогда какъ надрѣзанныя грозди цвѣтотъ ея даютъ высоко цѣнный здѣсь сладкій сокъ. Рѣже встрѣчаются пальмы пинангъ (*Areca catechu*), плоды которыхъ жуются какъ бетель, и пальма *Caryota urens* со своими листьями, похожими на листья папоротника. Господствующее положеніе, однако, занимаетъ здѣсь кокосовая пальма (*Cocos nucifera*), которая достигаетъ необыкновенной высоты и образуетъ иногда настоящіе лѣса. Все плато производитъ впечатлѣніе парка, гдѣ зеленныя поверхности полей прерываются рощами, окружающими деревни. Роскошныя кусты бамбука и вмѣстѣ съ ними гигантскія фруктовыя деревья, между листвою которыхъ свѣшиваются плоды—дуріанъ, манго и мангустаны, иногда совершенно скрываютъ отъ взоровъ хижинны туземцевъ, которыхъ замѣчаешь лишь

подходя къ нимъ совершенно близко. Картина этой растительности оживляется еще эритринами, кассией, съ ея красными лѣтьями на концахъ вѣтвей, и древоподобными папоротниками, которые придаютъ столько прелесть тропическому лѣсу.

Рис. 56. Хижины туземцевъ въ Палкомбо.

Человѣкъ, повидимому, задался здѣсь цѣлью еще увеличить то чарующее впечатлѣніе, которое производитъ природа на чужестранца и придавъ своимъ постройкамъ пзашныя, положительно художественныя очертанія, какихъ не найти нигдѣ больше на всемъ Малайскомъ архипелагѣ. Хижины туземцевъ стоятъ всѣ на бамбуковыхъ сваяхъ и полъ ихъ находится, по крайней мѣрѣ, на 5 футахъ высоты надъ землею. Крыша спускается очень низко и уже издали бросается въ глаза

своими изящно изогнутыми очертаніями. Веранды вокругъ домовъ нѣтъ, но зато у богатыхъ малайцевъ, по крайней мѣрѣ, стѣны домовъ украшены чрезвычайно красиво вырѣзанными арабесками яркихъ цвѣтовъ и съ блестящими металлическими орнаментами. Окна относительно малы, точно также не велика и дверь, къ которой ведетъ лѣстница. Особенно своеобразное впечатлѣніе производятъ болѣе богатые дома, окруженные многочисленными пристройками, изъ которыхъ каждая украшена такой же изящно изогнутой крышей. Обыкновенно нѣскольکو хижинъ стоятъ вмѣстѣ и образуютъ деревню или «кампонгъ», который почти всегда содержитъ мечеть или «мисситигъ», также чрезвычайно живописной архитектуры. Очертанія мечети у основанія квадратны затѣмъ крутой пирамидой поднимается крыша и расчленяется на нѣсколько этажей. Смотря по богатству кампонга, мечеть съ большей или

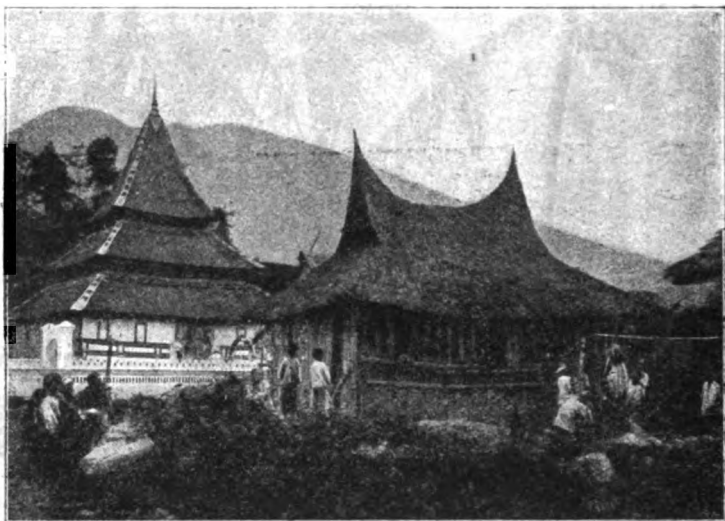

Рис. 57. Мечеть и обыкновенный домъ туземцевъ.

меньшей роскошью украшается снаружи арабесками, вырѣзанными или въ мраморѣ, или въ деревѣ. Часто по близости отъ мечети или отъ хижины деревни располагаются пруды, въ которыхъ разводится рыба. Кроме того, почти въ каждой болѣе или менѣе крупной деревнѣ находится нѣчто въ родѣ клуба, такъ называемый «балеи» представляющій изъ себя въ большинствѣ случаевъ длинную постройку, замѣтную издали по отвѣрстіямъ въ стѣнахъ.

Очень украшаютъ деревни находящіеся около каждого дома кладовки для храненія риса—это квадратныя постройки на высокихъ столбахъ, расширяющіяся кверху, увѣнчанныя также выгнутой крышей и украшенныя пестрыми орнаментами. Онѣ выглядятъ, положительно, кскетливо. Врядъ ли найдется гдѣ-нибудь еще на земномъ шарѣ така деревня, въ которой церковь, клубъ, обыкновенныя хижины и даже простыя кладовки отличались бы такою художественностью выполненія, какъ въ кампонгахъ Бюенланды!

Архитектура домовъ и расположеніе ихъ большими или маленькими деревнями были бы врядъ ли для насъ понятны, если бы мы не ко-

снулись также въ высшей степени своеобразныхъ социальныхъ условий Бовенланда.

Главная основа малайского государства — тѣснѣйшія семейныя узы нигдѣ не выливаются въ такія деревныя формы, какъ именно здѣсь на плоскогорьяхъ. Каждый домъ, малъ онъ или великъ, представляетъ изъ себя жилище отдѣльной семьи, въ которомъ обитаютъ не только ближайшіе члены этой семьи, но и болѣе далекіе родственники. Средняя большая комната у самаго входа служитъ мѣстомъ собранія всѣхъ обитателей, гдѣ въ то же время опять дѣти и не женатыя члены семьи, тогда какъ боковыя помѣщенія, которыхъ не болѣе 6-ти, занимаютъ женатыми. Въ виду того, однако, что количество членовъ семьи нерѣдко переходитъ границы, полагаемыя помѣщеніемъ, вблизи первоначальнаго дома пристраиваются другіе дома той же семьи и, въ концѣ концовъ, получается уже небольшая деревенская община, которая и носитъ названіе «камповга». Главою cadaго семейнаго союза является «пангулу» — по большей части старшій братъ матери, которому всѣ остальные члены семьи выказываютъ глубочайшее уваженіе. Самый старшій изъ пангулу избирается старостой деревни и, наконецъ, старшій изъ старостъ является начальникомъ района, такъ называемаго «кота», объединяющаго нѣсколько деревень.

Рис. 58. Кладовка для риса.

Точно такъ же сильно развиты у обитателей плоскогорья родовыя связи. Всѣ малайцы Бовенланда, и даже нѣкоторыхъ другихъ прилегающихъ горныхъ областей, раздѣляются на нѣсколько родовъ или «сукусовъ», которые считаютъ себя происшедшими не отъ общаго родоначальника, а отъ одной родоначальницы. Всѣ члены одного сукуса ответственны за дѣйствія другихъ своихъ сочленовъ. Ихъ «пангулу» образуютъ совѣтъ округа или «лара», который рѣшаетъ всѣ судебныя дѣла, согласно со своимъ древнимъ обычнымъ правомъ. Голландское правительство поступило очень умно, сохранивъ эти старинныя отношенія: оно создало себѣ съ теченіемъ времени очень преданныхъ малайскихъ чиновниковъ, путемъ утвержденія предсѣдателей этихъ совѣтовъ, которымъ оно даже платитъ жалованье. При нашемъ посѣщеніи Падангъ-Павдіанга тамъ былъ какъ разъ одинъ такой предсѣдатель лара.

Для голландскихъ чиновниковъ, въ особенности для такъ называемыхъ контролеровъ, принужденныхъ жить въ самой глупой страны, довольно трудно вникнуть во всѣ тѣ сложныя взаимоотношенія, которыя созданы древнимъ правомъ страны — несмотря на свою принадлежность къ исламу, туземцы все же держатся очень крѣпко за старинные порядки. Надо имѣть много знанія народа и такта, чтобы поддерживать дружественныя отношенія съ этими представителями совершенно иной расы и достигать того, чтобы вліятельные предсѣда-

тели лара являлись не болѣе, какъ посредниками между туземнымъ населеніемъ и европейскими правителями.

Между всѣми особенностями старинныхъ правовыхъ порядковъ ни одна не поражаетъ такъ европейца, какъ матриархатъ. Слѣды его встрѣчаются у самыхъ различныхъ народностей, но нигдѣ онъ не облеченъ въ такія прочныя и древнія формы, какъ здѣсь на плоскогоріи. Подобно тому, какъ отдѣльные роды или сукусы производятъ себя отъ одной родоначальницы, такъ и вообще всѣ родственныя отношенія и степени родства опредѣляются по отношенію къ матери. Не отецъ, а мать является центромъ семьи; семья въ тѣсномъ смыслѣ слова образуется изъ родственниковъ съ материнской стороны. Старшій братъ матери или старшій сынъ брата ея избирается въ пангулу и при всѣхъ возведеніяхъ въ высшій рангъ принимается во вниманіе всегда родство по отношенію къ матери. Мужъ никогда не принимается въ семейный союзъ своей жены—онъ остается членомъ своего «суку», отъ котораго произошелъ. Очень мудрымъ является установленіе, что члены одного и того же суку не могутъ вступать въ бракъ между собою. Супружескія узы при такихъ условіяхъ являются относительно не особенно прочными. Лишь первое время послѣ женитьбы жаветъ молодой мужъ со своей женой и помогаетъ ей при работахъ на рисовыхъ поляхъ, тогда какъ поздѣе онъ снова трудится на пользу своей собственной семьи, т. е. своихъ сестеръ, и дѣтей сестеръ и поощряетъ лишь на короткое

время свою жену и дѣтей. Количество остроконечныхъ верхушекъ на крышѣ дома указываетъ на число замужнихъ дочерей. Дѣти обыкновенно проявляютъ гораздо большую нѣжность къ главѣ семьи, т. е. въ большинствѣ случаевъ къ своему дядѣ, чѣмъ къ своему отцу, связь съ которымъ у нихъ менѣе тѣсная.

Рука объ руку съ матриархатомъ развивалось и право наследованія. Замѣтимъ здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, что состояніе жены и дѣтей достается по смерти ихъ семейству жены, а не мужа. Мужъ, въ свою очередь, можетъ отказать своимъ дѣтямъ нѣкоторую часть имущества,—часть, которая была добыта его собственными трудами, но обязанъ оставить другую часть своимъ сестрамъ и ихъ дѣтямъ.

«Женщины здѣсь на западномъ берегу распоряжаются имуществомъ гораздо болѣе, чѣмъ мужчины», говорили намъ голландцы. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это, пожалуй, вѣрно, но, съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, что

Рис. 59. Знатные малайцы въ національномъ костюмѣ.

наибольшая доля при дѣлѣхъ наслѣдства приходится все же мужскимъ родственникамъ матери, — именно, братьямъ ея и дядямъ съ материнской стороны. Во всякомъ случаѣ, очень любопытно, что даже исламъ не былъ въ состояніи повліять на значеніе и положеніе женщины въ собственномъ ему смыслѣ и не обусловилъ появленія полигаміи.

Что касается до характера малайцевъ Бовенланда, то о немъ трудно судить тому, кто пробылъ между ними такое короткое время. Бросается, во всякомъ случаѣ, въ глаза тотъ свободный и самоуверенный способъ обращенія ихъ съ чужестранцами, который является полнымъ противоположностью къ раболобію яванцевъ. На ряду съ этимъ, всѣ рѣшительно голландскіе чиновники и всѣ, кто знакомъ съ народами, указываютъ на то, что основной недостатокъ малайской расы, именно врожденная лѣнь, свойственна обитателямъ плоскогорья въ особенно сильной степени. Возможно, что это стоитъ въ связи со своеобразнымъ обычнымъ правомъ и съ сильнымъ развитіемъ родственныхъ связей населенія, что обусловливаетъ невозможность развитія пролетаріата. Нельзя отрицать, однако, что тѣ же причины породили и дурныя послѣдствія, напримѣръ, развитіе кровавой мести. Далеко говорить о нихъ, что они фальшивы и злопамятны, безправственны и вѣроломны, но, съ другой стороны, опять-таки вполне компетентные знатоки этой народности прославляютъ ея честность, свободный образъ мыслей и глубокий патріотизмъ. Въ официальномъ отчетѣ о постройкѣ желѣзной дороги приводится въ качествѣ доказательства хорошихъ нравственныхъ качествъ населенія, что при отчужденіи безчисленнаго количества участковъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, не происходило никакихъ крупныхъ недоразумѣній. При этомъ переговоры съ главами семействъ, правда, въ виду сложныхъ условій владѣнія, затягивались обыкновенно на долгое время, тѣмъ болѣе, что туземцы по природѣ своей врожденные адвокаты. Работать на постройкѣ желѣзной дороги они не соглашались и пришлось привезти для этой цѣли яванцевъ, китайскихъ кули и нисцевъ, которые и принялись усердно за работу. Лишь мало-по-малу стали поступать на работу и малайцы, и оказалось, что они работаютъ не хуже другихъ.

Обитатели плоскогорья, во всякомъ случаѣ, не являются фанатичными приверженцами ислама, хотя при случаѣ фанатизмъ и проявляется иногда, преимущественно у хаджи, т.-е. пилигримовъ, ходившихъ въ Мекку. Мнѣ самому случилось видѣть въ лазаретѣ форта де-Кокъ одного хаджи, который впалъ въ религиозное помѣшательство и, въ виду его опасности для общества, содержался въ изолированной камерѣ.

Въ началѣ столѣтія среди обитателей плоскогорья проявилась значительная порча нравовъ, выразившаяся въ усиленіи азартной игры, въ высокихъ ставкахъ на пѣтушійхъ бояхъ, въ развитіи куренія опиума и въ грабежахъ и убійствахъ. Это послужило поводомъ къ возникновенію религиозной секты «падріевъ», которая съ жесточайшимъ деспотизмомъ пыталась реформировать всю страну и распространить свою власть на сосѣднія области Батта, опустошивъ ихъ самыми безчеловѣчными войнами. Сильный гнетъ, оказываемый этой сектой на всю страну, побудилъ голландское правительство вступить въ Голландцы были призваны на помощь однимъ изъ туземныхъ вождей и начали борьбу, длившуюся съ 1823 по 1888 годъ и выразившуюся въ цѣломъ рядѣ битвъ, въ которыхъ были убиты славой голландскіе полководцы Раафъ, Кохиусъ и Михіельсъ.

Въ настоящее время кое гдѣ всыхивается еще иногда глухая ненависть среди представителей падріевъ, но въ общемъ голландское правительство обезпечило себѣ болѣе или менѣе мирное обладаніе Бовенландомъ. Оно не упускаетъ ни одого случая вліять на населеніе воспитательнымъ образомъ и развивать туземцевъ, несомнѣнно, даровитыхъ уже отъ природы. Даровитость эта сказывается въ архитектурѣ домовъ и въ художественныхъ украшеніяхъ ихъ и проявляется еще болѣе въ удивительной способности туземцевъ къ различному тонкому ткавю, вышиванію, плетенію и филиграннымъ работамъ. Кому приходилось любоваться на базарѣ форта де-Кокъ изумительнѣйшими произведеніями чеканки по золоту, выполненной чрезвычайно примитивными инструментами, у того не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что народности этой свойственны большіе таланты, пока находящіеся въ скрытомъ состояніи. Точно также вызываютъ изумленіе знатоковъ ихъ тонкія плетенныя работы изъ лисгевъ пандануса и художественныя вышивки.

Чрезвычайно интересно наблюдать за жизнью и движеніемъ этой пестрой толпы туземцевъ, постоянно жизнерадостныхъ и не упускающихъ ни одного случая поприаздновать, покочевать съ базара на базаръ, пошутить и пошлѣться, усгргить пѣгушиный бой или состязаніе въ бѣгѣ. При какомъ-нибудь торжественномъ событіи, наприимѣръ, при свадьбѣ, приходится любоваться чрезвычайно живописными нарядами, удивляющими почти чрезмѣрной роскошью. Серьезныя лица ста-

риковъ, у которыхъ малайскій типъ выражается особенно рѣзко выдающимися скулами, короткими и широкими носомъ и болѣе или менѣе толстыми губами при очень слабомъ развитіи бороды, составляютъ полный контрастъ съ пріятными и красивыми лицами черноволосыхъ дѣвушекъ, съ плутовскими черными глазами, блестящими изъ-подъ темныхъ бровей. Женщины Солоки и Паякомбо славятся своей красотой, и дѣйствительно мы встрѣчали на базарѣ въ Паякомбо лица, которыя выдержали бы сравненіе и съ европейскими красавицами.

Для тѣхъ, кто видѣлъ дикарей одной только Африки, прямо составляетъ удовольствіе познакомиться съ этимъ туземнымъ населеніемъ, которое своей культурой и своей пріятной внѣшностью такъ рѣзко отличается отъ животной первобытности негровъ. Нашъ чернокожій слуга Матіу возбуждалъ здѣсь всеобщій интересъ между туземцами—большинство изъ нихъ никогда не видѣло негра, но всѣ слышали о своихъ предкахъ битвахъ въ долинѣ Атье, когда голландцы нанимали на свою службу негровъ, пользовавшихся дурною славой у малайцевъ. Въ гостиницахъ слуги малайцы

Рис. 60. Малайская дѣвушка-невеста.

постоянно спрашивали, чѣмъ накормить этого «орангъ-хитамъ» и гдѣ ему устроить постель. Когда же я имъ объяснялъ, что онъ имѣетъ

обыкновеніе ежедневно съѣдать по одному малайцу, то уваженіе къ нему возрастало до невѣроятной степени.

Между всѣми мѣстностями Падаангскаго плоскогорія фортъ де-Кокъ и Паякомбо славятся особенно не только своими природными красотою, но и въ высшей степени благопріятными санитарными условіями. Фортъ де-Кокъ располагается на 922 метра надъ уровнемъ моря, въ центрѣ плато Агамъ, и имѣетъ видъ довольно привѣтливой группы нилъ, которыя сгруппировались съ теченіемъ времени вокругъ прежняго форта. Остатки этого форта съ окружающимъ его валомъ преиращены теперь въ красивый садъ, откуда открывается превосходный видъ на вулканы Мерапи и Сингаланъ на югѣ, на сильно изрѣзанный предѣлъ горъ Камангъ на сѣверѣ и востокѣ и на кратерное озеро Манинджу на западѣ, также окруженное горами. Здѣсь располагается гарнизонъ, состоящій изъ одного батальона, который какъ разъ во время нашего прибытія производилъ свои военныя экзерциціи. Какъ туземные босоногіе солдаты, такъ и европейскія войска, и горная артиллерія производили вполне благопріятное впечатлѣніе.

Особенно привлекалъ наше вниманіе лазаретъ барачной системы. Мы были пріятно поражены, найдя во главѣ этого учрежденія опять-таки своего соотечественника, баварца, д-ра Прейтнера, человека уже преклонныхъ лѣтъ, встрѣтившаго насъ съ самой любезной предупредительностью и показавшаго свой лазаретъ во всѣхъ деталяхъ. Въ лазаретъ этотъ принимаются также и туземцы, но, главнымъ образомъ, онъ былъ занятъ выздоравливающими изъ долины Атье. Когда входятъ врачъ въ помѣщеніе больныхъ, всѣ малайцы, которые только могутъ, поднимаются съ постели и садятся, скрестивъ ноги. Мы имѣли здѣсь возможность познакомиться съ больными бери-бери, поражающими ужасающею худобою и характернымъ для этой болѣзни истощеніемъ мышцъ. Этиологія бери-бери сводится въ настоящее время на бактеріальную почву, но не выяснена вполне; извѣстно лишь, что для излеченія болѣе тяжелыхъ случаевъ нѣтъ другого средства, какъ переведеніе въ другую мѣстность изъ славящейся этою болѣзнію области Атье. То же самое можно сказать и относительно больныхъ маляріей, которые составляютъ между паціентами больницы также значительный процентъ. Малярія—это настоящій бичъ всего архипелага и санитарныя условія каждой мѣстности опредѣляются въ значительной степени частотою и интенсивностью малярійныхъ заболѣваній. Въ виду того, что лишь статистическія свѣдѣнія военныхъ госпиталей даютъ намъ возможность судить о распространеніи маляріи, позволимъ себѣ замѣтить, что именно область Атье замѣчательна тѣмъ, что въ началѣ 80-хъ годовъ здѣсь каждый европейскій солдатъ заболѣвалъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ маляріей. Въ настоящее же время, какъ сообщалъ мнѣ голландскій военный врачъ д-ръ Эрн, условія здѣсь измѣнились, и заболѣваетъ лишь половина солдатъ, а изъ туземныхъ войскъ лишь одна четверть.

Голландское правительство прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы вознукнуть населеніе съ благотворнымъ вліяніемъ хинина. По порученію голландскаго министра колоній Пагуда, отправился въ Перу, въ 1853 году ботаникъ Гаскаръ; послѣ многихъ приключеній, ему удалось, несмотря на строгое запрещеніе перуанскаго правительства, вывезти оттуда тайкомъ нѣсколько сотъ молодыхъ хинныхъ деревьевъ и посадить ихъ въ подходящихъ мѣстностяхъ горныхъ возвышенностей Явы на 1.500—2.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Черезъ 10 лѣтъ,

деревья эти превосходно развившіяся и размножавшіяся отсадками, приносили уже огромный доходъ и обусловили значительное паденіе цѣны хинина, который ранѣе продавался чуть не на вѣсъ золота. Несмотря на свое недовѣріе къ европейскимъ лекарствамъ, малайцы скорѣе привыкли къ употребленію хинина, предоставлявшагося имъ даромъ, и благотворные результаты этого сказались въ скоромъ времени. Все же, однако, въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ единственнымъ средствомъ спасенія является перенесеніе больного на берегъ моря или въ санаторіи, устроенныя на болѣе высокой высотѣ.

Въ виду этого въ голландскихъ колоніяхъ возникла система эвакуаціи больныхъ, являющаяся единственной въ своемъ родѣ по широкому и общему примѣненію ея. Приблизительное понятіе о ней могутъ дать слѣдующія цифры: въ 1897 году во всѣхъ госпиталяхъ архипелага пользовалось леченіемъ не менѣе 60.431 больного и изъ 17.692 было переведено въ горныя области Явы и Суматры.

Для Суматры важенъ, прежде всего, въ этомъ отношеніи фортъ де-Кокъ. Прохладный горный воздухъ дѣйствуетъ положительно чудодѣйственно на больныхъ малайей и бери-бери: аппетитъ повышается, сонъ становится спокойнѣе, восстанавливается эластичность походки и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наступаетъ полное выздоровленіе. Больные здѣсь нуждаются, однако, въ особой заботливости, такъ какъ разницы между полуденной и вечерней температурой очень значительны и при томъ холодныя вѣтры, дующіе съ вулкановъ Мерапи и Сингаланъ, дѣлають возможной простуду.

Больше всего больныхъ въ области Атье, откуда они изъ большого лазарета Котта-Раджа доставляются моремъ въ Падангъ, гдѣ значительная часть помѣщается въ мѣстномъ лазаретѣ. Полковникъ Кунертъ показывалъ мнѣ этотъ огромный лазаретъ, состоящій изъ множества бараконъ—въ немъ помѣщается иногда не менѣе 3.000 больныхъ. Лазаретъ этотъ покрываетъ цѣлую часть города, черезъ которую проведенъ ручей для удаленія нечистотъ. Изъ этого лазарета больные, нуждающіеся въ горномъ воздухѣ, перевозятся частью въ лазаретъ Каютанана, частью въ фортъ де-Кокъ и Паякомбо по желѣзной дорогѣ. Если и тамъ не послѣдуетъ выздоровленія, то офицерамъ и чиновникамъ предоставляется взять двухъ-мѣсячный отпускъ и отправиться въ Европу. Такой отпускъ разрѣшается и вообще всѣмъ чиновникамъ, прослужившимъ 12 лѣтъ.

Въ фортѣ де-Кокъ имѣется наиболѣе значительный базаръ на плоскогоріи, гдѣ какъ разъ во время нашего пребыванія царилъ большое оживленіе. По базарной площади двигалась цѣлая толпа и нагруженные телѣги, женщины по большей части тащили тяжелыя ноши, тогда какъ мужчины лишь рѣдко обременяли себя и самое большое носили съ собою въ изящно сплетенныхъ клѣточкахъ голубей и птицу боо. Тяжелыя телѣги съ устроенной надъ ними крышей были запряжены буйволами «карбау» или длинноногими зебу. Здѣсь мы имѣли наилучшій случай убѣдиться въ томъ, какъ любятъ малайцы пестрые и бросающіеся въ глаза наряды. Нерѣдко встрѣчается уже здѣсь и европейскій костюмъ, но и въ этомъ случаѣ никогда не отсутствуетъ саронгъ, либо набрасываемый на бедра, либо перекидываемый черезъ плечо. Головнымъ уборомъ служить для мужчинъ платокъ, свернутый тюрбаномъ, или простой соломенный колпакъ, или же, при дождливой погодѣ, широкополая, заостренная и сплетенная изъ пальмовыхъ листьевъ шляпа, тогда какъ женщины носятъ шелковые платки, а въ

праздникъ надѣваютъ чрезвычайно оригинальный головной уборъ съ серебряными и золотыми филиграновыми украшениями. Большою частью верхняя часть тѣла прикрывается плотно обхватывающею черной одеждой, поверхъ которой у богѣе богатыхъ набрасывается шелковый, роскошно вышитый саронгъ, спускающійся красивыми складками.

Недавно открытая вѣтъ железной дороги ведетъ отъ форта де-Кокъ далѣе до Паякомбо. Поездъ бѣжитъ по долинѣ, покрытой рисовыми полями, усаженной деревушками и замыкающей на югъ вулканомъ Саго вышиною въ 2.080 метровъ. Мѣстами поездъ входитъ

Рис. 61. Мечеть въ фортѣ де-Кокъ.

въ живописныя ущелья, ограниченныя невысокими горами и затѣмъ снова вступаетъ въ широкія котловины, покрытыя лѣсомъ кокосовыхъ пальмъ. Лишь на коралловыхъ островахъ Индійскаго архипелага встрѣчаются столь же сильно разрастающіеся кокосовые лѣса, какъ здѣсь на плоскогоріи въ окрестностяхъ Паякомбо. Само это мѣстечко располагается на высотѣ 514 метровъ и обладаетъ болѣе мягкимъ климатомъ, чѣмъ фортъ де-Кокъ. Дома всѣ тонутъ въ зелени кокосоваго лѣса, широкія улицы прорѣзаютъ его по всѣмъ направленіямъ, большіе мосты перебрасываются черезъ рѣку Агамъ. Закрытыя зеленою

кустарниковъ и банановъ и затѣянные листовою деревьею теакъ (*Tectona grandis*), которыя были здѣсь посажены по обѣ стороны улицы специально для тѣни, мечети и хижины туземцевъ кажутся прелестными игрушками, разбросанными для украшенія въ грандіозномъ тропическомъ паркѣ.

Особенно привлекаютъ взоръ двѣ гигантскія варингіи (*Ficus indica*), находящіяся на базарѣ, съ вѣтвей ихъ спускаются цѣлыми завѣсами воздушные корни,—ихъ постоянно обрѣзають, такъ что дерево не можетъ укорениться ни въ землѣ.

Во время нашего двухдневнаго пребыванія въ Паякомбо, мы не преминули совершить экскурсію въ одно изъ ущелій, какія являются столь характерными для падаггскаго плоскогорія,—до этого ущелья Арау мы безъ труда добрались въ два часа въ легкой малайской повозкѣ. Хижины этой густо заселенной равнины кажутся болѣе бѣдными, но ландшафтъ развѣртывается чрезвычайно своеобразный и красивый. На краю равнины вертикально обрываются стѣны скалъ и въ одномъ мѣстѣ онѣ сходятся ближе одна съ другою и образуютъ узкое ущелье. Стѣны эти поднимаются на 300 метровъ высоты и образованы горизонтальными слоями, слежавшихся въ брецію осадковъ, которые пронизаны многочисленными вертикальными коралловыми рифами. Со стѣнъ сбѣгаетъ множество водопадовъ, изъ нихъ одинъ, образованный ручьемъ Батаггъ-Арау, сильно напоминаетъ нашъ Штаубахъ. Водопады эти, низвергаясь съ высоты, снабжаютъ водою рисовыя поля, которыя простираются до самаго входа въ ущелье. (рис. 54).

Въ одномъ мѣстѣ отвѣсныя стѣны сходятся между собою на 20 метровъ, далѣе онѣ опять расходятся и образуютъ вытянутую въ длину впадину, гдѣ раздается отъ произведеннаго выстрѣла многократное эхо. Лишь у расширеннаго входа въ ущелье располагается нѣсколько бѣдныхъ туземныхъ хижинъ, почти закрытыхъ зеленою болѣешихъ фруктовыхъ деревьевъ. Всюду, гдѣ только можетъ найти себѣ опору, развивается на обрывахъ богатѣйшая растительность ползучихъ папоротниковъ (*Lygodium*), меластомаций съ красными цвѣтами и широколистныхъ цингеберацей. Почва покрыта широко распространенными въ тропикахъ папоротниками изъ семейства *Gleicheniaceae*, между которыми выдѣляется также распространенный по всему свѣту орлякъ и роскошные древовидные папоротники (*Cyathea*). Надъ цвѣтами порхаютъ пестрыя бабочки, и между ними особенно выдѣляются своею красотою представительницы рода *Ornithoptera*—на первый взглядъ кажется, что поймать ихъ очень легко, но при малѣйшей попыткѣ оказывается, что это дѣло трудное, тѣмъ болѣе, что роскошная растительность не позволяетъ сдѣлать ни шагу въ сторону отъ тропинки.

Нагорная часть Суматры производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе на каждого, даже если ему и не приходилось только что испытать всѣ прелести плаванія въ антарктическихъ водахъ. И для натуралиста и для интересующагося социальными условіями найдется въ этой странѣ много привлекательныхъ задачъ. Кто желаетъ познаться съ тропическими странами и ихъ обліемъ жизни, тому вполне можно порекомендовать эти плоскогорія Явы и Суматры, гдѣ путешествовать можно гораздо безопаснѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ. Нигдѣ, впрочемъ, контрасты не являются такими рѣзкими, какъ на Суматрѣ. На сѣверѣ плоскогоріе примыкаетъ къ странѣ баттаковъ,

которые еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ занимались каннибализмомъ; на югѣ и на востокѣ простираются обширныя, едва изслѣдованныя области, самостоятельность которыхъ признана самимъ голландскимъ правительствомъ, наконецъ, на западъ отъ Паданга лишь въ полуднѣ пути, располагается самый большой изъ острововъ—Ментавей, туземцы котораго встрѣчаютъ чужестранцевъ отравленными стрѣлами.

Овѣженные и почти опьяненные райскими ландшафтами плоского-рія, возвратились мы въ жаркую гавань Эммы, куда за это время пришло еще одно германское судно—крейсеръ «Буссардъ». Въ знакъ признательности, мы дали представителямъ голландскаго правительства вечеромъ передъ отходомъ «Вальдивы» банкетъ, на которомъ съ особымъ воодушевленіемъ былъ принятъ тостъ за здоровье голландской королевы. Гостей нашихъ мы проводили съ музыкой до экстремнаго поѣзда въ Падангъ, который отошелъ, однако, съ опозданіемъ въ 4 часа.

ГЛАВА XIV.

Острова Ментавей.—Туземцы.—Островъ Нисъ.—Атё.—Работы на глубинахъ.

Въ поведѣльникѣ 30-го января, въ 6 часовъ утра мы подняли якорь и вышли изъ гавани Эммы, направляясь къ сѣверной оконечности самаго большаго изъ острововъ Ментавей—острова Сиберуть. Море было гладко, какъ зеркало, и когда мы обогнули Апенбергъ и множество мелкихъ рифовъ и островковъ, располагающихся передъ Падангскимъ рейдомъ, передъ нами раскрылся чрезвычайно красивый видъ на хребетъ Баризанъ съ господствующими надъ нимъ вулканами Сингаданъ и Мерапи. На сѣверѣ въ легкой дымкѣ видѣлся вулканическій конусъ Пазаманъ или гора Офиръ, о которой существуетъ столько преданій. Трудно сказать, почему именно сюда относятъ страну Офиръ, изъ которой царь Соломонъ получалъ на корабляхъ золото, драгоценные камни и сандаловое дерево. Прежде считали гору Офиръ значительно выше, чѣмъ она оказалась въ дѣйствительности (3.000 метровъ), точно также не оправдались и ожиданія найти на Суматрѣ богатые россыпи золота. Правда, въ области первозданныхъ породъ существуютъ россыпи, гдѣ promывается золото туземцами, но добыча его настолько незначительна, что до сихъ поръ Суматра не оправдываетъ даваемого ей по традиціи названія страны золота.

Наши дальнѣйшія изслѣдованія были посвящены той части моря, которая располагается между юго-западнымъ берегомъ Суматры и находящимся передъ нею рядомъ острововъ. Острова эти частью довольно крупные и отстоящіе далеко одинъ отъ другого, частью же представляютъ изъ себя мелкіе островки и рифы, разсѣянные во множествѣ и выполняющіе сѣверную болѣе мелководную часть даннаго бассейна. Самымъ южнымъ островомъ является Энгано, гдѣ въ настоящее время населеніе чрезвычайно быстро развивается, за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи слѣдуетъ островъ Триестъ, который мы видѣли при приближеніи къ Суматрѣ. Далѣе примыкаетъ группа острововъ, называемыхъ островами Ментавей. Самые южные острова этой группы, именно сѣверный и южный Пагъ, называются голландцами также Нассаускими островами. Самый значительный изъ этихъ острововъ, представляющихъ въ этнографическомъ отношеніи одно цѣлое, островъ Сиберуть; проливъ, располагающійся на уровнѣ Паданга и называемый Сиберутскимъ, отдѣляетъ этотъ островъ отъ острововъ Бату, за которыми слѣдуетъ далѣе самый значительный изъ всѣхъ острововъ, островъ Нисъ, и за нимъ мелкіе островки Баніакъ и островъ Баби. Относительно геологическаго строенія всѣхъ этихъ острововъ мы, къ сожалѣнію, мало освѣдомлены. Всѣ они покрыты густымъ лѣсомъ и почти не изслѣдованы; врядъ ли бы стоило приводить тѣ

единичныя геологическія наблюденія, которыми мы располагаемъ по отношенію къ острову Ніасъ. Достаточно сказать, что вулканическая природа ихъ, въ противоположность Суматрѣ, еще не доказана съ достовѣрностію, хотя частыя землетрясенія, распространяющіяся отъ Суматры, захватываютъ и эти острова. Повидимому, внутри острововъ имѣется ядро первозданныхъ породъ, которое прикрыто осадочными отложеніями болѣе новаго происхожденія—на островѣ Ніасъ были найдены мергели и слои бурого угля ранняго миоценоваго періода и миоценовые коралловые известняки.

Бассейнъ, заключающійся между берегомъ Суматры и названными рядами острововъ, изобилуетъ въ сѣверной части своей многочисленными коралловыми рифами, которые дѣлаютъ судоходство опаснымъ. Въ южной части рифы имѣются лишь около береговъ Суматры, передъ которыми располагаются упомянутые уже многочисленные коралловые островки, покрытые лѣсомъ.

На морскихъ картахъ указывается около острововъ глубина до 60 сажень, онѣ не даютъ, однако, никакихъ данныхъ относительно глубины въ южной части бассейна Ментавей. Мы имѣли возможность получить здѣсь цѣлый рядъ новыхъ данныхъ какъ по океанографіи, такъ и по зоологіи этой части моря, причемъ самыми важными являлись, несомнѣнно, тѣ, которые касаются глубины и своеобразныхъ температурныхъ условій именно южной части бассейна. Можно было предполагать, что здѣсь относительно мелководная область, и мы не мало были изумлены, найдя, еще при приближеніи къ берегамъ Суматры глубину въ 1.671 метръ. Пять нашихъ промѣровъ показали здѣмъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ относительно замкнутою впадиною, гдѣ глубина достигаетъ даже 2.000 метровъ. Здѣсь имѣются, слѣдовательно, такія же условія, какія были установлены прежними изслѣдованіями въ западной части Тихаго океана. Такъ, между Филиппинскими островами и Китаемъ находится глубокая китайская впадина, изъ которой примыкаютъ нѣтъ другихъ—между ними впадины Целебеса, Тимора и Банда. Относительно распределенія этихъ впадинъ, глубины ихъ и температурныхъ условій было добыто множество новыхъ и важныхъ результатовъ голландскою экспедиціею «Сибоба», находившеюся подъ начальствомъ проф. Вебера. Достаточно сказать, что въ общемъ впадины эти значительно глубже, чѣмъ открытая «Валдиней» впадина у Суматры, названная проф. Зупаномъ «впадиной Ментавей». Удерживая это названіе, я долженъ лишь замѣтить, что распространю его, чтобы не придумывать новаго названія, и на болѣе мелководную сѣверную часть.

Уже прежними промѣрами было установлено, что рядъ острововъ, расположенныхъ передъ Суматрой, поднимается прямо съ огромныхъ глубинъ. Мы будемъ еще имѣть случай, говоря о нашихъ промѣрахъ на западъ отъ острова Ніаса, остановиться на этихъ условіяхъ подробно. Пролитыя между отдѣльными островами оказываются, однако, не особенно глубокими. Въ Сиберутскомъ проливѣ мы наши глубины въ 750 метровъ, а посредній проливъ Ніаса на югъ отъ этого острова—въ 677 метровъ. Окружающія впадины глубины, повидимому, не превосходятъ 900 метровъ.

Если сравнить теперь серію температурныхъ наблюденій, произведенныхъ нами въ этой впадинѣ Ментавей, съ наблюденіями въ открытомъ Индійскомъ океанѣ, то оказывается, что здѣсь, начиная отъ глубины въ 900 метровъ, температура остается равною 5,9°, тогда

какъ въ открытомъ океанѣ она и глубже постепенно убываетъ, такъ что, напримѣръ, на глубинѣ 1.300 метровъ равняется $+4^{\circ}$ и на 1.700 метровъ— $+3^{\circ}$. Изъ этой разницы въ температурахъ мы можемъ съ увѣренностью вывести, что вокругъ впадины Мантавей располагаются глубины не болѣе 900 метровъ и что, начиная отъ этой глубины, здѣсь, какъ и во всѣхъ замкнутыхъ впадинахъ, температурныя условія являются независимыми отъ таковыхъ открытаго океана.

Можно лишь указать, что въ упомянутыхъ впадинахъ, исследованныхъ экспедиціей «Сибоба», глубина обыкновенно превышаетъ 4.000 метровъ и окружающія глубины также значительнѣе. Именно, тамъ наблюдается отсутствіе пониженія температуры, начиная съ 1.600 метровъ, отъ какой глубины начинается и постоянная температура въ $+3^{\circ}$.

Замѣчательно еще то обстоятельство, что содержаніе соли во впадинѣ Мантавей составляетъ на поверхности 33,8 на 1.000 и менѣе значительно, чѣмъ на большихъ глубинахъ, такъ какъ, напримѣръ, на 600 метрахъ соли содержится 85,3 на тысячу. Уменьшеніе солёности на поверхности обуславливается, по всей вѣроятности, тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ областью, находящейся въ районѣ сѣверо-западнаго муссона съ его обильными потоками дождевой воды.

Здѣсь повторяются приблизительно тѣ же климатическія условія, какія были нами встрѣчены въ области Гвинейскаго теченія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь воздухъ насыщенъ влагою и чрезвычайно теплый: температура воздуха въ полдень въ среднемъ даетъ 31° C и не понижается даже и тогда, когда низвергаются сильнѣйшіе ливни, сопровождаемые грозой. Подобная гроза разыгралась въ ту самую ночь, когда мы покинули Падангъ, и прямо не вѣрилось потомъ, когда вскорѣ послѣ грозы въ совершенно гладкомъ морѣ отражались лучи полного мѣсяца, что только что передъ тѣмъ такъ расходились стикіи.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы вступили въ область впадины Мантавей, насъ чрезвычайно поразили результаты нашихъ траловъ, которые заставили предполагать, что при болѣе тщательномъ изслѣдованіи намъ удастся добыть значительное количество подводныхъ сокровищъ. Надежды эти не обманули насъ, и мы остались здѣсь нѣсколько дольше, чѣмъ предполагали первоначально, и даже измѣнили нѣсколько нашихъ маршрутъ, захвативъ въ районъ изслѣдованій и Нимобарскіе острова.

Прежде чѣмъ говорить о зоологическихкихъ результатахъ, да будетъ позволено намъ обратить вниманіе читателя на самые острова и ихъ обитателей. Когда мы вечеромъ 30-го января подошли къ острову Сиберуту, намъ бросилось прежде всего въ глаза значительное отлѣченіе общаго облика этого самаго большаго изъ острововъ по сравненію съ Суматрой. Сиберутъ, хотя и гористъ, во сравнительно низменъ и, насколько хватаетъ глазъ, покрытъ густымъ дѣйственнымъ лѣсомъ, надъ которымъ располагаются тяжелыя облака тумана. Въ Падангѣ насъ настойчиво предостерегали не пытаться высадиться на островъ, такъ какъ обитатели его пользуются дурною славой. Повиднѣе я сильно сожалѣлъ все же, что мы не посетили если не этого самаго острова, то, по крайней мѣрѣ, острововъ, располагающихся южнѣе, — причиной тому было всеобщее увлеченіе результатами нашей работы траломъ, которыми были заняты всѣ освободившія руки. Этнографическій интересъ, представляемый населеніемъ этихъ острововъ, все же настолько великъ, что я позволю себѣ сказать здѣсь о туземцахъ нѣсколько словъ. Я могу привести также и нѣсколько фотографій, изображающихъ туземцевъ; — едѣ

были мнѣ любезно предоставлены г. Ньювенгюйсомъ въ Падангѣ. Консулу Шильду я очень благодаренъ за коллекцію этнографическихъ предметовъ съ острова сѣвернаго Пагэ,—они представляютъ также большую рѣдкость для нашихъ музеевъ.

Первый европеецъ, сообщившій намъ свѣдѣнія о туземцахъ острововъ Ментавей, былъ нѣмецъ, г. фонъ-Розенбергъ, состоявшій на голландской службѣ и посѣтившій острова по порученію голландскаго правительства. Позднѣе, кромѣ посѣщенія острововъ голландскими чиновниками, при какомъ случаѣ были сняты и прилагаемыя фотографии, острова были изучены въ 1897 г. Маасомъ и Моррисомъ—послѣднему принадлежить превосходное насѣдovanje языка обитателей острововъ Ментавей. Что касается до

внѣшности туземцевъ этихъ острововъ, то мы имѣемъ здѣсь племя средняго роста, отличающееся сильнымъ и красивымъ тѣлосложеніемъ и красновато-коричневымъ или желтовато-коричневымъ цвѣтомъ кожи. По типу своему они въ значительной степени уклоняются отъ малайцевъ Суматры и иногда проявляютъ нѣкоторое сходство съ папуасами—это касается въ особенности обитателей острова южнаго Пагэ. Съ другой стороны, нельзя отрицать также сходства съ даяками, обитающими на о. Борнео. Губы ихъ нѣсколько толсты, носъ длинный и плоскій и скулы выдаются не такъ сильно, какъ у малайцевъ. Глаза, большіе и выразительные, расположены не косо, хотя нижнее вѣко во внутреннемъ углу глаза и оттянуто нѣсколько книзу.

Волоса какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, длинные, черны, слегка волнисты и либо свободно спускаются, либо завязываются въ узелъ. Молодые мужчины обрѣзаютъ ихъ спереди коротко и зачесываютъ ихъ на лобъ. Бороды, судя по фотографіямъ, у нихъ не имѣется. Бетелъ туземцы острововъ Ментавей не жуютъ и лишь курятъ табакъ, который они свертываютъ въ видѣ сигаретокъ, заворачивая въ листья пальмы нипа, вслѣдствіе этого у нихъ бѣлые зубы, которые, кромѣ того, спереди выпиливаются въ видѣ треугольниковъ. Обитатели острова Сиберута и Пора покрываютъ свое тѣло замѣчательной татуировкой. Одѣяніе ихъ въ высшей степени примитивно. Мужчины ходятъ совершенно нагими за исключеніемъ пояса вокруг поясицы, сотканнаго изъ волоконъ растений и окрашеннаго въ коричневый цвѣтъ. Дальнѣйшимъ дополненіемъ наряда является огромная юбка, какой не извѣстно ни у одного изъ дикихъ народовъ,—она готовится изъ листьевъ саговой пальмы. Одѣяніе женщинъ также состоитъ изъ пояса изъ лубяныхъ волоконъ вокруг бедеръ, причемъ,

Рис. 62. Молодой туземецъ съ о. Сѣв. Пагэ.

выходя изъ дому, женщина одѣваетъ еще удивительное украшеніе, которое является характернымъ для этой народности, именно какъ бы короткую юбку изъ расщипанныхъ сухихъ листьевъ банана. Тогда какъ у дѣвушекъ верхняя часть тѣла открыта, женщины надѣваютъ еще на грудь такой же воротничокъ изъ расщепленныхъ листьевъ, а на островѣ Пага грудь стягивается лентою, сотканною изъ лубяныхъ волоконъ. Женскія шляпы на островахъ Сиберутъ и Пора имѣютъ форму дѣтскихъ шлемовъ. На островѣ Пага онѣ дѣлаются изъ расщепленныхъ банановыхъ листьевъ и имѣютъ остроконечную форму.

Очень симпатичное впечатлѣніе производятъ то, что мужчины и женщины любятъ украшать себя постоянно свѣжими пестрыми цвѣтами и птичьими перьями. Въ новязку, которую они носятъ на лбу, они втыкаютъ постоянно красные цвѣты растенія *Nibiscus rosa sinensis*; этотъ уборъ необыкновенно подходитъ къ ихъ темной кожѣ, о чистотѣ которой они очень заботятся, совершая постоянныя омовенія и натирая ее маслами. Они любятъ также носить ожерелья изъ пестрыхъ кусочковъ раковинъ или вымѣниваемыхъ ими жемчужинъ, а вокругъ пояса накручиваютъ длинныя ленты, сплетенныя изъ волоконъ пальмы ротанга. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ кольца и браслеты.

Рис. 63. Старикъ и дѣвушка съ Сѣв. Пага.

То обстоятельство, что острова Ментавей мало посѣщаются европейцами, обусловливается, главнымъ образомъ, присутствіемъ у островитянъ очень опаснаго оружія. Для охоты на кабановъ, оленей и обезьянъ, а также и для своей защиты они употребляютъ луки съ отравленными стрѣлами, которыми попадаютъ безъ промаха въ цѣль на 50—60 шаговъ разстоянія. Луки эти чернаго цвѣта, при-

готовляются изъ эластичнаго дерева пальмы салапъ (*Drenga obtusifolia*), тетевя ихъ дѣлается изъ лубяныхъ волоконъ, пропитанныхъ смолою. Каждая стрѣла состоитъ изъ двухъ частей, именно изъ самого древка, которое вырѣзается изъ черешковъ листьевъ пальмы нипа, и изъ наконечника изъ дерева *Caryota urens*, сдѣланнаго на огнѣ болѣе твердымъ. Иногда вмѣсто длинныхъ деревянныхъ наконечниковъ прикрѣпляется шипъ, взятый изъ хвоста ската или же металлическій наконечникъ, имѣющій форму ланцета. По даннымъ, сообщаемымъ Розенбергомъ, употребляемый туземцами ядъ приготавливается изъ дерева «умай» и смѣшивается съ экстрактомъ корней кустарника *Coccolus*, причемъ прибавляется табакъ и красный перецъ. Я передалъ для изслѣдованія дѣй полученныя мною стрѣлы моему сотоварищу Бему, известному своими работами по фармакологіи, и по его наблюденіямъ оказывается, что одна изъ стрѣлъ не произвела никакого отравленія, тогда какъ другая, несмотря на то, что она такъ долго лежала безъ употребленія, выказала чрезвычайно энергичное дѣйствіе. Въ краткомъ сообщеніи его говорится слѣдующее: «Стрѣла изъ второго колчана для лучшаго укрѣ-

плени яда обмотана на своемъ концѣ нитями, которыя заѣмъ обмазаны ядовитымъ тѣстомъ, образующимъ довольно толстый слой. Выдѣленный ядъ легко растворяется въ водѣ и растворъ 5—10 миллиграммовъ вызываетъ у лягушекъ характерную систолическую остановку сердца по прошествіи около получаса. Кошка погибаетъ черезъ одну часть послѣ подкожнаго впрыскиванія раствора 0,06 грамма, причеиъ также замѣчаются симптомы, характерныя для сердечныхъ ядовъ. Алколоидовъ въ растворѣ яда нельзя доказать и является несомнѣннымъ, что ядъ этотъ относится къ глюкозидамъ группы сердечныхъ ядовъ и представляетъ изъ себя, по всей вѣроятности, антиаринъ, приготовленный изъ *Antiaris toxicaria*. Стрѣлы сохраняются въ бамбуковомъ канчанѣ, который носится на шнурѣ или лентѣ изъ дубяныхъ волоконъ и имѣетъ покрывну, предохраняющую стрѣлы отъ дождя и морской воды.

Кромѣ стрѣлъ и луковъ, пускаются въ ходъ также копья и кинжалы, концы которыхъ съ лезвіями по обѣимъ сторонамъ и сдѣланы изъ желѣза; послѣднее туземцы выѣмываютъ у малайскихъ и китайскихъ торговцевъ и съ удивительнымъ искусствомъ оттачиваютъ надлежащимъ образомъ. Древко копья состоитъ изъ тонкаго бамбука и оканчивается мѣдной гильзой, на концѣ которой и находится длинное острие. Рукоятки кинжаловъ и ихъ ножны сдѣланы очень аккуратно изъ свѣтлаго дерева; рукоятка обыкновенно изогнута и оканчивается фигурой, напоминающей голову птицы. Кинжалъ туземцы носятъ съ правой стороны за поясомъ, которымъ опоясывается животъ. Необыкновенно малы и легки щиты ихъ, покрытые какъ смутри, такъ и снаружи пестрыми узорами;—они уже и лишь немного длиннѣе шляпы и, по сравненію съ большими щитами другихъ первобытныхъ племенъ, являются совершенно иррегулярными. Тѣмъ не менѣе они недостаточны для того, чтобы закрывать тѣло воина отъ стрѣлъ.

Всѣ туземцы—страстные охотники и рыболовы, пускающіеся въ море на челнокахъ, сдѣланныхъ изъ выдолбленнаго ствола дерева. Челноки эти различной величины: на островѣ Пора у старшинъ поселеній имѣются большіе лодки, поднимающія до 120 человекъ, обыкновенно же употребляются лодки меньшей величины, на которыхъ мужчина съ женщиной могутъ грести, стоя на колѣняхъ, маленькими веслами. Даже дѣти пускаются въ море на маленькихъ лодочкахъ, имѣющихъ форму полумесяца. На островѣ Южномъ Пагѣ лодки снабжены двумя бревнами, соединенными съ ними, при помощи перекладины и служащими для поддержки равновѣсія. Форма веселъ очень различна—иногда лопасть весла дисковидна и привязана къ рукояткѣ ротанговой пальмой, иногда обѣ части сдѣланы изъ одного куска и являются заостренными. У болѣе крупныхъ лодокъ имѣются одна или двѣ мачты, къ которымъ прикрѣпляется парусъ, сдѣланный изъ луба. Для рыбной ловли употребляются, кромѣ сѣтей, также гарпуны, которыми, повидимому, стрѣляютъ изъ лука. Подобно стрѣлѣ, такой гарпунъ состоитъ изъ двухъ частей: нижняя очень легка и сдѣлана изъ тонкаго бамбука, верхняя можетъ на нее надѣваться и несетъ три острія съ зазубринами. При помощи длинной нити, навязанной на нижнюю часть наконечника, наконечникъ не отдѣляется отъ бамбука совершенно и не теряется даже, когда соскакиваетъ съ дрекна. Такъ, надо думать, дѣло и происходитъ, когда гарпунъ попадетъ въ рыбу: острія съ зазубринами вонзаются въ тѣло, тогда какъ легкая бамбучинка остается плавать на поверхности и, какъ поплавокъ, указываетъ, куда направилась рыба.

Жилища туземцевъ располагаются обыкновенно далеко отъ берега на небольшихъ рѣчкахъ или ручьяхъ. Въ деревняхъ ихъ, кромѣ жилищъ, встрѣчаются обширные дома собраній, гдѣ могутъ принимать участіе въ празднествахъ по нѣскольку сотъ человѣкъ. Обыкновенныя жилища у основанія прямоугольны, покоятся на бамбуковыхъ столбахъ и имѣютъ иногда выдающуюся площадку и красиво убранный фасадъ. Въ качествѣ гѣстинцы служатъ стволъ дерева съ вырѣзанными въ немъ ступенями.

Вблизи деревень разводятся небольшія и очень примитивныя плантаціи кококазій, банановъ, сахарнаго тростника, кокосовыхъ и саговыхъ пальмъ.

Относительно религіозныхъ вѣрованій туземцевъ, играющихъ столь важную роль въ жизни народа, что нерѣдко въ теченіе цѣлыхъ недѣль чужестранцы совершенно не допускаются въ деревни, мы знаемъ пока еще очень мало. Туземцы вѣруютъ въ существованіе добраго духа, которому они, передъ тѣмъ, какъ ѣхать на рыбную ловлю, приносятъ жертвы въ богато убранныхъ храмахъ, располагающихся среди дѣвственнаго лѣса. На островѣ Пора встрѣчаются священныя изображенія, состоящія изъ огромнаго бамбуковаго цилиндра, убраннаго перистыми полосками матерій и цвѣтами; подобныя же маленькіе священныя предметы изъ свернутыхъ листьевъ, завороченныхъ въ матерію, сохраняются въ домахъ. Настоящихъ идоловъ туземцы вырѣзать не умѣютъ; въ домахъ у нихъ помѣщаются нерѣдко черепа оленей, обезьянъ, свиней и спинные щиты черепахъ и надо полагать, что все это является предметомъ поклоненія. Боязнь злыхъ духовъ и забота объ ихъ умиловленіи обуславливаютъ различные обряды, выполняемые при всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ, какъ рожденіе, свадьба или смерть.

По характеру своему туземцы представляютъ изъ себя очень живнерадостную народность, постоянно занятую пѣснями и танцами, состоящими въ стрѣльбѣ изъ лука и въ плаваніи и пѣтупинными боями. При танцахъ одѣвается особый передникъ и танцующіе своими тѣлодвиженіями подражаютъ полету птицъ. Ментавейцамъ вообще не чуждо понятіе объ искусствѣ, какъ это доказыаается уже превосходно выполненными рѣвными украшеніями ихъ и изготовляемыми ими очень похожими изображеніями животныхъ.

Употребленіе лука и стрѣлы считается одною изъ характерныхъ чертъ меланезійской расы. Должно, однако, принять во вниманіе, что, съ одной стороны, далеко не всѣ меланезійцы знакомы съ этимъ оружіемъ. съ другой—непритѣсы восточнаго Люсона также пользуются исключительно лукомъ и стрѣлами. Даяни острова Борнео стрѣляютъ исключительно отравленными стрѣлами, но для стрѣльбы употребляютъ не лукъ, а метательный трубки, въ которыя вдвухается воздухъ. Можно сказать, что на востокъ отъ Сумбаны, Целебеса и Филиппинскихъ острововъ употребляется лукъ, а на западъ отъ нихъ—метательная трубка. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что на самой западной изъ группъ острововъ Малайскаго архипелага снова встрѣчается народность, употребляющая лукъ и отравленные стрѣлы, которыхъ не знаютъ ни обитатели острова Энгаю, ни туземцы Ниса. Здѣсь на этихъ столь мало изслѣдованныхъ островахъ вообще встрѣчаются замѣчательныя контрасты: на Энгаю, напримѣръ, употребляются для защиты такія неуклюжіе и тяжелые щиты, что они являются почти цѣлыми домищъ, закрывающими вонна; съ другой стороны, на островахъ Ментавей щиты становятся совершенно зачаточными.

Въ ментавейцахъ мы, несомнѣнно, имѣемъ съ этнографической точки зрѣнія очень интересную народность, о происхожденіи которой пока еще трудно что-либо сказать. Представляютъ ли изъ себя туземцы острововъ Ментавей то первоначальное населеніе, которое было распространено прежде и на Суматрѣ и затѣмъ было вытѣснено малайскими пришельцами, или же оно находится въ какой-либо связи съ полинезийцами? Эти вопросы могутъ быть разрѣшены лишь путемъ болѣе подробныхъ этнографическихъ изслѣдованій.

Послѣ описанія туземцевъ острововъ Ментавей будетъ не безынтересно привести и характеристику населенія острова Нiasъ. Нiasцы преданы фетишизму, пользуются дурною славою каннибаловъ и занимаютъ среди нестраго малайскаго населенія Архипелага совершенно изолированное положеніе. Въ южной части острова, гдѣ ихъ не коснулась культура, они вполне сохранили свою самобытность и потому, быть можетъ, читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь тѣ поверхностныя наблюденія, которыя были нами сдѣланы во время краткаго посѣщенія этой части острова.

Покончивъ съ работами въ проливѣ Сиберутъ мы прошли мимо низменнаго острова Бату, впереди котораго располагается маленькій островокъ Пуло-Бодало. На немъ находится маякъ, рѣзко выделяющійся на темномъ фонѣ дѣвственнаго лѣса. 1-го февраля мы перешли четвертый разъ черезъ экваторъ и, въ виду полученныхъ при работѣ въ морѣ богатыхъ результатовъ, крейсировали здѣсь два дня, въ Южномъ Нiasскомъ проливѣ. 2-го февраля мы подошли въ посѣбобѣденное время близко къ южному берегу острова Нiasъ и, чтобы познакомиться съ островомъ, вошли въ тихую бухту Талокъ-Даламъ. Она представляетъ изъ себя восхитительное зрѣлище, — берега ея окаймлены пальмами и съ восточной стороны дѣвственный лѣсъ спускается къ самому берегу. Мы встали на якорь на 16 саженьхъ глубины и я рѣшился съѣхать съ нѣсколькими изъ спутниковъ на берегъ, гдѣ мы замѣтили множество собравшихся коричневыхъ туземцевъ.

Бухта почти до самаго берега глубока и окаймлена коралловымъ рифомъ, состоящимъ преимущественно изъ мадрепоръ съ ихъ голубоватыми концами вѣтвей. При нѣкоторой осторожности удастся подойти съ лодкой къ самому берегу, на который мы и выбрались, пройдя въ бредъ отъ коралловаго рифа. Со всѣхъ сторонъ сошлись туземцы, и для новичковъ представилось чрезвычайно интересное зрѣлище цѣлой толпы почти нагихъ, вооруженныхъ мужчинъ, которые, однако, совершенно не производили впечатлѣнія кровожадныхъ дикарей. Они встрѣтили насъ очень привѣтливо, брали насъ за руки и произносили цѣлыя рѣчи на совершенно непонятномъ для насъ, но довольно благозвучномъ нарѣчій, сильно отличающемся отъ малайскаго. Лишь одинъ рослый туземецъ, вооруженный копьемъ и щитомъ, кричалъ намъ уже издали и подскочилъ было ко мнѣ съ поднятымъ копьемъ, но передо мной воткнувъ его въ песокъ. Потомъ онъ опять началъ очень возбужденно размахивать копьемъ и я въ первый моментъ даже подумалъ, что не захватилъ съ собою оружія; когда я, однако, вставилъ ему бывшую у меня во рту горящую сигару въ ротъ, онъ успокоился и сталъ самымъ миролюбивымъ образомъ ею попыхивать.

Мы имѣли прекрасный случай познакомиться съ наружностью туземцевъ и ихъ типомъ, такъ какъ со всѣхъ сторонъ къ намъ подошло все болѣе и болѣе народу; подошли и прятавшіяся первоначально въ отдаленіи женщины.

По своей внѣшности обитатели Ніаса ближе подходятъ къ малайцамъ, чѣмъ туземцы острововъ Ментавей. Скулы ихъ, правда, не выдаются такъ сильно, какъ у малайцевъ, но губы толсты и носъ плоскій. Въ большинствѣ случаевъ безбородые мужчаны свѣтло-кофейнаго цвѣта едва достигаютъ средняго роста, но тѣлосложеніе у нихъ необыкновенно мускулистое и граціозное. Волоса ихъ либо свѣшиваются свободно, либо завязаны въ узелъ; у нѣкоторыхъ волосы были совершенно сбиты, тогда какъ другіе оставили на головѣ только вѣнецъ короткихъ волосъ. Рѣзцы, черные отъ жеванія бетеля, нѣсколько сплюснены, но не заострены треугольникомъ. Изъ бойкихъ ребятъ много было обезображены отвѣсными животомъ. Женщины почти на го-

Рис. 64. Молодой туземецъ съ о. Ніасъ.

лову ниже мужчинъ; груди у нихъ слабо развиты. Круглое лицо дѣвущекъ часто довольно пріятно, но у женщинъ обыкновенно лица истощенныя и сморщенные. Одежда мужчинъ чрезвычайно примитивна — бѣлизно свѣшивается до пояса, концы которой свѣшиваются спереди и снабжены бахромой. У нѣкоторыхъ были одѣты открытыя на груди кофты безрукавки, сшитыя изъ луба. У мужчинъ вокруг лба находилась часто повязка или шнурокъ, сдерживающій волосы, тогда какъ у другихъ волосы были завязаны платкомъ и изъ него было сдѣлано дѣло въ родѣ повязки, наконечъ, кое у кого были на головѣ и шляпы. Собранные кокосовые орѣхи туземцы приносили на бамбуковыхъ палкахъ, связанныхъ между со-

бою въ видѣ вѣстниды. У женщинъ верхняя часть тѣла была голая, тогда какъ отъ пояса свѣшивался узкій темно-синій саронгъ. Одѣ носили круглыя малайскія шляпы изъ пальмовыхъ листьевъ, причемъ, когда носил какую-нибудь тяжесть, то клали шляпу въ сплетенный изъ луба вѣшокъ. На шеѣ у женщинъ мы видѣли шнуры со стеклянными бусами, уши ихъ были украшены большими и тяжелыми серебряными кольцами, совершенно оттягивающими мочку уха. Мужчины не носятъ серегъ, но у нѣкоторыхъ все же было проколото ухо и на шеѣ висѣли бусы. Боле пожилые мужчины ходили вооруженные столь характерными для острова Ніаса копьями и щитами. Древко копья дѣлается изъ пальмоваго дерева (Arenga) и оплетается кольцами ротанговой пальмы. Желѣзный наконечникъ имѣетъ лезвіе лишь съ одной стороны и снабженъ длинной зазубриной. Щитъ ніасцевъ отличается незначительной шириною и вытянутъ въ два узкихъ конца, изъ которыхъ нижній

богѣ длинный. Каждый, не исключая и самыхъ молодыхъ, носятъ при себѣ заткнутый за поясъ короткий кинжалъ.

Мы одарили ихъ всѣмъ, что только у насъ было съ собою и, смѣю заставить, что мы никогда еще не приходилось вести богѣ пріятной собесѣдованной бесѣды: я говорилъ на чистѣйшемъ франкфуртскомъ нарѣчій, а они мы отвѣчали на превосходномъ ніасскомъ діалектѣ! Всеобщее удовольствіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда одинъ изъ моихъ спутниковъ, на голову выше всѣхъ туземцевъ, взявъ отъ одного изъ нихъ длинное копье и, завывая не хуже ніасца, началъ воспроизводить фантастическій воинственный танецъ; ніасцы выхватили свои кинжалы, потрясали копьями и щитами и вскорѣ вся компанія пустилась въ плясъ, выдѣлывая самые невѣроятные прыжки къ великому отчаянію оставшихся на «Вальдиві», которые думали, что на насъ совершенно нападеніе.

Островъ Ніасъ съ населеніемъ приблизительно изъ 200.000 душъ находится лишь отчасти подъ голландскимъ вліяніемъ: въ главномъ населенномъ пунктѣ, находящемся на восточномъ берегу и называемомъ Гунунгъ Сатоли, живетъ голландскій контролеръ и стоитъ небольшой отрядъ войска подъ начальствомъ оберъ-лейтенанта. Контролеръ является президентомъ туземнаго суда, который рѣшаетъ всѣ дѣла по старинному обычному праву. Всѣ района Гунунгъ-Сатоли туземное населеніе почти независимо. Оно находится подъ властью многочисленныхъ райа, которымъ подчинены старосты деревень. Наиболѣе вліятельные райа носятъ въ качествѣ отличительнаго признака ихъ достоинства при торжественныхъ случаяхъ золотую корону очень оригинальной формы, особое копье и красное опахало.

Какъ разъ за послѣднее время неоднократно раздавались жалобы, что, благодаря постояннымъ распрямъ между отдѣльными общинами южнаго Ніаса, въ этой области неспокойно. Обитатели южнаго Ніаса пользуются дурною извѣстностью—говорятъ, что они часто нападаютъ на сосѣднія деревни и обращаютъ въ рабство жителей ихъ, оставшихся въ живыхъ послѣ рѣзни. Еще въ апрѣлѣ 1900 года недалеко отъ той бухты, гдѣ мы высадились, были найдены на берегу пять труповъ и между ними одинъ женскій, съ отрѣзанными головами. До 1827 года здѣсь процвѣтала торговля рабами и ежегодно вывозилось отсюда болѣе 1.500 рабовъ, но затѣмъ англійское, а впослѣдствіе голландское правительство искоренило это безобразное явленіе. Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ обращаются въ рабство не только туземцы, похищенные во время нападеній, но и тѣ, кто задолжалъ вождю. Послѣдніе искусно оплетаютъ своихъ должниковъ изъ года въ годъ все возрастающими долговыми обязательствами и, въ концѣ концовъ, не только самъ должникъ, но и его семья попадаетъ къ нимъ въ рабство, изъ когого можетъ освободиться лишь въ рѣдкихъ случаяхъ путемъ особенно настойчивой работы, позволяющей расплатиться. Когда умираетъ какой-либо уважаемый вождь, то, смотря по его рангу, умерщвляется большее или меньшее количество рабовъ, которые подвергаются нерѣдко предварительно страшнѣйшимъ истязаніямъ; головами ихъ украшается могила послѣ похоронъ.

По отношенію какъ къ магометанству, такъ и къ христіанству обитатели Ніаса выказываютъ полнѣйшее равнодушіе: всѣ ихъ религиозныя представленія ограничиваются вѣрованіями въ добрыхъ и злыхъ духовъ. Вліянію послѣднихъ приписываются всѣ несчастные случаи, заблѣваніе и смерть. Священнослужители ніасцевъ, такъ называемые

«эра», упражняются въ изгнаніи духовъ, какъ профессиональные заклинатели и шарлатаны. Добрые духи, остающіеся жить въ душахъ умершихъ, воспроизводятся въ видѣ изображеній предковъ или домашнихъ божествъ, такъ называемыхъ «аджу», которые ставятся въ домахъ. Въ деревняхъ нерѣдко ставятся идолы болѣе значительныхъ размѣровъ, сдѣланные изъ камня и являющіеся покровителями деревень, у вождей же пользуются большимъ почетомъ украшенные рѣзбою и одѣтые въ платья изображенія ихъ предковъ.

Что касается до характера нiasцевъ, то въ немъ перемѣшаны весьма симпатичныя черты съ совершенно отталкивающими. Жестокость, съ которою они не щадятъ при своихъ нападеніяхъ даже женщинъ и дѣтей, умерщвленіе рабовъ, жадность вождей и стремленіе ихъ закабалить своихъ подданныхъ обусловили, быть можетъ, возникновеніе гораздо худшаго представленія объ этомъ племени, чѣмъ оно въ дѣйствительности заслуживаетъ. Всѣ, кто долго жилъ съ ними вмѣстѣ или кому даже приходилось только имѣть дѣло съ нiasцами, выселившимися на Суматру, не могутъ, съ другой стороны, нахвалиться ихъ чистосердечіемъ и честности. Въ торговыхъ пунктахъ ихъ цѣнятъ также, какъ людей въ высшей степени жизнерадостныхъ, любящихъ попѣть и повеселиться, но въ то же время и очень прилежныхъ работниковъ. Особенно зарекомендовали они себя какъ превосходные мастера—опытные кузнецы и ткачи. Точно также они являются превосходными плотниками, чему служатъ доказательствомъ уже ихъ прекрасныя жилища, воздвигнутыя на огромныхъ столбахъ,—дворцы мѣстныхъ вождей отличаются иногда чрезвычайно красивой архитектурой и превосходно украшены рѣзбою.

Нiasцы, переселяющіеся на Суматру, легко подвергаются вліянію культуры и быстро возвышаются надъ общимъ уровнемъ развитія первобытныхъ людей, живущіе же на островѣ крѣпко держатся старины. Въ Палавгѣ мнѣ случилось въ сопровожденіи консула побывать на нiasской свадьбѣ. Передъ входомъ въ характерную лжижну нiasскаго стиля были выставлены домашнія божества, внутри же двигалась замѣчательно спокойно разряженная по праздничному толпа туземцевъ. Насъ посадили на почетныя мѣста и мы любовались отсюда оригинальными туземными танцами мужчинъ и дѣвушекъ, за которыми, къ моему величайшему изумленію, послѣдовала безупречно воспроизведенная кадрили даже съ дирижированіемъ по французски. Мы вынесли такое впечатлѣніе, что народность эта, во всякомъ случаѣ, высоко одарена.

Если голландцамъ удастся болѣе твердо основаться на островѣ Нiasъ и положить конецъ случающимся тамъ жестокостямъ, то надо ожидать, что туземное населеніе острова окажется однимъ изъ наиболѣе пригодныхъ къ воспріятію культуры племенъ малайской расы.

Прежними глубоководными промѣрами было установлено, что берега Явы и Суматры, обращенные къ Индійскому океану, опускаются въ море глубиною въ 5—6.000 метровъ. Подобныя крутые обрывы, какъ мы замѣчали еще ранѣе, не представляють изъ себя ничего особеннаго въ тѣхъ областяхъ, гдѣ благодаря вулканическимъ явленіямъ нарушается нормальное расположеніе слоевъ земной поверхности. Рельефъ дна вдоль сѣверо-западнаго берега Суматры не былъ точнѣе изученъ и намъ казалось интереснымъ выяснить путемъ серіи промѣровъ подробнѣе, какой наклонъ здѣсь имѣетъ дно. Потому мы отошли 3-го

февраля на 60 морскихъ миль отъ острова Нιάсъ и измѣрили глубину, которая оказалась здѣсь очень значительной, именно въ 5.214 метровъ. Придонная температура была $+1,2^{\circ}$ и грунтъ дна состоялъ изъ тонкаго зеленовато-сѣраго ила. Промѣры, произведенные на одинаковыхъ разстояніяхъ по направленію къ берегу, показали глубины въ 3.127, 1.143 и 600 метровъ—цифры, дающія достаточно наглядную картину того, какъ быстро понижается здѣсь дно на сравнительно короткомъ разстояніи.

Дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ при помощи глубоководныхъ термометровъ и вертикальных сѣтей препятствовало очень сильное теченіе по направленію къ сѣверу. Благодаря этому теченію, по поверхности плыло огромное количество саргассовъ, между которыми развита въ высшей степени оригинальная фауна низшихъ организмовъ. Во многихъ отношеніяхъ эта фауна напоминаетъ ту, которая встрѣчается въ Саргассовомъ морѣ Атлантическаго океана,—это сказывается и въ рѣзко выраженной покровительственной окраскѣ, замѣтной почти у всѣхъ видовъ. Ихъ желтовато или зеленовато-коричневые тона такъ удивительно гармонируютъ съ окраской водорослей, что водяныя птицы, охотящіяся за этой мелкой добычей, находятъ ихъ, вѣроятно, лишь съ большимъ трудомъ. Въ составъ такой плавучей саргассовой фауны входили рыбы, моллюски, ракообразные и черви. Между рыбами выдающееся мѣсто занималъ ведущій и въ Атлантическомъ океанѣ такой же образъ жизни родъ *Antennarius* и одинъ изъ представителей чешуекрылыхъ, спинной плавникъ котораго былъ курьезно вырѣзанъ и не только по своей окраскѣ, но и по формѣ удивительно напоминалъ листья водоросли. То же самое можно сказать и объ одномъ голомъ моллюскѣ съ придатками, чрезвычайно похожими на листья; моллюскъ этотъ (*Elysia*) быстро ползаетъ и чрезвычайно приспособился къ жизни въ плавучихъ водоросляхъ. Отдѣленный отъ нихъ онъ казался совершенно безпомощнымъ, извивался изъ стороны въ сторону и не могъ сдвинуться съ мѣста. Между ракообразными мы нашли здѣсь двухъ маленькихъ крабовъ, относящихся къ родамъ *Nautilograpsus* и *Neptunus*, которые также поразительно подходили по своей окраскѣ къ окружающей средѣ; то же самое сходство проявлялъ и одинъ изъ расщепленогихъ раковъ и два небольшіе кольчатые черви.

Какъ въ Южно-Ніасскомъ, такъ и въ Сѣверо-Ніасскомъ проливѣ мы предприняли, идя по направленію къ островамъ Баньякъ, рядъ работъ траломъ, давшихъ превосходные результаты. Островъ Большой Баньякъ, относительно низменный и покрытъ лѣсомъ, спускающимся до самаго берега. Меньшій по величинѣ Западный Баньякъ болѣе высокъ и обладаетъ хорошей гаванью, почему мы и направились къ нему, но по дорогѣ насъ застигъ такой страшный ливень, что, хотя мы и приблизились къ острову на долими, мы не рѣшились все же войти въ его гавань, такъ какъ совершенно не видѣли береговъ. Послѣ того, какъ мы обошли островокъ Пуло-Баби, располагающійся передъ Суматрой, низменный и покрытый густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, мы взяли направленіе на часть Суматры, носящую названіе Атье или Ачингъ. Мы находились въ мѣстности, которую моряки не любятъ не только за ея рифы, но и за дурной нравъ населенія. Руководства къ мореплаванію предостерегаютъ серьезнѣйшимъ образомъ противъ высадки и сообщаютъ лаконически слѣдующее: «Команда парохода «Гокъ» въ 1886 году, когда онъ стоялъ на якорѣ передъ м. Ригасъ,

подверглась нападенію со стороны туземцевъ, приче́мъ большая часть европейцевъ была уиерщлена». Туземцы при этомъ примѣняли такую тактику: они навѣлись помогать въ работахъ на пароходѣ и затѣмъ, улучивъ минуту, нанали на европейцевъ и пустили въ ходъ спрятанные заранѣе кинжалы.

Солнце какъ бы указывало на то, что почва обогрена здѣсь кровью, и озарило при своемъ восходѣ 6-го февраля вершины Атѣ кроваво-

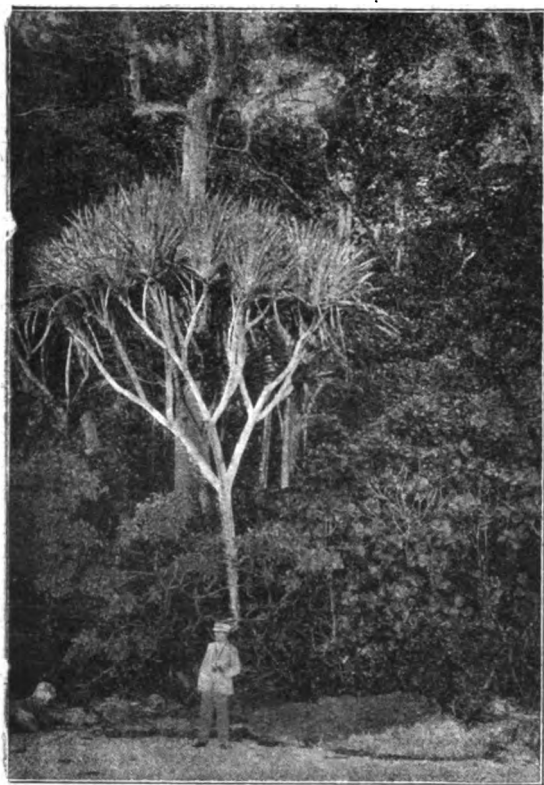

Рис. 65. Береговая растительность о. Пуло-Ва.

красными лучами. Суматра еще разъ показалась намъ во всемъ блескѣ своей чарующей преле-сти. Чѣмъ ближе подхо-дили мы къ берегу и именно къ проливу Сур-ратъ, тѣмъ выше подни-мались послѣдніе отроги хребта Баризанъ, завер-шаясь величественною вершиной Бату-Мукура въ 1.942 метра высоты. Когда мы проходили Сур-ратскимъ проливомъ и обходили мысъ Атѣ, па-раллельныя цѣпи горъ раздвигались передъ на-ми, какъ декораціи и, за-кутанный въ прозрачный туманъ, становился все замѣтнѣе отрогъ самой задней цѣпи, такъ на-зываемая Золотая гора (1.726 метровъ). Суррат-скій проливъ—одно изъ наиболѣе живописныхъ мѣстъ Малайскаго архипелага. Онъ служивается огромнымъ количествомъ мелкихъ и крупныхъ острововъ, которые рас-

полагаются недалеко отъ Суматры. Съверо-восточный пассатъ задулъ нѣ-сколько свѣжѣе, расчистилъ облака и открылъ видъ на рейдъ Ачина съ небольшимъ прибрежнымъ мѣстечкомъ Отелъ. Нѣсколько голландскихъ бронированныхъ пароходовъ и одно военное судно, которому мы должны были отвѣтить сигналомъ, куда идемъ, стояли здѣсь на якорѣ, указы-вая на то, что мы приблизились къ мѣстностямъ, гдѣ въ теченіе уже многихъ лѣтъ разыгрываются кровавыя трагедіи. Между крайними отрогами хребта Баризанъ располагается здѣсь долина Котта-Раджа, знаменитая эпидеміями малярии и бери-бери и защищенная отъ напа-деній туземцевъ полиссадами.

Мы нашли еще время побывать вечеромъ на противоположащемъ рейду Отелъ островкѣ Пуло-Ва. Найденный нами на берегу растрепан-ный голландскій солдатскій шлемъ и слѣды босоногихъ людей заста-вили насъ серьезно призадуматься, но вскорѣ вниманіе наше было

Годъ XI-й.

№ 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

смы

А В Г У С Т Ъ

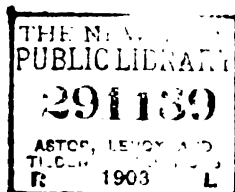
1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1902.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 00-го іюлі 1902 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). Н. Котляревскаго.	1 ✓
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПУСТЫНЯ. (Сонетъ). А. Ѳедорова.	40
3. ДУРАКЪ. (Повѣсть). И. Потапенко.	41 ✓
4. НОВЫЯ ЗВѢЗДЫ. (Очеркъ). К. Покровскаго.	74 ✓
5. ЭВОЛЮЦІОННЫЙ И КРИТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ. (Окончаніе). Проф. Г. Челпанова.	94
6. КАРА-МЕДЖИДЪ. (Изъ жизни Закавказья). Разсказъ. Николая Лялина.	118
7. ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ. Ив. Бунина.	127
8. ПЕРЕВОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ. I. Пѣвецъ изъ Кумы. (Фантазія). Анатоля Франса. II. Пер. съ франц. X.—Джесси. Пер. съ франц. Сергѣя Ольденбурга.	129
9. О ВРАЧАХЪ. (По поводу «Записокъ врача» В. Вересаева). (Продолженіе). Врача Д. Жбанкова.	148
10. ПО ДОРОГѢ. (Изъ замѣтокъ земскаго землемѣра). Макарычъ.—Въ сборной. Разсказъ. А. Баранова.	168
11. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). П. Милюнова.	182
12. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Ром. м-ръ Гѣмпфри Уордъ. Перев. съ англійскаго З. Журавской (Продолженіе)	219
13. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Очеркъ VIII. Марксъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго.	289

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Нѣчто о «возрожденіи» Россіи.—Знаменія его: «Заря» и «Москва», славянофильскіе сборники.—«Мирный трудъ», журналъ проф. Вязигина.—Что провозглашаютъ новоявленные пророки «возрожденія».—Образчики славянофильской экономики.—Что такое истинный націонализмъ.—Почему проповѣдь современнаго славянофильства жертва. А. Б.	1
15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Выставка по народному образованію въ Курскѣ.—Духовные запросы народнаго зем-	

скаго учителя. — Прототипы героев «Войны и мира». — Гимназическій журналъ. — На могилѣ Г. А. Мачтета. — Человѣкъ-звѣрь. — Изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. — За мѣсяцъ. — Некрологи.	15
16. СЕСТРОРЪЦКІЯ ПЕРЧАТОЧНИЦЫ. И. Соколова.	31
17. Изъ русскихъ журналовъ. («Русское Богатство». Мартъ, май. — «Русская Мысль». Май, июнь. — «Русская Старина». Июль. — «Вѣстникъ Европы». Июль).	37
18. За границей. Внутреннія дѣла въ Германіи. — Религіозныя теченія въ Англіи. — Колоссальное мошенничество. — Сѣверный женскій конгрессъ. — Причины войнъ.	49
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. Статья Д. Роша о Рѣпинѣ. — Жестокости американцевъ. — Положеніе въ Испаніи. — Трестъ разоруженія.	61
20. БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. (Письмо изъ Берлина). С.	67
21. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Работы экспедиціи по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ въ 1901 году. Акад. Ѳ. Чернышева. — А. Н. Бенетовъ. (Некрологъ).	78
22. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Нѣкоторыя условія химическаго взаимодействія. — «Красное море». — Многолѣтнее голоданіе нѣкоторыхъ змѣй. — † Фай. В. Аг.	92
23. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Критика и исторія литературы и искусствъ. — Исторія всеобщая и русская. — Соціологія. — Политическая экономія. — Философія. — Медицина и гігіена. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.	96
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	126

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.	185
26. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Нундта. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками.	207

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

(Продолженіе *).

IX.

Увлеченіе Гоголя исторіей; романтическая подкладка этого увлеченія.—Приемы его работы.—Чего онъ требовалъ отъ исторіи и историка.—Любовь Гоголя къ среднимъ вѣкамъ.—Религіозная и консервативная тенденція въ его историческомъ мировоззрѣніи.—Литературная обработка историческихъ сюжетовъ: «Ал-Мамунъ», и «Альфредъ».—«Жизнь».—Занятія Гоголя исторіей Малороссіи; его увлеченіе пѣснями.—Неоконченная повѣсть объ Остраницѣ.—«Тарасъ Бульба»; реализмъ въ деталяхъ повѣсти и романтизмъ въ замыслѣ.—Наша историческая повѣсть времени Гоголя: Пушкинъ, Нарѣжнѣй, Марлинскій, Загоскинъ, Лажечниковъ и Полевой.—«Тарасъ Бульба», какъ лучший образецъ исторической повѣсти романтическаго стиля.

Въ тѣ годы, когда талантъ реалиста и бытописателя сталъ все яснѣе и рѣшительнѣе сказываться въ творчествѣ Гоголя, всѣ его романтическія и сентиментальныя симпатіи сосредоточились на его историческихъ занятіяхъ и тѣхъ его литературныхъ произведеніяхъ, которыя на почвѣ такихъ занятій возникли. Влеченіе къ прошедшему никогда не покидало нашего писателя и онъ положилъ много труда на удовлетвореніе этой любви. Съ вѣшними условіями, при которыхъ Гоголю пришлось выступить въ роли истолкователя и иллюстратора старины мы уже знакомы; намъ остается только поближе присмотрѣться къ тому, какъ онъ выполнялъ свою задачу. Онъ выполнялъ ее двояко: и какъ педагогъ-историкъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и какъ художникъ, который историческое прошлое избиралъ предлогомъ и канвою для своихъ поэтическихъ созданій.

Пересмотръ историческихъ статей и повѣстей Гоголя покажетъ намъ прежде всего, какъ упорно держались въ немъ его романтическіе вкусы. Какъ настоящій романтикъ, Гоголь любилъ старину не временной и капризной страстью, а любовью ровной и постоянной. Онъ любилъ исторію еще въ нѣжинскомъ лицѣѣ, и несмотря на общее гнѣвное отношеніе ко всѣмъ наукамъ, онъ этой наукѣ удѣлялъ тогда всего больше времени; и онъ продолжалъ любить ее и послѣ, даже въ послѣдніе тяжелые годы своей жизни.

*) См. «Мірѣ Божій», № 6, іюнь 1902 г.

«Мірѣ Божій». № 8, августъ. отд. 1.

Это была любовь достаточно самоуверенная, какъ извѣстно. Чувствуя въ себѣ даръ дивинаціи, художникъ привыкалъ на него полагаться; фантазія часто ослѣпляла его и онъ приучался цѣнить въ себѣ импровизатора,—почему настоящая осмотрительная ученая работа и была ему мало по вкусу. Гоголь сокращалъ эту работу иногда очень произвольно и даже не совсѣмъ корректно. Онъ пользовался чужимъ трудомъ безъ критики, компилировалъ, а иногда прямо наспѣхъ бралъ чужіе выводы и очень откровенно просилъ своихъ друзей — ученыхъ специалистовъ снабжать его таковыми. Когда напр., на него «взвалили», какъ онъ говорилъ, чтеніе курса древней исторіи, ему почти совсѣмъ незнакомой, онъ, не стѣсняясь, просилъ Погодина выслать ему его лекціи, хоть въ корректурѣ. Но въ этомъ же письмѣ, гдѣ онъ такъ откровенно взывалъ о помощи, есть нѣсколько строкъ, въ которыхъ для біографа кроется важное указаніе. «Я бы отъ души радъ былъ, еслибъ намъ подавали побольше Гереновъ *),—писалъ Гоголь.—Изъ нихъ можно таскать обѣими руками... Ты не гляди на мои историческіе отрывки: они давно писаны; не гляди также на статью «О среднихъ вѣкахъ». Она сказана только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно рассказать, что оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобъ я старался только возбудить чувства и воображеніе. Клянусь! у меня цѣль высшая! Я, можетъ быть, еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ, но я буду когда-нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мной раздвигается природа и человѣкъ?...»**).

Можно какъ угодно скептически относиться къ историческимъ знаніямъ и занятіямъ Гоголя, но читая такіе признанія, невольно задаешь себѣ вопросъ, неужели же онъ лукавилъ и лгалъ? Не будемъ ли мы правы, предположивъ, что онъ, какъ настоящій поэтъ и мечтатель, былъ самъ введенъ въ заблужденіе своей фантазіей и, дѣйствительно, ощущалъ въ себѣ такой наплывъ творческой мысли—конечно очень неопредѣленной—который уполномочивалъ его думать, что онъ однимъ даромъ прозрѣнія можетъ достигъ того, чего другіе достигаютъ упорнымъ трудомъ?

Не наглостью, а самообольщеніемъ должно объяснять нѣкоторыя мысли и слова Гоголя, въ которыхъ онъ съ непонятной развязностью говоритъ о наукѣ и ея работникахъ. А такихъ неосторожныхъ словъ было сказано много. «Охота тебѣ — пишетъ онъ Погодину — заниматься и возиться около Герена ***), который дагѣ своего нѣ-

*) Нѣмецкій ученый историкъ.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 326—327.

***) У котораго онъ собирался таскать обѣими руками.

мещкаго носа и своей торговли ничего не видитъ. Чудной человѣкъ: онъ воображаетъ себѣ, что политика какой-то осязательный предметъ, господинъ во фракѣ и башмакахъ, и притомъ совершенно абсолютное существо, являющее мимо художествъ, мимо наукъ, мимо людей, мимо нравовъ, мимо отличій вѣковъ, не старѣющее, не молодѣющее, ни умное, ни глупое, чортъ знаетъ что такое... Я самъ замышляю дернуть исторію среднихъ вѣковъ,—тѣмъ болѣе, что у меня такія роятся о ней мысли... *)). «Я только теперь прочелъ изданнаго вами Беттигера,—писалъ онъ тому же Погодину. Это точно, одна изъ удобнѣйшихъ и лучшихъ для насъ исторія. Нѣкоторыя мысли я нашелъ у ней совершенно сходными съ моими и потому тотчасъ выбросилъ ихъ у себя. Это нѣсколько глупо съ моей стороны, потому что въ исторіи приобрѣтеніе дѣлается для пользы всѣхъ и владѣніе имъ законно. Но что дѣлать? Проклятое желаніе быть оригинальнымъ! Я нахожу только въ ней тотъ недостатокъ, что во многихъ мѣстахъ не такъ развернуто и охарактеризовано время» **). При другомъ случаѣ Гоголь жалуется, что онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ нигдѣ не встрѣчаетъ ни одной новой исторической истины. «Набору словъ пропасть—говоритъ онъ—выраженія усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь, давно знакомая» ***). Нашъ самоувѣренный историкъ былъ также совсѣмъ не доволенъ, напр., всѣми существующими общими сводами по исторіи среднихъ вѣковъ. Онъ не досчитывался въ нихъ строгаго порядка и плана, художественной отдѣлки и вообще «достоинствъ совершенно классическаго созданія» ****), а между тѣмъ, какъ видно изъ его замѣтокъ по «Библиографіи среднихъ вѣковъ», онъ былъ знакомъ съ дѣйствительно классическими трудами по интересовавшему его вопросу...

Рѣзкость сужденій Гоголя конечно, не покрывалась его знаніями, но должно замѣтить, что онъ трудился не мало. По натурѣ своей онъ былъ человѣкъ лѣнивый, это вѣрно; но кто знаетъ, какія книги у него въ рукахъ перебывали? Судить объ его чтеніи по тѣмъ указаніямъ, которыя сохранились въ его рукописяхъ—едва ли возможно; многое могло не попасть въ эти записки, наконецъ, и сами рукописи дошли до насъ, очевидно, не въ полномъ составѣ. Какъ воспользовался Гоголь прочитанными книгами—это иной вопросъ, и никто никогда не рѣшится назвать Гоголя ученымъ или признать за его работами какое-нибудь научное значеніе. Но самъ Гоголь могъ съ нѣкоторой гордостью говорить о своихъ занятіяхъ, такъ какъ лишь онъ одинъ зналъ, чего они ему стоили, и лишь онъ одинъ могъ судить о силѣ того вдохновенія—правда чисто по-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 324—325.

**) «Письма Н. В. Гоголя» I, 237.

***) «Письма Н. В. Гоголя», I, 250.

****) См. его замѣтки: «Библиографія среднихъ вѣковъ». «Сочиненія Н. В. Гоголя», X-ое изданіе, VI, 273.

этического—которое ощущалъ въ себѣ, когда направлялъ свою мысль на судьбы прошлаго.

Въ этихъ мысляхъ насъ поражаетъ прежде всего широта требований, которыя Гоголь ставилъ исторіи и историку, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторая односторонность этихъ широкихъ требований, вполне понятная въ нашемъ художникѣ.

Въ статьѣ «О преподаваніи всеобщей исторіи», которая была какъ бы официальной программой, представленной Гоголемъ въ министерство, нашъ профессоръ и историкъ говорилъ подробно о томъ, какъ онъ понимаетъ сущность своей науки и внѣшнюю форму ея преподаванія. Онъ хочетъ научить слушателей не методу историческихъ изслѣдованій, а научить ихъ понимать и чувствовать всю лѣтопись міра. Не на разборѣ отдѣльныхъ событій и эпизодовъ хочетъ онъ, какъ профессоръ, остановиться, чтобы показать ученику какъ работать; онъ хочетъ развернуть передъ нимъ сразу всю картину человѣческой жизни, не упуская ни одной изъ ея истинъ. Географическое положеніе, этнографическій составъ, племенная психологія, политика *), торговля, религія, литература и искусство—все должно войти въ одну общую картину жизни всѣхъ вѣковъ и народовъ. Картина эта должна быть «плодомъ долгихъ соображеній и опыта. Ни одинъ эпитетъ, ни одно слово не должно быть брошено въ этой картинѣ для красоты и мишурнаго блеска, но должно быть порождено долговременнымъ чтеніемъ лѣтописей міра, такъ какъ составить эскизъ общій, полный исторіи всего человѣчества можно не иначе, какъ когда узнаешь и постигнешь самыя тонкія и запутанныя ея нити».

Раскидывать на бумагѣ такой планъ было легко, какъ и требовать отъ историка, чтобы онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ цѣнныя качества лучшихъ представителей науки, чтобы онъ «глубокость результатовъ Гердера, нисходящихъ до самаго начала человѣчества, соединялъ съ быстрымъ огненнымъ взглядомъ Шлецера и изыскательной расторопной мудростью Миллера». Можно было въ своихъ требованияхъ пойти и еще дальше, и ко всѣмъ достоинствамъ только что перечисленныхъ историковъ добавить еще «неодолимую увлекательность», которая дышетъ въ историческихъ трудахъ Шиллера, умѣніе Вальтеръ-Скотта замѣчать самыя тонкія оттѣнки и, наконецъ, шекспировское искусство развивать крупныя черты характеровъ въ тѣсныхъ границахъ **). Мечтать о такомъ историкѣ, было, конечно, позволительно, но ожидать его появленія было невозможно, и самъ Гоголь въ своемъ стремленіи къ этому идеалу остановился лишь на самыхъ внѣшнихъ его качествахъ; онъ погнался за картинностью выраженія и за характеристиками историческихъ лицъ, дѣлая свою рѣчь все болѣе и болѣе «огненной» и напрягая

*) Нашъ авторъ умалчиваетъ только о государственныхъ устройствахъ.

**) Статьи «Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ» въ «Арабескахъ».

изо всѣхъ силъ свою фантазію. Такимъ образомъ, при очень широкомъ пониманіи исторіи, онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на одной лишь внѣшней сторонѣ изложенія, которая, за отсутствіемъ другихъ сторонъ обращала его лекцію въ занимательный рассказъ. Впрочемъ, онъ самъ говорилъ, что всеобщая исторія «должна быть полной величественной поэмой»; что въ изложеніи историка «все, что ни является въ исторіи: народы, событія должны быть непременно живы и какъ бы находиться предъ глазами слушателей или читателей, чтобы каждый народъ, каждое государство сохраняли свой міръ, свои краски, чтобы народъ со всѣми своими подвигами и вліяніемъ на міръ, проносился ярко, въ такомъ же точно видѣ и костюмѣ, въ какомъ былъ онъ въ минувшія времена». Понимать такъ задачу преподаванія значило прежде всего требовать отъ профессора яркаго литературнаго таланта. Гоголь и имѣлъ его въ виду, когда говорилъ, что слогъ профессора долженъ быть увлекательный, огненный, «что профессоръ долженъ въ высочайшей степени овладѣть вниманіемъ слушателей, что рассказъ его долженъ дѣлаться по временамъ возвышенъ, долженъ сыпать и возбуждать высокія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ быть простъ и понятенъ для всякаго». Профессору разрѣшалось также не быть скупымъ на сравненія, такъ какъ понятное еще болѣе поясняется сравненіемъ *), Самъ Гоголь такими сравненіями любилъ злоупотреблять и, какъ мы видимъ, не только по недостатку знаній, а сознательно.

Вся великая поэма міра, которую нашъ самозванный профессоръ собирался рассказать своимъ слушателямъ интересовала его самого, впрочемъ не одинаково во всѣхъ своихъ эпизодахъ. Были эпохи исторіи, которыя Гоголь не зналъ и—что для него было хуже—не любилъ. Зато былъ одинъ періодъ, вполне соотвѣтствующій его романтическому вкусу.

Древней исторіей Гоголь почти не интересовался и былъ очень недоволенъ, когда ему поручили ея чтеніе. Грецію онъ какъ-то совсѣмъ обошелъ, что кажется очень страннымъ при его развитомъ эстетическомъ вкусѣ. Среди сохранившихся записокъ по этому періоду всеобщей исторіи—записокъ, представляющихъ почти сплошь выписки изъ Геродота—есть только одна оригинальная замѣтка объ Александрѣ Македонскомъ, неизвѣстно когда написанная, въ которой Гоголь восторженно отзывался объ этомъ завоевателѣ и, что очень характерно, отмѣтилъ, какъ дорого обошлись планы этого реформатора для греческой самобытности *). Этотъ малый интересъ Гоголя къ Греціи находитъ себѣ, быть можетъ, объясненіе въ той нелюбви къ чисто политическимъ вопросамъ, которую нашъ писатель всегда обнаруживалъ и которая должна была служить болъшой помѣхой въ изученіи именно греческой исторіи, ходъ которой опредѣ-

*) Статья «О преподаваніи всеобщей исторіи» въ «Арабескахъ».

**) «Александръ». Сочиненія Н. В. Гоголя. X-ое изданіе, VI, 265.

ляется главнымъ образомъ государственнымъ устройствомъ различныхъ племенъ, входившихъ въ составъ эллинской національности. Гоголь не любилъ и Рима. «Народъ, прошедшій суровую воинственную жизнь, съ простыми республиканскими, грубыми и мужественными доблестями, еще не имѣвшій времени и не достигшій развитія жизни гражданской» *)—былъ ему мало симпатиченъ. Эпоха римской республики могла ему не нравиться своимъ утилитарнымъ и ригористическимъ взглядомъ на жизнь, а эпоха имперіи казалась ему «неподвижнымъ» временемъ и сами императоры—безсильными **).

Сердце его лежало къ среднимъ вѣкамъ, къ которымъ были такъ неравнодушны всѣ европейскіе романтики.

Психика поэта не мало участвовала къ этомъ выборѣ; гдѣ было найти такое преобладаніе мечты надъ реальной жизнью, такое вторженіе чудеснаго и небеснаго въ житейское, такое самопогруженіе людей въ область религиозной и философской мысли, какъ въ эту романтическую эпоху человѣческой жизни? Христіанство съ его длинной мрачной эпохой мученій и его небесными видѣніями, разлагающійся античный міръ съ его меланхоліей и разгуломъ, стихійное движеніе варваровъ, рыцарство и монашество, папа и императоръ, плѣненный и освобожденный Іерусалимъ и, наконецъ, воскресеніе старыхъ боговъ Олимпа — какъ легко было заблудиться въ этомъ гѣсу поэзіи!..

Стоитъ прочесть лекцію Гоголя о движеніи народовъ въ концѣ V вѣка, а главное, его лекцію о среднихъ вѣкахъ, чтобы увидать, какой смыслъ для него имѣла эта эпоха.

Онъ считалъ ее самой главной эпохой въ исторіи. «Средніе вѣка составляютъ узелъ, связывающій міръ древній съ новымъ—говорилъ профессоръ—имъ можно назначить то самое мѣсто въ исторіи человѣчества, какое занимаетъ въ устройствѣ человѣческаго тѣла—сердце, къ которому текутъ и отъ котораго исходятъ всѣ жилы. Исторія среднихъ вѣковъ менѣе всего можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пестроты, такого живого дѣйствія, такихъ рѣзкихъ противоположеній, такой странной яркости, какъ въ ней, и ее можно сравнить съ огромнымъ строеніемъ, въ фундаментѣ котораго улегся свѣжій, крѣпкій, какъ вѣчность, гранитъ, а толстыя стѣны выведены изъ различнаго, стараго и новаго, матеріала, такъ что на одномъ кирпичѣ видны готскія руны, на другомъ блеститъ римская позолота; арабская рѣзба, греческій карнизъ, готическое окно—все слѣпилось въ немъ и составило самую пеструю башню. Но яркость, можно сказать, только внѣшній признакъ событій среднихъ вѣковъ; внутреннее же ихъ достоинство есть колоссальность испанская, почти чудесная, отвага, свой-

*) «Выдержки изъ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ». «Сочиненія Н. В. Гоголя», X-ое изданіе VI, 278.

**) Статя «О среднихъ вѣкахъ» въ «Арабескахъ».

ственная одному только возрасту юности, и оригинальность, дѣлающая ихъ единственными, не встрѣчающими себя подобія и повторенія ни въ древнія, ни въ новыя времена» *). «Средніе вѣка—вѣка чудесныя. Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ и властвуетъ вездѣ, во все теченіе этихъ юныхъ десяти вѣковъ, юныхъ потому, что въ нихъ дѣйствуетъ все молодое, порывы и мечты, не думавшіе о слѣдствіяхъ, не призывавшіе на помощь холоднаго соображенія, еще не имѣвшіе прошедшаго, чтобы оглянуться. Все въ среднихъ вѣкахъ—поэзія и безотчетность. Вы вдругъ почувствуете переломъ, когда вступите въ область исторіи новой. Перемена слишкомъ ощутительна, и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря, прежде воздымавшіяся неправильными, высокими буграми, но послѣ улегшіяся и всею своею необозримою равниною мѣрно и стройно совершающія правильное теченіе».

Романтикъ, влюбленный въ идеализированное имъ прошлое, чувствуетъ въ каждомъ словѣ этой странной университетской лекціи, чувствуетъ и поэтъ, умѣющій въ двухъ трехъ словахъ набросать цѣлую картину, производящую большое впечатлѣніе, но опять-таки на фантазію слушателя, а не на его мысль. Стоить послушать, какъ Гоголь говорилъ о крестовыхъ походахъ, «въ которыхъ не было ни одного собственнаго желанія, ни одной личной выгоды», объ этомъ «шествіи королей и графовъ въ простыхъ власяницахъ и монаховъ, препоясанныхъ оружіемъ, епископовъ и пустынниковъ съ крестами въ рукахъ»; какъ онъ говорилъ о средневѣковой женщинѣ «розовая или голубая лента которой вьется на шлемахъ и латахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы,—женщинѣ, для которой суровый рыцарь удерживаетъ свои страсти такъ же мощно, какъ арабскаго бѣгуна своего. налагаетъ на себя обѣты изумительные и неподражаемые по своей строгости къ себѣ, и все это для того, чтобы быть достойнымъ повергнуться къ ногамъ своего божества»; достаточно припомнить слова профессора о «страшныхъ тайныхъ судахъ, гдѣ-нибудь въ глуши лѣсовъ, подъ сырымъ сводомъ глубокаго подземелья, судахъ неумолимыхъ, неотразимыхъ, какъ высшія предопредѣленія, являющихся уже не совѣстью передъ вѣтренымъ міромъ, но страшнымъ изображеніемъ смерти и казни»; стоитъ также послушать съ какимъ прочувствованнымъ пафосомъ ученый говорилъ о готическомъ искусствѣ, о средневѣковомъ городѣ съ его «узенькими неправильными улицами, высокими пестрыми готическими домиками, среди которыхъ стоитъ какой-нибудь ветхій, почти валящійся, считаеваемый необитаемымъ домъ, по растреснувшимся стѣнамъ котораго лѣпится мохъ и старость, окна котораго глухо заколочены—жилище алхимика: Ничто не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубоватый дымъ, вылетая изъ трубы,

*) «О среднихъ вѣкахъ», 1834 г.

докладываетъ о неуспѣшномъ бодрствованіи старца, уже посѣдѣвшаго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждою, и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, духи основали пріютъ свой и гдѣ, вмѣсто духовъ, основало жилище неугасимое желаніе, непреборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже отъ неудачи...» стоятъ прослушать всѣ эти слова чтобы догадаться, что на кафедрѣ сидитъ настоящий поэтъ, который въ прошлой жизни ищетъ преимущественно красивыхъ очертаній, таинственнаго смысла, величія явленій и, не стѣсняясь, идеализируетъ все, что ему въ этомъ прошломъ такъ нравится. А Гоголю нравилось либо непосредственное, первобытно-дикое, какъ видно изъ его колоритныхъ разсказовъ о такой скучной эпохѣ, какъ переселеніе народовъ, либо таинственно-спокойное и величественно-восторженное—что онъ въ изобиліи находилъ въ эпоху расцвѣта средневѣковаго міросозерцанія. Въ обоихъ случаяхъ онъ раздѣлялъ вкусы и симпатіи всѣхъ романтиковъ своего поколѣнія.

Въ статьяхъ и лекціяхъ Гоголя можно уловить, кромѣ того, еще двѣ тенденціи, которыя въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нерѣдко проступали въ романтическомъ міросозерцаніи нашихъ писателей; эти тенденціи — религіозность и консерватизмъ. Въ оцѣнкѣ той власти, которую онѣ имѣли тогда надъ Гоголемъ, нужно, однако, принять во вниманіе, что статья «О преподаваніи всеобщей исторіи», въ которой эти тенденціи всего яснѣе выражены, была, какъ замѣтилъ Н. С. Тихоновъ, офиціознымъ *profession de foi* Гоголя при предъявленіи кандидатуры на кафедру всеобщей исторіи въ кievскомъ университетѣ *). Политическій и общественный консерватизмъ и религіозный образъ мыслей могли быть поэтому умышленно подчеркнуты авторомъ, какъ, напр., въ программѣ его лекцій умышленно была обойдена французская революція и преподавателю предоставлено право отъ эпохи Людовика XIV перескочить сразу въ эпоху первой имперіи.

Цѣлью его преподаванія, какъ говорилъ профессоръ, было стремленіе сдѣлать сердца юныхъ слушателей твердыми, мужественными въ своихъ правилахъ, чтобы никакой легкомысленный фанатикъ и никакое минутное волненіе не могло поколебать ихъ,—сдѣлать ихъ кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великаго Государя, чтобы ни въ счастья, ни въ несчастья не измѣнили они своему долгу, своей вѣрѣ своей благородной чести и своей клятвѣ—быть вѣрными отечеству и государю». Эти слова могли быть вполне искренно сказаны: Гоголь всю жизнь былъ правовѣрнымъ консерваторомъ и вѣрнопопдааннымъ, и если предположить, что онъ на профессуру смотрѣлъ какъ на «службу», а отъ службы ожидалъ великой пользы для своихъ соотечественниковъ,

*) «Сочиненія Н. В. Гоголя», X-ое изданіе, V, 566.

то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ профессору вмѣнялъ въ обязанность блюсти за тѣмъ, чтобы для слушателей слова «преданность религіи и привязанность къ отечеству и государю» не были словами ничтожными, «что влечетъ за собой нерѣдко ужасныя слѣдствія». Но если даже признать, что въ своей «оффиціозной» программѣ Гоголь нѣсколько повысилъ свой патріотизмъ и свое религіозное чувство, то все-таки объ эти тенденціи сказывались достаточно ясно въ его историческихъ статьяхъ и замѣткахъ. Онъ все-таки думалъ, «что не люди совершенно устанавливаютъ правленіе, что его нечувствительно устанавливаютъ и развиваютъ самое положеніе земли, отъ котораго зависитъ народный характеръ, что поэтому-то формы правленія и священны, и измѣненіе ихъ неминуемо должно навлечь несчастіе на народъ»... Онъ думалъ также, что вся всеобщая исторія есть осуществленіе плановъ Провидѣнія и онъ при каждомъ удобномъ случаѣ говорилъ объ этомъ Провидѣніи: непостижимой волею Его опустился на Европу величественный хаосъ переселенія народовъ, въ Его планахъ было усиленіе власти римскаго первосвященника: безъ нея Европа разсыпалась-бы, другія государства бы развратились, другія сохранили бы дикость на гибель сосѣдямъ... Провидѣніе неусыпно бодрствовало и надъ европейскимъ рыцарствомъ и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его... «Все колоссальное величіе міра проникнуто таинственными путями Промысла, передъ которымъ невольно преклонишь колѣна», говорилъ профессоръ и мы не имѣемъ никакого основанія предполагать въ этихъ словахъ одну лишь риторическую фигуру восклицанія. По крайней мѣрѣ, съ этими консервативными и религіозными идеями Гоголь сошелъ въ могилу.

Таковы были мысли нашего писателя о всеобщей исторіи, его симпатіи и его рѣчь съ каведры... Нѣтъ нужды ставить вопроса—что отъ этихъ плановъ и рѣчей сама исторія выиграла. Важно не то, чѣмъ Гоголь былъ для исторіи (труды его никакого научнаго значенія не имѣютъ), а то, чѣмъ исторія была для него. А она дала ему не мало минутъ высокаго наслажденія. На ея страницахъ находилъ онъ, энтузіастъ и романтикъ, отвѣтъ на многіе свои духовные запросы. Идейность, таинственность и религіозность среднихъ вѣковъ были для него историческимъ подтвержденіемъ многихъ чувствъ и мыслей, которыми онъ самъ жилъ и для которыхъ ему было очень трудно найти въ XIX вѣкѣ подходящее выраженіе. Позднѣе, подъ конецъ жизни, его собственное міросозерцаніе приняло даже нѣкоторый средневѣковой оттѣнокъ и его мистицизмъ, самобичеваніе, религіозный экстазъ, его посты и молитвы, его путешествіе ко гробу Господню, его покаяніе передъ всѣмъ свѣтомъ—были проявленіемъ тѣхъ самыхъ чувствъ и того настроенія, которыя рисовались ему столь заманчивыми въ исторической дали. Гоголь-профессоръ среднихъ вѣковъ предвѣщалъ уже

появленіе Гоголя-проповѣдника религіозной, аскетической и смиренной морали.

Быть можетъ это субъективное отношеніе къ исторіи и было причиной неуспѣха профессора у слушателей. Мы помнимъ неслестные отзывы ихъ о лекціяхъ Гоголя: почти всѣ свидѣтели его профессорской дѣятельности утверждаютъ, что у него не было достаточныхъ знаній; но судьями его знаній они быть не могли, такъ какъ у нихъ этихъ знаній было еще меньше. Мы имѣемъ право предположить, что Гоголь къ лекціямъ готовился и потому причину неуспѣха слѣдуетъ искать въ слишкомъ необычномъ для учителя, слишкомъ исключительномъ, романтическомъ отношеніи къ тому, что требовало критики и хладнокровія — отношеніи, которое далеко не всѣмъ слушателямъ было понятно и симпатично, и которое, кромѣ того, въ самомъ преподавателѣ зависѣло отъ минутнаго настроенія. Вотъ почему профессоръ на одной лекціи могъ увлечь своихъ слушателей, а на другой былъ вялъ и скученъ, вотъ почему и они могли быть недовольны, и онъ могъ негодовать на нихъ за то, что они его не понимаютъ и на его настроеніе не откликаются. Онъ все-таки оставался на каедрѣ капризнымъ поэтомъ и потому такъ долго не сознавалъ своей ошибки.

Лекціи Гоголя, какъ мы видѣли, бывали иной разъ, дѣйствительно, невольными поэтическими грезами. Случалось, однако, что онъ и сознательно пользовался своими историческими знаніями для чисто литературныхъ цѣлей. Такимъ литературнымъ произведеніемъ была напр его историческая характеристика Калифа Ал-Мамуна (1834)—поэтическое произведеніе, которое онъ преподнесъ своимъ слушателямъ въ видѣ лекціи. Эта характеристика по своей художественной законченности и психологической правдѣ напоминаетъ знаменитыя въ послѣдствіи характеристики Грановскаго. Все въ ней соразмѣрно и красиво и каждая фраза либо мысль, либо художественный образъ. Среди этихъ мыслей есть два намека, которые опять-таки важны, не какъ историческая истина, а какъ правда о самомъ Гоголѣ. Это — во первыхъ мысль о томъ, какова роль великихъ поэтовъ въ государствѣ. Они — великіе жрецы — говорилъ нашъ самолюбивый художникъ. — Мудрые властители чествуютъ такихъ поэтовъ своею бесѣдою, берегутъ ихъ драгоценную жизнь и опасаются подавить ее многостороннею дѣятельностью правителя. Ихъ призываютъ только въ важныя государственныя совѣщанія, какъ вѣдателей глубины человѣческаго сердца». Какъ часто въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь считалъ себя призваннымъ давать такія государственныя совѣты именно въ силу того, что сознавалъ себя «вѣдателемъ глубины человѣческаго сердца»! Въ «Ал-Мамунѣ» есть и другая мысль, которая съ годами также укоренилась въ сознаніи нашего поэта; это его взглядъ на національную самобытность. Калифъ Ал-Мамунъ, великій реформаторъ и просвѣтитель, при всѣхъ своихъ необычайныхъ достоинствахъ, ускорилъ паденіе своего государства, потому что «улу-

стилъ изъ виду великую истину, что образованіе черпается изъ самаго же народа, что просвѣщеніе наносное должно быть въ такой степени заимствовано, сколько можетъ оно помогать собственному развитію, но что развиваться народъ долженъ изъ своихъ же національныхъ стихій». Съ этой здѣсь впервые вскользь брошенной мыслью Гоголь уже не разставался.

Романтическая любовь къ типу идеальнаго властителя побудила нашего автора приступить и къ обработкѣ одного историческаго сюжета въ формѣ драмы. Въ 1835 году онъ набросалъ нѣсколько явленій трагедіи изъ англійской жизни, подъ заглавіемъ «Альфредъ». Въ трагедіи данъ опять-таки типъ великаго народнаго реформатора. Король Альфредъ—образецъ рыцарской честности, самаго просвѣщеннаго ума и благихъ тенденцій, типъ рыцаря-христіанина и вмѣстѣ съ тѣмъ самовластнаго повелителя, который долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію,—однимъ словомъ довольно распространенный въ тогдашней романтикѣ типъ вѣрующаго въ свою власть благодѣтеля и просвѣтителя народовъ.

«Ал-Мамунъ» и «Альфредъ»—единственные литературные памятники, обязанные своимъ происхожденіемъ увлеченію Гоголя всеобщей исторіей. Есть впрочемъ и еще одинъ набросокъ, въ которомъ нашъ историкъ далъ полную свободу своей фантазіи, стремясь сохранить однако историческую перспективу. Это—знаменитое стихотвореніе въ прозѣ «Жизнь» (1834). Оно всѣмъ извѣстно; и если мы рѣшаемся припомнить его, то лишь затѣмъ, чтобы еще разъ указать на то, какъ историческое прошлое будило въ нашемъ историкѣ его даръ поэта, какъ художникъ побѣждалъ и окончательно покорялъ въ немъ ученаго.

«Бѣдному сыну пустыни,—мечталъ Гоголь,—снился сонъ:

Стоитъ надъ неподвижномъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою: граниты глядятъ сѣрыми очами, обтесанные въ сфинксовъ: идутъ безчисленныя ступени. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ, весь убранный таинственными знаками и священными звѣрями. Стоитъ и неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія, несокрушимая тлѣніемъ.

«Раскинула вольныя колоніи веселая Греція. Кишатъ на Средиземномъ морѣ острова, потопленные зелеными рощами; колонны, бѣлыя какъ перси дѣвы, круглятся въ роскошномъ мракѣ древесномъ: мраморъ страстный дышетъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ, и стыдливо любитъ свою прекрасною наготою... И все стоитъ неподвижно, какъ бы въ окаменѣломъ величіи.

«Стоитъ и распростирается желѣзный Римъ, устремляя дѣсь копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувъ свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется лавиными членами.

«И говорить Египетъ, помавая тонкими пальмами, жилицами его

равнинъ, и устремляя иглы своихъobeliskовъ: «Народы, слушайте! Я одинъ, постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тлѣнъ. Науки, искусства, жалки наслажденія, еще жгуче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти. Далеко, далеко до воскресенія. Да и будетъ ли когда воскресеніе? Прочь желанія и наслажденія! Выше строй пирамиду, бѣдный человѣкъ, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое существованіе...»

«И говоритъ ясный, какъ небо, какъ утро, какъ юность свѣтлый міръ грековъ и, казалось, вмѣсто словъ слышалось дыханіе цѣвницы:

«Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденія. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! Мчись на колесницѣ, искусно права конями на блистательныхъ играхъ! Далѣе корысть и жадность отъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, палитра и цѣвница созданы быть властителями міра, а властительницею ихъ— красота. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслажденія—умѣй быть достойнымъ наслажденія».

«И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій: «Я постигнулъ тайну жизни человѣка. Низко спокойствіе для человѣка: оно уничтожаетъ его въ самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ искусствъ и наслажденій. Наслажденіе въ гигантскомъ желаніи. Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы жаждай, человѣкъ! Въ порывѣ неразсказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза, несись на сомкнутыхъ щитахъ бранноносныхъ легионовъ! Все, что ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ, стремись вѣчно: нѣтъ границъ міру — нѣтъ границъ и желанію. Дикій и суровый, далѣе и далѣе захватывай міръ—ты завоюешь, наконецъ, небо».

Но остановился Римъ и вперилъ орлиныя очи свои на востокъ. Къ востоку обратила и Греція свои влажныя отъ наслажденія прекрасныя очи; къ востоку обратилъ Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи.

Камениста земля; презрѣнъ народъ; немногочудная весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно отгнѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградой стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ.

«Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула прекрасная Греція; опустилъ очи Римъ на желѣзные свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами—пастырями; нагнулся Араратъ, древній прапращуръ земли...»

Все, чѣмъ жилъ тогда Гоголь въ минуты лирическаго подъема духа: и увлеченіе стариной, и культъ красоты, и полетъ воображенія и глубокое затаенное религиозное чувство,—все нашло себѣ выраженіе въ этой грезѣ, поэтической и философской, патетической и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко искренней. Это одно изъ самыхъ блестящихъ и самыхъ правдивыхъ «лирическихъ мѣстъ», которыми такъ часто прерывалась рѣчь Гоголя о людяхъ и мірѣ.

Труды надъ всеобщей исторіей чередовались у Гоголя съ работами по исторіи Малороссіи. Съ его планами написать исторію своей родины, своей «бѣдной Украины», мы отчасти уже знакомы. Планы были очень смѣлые и очень заманчивые: настолько заманчивые, что Гоголь, думая о нихъ, терялъ, иногда умышленно, а иногда и неумышленно способность различать между исполненнымъ и задуманнымъ. Старину своей родины онъ любилъ съ дѣтства. Воспоминанія о ней и живой интересъ къ ея остаткамъ легли въ основаніе его первыхъ повѣстей; съ мечтами объ этой старинѣ онъ не разставался и въ первый разъ, когда бѣжалъ за границу; надъ ней работалъ онъ и въ періодъ своего увлеченія наукой, и, наконецъ, когда въ 1836 году покинулъ Россію надолго, онъ увезъ съ собой все ту же любовь къ малороссійскимъ древностямъ: онъ и въ Италіи продолжалъ думать о запорожцахъ и долго носился съ планами объ исторической трагедіи изъ жизни старой Украины, ревностно роаясь въ мемуарахъ, пѣсняхъ и разныхъ ученыхъ книгахъ.

Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ эта любовь, какъ мы знаемъ, была подогрѣта надеждой получить въ Кіевѣ кафедру, и Гоголь жилъ этой мечтой стать малороссійскимъ Фукидидомъ или по меньшей мѣрѣ Геродотомъ...

Въ 1837 году она кажется, особенно разыгралась. «Я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую и всемірную — писалъ онъ Погодину; и та и другая у меня начинается двигаться... Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней ужъ слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна!» *) «Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца,—сообщалъ онъ другому пріятелю Максимовичу. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ» **). Наконецъ, въ томъ же году онъ напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» объявленіе объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ, гдѣ говорилъ, что настоящей исторіи Малороссіи пока еще не существуетъ, что все, что по этому вопросу написано—компиляція и что онъ намѣренъ восполнить

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 277.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 275.

этотъ пробѣлъ въ наукѣ. «Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края,—утверждалъ онъ. Половина моей исторіи почти уже готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, мнѣ неизвѣстныхъ». И Гоголь просилъ сообщать ему эти матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ и дѣловыя бумаги. Обманывался ли онъ самъ, или хотѣлъ невѣрнымъ сообщеніемъ выманить у читателя кое-какія рѣдкости? Вѣроятно,—и то, и другое: онъ хитрилъ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самъ обманутъ своей мечтой, какъ это въ жизни съ нимъ неоднократно случалось.

Что же, въ концѣ концовъ, осталось отъ этихъ занятій исторіей Малороссіи? Много выписокъ изъ читанныхъ книгъ, двѣ статьи, одна историческаго, другая литературнаго содержанія, много плановъ головѣ, наброски историческихъ повѣстей, одинъ фантастическій рассказъ, и, наконецъ, историческій романъ или поэма о «Тарасѣ Бульбѣ».

Какъ и слѣдовало ожидать, исторія, вернула нашего писателя къ его первой любви — къ поэзіи, и наука обогатила лишь фантазію поэта. Вчитываться въ лѣтописи Гоголь не любилъ, но зато отъ народныхъ пѣсенъ и преданій былъ въ восторгѣ. «Моя радость, жизнь моя, пѣсни!—писалъ онъ собирателю ихъ Максимовичу.—Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями! Я не могу жить безъ пѣсенъ... Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни; онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы! прошедшую жизнь, и увы прошедшихъ людей...» *) «Я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ напрасно сіялся въ нихъ отыскать то, что хотѣлъ бы отыскать—признавался Гоголь И. И. Срезневскому. Нигдѣ ничего о томъ времени, которое должно бы быть богаче всѣхъ событіями (т.-е. о временахъ казачества). И потому-то каждый звукъ пѣсни мнѣ говоритъ живѣе о протекшемъ, нежели наши вялыя и короткія лѣтописи, если можно назвать лѣтописями не современныя записки, но позднія выписки, начавшіяся уже тогда, когда память уступила мѣсто забвенію. Эти лѣтописи похожи на хозяина, прибившаго замокъ къ своей конюшнѣ, когда лошади уже были украдены... Еслибъ нашъ край не имѣлъ такого богатства пѣсенъ, я бы никогда не писалъ исторіи его, потому что я не постигнулъ бы и не имѣлъ понятія о прошедшемъ, или исторія моя была-бы совершенно не та, что я думаю съ нею сдѣлать теперь **).

Этимъ же пѣснямъ посвятилъ Гоголь даже цѣлую статью въ своихъ «Арабескахъ». Какъ бы настраивая свою рѣчь на ихъ ладъ, онъ го-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 263—264.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 278.

ворилъ о нихъ пѣсенными, пѣвучими словами. Статья «О малороссійскихъ пѣсняхъ» — опять лирическое изліяніе, которое, однако, въ данномъ случаѣ было на свсемъ мѣстѣ. «Пѣсни для Малороссіи—все, говорилъ Гоголь,—и поэзія, и исторія, и отповская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи».

Великое историческое значеніе сохранено за этими пѣснями, велика также ихъ литературная стоимость. «Все въ нихъ, и образы и настроеніе, и стихосложеніе, и музыка, все—поэзія. Характеръ музыки нельзя опредѣлить однимъ словомъ: она необыкновенно разкообразна. Во многихъ пѣсняхъ она легка, граціозна, едва только касается земли и, кажется, шалить, рѣзвится звуками. Иногда звуки ея принимаютъ мужественную фізіономію, становятся сильны, могучи, крѣпки; стопы тяжело ударяютъ въ землю; иногда же становятся чрезвычайно вольны, широки, взмахи гигантскіе, сіяющіеся обхватить бездну пространства, вслушиваясь въ которые танцующій чувствуетъ себя исполномъ: душа его и все существованіе раздвигается, расширяется до безпредѣльности. Онъ отдѣляется вдругъ отъ земли, чтобы сильнѣе ударить въ нее блестящими подковами и взнестись опять на воздухъ». Такъ рѣзко, въ тактъ съ веселыми пѣснями, писалъ Гоголь... и еще болѣе красивыя слова нашелъ онъ, когда ему пришлось говорить о музыкѣ грустной пѣсни. «Тоска ли это о прерванной юности, которой не дали довеселиться,—спрашивалъ онъ, впадая въ столь ему обычное унылое патетическое настроеніе—жалобы ли это на безпріютное положеніе тогдашней Малороссіи... но звуки ея живутъ, жгутъ, раздражаютъ душу... Безотрадное, равнодушное отчаяніе иногда слышится въ этой пѣснѣ такъ сильно, что заслушавшійся забывается и чувствуетъ, что надежда давно улетѣла изъ міра. Въ другомъ мѣстѣ отрывистыя стenanія, вопли, такіе яркіе, живые, что съ трепетомъ спрашиваешь себя: звуки ли это? Это невыносимый вопль матери, у которой свирѣпое насиліе вырываетъ младенца, чтобы съ звѣрскимъ смѣхомъ расшибить его о камень... По немъ, по этимъ звукамъ, можно догадываться о минувшихъ страданіяхъ Малороссіи, такъ точно, какъ о бывшей бурѣ съ градомъ и проливнымъ дождемъ можно узнать по брилліантовымъ слезамъ, унизывающимъ снизу до вершины освѣженные деревья, когда солнце мечетъ вечерній лучъ, разрѣженный воздухъ чистъ, вдали звонко дребезжитъ мычаніе стадъ, голубоватый дымъ, вѣстникъ деревенскаго ужина и довольства, несется свѣтлыми кольцами къ небу и вечеръ, тихій, ясный вечеръ обнимаетъ успокоенную землю».

Никто, конечно, не осудитъ историка за такую любовь къ пѣснямъ, къ одному изъ важнѣйшихъ памятниковъ старины, и во всѣхъ этихъ словахъ Гоголя любопытенъ не ихъ смыслъ — вполне вѣрный, а сердечность восторженности, и картинности, съ какой они высказаны. Чувствуешь, что писатель, говоря о нихъ, проникнуть ими; и

понимаешь, почему при каждомъ удобномъ случаѣ, въ любой исторической статьѣ, онъ готовъ сбиться со спокойнаго историческаго тона на лирическій и разсужденіе замѣнить образомъ и картиной. Такъ напр., въ статьѣ, которая должна была служить вступительной главой къ его «Исторіи Малороссіи» и оставленной «за питатомъ въ виду передѣлки этой исторіи *), т.-е. въ статьѣ, открывающей ученую книгу, нашъ историкъ придерживался того же самаго картинно-повѣствовательнаго тона. Въмѣсто ученаго трактата, въ которомъ должны были быть указаны географическія, этнографическія, экономическія и юридическія условія, на почвѣ которыхъ возникъ особый народъ съ оригинальной фізіономіей, получился разсказъ, занимательный и колоритный, съ массою описаній внѣшнихъ сторонъ жизни и многими бытовыми картинами и пейзажами. Поэтъ чувствовался на каждой страницѣ, но историка не было видно, несмотря на то, что предметъ, о которомъ говорилъ Гоголь, былъ имъ изученъ повидимому достаточно основательно.

Нечего удивляться поэтому, если нашъ авторъ, работая надъ исторіей своей родины, въ то же время былъ занятъ историческимъ романомъ, въ которомъ малорусская запорожская старина должна была появиться передъ читателемъ во всей своей возстановленной полнотѣ и подновленной свѣжести. Этотъ романъ носилъ заглавіе — «Тарасъ Бульба».

Въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ (1831—1832) Гоголь принялся за литературную обработку одного эпизода изъ исторіи казачества. Онъ успѣлъ написать лишь нѣсколько главъ, и затѣмъ работу бросилъ, вѣроятно потому, что Тарасъ Бульба вытѣснилъ изъ его сердца любовь къ гетману Остраницѣ, который долженъ былъ быть героемъ его разсказа. На эти главы изъ неоконченной повѣсти можно, дѣйствительно, смотрѣть какъ на предварительные этюды къ «Тарасу Бульбѣ». Прежде чѣмъ дать намъ такія колоритныя картины старины, которыми блещетъ «Тарасъ Бульба», авторъ въ повѣсти изъ жизни Остраницы приучалъ свое перо къ мѣстному колориту старой казацкой жизни. Содержаніе повѣсти осталось недосказаннымъ и Острица является передъ нами только въ роли героя любовной идилліи, которая, какъ и въ «Тарасѣ Бульбѣ», отнюдь не составляетъ лучшаго эпизода въ разсказѣ. Написана эта идиллія, конечно, со свойственными Гоголю лиризмомъ, съ тѣми же тонами и красками въ описаніяхъ природы, которые такъ поражаютъ нашъ слухъ и наше зрѣніе въ его «Вечерахъ», съ тѣми же описаніемъ женской красоты, которая приближаетъ женщину къ неземной грезѣ—вообще, со всѣми намъ хорошо знакомыми романтическими приемами творчества. Страдаетъ отъ этихъ приемовъ, конечно, не только внѣшняя, но и внутренняя психологическая правда. Чтобы вообразить

*) «Взглядъ на составленіе Малороссіи».

себѣ малороссійскаго казака XVII вѣка такимъ рыцаремъ и трубадуромъ, какимъ изображенъ Острианинъ, нужна большая живость фантазіи, а также и хорошее знаніе малороссійскихъ пѣсенъ, отзвуки которыхъ слышны во всѣхъ рѣчахъ Острианицы и его прелестной Гали, Галюночки, Галички и Галюни... Въ повѣсти есть, однако, сцены и вводные эпизоды, въ которыхъ сентиментальный любовный мотивъ уступаетъ свое мѣсто довольно реальному жанру и героическому эпосу, выдержанному, впрочемъ, опять въ чисто романтическомъ стилѣ. Сцена пасхальной ночи, съ описаніемъ толпы XVII вѣка, съ еврейскими и польскими типами, вырисованными безъ шаржа, рыцарскій образъ Острианицы, заступника за права народныхъ и мстителя за оскорбленіе вѣры, благороднаго въ своей мести и даже гуманнаго въ гнѣвѣ, описаніе хутора Острианицы, детальное со всевозможными археологическими подробностями, описаніе обряда христосованья поселянъ со своимъ господиномъ—всѣ эти декорации разставлены очень искусно и всѣ онѣ исторически вѣрны: въ нихъ виденъ знатокъ, который произвелъ предварительныя розысканія, чтобы выработать вѣрный колоритъ для разсказа, по всѣмъ вѣроятіямъ сплошь измышленнаго.

Большихъ подготовительныхъ работъ потребовала отъ нашего автора и повѣсть «Тарасъ Бульба», которая въ 1833 году была имъ вчернѣ закончена. Повѣсть эта была единственнымъ цѣльнымъ результатомъ всѣхъ его работъ по исторіи Малороссіи. Гоголь самъ признавалъ это, и, напечатавъ «Тараса Бульбу» въ 1835 году, онъ продолжалъ работать надъ своимъ разсказомъ, стараясь довести до возможной точности его бытовые и историческія детали. Въ позднѣйшей редакціи (сороковыхъ годовъ) «Тарасъ Бульба», дѣйствительно, приблизился къ типу тѣхъ настоящихъ историческихъ романовъ Вальтеръ Скоттъ'овскаго типа, которые могутъ во внѣшнихъ своихъ подробностяхъ поспорить иной разъ съ историческими памятниками, но и въ тридцатыхъ годахъ эта повѣсть выделялась своимъ мѣстнымъ колоритомъ изъ всѣхъ однородныхъ ей произведеній нашей словесности.

Въ ней замѣтно сильное колебаніе въ манерѣ письма. Реализма въ обрисовкѣ характеровъ, въ рѣчахъ, въ передачѣ психическихъ движеній много; но въ общемъ этотъ разсказъ носить на себѣ ясную печать того романтическаго взгляда на прошлую жизнь, который Гоголь проводилъ во всѣхъ своихъ историческихъ статьяхъ и планахъ. Правда, той рѣзкой идеализаціи типовъ и того пѣсеннаго склада рѣчи, которые насъ поражали такъ въ «Вечерахъ на хуторѣ», мы въ «Бульбѣ» почти не встрѣтимъ, но предъ нами все-таки эпическая поэма, съ повышеннымъ тономъ и съ фигурами не совсѣмъ правдоподобныхъ размѣровъ.

Тотъ, кто пожелалъ бы въ «Тарасѣ Бульбѣ» отмѣтить мастерство реальнаго воспроизведенія жизни, ея обыденныхъ, но правдивыхъ мелочей, тотъ могъ бы указать на цѣлый рядъ художественныхъ страницъ.

Онъ вспомнилъ бы встрѣчу Бульбы съ сыновьями, на первый взглядъ дикую по своей грубости, но правдоподобную; онъ припомнилъ бы описаніе свѣтлицы стараго казака; предъ нимъ воскресъ бы страдальческій образъ старухи-матери въ ту бессонную ночь, когда она обрѣла дѣтей, чтобы на зарѣ потерять ихъ. Всѣ сценки, въ которыхъ фигурируютъ евреи — въ сѣчи, въ лагерѣ, въ своихъ столичныхъ канурахъ, въ городской тюрьмѣ — также образецъ очень реального жанра, наконецъ, и казнь запорожцевъ — археологически-вѣрно восстановленная картина.

Но, съ другой стороны, несмотря на всѣ эти проблески яркаго реализма, повѣсть «Тарасъ Бульба» остается все-таки по существу своему однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ нашей романтики. Она имѣетъ, безспорно, всѣ достоинства эпической поэмы. Это все-таки повѣсть о герояхъ и ихъ подвигахъ; и сами герои, и ихъ дѣянія переходятъ нерѣдко за черту возможнаго и правдоподобнаго. Грандіозность размѣровъ въ очертаніи характеровъ дѣйствующихъ лицъ, равно какъ и въ описаніи событій, бросается въ глаза при первомъ же взглядѣ. Читатель не получаетъ отъ разсказа впечатлѣнія эпически спокойнаго и ровнаго. Онъ все время тревожно настроенъ: такъ подымаетъ его настроеніе самъ авторъ полетомъ собственнаго лиризма или торжественнаго пафоса.

Припомнимъ, напр., какъ Бульба спѣшилъ на выручку взятаго въ плѣнъ Остапа. «Какъ молвія, ворочались во всѣ стороны его запорожцы. Бульба, какъ гигантъ какой-нибудь, отличался въ общемъ хаосѣ. Свирѣпо наносилъ онъ свои крѣпкіе удары, воспламеняясь болѣе и болѣе отъ сыпавшихся на него. Онъ сопровождалъ все это дикимъ и страшнымъ крикомъ, и голосъ его, какъ отдаленное ржаніе жеребца, переносили звонкія поля. Наконецъ, сабельные удары посыпались на него кучею; онъ грянулся лишенный чувствъ. Толпа стиснула и смяла, кони растоптали его, покрытаго прахомъ. Ни одинъ изъ запорожцевъ не остался въ живыхъ: всѣ легли на мѣстѣ».

Припомнимъ также, какъ умиралъ этотъ гигантъ, когда ему «прикрутили руки, увязали веревками и цѣпами, когда привязали его къ огромному бревну, правую руку, для большей безопасности, прибили гвоздемъ и поставили это бревно рубомъ въ разсѣлину стѣны, такъ что онъ стоялъ выше всѣхъ и былъ видѣнъ всѣмъ войскамъ, какъ побѣдный трофей удачи. Вѣтеръ развѣвалъ его бѣлые волосы.казалось, онъ стоялъ на воздухѣ, и это, вмѣстѣ съ выраженіемъ сильнаго безсилія, дѣлало его чѣмъ-то похожимъ на духа, представшаго воспрепятствовать чему-нибудь сверхестественной своею властью и увидѣвшаго ея ничтожность». Вспомнимъ, наконецъ, о послѣднемъ подвигѣ казаковъ, который они свершили на глазахъ своего умиравшаго атамана. «Казаки достигли бы пониженія берега — разсказываетъ Гоголь если бы дорогу не преграждала пропасть сажени въ четыре шириною:

однѣ только сваи разрушеннаго моста торчали на обоихъ концахъ; изъ недостигаемой глубины ея едва доходило до слуха умиравшее журчаніе какого-то потока, низвергавшагося въ Днѣстръ. Эту пропасть можно было объѣхать, взявъ вправо; но войска непріятельскія были уже почти на плечахъ ихъ. Казаки только одинъ мигъ остановились, подняли свои нагайки, свиснули — и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластались въ воздухѣ, какъ змѣи, и перелетѣли черезъ пропасть. Подъ однимъ только конь оступился, но зацѣпился копытомъ и привыкшій къ крымскимъ стремнинамъ, выкарабкался съ своимъ сѣдокомъ... Читая такія и съ ними сходныя страницы (а ихъ въ «Тарасѣ Бульбѣ» не мало), чувствуешь себя невольнымъ участникомъ дѣяній какого-то сказочнаго міра, міра преданій или мифа.

Самъ авторъ не историкъ, а слагатель новой былины, у которой онъ иногда даже заимствуетъ обороты рѣчи. «Какъ хлѣбный колось, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувствовавшій смертельное желѣзо, повисъ онъ головою и повалился на траву, не сказавъ ни одного слова» — поетъ Гоголь совсѣмъ старомъ эпическимъ складомъ, описывая смерть несчастнаго Андрія. Да и весь вводный эпизодъ объ Андріѣ — сентиментально романтическая повѣсть чистѣйшаго стиля начиная съ момента встрѣчи Андрія съ незнакомкой, кончая описаніемъ геройской смерти брата полячки, который погибаетъ въ схваткѣ съ казаками, какъ бы искупая своей смертью казнь несчастнаго влюбливаго запорожца. Только необычайная картинность разсказа и драматичность всѣхъ положеній заставляютъ насъ забыть о томъ, что эта повѣсть любви, торжествующей свою побѣду надъ долгомъ и патріотическимъ чувствомъ — старая сказка, пересказанная безчисленное количество разъ. Все въ ней такъ извѣстно: и неожиданность первой встрѣчи, и робкая затаенная любовь, и ночныя свиданія, и долгая разлука и чары новой встрѣчи и забвеніе всего на свѣтѣ въ объятіяхъ земного блаженства... и все это такъ субъективно для самого Гоголя, что мы не должны удивляться, если въ мечтахъ Андрія найдемъ большое сходство съ думами самаго автора. «Андрій также кипѣлъ жаждою подвига, но вмѣстѣ съ нею душа его была доступна и другимъ чувствамъ» — писалъ Гоголь, какъ бы на страничкѣ своего дневника. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за 18 лѣтъ. Женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его. Онъ, слушая философскіе диспуты, видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокою, нѣжную. Передъ нимъ непрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея свѣжихъ, дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и без-

честно думать казаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы». И одному ли казаку XVII вѣка было стыдно признаться въ этихъ думкахъ. — можемъ спросить мы. Не приходили онѣ ли на умъ Гоголю, когда онъ слушалъ свои философскіе диспуты въ Нѣжинѣ? Не о себѣ ли думалъ онъ и тогда, когда описывалъ прощаніе казаковъ съ роднымымъ хуторомъ, въ который имъ не суждено было вернуться? «День былъ сѣрый, рассказываетъ Гоголь; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Осталь и Андрій, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю, только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика, одни только вершины деревьевъ, — по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; одинъ только дальній лугъ еще стлался передъ ними, тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію жизни своей, отъ лѣтъ, когда катались по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую казачку, боязливо летѣвшую черезъ него съ помощью своихъ свѣжихъ, быстрыхъ ножекъ. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ тележки, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрываетъ. — Прощайте и дѣтство и игры, и все, и все!»

Столько лиризма допускалъ нашъ авторъ въ своей поэмѣ, которая при всей правдоподобности въ нѣкоторыхъ деталяхъ и въ обрисовкѣ психическихъ движеній, оставалась, какъ мы замѣтили, романтической по своему замыслу, стилю и тону.

Даже въ описаніяхъ природы мы подмѣтимъ старую манеру автора — преувеличивать размѣры описываемаго и украшать описаніе богатыми метафорами. Мы, правда, не встрѣтимъ уже такого блеска метафоръ, который ослѣплялъ насъ въ «Вечерахъ на хуторѣ», но мы попрежнему будемъ далеки отъ реальной пейзажной живописи. «Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе — писалъ Гоголь... Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растений. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ — какъ въ лѣсу, вытапывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волонки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальной верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячею разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась вѣжными взмахами

чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышины и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крыльями и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!»

Последнее, нѣсколько комическое, не совсѣмъ въ тонѣ выдержанное восклицаніе позволяетъ думать, что Гоголь самъ не оставался доволенъ своимъ романтическимъ пейзажемъ и что онъ перемѣною тона хотѣлъ настроить читателя менѣе восторженно, но зато болѣе правдиво.

«Тарасъ Бульба» былъ данью той восторженной любви, которую Гоголь всегда питалъ къ старинѣ своей родины: это была пѣснь во славу малороссійской вольницы, героическій разсказъ объ ея богатыряхъ. Всѣ труды Гоголя по исторіи Малороссіи послужили ему матеріаломъ для этой сказочной картины, которую онъ разукрасилъ, однако, исторически-вѣрными деталями, хотя въ самомъ разсказѣ и не уберечь себя отъ лиризма; но этотъ лиризмъ былъ уже потому неизбѣженъ, что мысль о Малороссіи всегда влекла за собой цѣлую вереницу личныхъ воспоминаній писателя.

Какъ художественное произведеніе «Тарасъ Бульба» не открывалъ никакого новаго литературнаго горизонта: онъ замыкалъ собою старое теченіе и былъ лишь наилучшимъ образцомъ этого стараго стиля: Гоголь слѣдовалъ извѣстной литературной традиціи, уже установившейся и очень распространенной. Нельзя, конечно, указать ни на одинъ историческій романъ того времени, влияніе котораго можно было бы прослѣдить на повѣсти Гоголя, тѣмъ болѣе, что первое источники его повѣсти намъ извѣстны: мы знаемъ откуда онъ бралъ сырой матеріалъ для своей картины. Но тѣмъ не менѣе извѣстная зависимость «Тараса Бульбы» отъ современнаго ему литературнаго стиля не подлежитъ сомнѣнію. При всей своей оригинальности, Гоголь не отступилъ отъ тѣхъ требованій, которыя романтика ставила историческому роману. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что онъ имѣлъ передъ глазами образцы иного литературнаго стиля въ историческихъ повѣстяхъ Пушкина—его друга, критика и кумира. Но въ настроеніи и міросозерцаніи нашего автора «романтическое» было еще настолько сильно въ тѣ годы, что оно устояло передъ искушеніемъ красоты спокойнаго, ровнаго, величаво-простого стиля, какимъ Пушкинъ писалъ свои историческіе романы.

О какомъ бы родѣ художественнаго русскаго творчества намъ ни приходилось говорить, всегда рѣчь сведется къ Пушкину: и въ данномъ случаѣ, говоря о судьбахъ историческаго романа, необходимо вернуться къ «Арапу Петра Великаго» и къ «Капитанской дочкѣ».

Оба памятника стоятъ совершенно одиноко въ нашей литературѣ тѣхъ годовъ. Мы не найдемъ имъ предшественниковъ ни у насъ въ Россіи, ни даже на западѣ. Все, что до Пушкина писано въ этомъ

родѣ на русскомъ языкѣ—ничтожно и не возвышается надъ уровнемъ литературной посредственности; все, что писано на западѣ—при всѣхъ красотахъ выполненія—не достигаетъ той художественной простоты, той ясности въ замыслѣ и той жизненной правдивости въ рѣчахъ и поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, которая такъ поражаетъ насъ въ историческихъ романахъ Пушкина... Не сравнимъ мы съ ними ни сентиментальныхъ нѣмецкихъ романовъ Лафонтена или Мейснера, въ которыхъ много чувствительности и мало правды, ни французскихъ романовъ типа Гюго, Виньи или Дюма—геніально колоритныхъ и патетическихъ, но всегда сбивающихся на сказку, ни, наконецъ, романовъ англійскихъ—даже такихъ, какъ романы Вальтеръ-Скотта или Бульвера, въ которыхъ воображенія неизмѣримо больше, чѣмъ въ пушкинскихъ разсказахъ, но въ которыхъ опять-таки нѣтъ психологической правды въ душевныхъ движеніяхъ и естественной простоты, настолько сильныхъ, чтобы обратить историческую личность въ нашего собеседника и насъ въ его современниковъ. А именно всѣми этими качествами и блещетъ повѣсть Пушкина. Какъ иногда художественно-реальная игра артиста заставляетъ насъ забыть о существованіи рамы, такъ иногда историческая повѣсть творитъ тоже чудо въ отношеніи времени: прошедшее становится для насъ дѣйствительностью и почти безъ усилія фантазіи мы начинаемъ себя чувствовать людьми иного вѣка, потому что видимъ предъ собой живыхъ людей и живую обстановку, въ которыхъ соблюдены всѣ условія реальной дѣйствительности. Пушкинъ обладалъ этимъ даромъ заставлять читателя жить прошлой жизнью и только онъ одинъ изъ всѣхъ нашихъ писателей имѣлъ эту власть надъ временемъ, пока «Война и Миръ» не указали намъ его настоящаго наслѣдника.

Отъ «Арапа Петра Великаго» до «Войны и Мира» мы не имѣли настоящаго историческаго романа: у насъ процвѣталъ романъ сентиментальный и романъ приключеній, которому авторъ иногда стремился придать колоритъ той или другой исторической эпохи. Къ числу такихъ романовъ, возросшихъ въ тридцатыхъ годахъ до угрожающаго количества, принадлежалъ и «Тарасъ Бульба»; онъ былъ среди нихъ первымъ по красотѣ, эффектности и колоритности, въ чемъ всякій можетъ убѣдиться, кто пожелаетъ сравнить его съ современными ему однородными литературными памятниками.

Ихъ количество росло съ необычайной быстротой и прямо затопляло литературный рынокъ. Обозрѣть всю эту массу историческихъ повѣстей и романовъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности, да и не нужно; можно остановиться лишь на самыхъ главнѣйшихъ, чтобы указаніемъ на ихъ достоинства или недостатки лучше оцѣнить то преимущество, которое надъ всѣми ними имѣетъ разсказъ Гоголя.

Наша историческая повѣсть, за исключеніемъ повѣсти Пушкина,

была, какъ мы только что замѣтили, по сюжету и стилю повѣстью сентиментальной и романтической. Тотъ и другой элементъ она заимствовала, конечно, съ запада, гдѣ, начиная съ конца XVIII столѣтія, именно такіе историческіе романы процвѣтали. Къ этому романтическому сюжету и сентиментальному настроенію наши писатели съ своей стороны стали примѣшивать элементъ мнимо народный, тотъ самый, о которомъ такъ много говорилось въ тридцатыхъ годахъ и въ пониманіи котораго, какъ мы знаемъ, царила большая путаница. Съ первыхъ же своихъ шаговъ наша историческая повѣсть должна была отвѣчать, помимо литературныхъ требованій, еще и на требованія этой «народности»: она должна была во всѣхъ смыслахъ быть патріотической, т.-е. убѣждать насъ въ томъ, что наша русская народность обладаетъ тѣмъ же богатымъ духовнымъ содержаніемъ и тѣми же внѣшними красотами, которымъ мы такъ привыкли удивляться въ историческихъ романахъ изъ жизни намъ чуждой. Такимъ образомъ нашъ историческій романъ тѣхъ годовъ былъ въ основѣ своей тенденціозенъ.

Дѣйствительно, если присмотрѣться хотя бы даже къ самымъ лучшимъ образцамъ этого литературнаго рода, то не трудно замѣтить, что всѣ три элемента: сентиментальный, романтическій и условно-народный входятъ въ составъ и замысла, и выполненія любого исторического романа того времени.

Вы встрѣтите въ немъ прежде всего традиціонную любовную интригу со всевозможными препятствіями, сентиментальную, часто слезливую и трогательную. Эта интрига всегда—главная нить, на которую нанизаны всѣ эпизоды, иной разъ самые важные и интересные въ историческомъ смыслѣ. Выходитъ такъ, что въ исторической повѣсти главное не—историческое, вѣрно воспроизведенное, а общечеловѣческое, воспроизведенное при томъ довольно шаблонно.

Рядомъ съ этимъ сентиментальнымъ мотивомъ въ историческихъ повѣстяхъ того времени вы найдете всегда и всѣ романтическіе приемы творчества. Ходъ дѣйствія всегда необычайно запутанъ, обставленъ невѣроятными происшествіями, которыя рассчитаны на повышение въ читателѣ его нервнаго напряженія; характеристики дѣйствующихъ лицъ и драматическія ихъ положенія почти всегда переходятъ за черту возможнаго или даже вѣроятнаго; много таинственнаго, недосказаннаго или умышленно умолченнаго; эффекты на каждомъ шагу и частая игра на контрастахъ.

Наконецъ, и условно народный элементъ проявляется въ этихъ повѣстяхъ почти всегда въ однихъ и тѣхъ же формахъ. Прославленіе православія и самодержавія, перечень разныхъ добродѣтелей, свойственныхъ русскимъ, исчисленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ извиненіе кое-какихъ пороковъ, археологическая реставрація обстановки, костюма и, по мѣрѣ силъ, самой рѣчи, иногда экскурсіи въ область міеологіи и народныхъ преданій—вотъ самые распространенные мотивы и приемы, при помощи

которыхъ авторъ стремился придать своему разсказу народный характеръ.

Само собою разумѣется, что среди нашихъ романистовъ-историковъ, несмотря на сходство приемовъ въ ихъ работѣ можетъ быть и должна быть установлена извѣстная литературная іерархія. Она и была установлена читателемъ, который одни романы забылъ, а другіе запомнилъ. Во всякомъ случаѣ, когда Гоголь писалъ своего «Тараса Бульбу» онъ вступалъ въ состязаніе съ людьми, далеко не лишенными таланта, но только этотъ талантъ тратился на работу фальшивую уже въ самомъ своемъ замыслѣ.

Еще Нарѣжный, идя во слѣдъ Карамзину, пытался создать такую сентиментальную и патріотическую повѣсть, отъ которой на насъ пахнуло, бы родной стариной. Но въ своихъ «Славянскихъ Вечерахъ» *) онъ не пошелъ дальше ординарнаго слащаваго и псевдо-героическаго разсказа, въ которомъ даже не было намека на безспорный талантъ самого автора.

Въ двадцатыхъ годахъ историческая повѣсть нѣсколько оживилась подъ перомъ Марлинскаго. Достоинство его повѣстей—очень немногочисленныхъ и не длинныхъ **)—опредѣляется главнымъ образомъ, если не отсутствіемъ, то меньшимъ подчеркиваніемъ всевозможныхъ патріотическихъ тенденцій; Марлинскій отъ нихъ также не вполне свободенъ, но главное его вниманіе обращено все-таки не на эту сторону, а на возможно большую близость къ исторической правдѣ и, главное, на правдоподобность психическихъ движеній дѣйствующихъ лицъ. У него есть повѣсти изъ рыцарскихъ временъ остзейскаго края, въ которыхъ о Россіи совсѣмъ не говорится — и это лучшія повѣсти. Есть разсказы также изъ русскаго прошлаго, въ которыхъ русскаго духа совсѣмъ нѣтъ, но есть много археологически вѣрныхъ декораций и много рѣчей и чувствъ не въ стародавнемъ, стилѣ, но зато въ хорошемъ стилѣ начала XIX вѣка и потому не фальшивыхъ. Во всѣхъ этихъ повѣстяхъ виденъ даровитый ученикъ Вальтеръ-Скотта, а иногда и Мура, и Байрона, но эта зависимость отъ иностраннаго образца мало вредитъ повѣстямъ Марлинскаго, такъ какъ она не поддѣлка, а только лишь хорошо усвоенная манера. Историческая повѣсть была, впрочемъ, для Марлинскаго увлеченіемъ преходящимъ и онъ отъ старины скоро перешелъ къ описанію современной ему жизни, которую и умѣлъ освѣщать очень своеобразно.

Никто не отниметъ также таланта у Загоскина, который еще задолго до Гоголя увлекъ всѣ сердца «Юріемъ Милославскимъ» ***). Въ

*) «Славянскіе вечера», 2 части. Спб. 1826.

**) «Гедеонъ», «Замокъ Эйзенъ», «Наѣзды», «Замокъ Венденъ», «Ревельскій турниръ», «Романъ и Ольга».

***) «Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году» М. Н. Загоскина. 3 части Москва. 1829—30.

русской литературѣ этотъ романъ былъ настоящимъ событіемъ и удостоился даже перевода на многіе иностранные языки. Но кто же теперь, читая этотъ романъ даже безъ скуки, станетъ отрицать, что онъ фальшивъ отъ первой страницы до послѣдней; что герой со своей клятвой Владиславу скорѣе смѣшонъ, чѣмъ патетиченъ; что любовь его къ Анастаси неестественно приторна и риторична; что почти всѣ польскіе типы — шаржированы и каррикатурны, а русскіе идеализированы; что всѣ историческія «картины» скорѣе лубочныя сцены и что рѣчь, которой говорятъ и простолюдины, и дворяне, какъ мозаика, составлена изъ отдѣльных словъ и оборотовъ рѣчи, высканныхъ въ словарь? Еще меньше литературныхъ красотъ имѣлъ и другой историческій романъ Загоскина «Аскольдова могила» *) — рассказъ изъ временъ Владиміра Святого, въ которомъ повѣствовалося о любовныхъ похожденияхъ этого князя, о борьбѣ христіанства съ язычествомъ и гдѣ при случаѣ высказывались самыя восторженныя вѣрнопопданническія чувства истинныхъ россовъ къ своему государю. Романъ былъ нечѣмъ инымъ, какъ распыренной романтической балладой со всѣмъ традиціоннымъ инвентаремъ многа народныхъ аксессуаровъ. «Аскольдова Могила» была бы совсѣмъ забыта, если бы музыка Ве-стовскаго о ней до сихъ поръ не напоминала.

Самъ Загоскинъ не отдавалъ себѣ, впрочемъ, отчета въ той дорогѣ, по которой шелъ и, не смотря, на то, что съ каждымъ новымъ его историческимъ романомъ интересъ публики падалъ, онъ продолжалъ писать ихъ одинъ за другимъ. Изъ всѣхъ этихъ повѣстей только «Басурманъ» **) поднялся выше средняго уровня литературной моды, главнымъ образомъ, въ виду интереса основной своей идеи: Загоскинъ попытался изобразить психологію культурнаго западнаго человѣка, попавшаго въ некультурную русскую среду эпохи Ивана III и этотъ мало патріотичный романъ — лучшее, что удалось создать нашему тенденціозному патріоту.

Соперникъ Загоскина — уже извѣстный намъ И. И. Лажечниковъ въ свое время былъ также очень извѣстнымъ сочинителемъ историческихъ романовъ. И если требовать отъ такихъ романовъ, прежде всего, занимательности, то романы Лажечникова для своего времени должны быть поставлены на первое мѣсто. «Послѣдняго Новика» ***) и «Ледяной домъ» ****) можно и въ наше время прочесть съ не ослабѣвающимъ вниманіемъ. Умѣніе запутать и распутать интригу — самая сильная сторона таланта Лажечникова и ради всѣхъ этихъ хитро-

*) «Аскольдова могила. Повѣсть изъ временъ Владиміра Перваго» М. Н. Загоскина. 3 части. Москва. 1833.

**) «Басурманъ» М. Н. Загоскина. 4 части. Москва. 1838.

***) «Послѣдній Новикъ или завоеваніе Лифляндіи въ царствованіе Петра Великаго» И. Лажечникова. 4 части. Москва. 1831—33.

****) «Ледяной домъ» И. Лажечникова. 4 части. 1835.

сплетеній въ дѣйствіи нашъ авторъ готовъ пожертвовать и исторической правдой (которую онъ иногда искажаетъ самымъ произвольнымъ образомъ) и правдой въ психическихъ движеніяхъ. Но за вычетомъ занимательной интриги, въ романахъ Лажечникова едвали что-нибудь останется. Узнать эпоху Петра I или Анны Іоанновны въ этихъ разсказахъ почти что невозможно: передъ нами самые общіе типы людей, которые годились бы для какой угодно эпохи, если окрестить ихъ иными именами и измѣнить кое-что въ окружающей ихъ обстановкѣ. Довольно ординарны и стереотипны и тѣ эффекты, къ которымъ постоянно прибѣгаетъ авторъ: это все тѣ же обычные романтическіе ужасы или восторги, къ которымъ нашъ пріучала французская и нѣмецкая романтика. Сентиментальный элементъ въ любовныхъ приключеніяхъ и въ особенности элементъ патріотическій мы найдемъ у Лажечникова также въ изобиліи, но главнымъ недостаткомъ его романовъ остается все-таки несоответствіе между психическими движеніями дѣйствующихъ лицъ нравами той эпохи, когда эти лица жили. Однѣ сцены въ романѣ умышленно грубы, другія умышленно слишкомъ тонки и между этими двумя крайностями правда жизни исчезаетъ: вмѣсто нея передъ нами остается занимательная неправдоподобная сказка, отъ которой, однако, все-таки съ трудомъ оторвешься.

Въ свое время Загоскинъ и Лажечниковъ въ области историческаго романа достойныхъ соперниковъ не имѣли: они считались первыми авторитетами. Но историкъ литературы въ правѣ нѣсколько видоизмѣнить эту іерархію. Если примѣнять къ историческому роману тѣ же требованія, которыя ему ставилъ тогдашній вкусъ публики, то рядомъ съ романами Загоскина и Лажечникова, если не выше ихъ, придется поставить одинъ романъ, который, не былъ оцѣненъ тогда по достоинству. Эта была «Клятва при гробѣ Господнемъ» *). Авторъ — Н. А. Полевой, извѣстный намъ критикъ, памфлетистъ, сатирикъ, историкъ и романистъ—еще въ двадцатыхъ годахъ попробовалъ свои силы на поприщѣ историческаго романа. Онъ написалъ тогда повѣсть «Симеонъ Кирдяпа», принятую съ большими похвалами. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Полевой задумалъ написать цѣлую хронику русской жизни временъ Василія Темнаго. Планъ былъ очень смѣлый, въ особенности если принять во вниманіе, какими скудными историческими данными пришлось располагать автору. Онъ, конечно, не избѣгъ традиціонныхъ ошибокъ. Главный герой повѣсти остался совсѣмъ въ тѣни и продолжалъ быть для читателя загадочной личностью; таинственной осталась и клятва, которую этотъ герой давалъ при гробѣ Господнемъ; въ неизмѣнную любовную фабулу авторъ опять подсыпалъ большую дозу сентиментальныхъ сладостей, и часто злоупотреблялъ эффектами. Но всѣ эти недостатки искупались шириной набросанной имъ картины.

*) «Клятва при гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка». 4 части. Москва. 1832.

Въ этомъ длинномъ разсказѣ объ интригахъ старыхъ удѣльныхъ князей мы имѣемъ передъ собой галерею довольно типичныхъ лицъ. Ни одинъ историческій романъ не давалъ такого разнообразія бытовыхъ картинъ, какъ романъ Полевого. Князья, ихъ бояре, стража, крестьяне, мѣщане, купцы, воины, послушники, монахи, странники—проходятъ передъ нами, не нарушая единства дѣйствія и торопя завязку или развязку главной интриги. Насколько всѣ эти лица согласны съ исторической правдой, это, конечно, вопросъ иной; у нашего романтика было свое понятіе объ этой исторической правдѣ, но среди всѣхъ тогдашнихъ искаженій ея, романъ Полевого былъ изъ числа наиболѣе колоритныхъ.

Читатель тридцатыхъ годовъ былъ, однако, менѣе требователенъ, чѣмъ мы, и рядомъ съ именами Загоскина, Лажечникова и Полевого ставилъ еще и много другихъ именъ, теперь почти совсѣмъ или совсѣмъ забытыхъ. Охотно, напр., читались историческіе романы Булгарина—худшее, что имъ было написано. Полные мелодраматическихъ эффектовъ, скучные въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ авторъ стремился не отступать отъ исторіи и копировалъ лѣтописи и другіе источники, пропитанные насквозь патріотической тенденціей и приторной прописной гражданской моралью, съ невѣроятной сентиментальной психологіей любви, съ романтическими ужасами всевозможнаго вида—«Димитрій Самозванецъ» *) и «Мазепа» **) были для средняго читателя самой удобоусвояемой пищей и авторъ могъ одно время гордиться, что его романы не пострадали отъ сосѣдства съ «Борисомъ Годуновымъ» и «Полтавой» Пушкина. Читался также съ интересомъ и Масальскій—авторъ романовъ «Стрѣльцы» ***) и «Регентство Бирона» ****), очень сходныхъ по своему историческому колориту съ романами Лажечникова. Читателей находилъ и Вельтманъ со своими неуклюжими историко-фантастическими сказками. На смѣну этимъ писателямъ позднѣе пришелъ Зотовъ и, главнымъ образомъ, Кукольникъ, стремившіеся плодovitостью замѣнить оригинальность, но дѣятельность этихъ писателей падаетъ въ сороковые годы и потому лежитъ внѣ поля зрѣнія того изслѣдователя, который говоритъ о взаимномъ отношеніи творчества Гоголя и современныхъ ему литературныхъ вкусовъ.

Есть ли такое взаимное соотношеніе между ходячими тогда историческими романами и «Тарасомъ Бульбой»? Если имѣть въ виду выполненіе задачи, то, конечно, ни о какомъ сравненіи Гоголя съ только что поименованными авторами не можетъ быть и рѣчи. Человѣкъ съ огромнымъ литературнымъ талантомъ можетъ остаться вполне худо-

*) «Димитрій Самозванецъ». Историческій романъ *Θ. Булгарина*, 4 части. Спб. 1830.

**) «Мазепа» *Θ. Булгарина*, 2 части. Спб. 1833.

***) «Стрѣльцы». Историческій романъ *К. Масальскаго*, 4 части. Спб. 1832.

****) «Регентство Бирона». *К. Масальскаго*, 2 части. Спб. 1834.

жникомъ и на той дорогѣ, идя по которой другой писатель съ меньшей силой необходимо упрется въ шаблонъ и банальность. Въ «Тарасѣ Бульбѣ» всѣ недостатки нашей старой исторической повѣсти были, дѣйствительно, спасены талантомъ Гоголя, но они не перестаютъ быть недостатками. Отъ того художественнаго воспроизведенія старины, при которомъ она становится для насъ переживаемой дѣйствительностью Гоголь все-таки далекъ. Его рассказъ остается романтической грезой, а не живой повѣстью о быломъ, хотя всѣ погрѣшности противъ правды и прикрыты въ этой грезѣ художественнымъ ея выполненіемъ. Новыхъ путей въ созданіи историческаго романа Гоголь не указалъ, но старое довелъ до совершенства. Въ «Тарасѣ Бульбѣ» онъ избѣжалъ всѣхъ антихудожественныхъ условностей, не понижая общаго романтическаго тона всей повѣсти. Сентиментальную любовную интригу онъ не довелъ до приторности, героизмъ въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ не повысилъ до фантастическаго, не примѣшалъ къ повѣсти никакой патріотической тенденціи или морали и, кромѣ того, въ деталяхъ сумѣлъ остаться строгимъ реалистомъ. Исторически вѣрнаго общаго представленія о жизни казачества по его повѣсти мы не получимъ, но зато въ описаніяхъ частныхъ этого быта видимъ не компилятора или мозаиста, какими были современные ему сочинители историческихъ повѣстей, а человека, сжившагося со стариной, съ ея внѣшностью и только во внутреннее ея содержаніе вносящаго свой романтическій пафосъ.

Впрочемъ, такое сочетаніе романтическаго взгляда на жизнь съ реальной вырисовкой ея деталей встрѣчается не въ одномъ только «Тарасѣ Бульбѣ», а—какъ сейчасъ увидимъ—во всѣхъ гоголевскихъ повѣстяхъ того времени, даже тѣхъ, въ которыхъ художникъ-реалистъ одержалъ верхъ надъ своимъ неотвязнымъ спутникомъ, разсуждающимъ, морализирующимъ, восторженнымъ или умиленнымъ романтикомъ.

Х.

Постепенное торжество реализма въ творествѣ Гоголя.—«Вій».—«Старосвѣтскіе помѣщики».—«Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».—«Носъ».—«Коляска».—«Петербургскія записки 1836 г.».—Выходъ въ свѣтъ «Арабесокъ» и «Миргорода».—Отзывы критики.—Значеніе повѣстей Гоголя въ исторіи развитія его творчества.

«Если бы насъ спросили—писалъ Бѣлинскій въ одной изъ своихъ статей—въ чемъ состоитъ существенная заслуга новой литературной школы—мы отвѣчали бы: въ томъ именно, что отъ высшихъ идеаловъ человѣческой природы и жизни она обратилась къ такъ называемой «толпѣ», исключительно избрала ее своимъ героемъ, изучаетъ ее съ глубокимъ вниманіемъ и знакомить ее съ нею же самою. Это значило сдѣлать литературу выраженіемъ и зеркаломъ русскаго общества, одушевить ее живымъ національнымъ интересомъ. Уничтоженіе всего фальшиваго, ложнаго, неестественнаго должно было быть необходи-

мымъ результатомъ этого новаго направленія нашей литературы, которое исполнѣ обнаружилось съ 1836 года, когда публика наша прочла «Миргородъ» и «Ревизора».

Гоголь, вѣроятно, никогда бы не согласился съ Бѣлинскимъ въ томъ, что онъ отошелъ отъ изображенія «высшихъ идеаловъ человѣческой природы и жизни»—онъ, который, въ концѣ концовъ ради нихъ отрекся отъ своего творчества, но Бѣлинскій былъ правъ. «Миргородъ» и рядъ другихъ повѣстей, тогда набросанныхъ или написанныхъ Гоголемъ, отмѣчаютъ уже поворотъ его творчества отъ романтизма въ искусство къ реализму.

Помимо тѣхъ историческихъ, литературныхъ и эстетическихъ статей, которыя были напечатаны Гоголемъ въ сборникѣ «Арабески» (1835), помимо повѣстей «Портретъ» «Невскій проспектъ» и «Записки сумасшедшаго», появившихся въ томъ же сборникѣ, помимо комедій, надъ которыми нашъ авторъ тогда работалъ, и «Мертвыхъ душъ», писать которыя онъ также началъ, Гоголь въ 1835 году выпустилъ въ свѣтъ продолженіе своихъ «Вечеровъ на хуторѣ» подъ заглавіемъ «Миргородъ». Въ составъ сборника вошли четыре повѣсти: уже знакомая намъ повѣсть «Тарасъ Бульба», и затѣмъ «Старосвѣтскіе помѣщики», «Вій» и «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Если къ этимъ повѣстямъ добавить тогда же написанные рассказы «Носъ» (1833) и «Коляска» (1835); статью «Петербургскія записки» (1835—1836) и задуманную повѣсть «Шинель» (1834) то мы будемъ имѣть полный списокъ тѣхъ созданій Гоголя, въ которыхъ романтикъ уступалъ свое мѣсто реалисту, чтобы въ «Комедіяхъ» и въ «Мертвыхъ душахъ» окончательно ему подчиниться.

Какъ памятники, на которыхъ остались слѣды этого любопытнаго спора двухъ способностей и тенденцій въ одномъ авторѣ—всѣ только что перечисленные сочиненія Гоголя имѣютъ большое значеніе въ исторіи его творчества. Въ нихъ стала все яснѣе и яснѣе проступать наружу та его способность, которая, по собственному его признанію, не могла ничего «выдумать», которая, чтобы творить, должна была видѣть и осязать. Пушкинъ разумѣлъ именно эту способность Гоголя, когда говорилъ, что никто не умѣетъ такъ схватывать и чувствовать житейскую пошлость, какъ его добрый пріятель. Отъ этого дара самому Гоголю становилось иной разъ жутко и столкновеніе, грозное столкновеніе между бытописателемъ и теоретикомъ-идеалистомъ становилось неизбежно. Оно, дѣйствительно, и наступило во всей своей полнотѣ и строгости послѣ созданія «Комедій» и «Мертвыхъ душъ», но въ тридцатыхъ годахъ это столкновеніе не причиняло ему никакой боли и сказывалось только на довольно странномъ смѣшеніи противорѣчивыхъ настроеній и стилей въ нѣкоторыхъ изъ его повѣстей.

Уже при оцѣнкѣ той основной мысли, которую авторъ стремился пояснить въ своихъ рассказахъ «Портретъ» «Записки сумасшедшаго» и «Нев-

скій проспектъ» мы имѣли случай указать, какъ реальныя типы и реальная обстановка сочетались въ этихъ повѣстяхъ съ романтическимъ настроеніемъ и замысломъ. Во всѣхъ этихъ трехъ разсказахъ вниманіе автора какъ бы двоилось: онъ занятъ былъ освѣщеніемъ и разработкой основной мысли о миссіи поэта или о разладѣ мечты и жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ мимоходомъ онъ рисовалъ бытовыя картины въ самомъ реальномъ, иногда даже каррикатурномъ стилѣ.

Жизнь артистической богемы, жизнь мелкихъ чиновниковъ Коломны, нѣсколько профилей великосвѣтскихъ барынь, модный художникъ въ своей мастерской—вотъ о чемъ успѣлъ мимоходомъ сказать нѣсколько самыхъ картинныхъ словъ нашъ писатель, когда въ «Портретѣ» разблагилъ передъ нами тайныя страданія артистической души, измѣнившей своему призванію ради вѣшняго блеска или когда говорилъ о той чертѣ, которая должна отдѣлять искусство отъ жизни. Въ «Невскомъ проспектѣ» и въ «Запискахъ сумасшедшаго» передъ нами еще больше такихъ реальныхъ деталей, совершенно жизненныхъ,—которыя пояснена основная мысль о романтическихъ страданіяхъ непримиреннаго съ дѣйствительностью мечтателя. И военные, и художники, и нѣмецкіе ремесленники, и бульварная публика и департаментскіе чиновники—все включены въ одну, повидимому, тѣсную рамку и все живутъ на нашихъ глазахъ, несмотря на то, что передъ нами мелькаютъ иногда лишь только ихъ профили и силуэты.

Такъ же точно и въ другихъ повѣстяхъ, написанныхъ въ эти годы, талантъ Гоголя двоятся, и въ одномъ и томъ же произведеніи мы встрѣчаемъ и самое художественное реальное изображеніе жизни, и знакомое намъ субъективно-романтическое отношеніе автора къ ней, причемъ это послѣднее идетъ замѣтно на убыль.

Повѣсть «Вій» по замыслу настоящая фантастическая сказка, очень похожая на тѣ, которыя авторъ разсказывалъ въ своихъ «Вечерахъ». А между тѣмъ рядомъ съ этимъ фантастическимъ элементомъ въ повѣсти дана цѣлая бытовая картина и не въ томъ идилическомъ прикрашенномъ видѣ, въ какомъ писалъ Гоголь свои жанровыя сценки раньше, а въ стилѣ очень строгаго реализма. Въ тогдашней литературѣ не было памятника, въ которомъ бы жизнь бурсаковъ и быть дворянъ знатнаго помѣщика были бы очерчены такъ кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ правдиво—правдиво потому, что то самое простонародье, жизнь котораго Гоголь раньше любилъ подкрасить, выведено здѣсь во всей своей наготѣ на сцену и вмѣстѣ съ тѣмъ это вовсе не та лубочная нагота, которой иногда щеголялъ писатель тѣхъ годовъ, когда хотѣлъ изобразить наивность простонароднаго міросозерцанія.

То же смѣшеніе тоновъ замѣтно и въ повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики», въ этой несложной идилической исторіи двухъ закатающихся жизней. Романтическая идилія, какъ извѣстно, была очень распро-

страеннымъ родомъ творчества въ нашей старой словесности. Писатели очень любили такія благодарныя темы, какъ исторія двухъ любящихъ сердецъ, поселенныхъ среди мирной природы, вдали отъ цивилизаціи, сердецъ, занятыхъ исключительно своимъ чувствомъ. «Старосвѣтскіе помѣщики» были удачною попыткой замѣнить въ этой темѣ всѣ романтическіе элементы — реальными и бытовыми. вмѣсто прежнихъ пустынныхъ мѣстъ — малороссійская деревня, вмѣсто разочарованныхъ героевъ и томныхъ или страстныхъ героинь — старикъ и старуха; и при всей этой внѣшней простотѣ и прозаичности, повѣсть глубоко поэтична. Она — рѣшительная побѣда реализма въ искусствѣ, а между тѣмъ, какъ часто въ ней прорывается наружу романтическое настроеніе автора. Сколько субъективной грусти вложено въ этотъ спокойный рассказъ, невозмутимо однообразный тонъ котораго не совсѣмъ соответствуетъ тому понятію, какое мы имѣемъ о реальной, хотя бы самой замкнутой помѣщицкой жизни. «Старосвѣтскіе помѣщики» при всемъ реализмѣ въ деталяхъ какъ напр. въ сценкахъ крестьянской жизни, при поразительномъ своемъ безпристрастіи, все-таки производятъ впечатлѣніе какой-то грустной грезы, на которой остались слѣды любимыхъ размышленій автора о печаляхъ жизни. Онъ не уберегъ себя отъ этой романтической грусти даже въ этой повѣсти, въ которой рисовалъ жизнь мирнаго уголка, жизнь, полную счастья, любви, тишины и довольства.

То же вторженіе романтической грусти подмѣчаемъ мы и въ «Повѣсти о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ». Гоголь не особенно высоко цѣнилъ эту повѣсть — она была въ его глазахъ простой шуткой: и въ ней есть этотъ шутовской элементъ, граничащій даже съ невѣроятностью. Появленіе бурой свиньи, которая утѣшила жалобу Ивана Никифоровича, можетъ быть оправдано только смѣшливымъ капризомъ автора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта повѣсть вполнѣ реальная картина уѣзднаго города и Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича можно встрѣтить и въ наше время. Мы смѣемся надъ ними отъ души, равно какъ и надъ всѣми типами уѣзднаго городского общества, которое фигурируетъ на знаменитомъ обѣдѣ городничаго. Когда мы потомъ читаемъ «Ревизора» и «Мертвыя души», то эта картина уѣзднаго общества всегда приходитъ намъ на память; вспоминаемъ мы и судью, который слушаетъ чтеніе безконечнаго дѣла и прерываетъ его разсужденіями о пѣвнѣ дроздовъ, вспоминаемъ и городничаго, который при ежедневныхъ рапортахъ спрашиваетъ квартальныхъ надзирателей, нашла ли пуговица отъ его мундира, которую онъ потерялъ два года тому назадъ; помнимъ мы и Антона Прокофьевича, который продалъ свой домъ и на вырученные деньги купилъ тройку гнѣдыхъ лошадей и бричку, затѣмъ промѣнялъ этихъ лошадей на скрипку и дворовую дѣвку, чтобы эту дѣвку промѣнять въ концѣ-концовъ на сафьянный съ золотомъ кисеть... Одно только возбуждаетъ

въ насъ недоумѣніе, это—окончаніе повѣсти. Отчего этотъ веселый рассказъ кончается такими печальными словами?

«Тощія лошади,—такъ заключаетъ авторъ свою повѣсть,—извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливнемъ на жиду, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкой. Сырость меня проняла насквозь. Печальная заставка съ будкой, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣта небо. Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»

Лирическая вставка, очень характерная именно въ такой веселой повѣсти, и лишній разъ указывающая на то, какъ нашему автору было трудно подавить личное грустное ощущеніе даже въ самой безобидной повѣсти, сбивающейся на смѣшную шутку.

Шутками можно назвать и «Коляску» и «Носъ»—два коротенькихъ разсказа, въ которыхъ авторъ далъ полную волю своему остроумію; въ этихъ повѣстяхъ или, вѣрнѣе, анекдотахъ, странно было бы доискиваться какой-нибудь мысли, но при всей незначительности содержанія, эти шутки въ литературномъ смыслѣ явленіе замѣчательное, именно въ виду реальной обрисовки нѣкоторыхъ типовъ и сценъ, хотя бы самыхъ незатѣйливыхъ. Цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ и майоръ Ковалевъ, носъ котораго позволилъ себѣ такую непристойную выходку, люди живые, несмотря на всю чепуху, которая съ ними творится. Но рядомъ съ этой необъяснимой чепухой имъ приходится быть свидѣтелями и небезынтересныхъ житейскихъ явленій. Такова, напр., сцена въ газетной экспедиціи, гдѣ печатались объявленія о томъ, «что отпускается въ услуженіе кучеръ трезваго поведенія, малоподдержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа и дворовая дѣвка 19-ти лѣтъ, упражнявшаяся въ прачечномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ»... Такова сцена у частного пристава; наконецъ, описаніе той сенсаціи, какую произвелъ сбѣжавшій и прогуливающійся носъ въ столицѣ, сенсаціи, охватившей всѣ круги общества... Такіе тонкіе сатирическіе штрихи—впрочемъ очень безобидные—попадаютъ и въ «Коляску». Взять хотя бы типъ главнаго виновника этого смѣшного инцидента—помѣщика, который давалъ прекрасные обѣды дворянству, на которыхъ объявлялъ, что если только его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу, который затѣмъ употребилъ приданое жены на шестерку отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза дворецкаго...

Вообще въ этихъ шуткахъ Гоголя читатель могъ наткнуться со всѣмъ неожиданно на проблески общественной сатиры. Такой сатири-

ческий элементъ былъ въ особенности силенъ въ повѣсти «Шинель», которую Гоголь въ это же время задумалъ, но обработалъ значительно позднѣе.

Гораздо большій общественный смыслъ имѣло и удивительно яркое сравненіе Москвы и Петербурга, которое Гоголь набросалъ въ 1835 году и которое, затѣмъ, въ 1837 году была напечатана въ «Современникѣ» подъ заглавіемъ «Петербургскія записки 1836 года». Эта статья, «написанная въ свѣтлыя минуты веселости великимъ меланхоликомъ» — какъ о ней говорилъ Пушкинъ — своего рода перлъ остроумія. Государственная, общественная и литературная фizioномія двухъ столицъ описана съ неподражаемой яркостью красокъ и мѣткостью выраженія. Москва — эта старая домосѣдка, которая печетъ блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ креселъ, о томъ, что дѣлается на свѣтѣ; Петербургъ — разбитной малый, который никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ... Петербургъ — аккуратный челоуѣкъ, совершенный нѣмецъ, который на все глядитъ съ расчетомъ и прежде нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотреть въ карманъ; Москва — русскій дворянинъ, который если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ... Москва, гдѣ журналы говорятъ о Кавтѣ, Шеллингѣ и проч. Петербургъ — гдѣ въ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности; Москва — гдѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками и Петербургъ, гдѣ журналы не идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время; Москва, куда тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; Петербургъ, куда ѣдутъ люди безденежные и разѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Москва — которая не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ, который продаетъ галстуки и перчатки своимъ чиновникамъ; Москва, которая нужна для Россіи, и Петербургъ, которому нужна Россія...

Въ цѣлой вереницѣ такихъ остроумныхъ сопоставленій поясняетъ Гоголь свою основную мысль о противорѣчій коренной русской Москвы и Петербурга, похожаго на «европейско-американскую колонію»: Эту мысль нужно отмѣтить, какъ первое проявленіе тѣхъ патріотическихъ взглядовъ, которые позднѣе сблизятъ Гоголя съ славянофилами.

Такъ наблюдателенъ и реаленъ въ своемъ творествѣ сталъ за эти годы нашъ авторъ, все болѣе и болѣе изошряя свой взглядъ художника надъ всякими мелочами нашей повседневной жизни *).

*) Къ 1830—1835 годамъ относятся и нѣсколько отрывковъ изъ начатыхъ повѣстей («Сочиненія Н. В. Гоголя». X-ое изданіе V, 94—98), по содержанію своему также вполнѣ реальныхъ.

Большинство этихъ очерковъ и разсказовъ, равно какъ и серьезныхъ статей по исторіи, литературѣ и искусству, Гоголь, какъ мы уже замѣтили, собралъ и выпустилъ въ свѣтъ въ двухъ сборникахъ, напечатанныхъ почти одновременно.

Въ началѣ 1835 года вышли въ свѣтъ «Арабески» *) и вслѣдъ за ними обѣ части «Миргорода» **).

Авторъ придавалъ, кажется, особенное значеніе «Арабескамъ», гдѣ были собраны его статьи по эстетикѣ и исторіи. Хотя онъ и писалъ въ одномъ частномъ письмѣ, что этотъ сборникъ, «сумбуръ, смѣсь всего, каша—***), но эти слова были просто авторскимъ кокетствомъ. По крайней мѣрѣ въ предисловіи къ «Арабескамъ» Гоголь не только не скромничалъ, но говорилъ съ читателемъ въ достаточно горделивомъ тонѣ, который непріятно поразилъ тогдашнюю критику. «Признаюсь, писалъ молодой авторъ, нѣкоторыхъ пьесъ я бы, можетъ быть, не допустилъ вовсе въ это собраніе, если бы издавалъ его годомъ прежде, когда я былъ болѣе строгъ къ своимъ старымъ трудамъ. Но, вмѣсто того, чтобы строго судить свое *прошедшее*, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ *настоящимъ*. Истреблять прежде написанное нами, кажется, такъ же несправедливо какъ позабывать минувшіе дни своей юности. При томъ, если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ, три еще несказанныя истины, то уже авторъ не въ правѣ скрывать его отъ читателя, и за двѣ, три вѣрныя мысли можно простить несовершенство цѣлаго». Такой тонъ въ предисловіи исключалъ, повидимому, всякую авторскую скромность и Гоголь, дѣйствительно, ревниво относился къ успѣху своей книги. Онъ очень жаловался, что его «Арабески» и «Миргородъ» не идутъ совершенно: «Чортъ ихъ знаетъ, что это значить, восклицалъ онъ. Книгопродавцы такой народъ, которыхъ безъ всякой совѣсти можно повѣсить на первомъ деревѣ» ****). Въ своихъ заботахъ объ «Арабескахъ» Гоголь готовъ былъ даже пойти на газетную рекламу. «Сдѣлай милость, писалъ онъ Погодину, напечатай въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе объ «Арабескахъ» въ такихъ словахъ: что теперь, дескать, только и говорятъ вездѣ, что объ «Арабескахъ», что сія книга возбудила всеобщее любопытство, что расходъ на нее страшный (NB. До сихъ поръ ни гроша барыша не получено) и тому подобное» **).

Если «Арабески», дѣйствительно, не шли, то въ этомъ былъ, конечно, виноватъ ихъ учено-эстетическій багажъ, для большой публики мало интересный. Эти историческія и ученые статьи Гоголя очень не повра-

*) Въ «Арабески» вошли всѣ историческія, эстетическія и критическія статьи и повѣсти: «Портретъ» «Невскій Проспектъ» и «Записки Сумасшедшаго».

**) Въ «Миргородѣ» были напечатаны: «Старосвѣтскіе помѣщики», «Вій», «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» и «Тарасъ Вульба».

***) «Письма Н. В. Гоголя», I, 331.

****) «Письма Н. В. Гоголя», I, 354.

вились и критикъ, которая въ общемъ отвелась и къ «Арабескамъ» и въ особенности къ «Миргороду» благосклонно.

Сенковский въ «Библіотекѣ для Чтенія» разругалъ Гоголя за его предисловіе, говоря, что только Гете да Гоголь могутъ съ публикой объясняться такимъ образомъ, что Гоголь, не полагаясь на разборчивость наслѣдниковъ и обожателей, начинаетъ свое литературное поприще тѣмъ, что самъ издаетъ свои посмертныя сочиненія. Критикъ очень неодобрительно отнесся и къ ученымъ статьямъ нашего автора. «Арабески»—говорилъ онъ—это полная мистификація наукъ художествъ, смысла и русскаго языка. Въ ученыхъ статьяхъ не обещаться уродливыхъ сужденій, тяжкихъ грѣховъ противъ вкуса и логики. Въ нихъ поражаетъ читателя внутренняя пустота мысли и дисгармонія языка». Критикъ смѣялся также надъ «средними вѣками» и «готикой» Гоголя, надъ этими «любимыми куклами его воображенія». Вкусъ и логика изнасилованы во всѣхъ этихъ серьезныхъ статьяхъ Гоголя, говорилъ Сенковский. Вообще было бы гораздо лучше, когда бы статьи этого рода высказывались не изъ души, а изъ предварительной науки. О повѣстяхъ, напечатанныхъ въ «Арабескахъ» критикъ отзывался очень глухо, но похвалилъ слегка «Записки сумасшедшаго» и «Невскій проспектъ» **). Къ повѣстямъ въ «Миргородѣ» Сенковский отнесся мягче, выписалъ даже цѣлую страницу изъ «Тараса Бульбы», однако замѣтилъ, что повѣсть о «ссорѣ Ивана Ивановича» очень грязна и что въ «Віѣ» нѣтъ ни конца, ни начала, ни идеи, ничего кромѣ страшныхъ, невѣроятныхъ сценъ ***). Во всей рецензiи, какъ видимъ, сквозило явное недоброжелательство.

Булгаринъ говорилъ объ «Арабескахъ» приблизительно то же самое: порицалъ автора за аристократическій и диктаторскій тонъ въ его предисловіи, видѣлъ во всѣхъ его серьезныхъ статьяхъ промахи противъ логики и истины, языка и вкуса. Повѣсти похвалилъ, но по поводу «Невскаго проспекта» упрекнулъ Гоголя въ неразборчивомъ вкусѣ и замѣтилъ, что каррикатуры ему лучше удаются. Вообще, по его мнѣнію, «Арабески» названы удачно: это «образы безъ лицъ» ****). Въ той же «Сѣверной Пчелѣ», гдѣ была помѣщена эта рецензiя, былъ разобранъ и «Миргородъ» относительно-благосклонно. Любопытны заключительныя слова критика. Въ повѣсти о «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»—говорилъ онъ—описана прозаичная жизнь двухъ сосѣдей бѣднаго уѣзднаго городка со всѣми ея незанимательными подробностями, описана съ удивительною вѣрностью и живостью красокъ. Но какая цѣль этихъ сценъ?—Сценъ, не возбуждающихъ въ душѣ читателя ничего, кромѣ жалости и отвращенія?

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 341.

**) «Библіотека для чтенія», 1835. Т. IX. «Литературная лѣтопись», 3—14.

***) «Библіотека для чтенія» 1835 т. IX. «Литературная лѣтопись» 31—34.

****) «Сѣверная Пчела», 1835, № 73.

Въ нихъ нѣтъ ни забавнаго, ни трогательнаго ни смѣшнаго. Зачѣмъ же показывать намъ эти рубища, эти грязныя лохмотья, какъ бы ни были они искусно представлены? Зачѣмъ рисовать непріятную картину задняго двора жизни и человѣчества, безъ всякой видимой цѣли? *)

Кромѣ этихъ рецензій, недоброжелательныхъ и насмѣшливыхъ, остальные были всѣ въ пользу Гоголя. Критикъ «Московского Наблюдателя» Шевыревъ поздравилъ русскую литературу съ появленіемъ новаго, совершенно оригинальнаго таланта, въ которомъ простодушная веселость нашла себѣ художественное выраженіе. Пользуясь случаемъ, Шевыревъ написалъ цѣлый философскій трактатъ о теоріи смѣха, отводя Гоголю почетное мѣсто среди первыхъ юмористовъ міра, какъ представителю славянскаго простодушнаго юмора. Критикъ хвалилъ «Тараса Бульбу», но не вполне былъ доволенъ слогомъ Гоголя. Свою рецензію онъ заканчивалъ также очень характернымъ пожеланіемъ. «Желательно—говорилъ онъ—чтобы Гоголь обратилъ свой наблюдательный взоръ на общество, насъ окружающее. Онъ водилъ насъ въ Миргородъ, въ мастерскую сапожника, въ сумасшедшій домъ. Но столица уже довольно смѣялась надъ провинціей и деревенщиной. Пусть Гоголь откроетъ бессмыслицу въ нашей собственной жизни и въ кругу, такъ называемомъ, образованномъ, въ нашей гостини, среди модныхъ фраковъ и галстуковъ, подъ модными головными уборами» **).

Силу Гоголя, какъ юмориста, отгѣнилъ и критикъ «Литературныхъ Прибавленій къ «Русскому Инвалиду», который, говоря о «Ревизорѣ», попутно коснулся и повѣстей нашего автора. «Гоголь обыкновенно описываетъ мелочныя обстоятельства и ничтожные случаи—писалъ рецензентъ—но рассказываетъ о нихъ съ важностью, какъ о необыкновенныхъ происшествіяхъ міра. Объясняясь предположеніями ложными, однако же свойственными тому человѣку, который предполагаетъ, мысля грубыми предразсудками, отпуская даже глупости въ лицѣ какого-нибудь глупца—Гоголь сохраняетъ при этомъ столько уместующую, дальновидную, убѣдительную фізіогномію, что вамъ сначала покажется, не считаетъ ли самъ онъ такими важными эти бездѣлицы. Онъ никогда не подастъ вамъ подозрѣнія, что шутитъ. Простодушіе его такъ велико, что еще сомнительно, знаетъ ли самъ онъ, что онъ такъ остеръ и забавенъ» ***).

На очаровательную безцѣнную наивность повѣстей Гоголя указывалъ и критикъ «Телескопа», который шутливо замѣчалъ при этомъ. «Зазнались же вы, почтенный пасичникъ, отъ того, что въ «Библио-

*) «Сѣверная Пчела», 1835, № 116. Статья подписана «П. М.—скій».

**) «Московский Наблюдатель», 1835, I, статья Шевырева о «Миргородѣ», 396—411.

***) «Литературныя Прибавленія къ «Русскому Инвалиду». 1836, № 59—60. П. Серебряный. «Русскій театръ», 479.

текѣ для Чтенія» называютъ васъ русскимъ «Поль де-Кокомъ!» *). Реализмъ въ повѣстяхъ Гоголя встрѣтилъ полное сочувствіе и еще въ одномъ анонимномъ критикѣ «Литературныхъ Прибавленій». «Въ повѣстяхъ Гоголя сюжетъ простъ, занимателенъ, величествененъ, какъ природа, разсматриваемая не очами слѣпца, — говорилъ критикъ. Выполнивъ сюжетъ увлекательно. Съ радостью скажемъ, что авторъ «Миргорода» уже оставляетъ свою прежнюю напыщенность: простота есть одно изъ трехъ Грацій—изящнаго! Теперь каждое слово Гоголя есть необходимая часть цѣлаго, ни одно слово не уронено на вѣтеръ» **).

Но самой полной оцѣнкой литературнаго значенія новыхъ повѣстей Гоголя былъ извѣстный историческій обзоръ русской повѣсти, данный Бѣлинскимъ въ его статьѣ «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя («Арабески» и «Миргородъ»)» ***).

Насмѣшливо относясь ко всѣмъ «ученымъ» статьямъ Гоголя, Бѣлинскій восторженно говорилъ объ его литературномъ талантѣ. Для него Гоголя прежде всего—истинный поэтъ, тотъ самый, творчество котораго «безцѣльно съ цѣлью, безсознательно съ сознаниемъ, свободно съ зависимостью».

Гоголь мастеръ дѣлать все изъ ничего. Его созданія ознаменованы печатью истиннаго таланта и созданы по непреложнымъ законамъ творчества. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствія, эта скудость драматизма, самая эта мелочность и обыкновенность описываемыхъ авторомъ происшествій—суть вѣрные, необманчивые признаки творчества; это поэзія реальная, поэзія жизни дѣйствительной, жизни, коротко знакомой намъ... Каждая его повѣсть—смѣшная комедія, которая начинается глупостями и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнью. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно! И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины! Повѣсти Гоголя народны въ высочайшей степени: и Гоголь ни мало не думаетъ о народности, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гонятся за нею и ловятъ—одну тривиальность... Комизмъ или юморъ Гоголя имѣетъ свой особенный характеръ: это юморъ чисто русскій, юморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какъ бы прикидывается простакомъ и этотъ юморъ тѣмъ скорѣе достигаетъ своей цѣли... и въ этомъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ нравоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ

*) «Телескопъ» XXI. «Молва», 351.

**) «Литературныя Прибавленія къ «Русскому Инвалиду», 1835, № 33. Статья А. в. м. л. «Мои коммеражи о сочиненіи Н. Гоголя «Миргородъ», 262—3.

***) «Телескопъ», 1835, XXVI, № 8.

рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать. О! Предъ такою нравственностью можно падать на колѣна!

«Арабески» и «Миргородъ», продолжалъ Бѣлинскій, носятъ на себѣ всѣ признаки зрѣющаго таланта. Въ нихъ меньше упоенія, лирическаго разгула, чѣмъ въ «Вечерахъ», но больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни. Сверхъ того, Гоголь здѣсь расширилъ свою сферу дѣйствія и, не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссіи, пошелъ искать поэзіи въ нравахъ средняго сословія въ Россіи. И, Боже мой! какую глубокую и могучую поэзію нашелъ онъ тутъ! Гоголь еще только началъ свое поприще, но какія надежды подаетъ его дебютъ! Эти надежды велики, ибо Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время онъ является главою литературы, главою поэтовъ, онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ. Пусть Гоголь описываетъ то, что велитъ ему описывать его вдохновеніе и пусть страшится описывать то, что велятъ ему описывать или его воля, или гг. критики *). Свобода художника состоитъ въ гармоніи его собственной воли съ какою-то внѣшнею, не зависящею отъ него волею, или, лучше сказать, его воля есть вдохновеніе!..

Такъ говорилъ Бѣлинскій, примѣняя къ творчеству Гоголя положенія, выработанныя нѣмецкой эстетикой, и онъ былъ на этотъ разъ правъ: Гоголь, дѣйствительно, творилъ безсознательно съ сознаніемъ и никакой цѣли въ своихъ повѣстяхъ пока не преслѣдовалъ. Онъ оставался художникомъ по преимуществу, поэтомъ, который искалъ художественныхъ образовъ для выраженія всѣхъ своихъ наблюденій и всѣхъ разнообразныхъ, иногда прямо противорѣчивыхъ, настроеній, подъ властью которыхъ находился.

Подводя общій итогъ всей литературной дѣятельности Гоголя, какъ она выразилась въ «Миргородѣ» и «Арабескахъ», мы приходимъ къ выводу, что нашъ писатель постепенно выходилъ изъ круга тѣхъ романтическихъ вкусовъ въ выборѣ сюжетовъ и тѣхъ романтическихъ приемовъ въ ихъ обработкѣ, какіе господствовали въ современной ему литературѣ.

Какъ печальникъ о разладѣ мечты и дѣйствительности, какъ мечтатель-поэтъ, которому трудно отвѣтить на вопросъ—чему служить его вдохновеніе, въ чемъ заключена его тайна и его земное назначеніе, наконецъ, какъ любитель старины, въ которой онъ искалъ не безпристрастной истины, а подтвержденія своихъ думъ и симпатій, Гоголь тридцатыхъ годовъ—сынъ своего романтическаго поколѣнія.

Но въ немъ одновременно созрѣвалъ творецъ иного литературнаго

*) Намекъ на вышеприведенное пожеланіе Шевырева.

направленія, отъ развитія котораго наше самосознаніе должно было такъ много выиграть въ послѣдствіи. Наша дѣйствительность со всѣми ея грѣхами начинала приковывать къ себѣ вниманіе художника и онъ становился ея бытописателемъ: необычайно быстро и рѣшительно освоился онъ съ этой новой ролью, и если въ его повѣстяхъ замѣтно колебаніе въ настроеніи, стилѣ рѣчи и приемахъ мастерства, то этого колебанія уже нѣтъ въ его комедіяхъ, надъ которыми онъ въ тѣ же годы работалъ. Въ этихъ художественныхъ созданіяхъ онъ чисто-кровный реалистъ, удивительный техникъ и съ виду спокойный наблюдатель дѣйствительности. Онъ истолкователь и обличитель этой дѣйствительности, о которой пока онъ говорилъ лишь мимоходомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что онъ успѣлъ сказать о ней? Въ «Вечерахъ» онъ кое-гдѣ сблизилъ насъ съ жизнью малорусской деревни и позволилъ намъ однажды заглянуть въ помѣщичью усадьбу; въ «Арабескахъ» погулялъ съ нами по Шукиному двору и по Невскому проспекту, заглянувъ мимоходомъ въ мастерскую художника, въ квартиру нѣмца-ремесленника, погибшей дѣвицы и сумасшедшаго департаментскаго чиновника; въ «Миргородѣ» опять возвратился съ нами въ Малороссію, познакомилъ насъ со старосвѣтскими помѣщиками, со странствующими бурсаками, со всей администраціей и съ обывателями уѣзднаго, мелкаго городишка. Конечно, онъ провелъ насъ по цѣлой портретной галлерей, и мы любовались этими разнообразными типичными лицами. Ихъ было такъ много и они были новы. Но всѣ они были случайные типы, портреты, написанные при случаѣ; въ нихъ не было объединяющаго смысла, по которому можно было бы судить не о томъ или другомъ изъ нихъ порознь, а обо всѣхъ сразу, какъ объ извѣстныхъ общественныхъ группахъ, какъ о выразителяхъ извѣстнаго историческаго момента, переживаемаго нашимъ обществомъ.

Такой осмысленный подборъ реальныхъ типовъ Гоголь далъ сначала въ своихъ комедіяхъ, а затѣмъ въ «Мертвыхъ Душахъ».

Н. Котляревскій

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУСТЫНЯ.

Сонетъ.

Пустыня мертвая пылаетъ, но не дышетъ.
Блеститъ сухой песокъ, какъ желтая парча,
И даль небесъ желта и также горяча.
Миражъ струится въ ней и сказки жизни пишетъ.
Такая тишина, что мнится, ухо слышетъ
Движенье облака, дрожаніе луча...
Верблюды во снѣ бредеть, какъ будто зной влача,
И всадника въ сѣдлѣ размѣренно колышетъ.
Псрою, на пути, обмытыя пескомъ,
Бѣлѣютъ путниковъ покинутыя кости
И сердцу говорятъ беззвучнымъ языкомъ:
„О, бѣдный пилигримъ! Твой путь и намъ знакомъ:
Ты кровью истекалъ... Ты слезы лилъ тайкомъ...
Добро пожаловать къ твоимъ собратьямъ въ гости“.

А. Ѳедоровъ.

ДУРАКЪ.

(Повѣсть).

Это были два молодыхъ человѣка, совсѣмъ не похожіе другъ на друга, хотя носили одну фамилію.

Одинъ былъ высокій, тонкій и смуглый. На его худомъ продолговатомъ лицѣ главная роль принадлежала глазамъ: темнымъ, блестящимъ, умнымъ. Эти глаза никогда не скользили по предмету своего наблюденія, а пристально останавливались на немъ, какъ бы высасывая изъ него и втягивая въ себя его сущность. Волосы на головѣ его были прямые и довольно длинныя. Онъ зачесывалъ ихъ кверху, но ему никогда не удавалось заставить ихъ лежать смирно. Вѣчно какой-нибудь клокъ свѣшивался на лобъ—то справа, то слѣва, и ему постоянно приходилось быстрымъ движеніемъ руки водворять его на мѣсто. Темные усы у него еще только намѣчались, какъ и бородка, а на щекахъ не росло ничего.

Во всей его фигурѣ было что-то нескладное: ноги слишкомъ длинныя, руки казались плетями, плечи для его большого роста—узкія. Но во всемъ этомъ не было ничего безобразнаго или отталкивающаго. Напротивъ, самая эта нескладность придавала ему что-то привлекательное, вызывала къ нему довѣріе.

Другой былъ также молодъ, но роста средняго, коренастый, съ лицомъ круглымъ и пухлымъ, но здоровымъ, даже нѣсколько упитаннымъ. Волосы у него были свѣтлые, бѣлесоватаго оттѣнка, стриженные по модѣ,—нѣсколько выше по краямъ и совершенно низко, такъ что проглядывала бѣлая кожа, посрединѣ. Свѣтлые усы уже порядочно отросли, такъ что онъ могъ кончики ихъ закручивать кверху. Щеки же и подбородокъ были старательно выбриты. Глаза у него были большіе сѣрые, мало подвижныя и какъ-то одинаково выражавшіе самыя разнообразныя чувства и состоянія.

Они рѣзко различались и по одеждѣ. Первый былъ одѣтъ въ черный сюртукъ, сшитый кое-какъ, изрядно помятый, очевидно

служившій ему для всѣхъ случаевъ, какъ парадныхъ, такъ и простыхъ. Второй былъ одѣтъ въ свѣтло-сѣрую поджачную пару—новенькую, чистенькую и держалъ ее на себѣ аккуратно и заботливо, чтобы не смять и не посадить гдѣ-нибудь пятно.

Каждую минуту онъ осторожно двумя пальцами расправлялъ случайно сложившуюся неумѣстную складку, приглаживалъ, снималъ ниточку, стиралъ пыль и, можетъ быть, боясь, чтобы его оболочка не потеряла форму, которую придалъ ей первый въ губернскомъ городѣ портной, старался держаться прямо и ради этого даже лишалъ себя удовольствія хорошенько развалиться на диванѣ.

Перваго звали Владиміромъ Ивановичемъ, а второго Петромъ Николаевичемъ, фамилія же у нихъ была общая—Любарцевы. Они были двоюродные братья и ѣхали изъ одной и той же губерніи, гдѣ испоконъ вѣку жили ихъ семьи и гдѣ они родились, выросли и воспитались.

На вагонѣ второго класса съ внѣшней стороны было обозначено, что онъ идетъ прямо въ Петербургъ, но до столицы было еще очень далеко. Молодымъ людямъ придется провести въ этомъ вагонѣ еще день и ночь, и только утро слѣдующаго дня должно открыть имъ тѣ широкіе горизонты, которые обыкновенно мерещатся молодымъ людямъ, только что кончившимъ университетъ въ провинціи и ѣдущимъ въ столицу искать счастья.

Каждому досталось въ пользованіе по цѣлому дивану. Пассажировъ, ѣдущихъ прямо въ Петербургъ, было немного и въ вагонѣ было вольготно. И уже по тому, какъ эти два пассажира устроились на своихъ диванахъ, можно было судить, насколько они разныя люди.

Владиміръ Любарцевъ лежалъ на спинѣ, поставивъ обѣ ноги на диванѣ острымъ угломъ; голова его лежала на валикѣ, обѣими руками онъ держалъ передъ своимъ носомъ газету и внимательно читалъ ее своими близорукими глазами. Его лѣтнее, изрядно поношенное, пальто лежало подъ нимъ, безжалостно скомканное, черная поярковая шляпа валялась на полу, а рядомъ съ нею—одинъ ботинокъ, который онъ снялъ для облегченія болѣвшей мозоли.

На сѣтчатой перекладинѣ, надъ его головой, какъ-то вновато прижавшись къ углу, лежалъ старый сплюснутый чемоданъ, очевидно служившій уже не одному поколѣнію для путешествій.

Диванъ, находившійся въ распоряженіи Петра Любарцева, былъ застланъ мягкимъ клѣтчатымъ пледомъ, на валикѣ лежала небольшая подушка, надъ нею на крючкѣ, спускаясь аккуратно складками, висѣло пальто; шляпа-котелокъ помѣщалась на сѣткѣ, а рядомъ съ нею лежали—новенькій удобный и уютный чемо-

данъ коричневой кожи въ парусиновомъ чехлѣ и кордонка съ цилиндромъ. Самъ Петръ Любарцевъ полулежалъ на диванѣ, осторожно свѣсивъ ноги на воздухъ, чтобы не измять и не испачкать пледъ.

Владиміръ скомкалъ газету и быстрымъ движеніемъ, какъ дѣлалъ онъ всегда, поднялся съ дивана и сѣлъ, причемъ его длинные волосы всѣ свѣсились на лобъ и онъ нетерпѣливымъ движеніемъ отправилъ ихъ на мѣсто.

— Фу, чортъ... какъ время ползетъ медленно!..—съ досадой проговорилъ онъ, вынувъ изъ кармана толстые никелевые часы и взглянувъ на нихъ:—еще цѣлыя сутки!

Петръ медленно перевелъ на него свои спокойные стеклянные глаза, въ нѣсколько минутъ имѣвшіе видъ вставныхъ, и сказалъ:

— Удивительно, какой ты нетерпѣливый, Владиміръ! Не понимаю, почему ты такъ торопишься...

— Да вѣдь это очень скучно—двое сутокъ сидѣть и лежать на диванѣ и смотрѣть на твою фізіономію!—отвѣтилъ Владиміръ и при этомъ посмотрѣлъ на него съ тѣмъ шутливымъ презрѣніемъ, которое не обижаетъ.

— Тамъ ты будешь тоже, по всей вѣроятности, сидѣть и лежать на какомъ-нибудь диванѣ и по большей части видѣть ту же самую мою фізіономію...—очень спокойно замѣтилъ Петръ.

— Ну, пѣтъ, слуга покорный! Я постараюсь отыскать что нибудь поинтереснѣе...

— Все равно. По моему, всѣ фізіономіи одинаковы. На одной носъ длиннѣе, на другой короче, на одной борода свѣтлая, на другой черная, вотъ и все.

— Это твое убѣжденіе?—на этотъ разъ иронически спросилъ Владиміръ.

— Глубокое,

— Не смѣю спорить...

Онъ опять легъ на диванъ, расправилъ газету и, перевернувъ страницу, снова углубился въ чтеніе. А Петръ продолжалъ лежать аккуратно, спокойно и глядя на проходившихъ мимо кондукторовъ и пассажировъ и на весь міръ равнодушными, безстрастными глазами.

„Чортъ возьми, хорошо быть дуракомъ!“ думалъ Владиміръ, иногда взглядывая на него своими возбужденными глазами: „хорошо имѣть войлочную душу...“

Но думалъ онъ это безъ всякаго раздраженія. Нельзя сказать, чтобы онъ любилъ своего родственника. Но, встрѣчаясь съ нимъ чуть не каждый день въ продолженіи всего дѣтства и всей юности, онъ до того свѣлся съ нимъ, что иногда, не видя его недѣлю-другую, начиналъ скучать по немъ.

Родные братья Любарцевы — Николай и Иванъ Сергѣевичи, какъ и ихъ дѣти, родились и выросли въ той же губерніи. Происходили они изъ рода, нѣкогда владѣвшаго многими землями, и душами, но въ то время, когда они родились на свѣтъ, ихъ фамилія уже состояла въ числѣ помѣщиковъ средней руки. Сами же они не получили уже никакого наслѣдства и занялись службой — старшій, Николай, по казенной части, а младшій, Иванъ, ходилъ по разнымъ частнымъ и общественнымъ мѣстамъ.

Николай Сергѣевичъ Любарцевъ избралъ благую часть. Еще въ юные годы, пристроившись къ нѣкоей канцеляріи маленькимъ чиновникомъ, онъ, несмотря на то, что не получилъ университетскаго диплома, а ограничился гимназическимъ, за тридцать слишкомъ лѣтъ службы дошелъ до дѣйствительнаго статскаго и занималъ въ городѣ выдающееся положеніе.

Иванъ же Сергѣевичъ Любарцевъ обладалъ дурнымъ вкусомъ къ разнымъ общественнымъ начинаніямъ, и такъ какъ эти начинанія большею частью кончались неудачей, то ему приходилось чуть не каждый годъ искать новаго мѣста или новаго дѣла. То его видѣли учредителемъ переплетной мастерской на артельныхъ началахъ, то онъ оказывался во главѣ издательскаго предпріятія, которое обѣщало обогатить умными и полезными книжками всю губернію, то онъ возился съ „интеллигентной сыроварней“.

Всѣ эти благородныя увлеченія постоянно повергали его въ бѣдствіе, а такъ какъ у него была семья, то онъ избобрѣталъ новыя и, наконецъ, въ послѣдніе годы усталъ и смирился. Смирившись, онъ взялъ болѣе постоянное мѣсто — секретаря городской управы, на которомъ и сидѣлъ послѣднія семь лѣтъ.

Братъ Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ, называлъ младшаго брата мечтателемъ, сильно не одобрялъ его, хотя и любилъ; а въ послѣдніе годы радовался, что, „наконецъ-то, мечтатель нашъ успокоился“.

Сами братья и ихъ семьи были между собой дружны, ходили другъ къ другу въ гости и оказывали другъ другу маленькія родственныя любезности. У cadaго было по женѣ и по нѣсколько дѣтей. Въ обѣихъ семьяхъ были дофины, родившіеся чуть ли не въ одинъ годъ и учившіеся въ одной и той же губернской гимназіи.

Но на этомъ кончалось сходство; въ существѣ же дѣла семьи ихъ были очень не похожи. Въ то время, какъ у младшаго брата — секретаря управы — жена, Антонина Григорьевна, была образцомъ энергіи и неутомимости и съ самаго перваго года замужества на равныхъ правахъ участвовала во всѣхъ неудачныхъ предпріятіяхъ мужа, какъ и въ отысканіи новыхъ пред-

пріятій и мѣсть, и даже вошла въ мѣстную поговорку, гласившую, что если ужъ Антошина Любарцева чего-нибудь не добились, такъ ужъ никто другой не добьется; въ то время, какъ воспитанныя ею дѣти, во главѣ съ старшимъ сыномъ Владиміромъ (кромѣ него, еще было три дѣвочки и младшій сынъ), были первыми шалунами въ школѣ, но въ то же время и лучшими учениками по успѣхамъ; жена Николая Сергѣевича—дѣйствительнаго статскаго совѣтника, была женщина слабая, рыхлая, безхарактерная, рабски подчинившаяся мужу, даже нѣсколько придавленная его волей; а дѣти, балуемая и ласкаемая ею, потихоньку отъ мужа, который былъ сторонникомъ строгой системы воспитанія, всѣ вышли въ нее, получивъ отъ нея большіе мало выразительные глаза, лѣнивый умъ, отвращеніе къ наукамъ и всѣ учились изъ страха передъ отцомъ, съ величайшимъ усиленіемъ преодолевая школьныя трудности. Зато по поведенію они приносили домой самыя лучшіе баллы. И дѣйствительно, въ школѣ видѣли ихъ всегда смирно и неподвижно сидящими на мѣстахъ, отвергающими всякія рискованныя игры, отказывающимися отъ участія въ опасныхъ и неодобряемыхъ начальствомъ шалостяхъ.

Такое поведеніе помогало имъ переходить изъ класса въ классъ, и Петръ Любарцевъ, несмотря на свои скудные знанія, кончилъ гимназію одновременно съ Владиміромъ, и оба они поѣхали въ ближайшій къ ихъ губерніи провинціальный университетъ.

Но тутъ двоюродные братья раздѣлились. Петръ, по приказанію отца поступилъ на юридическій факультетъ и съ перваго же дня сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ лекцій и читателемъ профессорскихъ тетрадокъ. Онъ также аккуратно посѣщалъ университетскую аудиторію, какъ ходилъ въ гимназію и по привычкѣ дѣтства здѣсь, также какъ и тамъ, былъ глухъ ко всему, что не относилось къ курсовымъ предметамъ и къ той отмѣткѣ, которую онъ долженъ получить на экзаменѣ. Поэтому онъ благополучно переходилъ съ курса на курсъ, не хваталъ звѣздъ съ неба, и черезъ четыре года кончилъ дѣйствительнымъ студентомъ, не обнаруживъ никакого стремленія къ кандидатству и въ теченіе четырехъ лѣтъ не обременивъ свою голову ничѣмъ, не соотвѣтствовавшимъ точному смыслу профессорскихъ тетрадокъ.

Вернувшись въ губернскій городъ, онъ, не теряя золотого времени, тотчасъ поступилъ на службу въ мѣстный судъ, гдѣ, хотя и былъ зачисленъ только кандидатомъ на судебную должность, но, въ виду значительнаго положенія въ городѣ его отца, былъ вполне увѣренъ, что на этой должности не засидится и совершить вполне приличное движеніе по службѣ.

Школьная карьера Владиміра Любарцева была гораздо слож-

нѣе. Уже надо начать съ того, что въ то время, какъ Петръ получалъ отъ своего родителя аккуратно каждое первое число выполнѣ приличную сумму для того, чтобы жить, не нуждаясь, Владиміръ съ перваго же мѣсяца принужденъ былъ бѣгать по урокамъ, искать переписки и браться за все, чтобы прокормить себя.

Отецъ его, хотя и былъ уже въ это время секретаремъ управы и получалъ сносное жалованье—платилъ долги, которыхъ достаточно надѣлалъ за долгую жизнь, обучалъ другихъ дѣтей, и Владиміръ, сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, не считъ себя вправѣ брать отъ него хотя бы ничтожную сумму.

Кромѣ того, отъ матери и отъ отца онъ получилъ способность увлекаться и въ первый же годъ сдѣлалъ ошибку, поступивъ на естественный факультетъ. Естественныя науки его не удовлетворили. Его сильно потянуло куда-то въ другое мѣсто и, пока онъ это понималъ, нужно было пройти цѣлому году. На второй годъ онъ сдѣлался филологомъ и занялся исторіей, которая его интересовала.

Обладая хорошими способностями, онъ безъ особенныхъ усилій на экзаменахъ получалъ хорошія отмѣтки, но такъ какъ профессора рѣдко видѣли его на своихъ лекціяхъ, то онъ не былъ у нихъ на хорошемъ счету. Онъ же платилъ имъ тѣмъ, что съ своей стороны придавалъ мало значенія ихъ тетрадкамъ и предпочиталъ тѣ многотомные трактаты по своей наукѣ, которые находилъ въ университетской и въ публичной библіотекахъ.

Когда же онъ перешелъ на третій курсъ, случилась студенческая исторія, въ которой онъ по своему темпераменту, разумѣется, не могъ остаться на заднемъ планѣ. Его наказали: пришлось Владиміру на цѣлый годъ уѣхать въ родной губернскій городъ и хотя потомъ онъ опять былъ принятъ на третій курсъ, но все же годъ былъ уже потерянь.

Такимъ образомъ, Владиміръ кончилъ университетъ на два года позже, чѣмъ Петръ, и когда онъ пріѣхалъ домой, его кузень уже сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи по службѣ и собирался принять настоящую должность. Но зато Владиміръ привезъ дипломъ кандидата, который, впрочемъ, достался ему безъ всякихъ хлопотъ и усилій.

И опять же, тотчасъ по прибытіи его въ губернскій городъ, обнаружилась глубокая разница между двумя братскими семьями. Еще до пріѣзда Владиміра у дѣйствительнаго статскаго совѣтника былъ разговоръ съ секретаремъ управы.

— Вотъ пріѣдетъ твой сынъ,—сказалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ секретарю управы:—онъ кандидатъ, это хорошо. Въ здѣшней гимназіи освободилось мѣсто преподавателя исторіи.

Такъ пусть онъ поторопится подать прошеніе. Я уже говорилъ объ этомъ съ директоромъ. Онъ согласенъ содѣйствовать, конечно—ради меня... Ты бы написалъ ему, Иванъ, пусть бы онъ тамъ, на мѣстѣ, сейчасъ и подалъ прошеніе, для скорости... А то вѣдь охотниковъ много найдется.

— Благодарю тебя, Николай, — отвѣтилъ на это секретарь управы. — Но я не думаю, чтобы мой Владиміръ взялъ это мѣсто.

— Почему же ему не взять? Отличное мѣсто: въ губернскомъ городѣ, въ родномъ. Отсюда его хорошо будетъ видно начальству. Онъ человѣкъ способный и скоро выдвинется. Конечно, у него есть тамъ маленькій грѣшокъ: онъ попалъ въ студенческую исторію,—ну, да что жъ, это юношеское увлеченіе, оно забудется, а онъ, надѣюсь, сталъ уже благоразумнымъ. А то вѣдь что хорошаго, если его назначать куда-нибудь въ уѣздный городъ?.. Тамъ онъ никогда не выдвинется...

— Нѣтъ, нѣтъ, я думаю, что онъ этого мѣста не возьметъ! — отвѣтилъ секретарь управы. — Я вѣдь все-таки немного знаю его, вотъ и говорю.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ пожалъ плечами и прервалъ разговоръ. Но брату онъ не вѣрилъ. Онъ считалъ его не солиднымъ человѣкомъ и надѣялся, что племянникъ окажется солиднѣе. И когда Владиміръ пріѣхалъ, дядя позвалъ его къ себѣ и заговорилъ о мѣстѣ преподавателя исторіи въ губернской гимназій.

— Нѣтъ, дядя, я и не думаю брать мѣсто! — отвѣтилъ Владиміръ.

— Что же, ты хочешь, чтобы тебя назначили куда-нибудь въ захолустье? — спросилъ дядя.

— Нѣтъ, милый дядя, я именно хочу поставить себя такъ, чтобы меня никто нигуда не могъ назначить.

— Какъ же это такъ?

— А вотъ какъ, дядя: я, положимъ, возьму мѣсто въ здѣшней гимназій: мѣсто хорошее, что и говорить. И то пріятно, что буду жить въ своемъ городѣ, съ родными, которыхъ люблю. Но вѣдь, чтобы сидѣть на этомъ мѣстѣ, надо постоянно нравиться директору, инспектору и другому начальству. А я не умѣю нравиться. Ну, вотъ, значить, я нисколько не гарантирую, что меня отсюда возьмутъ и назначать въ другое мѣсто. Я такъ думаю, дядя, что, разъ человѣка назначили, то могутъ и переназначить. Надо поставить себя въ такое положеніе, чтобы тебя не могли ни назначить, ни переназначить.

— Вотъ ты какой!.. Что же ты намѣренъ дѣлать?

— Я еще не знаю, дядя! Мнѣ вѣдь всего только двадцать три года. Я еще посмотрю, какъ живутъ люди, а потомъ и себѣ

выберу какую-нибудь форму жизни. Вѣдь чтобы выбрать, надо знать то, изъ чего выбираешь.

— Гм... Не зналъ я, что ты такой неблагоразумный. Мой Петръ благоразумнѣе... Положимъ, я не говорю!.. мой Петръ твоими способностями не обладаетъ. Онъ человѣкъ не остраго ума, но... можетъ быть, это и лучше. Если судить по тебѣ, такъ, пожалуй, придешь къ заключенію, что лучше. Но ты, по крайней мѣрѣ, посмотри на карьеру твоего отца. Вотъ онъ тоже такъ все присматривался къ жизни, пробовалъ ее со всѣхъ сторонъ и что же вышло? Онъ теперь усталъ и, вмѣсто того, чтобы пользоваться плодами прежней жизни долженъ тяжелымъ трудомъ добывать скудные средства...

— Но развѣ, дядя, мой отецъ когда-нибудь жаловался на свою жизнь? Мнѣ всегда казалось, что онъ доволенъ своей жизнью. По крайней мѣрѣ мнѣ онъ часто съ умиленіемъ рассказывалъ о своихъ предпріятіяхъ и неудачахъ и я думаю, что это лучшія его воспоминанія...

— Онъ не жаловался и, можетъ быть, доволенъ. Но я его жизнью не доволенъ, я, его старшій и любящій его братъ... Жаль, жаль, что ты такъ же неблагоразуменъ, какъ и твой отецъ. И такой способный... жаль. Это меня искренно огорчаетъ.

Такимъ образомъ, Владиміръ Любарцевъ огорчилъ своего дядю, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Николая Сергѣевича Любарцева.

II.

Мѣсяца два Владиміръ Любарцевъ присматривался къ жизни въ губернскомъ городѣ, но эта жизнь была такъ несложна и въ существѣ дѣла такъ знакома ему, что онъ скоро соскучился и рѣшилъ отыскать что-нибудь посложнѣе и позанимательнѣе. Отсюда вытекла мысль, еще больше огорчившая чиновнаго дядю. Родственники узнали, что Владиміръ Любарцевъ собирается ѣхать въ Петербургъ.

Почему? зачѣмъ? На эти вопросы никто даже и не искалъ отвѣта! Отвѣтъ заключался въ той „неосновательности“, въ томъ „отсутствіи солидности“, которыя лежали въ основѣ всей семьи Ивана Любарцева.

— Гм...—говорилъ чиновный дядя въ своемъ семейномъ кругу: Владиміръ ѣдетъ въ Петербургъ? Но что онъ тамъ найдетъ? Да, конечно, онъ человѣкъ способный, онъ обладаетъ острымъ умомъ и здѣсь, гдѣ выдающихся людей мало, онъ могъ бы, дѣйствительно могъ бы сдѣлать отличную карьеру. Если бы онъ взялъ мѣсто преподавателя въ гимназіи и дѣлалъ свое дѣло аккуратно,

онъ выдвинулся бы и черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ бы инспекторомъ, а тамъ директоромъ, а послѣ, можетъ быть, чѣмъ-нибудь и побольше. Но тамъ, въ столицѣ, способныхъ людей множество, тамъ его затрутъ. О, какъ я счастливъ, что моему сыну Богъ не далъ ни остраго ума, ни выдающихся способностей.

Такъ говорилъ Николай Сергѣевичъ Любарцевъ въ кругу своей семьи, которая привыкла выслушивать его рѣчи, какъ окончательныя рѣшенія, противъ которыхъ ни спорить, ни прекословить не полагается. Такъ говорилъ онъ въ присутствіи своего сына Петра, который вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе насчетъ остраго ума и выдающихся способностей.

И казалось, не могло быть и рѣчи о какомъ бы то ни было броженіи въ этой низке остриженной вруглой головѣ, по ту сторону этихъ большихъ, стрыхъ, низогда ничего не выражавшихъ глазъ.

Но вдругъ всѣ узнали, что голова Петра Любарцева прилежно работала. Однажды, когда Николай Сергѣевичъ высказывалъ сожалѣніе о своемъ видимо погибающемъ племянникѣ, Петръ, выслушавъ его разсужденія до конца, сказалъ:

— А что вы сказали бы, папа, если бы... если бы мнѣ тоже виѣсть съ Владиміромъ поѣхать въ Петербургъ?

Вопросъ этотъ произвелъ за обѣденнымъ столомъ настоящую сенсацію; это можно было видѣть по лицамъ всѣхъ членовъ семьи.

А дѣйствительный статскій совѣтникъ бережно уложилъ на тарелку вилку и ножъ, которыми дѣйствовалъ, посмотрѣлъ на сына и отвѣтилъ:

— Я сказалъ бы, что ты глупъ, мой милый!

Этотъ отвѣтъ, однако, нисколько не смутилъ Петра Любарцева. По крайней мѣрѣ на его лицѣ не выразилось ни обиды, ни смущенія.

— Я, папа, не говорю, что я уменъ. Я никогда этого не говорилъ. Но то, что я сейчасъ сказалъ, вовсе не глупо.

— Чего же ты не видалъ въ Петербургѣ? Исаакіевскій соборъ смотрѣть поѣдешь, что ли.

— Исаакіевскій соборъ меня нисколько не интересуешь, — отвѣтилъ Петръ, — но въ Петербургѣ у насъ есть родственники, вы о нихъ говорили часто. Они вамъ даже помогали въ вашей карьерѣ.

— Да, есть: троюродная сестра Анна Михайловна Коромылова, урожденная Любарцева... Ея мужъ очень важный чиновникъ въ Петербургѣ, и она мнѣ помогала. Я это говорилъ. Но что же изъ этого?

— А изъ этого то, что, если вы попросите нашего пред-

сѣдателя, то онъ дастъ мнѣ двухмѣсячный отпускъ. А отъ себя вы дадите мнѣ рекомендательное письмо къ троюродной родственницѣ. Очень можетъ быть, что она мнѣ поможетъ устроиться тамъ, и тогда я сдѣлаю лучшую карьеру... Вѣдь я тутъ ничѣмъ не рискую. Если тамъ ничего не выйдетъ, я вернусь изъ отпуска и буду продолжать службу здѣсь.

Да, это былъ цѣлый планъ, который свидѣтельствовалъ о томъ, что въ мозгу Петра происходила серьезная работа. Обыкновенно этотъ мозгъ довольствовался уже готовыми, давно выработанными, правилами, безпрекословно принимая ихъ для руководства. Правда, въ высказанномъ Петромъ проектѣ не было ничего ни новаго, ни геніальнаго. До него такъ дѣлали многие. Но все это свидѣтельствовало, что Петръ не такъ же ужъ безнадежно глупъ, какъ о немъ думали.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ привелъ еще нѣкоторыя возраженія, но въ нихъ уже не было той твердости, съ какой онъ раньше заявлялъ Петру, что онъ глупъ. Онъ, напримѣръ, сказалъ, что Петръ не знаетъ жизни и въ такомъ далекомъ путешествіи можетъ растеряться. На это Петръ, не отрицая своего незнанія жизни, возразилъ, что онъ вѣдь поѣдетъ съ Владиміромъ, который никогда не теряется.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ высказалъ еще мысль, что въ домѣ петербургскихъ родственниковъ, навѣрно, бываетъ петербургское высшее общество, и онъ, Петръ, не сѣмѣетъ тамъ повести себя, какъ слѣдуетъ. На это Петръ замѣтилъ, что правила, преподанныя ему такимъ отцемъ, каковъ онъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, по его мнѣнію, совершенно достаточны, чтобы съ ними хорошо держать себя во всякомъ обществѣ, а онъ, Петръ, отлично усвоилъ себѣ эти правила. Наконецъ, со стороны дѣйствительнаго статскаго совѣтника послѣдовало еще замѣчаніе, что посѣщеніе дома петербургской родственницы потребуетъ значительныхъ расходовъ, потому что тамъ надо одѣваться по послѣдней модѣ и что вообще въ этомъ обществѣ много тратятъ.

На это Петръ возразилъ, что, съ одной стороны, экономія ему врождена, а съ другой—что онъ отлично умѣетъ носить фракъ, а это—все, что требуется отъ свѣтскаго человѣка.

Размышляя же самъ съ собою, дѣйствительный статскій совѣтникъ нисколько не уповалъ на то, что сынъ его можетъ имѣть успѣхъ въ свѣтской гостинѣ петербургской родственницы; но въ то же время полагалъ, что почему же и не попробовать? Авось и повезетъ. А служить въ Петербургѣ совсѣмъ не то, что служить въ губернскомъ городѣ.

Самъ онъ никогда не бывалъ въ столицѣ, но ему приходилось имѣть дѣло съ чиновниками, пріѣзжавшими изъ Петербурга и онъ

убѣдился, что ни одинъ изъ нихъ не былъ семи пядей во лбу и ни одинъ изъ нихъ съ неба звѣздъ не хваталъ.

Главное же, что тутъ было пріятнѣе всего, это то, что неподвижный умъ Петра обнаружилъ нѣкоторую склонность къ движенію. Въ немъ явилась способность къ инициативѣ, и это надо было поощрить.

Результатомъ всего этого было одобреніе Николая Сергѣевича. На другой день онъ поѣхалъ къ предсѣдателю суда и очень легко выхлопоталъ двухмѣсячный отпускъ для Петра. А затѣмъ, такъ какъ Владиміръ собирался уже черезъ недѣлю ѣхать, спѣшно занялись приготовленіями къ путешествію Петра въ Петербургъ.

Очень скоро узнали и въ городѣ о томъ, что Петръ Любарцевъ ѣдетъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Владиміромъ. Относительно Владиміра никто не выражалъ удивленія. Всѣ знали его за человека съ выдающимся умомъ и полагали, что въ Петербургѣ онъ хорошо устроится.

Въ губернскомъ городѣ преобладало мнѣніе, что всѣ жители Петербурга обладаютъ выдающимися способностями и острымъ умомъ. Такъ вообще думаетъ провинція и на этомъ основано ея безпрекословное повиновеніе и преклоненіе передъ всѣмъ тѣмъ, что выходитъ изъ Петербурга.

Но относительно поѣздки Петра всѣ были другого мнѣнія и всѣ громко говорили:

— Петръ Любарцевъ—въ Петербургъ! Что же онъ тамъ будетъ дѣлать? Вѣдь онъ дуракъ, закругленный дуракъ... Непонятно, что можетъ дѣлать въ Петербургѣ такой дуракъ, какъ Петръ Любарцевъ.

— А видители,—замѣтилъ по этому поводу одинъ губернский острякъ:—тамъ, въ Петербургѣ, всѣ умные, дураковъ тамъ вовсе нѣтъ, такъ вотъ нашъ Петруша Любарцевъ и покажется тамъ рѣдкостью. Ну, можетъ, на этомъ что-нибудь и заработаетъ!

Таково было общее мнѣніе въ губернскомъ городѣ. Но, несмотря на это, приготовленія къ отъѣзду шли своимъ чередомъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ ассигновалъ на поѣздку извѣстную сумму, правда, довольно скромную, но все же достаточную для того, чтобы порядочный молодой человекъ могъ прилично содержать себя два мѣсяца. А Петръ отправился къ лучшему портному города и заказалъ у него: сюртукъ, пиджачную пару изъ англійской матеріи и пальто.

— Что же касается фрака и смокинга, которые въ свѣтскомъ обществѣ совершенно необходимы—сказалъ Петръ Любарцевъ,—то я закажу ихъ себѣ въ Петербургѣ у какого-нибудь тамъ Тедески... Вѣдь фракъ и смокингъ—самыя необходимыя вещи для порядочнаго человека. Развѣ я неправъ папа?

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Сергѣевичъ.

барцевъ далеко не вполне раздѣлялъ это мнѣніе, но полагалъ, что для небогатой мыслями головы его сына и такого убѣжденія достаточно, и потому ничего на это не возразилъ.

Наконецъ, сборы были кончены; былъ приобретень новый чемоданъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ написалъ письмо къ петербургской родственницѣ и прибавилъ къ нему множество словесныхъ наставленій, которыя Петръ Любарцевъ всѣ бережно уложилъ въ своей душѣ. Затѣмъ произошло благословеніе въ путь и торжественные проводы.

Двоюродные братья помѣстились во второмъ классѣ, въ вагонѣ прямого сообщенія и двинулись въ путь. На проводахъ дѣйствительный статскій совѣтникъ счелъ своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ и племяннику.

— Слушай, Владиміръ... твой кузень Петръ... ну, да я говорю, онъ неопытенъ въ жизни; онъ можетъ растеряться, такъ ты поддержи его. Конечно, твои правила для него не годятся; но твой умъ можетъ оказаться и ему полезнымъ. Желаю и тебѣ успѣха, хотя, при твоёмъ неосновательномъ отношеніи къ жизни, при отсутствіи въ тебѣ солидности, сомнѣваюсь въ немъ.

Что касается секретаря управы и его жены, то они просто обняли сына и оба въ одинъ голосъ сказали ему:

— Береги свое здоровье! Главное—береги здоровье!

И больше ничего поучительнаго не прибавили. Они были увѣрены, что все остальное Владиміръ сбережетъ и безъ ихъ наставленій.

И вотъ уже больше сутокъ двоюродные братья ѣдутъ, занимая каждый по дивану. Петръ Любарцевъ большую часть времени спалъ. Никакія мысли, никакія чувства не тревожили его. Онъ ѣхалъ за опредѣленнымъ дѣломъ. Приѣдетъ, станетъ ходить къ троюродной родственницѣ. Выгоритъ—останется, не выгоритъ—приѣдетъ обратно. Дорога однообразна и скучна, но дорога кончится, она непременно кончится.

И онъ лежалъ на своемъ диванѣ, а когда это ему надоѣдало, вставалъ и садился; на значительныхъ остановкахъ выходилъ и прогуливался; въ большихъ буфетахъ закусывалъ, пилъ чай и все это дѣлалъ съ тѣми солидностью и серьезностью, которыя вообще отличали семейство дѣйствительнаго статскаго совѣтника отъ семейства секретаря управы.

Владиміръ же велъ себя нервно. Онъ вскакивалъ и выражалъ нетерпѣніе по поводу долгой, тягучей дороги и отсутствія впечатлѣній. Отъ скуки онъ читалъ газеты или нетерпѣливо перелистывалъ путеводитель.

— Послушай,—сказалъ онъ Петру,—ты знаешь, черезъ два часа мы въ Москвѣ...

— Ну, такъ что жъ изъ этого?—лѣниво откликнулся Петръ...

— Какъ? Неужели у тебя сердце не бьется усиленно?

— Чего же оно будетъ биться? Вѣдь мы ѣдемъ не въ Москву, а въ Петербургъ!

— Но ты подумай: Москва, вѣдь это вся до-петровская исторія... Тамъ каждый уголокъ, каждый камень напоминаетъ какое-нибудь событіе.. — говорилъ Владиміръ съ оживленными, горящими вдохновеннымъ глазами...

— Ахъ, ну... это было такъ давно... Я, братъ, всегда терпѣть не могъ исторіи. По исторіи у меня всегда была двойка!

Владиміръ, не найдя никакого отелика въ его душѣ на свое волненіе, оставилъ его въ покоѣ. Въ сущности, онъ и не считывалъ на этотъ отеликъ; но нужно же было передъ кѣмъ-нибудь высказаться. Онъ вообще не умѣлъ молчать. Когда у него въ душѣ что-нибудь закипало, онъ торопился высказать. И теперь, такъ какъ по мѣрѣ приближенія поѣзда къ Москвѣ, волненіе его возрастало, онъ сдѣлался нетерпѣливъ, вскакивалъ съ мѣста, заглядывалъ въ окна, заговаривалъ съ мимо проходившими кондукторами и, наконецъ, объявилъ своему спутнику:

— Знаешь что? Я думаю остановиться въ Москвѣ дня на два, на три.

Такъ какъ это не входило въ ихъ первоначальный планъ, то Петру Любарцеву надо было, по крайней мѣрѣ, одну минуту, чтобы принять въ свое сознаніе новую мысль.

— Да зачѣмъ же это?—спросилъ онъ.

— Какъ зачѣмъ? какъ зачѣмъ? Будучи живымъ человѣкомъ, проѣхать мимо Москвы, когда есть случай... Въ два дня можно бѣгло осмотрѣть все...

— Но это будетъ стоить лишнихъ расходовъ!—возражалъ Петръ.

— Но зато дастъ много новыхъ впечатлѣній. Впрочемъ, ты, если хочешь, можешь ѣхать дальше.

— Ну, нѣтъ, я одинъ дальше не поѣду... Если ты останешься, то и я тоже. Только ужъ извини: этихъ разныхъ осмотровъ я дѣлать не буду...

— А что же ты будешь дѣлать?

— Ничего. А развѣ непременно надо что-нибудь дѣлать?

Владиміру въ сущности было все равно до того, что будетъ дѣлать Петръ. Черезъ полчаса поѣздъ прибылъ въ Москву. Они остановились неподалеку отъ Николаевского вокзала, съ котораго предстоялъ имъ дальнѣйшій путь. Было около двухъ часовъ дня. Владиміръ едва только успѣлъ внести свой чемаданъ въ комнату, какъ тотчасъ же выбѣжалъ на улицу и быстрыми нервными шагами направился, куда глаза глядятъ. Онъ не имѣлъ въ виду

какого-нибудь осмотра, а просто его взволнованное воображеніе перенесло его въ тѣ давнія времена, когда здѣсь, на этихъ улицахъ и площадяхъ, совершались важныя событія, результатомъ которыхъ было все то, что составляетъ современную жизнь.

Точно какимъ-то инстинктомъ онъ взялъ то направление, которое привело его прямо къ Кремлю и онъ, очутившись въ центрѣ его, остановился и смотрѣлъ, мысленно переживая одно за другимъ событія, отъ которыхъ отдѣляли его вѣка. Забылъ онъ и о своемъ спутникѣ, и о поѣздѣ въ Петербургъ, и о расходахъ, которые дѣйствительно увеличивались, благодаря этой остановкѣ, что для его скуднаго запаса было очень чувствительно.

Уже стемнѣло, когда онъ пришелъ домой. Онъ зажегъ лампу и увидѣлъ, что Петръ лежитъ на кровати, удивительно аккуратно сложивъ на ней ноги и руки, и спитъ.

Отъ свѣта лампы Петръ открылъ глаза.

— А, ты вернулся!—сказалъ онъ и сѣлъ на постели.— Но гдѣ же ты былъ?

— Былъ я въ Кремлѣ и еще тысячѣ другихъ мѣстъ. Видѣлъ множество старинныхъ церквей, заходилъ въ нихъ... Ну, да тебѣ это не интересно.

— Но какъ ты попалъ въ Кремль? Вѣдь ты Москвы не знаешь?

— Должно быть, инстинктомъ...

— А я вѣдь тоже ходилъ и знаешь куда попалъ?—въ знаменитый ресторанъ Тѣстова.

— Да? Ну, а ты какъ туда попалъ?.. ты тоже Москвы не знаешь!

— Ну, должно быть, тоже инстинктомъ...

И Петръ весело разсмѣялся отъ собственной остроты.

— Значить, ты на пути тоже видѣлъ много интереснаго!—промолвилъ Владиміръ.

— Да, много разныхъ разностей встрѣчалось. По ошибкѣ, даже около Кремля былъ...

— Ну и что же?

— Да, право, ничего особеннаго... Все церкви да церкви... Развѣ я не видалъ церквей?..

— А у Тѣстова, небось, нашелъ особенное?..

— О, да... Поросенокъ съ хрѣномъ по-московски... вотъ это такъ поросенокъ... я отъ него опьянѣлъ и даже вотъ заснулъ отъ него... Ну, что-жъ, значить мы можемъ ѣхать дальше?

— Ну, нѣтъ, братъ... Здѣсь еще есть множество музеевъ, ихъ надо завтра посмотрѣть...

— А что же я буду дѣлать?

— А ты, должно быть, опять пойдешь къ Тѣстову и будешь ѣсть поросенка съ хрѣномъ по-московски...

— Ну, нѣтъ... Я завтра пошелъ бы лучше въ Эрмитажъ... Тамъ, я слышалъ, французская кухня и готовить необыкновенно!.. Только дорого, ужасно все дорого!..

— Ну, зато поучительно! Вотъ ты теперь уже знаешь, что такое московскій поросенокъ съ хрѣномъ!..

На другой день рано Владиміръ собрался посѣщать музеи. На этотъ разъ онъ запасся путеводителемъ. Петръ еще былъ въ постели, когда Владиміръ одѣлся.

— Послушай-ка, — сказалъ Владиміръ. — Ты знаешь, что такое Третьяковская галлерей?

— Знаю: картины!

— Неужели тебя это не интересуеть?

— Нисколько! Картины такія же, должно быть, какъ и всѣ!

— А вѣдь это единственное въ Россіи собраніе картинъ!

— Ну, такъ и пусть себѣ остается единственнымъ. Я ему въ этомъ не мѣшаю!

— А вообрази, что ты сидишь въ гостиной петербургской родственницы и заходитъ разговоръ объ искусствѣ. И всѣ тебя спрашиваютъ: вотъ вы были въ Москвѣ, значитъ и въ Третьяковской галлерей, видѣли такую то картину?.. Какого въ мнѣнія о ней? А ты сидишь и хлопаешь глазами... а? Вѣдь скандалъ!

Петръ полежалъ нѣсколько секундъ молча, глубокомысленно пошевеливая губами и вдругъ поднялся. — А въ самомъ дѣлѣ, это можетъ выйти скандалъ!.. — воскликнулъ онъ. — Такъ ты подожди меня, я тоже съ тобой пойду.

Онъ быстро одѣлся и вмѣстѣ съ Владиміромъ отправился въ галлерей. Но по мѣрѣ того, какъ они переходили отъ картины къ картинѣ, причемъ Владиміръ, знавшій не только имена художниковъ, но и ихъ мѣсто въ искусствѣ, подолгу останавливался передъ нѣкоторыми номерами, лицо Петра принимало все болѣе и болѣе скучающее и какое-то жалкое выраженіе.

— Послушай, вѣдь это все одно и то же! Не понимаю, чѣмъ тутъ восхищаться?

И все, рѣшительно все, что ни показывалъ ему въ теченіе дня Владиміръ, — картины, церкви, старинныя строенія, историческія площади или новые дома съ замѣчательной современной архитектурой, — все казалось Петру обыкновеннымъ. Ничто не поражало его воображеніе. Смотрѣлъ онъ на царь-пушку и говорилъ: большая пушка, вотъ и все. Привелъ его Владиміръ на Красную площадь и сказалъ:

— Смотри, на этой площади былъ пролитъ цѣлый океанъ человѣческой крови...

И, мысленно углубившись въ далекія и страшныя времена

Грозного, застылъ на мѣстѣ. Воображеніе рисовало ему толпу народа, палачей, муки и стоны и онъ весь дрожалъ при мысли о тѣхъ ужасахъ, какіе должна была переживать тогда страна.

Но случайно взглянувъ на своего спутника, онъ очнулся и разсмѣялся. Петръ стоялъ рядомъ съ нимъ, лицо у него было скучное, недовольное, глаза какіе-то мертвые. „За что я мучаю этого дурака?“—подумалъ Владиміръ и сказалъ ему:

— Ну, теперь ты имѣешь право въ гостинной петербургской родственницы судить обо всемъ, чѣмъ славна Москва...

— А что-жъ,—резонно замѣтилъ Петръ,—я дѣйствительно теперь имѣю право сказать, что все это видѣлъ...

Они въ тотъ же вечеръ уѣхали въ Петербургъ.

III.

Въ Петербургѣ они застали санный путь. Морозъ былъ небольшой, только что выпалъ снѣгъ, и было все бѣло. Сѣверная столица произвела на Владиміра пріятное впечатлѣніе. Они поселились въ небольшой меблированной комнатѣ. Владиміръ, снѣдаемый любопытствомъ, тотчасъ же пустился въ изученіе того, что было для него ново, а новаго оказалось много. Онъ уходилъ изъ дому утромъ и возвращался вечеромъ, полный впечатлѣній.

Петръ же два дня не выходилъ изъ комнаты. Онъ занимался приведеніемъ себя въ порядокъ. Когда онъ раскрылъ свой чемоданъ и вынулъ оттуда свои вещи, оказалось, что онѣ были сильно измяты и совершенно непригодны для того, чтобы пуститься въ нихъ въ свѣтъ. Этого Петръ Любарцевъ никакъ не ожидалъ.

Потративъ время въ Москвѣ, онъ рассчитывалъ здѣсь тотчасъ же начать знакомство съ своей трюродной тетужкой, но теперь вдругъ увидѣлъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ.

И онъ посвятилъ два дня разглаживанію сюртука и приведенію въ порядокъ другихъ принадлежностей туалета, необходимыхъ для перваго визита родственницѣ. За это время онъ свелъ близкое знакомство съ хозяйкой, съ кухаркой, горничной, прачкой. На это у него оказались какія-то особенныя способности. Онѣ сразу почувствовали къ нему расположеніе и дѣятельно помогали ему при посредствѣ иглоки съ ниткой и утюга. Самъ же онъ стоялъ надъ сюртукомъ и разглаживалъ каждую складку, удалялъ малѣйшее пятнышко.

Когда Владиміръ вечеромъ возвращался домой, возбужденный отъ множества впечатлѣній и начиналъ рассказывать о томъ, что видѣлъ, Петръ слушалъ его рассказы разсѣянно и равнодушно и ни въ чемъ не находилъ ничего особеннаго.

Вечеромъ втораго дня Петръ отправился въ баню, потомъ

зашелъ къ парикмахеру нѣсколько освѣжить свою модную стрижку и побрить щеки и подбородокъ и рѣшилъ на слѣдующій день нанести свой первый визитъ троюродной родственницѣ.

Утромъ онъ поднялся съ постели, когда въ окнахъ едва только сталъ пробиваться тусклый свѣтъ и началъ заниматься своимъ туалетомъ. Въ комнатѣ на стѣнѣ висѣло старое изрядно попорченное временемъ и поцарапанное зеркало. Передъ нимъ то Петръ и красовался въ тотъ моментъ, когда Владиміръ, разбуженный его возней, открылъ глаза.

— Какъ? Ты уже всталъ? Ты, такъ любящій поспать, проснулся раньше дня? Значитъ, случилось что-нибудь особенное... — сказалъ Владиміръ, стараясь еще сонными глазами разглядѣть, что онъ тамъ дѣлаетъ.

— Какъ? ты не знаешь? А я же сегодня дѣлаю первый визитъ троюродной тетусѣ! — очень важно отвѣтилъ Петръ.

— Ну, такъ что же изъ этого?

— Вотъ тебѣ и на! Я думаю, это очень серьезно!

— Почему же это очень серьезно?

— Потому что я долженъ произвести хорошее впечатлѣніе. Первое впечатлѣніе, ты самъ понимаешь — самое важное.

— Но почему же ты думаешь, что если у тебя будетъ хорошо повязанъ галстукъ и гладко лежать сюртукъ и волосы, то ты непременно произведешь хорошее впечатлѣніе?

— А почему же нѣтъ?

— Но почему же да?

— Да потому, что хорошо одѣтый человѣкъ всегда производитъ пріятное впечатлѣніе.

— На тебя?

— Нѣтъ, на всѣхъ.

— А вотъ у меня наоборотъ: чѣмъ изящнѣе одѣтъ человѣкъ, конечно мужчина, тѣмъ меньше онъ мнѣ нравится.

— Это потому, что ты неосновательный и не солидный человѣкъ, — замѣтилъ Петръ.

— Какъ ты сказалъ? Не солидный и неосновательный?

— Да.

— Это слова твоего папы и моего дяди...

— Что же тутъ удивительнаго? Я отъ папы многимъ заимствовался. Папа мой умный человѣкъ, и мнѣ нисколько не стыдно взять отъ него умныя слова.

— Ну, хорошо, Петруша, хорошо. Положимъ, ты сдѣлаешь визитъ родственникамъ и произведешь хорошее впечатлѣніе; что же дальше?

— Какъ что дальше? Но это все, что нужно. Главное — понравиться, и тогда я навѣрно хорошо устроюсь въ Петербургѣ.

— Какимъ же образомъ? Вѣдь для этого надобно что-нибудь предпринять. У тебя есть планъ, что ли?

— Вотъ глупости! Никакого плана у меня нѣтъ и ничего не надо предпринимать. Мнѣ только надо будетъ постоянно посѣщать домъ троюродной тетушки, чтобы сдѣлаться тамъ своимъ человѣкомъ. А если меня тамъ часто будутъ видѣть, то и будутъ считать своимъ. А разъ всѣ будутъ видѣть, что я тамъ свой человѣкъ, странно было бы, если бы меня не захотѣли устроить.

— Значить, ты будешь просить?

— Да, тетушку. Это ужъ будетъ ея дѣло устроить меня.

— Но почему же она будетъ устраивать тебя?

— Какъ почему? Если я буду у нея въ домѣ свей чело-
вѣкъ... это понятно...

Владиміръ видѣлъ, что у его кузена есть чрезвычайно опредѣленный кругъ убѣжденій и что эти убѣжденія, заимствованныя имъ изъ разныхъ чужихъ головъ, умнѣе его собственной головы и поэтому онъ не можетъ ясно выразить ихъ. И онъ продолжалъ лежать въ постели и любоваться на то, какъ старательно и осторожно Петръ прилаживалъ къ себѣ отдѣльныя части своего туалета.

Вотъ онъ покончилъ съ галстукомъ и посвятилъ свое вниманіе жилету. Для него, для Владиміра, вставъ съ постели, одѣться—было дѣломъ двухъ минутъ. Быстро натягивалъ онъ на себя одежду, большею частью жилетку вмѣстѣ съ сюртукомъ, наскоро застегивался, кое-какъ повязывалъ галстухъ, проводилъ нѣсколько разъ гребенкой по волосамъ и уже считалъ себя готовымъ.

Былъ ли то случай обыкновенный или торжественный—все равно, онъ ничего не могъ прибавить къ своему единственному и обычному сюртуку.

Петръ же ровно полчаса уже посвящалъ жилету. Онъ надѣвалъ его осторожно, какъ-то разставивъ руки на манеръ крыльевъ; онъ съ чувствомъ застегивалъ каждую пуговицу, гладилъ рукою свади подъ воротникомъ, растягивалъ и стягивалъ пряжку, выпячивалъ грудь, становился передъ зеркаломъ фасомъ и профилемъ.

Послѣ жилета была столь же внимательная возня съ сюртукомъ. И только около одиннадцати часовъ Петръ кончилъ свой туалетъ и, остановившись передъ Владиміромъ, повернулся передъ нимъ всѣми своими сторонами.

— Пожалуйста посмотри, нѣтъ ли какихъ изъяновъ!—попросилъ онъ.

— Есть, братъ, огромный изъянъ,—сказалъ Владиміръ.

— Неужели? Какой?— съ видимымъ испугомъ воскликнулъ Петръ.

— Тотъ, что ты глупъ...

— Ну, это я слышалъ! — довольно равнодушно отвѣтилъ Петръ. — Всѣ говорятъ, что я глупъ. Я, конечно, высоко не забираюсь, но, однако-жъ, я скоро докажу, что я вовсе не такъ глупъ, какъ всѣ думаютъ.

— Какъ же ты это докажешь?

— А вотъ устроюсь здѣсь въ Петербургѣ на службѣ, получу хорошее мѣсто и сдѣлаю карьеру и когда приѣду въ нашъ городъ губернаторомъ, тогда всѣ убѣдятся, что я не такъ глупъ.

— Ну, вотъ тогда-то всѣ и убѣдятся, что ты глупъ.

— Съ какой же это стати?

— А такъ: пока ты будешь служить подъ началомъ, ты будешь исполнять вещи, выдуманныя другими. Умныя или глупыя, онѣ — не твои. А какъ станешь губернаторомъ, чего я тебѣ отъ души желаю, сейчасъ начнешь самъ выдумывать распоряженія... Ну, впрочемъ, до твоего губернаторства еще очень далеко, а я, благодаря тебѣ, пролежалъ въ постели лишннихъ два часа.

— Кто же тебя заставлялъ лежать?

— Да ужъ очень ты, милый Петруша, живописень въ своей глупости... — сказалъ Владиміръ и, поднявшись, началъ одѣваться. А Петръ поверхъ сюртука надѣлъ новое пальто, на руки натянулъ новыя перчатки, досталъ изъ картонки цилиндръ и поѣхалъ съ визитомъ къ родственницѣ.

Троюродная родственница, Анна Михайловна Коромылова, урожденная Любарцева, принадлежала къ той вѣтви рода Любарцевыхъ, которая не успѣла разориться и, счумѣвъ перенести всѣ испытанія, какія судьба посылала русскимъ дворянамъ и помѣщикамъ, осталась на высотѣ.

Ея мужъ занималъ одинъ изъ тѣхъ постовъ, отъ которыхъ „многое зависитъ“, а сообразно съ этимъ и квартира ихъ на Конногвардейскомъ бульварѣ помѣщалась въ небольшомъ собственномъ двухъ-этажномъ особнякѣ, въ двухъ этажахъ его, и имѣла вполне барскій видъ.

Случалось, что къ этой квартирѣ подходили пѣшкомъ; но почти никогда не случалось, чтобы къ ней подъѣзжали на извозчикѣ, и потому, когда извозчики сани остановились у подъѣзда, вышедшій въ это время швейцаръ, по раннему часу еще не успѣвшій нарядиться въ ливрею, разсѣяннo посмотрѣлъ на сани, извозчика и сѣдока и, зѣбнувъ, тотчасъ перевелъ съ нихъ свой взглядъ на другіе предметы.

Онъ былъ совершенно увѣренъ, что тутъ произошла ошибка, которая сама собою разъяснится.

Когда же сѣдокъ, расплатившись съ извозчикомъ, не совѣмъ увѣренной поступью пошелъ по направленію къ подъѣзду, швейцаръ принялъ воинственный видъ, собираясь дать ему отпоръ.

— Вамъ кого же-съ?—непочтительно спросилъ онъ, загородивъ своей фигурой дверь.

— Вѣдь это домъ номеръ тридцать третій?—спросилъ Петръ.

— Онъ и есть.

— Здѣсь живетъ Анна Михайловна Коромыслова?

— Живутъ-съ... а вамъ зачѣмъ?

„Что это онъ такъ со мною обращается?“ подумалъ Петръ, невольно оглядывая самъ себя. „Можетъ быть, я не довольно хорошо одѣтъ? Да и что это за фигура такая?“

— А вы швейцаръ?—спросилъ онъ еще довольно мягко, такъ какъ не былъ увѣренъ въ швейцарскомъ достоинствѣ этого чело-
вѣка въ пиджакѣ.

— Швейцаръ! А что угодно?

Узнавъ навѣрное, что имѣетъ дѣло съ швейцаромъ, Петръ тотчасъ же перемѣнилъ обращеніе. Въ числѣ другихъ неизбѣжныхъ убѣжденій, которыми онъ обыкновенно руководствовался, въ глубинѣ его души существовало убѣжденіе, что съ слугами надо обращаться повелительно! На нихъ это дѣйствуетъ.

— Такъ вотъ что, любезный!—сказалъ Петръ,—мнѣ надо быть у Анны Михайловны. Снеси ка мою карточку.

Швейцаръ, хотя и не сдался совершенно сразу, то все же, услышавъ „господскій тонъ“ и привычное для его уха „ты“, колебался. Съ лица его исчезла надменность и онъ нерѣшительно отодвинулся отъ двери.

— Карточку снести можно, а только ихъ превосходительство изволятъ еще быть въ постели!—сказалъ онъ.

— Неужели?

— Такъ точно.

— Когда же они встаютъ?

— А это смотря: ежели съ вечера гдѣ на балу были или у себя гостей принимали, такъ въ два и три часа, а ежели такъ—къ полудню.

— Ну, а сегодня какъ встанутъ?

— Сегодня, надо полагать, къ полудню, потому вчера никого не было. Стало быть, съ часу принимать начнутъ!.. не раньше...

— Ага... Ну хорошо.. вотъ тебѣ, любезный, на чай.

Швейцаръ этого совершенно не ожидалъ и, получивъ полтинникъ на чай, тотчасъ перемѣнилъ къ худшему свое мнѣніе о посѣтителѣ. Уже онъ началъ, было, допускать, что господинъ, можетъ быть, и настоящій. Хотя и рѣдко, но все-таки случалось

ему видѣть настоящаго господина, который ѣздитъ на извозчикѣ. Но теперь, такъ какъ эта подачка ему ни съ которой стороны не слѣдовала, онъ рѣшилъ, что это навѣрно какой-нибудь проситель.

Состоя много лѣтъ при домѣ очень вліятельнаго человѣка, онъ научился распознавать людей по внѣшнимъ приѣмамъ и при помощи своей швейцарской психологіи онъ дѣлилъ все человечество на три категоріи: на господъ просто порядочныхъ, — это тѣ, которые были приняты въ домѣ, какъ гости, какъ равные, хотя и не всегда были равные, ибо трудно сравняться съ столь важнымъ лицомъ, каковъ былъ „генераль“ Коромысловъ.

Люди этой категоріи давали ему на чай, но своевременно, а именно: на праздникахъ во время визитовъ и иногда еще послѣ большого бала, когда уходили домой очень поздно.

Каждаго изъ нихъ онъ уважалъ сообразно съ его щедростью. Другую категорію составляли люди, приходившіе обыкновенно въ утренніе часы и при томъ въ приемные дни, какъ къ генералу, такъ и къ генеральшѣ — Коромысловымъ. У нихъ всегда было какое-нибудь дѣло — служебное, если они приходили къ генералу, благотворительное, если они приходили къ генеральшѣ.

Швейцаръ не вникалъ въ сущность ихъ дѣлъ и всѣхъ этихъ людей, которые большею частью приходили одинъ только разъ и свои визиты рѣдко возобновляли, онъ сваливалъ въ одну кучу — просителей, хотя бы они и ни о чемъ не просили.

Многіе изъ нихъ тоже давали ему на чай и иногда очень щедро, гораздо щедрѣе, чѣмъ „настоящіе господа“, но онъ за это нисколько не уважалъ ихъ.

Но была еще третья категорія посѣтителей, которыхъ швейцаръ называлъ „особами“. Эти пріѣзжали обыкновенно на хорошихъ лошадяхъ, съ лакеями въ ливреяхъ и ихъ принимали въ домѣ не только съ распростертыми объятіями, но еще съ нѣкоторой обстановкой, а именно: самъ генераль появлялся на площадкѣ верхняго этажа и встрѣчалъ ихъ.

Такіе посѣтители никогда не давали ему на чай, и тѣмъ не менѣе швейцаръ уважалъ ихъ больше даже, чѣмъ первыхъ, которые давали ему на чай своевременно. Тутъ сказывался своего рода швейцарскій идеализмъ: швейцаръ, видимо, отдавалъ предпочтеніе достоинству передъ выгодой.

Здѣсь же случилось, что робкая попытка швейцара отнести Любарцева къ категоріи „настоящихъ господъ“, по причинѣ несвоевременнаго „на чая“, замѣнилась безповоротнымъ отнесеніемъ его къ категоріи нисколько не уважаемыхъ имъ просителей. И Петра Любарцева чрезвычайно удивило то обстоятельство, что швейцаръ, уже начавшій было выражать къ нему почтеніе,

послѣ получки полтинника, вдругъ взялся въ боки и посмотрѣлъ на него съ тѣмъ особымъ высокобріемъ, которое встрѣчается только у лакеевъ, когда они разговариваютъ съ людьми, не пользующимися ихъ уваженіемъ.

— А вамъ ежели съ просьбой... такъ ея превосходительство принимаютъ по пятницамъ!—заявилъ швейцаръ, небрежно опуская полтинникъ въ карманъ.

Тогда Петръ Любарцевъ, памятуя, что съ этимъ народомъ надо какъ можно строже и пренебрежительнѣе обращаться, выпрямился и постарался сдѣлать надменное лицо, но все же ему далеко не удалось превзойти въ этомъ отношеніи швейцара.

— У тебя, любезный, я вижу, дурная привычка разсуждать!— строго сказалъ онъ.—Я тебѣ ничего не говорилъ о моей просьбѣ. Вотъ моя карточка. Какъ только встанетъ Анна Михайловна, ты сейчасъ передай ей, а я вернусь къ часу.

Онъ досталъ карточку и отдалъ ее швейцару, а затѣмъ на всякій случай прибавилъ:—Исполняй свои обязанности, болванъ!

И затѣмъ повернулся и пошелъ по панели. Опять швейцару пришлось пережить душевный переворотъ. Съ одной стороны, человѣкъ, который ни съ того ни съ сего даетъ на чай, долженъ бы принадлежать къ категоріи просителей, съ другой стороны, господинъ, который такъ гордо держитъ голову и ругается, по видимому имѣетъ право быть отнесеннымъ къ категоріи „настоящихъ господъ“. Онъ спутался. Онъ долженъ былъ сознаться, что ему еще никогда не приходилось переживать такихъ колебаній.

Обыкновенно онъ угадывалъ людей легко и сразу и не дѣлалъ ошибокъ. Когда сомнительный господинъ ушелъ, швейцаръ взглянулъ на карточку и прочиталъ на ней: „Петръ Николаевичъ Любарцевъ“. И у него тотчасъ сдѣлалось лицо человѣка, совершившаго важное открытіе.

Черезъ его руки нерѣдко переходили карточки самой генеральши и онъ очень хорошо разглядѣлъ, что тамъ подъ „Анной Михайловной Коромысловой“ обязательно стояло: „урожденная Любарцева“. Швейцаръ зналъ также, что эту прибавку никогда не дѣлаютъ зря, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда фамилія „урожденная“ важнѣе фамиліи по мужу. И онъ всегда въ глубинѣ души питалъ уваженіе въ фамиліи „Любарцевой“.

Петербургскіе швейцары, особенно тѣ, что состоятъ при домахъ важныхъ особъ, бываютъ люди въ высшей степени осѣдомленные, и этотъ человѣкъ съ длинными баками, которые онъ еще не успѣлъ расчесать, но расчесеть, когда будетъ наряжаться въ ливрею, очень хорошо знаетъ, что генералъ Коромысловъ случайно вышелъ въ важные особы, а что нѣкогда онъ былъ маленькимъ и бѣднымъ человѣкомъ.

Слыхалъ онъ про своего генерала, что у него ума палата, которая помогла ему выплыть на поверхность житейскаго моря. Но однимъ умомъ особняка на Конногвардейскомъ бульварѣ не приобрѣтешь и по этой части швейцару было извѣстно, что особнякъ-то былъ купленъ на деньги генеральши, которая была „богата отъ природы“ и принесла Коромыслову большое приданое.

Дальше этихъ познаній относительно рода Любарцевыхъ швейцаръ не углублялся, но для него было этого достаточно, чтобы питать уваженіе къ этой фамиліи. Потому когда странный посѣтитель ушелъ, швейцаръ пожалѣлъ о своей надменности и о томъ, что человѣка, носящаго „урожденную фамилію генеральши“, онъ такъ легкомысленно причислилъ къ категоріи „просителей“.

Петръ Любарцевъ, получивъ столь неожиданно два часа свободнаго времени, рѣшилъ употребить ихъ на прогулку. Петербурга онъ совсѣмъ не зналъ. Но ѣдучи со Знаменской улицы на Конногвардейскій бульваръ, онъ замѣтилъ по дорогѣ нѣкоторые оживленные пункты и пошелъ той же дорогой, по которой ѣхалъ.

Тутъ онъ очень скоро наткнулся на церковь и узналъ отъ городского, что это Исаакіевскій соборъ. Онъ обошелъ его кругомъ и основательно оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

„Ну, что-жъ,—сказалъ онъ самъ себѣ,—ничего особеннаго. Соборъ, какъ соборъ“.

Онъ еще въ губернскомъ городѣ много слышалъ про это сооруженіе, видѣлъ даже его изображеніе на тарелкахъ, которыя съ давнихъ поръ употреблялись въ семействѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Любарцева.

Онъ нашелъ, что соборъ дѣйствительно большой, что онъ, должно быть, богатый и дорогой; но, по его мнѣнію, въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ, такой именно соборъ и долженъ быть. Поэтому грандіозное сооруженіе его нисколько не удивило.

Дальше онъ попалъ на улицу и прочиталъ на перекресткѣ, что это Большая Морская. О ней онъ тоже много слышалъ и потому не просто шелъ по ней, а присматривался къ домамъ и магазинамъ.

Да, тутъ были большіе дома и богатые магазины; но странно было бы, если бы на главной улицѣ столицы были маленькіе дома и бѣдные магазины. Наконецъ, онъ попалъ на Невскій и сказалъ себѣ:

„Ну, вотъ тутъ ужъ, навѣрно, увижу что-нибудь необыкновенное“.

Но пройдя половину Невскаго, онъ опять же нашелъ, что здѣсь нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ большихъ домовъ и богатыхъ магазиновъ.

„Да, улица хорошая, но ничего особеннаго“.

Видѣлъ онъ, что на этой улицѣ было движеніе множества экипажей и по тротуару бѣжали и толкали другъ друга люди. Но это движеніе было ему только непріятно, потому что и его толкали и мѣшали ему переходить улицы.

„Ну, вотъ ничего же особеннаго! рѣшительно ничего особеннаго“, говорилъ онъ себѣ по поводу всего, что видѣлъ.

Вотъ онъ взялъ обратное направленіе, очутился на Дворцовой площади и смѣрилъ глазами колонну Александра I.

„Да, высокая колонна, — сказалъ онъ, — но если бы она не была высокая, то ее не слѣдовало бы и ставить на площади“.

Смотрѣлъ онъ и Зимній дворецъ и нашелъ, что онъ большой, какъ и полагается быть дворцу.

Наконецъ, онъ приблизился къ Невѣ и, остановившись на набережной, минутъ пять смотрѣлъ на рѣку своими неподвижными глазами. Тутъ онъ вспомнилъ, какъ восторженно описывать ему эту рѣку Владиміръ вчера вечеромъ, когда вернулся домой.

„Не понимаю, что тутъ увлекаетъ Владиміра! Не понимаю!.. Городъ, какъ городъ. Онъ больше и богаче и красивѣе нашего губернскаго города, но какъ же могло быть иначе, когда онъ столица! Или вотъ эта рѣка: течетъ въ ней вода, какъ и во всякой рѣкѣ. Ничего особеннаго. А поэты почему-то воспѣваютъ ее... Даже самъ Пушкинъ воспѣвалъ... еще въ гимназіи это учили... Или вотъ этотъ шпицъ на адмиралтействѣ... Шпицъ, какъ шпицъ!.. Торчитъ себѣ къ небу и только... А вотъ и памятникъ Петру... Ну, что-жъ, хорошій памятникъ... но ничего особеннаго. Конь сталъ на дыбы, а на немъ сидитъ всадникъ... Что-жъ тутъ такого?.. Это очень просто“...

И все, что ни видѣлъ Петръ Любарцевъ, не производило на него ни малѣйшаго впечатлѣнія... Все казалось ему обыкновеннымъ, такимъ, какое онъ видѣлъ уже въ губернскомъ городѣ и въ другихъ городахъ, но только больше размѣрами и количествомъ. Отъ его души, какъ отъ гладко отполированной мѣдной доски, впечатлѣнія отскакивали, не оставляя на ней ни малѣйшаго слѣда.

И когда онъ смотрѣлъ на часы и убѣждался, что до пріемнаго часа у родственницы еще далеко, его брала досада. Онъ скучалъ на петербургскихъ улицахъ и площадяхъ, на которыхъ попалъ первый разъ въ жизни.

А тутъ еще, къ его отчаянію, съ неба посыпался легкій пушистый снѣжокъ и Петръ началъ бояться за свой цилиндръ.

А погода стояла очаровательная. Петербургъ рѣдко видитъ такіе дни. Одинъ градусъ мороза; въ воздухѣ тишина; превосходный санный путь изъ свѣжаго, три дня подъ рядъ падавашаго, снѣга. Но Петръ ничего этого не замѣчалъ, ничто не радовало его и отъ всего ему было скучно.

Наконецъ, часы показали безъ четверти часъ и онъ, разспросивъ городского о кратчайшемъ направленіи, отправился пѣшкомъ на Конногвардейскій бульваръ. Когда онъ пришелъ къ подъѣзду дома номеръ тридцать третій, швейцаръ былъ уже въ ливреѣ, и на груди его красовалась цѣлая коллекція медалей.

Завидѣвъ Любарцева, онъ распахнулъ передъ нимъ дверь и сказалъ:—Пожалуйте-съ.

— Передалъ карточку?—спросилъ Петръ.

— Передалъ-съ.

— Ну, и что же?

— Приказано просить. Пожалуйте-съ.

„Ага“, подумалъ Петръ Любарцевъ, „подѣйствовало-таки, что я назвалъ его болваномъ“.

А въ обращеніи швейцара на этотъ разъ дѣйствительно не было уже ничего прежняго. И сказать бы, сверху были бы даны какія-нибудь опредѣленныя указанія на этотъ счетъ,—а то нѣтъ: когда швейцаръ передалъ лакею карточку Петра Любарцева, лакей ушелъ съ нею въ глубь квартиры и, вернувшись минутъ черезъ пять, сказалъ: „Приказано просить“.

Такая форма была обычна для всѣхъ категорій. Нѣтъ, въ этой перемѣнѣ обращенія главную роль играла „урожденная фамилія“. Но отчасти, разумѣется, свое дѣло сдѣлалъ и „болванъ“.

IV.

Швейцаръ снялъ съ него пальто, бережно вытеръ рукавомъ своей ливреи цилиндръ и почтительно вручилъ ему, этимъ самымъ подтвердивъ, что инструментъ этотъ необходимо тащить съ собою; и допустилъ его ступить на мягкій коверъ лѣстницы; затѣмъ придавилъ пуговицу звонка и тотчасъ же побѣжалъ по лѣстницѣ впередъ, обогнавъ его.

Наверху отворилась дверь, и швейцаръ, сообщивъ лакею фамилію посѣтителя, тотчасъ сбѣжалъ внизъ. А Петръ Любарцевъ, достигнувъ площадки второго этажа, былъ встрѣченъ и впущенъ въ растворенную дверь степеннымъ лакеемъ съ совершенно бритой и лоснящейся фizioноміей.

— Сю минуту доложу!—сказалъ лакей и, оставивъ его въ передней, скрылся.

Петръ занялся осмотромъ передней и нашелъ ее очень просторной и уютной. Тяжелый дубовый столъ, дубовая вѣшалка, высокое до потолка зеркало, нѣсколько стульевъ, а на вѣшалкѣ одинокая штатская шинель съ мѣховымъ воротникомъ.

— Ея превосходительство просятъ васъ!—заявилъ вернувшійся лакей и раздвинулъ передъ нимъ портьеру, которая таинственно

зашуршала, какъ бы желая обратить вниманіе на то, что она шелковая.

Петръ, сопровождаемый лакеемъ, вошелъ въ довольно большую комнату неопредѣленнаго назначенія. Здѣсь было очень много столиковъ, диванчиковъ, креселъ и ширмочекъ. Но все такое и такъ разставленное, что ни на одинъ изъ стульевъ, диванчиковъ и креселъ не хотѣлось сѣсть.

Отсюда онъ попалъ въ комнату меньшаго объема, которую можно было назвать гостиной. Потомъ въ длинную комнату, въ которой почти вовсе не было мебели, но зато на стѣнахъ висѣло много картинъ.

До сихъ поръ лакей шелъ впереди, раздвигая портьеры. Но тутъ онъ остановился въ дверяхъ, раздвинувъ портьеру, и дальше не пошелъ, а только пропустилъ его, тихонько сказавъ:

— Пожалуйте!

Петръ вошелъ и, остановившись на порогѣ, старался разглядѣть комнату, которая, очевидно, была послѣднимъ пунктомъ его странствованія. Она тоже была очень длинная, полъ былъ обтянутъ мягкимъ, темно-краснымъ сукномъ, такъ что шаги совсѣмъ не были слышны. Неширокая дальняя стѣна представляла собой зеркало, въ которомъ Петръ увидѣлъ свое изображеніе во весь ростъ. Причудливая мягкая мебель была обита чѣмъ-то свѣтлымъ, что придавало комнатѣ веселый видъ.

На низенькой софѣ полулежала худенькая миниатюрная женщина, вся утонувшая въ складкахъ и кружевахъ своего капота. Лицо у нея было миловидное, но до того истомленное и блѣдное, что ее можно было счесть за больную.

Возрастъ ея не было никакой возможности опредѣлить. Миниатюрная худенькая фигурка придавала ей что-то дѣтское, а глубокія темныя борозды подъ глазами и, на лету схваченныя Петромъ, морщины на лбу и около угловъ рта свидѣтельствовали о пережитыхъ годахъ.

„Неужели это моя троюродная тетушка?“ подумалъ Петръ: „такая маленькая“.

Неизвѣстно, почему—онъ давно уже, еще въ губернскомъ городѣ, безповоротно рѣшилъ, что петербургская родственница непременно высокаго роста, плотная, величавая. Онъ представлялъ ее себѣ не иначе, какъ одѣтой въ тяжелое бархатное платье съ длиннымъ треномъ и глубокимъ вырѣзомъ на груди, необыкновенной прической, которую только что сдѣлалъ искусный парикмахеръ.

А здѣсь передъ нимъ было блѣдное истомленное личико, выглядывавшее изъ складокъ и буфовъ капота, съ беспорядочно взбитыми на головѣ темно-каштановыми волосами.

И такъ какъ его сюда привели, то нельзя было сомнѣваться въ томъ, что это именно и есть его троюродная родственница.

Всѣ эти размышленія въ сколько-нибудь дѣятельномъ мозгу могли бы промелькнуть въ одну секунду, но для неопытнаго въ размышленіяхъ Петра Любарцева для всего этого потребовалось добрыхъ полминуты и только послѣ этого промежутка времени онъ сообразилъ, что, во всякомъ случаѣ, нужно принимать фактъ такимъ, каковъ онъ есть и поклониться, — что онъ и сдѣлалъ.

— А, вотъ вы какой! — промолвила родственница, и такъ какъ она при этомъ протянула въ его сторону руку, то Петръ, довольно твердо знавшій правила приличія, поспѣшилъ подойти къ ней, взявъ ея руку и поцѣловалъ.

— Садитесь и дайте на васъ посмотрѣть! — прибавила родственница, указавъ ему на кресло вблизи себя. А когда Петръ сѣлъ, поставивъ свой цилиндръ на полу, рядомъ съ кресломъ, она слегка приподнялась и въ самомъ дѣлѣ довольно пристально вглядывалась въ него.

— Такъ вы Любарцевъ? — спрашивала она.

— Да, тетушка... Я сынъ Николая Сергѣевича Любарцева! — очень увѣренно отвѣтилъ Петръ.

— Вы сказали — тетушка? Неужели я вамъ прихожусь тетушкой? — промолвила она и въ ея большихъ, утомленныхъ, но въ то же время чрезвычайно живыхъ и постоянно мѣнявшихъ выраженіе глазахъ вдругъ мелькнуло что-то похожее на испугъ.

— Конечно... если мой отецъ имѣетъ честь быть вашимъ троюроднымъ братомъ, то значить...

— А, да, да... можетъ быть!.. Это очень мило съ вашей стороны, что вы зашли... Вѣдь вы изъ провинціи? Изъ города... города...

Петръ назвалъ ей свой родной городъ.

— Ахъ, да, да... Говорятъ, что въ провинціи много интересныхъ людей...

— Ну, я ихъ тамъ не видалъ... такіе же люди, какъ вездѣ... — замѣтилъ Петръ.

— Неужели? Это было бы жаль... Что-жъ, вы пріѣхали въ Петербургъ побѣситься?

Вопросъ этотъ поставилъ въ нѣкоторое недоумѣніе Петра Любарцева. Онъ собственно отлично зналъ, зачѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ. У него была единственная и опредѣленная цѣль. Но онъ зналъ, что въ свѣтѣ никогда не говорятъ серьезно о дѣлахъ, а только между прочимъ. О свѣтѣ у него составилось такое мнѣніе, что тамъ постоянно болтаютъ легкій вздоръ. Поэтому онъ не рѣшился сейчасъ же открыть передъ тетушкой свои карты.

Съ другой стороны, хотя по всему своему складу онъ былъ очень далекъ отъ способности бѣситься, но разъ свѣтская родственница предлагаетъ такой вопросъ, то надо думать, что въ свѣтскомъ обществѣ это считается дѣломъ обыкновеннымъ и почетнымъ. И онъ рѣшился приписать себѣ совершенно несвойственное качество.

— Отчасти и за этимъ,—отвѣтилъ онъ,—но, кромѣ того, и вообще такъ... Все-таки Петербургъ не то, что губернский городъ. Петербургъ—столица!

Анна Михайловна Коромылова, урожденная Любарцева, по совершенно непонятной для Петра причинѣ, очень внимательно посмотрѣла на прїѣзжаго родственника и подумала: „онъ, кажется, не уменъ... У него бараньи глаза“.

Потомъ она сказала вслухъ:

— Ну, вы, конечно, въ восторгѣ отъ Петербурга; онъ вамъ уже вскружилъ голову?.. но это съ непривычки! А поживете въ немъ мѣсяцъ-другой и вамъ будетъ такъ же скучно, какъ и вездѣ.

— Нѣтъ, нисколько,—отвѣтилъ Петръ.—Я чувствую себя такъ, какъ будто жилъ въ Петербургѣ всегда... только улицъ не знаю, но всюду есть полицейскіе, которые объясняютъ.

— Да? Неужели? Васъ ничто не поражаетъ?

— Нѣтъ. Я не нашелъ ничего особеннаго... Все только побольше, чѣмъ у насъ... жителей больше, дома выше... вотъ и все...

— Вотъ какъ!.. Какой вы, однако... уравновѣшенный?

— Да, что-жъ... я такой... Я всегда былъ такой, тетушка! Меня никогда ничто не поражаетъ.

— А вы-таки настаиваете на томъ, что я вамъ прихожусь тетушкой?—съ чуть-чуть обозначившейся усмѣшкой промолвила Анна Михайловна.

— Да, такъ выходитъ...—необыкновенно увѣренно отвѣтилъ Петръ, не почувшій нѣкотораго тонкаго оттѣнка въ ея вопросѣ, въ которомъ всякій другой на его мѣстѣ сейчасъ же уловилъ бы явное нежеланіе, чтобы онъ называлъ ее тетушкой.

— А я увѣрена, что вы перепутали генеалогію и я скорѣе прихожусь вамъ троюродной кузиной...

— Но нѣтъ, право же тетушкой...—настаивалъ на своемъ Петръ и былъ чрезвычайно удивленъ, когда со стороны родственницы послышался вздохъ нетерпѣнія и досады и она сдѣлала соотвѣтственный жестъ. Онъ опѣшилъ и задумался, и лицо его приняло такое тупое выраженіе, что Анна Михайловна, взглянувъ на него, безповоротнo рѣшила, что провинціальный родственникъ глупъ.

Однако, у Петра Любацева, хотя умъ дѣйствительно отсутствовалъ, но было какое-то особое практическое чутье: онъ быстро,

даже не понимая, схватывалъ то, что могло быть ему полезно. И онъ не сообразилъ, а этимъ самымъ чутьемъ своимъ постигъ, въ чемъ тутъ дѣло: просто-на-просто родственница не любить, чтобы ее называли тетушкой, и потому, несмотря на великую твердость, съ которой онъ только что утверждалъ противное, онъ, послѣ размышленія, вдругъ заявилъ:

— А это въ самомъ дѣлѣ такъ и есть!

— Не правда ли!—воскликнула Анна Михайловна.

— Да, это такъ... троюродная сестра!.. значить, кузина!—подтвердилъ Петръ.

Анна Михайловна опять приподнялась и чуть-чуть придвинулась ближе въ его сторону.

— И такъ, кузень, расскажите мнѣ что-нибудь про моихъ родственниковъ. Вашъ папа вѣдь служить по вѣдомству... вотъ и забыла!..

Петръ назвалъ вѣдомство, въ которомъ служилъ его отецъ.

— А есть вѣдь еще и другой Любарцевъ?.. Кажется, братъ вашего папы,—спросила Анна Михайловна.

— Да, есть, но онъ... онъ не на службѣ!—отвѣтилъ Петръ и даже какъ бы слегка сконфузился за своего родственника, который не на службѣ.

— Да? А какъ же? У него есть свои средства?

— Нѣтъ... То-есть онъ на службѣ, но... онъ въ городской управѣ секретаремъ... Мой дядя, Иванъ Сергѣевичъ—неудачникъ.

— Развѣ это не хорошо—секретаремъ?

— Что-жъ тутъ хорошаго? Онъ получаетъ жалованья всего сто рублей въ мѣсяцъ...

— Да, это очень немного. А вы служите уже?

— Да, служу... но... конечно, службу въ провинціи я не могу считать настоящей службой...

— Вы хотѣли бы служить въ Петербургѣ?

— Еще бы! Это моя мечта—устроиться здѣсь... Здѣсь настоящая служба...

— Такъ что-жъ, и устраивайтесь!.. Отчего же вамъ не устроиться?

Это былъ такой счастливый случай, что разговоръ такъ удачно подошелъ къ главному предмету, о которомъ Петръ все время думалъ. Лучшаго момента нельзя было дожидаться для того, чтобы показать родственницѣ письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

И Петръ безъ дальнѣйшихъ околичностей запустилъ руку въ боковой карманъ сюртука и вынулъ оттуда письмо.

— А вотъ встати и письмо вамъ отъ моего папы!

— Ахъ, у васъ есть письмо?

— Да, вотъ оно... Тутъ папа мой проситъ васъ...

— Ахъ, да... Ну, да... Онъ проситъ, чтобы я помогла вамъ устроиться въ Петербургъ... Но, милый кузень, клянусь вамъ, я въ этомъ ничего не понимаю... Я передамъ васъ моему мужу... А вотъ, кстати, и онъ! — прибавила она, повернувъ голову по направленію къ портьеру, изъ которой вынырнулъ и направился къ ней высокій господинъ крѣпкаго сложенія, плечистый съ очень красивой львиной головой и со строгими чертами лица.

Взглянувъ на него, Петръ почему-то вдругъ ощутилъ нѣкоторую робость. Въ особенности его подавляли глаза этого господина: строгіе и умные. Ихъ взглядъ только скользнулъ по лицу Петра и уже точно оставилъ на немъ холодный слѣдъ.

— А я не зналъ, что ты уже встала и принимаешь!... сказалъ онъ глубокимъ басистымъ, но въ то же пріятнымъ голосомъ и, низко нагнувшись, поцѣловалъ ея маленькую ручку.

„Какой онъ большой! А она такая маленькая!“ мысленно констатировалъ Петръ и поднялся. А Коромысловъ выпрямился и смотрѣлъ на него вопросительно.

— Это мой мужъ,—сказала Анна Михайловна.—А это мой кузень изъ провинціи... Помнишь, мнѣ какъ-то давно писалъ Николай Сергѣевичъ Любарцевъ?... Такъ это его сынъ.

— Ахъ, Любарцевъ! Очень пріятно!—сказалъ Коромысловъ, очевидно желавшій показать уваженіе „урожденной фамиліи“ своей жены, но въ тонѣ его и въ томъ движеніи, съ которымъ онъ подаль руку Петру, было замѣтно пренебреженіе.

— Вашъ отецъ дѣйствительный статскій совѣтникъ?—спросилъ онъ.

— Да, у него такой чинъ! отвѣтилъ Петръ, и руки его почему-то опустились по швамъ. Эта властная фигура съ сочнымъ басистымъ голосомъ и съ орлинымъ взглядомъ подавляла его и онъ чувствовалъ себя передъ нимъ глупымъ мальчишкой.

— У вашего отца вѣдь есть еще братъ?—промолвилъ Коромысловъ.

— Да, мой дядя Иванъ...

— Но онъ никогда ни о чемъ тебя не просилъ, Анна...

— Нѣтъ, никогда!—отвѣтила Анна Михайловна.

Въ этомъ вопросѣ и отвѣтѣ былъ какой-то отгѣнокъ, смыслъ котораго оказался недоступнымъ Петру. Что-то было, но онъ не могъ понять; одобреніе или порицаніе. Но на всякій случай онъ счелъ своимъ долгомъ сказать:

— Мой дядя—странный человѣкъ!

— Чѣмъ же?—спросилъ Коромысловъ.

— Онъ никогда не хотѣлъ служить... занимался частными дѣлами, которыя были неудачны... А теперь онъ секретаремъ управы...

— Ну, въ этомъ пока еще нѣтъ ничего страннаго.

— А вы, кажется, сегодня не въ духѣ, ваше превосходительство?—проговорила Анна Михайловна, съ скучной улыбкой взглянувъ на мужа.

— Да, и, если вамъ угодно, по вашей винѣ...

— Неужели?

— Представьте, это такъ!—сказалъ Коромысловъ, садясь въ въ отдаленіи, послѣ чего и Петръ счелъ себя въ правѣ сѣсть.— Меня разстроилъ Валежневъ,—ваша креатура... Онъ просто никуда не годится...

— Валежневъ? Но вы сами находили, что онъ очень уменъ...

— О, да, да... И вотъ поэтому-то онъ и не годится...

— Странно! А онъ вамъ нравился...

— Онъ мнѣ нравился, пока я встрѣчалъ его у васъ въ гостиной. Онъ очень образованъ, остроуменъ, находчивъ, у него оригинальный умъ... Въ гостиной это цѣнится.. Но для чиновника это совсѣмъ не годится...

— О, я никогда въ этомъ ничего не понимала... А что же нужно для чиновника?

— Для чиновника нужно одно: способность точно выполнять предначертанія начальника.

— Предначертанія!.. Это, должно быть, что-нибудь страшное!.. смѣясь замѣтила Анна Михайловна.

— Да, это глупое слово, которое хорошо звучитъ въ канцеляріи и очень дико въ будуарѣ..

— Ну, да... Но неужели у Валежнева, котораго вы сами признали умнымъ, нѣтъ способности? Кажется, это не такъ трудно: исполнять предначертанія?

— Для него очень трудно, мой другъ... Всякій разъ, когда я даю ему порученіе написать докладъ и провести въ немъ такую-то мысль, онъ непременно мою мысль видоизмѣнитъ по своему... И онъ иначе не можетъ, потому что у него есть свой оригинальный умъ.

— Но тѣмъ лучше!..

— Нисколько не лучше. То-есть, пожалуй, оно, можетъ быть, и лучше, но мнѣ вовсе на надо, чтобы было лучше. Мнѣ надо, чтобы было такъ, какъ я хочу.

— Однимъ словомъ, для чиновника умъ—излишнее бремя...

— Когда онъ на службѣ—да. Дома онъ можетъ снимать звѣзды съ неба, но въ канцеляріи звѣздъ не бываетъ, а значить и снимать нечего. Въ канцеляріи надо умственное подчиненіе руководящему началу, которое исходитъ сверху. Развѣ я не правъ?

Этотъ вопросъ Коромысловъ предложилъ скорѣе женѣ, чѣмъ Петру Любарцеву, а вѣрнѣе всего, что это у него была при-

вычка, которую онъ всегда вставлялъ въ концѣ своей рѣчи. Но Петръ отнесъ это къ себѣ и отвѣтилъ.

— Я совершенно такъ думаю!

— Да?—и Коромысловъ вскинулъ на него пренебрежительный взглядъ и продолжалъ:—канцелярія должна быть хорошей машиной, а въ машинѣ умный долженъ быть только машинистъ. Если бы всѣ колеса и винты были такъ же умны, какъ онъ, то каждый изъ нихъ вертѣлся бы въ ту сторону, въ какую самъ находилъ бы болѣе умнымъ, и машина каждую минуту ломалась бы. Развѣ я не правъ?

— Я совершенно такого же мнѣнія!—сказалъ и на этотъ разъ Петръ Любарцевъ.

— Однимъ словомъ, ваше превосходительство,—иронически замѣтила Анна Михайловна,—вы не довольны умнымъ секретеремъ и хотѣли бы имѣть глупаго.

— Не глупаго, мой другъ, а... не обремененнаго излишнимъ умственнымъ баластомъ... Ну, однако, мнѣ пора ѣхать въ департаментъ!—прибавилъ Коромысловъ и поднялся.

Петръ Любарцевъ тоже вдругъ вскочилъ съ мѣста. Ему пришла въ голову мысль, что лучше будетъ, если онъ уйдетъ раньше. Тогда, можетъ быть, родственница скажетъ о немъ что-нибудь мужу.

— Вы уходите, кузень?—спросила его Анна Михайловна.

— Да, я.... Меня дожидается мой двоюродный братъ, сказалъ Петръ, чтобы какъ-нибудь мотивировать свой уходъ.

— А вы съ братомъ пріѣхали?

— Да... Это сынъ моего дяди Ивана...

— Страннаго человѣка, который не служить... какъ бы въ сторону замѣтилъ Коромысловъ.

— Да, его...

— А онъ, вашъ кузень, тоже не служить?

— Онъ еще не знаетъ, что съ собой сдѣлать... Мой кузень неосновательный...—отрекомендовалъ Петръ своего родственника.

— Неужели неосновательный?—съ необыкновенной живостью спросила Анна Михайловна. Такъ вы пожалуйста привезите его ко мнѣ... Я обожаю неосновательность.

— Благодарю васъ, но... Но только онъ не придетъ.

— Почему же? Онъ что-нибудь противъ меня имѣетъ?

— Ахъ, нѣтъ... Но онъ... онъ вообще странный человѣкъ.

— Боже мой!—съ какой-то непонятной нервозностью воскликнула Анна Михайловна.—Если онъ странный, то привезите его насильно!. Я ужъ такъ давно не видѣла ничего страннаго! Привезете! а?

Петръ въ это время уже поцѣловалъ ея руку и пожалъ руку Коромылова.

— Я приложу всѣ старанія, отвѣтилъ онъ и, величественно поклонившись обоимъ, вышелъ.

Пока слышались его удаляющіеся шаги, въ будуарѣ не было высказано никакого замѣчанія. Коромысловъ медленно ходилъ по комнатѣ, а Анна Михайловна попрежнему сидѣла на софѣ, играя кружевами своего капота. Прошла минута.

— Кажется, мой новый кузень какъ нельзя лучше удовлетворяетъ твоимъ требованіямъ отъ чиновника!—замѣтила Анна Михайловна.

— Да, кажется... Но боюсь, что онъ ударяется въ другую крайность...—отвѣтилъ Коромысловъ.

— Но это ужъ не такъ опасно?..

— Да... Съ этимъ, пожалуй, еще можно сладить...

— Ну, такъ вотъ: возьми это письмо и на свободѣ прочитай его... это отъ его отца.

— А, хорошо...

Коромысловъ взялъ письмо и положилъ въ карманъ.

— Я уѣзжаю на службу... обѣдаю дома.

Онъ поцѣловалъ руку жены и ушелъ. Она протянула ноги и прилегла на софѣ, и на ея блѣдномъ лицѣ вдругъ выразилась мертвенная скука.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЯ ЗВѢЗДЫ.

(Очеркъ).

11-го ноября 1572 года Тихо Браге по обыкновенію только вечеромъ покинулъ свою лабораторію, чтобы отправиться домой поужинать. По привычкѣ взглянулъ онъ и на небо, съ любовью осматривая хорошо ему извѣстныя созвѣздіе за созвѣздіемъ. И вдругъ онъ остановился пораженный... Почти прямо надъ головой въ созвѣздіи Кассіопеи блеснула яркая, какъ красавица Венера, звѣзда. Ея не было раньше, это зналъ Тихо навѣрно. Знаменитый наблюдатель не смѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Онъ зоветъ изъ лабораторіи слугъ, останавливаетъ проѣзжихъ и спрашиваетъ, видятъ ли они также ту чудную звѣзду, которая блеснитъ передъ его глазами, не обманъ ли это какой зрѣнія, не навожденіе ли... Но когда и всѣ свидѣтели подтвердили, что на небѣ въ указанномъ мѣстѣ дѣйствительно горитъ красивая, яркая звѣзда, тогда Тихо, забывъ и объ ужинѣ, спѣшитъ прямо къ своимъ астрономическимъ инструментамъ, чтобы скорѣе опредѣлить положеніе новаго свѣтила. Какъ разъ была только что закончена постройка новаго секстанта, отъ котораго можно было ждать большой точности. Тихо измѣрилъ разстоянія новой звѣзды отъ девяти главнѣйшихъ звѣздъ Кассіопеи и рѣшилъ повторить эти измѣренія на слѣдующій день. Съ большимъ нетерпѣніемъ онъ дожидается этого второго вечера, неотвязный вопросъ все время стоитъ передъ нимъ: видна ли будетъ эта новая чудесная звѣзда, или она уже исчезла такъ же быстро, внезапно, какъ появилась. На слѣдующій день вечеръ опять было ясный и Тихо могъ убѣдиться, что звѣзда не пропала и осталась точно на своемъ мѣстѣ; она оставалась здѣсь и послѣ, цѣлыхъ 18 мѣсяцевъ! Эта не была, слѣдовательно, комета, которая къ тому же должна бы имѣть и туманную оболочку и болѣе или менѣе длинный хвостъ, это что-то новое на небѣ, небывалое, невиданное, это какъ будто бы звѣзда, но *новая*, не наблюдавшаяся раньше звѣзда, еще лучше назвать ее временной, потому что она возгорѣвшись, не осталась на небѣ, скоро начала ослабѣвать въ своей яркости, а черезъ 1½ года и совсѣмъ скрылась для глазъ наблюдателя. Тихо Браге слѣдилъ

за звѣздой все время и оставилъ намъ обстоятельное описаніе того, что пришлось ему наблюдать.

Въ тотъ моментъ, когда увидѣлъ Тихо Новую звѣзду, послѣдняя равнялась по блеску Венерѣ во время ея наибольшей яркости, она оставалась такою въ теченіе всей второй половины ноября. Люди съ острымъ зрѣніемъ легко находили ее на свѣтломъ небѣ днемъ, а вечеромъ она могла быть видима и черезъ довольно густыя облака. Но въ декабрѣ яркость Новой падаетъ до яркости Юпитера, въ январѣ 1573 года звѣзда все таки ярче звѣзды первой величины, въ апрѣлѣ она достигаетъ яркости звѣзды второй величины, въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ является звѣздой третьей величины, въ октябрѣ спускается до четвертой величины, въ январѣ 1574 до пятой и въ концѣ марта совсѣмъ перестаетъ быть видима. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и цвѣтъ звѣзды: въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ она бѣлаго цвѣта, потомъ становится желтой, затѣмъ красноватой. Зимой 1573 года Тихо сравнивалъ цвѣтъ ея съ цвѣтомъ Марса, потомъ съ цвѣтомъ Альдебарава, въ маѣ звѣзда вновь становится бѣловатой и остается такою до конца наблюдений.

Интересенъ вопросъ, пропала ли звѣзда совсѣмъ или, ослабѣвъ въ яркости, осталась на небѣ до нашихъ дней. Аргеландеръ перевычислилъ наблюденія Тихо Браге и два раза пытался найти эту звѣзду, но безуспѣшно. Позднѣе D'Arge съ большей трубой указалъ звѣздочку $10\frac{1}{2}$ величины, которая по положенію на 49 секундъ дуги отличается отъ Новой Тихо Браге. Возможно, что это она и есть. Уже самъ Тихо Браге приводитъ справку изъ Плинія о звѣздѣ Гиппарха, принимавшейся многими за комету, которую по китайскимъ источникамъ нужно отнести къ 134 г. до Рожд. Христ. Это свидѣлствуетъ, что внезапно появившаяся въ 1572 году звѣзда представляетъ рѣдкое, но не единственное явленіе. По китайскимъ извѣстіямъ такая же звѣзда наблюдалась еще въ 123 г. послѣ Рожд. Хр. между *альфой* Геркулеса и *альфой* Змѣноспа, въ 173 году еще между *альфой* и *бетой* Центавра была звѣзда положеніе которой не указано, въ 386 году еще между *ламбдой* и *фи* Стрѣльца, въ 389 году близъ *альфы* Орла, въ 393 году въ хвостѣ Скорпіона, въ 827 или, по крайней мѣрѣ, въ началѣ IX вѣка еще одна въ Скорпіона, въ 945 году между Цефеемъ и Кассіопеей, въ 1006 году въ Скорпіонѣ, въ 1203 г. опять въ Скорпіонѣ, въ 1217 г. въ Сѣверномъ Вѣнцѣ, 1230 г. въ Змѣноспѣ, въ 1264 г. между Цефеемъ и Кассіопеей—но всѣ эти указанія ненадежны, не имѣютъ характера достовѣрности, равно какъ и свидѣтельства о появленіи звѣздъ въ 1578 и 1584 гг.

Въ 1600 году увидѣли звѣздочку третьей величины, которой не замѣчали раньше, но эта оказалась послѣ перемѣнной звѣздой, которая ослабѣваетъ въ яркости и вновь увеличивается черезъ нѣсколько лѣтъ—интересная звѣзда, имѣющая большое значеніе въ исторіи

изслѣдованія Новыхъ звѣздъ. Въ 1604 году отмѣчено второе несомнѣнное блестящее возгораніе звѣзды, которая немногимъ уступала Новой Тихо Браге. Ее наблюдалъ и описалъ *Кеплеръ*, именемъ котораго она и зовется, хотя она замѣчена была впервые ученикомъ Кеплера Бруновскимъ (1604 года, 10-го октября). Кеплеръ принялъ ее сначала за комету, несмотря на то, что она не имѣла хвоста и блескъ ярче Марса, Сатурна и Юпитера, находившихся неподалеку. Подобно звѣздѣ Тихо Браге, она, постепенно ослабѣвая въ яркости, оставалась видимой невооруженнымъ глазомъ цѣлыхъ 15 мѣсяцевъ, но измѣненія цвѣта при этомъ не было. Звѣзда все время казалась бѣлой.

Кромѣ этой Новой, въ XVII столѣтіи было еще двѣ: въ 1609 году, согласно китайскимъ извѣстіямъ, которыя не указываютъ мѣста звѣзды, и въ 1670 г. Последнюю замѣтилъ патеръ *Anthelme* 20-го іюня въ головѣ Лисиды близъ *беты* Лебеда. Она была третьей величины, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ исчезла, но въ мартѣ и апрѣлѣ 1671 года опять наблюдалась Кассини, какъ звѣзда четвертой величины, затѣмъ еще разъ марта 29-го въ 1672 году, а съ тѣхъ поръ ее не видѣли больше никогда.

Въ XVIII вѣкѣ не замѣчено ни одной Новой, но зато въ XIX ихъ открыто тринадцать, большею частью не особенно яркихъ. Открыто отчасти даже заднимъ числомъ на фотографическихъ пластинкахъ.

Въ 1848 году, 27-го апрѣля, *Hind* увидѣлъ въ созвѣздіи Змѣеносца звѣзду 4-5 величины красновато-желтаго цвѣта, которая быстро уменьшалась въ яркости. Въ 1850 году она была 10-11 величины, съ 1876 года остается все время 12^{1/2}.

Слѣдующая Новая открыта *Ауверсомъ* 21-го мая 1860 года въ созвѣздіи Скорпіона. Она проэктировалась на туманное звѣздное скопленіе Мессье № 80, причемъ за три дня, навѣрное, не было и слѣда ея. Звѣзда имѣла яркость 7-ой величины и очень скоро ослабѣла, уже 10-го іюня она совершенно исчезла, хотя, впрочемъ, *Шенфельдъ* думаетъ, что 1-го іюня 1869 года онъ видѣлъ слабый слѣдъ ея.

Въ 1866 году горѣла яркая звѣзда въ созвѣздіи Сѣверной Короны. Она замѣчена 4-го мая *Barker'омъ* въ Канадѣ, когда явилась звѣздой 4-ой величины. Къ 10-му мая яркость ея увеличилась до 3-й величины, но затѣмъ опять быстро упала. 16-го числа звѣзда опять только 4-ой величины, а 30-го мая всего 9-ой. Съ тѣхъ поръ она остается неизмѣнной въ яркости и, несомнѣнно, тождественна съ звѣздочкой, занесенной въ Боннскій каталогъ подъ № 2765 зоны 26°, гдѣ указана величина ея 9^{1/2}.

Это обстоятельство еще болѣе рѣзко, чѣмъ вышеприведенные случаи, могло навести на предположеніе, что Новыя звѣзды не представляютъ собой собственно новыхъ образованій, что онѣ и раньше были

на небѣ, но оставались незамѣченными вслѣдствіе слабости своего блеска, который подѣйствіемъ какихъ-то процессовъ временно усиливался значительно, что эти звѣзды въ общемъ случаѣ просто перемѣнялы звѣзды съ неправильными или неизвѣстными періодами. Интересно, что еще въ то время, какъ горѣла на небѣ Новая Тихо Браге, явилось подозрѣніе, что она тождественна съ упомянутыми выше звѣздами 945 и 1264 гг., такъ что выяснялся какъ будто періодъ приблизительно въ 300 лѣтъ, который позволялъ ждать новой вспышки около 1870 года. Piggott особенно увлекался этой идеей и составилъ подробную карту той области неба, гдѣ сіяла новая Тихо Браге, чтобы по ней удобнѣе было слѣдить время отъ времени за небомъ. Онъ и звѣзду Кепплера отождествлялъ съ звѣздами 123 и 1230 гг., допуская періодъ въ 370 лѣтъ, и также для нея составилъ соответствующую карту.

Новая звѣзда въ Сѣверномъ Вѣнцѣ замѣчательна и въ другомъ отношеніи. При наблюденіяхъ ея впервые могъ быть примѣненъ спектроскопъ, показаніе котораго вносило новыя данныя для уясненія загадочнаго явленія—возгоранія Новыхъ звѣздъ.

По наблюденіямъ Геггинса и Миллера, спектръ звѣзды оказался сложнымъ, это были два, налегающихъ одинъ на другой спектры,—одинъ непрерывный съ темными линіями, какъ въ спектрѣ солнца и другихъ звѣздъ, другой представлялъ собой рядъ свѣтлыхъ водородныхъ линій—какъ будто бы на далекомъ свѣтилѣ имѣло мѣсто грандіозное изверженіе массы накаленного газа изъ глубины, которое и обуславливало значительное повышеніе яркости. По мѣрѣ излученія тепла въ мировое пространство, яркость звѣзды постепенно падала, звѣзда возвратилась къ своему прежнему состоянію, и спектръ ея, по новымъ изслѣдованіямъ Фогеля, является обыкновеннымъ, какъ вообще и у другихъ звѣздъ.

Черезъ десять лѣтъ въ 1876 году наблюдалась опять Новая звѣзда. Она замѣчена была Шмидтомъ въ Аѳинахъ, близъ звѣзды *ро* Лебедя 24-го ноября и оказалась по яркости 3-й величины, и также какъ прежнія Новыя звѣзды, быстро ослабѣла, такъ что уже 2-го декабря была не болѣе 5-й величины, а въ началѣ 1877 года уже приблизительно 8-й, въ 1878 году 10—11-й и теперь видима только въ очень сильныя трубы. Въ Боннскомъ каталогѣ ея совсѣмъ нѣтъ, такъ что, во всякомъ случаѣ, во время составленія каталога она была слабѣе $9\frac{1}{2}$ величины. Цвѣтъ новой вначалѣ былъ интенсивно-оранжевый, почти красный. Спектроскопическія изслѣдованія обнаружили тѣ же явленія, какъ и въ Новой 1866 года, только съ большими подробностями. Было, впрочемъ, и нѣкоторое отличіе. Непрерывный спектръ имѣлъ рѣзкія темныя полосы. Кромѣ трехъ свѣтлыхъ водородныхъ линій, видны линіи натрія и магнія, въ то время какъ непрерывный спектръ быстро ослабѣвалъ, свѣтлыя линіи оставались хорошо види-

мыми до весны 1877 года, послѣдней наблюдалась зеленая линія, совпадающая съ линіей туманностей, и французскій астрономъ Вольфъ писалъ по этому случаю: «Звѣзда въ Лебедѣ даетъ только зеленую линію туманностей—вотъ единственный примѣръ превращенія звѣзды въ планетарную туманность». Прибавимъ, что, по наблюденіямъ Лозе, въ Берлинѣ и Потсдамѣ осенью 1877 года, Новая звѣзда отличалась отъ окружающихъ матовымъ, туманоподобнымъ свѣтомъ.

Въ 1885 году новое интересное явленіе, въ которомъ обнаруживаются новыя особенности. Въ концѣ августа этого года Гартвигъ усмотрѣлъ звѣзду ниже 6-й величины близъ самаго ядра въ знаменитой туманности Андромеды. Ея яркость быстро падала. По наблюденіямъ Миллера, 2-го сентября звѣзда была уже 8-й величины, 9-го сентября — 8,5, 17-го сентября — 9,0 и 29-го сентября — 9,5 величины. Спектръ ея былъ очень слабъ съ едва замѣтными свѣтлыми линіями въ желтомъ цвѣтѣ, такъ что рѣзко отличался отъ спектровъ Новыхъ въ 1866 и 1876 гг.

Въ спектрѣ второй Новой 1885 года, открытой Горе декабря 13-го близъ *α* Оріона, также не было видно свѣтлыхъ линій. Этой красной звѣзды, ослабѣвшей къ срединѣ 1886 года съ 6-й величины до 12-й, а потомъ опять увеличившейся въ яркости, вѣтъ въ Боннскомъ каталогѣ, но она, повидимому, просто пережывающая длиннаго періода на подобіе *омикронъ* Кита (Mira), съ которой у ней есть и сходство большее въ спектрѣ.

1892 годъ составляетъ новую эпоху въ исторіи Новыхъ звѣздъ. Вспыхиваетъ звѣздочка въ созвѣздіи Возничаго. Ея яркость сравнительно невелика, даже при максимумѣ блеска звѣзда является только 4,4 величины, но въ это время уже спектроскопическія наблюденія достаточно усовершенствовались. Астрономы научились фотографировать спектры, а фотографія — могучее орудіе, она обнаружила удивительныя явленія.

Новая Возничаго открыта астрономомъ-любителемъ Андерсономъ 23-го января, но, по богатой коллекціи фотографическихъ снимковъ неба на гарвадской обсерваторіи, удалось выяснитъ, что еще за два мѣсяца она горѣла и была даже доступна невооруженному глазу, оставаясь никѣмъ не замѣченной. Ноября 2-го 1891 года она является слабѣе 11-й величины, 1-го декабря уже—6-й, а 20-го декабря достигаетъ своей максимальной яркости 4,4 величины, послѣ чего медленно ослабѣваетъ и 20-го января является 5-й величины и т. д. Послѣ, въ февралѣ яркость Новой опять увеличивается, происходитъ новая вспышка, затѣмъ новое паденіе, новое маленькое увеличеніе яркости и быстрое уменьшеніе въ мартѣ. Въ срединѣ апрѣля звѣзда оказывается 14-й величины, а въ августѣ опять колебанія, яркость увеличивается до 9,5 величины и, что чрезвычайно замѣчательно, остается такою съ небольшими колебаніями до середины 1894 года, послѣ чего

она дѣлается значительно слабѣе и остается неизмѣнной до сихъ поръ. Спектрограммы Новой обнаруживаютъ смѣщеніе линій какъ темныхъ, такъ и свѣтлыхъ въ разныя стороны, какъ будто бы спектръ звѣзды сложный, отъ двухъ тѣлъ, изъ которыхъ одно даетъ въ спектрѣ темныя линіи, другое—свѣтлыя. Гёггинсъ отождествилъ свѣтлую линію въ зеленомъ цвѣтѣ съ подобной, наблюдавшейся въ спектрѣ Новой 1876 года и утверждалъ, что она отлична отъ линіи спектра свѣтлыхъ туманностей. Масса свѣтлыхъ линій выступаетъ въ ультрафіолетовой области спектра такихъ, которыя въ спектрахъ бѣлыхъ звѣздъ являются темными и всѣ онѣ сопровождаются темными со стороны фіолетоваго конца спектра.

Въ концѣ спектръ новой Возничаго становится газовымъ; изъ 17-ти линій пять Campbell съ опредѣленностью отождествляетъ съ линіями туманностей. Звѣзда превращается въ туманность. То, что для Новой 1876 г. является намекомъ, здѣсь очевидно. Барнардъ 19-го августа и непосредственно видитъ въ 36-тидюймовый рефракторъ Ликской обсерваторіи Новую въ видѣ маленькаго свѣтлаго тумана съ звѣздоподобнымъ ядромъ. Діаметръ туманности былъ 3 секунды дуги, а вокругъ еще замѣтенъ былъ ореолъ діаметромъ въ 30".

Точно также и Ренцъ въ Пулковѣ съ помощью 15-тидюмоваго рефрактора 7-го сентября видѣлъ Новую въ видѣ размытой звѣздочки, окруженной туманностью. Эти наблюденія вызвали, правда, возраженія въ томъ смыслѣ, что размытый видъ звѣзды и ореолы не считали реальными и видѣли причину ихъ въ хроматической аберраціи большихъ рефракторовъ, но свидѣтельство спектроסקопа оставалось несомнѣнно. Ясно, что звѣзда превратилась въ туманность.

Директоръ потсдамской обсерваторіи Фогель обратилъ также вниманіе на то, что водородныя линіи, изслѣдованіемъ которыхъ приходилось ограничиться вслѣдствіе необычайной сложности спектра, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ являлись свѣтлыми, обнаруживали два или нѣсколько максимумовъ интенсивности, а темныя линіи, сопровождавшія ихъ со стороны фіолетоваго конца, имѣли каждая близъ середины еще тонкую свѣтлую линію. Все это заставляло искать новыхъ объясненій возгаранія новыхъ звѣздъ, рисовало картину особыхъ процессовъ на далекихъ загадочныхъ мірахъ.

Еще не закончилась обработка наблюденій Новой Возничаго, какъ г-жа Флеммингъ на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа открываетъ Новую въ южномъ созвѣздіи Нормы. Открытіе сдѣлано на этотъ разъ съ помощью фотографіи 26-го октября 1893 года. Изучая звѣздные спектры, сфотографированные на перуанскомъ отдѣленіи обсерваторіи, г-жа Флеммингъ замѣтила на снимкѣ 10-го іюля спектръ звѣзды, которой не было раньше. Ни на одной изъ 23 фотографій, полученныхъ съ іюня 6-го 1889 года по 21-е іюня 1893 г. не было и намека, никакого слѣда ея, только 10-го іюля является она, какъ звѣзда 7-й ве-

личины. Впрочемъ, на снимкахъ обсерваторіи мыса Доброй Надежды на мѣстѣ Новой 29-го апрѣля и 2-го мая 1890 года видна звѣзда 9,2 величины, но на снимкахъ 1887 года также ничего не видно.

Спектръ Новой въ Нормѣ до мелочей подобенъ спектру Новой Возничаго. И въ томъ, и другомъ свѣтлыя линіи сопровождаются темными со стороны фіолетоваго конца.

При уменьшеніи яркости, которая, замѣтимъ, падала медленно и постепенно, безъ вспышекъ, спектръ все больше и больше приближался къ типичному спектру туманностей.

Такимъ же образомъ по снимкамъ спектровъ г-жа Флеммингъ обнаружила, что въ 1895 году горѣла Новая въ южномъ созвѣздіи Киль корабля Арго. На 62 пластинкахъ, снятыхъ за время между 17-мъ мая 1889 г. и 5-го марта 1895 г., ея совсѣмъ нѣтъ, хотя вышли всѣ звѣзды до 14 величины. На 9 пластинкахъ между 8-мъ апрѣля и 9-мъ іюля 1895 года фотографическая яркость звѣзды постепенно падаетъ съ 8-ой до 11-ой величины. И этой Новой спектръ въ главныхъ чертахъ оказался такимъ же, какъ у Новой Возничаго и Новой въ Нормѣ. На снимкѣ 14-го апрѣля рѣзко выступаютъ свѣтлыя водородныя линіи, изъ которыхъ только одна не имѣла рядомъ, со стороны фіолетоваго конца, темной линіи. Спектръ нѣсколько измѣнился. 15-го іюня три водородныя линіи еще были достаточно свѣтлы, но непрерывный спектръ, на которомъ онѣ выдѣлялись, оказался очень слабъ. Линія съ длиной волны 4.700 микрокрона явилась такой же свѣтлой, какъ водородная, тогда какъ 14-го апрѣля она едва была видна.

Такимъ образомъ выяснялся какъ будто удивительный, чрезвычайно интересный фактъ сходства въ физическомъ отношеніи Новыхъ звѣздъ между собой. Спектръ Новой Возничаго, наиболѣе тщательно изученный, можно принять типичнымъ, нормальнымъ и объясненія загадочному возгоранію на небѣ свѣтилъ искать въ его строеніи, его особенностяхъ.

Но вотъ въ томъ же 1895 году, 12-го декабря, г-жа Флеммингъ открываетъ Новую въ созвѣздіи Центавра, которая по своему спектру уже рѣзко отличается отъ трехъ предыдущихъ. Ея спектръ напоминаетъ спектръ туманности около 30 Дорада или звѣзды, стоящей въ каталогѣ южнаго неба подъ № 20,937. Онъ отличается и отъ обыкновеннаго спектра туманностей.

Новая оказалась близъ туманности № 5.253 По предположенію Campbell'я, она можетъ быть переменной длиннаго періода съ крайне неправильнымъ измѣненіемъ блеска.

Звѣзда обратила на себя вниманіе своимъ спектромъ, сфотографированнымъ 18-го іюля 1895 года. На 35-ти пластинкахъ между 21-мъ мая 1889 года и 14-мъ іюня 1895 года ея нѣтъ, она появляется на пластинкѣ 8-го іюля 1895 года, какъ звѣзда 7,2 величины. Декабря 16-го она уже 11 величины, іюня 11-го 1896 года, по наблюденіямъ Лик-

ской обсерваторіи, 14½-ой, января 4-го 1897 года она уже совсѣмъ не видна, такъ что оказывается ниже 16-ой величины. Хотя эта звѣзда открыта на нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, чѣмъ появилась она на небѣ, всетаки еще оказались возможными и непосредственными наблюденія ея, правда, уже только съ большой трубою, но съ помощью фотографіи были сдѣланы и такія открытія, которыя относились къ явленію, имѣвшему мѣсто много лѣтъ назадъ. Въ томъ же циркулярѣ, въ которомъ Пикерингъ извѣщаетъ объ открытіи новой въ Центаврѣ, онъ говоритъ также о Новой Персея, горѣвшей въ 1887 году. Ея открывалъ г-жа Флеммингъ въ 1895 году по спектру, въ которомъ выступали свѣтлыя линіи. Звѣзда была слаба, всего 9-ой величины, съ теченіемъ времени яркость ея падала все болѣе. На снимкахъ 3-го ноября 1885 г. и 21-го декабря 1886 года и многихъ позднѣйшихъ нѣтъ никакого слѣда звѣзды. Въ спектрѣ видны три свѣтлыя водородныя линіи и еще одна съ длиной волны 4.060 микромикрона. Однако, вслѣдствіе общей слабости спектра, нельзя рѣшить, имѣемъ ли мы въ этомъ случаѣ дѣло со звѣздой, подобной Новой Возничаго или перемѣнной въ родѣ *омикронъ* Кита, такъ какъ спектры и той и другой содержатъ водородныя линіи. При систематическомъ изученіи звѣздныхъ спектровъ по фотографическимъ снимкамъ Гарвардской обсерваторіи и ея перуанскаго отдѣленія, г-жей Флеммингъ были открыты и еще двѣ Новыя звѣзды.

Въ началѣ 1898 года или въ концѣ 1897 года появилась Новая звѣзда въ Стрѣльцѣ. Ея нѣтъ на 87 пластинахъ за время между 5-мъ сентября 1888 года и 23-мъ октября 1897 года, хотя онѣ содержатъ звѣзды до 15-ой величины. Впервые показывается она на пластинкѣ 8-го марта 1898 года, когда она имѣетъ 4.7 величины. Ея яркость измѣнялась такимъ образомъ:

1898 г. марта	8	4,7 велич.
» » »	14	5,0 »
» » апрѣля	3	8,2 »
» » »	19	8,2 »
» » »	21	8,4 »
» » »	26	8,2 »
» » »	29	8,4 »

Открытіе запоздало болѣе чѣмъ на годъ. Оно было сдѣлано 9-го марта 1899 года и тогда фотографическая яркость звѣзды была около 10 величины, а 13-го марта, по наблюденію глазомъ, она оцѣнена 11,4 велич.

Въ спектрѣ выступаютъ свѣтлыя водородныя линіи, широкая полоса съ средней длиной волны 4.613 микромикрона и нѣсколько еще свѣтлыхъ линій, которыя, повидимому, тождественны со свѣтлыми линіями Новой Возничаго, и всѣ эти свѣтлыя линіи также имѣютъ рядомъ по темной со стороны фіолетоваго конца, видна еще темная линія съ длиной волны 4.060, но послѣдняя пропадаетъ на снимкѣ 21-го апрѣля,

когда вмѣсто нея появляется свѣтлая съ длиной волны 5,005 и водородныя линіи дѣлаются нѣсколько уже и интенсивнѣе. Съ уменьшеніемъ яркости новая обращается, какъ указываетъ Пикерингъ, въ газовую туманность.

Вслѣдъ за Новой въ Стрѣльцѣ г-жа Флеммингъ открываетъ Новую въ созвѣздіи Ора.

На 96 пластинкахъ, снятыхъ за время отъ 21-го августа 1886 года по 1-е ноября 1898 года и содержащихъ всѣ звѣзды до 13-ой величины, ея не оказалось. Но она видна на 18 пластинкахъ между 21-мъ апрѣля и 27-мъ октября 1899 года. Вначалѣ яркость ея измѣряется 7-ой величиной, въ концѣ 10-ой; на снимкахъ 7-го и 9-го іюля она падаетъ до 11,5 величины. Эта звѣзда есть и на двухъ снимкахъ, полученныхъ С. Н. Блажко въ Москвѣ, именно 3-го и 4-го августа 1899 года.

9-го іюля 1900 года она наблюдалась непосредственно глазомъ въ 15-дюймовый рефракторъ Wendell'емъ, который оцѣнилъ ея оптическую яркость при этомъ 11,5—12-ой величиной.

Спектръ Новой для 3-го іюля 1899 года напоминаетъ спектръ Новой Возничаго и слѣдующихъ, 27-го октября онъ газовый.

Вотъ весь матеріалъ, имѣвшійся въ рукахъ астрономовъ передъ тѣмъ, какъ засвѣтилась на небѣ въ прошломъ году знаменитая звѣзда въ Персеѣ, которая по яркости своей непосредственно слѣдуетъ за звѣздами Тихо Браге и Кеплера и по своему значенію въ раскрытіи природы Новыхъ звѣздъ, конечно, должна сыграть видную роль, такъ какъ для наблюденія ея могли воспользоваться уже весьма совершенными средствами.

Интересно сопоставить, какія толкованія находили себѣ эти данныя, какія гипотезы предлагались для объясненія возгаранія временныхъ, такъ называемыхъ Новыхъ звѣздъ, на какія трудности онѣ наткнулись.

Взглядъ на Новыя звѣзды, какъ на новыя въ буквальномъ смыслѣ, образующіяся непосредственно на глазахъ наблюдателя, конечно, давно устарѣлъ, давно оставленъ. Звѣзды эти, несомнѣнно, находились на нашемъ небѣ всегда, хотя и оставались недоступными нашимъ взорамъ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ, какъ отмѣчено выше, мы имѣемъ явное только повышеніе яркости и ранѣе отмѣченныхъ на картахъ звѣздъ, въ другихъ, особенно прежнихъ, неточность опредѣленія положенія звѣздъ позволяетъ допустить, что возгораніе Новой представляетъ собой вспышку той небольшой звѣздочки, которая теперь видна близъ указанного наблюдателями положенія Новой.

Если даже мы имѣемъ случаи какъ бы полного исчезновенія Новыхъ, ослабленія ихъ яркости настолько, что онѣ становятся недоступными для наблюденія въ современныя могучія трубы, все же можно было, какъ казалось, дѣлать гипотезу о вспышкѣ въ тѣлахъ, давнымъ давно стоящихъ на данномъ мѣстѣ тверди небесной, тѣлахъ,

можетъ быть, отживающихъ, сравнительно темныхъ, въ которыхъ возможно только временное свѣщеніе, объ особаго рода переменныхъ звѣздахъ.

Есть и факты, устанавливающіе довольно наглядно возможную связь новыхъ звѣздъ съ переменными.

Въ южномъ полушаріи свѣтитъ, напримѣръ, звѣзда η Argus. Въ прежнее время она наблюдалась только случайно тѣми астрономами, которые попадали въ южное полушаріе. Галилей въ 1677 году оцѣниваетъ ея яркость 4-ой величиной, патеръ Ноель между 1685 и 1689 гг., наоборотъ, 2-ой, точно также и Локайль въ 1751 году, Вурхейль въ 1827 году даже считаетъ не ниже 1-ой величины, отмѣчая, что звѣзда переменная. По наблюденіямъ Дж. Гершеля, яркость звѣзды три года, съ 1834 по 1837 оставалось между 1-ой и 2-ой величинами, потомъ она быстро возросла, въ началѣ января 1838 достигла своего максимума, сравнявшись съ яркостью знаменитой *альфы* Центавра, а далѣе начала постепенно падать. Въ апрѣлѣ 1838 года прерываются наблюденія Дж. Гершеля. Онъ приравниваетъ въ это время η Argus Альдебарану.

Звѣзда остается съ такой яркостью до начала 1843 года, почти цѣлыхъ пять лѣтъ, а затѣмъ снова необычайно быстро разгорается и въ апрѣлѣ сверкаетъ, какъ Сиріусъ.

Съ 1843 года η Argus вновь постепенно ослабѣваетъ. Еще въ 1867 году звѣзду можно было видѣть невооруженнымъ глазомъ, теперь она доступна наблюденіямъ только въ трубу.

Что это за свѣтило? Отчего оно такъ вспыхиваетъ иногда, горитъ нѣкоторое время и вновь потухаетъ. Какъ много похожего въ этихъ неправильныхъ колебаніяхъ яркости съ вспышками Новыхъ звѣздъ!

Интересно, что звѣзда стоитъ среди туманности, но имѣетъ ли она физическую связь съ послѣдней, это также неизвѣстно.

Еще до примѣненія спектроскопа, отъ котораго, какъ видѣли, также были свидѣтельства въ сходствѣ природы Новыхъ звѣздъ съ природой нѣкоторыхъ переменныхъ. Цельнеръ развилъ теорію, связывающую эти свѣтила.

Онъ думалъ, что Новыя звѣзды представляютъ собой тѣла, значительно охладившіяся, покрытыя темной корой, но, вслѣдствіе какихъ-либо процессовъ, кора эта можетъ разрываться, раскаленная масса вытекаетъ изнутри, разливается по поверхности, тогда начинается процессъ горѣнія съ большимъ или меньшимъ развитіемъ тепла и свѣта, мы наблюдаемъ вспышку звѣзды, которой не видѣли раньше.

Масса вылившейся жидкости можетъ быть и невелика, процессы горѣнія прекращаются скоро, появившаяся звѣзда ослабѣваетъ въ яркости и вновь скрывается отъ взоровъ наблюдателя, чтобы послѣ, быть можетъ, опять когда-нибудь засвѣтиться.

То же самое и для собственно переменныхъ звѣздъ неправильнаго длиннаго періода съ той лишь только разницею, что эти звѣзды

*

должны находиться въ нѣсколько болѣе ранней фазѣ, когда кора еще не такъ остыла, не такъ тверда, когда разрывы и вспышки происходятъ чаще, но менѣе значительны, колебанія свѣта меньшіе.

Такое объясненіе новыхъ звѣздъ находитъ подтвержденіе въ данныхъ спектроскопа. Сплошной спектръ, очевидно, можетъ производиться вылившейся раскаленной жидкой массой, спектръ поглощенія — атмосферой звѣзды и освободившимися при химическомъ разложеніи газами.

Свѣтлыя лініи могутъ обуславливаться этими газами, а также и тѣми, которые вырвались изнутри.

Если поверхность этихъ газовъ больше поверхности жидкой массы, то линейчатый спектръ окажется налегающимъ на сплошной.

Фогель въ попыткѣ согласовать гипотезу Цельнера съ спектральными наблюденіями 1866 и 1876 гг. замѣтилъ, что очень свѣтлый сплошной спектръ, напряженность котораго вначалѣ лишь очень мало отличается отъ напряженности свѣтлыхъ ліній, не можетъ быть объясненъ однимъ увеличеніемъ яркости поверхности вслѣдствіе изверженія изнутри, а скорѣе именно процессомъ горѣнія. Если послѣдній длится недолго, то сплошной спектръ, какъ это и наблюдалось, долженъ быстро ослабнуть до нѣкоторой границы, между тѣмъ какъ свѣтлыя лініи раскаленныхъ газовъ, выброшенныхъ изнутри въ большихъ количествахъ, долѣе удержатся въ спектрѣ.

Но отчего собственно происходитъ самое изверженіе изнутри потухающаго свѣтила? Для объясненія этого было предложено нѣсколько гипотезъ, между прочимъ, Клинкерфюсъ высказалъ предположеніе, что каждая Новая звѣзда представляетъ собой систему двухъ звѣздъ съ очень вытянутой орбитой спутника и очень малымъ разстояніемъ въ моментъ наибольшаго сближенія. При прохожденіи одного тѣла вблизи другого должна въ послѣднемъ, вслѣдствіе притяженія первымъ, подняться высокая волна прилива, которая и можетъ быть причиной разрыва коры и изверженія раскаленной массы изнутри.

Вильсингъ освѣжилъ гипотезу Клинкерфюса, указывая, что приливъ въ атмосферѣ звѣзды долженъ повліять на яркость ея спектра.

При приближеніи спутника часть поверхности главной звѣзды можетъ совсѣмъ освободиться отъ атмосферы, а это увеличить яркость сплошного спектра. При удаленіи спутника поверхность въ данномъ мѣстѣ вновь покрывается атмосферой, поглощеніе лучей растетъ, сплошной спектръ ослабѣваетъ. Въ такомъ предположеніи находило себѣ объясненіе и явленіе Новой Андромеды (1885 г.), въ спектрѣ которой, какъ упомянуто, не было, въ противоположность Новымъ 1866 и 1876 гг., очень свѣтлыхъ ліній. Надо было допустить, что произошла деформация атмосферы, но безъ изверженія раскаленныхъ газовъ изнутри, явилось временное усиленіе сплошного спектра, источника для свѣтлыхъ ліній не оказалось.

Можетъ быть, изверженія, обуславливающія возгораніе Новой, пред-

ставляютъ собой явленія, аналогичныя протуберансамъ на солищѣ, и обуславливаются неизвѣстными намъ внутренними процессами.

Пытались Новыя звѣзды объяснять и столкновениемъ міровъ, движущихся въ пространствѣ, слѣдствіемъ чего, конечно, должно было быть развитіе громаднаго количества тепла. Но, въ такомъ случаѣ, нельзя было бы ждать быстрого охлажденія, скорого, всего въ нѣсколько мѣсяцевъ, потемнѣнія звѣзды, какъ обыкновенно наблюдается. Возвышеніе температуры, очевидно, можетъ быть только на поверхности тѣла, оно можетъ обуславливаться встрѣчей остывающей звѣзды лишь съ очень небольшимъ тѣломъ или потокомъ метеоровъ.

Локайеръ высказалъ гипотезу, что переменныя звѣзды, подобныя Мира и *хи* Лебеда, могутъ представлять собой систему двухъ роевъ метеоровъ, которые кружатся одинъ вокругъ другого по вытянутой орбитѣ.

Когда малый рой вступаетъ въ большой, происходитъ столкновение большого числа маленькихъ тѣлецъ и значительное вслѣдствіе этого увеличеніе общей яркости. По мѣрѣ удаленія роя-спутника столкновения становятся все меньше и меньше. Звѣзда возвращается къ своему нормальному блеску.

Нѣчто подобное, быть можетъ, можно вообразить и для объясненія Новыхъ звѣздъ.

Но вотъ появляется Новая въ созвѣздіи Возничаго. Спектрограммы ея, какъ упомянуто, обнаруживаютъ несомнѣнное смѣщеніе линій и даже въ разныя стороны.

Руководствуясь принципомъ Доплера-Физо, въ силу котораго смѣщеніе линій въ спектрѣ свѣтила къ фіолетовому краю свидѣтельствуетъ о движеніи тѣла къ намъ, отклоненіе къ красному концу—объ удаленіи его, приходилось допустить, что возгораніе звѣзды обуславливалось встрѣчей двухъ или даже болѣе тѣлъ, несущихся въ пространствѣ съ громадною скоростью.

По смѣщенію темныхъ водородныхъ линій эта скорость оказалась болѣе 700 километровъ въ секунду въ направленіи къ намъ, а по смѣщенію свѣтлыхъ водородныхъ линій болѣе 400 километровъ отъ насъ, причемъ, какъ отмѣтилъ Бѣлопольскій, движенія эти остаются неизмѣнными въ теченіе всего времени наблюденія.

Фогель, имѣя прекрасныя спектрограммы и разобравъ критически результаты другихъ наблюдателей, рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что возгоранія Новыхъ звѣздъ не могутъ объясняться процессами на одномъ тѣлѣ. Если въ предыдущихъ случаяхъ и удавалось болѣе или менѣе удовлетворительно согласовать подобныя гипотезы съ наблюденіями, то это происходило съ одной стороны отъ несовершенства самыхъ наблюденій, съ другой—оттого, что характерныя явленія были менѣе ясно выражены, можетъ быть вслѣдствіе менѣе благоприятнаго для насъ сочетанія условій, въ которыхъ они происходили.

Въ Новой Возничаго по счастливой случайности движенія тѣлъ направлены по лучу зрѣнія, по крайней мѣрѣ, слагающія движенія по этому направленію оказываются громадными, такъ что легко обнаруживаются спектрографомъ. Сразу видно, что мы имѣемъ дѣло не съ однимъ тѣломъ, а двумя или болѣе.

Локайеръ и къ Новой Возничаго хотѣлъ примѣнить свою гипотезу метеорныхъ роевъ. Одинъ болѣе густой рой, по его мнѣнію, приближаясь съ большей скоростью къ землѣ, встрѣчаетъ другой рой, менѣе плотный, несущійся отъ насъ. Почему всѣ или большинство частицъ въ первомъ роѣ даютъ спектры съ темными линіями, а всѣ частицы второго съ свѣтлыми, этого не объясняетъ Локайеръ, неяснымъ остается и то обстоятельство, что и послѣ встрѣчи роевъ, во время которой произошла масса столкновеній частицъ, необходимо съ измѣненіемъ скоростей и развитіемъ большого количества тепла, относительная скорость остается все-же громадной.

Гётгинсъ допускаетъ, что возгораніе Новой произошло отъ встрѣчи двухъ тѣлъ газообразныхъ или окруженныхъ газовыми атмосферами, движущихся по параболическимъ или гиперболическимъ орбитамъ, оси которыхъ направлены приблизительно къ нашему солнцу. Большая относительная скорость заставляетъ думать, что въ данномъ случаѣ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло не съ одной изъ періодически повторяющихся встрѣчъ, какъ въ переменныхъ длиннаго періода, а съ встрѣчей случайной двухъ тѣлъ, не составляющихъ одной системы. Конечно, нельзя думать, что при этомъ имѣло мѣсто столкновеніе тѣлъ, едва-ли даже пришли въ соприкосновеніе атмосферы ихъ, вѣроятнѣе процессы, подобные тѣмъ, которые рисуетъ гипотеза Клинкерфюса-Вильзинга, т. е. приливы и изверженія огромныхъ массъ изъ нѣдръ одного тѣла подъ протяженіемъ другого. То тѣло, которое даетъ непрерывный спектръ съ темными линіями, отклоненными къ фіолетовому краю, окруженное плотнымъ, довольно холоднымъ газомъ, несется навстрѣчу къ намъ. Второе съ свѣтлыми линіями въ спектрѣ удаляется отъ насъ. Разница въ спектрахъ тѣлъ должна обуславливаться тѣмъ обстоятельствомъ, что тѣла находятся въ различной степени развитія, имѣютъ неодинаковую плотность и температуру.

Гётгинсъ останавливается на колебаніяхъ яркости Новой, замѣченныхъ наблюдателями вначалѣ, послѣдующемъ быстромъ паденіи ея блеска и постоянствѣ относительной яркости главныхъ линій въ спектрѣ. Онъ находитъ и въ этомъ подтвержденіе вышеприведеннымъ соображеніямъ. Вслѣдъ за колебаніями приливовъ наступаетъ покой, тѣла опять окутываются внѣшними, болѣе холодными газами, прозрачность ихъ атмосферъ уменьшается все болѣе и болѣе, по мѣрѣ отдаленія тѣлъ другъ отъ друга.

Весьма загадочнымъ является обращеніе темныхъ линій въ спектрѣ Новой (по серединѣ темныхъ водородныхъ линій, какъ упомянуто, были видны слабыя свѣтлыя линіи)—еще болѣе усиленіе яркости свѣтлыхъ,

которыя, по мнѣнію Фогеля и другихъ астрономовъ, не могутъ быть приняты за явленія, аналогичныя обращенію спектра, вслѣдствіе несимметричности относительно линій.

Бѣлопольскій писалъ, что для объясненія тѣхъ подробностей, которыя наблюдались въ спектрѣ Новой Возничаго, необходимо допустить, что мы имѣли въ этомъ случаѣ дѣло съ двумя тѣлами, изъ которыхъ одно съ плотной атмосферой изъ водорода при значительно низкой температурѣ движется съ громадной скоростью къ намъ, другое—съ свѣтлыми водородными линіями въ спектрѣ, имѣетъ высокую температуру и перемѣщается съ перемѣнной скоростью то къ намъ, то отъ насъ. Это послѣднее можетъ состоять изъ нѣсколькихъ маленькихъ тѣлецъ, направленія движенія которыхъ составляютъ различные углы съ лучомъ зрѣнія. Постоянство и громадная величина скорости перваго тѣла заставляетъ думать, что оно есть главное тѣло системы, что наблюдаемая скорость его обуславливается его собственнымъ движеніемъ въ пространствѣ, а не вызывается притяженіемъ другого тѣла. Второе тѣло (или рядъ тѣлецъ), имѣющее значительно меньшую массу, попало въ атмосферу перваго, воспламенилось и обратилось въ накаленный газъ, подобно тому, какъ вспыхиваютъ въ земной атмосферѣ метеоры, которые горятъ, не накаляя земли. Это тѣло, вѣроятно, описало около перваго гиперболическую орбиту, и когда вышло изъ его атмосферы, быстро потеряло свой блескъ, потухло, хотя и со вторичными вспышками, какъ наблюдается иногда и въ болидахъ. Въ объясненіи Бѣлопольскаго существеннымъ пунктомъ является перемѣнное движеніе втораго тѣла по направленію къ намъ и отъ насъ. У другихъ наблюдателей направленіе движенія оказывается постояннымъ. Ясно, что несимметричная форма свѣтлыхъ линій весьма затрудняла опредѣленіе точнаго положенія ихъ въ спектрѣ.

Въ послѣднее время съ помощью фотографіи ясно показано, что въ мировомъ пространствѣ и здѣсь, и тамъ, во всѣхъ направленіяхъ разлита масса тонкой газовой матеріи, являющейся на снимкахъ нѣжными широкими туманностями. Весьма возможно, что звѣзда, компактное космическое тѣло, попадаетъ при своемъ движеніи въ такое громадное облако. Подобное прохожденіе является даже болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ встрѣча на очень близкомъ разстояніи двухъ звѣздъ, его можно также допустить для объясненія новыхъ звѣздъ, что и дѣлаетъ Зеелигеръ. Какъ только вступило тѣло въ космическое облако, поверхность его должна накалиться даже при незначительной плотности среды. Вслѣдствіе нагрѣванія, поднимаются вокругъ него газы, которые частью отдѣляются отъ него и принимаютъ скорость ближайшихъ частей облака. Спектроскопъ показалъ бы въ этомъ случаѣ два спектра: одинъ непрерывный съ темными полосами отъ накалившейся поверхности, окутанной газообразной оболочкой, другой изъ ряда свѣтлыхъ линій отъ отдѣлившихся накаленныхъ паровъ. Оба спектра окажутся смѣщенными относительно другъ друга, вслѣд-

различнаго движенія источниковъ по лучу зрѣнія. Совершенно то же мы наблюдаемъ въ спектрѣ Новой Возничаго. Зеелигеръ думаетъ по-этому, что въ началѣ декабря 1891 года звѣзда вступила въ облако космической матеріи, а въ концѣ февраля 1892 года уже вышла изъ него. Для объясненія, почему за это время относительная скорость не уменьшилась, онъ допускаетъ аналогію движенія метеора въ верхнихъ слояхъ атмосферы, въ которыхъ, по его расчетамъ, не должно происходить замедленія. Что касается второй вспышки, то и она по мнѣнію Зеелигера, обуславливалась подобной же причиной, т.-е. вступленіемъ звѣзды въ туманность, что само по себѣ не должно казаться невѣроятнымъ, такъ какъ космическія облака, клочки космической матеріи весьма возможно встрѣчаются въ опредѣленныхъ частяхъ пространства чаще, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Возможно, что и въ одномъ облакѣ встрѣтилось второе сгущеніе.

Въ окончательной формулировкѣ гипотезы о возгораніи Новой Возничаго Фогель допускаетъ встрѣчу звѣзды съ планетной системой, въ которой центральное тѣло такое же, какъ наше солнце, уже достаточно остыло, потемнѣло. При встрѣчѣ вслѣдствіе возмущеній, а можетъ быть и непосредственныхъ столкновеній съ отдѣльными членами системы вступившая въ нее звѣзда сразу накалилась и засіяла. Въ то время, когда возможны были спектроскопическія наблюденія, звѣзда находилась въ той части системы, которая была богаче маленькими тѣлами, поддерживающими своимъ притяженіемъ накаленное состояніе поверхности и атмосферы блуждающаго тѣла и т. д.

Весьма многія детали наблюденій объясняетъ эта гипотеза, но и она не свободна отъ возраженій. Странно, что яркость возгорѣвшагося свѣтила такъ быстро падаетъ. При тѣхъ процессахъ, которые допускаетъ Фогель въ своей гипотезѣ, вѣроятно было бы ждать весьма медленнаго, постепеннаго охлажденія, многое и другое неясно, но всего больше, какъ и во всѣхъ другихъ гипотезахъ—это огромная *постоянная* скорость Новой по лучу зрѣнія. Если допустить, что возгораніе ея обуславливается встрѣчей двухъ какихъ-либо тѣлъ, то относительная скорость этихъ тѣлъ оказывается около 1.200 километровъ въ секунду. Это огромное число и само по себѣ невѣроятно, то же обстоятельство что оно остается постояннымъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ требуетъ, чтобы массы, приведенныя въ накаленное состояніе, были необычайно велики, а это вводитъ новыя осложненія и противорѣчія.

А между тѣмъ и спектры цѣлаго ряда слѣдующихъ Новыхъ звѣздъ обнаруживаютъ тѣ же подробности, что имѣемъ въ спектрѣ Новой Возничаго. Приведенныя объясненія возгаранія послѣдней кажутся все менѣе и менѣе правдоподобными, чувствуется все болѣе и болѣе ихъ непригодность, зарождается сомнѣніе и въ примѣнимости въ этомъ случаѣ того принципа, который былъ положенъ въ основу всѣхъ соображеній, принципа Доплера-Физо, требующаго, на основаніи смѣщенія линій въ спектрѣ, допущенія, что въ Новой Возничаго мы на-

блюдаемъ массы, движущіяся по лучу зрѣнія къ намъ навстрѣчу и отъ насъ. Астрономовъ интригуетъ Новая и долго послѣ того, какъ она ослабѣла, вновь и вновь пересматриваются снимки ея спектровъ, полученные въ то время, когда она была ярка, производятся и разные спеціальныя опыты, изъ которыхъ можно было бы выяснитъ хоть что-нибудь новое, годное для объясненія загадочнаго явленія. И еще два года назадъ, значить черезъ 8 почти лѣтъ послѣ того, какъ наблюдалась Новая Возничаго, Вильсингъ публикуетъ новыя соображенія о ней на основаніи опытовъ, совершенно измѣняющихъ наши представленія, обнаруживающихъ, что мы слишкомъ еще далеки отъ истиннаго пониманія физической природы тѣхъ явленій, которыя разыгрываются на далекихъ отъ насъ мірахъ, не знаемъ, и что такое эти самыя міры.

Вильсингу и нѣкоторымъ другимъ физикамъ удалось лабораторными опытами показать, что смѣщеніе линій въ спектрѣ нѣкотораго источника можетъ обуславливаться и не только движеніемъ этого источника по лучу зрѣнія, какъ учить принципъ Допплера-Физо. Оказывается, что и при увеличенномъ давленіи въ спектрѣ металловъ появляются пары линій по одной свѣтлой и одной темной, подобныя тѣмъ, которыя наблюдались въ спектрѣ Новой Возничаго, такъ что возможно, что дѣйствительно въ этомъ случаѣ нѣтъ вовсе двухъ тѣлъ, движущихся относительно другъ друга съ большою скоростью, что на далекомъ свѣтилѣ появляются особыя условія, при которыхъ развиваются громадныя давленія. Съ другой стороны обнаружено также, что двойныя линіи могутъ появиться въ спектрѣ при свѣченіи съ низкой температурой, т.-е. при явленіяхъ фосфоресценціи и флуоресценціи, для которыхъ уже не имѣетъ мѣста законъ Кирхгофа: лучи, испускаемые тѣломъ, при этомъ, не совпадаютъ съ тѣми, которые оно поглощаетъ. Первые оказываются менѣе преломляемыми, вслѣдствіе чего спектръ поглощенія будетъ нѣсколько смѣщенъ къ фіолетовому краю, является двойственность линій.

Что происходитъ на самомъ дѣлѣ, сказать нельзя и тѣ представленія о Новыхъ звѣздахъ, которыя начали было вырабатываться съ помощью спектральныхъ наблюденій, рушатся сами собой вслѣдствіе фактовъ обнаруженныхъ спектрографомъ и новыхъ данныхъ опыта.

Полное разочарованіе, полное недоумѣніе охватило изслѣдователей по отношенію къ загадочному возгоранію временныхъ звѣздъ на небѣ...—вдругъ судьба посылаетъ новый объектъ для наблюденія, объектъ чрезвычайно богатный, совершенно исключительный по яркости, подобнаго которому не видѣли 300 лѣтъ. Въ февралѣ прошлаго года засвѣтилась въ созвѣздіи Персея звѣзда ярче, чѣмъ первой величины. Она вспыхнула внезапно, даже на фотографической пластинкѣ, снятой за сутки до открытія Новой, нѣтъ никакого намека на нее. Въ первый день своего появленія, 21-го февраля новаго стиля, она горитъ, какъ звѣзда $2\frac{1}{2}$ величины, но ея яркость растетъ прямо на глазахъ

наблюдателя. 22-го февраля это уже звѣзда первой величины, въ 6 ч. 58 мин. по Гринв. времени она на 0,3 величины ярче Альдебарана, а въ 8 час. 10 мин. равна Проціону, къ которому подходит и по пвѣту, 23-го февраля Новая на 0,2 величины ярче блестящей Капеллы, а потомъ начинаетъ ослабѣвать. 26-го числа Новая имѣетъ яркость 1,5 величины, какъ разъ среднюю между яркостью Кастора и Поллукса, 27-го—второй величины, нѣсколько дней сохраняетъ приблизительно постоянную яркость, 6-го марта оказывается 2,5 величины, 8-го—почти третьей, 16-го—четвертой.

Новая погасаетъ, но не сразу. 17-го марта она опять нѣсколько свѣтлѣе, 19-го едва видна невооруженнымъ глазомъ, всего $5\frac{1}{2}$ величины, 20-го вновь увеличивается почти до третьей величины, 22-го опять $5\frac{1}{2}$ величины а 23-го болѣе чѣмъ четвертой. Звѣзда обращается какъ бы въ переменную съ правильнымъ короткимъ періодомъ, въ мартѣ трехдневнымъ, въ апрѣлѣ приблизительно пятидневнымъ. Колебанія яркости, какъ было упомянуто замѣчались и въ прежнихъ звѣздахъ, но они никогда не достигали такихъ размѣровъ и никогда такъ правильно не шли въ теченіе длиннаго промежутка времени.

Вмѣстѣ съ измѣненіями блеска измѣнялся всякій разъ цвѣтъ Новой.

Во время максимума онъ являлся желтоватымъ, самое большее желтымъ, во время минимума, наоборотъ, краснымъ. Если ввести для оцѣнки цвѣта цифры, подобно величинамъ яркости, то мы получаемъ также рядъ совершенно правильныхъ разностей, параллельный ряду разностей яркости. Весьма удивительный интересный фактъ! Въ теченіе лѣта яркость Новой въ общемъ ослабѣла на одну величину, осенью звѣзда является 6 или $6\frac{1}{2}$ величины, въ мартѣ 1902 года $8\frac{1}{2}$ -ой.

Конечно, главнѣйшее вниманіе изслѣдователей будетъ сосредоточено на спектральныхъ наблюденіяхъ Новой Персея.

Необычайная яркость ея дала возможность полученія прекрасныхъ спектрограммъ и на этотъ разъ въ довольно большомъ числѣ, хотя въ то же время нельзя не пожалѣть, что въ первые дни послѣ открытія во многихъ пунктахъ оказалась облачная погода и многихъ наблюдателей появленіе Новой застало врасплохъ, совершенно неподготовленными къ наблюденіямъ.

Первая телеграмма Пикеринга изъ Америки извѣщала, что спектр Новой 22-го февраля былъ сплошной, яркій, съ темными линіями, а черезъ два дня онъ совершенно измѣнился, сдѣлался похожимъ на спектр Новой Возничаго. Измѣненіе произошло, повидимому, совершенно внезапно. По извѣстію Фогеля изъ Потсдама, 23-го числа въ спектрѣ замѣтны широкія матовыя полосы, спектръ принадлежалъ къ первому типу и былъ особенно яркъ въ области синихъ и фіолетовыхъ лучей.

Кромѣ матовыхъ полосъ, рѣзко выдѣлялись также узкія темныя линіи, соответствующія лучамъ кальція *H* и *K*. По ихъ смѣщенію, на основаніи принципа Доплера-Физо, нужно было бы допустить движенія

источника по лучу зрѣнія по направленію отъ насъ 18 километровъ въ секунду.

Другія линіи оказались широки и размыты, онѣ все смѣщены къ фіолетовому концу спектра и указываютъ какъ бы на движеніе источника по направленію къ намъ со скоростью 717 километровъ.

24-го и 25-го февраля небо въ Потсдамѣ было закрыто. 26-го спектръ Новой Персея оказался совершенно измѣненнымъ.

Появились широкія свѣтлыя линіи, рядомъ съ которыми со стороны фіолетоваго конца находилось по темной,—типичный спектръ Новыхъ звѣздъ. Такимъ же онъ остался и 27-го, 2-го, 3-го и 4-го марта звѣзда уже значительно ослабѣла въ яркости, въ ея спектрѣ выдѣлялись еще рѣзче свѣтлыя линіи.

Какъ ни удивительны въ спектрахъ Новыхъ звѣздъ пары свѣтлыхъ и темныхъ линій, къ нимъ уже привыкли, старались найти имъ и объясненія, какъ было упомянуто. А Новая въ Персеѣ задаетъ новыя загадки. Констатировано было, что спектръ періодически измѣняется, являясь то сплошнымъ, то газовымъ, состоящимъ изъ свѣтлыхъ линій, на совершенно ослабѣвшемъ фонѣ. Такъ, по наблюденіямъ 31-го марта, Gothard'a 8-го, 18-го и 27-го апрѣля это былъ довольно свѣтлый непрерывный спектръ; 6-го, 11-го, 21-го, 22-го, 28-го и 29-го апрѣля—газовый.

Sidgreaves опубликовалъ таблицу на которой эти измѣненія представлены наглядно. Она обнаруживаетъ, что періодъ измѣненія приблизительно трехдневный и находится повидимому, въ согласіи съ періодомъ колебанія блеска въ мартѣ: 12-го, 16-го, 21-го и 27-го въ моменты, близкіе къ максимумамъ спектръ непрерывный, 25-го, 28-го—газовый.

То же подтверждается и другими сопоставленіями.

Въ іюнѣ спектръ Новой Персея мало-по-малу переходитъ, какъ и у другихъ Новыхъ, въ спектръ туманностей и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются колебанія его. И поздней осенью спектръ остается такимъ же съ характерными линіями туманностей, безъ измѣненія. Очевидно, въ іюнѣ звѣзда вступила въ новую фазу своей жизни, она обращается въ туманность.

Какъ бы въ подтвержденіе этому открытію, Фламмаріонъ и Антоніади телеграфируютъ 21-го августа, что на фотографическихъ снимкахъ вокругъ Новой видѣн ореолъ. Последнее извѣстіе находитъ отповѣдь со стороны Вольфа, Костинскаго и Готарда, которые специальными опытами при фотографированіи показали, что ореолъ около Новой получается вслѣдствіе того, что нѣкоторые лучи, изъ тѣхъ которые посылаетъ намъ звѣзда, не попадаютъ въ фокусъ трубы вмѣстѣ съ другими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Вольфъ открываетъ на пластинкѣ вблизи Новой нѣсколько къ югу и востоку отъ нея, слабую и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма сложную по построенію туманность. Черезъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, 11-го ноября, телеграмма Пикеринга извѣстила, что Перрине на Ликской обсерваторіи по фотографіямъ полученнымъ съ особенно свѣтосильнымъ рефлекторомъ, уста-

новилъ, что въ туманности Вольфа четыре главныя уплотненія за 6 недѣль перемѣстились на дѣлую минуту дуги. Это обстоятельство является новымъ, непонятнымъ, загадочнымъ сюрпризомъ. Смѣщеніе на небѣ въ одну минуту за 6 недѣль поистинѣ удивительно: оно громадно. Мы не знаемъ точно, какъ далеко находится отъ насъ Новая Персея. Но ничто не обнаруживаетъ ея близости. Если принять, что она отстоитъ даже не дальше, чѣмъ звѣзды третьей величины, то замѣченное смѣщеніе равносильно въ линейной мѣрѣ движенію до 50.000 верстъ въ секунду. Какъ понять, какъ принять эти числа? Какъ объяснить эти движенія вблизи загадочнаго свѣтила?

Приходится сознаться, что мы далеки еще отъ пониманія его природы, мы не можемъ отвѣтить на вопросъ, что такое представляютъ собой Новыя звѣзды.

Прекрасныя фотографіи Ritchey на обсерваторіи Іернса, опубликованныя въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ журнала «Astrophysical Journal», представляютъ отличную иллюстрацію явленію, отмѣченному Perrine. На снимкѣ 20-го сентября мы видимъ рядъ концентрическихъ, овальныхъ, хотя и не совсѣмъ правильныхъ оболочекъ, охватывающихъ Новую, среди нихъ выступаютъ нѣсколько сгущеній, одно изъ нихъ, на юго-востокъ отъ звѣзды, и было усмотрѣно Вольфомъ 23-го августа.

На снимкѣ 13-го ноября эти сгущенія занимаютъ уже другія положенія, смѣщенія происходятъ не по радіусу, а спиралью, и составляютъ въ среднемъ приблизительно одну минуту дуги, какъ указалъ и Perrine, въ годъ 11 минутъ, тогда какъ наибольшее движеніе для звѣздъ оказывается только 9 секундъ. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ обыкновеннымъ движеніемъ тѣла въ пространствѣ, а съ явленіемъ, находящимся въ тѣсномъ отношеніи къ возгоранію Новой. Произошла какая-то міровая катастрофа! Но какого рода: взрывъ ли газовъ изнутри уже охладившагося тѣла или столкновеніе двухъ тѣлъ. Перрине склоняется къ второму предположенію, не предрѣшая вопроса, произошло ли собственно столкновеніе или прохожденіе тѣла черезъ туманность или встрѣча метеорныхъ потоковъ и пр.

По снимку 4-го декабря Perrine констатировалъ новую подробность. Два (изъ четырехъ) сгущенія продолжаютъ свое движеніе, третье также, но нѣсколько измѣнившись въ формѣ, четвертое остается неизмѣннымъ.

Телеграмма проф. Вольфа отъ 7-го марта 1902 г. сообщаетъ, что прежнія сгущенія въ туманности Новой Персея ослабѣли, а вмѣсто нихъ къ юго-западу отъ звѣзды выступилъ длинный поясъ малыхъ свѣтлыхъ туманностей, которыя раньше были много слабѣе. Интересно, что они теперь даже гораздо свѣтлѣе, чѣмъ узлы въ августѣ.

Трудно разобраться въ этихъ явленіяхъ. При прямомъ толкованіи они оказываются слишкомъ грандіозными, необычными, совершенно невѣроятными. Невольно является желаніе подыскать въ предположе-

ніяхъ такія условія, при которыхъ они мыслимы, не какъ реальныя, а только лишь какъ кажущіяся, оптическія явленія. Такъ, извѣстный астрономъ Каптейнъ предлагаетъ гипотезу, которая разсматриваетъ туманность вокругъ Новой Персея, лишенною собственнаго сіянія, и изображеніе ея на фотографической пластинкѣ приписываетъ дѣйствію отраженнаго свѣта, исходящаго изъ новой и отражающагося отъ частицъ туманности. Этотъ отраженный свѣтъ запаздываетъ относительно того, который идетъ къ намъ прямо отъ звѣзды, и съ теченіемъ времени до насъ будутъ доходить лучи все отъ дальнѣйшихъ и дальнѣйшихъ частицъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ освѣщаются лучами звѣзды. Непрерывное наблюденіе этого свѣченія позволитъ выяснитъ форму и строеніе всего образованія.

Остается впрочемъ вопросомъ, можно ли въ этомъ случаѣ приписать отраженному свѣту такую интенсивность, при которой будетъ замѣтное дѣйствіе на фотографическую пластинку. Гдѣ искать отвѣта на это?

Не знаемъ, какъ не знаемъ и того, къ чему приведетъ насъ дальнѣйшее изслѣдованіе новой Персея. Не потребуетъ ли она отъ насъ намѣненія нѣкоторыхъ изъ основъ настоящаго міровоззрѣнія, не вызоветъ ли открытія новыхъ законовъ? Можно пожелать только, чтобы эти изслѣдованія шли возможно дольше безпрепятственно, чтобы собранъ былъ возможно большій матеріалъ и для обработки его были призваны всѣ современныя силы, всѣ средства, строгая критика и смѣлый бодрый духъ, озаряющій и связующій общей идеей противорѣчивыя непонятныя явленія.

Въ стремленіи найти объясненіе быстро распространяющейся вокругъ Новой Персея туманности большого вниманія заслуживаетъ послѣдняя догадка Вильсинга, который думаетъ, что туманность представляетъ собою матерію изверженную изъ нѣдръ звѣзды и чѣмъ далѣе отъ поверхности, тѣмъ болѣе и болѣе разрѣженную. Когда разрѣженіе достигаетъ извѣстнаго предѣла, тогда на частицѣ матеріи начинается дѣйствовать отталкивательная сила звѣзды подобно тому, что имѣемъ мы при образованіи хвоста кометы, который, по современнымъ воззрѣніямъ, состоитъ изъ частицъ легчайшей матеріи, несущихся съ мировое пространство подъ дѣйствіемъ отталкивательной силы солнца. Съ числами главнаго изслѣдователя кометныхъ явленій нашего академика О. А. Бредихина Вальсингъ дѣлаетъ приближенные расчеты скоростей распространенія матеріи и находитъ, что наблюдаемыя смѣщенія въ туманности Новой Персея аналогичны тѣмъ, которыя возможны въ кометныхъ хвостахъ. Туманность вокругъ Новой представляетъ такимъ образомъ подобіе короны вокругъ солнца, для которой Бредихинъ развилъ теорію образованія, пользуясь своими изслѣдованіями кометныхъ хвостовъ.

К. Покровский.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ И КРИТИЧЕСКИЙ МЕТОДЪ ВЪ ТЕОРИИ ПОЗНАНІЯ.

Проф. Г. Челпанова.

(Окончаніе *).

Наша главная задача въ этой статьѣ будетъ заключаться въ разрѣшеніи вопроса, дѣйствительно ли Спенсеръ опровергнулъ кантовскую теорію, или нѣтъ, потому что существуетъ мнѣніе, что Спенсеръ, показавъ, что всѣ виды познанія и въ томъ числѣ «формы» сознанія возникаютъ изъ опыта въ концѣ концовъ, тѣмъ самымъ опровергъ ученіе Канта, по которому эти «формы» сознанія получаютъ начало независимо отъ чувственного опыта **).

Этотъ взглядъ совершенно невѣренъ. Если мы сравнимъ эволюціонно-генетическую точку зрѣнія съ «критической», то мы увидимъ, что въ дѣйствительности это двѣ разныхъ точки зрѣнія, не исключаютъ одна другой. Кромѣ того, изъ сравненія этихъ двухъ точекъ зрѣнія легко придти къ тому выводу, что нельзя при помощи эволюціонной гипотезы доказывать того, что желалъ доказать Кантъ.

Самое существенное различіе между эволюціонизмомъ и критицизмомъ заключается въ томъ, что эволюціонизмъ при изслѣдованіи вопроса о познаніи или формахъ познанія стоитъ на точкѣ зрѣнія *психологии*, между тѣмъ какъ критицизмъ по самому существу своему имѣетъ дѣло съ *гносеологической* проблемой.

Эволюціонная теорія имѣетъ цѣлью опредѣлить исторію или генезисъ того или другого понятія, между тѣмъ какъ кантовская теорія познанія, считая постановку этого вопроса для себя второстепенной, имѣетъ цѣлью опредѣлить, какія логическія предпосылки необходимы для того, чтобы могло создаться научное познаніе, или опытъ, какъ его еще иначе называетъ Кантъ.

Задачу кантовской теоріи познанія можно еще выразить такимъ

*) См. «Міръ Божій», № 7, июль, 1902 г.

**) О теоріи познанія Канта см. мою статью: «Философія Канта». «Міръ Божій» 1901 г., №№ 3 и 4.

образомъ. Какимъ образомъ происходитъ, что то или другое *субъективное* построеніе, то или другое понятіе (пространства, времени, причинности и т. п.) мыслится нами объективнымъ, вещественнымъ. Кантъ именно показалъ объективность этихъ понятій, въ противоположность Юму, который признавалъ за ними исключительно субъективный характеръ.

Такъ какъ Юмъ, признавая субъективность указанныхъ понятій, въ то же время стоялъ на точкѣ зрѣнія наивнаго реализма, т.-е. думалъ, что объективный міръ именно такой, какой воспринимается нашими чувствами, находится *вне* субъективнаго, то онъ никакъ не могъ рѣшить вопроса, *какимъ образомъ субъективныя построенія могутъ сдѣлаться объективными*, т.-е. вещественными; это показалъ Кантъ и именно тѣмъ, что онъ отступилъ отъ точки зрѣнія наивнаго реализма и призналъ, что то, что мы называемъ объективнымъ, вещественнымъ міромъ, есть продуктъ нашего сознанія; онъ создается при помощи формы сознанія, благодаря тому, что мы субъективныя формы нашего сознанія считаемъ объективными. Если признать, что задача Канта заключалась въ томъ, чтобы показать, благодаря какимъ предпосылкамъ создается опытъ или научное познаніе, то уже изъ этого можно видѣть, что его задача не была психологической.

Различіе между психологіей и теоріей познанія можно иллюстрировать при помощи слѣдующаго примѣра.

Если, напримѣръ, у меня есть идея причинности, то изслѣдуя ее съ психологической точки зрѣнія, я спрашиваю, какимъ образомъ она возникаетъ. Для этого я стараюсь прослѣдить зачатки этого понятія у животныхъ, у дѣтей на ранней стадіи ихъ развитія. Занимаясь гносеологическими изслѣдованіями, я поступаю совсѣмъ иначе. Я просто беру то понятіе причинности, которое существуетъ въ наукѣ и спрашиваю, по какому праву это понятіе, по которому въ природѣ царитъ однообразіе, примѣняется къ дѣйствительности, почему мы думаемъ, что событія слѣдуютъ другъ за другомъ всегда по опредѣленному закону. Какъ извѣстно, Юмъ сомнѣвался въ правѣ примѣнять законъ причинности къ явленіямъ.

Такимъ образомъ ясно, что въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о *происхожденіи* понятія причинности, въ другомъ случаѣ объ *объективности* его.

Нельзя отрицать, конечно, что задачи психологіи иногда соприкасаются съ задачами теоріи познанія. Это обстоятельство было причиной того, что Спенсеръ понималъ кантовскіе аргументы апіорности пространства психологически и даже не подозрѣвалъ о существованіи гносеологической точки зрѣнія.

Въ этомъ мы можемъ легко убѣдиться, если разсмотримъ его возраженія противъ кантовскаго ученія о пространствѣ. Кантъ утверждалъ, что въ процессѣ представленія вещей и событій внѣшняго

міра понятіе пространства никоимъ образомъ не можетъ быть удалено изъ сознанія, что оно неизмѣнно сопровождаетъ всякое воспріятіе вещей внѣшняго міра и это обстоятельство въ его глазахъ является доказательствомъ того, что понятіе пространства получается не изъ внѣшняго опыта, а что оно составляетъ форму самого сознанія, что оно привносится самимъ разумомъ въ познаніе внѣшняго міра. Спенсеръ соглашается съ тѣмъ, что понятіе пространства не можетъ быть удалено изъ нашего сознанія, изъ сознанія взрослыхъ индивидуумовъ, но думаетъ, что вполне мыслимо такое сознаніе, по отношенію къ которому это утвержденіе не будетъ справедливо.

Если бы Кантъ изслѣдовалъ зачаточное сознаніе, то онъ, навѣрное, пришелъ бы къ убѣжденію, что возможно мышленіе вещей, которое не сопровождается представленіемъ пространства, а это ясно показываетъ, что представленіе пространства во взросломъ сознаніи есть продуктъ позднѣйшаго развитія.

Но это возраженіе уже ясно показываетъ, что Спенсеръ понимаетъ Кантовскую аргументацію психологически. Спенсеръ думаетъ, что стоитъ только разсмотрѣть, въ какомъ положеніи понятіе пространства находится въ зачаточномъ сознаніи для того, чтобы придти къ убѣжденію, что это понятіе имѣетъ производный характеръ, что оно получается путемъ постепеннаго развитія. Для Канта то обстоятельство, что понятіе пространства складывается изъ различныхъ элементовъ путемъ постепеннаго развитія, никакого значенія не имѣетъ. Кантъ не занимался вопросомъ о томъ, какъ именно получается пространство изъ соединенія разнородныхъ ощущеній, какъ это думаетъ Г. Спенсеръ. Его интересовалъ вопросъ о томъ, получается ли понятіе пространства съ его признаками (однородности, непрерывности и т. п.) изъ чувственного опыта, или нѣтъ. Этотъ вопросъ онъ думаетъ рѣшить не путемъ прослѣживанія психологическаго происхожденія того или другого понятія, а именно путемъ разсмотрѣнія, существуетъ ли *соотвѣтствіе* между понятіемъ пространства и тѣмъ, что доставляетъ намъ чувственный опытъ, т. е. наши ощущенія. Такъ какъ во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы понятіе пространства съ его признаками однородности, непрерывности и т. п. могло быть создано, то Канту оставалось допустить, что это понятіе не можетъ быть получено изъ внѣшняго опыта. Само-собою разумѣется, что дѣло идетъ о томъ понятіи пространства, которое существуетъ во взросломъ сознаніи и которое употребляется также въ математикѣ. Между тѣмъ Спенсеръ говоритъ собственно о томъ представленіи пространства, какое можетъ быть также и въ зачаточномъ сознаніи.

Поэтому легко понять, что если бы Спенсеру дѣйствительно удалось доказать, что существуетъ такое зачаточное сознаніе, въ которомъ ощущенія звука, цвѣта и т. п. воспринимаются безъ пространства, то едва ли Кантъ счелъ бы это серьезнымъ возраженіемъ противъ своей

теоріи, потому что онъ не интересовался такимъ сознаниѣмъ. Для него представляетъ интересъ только взрослое сознание, которое является носителемъ научнаго познания, или познания въ собственномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ Спенсеръ ставитъ Канту въ упрекъ то, что составляетъ характерную особенность его метода: задача теоріи познания Канта состояла въ изслѣдованіи научнаго познания, а не *сознания* просто.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что попытка Спенсера доказать, что воспріятіе внѣшняго міра можетъ осуществляться безъ понятія пространства, должна быть признана неудачной. Въ дѣйствительности во взросломъ сознаниі (а о такомъ сознаниі и можетъ идти рѣчь) познание внѣшняго міра всегда является въ сопровожденіи понятія пространства. Мы не можемъ мыслить о какой бы то ни было вещи безъ того, что бы его не сопровождало понятіе пространства съ вышеуказанными признаками. Спенсеръ ошибался, поэтому, если думалъ, что можно доказать, что мышленіе о явленіяхъ и предметахъ внѣшняго міра можетъ осуществляться безъ этого понятія.

Въ связи съ этимъ находится также и то, что Спенсеръ неправильно истолковываетъ то, что у Канта называется «формой». Мы видѣли, что Кантъ называетъ пространство формой сознанія потому, что изъ объективно существующаго мы ничего не можемъ воспринимать безъ того, что бы оно не представлялось намъ существующимъ въ пространствѣ. Понятіе пространства необходимо сопровождаетъ всякое внѣшнее воспріятіе. Въ этомъ смыслѣ Кантъ называетъ понятіе пространства формой воспріятія. Только подъ этой «формой» мы и можемъ воспринимать все существующее и все совершающееся во внѣшнемъ мірѣ.

Спенсеръ думаетъ, что Кантъ совершенно неправильно называетъ понятіе пространства формой. Онъ находитъ, что если бы пространство дѣйствительно въ нашемъ сознаніи играло роль неизмѣнной формы, то оно не могло бы подвергаться никакимъ измѣненіямъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ пространственныя отношенія вещей становятся для насъ очень отчетливыми, когда вещи къ намъ приближаются и, наоборотъ, становятся мало отчетливыми, когда они отъ насъ удаляются. Въ ненормальныхъ состояніяхъ пространство кажется намъ какъ бы увеличеннымъ или уменьшеннымъ. Словомъ форма пространства подвергается значительнымъ измѣненіямъ въ нашемъ воспріятіи.

Это замѣчаніе Спенсера можно было бы считать правильнымъ, если бы Кантъ подъ формой пространства понималъ то, что подъ нимъ понимаетъ Спенсеръ.

Кантъ понималъ подъ «формой» то понятіе пространства, которое является необходимымъ условіемъ воспріятія и которое дѣйствительно нами «мыслится» всегда одинаково, между тѣмъ какъ Спенсеръ подъ «формой» понимаетъ просто пространственныя вещи, а эти послѣднія,

разумѣется, могутъ нами восприниматься различно. Наше воспріятіе этихъ послѣднихъ можетъ сильно видоизмѣняться. Что касается воспріятія пространственныхъ вещей, то и по Канту воспріятіе ихъ можетъ видоизмѣняться, т.-е. данная пространственная вещь можетъ при извѣстныхъ условіяхъ казаться большей или меньшей; данныя пространственныя отношенія могутъ казаться болѣе или менѣе отчетливыми. Но, вопреки Спенсеру, слѣдуетъ замѣтить, что въ томъ же самомъ воспріятіи, въ которомъ по описанію Спенсера пространственныя отношенія измѣняются, само пространство не кажется намъ видоизмѣненнымъ. Оно и въ этомъ случаѣ кажется намъ такимъ же непрерывнымъ, однороднымъ и т. п., какъ и во всякомъ другомъ воспріятіи. Такимъ образомъ ясно, что свойства пространства въ мышленіи всегда и при всѣхъ условіяхъ остаются неизмѣнными. Ясно также и то, что Кантъ могъ бы согласиться со Спенсеромъ въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ пространственныя вещи могутъ намъ казаться болѣе или меньшими и т. п., т.-е. именно то, что утверждаетъ Спенсеръ; но изъ этого не слѣдуетъ, что форма пространства, какъ ее понимаетъ Кантъ, можетъ видоизмѣняться.

Легко видѣть, что Спенсеръ не можетъ должнымъ образомъ возразить Канту, потому что онъ игнорируетъ сущность его теоріи. Спенсеру кажется, что онъ въ кантовской теоріи имѣетъ дѣло съ теоріей *врожденныхъ идей*, какъ эта послѣдняя существовала въ прежней философіи. Онъ хочетъ примирить эмпирическую теорію съ кантовской, но при этомъ думаетъ, что Кантъ признавалъ какія-то готовые врожденные идеи, чего Кантъ въ дѣйствительности совсѣмъ не признавалъ. Кантъ не признавалъ готовыхъ, уже при рожденіи существующихъ идей. Для него всѣ понятія: пространства, времени, причинности и т. п., имѣютъ свою опредѣленную исторію, но только эта исторія не представляетъ для него интереса.

Игнорированіе различія, существующаго между врожденными понятіями въ обычномъ пониманіи и кантовскими апіорными понятіями, и были причиной полемическаго отношенія Спенсера къ Канту. Врожденность, какъ ее понималъ Спенсеръ, есть понятіе психофизиологическое (потому что, какъ мы видѣли, подъ нею понимали врожденность извѣстной физиологической организаціи). Врожденность по Спенсеру—это есть предрасположеніе къ пріобрѣтенію извѣстныхъ понятій. Если предрасположеніе считать психологическимъ понятіемъ, то врожденность будетъ также понятіемъ психологическимъ и, во всякомъ случаѣ, не гносеологическимъ. Игнорированіе этого различія и было причиной того, что Спенсеръ старался примирить эволюціонную гипотезу съ «трансцендентальнымъ» методомъ.

Есть огромное различіе между просто врожденными понятіями, которыя, по общераспространенному мнѣнію, суть готовые умственныя построенія, и апіорными понятіями, какъ извѣстными логическими условіями познанія.

Различіе между этими двумя понятіями обнаруживается въ томъ, что если бы даже какое-нибудь представленіе и было врожденнымъ, то изъ этого не слѣдовало бы, чтобы оно было и апріорнымъ. Если бы мы предположили, что какое-нибудь представленіе или, вѣрнѣе сказать, предрасположеніе къ извѣстному представленію передавалось, изъ поколѣнія въ поколѣніе, то у послѣдняго представителя этого поколѣнія оно уже было бы въ извѣстномъ смыслѣ врожденнымъ; т.-е. индивидуумъ въ силу наслѣдственной передачи предрасположенія къ пріобрѣтенію извѣстнаго представленія уже при рожденіи какъ бы имѣлъ соотвѣтствующее представленіе. Въ этомъ смыслѣ можно было бы сказать, что это представленіе для даннаго индивидуума является врожденнымъ, но отсюда совсѣмъ не слѣдовало бы, что бы оно было также и апріорнымъ. Такое представленіе было бы только врожденнымъ, но не было бы апріорнымъ, потому что понятіе апріорности совсѣмъ не предполагаетъ, что соотвѣтствующее понятіе должно быть врожденнымъ или являться въ сознаніи даннаго индивидуума, какъ нѣчто готовое.

Апріорные элементы познанія въ каждомъ индивидуальномъ сознаніи должны получаться сызнова. Такія понятія, какъ, напр., понятіе причинности, времени, пространства, должны пріобрѣтаться каждымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ снова, а не получать ихъ откуда-то и какъ-то готовыми. Логическія условія познанія, какъ и всякое познаніе, есть результатъ пріобрѣтенія, между тѣмъ какъ врожденность есть наличность извѣстныхъ «предрасположеній» къ пріобрѣтенію представленій. Такимъ образомъ, врожденность и апріорность это два совершенно отличныхъ другъ отъ друга понятія, и отождествлять ихъ нѣтъ никакой возможности. Поэтому Спенсеръ напрасно старался примирить апріоризмъ съ эмпиризмомъ, понимая подъ апріоризмомъ ученіе, которое признаетъ врожденные познанія *).

Защитники эволюціонной психологіи, критикуя кантовскую теорію, и игнорируя различіе между психологіей и теоріей познанія, не замѣчаютъ разницы между процессомъ мышленія съ точки зрѣнія *логической* и процессомъ мышленія съ точки зрѣнія *психологической*. Мышленіе, какъ просто психологическій процессъ, имѣется у животныхъ, у дѣтей, вообще въ неразвитомъ сознаніи, что же касается логическаго процесса мышленія, то это есть то мышленіе, которое имѣется только въ научномъ сознаніи человѣка. Это различіе комментаторы Канта обозначаютъ обыкновенно различіемъ между мышленіемъ «индивидуальнымъ» и «надъиндивидуальнымъ», между мышленіемъ человѣка просто и между мышленіемъ человѣка въ соціальной средѣ. «Кромѣ психологическаго самосознанія,—говоритъ Риль,—у человѣка есть еще

*) См. *Riehl*. «D. Philosophische Criticismus». В. II. Гл. «Дарвинизмъ и трансцендентальная философія».

самосознаніе логическое, потому что онъ можетъ свою индивидуальную мысль связать съ общей или коллективной, и подчинить ее нормамъ этой послѣдней» *). Это надъиндивидуальное мышленіе и является причиной созиданія научнаго познанія, имѣющаго всеобщее значеніе, и являющагося предметомъ теоріи познанія.

Объяснимъ ближе, что нужно понимать подъ коллективнымъ мышленіемъ и индивидуальнымъ мышленіемъ. Если у насъ есть два цвѣтовыхъ ощущенія А и В, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ, то о нихъ можно сказать, что они представляютъ просто ассоціацію ощущеній. Но эта ассоціація можетъ превратиться въ познаніе причинной связи, т.-е. мы въ этой связи будемъ мыслить не только то, что В слѣдуетъ за А, но также и то, что А *создаетъ*, производитъ В. Тогда въ этомъ соединеніи между А и В будетъ нѣчто большее, чѣмъ просто ассоціативная связь. Но что же въ такомъ случаѣ присоединяется къ тѣмъ двумъ элементамъ ощущенія, которые уже у насъ имѣются? Если мы анализируемъ какое-нибудь сужденіе, высказывающее причинную связь между какими-нибудь явлениями, т.-е., если мы рассмотримъ тѣ элементы, которые содержатся въ представленіи причинной связи, то мы увидимъ, что въ немъ, кромѣ различнаго рода ощущеній, окажется еще и *мысль* о причинности или *понятіе* причинности.

Но какая разница будетъ между двумя соединеніями представленій, именно когда въ немъ имѣется понятіе причинности, и когда понятія причинности нѣтъ? По мнѣнію Канта, разница сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть просто ассоціативную связь, ни для кого не обязательную, а во второмъ случаѣ мы будемъ имѣть сужденіе, имѣющее притязаніе на общеобязательность. Связь ощущеній А и В въ обоихъ случаяхъ мыслится нами различно. Именно во второмъ случаѣ эти представленія или ощущенія мыслятся такимъ образомъ, что связь между ними кажется намъ *необходимой*, мы мыслимъ А и В такимъ образомъ, что за А слѣдуетъ В необходимо. Элементъ необходимости опытомъ не дается и не можетъ быть данъ (какъ это признаютъ сами эмпирики), а привносится самимъ разсудкомъ.

Такимъ образомъ, понятіе о причинности производитъ то, что данное соединеніе дѣлается сужденіемъ общеобязательнымъ. Сначала это соединеніе имѣло только характеръ субъективный, т.-е. имѣло значеніе только для меня, а теперь оно должно имѣть значеніе общеобязательное, и это произошло благодаря тому понятію причинности, которое въ данномъ случаѣ присоединилось и которое у Канта называется *категоріей* или формой сознанія. Сказать, что извѣстное содер-

*) Riehl. «D. philosophische Criticismus». В. II. 74 и 75. Риль. «Теорія науки и метафизика». 1887, стр. 89.

жаніе мыслится подъ формою причинности, значитъ другими словами сказать, что извѣстная связь представленій подчиняется извѣстному правилу или *нормѣ*; тогда можетъ получиться общеобязательное сужденіе, потому что всѣ люди причинную связь между вещами мыслятъ такимъ образомъ, что за причиной слѣдуетъ необходимо дѣйствіе. Между тѣмъ, если мы возьмемъ простую ассоціативную связь представленій, напр., сахаръ сладокъ, то это соединеніе имѣетъ совершенно субъективный характеръ, причѣмъ эта связь одинъ разъ будетъ казаться одной, въ другой разъ другой даже для одного и того же индивидуума. Слѣдовательно, простое соединеніе представленій имѣетъ характеръ случайный; оно имѣетъ значеніе только для меня и то только въ настоящій моментъ, между тѣмъ какъ если я высказываю какое-либо сужденіе причинности, то оно имѣетъ общеобязательный характеръ, потому что всѣ люди мыслятъ причинность одинаково, какъ необходимую связь между двумя представленіями.

Такимъ образомъ создается коллективное мышленіе, которое подчиняется общимъ нормамъ, общимъ правиламъ. Вслѣдствіе этого то, что было субъективнымъ, т.-е. обязательнымъ для меня одного, дѣлается общеобязательнымъ, объективнымъ.

Но что значитъ, что подчиненіе той или другой нормѣ дѣлаетъ ассоціацію представленій объективной? Если какая-нибудь связь представленій имѣетъ субъективный характеръ, то это значитъ, что оно имѣетъ значеніе только для меня, но если извѣстная связь представленій дѣлается обязательной не только для меня, но и для всякаго другого, не только сегодня, но и всегда, то это значитъ, что во всякое время и всякій другой будетъ находить ту же связь. Каждый въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время будетъ мыслить одну и ту же связь представленій. Это собственно и значитъ, что та или другая связь представленій пріобрѣтаетъ *объективный* характеръ.

Извѣстная связь представленій дѣлается предметомъ «общаго сознанія»; тогда изъ ощущеній просто получается то, что мы называемъ *вещи* или *міръ объективный* *).

Такимъ образомъ для того, чтобы могло получиться познаніе вещей, необходимы три элемента. Прежде всего ощущенія просто, затѣмъ формы пространства и времени, благодаря которымъ эти ощущенія кажутся намъ временными или пространственными. Но кромѣ того необходимо, чтобы это соединеніе происходило и по особеннымъ формамъ, которыя называются категоріями, и которыя представляютъ собою извѣстныя формы *синтеза* или связи представленій. Представленія могутъ связываться только лишь благодаря сознанію. Синтезъ можетъ производиться только лишь благодаря этому послѣднему. Синтеза въ вещахъ самихъ по себѣ нѣтъ. Но синтезъ можетъ быть разнообразный;

*) См. Кантъ. «Пролегомены». §§ 14—20 а также «Міръ Вожій» 1901 г. № 4-й

онъ можетъ совершаться различнымъ образомъ, смотря по тому, какому понятію мы подчинимъ данную связь представленій, или подъ какой категоріей мы будемъ мыслить ее. Когда говорятъ, что категоріи присоединяются къ представленіямъ и такимъ образомъ созидаютъ объективныя сужденія, то это нужно понимать не такимъ образомъ, что она присоединяется какъ что либо матеріальное, а такимъ образомъ, что мы извѣстную связь представленій можемъ мыслить въ извѣстномъ отношеніи. Такъ какъ сужденіе всегда представляетъ собою извѣстный синтезъ или связь, то Кантъ и говоритъ, что категоріи суть извѣстныя формы синтеза, что собственно значитъ, что мы мыслимъ извѣстныя представленія въ извѣстномъ отношеніи. Это Кантъ еще иначе называетъ синтезомъ по извѣстному правилу.

Такое мышленіе, которое подчиняется извѣстнымъ логическимъ нормамъ, мы назовемъ логическимъ мышленіемъ, въ отличіе отъ мышленія психологическаго, которое не подчиняется такимъ нормамъ и которое присуще дѣтямъ на ранней стадіи ихъ развитія, животнымъ и т. п. Это различіе между двумя родами мышленія весьма часто игнорируется. Вслѣдствіе этого нѣкоторые склонны утверждать, что животныя въ своемъ мышленіи тоже обнаруживаютъ примѣненіе закона причинности. Если животное напр. слышетъ шорохъ и ищетъ «причины» этого явленія, то въ этомъ многіе склонны видѣть доказательство того, что оно имѣетъ врожденное понятіе причинности. Животное, какъ только восприметъ какое либо дѣйствіе, тотчасъ же начинаетъ искать причины этого дѣйствія. Это, по ихъ мнѣнію происходитъ оттого, что животное имѣетъ врожденное понятіе причинности. Но едва ли въ этомъ случаѣ можетъ быть рѣчь о примѣненіи закона причинности въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о законѣ причинности въ наукѣ. Скорѣе можно сказать, что животное стремится просто дополнить свое воспріятіе, т.-е. оно стремится дополнить то, что оно воспринимаетъ въ настоящій моментъ. Процессъ, который имѣетъ мѣсто въ сознаніи животнаго въ этомъ случаѣ, имѣетъ характеръ не логическій, а психологическій. Логическій процессъ, который имѣетъ интересъ для гносеолога, возникаетъ только при условіяхъ, о которыхъ мы говорили выше.

Теперь понятно, почему защитники эволюціонной психологіи, желая разрѣшить вопросъ объ апріорности, ссылаются на сознаніе животныхъ, дѣтей и вообще зачаточное сознаніе. Это происходитъ оттого, что они игнорируютъ различіе между мышленіемъ въ психологическомъ смыслѣ и мышленіемъ въ логическомъ смыслѣ. Мышленіе въ психологическомъ смыслѣ есть не больше, какъ ассоціація представленій, между тѣмъ какъ въ кантовской теоріи познанія рѣчь идетъ о мышленіи, которое совершается, подчиняясь извѣстнымъ общеобязательнымъ, логическимъ нормамъ, о мышленіи, которое созидаетъ опытъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. У животныхъ, дѣтей нѣтъ опыта въ

смыслъ общеобязательнаго познанія, а потому Кантъ и не говоритъ о ихъ мышленіи. Только въ логическомъ мышленіи можетъ быть рѣчь объ общеобязательномъ познаніи, а также и объ апріорныхъ формахъ.

Слѣдовательно, сторонники эволюціонной психологіи и Кантъ говорятъ о различныхъ вещахъ, а вслѣдствіе этого и возраженіе ихъ утрачиваетъ всякую цѣну. Вотъ отчего, напр., когда эволюціонисты говорятъ, что у животныхъ есть понятіе причинности и при этомъ утверждаютъ, что понятіе причинности съ тѣми признаками, съ которыми оно является въ научномъ сознаніи, происходитъ отъ того понятія причинности, которое имѣется въ сознаніи животныхъ, то Риль совершенно справедливо на это замѣчаетъ: «если бы это понятіе съ признаками необходимости являлось продуктомъ опыта, постепеннаго приспособленія и наслѣдственной передачи, то оно у всѣхъ оказывалось бы съ одинаковымъ содержаніемъ. Однако это нельзя утверждать. Въ ненаучномъ сознаніи отсутствуетъ сознаніе необходимости причинной связи». Т.-е. для ненаучнаго сознанія вполне допустима мысль, что дѣйствія могутъ совершаться безъ причины.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ эволюціонисты показываютъ происхожденіе тѣхъ или другихъ понятій изъ опыта. Мы видѣли, что по эмпирической теоріи тѣ или другія понятія являются копіей того, что есть или совершается въ дѣйствительности. Поэтому происхожденіе формъ познанія по этой теоріи легко показать. Формы познанія суть просто отраженія внѣшнихъ отношеній. По Спенсеру, должно установиться извѣстное соотвѣтствіе между формами мысли и внѣшнимъ міромъ. Разумѣется, въ сферѣ идей происходитъ такое же *приспособленіе*, какое можетъ происходить и въ другихъ областяхъ. Подобно тому, напр., какъ организмы могутъ совершенствоваться, такъ могутъ совершенствоваться и идеи. Такимъ образомъ понятія совершенныя въ логическомъ отношеніи являются продуктомъ естественнаго подбора. Тѣ или иныя понятія получаютъ свой абсолютный характеръ, какъ напр. необходимость въ причинности или понятіе математическаго пространства съ его абсолютно совершенными признаками изъ постепеннаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ.

Но едва ли съ эволюціонистами можно согласиться. Логическія и математическія понятія не могли возникнуть путемъ приспособленія и естественнаго подбора. Это могло бы быть только въ томъ случаѣ, если бы у насъ то или другое понятіе возникло, *постепенно* совершенствуясь, а это едва ли имѣется въ настоящемъ случаѣ. Можно быть увѣреннымъ, что какъ бы ни совершенствовалось то понятіе причинности, которое мы имѣемъ въ нашемъ научномъ познаніи, эта послѣдняя не могла бы быть получена изъ постепеннаго приспособленія. Мы предполагаемъ, что причина абсолютно постоянно связана съ дѣйствіемъ. Въ опытѣ мы никогда этого не имѣемъ. Какъ бы ни совершенствовалось то представленіе связи между событіями, которое намъ

доставляетъ опытъ, сколько бы разъ оно ни повторялось, въ концѣ концовъ оно абсолютнаго характера приобрести не можетъ. Тотъ абсолютный характеръ, который присущъ этому понятію, показываетъ, что онъ не можетъ быть полученъ изъ опыта. Въ опытѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы дать начало этому понятію.

Эволюціонистъ долженъ утверждать, что понятіе абсолютно совершенной прямой линіи у насъ возникаетъ вслѣдствіе постепеннаго приспособленія. По мнѣнію эволюціониста, сначала у насъ получается понятіе несовершенной прямой, которая затѣмъ, постепенно совершенствуясь, дѣлается абсолютно прямой. Мы первоначально воспринимаемъ множество несовершенныхъ прямыхъ, такъ или иначе приближающихся къ кривымъ, но въ послѣдствіи, въ процессѣ развитія нашихъ понятій мы игнорируемъ эти несовершенства, мы отбрасываемъ отъ представленія прямой то, что мѣшаетъ совершенству. и оставляемъ только то, что дѣйствительно даетъ намъ идею совершенной прямой.

Это разсужденіе эмпириковъ содержитъ въ себѣ кругъ. Для того, чтобы по этой теоріи мы могли производить отвлеченіе, отбрасывать то, что мѣшаетъ совершенству той или другой идеи, мы уже должны имѣть идею совершенной прямой, а это ясно показываетъ, что разсужденіе эмпириковъ и въ томъ числѣ эволюціонистовъ неосновательно. Понятіе математической прямой не только не можетъ быть получено изъ воспріятія реальныхъ прямыхъ, но даже когда мы вообще говоримъ о прямизнѣ или обсуждаемъ прямизну чего-либо, то мы беремъ за норму именно понятіе математической прямой. Нельзя сказать, что понятіе прямой получаетъ начало изъ созерцанія прямизны въ природѣ, напр., ребра кристалла, потому что какъ бы ни была совершенна прямизна кристалла, она не можетъ достигнуть абсолютной прямизны математической прямой и даже, наоборотъ, когда мы мыслимъ о прямизнѣ ребра кристалла, то мы беремъ за образецъ или норму именно математическую прямую *).

Такимъ образомъ нельзя сказать, что понятіе прямой, какъ оно употребляется въ математикѣ, создано постепенно изъ несовершенной прямой. «Между понятіемъ о прямой, какъ ее предписываетъ мыслить геометрія, и представленіемъ о линіи, хоть съ самой незначительной кривизной, нѣтъ посредствующихъ ступеней, которыя можно было бы устранить посредствомъ подбора въ борьбѣ за существованіе» **).

То объясненіе происхожденія понятія прямой линіи, которое даетъ Спенсеръ, тоже нужно считать неосновательнымъ, такъ какъ оно раздѣляетъ всѣ недостатки обыкновеннаго эмпирическаго объясненія, которое предполагаетъ, что наши понятія суть просто *копіи* внѣшнихъ

*) Объ этомъ см. мою статью «Объ апіорныхъ элементахъ познанія». «Вопр. филос. и псих.» № 60.

**) Riehl Ук. соч. В. II. Гл. «Дарвинизмъ и трансценд. философія».

вещей. По его мнѣнію, понятіе прямой линіи, какъ кратчайшаго разстоянія между двумя точками, получается вслѣдствіе того, что количество возбужденія, которое доставляетъ изображеніе дуги на сѣтчаткѣ, будетъ значительно больше, чѣмъ то количество возбужденія, которое доставляетъ изображеніе хорды. Если количество возбужденія больше, то слѣдовательно, большимъ будетъ казаться и разстояніе. Оцѣнка величины находится въ зависимости отъ количества ощущеній. Если психическое состояніе передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, то, въ концѣ концовъ, устанавливается математическое понятіе прямой, какъ о кратчайшемъ разстояніи между двумя точками.

Я не стану разбирать недостатковъ этого объясненія, а только укажу на то, что оно исходитъ изъ предположенія, что понятіе прямой линіи есть просто копія реально существующихъ прямыхъ. Разумѣется, этотъ же принципъ прилагается Спенсеромъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ понятіямъ (пространства, времени причинности и т. п.), но этотъ принципъ весьма спорный.

Попытка Спенсера выводить всѣ понятія и въ томъ числѣ понятія пространства, времени, причинности изъ простого воздѣйствія внѣшняго міра представляетъ большое неудобство съ точки зрѣнія теорія познанія. Желая доказать это положеніе, Спенсеръ по необходимости приходитъ къ «наивному реализму». Какъ извѣстно, подъ наивнымъ реализмомъ понимается та точка зрѣнія, по которой вещи, существующія въ дѣйствительности, обладаютъ какъ разъ тѣми свойствами, съ какими мы ихъ воспринимаемъ. Въ вещахъ существуютъ цвѣта, звуки, въ вещахъ находятся также пространственныя свойства. Наше сознаніе только *отражаетъ* то, что существуетъ въ дѣйствительности. Наши понятія пространства, времени, причинности суть копія реально существующихъ явленій, вещей и событій. Спенсеръ не могъ иначе рассуждать, разъ онъ хотѣлъ вывести понятіе пространства, времени и т. п. изъ постепеннаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ. Въ этомъ отношеніи есть коренное различіе между Спенсеромъ и Кантомъ. Они совершенно различно понимаютъ, что такое чувственный міръ или опытъ. Если Спенсеръ говоритъ, что понятіе однообразія природы есть продуктъ воздѣйствія внѣшняго опыта или вещей, то это означаетъ, что онъ принимаетъ реальное существованіе вещей, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ воспринимаемъ. По его мнѣнію, если у насъ есть вообще понятіе однообразія, то только потому, что «дѣйствительно существуетъ реальное однообразіе, и наши понятія только выльпились сообразно внѣшнимъ отношеніямъ». Это и есть собственно точка зрѣнія «наивнаго реализма».

Кантъ въ этомъ случаѣ рассуждаетъ совершенно иначе. По его мнѣнію, нельзя говорить о вещахъ, какъ если бы они объективно существовали въ томъ видѣ, какъ мы ихъ дѣйствительно воспринимаемъ: вещи суть продуктъ нашего сознанія. Вещи не даны намъ просто,

они нами созданы, именно благодаря тому, что мы наши понятія пространства, времени и причинности вносимъ въ объективный міръ, что мы вещей самихъ по себѣ и не познаемъ.

Если бы мы пожелали познать вещи такъ, какъ они суть сами по себѣ, то мы не могли бы найти въ нихъ причинности съ тѣмъ характеромъ необходимости, который присущъ этому понятію. Какъ мы уже видѣли выше, понятіе причинности обладаетъ необходимымъ характеромъ потому, что необходимость самимъ нашимъ познаніемъ вносится въ воспріятіе вѣшняго міра совершенно такимъ же образомъ, какъ, напр., понятіе пространства и времени съ ихъ свойствами непрерывности, однородности и т. п. вносятся въ воспріятіе вѣшняго міра.

Исходя изъ точки зрѣнія наивнаго реализма, Спенсеръ долженъ былъ утверждать, что и понятіе пространства и времени въ извѣстномъ смыслѣ являются только лишь *копіей* того, что существуетъ въ дѣйствительности. По его теоріи, въ природѣ объективно существуетъ «одновременность», «послѣдовательность», воспринимая которыя, мы вырабатываемъ понятія пространства и времени. *) Между тѣмъ, дѣло обстоитъ далеко не такъ просто. Пространство и время не есть простое отраженіе объективно существующаго пространства въ нашемъ *пассивно* воспринимающемъ сознаніи. Наше сознаніе для того, чтобы воспринимать даже самое элементарное временное отношеніе, напр., послѣдовательность трехъ элементовъ А, В и С, должно обнаружить совершенно своеобразную *активность*. Сознаніе должно, воспринимая моментъ С, возвращаться къ моменту А и оба эти момента относить къ моменту В. Для того, чтобы осуществить этотъ процессъ, сознаніе такъ или иначе должно *синтезировать* впечатлѣнія. То же самое необходимо для воспріятія одновременности. Такимъ образомъ, слѣдуетъ сказать, что для воспріятія послѣдовательности и одновременности необходимо синтезирующее сознаніе. Другими словами, если бы не было сознанія, которое обладаетъ способностью такъ или иначе соединять, синтезировать опредѣленные представленія, то у насъ того понятія пространства и времени, которое мы имѣемъ, въ дѣйствительности не могло бы быть. Для того, чтобы объяснить возникновеніе понятія пространства и времени, необходимо признать синтетическую способность ума, что Кантъ и дѣлаетъ.

Такимъ образомъ, Кантъ признавалъ способность синтезированія, которой Спенсеръ не признавалъ прямо. Не признавая же этого, онъ могъ утверждать полную зависимость формъ сознанія отъ вѣшняго міра, въ то время какъ для Канта въ признаніи синтетической способности есть опора для утвержденія, что чувственный міръ въ томъ видѣ, какъ мы его познаемъ, создается при помощи сознанія, и именно его синтетической дѣятельности.

*) См., напр., «Основныя начала», § 47.

Вотъ почему намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе между Кантомъ и Спенсеромъ въ отношеніи къ вопросу о *синтетической дѣятельности сознанія*. Благодаря различію въ этомъ пунктѣ, у Спенсера умъ является чѣмъ-то совершенно пассивнымъ, въ то время какъ по Канту онъ обладаетъ активнымъ характеромъ.

Пояснимъ ближе, что значить синтетическая дѣятельность ума и какова ея роль въ процессѣ познанія. Философы давно уже признавали, что сознаніе обладаетъ способностью связывать представленія, которыя въ дѣйствительности не связаны другъ съ другомъ. Для того, чтобы могла осуществляться синтетическая дѣятельность, необходимо также, чтобы сознаніе сознавало свое тожество. Сознаніе, обладающее синтезирующею способностью и сознающее свое тожество, есть необходимое условіе познанія, и въ то же время необходимое условіе существованія «вещей» въ нашемъ познаніи. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что намъ дана извѣстная сумма чувственныхъ впечатлѣній, которыя мы воспринимаемъ послѣдовательно. Если бы между ними не установилось опредѣленной связи, то у насъ не могло бы получаться понятія вещи. Но связи въ самихъ вещахъ нѣтъ. Самосознаніе придаетъ эту связь вещамъ. Положимъ, что я хочу воспринять какую-либо линію, состоящую изъ элементовъ *a, b, c, d*. Если бы сознаніе не обладало синтетической дѣятельностью, то я могъ бы воспринять только элементъ *a* или только элементъ *b* и т. д., но мое сознаніе обладаетъ способностью не только послѣдовательно пройти рядъ *a, b, c, d*, но также и *соединить* ихъ въ одно цѣлое, линію. Только благодаря этому, изъ простой суммы элементовъ получается «вещь», «предметъ». Легко понять также, что если бы одно сознаніе воспринимало *a*, другое сознаніе воспринимало *b*, а третье *c* и т. д., то представленія «предмета» при такихъ условіяхъ не могло бы быть; нужно, чтобы сознаніе, которое воспринимаетъ *c*, помнило бы, что оно то же самое, которое раньше воспринимало *b*, а и т. д. Это то, что мы называемъ «тожествомъ сознанія».

Такимъ образомъ мы должны допустить въ качествѣ необходимаго предположенія познанія такое сознаніе, которое обладаетъ синтетической, объединяющей способностью и сознаетъ свое тожество. Только при такомъ предположеніи возможно предметное познаніе.

Въ этомъ пунктѣ между Спенсеромъ и Кантомъ имѣется огромное различіе. Кантъ предполагаетъ такое сознаніе, Спенсеръ же пытается его вывести. Онъ и въ этомъ вопросѣ стоитъ на эволюціонной точкѣ зрѣнія и потому для него не было бы непонятно допущеніе сознанія обладающаго синтетическими функціями. Онъ долженъ вывести сознаніе съ такими свойствами изъ какихъ-нибудь элементарныхъ психическихъ процессовъ. По его мнѣнію, самымъ основнымъ и самымъ элементарнымъ процессомъ является «воспріятіе сходства и несходства». Изъ этихъ-то процессовъ Спенсеръ и пытается вывести процессъ ассоціаціи,

а равнымъ образомъ и сознание. Сознание для него есть только лишь болѣе сложная форма тѣхъ первоначальныхъ процессовъ. По смыслу теоріи Спенсера, всѣ явленія сознания первоначально могутъ быть разложены на сумму внутреннихъ состояній. То, что мы называемъ «сознаніемъ», не предшествуетъ этимъ состояніямъ, какъ это нужно было бы ожидать, а наоборотъ, изъ смѣны различныхъ состояній, изъ соединенія различныхъ внутреннихъ состояній рождается сознание. Но едва ли можно согласиться со Спенсеромъ, что сознание, понимаемое, какъ синтетическая функція, можетъ создаться изъ простого соединенія разнородныхъ элементовъ.

Нельзя считать удовлетворительнымъ также и біологическое объясненіе единства сознания, или объединяющей функціи сознания. По Спенсеру то обстоятельство, что между отдѣльными частями мозга есть анатомическая связь, показываетъ, что установилась связь между духовными элементами. По этому объясненію, централизація нервной системы есть условіе единства сознания.

Но едва ли и такое объясненіе единства сознания можно было бы считать основательнымъ. Можно, конечно, согласиться со Спенсеромъ, что связь между отдѣльными частями мозга является показателемъ установившейся связи между отдѣльными психическими состояніями, но, очевидно, что какъ бы рядъ психическихъ состояній другъ съ другомъ ни связывался, единства сознания изъ этого не получится. *Рядъ психическихъ состояній останется только рядомъ.*

Спенсеру, такимъ образомъ, не удастся найти удовлетворительнаго объясненія единства сознания.

Я, конечно, не ставлю въ упрекъ Спенсеру его попытку вывести сознание изъ какихъ-нибудь элементарныхъ процессовъ, но дѣло въ томъ, что постановка такой проблемы приводитъ его къ необходимости признавать сознание чѣмъ-то исключительно *пассивнымъ*; не признавать за нимъ никакой активности, а такое признаніе привело его къ тому взгляду, что *сознаніе пассивно отражаетъ свойства внѣшняго міра*, между тѣмъ какъ, если бы онъ сталъ на точку зрѣнія Канта и призналъ *активность* сознания, то онъ отказался бы отъ мысли доказывать, что сознание только пассивно отражаетъ свойства внѣшняго міра; онъ долженъ былъ бы признать, что сознание очень многое отъ себя привноситъ въ познаніе внѣшняго міра.

Такимъ образомъ, эволюціонная психологическая точка зрѣнія повела Спенсера по ложному пути. И здѣсь причиной ложныхъ выводовъ является смѣшеніе психологической точки зрѣнія, съ гносеологической. Онъ примѣняетъ психологическую точку зрѣнія тамъ, гдѣ должна была быть принята въ соображеніе точка зрѣнія гносеологическая.

Смѣшеніе психологіи съ гносеологіей обнаруживается также и въ слѣдующемъ пунктѣ.

Мы ведали, что по теоріи Спенсера существуютъ связи между представленіями, которыя кажутся неразрывными и въ этомъ смыслѣ необходимыми. Чувство необходимости, сопровождающее нѣкоторыя связи нашихъ представленій, Спенсеръ объясняетъ тѣмъ, что эти послѣднія весьма часто связывались не только въ нашей индивидуальной опытности, но также и въ опытности предшествующихъ поколѣній. На первый взглядъ, кажется, что Спенсеръ говоритъ о той самой «необходимости», о которой говоритъ и Кантъ, но на самомъ дѣлѣ между ними есть огромное различіе.

Та необходимость, о которой говоритъ Спенсеръ, есть необходимость *субъективная, психологическая*, между тѣмъ какъ та необходимость, о которой говоритъ Кантъ, есть необходимость *объективная, логическая*. Различіе между этими двумя родами необходимости сводится къ слѣдующему.

Если я постоянно воспринимаю вмѣстѣ два представленія А и В, то въ концѣ концовъ у меня вырабатывается привычка мыслить ихъ вмѣстѣ. Я не могу мыслить одно представленіе безъ другого. Я чувствую, что одно представленіе не мыслимо безъ другого. Поэтому я и утверждаю, что связь между ними необходима. Но эта необходимость основывается на *чувствѣ*, а потому она и называется субъективной, психологической необходимостью; она есть результатъ ассоціаціи; такая необходимость можетъ быть и въ сознаніи животныхъ.

У Канта необходимость иная. Она имѣетъ характеръ объективный. Связь между представленіями мыслится нами необходимой не потому, что она часто встрѣчалась въ опытѣ, а потому, что сама наша мысль вноситъ эту необходимость въ вещи. Это внесеніе необходимой связи, напр., въ причинности, является условіемъ познанія.

По Спенсеру, причинная связь кажется необходимой потому, что во внѣшнемъ мірѣ извѣстная связь между представленіями встрѣчается настолько часто, что связь дѣлается неразрывной, и мы чувствуемъ, что эта связь не можетъ быть нами разорвана. У Канта связь необходимости имѣетъ не характеръ субъективнаго принужденія, а, наоборотъ, есть нѣчто объективное. Это происходитъ оттого, что та связь, которую созидаетъ наше сознаніе само по себѣ, мы считаемъ вещественной, предметной. Эта связь создается разсудкомъ и вносится въ познаніе объективнаго міра. Субъективно необходимой мы можемъ назвать, напр., галлюцинацію, потому что мы не можемъ отрѣшиться отъ нея, мы не можемъ мыслить иначе, что же касается объективной необходимости, то она принадлежитъ только объекту.

Нельзя думать, что та необходимость, которую мы приписываемъ объектамъ, есть только лишь результатъ извѣстнаго чувства, извѣстнаго предрасположенія мыслить такъ или иначе, какъ это думалъ Юмъ. Если бы это было такъ, то, напр., понятіе причины, которое утверждаетъ необходимость какого-либо дѣйствія при предположенномъ

условіи, было бы просто ложнымъ. Если бы допустить, что необходимость есть только извѣстное чувство, то я не имѣлъ бы права сказать, что «дѣйствіе связано съ причиной необходимо», я могъ бы только сказать, что «я такъ устроенъ, что я это представление *не могу мыслить иначе*, какъ только связаннымъ такимъ образомъ». Я не могъ бы сказать, что въ вещахъ дѣйствительно существуетъ объективная связь, а могъ бы только сказать, что мнѣ *кажется*, что въ вещахъ существуетъ опредѣленная связь.

Различіе между субъективной необходимостью и объективной такимъ образомъ вполне ясно. Спенсеръ хочетъ оправдать необходимый характеръ апріорныхъ понятій тѣмъ, что онъ психологически объясняетъ происхожденіе этихъ понятій, но это ошибочно. Если бы даже Спенсеръ и доказалъ психологически, что у насъ есть предрасположеніе мыслить связь между дѣйствіемъ и причиной необходимой, то это все-таки не избавляло бы насъ отъ постановки вопроса, отвѣчаетъ ли это предрасположеніе дѣйствительности или нѣтъ, *объективна ли та связь, которую я мыслю необходимой*, т.-е., другими словами, психологическое рѣшеніе вопроса о происхожденіи чувства необходимости не избавляетъ насъ отъ задачи изслѣдовать гносеологическій вопросъ о томъ, имѣетъ ли эта субъективная связь объективный характеръ *).

Защиту эволюціонизма противъ апіоризма взялъ на себя Паульсенъ **), взгляды котораго въ этомъ вопросѣ имѣютъ для насъ особую цѣну потому, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ писателей, которые способствовали разъясненію взглядовъ Канта.

По мнѣнію Паульсена, апіорныя функціи, конечно, существуютъ, но ихъ нельзя понимать въ такомъ *абсолютномъ* смыслѣ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно кантіанцы. Ихъ можно считать абсолютно истинными только при извѣстныхъ ограничительныхъ условіяхъ. «Апіорныя функціи могутъ быть истинны только при предположеніи, что формы мысли остаются постоянными и что среда, въ которой мы находимся, также остается постоянной».

При обратномъ предположеніи и апіорныя понятія утрачиваютъ свой абсолютный характеръ. Кантіанцы утверждаютъ, что формы пространства и времени отличаются совершенной неизмѣнностью. Паульсенъ думаетъ, что этого нельзя утверждать безъотносительно, потому что «если бы мы попали въ другое пространство, то само наше пространство и формы пространства у насъ сдѣлались бы другими», а отсюда ясно, что наши представленія о пространствѣ и времени имѣютъ совершенно относительный характеръ, находящійся въ зависимости

*) Riehl. Der philos. Kriticismus. B. I. 296—9. *Vaihinger*. Commentar zu Kant's. Krit. d. r. V. B, I стр. 359—361. *Koenig*. Entwicklung des Causalproplems. B. II. стр. 312 и д.

**) Введеніе въ философію. Кн. 2-я. Гл. 2-я. 4. Его же. I. Kant. 1898. стр. 202—3.

отъ природы нашего объективнаго пространства. Поэтому нужно считать современныхъ кантіанцевъ неправыми, если они признають пространство и время неизмѣнными.

Кантъ, по мнѣнію Паульсена, признавалъ неизмѣнныя формы мысли вслѣдствіе того, что онъ «исходилъ изъ біологическихъ представленій его времени, по которымъ природа живыхъ существъ неизмѣнна. Поэтому для него и форма созерцанія и мышленія суть принадлежность устойчивой организаціи ума». Но этотъ взглядъ совершенно несправедливъ. Если, напр., взять законъ причинности или понятіе закономерности, то можно легко показать, что оно является продуктомъ постепеннаго развитія, а отсюда, по мнѣнію Паульсена, можно сдѣлать выводъ, что съ точки зрѣнія развитія не можетъ быть рѣчи объ абсолютной апіорности извѣстной функціи. «Если стать на точку зрѣнія развитія, то весь вопросъ о характерѣ апіорности пріобрѣтаетъ совершенно особенный смыслъ. вмѣстѣ съ мозгомъ и чувствующимъ аппаратомъ развивается также созерцаніе пространства. Отсюда слѣдуетъ, что дальнѣйшее развитіе формъ созерцанія не только мыслимо, но и возможно».

Слѣдовательно, по мнѣнію Паульсена, можно показать, что «формы» сознанія могутъ видоизмѣняться въ зависимости отъ окружающихъ условій, что онъ не представляютъ чего-либо абсолютно неизмѣннаго, какъ это, повидимому, признають современные кантіанцы.

Съ Паульсеномъ можно согласиться, когда онъ утверждаетъ, что апіорныя функціи не имѣютъ абсолютнаго характера, но мнѣ кажется, что въ ученіи объ апіорности это утвержденіе не представляется важнымъ. Паульсену можно было бы такъ возразить: «пустъ измѣнятся условія воспріятія, пусть мы очутимся въ совсѣмъ другомъ мірѣ, но изъ этого вѣдь вовсе не слѣдуетъ, что тогда у насъ не будетъ апіорныхъ элементовъ познанія. Это, можетъ быть, будутъ другіе элементы. Дѣло не въ томъ, мыслимы ли другіе апіорные элементы и мыслимо ли ихъ видоизмѣненіе, а въ томъ, существуютъ ли элементы, которые не получаютъ изъ опыта, но которые тѣмъ не менѣе имѣютъ рѣшающее значеніе при созиданіи научнаго познанія».

Мнѣ кажется далѣе, что постоянное утвержденіе эволюціонистовъ, что возможно *измѣненіе* формъ сознанія при измѣненіи условій воспріятія, едва ли можно безусловно доказать. Какъ разъ наоборотъ, можно думать, что современная біологія совсѣмъ не сдѣлала яснымъ вопросъ о возможности измѣненія *формъ* пространства и времени. На основаніи современныхъ біологическихъ данныхъ можно было бы утверждать, что *воспріятіе* пространства и времени можетъ измѣняться въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ фізіологическихъ условій или вообще измѣнившихся органическихъ условій. Мы можемъ, напр., легко допустить, что при измѣненіи въ извѣстномъ направленіи условій жизни живыя существа будутъ воспринимать смѣну впечатлѣній быстрее

или медленіе, время для нихъ будетъ течъ скорѣе или медленнѣе, но очевидно, что для нихъ время, какъ извѣстная *форма послѣдовательности*, останется неизмѣнной. Вполнѣ мыслимо, что для нихъ время тоже будетъ представляться непрерывнымъ, однороднымъ; отдѣльные моменты времени будутъ слѣдовать одинъ за другимъ и т. п. Также легко мы можемъ допустить, что существа, перенесенныя въ псевдосферическое пространство или въ какое-нибудь иное пространство, будутъ иначе представлять пространственныя отношенія, но въ то же время мы должны будемъ признать, что *форма* пространства останется и для нихъ неизмѣнной, т.-е. и они будутъ представлять себѣ, что элементы пространства находятся *одинъ* другъ друга, что они *выположны*, что они *сосуществуютъ* и т. п. Поэтому мнѣ кажется, что обыкновенно проводимая аналогія между измѣненіемъ организмовъ и возможнымъ измѣненіемъ «формъ» сознанія просто несостоятельна.

Если уже проводить аналогію между измѣненіями организмовъ и, измѣненіемъ формъ сознанія, то слѣдовало бы брать не тѣ случайныя *внѣшнія формы*, въ которыя выливаются организмы, но тѣ общіе законы, которымъ слѣдуютъ организмы въ своемъ развитіи. Тогда едѣлось бы яснѣе, что проводить вышеуказанную аналогію нѣтъ возможности. Въ этомъ сравненіи соблазняетъ сопоставленіе «формъ» познанія съ «формой» организмовъ. На самомъ же дѣлѣ между тѣми и другими «формами» есть огромная разница. Когда мы говоримъ о возможности измѣненія формы организмовъ, то мы имѣемъ въ виду случайный *внѣшній видъ*, который могутъ *приобрѣтать* организмы; когда же мы говоримъ о «формахъ» сознанія, то мы имѣемъ въ виду тѣ общіе законы, которымъ подчиняется *человѣческое сознаніе*. Если уже сравнивать измѣненіе организмовъ съ измѣненіемъ сознанія, то слѣдовало бы сравнивать измѣненіе способовъ воспріятія съ измѣненіемъ формы организмовъ. Тогда можно было бы сказать, что способъ воспріятія можетъ измѣняться. Что же касается законовъ, которымъ слѣдуетъ *человѣческое мышленіе*, то о нихъ едва ли можно сказать, что они такъ же легко подвержены измѣненіямъ, какъ и формы организмовъ. А что же такое формы сознанія (пространство, время, причинность), какъ не законы, которымъ слѣдуетъ наше мышленіе. Поэтому эволюціонисты, которые говорятъ о возможности измѣненія формъ сознанія, должны были бы именно показать, что возможно измѣненіе *закономѣрности* сознанія, а не только измѣненіе способности воспріятія, а между тѣмъ, едва ли можно найти аргументы, которые дѣлали бы понятнымъ возможность такого измѣненія. Скорѣе можно сказать, наоборотъ, что имѣются доводы въ пользу обратнаго предположенія, именно, что при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ организмовъ, *закономѣрность* сознанія болѣе или менѣе неизмѣнна. Въ этомъ смыслѣ слѣдовало бы сопоставлять формы пространства и времени съ общими законами природы. Не можемъ ли мы, напр., сказать, что въ

эволюціи природы, ея общіе законы (притяженія, инерціи и т. п.) измѣняются? Конечно, нѣтъ. Точно такимъ же образомъ обстоитъ дѣло съ общими законами мысли. При всемъ измѣненіи содержанія мысли, они, по всей вѣроятности, не подвержены измѣненіямъ.

Тѣ, которые говорятъ о возможности измѣненія формъ сознанія, ссылаются обыкновенно на то, что для тѣхъ или другихъ формъ сознанія существуютъ опредѣленные *физиологическія условія*, которыя, конечно, подвержены измѣненію, а съ ними вмѣстѣ подвержены параллельному измѣненію и формы сознанія.

Я нахожу такой взглядъ на возможность измѣненія формъ сознанія неправильнымъ. Можно, конечно, сказать, что для «формъ» сознанія существуютъ опредѣленные физиологическія условія, но такъ какъ объ истинной связи между физиологическими процессами и формами сознанія мы ничего не знаемъ, то мы и не можемъ дѣлать никакихъ выводовъ относительно измѣняемости формъ сознанія. Да и самъ Паульсенъ согласенъ, что, «въ концѣ концовъ, нельзя даже указать и признаковъ того, чтобы формы интуиціи пространства и времени измѣнялись».

Способъ воспріятія пространства и времени измѣняется, но то, что мы считаемъ формой пространства и времени, не измѣняется. Мы можемъ допустить, что воспріятіе пространства и времени у животныхъ иное, чѣмъ у насъ. Мы можемъ допустить, что для животныхъ время протекаетъ быстрѣе, чѣмъ для насъ, что для нихъ пространственныя вещи могутъ казаться большими или меньшими, чѣмъ для насъ, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ допустить, чтобы какое-нибудь живое существо мыслило части пространства, не какъ вѣтѣположныя и сосуществующія, а какъ послѣдовательныя. Если бы оказалось какое-либо живое существо, которое воспринимало бы часть пространства какъ нѣчто *послѣдовательное*, то относительно такого существа мы сказали бы, что оно не имѣетъ представленія пространства, а имѣетъ только представленіе времени.

Такимъ образомъ, утвержденіе эволюціонистовъ, что будто бы формы сознанія могутъ измѣняться, нужно считать недоказаннымъ.

Чтобы закончить нашъ обзоръ различія между точкой зрѣнія эволюціонной психологіи и кантовской теоріей познанія, мы рассмотримъ еще одинъ пунктъ, который очень ясно показываетъ, что это суть двѣ совершенно отличныхъ другъ отъ друга точки зрѣнія. Я имѣю въ виду тотъ *телеологическій* моментъ, который выдѣляютъ современные кантіанцы и который, по ихъ мнѣнію, необходимо содержится въ кантовской теоріи познанія.

Почему мы утверждаемъ, что положеніе «нѣтъ дѣйствія безъ причины» должно считаться аподиктически достовернымъ, почему математическія положенія должны обладать всеобщностью и необходимостью?

Можемъ ли мы эти положенія *доказать* въ собственномъ смыслѣ этого слова, можемъ ли мы доказать такъ, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что эти положенія дѣйствительно обладаютъ всеобщностью и необходимостью? Ктонибудь, пожалуй, скажетъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эти положенія обладаютъ всеобщностью и необходимостью, что это фактически такъ, что это непосредственно очевидно, что это не подвергается сомнѣнію ни съ чьей стороны. Нѣкоторые апріористы думали, что доказательствомъ ихъ аподиктичности является то обстоятельство, что для насъ немислимо противорѣчащее имъ положеніе. Эмпирики, какъ мы видѣли, думаютъ, что немислимость отрицанія отнюдь не является достаточнымъ доказательствомъ, и поэтому достовѣрность апріорныхъ положеній такова же, какъ и эмпирическая. Мы знаемъ, что въ исторіи науки было очень много такихъ положеній, которыя казались необходимыми, но призрачность которыхъ впослѣдствіи была доказана. Нельзя, поэтому, опираться на непосредственную очевидность. Нѣкоторые кантіанцы и думаютъ, что нѣтъ надобности искать доказательствъ этихъ положеній. Указанныя положенія дѣйствительно обладаютъ всеобщностью, но только лишь съ телеологической точки зрѣнія. Это нужно понимать слѣдующимъ образомъ.

У человѣка есть стремленіе къ идеально совершенному знанію, но идеально совершеннымъ знаніемъ можетъ быть только такое знаніе, которое обладаетъ признаками всеобщности. Только такое знаніе можетъ быть названо истинно научнымъ. Мы убѣждены въ томъ, что такое познаніе осуществимо. Такое познаніе мы ставимъ *цѣлью*. Для достиженія этой цѣли необходимо выполненіе извѣстныхъ условій. Этими условіями именно и являются апріорныя понятія, или аксіомы, всеобщность и необходимость которыхъ и вносится нами въ познаніе. Сторонники этого направленія думаютъ, что аксіомы, которыя лежатъ въ основаніи наукъ, не суть сужденія въ собственномъ смыслѣ этого слова, а это суть «постулаты нашего влеченія къ совершенному познанію». Они какъ бы показываютъ, что мы должны выполнить для того, чтобы достигнуть совершеннаго познанія *).

Объяснимъ на примѣрѣ, какимъ образомъ познанію сообщается необходимый характеръ, благодаря тому, что въ основу его полагаются аксіомы.

Въ нашемъ научномъ познаніи всегда есть такіе элементы или понятія, которыя мы можемъ назвать аксіомами, значеніе которыхъ заключается въ томъ, что они изъ опыта никакъ доказаны быть не могутъ, но безъ признанія которыхъ въ то же время не можетъ быть

*) Объ этомъ см. мою статью «Объ апріорныхъ элементахъ познанія». «Вопр. филос. и психол.», № 60.

научнаго познанія, или того, что Кантъ называетъ опытомъ. Напр., мы дѣлаемъ тѣ или другія умозаключенія индуктивнаго характера, но вѣдь известно, что ихъ нельзя было бы дѣлать, если бы мы безмолвно не предполагали дѣйствительность закона причинности, т.-е. если бы мы не предполагали, что утверждаемое нами сегодня будетъ имѣть значеніе и завтра, если бы мы, другими словами, не предполагали дѣйствительности закона однообразія природы. Намъ нѣтъ надобности открыто выражать его, но мы его предполагаемъ. Безъ предположенія такого закона было невозможно строить индуктивнаго умозаключенія. Въ этомъ пунктѣ тотчасъ же обнаруживается различіе между точкой зрѣнія эмпирической и критической.

Эмпирикъ утверждаетъ, что понятіе причинности, или законъ причинности получается изъ опыта; изъ многочисленныхъ повтореній однихъ и тѣхъ же событій получается убѣжденіе, что въ природѣ царитъ однообразіе, и этимъ объясняется необходимый характеръ закона причинности. Критическая точка зрѣнія признаетъ, что доказать изъ опыта необходимость закона причинности не представляется никакой возможности, но, между тѣмъ, очевидность этого закона вполне несомнѣнна. Потому-то нѣкоторые критицисты и говорятъ, что закона причинности доказать нельзя, да онъ и не есть научное положеніе въ обыкновенномъ смыслѣ слова; онъ есть только «постулатъ нашего стремленія къ совершенному познанію» *).

Такимъ образомъ, уже изъ этого ясно, что мы должны называть телеологической точкой зрѣнія. Мы ставимъ извѣстную цѣль, именно совершенное познаніе. Для достиженія этой цѣли необходимо выполненіе извѣстныхъ условій, на этотъ разъ такимъ условіемъ является именно всеобщность и необходимость извѣстныхъ положеній или аксіомъ.

«Можно показать,—говоритъ Виндельбандъ,—что аксіомамъ присуща необходимость телеологическая, по которой дѣйствительность аксіомъ признается, но только подъ условіемъ, что должны быть осуществлены извѣстныя цѣли. Съ критической точки зрѣнія, эти аксіомы необходимы, но только лишь потому, что онѣ необходимы для извѣстной цѣли» **).

Въ этомъ заключается различіе между генетическимъ и критическимъ методомъ. «Для критическаго метода эти аксіомы, какъ бы ни было далеко ихъ фактическое признаніе, суть нормы, которыя дѣйствительны при томъ предположеніи, что мышленіе имѣетъ цѣлью быть истиннымъ». Мы вѣримъ въ то, что существуетъ общедѣйствительное познаніе. Это нашъ исходный пунктъ. Для того, чтобы эта

*) Sigwart. «Logik». В. II, стр. 23.

**) Windelband. «Präludien». 1884, стр. 247 и д.

цѣль осуществилась, необходимы тѣ принципы, которые нами дѣйствительно признаются. Вслѣдствіе этого критическая точка зрѣнія является въ то же время телеологической. Именнo она какъ бы хочетъ сказать: «намъ нѣтъ никакой надобности доказывать, дѣйствительно ли законъ причинности имѣетъ необходимый характеръ, но зато мы можемъ сказать, что безъ признанія необходимости этого закона не можетъ быть научнаго познанія».

Такимъ образомъ можно видѣть, что критическій методъ тоже-ствененъ съ телеологической точкой зрѣнія. Эту точку зрѣнія весьма хорошо Виндельбандъ характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Какимъ бы образомъ ни приходило къ сознанію признаніе той или другой аксіомы, критическій методъ создается изъ убѣжденія, что существуютъ общія цѣнности и для того, чтобы онѣ могли быть достигнуты, эмпирический процессъ представленія, хотѣнія и чувствованія долженъ подчиняться тѣмъ или инымъ *нормамъ*, безъ которыхъ выполнение этихъ цѣлей невысказимо. Эти общія цѣнности суть: истина въ мышленіи, доброта въ волѣ и дѣйствіи, красота въ чувствованіи, и всѣ эти три идеала представляютъ каждый въ своей области стремленіе къ тому, что достойно всеобщаго признанія». Просто фактическое существованіе тѣхъ или другихъ апіорныхъ элементовъ еще не является доказательствомъ объективности ихъ.

Это соображеніе я привелъ для того, чтобы показать, насколько критическая точка зрѣнія отличается отъ просто генетической. По этой послѣдней, повидимому, вполне достаточно прослѣдить происхождение, генезисъ того или другого понятія, чтобы судить о его характерѣ. Критицизмъ, становясь на телеологическую точку зрѣнія для доказательства всеобщности и необходимости апіорныхъ положеній, ведетъ свое доказательство такимъ образомъ, что оно ничего общаго съ психологіей не имѣетъ.

Подведемъ итоги. Мы видѣли, что различіе между генетической и критической точкой зрѣнія заключается въ томъ, что онѣ преслѣдуютъ различныя задачи. Генетическая точка зрѣнія поставляетъ задачу изслѣдовать происхожденіе тѣхъ или другихъ формъ познанія, а критическая имѣетъ цѣлью опредѣлить объективное значеніе тѣхъ или другихъ понятій, которыя мы и называемъ апіорными. Эти послѣднія изъ опыта не получаютъ, а между тѣмъ, познаніе безъ нихъ осуществиться не можетъ. Когда мы говоримъ объ объективномъ значеніи апіорныхъ понятій, то мы въ сущности желаемъ опредѣлить, почему апіорное понятіе, которое мы изъ опыта не получаемъ, имѣетъ, однако, объективный характеръ. Въ изслѣдованіи этого вопроса заключается сущность критицизма.

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ, опровергъ ли Спенсеръ Канта или же нѣтъ? Можно сказать, что нѣтъ, потому что въ

дѣйствительности точки зрѣнія эволюціонная и критическая другъ друга не исключаютъ. Нельзя эволюціонной гипотезой опровергать теорію Канта, потому что Кантъ ставитъ совсѣмъ не тѣ задачи, которыя интересуютъ эволюціониста: нельзя путемъ доказательства происхожденія понятій доказывать гносеологическія проблемы.

Спенсеръ прошелъ мимо кантовской теоріи. Можно прямо сказать, что онъ не понялъ истиннаго смысла послѣдней *).

Взгляды Спенсера на происхожденіе понятій имѣютъ значеніе только лишь для психологіи, но не имѣютъ рѣшающаго значенія для теоріи познанія. Взгляды Канта и взгляды Спенсера могутъ жить совмѣстно другъ съ другомъ. А отсюда видно, какъ неправы тѣ, которые продолжаютъ утверждать, что теорія Канта устраняется дарвинизмомъ или эволюціонной гипотезой. Такое желаніе устранить кантовскую теорію объясняется только лишь тѣмъ, что неправильно понимается апріоризмъ; въ этомъ понятіи все еще склонны видѣть нѣчто мистическое, чего въ немъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ нѣтъ.

*) Такъ какъ можетъ показаться страннымъ упрекъ, что такой выдающійся философъ, какъ Гербертъ Спенсеръ, не понималъ Канта, то я спѣшу замѣтить, что это, очевидно, произошло отъ того, что Спенсеръ, подобно другимъ англійскимъ писателямъ, просто игнорировалъ Канта. Вотъ, напр., его собственное заявленіе о томъ, какъ онъ изучалъ «Критику чистаго разума». «Въ 1844 году мнѣ попался въ руки переводъ «Критики чистаго разума» и я прочелъ тѣ первыя страницы, на которыхъ излагается теорія пространства и времени, но такъ какъ я рѣшительно отвергаю ее, то я закрылъ ее. Съ тѣхъ поръ мнѣ такъ приходилось дѣлать еще два раза, такъ какъ, будучи мало терпѣливымъ читателемъ, я совершенно не способенъ читать сочиненія, съ основными взглядами котораго я не согласенъ». (Цит. въ статьѣ И. И. Ланшина въ введеніи къ 1-му изд. «Психологіи» Джемса, стр. 19 прим.).

КАРА-МЕДЖИДЪ.

(Изъ жизни Закавказья).

Кара-Меджидъ, высоко задравъ рубашонку, несется вдоль кочевья. По срединѣ головы у него пробрита широкая дорога въ рай *), и клоки волосъ на вискахъ развѣваются отъ вѣтра во всѣ стороны. Толстыя голыя ножки быстро мелькаютъ. Для красоты и крѣпости мать заботливо нарисовала ему пятки хной **), и онъ въ большомъ удовольствіи. Правда, той же хной вымазанъ хвостъ у ишака старшины, но ею же выкрашена и широкая борода сосѣдняго муллы, и потому пятки Кара-Меджида—предметъ зависти для всѣхъ ребятишекъ кочевья.

Кара-Меджидъ замѣтилъ, что подходитъ баранта, а значить и Аи близко. Меджида еще не было на свѣтѣ, когда отецъ привезъ изъ Кара-Джюджей маленькаго круглаго щенка, вымѣнявъ его на лучшаго барана. Щенокъ выросъ въ громаднаго, угрюмаго пса. „Точно медвѣдь“—говорилъ отецъ любуясь, и назвалъ его Аи. Сначала собака была вся сѣдая, только морда черная, да по спинѣ тянулась узкая черная полоска. Къ старости и морда посѣдѣла. Аи одинъ загоняетъ отару овецъ, рветъ въ одиночку волка и разъ прыгнулъ на взбѣсившагося верблюда, но Кара-Меджида онъ боится. По крайней мѣрѣ, когда маленькій Кара еще на четверенькахъ подползалъ къ нему, Аи ложился на спину и задиралъ всѣ четыре лапы кверху, что въ общемъ составляло массу, много превосходившую величину ребенка.

Кара-Меджидъ не ошибся; дѣйствительно, за отарой идетъ отецъ, а рядомъ Аи. Но вотъ переднія овцы замѣтили бѣгущаго Меджида и, на мгновеніе окаменѣвъ, вдругъ рванулись въ сторону, и вся отара ринулась и, толкаясь, кучей понеслась въ ущелье. „А-ррры-ы!“ кричитъ отецъ, бросаясь за ней. Аи даетъ большой

*) Туземцы мусульмане брѣютъ или всю голову, или пробриваютъ широкую полосу по темени черезъ затылокъ до шеи. „Дорога въ рай“, какъ называютъ простонародье.

**) Хно—красная растительная краска.

кругъ и, забѣжавъ впередъ, разомъ врѣзывается въ кучу. Баранта тотчасъ же мгновенно поворачивается и летитъ къ кочевью. Аи забѣгаетъ то съ одного бока, то съ другого, хватая за ноги отстающихъ, толкаетъ ихъ грудью и сбиваетъ всѣхъ въ кучу. „А, кѣнай оглы!“ — бормочетъ отецъ, ища глазами Меджида, но того уже нѣтъ. Онъ сообразилъ, что сейчасъ попадаться отцу нельзя... послѣ — ничего, а теперь — опасно.

Сегодня кочевье будетъ сниматься и тронется на югъ. Въ горахъ уже холодно. Кара-Меджиду вспоминается необозримая степь, изъ которой они ушли весной, такая просторная, точно налитая желтымъ паромъ. Какъ теперь тамъ тепло, зелено, а главное... просторно. Вотъ уже нѣсколько дней у него точно падаетъ что-то въ груди, какъ только онъ вспомнить степь. Кажется, если бы нельзя было уйти туда, онъ бы умеръ, легъ бы вотъ тутъ, между этихъ суровыхъ горъ и умеръ. И Кара-Меджидъ смотритъ кругомъ и не можетъ понять, отчего это у него въ степи весной точно также падало въ груди, когда онъ вспоминалъ эти сѣрые камни, эти строгія горы и вѣтеръ, который поетъ и гудитъ въ ущельи. Тогда, казалось, онъ тоже бы умеръ, если бы не ушелъ изъ степи. „Жарко тамъ было и очень ужъ просторно“ — соображаетъ Меджидъ, но это его не удовлетворяетъ. Теперь, вѣдь, тамъ тоже жарко и просторно, а у него становится сладко въ груди, какъ только подумаетъ о степи.

„Курлы — курлы“... несется откуда-то сверху, тихо такъ, точно музыка.

„Журавли“, думаетъ Кара-Меджидъ, и его зоркіе глаза быстро отыскиваютъ черныя точки въ небѣ, тянущіяся на югъ. А вонъ надъ горой мелькаетъ сѣрая тучка — это стрепета, — тоже собираются въ путь. И Кара-Меджидъ ложится на спину и, заложивъ руки подъ голову, весь отдается думамъ о степи.

„А вѣдь Аи теперь у коневки!“ быстро проносится у него въ головѣ, и онъ вскакиваетъ и бѣжитъ къ своей кибиткѣ. Аи тамъ и что-то хлебаетъ изъ чашки, вздрагивая животомъ. Старый песъ воситъ на мальчика и борется между двумя желаніями: убѣжать и докончить чашку. Последнее беретъ верхъ. Ночью было холодно, и Аи не сомкнулъ глазъ, зорко вглядываясь въ темноту и напряженно ища ухомъ голосъ волка въ завываніи вѣтра. И старый Аи намучился и жадно дохлебываетъ теперь чашку, поджимая хвостъ. Кара-Меджидъ знаетъ, что получить сейчасъ большое удовольствіе: когда Аи кончитъ, онъ ухватитъ собаку за хвостъ, та рванется, и Меджидъ упадетъ и поѣдетъ на брюхѣ по гладкому солончаку. На этотъ разъ дѣло выходитъ не совсѣмъ такъ: Меджидъ стучается головой о какую-то кочку и набиваетъ шишку. Происходитъ замѣшательство, которымъ

пользуется Ли и убѣгаетъ. Кара-Меджидъ нѣкоторое время кри-
вить ротъ, собираясь заревѣть, но соображаетъ, что отецъ въ
кибитѣ и можетъ какъ-нибудь по своему отнестись къ его
горю. Да и солнце такое веселое, а потомъ вѣдь сегодня въ
степь!

Вотъ уже съ крайней кочевки снимаютъ кошмы и увязы-
ваютъ шерстяными арванами. Скоро и мать его начнетъ соби-
раться, звонко переключаясь съ сосѣдками. Мало-по-малу все
кочевье приходитъ въ движеніе: вездѣ мелькаютъ старыя прокоп-
ченныя кошмы, оголяются остовы кибитокъ, вытаскиваются ковры,
паласы, тюшеки, разбираются самые остовы, и весь незатѣйливый
скаръ выючится на верблюдовъ, ишаковъ и мелкихъ горныхъ
быковъ. Кара-Меджидъ поспѣваетъ вездѣ. Вотъ онъ заглянулъ
въ бурдюкъ съ сыромъ, попалъ ногой въ чашку съ рисомъ...
Какъ весело!.. Выскочивъ изъ кибитки, онъ носится въ припрыжку
съ десяткомъ другихъ ребятишекъ по всему кочевью. Всѣ они
орутъ, визжатъ, мѣшаютъ и получаютъ шлепки и окрики. Рыжій
Гасанъ опять нашелъ скорпіоновъ,—цѣлую семью подъ большимъ
камнемъ. Нѣкоторое время Меджидъ увлекается ихъ избиеніемъ,
но затѣмъ его крашенныя пятки опять мелькаютъ повсюду. Имъ
овладѣваетъ какой-то азартъ. Маленькая Эргень плетется ему на-
встрѣчу. Это его невѣста (Кара-Меджидъ уже сосватанъ!..). Онъ
даетъ ей туза, и невѣста летитъ кубаремъ и реветъ благимъ
матомъ.

Кочевье вытягивается по тропинкѣ. Баранта давно уже ушла,
и ее не видно. Длинный, долгій путь!.. Они будутъ идти день,
другой, третій... будутъ идти недѣлю, больше недѣли. Женщины
понесутъ дѣтей на спинахъ. Тѣ изъ ребятъ, кто побольше, пой-
дутъ сами, взрѣдка сядя на вьюки. День потянется за днемъ,
съ холма въ ущелье, изъ ущелья на гору. Плохой отдыхъ, кое-
какъ ѣда. Дѣти устанутъ скоро, Кара-Меджидъ поздаѣ другихъ.
Онъ крѣпокъ, да и скота въ его кочевѣ больше другихъ, и онъ
чаще сидитъ то на быкѣ, то на верблюдѣ. Идутъ среди чужихъ
пашень, около чужихъ посѣвовъ, по старымъ пастбищамъ. Ого-
всюду выходятъ люди стеречь поля отъ погравы. Люди вооружены.
Ихъ кочевье считается самымъ буйнымъ и смѣлымъ, и Кара-
Меджиду нравится, что ихъ боятся. Мужчины кочевья спокойно
оглядываютъ караульныхъ и ночью запускаютъ скотъ прямо въ
посѣвы. Происходятъ драки, бывають раненные, бывають убитые,
и Кара-Меджидъ, слушая дикіе крики, вскакиваетъ и, топоча
ножками, визжитъ, пока шлепки матери не успокаиваютъ его.
Вотъ и молоканскія поля. Здѣсь ихъ скотъ голодаетъ.

„Урусъ-ларъ“.—шепчетъ Кара-Меджидъ,—„русскіе“, и гля-
дитъ на этихъ бѣлокурыхъ людей съ сѣрыми и голубыми глазами.

Онъ не можетъ понять, какъ это люди съ такими добрыми лицами могутъ такъ хорошо драться, что съ ними рѣдко связываются даже мужчины ихъ кочевья.

Случается подъѣзжаютъ какіе-то вооруженные люди и поговоривъ съ мужчинами, мирно отъѣзжаютъ. „Качагъ“ *), слышитъ Кара-Меджидъ почтительный шопотъ, и Меджиду хочется быть качагомъ.

Мало-по-малу кочевье устаетъ страшно. Дѣти почти всѣ ослабли, нѣкоторые больны; сдался и Меджидъ. Онъ уже едва плетется, глаза потускнѣли, и губы сухи и потрескались. Среди большихъ чаще ссоры и драки. Скотъ отощалъ.

Но вотъ горы кончаются. Съ одного хребта разомъ откывается степь, и у Меджида захолонуло въ душѣ. Кажется весь міръ Божій глянулъ на него безчисленными глазами и прямо, и сверху, и съ боковъ. Конца степи не видно, онъ сливается въ нѣжномъ молочномъ туманѣ съ небомъ. Свѣтъ заливаешь все. И Меджиду кажется, что за спиной у него стала громадная черная стѣна и выдвинула его впередъ.

Долго идутъ и по степи, но это уже не то. Тепло, всюду бархатная зелень, кормъ скоту вездѣ. Ихъ кочевье споконъ вѣку стоитъ у большой рѣки въ низкой, густо заросшей травой мѣстности. Кибитки разбиты и нѣсколько дней въ кочевьи мертвая тишина. Спать, лежать или сидять, тихо, въ глубокомъ молчаніи. Кое-кто умираетъ, и Меджидъ слышетъ, какъ старики собираются въ сотый разъ просить, чтобы имъ отвели другое мѣсто для пастбищъ. Здѣсь кыздырма и безѣкъ **), и люди мрутъ, какъ мухи: въ горахъ одинъ, а въ степи—десять. Особенно горячится старый Алекперъ; ему чуть не сто лѣтъ, онъ высохъ, какъ тростникъ, и никакая кыздырма его не беретъ.

— Такъ ли было у насъ въ мою молодость?—хрипло шамкаетъ онъ, брызгая слюною:—вѣдь когда мы трогались въ путь, то саранчой покрывали все по дорогѣ. Никто не смѣлъ и показаться у своихъ полей. Цѣлыми аулами выходили на насъ, и мы били ихъ. А теперь что? Попались молоканскія поля—мимо, и дотронуться не смѣй! Годъ отъ году все меньше народу; какъ придутъ въ степь, такъ и мрутъ! Проклятая кыздырма всѣхъ перебьетъ. Гдѣ Сурхай, Талыбъ, Юсупъ...—и онъ пересчитываетъ лучшихъ людей кочевья, самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ.

Старикамъ больно, что нѣтъ Сурхая, Талыба и другихъ,—это ихъ гордость; молодымъ больно, что молокане уберегли поля отъ потравы,—это ихъ позоръ. Рѣчь Алекпера достигаетъ двой-

*) Качагъ—разбойникъ, бѣглый.

**) Кыздырма — болотная лихорадка съ жаромъ, корчами, рвотой; безѣкъ — тоже съ ознобомъ. Туземцы раздѣляютъ эти двѣ разновидности.

ной цѣли: осенью будетъ послана бумага съ просьбой новыхъ мѣстъ, а весной будутъ страшныя драки съ молоканами.

Отецъ никогда не бьетъ Кара-Меджидѣ, но отца онъ все-таки боится, а мать часто шлепаетъ его, и онъ ее нисколько не боится. Это она сгоряча, а вообще балуетъ и нѣжитъ его. Онъ одинъ; другихъ и маленькую Джейранъ унесла кыздырма. Ночью онъ спитъ съ матерью и во снѣ все вертится. Часто онъ упирается матери въ животъ ножонками, и она отодвигается, давая ему какъ можно больше мѣста и улыбаясь этимъ маленькимъ теплымъ ножкамъ. Она не такъ, какъ другія, любитъ чистоту и каждый вечеръ моетъ ему ножки и, прижавъ къ груди, крѣпко цѣлуетъ ихъ украдкой: стыдно матери цѣловать ноги у сына.

Вечеръ. Кара-Меджидѣ начинаетъ засыпать. Вдругъ собаки кочевья рванулись и несутся въ степь. Кара-Меджидѣ насторожился, да и всѣ прислушиваются. Лай не на волка, а на чловѣка, да и то какой-то особенный. „Иты кѣйма!“ слышенъ сильный голосъ издали, и ему вторять другіе. „Держи собакъ, иты кѣйма!“ — гнѣвно повторяетъ тотъ же голосъ. Мужчины давно уже выскочили и бѣгутъ, отсвистывая собакъ назадъ, но вѣтеръ относитъ свистъ. Слышенъ уже не лай, а какой-то ревъ. Вдругъ въ темнотѣ мелькнулъ свѣтъ, и спустя нѣкоторое время что-то бухаетъ. „Выстрѣлъ“ — думаетъ Кара-Меджидѣ и напряженно вслушивается. На мигъ лай разомъ умолкаетъ, но затѣмъ загорается съ новой силой. Но вотъ мужчины добѣжали, слышенъ виноватый визгъ собакъ и крѣпкая русская и татарская ругань на кочевниковъ. „Пыристовъ-ды“... шепчутъ женщины, пугливо мечась по кочевью. Но это не пристава, а его переводчикъ съ казаками.

Въ кочевьи шумъ. Завтра утромъ пріѣдетъ самъ пристава, — надо приготовиться. Очищаютъ большую кибитку, несутъ ковры, подушки, посуду. Вездѣ разговоръ, суетня. Только въ кибиткѣ Меджидѣ тихо: всѣ собаки вернулись, Аи — нѣтъ. Отецъ хмурясь и шепча проклятiя уходитъ его искать. У Кара-Меджидѣ сѣгается краска съ лица: „Что-жъ это, Аи убили?“ недоумѣваетъ онъ. Еслибъ убили лошадь, барана... если бы убили чловѣка... онъ бы понялъ, но Аи!.. Какъ можно убить Аи!.. Мать тоже недоумѣло и растерянно смотреть. Забѣжала сосѣдка и у той на лицѣ гнѣвъ и недоумѣніе... Кочевникъ не бьетъ собакъ, а только окрикиваетъ. Кочевникъ проститъ ударъ себѣ и не проститъ удара его собакѣ. Безъ собаки — онъ безъ рукъ, безъ собаки — онъ нищій. Отары разбѣгутся, ихъ разнесутъ волки, разворуютъ люди, и убить собаку грѣшно, зло и глупо...

Отецъ возвращается и молча, угрюмо ложится: онъ не нашелъ Аи. Должно быть, тотъ забѣжалъ куда-нибудь. Въ кибиткѣ стихаетъ. Кара-Меджидѣ даже не можетъ плакать. Онъ широко

открытыми глазами смотреть въ темноту, и въ головѣ его тупо стучить одно и то же: „Аи нѣтъ, Аи больше нѣтъ“. „Какой онъ былъ смѣлый въ степи и робкій и неуклюжій въ кочевьи...“ — думаетъ Кара-Меджидъ и вспоминаетъ, какъ собака, продрогши съ отарой цѣлую зимнюю ночь, приходила къ кибиткѣ и сидѣла, робко косясь большими черными глазами и ожидая чего-нибудь. Аи было много лѣтъ, и ребра его выдавались, и то, что онъ былъ такой старый, худой и робкій, пронизываетъ Меджида чѣмъ-то жгучимъ, и онъ плачетъ навзрыдь. „Инэ варъ“ *), сурово окрикивается отецъ, и по твердому сильному голосу слышно, что онъ не спалъ. Кара-Меджидъ умолкаетъ... Вотъ ему кажется, кто-то стонетъ снаружи. Потихоньку онъ отстраняется отъ матери, сползаетъ съ теплой постели и выбирается на воздухъ. Никого, — это ему показалось. Только шакалы гдѣ-то перекликаются, то плача, то смѣясь. Кара-Меджидъ стоитъ и ждетъ, ждетъ напряженно, ждетъ до тѣхъ поръ, пока рубашонка его вся смочается отъ росы и онъ начинаетъ непрерывно дрожать. „Не придетъ Аи“, съ тоской думаетъ Меджидъ, и на лбу у него ложится первая морщинка.

Чуть свѣтъ отецъ опять уходитъ искать. Онъ скоро возвращается и такъ швыряетъ объ землю свою длинную пастушью палку, что та подпрыгиваетъ вверх и гудитъ, какъ струна. „Застрѣлили...“ говоритъ онъ матери и глядитъ на коневку перевозчика такими глазами, что мать хватается его за руки и шепчетъ про Сибирь, про веревку, про Меджида... Да, если бы не страшное слово: „приставъ“ — быть бѣдѣ!..

У Меджида болитъ голова, у Меджида жаръ, у Меджида кыздырма. Потрашеніе и ночная прогулка не прошли даромъ. Онъ мечется и корчится отъ страшной боли во всемъ тѣлѣ, дрожитъ и плачетъ. Мать разомъ теряется. Всѣ ея дѣти умерли отъ кыздырмы, и заболѣлъ послѣдній и самый любимый. Отецъ посылаетъ ее къ хакиму **). „Чагыръ, кой гельсунъ!“ ***) говоритъ онъ сурово, и когда мать исчезаетъ, подходитъ къ сыну и долго глядитъ ему въ лицо своими горячими и смѣлыми глазами. „Аллахъ...“ шепчутъ его побѣлѣвшія губы, и по лицу пробѣгаетъ судорога. Но когда возвращается мать, онъ уже отошелъ въ сторону и стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, спокойный на видъ и только суровѣй обыкновеннаго.

Приходитъ важный хакимъ въ высокой папахѣ. Ладони рукъ у него крѣпко покрашены хной, ногти тоже, борода тоже, даже волосы на головѣ кое-гдѣ ярко-красны. Это самый глупый изъ хакимовъ, но другого нѣтъ и приходится мириться съ этимъ.

*) Что такое?

**) Хакимъ — туземный знахарь.

***) Зови, пусть придетъ!.

Онъ усаживается на корточки и кладетъ Кара-Меджида передъ собой.

„Бисъ милій...“ говоритъ хакимъ и плюетъ предварительно на брюшко ребенка. Потомъ онъ долго мнетъ Кара-Меджида, потомъ важно сидитъ молча, пока мать робко и тревожно, отецъ пылливо и сурово смотрятъ на него. Наконецъ, онъ поднимаетъ голову и говоритъ: „кыздырма“. Но тѣ и сами знаютъ, что кыздырма.

— Что дѣлать? говоритъ отецъ.

— Умереть онъ?..—спрашиваетъ мать.

— Аллахъ биллїръ...—Богъ знаетъ!—отвѣчаетъ хакимъ матери и молчитъ отцу.

„Что дѣлать“, думаетъ хакимъ, „шайтанъ его знаетъ, что дѣлать! Развѣ съ кыздырмой что сдѣлаешь—все равно умереть...“ но не говоритъ этого, а начинаетъ врать. „Герекъ...—съ разстановкой начинаетъ хакимъ,—надо...“ и медленно, цѣдя слово за словомъ, онъ излагаетъ курсъ леченія. Оказывается, что надо поднять полы кибитки, чтобы свободно проходилъ воздухъ, закрыть Меджида всего, кромѣ ногъ—тѣ оголить и дать ему арбузнаго собу. Ребенокъ лежитъ подъ одѣяломъ, мокрый отъ пота, съ оголенными ножками и дрожить отъ свѣжаго утренника. Мать сидитъ напротивъ, она подурнѣла и стала почти черной.

Солнце уже стоитъ высоко, когда прїѣзжаетъ приставъ. У его кочевки цѣлая толпа. Начинается разборъ жалобъ и претензій и многочисленныя взысканія. Кого-то порютъ, кому-то вяжутъ руки. Это обычный результатъ кочевыхъ передвиженій и повторяется неизмѣнно два раза въ годъ, весной и осенью. Весной дерутъ въ горахъ, осенью въ степи.

Вмѣстѣ съ приставомъ прїѣзжаетъ и тотъ веселый землебръ, который былъ здѣсь и въ прошломъ году. Онъ опять будетъ разбирать ихъ вѣковѣчную ссору съ сосѣднимъ кочевьемъ изъ-за пастбищъ, опять будетъ уговаривать ихъ помириться. Изъ этого, конечно, ничего не выйдетъ, какъ и въ прошломъ году, но все кочевье съ благословеніями будетъ провожать его, какъ и тогда, и лучшіе всадники вихремъ будутъ мчаться по степи, джигитую съ безуміемъ молодости. Дѣло въ томъ, что онъ, вѣроятно, опять привезъ съ собой тотъ горькій, бѣлый порошокъ, отъ котораго гудитъ въ ушахъ, у иныхъ горятъ и чешутся ладони и надуваются жилы на лбу, но отъ котораго проходитъ кыздырма, страшная кыздырма, убивающая иной разъ человѣка въ одну недѣлю.

Первая узнаетъ прїѣхавшаго ахметкина мать. Ахметъ долженъ былъ умереть, но ему дали того бѣлаго порошка и онъ остался живъ. Понемногу по кочевью расходится извѣстіе, что прїѣхалъ прошлогодній „шинovníкъ“. Къ этому чиновнику и подходитъ-то не страшно—онъ такой простой и веселый. Но какъ только до него добраться? Съ нимъ опять толсторожій. Де-

доть, его переводчикъ и разсылный. Этотъ Оедоръ никого не пускаетъ. „Пёдырь!—умоляютъ его женщины,—Пёдырь-бекъ!“. Но „Оедоръ-бекъ“ неумолимъ. Сначала приставка „бекъ“ къ его имени была магической: Оедоръ тотчасъ пускалъ; но мало-помалу онъ привыкъ и уже обижается, если его назвать просто „Пёдырь“, а не „Пёдырь-бекъ“. Этотъ „бекъ“ теперь стоялъ у кочевки своего барина и, покуривая, благодушно игралъ плетью.

Мать Кара-Меджида долго не могла понять, когда сосѣдка трещала ей, что пріѣхалъ прошлогдній „пиновникъ“. Какое ей дѣло до всѣхъ чиновниковъ міра? Кара-Меджидъ боленъ, Кара-Меджидъ умретъ. Она тупо глядитъ на сосѣдку и снова переводитъ взглядъ на сына. Но едва та произноситъ „бѣлый порошокъ“, какъ мать догадывается и, кое-какъ накинувъ чадру, бѣгомъ бѣжитъ по кочевью. Только у кибитки землемѣра она умѣряетъ шагъ: широкая фигура „бека“ Оедора дѣйствуетъ на нее угнетающе. Какъ-то спотыкаясь и захлебываясь отъ слезъ, она подходитъ и почтительно садится на землю. Онъ такой важный, этотъ „Пёдырь-бекъ“ и такъ много значить теперь для нея, что она не смѣетъ при немъ стоять. Сначала со страху губы матери только шепчутъ: „Кара-Меджидъ... кыздырма... весь горитъ...“ „Бекъ“, поджавъ губы, небрежно глядитъ въ сторону и молчитъ; его широкая харя сіяетъ самодовольствомъ и величіемъ. Но лишь только мать собирается съ силами и начинаетъ громко: „Мѣнымъ оглы...“, какъ Оедоръ зеленѣетъ отъ злости и показываетъ ей плетъ. Женщина, согнувшись, умолкаетъ и только бессмысленно шевелитъ губами. „Оедоръ-бекъ“ продолжаетъ стоять; къ барину онъ не пуститъ: во-первыхъ, тотъ съ дороги усталъ и спитъ, а если бы и не спалъ... изъ-за чего?.. Мрутъ! Велика важность!.. „Орда чертова!..“ думаетъ Оедоръ, презрительно глядя на закопченныя кибитки, голыхъ ребятишекъ и худую убогую фигуру женщины. Онъ входитъ въ кибитку и опять появляется, а женщина все сидитъ и шепчетъ. Проходитъ часъ, другой... „Сейчасъ баринъ проснется и увидитъ эту чертову куклу...“ думаетъ Оедоръ и направляется прогнать ее. Но женщина скорѣе позволить убить себя, чѣмъ уйдетъ, и Оедоръ уже собирается отхлестать ее. Но „баринъ“ въ самомъ дѣлѣ проснулся. „Оедоръ, умываться!“ слышитъ женщина молодой, сильный голосъ и, не удержавшись, начинаетъ громко плакать. На порогѣ появляется самъ землемѣръ.

— Ага, ага... *)—бросается къ нему женщина и уже кричитъ про Кара-Меджида, кыздырму, смерть...

—Переводи... понявъ только слово „кыздырма“, отрывисто говорить „ага“ Оедору.

*) «Ага»—«большой господинъ», обычное обращеніе къ важнымъ лицамъ.

— Да такъ это она, Григорій Михалычъ... мальчонка боленъ у ней...

— Переводи, говорятъ тебѣ, все!..—кричитъ, всплывъ, землемѣръ.

Отедоръ переводить.

—Дай ей хины...—говорить „ага“, морщась и отвертываясь отъ изступленныхъ глазъ матери.—Экое ты животное, погляжу я на тебя...—невозможно говорить онъ Отедору.

—Да, вѣдь, у насъ у самихъ мало, не дай Богъ заболѣмъ здѣсь...—начинаетъ тянуть „бекъ“, но землемѣръ пристально смотритъ на него, и оскѣпшій Отедоръ, неохотно уходитъ въ кибитку.

—Постой, можетъ, у него жаръ... тогда нельзя... Скажи ей, я самъ пойду дамъ... Пусть подождетъ...

Тѣмъ временемъ отецъ Меджида опять привелъ хакима. Этотъ хакимъ (какъ и всѣ впрочемъ) въ серьезныхъ случаяхъ, первымъ дѣломъ, отчего бы то ни было, старается пустить кровь, изъ руки, изъ груди, изъ бока — чаще всего изъ бока. Хакимъ съ важностью усаживается и начинаетъ править небольшой ножъ-бичагъ. Тамъ что будетъ, а сейчасъ онъ откроетъ бочокъ ребенка и сдѣлаетъ на немъ нѣсколько наръзовъ, побѣжитъ кровь, и... отецъ Меджида будетъ глядѣть съ уваженіемъ и ожиданіемъ.

Войдя въ кочевку, Отедоръ разомъ догадывается въ чемъ дѣло. „У, эшекъ-оглы!“—говоритъ онъ и даетъ хакому такую затрепщину, что высокая папаха летитъ въ одну сторону, а бичагъ въ другую. Кара-Меджидъ глотаетъ горькій бѣлый порошокъ морщется и плачетъ.

И многимъ даютъ въ этотъ разъ порошокъ. Землемѣръ нарочно привезъ большую банку, и когда онъ уѣзжаетъ, ничего-таки не сдѣлавъ въ пограничномъ спорѣ, кочевье шумно и благодарно провожаетъ его. Мужчины жмутъ руки, говорятъ ласковые слова и тихо и довѣрчиво треплутъ его по плечу. Мать Кара-Меджида плачетъ.

А самъ Меджидъ, заплетаясь еще слабыми ножками, бродитъ около кибитки. Онъ очень блѣденъ, но глазенки уже плутовски бѣгаютъ, и только порой облачко печали затуманиваетъ ихъ: старого Аи убили, и Меджидъ смотритъ нехорошими глазами на провожатыхъ чиновника. Кара-Меджидъ не раздѣляетъ восторговъ матери; всѣ чиновники дѣлаютъ больно: одинъ убилъ Аи, другой мучилъ его, Меджида, горькимъ порошкомъ. А сколькихъ связали и увезли, сколькихъ били...

Мало-по-малу всадники скрываются въ горячихъ волнахъ степного воздуха, и Меджиду не видать ихъ, и Меджиду веселѣй.

Николай Лялинь.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Первая любовь.

Передъ закатомъ набѣжало
Надъ лугомъ облако—и вдругъ
На взгорье радуга упала
И засверкало все вокругъ:
Стеклянный, рѣдкій и ядреный,
Съ веселымъ шорохомъ спѣша,
Промчался дождь, и лѣсъ зеленый
Затихъ, прохладой дыша...

Вотъ дождь! Ужъ это не впервые:
Прольется и уйдетъ изъ глазъ...
Какъ эти ливни золотые,
Пугая, радовали насъ!
Едва лишь добѣжимъ до чащи—
Все стихло!.. О, зеленый кустъ!
О, взоръ счастливый и блестящій
И холодокъ покорныхъ устъ!

Въ морѣ.

Когда вдоль корабля, качаясь, вьется пѣна
И небо межъ снастей синѣетъ въ вышинѣ,
Люблю твой блѣдный ликъ, безмолвная Силена,
Твой безнадежный взоръ, сопутствующій мнѣ.
Люблю подъ шорохъ волнъ рыбацкіе напѣвы
И свѣжесть отъ воды—ночные вздохи волнъ,
И созданный мечтой, манящій образъ дѣвы,
И мой бездѣльный путь, мой одинокій челнъ.

* *

Что напрасно мечтать! Кто на пѣсню откликнется?
 Каждый слышетъ въ ней только свое.
 Пусть скорѣе душа съ одиночествомъ свыкнется,—
 Все равно не веротишь ее!
 Еслибъ вы и сошлись, еслибъ вы и смирились,
 Ужъ не той она будетъ, не той...
 Кто вернетъ тотъ закатъ, какъ навѣкъ вы простились,—
 Темный взоръ, засіявшій слезой?
 Дни идутъ, и теперь отъ былого остались
 Только думы о томъ, чего нѣтъ,
 Лишь цвѣты, что цвѣли въ день, когда вы вѣнчались,
 Да поблекшій портретъ!

С м е р т ь.

Спокойно на погостѣ подъ луною.
 Крестовъ объяты, камни и сарень...
 Но вотъ нашъ склепъ: подъ мраморной стѣною,
 Какъ темный призракъ, вытянулась тѣнь.
 И жутко мнѣ. И мой двойникъ могильный
 Какъ будто ждетъ чего-то при лунѣ...
 Но я иду,—и тѣнь, какъ рабъ безсильный,
 Опять ползетъ, опять покорна мнѣ!

* *

Чашу съ темнымъ виномъ подала мнѣ богиня печали.
 Тихо выпивъ вино, я въ смертельной истомѣ поникъ.
 И сказала безстрастно, съ холодной улыбкой богиня:
 „Сладокъ ядъ мой хмѣльной. Это лозы съ могилы любви!“

Ив. Бунинъ.

ПЕРЕВОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Пѣвецъ изъ Кумы *).

(Фантазія).

Анатоля Франса.

Онъ шелъ по тропинкѣ, извивающейся берегомъ моря вдоль холмовъ. Его непокрытое чело, изрытое глубокими морщинами, было охвачено повязкой изъ алой шерсти. Морской вѣтеръ разметалъ на вискахъ бѣлыя кудри волосъ. Пушистая бѣлоснѣжная борода обрамляла лицо. Его хитонъ и босыя ноги были подобны цвѣту тѣхъ дорогъ, по которымъ онъ странствовалъ уже столько лѣтъ. Съ боку у него висѣла самодѣльная лира. Его звали Старцемъ, иногда также называли Пѣвцомъ. Дѣти, которыхъ онъ обучалъ поэзіи и музыкѣ, дали ему и прозвище, и многіе звали его Слѣпцомъ, ибо зрачки его померкшихъ глазъ были закрыты вѣками, опухшими и покраснѣвшими отъ дыма очаговъ, около которыхъ было обычное мѣсто пѣвца. Однако, онъ не былъ погруженъ въ вѣчный сумракъ и, говорятъ, его взору было доступно то, чего не могли видѣть другіе смертныя. Онъ пережилъ три поколѣнія и все бродилъ непрерывно изъ города въ городъ. И вотъ, послѣ того, какъ онъ пѣлъ цѣлый день у одного изъ царей Эгеи, онъ возвращался въ свой домъ, дымящуюся кровлю котораго можно было различить уже издали. Пройдя не останавливаясь всю ночь, чтобы не быть настигнутымъ въ пути полуденнымъ зноемъ, онъ теперь въ сіяніи зари увидѣлъ свою родину, бѣлоснѣжную Киму. Въ сопровожденіи пса, онъ медленно подвигался впередъ, опираясь на изогнутый посохъ и, собравъ остатокъ старческихъ силъ, бодро выпрямился и высоко откинулъ голову, чтобы не споткнуться на тропинкѣ, круто спускавшейся въ узкую долину. Солнце поднималось надъ горами Азіи и обливало розовымъ свѣтомъ скалистые, разсѣянные на морѣ, острова и на небѣ легкія тучки. Берегъ блисталъ. Но холмы, увѣнчанные терпентинными и мастиковыми деревьями, тянувшіеся на

*) Кума или гр. форма Корѣ—въ Эолиі, легендарная родина Гомера.

востокъ, были окутаны тѣнью и сохраняли еще ласковую свѣжесть ночи.

Старецъ отсчиталъ на этомъ склонѣ двѣнадцать разъ длину двѣнадцати копій и напелъ налѣво отъ себя въ ущельи, между двумя скалами-близнецами, узкій входъ въ священную дубраву. Тамъ на берегу ручья возвышался жертвенникъ, сложенный изъ грубыхъ камней.

Олеандръ на половину скрывалъ его своими гибкими вѣтвями, усыянными яркими цвѣтами. На вытоптанной площадкѣ передъ нимъ бѣлѣли кости жертвенныхъ животныхъ. Всюду кругомъ висѣли дары на вѣткахъ оливковыхъ деревьевъ. Дальше въ зловѣщей тѣни ущелья высидѣсь два древнихъ дуба; къ ихъ стволамъ были прибиты черепа быковъ. Зная, что это алтарь, посвященный Фебу, Старецъ углубился въ лѣсъ и, связъ съ пояса висѣвшую на немъ небольшую чашу, наклонился къ ручью, который по ложу изъ сельдерей и кресса устремлялся къ лугамъ.

Онъ наполнилъ чашу свѣжей водой и набожно выплеснулъ нѣсколько капель передъ жертвенникомъ, прежде чѣмъ сталъ пить. Онъ молился безсмертнымъ богамъ, не вѣдающимъ ни страданій, ни смерти, между тѣмъ какъ на землѣ смѣняють другъ друга жалкія поколѣнія людей. Вдругъ ужасъ объялъ его и онъ устранился стрѣль сына Латоны. Изнуренный болѣзнями и обремененный лѣтами, онъ любилъ дневной свѣтъ и боялся смерти и оттого у него явилась благая мысль. Онъ наклонилъ гибкій стволъ молодого вяза и, притянувъ его къ себѣ, повѣсилъ глиняную чашу на вершину деревца, и оно, выпрямившись, вознесло къ широкому небу приношеніе Старца.

На морскомъ побережьи высилась Кимэ, опоясанная своими бѣлыми стѣнами. Горная дорога, выложенная плоскими камнями, вела къ воротамъ города. Эти ворота были выстроены еще въ тѣ времена, о которыхъ исчезло уже всякое воспоминаніе; по сказанію, это было дѣломъ боговъ. Надъ воротами въ камнѣ были высѣчены какіе то знаки, смысла которыхъ никто не могъ объяснить, но всѣ считали ихъ приносящими счастье. Недалеко отъ этихъ воротъ тянулась площадь, а на ней подъ деревьями бѣлѣли скамьи старѣйшинъ. Близъ этой то площади, со стороны противоположной морю остановился Старецъ. Тамъ былъ его домъ. Тѣсный и низкій, онъ не могъ сравниться красотой съ сосѣднимъ домомъ, въ которомъ жилъ съ дѣтьми славный прорицатель. Входъ былъ наполовину скрытъ кучей навоза и въ ней рылся кабанъ. Она была невелика, не такая объемистая, какъ передъ жилищами богатыхъ людей. Но за домомъ тянулся садъ и стоялъ хлѣвъ; Старецъ сложилъ его своими руками изъ неотесанныхъ камней. Солнце взошло до середины залитого свѣтомъ неба; вѣтеръ съ моря упалъ. Все проникающій зной напоминалъ воздухъ и палилъ грудь людей и животныхъ. Старецъ приостановился на порогѣ своего дома,

чтобы стереть рукой потъ со лба. Его пещь, внимательно уставясь на него, стоялъ съ высунутымъ языкомъ, порывисто дыша.

Старая Меланто появилась на порогѣ изъ глубины жилища и ласково привѣтствовала его. Она опоздала, ибо нѣкій богъ вселилъ въ ея ноги злого духа, раздувшаго ихъ и сдѣлавшаго ихъ тяжелѣй двухъ мѣховъ вина. Это была каріенская рабыня; одинъ царь еще въ юности подарилъ ее пѣвцу, бывшему тогда молодымъ и полнымъ силъ. И на ложѣ своего новаго повелителя она зачала большое количество дѣтей. Но ни одного изъ нихъ не осталось въ домѣ. Одни умерли, другіе ушли далеко, чтобы въ городахъ ахейцевъ зарабатывать хлѣбъ свой въ качествѣ пѣвцовъ или колесниковъ, такъ какъ всѣ они были хитроумны. А Меланто жила въ домѣ лишь со своей невѣсткой Аретэей и двумя дѣтьми Аретэн.

Она проводила господина въ большой покой съ закопченными балками, посреди котораго, передъ домашнимъ алтаремъ, лежалъ покрытый раскаленными угольями и облитый растопленнымъ жиромъ камень очага. Въ этотъ покой выходили въ два яруса небольшія комнаты, принадлежавшія женщинамъ. На столбахъ, поддерживающихъ крышу покоилось теперь то бронзовое оружіе, которое старецъ носилъ въ молодости, когда слѣдовалъ за царями въ тѣ города, куда они являлись на своихъ колесницахъ выручать кимейскихъ дѣвушекъ, похищенныхъ героями. На одномъ изъ брусевъ висѣло бедро быка.

Старѣйшины города накануне прислали его пѣвцу, чтобы почтить его. Онъ порадовался при видѣ этого. Стоя, вздохнувъ до глубины своей иссушенной годами груди, онъ досталъ изъ складокъ хитона вѣстѣ съ головками лука, остатками своего грубаго ужина, подарокъ эгейскаго царя—камень, упавшій съ неба и драгоцѣнный, такъ какъ онъ былъ изъ желѣза, хотя и слишкомъ малъ, чтобы сдѣлать изъ него наконечникъ копья. Онъ принесъ также голышъ, найденный имъ по дорогѣ. Камешекъ этотъ, если взглянуть на него съ одного бока, являлъ изображеніе человѣческаго лица. И Старецъ, показывая его Меланто, говорилъ:

— Жена, взгляни, какъ этотъ голышъ похожъ на кузнеца Пакора; простой камень не могъ бы такъ походить на Пакора, если бы Боги не попустили этого.

И когда старая Меланто омыла ему водой ноги и руки отъ покрывающей ихъ пыли, онъ взялъ обѣими руками бедро быка, отнесъ на жертвенникъ и сталъ его разрѣзывать. Будучи мудрымъ и осторожнымъ, онъ не довѣрялъ приготовленія пищи ни женщинамъ, ни дѣтямъ и, по примѣру царей, самъ варилъ мясо животныхъ.

Тѣмъ временемъ Меланто старалась развести огонь въ очагѣ. Она раздувала сухія древесныя вѣтки до тѣхъ поръ, пока божество не воспламенило ихъ. Хотя забота объ огнѣ была также священнымъ дѣломъ, Старецъ терпѣлъ, чтобы оно было совершаемо женщиной, такъ какъ самъ

былъ удрученъ годами и усталостью. Когда вспыхнуло пламя, онъ бросилъ въ него куски мяса и перевертывалъ ихъ бронзовыми вилами. Присѣвъ на корточки, онъ вдыхалъ ѣдкій дымъ, наполнявшій комнату и вызывавшій ему на глаза слезы. Но, въ силу привычки, это не тяготило его, да и дымъ этотъ былъ знакомъ изобилія... По мѣрѣ того, какъ грубость мяса уступала непобѣдимой силѣ огня, онъ подносилъ куски ко рту и молча ѣлъ, медленно пережевывая ихъ старческими зубами. Стоя рядомъ, старая Меланто наливала ему чернаго вина въ глиняную чашу, подобную той, которую онъ принесъ въ даръ божеству.

Когда онъ утолилъ голодъ и жажду, онъ спросилъ, все ли благополучно въ домѣ и въ хлѣву, много ли шерсти наткано въ его отсутствіи, сколько сыровъ приготовлено и созрѣли ли маслины. И помысливъ о скудости своего имущества, онъ сказалъ:

— Герои пасутъ на лугахъ цѣлыя стада быковъ и телицъ, имѣютъ многочисленныхъ, красивыхъ и сильныхъ рабовъ; изъ слоновой кости и мѣди двери ихъ домовъ, и столы ихъ украшены золотыми чашами. Твердость ихъ духа обезпечиваетъ имъ богатства, которыя они сохраняютъ иногда до старости. Правда, въ молодости и я былъ равенъ имъ по отвагѣ, но у меня не было ни лошадей, ни колесницъ, ни слугъ, ни даже брони, достаточно крѣпкой, чтобы соперничать съ ними въ бояхъ и добывать себѣ золотые треножники и прекрасныхъ женщинъ. Кто сражается пѣшой съ ничтожнымъ оружіемъ, тотъ не можетъ уничтожить многочисленныхъ враговъ, ибо самъ боится смерти. Такъ и я, сражаясь подъ городскими стѣнами въ безвѣстной толпѣ слугъ, никогда не возвращался домой съ богатой добычей.

Старая Меланто отвѣчала:

— Война даетъ людямъ богатства, но она и отнимаетъ ихъ. Отецъ мой Кифъ владѣлъ въ Милатѣ дворцомъ и безчисленными стадами. Но вооруженные люди все отняли у него, а его самого убили. Меня же увели въ рабство, но со мной не обходились жестоко, такъ какъ я была молода. Вожди раздѣляли со мной ложе, и я никогда не нуждалась въ пищѣ. Ты былъ моимъ послѣднимъ и также наименѣе богатымъ властелиномъ.

И въ словахъ ея не звучало ни радости, ни грусти.

Старецъ отвѣчалъ ей:

— Меланто, ты не можешь на меня жаловаться,—я всегда обращался съ тобой ласково. Не упрекай меня въ томъ, что я не стяжалъ большихъ богатствъ. Кузнецы и оружейники богаты. Люди, искусные въ постройкѣ колесницъ, извлекаютъ выгоды изъ своей работы. Гадатели получаютъ большіе подарки. Но жизнь пѣвцовъ сурова.

Старая Меланто сказала:

— Жизнь многихъ людей полна лишеній.

И тяжелою походкою она вышла изъ дому, чтобы вмѣстѣ съ не-

вѣткой наносить дровъ. Былъ тотъ часъ, когда непобѣдимый солнечный зной угнетаетъ и людей, и животныхъ и даже заставляетъ смолкнуть щебетанье птицъ въ неподвижной листвѣ. Старецъ прилегъ на циновку и, покрывъ себѣ лицо, заснулъ.

Нѣсколько сновидѣній посѣтили его покой, но они не были ни прекраснѣй, ни замѣчательнѣй тѣхъ, что бывали ежедневно. Въ этихъ снахъ возникали передъ нимъ человѣческіе и звѣриные образы. И такъ какъ онъ замѣчалъ между ними людей, которыхъ зналъ во время ихъ жизни на цвѣтущей землѣ и которыя, лишившись дневного свѣта, лежали подъ могильной насыпью, то онъ убѣждался, что души мертвыхъ носятся въ воздухѣ, но что онѣ безсильны и подобны пустымъ тѣнямъ. Ему было открыто сновидѣніемъ, что существуютъ также души животныхъ и растений, которыя бываютъ видимы во время сна. Онъ былъ увѣренъ, что мертвецы, блуждая по Гадесу, сами создаютъ себѣ видимую внѣшность, ибо никто другой не могъ бы этого сдѣлать, — развѣ только кто-нибудь изъ тѣхъ боговъ, которые тѣшатся, обманывая слабый людской умъ. Но онъ не былъ прорицателемъ и не умѣлъ различать лживыхъ сновидѣній отъ сновъ правдивыхъ; ему наскучило ждать указаній отъ смутныхъ образовъ ночи, и мимо сомкнутыхъ вѣждъ своихъ онъ сталъ пропускать ихъ равнодушно.

Проснувшись, онъ увидалъ почтительно стоявшихъ передъ нимъ дѣтей кимейскихъ, которыхъ онъ обучалъ поэзіи и музыкѣ такъ же, какъ и его самого училъ нѣкогда отецъ. Между ними были оба сына его невѣстки. Нѣкоторые были слѣпы, такъ какъ пѣвцами по преимуществу должны были стать тѣ, которые, лишённые зрѣнія, не могли ни работать въ полѣ, ни слѣдовать за героями на войну.

Въ рукахъ они держали дары, которыми платили за уроки пѣвца: плоды, сыръ, медовый сотъ, овечью шкуру и ждали одобренія учителя, прежде чѣмъ возложить ихъ на домашній алтарь.

Старецъ поднялся, взялъ лиру, висѣвшую на одномъ изъ столбовъ, и ласково промолвилъ:

— Дѣти, справедливо, чтобы богатые приносили большій даръ, а бѣдняки давали бы меньшій. Зевсъ, отецъ нашъ, неравно распредѣлилъ богатства между людьми. Но онъ наказалъ бы ребенка, который бы утаилъ дань, должную божественному пѣвцу.

Бдительная Меланто пришла, дабы унести дары съ жертвенника. Старецъ, настроивъ лиру, принялся обучать пѣснѣ дѣтей, сидѣвшихъ кругомъ него на землѣ, скрестивъ ноги.

— Внимайте, — сказалъ онъ имъ, — битвѣ Патрокла съ Сарпедономъ. Эта пѣснь прекрасна.

И онъ запѣлъ. Громко и сильно переходили звуки изъ тона въ тонъ, равномерно и однообразно слѣдовалъ стихъ одинъ за другимъ. Изрѣдка, чтобы голосъ его не слабѣлъ, пѣвецъ извлекалъ одиночный звукъ изъ своей трехструнной лиры и, прежде чѣмъ перевести духъ,

испускалъ рѣзкій крикъ, сопровождаемый провзительнымъ звономъ струнъ.

Пропѣвъ число стиховъ, равное дважды числу пальцевъ на обѣихъ рукахъ, онъ заставлялъ дѣтей повторить ихъ, и они выкрикивали стихи звонкими голосами всѣ разомъ, дотрогиваясь, по примѣру учителя, до своихъ маленькихъ лиръ, ими самими сдѣланныхъ изъ дерева и вовсе не звучавшихъ. Старецъ терпѣливо повторялъ одни и тѣ же стихи до тѣхъ поръ, пока маленькіе пѣвцы не запоминали ихъ совершенно точно. Онъ хвалилъ внимательныхъ дѣтей, но тѣхъ, которымъ не хватало памяти или сообразительности, онъ ударялъ своей деревянной лирой, и они плакали, прислонясь къ одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ кровлю.

Примѣромъ своимъ училъ онъ ихъ пѣть, но онъ не прибавлялъ наставленій, ибо считалъ законы поэзіи установленными отъ вѣка и выше суда людского. Единственные совѣты, которые онъ давалъ имъ, касались благоприличія.

Онъ говорилъ имъ:

— Чтите царей и героевъ, которые возвышены надъ остальными людьми. Величайте героевъ по имени и по именамъ ихъ отцовъ, чтобы эти имена не забылись. Когда вы будете садиться въ собранія, оправляйте складки вашего хитона и старайтесь, чтобы ваша осанка была исполнена привлекательности и благопристойности.

И еще говорилъ онъ имъ:

— Не плюйте въ рѣки, такъ какъ онѣ священны. Въ пѣсняхъ, которымъ я васъ обучаю, не измѣняйте ничего, ни по своему нраву, ни по недостатку памяти; и когда, быть можетъ, царь скажетъ вамъ: «Эти пѣсни прекрасны. Кто имъ тебя научилъ?»—вы отвѣтите: «Я выучился имъ у Старца изъ Кимъ, слышавшаго ихъ отъ своего отца, которому, безъ сомнѣнія, внушило ихъ нѣкое божество».

Отъ бычьяго бедра у него оставалось нѣсколько отличныхъ кусковъ. Съѣвъ одинъ изъ нихъ передъ очагомъ и раздробивъ кости бронзовымъ молоткомъ, чтобы достать оттуда мозгъ, которымъ лишь онъ одинъ во всемъ домѣ былъ достоинъ питаться, онъ надѣлилъ остатками мяса женщинъ и дѣтей на два дня.

Тогда онъ увидѣлъ, что скоро ужъ не останется хорошей пищи, и подумалъ:

«Богачи любимы Зевсомъ, бѣдняки же нѣтъ. Я, безъ сомнѣнія, оскорбилъ, самъ того не зная, кого-нибудь изъ боговъ, скрывающихся въ лѣсахъ и горахъ, или, пожалуй, ребенка одного изъ безсмертныхъ; и вотъ въ искупленіе моего невольнаго грѣха, я долженъ влечить старость свою въ нищету. Часто мы и безъ дурного намѣренія совершаемъ поступки, достойные кары, ибо боги не вполне открыли людямъ, что можно и чего нельзя совершать. И воля ихъ темна».

Онъ долго размышлялъ надъ этимъ и, опасаясь, что ему придется

снова испытать мученія голода, онъ рѣшилъ, не оставаясь въ жилищѣ своемъ празднымъ, въ эту ночь направиться на этотъ разъ въ страны, гдѣ между скалъ протекаетъ Гермось и откуда видно, какъ на горѣ, вдающейся въ море, подобно носу финикійскаго корабля, покоятся Орпэя, Смирна и прекрасная Гиссія. И вотъ почему въ часъ, когда первыя звѣзды мерцаютъ на блѣдномъ небѣ, онъ опоясался ремнемъ своей лиры и пошелъ вдоль берега къ жилищамъ богатыхъ людей, любящихъ слушать во время долгихъ пировъ похвалы героямъ и генеалогію боговъ.

Онъ шелъ по своему обычаю всю ночь и въ розовомъ сіяніи утренней зари ему открылся городъ, вѣнчающій высокій мысъ, и онъ узналъ богатую, голубыми любимую Гиссію, съ вершины своей скалы смотрящую, какъ бѣлые островки рѣзвятся, подобно нимфамъ, въ сверкающемъ морѣ. Вблизи города, у источника, онъ присѣлъ отдохнуть и утолить свой голодъ лукомъ, принесеннымъ изъ дому въ складкахъ хитона.

Онъ еще не кончилъ свою трапезу, какъ увидѣлъ молодую дѣвушку; она съ корзиной на головѣ шла къ источнику мыть бѣлье. Сначала она поглядѣла на него съ недовѣріемъ, но увидѣвъ на немъ изорванный хитонъ и деревянную лиру и замѣтивъ, какъ онъ старъ, измученъ и утомленъ, она приблизилась безъ страха и внезапно, взволнованная жалостью и благоговѣніемъ, она зачерпнула обѣими горстями воды и освѣжила уста пѣвца.

И онъ назвалъ ее царской дочерью и обѣщалъ ей долгую жизнь, и сказалъ ей.

— Юная дѣва, рой желаній вьется вокругъ тебя. И я почти счастливымъ того, кто введетъ тебя на свое ложе. А я, старикъ, восхваляю твою красоту подобно ночной птицѣ, оглашающей съ кровли супруговъ воздухъ своимъ презираемымъ крикомъ. Я странствующій пѣвецъ. Юная дѣва, скажи мнѣ ласковыя слова.

И молодая дѣвушка отвѣчала:

— Если, какъ ты говоришь и какъ мнѣ кажется, ты дѣйствительно играешь на лирѣ, то не злой рокъ приводитъ тебя въ этотъ городъ. Богатый Мегесъ сегодня принимаетъ дорогого ему гостя и задаетъ старѣйшимъ жителямъ города большой пиръ въ честь своего гостя. Онъ, безъ сомнѣнія, пожелаетъ усладить ихъ слухъ пѣснями хорошаго пѣвца. Поди къ нему; его домъ видѣнъ отсюда. Въ него невозможно проникнуть со стороны моря, потому что онъ расположенъ на этомъ высокомъ мысѣ, врѣзывающемся въ средину волнъ и доступномъ однимъ буревѣстникамъ. Но если ты поднимешься къ городу по лѣстницѣ, высѣченной въ скалѣ, со стороны суши, близъ холмовъ, покрытыхъ виноградниками, ты, между всѣми, легко узнаешь домъ Мегеса. Онъ свѣжѣ побѣленъ известью и просторнѣй другихъ.

И Старецъ, съ усиленіемъ поднявшись на ноги взомелъ по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ людьми прежнихъ дней, достигнулъ возвы-

шенной площади, на которой расположена Гиссія, и безъ труда узналъ домъ богатаго Мегеса.

Онъ пришелъ въ добрый часъ, ибо кровь только что закланныхъ быковъ струилась наружу, и запахъ горячаго жира распространялся далеко.

Онъ переступилъ порогъ, проникъ въ обширный покой для пировъ и, прикоснувшись рукой къ жертвеннику, приблизился къ Мегесу, который раздавалъ приказанія слугамъ и разрѣзалъ мясо. Гости сидѣли уже вокругъ очага и радовались въ надеждѣ на обильную пищу. Среди нихъ было много царей и героевъ. Гость же, котораго Мегесъ хотѣлъ чествовать этимъ обѣдомъ, былъ хіосскій царь, который въ поискахъ за богатствомъ долго плавалъ по морямъ и много претерпѣлъ. Его звали Ойнэй. Всѣ гости смотрѣли на него съ восхищеніемъ, ибо онъ, какъ нѣкогда божественный Улиссъ, спасся отъ безчисленныхъ крушеній, на дальнихъ островахъ позналъ ласки волшебницъ и привезъ много сокровищъ. Онъ повѣствовалъ о своихъ трудахъ и странствіяхъ и, одаренный тонкимъ умомъ, прибавлялъ къ были и вымыслы.

Увидѣвъ на старцѣ лиру, висѣвшую сбоку, и угадывая въ немъ пѣвца, богатый Мегесъ сказалъ ему:

— Да будетъ благословенъ твой приходъ. Какія пѣсни умѣешь ты слагать?

Старецъ отвѣчалъ:

— Мнѣ вѣдома «Ссора царей», причина столь великихъ страданій ахейцевъ; я знаю «Нападеніе на стѣну». И пѣснь эта прекрасна. Я знаю также «Сказанія объ обманутомъ Зевсѣ», о «Посольствѣ» и о «Погребеніи мертвыхъ». И эти пѣсни прекрасны. Я знаю еще шесть разъ шестьдесятъ чудныхъ пѣснопѣвій.

Онъ такимъ образомъ хотѣлъ внушить имъ, что онъ знаетъ много пѣсенъ, но числа ихъ не помнитъ.

Богатый Мегесъ отвѣтилъ насмѣшливо:

— Бродячіе пѣвцы всегда говорятъ, въ надеждѣ на хорошій обѣдъ и богатый подарокъ, что они знаютъ много пѣсенъ; на повѣрку же выходитъ, что они запомнили лишь небольшое число стиховъ, и постоянно повторяя ихъ, они утомляютъ слухъ героевъ и царей.

Старецъ отвѣтилъ мѣтко:

— Мегесъ, — сказалъ онъ, — ты славись своими богатствами. Знай же, что число пѣсенъ, вѣдомыхъ мнѣ, равняется числу быковъ и телицъ, которыхъ твои пастухи водятъ на горныя пастбища.

Мегесъ, восхищенный мудростью старца, привѣтливо сказалъ ему:

— Нужно имѣть не мало ума, чтобы запомнить столько пѣсенъ. Но скажи мнѣ: то, что ты знаешь объ Ахилессѣ и Улиссѣ, истина ли это? Ибо о герояхъ этихъ распространяють неисчислимыя выдумки.

И Пѣвецъ отвѣтилъ:

— То, что я знаю объ этихъ герояхъ, я слышалъ отъ моего отца, а онъ узналъ это отъ самихъ музъ, ибо нѣкогда безсмертныя музы посѣщали еъ пещерахъ и лѣсахъ божественныхъ пѣвцовъ. Я не буду примѣшивать вымысла къ древнимъ сказаніямъ.

Такъ говорилъ онъ съ осторожностью. Но къ пѣснямъ, которыя онъ выучилъ съ младенчества, онъ привыкъ прибавлять стихи, взятые изъ другихъ пѣсенъ или созданные его воображеніемъ. Онъ и самъ слагалъ пѣсни почти цѣликомъ. Но онъ не сознавался въ этомъ изъ боязни, что въ его пѣсняхъ стануть находить что-либо достойное хулы. Герои слушали охотѣй сказанія о древнихъ временахъ, вѣря, что они были внушены богами, и съ недовѣріемъ относились къ пѣснямъ новымъ. Такъ что, когда ему случалось сказывать стихи, родившіеся въ умѣ его, онъ тщательно скрывалъ ихъ происхожденіе. Но онъ былъ чуднымъ поэтомъ и точно соблюдалъ всѣ установленныя обычаемъ правила, и оттого его стихи не отличались ничѣмъ отъ стиховъ предковъ; они были подобны имъ и по формѣ, и по красотѣ и достойны отъ самаго возникновенія своего безсмертной славы.

Богатый Мегесъ былъ умомъ не обиженъ. Догадываясь, что Старецъ былъ вѣщимъ пѣвцомъ, онъ отвелъ ему почетное мѣсто у очага и сказалъ ему:

— Старикъ, когда мы утолимъ нашъ голодъ, ты намъ споешь, что знаешь про Ахиллеса и Улисса. Постарайся очаровать слухъ Ойнэя, моего гостя, ибо герой этотъ исполненъ мудрости.

И Ойнэй, долго пространствовавшій по морю, спросилъ Пѣвца, вѣдомы ли ему скитанія Улисса. Но возвращеніе героевъ, сражавшихся подъ Троей, было еще покрыто мракомъ, и никто не зналъ, что выстрадалъ Улиссъ, блуждая по пустынному морю.

Старецъ отвѣчалъ:

— Я знаю, что божественный Улиссъ раздѣлялъ ложе Цирцеи и обманулъ Циклопа хитроумной выдумкой. Женщины объ этомъ рассказываютъ другъ другу сказки. Но возвращеніе героя въ Итаку скрыто отъ пѣвцовъ. Одни говорятъ, что онъ снова овладѣлъ и женою своею, и богатствами; другіе, что онъ изгналъ Пенелопу, такъ какъ она допустила жениховъ къ своему ложу; и что самъ онъ, караемый богами и лишенный покоя, блуждалъ среди народовъ съ весломъ на плечѣ.

Ойнэй отвѣчалъ:

— Я слышалъ во время моихъ странствованій, что Улиссъ умеръ, убитый рукой собственнаго сына.

Тѣмъ временемъ Мегесъ раздавалъ приглашеннымъ мясо быковъ. И каждому онъ подавалъ надлежащій кусокъ. Ойнэй громко хвалилъ его.

— Мегесъ, — сказалъ онъ ему, — видно, что ты привыкъ задавать няры.

Быки Мегеса были вскормлены благовонными травами, росшими по склонамъ горъ, такъ что и мясо ихъ стало отъ нихъ душистымъ, и

герои ѣли и все не могли вдоволь насытиться имъ. И такъ какъ Мегесъ непрерывно наполнялъ виною глубокую чашу и передавалъ ее гостямъ, то пиршество затянулось далеко за полночь. Ни у кого на памяти не было пира столь роскошнаго.

Солнце готовилось опуститься въ волны, когда пастухи, охранявшіе въ горахъ стада Мегеса, пришли получить свою долю мяса и вина. Мегесъ чествовалъ ихъ, потому что они пасли стада не беззаботно, какъ пастухи долинъ, но вооруженные мѣдными копьями и одѣтые въ броню, дабы защищать быковъ отъ нападеній азіатскихъ племенъ. И они были подобны героямъ и царямъ, съ которыми равнялись отвагой. Ихъ привели Пейръ и Той, которыхъ хозяинъ поставилъ надъ ними, какъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ умныхъ. Поистинѣ трудно было бы найти мужей прекраснѣй этихъ двухъ. Мегесъ принялъ ихъ у своего очага, какъ знатныхъ защитниковъ своихъ богатствъ. Онъ далъ имъ вдосталь мяса и вина.

Ойнэй, любуясь на нихъ, сказалъ своему хозяину:

— Я не встрѣчалъ въ своихъ странствованіяхъ столь прекрасно сложенныхъ и сильныхъ мужей, какъ эти два вожда пастырей.

Но тутъ Мегесъ молвилъ неосторожное слово. Онъ сказалъ:

— Пейръ сильнѣй въ борьбѣ, но Той превосходитъ его въ бѣгѣ.

Услыша это, оба пастуха злобно переглянулись, и Той сказалъ Пейру:

— Должно быть, ты поднесъ хозяину одурманивающаго напитка, если онъ рѣшается сказать нынѣ, что ты сильнѣй меня въ борьбѣ.

И разгнѣванный Пейръ отвѣчалъ Тою:

— Я горжусь тѣмъ, что побѣждаю тебя въ борьбѣ, что же касается бѣга, я уступаю первенство, которое присудилъ тебѣ хозяинъ. Коль у тебя сердце трусливой лани, то не удивительно, что ты обладаешь и ея быстрыми ногами.

Но мудрый Ойнэй укротилъ ссору пастуховъ. Онъ сталъ разсказывать остроумныя басни, гдѣ описывались опасности раздоровъ на пирахъ. И такъ какъ онъ хорошо говорилъ, то стяжалъ себѣ хвалу. Когда возстановилась тишина, Мегесъ сказалъ Старцу:

— Воспой намъ, друже, гнѣвъ Ахиллеса и собраніе царей.

Старецъ настроилъ свою лиру и въ душномъ покоѣ раздались звучные разскаты его голоса. Могучее дыханіе вырывалось изъ его груди, и всѣ гости въ молчаніи слушали мѣрные звуки, воскрешавшіе времена достойныя воспоминавія. И многіе думали:

«Не чудно ли, что человѣкъ старый, какъ изсохшая лоза, уже не приносящая болѣе ни листьевъ, ни плодовъ, можетъ извлекать изъ своей груди столь мощные звуки? Ибо они не знали, что пары вина и привычка пѣть давали пѣвцу тѣ силы, въ которыхъ отказывали ему его ослабѣвшія жилы и нервы.

Ропотъ похвалъ поднимался порой надъ собраніемъ, подобно дуо-

венію бурнаго зефира въ лѣсахъ. Но вдругъ ссора обоихъ пастуховъ, на мгновеніе затихшая, разразилась съ новой яростью. Разгоряченные виномъ, они вызывали другъ друга на состязаніе въ борьбѣ и въ бѣгѣ. Ихъ дикіе крики заглушали голосъ цѣвца, тщетно старавшагося покрыть ихъ гармоничными звуками своей лиры и своего голоса.

Пастухи, приведенные Пейромъ и Тоемъ, возбужденные и опьяненные, ударили дланями и ворчали, какъ кабаны. Они давно уже образовали двѣ соперничавшихъ шайки и враждовали, какъ и ихъ вожди.

— Собака! — крикнулъ Той.

И онъ ударилъ Пейра кулакомъ въ лицо такъ, что кровь хлынула у него изо рта и изъ ноздрей. Ослѣпленный Пейросъ толкнулъ лбомъ въ грудь Тою и тотъ упалъ навзничъ съ перебитыми ребрами. И вотъ пастухи-соперники бросаются другъ на друга, обмѣниваясь ругательствами и ударами.

Мегесъ и цари напрасно пытаются разнять освирѣвшихъ. И самъ мудрый Ойяэй оттолкнуть пастухами, которыхъ боги лишили разсудка. Мѣдныя чаши летятъ со всѣхъ сторонъ. Большія бычьи кости, пылающіе факелы, бронзовые треножники взлетаютъ въ воздухъ и тяжело опускаются на дерущихся. Бойцы, сбившись въ кучу, опрокидываютъ очагъ, гаснущій въ винѣ, пролившемся изъ разорванныхъ мѣховъ.

Густой мракъ окутываетъ трапезную, откуда поднимаются къ богамъ проклятія и вопли раненыхъ.

Разъяренные руки мечутъ впотьмахъ пылающими полѣньями. Горящая головня падаетъ въ Цѣвца, стоящаго неподвижно, и молча и ударяетъ его въ голову.

И тогда голосомъ, покрывающимъ шумъ битвы, онъ проклинаетъ домъ, оскорбившій его, и этихъ нечестивцевъ. И прижавъ лиру къ груди, онъ оставилъ жилище и пошелъ къ морю вдоль высокаго мыса.

Гнѣвъ его смѣнился глубокой усталостью и горькимъ отвращеніемъ къ людямъ и къ жизни.

Желаніе соединиться съ богами наполняло его грудь. Все кругомъ покоилось въ мягкомъ и безмолвномъ сумракѣ ночи.

На западѣ близъ тѣхъ странъ, гдѣ, говорятъ, носятся тѣни умершихъ, божественная луна, повисшая въ ясномъ небѣ, роняла серебристые цвѣты въ улыбающееся море. А старый Гомеръ продолжалъ подвигаться по высокой скалѣ до тѣхъ поръ, пока земля, носившая его такъ долго, не выскользнула у него изъ подъ ногъ.

Пер. съ франц. X.

Джесси.

(Изъ книги Anatole France «Le livre de mon ami.»).

Въ Лондонѣ, въ царствованіе Елизаветы, жилъ ученый, назывался онъ Богъ и былъ извѣстенъ подъ именемъ Богуса, какъ авторъ знаменитаго сочиненія объ ошибкахъ человѣчества, которое никто не видалъ.

Богусъ работалъ уже надъ нимъ двадцать пять лѣтъ, но не издалъ еще ни строки; рукопись, переписанная набѣло, составляла десять фоліантовъ, установленныхъ на полкѣ у окна. Первый томъ заключалъ въ себѣ разсужденіе объ ошибкахъ рожденія, основѣ всѣхъ ошибокъ. Въ слѣдующихъ томахъ говорилось объ ошибкахъ мальчиковъ и дѣвочекъ, юношей, зрѣлыхъ мужей и старцевъ, людей всякихъ званій и занятій, какъ-то: государственныхъ мужей, купцовъ, солдатъ, поваровъ, писателей и т. д. Послѣдніе тома, еще не обработанные окончательно, говорили объ ошибкахъ государствъ, которыя вытекаютъ изъ ошибокъ частныхъ лицъ.

Связь отдѣльныхъ положеній книги была такова, что нельзя было выкинуть ни одной страницы, не тронувъ дѣлаго; заключенія такъ и вытекали одно изъ другого и послѣднее неопровержимо доказывало, что зло—суть жизни, и что если жизнь опредѣленная величина, то можно математически точно показать, что зла на землѣ ровно столько же, сколько и жизни.

Богусъ не сдѣлалъ ошибки: онъ не женился. Онъ жилъ одинъ въ своемъ домикѣ, съ старой служанкой Кэтъ, т.-е. Катериной, которую онъ называлъ Клаузентина, потому что она была родомъ изъ Соутгэмптона.

Сестра философа была ума менѣе трансцендентнаго, чѣмъ ея братъ, и потому шла отъ ошибки къ ошибкамъ: она полюбила суконщика изъ Сити, вышла за него замужъ и произвела на свѣтъ дѣвочку—Джесси.

Послѣдней ея ошибкой была смерть послѣ десяти лѣтъ замужества. Слѣдствіемъ этой ошибки была смерть суконщика, не перенесшаго потери жены. Богусъ пріютилъ у себя сиротку, прежде всего изъ состраданія, а потомъ въ надеждѣ, что она доставитъ ему хорошій образчикъ дѣтскихъ ошибокъ.

Ей было шесть лѣтъ. Первую недѣлю она проплакала и все молчала. На восьмой день она сказала Богусу:

— Я видѣла маму, всю въ бѣломъ, съ цвѣтами въ складкахъ платья. Она высыпала цвѣты ко мнѣ на кровать, но я не нашла ихъ сегодня утромъ. Дай же мнѣ ихъ, мамины цвѣты.

Богусъ отмѣтилъ себѣ эту ошибку, но въ примѣчаніи поставилъ: «ошибка невинная и въ нѣкоторомъ родѣ изящная».

Нѣсколько времени спустя Джесси сказала:

— Дядя Богусъ, ты старъ и уродливъ, но я крѣпко люблю тебя и ты долженъ любить меня.

Богусъ взялся за перо, но, признавъ послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою, что онъ дѣйствительно не былъ уже болѣе молодъ и что никогда не былъ особенно красивъ, онъ не отмѣтилъ словъ ребенка и только спросилъ:

— Отчего надо любить тебя, Джесси?

— Потому что я маленькая!

«А развѣ дѣйствительно надо любить маленьких?» спросилъ себя Богусъ. «Можетъ быть, они въ самомъ дѣлѣ сильно нуждаются въ томъ, чтобы ихъ любили. Этимъ можно бы извинить обычную ошибку матерей, которыя даютъ своимъ младенцамъ молоко и любовь. Это глава моей работы, которую придется передѣлать».

Утромъ, въ день своихъ именинъ докторъ Богусъ вошелъ въ комнату, гдѣ были его книги и бумаги и которую онъ называлъ своей библіотекой. Онъ почувствовалъ пріятный запахъ и увидѣлъ на подоконникѣ горшокъ съ гвоздикой. Ихъ было всего три цвѣтка, но три пунцовыхъ цвѣтка, которые весело ласкало солнце. И все смѣялось въ ученомъ покоѣ: и старое кресло съ вышитымъ сидѣньемъ, и орѣховый столъ, смѣялись корешки старыхъ книгъ, изъ темной кожи, пергамента и свиной кожи. И Богусъ, высохшій, какъ они, началъ улыбаться. Джесси обняла его и сказала:

— Посмотри, дядя Богусъ, посмотри: здѣсь—небо,—и она показала при этомъ черезъ оправленные въ олово стекла на синеватую прозрачную даль,—тутъ ниже земля, земля въ цвѣтахъ,—она показала на горшокъ съ гвоздикой,—а внизу черныя толстыя книги, это—адъ.

А эти толстыя черныя книги и были какъ разъ десять томовъ разсужденія объ «Ошибкахъ человѣчества». Ошибка Джесси напомнила Богусу объ его трудѣ, о которомъ онъ нѣсколько забылъ въ послѣднее время, гуляя по улицамъ и садамъ съ племянницей. Дѣвочка находила всюду тысячи прелестныхъ вещей и открывала ихъ доктору Богусу, который раньше никогда не гулялъ. Богусъ развернулъ свою рукопись, но потерялся въ собственномъ трудѣ, гдѣ не было ни цвѣтовъ, ни Джесси.

Къ счастью, на помощь ему пришла философія, которая внушила Богусу мысль о томъ, что Джесси собственно ни на что не годна. Онъ тѣмъ крѣпче ухватился за ту мысль, что она была необходима для всего построенія его труда.

Однажды онъ размышлялъ объ этомъ предметѣ, когда увидѣлъ Джесси, которая вдѣвала нитку въ иголку въ библіотекѣ у того самаго окна, гдѣ стояла гвоздика.

Онъ спросилъ ее, что она собирается шить.

Джесси отвѣтила:

— Развѣ ты не знаешь, дядя Богусъ, что ласточки улетѣли?

Богусъ ничего этого не зналъ: объ этомъ предметѣ не говорили ни Плиній, ни Авиценна. Джесси продолжала:

— Кэтъ сказала мнѣ вчера...

— Кэтъ?—вскричалъ Богусъ.—Дитя, очевидно, говоритъ о почтенной Клаузеنتينѣ?

— Кэтъ сказала мнѣ вчера: «ласточки улетѣли въ этомъ году раньше обыкновеннаго, будетъ, значитъ, ранняя и суровая зима». Вотъ что мнѣ сказала Кэтъ. Потомъ я увидѣла маму въ бѣломъ платьѣ и съ сіяніемъ въ волосахъ, но цвѣтовъ у ней не было, какъ тогда. Она сказала: «Джесси, надо взять изъ сундука мѣховой халатъ дяди Богуса и зашить его, если онъ пораспоролся». Я проснулась и какъ только встала, вытащила халатъ изъ сундука, кое-гдѣ онъ расшился, и я его зашью.

Пришла зима и оказалась такой, какой ее предсказали ласточки. Богусъ въ халатѣ, грѣя ноги у огня, старался переработать нѣкоторыя главы своего разсужденія. Но всякій разъ, какъ ему удавалось согласовать свои новыя наблюденія съ теоріей всемірнаго зла, Джесси путала его мысли, появляясь съ кружкой хорошаго пива или просто глядя на него и улыбаясь.

Когда вернулось лѣто, дядя и племянница стали гулять по полямъ. Джесси собирала растенія, дядя называлъ ихъ ей, а она вечеромъ раскладывала ихъ соотвѣтственно ихъ свойствамъ. На этихъ прогулкахъ Джесси часто проявляла свой прямой умъ и прелестную душу.

Однажды вечеромъ она разложила на столѣ сорванные днемъ растенія и сказала Богусу:

— Теперь, дядя Богусъ, я знаю по именамъ всѣ растенія, которыя ты мнѣ указалъ. Вотъ тѣ, что лечатъ, и тѣ, что утѣшаютъ. Я хочу сохранить ихъ, чтобы всегда ихъ узнавать и указывать на нихъ другимъ. Мнѣ бы нужно толстую книгу, чтобы ихъ высушить.

— Вотъ возьми эту,—сказалъ Богусъ.

И онъ указалъ на первый томъ разсужденія объ «Ошибкахъ челоѣчества».

Когда на каждой страницѣ оказалось по растенію, взяли слѣдующій томъ, и въ три лѣта все произведеніе ученаго обратилось въ сушилку цвѣтовъ.

Съ французскаго перевелъ Сергѣй Ольденбургъ.

О ВРАЧАХЪ.

(По поводу «Записокъ врача» В. Вересаева).

Памяти «истиннаго учителя и врача» Вячеслава Авксентьевича Манассеина.

(Продолженіе *).

VII.

Отношеніямъ медицины и врачей къ женщинамъ и обратно В. Вересаевъ, какъ и слѣдовало ожидать, удѣляетъ довольно много мѣста въ своей статьѣ и не разъ возвращается къ этому вопросу по разнымъ поводамъ. Это вполне понятно: до послѣдняго времени вся медицина была въ рукахъ мужчинъ, у которыхъ и приходилось лечиться всѣмъ женщинамъ, и потому въ этихъ отношеніяхъ, какъ и во всей остальной жизни, должно было сказываться половое различіе въ той или другой степени, въ той или другой формѣ; эти отношенія были не только отношенія врача къ больному, но и мужчины къ женщинѣ, и по всей сложности требовали подробнаго анализа. Что эти отношенія не безразличны, достаточно указать на общеизвѣстные факты; есть дѣвушки и молодыя женщины, которыя избѣгаютъ лечиться до послѣдней крайности только потому, что приходится обращаться къ мужчинамъ-врачамъ, и, наоборотъ, есть женщины, которыя и теперь лечатся только у мужчинъ, хотя около нихъ есть пользующіяся извѣстностью женщины-врачи. Точно также есть мужчины-врачи, которые избѣгаютъ лечить женщинъ, особенно съ женскими болѣзнями; другіе же, наоборотъ, предпочитаютъ пациентокъ и дѣлаются гинекологами и акушерами. Нѣтъ безразличія во всѣхъ остальныхъ людскихъ отношеніяхъ, не могло его быть и въ области врачебной.

В. Вересаевъ и дѣлаетъ анализъ этихъ отношеній, хотя и не полный, такъ какъ онъ говоритъ, главнымъ образомъ, только о себѣ, о своихъ отношеніяхъ, впечатлѣніяхъ и случаяхъ и почти вовсе не касается другихъ, можетъ быть, еще менѣе устойчивыхъ въ этомъ отношеніи. Прежде всего занятія анатоміей вывели автора изъ

*) См. «М. В.» июль. 1902 г.,

того состоянія, которое такъ правилось нашему легкомысленному поэту, находившему, что «тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ»: всѣ люди и особенно дорогая дѣвушка лишается своего ореола и начинаетъ казаться не имѣющей ничего привлекательнаго и поэтическаго. Можно ли объ этомъ сожалѣть? Конечно, нѣтъ: не дѣлаетъ этого и авторъ: вѣдь не одна наука разрушаетъ наши иллюзіи и мечты, но и первыя столкновенія съ жизнью и болѣе близкія сношенія съ женщинами приводятъ къ тѣмъ же результатамъ и, пожалуй, еще болѣе плачевнаго характера. Не даромъ Надсонъ со скорбью восклицаетъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи о возникновеніи и дальнѣйшемъ развитіи любви: «Только утро любви хорошо!» Здѣсь, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ дѣло съ наукой; она, правда, обнажаетъ человѣка и разоблачаетъ его всецѣло, но она же даетъ намъ знанія и законы, представляющіе нравственное удовлетвореніе и наслажденіе взаимнѣ разрушенной иллюзіи. Путемъ науки мы узнаемъ все и вся про человѣка, узнаемъ, что всѣ люди одно и то же, нѣтъ ничего неизвѣстнаго и особеннаго въ комъ-либо, и это уравниеніе всѣхъ можетъ давать также извѣстное удовлетвореніе. Правда, иллюзіи и мечты прекрасны, составляютъ украшеніе и прелесть жизни, но вѣдь онѣ все-равно будутъ разрушены и безъ науки, пошлымъ и неосмысленнымъ житейскимъ опытомъ; все-равно и безъ науки, какъ справедливо говоритъ въ томъ же стихотвореніи Надсонъ,—

«Томительно тинутся долгіе дни
«Пошлой прозы, тоски и обмана».

Пойдемъ далѣе за авторомъ. На первыхъ порахъ студенчества сладострастное чувство или *страхъ ея* вызвало у него обнаженіе передъ аудиторіей молодой больной женщины; студенты *часто* приходили выслушивать сердце у сердечной больной, красивой дѣвушки, лежавшей въ клиникѣ. Воспоминаніе дома о первомъ случаѣ «привыкло тонко-сладострастный оттѣнокъ», и я съ тайнымъ удовольствіемъ думалъ о томъ, что впереди предстоитъ еще много подобныхъ случаевъ».

Эта откровенная исповѣдь автора чуть ли не больше всего вызвала нападокъ и возраженій со стороны врачей, дошедшихъ даже до констатированія у автора половой неврастеніи.

Мнѣ думается, что возражающіе В. Вересаеву или забыли свое прошлое, или неискренни, или даже прямо лицемерятъ. Я позволю себѣ утверждать, что половое чувство въ той или другой степени, въ видѣ наслажденія красотой или даже съ болѣе сладострастнымъ оттѣнкомъ, испытываютъ въ началѣ очень многіе студенты (не всѣ ли?), и что это является весьма естественнымъ, хотя бы и нежелательнымъ. Вѣдь при осмотрѣ студенты играютъ пассивную роль, и прежде чѣмъ ихъ вниманіе будетъ увлечено всецѣло наукой—объясненіями профессора, они свободны отдаваться внѣшнимъ впечатлѣніямъ, и изъ нихъ въ данное время является наиболѣе сильнымъ—обнаженная женщина, красивое

тѣло которой еще не привычно, не надобно непресыщенному юношѣ, иногда очень чистому.

Это отношеніе является продолженіемъ только въ болѣе сильной степени нашихъ обычныхъ отношеній одного пола къ другому: кромѣ исключительныхъ случаевъ, ни одинъ мужчина не забудетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ женщиной, и ни одна женщина не преминетъ принять соотвѣтственный видъ при мужчинѣ. Какъ это замѣтно на различныхъ собраніяхъ, отъ студенческихъ сходокъ до ученыхъ засѣданій включительно, при появленіи лицъ другого пола, всѣ подтягиваются, разговоры оживляются, споры становятся ожесточеннѣе, словомъ передъ нами все тотъ же «средневѣковой турниръ во славу дамъ», но только не оружіемъ, а словами, жестами и пр. То же самое, но въ болѣе рѣзкой формѣ при обнаженіи женщины (для той же цѣли маменьки вывозятъ своихъ обнаженныхъ дочекъ на балы!).

Такъ вотъ какъ они учатся! не наука, а тѣло привлекаетъ ихъ! скажутъ иные. Въ сторону лицемѣріе и ложь, берите факты, каковы они есть. Когда начинаются объясненія, изслѣдованіе, наука побѣждаетъ вліяніе тѣла; во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ, когда помощь нужна сейчасъ же, когда форма болѣзни не обычная, а съ значительнымъ научнымъ интересомъ, тамъ постороннія чувства не являются вовсе, и все вниманіе студентовъ обращено на науку, и пола больного не существуетъ. Это обычное явленіе, но бываютъ уклоненія въ ту и другую сторону. Есть студенты и врачи, которыхъ природа во всей ея наготѣ, со всей ея подчасъ грязью, такъ отталкиваетъ, что они особенно сторовятся всѣхъ областей медицины, соприкасающихся съ женскимъ организмомъ, и изъ этихъ лицъ никогда не будетъ гинекологъ и акушеръ. Но зато есть другіе, которыхъ особенно привлекаетъ эта область, и они дѣлаются врачами половой сферы вообще и женской въ частности. У нѣкоторыхъ гинекологовъ и си-филидологовъ и замѣчается особый отпечатокъ плотоядности, особый развязный способъ обращенія съ больными и извѣстное отношеніе къ другому полу и вообще къ половой жизни, такъ рѣзко отличающія ихъ отъ другихъ специалистовъ: повторяемъ, всякая специальность налагаетъ свой отпечатокъ. Какъ не безразлично проходитъ для гинекологовъ ихъ занятіе, достаточно привести слова одного изъ нихъ своему брату не-врачу: «Вы счастливѣе насъ, васъ во всякомъ возрастѣ будетъ возбуждать обнаженное тѣло, а мы уже привыкли къ о^бнаженію женщинъ, и оно на насъ не производитъ возбуждающаго впечатлѣнія». Эти слова врача среднихъ лѣтъ указываютъ, между прочимъ, и на послѣдующія отношенія врачей къ другому полу: чувство *не безразличнаго* отношенія все болѣе и болѣе ослабѣваетъ или совсѣмъ прекращается, и врачу, много практиковавшему, все равно, больной ли передъ нимъ мужчина или женщина, онъ видитъ только страдающаго и стремится ему помочь.

Переходимъ теперь къ другой сторонѣ—къ *больнымъ женщинамъ*. В. Вересаевъ безусловно правъ, что для большинства женщинъ, особенно молодыхъ и дѣвушекъ, осмотры ихъ врачами и притомъ въ присутствіи студентовъ и передъ цѣлой аудиторіей доставляютъ массу мученій и непріятностей, и чувство стыдливости играетъ здѣсь главную роль. Но авторъ и здѣсь сгущаетъ краски: почти всѣ, за небольшими печальными исключеніями, стараются щадить больныхъ, и потому слова, что одну больную на приемѣ профессора-сифилидолога «осматривали долго, осматривали мерзко, гнусно...» являются излишнимъ увлеченіемъ, бьющимъ на чувство. Конечно, осмотръ былъ подробный, какой необходимъ при сифилисѣ, при чемъ же тутъ «мерзко, гнусно», вѣдь эти слова предполагаютъ какое-то насиліе ради удовольствія изслѣдующихъ или преднамѣренное доставленіе непріятности больной.

Помимо оскорбленія стыдливости, леченіе женщинъ у мужчинъ-врачей имѣетъ и другую очень невыгодную сторону для врачей и больныхъ: изъ-за того же чувства стыда больныя очень многое скрываютъ изъ своего анамнеза или просто врутъ и не только при студентахъ, но даже и съ глазу на глазъ съ однимъ врачомъ (впрочемъ, нерѣдко изъ-за стыда продѣлываютъ то же и мужчины больные, особенно относительно половой жизни, пьянства). Отсюда затруднительность распознаванія болѣзни и правильнаго леченія. Больныя, особенно изъ такъ называемаго общества, часто отрицаютъ бывшій у нихъ сифилисъ, и при отсутствіи ясныхъ объективныхъ данныхъ, приходится дѣйствовать ощупью. Леченіе женскихъ болѣзней и нейрастеніи иногда ведется долго и безъ всякаго успѣха только потому, что женщина ни за что не хочетъ сознаться и оставить пользованіе различными способами противъ беременности. Иногда наблюдаются признаки хроническаго алкоголизма, и на всѣ вопросы получается обидчивый отрицательный отвѣтъ, а потомъ оказывается, что барыня усиленно накачиваетъ себя, если не виномъ, то различными суррогатами—валеріановыми, гофманскими каплями, одеколономъ и пр. Продѣлки морфинистокъ извѣстны всѣмъ. У крестьянокъ и мѣщанокъ обманъ и заперательство имѣютъ нерѣдко и преступную цѣль—вызвать выкидышъ, такъ какъ, по общераспространенному повѣрью, во время беременности нельзя принимать никакихъ лекарствъ, иначе произойдетъ выкидышъ. Помню одну дѣвушку, которая явилась ко мнѣ въ амбулаторію съ жалобой на отсутствіе мѣсячныхъ; раньше она пользовалась у другого врача, вѣрившаго ей на слова и лечившаго безъ надлежащаго осмотра. Конечно, полное отрицаніе половыхъ сношеній. Однако она легко согласилась на осмотръ, и оказалась беременной. И послѣ этого она все-таки упорно отрицала сношенія. Больная вовсе не была глупа, и было ли это наглое заперательство, или, дѣйствительно, полное наивное непониманіе дѣла—для меня осталось невыясненнымъ.

Такъ или иначе, но стыдливость женщинъ, заставляющая ихъ дѣлать завѣдомо, а иногда, можетъ быть, и безсознательно, мѣшаетъ распознаванію и леченію, особенно у молодыхъ, начинающихъ врачей, которые нерѣдко стыдятся не меньше самой больной и стѣсняются разспрашивать объ интимной жизни и настоять на полномъ осмотрѣ, когда больная колеблется или отказывается подвергнуться таковому, — отсюда сифилисъ можетъ сойти на первыхъ порахъ за жабу, беременность въ первые мѣсяцы за простое отсутствіе мѣсячныхъ.

Но есть и другія больныя, которыя, напротивъ, пользуются посѣщеніемъ врачей и даже университетскихъ амбулаторій для удовлетворенія своего полового чувства. Это хорошо извѣстно врачамъ, и потому ограничимся немногими примѣрами. Прежде всего нужно отмѣтить, что нѣкоторыя женщины прямо заявляютъ, что онѣ никогда не будутъ лечиться у женщинъ-врачей; причины этого, конечно, разнообразны: вѣковыя традиціи, недовѣріе ко всякому новому дѣлу, оскорбленное самолюбіе лечиться у лицъ своего пола (вѣдь женщинамъ-врачамъ многія остальные женщины завидуютъ) и наконецъ... не послѣднюю роль играетъ влеченіе къ другому полу. Красивые врачи, *caeteris paribus*, преуспѣваютъ больше остальныхъ въ частной практикѣ, и карьеру ихъ устраиваютъ обыкновенно женщины. Одинъ изъ подобныхъ врачей жаловался мнѣ, что въ первые же годы его дѣятельности его развратили женщины, и приводилъ факты назойливой навязчивости своихъ *soi-disant* пациентокъ; впрочемъ, нужно добавить, что онъ самъ избралъ своей спеціальностью женскія болѣзни. Другой врачъ-терапевтъ недавно передавалъ мнѣ, что къ нему являлась подъ видомъ пациентки дѣвушка, желавшая испытать все... безъ всякаго обязательства для врача. А какую массу всякихъ и очень дорогихъ *сувенировъ* получаютъ врачи, и эти подарки далеко не всегда вызываются благодарностью пациентокъ, а желаніемъ обратить на себя большее вниманіе нравящагося врача. Во многихъ случаяхъ играетъ, вѣроятно, главную роль не одно чисто животное чувство, но и нѣкоторая склонность, хотя бы и не высокаго качества, развивающаяся къ врачу на почвѣ близкаго соприкосновенія съ нимъ, сообщенія всѣхъ своихъ тайнъ. Кстати, курьезный, но достовѣрный фактъ: на одно мѣсто, по настоянію маменекъ, приглашали на службу только холостого врача, и надо было видѣть, какъ семьи съ взрослыми дочерьми спѣшили познакомиться съ пріѣхавшимъ врачомъ, приглашая его для практики. Стало быть, нечего обвинять однихъ врачей въ развращенности, а какова окружающая ихъ обстановка!

Пойдемъ дальше: есть и другія пациентки, которыя, для удовлетворенія своей страсти, не стѣсняются ничѣмъ и, можетъ быть, даже находятъ большее удовлетвореніе при неподходящихъ условіяхъ и ненормальнымъ путемъ. Среди больныхъ, бывающихъ въ гинекологической амбулаторіи, можно всегда замѣтить совершенно различное отношеніе

къ приему: однѣ очень стѣсняются и краснѣютъ даже при одномъ появленіи профессора и студентовъ, другія совершенно безучастны въ силу своего страданія или привычки, у третьихъ—на лицѣ написанъ страхъ, и, наконецъ, нѣкоторыя чувствуютъ себя совершенно свободно. Припоминаю одну среднихъ лѣтъ полную женщину, которая упорно и долго ходила въ клиническую амбулаторію съ совершенно пустой болѣзнью; она очень охотно переносила изслѣдованіе многихъ студентовъ (обыкновенно другихъ изслѣдовали только двое-трое), и никогда не протестовала, какъ другія. Не отказывать же ей было, благо такой удобный матеріалъ былъ для изслѣдованія и ученія. И мало ли другихъ случаевъ *не безразличнаго* отношенія женщинъ къ изслѣдованію и другимъ лечебнымъ манипуляціямъ. А гинекологическій массажъ, кстати сказать, введенный въ моду даже не врачомъ,—какая удобная почва для искусственнаго удовлетворенія страсти! Развѣ не того же типа описанная В. Вересаевымъ барыня, которая незнакому студенту-медику рассказала всю подноготную своей жизни и своего гинекологическаго леченія?

Но, во всякомъ случаѣ, число женщинъ, такъ сказать, *выигрывающихъ* отъ леченія у мужчинъ, несравненно меньше, чѣмъ *проигрывающихъ*, т.-е. испытывающихъ стыдъ и непріятность отъ обнаженія своего тѣла и обнаруженія своихъ тайнъ передъ мужчиной-врачомъ и особенно въ присутствіи студентовъ. Доходитъ иногда эта стыдливость до такихъ размѣровъ, что приходилось не разъ отказывать въ леченіи женщинамъ, не соглающимся на изслѣдованіе, или дѣвушкамъ, отказывающимся дать выслушать грудь. Желательно избавить женщинъ отъ этой болѣе или менѣе серьезной непріятности, но, съ другой стороны, гдѣ же и на комъ мы будемъ учиться? Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? спрашиваетъ В. Вересаевъ и не даетъ отвѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть выходъ изъ этого заколдованнаго круга? Мы теперь отчасти уже приближаемся къ разрѣшенію этого вопроса созданіемъ института женщинъ-врачей, у которыхъ со временемъ и будетъ лечиться главная масса женщинъ, а потому заботы всего общества и особенно страдающихъ отъ настоящаго ненормальнаго положенія женщинъ и должны быть направлены къ тому, чтобы скорѣе было больше женщинъ-врачей, что возможно только при допущеніи женщинъ въ университеты. И если бы вопросъ шелъ только о леченіи отдѣльныхъ лицъ, то онъ и разрѣшился бы, можетъ быть, окончательно такимъ путемъ: при достаточномъ врачебномъ персоналѣ изъ обоихъ половъ, всѣ лечатся у врачей своего пола. Но на сцену являются наука и образованіе врачей,—возможно ли безъ ущерба для нихъ исключительное сосредоточеніе леченія лицъ одного пола въ рукахъ врачей того же пола? Состояніе науки въ настоящее время заставляетъ насъ отвѣтить на этотъ вопросъ безусловно отрицательно: женскій и мужской организмы существенно различны, и въ своихъ

отношеніяхъ и зависимостяхъ они такъ переплетаются между собой (особенно всё зависитъ отъ материнскаго организма), что мы не можемъ представить себѣ правильное развитіе науки и научно-образованнаго врача, который не былъ бы знакомъ съ анатоміей, отправленіями и болѣзнями особей обоого пола. Достаточно привести одинъ примѣръ: можетъ ли врачъ лечить правильно ребенка-мальчика, не зная кормящей его матери? Итакъ, стало быть, въ интересахъ науки и того же леченія не можетъ и не должно быть строгаго обособленія по леченію больныхъ только у врачей своего пола. А какъ же тогда избѣжать всѣхъ тѣхъ непріятностей и побочныхъ осложненій, о которыхъ говорено выше?

Стыдливость—чувство весьма сложное и, особенно подчеркиваемъ, чрезвычайно *условное*, т.-е. проявленіе его зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ условий—возраста, пола, времени, мѣстности, степени развитія и пр. Мы не можемъ останавливаться подробно на анализѣ этого чувства, но должны привести нѣсколько примѣровъ, необходимыхъ для подтвержденія этой мысли и разрѣшенія предложеннаго вопроса. Всѣмъ извѣстно, что люди мало развитые, напр., наши крестьяне, очень мало стѣсняются при отправленіи своихъ естественныхъ потребностей; русскіе горожане и культурные классы, напротивъ, всячески стараются замаскировать отправленіе своихъ нуждъ; наконецъ, на Западѣ, особенно въ Парижѣ, масса извѣстныхъ мѣстъ и особенно писсуаровъ, публика совсѣмъ не стѣсняется пользоваться ими, и приходилось наблюдать такіе факты, что шедшая подъ ручку парочка входитъ одновременно въ извѣстное мѣсто и, расположившись въ софѣднихъ кабинетахъ, продолжаетъ начатый разговоръ (въ этихъ обыкновенно платныхъ мѣстахъ прислуга женская и часто очень молодая).

Итакъ, деревня и Парижъ, природа и культура сошлись въ этомъ отношеніи, а насъ, непривычныхъ русскихъ, и деревня, и Парижъ очень смущаютъ, но можемъ ли мы ихъ назвать безстыдными, и составляютъ ли ихъ дѣйствія оскорбленіе стыдливости? Думаемъ, что нѣтъ.

Пойдемъ дальше. В. Вересаевъ приводитъ примѣръ курсистокъ, изъ которыхъ одна свободно разговариваетъ о материнствѣ и зачатіи, но даже руки ея не касались мужскіе поцѣлуи, а другая, не стѣсняясь, поднимаетъ рубашку для осмотра ея живота врачомъ, но не позволяетъ сказать себѣ какой-либо сальности. То же мы видимъ и на другомъ полюсѣ: наши крестьянскія женщины, даже самыя молодыя, обыкновенно не стѣсняются кормить грудью своихъ дѣтей въ присутствіи не только своихъ домашнихъ, но даже и постороннихъ; затѣмъ за всю мою долготѣнную практику среди крестьянскаго населенія я со стороны крестьянскихъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ встрѣчалъ только единичные случаи отказа произвести самый подробный осмотръ и изслѣдованіе, а среди полукультурныхъ горожанокъ это наблюдалось чаще. Между тѣмъ, тѣ же полуразвитыя наши дѣвицы и даже 40-лѣтнія

дамы не находятъ ничего неприличнаго являться на балы съ полуобнаженной грудью, что дѣлается съ ясной цѣлью вызвать половое чувство у мужчинъ и такимъ образомъ приобрести себѣ жениха или поклонника.

Прежде чѣмъ перейти къ выводамъ изъ этихъ примѣровъ, остановимся на случаѣ В. Вересаева, гдѣ крестьянская дѣвушка Тania 1^{1/2} мѣсяца не обращалась изъ-за стыда къ врачу и до-нельзя запустила свою болѣзнь. Такіе случаи, конечно, могутъ быть, но уклоненіе крестьянскихъ дѣвушекъ отъ леченія отъ всякой болѣзни, не требующей вовсе никакого обнаженія, объясняется, чаще всего не стыдомъ, а совсѣмъ другой причиной: про нее будутъ говорить, что она больна, ее удутъ обѣгать женихи, которымъ, по экономическимъ соображеніямъ, нужны здоровыя, а не болѣющія жены. Что не стыдъ, а именно боязнь «дурной славы» удерживаетъ дѣвушекъ отъ леченія, подтверждается тѣмъ, что онѣ особенно избѣгаютъ лечиться на глазахъ однодеревенцевъ и своихъ знакомыхъ, а также въ больницахъ въ амбулаторіяхъ, гдѣ ихъ также могутъ встрѣтить знакомые, и наоборотъ очень охотно лечатся тайкомъ, являясь на квартиру врача или даже уѣзжая не въ свой, а въ отдаленный врачебный участокъ, гдѣ опасность встрѣчи со знакомыми гораздо меньше; я не разъ слышалъ подобный мотивъ отъ родителей, привезшихъ издалека свою дочь, которая при этихъ условіяхъ лечится безъ всякаго стѣсненія. Бывали часто и такіе случаи: пріѣдешь въ деревню къ какому-нибудь больному, тебя зовутъ и въ другую избу посмотреть больного парнишку; въ дѣйствительности парнишка только предлогъ, а нужно посмотреть больную дочь-невѣсту, причемъ тебя слезно просятъ не говорить другимъ, что звали лечить дѣвушку. Точно также не стыдъ заставляетъ крестьянъ скрывать отъ всѣхъ, что въ ихъ домѣ собирается родить женщина, а предразсудокъ, будто чѣмъ меньше объ этомъ будутъ знать, тѣмъ легче будутъ роды; если приходится прибѣгнуть къ помощи врача или акушерки, то ѣдущій за ними, скрываетъ цѣль своей поездки отъ сосѣдей и съ врачомъ старается переговорить наединѣ.

Бытовые и экономическія условія и особенно близость къ природѣ пріучили деревенское населеніе относиться просто и правильно ко всѣмъ проявленіямъ этой природы какъ среди людей, такъ и животныхъ; все это хорошо извѣстно всѣмъ, жившимъ въ деревнѣ и сталкивавшимся съ крестьянами. Не могу не привести здѣсь рѣзко врѣзавшійся въ мою память случай изъ деревенской жизни: однажды ранней весной встрѣтилъ я шедшихъ изъ той деревни, гдѣ я жилъ, двухъ крестьянокъ—довольно молодую женщину съ взрослой дѣвушкой дочерью; онѣ вели корову къ сосѣдней барской усадьбѣ. Я удивился, зачѣмъ онѣ, въ виду наступающей весны продаютъ свою корову, но мать отвѣтила мнѣ просто, безъ всякаго смущенія, что онѣ ведутъ корову не на продажу, а на ставку съ племеннымъ быкомъ у сосѣдняго помѣщика.

Какъ это просто и естественно! Но это было въ началѣ моего знакомства съ деревней, и каюсь, я пожалѣлъ, что крестьянской дѣвущкѣ приходится знакомиться со всѣми тайнами не только животной, но и человѣческой жизни.

Въ данномъ случаѣ я, подобно большинству изъ насъ, являлся человекомъ, ушедшимъ отъ природы, но не достигшимъ высшаго развитія, которое такъ же, какъ и близость къ природѣ, заставляетъ просто и естественно относиться ко всѣмъ жизненнымъ потребностямъ и отправленіямъ. Только среднія ступени развитія и культуры представляютъ массу ложнаго стыда и въ то же время и безстыдства, а люди природы и люди высшаго развитія сходятся между собой въ этомъ отношеніи и относятся къ нашимъ отправленіямъ и нашему тѣлу во всемъ его цѣломъ просто и естественно: какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, курсистки и крестьянки—эти два полюса по развитію—стоятъ на правильной точкѣ зрѣнія, исключающей массу ненужныхъ и вредныхъ стѣсненій и условностей, хотя онѣ несравненно нравственнѣе, цѣломудреннѣе и ближе къ природѣ, чѣмъ наши барыни и барышни, являющіяся полюбощенными на балъ, посѣщающія безнравственныя оперетки и въ то же время находящія неприличнымъ для дѣвушки заниматься анатоміей.

Вотъ мы и думаемъ, что въ высшемъ развитіи и въ близости къ природѣ есть отвѣтъ на вышепредложенный вопросъ, и В. Вересаевъ вполне правъ, говоря: «безполезно гадать, гдѣ и на чемъ установятся въ будущемъ предѣлы стыдливости; но въ одномъ нельзя сомнѣваться, что люди все съ большею серьезностью и уваженіемъ станутъ относиться къ природѣ и ея законамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестанутъ краснѣть за то, что у нихъ есть тѣло, и что это тѣло живетъ по законамъ, указаннымъ природою». Достигается это, конечно, правильнымъ развитіемъ и воспитаніемъ; уже Руссо требовалъ, чтобы родители и воспитатели сами объясняли дѣтямъ все, а не предоставляли дѣлать это грязнымъ языкамъ прислуги и товарищей.

Это требованіе такъ ясно и резонно, но В. Вересаевъ и тутъ впадаетъ въ противорѣчіе и преувеличенія; «разницы тутъ нѣтъ рѣшительно никакой: воспитаніе ребенка ведется такъ, что не можетъ онъ, какъ «чисто» ни излагай ему дѣла, не увидѣть въ немъ самой ужасной и безстыдной грязи». Игры словомъ «грязь» и сравненія безстыднаго нашептыванія прислуги съ разумными объясненіями родителей мы уже безусловно понять не можемъ, и для чего автору нужно постоянно запутываться въ выдуманныхъ противорѣчіяхъ, когда и безъ того много дѣйствительно неразрѣшимыхъ загадокъ?

VIII.

Главы XIV и XV В. Вересаевъ посвящаетъ важному вопросу объ *однбокости медицины* и ряду проклятыхъ вопросовъ о будущемъ развитіи и судьбахъ человѣка, какъ homo sapiens.

Остановимся на первомъ вопросѣ. Нѣкоторые ученые обвиняютъ медицину въ *однбокости* и ея сомнительной пользѣ для человѣчества: медицина, помогая и спасая *недѣлимаго челоѣка*, тѣмъ самымъ пре-
кращаетъ дѣйствіе естественнаго отбора и вредитъ всему виду—человѣчеству. Спасая чахоточнаго, сифилитика, роженицу съ узкимъ тазомъ и пр., мы позволяемъ имъ производить потомство болѣзненное, слабое, съ пороками и такимъ образомъ ухудшаемъ будущее всего чело-
вѣчества, которое будетъ дѣлаться все менѣе выносливымъ, менѣе способнымъ къ борьбѣ съ болѣзнями и вредными вліяніями природы. Конечно, весь вопросъ о наслѣдственности, передачѣ пороковъ, преступности и болѣзней и вообще о *модномъ вырожденіи* всего лучше разрѣшается спартанскимъ способомъ—убійствомъ всѣхъ слабыхъ новорожденныхъ, или еще радикальнѣе—предложеніемъ нѣмецкаго ученаго покончить со всѣми преступниками и страдающими всѣми пороками и болѣзнями, передающимися по наслѣдству. Но при первомъ способѣ мы не имѣли бы Ньютона, Ренана, Шиллера, Гюго, Беранже и многихъ другихъ, а при исполненіи втораго предположенія является серьезное опасеніе, что въ концѣ концовъ останутся только два челоѣка, и имъ уже придется рѣшать путемъ жребія, кого изъ нихъ слѣдуетъ повѣсить перваго, какъ страдающаго большими передающимися по наслѣдству недугами,—оставшемуся послѣднимъ тоже придется повѣситься, ибо не оставаться же ему одному на свѣтѣ... и тогда весь міръ засіяетъ здоровьемъ и силой, но только безъ чело-
вѣка. А пока это радикальное предложеніе еще далеко до осуществле-
нія, посмотримъ, такъ ли виновата медицина въ *однбокости*?

Начнемъ съ дѣтей. В. Вересаевъ говоритъ: «Чѣмъ сильнѣе дѣт-
ская смертность, съ которой такъ энергично борется медицина, тѣмъ вѣрнѣе очищается поколѣніе отъ всѣхъ слабыхъ и болѣзненныхъ орга-
низмовъ». Это положеніе *справедливо только отчасти*. Наша русская язва — громадная дѣтская смертность у крестьянъ вовсе не есть результатъ естественнаго отбора, а слѣдствіе нашей *бѣдности* и *темноты*, ибо масса совершенно здоровыхъ и крѣпкихъ крестьянскихъ дѣтей умираетъ отъ случайныхъ причинъ, отъ которыхъ умеръ бы и младенецъ-геркулесъ: тонуть, горять, отравляются, обкармливаются, убиваются, задушаются вмѣстѣ спящими матерями (по народному выраженію, «заспанные дѣти») и наконецъ... съѣдаются свиньями. Думаю, что отъ всѣхъ этихъ смертей челоѣчество не выигрываетъ для своего оздоровленія, а напротивъ, проигрываетъ хотя бы въ томъ

отношеніи, что послѣ смерти грудныхъ дѣтей получается новая беременность, и эта непрерывная и преждевременная половая дѣятельность вмѣстѣ съ непомерной работой истощаетъ крестьянскихъ женщинъ.

Сомнѣваюсь я также въ еще болѣе превосходящей деревню *оздоровительной* дѣятельности—всѣхъ нашихъ столичныхъ и земскихъ воспитательныхъ домовъ, этихъ фабрикъ ангеловъ «на законномъ основаніи», гдѣ процентъ смертности дѣтей колеблется *) между 60—90%. Вѣдь нельзя же думать, что всѣ эти несчастныя дѣти, погибшія въ этихъ домахъ, были неприспособлены къ жизни,—напротивъ,—мы ихъ *приспособили*, чтобы они скорѣе очистили свѣтъ для другихъ подобныхъ.

Наконецъ, кто рѣшится утверждать, что данный ребенокъ, дѣйствительно, слабый, и міръ только выигрываетъ отъ его смерти? Ньютонъ и Ренанъ родились недоношенными, Гюго, Шиллеръ, Беранже и др. родились хилыми, мизерными и однако всѣ, кромѣ Шиллера (45 л.), дожили до глубокой старости: отъ 69 до 85 лѣтъ, значить, ихъ организмъ сдѣлался крѣпкимъ, и въ то же время для чело-вѣчества они сдѣлали такъ много, какъ немногіе родившіеся геркулесами. Ясно, что уходъ вмѣстѣ съ медициной и гигиеной, спасая этихъ *недѣлимыхъ*, сдѣлали громадную пользу и для всего *вида*—человѣчества.

Далѣе, *вопросъ о наследственности* вовсе еще не рѣшенъ окончательно, и мы до сихъ поръ не имѣемъ математической формулы, которая намъ позволила бы опредѣлить оба неизвѣстныя ея: наследственность и вліяніе обстановки въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы видимъ гениальныхъ людей, производящихъ безызвѣстное потомство, среднихъ людей съ гениальными дѣтьми, добродѣтельныхъ людей съ порочными дѣтьми и, наоборотъ, у сифилитиковъ и чахоточныхъ здоровыхъ дѣтей, а у здоровыхъ родителей болѣзненное потомство и пр. Гдѣ же границы наследственности и начало вліянія обстановки? На этотъ вопросъ до сихъ поръ отвѣта не найдено, и, можетъ быть при громадномъ значеніи наследственности, соотвѣтственная, противоположная наследственности, обстановка имѣетъ еще большее, такъ сказать, рѣшающее значеніе для жизнеспособности, здоровья и развитія чело-вѣка. Мало того, и въ наследственности нужно имѣть въ виду, двухъ производителей; является неизбежная борьба, чье вліяніе побѣдитъ, здороваго или больного производителя.

Разъ эти основные вопросы не разрѣшены, мы не имѣемъ права относиться отрицательно къ больнымъ людямъ и ихъ возможности имѣть потомство, а напротивъ, наша наука должна особенно напрячь свои усилія для улучшенія обстановки и первыхъ, и второго.

*) Эта смертность превышаетъ обычную дѣтскую смертность въ Россіи въ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ раза. См. «Докладъ правленія пароговскаго общества русскихъ врачей VIII съѣзду».

Пойдемъ дальше: несомнѣнно, есть такіе больные, которые, несмотря на всякое леченіе и подходящую обстановку, всю жизнь будутъ только «скрипѣть» и произведутъ такихъ же скрипящихъ дѣтей, но все-таки имѣетъ ли медицина право, съ точки зрѣнія интересовъ вида, отвернуться отъ этихъ людей? Можетъ ли фактически это осуществить? О фактической неосуществимости этого нечего и говорить,—едва ли создадутся когда-либо въ человѣчествѣ такіе условія, которыя позволятъ примѣнить единственно подходящий сюда радикальный способъ упомнутаго выше нѣмецкаго ученаго, и даже смѣлые американцы не рѣшатся привести въ исполненіе предположенія своихъ непрошенныхъ реформаторовъ-врачей—оскопить или обезплодить (см. выше) всѣхъ болѣзненныхъ производителей. Но мы сомнѣваемся и въ правѣ, съ точки зрѣнія счастья того же вида—человѣчества. Исторія дѣйствительно великихъ людей—нашихъ учителей—представляетъ намъ цѣлый рядъ больныхъ и болѣзненныхъ людей—Бѣлинскій, Добролюбовъ, Помяловскій, Бокль, Гоголь, Достоевскій, Гейне; какъ много сдѣлано ими для счастья человѣчества и нѣкоторыми именно въ той области, которая насъ особенно занимаетъ теперь, для улучшенія обстановки, создающей болѣзни и пороки. Можетъ ли медицина отвертываться отъ такихъ людей и не повредить ли этимъ она еще больше виду? Позволяю себѣ высказать тоже и относительно маленькихъ незамѣтныхъ людей: многіе изъ молодыхъ чахоточныхъ являются такими идеально-чистыми, обаятельными и бесконечно-добрыми, что за свой вредъ для вида съ излишкомъ платятъ своимъ благотворнымъ вліяніемъ на окружающихъ (напр., Станкевичъ). Этихъ людей называютъ «не отъ міра сего», они и насъ поднимаютъ изъ міра грязи и своекорыстія. Да, наконецъ, на вопросъ, можно ли игнорировать для «счастья человѣчества» отдѣльными лицами, можно отвѣтить словами самого Вересаева: «Но вѣдь въ жизни-то, пожалуй, ничего, въ концѣ концовъ, и не существуетъ, кромѣ сознающаго себя существа, и каждое изъ этихъ существъ есть центръ всего и вся». Несмотря на это, авторъ все-таки заключаетъ: «И тѣмъ не менѣе фактъ все-таки остается фактомъ: естественный отборъ все больше прекращаетъ свое дѣйствіе, медицина все больше способствуетъ этому, а взаимнѣе не даетъ ничего, хоть сколько-нибудь замѣняющаго его». Мы же никакъ не можемъ признать это за фактъ, а только за болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, на которое мы можемъ отвѣтить другимъ, также вѣроятнымъ предположеніемъ: представители науки признаютъ, что медицина едва ли кого-либо спасаетъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова (кромѣ извѣстныхъ хирургическихъ случаевъ), а только помогаетъ данному организму справиться съ болѣзнетворными началами и самой болѣзнью. Разъ дѣло обстоитъ такъ, и медицина — только вспомогательное средство, которое вырываетъ у смерти одного и не спасаетъ другого съ той же болѣзнью (при одинаковыхъ условіяхъ и въ одной и той же клиникѣ), то естественный

отборъ сохраняется здѣсь въ полной силѣ: первый организмъ, въ силу отбора и при помощи медицины, осилилъ болѣзнь, а второй, болѣе слабый, отмѣченный отборомъ, не справился съ ней.

Приведемъ еще одинъ примѣръ изъ области сифилиса. Въ глухихъ деревняхъ и до сихъ поръ встрѣчаются сифилитики, которые или лечатся у знахарей, или вовсе не лечатся и въ силу отбора справляются съ этой ужасной болѣзью, остаются жить часто съ провалившимся носомъ, разрушеннымъ небомъ и все-таки производятъ часто здоровое потомство *). Такъ развѣ было бы вредно для вида, если бы медицина своевременно пришла имъ на помощь, помогла ихъ крѣпкой натурѣ, выдержавшей отборъ, и предоохранила ихъ отъ ужасныхъ обезображиваній и разрушеній? Итакъ, принимая во вниманіе, что никто и никогда не согласится на коренную мѣру—на полное уничтоженіе всего слабого и больного, или хотя бы на обезпложиваніе его, мы думаемъ, что медицина не врагъ, а другъ естественнаго отбора, тѣмъ болѣе, что ея главная задача бороться съ вредными и создавать нормальныя условія для жизни человѣка.

Далѣе, В. Вересаевъ впадаетъ еще болѣе въ область предположеній и полагаетъ, что медицина не только не дѣлаетъ слабыхъ сильными, но даже и сильныхъ обращаетъ въ слабыхъ, такъ какъ оберегаетъ ихъ отъ вредныхъ условій (обеззараживаніе каждой раны, убіеніе зародышей заразныхъ болѣзней и пр.), а не приучаетъ самый организмъ бороться съ этими условіями, пороками и ядами.

Въ подтвержденіе своей мысли авторъ говоритъ, что всякая заразная болѣзнь, обычная въ данной мѣстности, менѣе губительна, а въ борьбѣ съ чуждыми болѣзнями организмъ оказывается менѣе стойкимъ, такъ, напр., скарлатина и другія заразныя формы убиваютъ среди дикарей половину населенія. Дѣйствительно, акклиматизація и привычка къ данной заразной формѣ значатъ не мало, но для заразныхъ болѣзней еще болѣе значатъ условія этой мѣстности, гдѣ она появляется. Авторъ сдѣлалъ крупную ошибку, не доведши своего сравненія до конца.

Въ самомъ дѣлѣ, наши заразныя болѣзни губительны для дикихъ, а то ли мы видимъ обратно? Далеко не то: вторгаются къ намъ чуждыя намъ болѣзни—холера и чума, и губятъ насъ вовсе не такъ сильно, какъ скарлатина и оспа дикарей. Прежде, когда мы мало отличались отъ дикарей, чума и холера производили въ Европѣ страшныя опустошенія, а теперь онѣ для насъ далеко не такъ опасны. Холера въ главныя холерныя пандеміи дала такія числа заболѣвшихъ и умершихъ (въ круглыхъ цифрахъ):

*) Обыкновенно сифилидологи, по своимъ наблюденіямъ надъ городскимъ населеніемъ, склонны утверждать, что сифилитики даютъ много выкидышей и безплодныхъ браковъ. Мои же наблюденія надъ крестьянскими женщинами въ Солиталичскомъ уѣздѣ даютъ обратное: гораздо больший % сифилитическихъ женщинъ родить доношенныхъ дѣтей, нерѣдко совершенно здоровыхъ. «Врачъ» 1889, № 13.

въ 1830—31 гг. заболѣло	534.000,	умерло	234.000
1847—48	»	1.932.000	» 767.000
1853—55	»	609.000	» 245.000
1866—67	»	215.000	» 74.000
1871—72	»	632.000	» 238.000
1892—93	»	528.000	» 254.000

Такимъ образомъ, мы видимъ, что прежнія холерныя эпидеміи (притомъ и записи велись прежде очень плохо; вѣроятно, и больныхъ и умершихъ было еще больше) у насъ въ Россіи были гораздо страшнѣе, а съ улучшеніемъ условій и борьбы значительно ослабѣли; на Западѣ дѣло стоитъ еще несравненно лучше: кромѣ особенно загрязненныхъ и бѣдныхъ мѣстностей, тамъ холеры теперь не боятся. Чума еще болѣе доказательна: въ старые годы она опустошала чуть не на половину большіе города и цѣлыя государства, она была бичомъ и Россіи, и Запада, а теперь, несмотря на частые заносы, она ограничивается отдѣльными случаями. На родинѣ чумы и холеры, въ Индіи, эти болѣзни опять-таки болѣе поражаютъ привычныхъ къ нимъ туземцевъ, а не европейцевъ, хотя и непривычныхъ, но живущихъ при лучшихъ условіяхъ. Наконецъ, Англія, съ ея малой заразной заболѣваемостью (чума отскакиваетъ отъ Англіи, несмотря на постоянные заносы) и смертностью является лучшимъ доказательствомъ, что санитарныя условія дѣлаютъ людей болѣе стойкими въ борьбѣ съ заразными болѣзнями, какъ разъ обратно предположенію В. Вересаева.

Далѣе онъ совершенно погружается въ область предположеній по очень важнымъ вопросамъ о несовершенствѣ настоящей ступени развитія человѣческаго организма (слѣпая кишка съ ея отросткомъ, противорѣчія въ области полового чувства и др.), о неприспособленности организма къ настоящей культурѣ и о вредномъ вліяніи культуры; въ заключеніе приводятся размышленія разныхъ авторовъ, по мнѣнію которыхъ мозгъ со временемъ поглотитъ все, освободитъ человѣка отъ безпокойныхъ внѣшнихъ воспріятій и даже оба пола совмѣстятся въ третьемъ полѣ, мозгъ котораго замѣнитъ мужскіе и женскіе половые органы. Останавливаться на всемъ этомъ мы не будемъ, такъ какъ это завлекло бы насъ далеко въ сторону, и только скажемъ нѣсколько словъ о нашей культурѣ, поскольку она имѣетъ отношеніе къ врачебному дѣлу. Если Руссо, можетъ быть, не совсѣмъ правъ въ своемъ утвержденіи, что «все совершенно, выходя изъ рукъ природы», то онъ совершенно правъ въ томъ, что наша цивилизація несетъ съ собой много вреднаго и нездороваго; для насъ особенно важно отмѣтить два условія, какъ результатъ неравномѣрнаго распредѣленія жизненныхъ благъ,—все болѣе прогрессирующее удаленіе высшихъ и состоятельныхъ классовъ отъ природы и ухудшеніе условій жизни и работы рабочихъ классовъ. Какъ-то давно я видѣлъ карикатуру идеальнаго рабочаго: маленькіе голова и животъ и громадныя руки

и ноги, обратная карриатура могла бы быть идеаломъ состоятельныхъ людей. Неизбѣжное стремленіе къ этимъ идеаламъ составляетъ основную ложь нашей жизни, громадное зло, ведущее къ массѣ страданій и болѣзней обонхъ классовъ; на борьбу съ этимъ зломъ и должны быть направлены всѣ силы медицины и врачей,—но медицина пока обращаетъ на это мало вниманія. Впрочемъ, рекомендуются игры, гимнастика, спортъ, гулянья, но все это не серьезно, напоминаетъ переливанье изъ пустого въ порожнее, не можетъ быть выполняемо взрослыми людьми, для которыхъ нужна настоящая *полезная физическая работа*. Одинъ примѣръ: шведская королева страдала нервной формой, всѣ способы леченія были испробованы безрезультатно; тогда врачъ предписалъ пациенткѣ не пользоваться услугами прислуги, а всѣ работы около себя производить самой, и королева поправилась. Всякій, кому приходилось работать физически, хорошо знаетъ то особое пріятное чувство удовлетворенности организма и наслажденіе, которыхъ не испытываемъ мы часто отъ нашихъ культурныхъ развлеченій. В. Вересаевъ довольно картинно описываетъ вліяніе этой работы и отсутствія ея на организмъ и самочувствіе человѣка. Но ложный стыдъ, недосугъ и ненормальныя городскія условія лишаютъ насъ этого не только удовольствія, но и необходимаго условія для здоровья.

Заключимъ удачнымъ пожеланіемъ В. Вересаева: «Пусть все больше развивается мозгъ, но пусть же при этомъ у насъ будутъ крѣпкія мышцы, изощренные органы чувства, ловкое и закаленное тѣло, дающее возможность дѣйствительно жить съ природою одною жизнью, а не только отдыхать на ея лонѣ въ качествѣ изнѣженнаго дачника».

IX.

Но вотъ *врачъ кончилъ курсъ*. Отношеніе его къ медицинѣ рѣзко мѣнялось: поступая на факультетъ, онъ думалъ получить все; столкнувшись съ фактами безсилія медицины, онъ, какъ всѣ полузнайки, дѣлается нигилистомъ и издѣвается надъ медициной, наконецъ, лучше познакоившись съ наукой, онъ убѣждается, что медицина все-таки можетъ дѣлать многое, и съ такимъ спасительнымъ и довольно близкимъ къ истинѣ убѣжденіемъ выходитъ молодой врачъ. Эти переходы отъ вѣры къ невѣрію и отъ невѣрія къ сознательному отношенію къ наукѣ знакомы, вѣроятно, громадному большинству врачей; впрочемъ, бываютъ и такіе врачи, которые мало знаютъ и въ то же время особенно самоувѣренны и дерзаютъ на все, третьи, можетъ быть, менѣе отзывчивые и сострадательные, берутъ отъ медицины всю ея силу, довольствуются ею для оказанія помощи тамъ, гдѣ возможно, а безсиліе медицины и всѣ не поддающіеся излеченію больные ихъ мало беспокоятъ, сомнѣнія и проклятые вопросы ихъ не мучаютъ; наконецъ,

четвертые—таковыхъ меньшинство—смотреть на медицину, какъ на ремесло, дающее «великія и богатія милости», и вѣтъ этого для нихъ нѣтъ сомнѣній и терзаній. Дипломъ полученъ, и молодой врачъ убѣждается, что хотя онъ работалъ не меньше другихъ и по знаніямъ не ниже товарищей, а даже «выше большинства», но что онъ знаетъ очень мало, къ практической дѣятельности и совѣмъ не подготовленъ: въ университетахъ намъ только все показываютъ, а не даютъ ничего дѣлать,—видѣтъ же не значитъ умѣть сдѣлать. Началась практика; молодой врачъ очень желалъ ея, — надо на что-нибудь жить,—но еще больше боялся, было меньше радостей и больше горя. Рядомъ удачно подобранныхъ примѣровъ и фактовъ авторъ указываетъ на ошибки и мытарства молодого врача и приходитъ къ такому заключенію: «Я лично не обращаюсь за помощью къ только что окончившему врачу, не лягу подъ ножъ хирурга, дѣлающаго свою первую операцію, не позволю дать своему ребенку новаго, мало испытаннаго средства».

Это—очень удачныя и производящія впечатлѣніе страницы «Записокъ», но онѣ-то и послужили одной изъ главныхъ причинъ нападокъ на автора за его «разоблаченія». Но мы считаемъ эти нападки несправедливыми и неискренними, желающими скрыть дѣйствительное положеніе дѣла. Я знаю одного врача, кончившаго курсъ однимъ изъ первыхъ, не только *sine qua laude*, но даже съ преміей, и онъ, поступая сейчасъ же со скамейки на земскую службу, не бралъ ни разу ножа въ руки, не примѣнялъ акушерскихъ щипцовъ, не видалъ многихъ самыхъ обыденныхъ болѣзней, не умѣлъ наложить гипсовой повязки и даже не видалъ, какъ дѣлается оспопрививаніе. Можетъ быть, многіе были лучше и практичнѣе этого премированнаго врача; еще болѣе несомнѣнно, что многіе были еще менѣе знающіе и неопытнѣе его. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ разрѣшается очень просто: пускай всякій изъ противниковъ В. Вересаева отвѣтитъ искренно самому себѣ, былъ ли онъ такъ же опытенъ, самоувѣренъ и безошибоченъ въ діагнозахъ и леченіи въ самомъ началѣ своей практики, и вообще чувствовалъ ли себя такимъ же сильнымъ, какъ черезъ 2—3 года работы въ какой-либо больницѣ *) подъ руководствомъ опытныхъ товарищей? Мы не думаемъ, чтобы кто-либо былъ такъ самоувѣренъ и рѣшился дать утвердительный отвѣтъ. Мало того, наши лучшіе учителя давно признаютъ необходимость практической подготовки для начинающихъ врачей.

*) Счастливы тѣ молодые товарищи, которые, подобно вышеуказанному премированному, сразу попадаютъ на самостоятельную дѣятельность при больницѣ гдѣ они могутъ долѣе учиться, провѣряя на коечныхъ больныхъ свои назначенія, теченіе болѣзни, распознаванія и пр.; положеніе же врачей, начавшихъ свою дѣятельность въ амбулаторіи или съ частной практики, несравненно хуже: возможность наблюденія и провѣрки у нихъ сводится до minimum'a.

Гдѣ же выходить? Всякій кончившій врачъ долженъ пройти еще *практическую школу—подготовку* въ теченіе 2—3 лѣтъ въ больницахъ или клиникахъ подъ руководствомъ опытныхъ товарищей. Объ этой подготовкѣ и нужно сказать нѣсколько словъ. Медицинскіе факультеты при настоящемъ ихъ положеніи къ знаніямъ студентовъ и именно въ практическомъ отношеніи не могутъ прибавить многого, такъ какъ для этого существуетъ слишкомъ много препятствій. Медикамъ преподается такъ много естественныхъ и специальныхъ наукъ, изъ которыхъ трудно что-либо сократить, что имъ приходится тратить почти все время на слушаніе лекцій и чтеніе учебниковъ; нерѣдко въ одинъ и тотъ же часъ происходятъ чтеніе лекцій, практическія занятія, приемы, и студенту приходится выбирать что-либо одно и бросать все остальное. Большая масса студентовъ-медиковъ и сравнительно малое число клиническихъ больныхъ также сильно мѣшаетъ не только что-либо сдѣлать, но даже и посмотреть: каждому студенту приходится бывать кураторомъ въ теченіе года только у одного больного въ каждой клиникѣ и въ теченіе всего курса видѣть не болѣе 2—3 родовъ. Наконецъ, преподавательскій персоналъ, за весьма рѣдкими исключеніями, является неудовлетворительнымъ, но не по *качеству*,—есть разные,—а по *количеству* отдаваемого ими времени на преподаваніе: почти всѣ они усиленно занимаются добываніемъ денегъ, отсюда всевозможное совмѣстительство должностей включительно до службы младшимъ ординаторомъ въ больницѣ (про одного профессора шутники говорили, что у него было такъ много должностей, что иногда онъ забывалъ, гдѣ ему еще нужно получить жалованье), болѣе или менѣе активное участіе въ частныхъ лечебницахъ, большіе приемы на дому и разѣзды по больнымъ, промышленныя экскурсіи. Все это отнимаетъ такъ много времени и такъ утомляетъ профессоровъ и ихъ помощниковъ, что клиникѣ и преподаванію удѣляется слишкомъ мало времени, и затѣмъ утомленный профессоръ очень долго отдыхаетъ лѣтомъ, поздно начинаетъ и рано кончаетъ свои занятія въ университетѣ. Всѣмъ извѣстная московская «Захараниада» ясно указала, до чего могутъ доходить медики въ погонѣ за наживой, впрочемъ, къ этому мы еще вернемся ниже. Бѣдность многихъ студентовъ, заставляющая ихъ бѣгать по урокамъ и пр., также не мало мѣшаетъ приобрѣтанію ими болѣе солидныхъ знаній.

Нѣкоторыя изъ вышеуказанныхъ причинъ, препятствующихъ лучшей практической подготовкѣ студентовъ, могутъ быть болѣе или менѣе устранены, но все-таки студентъ, при существующихъ условіяхъ, *не можетъ кончить курса основательно подготовленнымъ практическимъ врачомъ*, и, слѣдовательно, свою подготовку онъ долженъ продолжать по окончаніи курса. Гдѣ же и какъ она должна происходить? Нѣкоторая часть можетъ продолжать свое специальное образованіе при университетахъ въ качествѣ ассистентовъ, ординаторовъ въ клиникахъ, не

большая часть должна поступать въ больницы, столичныя, городскія и земскія. Больницы столичныя и большихъ городовъ имѣютъ свои преимущества въ видѣ лучшей обстановки и болѣе опытныхъ заведующихъ специалистовъ, затѣмъ жизнь въ этихъ городахъ имѣетъ такъ много обаятельныхъ прелестей, и въ нихъ легче сдѣлать лучшую карьеру, почему въ эти города и набирается такая масса врачей. Преимущества мелкихъ и земскихъ больницъ еще больше: въ нихъ много работы и мало помощниковъ, и молодымъ врачамъ придется во всю работать практически, до чего въ большихъ больницахъ изъ-за массы помощниковъ ихъ допускаютъ не легко; кромѣ того, деревня и маленькій городъ не представляютъ развращающаго вліянія—погои за практикой, которая постепенно обращается въ погоню за наживой. Изъ молодыхъ врачей, начавшихъ свою дѣятельность въ большихъ больницахъ, хотя бы и земскихъ губернскихъ, рѣдкіе идутъ потомъ на земскую службу и то не надолго; у нихъ атрофируются общественные интересы, прививаются личные вкусы врача-практика и ремесленника, а земскія и особенно участковыя именно прививаютъ вкусъ къ этимъ общественно-земскимъ интересамъ, что вполне соответствуетъ задачамъ нашей гуманной науки.

Какъ обставить въ матеріальномъ отношеніи молодого врача, продолжающаго при больницахъ свою практическую подготовку? Всѣ большія больницы и особенно столичныя этимъ практикантамъ ничего не платятъ, что неизбѣжно заставляетъ ихъ бѣгать за практикой; въ земскихъ очень немногихъ существуютъ должности ассистентовъ, получающихъ сравнительно небольшое вознагражденіе, но при дешевизнѣ деревенской жизни достаточное для одинокаго.

Есть способъ, довольно удачно разрѣшающій это затрудненіе: при всѣхъ земскихъ больницахъ есть по 2—3 лица фельдшерскаго персонала, одна изъ этихъ должностей и должна замѣщаться молодымъ врачомъ, который, неся часть фельдшерскихъ обязанностей, главнымъ образомъ будетъ работать, какъ врачъ подъ руководствомъ опытнаго товарища, и въ теченіе 1—2 лѣтъ пріобрѣтетъ достаточно познаній и навыка для самостоятельной дѣятельности. Я знаю напередъ, что такое предложеніе встрѣтитъ массу упрековъ и возраженій, но въ интересахъ населенія и самихъ молодыхъ врачей я считаю необходимымъ его отстаивать. Выигрышъ населенія отъ этого несомнѣнный, присутствіе второго врача позволить и маленькимъ больницамъ удовлетворять насущныя нужды населенія въ хирургической помощи. Молодой врачъ также будетъ въ большомъ выигрышѣ: онъ именно научится всѣмъ практическимъ пріемамъ, набьетъ руку въ томъ, чего ему не можетъ дать университетъ; мало того, въ качествѣ фельдшера онъ столкнется ближе съ населеніемъ и лучше узнаетъ его нужды и запросы. Что касается матеріальной обезпеченности, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что настоящее фельдшерское жалованье въ 240—400 руб. земства

охотно согласятся увеличить до 500—600 руб. для фельдшера-врача, а при таком вознагражденіи молодой врачъ проживетъ, конечно, не хуже тѣхъ столичныхъ экстерновъ и интерновъ, которые ничего не получаютъ и принуждены гоняться за практикой. Наконецъ, было бы ложнымъ самолюбіемъ со стороны молодого врача считать унижительнымъ для себя пробыть 1—2 года на положеніи фельдшера, тѣмъ болѣе, что всякій земскій врачъ будетъ обращаться съ нимъ по-товарищески, а не какъ съ подчиненнымъ, что позволяютъ себѣ продѣлывать больничные столичные воротилы.

Итакъ, *практическая подготовка для молодыхъ врачей необходима и неизбежна*, такъ какъ въ болѣе или менѣе скоромъ времени ни земства, ни другія учрежденія не будутъ приглашать только что кончившихъ курсъ на самостоятельныя мѣста; эта подготовка желательна въ такихъ больницахъ, преимущественно земскихъ, гдѣ начинающіе врачи проникались бы общественными интересами, а не личными аппетитами.

Х.

Не мало достается отъ врачей автору «Записокъ» и за то, что онъ якобы разоблачилъ передъ публикой *все безсиліе медицины*, указавъ, что больные слишкомъ много ждутъ отъ медицины и врачей, и повторилъ то, что говорятъ наши учителя: «наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ», такъ какъ новыя операціи, опыты съ новыми средствами даютъ вначалѣ не мало неудачъ и жертвъ; такъ, напр., оваріотомія вначалѣ у лучшихъ хирурговъ давала печальные исходы, а теперь даже въ рукахъ среднихъ врачей она спасаетъ массу жизней.

Что же въ этомъ невѣрнаго и не то ли же говорятъ Пироговъ, Боткинъ, Бильротъ и многіе другіе наиболѣе выдающіеся учителя? И развѣ въ настоящее время лечебная часть медицины не является меньше наукой и больше искусствомъ, для котораго нужны таланты? Если и можно упрекнуть автора, то только въ свойственномъ ему преувеличеніи, когда онъ какъ бы отвергаетъ всякую преемственность и значеніе опыта другихъ и говоритъ: «Учись безъ предвзятости наблюдать живую жизнь, и каждый начинай все сначала». Но дальше авторъ самъ приводитъ, какъ много значать для насъ опыты прошлаго и прочныя пріобрѣтенія науки.

Нельзя не согласиться съ В. Вересаевымъ и въ томъ, что наши профессора мало насъ знакомятъ съ будущей дѣятельностью, вѣрнѣе сказать, съ границами нашей науки, т.-е. что дѣйствительно медицина можетъ дѣлать для больныхъ. Въ этомъ отношеніи можно сравнить двухъ моихъ учителей Боткина и Эйхвальда по тому вліянію, которое они оказывали на меня и нѣкоторыхъ моихъ товарищей. Боткинъ всегда ставилъ на первомъ планѣ все, что есть научнаго въ медицинѣ—

опыты, объективное изслѣдованіе, результаты вскрытій, а леченію, какъ искусству, имѣющему въ себѣ мало научнаго и дѣйствительнаго, отводилось не много мѣста и на лекціяхъ и пріемахъ. Напротивъ, Эйхвальдъ, какъ практикъ и восторженный терапевтъ, слишкомъ уже много мѣста отводилъ леченію и прославлялъ всемогущество лечащей медицины, но больные его клиники представляли блестящее опроверженіе и доказывали безсиліе самой разносторонней и энергичной терапіи. Въ результатѣ, съ лекціей и пріемовъ практика-Эйхвальда съ ихъ арсеналомъ лечебныхъ средствъ я уходилъ часто подавленнымъ, съ полнымъ невѣріемъ въ медицину, а лекціи ученаго теоретика-Боткина съ его десяткомъ излюбленныхъ средствъ успокаивали меня и заставляли вѣрить въ медицину и ея будущее. Московская захарьинская школа во главѣ со своимъ учителемъ пошла еще дальше Эйхвальда и готовила исключительно практиковъ, какъ професоровъ, такъ и врачей, и по своему *практическому* направленію московскіе врачи въ свое время рѣзко отличались отъ петербургскихъ врачей-академиковъ. Мы считаемъ такое направленіе безусловно вреднымъ для науки и больныхъ и поддерживающимъ шарлатанство и недовѣріе общества къ врачамъ и медицинѣ. Это неправильное исключительно лечебное направленіе врачей является одной изъ главныхъ причинъ, что даже великіе люди относятся нехорошо къ врачебному сословію. Отношеніе Л. Н. Толстого хорошо всѣмъ извѣстно, а вотъ какъ смотрѣлъ на врачей и Гумбольдтъ: *) «Въ Гренландіи,—сказалъ ему одинъ знакомый,—можно часто встрѣтить столѣтнихъ стариковъ, а между тѣмъ тамъ вовсе нѣтъ врачей; не правда ли, это просто изумительно?» — «У насъ въ Берлинѣ,—отвѣтилъ Гумбольдтъ,—есть нѣсколько сотенъ докторовъ; и тѣмъ не менѣе, иные люди доживаютъ до 100 лѣтъ; не изумительнѣе ли это въ еще бѣльшей степени?» Въ этихъ отношеніяхъ Л. Толстого и Гумбольдта, конечно, много невѣрнаго и односторонняго, но не мало и справедливаго, вызваннаго тѣмъ, что врачи выдаютъ себя за творящихъ чудеса, тогда какъ они только болѣе или менѣе вѣрные и понимающіе слуги природы.

Научнообразованный врачъ долженъ твердо знать границы нашей мощи, такъ какъ, за исключеніемъ хирургическихъ пріемовъ и гигиеническихъ мѣръ, всѣ наши лечебныя средства, кромѣ очень немногихъ, гадательны и польза отъ нихъ сомнительна. Доброй половиной всѣхъ нашихъ больныхъ назначаемаы нами средства, по меньшей мѣрѣ, бесполезны, если даже не вредны, и эти больные прекрасно поправились бы только при нашемъ наблюденіи и выполненіи указанныхъ имъ гигиеническихъ мѣръ. Но врачъ-практикъ не можетъ такъ поступать, ибо у него перестанутъ лечиться, и онъ останется безъ куска хлѣба.

Вторая насущная задача врачей не скрывать отъ общества силы

*) «Врачъ», 1890, № 31.

и безсилія медицины, а опредѣленно и откровенно указывать, что наука можетъ, и что внѣ нашихъ силъ и знаній. Такое знакомство выгодно для обѣихъ сторонъ и значительно упростило бы отношенія: публика будетъ требовать отъ медицины и врача только то, что они могутъ дать, будетъ больше разсчитывать не на леченіе, а на предупрежденіе и правильный гигиеническій образъ жизни, и не станетъ, въ надеждѣ на чудодѣйственное значеніе лекарствъ, бросаться отъ врачей къ шарлатанамъ и отъ послѣднихъ къ первымъ. А теперь врачи, напротивъ, поддерживаютъ *вѣру въ чудодѣйственное*, противное всякимъ законамъ природы: развѣ не къ этой области чудеснаго и вреднаго должны быть отнесены, напр., пресловутыя браунъ-секаровскія выпрыскиванія, которыми врачи сулили старикамъ вернуть ослабѣвшую или совершенно угасшую половую способность? Вѣдь противно всѣмъ законамъ природы и всякому здравому смыслу, чтобы совершенно износившаяся клѣточка снова начала дѣйствовать,—тогда не было бы ни старости, ни смерти. Можетъ быть, эти выпрыскиванія подъ вліяніемъ самовнушенія и оказывали иногда нѣкоторое дѣйствіе, но, во всякомъ случаѣ, во вредъ больному, а между тѣмъ, на этомъ безумномъ желаніи старика «вернуть невозможное» возникло много врачебныхъ лавочекъ, и сдѣлана карьера не одного врача.

Къ сожалѣнію, эта вторая задача недостижима до тѣхъ поръ, пока всѣ врачи не будутъ общественными, въ прямыхъ интересахъ которыхъ будетъ имѣть меньше больныхъ, больше здоровыхъ; теперь же большинство врачей живетъ и богатѣетъ на счетъ больныхъ, благополучіе врача пропорціонально количеству больныхъ и ихъ вѣрѣ въ лекарственное леченіе и чудодѣйственную силу медицины, а потому борьба такихъ врачей съ антисанитарными условіями и болѣзнетворными причинами не можетъ быть энергична и плодотворна. Настоящій порядокъ, при которомъ врачи живутъ непосредственно на счетъ платы, получаемой отъ больныхъ, заставляетъ и врачей, и больныхъ особенно держаться лекарственнаго леченія всѣхъ болѣзней, и такимъ образомъ поддерживаетъ преувеличенную вѣру въ медицину и влечетъ за собой шарлатанство, въ которомъ не даромъ упрекаютъ врачей. Развѣ не шарлатанство масса новыхъ лекарствъ, выбрасываемыхъ ежедневно на рынокъ, и часто появляющихся только для того, чтобы завтра быть выброшенными за бортъ и уступить мѣсто другимъ, не болѣе долговѣчнымъ? Развѣ не ради «пусканія пыли» въ глаза больнымъ устроены многіе лечебные кабинеты и учрежденія со всѣми ихъ злоупотребленіями? Неужели можно серьезно вѣрить, что назначеніемъ всевозможныхъ экстрактовъ и различныхъ патентованныхъ пищевыхъ средствъ можно лучше поднять питаніе, чѣмъ свѣжими пищевыми продуктами? Конечно, многое изъ этого продѣлывается для того, чтобы убѣдить публику, какой массой цѣлебныхъ средствъ обладаетъ медицина. Является къ врачу неврастеникъ, и врачъ, указавъ ему мель-

комъ на самое главное: нормальный образъ жизни и необходимость физической работы, чего въ сущности и было бы довольно для большинства такихъ больныхъ,—назначаетъ ему рядъ нервныхъ средствъ со строгимъ приказаніемъ принимать тогда-то, такъ и пр. Больному легче и удобнѣе возиться съ лекарствами и, видя строгій наказъ и самоувѣренность врача при назначеніи этихъ средствъ, больной больше полагается на лекарства, и измѣненіе образа жизни откладываетъ въ долгій ящикъ. Пользы отъ средствъ, конечно, мало, и больной мѣняетъ врачей, а часто переходитъ и къ шарлатанамъ. Другой примѣръ: обращается къ врачу новомальтузіанка, онъ назначаетъ ей рядъ всякихъ лекарствъ, тогда какъ долженъ былъ бы сказать опредѣленно, что пока не будутъ прекращены неправильныя половыя сношенія, ни о какомъ леченіи и выздоровленіи не можетъ быть и рѣчи.

Итакъ, мы и здѣсь сталкиваемся съ ложью нашей жизни. Эта ложь заставляетъ врача преувеличивать значеніе лечащей медицины, а больного безъ всякой пользы глотать массу всякихъ лекарствъ, и только общественная медицина можетъ начать правильную борьбу съ этимъ зломъ, а наши учителя, повторяемъ, должны быть дѣйствительными учеными, а не практиками, приучающими своихъ слушателей «вѣрить въ неизвѣстное», т.-е. назначенію безконечнаго числа ненужныхъ и бесполезныхъ, если не вредныхъ, лекарствъ. «Практику оставимъ практикамъ», наука же и ея представители не должны сами бродить и другихъ водить въ потемкахъ и играть на больномъ самочувствіи больныхъ людей, хватающихся за всякую соломенку и требующихъ отъ врача назначенія лекарствъ: вѣдь это тоже шарлатанство и игра въ «авгуры». Всякій прогрессъ и настоящая борьба возможны только тогда, когда зло названо своимъ именемъ и не замаскировано самообманомъ и лживыми надеждами, такъ и въ данномъ случаѣ: наука должна заявить прямо, что *надежды на лечащую медицину чрезмерно преувеличены*, ибо она только помогаетъ, но не вылечиваетъ,—тогда тогда начнется настоящая борьба со всѣми условіями, калѣчащими людей.

Мы не скрываемъ отъ себя трудности такого переворота—кореннаго измѣненія взглядовъ публики на медицину, но когда-нибудь начинать надо и должно уничтожить эту ложь.

XI.

Два молодыхъ и бѣдныхъ врача, только что кончившихъ курсъ, поселились въ одной квартирѣ въ Петербургѣ для дальнѣйшаго усовершенствованія, а ради добыванія необходимыхъ средствъ, рѣшили заняться частной практикой. Долго имъ пришлось ждать больныхъ, но, наконецъ, явилась какая-то больная съ незначительной болѣзнью; обработанный товарищъ проявилъ все свое участіе къ ней и изслѣдовалъ

ее по всѣмъ правиламъ науки чуть ли не пѣлый часъ, пока, наконецъ, не взмолилась эта больная: «Да отпустите вы меня, я вовсе ничѣмъ не больна». Этотъ врачъ плакалъ и не спалъ ночь, когда умеръ его первый больной отъ чахотки; въ земской пріемной среди стона больныхъ и плача дѣтей онъ буквально метался, стараясь скорѣе успокоить страданія и утишить слезы. Черезъ 5 лѣтъ больные, собравшіеся у того же врача въ земской амбулаторіи по 100 и болѣе человекъ, жаловались уже на обратное, что онъ очень скоро отпускаетъ, мало расспрашиваетъ и не проявляетъ должной жалости,—больные, особенно крестьяне, не такъ цѣнятъ изслѣдованіе и осмотръ, какъ разспросы и соболѣзнованія.

Знавалъ я и такую мать, которая не могла равнодушно слышать плача своего перваго ребенка, не спала по ночамъ, когда онъ былъ боленъ, а черезъ 10 лѣтъ, когда у нея было уже 5 дѣтей, она нерѣдко говаривала, что очень любить, когда дѣти кричатъ и плачутъ, потому что... ихъ тогда уносятъ или уводятъ въ отдаленную дѣтскую, и она ихъ не слышитъ и не видитъ.

Помню волненіе и слезы молодого адвоката, когда одного изъ его первыхъ кліентовъ приговорили къ тюремному заключенію; потомъ его кліентовъ, иногда, дѣйствительно, невинныхъ, приговаривали къ каторгѣ, ужасному тѣлесному наказанію, и онъ довольно спокойно переходилъ къ защитѣ другаго.

Всѣ эти явленія одного и того же порядка—*изнашиваемости и приспособляемости человека*. Вызываемое возрастомъ притупленіе впечатлительности и развивающаяся привычка къ повторнымъ впечатлѣніямъ неизбежны, и послѣдняя *приспособляемость* даже необходима для многихъ и для врача въ особенности. Если бы врачъ къ крови и стомамъ относился такъ же, какъ и въ самомъ началѣ, то его хватило бы очень не надолго и, главное, онъ не могъ бы изъ-за своей чувствительности и волненій оказывать необходимую помощь; время наступленія этой нечувствительности и степень ея, конечно, очень разнообразны въ зависимости отъ индивидуальности и обстановки каждаго врача. Поэтому жалобы В. Вересаева на «очерствѣніе» врачей поменьшѣе, бесплодны, онъ самъ призываетъ, что оно не только необходимо, но и желательно. Конечно, правъ и больной, ждущій отъ врача не только знанія, но и «души»—*особеннаго* сочувствія или участія, но у врача, дѣлающаго десятки визитовъ въ день или имѣющаго въ пріемной сотню больныхъ, не хватитъ на это ни времени, ни силъ, или онъ долженъ пожертвовать массой больныхъ для нѣсколькихъ, на что общественный врачъ не имѣетъ права.

Врачъ долженъ *одинаково гуманно* относиться ко всѣмъ больнымъ, но не долженъ же онъ выслушивать по цѣлымъ часамъ разсказнивыхъ нервныхъ больныхъ, когда его ждуть болѣе серьезные больные. Больной еще болѣе эгоистъ, чѣмъ здоровый, и ему непремѣнно

хочется, чтобы врачъ выдѣлилъ его, отдалъ ему особенное сочувствіе противъ другихъ, такъ какъ ему кажется, что его болѣзнь больнѣе другихъ; онъ даже находитъ оскорбленіе въ томъ, что его болѣзнь могутъ сравнивать съ другими, какъ въ описанномъ авторомъ случаѣ съ его сестрой, которая сочла свое горе опошленнымъ сравненіемъ профессора, что такихъ больныхъ тысячи. Тактъ врача, конечно, долженъ рѣшить, какіе случаи требуютъ особаго обращенія, но что въ этомъ отношеніи трудно угодить на больныхъ, сошлюсь на В. Вересаева и себя. В. Вересаевъ обращается съ больными гуманно, но онъ заранѣе ужасается, если къ нему, больному, другіе врачи будутъ относиться такъ, какъ онъ относится къ своимъ больнымъ. О гуманности и задушевной отзывчивости В. А. Манасеина говорено и писано не мало; я самъ на себѣ постоянно испытывалъ эту сердечность и такое вниманіе, какого можно ожидать только отъ самаго близкаго родного человѣка, и все-таки мнѣ, больному, показалось, что онъ недостаточно участливо отнесся къ моей болѣзни, тогда какъ теперь, здоровый, я сознаю, что *болѣе необычно сердечнаго отношенія и быть не можетъ!*

Успокоившись на мысли, что медицина можетъ кое-что дѣлать, авторъ наталкивается на препятствія, которыя и это кое-что сводитъ часто къ нулю; это—условія, при которыхъ живетъ большинство людей. Въ самомъ дѣлѣ, какой толкъ отъ прописыванія желѣза человѣку, которому нечего ѣсть, отъ назначенія лекарствъ легочному больному, живущему въ такой коморкѣ, въ которой воздухъ содержитъ все и очень мало кислорода? Оказалось, что медицина—«наука о леченіи однихъ лишь богатыхъ и свободныхъ людей». По существу это совершенно вѣрно, и въ настоящее время всѣми благами медицины могутъ пользоваться богатые и свободные, для большинства бѣдныхъ перепадають только крохи; но въ этомъ слѣдуетъ сдѣлать поправки и въ ту, и въ другую сторону. Большое число лечащихся въ больницахъ и клиникахъ,—бѣдняковъ же среди нихъ большинство,—пользуются благами медицины почти въ такой же степени, какъ и состоятельные. Съ другой стороны, не нужно забывать о *местѣ природы* и богатымъ, если бы эта мѣсть могла утѣшить бѣдныхъ и удовлетворить справедливость. И богатство не спасаетъ отъ своихъ специальныхъ болѣзней; всевозможныя излишества, пресыщенія, ожирѣнія и неврастенія составляютъ преимущественно болѣзни богатыхъ, изнѣженный организмъ послѣднихъ труднѣе справляется съ нѣкоторыми болѣзнями, и, наконецъ, продуктъ бѣдности—масса заразныхъ болѣзней вторгается тогда и въ богатія хоромы. Можно, конечно, пожалѣть, что эта мѣсть мало даетъ себя знать; дѣйствуй она сильнѣе, богатые давно взяли бы за умъ и поняли бы, что *ихъ* здоровье и счастье зависятъ столько же отъ здоровья и счастья *всѣхъ*: всѣ убѣжденія и доводы дѣйствуютъ куда слабѣе шкурныхъ интересовъ, и частыя эпидеміи тифовъ въ богатыхъ домахъ заставили бы серьезно подумать и о лачугахъ.

Въ заключеніе В. Вересаевъ высказывается за санитарное направленіе медицины, что давно проповѣдуетъ земская медицина, и за то, что «врачъ долженъ, прежде всего, бороться за устраненіе тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ его дѣятельность безсмысленною и бесплодною; онъ долженъ быть общественнымъ дѣятелемъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, онъ долженъ не только указывать, онъ долженъ бороться и искать путей, какъ провести свои указанія въ жизнь». (Къ сожалѣнію, этого одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ авторъ коснулся только вскользь, и ему слѣдовало бы освѣтить этотъ вопросъ и фактами, и данными, благо ихъ такъ много). Но этого никогда не будетъ, пока врачи занимаются и живутъ частной практикой; врачъ-практикъ не призванъ и не способенъ къ такому дѣлу: его умъ специализировался и направленъ на измышленіе способовъ леченія и на борьбу за существованіе—добываніе пациентовъ и куска хлѣба, онъ отвыкъ отъ обобщеній и общественной дѣятельности. Да врачу-практику и некогда, и нельзя заниматься такимъ дѣломъ, такъ какъ борьба съ санитарными безпорядками требуетъ много времени и борьбы съ лицами, а это оттолкнетъ многихъ пациентовъ.

Къ этому вопросу мы и переходимъ сейчасъ, а здѣсь замѣтимъ, что врачи-практики прибѣгаютъ только къ одной санитарной, вѣриже, при настоящихъ способахъ выполненія, безразличной и бесполезной мѣрѣ—дезинфекціи, благо она удовлетворяетъ обѣ стороны: врачъ далъ совѣтъ, пациентъ пригласилъ фельдшера для выполненія, и хлопотъ немного, и жизнь измѣнять не надо, и авторитетъ врача сохраненъ. Дезинфекція, какъ она производится въ настоящее время, является вреднымъ самообманомъ, успокаивающимъ обѣ стороны и замаскировывающимъ настоящее невозможное положеніе санитарнаго дѣла. Въ прошлую холерную эпидемію многія сотни тысячъ издержаны на дезинфекціонныя средства и успокоеніе общества, а наши города остались попрежнему авгіевыми конюшнями; эта холерная компанія еще разъ доказала, какъ вреденъ всякій успокаивающій обманъ, и какую несоответственную роль играли въ эту компанію законодатели санитарнаго дѣла—врачи.

Врачъ Д. Жбанковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПО ДОРОГѢ.

(Изъ замѣтокъ земскаго землебра).

Макарычъ.

«Не вся ты, Русь, обмѣряна землею — попадаются углы благоденственные, гдѣ ладно обошлось...»

Къ такимъ «угламъ» можно причислить и зарѣчную сторону М—скаго уѣзда, Вятской губерніи. Уѣздъ этотъ относится къ числу многоземельныхъ. На каждую «душу» тамъ нарѣзано по 15-ти десятинъ земли, которая достаточно хорошо родитъ и безъ удобренія. Огромные дремучіе лѣса, нѣсколько сплавныхъ рѣчекъ съ прекрасными поемными лугами дѣлаютъ жизнь въ этомъ углу легкой и привольной.

Конечно, она и тутъ не безъ пятенъ, не безъ тѣневой стороны; конечно, и тутъ инныя деревни ухитряются, несмотря на все богатство окружающей природы, нуждаться и даже бѣдствовать; но большинство деревень положительно благоденствуютъ, и жизнь ихъ принимаетъ иногда прямо идиллическій характеръ.

Въ такихъ счастливыхъ мѣстечкахъ нѣтъ бѣдняковъ, нѣтъ безхозяйственныхъ бобылей, а съ другой стороны, нѣтъ и кулаковъ, сколотившихъ свое богатство на окружающей бѣднотѣ. Тутъ всѣ живутъ «ровно» — сыто, привольно, безъ долговъ и недоимокъ...

По осенней, закатанной до блеска, дорожкѣ подѣхалъ я къ такому-то зажиточному и привольному селу Порѣчному. Оно только недавно было образовано изъ деревни Порѣчной, крестьяне которой хлопотали объ учрежденіи новаго прихода потому, что старое село, куда они были приписаны, находилось отъ нихъ въ двадцати верстахъ. Добившись разрѣшенія на постройку церкви, они разсыпали по всей Россіи своихъ сборщиковъ «на постройку храма Божія», въ одинъ годъ набрали нужную сумму, а на другой годъ уже построили веселую и красивую деревянную церковь, которая теперь привѣтливо поблескивала своей серебряной главой.

Привольное житье чуялось здѣсь во всемъ. Просторныя и высокія пятистѣнные избы смотрѣли на улицу большими окнами, украшенными рѣзьбой или росписными обоконниками. Тесовыя ворота съ навѣсами

были красиво убиты гвоздями съ кусочками бѣлой жести. Около каждой избы стоялъ обширный крытый дворъ. Кругомъ же деревни то рядами, то группами высились большія клады хлѣба. Многія изъ нихъ были нынѣшней кладки, — свѣжія, желтыя; другія уже постѣрѣли и даже почернѣли.

Подъ горой стальной широкой полосой блестяла рѣчка, а за ней, какъ обритые, разстилались обкошенные луга, на которыхъ величественно и грузно стояли огромные стоги сѣна...

Въ прозрачномъ осеннемъ воздухѣ серебряными нитями носилась паутина. Съ блѣдно-голубого неба мягко свѣтило солнце, придавая всей картинѣ мирный, веселый видъ...

Къ довершенію всего, былъ какой-то праздникъ. Улица пестрѣла, какъ махровымъ макомъ, яркими сарафанами и платками. Въ одномъ мѣстѣ водили хороводъ, и звонкіе дѣвичьи голоса такъ и разливались въ бодромъ и крѣпкомъ воздухѣ. Въ другомъ мѣстѣ, около «пожарной», собралась большая толпа мужиковъ. Все это былъ рослый, крупный народъ, съ могучими, широкими плечами. Вездѣ слышался зычный говоръ, горластые окрики, раскатистый смѣхъ... Мнѣ пришлось помѣститься въ новомъ, только что отстроеномъ училищѣ. Свѣтлая, высокая комната была полна запаха смолы, которая янтарными капельками выступала изъ желтыхъ стѣнъ.

Скоро комната стала наполняться мужиками. Застучали здоровые мужичьи сапоги, зашуршали новыя ситцевыя рубахи, которыя стояли коломъ отъ крахмала. Меня окружили широкія бородатыя лица, которыя такъ радушно и весело смотрѣли на меня, что почему-то и мнѣ стало тоже легко и весело.

— Хорошо, должно быть, живется вамъ здѣсь?—спросилъ я.

— Ничего, слава Богу! Хорошо живемъ!—дружно отвѣтила толпа.— Нечего Бога гнѣвить!.. Чего еще намъ?..

Ни одной жалобы, никакихъ причитаній на нужду, на безпомощность, о чемъ начинаютъ выть съ первыхъ же словъ худосочные мужичонки изъ захудалыхъ деревнюшекъ. Бодрые голоса; ясные глаза съ лукавымъ веселымъ огонькомъ; довольныя лица, которыя не вѣсились безсильно къ землѣ, а держались прямо, увѣренно, встряхивая иногда копной нависшихъ на лобъ волосъ...

— Чего еще намъ нужно?—смѣялись мужики, скаля бѣлые, какъ сахаръ, зубы. — Живемъ—нужды не знаемъ... Хлѣбушко есть... Подати заплачены... Чего еще мужику надо? Чисты!..

— Дѣйствительно, хлѣба у васъ много, — замѣтилъ я. — Кругомъ кабанами обставились...

— А вѣрно такъ—обставились!.. Ха-ха-ха!..— весело загудѣла толпа.— Есть, слава Богу, достаточно!..

— Продаете?

— Хлѣбъ ту?.. Нѣтъ! За чѣмъ продавать? Намъ самимъ нуженъ:

скотинки поболѣ держимъ... На расходъ, али на подати—въ гѣсу заробимъ... Работы бываетъ завсегда... А хлѣбъ зачѣмъ мотать?.. Хлѣбецъ мы бережемъ!.. Мало ли какой случай: неурождай али што... Какъ можно безъ хлѣбца?..

— Ну, а, вотъ, въ этотъ-то, въ неурожайный-то годъ, вѣроятно, хорошіе барыши взяли?

— Какіе барыши?

— Да вѣдь теперь какія цѣны на хлѣбъ-то стоятъ?..

— А што изъ того? Мы вѣдь не торгаши. На насъ тоже крестъ есть... У людей бѣда неминуемая, а будемъ хлѣбную торговлю заводить, чужой нуждой пользоваться!..

— Но вѣдь цѣну не вы ставите...

— Что изъ того... Все-равно—грѣхъ!.. Нѣтъ, мы по совѣсти... За чѣмъ продавать? Какая нужда? Всѣхъ денегъ не выберешь... И безъ этого проживемъ, слава Богу!.. Такъ, значить,—давали... помогали... маломочнымъ, ежели кого нужда застигла...

— И много роздали?

— А кто его знаетъ! Не считали... Порядочно давали... Почему не дать, коли есть?.. Будетъ хлѣбушко—отдадутъ...

— На какихъ же условіяхъ давали?

— Какія условья? Безо всякихъ условьевъ... Взятъ, примѣрно, мѣшокъ—столь и отдай... Чего еще?.. Пушай поправляется, на добро здоровье!.. У насъ нужды нѣтъ... время терпѣть...

«Экая идиллія!» подумалъ я, вспоминая, какъ богатые мужички одной изъ центральныхъ губерній, гдѣ я былъ въ голодный 1892 г., беспощадно драли шкуру со своихъ же братьевъ-однодеревенцевъ... «Настоящіе «дяди Миния» Златовратскаго!» подумалось мнѣ; и хотя внутри меня дребезжала, не переставая, привычная скептическая нотка, тѣмъ не менѣе, мое лицо, какъ я чувствовалъ, само собой расплывалось такой же широкой, безпричинной улыбкой, какая сіяла на всѣхъ окружающихъ лицахъ.

— А вы зачѣмъ тутъ, пострѣлята?.. Вотъ я васъ!.. Ужо землемѣръ-то задастъ вамъ!..—съ шутиливой строгостью прикрикнулъ одинъ изъ мужиковъ на вертѣвшихся тутъ же бойкихъ ребятншекъ.

— Н ну, не пужай! Чего ихъ пужать-то?—добродушно замѣтилъ кто-то.—Дай срокъ и безъ насъ ихъ напужаютъ... дай подрости только!..

— Ха-ха-ха!.. Напужаютъ, вѣрно!—подхватила со смѣхомъ толпа.—Небось, насъ мужиковъ, здорово пужаютъ... И начальство пужаетъ... извините, ваше скородіе, къ слову пришлось... и правленіе пужаетъ, и даже батюшки нонѣ пужать начали... Ха-ха-ха!..

— Какіе батюшка? Какимъ образомъ?

— А о. Василій... села Троицкаго... Отъ котораго мы, значить, отдѣлились-то... Больно серчалъ отецъ-ту Василій: вы что, батъ, какое-

такое село выдумали? Да не бывать, бать, вашему селу, покамъ я живъ!.. Я васъ, бать, смутьяновъ, туда упеку, куда Макарь телятъ не гонялъ...

— Хо-хо-хо!—грохотала добродушно и заразительно весело толпа.— Ужъ онъ, батюшко-то, пуж-жалъ! Бяда, какъ пужалъ!..

— Запужаешь, небось, какъ половину приходу-то отобрали!..

— Вѣрно!.. Ха-ха-ха!.. Небось, начнешь пужать!..

— А нашего Макарыча прямо въ Сибирь хотѣлъ законопатить!..

— Прямехонько хотѣлъ!.. Хо-хо-хо!.. Зачинщикъ, бать, ты... Ровно бунтъ какой мы затѣяли!..

— Это кто же такой Макарычъ?—спросилъ я.

— Али не знаешь?! Макарыча-то?!—возопилъ какой-то старичокъ съ блаженнѣйшей улыбкой. — Нашего-то Макарыча не знаешь? Да неужто взаправду?.. Да его всѣ знаютъ. Всѣ какъ естъ!.. Спроси кого хошь въ округъ—всякъ тебѣ Макарыча обскажетъ!.. Его и въ городу-то знаютъ... Да! Вотъ, онъ какой, нашъ Макарычъ-то!..

— Кабы не онъ, не бывать бы и селу-то у насъ! Онъ все дѣло оборудовалъ, въ лучшемъ видѣ!—замѣтили въ толпѣ.—Потому онъ какой хошь законъ тебѣ вычитаетъ и такъ подведетъ одно къ другому, что слово въ слово!..

— Нашъ-то, новый-то, значить, батюшко министромъ его зоветъ... Министръ, бать, ты у насъ... Да вотъ и онъ самъ шагаетъ... Макарычъ-то... Легокъ на поминѣ!.. Эй, -Макарычъ!.. Шагай скорѣе, Макарычъ!.. Заворачивай оглобли-то, милый человѣкъ!..

Русыя и сѣдыя бороды высовывались въ окно, кричали и махали руками при видѣ скрюченной въ дугу мужской фигуры, которая была одѣта не то въ длинный черный кафтанъ, не то въ длинный сюртукъ, какіе носятъ мѣщане. Подъ мышкой у шедшаго былъ какой-то длинный свертокъ, — очевидно планъ. Бойко вскинувъ головой, въ смѣшномъ картузѣ съ большимъ козырькомъ, Макарычъ весело засмѣялся, — потрясъ бороденкой и зашагалъ еще бодрѣе, высоко поднимая согнутыя колѣни и удалски размахивая свободной рукой...

— А иду!.. иду!..—Постойте... Дайте хоть отдышаться-то...—бойко заговорилъ онъ, вступивъ въ комнату.—Ну здравствуйте! Здравствуйте, старички почтенные!.. Вотъ и я самъ!.. Чего больно загорѣлось?.. На што Макарычъ понадобился?..

— Вотъ, онъ, ваше благородіе, Макарычъ-то...—пропуская его впередъ, оживленно заговорили мужики.—Вотъ онъ—министръ-то нашъ...

— А что? Министръ — такъ министр!.. Что такое!.. Будь по вашему!—шутливо отвѣчалъ Макарычъ, подходя къ столу.

Безъ шапки онъ оказался совсѣмъ лысымъ, только сзади торчали рѣдкія прядки сѣдовато-рыжихъ волосъ. Желтая, рѣдкая бороденка его была тоже полусѣдая и тряслась при каждомъ словѣ. Вся фигура Макарыча была буквально скрючена въ дугу, такъ что онъ долженъ

былъ закидывать голову, чтобы смотрѣть на собесѣдника. Тѣмъ не менѣе, его сухощавое, морщинистое лицо было озарено самой свѣтлой и беззаботной улыбкой; маленькіе же сѣрые глазки такъ и искрились сдержаннымъ, насмѣшливымъ юморомъ...

— Вотъ, ваше благородіе, это довѣренный нашъ... по всѣмъ дѣламъ ему довѣряемъ, пусть и съ вами тоже... заявили мужики.

— По всѣмъ! точно!.. Да! Что дѣлать?.. Довѣряютъ!.. Ладно! Я не отказываюсь... — здороваясь со мной, смѣялся Макарычъ. — Гдѣ что могу... и на счетъ земли тоже... Я вотъ и планчикъ съ собой захватилъ... Слышу — господинъ землемѣръ пріѣхалъ, — я и захватилъ... на всякій случай... Какъ, дозвольте узнать, величать васъ прикажете? Алексанъ Николаичъ?.. Имя хорошее, легкое имя... Алексанъ Николаичъ... запомнить нетрудно... А дозвольте всежъ-таки, на всякій случай, записать... даля памяти... Потому когда дѣльце какое будетъ или что-нибудь иное тому подобное — мы уже къ вамъ тогда и толкнемся.

Длинные, мохнатыя и корявыя, какъ вѣтки стараго дерева, руки Макарыча полѣзли въ карманъ и вытащили замасляную тетрадку, сшитую изъ простой сѣрой бумаги.

— Ну, вотъ, и готово... — нацарапавъ мой адресъ, произнесъ онъ. — На всякій случай... Ежели посовѣтоваться когда — не откажите... Между прочимъ, у насъ и теперь идетъ маленькое сумлѣніе на счетъ землицы... Муждоусобіе, то-ись, происходитъ съ нашимъ сосѣдомъ, помѣщикомъ, г. Петровымъ... Да вотъ лучше всего я вамъ всё по планчику выясню... Дозвольте удѣлить минутчку времени... вотъ-съ, извольте видѣть... вотъ это владѣніе г-на Петрова, а эта линія — наша грань, значить... вотъ она какъ прошла... извольте видѣть?.. А въ натурѣ-то онъ владѣетъ — вотъ какъ... Вонъ куда забрался!.. Вотъ, этотъ кусочекъ то и отхваченъ, а, между прочимъ, онъ намъ приверженъ изстари...

Мужики примолкли и, разинувъ бородатыя рты, какъ малыя ребята, лѣзли одинъ на плечи другого, стараясь тоже заглянуть въ планъ.

— Наше мѣсто, наше! Старики помнятъ!.. — горячо загалдѣли они.

— Тихе, тихе! Не шумите! — остановилъ ихъ Макарычъ. — Зана прасно кричать нечего... Это дѣло отъ господина землемѣра не зависящее и на то есть надлежащія инстанціи...

— С-стой, робята! Экіе какіе!.. Онъ, небось, и самъ всё раскумекаетъ...

— Да!.. такъ вотъ... и въ виду того, — весь сія отъ удовольствія, продолжалъ какимъ-то особеннымъ тягучимъ говоркомъ Макарычъ, — что господинъ Петровъ владѣетъ нашей землей менѣе десяти лѣтъ, то, согласно статьи пятьсотъ шестьдесятъ пятой свода законовъ томъ десятый, часть первая, земской давности еще не минуло, поэтому право иска, значить, вполне даже обезпечено!..

Окончивъ эту тираду, Макарычъ побѣдоносно взглянулъ на меня

и сталъ утирать вспотѣвшую лысину краснымъ платкомъ, вытасченнымъ изъ картуза.

— Вотъ намъ и желательно бы,—продолжалъ онъ,—сдѣлать провѣрочку въ натурѣ... съ цѣнью бы обойти. Поэтому нельзя ли будетъ покорнѣе просить васъ помогчи нашему горю — обмѣрять это мѣстечко... Оно же тутъ, вотъ, какъ разъ недалечко... Сдѣлайте такую Божецкую милость, не откажитесь. Какая стоимость этого будетъ—мы не стоимъ и... хоть сейчасъ со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ.

Не имѣя свободнаго времени, я не могъ, къ сожалѣнію, исполнить этой просьбы и посовѣтовалъ Макарычу обратиться къ одному моему знакомому землемѣру, который занимался частными работами.

— Да-а... вотъ они... дѣла-то!...—вздыхнулъ Макарычъ, записавъ его адресъ и свертывая планъ.—Тутъ, братцы, зря нельзя... Тутъ, милые мои, мозгами-то вотъ какъ шевелить надо... На все надо законъ указать, статью подходящую выудить... Закономъ-то—эво! гора! Съ ними тоже обращаться-то надо умѣючи... Ты, къ примѣру, подведешь подъ одну статью, а тебя хлопъ по башкѣ другой!.. Ты ткнешь ему въ зубы то третью, а онъ тебя оглушитъ четвертой... Да!.. Потому каждый законъ всяко толковать можно... Ты, по своему-то, думаешь такъ вонъ онъ гласитъ, законъ-то, анъ врешь—по сенатскому рѣшенію такого-то года за такимъ-то нумеромъ—совсѣмъ наоборотъ выходитъ. Главное дѣло въ томъ и есть, что на каждый случай можно два закона отыскать: по одному твое дѣло будетъ правое, а по другому совсѣмъ пропащее—наплюй на него!.. Вонъ, на судахъ-то посмотришь, сдѣются эти самые аблокаты... Какъ собаки другъ друга рвутъ! Такъ и лаютъ законами да рѣшеніями!.. Хе-хе-хе!..

— Хо-хо-хо!—хохотала толпа.—И ты туда же, Макарычъ?

— А мнѣ-то чего смотрѣть? Чего зѣвать-то? Онъ свое тростить, а я свое бубню!.. Главное дѣло, сбиваться не надо. Пуцай онъ тамъ лопочетъ, наплеваль бы я,—знай свое твержу, свои резонты... А ежели его, аблоката-то, слушать станешь, онъ тебя совсѣмъ завершитъ. Обалдѣешь!.. Онъ, языкомъ-то какъ мельница хорошая треплетъ—ихъ этому нарочно въ Казани много лѣтъ обучаютъ. Такъ гдѣ же нашему брату за нимъ угнаться?..

— Ахъ-ха-ха!—заливаются слушатели.—Вотъ братцы, посмотрѣть бы на эку потѣху!.. Онъ, значитъ, свое мелетъ, ты опять свое долбишь!

— А какъ же? Тѣмъ только и берешь! Взять хоть дѣло о мельницѣ... Мельницу это мы, Алексанъ Миколаичъ, у купца Рукавишникова отбирали... самымъ безсовѣстнымъ манеромъ, почитай, за одну водку онъ оболталъ старичковъ-то нашихъ... держалъ лѣтъ этакъ десятокъ... Ну, опомнились мы, взяли за разумъ: по какому-такому праву онъ наживается? Досадило намъ стало, что старички мельницу проворонили, рѣшили, значитъ, ее опять отобрать... Вызвали меня на судъ. Аблокать и такъ, и этакъ, вертитъ хвостомъ-то, языкомъ играетъ... такъ

законами и поливаетъ, какъ изъ лейки... Я молчалъ-молчалъ, да и говорю: «А развѣ за водку мельницу отдавать полагается? И, между прочимъ по фальшивому приговору?.. «Какъ по фальшивому?..» «Такъ и по фальшивому! Гдѣ на емъ печать?»—Какая печать?—«Старосты печать, вотъ какая!..» Стали смотрѣть—взаправду печати-то нѣту. Приговоръ какъ есть всѣмъ правильный, даже въ волостномъ правленіи записанъ, а печати нѣту, и подписи старосты нѣту... Аблокать-то верть-верть... Приговоръ, говоритъ, законный исполнѣ, даже явленъ, а печать просто приложить забыли... подписи же, какія слѣдуетъ, тутъ всѣ имѣются, документъ настоящій... А я одно твержу: гдѣ печать? Главное дѣло, печати нѣтъ, значитъ, приговоръ фальшивый, ежели безъ печати. Печать подавай—болѣ ничего!.. А безъ печати мы несогласны! Ну, судъ въ нашу пользу и вырѣшилъ. Аблокать-то даже шары свои выпучилъ—обалдѣлъ.

— Ловко ты его кокнулъ!.. Хо-хо-хо!

— Да, маленькое оглушеніе произвелъ... Хе-хе-хе!... Онъ и не думалъ, что такъ обернется, потому что дѣло было прямое, правое, и приговоръ, по правдѣ сказать, былъ самый настоящій... А только, когда его въ судѣ-то показывали, я и запримѣтилъ случайно, что печати-то нѣтъ... Забыли ее, што ли, приложить-то, когда писали, шутъ ихъ знаетъ, у насъ, вѣдь, попросту все это дѣлается... Дай-ка, думаю, на этомъ выѣду! Авось, кривая вывезетъ... Вывезла, вѣдь!.. Теперь мельничка-то куда какъ хорошо постукиваетъ въ нашу пользу. Хе-хе-хе!

— Какъ же такъ? Вѣдь, суды-то по правдѣ должны судить?—замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ парней.

— Хм... По правдѣ!—усмѣхнулся лукаво Макарычъ.—По правдѣ-то Богъ только судить... А людской судъ не Божій. Сунься-ка туда съ одной-то правдой, такъ тебя тамъ такъ раздѣлаютъ подъ орѣхъ! Ежели зубастый аблокать попадетъ, такъ онъ тебя вмѣстѣ со всей твоей правдой такъ роспишетъ, что самъ себя не узнаешь!.. Да! Правда-то правдой, а, между прочимъ, на что нибудь и законы пишутся. Вонъ ихъ сколько: всю жизнь читай не прочитаешь! Правду-то доказать еще надо, вотъ оно что. Документикъ еще на правду-то надобно. Хе-хе-хе!

— Да какъ же...—опять воскликнулъ наивный парень,—этакъ, значитъ, ловкій который человекъ, тотъ завсегда оправдается, а котораго и невиннаго засудить могутъ?

— А ты какъ думалъ? Не бываетъ? Молодъ еще ты, вотъ что, поживи сначала тогда узнаешь.

— Не ученъ еще! Вѣрно!—подтвердили и мужики. — Не бывалъ еще въ передѣлкахъ-то!..

— Нонче хошь искать-то... правду-ту матушку можно...—продребезжалъ одинъ древній старичокъ, постукивая бадожкомъ. — Да... правду-ту... матушку... А въ старо-то время совсѣмъ ее не было...

правды-те... вотъ что!.. Да!.. Коли ты мужикъ—значить виновать, а баринъ завсегда правъ... Вотъ,—какъ было... Суды-те какіе были!..

— Нонче что говоритъ!—подхватила толпа.—Нонѣ грызись съ жѣмъ хошь... кто зубастѣе, тотъ и правъ!.. Хо-хо-хо!..

— Да! А меня, вотъ, къ примѣру за что о. Василій въ Сибирь сослать хотѣлъ? Какая моя вина была?—проговорилъ Макарычъ притворно серьезнымъ тономъ, причеиъ лукавыя искорки еще сильнѣе забѣгали въ его глазкахъ.

— Вѣрно, хотѣлъ!.. Ха-ха-ха!..—засмѣялись опять мужики.—Окончательно хотѣлъ!..

— Да! Ежели, говорить, ты не перестанешь народъ мутить, я, говорить, на тебя донесу, и тебя въ казематъ засадятъ, а потомъ въ Сибирь вышлютъ... Я, говорю, батюшко, на что серчаешь? Не одинъ вѣдь я о семъ-то хлопочу,—пятнадцать деревень цѣлыхъ... Я только довѣренный ихній... Куд-да! Въ Сибирь, кричить, больше ничего! А селу вашему, кричить, не бывать, покаиъ я живъ... Ну, я думаю себѣ, это, батюшко, какъ еще Господь Богъ сподобить... А между прочимъ, свою линію веду. Махнулъ приговоръ прямехонько губернатору!.. Слѣдствіе назначили,—все какъ быть должно... Посмотрѣли мѣсто—мѣсто чудесное! Уютное мѣстечко для храма Божія!.. Отцу Василю прихожанъ остается еще довольно... хватитъ ему собирать и яицъ, и курицъ... Нѣтъ ли какихъ препятствіевъ? Никакихъ не оказывается! Планчикъ намъ земскій архитектуръ, Иванъ Ивановичъ, составилъ... Все по формѣ! Чего еще?.. Ну, на основаніи статьи двѣсти тридцать шестой строительнаго устава, и съ приложеніемъ плана, согласно статьи двѣсти тридцатой того же устава, просимъ разрѣшить... А о. Василій все-таки не сдается, уперся: не надо новаго села, и слышать ничего не хочетъ!.. Вижу, дѣло плохо: такъ да сакъ заминать ужъ его стали, дѣло-то, затягивать... Вотъ, я, Господи благослови, взялъ да и бухнулъ прошенія: въ консисторію—разъ, къ архіерею—два, въ святѣйшій синодъ—три и господину оберъ-прокурору синода—четыре!..

— Сразу?!

— А чего думать-то? За одинъ махъ! Я завсегда такъ дѣлаю: ежели по духовному вѣдомству—такъ въ консисторію, архіерею, въ синодъ и прочія мѣста, а ежели по гражданскому—такъ губернатору, въ губериское присутствіе, господину министру внутреннихъ дѣлъ и въ правительствующій сенодъ *). Гдѣ-нибудь да заберетъ!..

— И что же? Хорошо выходитъ?

— Хо-орошо клянется! Не тутъ, такъ тамъ, а ужъ безпремѣнно клянется... И сейчасъ отвѣтъ откуда-нибудь получаешь: такъ и такъ... Къ примѣру, хотъ о лѣсной прирѣзкѣ мы хлопотали... Господи нъ лѣс-

*) Крестьяне часто называютъ тотъ сенатъ.

ничинъ отказалъ: все равно. говоритъ ничего не подѣлаете... откажутъ, значить... Ну, я сейчасъ лѣсной уставъ за бока... Наудилъ какихъ мнѣ статейкъ надобно, да и запалилъ господину лѣсному левизору, въ управленіе государственныхъ имуществъ, да въ лѣсной департаментъ... Хе-хе-хе! Разбирай тамъ, какъ хошь!..

— Хо-хо-хо...—грохотала публика.

— Да-а!... А опосля того еще господину министру земледѣлія конуль... Михаилъ Михайчъ, аграмонтъ, надоумилъ... да!.. Хе-хе-хе!.. Ну, и тово... Рощицу-то намъ и прирѣзали опять-таки... Наша рошница то стала, голубушка!.. Хе-хе-хе!..

— Я вамъ, Алексанъ Миколаичъ, прямо скажу,—обратился ко мнѣ воодушевившійся Макарычъ,—кажное дѣло надо изморомъ брать... да! Сыпнулъ вотъ этакъ вездѣ прошенія и жди... Выйдетъ—отказъ. Другой сейчасъ и броситъ дѣло... Нѣ-этъ! Тутъ-то и начинать надо!.. Тебѣ отказъ, а ты опять!.. Да туда, да сюда! Катай, жаррь, не жалѣй бумаги!.. Марки понадобились—на!.. Возьми! Вездѣ отказъ—а ты опять въ сенатъ. Тамъ отказъ, а ты дальше... все выше да выше залѣзай!.. Повѣрите ли, разъ я въ государственный совѣтъ одну бумажечку загвоздистую запустилъ. Да! Ну, только вернули: неподлежа-тельно, дескать... пригрозили даже... А мнѣ что? Сади меня куда хошь—ничего!.. Я человѣкъ одинокій... А, между тѣмъ, на дѣло-то вниманіе обратили—въ нашу пользу опять-таки вырѣшили... да! А намъ чего только и надобно!..

Макарычъ торжествующе оглянулъ всѣхъ и просто сіялъ самымъ беззащитнымъ весельемъ.

— Такъ изморомъ? А? Макарычъ?.. Ха-ха-ха!—повторяла публика.

— Обязательно изморомъ!—откликнулся Макарычъ.—У насъ если плохо просить, такъ и ухомъ не поведутъ... Ладно, дескать подождетъ,—не больно, видно, нуждается... Такъ подъ сукномъ твое прошеніе и проваляется... Ну, а какъ бухнешь во всѣ то колокола... Хе-хе-хе-хе!..

— Хо-хо-хо!..—ликуетъ толпа.

— Да! Кэ-экъ затрезвонишь во вся-то. Хе-хе-хе!..

— Хо-хо-хо!..

— Ну, тамъ маненечко и заворочаются... да чтобы отвязаться—на! будь по твоему! Только убирайся, не безпокой, пожалуйста! Потому господа начальники спокой очень уважаютъ... Они нашихъ кляззовъ мужицкихъ очень не любятъ... Хе-хе-хе!..

— Н-не любятъ?.. Хо-хо-хо!..

— Очень не уважаютъ!.. Хо-хо-хо!.. Потому дѣловъ у нихъ и безъ того много, служба чижолая... А наши, мужицкія-то, жалобы и поимель-то не скоро!.. Да!.. А, между прочимъ, вонъ, у Петра Иваныча, председателя сѣзда, печонка распухла... Гдѣ же ему дѣлами заниматься? Ему бы только жалованье-то какъ ни на есть получить... Хе-хе-хе!.. И то слава Богу!..

— Вѣрно? Ха-ха-ха!.. Гдѣ же ему, старичку, дѣлами займаться!..— весело вторила толпа.

— Да!.. А вотъ, Алексанъ Николаичъ, не знаешь ли, гдѣ бы закончиковъ достать хорошенькихъ о винныхъ лавкахъ да о монополіи?.. — обратился ко мнѣ Макарычъ. — Оченно намъ въ текущее время эти закончики нужны бы были... Большую въ нихъ нужду чувствуемъ!..

— На что вамъ они?

— Да вотъ, ту, вонъ, лавочку выкурить бы намъ надобно... казенную-то... Что это такое, въ самомъ дѣлѣ? Одно безобразіе! Въ прежнее время пьяницы-то хоть въ кабацѣ сидѣли, а нынче все на виду... Настоящій содомъ! А, между прочимъ, мы вотъ школу себѣ охлопотали—лѣсу пожертвовали и содержаніе, кромѣ учителя... Библіотечку намъ тоже обѣщали приспособить; фонарь смекаемъ завести, съ картинами... Поэтому намъ такое безобразіе пьяное не подходяще терпѣть... Раньше, молодой-то, я вѣдь и самъ такъ-то ли завихоривалъ—пьянствовалъ... Да! Чего скрывать-то? Что было, то было!.. И совѣмъ бы сгибъ, да вотъ этими дѣлами-то занялся... Старики довѣряютъ — отчего не послужить?.. Ну, и затынуло... и бросилъ глузости-то... Да! Вотъ намъ и желательно бы эту самую лавочку зловредную выкурить... Не надо намъ ее—больше ничего! Не желаемъ!.. Я ужъ говорилъ объ этомъ господину земскому начальнику—ну, они отозвались тѣмъ, что нельзя... то-есть ее прекратить, потому что дѣло казенное. А по моему разсужденію выходитъ, что можно!.. Есть у меня, подысканъ ужъ одинъ закончикъ, очень забористый закончикъ—н-ну, только не совѣмъ чтобы вполне благонадежный... Да! Оченно уютная статеечка — ну, настоящаго вѣсу она не имѣетъ... Н-да! Нужно еще порыться, поискать — нѣтъ ли какого «рѣшенъица» подходящаго или какого-нибудь «циркулярчика» хорошенькаго... А? Какъ вы думаете, Алексанъ Николаичъ? А намъ-то это больно бы сполитично было...

— Отчего же, попробуйте!—неволью смѣясь, отвѣтилъ я.

— А ей—право! Махнуть развѣ?— еще веселѣе вскрикнулъ Макарычъ.

— А чего думать-то?—также весело подхватила толпа.

— А, ей, право!—топнулъ ногой Макарычъ.—Въ уѣздный стѣздъ, въ губериское правленіе и въ акцизное управленіе... Хе-хе-хе!..

— Махай! Жаррь, Макарычъ, въ нашу голову! Не жалѣй бумаги!.. Хо-хо-хо!..

— А вотъ и махну!.. Хе-хе-хе!..—крикнулъ еще разъ Макарычъ, прощаясь, и—скрюченный, по-дѣтски смѣясь,—бойко зашагалъ по улицѣ, захлыватски размахивая свободной лѣвой рукой и высоко вскидывая ноги, согнутыя отъ старости и болѣзни...

Мужики ушли. Я остался одинъ, прислушиваясь къ звонкой пѣснѣ, которая доносилась до меня...

Хорошіе моменты переживаетъ иногда деревня! Сѣрые будни крестьянской жизни, полные нужды и заботъ о кускѣ, полные груести и дикаго невѣжества, въ это время куда-то прячутся, какъ будто исчезаютъ... Остается одна красота: остается эта дивная природа, съ которой гармонично сливается наивное, жизнерадостное веселье простодушныхъ людей, сплоченныхъ между собой, какъ одна огромная семья остается глубокая доброта «золотыхъ сердецъ», которыя освободились на мигъ отъ грязи житейскихъ расчетовъ... Эти-то свѣтлые моменты, невольно очаровывая, и заставляли нашихъ писателей-народниковъ такъ часто идеализировать деревню...

Слабый вѣтерокъ пахнулъ съ луговъ ароматомъ сѣна. Слѣва зеленѣла густая озимь. За полемъ чернѣлся нарядный лѣсокъ. И на этомъ зеленомъ фонѣ яркой змѣей извивался большой хороводъ, все приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ стояло училище. Всѣ громче и громче звучить пѣсня... Можно уже различить молодые, веселыя лица дѣвушекъ и парней... Волна звуковъ все растетъ, ширится, заполняетъ воздухъ, заливаютъ всю комнату... Но вотъ она прокатилась мимо... Хороводъ, медленно разливаясь, миновалъ училище... Пѣсня стала удаляться... стихать... пока, наконецъ, не замерла гдѣ-то далеко...

А я сидѣлъ и думалъ, зачѣмъ такъ скоро проходятъ эти хорошіе моменты? Зачѣмъ нельзя сдѣлать такъ, чтобы эта красота освѣщала бы деревенскую жизнь всегда?..

В ъ « с б о р н о й ».

Я возвращался вмѣстѣ съ женой изъ своей поѣздки по уѣзду. Порядочный морозецъ, стоявшій въ предыдущіе дни, смѣнился ночью теплымъ вѣтромъ, который нанесъ сильнаго дождя. Снѣгъ сдѣлался рыхлымъ. Неокрѣпшій ледъ на рѣчкахъ сталъ тоже совсѣмъ слабымъ, и когда мы переѣзжали черезъ одну изъ нихъ, то онъ трещалъ подъ копытами лошадей и колебался, такъ что поверхъ его выступала вода.

Розыгралась форменная оттепель... Хмурое небо, назойливый вѣтеръ, хлеставшій фартукомъ повозки и сыпавшій дождемъ, усталость отъ дальней поѣздки по плохимъ дорогамъ, раздраженіе и утомленіе отъ тяжелыхъ впечатлѣній, которыя приходились выносить почти изъ каждого столкновенія съ деревенскимъ бытомъ, — все это заставило меня, несмотря на близость города, остановиться въ волостномъ правленіи, чтобы немного отдохнуть и напиться чайку. Кстати, я долженъ былъ получить нѣкоторыя бумаги, забытыя мною на предыдущей станціи.

Когда мы выѣздили изъ промокшей повозки и пробрались, наконецъ, въ своихъ валенкахъ черезъ лужи, мимо хлеставшихъ съ крыши водяныхъ потоковъ, въ правленскую «комнату для гг. проѣзжающихъ»

то нами овладѣло то чувство нѣги и довольства отъ теплаго угла, которое извѣстно только людямъ, принужденнымъ много скитаться по сквернымъ дорогамъ и во всякое время.

Здоровенный дѣтина, оказавшійся сторожемъ, услужливо подаль намъ ведерный самоваръ и сбѣгалъ въ лавочку за кренделями.

— Что это у васъ сегодня?—спросилъ я писаря, замѣтивъ много народа, который толпился въ «сборной». — Судъ, что ли?

— Нѣтъ, сегодня у насъ порка, — отвѣтилъ онъ, — пороть одного молодца будутъ... присуждено двадцать ударовъ...

— Какъ порка? Развѣ она у васъ въ ходу?—даже привскочилъ я со стула. Въ Слободской уѣздъ мнѣ пришлось переѣхать изъ южнаго конца губерніи, гдѣ порка, насколько мнѣ было извѣстно, не практикуется.

— Да, знаете... которые очень ужъ надоѣдаютъ—ну, тѣмъ и всплютъ,—объяснилъ писарь.

«Вотъ тебѣ разъ—на какую исторію попали!—подумалъ я.—Первый разъ въ жизни... Не уѣхать-ли?..»

Но самоваръ такъ пріятно пыхтѣлъ на столѣ, выпуская клубы горячаго пара; въ уставшемъ тѣлѣ чувствовалась такая нѣжная истома отъ отдыха въ теплой комнатѣ, что не хотѣлось даже двинуться...

Между тѣмъ, по черному и сорному полу корридора, громыхая чисто мамонтовскими сапожищами и шлепая лаптишками, то и дѣло ходили взадъ и впередъ мужики. Скверный, по обыкновенію, воздухъ становился все тяжелѣе отъ прѣющей «лопоти», намокшей на дождѣ, отъ грязныхъ лаптей, и отъ «горлодерной» махорки. Хотя я и притворилъ дверь въ нашу комнату, тѣмъ не менѣе скверный воздухъ пробрался и къ намъ.

— Ушли за Тимошкой-то?—крикнулъ чей-то голосъ, выдѣляясь изъ общаго угла.

— Сейчасъ ушли...

— Все-ли готово?

— Все готово!..

Опять движеніе, топотъ ногъ, хлопанье дверей.

— Ну, что? Привели?..

— Точно такъ... вотъ онъ...

— Гдѣ старшина?..—доносились до насъ отрывочныя фразы.—Эй, старшина! Иди сюда... Тутъ ли бумага-то?.. Надо читать рѣшеніе... Ну, становитесь такъ... Готовься... Тихе, вы! Не галдите!..

— Что же это?.. Неужели нельзя ничего сдѣлать?.. Нужно крикнуть имъ, что ли... запретить имъ...—растерянно бормотала моя жена.

— Ничего... не подѣлаешь... рѣшеніе суда... — процѣдилъ я, чувствуя, какъ у меня начинаютъ колотиться зубы...

Въ «сборной» вдругъ стихло. Раздавался тольکو одинъ жиденькій, монотонный голосъ, что-то читавшій.

Я подошелъ къ двери, не имѣя силы идти дальше. До моихъ ушей доносились лишь безсвязные обрывки: «будучи въ нетрезвомъ видѣ... встрѣтился на улицѣ... обругалъ его скверно матерными словами... Когда-же ему на это заявили... онъ отвѣчалъ... причемъ буйство его выразилось... Принимая все это во вниманіе, волостной судъ постановилъ... двадцать ударовъ... По жалобѣ же Шутова... не находя достаточныхъ основаній для отпѣны... приговоръ суда утвердилъ...»

Дребезжащій голосъ смолкъ.

Наступила жуткая мертвая тишина... Кто-то еще пробормоталъ что-то... глухо... скоро... Послышалась короткая возня... Опять напряженная тишина...

И вдругъ какой-то короткій подлый звукъ, щелкнувшій, какъ аплодисментъ...

Я откинулъ голову и поблѣднѣлъ...

— Разъ!—громко произнесъ кто-то.

«Что это?.. Вѣдь это ударъ?..» пронеслось у меня въ головѣ.

Да, это уже ударили по живому тѣлу!

Опять тотъ же короткій подлый звукъ... Я опять откинулъ голову, какъ будто ударили меня самого...

— Два!—опять сосчиталъ прежній голосъ.

«О, какая гадость!.. Какая гадость!.. Вотъ опять... Что это?..» Вслѣдъ за ударомъ послышался подавленный стонъ...

— Четыре... пять... шесть...—мѣрно раздавалось щелканье, и за каждымъ ударомъ кто-то глухо, словно ему заткнули ротъ или онъ закусилъ губу, отрывисто взывалъ...

— Десять... одиннадцать... двѣнадцать...

Меня била дрожь... Вѣроятно, я былъ блѣдень, какъ полотно... Я не зналъ, что дѣлать: бѣжать ли куда отъ этихъ подлыхъ звуковъ, хлеставшихъ меня... Закричать ли отъ жгучаго стыда, отъ возмущенія... Не помня себя, я метался лишь изъ угла въ уголъ, стуча зубами и тиская свои руки...

— Какая гадость... какая гадость... О, какая гадость!—безсмысленно твердилъ я одно.

— Тринадцать... четырнадцать... пятнадцать...—зловѣще отчеканивалъ счетчикъ послѣ cadaго подлога звука.

Человѣческій вой становился все громче и походилъ теперь на отрывистое гамканье собаки.

— Шеснанадцать... семнадцать... восемнадцать...

— У-ой-ой!..—вырвался, наконецъ, уже продолжительный, чисто животный ревъ...

У меня помутилось въ глазахъ.

.....
Когда я нѣсколько успокоился, то увидѣлъ, что моя жена сидитъ

совершенно неподвижно, какъ будто окаменѣлая, съ выраженіемъ ужаса на побѣлѣвшемъ, какъ мѣлъ, лицѣ...

Въ «сборной» уже задвигались и заговорили. Слышались захлебывающіяся восклицанія... Кто-то предлагалъ пить...

Въ неплотно притворенную дверь я увидѣлъ, какъ изъ «сборной» вышелъ вспотѣвшій старшина, пряча за пазуху «знакъ». Здоровенный сторожъ съ другимъ такимъ же верзилой,—оба съ красными, какъ у мясниковъ, лицами и съ налитыми кровью глазами, прогромыхали своими сапожищами по корридору..

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ правленіи все приняло обычный видъ, словно тутъ ничего особеннаго и не происходило: помощники писаря опять усердно щелкали на «щетахъ» и скрипѣли перьями... Какой-то мужичокъ самаго дикообразнаго вида уже излагалъ писарю заплетающимся, «суконнымъ» языкомъ какую-то непонятную не то жалобу, не то просьбу... Въ «сборной», сидя на корточкахъ, попрежнему апатично сосали трубки и «вертуны» какіе-то нескладные невзрачные мужики, дымя зловонной «махрой» и громко отхаркиваясь и сплевывая на черный, загаженный полъ... Замызганное, неказистое правленіе, съ печатью подозрительнаго чернильнаго кляузничества, казалось послѣ происшедшаго еще болѣе отталкивающимъ...

Я не могъ болѣе оставаться тутъ и торопливо сталъ одѣваться все еще дрожащими руками.

— Какая гадость...—сказалъ я старшинѣ, когда онъ вошелъ въ комнату.

Но онъ, очевидно, не понялъ и удивленно взглянулъ на меня.

— Кого это у васъ... тамъ...—спросилъ я.

— А тутъ есть одинъ... Шутовъ по фамиліи... здѣшній онъ, Ильинскій... Можетъ замѣтили, ѣхали мимо-то домъ съ чердачкомъ? Ихній это... Станцію еще они прежде содержали... лѣтъ двадцать ему всего, не болѣ...

— За что же его?

— Значить, было за что! Ругался, значить, ну и дрался... Грубеянъ, одно слово, надоѣлъ, ну, его и тово... хе-хе-хе!.. поучили!..

Я ничего не говорилъ, стараясь поскорѣе уйти изъ правленія, которое стало мнѣ прямо ненавистно, какъ и всѣ эти тупые, апатичные люди съ дубовой безчувственностью.

Оглянувшись при выходѣ, я замѣтилъ въ углу «сборной» чью-то сжавшуюся въ комокъ спину, плечи которой судорожно вздрагивали...

А. Барановъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ *).

(Продолженіе *).

Статистика книгоиздательства XVIII в., какъ симптомъ роста читающей публики.— Характеръ популярнаго чтенія: романъ, какъ средство культурной пропаганды среди провинціи и мѣщанства.— Главныя теченія въ высшемъ культурномъ слоѣ.— Вольтеріанство; пониманіе его Екатериной; ея отношеніе къ религіи.— Вольтеріанство въ высшемъ общественномъ слоѣ. Критическое отношеніе къ *этому* вольтеріанству передовой интеллигенціи.— Отношеніе ея къ подлинному вольтеріанству: увлеченіе и раскаяніе.— Значеніе масонства, идейное и общественное.— Тайныя ученія масонства.— Безъидейный и клубный характеръ первоначальнаго масонства.— Подъемъ масонства со вступленіемъ въ него воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній (конецъ 50-хъ и начало 60-хъ гг.).— Новое охлажденіе.— Отношеніе Новикова къ масонству.— Его идея о книгоиздательствѣ и книжной торговлѣ, какъ важнѣйшей просвѣтительной миссіи интеллигенціи.— Отношеніе Екатерины къ инициативѣ Новикова.— Переѣздъ его въ Москву; настроеніе Москвы и направленіе «Московского изданія».— Роль Шварца въ масонствѣ.— Его просвѣтительный планъ, профессорская и кружковая дѣятельность.— Постепенное усвоеніе новаго міровоззрѣнія въ журналахъ Новикова.— Источникъ этого міровоззрѣнія—въ популярной нѣмецкой философіи.— Высшая точка—въ трактатѣ Шварца.— Новый фазисъ дѣятельности кружка по смерти Шварца.— Книгопродавческія и издательскія предпріятія Новикова.— Помощь голодающимъ.— Отношенія Екатерины къ масонству въ трехъ фазисахъ его.— Литературная полемика ея противъ масонства.— Административныя мѣры.

Семидесятыя и восемьдесятыя годы XVIII-го столѣтія были тѣмъ моментомъ, съ котораго начинается непрерывная исторія интеллигентнаго общественнаго мнѣнія въ Россіи. Этотъ моментъ, какъ мы видѣли, былъ подготовленъ двумя предыдущими десятилѣтіями—пятидесятыми и шестидесятыми годами. Но тогдашнее поколѣніе—первое поколѣніе русской интеллигенціи—мы можемъ пересчитать по пальцамъ: это была, какъ мы знаемъ, учащаяся молодежь высшихъ учебныхъ заведеній обѣихъ столицъ. Она писала и печатала для самой себя,—авторы хвалили и критиковали другъ друга, сами себя утѣшали своими возвышенными чувствами и тонкими ощущеніями. Теперь впервые появляется среда, могущая служить объектомъ культурнаго воздѣйствія: читающая, болѣе

*) См. «Міръ Божій», іюль 1902 г.

или менѣе интеллигентная публика въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ.

Чрезвычайно наглядно покажетъ намъ это *особое* положеніе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ—простая справка съ цифрами,—съ количествомъ печатавшихся въ это время книгъ. Всего за XVIII-е столѣтіе библиографамъ извѣстно около девяти съ половиной тысячъ печатныхъ изданій (не считая церковно-служебныхъ книгъ, газетъ и журналовъ). По четвертямъ вѣка эта цифра распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1698—1724:	561 (6 ⁰ /о)
1725—1750:	357 (4 ⁰ /о)
1751—1775:	2.010 (21 ⁰ /о)
1776—1800:	6.585 (69 ⁰ /о)

Всего. . . 9.513 *).

Какъ видимъ, послѣ нѣкоторой задержки во второй четверти вѣка число изданныхъ книгъ быстро растетъ, составляя за вторую половину вѣка 90% всей суммы. Еще ярче выступить значеніе интересующаго насъ теперь момента, если мы распредѣлимъ изданія по десятилѣтіямъ (и, гдѣ нужно, по пятилѣтіямъ):

1698—1710	149	въ годъ по	12 книгъ.
1711—1720	248	»	25 »
1721—1725	215 {	182	» 36 »
1726—1730		33	» 7 »
1731—1740	140	»	14 »
1741—1750	149	»	15 »
1751—1760	233	»	23 »
1761—1770	1.050	»	105 »
1771—1775	1.466 {	633	» 126 »
1776—1780		833	» 166 »
1781—1785	2.685 {	986	» 197 »
1786—1790		1.699	» 366 »
1791—1795	2.660 {	1.494	» 299 »
1796—1800		1.166	» 233 »

Книгоиздательство оказывается очень чувствительнымъ барометромъ общественныхъ настроеній и культурныхъ вѣяній.. Таблица начинается энергично прогрессирующими цифрами петровскаго книгоиздательства; но мы знаемъ, что это были за книги и какъ мало они повліяли на созданіе читающей публики (см. выше). Затѣмъ издательство сразу падаетъ до ничтожной цифры (7), которая медленно возвра-

*) Еъ эту цифру я включилъ 553 книги, точная дата которыхъ неизвѣстна, распредѣливъ ихъ, пропорціонально количеству датированныхъ книгъ, между послѣдними тремя четвертями вѣка.

стаетъ къ воцаренію Екатерины II *). Тотчасъ послѣ вступленія Екатерины на престолъ цифра дѣлаетъ рѣзкій скачокъ вверхъ (почти въ пять разъ). Далѣе начинается быстрый и постоянный ростъ книгоиздательства, достигающій кульминаціоннаго пункта въ пятилѣтіе 1786—1790 (въ $3\frac{1}{2}$ раза больше сравнительно съ началомъ царствованія). Скоро увидимъ, что эта высшая точка достигнута исключительно дѣятельностью *частныхъ* типографій, — точнѣе, вмѣшательствомъ энергической общественной инициативы (предпріятія новиковскаго кружка). Съ устраненіемъ этой инициативы падаетъ и издательская дѣятельность, особенно послѣ воцаренія имп. Павла. Но главное дѣло уже сдѣлано; читающая публика создана, и въ самые мрачные годы цифры все же не падаютъ до стараго уровня.

На какую публику рассчитывалъ весь этотъ печатный матеріалъ и какого рода почву онъ могъ создать для дѣятельности интеллигентныхъ кружковъ? Большая часть печатавшихся книгъ удовлетворяла, конечно, исключительно, дѣловымъ потребностямъ (правительственныя распоряженія), нуждамъ школы (учебники) или стариннымъ вкусамъ къ духовно-нравственному чтенію (поученія, житія и т. п.). Но цѣлые 40% книгъ обращались прямо къ новому, быстро возраставшему въ числѣ классу любителей свѣтскаго занимательнаго чтенія. Это были романы, повѣсти, стихотворенія, драматическія пьесы и т. п. Въ продажѣ этотъ беллетристическій матеріалъ преобладалъ, такъ какъ на него былъ наибольшій спросъ. Это видно уже изъ того, что именно беллетристическія произведенія чаще всего доживали до новыхъ изданій. Изъ 839 переводныхъ романовъ XVIII в. 336 были переизданы; изъ 104 оригинальныхъ русскихъ романовъ еще болѣе процентъ: цѣлыхъ 55. Противъ увлеченія романами уже и въ то время горячо протестовали представители верхняго слоя интеллигенціи. Они утверждали, что романы развиваютъ чувственность и создаютъ міръ воображаемыхъ чувствъ, заслоняющихъ дѣйствительную жизнь. Эти упреки не были лишены основанія; но они нисколько не мѣшали многочисленнымъ читателямъ и читательницамъ беллетристики приносить «жертвы благодарности и любви» на алтарь романистовъ, открывавшихъ для нихъ неотразимо-обаятельный міръ «нѣжныхъ» и «сладостныхъ» ощущеній, — міръ «тайностей человѣческаго сердца». О культурномъ значеніи этого открытія мы уже говорили (см. выше). Прибавимъ теперь, что культурная роль романа не кончилась завоеваніемъ столичнаго дворянина-интеллигента. Сдѣлавъ въ серединѣ вѣка свое дѣло въ столицѣ, романъ продолжалъ создавать новаго читателя въ провинціи. Приучивъ благородное шляхетство «къ нѣкоторой изящности нравовъ, къ нѣкото-

*) Надо, однако, замѣтить, что тутъ мы не имѣемъ такого тщательнаго библиографическаго изслѣдованія, какое сдѣлано Пекарскимъ относительно книгъ Петровскаго времени; слѣдовательно, въ дѣйствительности надо предположить цифры послѣ Петра нѣсколько выше.

рой нѣжности чувствованій», онъ и для «подлаго» мѣщанства долженъ чбыл сдѣлаться источникомъ «изрядныхъ и благородныхъ» чувствъ. Вотъ почему гораздо правѣе интеллигентныхъ противниковъ беллетристики былъ Карамзинъ, принявъ на себя защиту романа. По его справедливому замѣчанію, тотъ, «кто плѣняется «Никаноромъ злосчастнымъ дворяниномъ»,—тотъ на глѣстницѣ умственного образованія стоитъ еще ниже его автора,—и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему-нибудь научается».

Разумѣется, для высшаго слоя русской интеллигенціи въ семидесятыхъ или восьмидесятыхъ годахъ уже прошло время, когда мы могли бы характеризовать ихъ положеніе «на глѣстницѣ умственного образованія» однимъ только чтеніемъ романовъ. Для *этого* слоя—болѣе обширный кругъ читателей романовъ представлялъ только почву, на которую должны были падать ихъ сѣмена. Наоборотъ, для обширнаго круга обыкновенныхъ читателей представители передовой интеллигенціи были «вольтерьянцами» и «фармазонами». Въ этихъ двухъ терминахъ характернымъ образомъ закрѣпилось воспоминаніе о двухъ важѣйшихъ умственныхъ теченіяхъ среди тогдашней высшей интеллигенціи. Оба теченія были діаметрально противоположны и враждебны другъ другу. Тѣмъ характернѣе, что въ представленіи широкихъ круговъ оба термина сливались, какъ что-то родственное, что-то одинаково крайнее и, стало быть, одинаково опасное для обывателя, еретическое передъ судомъ его рутины. Одной этой популярной терминологіи достаточно, чтобы показать намъ, что передовая русская мысль текла еще очень узкой и тонкой струей, углубляя свое русло среди едва разрыхленной поверхности культурной пустыни. Даже сама Екатерина, помогавшая пролагать это русло, настолько могла запутаться среди передовыхъ теченій, что смѣшалась въ послѣдствіи «мартинизмъ» съ направленіемъ Радищева.

Дѣло въ томъ, что время слишкомъ уже шло впередъ, обостряя вопросы, радикализируя настроеніе и отодвигая на задній планъ воззрѣнія, только что казавшіяся передовыми. Екатерина называла себя «вольтеріанкой»; но ея вольтеріанство скорѣе отзывало фривольной эпохой регентства, чѣмъ эпохой Людовика XVI-го. Самъ Вольтеръ долженъ былъ къ концу жизни сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы остаться «вольтеріанцемъ». Вольтеріанство—это былъ теперь боевой кличъ, означавшій борьбу и торжество свободной мысли противъ государственной церкви, противъ догмы, защищаемой силами инквизиціи и іезуитизма. Рядомъ съ вольтеріанствомъ стояли и опережали его радикальныя, философскія и политическія ученія. Не только эти ученія остались внѣ кругозора Екатерины, но и «вольтеріанство» она продолжала понимать въ болѣе узкомъ и низменномъ смыслѣ эпохи своего дѣтства: въ смыслѣ побѣды «здраваго смысла» надъ «суевѣріемъ»,—въ смыслѣ легкой чистки человѣческихъ мозговъ, а не упорной борьбы

за реформу человѣческихъ учреждений и вѣрованій. Это была, какъ мы говорили раньше, полная свобода отъ какой-бы то ни было доктрины, отождествляемой съ «педаггствомъ»,—а вовсе не подчиненіе какой-нибудь передовой доктринѣ. Такое пониманіе ни къ чему не обязывало и даже могло повести къ довольно неожиданнымъ послѣдствіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же болѣе іезуитовъ былъ свободенъ отъ «суевѣрій»? И развѣ не торжествовали они побѣду «здраваго смысла» надъ богословской метафизикой янсенистовъ? Сознаніе умственной близости съ этими сторонниками «здраваго смысла» слишкомъ сильно чувствуется въ добродушныхъ насмѣлкахъ Екатерины надъ *mes chers coquins de jésuites*. Вотъ почему, когда Европа XVIII вѣка изгнала іезуитовъ,—Екатерина ихъ пріютила; и вотъ почему въ послѣдствіи, когда французское дворянство отказалось въ ночь на 4 августа 1789 г. отъ своихъ привилегій, Екатерина увидала въ этомъ только послѣдствія «дурнаго воспитанія», какое стали получать дворяне послѣ закрытія іезуитскихъ школъ.

Въ началѣ царствованія (см. выше) Екатерина, впрочемъ, поняла было серьезно свою роль вольтеріанки по отношенію къ русскому духовенству. Въ 1767 г. Мелиссино представилъ синоду, въ качествѣ оберъ-прокурора, «пункты», долженствовавшіе служить руководствомъ при составленіи депутатскаго наказа отъ синода. Въ пунктахъ указывалось, что синодальные члены могли бы предложить въ Наказѣ: разрѣшить раскольникамъ публично совершать богослуженіе, ослабить и сократить православные посты, очистить церковь отъ «суевѣрія» и всѣхъ «притворныхъ чудесъ», не носить по домамъ иконы, отмѣнить лишніе праздники и убавить что-нибудь изъ «продолжительныхъ церковныхъ обрядовъ»; установить чтеніе краткихъ молитвъ съ поученіемъ— вмѣсто всенощныхъ и вечерень, дозволить епископамъ жениться, а всѣмъ вообще духовнымъ—носить болѣе приличное платье: смягчить правила о разводѣ, о запрещеніи браковъ между родственниками и о бракахъ съ иновѣрцами; отмѣнить обычай поминованія усопшихъ. Синодъ предпочелъ отмолчаться отъ этихъ странныхъ предложеній, и Екатерина не настаивала. Ея *modus vivendi* съ русскимъ духовенствомъ скоро выработался. Въ перепискѣ съ официальными вольнодумцами, въ родѣ Гримма, она позволяла себѣ шутить надъ *saintes huiles fricassées en sa présence, qui sont devenues puantes et que... Potemkine a fait jeter dans la rivière*. Но когда Вольтеръ намекалъ ей, что недурно бы было вывести изъ употребленія цѣлованіе руки духовнымъ лицамъ, она съ насмѣшливой ироніей предлагала ему предоставить это дѣло времени. Таинство можно было сдѣлать предметомъ интимной шутки, но никакъ нельзя было касаться церковнаго обычая. «Il faut profiter des opinions populaires»—таково было политическое правило, передъ которымъ уклонялось «вольтеріанство» Екатерины.

Дворъ и высшее общество пошли по тому же пути и такъ

же не далеко ушли по нему. Мы знаемъ (см. выше), до какой степени условія дворянскаго воспитанія и «свѣтскаго житія» не благоприятствовали выработкѣ какихъ бы то ни было, въ томъ числѣ и религиозныхъ убѣжденій. Новыя идеи, при этихъ условіяхъ, не встрѣтились въ высшей дворянской средѣ никакого противодѣйствія, но и никакой серьезной подготовки къ ихъ дѣйствительному усвоенію. Это была просто—новая мода, новый дополнительный элементъ для отличія «благороднаго» состоянія отъ «подлаго», наравнѣ съ покроемъ платья и французской рѣчью. Новыя идеи служили доказательствомъ утонченнаго образованія въ высшихъ кругахъ свѣтскаго общества. Какой-нибудь князь Х. или графъ У. сообщалъ въ кружкѣ гостей самую послѣднюю парижскую новость, привезенную съ только что полученной почтой или лично услышанную за границей. Бога, оказывалось, вовсе нѣтъ, а попы и монахи—простые шарлатаны. Эти самоновѣйшія открытія «философовъ» разносились сливками петербургскаго общества съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ они привыкли разносить городскіе сплетни и слухи. Князь Х., залучивъ въ свою компанію «вольтеріанцевъ» новичка изъ Москвы (въ данномъ случаѣ Фонвизина), спѣшитъ свозить его къ графу У., единомышленнику или, можетъ быть, первоисточнику моды. И графъ У. тотчасъ же, при первомъ визитѣ, принимается за обращеніе новичка въ свою вѣру. Самъ оберъ-прокуроръ синода, встрѣтившись въ гостиномъ дворѣ съ мало знакомымъ ему молодымъ дворяниномъ, въ чинѣ простаго унтеръ-офицера гвардіи, забываетъ свое званіе и рангъ своего собесѣдника и не можетъ удержаться, чтобы не внушить ему тутъ же, на улицѣ, здравыя понятія о бытіи Божіемъ.

Немудрено, что, вмѣстѣ съ другими признаками дворянской моды, такого рода «вольтеріанство» сдѣлалось скоро мишенью сатирическихъ нападеній со стороны настоящей интеллигенціи. Для этого даже не понадобилось особенно много прибавлять къ тому старому клише, которое уже съ полвѣка служило русской сатирѣ для изображенія свѣтскаго модника. Нѣсколько штриховъ, взятыхъ изъ области ходячей теоріи; нѣсколько жизненныхъ чертъ для болѣе реальной, сознательной характеристики соціальнаго положенія модника,—и «петиметръ» Елизаветинской сатиры легко превратился подъ перомъ сатириковъ въ Екатерининскаго «вольтеріанца».

Не бывши просвѣщенъ правоученьемъ моднымъ,
Не можешь въ публикѣ казаться благороднымъ...
По модѣ ты чешишь, по модѣ одѣвайся...
Праборной, щегольской имѣй ты экипажъ...
Гони, дави людей, и тѣмъ превозносишься;
Французскимъ языкомъ и въ русскомъ щеголай...
Всѣ знанія и всѣ науки отметай...
Люби лишь оперы, комедіи, романы...
Изъ философскихъ книгъ ты развѣ тѣ имѣй,

Что душу съ вѣчностью глотаютъ у людей...
 Въ военную одну ты службу лишь вступай...
 Будь вѣчно холостымъ, женись лишь на богатствѣ;
 Съ женою разведись, какъ водится въ дворянствѣ...
 Крестьянъ ты разоривъ, продай нѣхъ заложнъ,
 И деньги взявъ за нихъ, на карту положи...
 И, словомъ, ты во всемъ по модному живи.
 Еще-жъ знать всякому потребно офицеру
 Оспорить въ полчаса и опорочить вѣру...
 Все дѣлай тѣмнымъ, все ты дѣлай безконечнымъ,
 Сей міръ ты признавай то временнымъ, то вѣчнымъ;
 То тѣломъ иногда ты душу называй,
 То духа имя ей нѣхъ милости давай...
 Въ послѣдокъ истреби совѣмъ ты свой разумъ,
 Скажи: произвела натура весь сей свѣтъ;
 Превыше умудрись,—скажи, что Бога нѣтъ,
 Что вѣра есть обманъ, лукавое притворство.
 Вотъ въ семъ-то состоитъ прямое благородство...
 Похвально, если ты обиды не прощаешь,
 Безчестенъ будучи, честь шпагой защищаешь.
 Ты смѣло безъ вины соперника рази,
 За грубыя слова и друга жизнь прони...

Вотъ въ какой обстановкѣ, вотъ съ какими ассоціаціями — бреттера, кутилы и юнкера — представляетъ себѣ русскій сатирикъ («Вечерняя Заря», 1782) современное ему *русское* вольтеріанство. Разумѣется, не слѣдуетъ думать, что эта критика распространяется и на *оригиналы* русской каррикатуры. Когда изъ другого реакціоннаго лагеря слышатся проклятія противъ Вольтера, тотъ же интеллигентный журналистъ спѣшитъ взять Вольтера подъ свою защиту и произносить дионрамбъ XVIII-му вѣку. «О вѣкъ просвѣщеннѣйшій, въ которомъ удалена вся сила мнимыя набожности! Всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тебѣ всѣмъ, что ни имѣютъ они священнѣйшаго. Твоимъ неусыпнымъ бдѣніемъ всѣмъ возвращена свобода, похищенная пустою набожностью человѣческаго рода»; благодаря тебѣ, «явилось человѣколюбіе ко всѣмъ»; «твой плодъ есть нынѣшнее распространеніе наукъ, которому величайшею препонаю было пустосвятство». И, «кто бы ни былъ Вольтеръ,—хотя, впрочемъ, и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ невинителенъ,—при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезнѣе для общества, нежели все полчище пустосвятвъ».

Во всякомъ случаѣ, и по отношенію къ подлинному вольтеріанству *) передовая русская интеллигенція заняла совершенно нѣкую позицію, чѣмъ высшее дворянское общество. На людей, менѣе затронутыхъ придворной культурой, проповѣдь новыхъ идей производила совѣмъ не то впечатлѣніе. Конечно, и въ этомъ общественномъ слоѣ многие

*) Къ направленіямъ болѣе дѣльнымъ, чѣмъ собственно «вольтеріанство», мы еще вернемся впослѣдствіи. Здѣсь мы пока не различаемъ рѣзко этихъ теченій, какъ не различались они и въ русскомъ обществѣ.

изъ юныхъ адептовъ новой философіи принимали ее на вѣру и спѣшили даже превзойти учителей смѣлостью сужденій. Молодымъ дворянамъ изъ провинціи, пріѣхавшимъ въ Петербургъ на службу, не могла не imponировать пропаганда великосвѣтскихъ атеистовъ. Но зато большинство изъ нихъ въ одинъ прекрасный день безъ церемоній и безъ компромиссовъ возвращались къ вѣрѣ или къ идейному индифферентизму отцовъ, полагая, очевидно, какъ московскій главнокомандующій Брюсъ, что «въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься», и смѣясь надъ своими старыми сужденіями, какъ надъ проказами молодости. Совершенно другое значеніе получали новыя идеи для болѣе глубокихъ и болѣе подготовленныхъ натуръ изъ этой же дворянской молодежи. Первое впечатлѣніе было обыкновенно ошеломляющее. Подъ этимъ впечатлѣніемъ и наиболѣе вдумчивые принимали часто цѣликомъ новую вѣру. Но переходъ отъ старой вѣры совершался слишкомъ быстро, чтобы быть прочнымъ и окончательнымъ. Скоро заговаривала совѣсть, и при добросовѣстномъ анализѣ своихъ мыслей и чувствъ молодое поколѣніе приходило къ тяжелому сознанію полнаго внутренняго разлада. Послѣ болѣе или менѣе усерднаго изученія самыхъ сочиненій новыхъ философовъ, оно оказывалось не въ состояніи ни принять ихъ міровоззрѣнія, ни вернуться всецѣло къ простодушному міровоззрѣнію дней своей юности.

Для петровскаго поколѣнія этого внутренняго противорѣчія не существовало. Тѣ люди (ихъ образчикъ мы видѣли въ Татищевѣ) еще твердо вѣрили въ возможность согласить дѣдовскіе взгляды съ духомъ просвѣщенія. Отсюда происходитъ та своеобразная цѣльность, эпическое спокойствіе и ясность души, которыя отличаютъ выдающихся русскихъ людей первой половины XVIII-го вѣка. Поколѣніе 50-хъ—60-хъ годовъ, какъ мы видѣли, уже должно было вступать въ болѣе или менѣе сознательные компромиссы между теоріей и жизнью. Но теорія въ то время еще не приняла такого остраго, вызывающаго отбѣнка по отношенію къ жизни, который могъ бы затруднить компромиссъ и отравить душу сознаніемъ его внутренней несостоятельности. Совсѣмъ другое положеніе занимало поколѣніе 70-хъ—80-хъ годовъ. Вопросы здѣсь стояли ребромъ, обостренные французскимъ умственнымъ движеніемъ послѣ 1750 года. Дрежущія русскія души были окончательно разбужены этимъ толчкомъ, рѣзко поставившимъ другъ противъ друга два противоположныя міровоззрѣнія. Такимъ образомъ, молодежь интересующаго насъ поколѣнія впервые очутилась на распутьѣ между старой и новой вѣрой, принужденная выбирать между той и другой. Она впервые почувствовала, что критическая мысль можетъ поколебать самыя коренныя основы старой вѣры. Можно себѣ представить то душевное смятеніе, ту панику, которая овладѣвала серьезнымъ и добросовѣстнымъ юношей, когда ему приходилось дѣлать рѣшительный выборъ и когда при этомъ выборѣ онъ чувствовалъ себя предоставлен-

нымъ исключительно своимъ собственнымъ силами. Что-нибудь подобное должны были чувствовать тѣ средневѣковые студенты медицины, которые въ полночный часъ отправлялись на кладбище отрывать мертвецовъ, чтобы изучить на трупахъ человѣка тайны жизни. Немногіе могли преодолѣть въ себѣ священный ужасъ и рѣшались переступить черезъ порогъ святилища, въ школу послѣдовательнаго философскаго мышленія. Менѣе рѣшительные свѣшили уцѣпиться за обломки, уцѣлѣвшіе отъ стараго багажа, и принимались усердно идеализировать старину,—только бы можно было вернуться подъ ея защиту. Даже и наиболѣе смѣлые,—все-таки кончили, компромиссомъ, стараясь скрыть отъ самихъ себя, какъ велики уступки, уже сдѣланныя ими новому міровоззрѣнію. Фонвизинъ, одинъ изъ такихъ юношей, затронутыхъ новой модой, въ Петербургѣ поддался было общему настроенію и принялся, въ тонъ веселой компаніи, вышучивать старую вѣру. Но достаточно было ему побывать въ патриархальной Москвѣ, чтобы съ него вольтеріанское настроеніе какъ рукой сняло. Встревоженная совѣсть требовала, однако же, публичнаго покаянія, и Фонвизинъ обратился за духовнымъ утѣшеніемъ къ одному изъ людей стараго поколѣнія. Г. Н. Тепловъ укрѣпилъ его въ истинахъ вѣры и посоветовалъ перевести изъ книги Кларка отрывки о «доказательствахъ бытія Божія и истинѣ христіанской вѣры». Покаяніе передъ свѣтскимъ духовникомъ, литературная эпитимія и отпущеніе грѣховъ потомствомъ—это, какъ видимъ, совѣтъ уже не тѣ средства, къ которымъ прибѣгли бы люди предыдущихъ поколѣній, если бы они могли очутиться въ подобномъ положеніи. Разница не менѣе велика, чѣмъ тотъ контрастъ, который существовалъ между неприкрашенной московской стариной и той идеализаціей ея, въ какую ударился Фонвизинъ послѣ своего душевнаго кризиса.

Совершенно тотъ же внутренній процессъ, но съ инымъ, болѣе положительнымъ результатомъ, мы можемъ наблюдать у другого представителя тогдашней интеллигентной молодежи, Лопухина. Лопухинъ пошелъ дальше, чѣмъ Фонвизинъ, и въ отрицательномъ, и въ положительномъ фазисѣ своихъ убѣжденій. Онъ не удовлетворился «вольтеровыми насмѣшками надъ религіей» въ благородной компаніи. Онъ зашелъ за самое евангеліе французскаго матеріализма, «*Système de la Nature*» барона Гольбаха, перевелъ ея заключительное резюме («*Code de la Nature*»), «любовался своимъ переводомъ» и даже «расположился разсѣвать его въ рукописяхъ». «Но только что дописали первую (копію) красивымъ письмомъ», рассказываетъ намъ самъ онъ, «какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью прежде, нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія О злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями». Однако же, и литературной эпидеміей на этотъ разъ дѣло не

ограничилось. Противъ «злоупотребленія разумомъ» Лопухинъ искалъ спасенія въ вѣрѣ; но это не была уже патріархальная вѣра отцовъ. Идейная молодежь стремилась къ очищенному, одухотворенному пониманію вѣры. Отвергнувъ знамя «вольтеріанства», она не переходила, какъ Фонвизинъ, въ ряды «стародумовъ», а становилась подъ знамя *франкъ - масонства*.

Для нашего времени масонство кажется обыкновенно чѣмъ-то далекимъ, чуждымъ, немножко страшнымъ и смѣшнымъ. Мы вспоминаемъ о немъ развѣ по поводу архаической формулы присяги—о непринадлежности къ масонскимъ ложамъ. Намъ трудно представить себѣ, какую огромную роль сыграло это теченіе въ исторіи нашего общественнаго развитія и какимъ путемъ оно попало въ эту присягу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда масонство, уже слишкомъ очевидно, является въ связи съ общественнымъ движеніемъ, какъ, напр., у Новикова,—ислѣдователи часто стараются умалить значеніе масонскаго элемента въ развитіи дѣятельнаго идеализма передовой ителигенціи. Это совершенно неправильно. Вліяніе масонства слѣдовало бы признать весьма значительнымъ, даже если бы оно ограничивалось чисто теоретическимъ ученіемъ масоновъ. Въ смыслѣ теоріи или, лучше сказать, въ смыслѣ цѣльнаго міровоззрѣнія, масонство было какъ разъ самымъ подходящимъ выходомъ для всего того молодого поколѣнія которое остановилось въ колебаніи между старой и новой вѣрой. Когда молодой писатель того времени рисуетъ себѣ полный контрастъ съ выше изображенной сатирой на вольтеріанца, когда онъ стремится надѣлать свой идеалъ всѣми возможными «достоинствами», у него самъ собой выходитъ изъ-подъ пера житейскій кодексъ масона (см. ту же «Вечернюю Зарю»). Вотъ почему далеко не одинъ Новиковъ «попалъ въ общество (масоновъ) потому, что находился на распутьи между вольтеріанствомъ и религіей и не имѣлъ точки опоры или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе». Это былъ общій и типическій случай для болѣе глубокихъ и отзывчивыхъ натуръ его поколѣнія. Масонство являлось для нихъ желаннымъ исходомъ, прежде всего, потому, что оно представлялось имъ вполне совместнымъ съ самыми строгими требованіями православія. На запросъ нѣмецкихъ масоновъ московскіе братья одинъ разъ заявили формально, что «обряды греко-россійской церкви такъ сходны съ масонскими, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что они имѣютъ одинъ источникъ». И митрополитъ Платонъ нисколько не кривилъ душой, когда далъ свой извѣстный отзывъ (см. ниже) о православіи Новикова,—дѣйствительно искренно вѣровавшаго и не менѣе искренняго масона. Католическое пониманіе масонства, какъ церкви антихриста (раздѣлявшееся еще покойнымъ Влад. Соловьевымъ) было нашей интеллигенціи XVIII вѣка совершенно чуждо и приходило на умъ развѣ только такимъ богобоязненнымъ старушкамъ, какъ тетка Державина, — да

авторамъ глубочнаго пасквиля на масонство 1765 года. Интеллигенція же видѣла въ масонствѣ *отру*, но только вѣру просвѣтленную разумомъ. Масонство было для нея своего рода *духовнымъ* христіанствомъ,—и это было другой причиной, почему переходъ въ масонство являлся такимъ желаннымъ исходомъ изъ тяжелой борьбы двухъ крайнихъ міровоззрѣній. Центральная идея масоновъ, какъ и духовнаго христіанства, есть «моральное перерожденіе», въ противоположность идеямъ французскихъ «филоссофовъ» о перерожденіи людей путемъ раціональнаго законодательства. вмѣсто борьбы за реформу масонство ставило чело-вѣку задачу внутренняго самопознанія и работы надъ самимъ собой. Изъ этой основной идеи выводилось все соціальное ученіе масонства. Нельзя сказать, что бы оно было, однако, слишкомъ узко или индивидуалистично, чтобы оно ставило чело-вѣку одиѣ только личныя цѣли. По нѣсколько болѣе позднему опредѣленію одного опытнаго масона, «масонство видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предрасудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгонять между людьми предрасудки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мнѣній и національностей, уничтожить фанатизмъ и суевѣріе, искоренить между-народныя вражды и бѣдствія войны; посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго чело-вѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей; споспѣшествовать всѣми силами общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего чело-вѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда» *).

Словомъ, масонство — это своего рода толстовство своего времени. Не даромъ Толстой сдѣлалъ масономъ (въ «Войнѣ и мирѣ») родоначальника любимаго типа своихъ романовъ. Онъ заразъ былъ вѣренъ и исторіи, и собственному настроенію. Отмѣтимъ особенно—демократическую тенденцію масонской идеи. Въ самый разгаръ увлеченія русскихъ аристократовъ вольтеріанствомъ масонство провозглашаетъ уничтоженіе «предрасудковъ кастъ и условныхъ различій происхожденія». Конечно, этотъ принципъ не проводится на практикѣ, и Елагину, напр., очень не нравится, когда его братьями по ложѣ оказываются два повара-француза. Но не надо забывать, что скоро духовными вождями русскаго масонства сдѣлались, вмѣсто этого вельможи,

*) Конечно, не всѣ масоны вполнѣ усвоили такое возвышенное пониманіе масонства, но по частямъ эта характеристика повторяется во множествѣ масонскихъ произведеній. Мало того, среди этихъ произведеній мы укажемъ ниже одно, которое представляетъ еще болѣе глубокое пониманіе, потому что обосновываетъ приведенную въ текстѣ формулировку—философской аргументаціей.

такой защитникъ «подлости» и мѣщанства, какъ Новиковъ, и такой выходецъ безъ соціального положенія, годившійся по обычному представленію развѣ въ «гофмейстеры», какъ Шварцъ.

Однимъ теоретическимъ вліяніемъ, во всякомъ случаѣ, далеко еще не исчерпывается значеніе масонства для русской общественной исторіи XVIII вѣка. Въ моментъ, когда русская интеллигенція вырастала изъ рамокъ частныхъ дружескихъ кружковъ, масонство дало ей готовую форму для болѣе широкой группировки на основаніи общей идейной связи. Въ масонствѣ, какъ средствѣ организаціи, всегда заключалась огромная соціальная сила. Чтобы понять это, стоитъ познакомиться съ прошлымъ и настоящимъ масонства на Западѣ, особенно во Франціи. Какъ использована была эта черта масонства интеллигенціей екатерининскаго времени, мы скоро увидимъ.

Итакъ, какъ извѣстное морализирующее міровоззрѣніе, какъ средство объединенія интеллигентныхъ силъ, масонство имѣло очень важное значеніе въ исторіи общественнаго развитія Россіи. Исслѣдователи, отрицающіе это значеніе, представляютъ иногда себѣ масонство съ третьей стороны, которая, дѣйствительно, не играла почти никакой роли въ русскомъ интеллигентномъ масонствѣ. Рѣчь идетъ о тайныхъ ученіяхъ масонства, открывавшихся только тѣмъ, кто доходилъ до высшихъ степеней масонской іерархіи. На этихъ высшихъ степеняхъ масонство расходится въ своихъ ученіяхъ и дѣлится на нѣсколько системъ. Французское масонство чрезвычайно увеличило количество ступеней и ввело множество обрядовъ и церемоній. Нѣмецкое масонство увлеклось натурфилософіей и погрузилось въ изученіе секретовъ природы, надѣясь этимъ путемъ дойти до познанія Божества въ природѣ (см. ниже). Наконецъ, одна отрасль масонства задумала воспользоваться масонской организаціей, какъ средствомъ для политическихъ цѣлей. Первой изъ названныхъ трехъ системъ, съ ея развѣтвленіями, лучшіе изъ русскихъ масоновъ не сочувствовали: она имѣла сторонниковъ, главнымъ образомъ, среди «знатныхъ господъ», привыкшихъ къ іерархіи, чинамъ и знакамъ отличія *). Послѣдней системы, т.-е. политической, такъ называемыхъ «иллюминатовъ», въ Россіи вовсе не существовало: подозрѣнія Екатерины въ этомъ отношеніи были совершенно неосновательны. Только вторая, мистическая, система («розенкрейцеры и мартинисты») получила одно время значеніе въ русскомъ идейномъ масонствѣ. Но мы сейчасъ увидимъ, что это значеніе свелось на практикѣ къ усиленію тѣхъ же двухъ элементовъ, важность которыхъ мы только что подчеркнули: идейнаго одушевленія и идейныхъ связей.

*) Наблюденіе это приведено самими русскими масонами, въ ихъ донесеніи заграничному съѣзду, какъ доказательство пользы внѣшнихъ знаковъ и церемоній для успѣха масонской пропаганды.

Масонство занесено было въ Россію иностранцами еще при Аннѣ, одновременно съ распространеніемъ его въ Германіи. Но первыя извѣстія о *русскихъ* адептахъ масонства мы имѣемъ лишь отъ пятидесятихъ, самое большое — отъ конца сороковыхъ годовъ. Эти извѣстія рисуютъ намъ масоновъ елизаветинскаго времени въ такихъ чертахъ, которыя мало соотвѣтствуютъ только-что сдѣланной характеристикѣ. При Елизаветѣ масонство распространялось въ томъ же самомъ знатномъ кругу, который потомъ, при Екатеринѣ, смѣнилъ его на новую моду, вольтеріанство. Для этого круга масонство было простой забавой, дѣломъ моды, суетности и тщеславія. Въ это именно время, въ 50-хъ годахъ, вступилъ въ орденъ И. П. Елагинъ, первый «возстановитель на твердую степень» масонства въ Россіи. По его собственному признанію, этотъ официальный глава позднѣйшаго масонства руководился тогда, главнымъ образомъ, побужденіями «любопытства и тщеславія»: любопытства — узнать сокровенныя тайны масонства и тщеславіемъ — побыть «хотя минуту въ равенствѣ съ такими людьми, кои въ обществѣ знамениты, — и чинами, и достоинствами, и знаками отъ меня удалены суть». «Содѣйствовала тому и лестная надежда, не могу ли чрезъ братство достать въ вельможахъ покровителей и друзей, могущихъ споспѣшествовать счастью моему». Но скоро Елагинъ убѣдился, что «вельможи» вовсе не смотрятъ серьезно на «братскій» союзъ. И самъ Елагинъ «работы» въ масонскихъ собраніяхъ «почиталъ совершенно игрушкою, для препровожденія празднаго времени вымышленною». Дѣйствительно, собранія масоновъ приняли въ этотъ періодъ характеръ клуба, съ обычными клубными занятіями: билліардомъ, карточной игрой и веселыми ужинами. О масонствѣ напоминали развѣ только торжественные приемы новичковъ и посвященія изъ степени въ степень, обставленные церемоніями и символической обстановкой, предназначенной дѣйствовать на воображеніе, но скорѣе возбуждавшей смѣшливость. Естественно, что такое масонство не давало пищи ни уму, ни сердцу. «Не пріобрѣлъ я изъ тогдашнихъ работъ нашихъ», признается Елагинъ, «ни тѣни какого-либо ученія; ниже преподаваній нравственныхъ, а видѣлъ токмо одни предметы неудобно достижимые, обряды странные, дѣйствія почти безразсудныя; и слышалъ символы неразсудительныя, объясненія религіи здравому разсудку противныя. Въ такомъ безплодномъ упражненіи открылась мнѣ только та истина, что ни я, ни начальники масоновъ иного тайнства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить и при торжественной вечери за трапезой неистовымъ воплемъ непонятныя реветъ пѣсни, и насчетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Вакху».

Такъ стояло дѣло, когда въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ начали примыкать къ масонству представители учащейся молодежи въ Петербургѣ и Москвѣ, воспитанники шляхетскаго

корпуса и университета. Прямых извѣстій объ этомъ моментѣ въ исторіи масонства мы почти не имѣемъ, такъ какъ принадлежность къ масонству хранилась тогда въ глубокой тайнѣ; масонскія собранія ютились на чердакахъ, и «братья» скрывали свою принадлежность къ ордену, боясь правительственнаго преслѣдованія. Только гораздо позже, въ рядахъ екатерининскихъ масоновъ 80-хъ годовъ мы встрѣчаемъ представителей этого поколѣнія молодежи. О времени ихъ вступленія въ орденъ обыкновенно не имѣется никакихъ свѣдѣній, но среди «братьевъ» они часто считаются старыми и опытными масонами и занимаютъ иногда видное мѣсто въ іерархіи ордена. Здѣсь встрѣчаемъ самыхъ видныхъ участниковъ журналистики начала 60-хъ гг. (Херасковъ, Ржевскій, Нартовъ) и ихъ менѣе видныхъ друзей, державшихся плотной группой *) въ Комиссіи уложенія (Всеволожскій, графъ А. Строгоновъ), наконецъ, сыновей или родственниковъ этой депутатской группы (Лодыженскій А. Ѳ., Загряжскій Б. А., Трубецкіе, можетъ быть Лопухинъ). Это, конечно, только остатки интеллигентныхъ кружковъ и группъ 60-хъ годовъ; но ихъ совершенно достаточно, чтобы поднять нить интеллигентнаго развитія, ускользающую отъ нашего прямого наблюденія. Къ тому же, намъ хорошо извѣстно настроеніе и складъ убѣжденій молодыхъ литераторовъ начала 60-хъ годовъ. Ихъ взгляды совершенно совпадаютъ съ приведенной только что характеристикой масонской идеи: мы принуждены были назвать эти взгляды масонскими по существу, по самому содержанію ихъ, прежде чѣмъ заговорили о внѣшней исторіи русскаго масонства (см. выше).

Несомнѣнно, присоединеніе къ масонству интеллигентной молодежи обѣихъ столицъ сразу подняло тонъ движенія и дало ему серьезное содержаніе. И однако же, мы ничего не знали бы объ этомъ подъѣмѣ, если бы не знали о немъ изъ юношескихъ журнальныхъ произведеній этого поколѣнія молодежи. Почему же, спрашивается, эта масонская традиція 60-хъ годовъ, столь сходная по существу съ идеями 80-хъ годовъ, оказалась такъ слаба, что самое существованіе ея намъ приходится доказывать косвенными соображеніями и сопоставленіями мелкихъ фактовъ, совершенно ускользнувшихъ отъ вниманія изслѣдователей? Оскуднѣе традиции есть тоже историческій фактъ, весьма любопытный для исторіи нашего общественнаго развитія. Фактъ этотъ подтверждаетъ наши предыдущія наблюденія надъ первымъ поколѣніемъ интеллигентовъ и находитъ себѣ въ нихъ полное объясненіе. Юношеское одушевленіе, очевидно, не пережило юныхъ годовъ. Мы знаемъ, какъ охладѣло поколѣніе 60-хъ годовъ къ идейнымъ основамъ своей общественной дѣятельности (см. выше). Необходимо только прибавить, что увлеченіе *масонствомъ*, даже независимо отъ возраста и опытности,

*) Дружныя дѣйствія этой группы въ Комиссіи (см. выше) не должны-ли быть тоже объясняемы отчасти масонскими связями?

должно было подвергнуться серьезному *идейному* испытанію. Тѣхъ, кого не охладилъ жизненный опытъ, могло отвлечь отъ масонства новое увлеченіе французскими философами. Показанія Елагина и въ этомъ случаѣ оказываются драгоценными. Совершенно разочаровавшись, какъ мы видѣли, въ масонствѣ, онъ «спознался съ адеистами и деистами» и «сталъ искать просвѣщенія разума» въ книгахъ «такъ называемыхъ новыхъ философовъ и энциклопедистовъ... въ славѣ тогда находившихся». Но и для Елагина, какъ для другихъ интеллигентовъ екатерининскаго времени, это увлеченіе «вольтеріанствомъ» послужило только переходной ступенью къ составленію собственнаго міровоззрѣнія, болѣе подходящаго къ старымъ привычкамъ мысли и чувства. И онъ, какъ другіе, проникся сердечнымъ трепетомъ при сознаніи того, что «держалъ забыть вѣру, въ которой родился и страхъ Божій, и ученіе, которое при воспитаніи въ училищахъ преподаваемо было». И онъ искалъ успокоенія встревоженной совѣсти въ бесѣдахъ съ «просвѣщенными и учеными» руководителями. Къ его величайшему удивленію, эти руководители оказались масонами. Масонами были, какъ онъ зналъ, и самъ Вольтеръ и «ему сообразные». По необходимости Елагину пришлось заключить, что въ масонствѣ есть что-то такое, что осталось ему неизвѣстнымъ. Онъ набросился тогда на изученіе масонской литературы, «за безумно истраченныя деньги собралъ громады писаній», искалъ высшихъ степеней масонства, чтобы проникнуть въ его сокровенныя тайны, входилъ въ сношенія съ заграничными масонами. Но во всемъ этомъ онъ не могъ «удовлетворительнаго ничего почерпнуть, а единственно увидѣлъ токъ разные человѣческія умствованія, инныя острыя и разумныя, другія нелѣпыя и весьма глупыя»,—и сверхъ всего этого очень много шарлатанства, эксплуатировавшаго простодушіе и любопытство искателей масонскихъ тайнъ для простаго выманыванія денегъ. Истинная тайна масонства, которой съ такимъ трудомъ и расходами добивался Елагинъ, оказалась гораздо ближе и гораздо доступнѣе.

Простому человѣку, какъ Новиковъ, богатому только своимъ здравымъ смысломъ, эта тайна видна была сразу. Новиковъ съ самаго начала отнесся враждебно къ китайскимъ церемоніямъ французскаго «храмоваго» масонства, а къ чернокнижническимъ тайнамъ розенкрейцеровъ остался довольно равнодушнымъ. Но онъ быстро понялъ значеніе масонства, какъ нравственной теоріи, и оцѣнилъ вліяніе масонства, какъ общественной силы. Для того, чтобы заниматься нравственнымъ самоусовершенствованіемъ и чтобы воспользоваться организационными средствами масонства для цѣлей общественной дѣятельности, — для этого не нужно было гоняться ни за какими тайнами, нечего было разыскивать ключей къ масонству въ Швеціи, Англіи или Германіи. Ключъ этотъ,—«ключъ дружескаго и братства», какъ опредѣлялъ его одинъ доносъ на масоновъ, найденъ былъ въ собственномъ сердцѣ и

собственной воли. Въ этой находкѣ и заключается все значеніе Новикова для русскаго масонства. Этиѣ же объясняется и то, какиѣ образомъ человѣкъ, «безъ воспитанія, безъ ученія», не посвященный въ секреты ни «герметической философіи» розенкрейцеровъ, ни «храмовыхъ» церемоній, «шотландскихъ» и «рыцарскихъ» степеней системы «строгаго соблюденія» и родственныхъ съ нею,—какиѣ образомъ такой человѣкъ могъ сдѣлаться однимъ изъ главныхъ реформаторовъ русскаго масонства.

Зерно той идеи, которая толкнула Новикова въ масонство и которая покорила масонство Новикову, — зрѣло въ умѣ Новикова исподволь и давно. Еще въ «Живописцѣ» онъ говоритъ о только что учрежденномъ императрицею «Обществѣ, старающемся о напечатаніи книгъ», какъ о «наипохвалѣйшемъ и наиполезнѣйшемъ учрежденіи, о какомъ только частнымъ людямъ помышлять дозволяется». Но мало *издать* книгу; надо *дать* ее въ руки читателю. Только при такомъ расширеніи дѣло книгоиздательства явится дѣйствительно живымъ дѣломъ, способнымъ принести неисчислимыя культурныя послѣдствія. Мало и этого: надо пустить книгу въ провинцію, гдѣ ея ждетъ, не дожидется самый главный читатель и покупатель русскихъ книгъ, алчущій духовной пищи и не имѣющій чѣмъ удовлетворить ее. «Петербургъ и Москва имѣютъ способы покупать книги, заводить книгохранительницы и употреблять ихъ въ свою пользу, лишь только бы была у покупающихъ охота. Но позвольте сказать, петербургскіе и московскіе жители много имѣютъ увеселеній. Есть у нихъ различныя зрѣлища, забавы и собранія; слѣдовательно весьма не у великаго числа людей остается время для чтенія книгъ. А сверхъ того и просвѣщеніе наше, или, такъ сказать, слѣпое пристрастіе къ французскимъ книгамъ, не позволяетъ покупать российскихъ. Въ российской типографіи напечатанное рѣдко молодыми нашими *господчиками* пріемлется за посредственное, а за хорошее—почти никогда. Напротивъ того, живущіе въ отдаленныхъ провинціяхъ *дворяне и купцы* лишены способовъ покупать книги и употреблять ихъ въ свою пользу. Напечатанная въ Петербургѣ книга черезъ троѣ или четверо руки дойдетъ, напримѣръ, въ Малую Россію; всякой накладываетъ неумѣренный барышъ; для того, что производить сію торговлю весьма малымъ числомъ денегъ; и такъ книга, продающаяся въ Петербургѣ по рублю, приходитъ туда почти всегда въ три рубля, а иногда и больше. Черезъ сіе охотники покупать книги уменьшаются, книгъ расходуется меньше, а печатающіе оныя, вмѣсто награжденія за свои труды, часто терпятъ убытокъ. Вотъ государь мой, куда должно стремиться *намырненіе* сего общества...; но не упріиде часъ».

Часть этотъ пришелъ, какъ увидимъ, двѣнадцать лѣтъ спустя: Новиковъ осуществилъ въ грандіозныхъ размѣрахъ свою идею и своимъ «Обществомъ» дѣйствительно «привелъ торговлю книжную въ цвѣтущее состояніе». Но, какъ это ни важно само по себѣ, для насъ въ данную

минутоу дѣло Новикова имѣетъ совсѣмъ особый интересъ и значеніе. Это было первое широкое практическое предпріятіе, осуществленное коллективно русской интеллигенціей, обществомъ частныхъ людей, по собственной инициативѣ. И главный инициаторъ, выносившій эту идею въ своемъ умѣ, шелъ къ ея осуществленію цѣлый рядъ лѣтъ, медленно и упорно, соединяя идейное увлеченіе съ практической смѣтливостью, заражая своей энергіей цѣлую группу близкихъ людей, вербуя по всей Россіи цѣлую сотню единомышленниковъ, связывая ихъ идейными узами братства и сообщая такимъ образомъ отвлеченнымъ филантропическимъ стремленіямъ масонства самое реальное, самое жизненное содержаніе.

Начало этого изумительнаго для того времени предпріятія было очень скромно. Но это начало уже показало, что для Новикова, при всей его практической дѣловитости, дѣло будетъ идти объ *общественномъ* интересѣ, а не объ одной только коммерческой выгодѣ. Точнѣе говоря, выгода должна была служить расширенію того же общественного интереса.

На очереди для «частныхъ людей» стоялъ вопросъ просвѣщенія. Новиковъ затѣваетъ для начала два параллельныхъ просвѣтительныхъ предпріятія, изъ которыхъ одно должно было питать другое. Онъ подбираетъ небольшую компанію молодежи и открываетъ (1777) въ Петербургѣ двѣ школы для мѣщанства. Эти школы будутъ содержаться расходами съ журнала, который компанія начинаетъ издавать одновременно съ открытіемъ школъ («Утренній Свѣтъ»). Типъ журнала Новиковъ взялъ готовый—тотъ самый, который созданъ былъ въ началѣ 60-хъ годовъ учащейся молодежью и меньше всего вызывалъ цензурныхъ опасеній. Матеріалъ журнала остался по преимуществу переводнымъ, направленіе—моралистическимъ (см. ниже). Но журналъ велся гораздо живѣе и серьезнѣе журналовъ Хераскова. Въ первый же годъ онъ имѣлъ 800 подписчиковъ. Кромѣ Москвы и Петербурга онъ разошелся въ 26 теперешнихъ губернскихъ городахъ, 24 уѣздныхъ и 7 мѣстечкахъ. Такимъ образомъ завязались у Новикова связи съ провинціей.

Вся эта дѣятельность уже совершалась отчасти на почвѣ масонскихъ отношеній. Въ серединѣ 1770-хъ годовъ въ Петербургѣ сложился кружокъ, тяготившійся обрядовой и мистической стороной масонства. Настроеніе Новикова совпадало съ настроеніемъ кружка. Онъ сдѣлался масономъ (1775) съ специальнымъ условіемъ—не считать себя связаннымъ содержаніемъ тайнъ масонства. Тогда же кружокъ добился открытія собственной ложи въ Петербургѣ, работавшей по особой программѣ. «Тутъ все было обращено на нравственность и самопознаніе; говоренныя же (въ собраніяхъ) рѣчи и изъясненія произвели великое уваженіе и привязанность». Такъ характеризуетъ цѣли и средства новаго масонскаго кружка самъ Новиковъ.

Однако же Петербургъ оказался неудобнымъ мѣстомъ для свобод-

наго и широкаго развитія идейно-филантропической дѣятельности новиковскаго кружка. Екатерина отнеслась съ самаго начала болѣе чѣмъ холодно къ новому почину своего литературнаго антагониста, грозившаго опередить его уже на второмъ поприщѣ общественной дѣятельности,—и опять на такомъ, которое она считала *своимъ* по преимуществу. Конечно, ея энтузіазмъ къ созданію «новой расы людей» очень значительно остылъ къ этому времени; но вопросъ о народномъ просвѣщеніи и народной школѣ стоялъ на ближайшей очереди, поставленный еще разъ Учрежденіемъ о губерніяхъ. Однако когда первыя дворянскія собранія, думая откликнуться на призывъ императрицы, начали дѣлать постановленія объ открытіи школъ, Екатерина успѣшила охладить ихъ рвеніе. Калужскій и тверской губернаторы получили (1779) внушенія; что усердіе дворянства «преждевременно» и что слѣдуетъ ожидать отъ императрицы общихъ правилъ и инструкцій объ открытіи школъ. «Никогда не принудать меня бояться образованнаго народа,—писала Екатерина къ Гримму въ слѣдующемъ году (1780); *но когда-то еще онъ содѣлается такимъ* и когда между образованными людьми переведутся негодяи (*des gredins*) съ ложнымъ направленіемъ и кривыми взглядами, люди способные скорѣе все испортить, чѣмъ принести пользу?» Болѣе чѣмъ вѣроятно, что во второй половинѣ этой любопытной тирады Екатерина имѣла въ виду инициативу Новикова. Какъ бы то ни было, эта инициатива заставила ее, наконецъ, поторопиться съ распространеніемъ образованія сверху. Въ томъ же году заведены были переговоры съ австрійскими педагогами, и въ 1782 г. началась дѣятельность комиссіи народныхъ училищъ (см. «Оч.» II, 321 и слѣд.).

Въ 1777 г. Екатерина демонстративно устранилась отъ участія въ школахъ, созданныхъ Новиковымъ, и такъ же демонстративно не подписалась на его журналъ, несмотря на его обычные авансы. Очевидно перспектива для дальнѣйшей дѣятельности, при этихъ условіяхъ, складывалась неблагоприятно. Тогда Новиковъ рѣшился перенести все дѣло въ Москву, гдѣ атмосфера, какъ мы отчасти уже знаемъ, была совершенно иная. Здѣсь, прежде всего, такое направленіе, какъ масонство, могло развиваться гораздо свободнѣе, не отгѣсняемое модной «философіей» придворнаго круга. Для патріархальной Москвы эта «философія» и по существу своему была черезчуръ уже крайней: здѣсь настроеніе интеллигентныхъ круговъ скорѣе походило на нѣмецкое стародумство, чѣмъ на французское свободомысліе. Какъ сейчасъ увидимъ, въ Москвѣ нѣмецкое культурное вліяніе тотчасъ и побѣдило французское. Затѣмъ, отсутствіе двора имѣло еще и другія послѣдствія. Въ Москвѣ не было ни высшаго чиновничества, обязаннаго сообразоваться со взглядами власти, ни той житейской суеты, которая неизбѣжно связана съ повседневнымъ ходомъ громаднаго государственнаго механизма. Петербургъ суетился, поглощенный злобой дня и ме-

лочами жизни. Москва утопала въ роскоши и въ праздности. Петербургъ дѣйствовалъ, Москва критиковала. Петербургъ создавалъ баловней счастья; въ немъ дѣлали карьеру. Въ Москвѣ доживали свои дни всѣ падшія звѣзды и угасшія свѣтила сѣверной столицы. Здѣсь они по-барски прожигали шальные состоянія, нажитыя въ болѣе счастливые дни; сюда уносили горечь и раздраженіе, копившіяся годами невольной или добровольной ссылки и находившія себѣ единственный исходъ въ томъ, что на языкѣ Екатерины называлось «враньемъ».

Въ этой атмосферѣ сановнаго брюжжанья,—мало, конечно, походившаго на политическую оппозицію,—жило спокойнѣе и независимѣе и представителямъ интеллигентнаго русскаго общественнаго мнѣнія. За спиной главнокомандующаго, графа Захара Чернышева, не забывшаго еще, что и самъ онъ когда-то, въ дни Елизаветы, былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ масоновъ, родовитые и богатые представители молодого масонства чувствовали себя въ сравнительной безопасности,—въ непосредственнаго дѣйствія петербургской власти. У нихъ было довольно вліянія и денежныхъ средствъ; талантъ и энергію вложили въ движеніе приглашенные ими идейные руководители.

Съ помощью дружескихъ масонскихъ связей (черезъ Хераскова) Новиковъ уже въ 1779 году перебрался окончательно въ Москву изъ Петербурга. Тогда же онъ взялъ въ аренду московскую университетскую типографію и принялся за осуществленіе любимой своей мысли, идейнаго издательства. Какъ отразилось переселеніе въ Москву на настроеніи Новикова, видно всего лучше изъ его «Московского изданія», замѣнившаго въ 1781 году «Утренній Свѣтъ». Въ самомъ предисловіи къ новому журналу публицистъ поднимаетъ забрало и рѣшительно объявляетъ, что прямая цѣль журнала есть борьба съ людьми, «отъ природы великими способностями одаренными, въ воспитаніи ученостью украшенными, и между людьми почтенными», которые, однако, «хулятъ съ надменнымъ и увѣрительнымъ видомъ законъ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми свыше полученный» (такъ опредѣлялась, между прочимъ, и основная тайна масонства), и готовы уже думать, что искоренили «всѣ народныя предразсудки и низкое суевѣріе». Слова эти прямо мѣтили на Екатерину и ея придворный кругъ: ихъ можно только сопоставить съ отвѣтомъ Платона, когда ему пришлось выбирать между «христіанствомъ» масоновъ и «философіей» императрицы (см. ниже). Не даромъ архіереи явились усердными подписчиками журнала, на который не подписалась Екатерина. Но Новиковъ пошелъ еще дальше этихъ общихъ намековъ. Въ немъ просыпается издатель «Трутня» и «Живописца»; и въ журналъ, предназначенный для благотворительности и моральнаго назиданія, скоро врывается бурной струей негодованіе публициста и обличительный смѣхъ сатирика. Въ промежутокъ между двумя пароксизмами націоналистической и завоевательной политики Екатерины.—«Московское изданіе» поднимаетъ

голось против наступательныхъ войнъ. Не честолюбіе и любовь къ славі, а только любовь къ общественному благу и отечеству должна побуждать къ войнѣ. Война—если она не оборонительная—есть просто кровопролитіе и должна вызывать одинъ ужасъ. Безсмертіе государь можетъ заслужить скорѣе правосудіемъ и справедливостью, чѣмъ «завоеваніемъ многихъ государствъ, разореніемъ ста городовъ и истребленіемъ ста тысячъ человѣкъ». Всякій, «утверждающій власть свою на неправосудіи, скрываетъ пропасть, которою онъ или его преемники поглощены будутъ. Самыя великія и жесточайшія возмущенія не отъ чего иного произошли, какъ отъ самоуправія и жестокостей государей». Государь долженъ остерегаться страстей. «Всякое государство лучше управляемо быть можетъ празднымъ государемъ, нежели страстнымъ. Если первый будетъ имѣть искуснаго министра, тогда праздность его можетъ обратиться въ пользу народа; страстный же... повинется волѣ любовницы... Какъ скоро государь отдается любви, то... временщики, министры, придворные... показываютъ нѣжное сердце... Любовницы государя, министровъ и временщиковъ, сдѣлавъ союзъ, станутъ раздавать чины и всѣ дѣла располагать по своимъ прихотямъ». И какъ бы боясь, что всѣ эти прозрачныя намеки не будутъ поняты, авторъ прибавляетъ: «Такое правленіе бывало при государяхъ, которые великую надежду подавали въ началѣ своего владѣнія».

Горячій публицистъ, превосходный практикъ и организаторъ, трезвая, дѣловая натура,—Новиковъ не годился, однако, въ вожди чисто идейнаго движенія, какимъ было въ основѣ своей масонство, хотя и могъ лучше всякаго другого использовать движеніе для общественныхъ цѣлей. Идейнымъ руководителемъ, душой движенія съ его теоретической стороны явился другой человѣкъ, глубокій энтузіастъ, готовый самого себя цѣликомъ отдать на служеніе своему идеалу. Въ 1776 году пріѣхалъ въ Россію—и одновременно съ Новиковымъ поселился въ Москвѣ нѣкто Шварцъ, нѣмецъ изъ Трансильваніи. Вліяніе этого человѣка въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ тогда же сдѣлался профессоромъ (1779), сравнивали съ вліяніемъ Грановскаго. Но еще сильнѣе, чѣмъ вліяніе Шварца на университетскую аудиторію, было дѣйствіе его дружескихъ бесѣдъ, если, впрочемъ, забыть, что онъ владѣлъ несомнѣннымъ даромъ—дружескую бесѣду превращать въ профессорскую лекцію, а изъ лекціи дѣлать дружескую бесѣду. И въ этомъ-то тѣсномъ кружкѣ друзей, который постепенно расширялся въ болѣе широкій кругъ поклонниковъ и послѣдователей, скорѣе можно бы было сравнить вліяніе Шварца съ вліяніемъ другого знаменитаго представителя тридцатыхъ годовъ, Станкевича. Столь же тонко организованная и благородная, но несомнѣнно болѣе пылкая натура, чѣмъ Станкевичъ, Шварцъ былъ такимъ же идейнымъ и нравственнымъ оракуломъ своего кружка, среди котораго гораздо рѣзче выдавался своими знаніями и образованіемъ. Обоихъ рано подкосила смерть, но оба оставили неизгладимый

сгѣдъ въ сердцахъ и умахъ своихъ почитателей. Шварцу дано только было еще то, чего не дано было Станкевичу,—натурѣ болѣе созерцательной, чѣмъ дѣятельной. Шварцу суждено было самому осуществить въ жизни то «идеальное царство Платона», которое наполняло душу молодого энтузіаста «райскими ощущеніями». «Колумбъ, впервые за-видѣвшій землю», выражался самъ Шварцъ, «не могъ радоваться болѣе меня, когда въ рукахъ моихъ очутился значительный капиталъ для осуществленія моей платоновской идеи». Но что же это была за утопія, за «новая Атлантида», которая заставляла Шварца и его друзей вспоминать о Колумбѣ и Платонѣ при одной мысли о возможности ея осуществленія? Въ пониманіи *ближайшей цѣли* для достиженія своей мечты Шварцъ очень близко сошелся съ Новиковымъ: именно, онъ мечталъ составить въ Россіи общество для распространенія истиннаго просвѣщенія. Для этого нужно было, по его мнѣнію: 1) популяризировать правила хорошаго воспитанія, 2) издавать полезныя книги, поддерживая тѣмъ и предпріятіе Новикова, и 3) выписать способныхъ педагоговъ изъ-за границы, а еще лучше—приготовить своихъ русскихъ преподавателей къ роли распространителей просвѣщенія. Для какой *дальнѣйшей*, можно сказать, міровой задачи все это было нужно, можно понять только тогда, когда познакоимся ближе съ философскимъ міровоззрѣніемъ Шварца. Мы увидимъ, что, по широтѣ размаха, его «утопія»—первая утопія русскаго общественнаго дѣятеля, ничуть не уступаетъ утопіямъ нашего времени.

Чтобы осуществить свою идею,—которую Шварцъ повсюду пропагандировалъ со всѣмъ жаромъ убѣжденія, не останавливаясь передъ скептицизмомъ своихъ болѣе практическихъ собесѣдниковъ, онъ не дождался, пока счастливый случай дастъ ему въ руки «значительный капиталъ». Бывшій домашній учитель, только-что ставшій профессоромъ, бѣдякъ, оставившій послѣ своей смерти безъ копѣйки денегъ свою семью, Шварцъ пожертвовалъ въ университетъ 5.000 рублей (не меньше 25.000 на наши деньги), чтобы положить первый камень въ основу будущаго своего зданія. На эти деньги должны были подготавливаться при университетѣ по особой системѣ будущіе учителя. Чтобы подобрать составъ воспитанниковъ этой «педагогической семинаріи», кружокъ друзей вошелъ немедленно въ сношенія съ начальствомъ единственныхъ тогда сколько-нибудь сносно поставленныхъ среднеучебныхъ заведеній,—именно духовныхъ семинарій и академій. Количество стипендіатовъ дружескаго кружка, присланныхъ изъ этихъ заведеній, доходило въ послѣдующіе годы до 30-ти слишкомъ; расходъ на стипендіи превышалъ 3.000 ежегодно; для помѣщенія стипендіатовъ кружокъ купилъ собственный домъ на имя Шварца.

Но учрежденіемъ «педагогической семинаріи» намѣренія Шварца, разумѣется, не ограничивались. За первымъ шагомъ слѣдовали два другіе, логически вытекавшіе изъ перваго. Свои отношенія къ собран-

нымъ отовсюду семинаристамъ Шварцъ не ограничилъ инспекторскимъ надзоромъ и профессорскими лекціями. Онъ вступилъ съ ними въ личныя и непосредственныя отношенія, старался развить въ нихъ нравственную и умственную самодѣятельность. Для этого черезъ два года послѣ открытія «педагогической семинаріи» онъ основалъ студенческое общество подъ названіемъ «собранія университетскихъ питомцевъ» (1781). Цѣлью общества было образованіе ума и вкуса членовъ, собиравшихся для совмѣстнаго обсужденія своихъ литературныхъ опытовъ. Въ началѣ засѣданій члены по очереди читали рѣчи моральнаго содержанія. Предполагалось приучать членовъ и къ прямой филантропической дѣятельности, для которой средства добывались, по принципу уже намѣченному Новиковымъ, самими членами посредствомъ изданія ихъ сочиненій. Какъ велико было вліяніе Шварца на «университетскихъ питомцевъ», видно уже изъ того, что долго послѣ смерти учителя среди нихъ сохранялся настоящій культъ его памяти.

Наконецъ, третій шагъ на томъ же пути сдѣланъ былъ Шварцемъ въ слѣдующемъ 1782 году. Прошедшіе указанную школу питомцы, а также и вызванные вновь изъ семинарій студенты получили возможность приложить свои знанія и вмѣстѣ добыть средства къ существованію во вновь устроенной «переводческой семинаріи» — путемъ переводовъ лучшихъ авторовъ и моральныхъ сочиненій. Такимъ образомъ, цѣль, которую намѣтилъ себѣ Шварцъ, мало-по-малу осуществлялась. Его энергичными усиліями созданъ былъ цѣлый кружокъ молодыхъ интеллигентовъ, педагоговъ и переводчиковъ, оставившихъ по себѣ очень замѣтный слѣдъ въ дѣятельности русской школы и печати конца XVIII вѣка. Какія же идеи они проводили въ своей дѣятельности?

Прежде чѣмъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ, намъ надо познакомиться съ дѣятельностью Шварца въ ближайшемъ дружескомъ кружкѣ. Здѣсь онъ взялъ на себя, какъ Новиковъ, роль чернорабочаго для «знатныхъ господъ» и увлекъ за собой кружокъ своей неутомимой дѣятельностью. Самое сплоченіе кружка, одушевленіе его одной просвѣтительной идеей — есть въ очень значительной степени дѣло Шварца. Началось это сплоченіе на почвѣ теоретическаго согласія во взглядахъ, на почвѣ извѣстнаго пониманія масонства. Закрѣпилось же оно окончательно на почвѣ активной общественной дѣятельности. Мы знаемъ, какія идеи одушевляли масоновъ до появленія среди нихъ Шварца. Шварцъ, со своими поисками масонскихъ тайнъ, съ своимъ знаніемъ масонскихъ формъ — казался подозрительнымъ русскимъ реформаторамъ масонства. Въ первый годъ знакомства со Шварцемъ Новиковъ тщательно избѣгалъ заводить съ нимъ разговоръ о масонствѣ. Но потомъ дѣло объяснилось, и московскіе представители масонства согласились, отложивъ въ сторону все таинственное и формальное, соединиться въ одной нейтральной ложѣ съ цѣлями нравственнаго самосовершенствованія. Какъ мы говорили раньше, Новиковъ былъ главнымъ сторонникомъ этого про-

стого, исключительно моральнаго пониманія масонства, и онъ перетянулъ на свою сторону другихъ. Но передъ знаніями и убѣжденностью Шварца самъ Новиковъ пасовалъ, и въ концѣ концовъ весь кружокъ подчинился вліянію молодого профессора. Шварцъ былъ мистикомъ; онъ вѣрилъ, что масонство можетъ открыть тайну сліянія Божества съ природой путемъ изученія секретовъ природы въ ея сокровеннѣйшей сущности. Хотя методы и цѣли масонства противорѣчили наукѣ, но не надо забывать, что сама наука въ то время какъ разъ нападала на путь, который, казалось, велъ туда же, куда стремилась проникнуть и натурфилософія. Ученой новинкой, поразившей воображеніе тогдашней публики, были первыя открытія химіи. Вещества, повидимому, простые, какъ воздухъ, вода, оказались сложными. Являлась надежда открыть еще болѣе первичные элементы, въ которыхъ и ожидали найти начало всѣхъ началъ и ключъ къ превращенію однихъ веществъ въ другія. Этихъ-то тайнъ природы, въ которыя обѣщала проникнуть нарождавшаяся химія, доискивался и Шварцъ. Но это была только одна сторона его взглядовъ, которая притомъ играла подчиненную, служебную роль въ общемъ міросозерцаніи Шварца (см. ниже).

Посланный друзьями за границу для отысканія истиннаго масонства, Шварцъ вернулся оттуда послѣдователемъ системы «розенкрейцеровъ», занимавшихся изслѣдованіемъ «Божества въ натурѣ». Съ своимъ вліяніемъ онъ легко превратилъ въ розенкрейцеровъ и своихъ ближайшихъ друзей. Они остались, правда, совершенно чуждыми его «практическимъ работамъ». Однако, общая мистическая идея Шварца объ «истинномъ просвѣщеніи» должна была повліять и на нихъ. Изъ этой идеи вытекала вся дѣятельность Шварца; она придавала этой дѣятельности цѣльность и внутреннюю силу. Не будучи въ состояніи исполнѣ понять своего руководителя и послѣдовать за нимъ до конца, друзья-масоны вѣрили, однако, что существуетъ дѣйствительно какая-то таинственная цѣль познанія, какая-то высшая задача дѣятельности, которыя все объясняютъ и объединяютъ. Стремленіе къ этой цѣли выдѣляло кружокъ изъ остальнаго общества; званіе «розенкрейцера» сближало ихъ въ своего рода конспиративный союзъ внутри самого масонства. При такой завлекательной обстановкѣ ставились и выполнялись общія задачи дѣятельности кружка. Примѣръ Шварца (см. выше) увлекъ нѣсколькихъ членовъ кружка къ значительнымъ денежнымъ пожертвованіямъ. Собрать такимъ образомъ нѣкоторыя средства, кружокъ друзей рѣшился выступить формально и открыто подъ названіемъ «Дружескаго ученаго общества», преслѣдующаго филантропическія и ученые цѣли. «Дружеское ученое общество» было торжественно открыто въ ноябрѣ 1782 года, въ присутствіи приглашенныхъ властей. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ Шварцъ, послѣ многочисленныхъ непріятностей и столкновеній съ университетскимъ начальствомъ, принужденъ былъ выйти въ отставку. Въ 1783 году

онъ продолжалъ еще читать свой приватный курсъ исторіи философіи въ мистическомъ духѣ, руководилъ филантропической дѣятельностью «Дружескаго общества». Но слабый организмъ, надломленный непосильнымъ трудомъ и душевными огорченіями, наконецъ, не выдержалъ. Осенью 1783 года Шварцъ заболѣлъ и въ февралѣ 1784 года умеръ.

Чтобы оцѣнить значеніе профессорской дѣятельности Шварца, надо сравнить содержаніе новиковскихъ журналовъ, издававшихся для поддержанія двухъ петербургскихъ училищъ (см. выше) *до* и *послѣ* того, какъ приняли въ нихъ участіе «университетскіе питомцы», вышедшіе изъ педагогической семинаріи Шварца. Кружокъ, начавшій издавать въ 1777 году «Утренній Свѣтъ», стоялъ почти на уровнѣ сотрудниковъ журналовъ 1759—61 гг. Какъ тамъ, такъ и здѣсь идеи «естественнаго закона» сохраняются рядомъ съ новыми идеями самосовершенствованія, безъ всякой попытки согласить то и другое, хотя оба ряда идей въ сущности были плодомъ двухъ противоположныхъ и борющихся между собой міровоззрѣній, философско-раціоналистическаго и религіозно-сентиментальнаго. Стремленіе къ счастью и наслажденію, эпикурейская и утилитарная система морали мирно уживаются въ журналѣ съ моралью «самопознанія», которая скоро будетъ развита Шварцемъ въ цѣлую систему теософіи и теургіи. Переводы изъ древнихъ авторовъ по вопросамъ любви, морали, безсмертія души наполняютъ первые томы «Утренняго Свѣта». Во второмъ году изданія начинается въ журналѣ «бореніе между вѣрой и разумомъ», въ лицѣ классическаго героя этой борьбы, Паскаля, «Мысли» котораго переводятся въ «Утреннемъ Свѣтѣ». Результатъ борьбы предрѣшенъ, кромѣ этого выбора, напечатаніемъ тутъ же другого произведенія, нашумѣвшаго въ Европѣ въ 70-хъ годахъ и бывшаго тамъ предвѣстникомъ торжества «чувствительности» надъ раціонализмомъ. Это былъ «Плачъ или ночныя думы» Юнга, воспѣвавшего смерть «по ночамъ, при тускломъ свѣтѣ лампы, теплившейся въ человѣческомъ черепѣ» и патетически призывавшаго къ жалости, къ состраданію, къ заботѣ о душѣ и о будущей жизни. Третій годъ изданія (1780) представляетъ еще шагъ дальше, на пути къ усвоенію новаго міровоззрѣнія. Въмѣсто переводовъ изъ древнихъ являются статьи по философіи и психологіи; въ научныхъ статьяхъ проводятся новыя мысли (напр., что мифы — не басни, а аллегоріи, скрывавшія высокія истины). Въ концѣ редакція помѣщаетъ статью Гисмана, въ которой отрицается аксіома всего XVIII-го столѣтія, существованіе естественнаго права и теорія естественнаго состоянія людей до образованія государства. Въ противоположность Руссо (и Юнгу), здѣсь доказывается что «попавшіе въ состояніе сходное съ природою», люди сдѣлались бы не счастливыми и блаженными, а «плутами и негодяями». Въ связи съ этимъ, журналъ рѣшительно отрицаетъ и другую мысль Руссо, получившую

широкое употребленіе у насъ, особенно въ рукахъ противниковъ рационализма изъ *реакціоннаго*, «стародумческаго» лагеря,—мысль, что просвѣщеніе вредитъ нравственности. Скоро мы увидимъ, почему эти идеи о вредѣ культуры и блаженствѣ «естественнаго состоянія» оказались несовмѣстимыми съ новымъ міровоззрѣніемъ редакціоннаго кружка.

«Московское изданіе» еще не обнаруживаетъ рѣзкаго шага впередъ въ смыслѣ развитія общаго міровоззрѣнія: его особенность, какъ мы видѣли, заключается въ той публицистической и сатирической струѣ, которую внесъ въ него переселившійся въ Москву Новиковъ. На новомъ мѣстѣ старый кружокъ сотрудниковъ, повидимому, порѣдѣлъ, а новый еще не подобрался въ этомъ году (1781),—и этимъ, можетъ быть, объясняется болѣе близкое участіе самого Новикова въ этомъ журналѣ. Зато въ слѣдующемъ году (1782) подоспѣлъ первый выпускъ «питомцевъ» Шварца, составившихъ въ томъ же году «переводческую семинарію» (см. выше). Въ руки этого-то молодого кружка *) и передалъ теперь Новиковъ веденіе своего ежемѣсячнаго изданія (выходившаго въ этомъ году подъ названіемъ «Вечерней Зари», мистическій смыслъ котораго Новиковъ подчеркнул въ своемъ «предувѣдомленіи»).

Главный интересъ «Вечерней Зари» заключается въ рядѣ философскихъ статей, которыя на этотъ разъ уже совершенно сознательно формулируютъ общее міровоззрѣніе, какое вырабатывалось въ московскомъ интеллигентномъ кружкѣ подъ влияніемъ лекцій Шварца. Не нужно, конечно, ожидать отъ этого міровоззрѣнія чего-нибудь очень крупнаго и оригинальнаго. Содержаніе философскихъ статей «Вечерней Зари» довольно точно соответствуетъ среднему уровню тогдашней нѣмецкой популярной философіи. Богъ, міръ и душа—таковы основные вопросы міровоззрѣнія, около которыхъ сосредоточилась философская борьба XVIII вѣка. Въ описываемое время Кантъ уже сдѣлалъ всѣ эти вопросы предметомъ разрушительной гносеологической критики. Но «Критика чистаго разума» только что появилась тогда (1781); ея роль была еще вся въ будущемъ. Другія, болѣе раннія *цѣльныя* міровоззрѣнія, монизмъ Спинозы и монизмъ французскихъ матеріалистовъ казались слишкомъ подозрительными и были не по плечу тогдашнему среднему интеллигенту. Шварцъ разбиралъ Спинозу, Гельвеція, Ламеттри на лекціяхъ; и, естественно, профессорская критика не могла внушить слушателямъ желанія познакомиться со всѣми этими системами ближе. Нѣмецкая университетская философія, правда, тоже ставила цѣлью борьбу противъ теологіи и схоластики. Но здѣсь борьба эта шла на совершенно другой почвѣ, гораздо болѣе умѣренной, чѣмъ философскія системы пантеизма и матеріализма. Это была система Вольфа,—очень передовая

*) Имена «трудившихся въ изданіи журнала студентовъ» перечислены Новиковымъ въ количествѣ 18 лицъ: здѣсь видимъ дѣтей иностранцевъ и духовныхъ и ни одного аристократическаго имени.

и даже преслѣдовавшаяся въ первой трети XVIII вѣка, но заключавшая въ себѣ еще достаточно теологическихъ и схоластическихъ элементовъ, чтобы сдѣлаться во второй трети вѣка общепризнанной университетской системой. Дальнѣйшій прогрессъ философіи въ Германіи, послѣ Вольфа, заключался въ усвоеніи идей англійскихъ философовъ и моралистовъ, — хотя и «свободомыслящихъ», но все еще не рѣшавшихся сойти съ почвы самаго благонамѣреннаго деизма. Такъ какъ при этомъ усвоеніи англійскихъ идей преслѣдовались болѣе моральныя, чѣмъ методологическія задачи, то естественно, что въ результатѣ заимствованій получился рядъ эклектическихъ философскихъ системъ, имѣвшихъ въ лучшемъ случаѣ лишь временное культурное значеніе. Это и была та стихія, въ которую ввелъ Шварцъ своихъ «питомцевъ». То, что было достаточно для средняго интеллигента въ Германіи, конечно, оказалось болѣе чѣмъ достаточно для Россіи, гдѣ философское преподаваніе (въ академіяхъ) стояло еще на уровнѣ Аристотеля и Ѳомы Аквинскаго, гдѣ даже Декартъ и Лейбницъ были еще контрабандой и только въ 1777 г. окончательно введенъ учебникъ философіи ученика Вольфа, Баумейстера. При такомъ уровнѣ философскихъ знаний, направленіе философскихъ статей «Вечерней Зари» было несомнѣннымъ и значительнымъ шагомъ впередъ, но при этомъ все же настолько скромнымъ, чтобы привлечь интересъ и симпатіи посланныхъ Шварцу академистовъ и семинаристовъ, не испугавъ ихъ начальства.

Каждая книжка «Вечерней Зари» начиналась одной или нѣсколькими статьями по философіи. Не трудно замѣтить, что статьи первыхъ восьми книжекъ составляютъ цѣлый философскій трактатъ, переведенный съ нѣмецкаго, причемъ, переводчикъ не понималъ основныхъ идей системы и потому часто путалъ термины («разумъ» и «разсудокъ»; «духъ» и «душа»). Мы предполагаемъ, что эти статьи принадлежатъ Шварцу; какъ бы то ни было, стоитъ остановиться подробнѣе на ихъ содержаніи, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ міровоззрѣніемъ, на которомъ могъ успокоиться русскій интеллигентъ, послѣ того, какъ старое міровоззрѣніе «естественнаго закона» (см. выше, систему Татищева) устарѣло въ его глазахъ. Авторъ статей начинаетъ съ доказательствъ безсмертія души, характернымъ образомъ обходя первую по порядку тогдашнюю тему, о существованіи Бога (двѣ статьи объ этомъ, одна компилятивная, другая изъ Локка — помѣщены въ журналѣ по окончаніи трактата). *Человѣкъ*, его психика и мораль — таковъ центральный пунктъ философіи автора. Въ доказательствахъ безсмертія нѣтъ ничего новаго; ихъ выборъ напоминаетъ Моисея Мендельсона; добавлено только въ концѣ любопытное соображеніе, что *выгоднѣе* вѣрить въ безсмертіе, даже если его нѣтъ, чѣмъ не вѣрить, если оно есть. Далѣе слѣдуютъ общія замѣчанія «о душѣ», въ которыхъ намѣчается точка зрѣнія и темы послѣдующаго изложенія. Эта точка зрѣнія окончательно выясняется въ двухъ дальнѣйшихъ статьяхъ.

Въ первой душа трактуется, какъ своего рода химическій, продуктъ, явившійся результатомъ соединенія «духа» и «тѣла». Продуктъ соединенія есть нѣчто третье, новое: такъ: «сѣра и ртуть, будучи смѣшаны, производятъ нѣчто третье, а именно киноварь, имѣющую такія свойства, которыя не принадлежать ни къ одной киновари, ни къ одной ртути». Это «нѣчто новое» есть «натуральная жизнь» души со всѣми ея свойствами, какихъ не находилось ни въ «матеріи тѣлесной», ни въ «духѣ». Смотри по свойству матеріи, вошедшей въ составъ («огненной», «водяной» или «соляной») варьируется и «естественный» характеръ души или «темпераментъ» (ср. «Оч.» II, стр. , изд. 3). По смерти человѣка «духъ» и «персть» возвращаются къ первобытной чистотѣ и отдѣльности; гибнетъ при этомъ только ихъ смѣсь—«тѣ свойства, которыя духъ заимствовалъ отъ матеріальной части», «подобно какъ ртуть по разрушеніи киноваря дѣлается опять чистою и настоящею ртутью». Однако, сдѣлать отсюда выводъ о гибели «души», т. е. противъ *личнаго* безсмертія авторъ, не рѣшается. Вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи «души» по смерти онъ прямо признаетъ открытымъ.

Итакъ, «человѣкъ состоитъ не изъ двухъ токмо существенныхъ частей, а изъ трехъ: тѣла, души и духа» *). Авторъ напрасно, конечно, считаетъ эту свою точку зрѣнія оригинальной. Таковъ былъ взглядъ Аристотеля и нѣкоторыхъ схоластиковъ. Сходны съ ними и дальнѣйшія доказательства автора. Первое изъ нихъ «можно назвать аналогическимъ или почерпнутымъ изъ сходства вещей» въ разныхъ царствахъ природы. «Восходя по степенямъ тварей снизу кверху», мы найдемъ, что Творецъ «даровалъ каждому послѣдующему царству тварей не токмо матерію и основное вещество предыдущаго, но и всегда еще въ прибавленіе новую часть, собственно и существенно ему принадлежащую». Такъ, въ царствѣ растений является сравнительно съ минералами новый элементъ «жизнь», а въ царствѣ животныхъ «душа» или «самопроизвольное движеніе». Впрочемъ, «вообще царство животныхъ въ толь тѣсномъ находится союзѣ съ царствомъ растений, что испытатели естества спорятъ, гдѣ одно царство кончится, а другое начинается». Напримѣръ, «нельзя почти распознать» относительно полипа, «животное ли то, или растеніе». Человѣкъ «долженъ» стоять на высшей степени: ему надлежитъ составлять совсѣмъ новый классъ и совсѣмъ новое царство тварей». Слѣдовательно, въ немъ должно заключаться и новое начало: *духъ* разумный и безсмертный. «Итакъ, человѣкъ принадлежитъ къ царству духовъ». «Какъ въ царствѣ животныхъ полипъ соединяетъ между собой царства животныхъ и растений, такъ и человѣкъ соединяетъ царства животныхъ и духовъ. Въ царствѣ животныхъ находятся гораздо совершеннѣйшія животныя

*) Принадлежность Шварцу этой основной мысли всего трактата доказывается его собственными записями.

нежели полипы; а въ царствѣ духовъ гораздо совершеннѣйшіе духи, нежели человѣкъ». Такимъ образомъ, «религія посредствомъ сего положенія не только не приходитъ въ упадокъ, но паче въ большую силу и уваженіе». Другое доказательство троичности началъ въ человѣкѣ почерпывается изъ «Божественнаго откровенія», именно изъ сотворенія человѣка по образу и подобию Божію (т.-е. Св. Троицы).

Опредѣливъ такимъ образомъ душу, какъ смѣсь духа и вещества, временнаго и вѣчнаго, какъ «одушевленную матерію» (конечно, не въ смыслѣ матеріализма), авторъ пріобрѣтаетъ чрезвычайно удобную позицію для своего эклектизма. «Душа» является для него эмпирической сферой, къ которой онъ примѣняетъ генетическую точку зрѣнія новыхъ философовъ, а «духъ» — сферой трансцендентальной, своего рода «интеллигибельнымъ характеромъ». Все условное, измѣняющееся, развивающееся принадлежитъ болѣе узкой сферѣ «души». Въ этой сферѣ «духъ» дѣйствуетъ *только* черезъ посредство чувственного опыта; безъ него онъ «вовсе не показываетъ своего дѣйствія въ человѣкѣ». Опытъ, слѣдовательно, необходимъ, чтобы «духъ» могъ проявить себя въ «душѣ». Такимъ образомъ, авторъ можетъ цѣлкомъ принять возраженія Локка противъ схоластическаго и картезіанскаго ученія о врожденныхъ идеяхъ. Содержимое «души» пусто, пока не наполнить ее опытъ и наблюденіе. Вслѣдъ за Локкомъ и сенсуалистами авторъ посредствомъ наблюденій надъ глухонѣмыми и надъ «людьми, кои выросли между животными», доказываетъ, что «размысленіе не необходимо сопряжено съ духомъ».

Болѣе широкая и безусловная сфера «духа» въ человѣкѣ есть «разумъ». Болѣе узкая эмпирическая сфера «души» есть «разсудокъ». При разлученіи души съ тѣломъ и разсудокъ, какъ вещь происходящая изъ соединенія оныхъ, исчезаетъ; разумъ же съ душою (надо бы: съ духомъ), такъ какъ вопросъ о безсмертіи «души» раньше оставленъ открытымъ) навсегда пребудетъ». Такимъ образомъ, разсудокъ подчиненъ законамъ естественной жизни и имѣетъ свою «естественную исторію», которую и изслѣдуетъ авторъ. Разсудокъ «не можетъ далѣе проникнуть, какъ только куда поведутъ чувства тѣлесныя». «Будучи оставленъ чувствами», онъ «странствуетъ одинъ въ весьма глубокой темнотѣ и доходитъ до границъ духовныхъ вещей, а пришедъ туда, либо совсѣмъ останавливается, или когда далѣе отваживается подходить, то заходитъ въ опасный лабиринтъ, гдѣ не имѣя ничего, что бы могло его остановить, ниспадаетъ въ пропасть, изъ которой выйти и попасть на истинный путь уже не можетъ, если не просвѣтитса и не исправится чрезъестественнымъ свѣтомъ духа премудрости и откровенія».

Здѣсь, какъ видимъ, авторъ довольно близко подходитъ къ Канту, но только для того, чтобы тотчасъ же уйти отъ него очень далеко. Доказать несовершенство эмпирической сферы «души», постепенно эволюционирующей въ свѣетъ развитія, ему нужно только для того, чтобы

сдѣлать отсюда *моральные* выводы, приводящіе читателя постепенно къ практической философіи масонства. Первое звено этихъ выводовъ состоитъ въ признаніи *необходимости несовершенства* и въ примиреніи его съ идеей божественнаго всемогущества. Такъ какъ естественная исторія души доказала, что «никакое конечное существо безъ достаточнаго времени не можетъ приобрѣсти твердыхъ и сколько-нибудь обширныхъ познаній», и такъ какъ «совершенное блаженство предполагаетъ весьма пространныя знанія и великій навыкъ къ размышленію», то, «слѣдовательно, невозможно было Богу создать разумныхъ конечныхъ тварей, одаренныхъ всѣми познаніями, нужными къ совершенному блаженству». Этимъ же объясняется необходимость зла и страданій на землѣ, такъ какъ конечное существо не можетъ *сразу* согласить своихъ желаній съ законами вселенной и потому должно быть жертвой этого несоотвѣтствія. «Чѣмъ болѣе разумное существо успѣваетъ въ познаніи міра, тѣмъ менѣе оно подвергается обману въ ожиданіи того, что должно случаться, и менѣе желаетъ невозможныхъ вещей. Неудовольствія должны уменьшаться съ той же соразмѣрностью». Отсюда прямо вытекаетъ сократовскій выводъ, который авторъ противопоставляетъ Руссо и русскимъ «стародумамъ». Не только просвѣщеніе не вредитъ нравственности, но нравственность и состоитъ въ «истинномъ» просвѣщеніи. Достаточно *знать* пользу нравственности, чтобы практиковать ее и понять необходимость нравственнаго самосовершенствованія. Этотъ выводъ открываетъ человѣчеству тѣ безконечныя перспективы, которыя и составляли «утопію» Шварца. «Если міръ сей не безконеченъ, то возможно конечному существу дойти до такого совершенства, чтобы имѣть подробное понятіе о цѣломъ мірѣ (о «законахъ нравственнаго порядка, честности и доброты»), и тогда неудовольствія его должны совершенно исчезнуть». «Восхитительное зрѣлище, внушающее всякому мыслящему существу желаніе безсмертія!»

Мы понимаемъ теперь, почему уже «Московское изданіе» протестовало противъ того перенесенія золотого вѣка въ самое начало историческаго процесса, которое вытекало изъ понятія Руссо о «естественномъ состояніи». Золотой вѣкъ есть не начало, а цѣль и конечный пунктъ человѣческаго прогресса. Понятно также, какое огромное значеніе должна была имѣть въ глазахъ Шварца идея о постепенномъ воспитаніи человѣчества, уже пущенная въ литературный оборотъ Лессингомъ. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ Шварцъ и обращается къ изученію *дѣйственныхъ* началъ въ человѣкѣ: воли и совѣсти, какъ главныхъ пружинъ самосовершенствованія и прогресса. Онъ и тутъ подчеркиваетъ, что вѣчныя воли и совѣсти вовсе не категоричны и не ясны сами собой: та и другая могутъ и должны быть развиваемы и воспитываемы. «Воля сама по себѣ есть слѣпая сила», не могущая дѣйствовать цѣлесообразно безъ вмѣшательства «разсудка». *Совѣсть*, какъ «способность *судить* о нравственности дѣйствій», также не составляетъ чего-либо врожден-

наго, а приобретається «опытомъ и размышленіемъ»; какъ способность *дѣлать* добро, она есть продуктъ усилія, т.-е. воспитанія воли, безъ котораго не было бы ни заслуги, ни награды. Самое понятіе *добра* есть результатъ воспитанія воли и мысли. Только «физическое благо, общее человѣку съ животными, не требуетъ разсужденія»; «нравственнаго же добра хотимъ мы не по необходимости, но по свободному выбору». Какъ видимъ, идея свободы, въ противоположность Канту и Шопенгауэру, торжествуетъ у нашего автора не въ мірѣ умопостигаемомъ, а, наоборотъ, именно въ самой сферѣ явленій эмпирическаго сознанія, т.-е. тамъ, гдѣ она имѣетъ непосредственное практическое значеніе для религіи и морали. При этомъ условіи, ясно, какое значеніе имѣло для автора «познаніе самого себя». Разсужденіемъ объ этомъ основномъ догматѣ масонства онъ и заканчиваетъ свой замѣчательный трактатъ. Понятно также значеніе воспитанія юношества, о которомъ Шварцъ такъ заботился во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ и которому посвятилъ особый трактатъ, напечатанный Новиковымъ уже послѣ его смерти (1783).

Мы не будемъ далѣе слѣдить за московской журналистикой. Только въ ближайшіе два года по смерти Шварца она еще держалась на высотѣ, достигнутой «Вечерней Зарей». «Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ» живутъ матеріалами Шварца. «Покоящійся Трудолюбецъ», послѣднее въ серіи этихъ изданій (1784), прибѣгаетъ къ усиленію сатирическаго элемента. Затѣмъ, Новиковъ бросаетъ изданіе журналовъ, а въ рукахъ однихъ «питомцевъ» они сразу падаютъ, вызывая со стороны приученныхъ уже къ нимъ читателей горькія жалобы на отсутствіе серьезныхъ статей.

Покойнаго энтузіаста замѣнить было некому. Послѣ его кончины, если не душой, то правой рукой кружка остался Новиковъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ вся дѣятельность кружка принимаетъ совершенно иное направленіе. Новиковъ былъ полной противоположностью Шварцу по всему умственному складу. Соединенные не только единствомъ стремленій, но и тѣсной дружбой, оба эти вожака московской интеллигенціи не могли, однако, смотрѣть одними глазами на вещи и часто сталкивались во взглядахъ. Горячій и увлекающійся Шварцъ упрекалъ Новикова въ недостаткѣ энтузіазма. Практическій Новиковъ отвѣчалъ на это упреками въ излишней горячности. «Онъ подозрѣвалъ меня въ холодности къ масонству и ордену, потому что я, бывъ совершенно занятъ типографскими дѣлами, упражнялся въ томъ урывками; а я, вѣдая пылкость его характера и скорость, удерживалъ его, опасаясь, чтобы въ чемъ не проступиться, и съ великою осторожностью смотрѣлъ на все, что онъ дѣлалъ». Такъ говоритъ самъ Новиковъ. Въ результатѣ, между друзьями, по словамъ того же Новикова, «произошла нѣкоторая холодность и недовѣрчивость», продолжавшаяся до самой смерти Шварца. Легко было предвидѣть, какія перемѣны произойдутъ въ кружкѣ, когда

первая роль снова перейдетъ къ Новикову. Мистическія и химическія занятія, и прежде недоступныя друзьямъ, теперь были совершенно брошены. вмѣстѣ съ тѣмъ, отошли на второй планъ и созвѣстные практическія упражненія въ филантропіи, съ цѣлью нравственнаго самосовершенствованія. Сношенія съ иностранными масонами, на которыя и при Шварцѣ кружокъ смотрѣлъ косо и соглашался неохотно, стали еще рѣже, а вскорѣ и вовсе прекратились. Подобно Новикову, друзья очень недовѣрчиво относились къ высшимъ степенямъ масонства и сильно опасались, нѣтъ ли въ ордени чего-нибудь противнаго христіанскому ученію и государственной власти. Опасенія эти особенно усилились, когда въ 1785 году баварское правительство официально закрыло тайное общество иллюминатовъ, преслѣдовавшее, въ формахъ масонства, политическія цѣли. Московскіе масоны давно были предупреждены заграничными братьями о существованіи иллюминатовъ и получили совѣтъ избѣгать сношеній съ ними. Теперь, «по причинѣ великаго распространенія и пронырствъ иллюминатовъ», на все масонство наложено было (съ 1787) «молчаніе» или «бездѣйствіе». Надо сказать, что уже въ 1783 году масонскія собранія въ кружкѣ фактически прекратились, а лично Новиковъ «по типографскимъ дѣламъ и заботамъ» давно уже не собиралъ порученныхъ его наблюденію братьевъ. Съ 1786 года дѣятельность масонства была и формально приостановлена. Въ этомъ году масонскія ложи въ Москвѣ были «разорены», по приказанію императрицы. Все это, вмѣстѣ взятое, совершенно остановило собственно масонскую дѣятельность кружка. Зато Новиковъ направилъ «работы» кружка на новую и гораздо болѣе плодотворную дорогу.

За мѣсяцъ до смерти Шварца (15-го января 1782 г.) появился знаменитый указъ, разрѣшавшій всякому желающему заводить частныя типографіи. Теперь, наконецъ, «пришелъ часъ» для Новикова — пустить полнымъ ходомъ задуманное еще въ «Живописцѣ» (см. выше) предпріятіе. Для выпозненія своей идеи, какъ мы знаемъ, онъ уже не мало сдѣлалъ. Число подписчиковъ «Московскихъ Вѣдомостей» поднялось за время его завѣдованія университетской типографіей съ 800 до 4.000. Масса книгъ была уже напечатана, завязаны сношенія съ книгопродавцами, заведены комиссіонеры и въ провинціи. Расширеніе всѣхъ этихъ предпріятій съ помощью вольныхъ типографій обѣщало, не говоря уже объ идейномъ значеніи дѣла, вѣрный коммерческій результатъ. Новиковъ убѣдилъ друзей широко воспользоваться правительственнымъ указомъ. Такимъ образомъ, кружокъ московскихъ розенкрейцеровъ перешелъ къ издательской дѣятельности въ широкихъ, до тѣхъ поръ небывалыхъ размѣрахъ. Каждый изъ членовъ кружка внесъ болѣе или менѣе значительный пай, и «Дружеское ученое общество» превратилось въ 1784 г. въ акціонерную «Типографскую ком-

панію». Капиталъ компаніи считался теперь уже не десятками, а сотнями тысячъ; компанія приобрѣла нѣсколько домовъ, имѣла свою аптеку. Масонскій характеръ кружка сохранился въ выборѣ для изданія книгъ преимущественно правоучительнаго содержанія. Но собственно масонскія, мистическія книги издавались компаніей въ очень ограниченномъ количествѣ и предназначались не для продажи, а для тѣснаго круга посвященныхъ. Зато уже изъ чисто коммерческихъ соображеній типографіи Новикова и компанія печатали также и книги, не имѣвшія ни малѣйшаго отношенія ни къ масонству, ни къ нравственному просвѣщенію въ масонскомъ смыслѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше предпріятіе компаніи принимало общій просвѣтительный характеръ. Общее количество книгъ, выпущенныхъ Новиковымъ на книжный рынокъ, достигло цифры около 440. Чтобы понять значеніе этой цифры, надо припомнить, что въ единственной московской книжной лавкѣ 1768 г. (при университетѣ) продавалось (по каталогу) всего 168 названій книгъ; въ книжной лавкѣ Миллера передъ переходомъ университетской типографіи въ аренду къ Новикову (1776 г.), 438 названій, а передъ началомъ дѣятельности «типографической компаніи» (1782 г.) въ университетской лавкѣ—576 книгъ. Такимъ образомъ, Новиковъ болѣе чѣмъ удвоилъ количество находившихся до него въ продажѣ книгъ, не говоря уже о лучшемъ качествѣ книжнаго товара пущеннаго имъ въ оборотъ. Организаторомъ же книжной торговли въ провинціи онъ явился первый. Въ основу для книжнаго комиссіонерства въ провинціи были положены связи съ провинціальными масонскими ложами, какъ совершенно вѣрно замѣтила Екатерина—говоря, что «братья» развозятъ новиковскія книги по Россіи. Но Новиковъ и помимо масонскихъ связей не упускалъ случая завести себѣ новаго комиссіонера, какъ это испыталъ на себѣ Болотовъ. Въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородицкѣ, Глуховѣ, Кіевѣ можно было получить книги новиковскаго изданія; а, «если кому угодно будетъ продажу сихъ книгъ учредить и въ другихъ городахъ Россійской имперіи», объявлялъ онъ, «таковые могутъ адресоваться письменно или самолично въ книжную лавку, гдѣ всевозможное къ тому вспомошествованіе оказано будетъ, ибо въ оной принято намѣреніе доставить почтеннымъ любителямъ руссійской литературы всевозможную способность въ сообщеніи и всевозможныя выгоды въ цѣнахъ книгъ».

Наиболѣе эффектный актъ общественной дѣятельности московскаго кружка былъ, однако, еще впереди. Это было въ голодный 1787 г. Нарисованная Новиковымъ картина народнаго бѣдствія вызвала щедрую помощь друзей (въ томъ числѣ около 50.000 тогдашнихъ рублей со стороны одного московскаго богача, Походяшина). Новиковъ на эти деньги организовалъ въ широкихъ размѣрахъ раздачу хлѣба въ Москвѣ

и въ окрестностяхъ своей подмосковной деревни. Помощью воспользовалось тамъ до 100 казенныхъ и помѣщичьихъ селеній. Возвращаемый крестьянами хлѣбъ и деньги рѣшено было употребить на устройство постоянного хлѣбнаго магазина, къ чему и приступилъ немедленно Новиковъ. Этотъ случай показалъ, что можетъ сдѣлать нравственное вліяніе Новикова, въ связи съ дѣловой организаціей, какую принялъ кружокъ по смерти Шварца. Помощь голодающимъ въ 1787 г. уже не походила на тѣ добровольные сборы въ кружку, какіе дѣлались на засѣданіяхъ «Дружескаго общества» въ началѣ 1780-хъ гг., и организація помощи не походила на тѣ розыски отдѣльныхъ бѣдняковъ, которые предпринимались друзьями для упражненія въ филантропіи и для цѣлей личнаго совершенствованія. На частномъ примѣрѣ теперь стало ясно для всѣхъ, какое значеніе имѣла въ Москвѣ «шайка» Новикова.

Голодъ 1787 г. былъ высшей точкой дѣятельности московскихъ мартинистовъ; но онъ же сдѣлался и началомъ ихъ бѣдствій. Масонство было терпимо, пока высокопоставленные лица занимались имъ для собственнаго развлеченія и забавлялись имъ, «какъ игрушкой». На масонство не обращали особеннаго вниманія и тогда, когда оно обратилось къ работѣ внутренняго самоусовершенствованія и къ таинственнымъ алхимическимъ занятіямъ. Но масонство, какъ частное общество съ задачами общественнаго характера, какъ организованная общественная сила, располагавшая крупными денежными средствами, распространявшая черезъ своихъ членовъ «сокровенныя книги отъ Риги до донскихъ станицъ», сильная своимъ вліяніемъ на общество и крѣпкая внутренними убѣжденіями,—это масонство было явленіемъ неслыханнымъ въ русской жизни. Оно занимало слишкомъ видную позицію, чтобы можно было дольше его игнорировать.

Императрица попыталась сперва бороться съ новымъ общественнымъ движеніемъ старыми средствами. Въ 1780 г. поступила въ продажу анонимная брошюра, осмѣивавшая масоновъ («Тайна противонелѣпнаго общества»). Авторомъ брошюры, вѣроятно, была императрица. Согласно рецепту, данному еще во «Всякой Всячинѣ», Екатерина пробуетъ здѣсь побѣдить общественное мнѣніе смѣхомъ. Масонство для нея просто «болтанье и дѣтскія игрушки»; противъ него, какъ противъ дѣтскихъ шалостей, нужна лишь розга. Возможно, что Екатерина въ этотъ моментъ добросовѣстно заблуждалась, видя въ масонствѣ одно шарлатанство, игру въ обряды и не замѣчая его моралистическаго міросозерпанія. Масонскаго мистицизма она просто не могла понять: для ученицы Вольтера это было оскорбленіемъ философіи и здраваго смысла. Часто справляясь съ «Энциклопедіей», она нашла тамъ мѣсто, гдѣ говорилось, что «теософамъ удалось бы потушить духъ изслѣдованія и открытій и снова погрузить насъ въ варварство, если бы пра-

вительство ихъ поддерживало, какъ они того желаютъ». Отсюда, конечно, далеко еще было до преслѣдованія масонства, какъ и намекалъ Екатеринѣ философъ Циммерманъ, одинъ изъ ея корреспондентовъ. Однако, когда организовалась «Типографическая компанія» и когда на Западѣ иллюминаты были официально признаны вредной политической организаціей, Екатерина рѣшилась выступить открыто противъ масонства. Въ это время были, какъ мы видѣли, «разорены» по ея приказанію московскія ложи. Но въ то же время Екатерина не теряла еще надежды настроить противъ масонства само общественное мнѣніе. Въ январѣ, февралѣ и июлѣ 1786 г. на эрмитажномъ театрѣ были поставлены три комедіи императрицы, грубовато осмѣивавшія «мартышекъ» и извѣстнаго шарлатана Калиостро («Обманщикъ», «Обольщенный» и «Шаманъ Сибирскій»). Двѣнадцать лѣтъ Екатерина не писала комедій; и три комедіи заразъ, послѣ такого долгаго промежутка, свидѣтельствуютъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Екатерину дѣятельностью московскихъ мартинистовъ. «Надо было помять бока ясновидцамъ, которые очень ужъ стали задирать носъ», признается она въ письмѣ къ Гримму. Разсчетъ императрицы, однако, оказался ошибочнымъ. Побѣда въ литературномъ состязаніи, какъ мы знаемъ, и въ 60-хъ гг. осталась не за ней. Теперь конечно, на официальную сатиру уже нельзя было отвѣчать неофициальной. Но скоро Екатерина должна была убѣдиться, что съ «политическими вѣтряными мельницами» бороться не такъ легко и что она не только въ Россіи, но и въ Европѣ идетъ противъ теченія. Безполезно было стараться остановить время и ссылаться на то, что когда-то, въ 1740 году, въ годы ея воспитанія, даже «наименѣе философскія головы считали нужнымъ притворяться философами» и что ея пьесы построены на статьѣ «Энциклопедіи» (резюме которой, приведенное выше, она дѣйствительно выписала въ своихъ наброскахъ для «Шамана Сибирскаго»). Дворъ, конечно, рукоплескалъ автору комедій, и Екатерина въ своихъ письмахъ трубила о ихъ огромномъ успѣхѣ. Петербургская пресса по данному сигналу принялась осыпать мартинистовъ насмѣшками и порицаніями. Но въ Москвѣ печать угрюмо отмалчивалась. Можетъ быть, не безъ вліянія этой пассивной оппозиціи нервные нотки прорываются все чаще и рѣзче въ пьесахъ Екатерины. Она начинаетъ наконецъ признавать, что шарлатанство и мода не исчерпываютъ всего смысла движенія; что масонская литература оказываетъ сильное умственное вліяніе, которое Екатерина не можетъ не считать вреднымъ. Но и нападками на это умственное вліяніе, на тарабарщину мистическихъ книгъ, ея сатира не ограничивается. У ней прорывается въ концѣ концовъ, настоящій и главный мотивъ: раздраженіе противъ общественной дѣятельности московскаго кружка. «Они въ намѣреніи имѣютъ по-тасно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы,

большицы и т. п., и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ...; дѣла такого рода, на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства?»

Вотъ гдѣ основная причина недовольства Екатерины. Массонство есть независимая отъ ея контроля и вліянія просвѣтительная сила. Такая сила есть врагъ, съ которымъ необходимо бороться серьезно. Циммерманъ спѣшилъ напередъ похвалить Екатерину за то, что въ этой борьбѣ она останется исключительно на почвѣ литературной, что «вмѣсто всякаго законодательства она противопоставитъ заблуждающимся хорошую труппу комедіантовъ». Очевидно, при чтеніи посланныхъ ему пьесъ онъ уже замѣтилъ, что этимъ дѣло можетъ не ограничиться. Въ послѣдней изъ нихъ, отъ безсильнаго смѣха и выпучиванія Екатерина прямо перешла къ угрозамъ. «Какъ свидѣаютъ доподлинно, koliko его ученіе не сходствуетъ съ общимъ установленіемъ, то достанется и тому, кто привезъ лжеучителя»... «совѣтую тебѣ дружески: поѣзжай, братъ, въ деревню... хотя на время».

Послѣ разоренія московскихъ ложъ, кружокъ друзей буквально послѣдовалъ совѣту Екатерины. По донесенію московскаго главнокомандующаго, съ этихъ поръ «партія Новикова собирается приватно, чего и запретить невозможно, въ видѣ пріятельскаго посѣщенія, въ Москвѣ, у кн. Н. Н. Трубецкаго въ деревнѣ, называемой Очакова». Запретить это, дѣйствительно, было трудно. Лишь Екатерина пока оставила въ покоѣ, но на ихъ дѣло уже въ 1787 года она наложила свою руку. Старый покровитель масоновъ, гр. Зах. Чернышевъ въ то время уже нѣсколько лѣтъ какъ умеръ (1784); его замѣнилъ нарочно выбранный Екатериной суровый, надменный графъ Брюсъ. Екатерина, очевидно хотѣла смирить строптивую Москву. Идя ей навстрѣчу, такіе видные масоны, какъ Тургеневъ, Гамалѣя, Лопухинъ оставили государственную службу. Вслѣдъ затѣмъ Брюсу предписано было обривизовать московскія школы и обратить особое вниманіе на направленіе, въ какомъ преподается Законъ Божій. Черезъ два съ половиной мѣсяца Брюсъ долженъ былъ составить описи «странныхъ» книгъ, печатавшихся у Новикова, и отправить ихъ для разсмотрѣнія Платону, который долженъ былъ также испытать Новикова въ Законѣ Божіемъ. Извѣстно, что и здѣсь Екатерина не встрѣтила поддержки. Отвѣтъ Платона былъ прямо тенденціозенъ. Онъ отвѣчалъ императрицѣ, какъ отвѣтилъ бы и самъ Новиковъ, что онъ знаетъ только однѣ книги, развращающія нравы и подрывающія религіозныя чувствованія—это «гнусныя и юродивыя порожденія энциклопедистовъ», которыя, дѣйствительно, «слѣдуетъ исторгать, какъ пагубныя племена». Еще разъ императрица должна была убѣдиться, что она имѣетъ противъ себя серьезную, тѣсно сплоченную и независимую группу

людей. Между тѣмъ, обстоятельства складывались такъ, что все, что было враждебнаго Екатеринѣ въ Россіи и за границей,—все это принимало печать масонства. Съ началомъ второй турецкой войны (1787) испортились наши отношенія къ Пруссіи и Швеціи. Но государи обѣихъ странъ сильно покровительствовали масонамъ, и съ масонами прусскими и шведскими у русскихъ масоновъ въ разное время существовали прямыя сношенія. Внутри самой страны имя наслѣдника Павла постоянно связывалось съ оппозиціонными толками; между тѣмъ, у масоновъ съ наслѣдникомъ тоже завязались сношенія, положимъ довольно невинныя. Какъ бы то ни было, Потемкинъ, по словамъ Лопухина, воспользовался слухами объ этихъ сношеніяхъ, чтобы окончательно погубить масоновъ, а себя представить въ роли спасителя престола. По вѣрному замѣчанію Лопухина, держать постоянно въ страхѣ императрицу прямо входило въ интересы Потемкина, для поддержанія личнаго положенія. На этотъ разъ, впрочемъ, явилось и объективное основаніе для всевозможныхъ опасеній. Этимъ основаніемъ послужила конспиративная дѣятельность иллюминатовъ, съ которыми смѣшивали намѣренно или ненамѣренно русскихъ масоновъ. Всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы подготовить императрицу къ самымъ крайнимъ мѣрамъ противъ масонства. Остальное додѣляли слухи, одинъ другого нелѣпѣе. Благотворительная дѣятельность мартинистовъ во время голода 1787 какъ разъ совпала съ блестящей поѣздкой Екатерины въ Крымъ, долженствовавшей служить выставкой всеобщаго благополучія въ имперіи. Контрастъ былъ слишкомъ разителенъ. Недоброжелателямъ мартинистовъ легко было установить мнѣніе, что Новиковъ дѣйствуетъ съ намѣреніемъ и, очевидно, хочетъ привлечь на свою сторону низшіе классы народа. Павла сдѣлаютъ главой русскаго масонства и помогутъ ему, опираясь на общее недовольство, взойти на престолъ. Екатерину устранять, какъ устранила она Петра III. Откуда возьмутъ средства для всего этого? И тутъ отвѣтъ былъ готовый. Очевидно, масоны дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи.

Какъ видимъ, тучи сгустились надъ кружкомъ, и гроза готова была разразиться. Запрещеніемъ печатать духовныя книги и наблюденіемъ за продажей книгъ по городамъ на ярмаркахъ дѣло не могло ограничиться. Таково было общее положеніе, когда началась французская революція. Ея послѣдствія по отношенію къ общественному движенію въ Россіи мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Статистическія данныя о книгоиздательствѣ XVIII вѣка см. въ книгѣ *Пекарскаго*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. II, Спб. 1862, и въ брошюрѣ *В. В. Сиповскаго*. Изъ исторіи русской литературы XVIII вѣка, I—II, Спб. 1901 (изъ Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Им. Ак. Наукъ, т. VI, кн. 1). О

докладъ Меллисино см. *Θ. В. Благовидова*, Оберъ-прокуроры св. Синода въ XVII в., Казань, 1900. Важнѣйшія сочиненія о масонствѣ: *М. Н. Лонгиновъ*, Новиковъ и московскіе мартинисты, Мск. 1867. *С. В. Ешевскій*, «Нѣсколько замѣчаній о Новиковѣ» и «Московскіе масоны» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 и 1864—1865; въ Собраніи сочиненій, изд. 1870, т. III и въ «Сочиненіяхъ по русской исторіи». Мск. 1900. *Н. С. Тихонравовъ*, біографіи Новикова и Шварца и «Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ» въ Сочиненіяхъ, т. III, ч. 1 и 2, Мск. 1898. *А. Н. Пыпинъ*, Русское масонство, «Вѣстн. Евр.», 1867, т. II—IV; Русское масонство до Новикова, «В. Е.», 1868, іюнь и іюль; Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ, «В. Е.» 1872, январь. *П. Пекарскій*, Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи въ Сбор. рус. отд. Ак. Наукъ, т. VII, № 4, Спб. 1869. (Здѣсь также хронологическій перечень фактовъ и бібліографія). «Повѣсть о самомъ себѣ» Елагина напечатана въ «Русск. Архивѣ» 1864. Записки *И. В. Лопухина* въ Чтеніяхъ О. И. и Др. Росс. 1860 и въ Русскомъ Архивѣ, 1884. О журналахъ Новикова см. *А. Незеленова*, *Н. И. Новиковъ*, Спб. 1875: книга, интересная выписками, но почти всегда неудачная по выводамъ. О философскомъ преподаваніи въ академіяхъ см. *С. Смирнова*, Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, Мск. 1855, и Біографія *А. И. Кошелева* (Колупанова), т. 1, кн. 1, Мск. 1889. О параллельныхъ явленіяхъ западной литературы см. *Геттинера*, Исторія литературы XVIII столѣтія, т. III и *М. Н. Розанова*. Поэтъ періода бурныхъ стремленій Яковъ Ленцъ, Мск. 1901. Объ отношеніи Екатерины къ мартинистамъ, см. брошюру *А. В. Семки*: русскіе розенкрейцеры и сочиненія имп. Е. противъ масонства, Спб. 1902. (Здѣсь также свѣдѣнія о рукописяхъ Шварца, подтверждающія нашъ выводъ о принадлежности ему статей въ «Вечерней Зарѣ»). Тексты пьесъ Екатерины см. въ Сочиненіяхъ имп. Екатерины II съ примѣчаніями *А. Н. Пыпина*, академическое изданіе, т. I, Спб. 1901.

П. Милуновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-ръ Гёмпфри Уордъ.

Перев. съ англійскаго З. Журавской.

(Продолженіе *).

V.

Когда сэръ Уильфريدъ вышелъ отъ Монтрезора, ночь была такъ хороша и вѣтерокъ такой теплый, что онъ отослалъ экипажъ и пошелъ домой пѣшкомъ. Онъ былъ просто влюбленъ въ улицы, въ грохотъ омнибусовъ, въ блескъ фонарей; послѣ долгаго отсутствія, каждый шагъ въ Лондонѣ былъ для него наслажденіемъ. Дойдя до Гросвенорской площади, онъ остановился, только для того, чтобы вдохнуть въ себя теплый влажный воздухъ, полюбоваться блескомъ лужъ, оставшихся на мостовой послѣ полдневнаго ливня, и легкой завѣсой тумана, смыкавшейся надъ Пиккадилли.

«И есть же глупые люди, которые ропшутъ на туманъ!» презрительно думалъ онъ, отдаваясь всѣмъ сердцемъ и чувствами чарамъ своего возлюбленнаго Лондона. Самъ онъ долгіе годы изнывавшій отъ зноя подъ безоблачнымъ небомъ, съ какой-то страстью упивался сыростью и туманомъ, огнями и шумомъ. И когда онъ пошелъ дальше, въ головѣ у него вертѣлся вопросъ: «да ужъ полно, возвращаться ли ему обратно въ изгнаніе въ Тегеранъ, или куда-нибудь поближе къ дому, на еще болѣе важный и отвѣтственный постъ? Денегъ у меня куча—на кой чортъ дольше тянуть эту лямку? Брошу все и буду жить дома, припѣваючи. Вѣдь, въ сущности, ужъ немного осталось... почему не провести эти послѣдніе годы на родинѣ, въ своемъ кругу, среди родныхъ и друзей».

Въ немъ говорила усталость англійскаго администратора. И тотчасъ же, въ отвѣтъ ей заговорилъ другой инстинктъ, частью физическій, частью моральный, заставляющій дѣловаго человѣка не первой молодости держаться своего дѣла. Праздность — нѣтъ! Это начало конца. Для человѣка его склада убавить шагъ, замедлить стремленіе жизни, значитъ призывать смерть — тайную преслѣдовательницу, ко-

*) См. «Міръ Божій», № 7, июль.

торая у каждого изъ насъ за плечами. Нѣтъ, нѣтъ! надо продолжать борьбу! Вѣдь въ сущности только тяжелый, неблагодарный трудъ подъ знойнымъ солнцемъ чужой страны, вмѣстѣ съ желѣзной увѣренностью въ томъ, что впереди такой же тяжкій трудъ, такъ подымали его настроеніе и взвинчивали нервы, что всѣ струны звучали особенно ясно.

— Что, сэръ Уильфридъ, домой? почивать? — сказалъ голосъ надъ его ухомъ, когда онъ свернулъ въ улицу Сентъ-Джемсъ.

— Делафилдъ! — Старикъ съ живостью юноши обернулся. — Откуда вы?

Делафилдъ объяснилъ, что онъ обѣдалъ у герцогини и шелъ теперь въ клубъ, узнать, прошелъ ли одинъ его пріятель, или же провалился на выборахъ.

— Ну, это подождетъ! — рѣшилъ сэръ Уильфридъ. — Зайдите ко мнѣ на полчаса. Я живу тамъ же, гдѣ и прежде.

— Хорошо. — Сэръ Уильфриду показалось, что молодой человѣкъ поколебался, прежде чѣмъ согласиться.

— И часто вы такъ пріѣзжаете въ городъ? — спрашивалъ сэръ Уильфридъ. — Хорошая профессія — управлять имѣніемъ. Много свободного времени...

— Приходится бывать въ Лондонѣ и по дѣламъ. У насъ здѣсь большіе склады молочныхъ продуктовъ; время отъ времени я ихъ ревизую...

Молодой человѣкъ немного торопился дать объясненіе; старикъ съ улыбкой наблюдалъ за нимъ.

— И ничто другое васъ не привлекаетъ сюда?

— Сколько мнѣ извѣстно... Кстати сэръ Уильфридъ, я и не спросилъ васъ, какъ поживаетъ Дикъ Мэзонъ.

— Дикъ Мэзонъ! Развѣ вы съ нимъ друзья?

— Мы... мы были вмѣстѣ въ Итонѣ и Оксфордѣ.

— Развѣ? Я никогда не слышалъ отъ него вашего имени.

Делафилдъ засмѣялся.

— Я не хочу сказать этимъ, что онъ жить безъ меня не можетъ. Вѣдь вы его оставили на службѣ въ Тегеранѣ?

— Къ несчастью, да. Такъ вы очень интересуетесь Дикомъ Мэзономъ?

— Что же... онъ мнѣ очень нравился.

— Гмъ... ну, а мнѣ не особенно... Не вѣрится мнѣ какъ-то, чтобы и вы его очень любили.

Делафилдъ покраснѣлъ.

— Я полагаю, вполне прилично спросить, какъ поживаетъ старый школьный товарищъ.

— Образцово, но... есть болѣе занимательныя темы разговора.

Молодой человѣкъ промолчалъ. Бѣлокурые усы сэръ Уильфрида почти коснулись его уха.

— Я бесѣдовалъ съ mademoiselle Жюли.

— Я такъ и думалъ. Надѣюсь, этотъ разговоръ имѣлъ благіе результаты.

— Сомнѣваюсь. Джэкобъ! между нами, маленькая герцогиня вела себя не очень-то умно.

— Пожалуй,—неохотно согласился Делафилдъ.

— Я полагаю, ей извѣстно, что онѣ въ родствѣ между собой?

— Конечно. Не очень близкомъ родствѣ. Братъ леди Розы былъ женатъ на теткѣ Эвелины—на сестрѣ ея матери.

— Да—именно. Она и mademoiselle Жюли могли бы звать одного и того же человѣка дядей, но, за несоблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей, этого нѣтъ. Кстати, что случилось съ младшей сестрой леди Розы?

— Съ леди Бланшъ? О, она вышла замужъ за сэръ Джона Моффата и уже нѣсколько лѣтъ вдовѣтъ. Онъ оставилъ ей помѣстье въ Вестморландѣ; тамъ она по большей части и живетъ со своей дочерью.

— Mademoiselle Жюли когда-нибудь встрѣчалась съ ними?

— Нѣтъ.

— Но говоритъ о нихъ?

— Да. Впрочемъ, мы не многое могли сообщить ей, кромѣ того, что ея кузина въ прошломъ году была представлена ко двору и танцевала на нѣсколькихъ балахъ. Ни мать, ни дочь не любятъ Лондона.

— Леди Бланшъ Моффатъ, леди Бланшъ Моффатъ? — повторялъ сэръ Уильфридъ, что-то соображая.—Не были онѣ въ Индіи этой зимой?

— Были. Онѣ, если не ошибаюсь, поѣхали туда въ ноябрѣ, а вернулись въ апрѣлѣ.

— Кто-то мнѣ рассказывалъ, что видѣлъ ихъ въ Пешаверѣ, а потомъ въ Симлѣ, — припоминалъ сэръ Уильфридъ. Дѣвушка — богатая наслѣдница и прехорошенькая. Ага! теперь помню! — мнѣ говорили, что за ней ухаживаетъ этотъ вашъ Уорквортъ.

— Уорквортъ? — Делафилдъ вдругъ остановился, и сэръ Уильфридъ замѣтилъ, какъ у него сдвинулись брови.—Ну, это, само собой, просто индійскія сплетни.

— Не думаю, — сухо сказалъ сэръ Уильфридъ. — Мнѣ говорили это два офицера пограничной стражи, недавно ѣздившихъ въ Пешаверъ — мы вмѣстѣ ѣхали отъ Египта; оба славные малые, — совѣмъ не изъ тѣхъ, которые зря болтаютъ о женщинахъ.

Делафилдъ промолчалъ. Они уже вошли въ домъ и поднимались по широкой, плохо освѣщенной лѣстницѣ, въ номеръ сэръ Уильфрида.

Здѣсь было свѣтло и уютно. Лакей сэръ Уильфрида, такой же старикъ, какъ и самъ онъ, любовно ухаживалъ за своимъ господиномъ, принесъ ему домашній смокингъ, предложилъ Делафилду сигаръ, а сэръ Уильфриду — странно сказать — подалъ большую чашку чаю.

— Я иду по стопамъ Гладстона,—сказалъ сэръ Уильфридъ со вѣдомомъ облегченія, опускаясь въ покойное кресло и кладя на рѣшетку камина небольшія красивыя ноги.—Послѣ чашки чаю въ полночь никакіе министерскіе кризисы не мѣшали ему спать своимъ праведника. Я пытаюсь жить по его рецепту.

— И увлекаетесь политикой?

— Ну знаете, Джэкобъ, если вы хотите изловить меня, совѣтую вамъ выбирать знакомые пути. Я просто завидую физической бодрости м-ра Гладстона и стараюсь слѣдовать его примѣру. Кстати Джэкобъ, что вы знаете объ Уорквортѣ?

— Объ Уорквортѣ?—Делафильдъ положилъ сигару и, видимо, обдумывалъ свой отвѣтъ.—Да то же, что и всѣ.

— Гмъ... вы только что были, повидимому, твердо увѣрены, что онъ не женится на миссъ Моффатъ.

— Увѣренъ? Я ни въ чемъ не увѣренъ, — медленно выговорилъ молодой человѣкъ.

— Видите ли, мнѣ хотѣлось бы знать, почему mademoiselle Жюли такъ интересуется этимъ юнымъ воиномъ.

Делафильдъ смотрѣлъ въ огонь.

— Развѣ она имъ интересуется?

— Да вѣдь она, говорятъ, готова перевернуть небо и землю, чтобы добыть ему то, что ему надо. Кстати, что собственно ему надо?

Делафильдъ отвѣтилъ не сразу.

— Насколько я понимаю, онъ добивается быть посланнымъ во главѣ особаго посольства въ Мокембе. Но этого добиваются и другіе.

— Само собой! — Сэръ Уильфридъ задумчиво кивнулъ головой. — Значитъ посольство все таки будетъ отправлено. Ну что-жъ, пора. Изъ другихъ европейскихъ странъ туда ужъ засылали гонцовъ... Джэкобъ! а все-таки ваша mademoiselle немножко интриганка.

Делафильдъ нетерпѣливо двигался на стулѣ.

— Почему вы это говорите?

— Во всякомъ случаѣ, искренность не принадлежитъ къ числу ея характерныхъ чертъ. Я попробовалъ было разспросить ее объ этомъ человѣкѣ. Я видѣлъ ихъ вмѣстѣ въ паркѣ; они разговаривали, какъ близкіе друзья. Такъ что, когда у насъ съ ней тоже пошла дружеская бесѣда, я закинулъ удочку, разъ-другой только чтобы посмотреть, что она за человѣкъ. Но!—Онъ подергалъ себя за усы и усмѣхнулся.

— Но?!

— Она провела меня, Джэкобъ. Но только она перестаралась. Для такой умной женщины, какъ она, увѣряю васъ, Джэкобъ, она перешла мѣру.

— Я не вижу, почему она обязана рассказывать всѣмъ и каждому, съ кѣмъ она дружна и съ кѣмъ нѣтъ,—съ внезапной горячностью воскликнулъ Делафильдъ.

— А! такъ вы признаете, что они дружны между собою.

Делафильдъ не отвѣтилъ. Онъ бросилъ сигару и, положивъ руки на колѣни, пристально смотрѣлъ въ огонь, но не въ мечтательной позѣ, а скорѣе, какъ человѣкъ, напряженно прислушивающійся.

— Какъ же это надо понимать, Джэкобъ, когда молодая женщина принимаетъ такое живое участіе въ судьбѣ молодого офицера— между нами, я слышалъ, что она употребляетъ всѣ усилія, чтобы помочь ему добиться своего—и въ то же время скрываетъ это.

— А развѣ ей нужно, чтобы всѣ говорили о ея добротѣ? Мнѣ кажется, она была совершенно въ правѣ уклониться отъ отвѣта на вашъ вопросъ, сэръ Уильфридъ. Одна изъ тайнъ ея вліянія именно въ томъ, что она можетъ оказать услугу и держать это въ секретѣ.

Сэръ Уильфридъ покачалъ головой.

— Все-таки она перестаралась!.. А какого мнѣнія объ этомъ господинъ вы сами, Джэкобъ?

— Какъ сказать, я не особенно ему симпатизирую,—неохотно отозвался Делафильдъ.—Онъ не въ моемъ духѣ.

— А mademoiselle Жюли? О ней вы самого лучшаго мнѣнія? Въ ней вы не находите никакихъ недостатковъ?.. Я не люблю пересудовъ о женщинахъ, но вы видите, когда приходится имѣть дѣло съ леди Генри, надо чувствовать подъ ногами твердую почву.

Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника и придвинулъ ноги поближе къ огню. Свѣтъ лампы падалъ прямо на его шелковистыя рѣсницы и бороду, на красивый проборъ, игралъ на бриліантѣ украшавшемъ изящную лѣвую руку. Поза молодого человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, была далеко не такъ непринужденна; онъ все время нервно ёрзалъ на мѣстѣ.

— Я думаю, сэръ Уильфридъ,—съ жаромъ началъ онъ,—что ей живется очень тяжело, что ея требованія вполне благоразумны, и если она сбита васъ со слѣду относительно Уоркворта, то она была въ своемъ правѣ. Вы, по всей вѣроятности, заслужили это!

Онъ вызывающе вскинулъ голову. Сэръ Уильфридъ пожалъ плечами.

— Даю вамъ слово, что нѣтъ. Впрочемъ, все равно! Расскажите лучше о себѣ, Джэкобъ. Что вы дѣлаете въ Эссексѣ?

Выраженіе лица и поза молодого человѣка сразу измѣнились. Онъ съ невольнымъ вздохомъ облегченія откинулся на спинку кресла.

— Что-жъ, имѣніе большое. Дѣла достаточно.

— Вы живете совсѣмъ одни?

— Да. Въ маленькомъ домикѣ управляющаго—въ одной изъ деревень.

— Какъ же вы развлекаетесь? Тамъ, должно быть, хорошая охота?

— Слишкомъ хорошая. Мнѣ одному всего не перестрѣлять.

— Играете въ мячи?

— О да. Тамъ есть хорошіе партнеры,—отвѣтъ звучалъ довольно равнодушно.

— Поди, и филантропией занимаешься?

Делафильдъ засмѣялся.

— Надо же что-нибудь дѣлать... Это льститъ тщеславію.

— Что же—клубъ, общества трезвости и все такое. Вы дѣйствительно способны интересоваться народомъ?

Делафильдъ медлилъ отвѣтомъ, какъ будто ему непріятно было сознаться.

— Что вы хотите? Больше вѣдь и нечѣмъ интересоваться, не правда ли? Однако,—онъ вдругъ вскочилъ на ноги, мнѣ пора пожелать вамъ спокойной ночи. Завтра мнѣ надо подняться чуть свѣтъ; я долженъ ѣхать съ первымъ утреннимъ поѣздомъ.

— Въ чемъ дѣло?

— О, ничего особеннаго. Тамъ есть одинъ бѣднякъ,—больной старикъ, котораго двѣ негодяйки упрятали въ богадѣльню при рабочемъ домѣ противъ его воли. Я узналъ объ этомъ только сегодня. Надо ѣхать выручать его.—Онъ искалъ глазами свои перчатки и палку.

— Почему же ему и не быть въ богадѣльнѣ?

— Потому что это прямо постыдно. Это старикъ-крестьянинъ, скопившій маленькій капиталецъ. Онъ держалъ деньги при себѣ, въ своемъ коттеджѣ, и какой-то бродяга обокрасть его. Это двѣ женщины, его невестка и дочь ея, жили съ нимъ много лѣтъ. Пока у него были деньги, онѣ баловали его напропаую. А теперь, когда онъ сразу обѣднѣлъ и вдобавокъ чуть не умеръ отъ испуга, онѣ и слышать не хотятъ о томъ, чтобы кормить его и смотрѣть за нимъ. Онъ меня какъ-то увѣрялъ, что онѣ хотятъ упрятать его въ богадѣльню,—я не вѣрилъ. А пока я былъ въ отъѣздѣ, онѣ взяли и сдѣлали это.

— Что же вы сдѣлаете?

— Возьму его оттуда.

— А затѣмъ?

Делафильдъ колебался.

— А затѣмъ, я полагаю, онъ можетъ жить у меня, пока я не найду какой-нибудь доброй женщины, которая бы согласилась ходить за нимъ.

Сэръ Уильфридъ всталъ.

— Надо будетъ какъ-нибудь заѣхать навѣстить васъ. Надѣюсь, у васъ тамъ нищѣ не во всѣхъ спальняхъ?

Делафильдъ усмѣхнулся.

— У меня превосходный поваръ и прехорошенькая усадьба, смѣю васъ увѣрить. Пожалуйста, пріѣзжайте. Но я и такъ скоро васъ увижу. Я буду здѣсь на будущей недѣлѣ и очень возможно, что буду у леди Генри въ пятницу.

— Отлично. Я увижу её въ воскресенье, такъ что...

— Только въ воскресенье!—Делафильдъ опустил глаза; онъ былъ, видимо, недоволенъ сэръ Уильфридомъ.

— Раньше невозможно. Завтра и въ субботу у меня куча обязательныхъ визитовъ. Еще одно слово, Джэкобъ, сдерживайте вы герцогиню. Ей, пожалуй, придется отказаться отъ участія mademoiselle Жюли въ ея базаръ.

— Я скажу ей.

— Кстати, что эта маленькая женщина счастлива? — спросилъ сэръ Уильфридъ, отворяя дверь уходящему гостю.—Когда я уѣзжалъ изъ Англіи, она только что вышла замужъ.

— О, да! довольно счастлива, хотя Кроуборо все-таки оселъ.

— Почему собственно?

Делафильдъ улыбнулся.

— Да такъ вообще. Несносный онъ человѣкъ. Онъ воображаетъ, что герцоги всё необычайно интересны уже потому, что они герцоги, оттого съ нимъ и скучно.

— Берегитесь, Джэкобъ! Кто знаетъ, не будете ли вы сами когда-нибудь герцогомъ.

— Что вы хотите сказать?—Молодой человѣкъ гнѣвно сверкнулъ глазами.

— Я слышалъ, что сынъ Чадлея жалкое созданіе,—серьезно выговори́лъ сэръ Уильфридъ.—Леди Генри не надѣется, чтобы онъ выжилъ.

— Ну, вотъ еще! такіе-то и живутъ! А леди Генри готова всякаго похоронить! Она воображаетъ, что всё умерли или умираютъ, кромѣ нея самой. Мервинъ за этотъ годъ очень окрѣпъ въ сравненіи съ прошлымъ годомъ. Нѣтъ, право, леди Генри...

Онъ даже не могъ докончить фразы; его голосъ перешелъ въ гнѣвный крикъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—усмѣхался сэръ Уильфридъ...—Человѣкъ, произведенный въ герцоги противъ его воли etc., etc. Спокойной ночи, милый мой Джэкобъ. Добраго здоровья вашему старику нищему.

Делафильдъ, уже спускавшійся съ лѣстницы, вдругъ остановился.

— Слушайте,—началъ онъ неуверенно,—а вы не забудете переговорить съ леди Генри?

— Нѣтъ, нѣтъ! Въ воскресенье, навѣрное, честное слово. О! я увѣренъ, что мы это уладимъ.

Делафильдъ сбѣжалъ съ лѣстницы, а сэръ Уильфридъ вернулся въ темную комнату, къ своей чашкѣ чая.

Спрашивается, влюбленъ онъ въ нее и колеблется, боясь скомпрометировать себя въ глазахъ свѣта? Или онъ ревнуетъ къ этому Уоркворту. Или же она его прогнала, и оба скрываютъ это? Нѣтъ, это едва ли! Передъ нимъ открываются такіе горизонты... А ей, на-

вѣрное, хочется урегулировать свое положеніе. Или онъ зовсе не влюбленъ въ нее?

Нѣсколько колоколовъ заразъ загудѣли, возвѣщая полночь, а сэръ Уильфридъ все еще не нашелъ отвѣта на эти вопросы. У него осталось только одно положительное впечатлѣніе, что Джэкобъ Делафилдъ какъ-то выросъ, неуловимо и въ то же время необычайно, за тѣ годы, что Бери провелъ въ Персіи. Сэръ Уильфридъ былъ близкимъ другомъ его покойнаго отца, лорда Губерта, и очень хорошъ съ его матерью, женщиной флегматической и добродушной. Кстати, она еще жива и живетъ въ Лондонѣ съ дочерью. Надо будетъ съѣздить—поядаться.

Что касается Джэкоба, сэръ Уильфридъ питалъ къ нему большую слабость, когда онъ учился въ Итонѣ, особенно, когда мальчикъ, постаравшись, попалъ въ первый десятокъ. Въ Оксфордѣ онъ, по мнѣнію сэръ Уильфрида, какъ-то ступевался, сталъ тяжеловѣснымъ, соннымъ, инертнымъ, какъ мать, безъ ея добродушія, слишкомъ увальнемъ для того, чтобы отличаться въ крикетѣ, слишкомъ лѣнивымъ для того, чтобы добиваться школьныхъ наградъ. Друзья у него, положимъ, всегда водились, но для большинства изъ нихъ онъ былъ загадкой и какъ будто немножко въ тягость себѣ самому.

И вотъ теперь изъ этого неуклюжаго юноши вышелъ мужчина, въ которомъ сэръ Уильфридъ, хорошо знающій весь его родъ, находилъ много яркихъ наслѣдственныхъ чертъ, еще безформенныхъ, но ищущихъ выраженія.

«Какъ онъ на меня поглядѣлъ, когда я заговорилъ о герцогствѣ, точь-въ-точь его покойный отецъ!..»

Его отецъ? Губертъ Делафилдъ былъ упрямой, жаждущей опасности, героической натурой, онъ и погибъ-то, спасая жизнь мальчику, упавшему въ рѣку. Его много ненавидѣли и много любили; онъ былъ способенъ на самыя противоположныя вещи. Онъ женился изъ-за приданаго, часто хвасталъ этимъ и въ то же время способенъ былъ отдать, не задумываясь, послѣдній фартингъ тому, кто сумѣлъ затронуть его чувства. Даровитъ онъ былъ несомнѣнно, но не въ такой степени, какъ покойный герцогъ, его отецъ.

«Насколько я припоминаю, Губертъ Делафилдъ никогда не былъ счастливъ», думалъ сэръ Уильфридъ, глядя въ огонь, «и у мальчика въ лицѣ то же выраженіе. Эта женщина въ Брутонъ-стритѣ совсѣмъ не подходитъ къ нему, не говоря уже о другихъ неудобствахъ. Ему надо тихую, кроткую дѣвушку. А впрочемъ, кто его знаетъ. Эти Делафилды никогда ничѣмъ не довольны. Если вы ихъ станете мучить, они, пожалуй, полюбятъ васъ. Имъ нужно что-нибудь твердое, во что можно было бы вцѣпиться зубами. Какъ старый герцогъ обожалъ свою злую жену».

Въ воскресенье сэръ Уильфриду удалось попасть къ леди Генри

только подъ вечеръ; когда онъ вошелъ въ гостиную, она была уже полна, и ему пришлось ждать очереди.

Леди Генри встрѣтила его рѣзкимъ: «Наконецъ», чѣмъ онъ, однако, ни мало не былъ смущенъ. Онъ вовсе не опоздалъ. Въ четвергъ, прощаясь съ нею, онъ просилъ разрѣшенія придти попозже.

— Дайте мнѣ сначала немножко изучить положеніе и, ради Бога, не относитесь ко всему этому трагически!

Въ первыя минуты онъ не могъ рѣшить, какъ настроена леди Генри—трагически или нѣтъ. Она уже не пряталась въ задней гостиной. Ея кресло поставили въ большой комнатѣ, и она являлась центромъ группы, оживленно обсуждавшей послѣднія событія въ парламентѣ, смакуя каждую подробность, какъ люди, хорошо знакомые съ личностями, о которыхъ шла рѣчь. Она, повидимому, чувствовала себя недурно, во всякомъ случаѣ, болѣе въ своей тарелкѣ и ей было веселѣе, чѣмъ въ прошлую пятницу. Всѣ характерныя черты, выдвигавшія ее въ обществѣ на первый планъ, были налицо: прямота и свобода, даже нѣкоторая рѣзкость сужденій, благодаря чему ея собесѣдники-мужчины смотрѣли на нее, какъ на товарища, трезвый мужской умъ, находчивость, остроуміе и въ то же время подчасъ чисто женскія выходки и капризы.

Кромѣ нея, женщинъ было мало. Леди Генри не любила, чтобы у нея по воскресеньямъ бывали дамы и не давала себѣ труда скрывать это. Но mademoiselle Жюли сидѣла за чайнымъ столикомъ и съ нею сѣдовласый генералъ, въ которомъ сэръ Уильфридъ призналъ счастливца, недавно назначеннаго на очень высокій постъ въ военномъ министерствѣ. Чай былъ уже разлитъ, и mademoiselle Ле-Бретонъ показывала генералу папку съ фотографіями, которыми старикъ былъ, повидимому, очень заинтересованъ.

— Я пришелъ слишкомъ поздно для того, чтобы получить чашку чая?—спросилъ сэръ Уильфридъ, когда она привѣтливо поздоровалась съ нимъ. А это что за картинки?

— Это фотографическіе снимки Кхалбара и Тираха,—объяснила mademoiselle Ле-Бретонъ.—Капитанъ Уорквортъ принесъ показать ихъ леди Генри.

Сэръ Уильфридъ взглянулъ.

— А! арена его подвиговъ! Молодой человекъ, говорятъ, отличался здѣсь.

— И даже очень!—съ жаромъ подтвердилъ генералъ.—Онъ малый съ головой, ну и везетъ ему тоже.

— Вотъ везетъ, говорятъ, ему очень,—сказалъ сэръ Уильфридъ, принимая чашку изъ рукъ mademoiselle.—Я увѣренъ, что онъ добьется своего. Какъ вы думаете?

— Трудно сказать. Впрочемъ на дѣльныхъ людей вездѣ спросъ,—улыбнулся генералъ.

— Кстати, я слышалъ его имя вчера вечеромъ въ связи съ разговорами объ этомъ посольствѣ въ Мокембе,—продолжалъ сэръ Уильфридъ, накладывая себѣ пирога.

— О, это еще не рѣшено,—сухо сказалъ генералъ.—Торопиться некуда; недѣлку-другую еще можно подождать. Само собой нужно туда отправить вполнѣ надежнаго человѣка.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ сэръ Уильфридъ.

Его забавляло наблюдать за mademoiselle Ле-Бретонъ. Она уже не была блѣдна; при первомъ же словѣ генерала яркая краска прилила къ ея щекамъ. Сэръ Уильфриду казалось, что она нарочно наклонилась надъ фотографіями, чтобы скрыть это.

Генералъ всталъ. Онъ былъ высокій, худой, съ военной осанкой, съ сѣдыми волосами, свѣсившимися на лобъ, съ двумя яркими пятнами румянца на впалыхъ щекахъ.

Теперь онъ былъ совсѣмъ другой, чѣмъ нѣсколько минутъ тому назадъ въ разговорѣ съ mademoiselle Ле-Бретонъ—немного хмурый, натянутый, снова важный чиновникъ и великій человѣкъ.

— Спокойной ночи, сэръ Уильфридъ, мнѣ пора.

— Какъ поживаютъ ваши сыновья? сказалъ сэръ Уильфридъ, вставая.

— Старшій въ Канадѣ съ своимъ полкомъ.

— А младшій?

— Младшій вступилъ въ духовное званіе.

— И надрывается на работѣ въ Истъ-Эндѣ, какъ, кажется, всѣ наши молодые священники?

— Именно такъ оно и было. Но теперь ему благодаря Бога предложили деревенскій приходъ, и мы съ матерью убѣдили его принять предложеніе.

— Деревенскій приходъ,—гдѣ?

— Въ Шропшайрѣ, въ одномъ изъ помѣстій герцога Кроуборо.—Генералъ чуть-чуть замедлилъ отвѣтомъ. Mademoiselle Ле-Бретонъ отошла и укладывала фотографіи въ ящикъ шифоньерки, стоявшей поодаль.

— А! У Кроуборо? Что-жъ, надѣюсь, въ этомъ приходѣ есть и доходы?

— Ничего, по нынѣшнимъ временамъ жить можно,—улыбаясь, сказалъ генералъ.—У насъ съ женой точно камень съ души свалился. У него грудь слабовата, появились кое-какіе подозрительные симптомы—мать встревожилась... Герцогиня была чрезвычайно добра, она такъ заинтересовалась нашимъ мальчикомъ и...

— Если женщина захочетъ, такъ всегда добьется своего. Ну что-жъ, надѣюсь, вашъ сынъ останется доволенъ. Спокойной ночи, генералъ. Вы мнѣ позволите какъ-нибудь утромъ заглянуть къ вамъ въ военное министерство?

— Непремѣнно заходите.

И старый солдатъ, загорѣлое лицо котораго вдругъ смягчилось, когда онъ заговорилъ о сынѣ, протиснулся и вышелъ. Сэръ Уильфридъ задумался, разсѣянно слѣдя глазами за граціозной фигурой *mademoiselle* Ле-Бретонъ, которая, закрывъ ящикъ, вернулась къ нему.

— Вы знаете сыновей генерала?—спросилъ онъ ее, когда она налила ему вторую чашку чая.

— Я видѣла младшаго.

Она подняла на него свои дивные глаза. Сэръ Уильфриду показалось, что въ нихъ промелькнула тревога и вызовъ, какъ будто она вся подтянулась и приготовилась къ нападенію. Но самообладаніе ни на минуту не измѣнило ей.

— Леди Генри какъ будто лучше настроена,—сказалъ онъ, наклонившись къ ней.

Жюли не сразу отвѣтила. Она опустила глаза, затѣмъ опять подняла ихъ и, не говоря ни слова, тихонько покачала головой. Въ выраженіи ея лица было столько грустной энергіи, что у него дрогнуло сердце.

— Значитъ, дѣло такъ же плохо, какъ и прежде?—спросилъ онъ шопотомъ...

— Нехорошо. Я пыталась умиловить ее. Я сказала ей про базаръ. Она говоритъ, что она не можетъ обойтись безъ меня. Конечно, я уступила, но вчера герцогиня... тсс!

— *Mademoiselle!*—донесся съ другого конца гостиной властный голосъ леди Генри.

— Здѣсь, леди Генри.

Mademoiselle Ле-Бретонъ поднялась съ мѣста

— Найдите мнѣ пожалуйста книжку «*Revue des deux mondes*»—ту, что принесли вчера. Я вамъ докажу это въ двѣ минуты,—продолжала она, торжествующе поворачиваясь къ Монтрезору, сидѣвшему направо отъ нея.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ сэръ Уильфридъ, присоединяясь къ кружку леди Генри, между тѣмъ какъ *mademoiselle* Ле-Бретонъ скрылась въ сосѣдней гостиной.

— О пустяки,—спокойно сказалъ Монтрезоръ.—Леди Генри думаетъ, что она поймала меня на ошибкѣ—относительно Фавра и переговоровъ въ Версалѣ. Пожалуй, что такъ, я по этой части страшный невѣжда.

— Что же тогда намъ-то, бѣднымъ, говорить?—улыбнулся сэръ Уильфридъ, садясь возлѣ хозяйки. Монтрезоръ, обладавшій поразительно разносторонними свѣдѣніями чуть не по всѣмъ предметамъ, усмѣхнулся и поправилъ стеклышко въ глазу. Эти словесныя битвы между нимъ и леди Генри изъ-за числа или какой-нибудь детали были дѣломъ обычнымъ. Леди Генри рѣдко выходила изъ нихъ побѣдительницей. На этотъ разъ, однако, она была увѣрена въ своей правотѣ и сидѣла нахмурившись, нетерпѣливо дожидаясь книги, которая не являлась.

Mademoiselle Ле-Бретонъ вернулась изъ сосѣдней гостиной съ пустыми руками, пошла еще куда-то и опять вернулась безъ книги.

— Въ этомъ домѣ всегда все вверхъ дномъ,—сердито сказала леди Генри.—Ни порядка, ни методы!

Mademoiselle Жюли ничего не сказала. Она отошла отъ группы разговаривающихъ, но Монтрезоръ вскочилъ и предложилъ ей свой стулъ, любезно говоря:

— Я желалъ бы имѣть васъ секретаремъ, mademoiselle. Мнѣ еще не случалось слышать, чтобы леди Генри спрашивала у васъ что-нибудь, чего вы не могли бы найти.

Леди Генри вспыхнула и, круто повернувшись къ Бѣри, заговорила о другомъ. Жюли спокойно отказалась отъ предложеннаго ей стула и пошла къ оттоманкѣ, стоявшей въ глубинѣ комнаты, когда дверь распахнулась и лакей доложилъ:

— Капитанъ Уорквортъ.

ГЛАВА VI.

Глаза всѣхъ обратились на новаго гостя. Монтрезоръ надѣлъ очки и нѣсколько мгновеній испытующе смотрѣлъ на него, причемъ лицо министра,—это суровое лицо съ рѣзкими, крупными чертами,—приняло выжидающее боевое выраженіе, хорошо знакомое его подчиненнымъ и палатѣ общинъ.

Что касается сэръ Уильфрида Бѣри, онъ былъ пораженъ красотою молодого человѣка. «Генрихъ въ молодости и въ бобровой шапкѣ», подумалъ онъ, любуясь противъ воли высокимъ стройнымъ офицеромъ, который низко склонился передъ леди Генри, поздоровался съ остальными, каждому сказавъ два-три слова и занявъ мѣсто рядомъ съ хозяйкой.

— Что, пришли за вашими письмами?—сказала леди Генри, глядя на него съ угрюмой лаской.

— Мнѣ кажется, я пришелъ просто побесѣдовать,—смѣясь, отвѣтилъ Уорквортъ и въ первый разъ посмотрѣлъ на леди Генри, а затѣмъ и на остальныхъ.

— Въ такомъ случаѣ боюсь, что вы не найдете того, чего ищете,—сказала леди Генри, откидываясь на спинку кресла.—Мистеръ Монтрезоръ способенъ только спорить и противорѣчить.

Монтрезоръ въ изумленіи поднялъ руки.

— Будь я Эзопомъ,—сказалъ онъ, лукаво улыбаясь,—я бы прибавилъ еще кусочекъ къ знаменитой баснѣ. Попрошу замѣтить! Даже и послѣ того, какъ ягненокъ былъ съѣденъ, волкъ все еще клеветаетъ на него! Ну ладно, ладно! Mademoiselle придите утѣшить меня, расскажите мнѣ, какія еще новыя безумства затѣваетъ герцогиня.

Говоря это, старикъ все отодвигалъ и отодвигалъ свое кресло, пока

не очутился рядомъ съ Жюли Ле-Бретонъ, и тотчасъ же между ними завязался оживленный разговоръ.

Сэръ Уильфридъ, капитанъ Уорквортъ и нѣсколько другихъ habitués прилагали всѣ старанія чтобы развлечь леди Генри. Но это было не легко. Брови ея хмурились, голосъ звучалъ принужденно. Сэръ Уильфридъ замѣтилъ, что она все время съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивается къ разговору на другомъ концѣ комнаты. Она не могла ни видѣть, ни слышать бесѣдующихъ, но въ то же время ревниво сознавала ихъ близость. Что касается Монтрезора, въ его теперешнемъ ухаживаніи за mademoiselle Жюли, несомнѣнно, была примѣсь лукавства. Леди Генри все утро была колка и насмѣшлива; даже по отношенію къ своему старому другу она перешла границы, и быть можетъ, онъ хотѣлъ дать ей понять это.

Mademoiselle Жюли въ первый моментъ угнетенная и сдержанная, скоро забылась и увлеклась разговоромъ. Отдаваясь собственнымъ инстинктамъ, власти собственныхъ дарованій, она вела разговоръ, переходя съ одной темы на другую, блистая остроуміемъ и увлекая за собой своего собесѣдника. Знаменитый министръ пришелъ поболтать съ леди Генри, какъ онъ уже много лѣтъ подъ рядъ приходилъ по воскресеньямъ, но его вниманіе было отдано не леди Генри, а ея компаньонкѣ; въ ея бесѣдѣ онъ нашелъ наслажденіе и ради нея придетъ сюда снова. Безъ сомнѣнія, леди Генри сама виновата; но сэръ Уильфридъ Бѣри, съ неприятнымъ чувствомъ сознавая, какая буря кипитъ въ груди надменнаго существа, сидящаго съ нимъ рядомъ, былъ склоненъ больше жалѣть старуху, чѣмъ восхищаться молодой. Наконецъ, леди Генри почувствовала, что не въ силахъ выносить этого дольше.

— Mademoiselle, будьте такъ добры вернуть капитану Уоркворту письма его отца,—сказала она рѣзко и сухо, какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ Монтрезоръ закинулъ назадъ голову и скрестивъ ноги, собирался излить по секрету на ухо своей собесѣдницѣ всю исторію своего назначенія министромъ три года тому назадъ. Жюли Ле-Бретонъ моментально поднялась съ мѣста и перешла на другой конецъ гостиной; капитанъ Уорквортъ послѣдовалъ за ней. Монтрезоръ, быть можетъ, немножко раскаяваясь, вернулся къ леди Генри, и хотя она встрѣтила его очень холодно, кругъ возлѣ нея, къ которому теперь примкнули еще Мередитъ и два, три новыхъ гостя, былъ восстановленъ. Съ усиленіемъ, замѣтнымъ только Бѣри, она приложила всѣ старанія, чтобъ овладѣть разговоромъ, заинтересовавъ собесѣдниковъ, и это ей удалось.

Бѣри только что далъ своимъ слушателямъ очень удачный очеркъ общественной дѣятельности и особенностей характера шаха; среди одобрятельнаго смѣха слушателей, доказывавшаго, что его эпиграммы были оцѣнены по достоинству, онъ случайно посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ на низенькомъ диванчикѣ сидѣла Жюли Ле-Бретонъ.

Улыбка застыла у него на губахъ. Словно ледяной волной обдало его—такъ трагично было это мимолетное впечатлѣніе. Онъ отвернулся, ему стало стыдно, что онъ случайно видѣлъ то, чего ему не слѣдовало видѣть, и онъ съ облегченіемъ прислушивался къ веселымъ шуткамъ, вызваннымъ его же разсказомъ. Что же онъ собственно видѣлъ? Только или главнымъ образомъ женское лицо. Уорквортъ стоялъ возлѣ диванчика, на которомъ сидѣла компаньонка леди Генри, заложивъ руки въ карманы и наклонивъ къ ней свою красивую голову. Они говорили съ увлеченіемъ, совершенно позабывъ объ остальныхъ и, по-видимому, позабытые ими. Онъ былъ какъ будто нѣсколько смущенъ, не находилъ словъ, не подымалъ глазъ отъ пола. Жюли Ле-Бретонъ, наоборотъ, смотрѣла на него, вкладывая всю душу въ этотъ взглядъ всю свою пылкую, несчастную душу—и забывъ обо всемъ на свѣтѣ.

«Господи Боже! да она влюблена въ него!» было первой мыслью сэра Уильфрида. «Бѣдная! бѣдная!»

Къ семи часамъ всѣ гости разошлись; остался только сэръ Уильфридъ. Mademoiselle Ле-Бретонъ ушла въ свою комнату. Они были одни съ леди Генри.

— Затворите двери!—сказала она повелительно, оглядываясь вокругъ, какъ только скрылся послѣдній гость.—Мнѣ надо переговорить съ вами наединѣ. Я слышала, что вы давеча возвращались домой отъ Кроуборо съ... съ этой женщиной!

Тонъ ея не поддавался описанію. Она круто повернулась къ сэру Уильфриду и такъ порывисто расправила рукой складки своего толстаго шелковаго платья, словно хотѣла не разглядеть, а разорвать его, чтобы дать исходъ бурѣ, бушевавшей въ ея груди.

Сэръ Уильфридъ сидѣлъ возлѣ нея, заложивъ ногу на ногу, сближивъ кончики пальцевъ, полуупустивъ бѣлокурыя рѣсницы—спокойствіе рядомъ съ бурей.

— Мнѣ больно слышать отъ васъ такія рѣчи,—выговорилъ онъ серьезно, помолчавъ.—Да, я говорилъ съ ней. Она была со мной въ общемъ очень откровенна. Мнѣ кажется, она вполне сознаетъ, что ея поведеніе не всегда было такимъ, какимъ бы ему слѣдовало быть, и искренно жаждетъ поправить дѣло. Я старался, какъ могъ, примирить ее съ вами. Что она съ тѣхъ поръ ничѣмъ не показала вамъ, что раскаивается, не дѣлала вамъ никакихъ авансовъ?

Леди Генри презрительно махнула рукой.

— Она призналась мнѣ, что обѣщала посвятить большую часть времени, за которое я плачу ей, базару Эвелины Кроуборо, и спросила, какъ ей быть, можетъ ли она продавать. Я, разумѣется, сказала ей, что не допущу ничего подобнаго.

— Такъ что ея исповѣдь скорѣе досадила вамъ, чѣмъ умиластивила васъ?—Сэръ Уильфридъ повелъ плечами.

— Еще бы! Я сразу догадалась, что она это сдѣлала не по собственному побужденію, что это вы ее заставили.

— Чего же вы от меня ждали другого? Дѣйствительно я, кажется, даромъ потратилъ время.

— О, нѣтъ! Вы были очень добры. И вы, пожалуй, могли бы помочь. Я уже начинала нѣсколько раскисаться, когда на сценѣ появилась герцогиня...

«Ахъ, глупышка!» воскликнулъ мысленно сэръ Уильфридъ.

— Само собой, она просила и возмущалась, и предлагала мнѣ свои безцѣнные услуги въ разныхъ пустякахъ, которыхъ мнѣ совѣтъ не нужно, лишь бы я только отпустила ей Жюли на этотъ нелѣпый базаръ. Само собой, я опять на дыбы и высказала ей въ лицо нѣсколько горькихъ истинъ, въ родѣ того, что она сама во многомъ виновата и поставила Жюли въ совершенно ложное положеніе. Она вспыхнула, разгорячилась и наговорила мнѣ разныхъ глупостей о Жюли, между прочимъ показавшихъ мнѣ, что Жюли нарушила свое торжественное обѣщаніе и рассказала свою семейную исторію и Эвелинѣ, и Джэкобу Делафилдъ. Этого одного достаточно, чтобы оправдать меня, если я отошлю ее. *N'est ce pas?*

— О, да!—пробормоталъ сэръ Уильфридъ,—если только вы хотите съ ней разстаться.

— Мы сейчасъ дойдемъ до этого. Представьте себѣ пожалуйста, въ какое положеніе эти ея признанія, если они пойдутъ дальше,—а кто знаетъ, не пошли ли они уже дальше!—могутъ поставить меня! Въ одинъ прекрасный вечеръ старый лордъ Лэдъ, онъ велъ себя поскотски въ отношеніи своей старшей дочери, пока она была жива, но онъ roseur съ головы до пятъ! — въ одинъ прекрасный вечеръ онъ способенъ войти сюда и громогласно потребовать свою внучку, да еще, пожалуй, станетъ вездѣ рассказывать небылицы, будто я дурно обращалась съ ней! Кто можетъ сказать, до какихъ нелѣпостей можетъ дойти, если всѣ узнаютъ, что она дочь леди Розы? Я могу назвать вамъ съ полдюжины людей,—постоянно бывающихъ у меня—которые сочли бы себя оскорбленными, еслибъ знали то, что знаемъ вы и я...

— Оскорбленными?.. потому что ея мать...

— Потому что ея мать согрѣшила противъ седьмой заповѣди? О, Боже мой, нѣтъ! На это въ наше время не очень то обращаютъ вниманіе. Оскорбленными тѣмъ, что ихъ держали въ невѣдѣніи,—вотъ и все. Тщеславіе!—вовсе не нравственность.

— Насколько я могу судить,—раздумчиво выговорилъ сэръ Уильфридъ,—въ тайну посвящены только герцогиня, Делафилдъ, Монтрезоръ и вашъ покорный слуга.

— Монтрезоръ!—виѣ себя воскликнула леди Генри.—Монтрезоръ!

Это для меня ново. О! пусть она уходитъ сейчасъ же, сейчасъ же!—она тяжело дышала.

— Погодите немного. Вы говорили съ Джэкобомъ?

— Разумѣется, нѣтъ! Эвелина, конечно, приплетаетъ его на каждомъ шагу—Джэкобъ то, Джэкобъ это. Онъ, кажется, пришить къ ея юбкѣ. И всѣ трое съ утра до ночи интригуютъ противъ меня. Какъ только Жюли находить для этого время, не представляю себѣ: мнѣ казалось, что у нея весь день наполненъ—такъ я стараюсь занять ее.

Сэръ Уильфридъ все съ тѣмъ же спокойствіемъ наблюдалъ за своей разгнѣванной собесѣдницей.

— Такъ вамъ неизвѣстно, что думаетъ Джэкобъ.

— А зачѣмъ мнѣ это знать? Мальчишка, котораго я на свой счетъ содержала въ Итонѣ и Оксфордѣ, когда его отцу нечѣмъ было платить за ученіе,—не все равно мнѣ, что онъ думаетъ.

«Женщины странный народъ!» подумалъ сэръ Уильфридъ.—«Мужчина ни за что не сказалъ бы этого». И вслухъ онъ прибавилъ:

— Я думалъ, вы больше всего боитесь, какъ бы онъ не женился на ней.

— О! пусть себѣ ломаетъ шею, если ему такъ ужъ этого хочется!—воскликнула леди Генри, съ непослѣдовательностью гнѣва. Развѣ мнѣ не все равно? Мнѣ какое дѣло?

— Кстати,—разъ уже зашла рѣчь объ этомъ,—онъ какъ будто зондировалъ почву. У васъ никогда не было подозрѣній въ другомъ отношеніи?

— Что вы подразумѣваете?

— Да такъ... Я слышалъ изъ разныхъ источниковъ, что mademoiselle Жюли усиленно хлопочетъ за этого юнаго воина, который только недавно вошелъ сюда, Гарри Уоркворта.

Леди Генри нетерпѣливо засмѣялась. Очень возможно. Она жить не можетъ безъ того, чтобы не испытывать на комъ-нибудь своего вліянія. Она прирожденная интриганка. Еслибъ вы знали ее такъ же хорошо, какъ я ее знаю, вы бы не сомнѣвались въ этомъ. Ей нуженъ Джэкобъ, и очень возможно, что она добьется своего. Развѣ я могу помѣшать ей? Что можетъ сдѣлать жалкая слѣпая старуха, какъ я?

— А если она станетъ женой Джэкоба—женой, быть можетъ, главы семьи вы все-таки намѣрены быть съ ней въ ссорѣ?

— Да, я намѣрена быть съ ней въ ссорѣ!—Леди Генри приподнялась въ своемъ креслѣ, блѣдная, дрожащая. Герцогиня или не герцогиня—мнѣ все равно! Вы замѣтили, какъ она дерзко вела себя сегодня? Какъ она захватываетъ моихъ гостей! Какъ она поощряетъ и подстрекаетъ такого человѣка, какъ Монтрезоръ, забываться, издѣваться надо мной въ моей же собственной гостиной!

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы положительно неправы, сказалъ сэръ Уильфридъ; ласково дотрогиваясь до ея руки.—Это была не ея вина.

— Ея вина—что она то, что она есть!—что она вынуждаетъ дѣлать сравненіе между нами—между ею и мною! Что она нестерпимо выдвигаетъ себя впередъ, принимая въ расчетъ, кто она и что она. Что она выставляетъ меня въ самомъ гнусномъ свѣтѣ передъ моими старыми друзьями. Нѣтъ, нѣтъ! Уильфридъ,—ваше первое впечатлѣніе было вѣрное. Я должна заставить себя это сдѣлать, чего бы мнѣ это ни стоило. Она должна уйти, иначе эта борьба окончательно разобьетъ меня физически и нравственно. Такъ волноваться, такъ сердиться въ мои годы—вы сами знаете, это сокращаетъ жизнь.

— А вы не можете справиться съ собою, подавить свой гнѣвъ?—спросилъ онъ съ странной усмѣшкой.

— Нѣтъ, не могу. Это ясно. Она дѣйствуетъ мнѣ на нервы, и я становлюсь просто-на-просто невмѣняемой. *C'est fini!*

-- Все это хорошо, выговорилъ онъ медленно,—но надѣюсь, вы понимаете, что это означаетъ?

— О! я знаю, что у нея куча друзей!—вызывающе кинула леди Генри. Но ея старыя руки дрогнули на коѣннѣхъ.

— Къ несчастью, эти люди въ то же время и ваши друзья. По крайней мѣрѣ, не ссорьтесь со всѣми, кто можетъ выразить ей сочувствіе. Пусть они думаютъ, какъ имъ угодно. Игнорируйте это—будьте великодушны, какъ только можете!

— Напротивъ!—У нея даже губы поблѣднѣли отъ волненія.—Кто пойдетъ съ нею, тотъ противъ меня. Они должны выбрать разъ навсегда!

-- Другъ мой, послушайте, будьте же благоразумны.

И, придвинувшись къ ней совсѣмъ близко, онъ съ полчаса уговаривалъ и убѣждалъ ее. За это время ея волненіе болѣе или менѣе улеглось, гнѣвъ утихъ; ей было немножко стыдно и, какъ ему казалось, она готова была заплакать.

«Когда я уйду, она вспомнить мои слова и подумаетъ надъ ними», рѣшилъ онъ и, поднявшись, началъ прощаться. У нея былъ такой измученный видъ, что ему стало жалко ея; несмотря на всю ея неправоту, онъ ей сочувствовалъ всей душой, и самъ дивился этому! Должно быть, это старость говорила въ обоихъ—старость, возстающая противъ грабящей ее и непокорной молодости. Можетъ быть, именно сознаніе, что и въ немъ говорить то же чувство, въ концѣ концовъ, нѣсколько успокоило ее.

-- Хорошо, я попробую еще—я постараюсь сдерживаться,—угрюмо пообѣщала она.—Но поймите—она не должна продавать на этомъ базарѣ.

— Очень жаль,—былъ наивный отвѣтъ.—Еслибъ вы позволили ей, это выставило бы васъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

— Ничего подобнаго не сдѣлаю! Прощайте, Уильфридъ, спокойной ночи! Вы очень хорошій человѣкъ, и если я смогу послушаться васъ, я слушаюсь.

Нѣсколько времени леди Генри сидѣла одна въ своей ярко освѣщенной гостиной. Она не могла ни читать, ни писать, ни шить по причинѣ своей слѣпоты, и теперь, когда въ ней послѣ возбужденія наступила реакція, она чувствовала себя очень усталой и старой.

Наконецъ, дверь отворилась, и слышались легкіе шаги Жюли Ле-Бретонъ.

— Почитать вамъ?—спросила она мягко.

Леди Генри холодно потребовала «*Observer*» и свое вязаніе. Но лишь только она начала вязать, какъ ея необычайно тонкое осязаніе подсказало ей, что шерсть какъ будто не та, къ какой она привыкла.

— Это не та шерсть, какую я велѣла купить,—сказала она, тщательно ощупывая пальцами мотокъ.—Помните я вамъ дала порученіе докупить мнѣ шерсти въ четвергъ? Что вамъ сказали у Винтона?

Жюли положила газету и въ смущеніи смотрѣла на мотокъ шерсти.

— Я помню, что вы мнѣ дали порученіе, — едва слышно выговорила она.

— Ну и что же? Что вамъ сказали?

— Должно быть, это все, что у нихъ было.

Чуткій слухъ леди Генри уловилъ въ звукѣ ея голоса что-то странное. Она подняла на дѣвушку подозрительное лицо.

— Да вы были ли у Винтона?

— Мнѣ такъ жаль! Туда шла горничная герцогини и она исполнила порученіе за меня. Мнѣ казалось, что я очень тщательно передала ей ваше порученіе.

— Гмъ... такъ вы не были у Винтона. Могу я знать, были ли вы у Шоузе или у Бѣтеона или въ рядахъ, или вообще гдѣ бы то ни было, куда я посылала васъ съ порученіями?—Каждое слово ея рѣзало, какъ ножомъ.

Жюли колебалась. Она сильно поблѣднѣла. Вдругъ лицо ея словно застыло и выразило рѣшимость.

— Нѣтъ,—сказала она спокойно,—я намѣревалась исполнить всѣ ваши порученія. Но Эвелина убѣдила меня посидѣть у нея, пока это сдѣлаетъ ея горничная, и я согласилась.

Леди Генри густо покраснѣла.

— Итакъ, mademoiselle, безъ моего вѣдома вы провели два часа времени, принадлежащаго мнѣ, развѣкаясь въ Кроуборо-гоузѣ. Могу я узнать, что вы тамъ дѣлали?

— Я помогала герцогинѣ въ устройствѣ базара.

— Въ самомъ дѣлѣ? Что же, тамъ былъ еще кто-нибудь? Отвѣчайте мнѣ, mademoiselle!

Жюли снова помедлила отвѣтомъ и снова отвѣтила съ какимъ-то гнѣвнымъ спокойствіемъ:

— Да, тамъ былъ мистеръ Делафилдъ.

— Такъ я и думала! Позвольте мнѣ завѣрить васъ, mademoiselle,—леди Генри встала съ кресла, опираясь на палку, ея лицо дышало гнѣвомъ и грозой,—позвольте васъ завѣрить, что, какіе бы честолюбивые замыслы вы ни питали, Джекобъ Делафилдъ вовсе не такъ простъ, какъ вы воображаете. Я знаю его лучше васъ. Онъ еще подумаетъ, да и подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится взять въ жены женщину съ вашими наклонностями и съ вашимъ прошлымъ!

Жюли Ле-Бретонъ также встала.

— Боюсь, леди Генри, что вы и относительно этого заблуждаетесь,—сказала она спокойнымъ голосомъ, хотя ея худенькая рука, лежавшая на платьѣ, судорожно вздрагивала.—Я не буду женой мистера Делафилда, но не буду потому, что я дважды отказала ему!

У леди Генри захватило духъ отъ удивленія. Она откинулась на спинку кресла, уставившись на свою компаньонку.

— Вы отказали ему?

— Мѣсяцъ тому назадъ и въ прошломъ году. Это ужасно съ моей стороны рассказывать объ этомъ, но вы вынудили меня.—Жюли оперлась, чтобы не упасть, на спинку стариннаго золоченаго стула. Отъ пережитыхъ волненій она была такъ же блѣдна, какъ и леди Генри; но ея красивая голова и хрупкій станъ дышали такою гордою волею, такимъ пылкимъ достоинствомъ, что леди Генри почувствовала себя сраженной.

— Почему вы отказали ему?

Жюли пожала плечами.

— Это, я полагаю, мое дѣло. Но если бы я любила его, я не стала бы справляться съ вашими желаніями, леди Генри.

— Это откровенно и нравится мнѣ больше всего прежняго. Извѣстно ли вамъ, что онъ можетъ сдѣлаться наслѣдникомъ герцогскаго титула?

— Я не разъ слышала это отъ васъ,—холодно отвѣчала Жюли.

Леди Генри долго и зорько смотрѣла на нее. Ей вспоминались слова Уильфида Бери, то, что онъ говорилъ объ Уорквортѣ. Она подумала и вдругъ протянула руку.

— Вы по всей вѣроятности не захотите взять ее, mademoiselle, я должно быть обидѣла васъ. Но вы водили меня за носъ. Во многомъ мы квиты. И все же, признаюсь, я удивляюсь вамъ. Какъ бы тамъ ни было, я протягиваю вамъ руку. Я извиняюсь и беру назадъ свои слова. Не попробовать ли намъ положить оружіе и жить, какъ раньше?

Жюли Ле Бретонъ медленно повернулась и взяла протянутую ей руку, не выказавъ особенной радости.

— Я сердилась васъ,—сказала она и голосъ ея дрогнулъ,—часто сама не знаю, какъ и почему.

Леди Генри втянула въ себя воздухъ.

— О, это, можетъ быть, и не пройдетъ—сказала она, уронивъ руки на колѣни. Но все же, отчего намъ не попробовать? И, mademoiselle, я буду въ восторгѣ, если вы поможете герцогинѣ устроить базаръ.

Жюли покачала головою.

— Врядъ ли у меня хватить духу,—сказала она печально, видя, что леди Генри молчитъ, подошла къ ней ближе.

— У васъ очень усталый видъ. Прислать вамъ горничную?

Этотъ мягкій грустный голосъ произвелъ странное впечатлѣніе на леди Генри. Ея компаньонка предстала передъ ней на мигъ въ новомъ свѣтѣ—героини драмы или романа. Но она стряхнула съ себя чары.

— Пожалуйста, пришлите. Еще одинъ такой день и придетъ мой конецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Марксъ.

(Продолженіе *).

Установивъ понятіе хозяйства, мы можемъ приступить къ критической оцѣнкѣ социальнаго матеріализма. У Энгельса мы часто встречаемъ очень простой аргументъ въ пользу матеріалистическаго пониманія исторіи, сводящійся къ извѣстному изреченію: *primum vivere, deinde philosophare* (раньше, чѣмъ философствовать, нужно жить). Такъ, въ своей біографіи Маркса Энгельсъ говоритъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи, которое онъ называетъ великимъ открытіемъ Маркса, доказывается тѣмъ очевиднымъ фактомъ, «что раньше, чѣмъ бороться изъ-за власти, заниматься политикой, религіей, философіей, люди должны ѣсть, пить, имѣть помѣщеніе и одежду» (цитировано у L. Woltmann. «Der historische Materialismus». 1900. S. 219).

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ Энгельсъ повторяетъ этотъ аргументъ и въ рѣчи надъ могилой Маркса: «Какъ Дарвинъ открылъ законъ развитія органической природы, такъ Марксъ открылъ законъ развитія человѣческаго общества: до сихъ поръ скрываемый подъ идеологическими прикрашиваніями простой фактъ, что люди должны ѣсть, пить, имѣть помѣщеніе и одежду, раньше, чѣмъ заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей, что, слѣдовательно, производство непосредственныхъ матеріальныхъ средствъ къ жизни, а значитъ, и данная ступень экономического развитія народа образуетъ основаніе, изъ котораго развились государственныя учрежденія, правовыя воззрѣнія, искусство и даже религіозныя представленія» (F. Mehring. «Lessing-Legende». S. 434).

Въ предисловіи къ своей книгѣ «Der Ursprung der Familie» Энгельсъ приводитъ критическія замѣчанія Маркса, въ которыхъ утверждается, что матеріалистическое пониманіе исторіи признаетъ господствующимъ моментомъ исторіи «производство средствъ къ жизни, пищи, одежды, жилыхъ помѣщеній и потребныхъ для этого орудій

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль, 1902 г.

труда». Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ Энгельса, опубликованныхъ послѣ его смерти, находимъ слѣдующее опредѣленіе «экономическихъ отношеній»: «подъ экономическими отношеніями, которыя мы признаемъ основой исторіи общества, мы понимаемъ родъ и способъ, которыми люди даннаго общества производятъ свои средства къ жизни и обмѣниваютъ ихъ между собой» (Woltmann, S. 248).

Все это вмѣстѣ дѣлаетъ яснымъ, что Энгельсъ (какъ и Маркъс) отождествляетъ хозяйство съ производствомъ и обмѣномъ лишь части продуктовъ труда, а именно продуктовъ, служащихъ для поддержанія нашей жизни, для удовлетворенія наиболѣе настоятельныхъ, связанныхъ съ самымъ нашимъ существованіемъ, физиологическихъ потребностей, какъ, напр., потребности въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ, жилыхъ помѣщеніяхъ. Мы уже указывали на полную несостоятельность такого пониманія хозяйства.

Творцы социальнаго матеріализма, понимая хозяйство слишкомъ узко, лишили этимъ самымъ свою доктрину прочной основы. Совершенно неправильно дѣлать общественныя потребности на двѣ группы, изъ которыхъ одна группа (потребности въ «средствахъ къ жизни») требуетъ для своего удовлетворенія хозяйственной дѣятельности, а другая группа (такъ называемыя «высшія», духовныя потребности—эстетическія, религіозныя, научныя и пр.) можетъ быть удовлетворяема безъ посредства хозяйства. Нѣтъ, *не существуетъ общественной потребности, отъ самой низшей до самой высшей, въ удовлетвореніи которой хозяйство не играло бы никакой роли.*

Возьмемъ любую изъ такъ называемыхъ высшихъ потребностей—напр., потребность религіозную, научную или эстетическую. Ради удовлетворенія религіозной потребности люди строятъ храмы, являющіеся до настоящаго времени самыми совершенными образчиками архитектурнаго искусства; разнаго рода священные предметы и изображенія точно также суть результаты хозяйственной дѣятельности человѣка, содѣйствующіе удовлетворенію нашей религіозной потребности. Наука еще болѣе опирается на хозяйство. Безъ матеріальнаго базиса, непрерывно создаваемого для науки хозяйствомъ, безъ книгъ, инструментовъ, всевозможныхъ техническихъ приспособленій, которыхъ требуетъ изученіе природы, научное познаніе не только не могло бы развиваться, но не могло бы и возникнуть. Мыслима ли современная астрономія безъ телескопа, химія безъ вѣсовъ, біологія безъ микроскопа, всѣ науки вообще безъ книгъ? А вѣдь телескопъ, вѣсы, книги—суть продукты хозяйственной дѣятельности человѣка. Успѣхи промышленной техники непосредственно вліяютъ на успѣхи науки. Достаточно указать на колоссальный переворотъ не только въ распространеніи, но и въ развитіи научнаго знанія, который былъ произведенъ промышленнымъ техническимъ изобрѣтеніемъ—книгопечатаніемъ.

Это изобрѣтеніе не даромъ ставятъ на ряду съ величайшими со-

бытіями міровой исторіи. На чемъ же основывается его значеніе? На томъ, что оно чрезвычайно удешевило главное матеріальное орудіе распространенія научнаго и всякаго иного познанія—книгу. Книгопечатаніе увеличило производительность хозяйственнаго труда въ той отрасли промышленности, которая создаетъ важнѣйшую матеріальную основу успѣховъ знанія — книгу — и слѣдствія этого измѣненія матеріальной, хозяйственной основы познанія были неисчислимы. Научное познаніе точно такъ же требуетъ орудій труда, какъ и любая отрасль производства. И если согласиться съ Марксомъ, что по орудіямъ производства каждой исторической эпохи можно съ полною увѣренностью судить о характерѣ хозяйства этой эпохи, то почти то же нужно сказать и о наукѣ. Изъ свойствъ научныхъ инструментовъ можно смѣло заключить о состояніи научнаго познанія въ ту или иную историческую эпоху. И такъ какъ, повторяемъ, созданіе научныхъ инструментовъ, какъ и всѣхъ другихъ орудій труда, есть нераздѣльная часть хозяйства, то, слѣдовательно, хозяйство является реальнымъ базисомъ, въ числѣ прочаго, также и науки.

И въ области искусства нельзя не видѣть связи съ хозяйствомъ. Въ архитектурѣ она всего очевиднѣе. Но даже такое воздушное, такое далекое отъ матеріальныхъ потребностей жизни искусство, какъ музыка, не лишено связи съ прозаическимъ хозяйствомъ. Рояль или органъ есть очень сложная машина, устройство которой требуетъ высокаго уровня промышленной техники. Наслажденіе, доставляемое намъ симфоніей Бетховена или оперой Вагнера, конечно, ничего экономическаго въ себѣ не заключаетъ. Но для возможности этого наслажденія требуется матеріальная основа, создаваемая хозяйствомъ: производство музыкальных инструментовъ и постройка театра есть такая же хозяйственная дѣятельность, какъ и всякая другая.

Было бы бесполезно увеличивать примѣры зависимости различныхъ сферъ соціальной жизни отъ матеріальной основы, непрерывно возсоздаваемой хозяйственнымъ трудомъ. Полотно служить не только для одежды, но и для картинъ; мѣдь нужна не только для кастрюль, но и для телескоповъ; глыба мрамора можетъ пойти на постройку обыкновеннаго дома, но изъ мрамора же высѣченъ и Моисей Микель Анжело. Какъ ни возвышенна наука, и какъ ни прекрасно искусство, но безъ предварительной хозяйственной дѣятельности были бы невозможны ни наука, ни искусство.

И это вѣрно относительно всякой области соціальной жизни, какова бы она ни была. Возьмемъ, напр., войну. Война не есть хозяйство, во всякомъ случаѣ, не всегда есть хозяйство. Но чтобы вести войну, нужно раньше заняться хозяйствомъ — для войны нужны, во-первыхъ, деньги, во-вторыхъ, деньги и въ-третьихъ деньги. Цѣлые промышленные округа живутъ исключительно приготовленіемъ оружія и военнаго матеріала. Каждый выстрѣлъ изъ пушки крупнаго

калибра равняется по своей цѣнности годовому доходу достаточной крестьянской семьи. Во главѣ промышленныхъ капиталистовъ современной Германіи стоитъ пушечный король—великій Круппъ, подъ высокими руководствомъ котораго десятки тысячъ рабочихъ льютъ пушки для всего міра. Если подсчитать безчисленные миллионы, которые европейскія націи тратятъ на войну или на подготовленіе къ войнѣ, то удивись близорукости экономистовъ, для которыхъ хозяйственная дѣятельность исчерпывается «производствомъ и обмѣномъ средствъ къ жизни». Изготовленіе средствъ къ смерти, къ умерщвленію людей, есть одна изъ важныхъ отраслей промышленности нашего времени, и всеобщій миръ, о которомъ мечтаютъ разные наивные люди, былъ бы тяжелымъ ударомъ для благосостоянія сотенъ тысячъ рабочихъ, занятыхъ производствомъ смертоносныхъ орудій войны.

Отсюда ясно, какъ глубоко неправы Марксъ и Энгельсъ, ограничивая задачи хозяйства узкимъ кругомъ потребностей въ средствахъ къ жизни. Нѣтъ, понятіе хозяйства гораздо шире — оно служитъ далеко не однимъ потребностямъ низшаго порядка. Примаъ хозяйства основывается не только на томъ, что «раньше, чѣмъ философствовать, нужно жить», но и на томъ, что самое философствованіе требуетъ матеріальнаго базиса, создаваемого хозяйствомъ. Если мы возьмемъ разнообразныя сферы социальнаго труда, то увидимъ, что во всѣхъ нихъ первымъ шагомъ соотвѣтствующей дѣятельности является приспособленіе матеріальныхъ условій къ даннымъ особымъ задачамъ—иначе говоря, хозяйство.

На этомъ основывается центральное положеніе хозяйства въ социальной жизни.

Во всѣ стороны отъ хозяйственнаго центра идутъ по радіусамъ линіи приложенія всевозможныхъ видовъ социальнаго труда. Конечно, было бы грубымъ заблужденіемъ отождествлять всю социальную жизнь съ хозяйствомъ: радіусы совпадаютъ съ центромъ только въ своемъ отправномъ пунктѣ, а затѣмъ могутъ чрезвычайно далеко удаляться отъ него. Но отправнымъ пунктомъ всѣхъ ихъ все же остается общій центръ.

Отсюда вытекаетъ чрезвычайно важная особенность хозяйственного момента въ ряду другихъ социальныхъ моментовъ. Какъ центръ есть общая связь всѣхъ радіусовъ, соприкасающихся другъ съ другомъ только черезъ центръ, такъ и хозяйство связывается со всѣми видами социальнаго труда, соприкасающимися другъ съ другомъ чрезъ посредство хозяйства. Все, что происходитъ въ центрѣ, должно отражаться и въ радіусахъ; но то, что происходитъ въ одномъ радіусѣ, можетъ не оказывать никакого вліянія на другіе радіусы, если общій центръ не испыталъ перемѣны. Всякая значительная перемѣна социальнаго хозяйства неминуемо должна вызвать перемѣны по всѣмъ линіямъ приложенія социальнаго труда; но перемѣна того или иного неэконо-

мическаго соціального момента, если соціальное хозяйство осталось незатронутымъ ею, можетъ совершенно не отражаться на другихъ соціальныхъ моментахъ. Такъ, напр., предположимъ, что производительность хозяйственнаго труда, по тѣмъ или инымъ причинамъ, испытала общее паденіе. Можно ли сомнѣваться, что это паденіе должно повести къ общему соціальному регрессу? Даже частичный хозяйственный регрессъ можетъ вызывать регрессъ въ тѣхъ областяхъ соціальной жизни, которыя далеко возвышаются надъ хозяйствомъ. Пусть, напр., писчая бумага значительно вздорожала, благодаря чему значительно вздорожала и книга. Не трудно понять, какой тяжелый ударъ это должно нанести успѣхамъ знанія

Наоборотъ, удешевленіе книги есть одинъ изъ могущественныхъ факторовъ народнаго просвѣщенія, а слѣдовательно, и измѣненія народныхъ нравовъ, вѣрованій, народнаго характера, міросозерцанія и пр., и пр. Такимъ образомъ, чисто хозяйственные переменны влекутъ за собой переменны въ такихъ сферахъ народной жизни, которыя сами по себѣ глубоко различны отъ хозяйства.

Хозяйство, какъ мы сказали, находится въ непосредственной связи со всѣми родами соціальнаго труда. Напротивъ, относительно нехозяйственныхъ родовъ труда отнюдь нельзя утверждать того же самаго, т.-е. чтобы каждый изъ нихъ былъ въ непосредственной связи со всѣми остальными. Даже близкіе по своему общему характеру роды дѣятельности могутъ мало зависѣть другъ отъ друга; возьмемъ, напр., изящныя искусства—ихъ общая близость между собой не подлежитъ сомнѣнію—однако трудно указать связь между музыкой и архитектурой. Съ хозяйствомъ же и музыка и архитектура находятся въ непосредственной связи, такъ какъ хозяйственный трудъ даетъ музыкѣ музыкальные инструменты, а архитектурѣ—строительный матеріалъ.

Эти соображенія даютъ, повидимому, сильную поддержку соціальному матеріализму. Хозяйственный моментъ кажется, дѣйствительно, господствующимъ моментомъ въ соціальной жизни. Но такое заключеніе было бы преждевременнымъ. Правда, первымъ шагомъ всякаго соціальнаго труда является хозяйство. Однако, первый шагъ не значить послѣдній, за первымъ шагомъ слѣдуютъ другіе, которые могутъ увести насъ чрезвычайно далеко отъ хозяйства. Созданіе матеріальнаго базиса есть первая, необходимая ступень искусства или науки, но искусство или наука есть вѣчто несравненно высшее и большее, чѣмъ хозяйство. Литература требуетъ орудій труда, создаваемыхъ хозяйствомъ: нельзя писать безъ бумаги, перьевъ и чернилъ. Однако, достоинство литературнаго произведенія нисколько не зависитъ отъ качества бумаги. Художественное творчество вовсе не есть хозяйственная дѣятельность, а между тѣмъ, все значеніе произведеній искусства опредѣляется именно ихъ художественными достоинствами, отнюдь не свойствами матеріальныхъ продуктовъ хозяйства, которые необходимы для

созданія произведенія искусства. Для картины нужны полотно, кисть и краски, но цѣнность картины можетъ въ тысячи разъ превосходить стоимость хозяйственныхъ матеріаловъ, затраченныхъ при писаніи картины. Отсюда ясно, что хотя хозяйственный трудъ есть необходимое условіе созданія произведеній искусства, все же эти произведенія лишь въ ничтожной мѣрѣ суть продукты хозяйственного труда. Не-хозяйственный, творческій трудъ играетъ несравненно большую роль въ созданіи предметовъ искусства. То же нужно сказать и о наукѣ. Научныя открытія были бы невозможны безъ научныхъ инструментовъ; однако, не труду шлифовальщика стеколъ для телескопа Гершеля обязаны мы великимъ открытіемъ планеты Урана, а наблюдательности самого Гершеля.

Отсюда видно, что роль хозяйственного труда въ удовлетвореніи социальныхъ потребностей разнаго рода весьма различна. На почвѣ физиологическихъ потребностей поддержанія жизни возникаютъ социальные потребности въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ; хозяйственный трудъ создаетъ матеріальныя средства для удовлетворенія этихъ потребностей и затѣмъ слѣдуетъ пользованіе этими средствами, потребление ихъ, безъ всякаго дальнѣйшаго приложенія общественнаго труда. Вся дѣятельность общества по отношенію къ удовлетворенію этихъ потребностей исчерпывается хозяйственнымъ трудомъ. Напротивъ, при удовлетвореніи духовныхъ потребностей человѣка, включая сюда многообразныя потребности, вытекающія изъ общежитія людей, хозяйственный трудъ составляетъ лишь наименѣе важную часть всего социального труда, который общество должно затратить для удовлетворенія соотвѣтствующей потребности. Трудъ художника въ созданіи картины или трудъ ученаго въ научномъ открытіи неизмѣримо значительнѣе и важнѣе, по своимъ результатамъ, подготовительнаго хозяйственного труда, безъ котораго ни картина, ни научное открытіе не могли бы возникнуть. Поэтому, ничего не могло бы быть негнѣе попытки объяснить, напр., исторію живописи усовершенствованіемъ техническихъ приемовъ приготовленія красокъ или измѣненіемъ матеріала, на которомъ пишутся картины. Точно также, развитіе науки въ гораздо большей степени есть причина, чѣмъ результатъ измѣненія научныхъ инструментовъ.

Признавая значеніе матеріальнаго базиса, на которомъ воздвигается чудное зданіе науки и искусства, мы должны избѣгать ошибки — отождествлять съ его грубымъ фундаментомъ это волшебное и невещественное зданіе, — прекраснѣйшій продуктъ человѣческаго генія, то для чего живутъ и умираютъ люди. Удивительная гармонія этого зданія, его красота и величественный видъ не составляютъ собой продукта матеріальнаго основанія. Отношеніе хозяйства къ другимъ моментамъ социальной жизни нельзя разсматривать какъ простое отношеніе причины къ слѣдствію. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ несом-

тѣнное взаимодѣйствіе, въ которомъ причина становится слѣдствіемъ, а слѣдствіе причиной. Въ частности же, наука и искусство, находясь одной своей стороною въ тѣснѣйшей связи съ хозяйствомъ, заключаетъ въ себѣ элементы, ничего общаго съ хозяйствомъ не имѣющіе.

Мы можемъ представить себѣ разнообразныя общественныя потребности, изъ удовлетворенія которыхъ слагается социальная жизнь, въ видѣ длинной лѣствицы, на низшихъ ступеняхъ которой помѣщаются фізіологическія потребности въ средствахъ жизни, удовлетворяемыя всецѣло хозяйственнымъ трудомъ, а на высшихъ ступеняхъ находятъ мѣсто духовныя потребности, требующія для своего удовлетворенія, кромѣ хозяйственнаго, другихъ родовъ труда,—причемъ чѣмъ потребность выше, тѣмъ болѣе подчиненную роль играетъ хозяйство. Эти высшіе роды труда имѣютъ свое самостоятельное значеніе, ихъ нельзя разсматривать, какъ порожденіе или даже простой рефлексъ, отраженіе хозяйственнаго труда. Роль хозяйства падаетъ по мѣрѣ восхожденія отъ низшихъ, матеріальныхъ, къ высшимъ, духовнымъ, потребностямъ. А такъ какъ социальный прогрессъ выражается именно въ ростѣ духовныхъ потребностей человѣка, то слѣдуетъ, повидимому, заключить, что и значеніе хозяйственнаго момента въ социальной жизни по мѣрѣ общественнаго прогресса должно падать. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, расходящемуся въ самомъ своемъ корнѣ съ основною идеей материалистическаго пониманія исторіи.

Но всякіе окончательные выводы объ этой теоріи были бы пока преждевременны. Въ ея пользу можно еще сказать очень и очень многое. Мы указывали, что непосредственное поддержаніе жизни падаетъ всецѣло на долю хозяйственнаго труда. Но поддержаніе жизни есть, безспорно, наиболѣе безотлагательная потребность человѣка. Если эта потребность сталкивается съ какой-либо иной, то побѣждать должна, какъ общее правило, наиболѣе настоятельная потребность въ средствахъ къ жизни,—экономическая потребность по преимуществу. «Когда промышленность, постепенно совершенствуясь, находитъ новое средство для удовлетворенія одного изъ нашихъ экономическихъ желаній, то можетъ случиться, что это нововведеніе окажется противорѣчащимъ какому-нибудь неэкономическому установленію. Въ такомъ случаѣ, въ виду предшества экономической потребности (потребности въ средствахъ къ жизни. *М. Т.-Б.*), если не всегда, то почти всегда произойдетъ слѣдующее: человѣкъ не откажется отъ экономическаго изобрѣтенія, но видоизмѣнитъ неэкономическое установленіе, т.-е. примиреніе совершится на счетъ послѣдняго... И наоборотъ, предположимъ, что въ какомъ-нибудь неэкономическомъ установленіи появляется новая форма и что эта форма несовмѣстима съ экономическими нравами эпохи; это новшество будетъ принято лишь съ такими ограниченіями, при которыхъ его можно будетъ согласовать съ экономическими установленіями» (Лакомбъ. «Соціологическія основы исторіи». Спб. 1895 г. Стр. 55).

Между тѣмъ, конфликтъ между потребностью въ средствахъ къ жизни и прочими потребностями человѣка заложенъ въ самомъ существѣ современнаго соціального строя: для огромнаго большинства современнаго человѣчества жизнь есть лишь тяжелая и упорная, поглощающая всѣ силы человѣка, борьба за существованіе, причемъ не только высшія, духовныя и культурныя потребности, но и болѣе настоятельныя фізіологическія потребности удовлетворяются крайне скудно. При такомъ положеніи вещей забота о средствахъ къ жизни должна преобладать надъ всѣми остальными. «Раньше, чѣмъ бороться изъ-за власти, заниматься политикой, религіей, філософіей, люди должны ѣсть, пить, имѣть помѣщеніе и одежду» (Энгельсъ).

Современное общество складывается изъ классовъ — общественныхъ группъ, глубоко различающихся по своимъ экономическимъ интересамъ и по своему экономическому благосостоянію. Вершину общественной пирамиды занимаютъ богатые классы (крупные землевладѣльцы и капиталисты), а внизу помѣщаются круглые бѣдняки, не только не имѣющіе никакого имущества, но даже и не находящіе себѣ заработка. При восхожденіи по соціальной лѣстницѣ, мы встрѣтимъ всѣ степени бѣдности и богатства, начиная отъ хроническаго голоданія нищаго до безумно роскошной жизни какого-нибудь милліонера. Если экономическая обстановка и экономическое благосостояніе играютъ рѣшающую роль въ жизни человѣка, то эти экономическія различія должны сопровождаться соотвѣтствующими различіями образованія, мнѣній, нравовъ, вѣрованій, вообще всего соціального облика даннаго класса. И дѣйствительно, приблизительно такую картину представляетъ собой современное общество. Принадлежность къ тому или иному экономическому классу оказываетъ глубочайшее вліяніе на всѣ стороны жизни человѣка. Бѣдные классы являются вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми некультурными и невѣжественными; крайняя степень бѣдности сопровождается крайне низкимъ уровнемъ культуры, доходящимъ иногда до полнѣйшаго одичанія. Одно время въ Западной Европѣ было въ модѣ пугать общественное мнѣніе предстоящимъ разрушеніемъ европейской культуры благодаря нашествію варваровъ, обитающихъ не въ какихъ-либо дикихъ странахъ, а въ самыхъ нѣдрахъ современнаго общества. И дѣйствительно, такіе дикари и варвары, несомнѣнно, имѣются во всякой цивилизованной странѣ. По извѣстнымъ разсчетамъ Чарльза Бутса, около 80% лондонскаго населенія лишено опредѣленныхъ заработковъ и живетъ нищенствомъ, случайной работой и преступленіемъ. По грубости нравовъ и совершенному одичанію люди эти окончательно неспособны къ культурному существованію: они неисправимы и правильность цивилизованной жизни кажется имъ нестерпимой скукой.

По своимъ привычкамъ, нравамъ, образу жизни они представляютъ собой такой глубокій контрастъ съ условіями жизни достаточныхъ классовъ, какой только можно себѣ представить.

Все то, что мы называемъ цивилизаціей, есть преимущественно достояніе имущихъ классовъ. И если мы спросимъ, отчего бѣдные классы невѣжественны, то не затруднимся отвѣтомъ. Конечно, бѣдные не потому бѣдны, что они невѣжественны, а потому невѣжественны, что они бѣдны. Образование не причина богатства богатыхъ классовъ, а слѣдствіе его. Лондонскій «хулиганъ» кажется фигурой другого міра рядомъ съ изящнымъ джентльменомъ великосвѣтскаго салона. Однако, если бы этотъ джентльменъ родился въ вонючей и тѣсной улицѣ бѣднаго лондонскаго квартала и выросъ въ обществѣ бродягъ, нищихъ и преступниковъ, среди хроническаго недоѣданія и пьянства, то и онъ превратился бы въ такого же грубаго дикаря, оскорбляющаго наше нравственное и эстетическое чувство, какъ и непріятный представитель послѣднихъ 8 процентовъ лондонскаго населенія. Извѣстная степень экономическаго благосостоянія есть необходимое условіе культуры. Человѣкъ, живущій впроголодь, не можетъ интересоваться наукой и искусствомъ. Точно также человѣкъ, принужденный физически работать болѣе 12-ти часовъ въ сутки, не можетъ тратить остающееся время на благородныя развлеченія, укрѣпляющія умъ и возвышающія душу. Онъ *долженъ* быть грубымъ, невѣжественнымъ, долженъ пьянствовать, бить свою жену, предпочитать кабакъ театру или библіотекѣ. Если бы игра судьбы одарила его удивительнымъ художественнымъ талантомъ, талантъ этотъ имѣлъ бы всѣ шансы заглухнуть за отсутствіемъ упражненія. Чрезмѣрно продолжительный рабочий день есть желѣзная стѣна, отрѣзывающая рабочаго отъ цивилизаціи.

Отсюда ясна великая сила экономической обстановки въ жизни человѣка. Если мы обратимся къ исторіи, то увидимъ, что повышеніе производительности хозяйственнаго труда есть необходимое условіе социальнаго прогресса. Пока хозяйственный трудъ едва обеспечивалъ самое существованіе человѣка, до тѣхъ поръ было невозможно возникновеніе въ обществѣ классовъ, незанятыхъ хозяйственнымъ трудомъ, а слѣдовательно было невозможно и возникновеніе науки и искусства. Всякій новый шагъ впередъ экономической техники освобождаетъ новую долю общественнаго труда отъ непосредственнаго поддержанія жизни человѣка и даетъ возможность употребить этотъ трудъ на достиженіе нехозяйственныхъ цѣлей. Поэтому, ростъ экономическаго богатства сопровождается ростомъ какъ матеріальной, такъ и духовной культуры. Богатство равносильно освобожденію человѣка отъ унижительной и притупляющей душу борьбы за существованіе.

Послѣдовательныя ступени поднятія производительности хозяйственнаго труда суть вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательныя ступени цивилизаціи. Хозяйственное развитіе вызываетъ смѣну рабства крѣпостнымъ хозяйствомъ и смѣну крѣпостнаго хозяйства капитализмомъ. Вмѣстѣ съ этимъ мѣняется и классовое сложеніе общества, измѣняются политическія учрежденія, вѣрованія, нравы, религіозныя воззрѣнія, фило-

софія, наука, искусство. Такимъ образомъ, благодаря наибольшей настоятельности потребности въ средствахъ къ жизни, хозяйственный моментъ выступаетъ на первый планъ соціальной жизни и соціального развитія.

Въ общественномъ сознаніи господство хозяйственного момента выражается господствомъ экономическихъ интересовъ, какъ руководящихъ мотивовъ классовой борьбы, особенно обостряющейся при капиталистическомъ способѣ производства. Капитализмъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя условія, чрезвычайно усиливающіе значеніе хозяйственного момента въ жизни человѣка. На первыхъ ступеняхъ капиталистическаго развитія экономическое благосостояніе массы населенія рѣзко падаетъ; затѣмъ благосостояніе рабочаго класса хотя и повышается, но борьба за все же скудный заработокъ продолжаетъ поглощать умственные и физическія силы рабочаго. Положеніе рабочаго пролетарія остается крайне необезпеченнымъ и подверженнымъ постоянной опасности. Малѣйшее ослабленіе работоспособности ведетъ къ паденію рабочаго на самый низъ общества, переводитъ его въ разрядъ пауперовъ и нищихъ. Правда, при докапиталистическомъ устройствѣ общества эксплуатація трудящихся массъ имущими классами выражалась въ болѣе грубыхъ и унижительныхъ для человѣческаго достоинства формахъ, рабочій былъ болѣе придавленъ своимъ господиномъ. Но съ тѣхъ поръ какъ рабочій получилъ свободу, на него пало и тяжелое бремя пріисканія заработка. Страхъ очутиться на мостовой сталъ неизмѣннымъ спутникомъ существованія рабочаго, не увѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ и всегда рискующаго потерять мѣсто, завоеванное съ такимъ трудомъ и усиленіемъ.

Въ то же время и среди имущихъ классовъ экономическая борьба обострилась до послѣдней степени. Свободная конкуренція сдѣлала эту борьбу условіемъ существованія капиталистическаго предпринимателя. Періодическіе кризисы, когда сотни и тысячи предпріятій лопаются, и вчерашніе миллионеры попадаютъ на скамью подсудимыхъ, только выставляють въ наиболѣе наглядномъ видѣ ту неустойчивость, которая характеризуетъ положеніе капиталистическаго предпріятія и въ нормальное время. Сохранить позицію можно лишь при упорной борьбѣ съ конкурентами, при напряженномъ вниманіи къ условіямъ рынка, при тщательномъ использованіи всѣхъ выгодныхъ обстоятельствъ. Незначительная оплошность—и предпріятіе на краю гибели. Все капиталистическое общество, снизу до верху, находится въ колеблющемся, тревожномъ, неустойчивомъ состояніи; оно живетъ подъ крайне высокимъ давленіемъ, въ немъ идетъ непрерывная толкотня и давка, одни, счастливы, поднимаются вверхъ, другіе падаютъ, раздавленные и уничтоженные этой борьбой.

Жажда золота, богатства принимаетъ въ капиталистическомъ обществѣ такіе размѣры, какъ ни въ какомъ другомъ. Пока богатство

выражалось въ предметахъ потребленія, до тѣхъ поръ жажда богатства встрѣчала свои естественныя границы въ ограниченности человеческой способности къ потребленію. Капитализмъ совершенно разрушилъ эти границы. Богатство получило свое совершенное выраженіе въ капиталѣ, какъ бы одаренномъ способностью къ неограниченному самовозрастанію. А такъ какъ накопленіе капитала есть, въ то же время, условіе самосохраненія капиталистическаго предпринимателя, то всеобщая погоня за обманчивымъ міражемъ богатства стала закономъ жизнедеятельнаго всего капиталистическаго организма.

При такихъ условіяхъ, не удивительно, что экономическіе интересы именно въ наше время съ особенной яркостью выступили на первый планъ общественной жизни. Никогда политическая борьба не имѣла такого обнаженно экономического характера, какъ нынѣ; никогда борьба классовъ не была такъ интенсивна и ожесточенна, какъ при господствѣ капиталистическаго способа производства. «Въ то время, какъ во всѣ предшествовавшіе періоды изслѣдованіе движущихъ силъ исторіи было почти невозможно, вслѣдствіе запутанной и скрытой связи ихъ взаимодействія, переживаемой нами періодъ до такой степени упростилъ эту связь, что загадка могла быть разрѣшена. Со времени распространенія крупной промышленности, т.-е., по крайней мѣрѣ, со времени европейскаго мира 1815 г., въ Англіи не могло быть ни для кого тайной, что вся англійская политическая жизнь вертится вокругъ борьбы за господство двухъ классовъ—землевладѣльческой аристократіи и буржуазіи. Во Франціи тотъ же фактъ обнаружился со времени возвращенія Бурбоновъ; историки эпохи реставраціи, отъ Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно говорятъ объ этой борьбѣ, какъ о ключѣ къ пониманію французской исторіи со времени среднихъ вѣковъ. И съ 1830 г. признается третьимъ участникомъ этой борьбы въ обоихъ странахъ рабочій классъ, пролетаріатъ. Отношенія такъ упростились, что нужно было умышленно закрывать глаза, чтобы не видѣть въ борьбѣ этихъ трехъ великихъ классовъ и въ противоположности ихъ интересовъ движущую силу современной исторіи, по крайней мѣрѣ въ обоихъ названныхъ наиболѣе передовыхъ странахъ» (F. Engels «L. Feuerbach» 46—47).

Такимъ образомъ, капиталистическая организація хозяйства заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя особенности, благопріятствующія обостренію экономической борьбы и усиленію значенія экономическихъ интересовъ въ общественной жизни. Но въ то же время не подлежитъ сомнѣнію, что поднятіе производительности общественнаго труда имѣетъ само по себѣ тенденцію не усиливать, а ослаблять значеніе въ жизни человѣка чисто экономическихъ мотивовъ. Чѣмъ полнѣе удовлетворяются потребности въ средствахъ къ жизни, тѣмъ менѣе роковой характеръ получаетъ конфликтъ экономическихъ и неэкономическихъ интересовъ. Поэтому, чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ, при

прочихъ равныхъ условіяхъ, меньшую роль въ жизни человѣка должна играть забота о поддержаніи своей жизни; на извѣстной ступени хозяйственнаго развитія, чисто экономическія потребности должны отступить на задній планъ передъ потребностями духовнаго порядка, менѣе настоящими, но глубже захватывающими нашу душу. Пока человѣкъ голоденъ, до тѣхъ поръ его единственной мыслью и желаніемъ является утоленіе голода; интересы сытаго человѣка могутъ быть направлены на предметы, не имѣющіе ничего общаго съ желудкомъ.

Капиталистическая организація хозяйства подымаетъ производительность труда, а это должно, согласно сказанному, вести къ освобожденію человѣка изъ-подъ власти чисто хозяйственныхъ мотивовъ. Но въ то же время капитализмъ обостряетъ экономическую борьбу и этимъ самымъ усиливаетъ значеніе въ частной и общественной жизни хозяйственного момента.

Изъ этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій капитализма послѣдняя, несомнѣнно, пока беретъ верхъ, благодаря чему наше время характеризуется, сравнительно съ предшествовавшими историческими эпохами, не ослабленіемъ, а усиленіемъ соціальной роли хозяйства. Тѣмъ не менѣе отмѣченная нами тенденція къ паденію господствующей роли хозяйственного момента по мѣрѣ роста производительности труда оказываетъ и теперь свое дѣйствіе, хотя и пересиливаемое дѣйствіемъ противоположной тенденціи; лишь специфическія особенности капитализма, какъ исторически преходящей формы хозяйства, временно выдвигаютъ на первый планъ общественной жизни борьбу за экономическіе классовые интересы. Но вѣдь капитализмъ не вѣченъ. Кромѣ того, и въ нѣдрахъ самого капиталистическаго строя происходитъ многозначительная эволюція, направленная въ сторону смягченія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, наиболѣе острыхъ классовыхъ противоположностей. Замѣчаемый повсюду въ предѣлахъ капиталистическаго общества ростъ соціальной силы рабочаго класса ведетъ къ экономическому, моральному и интеллектуальному подъему рабочаго. Рабочій классъ завоевываетъ все болѣе участіе въ работахъ цивилизаціи, которая составляетъ гордость нашего времени. Сокращеніе рабочаго дня даетъ время рабочему пополнять свое образованіе, а возрастающая доступность книги и иныхъ орудій самообразованія облегчаетъ приобщеніе рабочаго къ высшимъ благамъ культуры. Повышеніе заработной платы и вообще поднятіе благосостоянія рабочаго класса могущественно дѣйствуетъ въ томъ же направленіи. Все это показываетъ, что основная тенденція соціальнаго прогресса—къ освобожденію человѣчества изъ-подъ власти чисто хозяйственного момента—не исчезаетъ и при капиталистической организаціи хозяйства, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что именно капитализмъ чрезвычайно обострилъ экономическую борьбу и усилилъ, благодаря этому, соціальное значеніе хозяйства.

Итакъ, намъ выяснились пока два аргумента въ пользу социальнаго материализма: 1) необходимость хозяйственного труда для созданія матеріальной основы всякой иной дѣятельности и 2) наибольшая настоятельность, среди всѣхъ другихъ общественныхъ потребностей, потребности въ средствахъ къ жизни, удовлетворяемой всецѣло хозяйственнымъ трудомъ. Но это не все. Въ пользу материалистическаго пониманія исторіи можно привести еще одно, не менѣе существенное соображеніе.

Мы указывали выше, что социальный материализмъ признаетъ господствующимъ моментомъ социальной жизни не просто хозяйство, но матеріальныя условія хозяйства. И это чрезвычайно важно. Въ одномъ поучительномъ мѣстѣ «Капитала» Марксъ даетъ слѣдующее обоснованіе материалистическому пониманію исторіи.

«Трудъ (хозяйственный. *М. Т.-Б.*) есть, прежде всего, процессъ, происходящій между человѣкомъ и природой, процессъ, въ которомъ человѣкъ посредствомъ своей дѣятельности содѣйствуетъ обмѣну веществъ между собой и природой, регулируетъ и контролируетъ его. По отношенію къ данной природой матеріи, онъ самъ выступаетъ, какъ сила природы. Онъ приводитъ въ движеніе присущія его организму естественныя силы, руки, ноги, голову, для того, чтобы присвоить себѣ матерію въ пригодной для него формѣ. Дѣйствуя въ этомъ процессѣ на внѣшнюю природу, измѣняя ее, онъ въ то же время измѣняетъ и свою собственную природу («Капиталъ», т. I, стр. 126).

Итакъ, хозяйственный трудъ есть процессъ, происходящій между человѣкомъ и внѣшней природой; измѣняя внѣшнюю природу человѣкъ измѣняетъ себя самъ. Въ этихъ немногихъ словахъ отмѣчена чрезвычайно важная особенность хозяйства, отличающая его отъ другихъ родовъ социальной дѣятельности человѣка. А именно, хозяйственный процессъ предполагаетъ двоихъ участниковъ, два полюса: человѣка и внѣшнюю природу. Соціальное хозяйство обнимаетъ собой не только отношенія между людьми, но и отношеніе ихъ къ внѣшней, матеріальной природѣ. Нравы, общественныя учрежденія, политика, вся область права и этики—всѣ эти социальныя моменты выражаютъ собой только взаимныя отношенія между людьми. Они не выходятъ за предѣлы социальной среды и не имѣютъ никакого смысла по отношенію къ внѣшней природѣ. Напротивъ, социальное хозяйство, оставаясь социальной категоріей, имѣетъ въ то же время другую, несоціальную сторону: оно есть одновременно физико-механический процессъ, въ которомъ принимаетъ участіе, на ряду съ человѣкомъ, матеріальная внѣшняя природа. Именно по этой причинѣ хозяйство можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ—съ социальной, поскольку оно опредѣляетъ и предполагаетъ отношенія между людьми, и съ технической—поскольку оно есть физико-механический, матеріальный процессъ, допускающій такое же естественно-

научное, механическое изученіе и объясненіе, какъ и другіе матеріальныя процессы природы. Соотвѣтственно этому существуютъ двѣ особыя группы наукъ о хозяйственной дѣятельности человѣка—политико-экономическія науки (теоретическая политическая экономія, экономическая политика, исторія хозяйства, финансовое право и пр.—соціальная группа наукъ) и техническія науки (агрономія, техническая химія, строительное искусство, промышленная технологія и пр., и пр.—прикладная часть естествознанія).

Эта особенность хозяйства создаетъ ему совершенно особое положеніе въ ряду другихъ социальныхъ моментовъ. Хозяйство есть та связь, которая соединяетъ въ одно цѣлое внѣшнюю матеріальную среду съ внутренней, социальной средой. Одной своей стороной, своимъ матеріальнымъ полюсомъ, хозяйство выходитъ за предѣлы социального взаимодействія. Мы уже указывали, что всѣ социальные моменты взаимно обусловливаютъ и предполагаютъ другъ друга; то же слѣдуетъ сказать и про хозяйство, поскольку оно есть социальный моментъ. Но хозяйство есть нѣчто большее, чѣмъ социальное явленіе; оно имѣетъ матеріальную сторону, которая стоитъ внѣ сферы социального взаимодействія. И именно эта матеріальная сторона хозяйства представляетъ собой ту экономическую необходимость, подчиняющую себѣ социальное взаимодействие, о которой говоритъ Энгельсъ.

Пояснимъ это примѣромъ. Въ процессѣ историческаго развитія общества измѣняются нравы, политическія и общественныя учрежденія, религіозныя убѣжденія, научныя и философскія мнѣнія, литература, искусство и пр., и пр. Всѣ чисто социальныя категоріи въ высшей степени пластичны и измѣнчивы. Одинъ и тотъ же народъ можетъ переживать самыя различныя социальныя состоянія въ различныхъ эпохи своего историческаго существованія. Мы не знаемъ такихъ социальныхъ институтовъ, которые были бы исключительной особенностью однихъ народовъ и совершенно недоступны другимъ. Тотъ или другой народъ можетъ быть въ данный моментъ совершенно невѣжественъ и обладать деспотическимъ правительствомъ, однако, мы не заключимъ отсюда, что усвоеніе знанія недоступно этому народу и что онъ навсегда осужденъ быть въ состояніи политическаго рабства; въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи народъ можетъ усвоить знаніе, равно какъ и измѣнить форму правленія. То же слѣдуетъ сказать и о нравахъ, вѣрованіяхъ, литературѣ, философій, искусствѣ и пр. Мы никогда не возьмемъ на себя смѣлости утверждать, что извѣстныя направленія искусства, или извѣстныя вѣрованія, или извѣстныя состоянія нравовъ присущи однимъ народамъ и совершенно недоступны другимъ. Въ историческомъ развитіи мѣняются вѣрованія, измѣняются направленія искусства, возникаютъ новыя философскія системы, происходятъ глубокіе перевороты въ народномъ міросозерцаніи и народномъ характерѣ. Все содержаніе социальной жизни, поскольку оно не зависитъ отъ ма-

теріальной внѣшней среды, находятся въ процессѣ непрерывнаго измѣненія, и никто не можетъ указать границъ и предѣловъ этимъ перемѣнамъ.

Но есть одна сфера соціальной жизни, относительно которой эти границы и предѣлы намъ отлично извѣстны, относительно которой мы съ полной увѣренностью утверждаемъ матеріальную невозможность тѣхъ или иныхъ явленій, совершенно независимо отъ ступени историческаго развитія народа. Этой сферой является соціальное хозяйство. Народъ живущій вдали отъ моря, *не можетъ* заниматься мореплаваніемъ, каково бы ни было состояніе его знанія, нравовъ, политическихъ учреждений и пр.; точно также въ странахъ умѣреннаго и холоднаго климата культивированіе тропическихъ растений *не можетъ* быть господствующимъ занятіемъ народа; въ странѣ бѣдной рудами и минералами *не можетъ* развиваться горное дѣло и т. д. и т. д. Такихъ примѣровъ можно было бы привести сколько угодно, но дѣло ясно и безъ нихъ. Хозяйство, будучи процессомъ между человѣкомъ и природой, находитъ въ свойствахъ внѣшней природы свою естественную границу и предѣлъ. А такъ какъ между всѣми сферами соціальной жизни существуетъ тѣсное взаимодействіе, то матеріальная необходимость даннаго состоянія хозяйства означаетъ собой матеріальную необходимость и другихъ соціальныхъ моментовъ. Такимъ образомъ, въ силу соціального взаимодействія, экономическая необходимость является рѣшающимъ и господствующимъ моментомъ всей соціальной жизни.

Противъ этого главнѣйшаго довода въ пользу соціального матеріализма напрашивается одно возраженіе. Вѣдь человѣкъ не только подчиняется внѣшней природѣ, но и подчиняетъ, измѣняетъ ее; въ измѣненіи внѣшней природы и заключается вся сущность основного хозяйственнаго процесса—производства. Мы говорили выше, что соціальный матеріализмъ слѣдуетъ строго различать отъ направленія, объясняющаго особенности историческаго развитія народовъ свойствами географической среды. Не представляютъ ли собой, однако, вышеприведенныя соображенія уступки этому направленію, которое мы признали несостоятельнымъ?

Отнюдь нѣтъ. Соціальный матеріализмъ не утверждаетъ, что матеріальныя условія хозяйства остаются неизмѣнными въ процессѣ историческаго развитія общества. Разсматриваемая доктрина вполне признаетъ измѣняемость этихъ условій въ зависимости отъ общественнаго развитія. Согласно матеріалистическому пониманію исторіи, матеріальныя условія хозяйственнаго труда зависятъ отъ двухъ моментовъ: 1) отъ объективнаго момента, отъ свойствъ внѣшней матеріальной среды, противостоящей человѣку, какъ нѣчто отъ него не зависящее, и 2) отъ субъективнаго момента, отъ дѣятельности самого человѣка. Такъ какъ послѣдній, субъективный моментъ есть въ то же время моментъ соціальный, исторически развивающійся, то исторически видо-

измѣняется, развивается и матеріальная обстановка хозяйства. Но какъ бы глубоко она ни видоизмѣнилась, она никогда не можетъ освободиться отъ присущаго ей объективнаго момента, стоящаго внѣ соціальнаго взаимодействія и историческаго развитія—внѣшней матеріальной среды. Легко понять, что никакіе успѣхи техники не въ силахъ сдѣлать хозяйство независимымъ отъ этого момента. Поэтому экономическая необходимость (т.-е. зависимость соціальной жизни отъ элементовъ хозяйства, стоящихъ внѣ соціальнаго воздѣйствія) сохраняетъ свое значеніе при всякомъ состояніи техническихъ знаній и при всякомъ уровнѣ производительности труда.

Какъ указано еще Миллемъ, все разнообразіе хозяйственнаго труда человѣка сводится къ механическому передвиженію частицъ матеріи. Матерія и ея силы всегда противостоятъ человѣку, какъ самостоятельный и не зависящій отъ человѣка объектъ хозяйства. И потому творцы соціальнаго матеріализма обнаружили тонкій тактъ, признавъ рѣшающимъ моментомъ соціальнаго развитія не просто соціальное хозяйство (т.-е. человѣческую дѣятельность, подчиняющуюся общему закону соціальнаго взаимодействія), но именно матеріальныя условія соціальнаго хозяйства, т.-е. моментъ, одной своей стороною выходящій за предѣлы соціальнаго взаимодействія.

Мы должны, однако, нѣсколько точнѣе выяснитъ понятіе экономической необходимости, лежащее во краю угла матеріалистическаго пониманія исторіи. Прежде всего, нужно имѣть въ виду, что понятіе это имѣетъ не положительный, а отрицательный смыслъ. Данныя свойства матеріальной среды исключаютъ возможность опредѣленныхъ видовъ хозяйства, а слѣдовательно, и опредѣленныхъ состояній соціальной жизни вообще. Это такъ. Но отнюдь нельзя сказать обратнаго, чтобы данныя свойства внѣшней среды положительно требовали именно такого, а не иного вида хозяйства. Послѣднее предположеніе, очевидно, невѣрно—та же самая внѣшняя среда допускаетъ чрезвычайное разнообразіе формъ хозяйства и соціальной жизни; достаточно вспомнить, что историческое развитіе, со всей отличающей его смѣной экономическихъ и общественныхъ формъ, происходитъ въ неизмѣняющейся внѣшней средѣ. Слѣдовательно, ограничивая кругъ возможныхъ состояній хозяйства и общественной жизни, внѣшняя среда сама по себѣ отнюдь не опредѣляетъ, какой именно видъ приметъ экономическая структура общества въ данный историческій моментъ. Внѣшняя среда оставляетъ для соціальной жизни широкій и, что особенно важно, все расширяющійся просторъ въ выборѣ возможныхъ формъ этой жизни, выборъ же этотъ безсознательно дѣлается самымъ соціальнымъ развитіемъ.

Показателемъ экономическаго прогресса является поднятіе производительности хозяйственнаго труда, иначе говоря, увеличеніе власти человѣка надъ природой. Чѣмъ ниже хозяйственное развитіе, тѣмъ

тѣснѣе зависимость человѣка отъ окружающей его вѣшной среды. Исторія развитія хозяйства есть исторія относительнаго освобожденія человѣка изъ-подъ власти вѣшной среды. Конечно, власть эта никогда не можетъ исчезнуть: вѣшняя среда всегда опредѣляетъ кругъ возможнаго для человѣка, и человѣкъ остается всегда замкнутымъ въ этомъ кругу—но радиусъ круга расширяется. Цѣпь, которой экономическая необходимость сковываетъ социальное развитіе, никогда не прорывается, но длина цѣпи все увеличивается, и социальное развитіе становится относительно свободнѣе въ томъ смыслѣ, что оно все болѣе опредѣляется не вѣшними матеріальными силами, но внутренними социальными же силами.

Такимъ образомъ, мы опять приходимъ къ выводу, что преобладаніе хозяйственнаго момента въ социальной жизни должно не возрастать, а падать по мѣрѣ социального прогресса. Каждый шагъ науки знаменуетъ собой увеличеніе экономической свободы; вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ вліяніе на хозяйство другихъ, неэкономическихъ, социальныхъ факторовъ, хозяйство все тѣснѣе охватывается кругомъ социального взаимодействія, и такимъ образомъ хозяйственный моментъ утрачиваетъ свое относительное господство.

Мы привели три соображенія въ пользу социального матеріализма:

- 1) необходимость хозяйственнаго труда для созданія матеріальной основы всякой иной дѣятельности;
- 2) наибольшую настоятельность, среди всѣхъ другихъ общественныхъ потребностей, потребности въ средствахъ къ жизни;
- 3) зависимость социального хозяйства не только отъ социальныхъ моментовъ, но и отъ стоящей внѣ социального взаимодействія матеріальной вѣшной среды.

Анализируя эти соображенія, мы увидѣли, что каждое изъ нихъ, свидѣтельствуя объ исключительной важности въ социальной жизни хозяйственнаго момента, въ то же время приводитъ къ выводу, что господствующая роль хозяйства въ общественной жизни имѣетъ тенденцію падать по мѣрѣ социального прогресса. Эта мысль представляетъ собой, конечно, полный разрывъ съ социальнымъ матеріализмомъ. Однако, она не была совершенно чужда творцамъ этой теоріи. «Если государство,—говоритъ Энгельсъ,—теперь, въ эпоху крупной промышленности и желѣзныхъ дорогъ, есть, въ общемъ, только рефлексъ, въ объединяющей формѣ, экономическихъ потребностей класса, господствующаго въ области производства, то оно должно было имѣть такой характеръ въ еще большей степени тогда, когда люди значительно большую часть своей жизни затрачивали на удовлетвореніе своихъ матеріальныхъ потребностей, были гораздо зависимѣе отъ послѣднихъ, нежели теперь мы». («L. Feuerbach», 50). Итакъ, въ прежнія историческія эпохи люди были «гораздо зависимѣе отъ матеріальныхъ потребностей», чѣмъ нынѣ; другими словами, теперь люди гораздо сво-

боднѣе отъ этихъ потребностей. Энгельсъ признаетъ, слѣдовательно, что социальный прогрессъ ведетъ къ освобожденію общества отъ подчиненія хозяйственному моменту.

Относительно будущаго Энгельсъ выражается еще рѣшительнѣе. При будущемъ устройствѣ общества борьба за существованіе должна прекратиться между людьми. «Съ этого момента человѣкъ окончательно выходитъ, въ извѣстномъ смыслѣ, изъ животнаго царства, переходитъ изъ животныхъ условій существованія въ истинно человѣческія. Совокупность жизненныхъ условій, которыя до сихъ поръ владычествовали надъ человѣкомъ, подчиняется съ этого времени контролю и господству людей, впервые дѣлающихся сознательными, истинными господами природы, потому что они стали господами своего собственного общежитія. Законы общественной дѣятельности людей, противостоявшіе людямъ до сихъ поръ, какъ чуждые, господствующіе надъ человѣкомъ законы природы станутъ примѣняться людьми съ полнымъ сознаніемъ и, тѣмъ самымъ, будутъ служить человѣку. Общежитіе людей, принудительно возникающее до сихъ поръ подъ вліяніемъ природы и исторіи, становится собственнымъ свободнымъ дѣломъ человѣка. Объективныя, чуждыя силы, которыя до сихъ поръ управляли исторіей, подчиняются контролю самого человѣка. Только съ этого времени люди будутъ сами, съ полнымъ сознаніемъ, дѣлать свою исторію... Это прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы» (Anti Dühring S. 305—306).

Смыслъ этого знаменитаго мѣста изъ главной работы Энгельса, повидимому, таковъ: человѣческое общество, получивъ контроль надъ социальнымъ хозяйствомъ, тѣмъ самымъ освободится отъ подчиненія ему. Само собою разумѣется, что, говоря объ обществѣ будущаго, какъ о царствѣ свободы, Энгельсъ не подразумѣвалъ свободы отъ законовъ природы; остается признать, что Энгельсъ имѣлъ въ данномъ случаѣ въ виду освобожденіе общества отъ господства хозяйственного момента.

Мысль эту можно было бы признать совершенно правильной, если бы Энгельсъ, слѣдуя своему обычному представленію о генезисѣ новаго общественнаго строя путемъ социальной катастрофы, не говорилъ о «прыжкѣ» въ царствѣ свободы. На самомъ дѣлѣ человѣчество вступаетъ въ царство свободы отнюдь не путемъ таинственнаго прыжка, который имѣетъ совершиться въ будущемъ; царство свободы медленно, но неуклонно развивается и растетъ въ вѣдрахъ царства необходимости уже многіе, многіе вѣка, и каждый шагъ впередъ на пути социального прогресса есть лишь новая область свободы, завоеванная человѣкомъ у слѣпой и безжалостной необходимости.

Наша критика социального матеріализма привела насъ къ признанію, что хозяйственный моментъ играетъ, дѣйствительно, исключительно важную роль среди другихъ моментовъ социальной жизни.

Оставляя въ сторонѣ доисторическое общество, мы утверждаемъ, что чѣмъ ниже производительность труда, иначе говоря, чѣмъ ниже степень общественнаго развитія, тѣмъ менѣе подчиняются общественному воздѣйствію силы хозяйства и тѣмъ въ большей мѣрѣ онѣ являются рѣшающей инстанціей соціальнаго развитія. Но этимъ самымъ мы утверждаемъ, что значеніе матеріальнаго, хозяйственнаго момента имѣетъ тенденцію не возрастать, а падать по мѣрѣ развитія общества и освобожденія человѣчества изъ-подъ власти внѣшней природы. Мѣсто хозяйственнаго момента заступаютъ другіе, не матеріальные, а идеальные моменты соціальной жизни, приобретающіе все большее значеніе въ качествѣ движущихъ силъ общественнаго развитія.

Не трудно понять, что это за моменты. Вся область духовной жизни человѣка относится сюда, и, прежде всего, познаніе, въ особенности же научное познаніе. На первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія самостоятельная потребность познанія имѣется въ человѣкѣ только въ слабыхъ зачаткахъ, и познаніе сохраняетъ вполнѣ утилитарный характеръ. Потребности въ матеріальныхъ средствахъ къ жизни, дѣйствительныя или воображаемыя практическія нужды опредѣляютъ первоначальное направленіе нашей познавательной способности. Но уже весьма рано познаніе изъ средства къ практической (обыкновенно, экономической) цѣли становится цѣлью само по себѣ. Исторія науки есть исторія постепеннаго освобожденія научнаго познанія отъ подчиненія практическимъ задачамъ жизни. Чѣмъ абстрактнѣе познаніе, тѣмъ дальше оно отъ этихъ задачъ. Первоначально теоретическая наука была подчинена прикладной; затѣмъ прикладная наука становится въ подчиненное отношеніе къ теоретической наукѣ. Таковъ естественный законъ развитія научнаго познанія.

Практическія изобрѣтенія, новые способы матеріальнаго воздѣйствія человѣка на природу, возникаютъ двумя путями. Или практическая жизнь выдвигаетъ для общественнаго сознанія на первый планъ опредѣленную техническую задачу, надъ разрѣшеніемъ которой начинаютъ работать умы многихъ людей. Такимъ путемъ возникли великія техническія изобрѣтенія XVIII вѣка—паровая машина, ткацкая и прядильная машины. Экономическая потребность сыграла особенно большую роль въ изобрѣтеніи ткацкой и прядильной машины, которыя были главными техническими агентами великой промышленной революціи конца XVIII и начала XIX вѣка.

Или же техническое изобрѣтеніе является случайнымъ и непредвидимымъ результатомъ научнаго открытія. Ученый изслѣдователь, интересуясь чистымъ знаніемъ, работая надъ какимъ-нибудь отвлеченнымъ научнымъ вопросомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ практическими задачами жизни, попутно наталкивается на разрѣшеніе практической задачи, которую онъ стнудь не имѣлъ въ виду и къ разрѣшенію которой онъ стнудь не стремился. И именно изобрѣтенія этого

последняго типа приобретаютъ по мѣрѣ успѣховъ научнаго познанія все большее и большее значеніе. «Четверть вѣка была употреблена на осуществленіе простой, казалось, цѣли—сжиженія газовъ; наконецъ, это удалось. И что же? Для жизни, для практики это не получило значенія. Понадобилось еще четверть вѣка для разрѣшенія этого вопроса и разрѣшился онъ совсѣмъ неожиданно, когда Линде вдумался въ чисто теоретическій опытъ Томсона и Джоуля, преслѣдовавшій мелкую и пустую по виду цѣль: узнать, насколько газы уклоняются отъ закона Мариотта. Кто могъ думать, что невинный опытъ Гальвани надъ лягушкой послужитъ вскорѣ основаніемъ половины электро-техники, а другой простой и пустой на видъ опытъ Фарадея надъ индукціей создастъ другую половину? Но зачѣмъ намъ идти такъ далеко. Чуть не полувѣка человечество видѣло и знало Гейсслеровы трубы, но кому могло придти въ голову искать здѣсь X-лучи? Еще рѣзче примѣръ мы видимъ въ опытахъ Гертца, имѣвшихъ въ виду рѣшеніе совсѣмъ отвлеченныхъ вопросовъ объ электрическомъ происхожденіи свѣта. Неожиданнымъ послѣдствіемъ опытовъ вышелъ телеграфъ безъ проволокъ. И такъ вездѣ и всегда. «Всѣ практическіе успѣхи,—говоритъ Гельгольцъ,—выросли совсѣмъ неожиданно изъ изслѣдованій, которыя могли казаться самыми бесполезными пустяками для непосвященныхъ, тогда какъ посвященный хотя и видѣлъ тамъ еще скрытое отношеніе причины и дѣйствія, но могъ слѣдить за ними только изъ чисто теоретическаго интереса»... Безъ самодовлѣющей науки *an und für sich* невозможно достиженіе техническихъ и практическихъ цѣлей» (Д. Гольдгаммеръ. «Столѣтіе физики». «Русская Мысль», 1902 г., II).

Чѣмъ дальше идетъ наука, тѣмъ больше умножаются изобрѣтенія этого типа, отнюдь не вызываемыя потребностями хозяйства, но тѣмъ не менѣе могущественно вліяющія на него. Наука есть, безъ сомнѣнія, самый могущественный факторъ промышленнаго прогресса. Развитие хозяйства предполагаетъ успѣхи научнаго знанія, безъ которыхъ повышение производительности хозяйственнаго труда было бы невозможно. И по мѣрѣ того какъ наука развивается и прогрессируетъ, она все болѣе освобождается отъ подчиненія хозяйству, становится изъ слуги практической жизни ея повелителемъ. Совершенно теоретическое научное открытіе нерѣдко ведетъ къ коренному перевороту промышленной техники и влечетъ за собой экономическія послѣдствія огромной важности; такъ, напр., полученіе знаменитымъ русскимъ химикомъ Н. Зининымъ изъ бензола новаго органическаго основанія, бензидама (анилина), повело къ открытію химическаго синтеза анилиновыхъ красокъ, которыя раньше добывались изъ растений. Химія уже достигла синтеза множества органическихъ соединений; не хватаетъ только послѣдняго, вѣнчающаго открытія—синтеза бѣлка; когда оно будетъ сдѣлано, тогда мы будемъ недалеко отъ химическаго синтеза пищи человѣка, что должно составить величайшую эпоху въ исторіи человѣческаго хозяйства. И судя по тому,

чего уже достигла органическая химія, этотъ послѣдній, рѣшающій успѣхъ кажется только вопросомъ времени.

Все это показываетъ, какъ невѣрно подчинять развитіе науки эволюціи хозяйства. Въ своей колыбели наука (какъ и искусство—замѣчательныя изслѣдованія Бюхера показали, что даже музыка порождена условіями хозяйственнаго труда) была создана практическими нуждами человѣка; но уже давно она вышла изъ этого подчиненнаго положенія и стала, въ свою очередь, могучимъ факторомъ хозяйственного прогресса.

Познаніе, какъ и хозяйство, есть универсальное условіе всякой дѣятельности человѣка. На этомъ основано взаимодѣйствіе хозяйства и науки: научное познаніе требуетъ матеріальнаго базиса, создаваемого хозяйствомъ, но и хозяйство предполагаетъ познаніе. Хозяйство есть, слѣдовательно, какъ причина, такъ и продуктъ науки. Но, что особенно важно, роль науки въ этомъ взаимодѣйствіи по мѣрѣ социальнаго прогресса растетъ, а хозяйство падаетъ. Хозяйство является какъ бы объективнымъ моментомъ социальнаго развитія, наука—субъективнымъ. И субъективный моментъ, по мѣрѣ прогресса человѣчества, завоевываетъ все болѣе рѣшающую роль въ социальной жизни и социальномъ развитіи. Хозяйство становится все болѣе и болѣе не опредѣляющей причиной, а продуктомъ науки.

Экономическая необходимость есть символъ нашей зависимости отъ природы, познаніе же—символъ нашего господства надъ ней; поэтому расширеніе власти человѣка надъ природой, его освобожденіе отъ внѣшней необходимости равносильно побѣдѣ разума надъ матеріей, побѣдѣ субъективнаго, интеллектуальнаго момента въ социальномъ развитіи надъ моментомъ объективнымъ, хозяйственнымъ. «Не сознаніе людей опредѣляетъ общественное бытіе, а это послѣднее опредѣляетъ ихъ сознаніе»—говорилъ Марксъ. Положеніе это, въ своей абсолютной формѣ, безусловно невѣрно. Сознаніе есть, дѣйствительно, продуктъ общественнаго бытія людей, но и это послѣднее есть продуктъ сознанія; и чѣмъ дальше идетъ общество, тѣмъ въ большей мѣрѣ общественный строй, всѣ формы общегитія и даже формы хозяйства становятся продуктомъ свободнаго сознанія людей, заключающаго въ себѣ самокъ свои непреложные законы.

Соціальныи матеріализмъ не родился изъ головы Маркса, какъ Мишера изъ головы Юпитера. Въ работахъ Сень-Симона и Фурье Марксъ нашелъ всѣ основные элементы, изъ которыхъ сложилась его собственная доктрина. Идея классовой борьбы, какъ главнѣйшаго содержанія исторіи, принадлежитъ всецѣло Сень-Симону; точно также авторъ «Промышленной системы» вполне понималъ значеніе хозяйственнаго развитія, какъ существеннаго момента социальнаго прогресса. Правда, Сень-Симонъ ставилъ, въ качествѣ движущей силы историческаго развитія, на ряду съ хозяйственнымъ моментомъ также и успѣхи зна-

вія. Марксъ упростилъ доктрину, признавъ успѣхи знанія пассивнымъ продуктомъ хозяйственного развитія. Но это упрощеніе доктрины мы не можемъ считать ея улучшеніемъ.

У Фурье Марксъ заимствовалъ представленіе о связи великихъ историческихъ эпохъ съ изобрѣтеніемъ новыхъ орудій труда. Такимъ образомъ, оригинальнымъ созданіемъ Маркса слѣдуетъ считать лишь законченную систематическую форму, которую необъединенныя и нерѣдко противорѣчивыя идеи утопистовъ приняли въ геніальныхъ работахъ творца матеріалистическаго пониманія исторіи. Все это, разумѣется, нисколько не уменьшаетъ заслугъ Маркса. Изъ отдѣльныхъ необработанныхъ камней, созданныхъ трудомъ другихъ, онъ построилъ великолѣпное научное зданіе, которое обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ деталяхъ удивительную логическую красоту, изящество и единство плана, смѣлую гармонію частей. Пусть это зданіе (какъ мы не сомнѣваемся) подлежитъ въ настоящее время перестройкѣ заново— все же оно оказало великую пользу наукѣ. Соціальный матеріализмъ не есть полная истина; но и въ качествѣ частичной истины, онъ сыгралъ огромную и плодотворную роль въ развитіи научной мысли и притомъ въ двоякомъ смыслѣ. Съ одной стороны, выдвигая съ чрезвычайной силой значеніе матеріальнаго, хозяйственного момента въ соціальномъ развитіи, соціальный матеріализмъ привлекъ вниманіе историковъ къ изученію экономическихъ причинъ историческихъ событій. А такъ какъ причины эти являются, и объективно, чрезвычайно важными и существенными факторомъ историческаго развитія, то внесеніе новой точки зрѣнія въ историческое изученіе открыло фактической исторіи новые горизонты и пролило яркій свѣтъ на многіе историческіе процессы, остававшіеся до того неясными и непонятными. Это— съ одной стороны. Съ другой же стороны, матеріалистическое пониманіе исторіи, будучи геніальной попыткой общаго синтеза историческихъ фактовъ, съ одной вполнѣ опредѣленной точки зрѣнія, дало могучій толчокъ и общей философіи исторіи. Соціальный матеріализмъ выпукло поставилъ передъ научной мыслью задачи, къ разрѣшенію которыхъ должна стремиться философія исторіи; и если рѣшеніе этихъ задачъ марксизмомъ мы должны признать недостаточнымъ и неполнымъ, то все же марксизмъ значительно приблизилъ насъ къ искомому рѣшенію.

III.

Переходимъ теперь къ чисто экономической теоріи Маркса, къ его ученію о природѣ капиталистической организациі хозяйства. Въ центрѣ всего этого ученія мы находимъ крайне своеобразную теорію цѣнности Маркса.

Своеобразие этой теоріи заключается въ слѣдующемъ. Всѣ эконо-

экономисты, говоря о цѣнности, разумѣютъ подъ этой экономической категоріей приблизительно одно и то же. «Цѣнность есть абстрактное, цѣна же конкретное выраженіе одного и того же явленія—хозяйственной оцѣнки... Такъ какъ конкретныя понятія исторически вообще предшествуютъ абстрактнымъ, то не удивительно, что цѣна и разсужденіе о цѣнѣ въ экономической литературѣ появляются раньше, чѣмъ цѣнность и разсужденія о цѣнности... Экономическая наука, отправляясь отъ болѣе конкретнаго «цѣны», образуетъ мало-по-малу абстрактное понятіе «цѣнности». (Предисловіе П. Струве къ русскому переводу I тома «Капитала»). Такъ, понимали и понимаютъ проблему цѣнности всѣ экономисты, кромѣ Маркса. Наиболѣе характерной отличительной чертой ученія о цѣнности автора «Капитала» слѣдуетъ признать *принципіальное отрицаніе непосредственной связи между цѣнностью и цѣной*.

Это обстоятельство упускается изъ виду большинствомъ какъ послѣдователей, такъ и критиковъ Маркса. Когда появился въ печати III томъ «Капитала», то многіе усмотрѣли въ ученіи о цѣнности I и III тома принципиальное разногласіе: въ первомъ томѣ Марксъ какъ будто утверждаетъ, что среднія цѣны товаровъ регулируются трудовыми затратами, между тѣмъ какъ въ III томѣ онъ категорически отрицаетъ это. На самомъ же дѣлѣ, несмотря на чрезвычайное обиліе частныхъ противорѣчій у Маркса, никакого противорѣчія въ существенномъ содержаніи теоріи цѣнности I и III тома «Капитала» нѣтъ *). Противоположное мнѣніе могло возникнуть только на почвѣ недостаточнаго пониманія ученія о цѣнности Маркса.

Уже въ I томѣ «Капитала» опредѣленно разъяснено, что предметы могутъ имѣть цѣну, не будучи произведены человѣческимъ трудомъ и не имѣя, слѣдовательно, цѣнности (дѣйственная почва, дико растущій лѣсъ и проч.). Въ одномъ весьма важномъ примѣчаніи I тома «Капитала» Марксъ даже утверждаетъ въ общей формѣ, что «среднія цѣны не совпадаютъ прямо съ величиной цѣнности товаровъ» (стр. 116 русскаго

*) Очень важно имѣть въ виду, что изложеніе теоріи цѣнности у Маркса страдаетъ не только кореннымъ противорѣчіемъ, которое выяснится ниже, но и многочисленными частными противорѣчіями. Такъ, напр., на стр. 60 I тома «Капитала» читаемъ, что «цѣна есть денежное названіе овеществленнаго въ товарѣ труда», иначе говоря, цѣнности. На слѣдующей же страницѣ узнаемъ, что предметы, въ которыхъ не овеществлено никакого труда, какъ, напр., необработанная земля, могутъ имѣть цѣну и что вообще «вещь можетъ формально имѣть цѣну не обладая цѣнностью». Оказывается, что цѣна есть нѣчто иное, чѣмъ денежное названіе цѣнности. Подобными противорѣчіями изобилуетъ изложеніе Маркса. Въ предлагаемой вниманію читателя характеристикѣ теоріи цѣнности Маркса мы стремимся показать, какой видъ должна была бы получать эта теорія, если бы всѣ частныя противорѣчія были изъ нея устранены (но, конечно, не основное противорѣчіе, лежащее въ самомъ корнѣ ея). Такъ какъ у самого Маркса эти противорѣчія, однако имѣются, то, очевидно, наше изложеніе не можетъ совпадать со всѣмъ, что говорилъ по поводу цѣнности Марксъ.

перевода). Правда, въ I томѣ своего великаго труда Марксъ не останавливается болѣе детально надъ вопросомъ о соотношеніи цѣнности и цѣны. Но уже изъ его общаго ученія о цѣнности проникательному читателю было не трудно заключить, что даже и среднія товарныя цѣны не могутъ исключительно опредѣляться тѣмъ, что Марксъ называетъ цѣнностью товаровъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ III тома всякія сомнѣнія на этотъ счетъ должны были окончательно исчезнуть. Въ этомъ томѣ подробно доказывается, что не только рыночныя, но и среднія цѣны товаровъ не могутъ, какъ общее правило, совпадать съ цѣнностями и не имѣютъ никакого тяготѣнія къ послѣднимъ. Цѣнность товара отнюдь не есть центръ, вокругъ котораго колеблется товарная цѣна. Регуляторомъ среднихъ цѣнъ являются не цѣнности, а издержки производства товаровъ. Товары съ равными издержками производства должны имѣть въ среднемъ, равную цѣну, каковы бы ни были ихъ относительныя цѣнности. Признавъ это, Марксъ приводитъ свое ученіе о товарной цѣнѣ въ полное согласіе съ ученіемъ Рикардо. «Характеристическая черта капиталистическаго производства—утверждаетъ Марксъ,—въ томъ именно заключается, что, по правилу, товары не обмѣниваются по ихъ цѣностямъ т.-е. въ отношеніи заключеннаго въ нихъ труда... Количество денегъ, даваемое по нормальной цѣнѣ за товаръ, представляетъ вообще совершенно иное количество цѣнности (труда), чѣмъ то, которое содержитъ въ себѣ товаръ. Поэтому возможно, и дѣйствительно довольно часто происходитъ, что цѣну, а слѣдовательно выраженное въ деньгахъ количество цѣнности, даютъ за такія вещи, которыя вообще не имѣютъ никакой цѣнности, какъ, напр., земля, или же которыя не могутъ быть возсозданы трудомъ, какъ художественныя произведенія древнихъ мастеровъ».

Судя по этому, можно было бы подумать, что Марксъ въ своихъ основныхъ экономическихъ ученіяхъ былъ простымъ послѣдователемъ Рикардо и ничего новаго къ теоріи классической школы не прибавилъ. Но это заключеніе было бы глубоко ошибочно. *Если ученіе Маркса о цѣнѣ, не представляетъ собой дѣйствительно, ничего оригинальнаго, то зато его теорія цѣнности кореннымъ образомъ различна отъ теоріи цѣнности Рикардо.*

Для Рикардо цѣнность есть основа цѣны, абстрактное свойство, конкретно выражаемое въ цѣнѣ товара, въ мѣновомъ отношеніи, въ которомъ одинъ товаръ обмѣнивается на другой. Съ точки зрѣнія Рикардо, предметы, имѣющіе цѣну, но лишеныя цѣнности — такой же логическій абсурдъ, какъ сухая влага или холодное тепло. Цѣнность и цѣна представляютъ собой, по существу, одну и ту же экономическую категорію, рассматриваемую въ первомъ случаѣ (цѣнность) со своей абстрактной стороны, во второмъ случаѣ (цѣна) со стороны конкретной. Если предметъ имѣетъ цѣну, то тѣмъ самымъ онъ имѣетъ

и цѣнность; моменты, управляющіе цѣной, управляютъ и цѣнностью товаровъ.

Напротивъ, для Маркса цѣнность и цѣна являются двумя самостоятельными экономическими категоріями, обладающими извѣстной независимостью другъ отъ друга. Цѣнность отнюдь не представляетъ собой простой абстракціи отъ товарной цѣны. Моменты, управляющіе цѣной, не оказываютъ никакого вліянія на цѣнность.

Что же такое цѣнность въ смыслѣ Маркса? Мы знаемъ, что *не есть* цѣнность: цѣнность *не есть* абстрактная основа цѣны. Что же *есть* цѣнность? На этотъ вопросъ Марксъ отвѣчаетъ вполне категорически. Цѣнность товара—это общественно необходимый для его производства трудъ, какъ бы кристаллизированный, застывшій въ матеріальной оболочкѣ товара. «Величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно необходимаго труда или общественно необходимаго для ея производства рабочаго времени... Общественно же необходимымъ рабочимъ временемъ является то рабочее время, которое, при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ условіяхъ производства и средней степени умѣлости и напряженности труда, необходимо для изготовленія той или иной полезной вещи... Товары, въ которыхъ содержатся одинаковыя количества труда, или которые могутъ быть произведены въ одинаковые промежутки рабочаго времени, имѣютъ, поэтому, одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленные количества застывшаго рабочаго времени». («Капиталъ», т. I. Стр. 16, 5). Итакъ, цѣнность—товара это застывшее въ немъ рабочее время. Человѣческій трудъ есть не одинъ изъ моментовъ, вліяющихъ на высоту цѣнности, какъ училъ Рикардо; нѣтъ, трудъ образуетъ самое существо, самую субстанцію цѣнности.

Но вѣдь конкретный, человѣческій трудъ такъ же различенъ, какъ различны и продукты труда. Трудъ сапожника, въ своей конкретной формѣ, есть нѣчто иное, чѣмъ трудъ врача. Различные конкретные виды труда столь же несоизмѣримы между собой, какъ и продукты труда въ своей потребительной формѣ. Всѣ разнообразные виды труда становятся, однако, вполне соизмѣримыми другъ съ другомъ, если мы отвлекаемся отъ ихъ конкретной формы и рассматриваемъ ихъ, какъ простое выраженіе абстрактнаго человѣческаго труда, затрату человѣческой рабочей силы вообще. «Трудъ ткача и трудъ портного, хотя качественно они—различныя производительныя силы, оба представляютъ производительную затрату человѣческаго мозга, мускуловъ, нервовъ, рукъ и т. д., и въ этомъ смыслѣ оба они только человѣческій трудъ. Это только два различные способа затрачивать человѣческую рабочую силу».

Сложный, искусный трудъ, требующій обученія со стороны рабочаго, содержитъ въ себѣ, какъ бы въ сжатомъ видѣ, умноженное количество простаго труда. Въ этомъ смыслѣ всѣ виды труда соизмѣримы между собой и могутъ быть выражены въ однихъ и тѣхъ же единицахъ человѣческаго труда въ его абстрактной формѣ. Именно этотъ абстрактный человѣческій трудъ, освобожденный отъ конкретныхъ формъ своего обнаруженія, и образуетъ субстанцію цѣнности.

Такова основная экономическая идея Маркса, на которой покоятся вся грандіозная постройка «Капитала». Многие удивлялись, что Марксъ категорически утверждаетъ, постулируетъ эту идею, вмѣсто того, чтобы ее доказывать. Дѣйствительно, ничего похожего на ея доказательство мы не встрѣтимъ ни въ одной работѣ Маркса. При недостаточномъ пониманіи системы Маркса, такая необоснованность центральнаго пункта всей системы можетъ казаться необъяснимымъ упущеніемъ со стороны ея великаго автора.

Однако, что же собственно, долженъ доказать Марксъ? То, что товарныя цѣны, мѣновыя отношенія товаровъ, совпадаютъ съ относительными трудовыми затратами на производство соотвѣтствующихъ товаровъ? Но онъ этого отнюдь не утверждаетъ; болѣе того, онъ это категорически отрицаетъ. Поэтому, критики Маркса, пространно перечисляющіе причины, по которымъ трудъ не можетъ быть единственнымъ моментомъ, управляющимъ движеніемъ товарныхъ цѣнъ, по истинѣ тратятъ свои ряды на воздухъ. Марксизмъ можетъ не особенно опасаться этой критики, ибо въ основѣ ея лежитъ недоразумѣніе.

Вѣдь цѣнность въ смыслѣ Маркса есть совсѣмъ не то, что понимаютъ подъ цѣнностью остальные экономисты. Для этихъ послѣднихъ проблема цѣнности сводится къ объясненію моментовъ, управляющихъ мѣновыми отношеніями, цѣнами товаровъ. Для Маркса товарная цѣна не только *можетъ* не совпадать съ цѣнностью товара, но, какъ общее правило, и *должна* не совпадать съ послѣдней. Какое же доказательство правильности своей теоріи цѣнности можетъ представить Марксъ? Вѣдь не долженъ же онъ доказывать реальности хозяйственнаго труда? А если хозяйственный трудъ есть несомнѣнная реальность, если каждый товаръ, производимый людьми, требуетъ для своего производства опредѣленной затраты общественно необходимаго рабочаго времени, то, значитъ, каждый товаръ обладаетъ опредѣленной трудовой стоимостью. Эту послѣднюю экономическую категорію, овеществленную въ товарѣ, Марксъ называетъ цѣнностью товара и кладетъ ее въ основаніе своей экономической системы. Имѣетъ ли Марксъ на это право или нѣтъ, вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ лишь оцѣнкой всей представленной Марксомъ экономической и социологической системы. Доказательствомъ научной цѣлесообразности теоріи цѣнности Маркса являются всѣ 3 тома «Капитала».

Исходя изъ понятія абсолютной трудовой цѣнности, авторъ «Капи-

тала» послѣдовательно объясняетъ всѣ основныя категоріи капиталистическаго строя. Получается чрезвычайно законченная, стройная научная система, которой, во всякомъ случаѣ, нельзя отказать въ глубинѣ и логической силѣ. Отыщите у этой системы ея основаніе—теорію абсолютной трудовой цѣнности—и она разсыпется, превратится въ груду ничѣмъ не связанныхъ обломковъ. Между тѣмъ, другой системы, столь же глубоко проникающей въ сущность капиталистическаго способа производства, наука не знаетъ. Слѣдовательно, понятіе абсолютной трудовой цѣнности есть постулатъ экономической науки, условіе существованія ея. Отказъ отъ трудовой теоріи цѣнности равносильенъ отказу отъ науки.

Такъ долженъ былъ разсуждать Марксъ, относясь съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ доказательству своей центральной экономической идеи. По его мнѣнію, она была достаточно доказана тѣмъ новымъ и яркимъ свѣтомъ, которымъ ея творецъ освѣтилъ капиталистическую организацію хозяйства.

Итакъ, цѣнность—это кристаллизованный въ товарѣ человѣческій трудъ. Понятно, что, съ точки зрѣнія Маркса, ничего не могло быть неслѣпѣе вопроса о томъ, какое участіе принимаетъ природа въ созданіи цѣнности. «Такъ какъ мѣновая цѣнность есть только опредѣленный общественный способъ выражать потраченный на какую-нибудь вещь трудъ, то въ мѣновой цѣнности можетъ содержаться столько же даннаго самой природой вещества, сколько, напр., въ вексельномъ курсѣ» («Капиталъ». т. I стр. 44).

Но цѣнность есть не просто человѣческій трудъ. Хозяйственный трудъ есть необходимый базисъ всякаго хозяйства, независимо отъ исторической формы послѣдняго. Цѣнность же есть историческая, переходящая экономическая категорія, свойственная только опредѣленной исторической формѣ хозяйства—товарному хозяйству.

Экономическая категорія цѣнности предполагаетъ два момента: 1) затрату человѣческаго труда на производство даннаго хозяйственного продукта и 2) выраженіе этой затраты не непосредственно въ рабочемъ времени, а посредственно, въ другомъ трудовомъ продуктѣ, обмѣняваемомъ на данный трудовой продуктъ. Представимъ себѣ напр., что общество слагается не изъ товаропроизводителей, обмѣнивающихся продуктами своего или чужого труда, а образуетъ собой ассоціацію, владѣющую сообща средствами производства и производящую предметы своего потребленія общими силами всѣхъ своихъ членовъ. Въ такомъ обществѣ «количество труда, заключеннаго въ продуктѣ, вовсе не потребовало бы для своего опредѣленія окольнаго пути (обмѣна); ежедневный опытъ непосредственно указывалъ бы такому обществу, сколько труда заключено въ продуктѣ. Общество могло бы просто вычислить, сколько рабочихъ часовъ стоила данная паровая машина, гектолитръ пшеницы, сто квадратныхъ метровъ сукна.

Никому не могли бы придти въ голову выражать непосредственно известное количество труда, заключенное въ продуктѣ, въ относительномъ, колеблющемся и недостаточномъ мѣригѣ,—въ другомъ продуктѣ, а не въ естественномъ, адекватномъ и абсолютномъ мѣригѣ труда—времени. Подобнымъ образомъ, химія не стала бы выражать атомный вѣсъ элементовъ косвенно, сравненіемъ ихъ атомовъ съ атомомъ водорода, если бы она была въ силахъ выразить атомный вѣсъ элементовъ абсолютно, въ соответствующихъ единицахъ вѣса, въ билліонныхъ или квадриллионныхъ дозахъ грамма. При предположенныхъ условіяхъ обществу не придавало бы продуктамъ никакихъ цѣнностей. Оно не стало бы выражать простого факта, что для производства ста квадратныхъ метровъ сукна необходима тысяча рабочихъ часовъ, въ негнѣпой формѣ, что цѣнность этого количества сукна равна тысячѣ рабочихъ часовъ. Правда, обществу было бы необходимо знать, сколько труда требуется для производства того или иного предмета потребленія. Оно должно было бы установить общій планъ производства, принимая въ соображеніе полезность разныхъ нужныхъ предметовъ и потребное для ихъ производства количество труда. Но люди могли бы достигнуть всего этого очень просто безъ посредства знаменитой цѣнности. Понятіе цѣнности есть, такимъ образомъ, самое общее и всеобъемлющее выраженіе экономическихъ условій товарнаго производства» (Anti-Dühring. S. 335—336).

Итакъ, обмѣнъ продуктовъ труда есть необходимое условіе для возникновенія экономической категоріи цѣнности. Теперь намъ ясно, чѣмъ отличается категорія цѣнности отъ категоріи трудовой затраты. Трудовая затрата есть фактъ всеобщій, не связанный съ историческими особенностями данной формы хозяйства; цѣнность же есть историческій фактъ. Для превращенія трудовой затраты въ цѣнность, требуется, чтобы устройство общества не давало возможности людямъ выражать трудовую затрату иначе, какъ окольнымъ путемъ, сравненіемъ одного трудового продукта съ другимъ трудовымъ продуктомъ.

Возьмемъ, напр., натуральное хозяйство, потребляющее свои собственные продукты; въ этомъ случаѣ всякій хозяинъ непосредственно знаетъ сколько труда онъ потратитъ на изготовленіе потребляемаго имъ предмета хозяйства. То же слѣдуетъ сказать и о хозяйственной ассоціаціи, сообща владѣющей средствами производства. Но въ товарномъ хозяйствѣ производитель потребляетъ продуктъ не своего, а чужого труда, и потому не можетъ непосредственно знать, сколько труда заключено въ этомъ продуктѣ. Трудовая затрата остается, однако, попрежнему, основнымъ моментомъ хозяйства. Но выражается она въ товарномъ хозяйствѣ не прямо, въ приравниваніи одного количества труда другому количеству труда, а косвенно, въ приравниваніи одного трудового продукта другому трудовому продукту, въ объективированіи труда въ *цѣнности* товара. Поэтому, хотя субстанцію цѣнности обра-

зуетъ человѣческій трудъ, но онъ становится цѣнностью лишь тогда, когда застываетъ въ вещной формѣ товара. «Человѣческій трудъ, правда, образуетъ цѣнность, но не является самъ цѣнностью. Онъ становится цѣнностью лишь въ застывшемъ состояніи, въ вещной формѣ... Лишь исторически опредѣленная эпоха, дѣлающая затраченный на производство какого-нибудь полезнаго предмета трудъ его «объективнымъ» свойствомъ, т.-е. цѣнностью, превращаетъ продуктъ труда въ товаръ» («Капиталъ», т. I, стр. 16, 25).

Отсюда вытекаетъ та своеобразная особенность товарнаго хозяйства, которую Марксъ называетъ *фетишизмомъ товарохозяйственного строя*. Дѣло въ томъ, что основой товарнаго хозяйства, какъ и всякаго иного, остается человѣческій трудъ—взаимная работа членовъ общества другъ на друга. Но эта взаимная работа скрывается въ обществѣ товаровладѣльцевъ подъ совершенно иной категоріей—обмѣна товаровъ. Въ товарномъ хозяйствѣ не трудъ, а продуктъ труда—товаръ—является связующимъ звеномъ между отдѣльными хозяйственными единицами.

Общественныя отношенія объективируются въ товарѣ, который какъ будто одухотворяется и приобретаетъ самостоятельную жизнь.

Обращеніе товаровъ на рынкѣ есть несомнѣнный результатъ человѣческой дѣятельности. Однако, никакой отдѣльный товаропроизводитель не можетъ управлять этимъ обращеніемъ. Наоборотъ, оно само управляетъ дѣятельностью товаропроизводителя; не человѣкъ господствуетъ надъ товарнымъ рынкомъ, а товарный рынокъ господствуетъ надъ человѣкомъ. Не производитель устанавливаетъ цѣну, а цѣна устанавливаетъ размѣры производства. Товаръ и его цѣна какъ бы совершенно вырываются изъ подъ власти человѣка и становятся его повелителями. Это объективированіе въ сознаніи товаропроизводителей ихъ собственныхъ общественныхъ отношеній—въ отношенія вещей, товаровъ, Марксъ и называетъ фетишизмомъ товарнаго хозяйства.

Товарный фетишизмъ выступаетъ съ наибольшей ясностью въ господствующемъ товарѣ товарнаго міра—въ деньгахъ. Золотой телецъ кажется истиннымъ владыкой капиталистическаго міра. Неудивительно, что первые теоретики товарнаго—хозяйства—меркантилисты признали золото единственной абсолютной формой богатства. На чемъ основана цѣнность золота? Это кажется рѣшительной загадкой, но фактъ возможности приобрести на золото все, что угодно, стоитъ у всѣхъ передъ глазами. Отсюда вытекаетъ ненасытная жажда денегъ, характеризующая психологію товаропроизводителя. «Загадка денежнаго фетиша есть та же загадка товарнаго фетиша, которая лишь стала вполне видимой и ослѣпляетъ взоръ своимъ металлическимъ блескомъ».

Товарный фетишизмъ коренится въ самой природѣ товара и потому не исчезаетъ изъ сознанія товаропроизводителей даже тогда, когда загадка товара, какъ фетиша, разгадана. Сложныя общественныя отношенія, выраженіемъ которыхъ является товарная цѣна, скрыты отъ

сознанія товаровладѣльца. Отсюда возникаетъ необходимость разсматривать цѣну не какъ общественное отношеніе, но какъ свойство вещи товара. Такимъ образомъ, товаръ какъ бы получаетъ въ придачу къ своимъ физико-химическимъ свойствамъ, которыми онъ обладаетъ въ качествѣ матеріальнаго тѣла, еще новое общественное свойство—цѣнность. На самомъ же дѣлѣ цѣнность отнюдь не есть свойство товара, какъ матеріальной вещи, а опредѣленное общественное отношеніе, отношеніе затраты человѣческаго труда.

Товарный фетишизмъ коренится въ основной товарохозяйственной категоріи—цѣнности, ибо цѣнность есть *вещное* выраженіе общественныхъ отношеній. Фетишизмъ этотъ также неустранимъ изъ сознанія товаропроизводителей, какъ неустранимъ, по ученію Канта, изъ нашего сознанія трансцендентальный миражъ (*transcendentaler Schein*)—идеи безконечности, свободы, субстанціальности души, послѣдней причины и проч. Философская критика объясняетъ трансцендентальный миражъ, какъ таковой, обнаруживаетъ иллюзорность соотвѣствующихъ представленій, но не можетъ уничтожить самого миража, который остается въ нашемъ сознаніи, ибо онъ вытекаетъ изъ природы нашей познавательной способности а не изъ неправильнаго употребленія ея, (подобно логическимъ ошибкамъ). Точно также, экономическая критика вскрываетъ тайну товара, какъ фетиша, объясняетъ происхожденіе товарнаго фетишизма, показываетъ иллюзію, которая лежитъ въ основаніи послѣдняго, но самую иллюзію убить не можетъ. Луна на горизонтѣ кажется намъ большаго діаметра, чѣмъ посреди неба. Мы знаемъ, что это иллюзія, не поддаемся обману чувства, но все наше знаніе безсильно разсѣять иллюзію и измѣнить обманчивыя зрительныя представленія. То же слѣдуетъ сказать и о товарномъ фетишизмѣ. Открытіе закона цѣнности, объясненіе товарнаго фетишизма составляетъ—по словамъ Маркса—«эпоху въ историческомъ развитіи человѣчества, но отнюдь не разсѣиваетъ вещной видимости общественныхъ свойствъ труда. Опредѣленіе величины цѣнности рабочимъ временемъ есть тайна, скрытая подъ явными движеніями относительныхъ цѣнностей товаровъ. Раскрытіе этой тайны устраняетъ видимую случайность въ опредѣленіи величины цѣнности продуктовъ труда, но нисколько не устраняетъ ея вещной формы». («Капиталъ» т. I. стр. 36—37).

Однако, кто понялъ тайну товарнаго фетишизма, того эта иллюзія не можетъ ввести въ обманъ. Иное слѣдуетъ сказать о буржуазной политической экономіи, всецѣло остающейся во власти указанной иллюзіи, порождающей такіа проникнутыя фетишизмомъ ученія, какъ ученіе о способности капитала самопроизвольно порождать процентъ, земля—порождать ренту и т. п. Одинъ изъ экономистовъ, находившихся во власти товарнаго фетишизма, даже прямо заявилъ, что «цѣнность есть свойство вещи, богатство же (потребительная цѣнность) есть свойство человѣка... Жемчужина или алмазъ имѣютъ цѣнность, какъ жемчу-

жина или алмазъ». Но — замѣчаетъ по этому поводу Марксъ—«до сихъ поръ еще ни одинъ химикъ не открылъ мѣновой цѣнности въ веществѣ жемчуга или алмаза».

Вещи, самой по себѣ, столь же чужда цѣнность, сколь чужды божескія свойства сдѣланному дикаремъ деревянному чурбану. И если для товаропроизводителя вещь является цѣнностью, а деревянный чурбанъ для дикаря богомъ, то это лишь потому, что въ средѣ самихъ товаропроизводителей (а отнюдь не вещей) имѣются общественныя отношенія, выражаемыя категоріей цѣнности, а среди дикарей (а не чурбановъ) имѣются условія, заставляющія дикарей обоготворять чурбаны.

Какое же общественное отношеніе выражается цѣнностью? Отношеніе общественнаго труда, работы однихъ членовъ общества на другихъ членовъ, и притомъ работы не непосредственной, но при посредствѣ обмѣна продуктовъ труда, становящихся, въ силу этого, товарами. Присущая всякому хозяйству категорія трудовой затраты тѣмъ отличается отъ исторической категоріи цѣнности, что послѣдняя предполагаетъ *матеріальное* выраженіе трудовой затраты въ продуктѣ труда. Отсюда вытекаетъ товарный фетишизмъ, своеобразный общественный миражъ, который исчезаетъ лишь съ паденіемъ товарнаго хозяйства.

«Общественный процессъ жизни т.-е. матеріальный процессъ производства лишь тогда сбросить съ себя мистическое покрывало, когда онъ, какъ продуктъ свободно соединившихся людей, станетъ подъ ихъ сознательный и планомерный контроль. Но для этого требуется такая матеріальная основа общества или такой рядъ матеріальныхъ условій его существованія, которыя, въ свою очередь, являются лишь естественнымъ продуктомъ долгаго и мучительнаго историческаго развитія» («Капиталъ». Т. I. Стр. 41).

Мистическое покрывало окутываетъ собой всѣ соціальныя отношенія, возникающія на почвѣ товарнаго производства. Специфической категоріей капиталистическаго строя является капиталъ. Капиталистическое хозяйство есть доведенное до своего завершенія товарное хозяйство, такое товарное хозяйство, въ которомъ не только продукты человѣческаго труда, но и самая рабочая сила человѣка становится свободно отчуждаемымъ товаромъ. Что-же такое капиталъ?

Прежде всего, капиталъ не есть вещь и не есть свойство вещи, подобно тому, какъ цѣнность не есть вещь и не есть свойство вещи.

«Накопленный трудъ, служащій для новаго производство—вотъ что такое капиталъ. Такъ говорятъ экономисты.

«Что такое рабъ-негръ? Человѣкъ черной расы. Одинъ отвѣтъ стоитъ другого.

«Негръ есть негръ. Но только при извѣстныхъ условіяхъ онъ становится рабомъ. Бумагопрядильная машина есть машина для пряденіе хлопка. Но только при извѣстныхъ условіяхъ она становится

капиталомъ. Въ этихъ условіяхъ она столь же мало капиталъ, сколь мало золото есть само по себѣ деньги» (Marx. «Lohnarbeit und Kapital». 1891. S. 21).

Если бы орудіе труда само по себѣ было капиталомъ, въ такомъ случаѣ капиталистическое хозяйство было бы не исторической, переходящей, а постоянной и неизмѣнной формой хозяйства. Нужно было-бы говорить о капиталистахъ каменнаго періода, когда человѣкъ началъ пользоваться орудіями труда.

Нѣтъ, капиталъ не есть та или иная вещь. Какъ цѣнность есть нѣкоторое общественное отношеніе, скрытое подъ матеріальной товарной оболочкой, такъ и капиталъ есть нѣкоторое общественное отношеніе, объективируемое въ вещахъ.

Коротко говоря, капиталъ есть цѣнность, приобретающая въ силу извѣстныхъ общественныхъ отношеній способность къ самовозрастанію. Капиталъ есть цѣнность, которая создаетъ нѣкоторый избытокъ цѣнности въ пользу своего собственника. Это приращеніе, этотъ излишекъ цѣнности Марксъ называетъ *прибавочной цѣнностью*.

Существованіе такой прибавочной цѣнности не подлежитъ сомнѣнію. Въ наиболѣе упрощенной формѣ прибавочная цѣнность проявляется въ видѣ ростовщическаго или ссуднаго процента. Ростовщическій капиталъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, одна изъ древнѣйшихъ формъ капитала. Античному міру была хорошо знакома (и, надо прибавить, была ненавистна) фигура ростовщика, ссужающаго свои деньги и получающаго ихъ обратно съ прибавкой огромнаго процента. Въ ссудномъ капиталѣ загадка прибавочной цѣнности выступаетъ наиболѣе ярко. Капиталистъ бросаетъ въ обращеніе опредѣленную сумму денегъ и черезъ нѣкоторое время сумма эта возвращается къ своему исходному пункту въ увеличенномъ видѣ. Создается прибавочная цѣнность, которая и поступаетъ въ распоряженіе капиталиста. Откуда же берется эта прибавочная цѣнность? Не порождаетъ ли ее самъ капиталъ, подобно тому, какъ курица кладетъ яйца или какъ на яблокѣ растутъ яблоки?

Въ ссудномъ капиталѣ капиталистическій фетишъ достигаетъ своей наиболѣе законченной формы, подобно тому, какъ товарный фетишъ достигаетъ полноты своего развитія въ деньгахъ. Какъ цѣнность кажется естественнымъ свойствомъ денежнаго металла, такъ и способность создавать процентъ кажется свойствомъ ссуднаго капитала. Мистическая оболочка совершенно скрываетъ въ ссудномъ капиталѣ его общественное содержаніе. Ослѣпленные чудесной способностью ссуднаго капитала порождать процентъ, экономисты доходили иногда въ своихъ расчетахъ самовозрастающей силы капитала до геркулесовыхъ столбовъ негѣности. Вспомнимъ, напр., знаменитыя соображенія экономиста XVIII вѣка Ричарда Прайса о погашеніи англійскаго національнаго долга.

Достаточно положить на продолжительный срокъ ничтожный капиталъ для возрастанія по сложнымъ процентамъ — и самый огромный долгъ будетъ погашенъ — такъ училъ Прайсъ, ослѣпленный силой самовозрастанія капитала. «Пенни, выданный въ ссуду при рожденіи Спасителя, и возрастающій по сложнымъ процентамъ изъ 5⁰/₁₀₀, превратился бы къ настоящему времени въ сумму денегъ, превосходящую по своимъ размѣрамъ 150 миллионъ земныхъ шаровъ, состоящихъ изъ чистаго золота» («Das Kapital». III¹ S. 381). Какой бездѣлицей является съ этими фантастическими золотыми мірами англійскій національный долгъ! Нужно только предоставить полный просторъ самовозрастающей силѣ капитала, и труднѣйшіе финансовыя вопросы будутъ разрѣшены шутя.

Капиталь-фетишъ, капиталъ, несущій золотыя яйца, рождающій самъ изъ себя процентъ, находитъ свое наиболѣе яркое и наглядное выраженіе въ ссудномъ капиталѣ. Но чтобы понять тайну процента, чтобы разгадать капиталистическій миражъ, нужно обратиться къ другимъ формамъ капитала. Подобно тому, какъ въ товарѣ скрыта разгадка денежнаго фетиша, такъ и разгадку капитала-фетиша нужно искать не въ ссудномъ, а въ производственномъ капиталѣ. Производственный капиталъ выступаетъ на историческую арену гораздо позже ростовщическаго и торговаго капитала. Торговый капиталъ появляется одновременно съ ростовщическимъ, но эра капиталистическаго способа производства начинается лишь съ XVI вѣка. Несмотря на свое позднее появленіе, производственный капиталъ есть капиталъ по преимуществу. Пока ростовщическій и торговый капиталъ были единственно извѣстными формами капитала, до тѣхъ поръ общій строй народнаго хозяйства не былъ капиталистическимъ. Ростовщикъ и торговецъ представляютъ собой характерныя фигуры хозяйственнаго міра древнихъ и среднихъ вѣковъ, но не онѣ опредѣлили собой типъ античнаго и средневѣковаго хозяйства. Пока ростовщическій процентъ былъ главнѣйшей формой капиталистическаго дохода, до тѣхъ поръ капиталистическій доходъ признавался общественнымъ мнѣніемъ противоестественной и безнравственной формой дохода. И только съ тѣхъ поръ, какъ капиталистическій способъ производства преобразовалъ всѣ основы хозяйства, общественное правосознаніе перестало возмущаться капиталистическимъ доходомъ.

Откуда же возникаетъ прибыль промышленнаго капиталиста? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ рѣшеніе всей загадки прибавочной цѣнности.

Не возникаетъ ли прибавочная цѣнность изъ самого обращенія товаровъ, изъ того, что товары продаются по цѣнамъ, превышающимъ дѣйствительныя цѣнности? Если бы это было такъ, то выигрышъ одного капиталистическаго предпринимателя былъ бы равносильнъ убытку другого. Капиталисты въ своей совокупности, какъ классъ, ничего не выигрывали бы и не проигрывали бы — только отдѣльныя лица класса были бы въ выгодѣ или въ убыткѣ. Но такъ какъ капита-

листы, какъ общественный классъ, извлекаютъ прибавочную цѣнность, то, слѣдовательно, источникомъ прибавочной цѣнности не можетъ быть обращеніе товаровъ, несовпаденіе цѣны и цѣнности товаровъ.

Остается искать источника прибавочной цѣнности въ производствѣ товаровъ. Приступая къ производству, капиталистъ долженъ приобрести товары двоякаго рода: во-первыхъ, средства производства, которые не могутъ создать никакой новой цѣнности, а только переносить на продуктъ цѣнность, заключенную въ нихъ самихъ; и, во-вторыхъ, рабочую силу человѣка, которая является источникомъ всякой цѣнности. Цѣнность человеческой рабочей силы опредѣляется на товарномъ рынкѣ такъ же, какъ и всякаго иного товара: трудовая стоимость производства товара—рабочей силы и есть его цѣнность. Приобрѣтши этотъ товаръ на рынкѣ, капиталистъ приобретаетъ и право пользованія имъ. Допустимъ, что цѣнность товара рабочей силы равна 6 часамъ въ сутки т. е., что ежедневно потребуется шестичасовой трудъ для поддержанія работоспособности и жизни рабочаго и его семьи. Если рабочій будетъ работать въ пользу капиталиста тѣ же 6 часовъ, то капиталистъ получитъ отъ рабочаго такую же цѣнность, какую онъ самъ выдалъ рабочему въ видѣ заработной платы; иными словами, никакой прибавочной цѣнности не возникнетъ. Но ничто не обязываетъ капиталиста ограничить рабочій день такимъ короткимъ срокомъ. Онъ купилъ право пользованія рабочей силой въ теченіе всего дня и, естественно, постарается извлечь возможно большую выгоду изъ своего права. Если онъ заставитъ рабочаго работать 12 часовъ въ сутки, то это будетъ вполне согласно съ условіями рабочей сдѣлки. Въ 12 часовъ рабочій создастъ въ пользу капиталиста двѣнадцать единицъ цѣнности; расходъ же капиталиста на приобретение рабочей силы выразился 6 единицами цѣнности. Разница въ 6 единицъ цѣнности есть чистый выигрышъ нашего капиталиста, прибавочная цѣнность, извлеченная имъ изъ капиталистическаго процесса производства.

Итакъ, тайна прибавочной цѣнности раскрыта. Рабочій работаетъ въ пользу капиталиста болѣе продолжительное время, чѣмъ то, которое требуется для возстановленія полученной имъ заработной платы. Этотъ неоплаченный капиталистомъ прибавочный трудъ и есть источникъ прибыли капиталиста.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что прибавочная цѣнность отнюдь не есть созданіе самого капитала. Средства производства существовали всегда съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ возвысился надъ чисто животнымъ состояніемъ; но средства производства превратились въ капиталъ лишь съ того времени, какъ на товарномъ рынкѣ появился новый родъ товаровъ—человѣческая рабочая сила. Для этого же, въ свою очередь, требуются опредѣленные социальныя отношенія, возникающія путемъ историческаго развитія. Чтобы продавать свою рабочую силу, рабочій долженъ быть, во-первыхъ, лично свободенъ, такъ какъ

можно продавать лишь то, на что имѣешь право собственности (раба не могъ себя продавать, такъ какъ былъ самъ собственностью господина). Вторымъ условіемъ появленія на рынкѣ товара — рабочей силы является невозможность для рабочаго продавать что-либо, кромѣ своей рабочей силы — отсутствіе у него средствъ производства. Рабочій долженъ быть, слѣдовательно, свободенъ въ двоякомъ смыслѣ: свободенъ лично и свободенъ отъ средствъ къ существованію. Ему противостоитъ капиталистъ, располагающій средствами производства и готовый приобрести рабочую силу нашего пролетарія, но, конечно, не изъ филантропіи, а съ вполне яснымъ коммерческимъ расчетомъ — извлечь изъ рабочаго возможно большую сумму прибавочнаго труда.

Капиталистъ начисляетъ свою прибыль на весь затраченный въ производствѣ капиталъ, какъ на ту долю его, которая превратилась въ рабочую силу, такъ и на средства производства. Но средства производства играютъ въ образованіи прибавочной цѣнности пассивную роль — они только переносятъ на готовый продуктъ свою цѣнность, не создавая новой цѣнности; поэтому Марксъ называетъ ихъ *постояннымъ* капиталомъ. Напротивъ, рабочая сила, занятая въ процессѣ производства, создаетъ большую цѣнность, чѣмъ та, которая была потрачена на приобретение рабочей силы; поэтому эту часть капитала Марксъ называетъ *переменнымъ* капиталомъ. Только переменный капиталъ создаетъ прибавочную цѣнность, а слѣдовательно, и прибыль капиталиста. Отношеніе прибавочной цѣнности къ переменному капиталу образуетъ собой *уровень прибавочной цѣнности*. Очевидно, уровень прибавочной цѣнности долженъ быть выше процента прибыли (т. е. отношенія прибавочной цѣнности ко всему затраченному капиталу).

Капиталистическая прибыль есть одна изъ формъ прибавочной цѣнности, но совершенно неправильно отождествлять прибавочную цѣнность съ прибылью. Капиталистическій предприниматель не имѣетъ никакой возможности присвоить себѣ всю прибавочную цѣнность, выкаченную имъ изъ рабочаго. Только часть этой прибавочной цѣнности остается въ рукахъ промышленнаго капиталиста и образуетъ его прибыль; остальная же часть распределяется между другими классами общества. Капиталистъ-торговецъ требуетъ своей доли въ прибавочной цѣнности и получаетъ ее, покупая товаръ у промышленнаго капиталиста по пониженной цѣнѣ, сравнительно съ истинной цѣнностью товара; продавая товаръ потребителю по его истинной цѣнности, торговецъ сохраняетъ въ свою пользу разницу въ цѣнѣ и такимъ образомъ реализуетъ свою прибыль. Если капиталистическій предприниматель ведетъ свое предпріятіе при помощи заемнаго капитала, то его кредиторъ, денежный капиталистъ, получаетъ свою долю прибавочной цѣнности въ видѣ ссуднаго процента, который долженъ уплачивать кредитору нашъ предприниматель. Земельная рента есть не что иное, какъ доля прибавочной цѣнности, уплачиваемая землевладѣльцу

арендаторомъ или реализуемая имъ въ цѣнѣ продукта. Точно также налоги, взимаемые государствомъ, представляютъ собой прибавочную цѣнность, присваиваемую государствомъ; изъ прибавочной же цѣнности черпаются и доходы непродизводительныхъ классовъ общества, т.-е. классовъ, не производящихъ своимъ трудомъ новой цѣнности. Сюда входятъ не только праздныя лица, но и чрезвычайно полезные работники, трудъ которыхъ, однако, не имѣетъ хозяйственного характера—какъ, напр., ученые, врачи, судьи, артисты, учителя и пр. Всѣ они живутъ на счетъ прибавочной цѣнности, создаваемой трудомъ рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ.

Чтобы правильно понимать теорію прибавочной цѣнности, нужно помнить, что она имѣетъ въ виду объяснить распредѣленіе народнаго дохода не между индивидуальными лицами, а между общественными *классами*. Когда мы говоримъ о рабочемъ, промышленномъ капиталистѣ, торговцѣ и пр., то всегда нужно подразумѣвать не отдѣльнаго рабочаго, промышленника, торговца, но *классъ* рабочихъ, *классъ* промышленниковъ и пр. Именно въ этомъ смыслѣ теорія прибавочной цѣнности утверждаетъ, что прибыль капиталиста создается не всѣмъ его капиталомъ, а только переменною частью послѣдняго, — рабочей силой, занятой въ производствѣ. Это можетъ быть вѣрно только въ приложеніи ко всему классу капиталистовъ, но отнюдь не къ отдѣльному представителю капиталистическаго класса.

Распредѣленіе прибыли между отдѣльными капиталистами подчиняется совершенно инымъ законамъ. Если бы прибыль каждаго капиталиста была пропорціональна создаваемой въ данномъ предпріятіи прибавочной цѣнности, то въ такомъ случаѣ процентъ прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ неминуемо сталъ бы различенъ благодаря различію того, что Марксъ называетъ органическимъ строеніемъ капитала т.-е. распредѣленія капитала на постоянную и переменную часть. Чѣмъ большую долю капитала составляетъ его переменная часть, тѣмъ выше долженъ ~~бы~~ быть процентъ прибыли, такъ какъ только переменный капиталъ создаетъ прибавочную цѣнность. Но условія капиталистической конкуренціи не допускаютъ различія процента прибыли—капиталистическія предпріятія должны давать, въ среднемъ, одинаковый процентъ прибыли, какъ бы ни были велики различія органическаго строенія капитала. Поэтому, не подлежитъ сомнѣнію, что прибыль индивидуальнаго капиталиста отнюдь не пропорціональна создаваемой въ данномъ предпріятіи прибавочной цѣнности и не опредѣляется только переменною частью капитала. Марксъ представляетъ процессъ образованія прибыли въ отдѣльномъ предпріятіи слѣдующимъ образомъ. Для всего класса капиталистовъ единственнымъ источникомъ прибыли является прибавочная цѣнность, создаваемая производительными рабочими. Но отдѣльные капиталисты распредѣляютъ между собой эту прибыль пропорціонально всему затрачиваемому капиталу, а

не только переменнѣйшей его чачсти. Капиталисты, въ предпріятіяхъ которыхъ преобладаетъ переменный капиталъ, побуждается конкуренціей уступать часть создаваемой въ ихъ предпріятіяхъ прибавочной цѣнности тѣмъ капиталистамъ, въ предпріятіяхъ которыхъ преобладаетъ постоянный капиталъ. Такимъ образомъ, путемъ перераспределенія прибавочной цѣнности между отдѣльными капиталистами, осуществляется основной капиталистическій законъ равенства прибылей. Прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста зависитъ въ такой же мѣрѣ отъ постоянного, какъ и переменнаго капитала, но для всего капиталистическаго класса трудъ рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, иначе говоря, переменный капиталъ есть единственный источникъ прибыли.

Теорія прибавочной цѣнности вскрываетъ намъ тайну капитала-фе-тиша, высшимъ выраженіемъ которой является чудесная способность ссуднаго капитала въ самовозрастанію, къ созданію процента. Если мы обратимся къ хозяйственнымъ эпохамъ, предшествовавшимъ капитализму, то увидимъ тотъ же прибавочный трудъ, но безъ всякаго мистическаго покрывала. «Весь мистицизмъ товарнаго міра, все то волшебство и колдовство, которое окружаетъ продукты труда, производимые на основѣ товарнаго производства, исчезаютъ тотчасъ, какъ только мы обращаемся къ другимъ формамъ производства». Возьмемъ напр., аяичную организацію хозяйства, покоившуюся на рабскомъ трудѣ. Можетъ ли прійти въ голову господина или раба сомнѣніе, что господинъ живетъ за счетъ труда раба? Тоже слѣдуетъ сказать и о средневѣковомъ хозяйственномъ строѣ, когда рабочій былъ крѣпостнымъ своего сеньера. «Крѣпостной трудъ такъ же хорошо измѣряется временемъ, какъ и трудъ, производящій товары; но каждый крѣпостной знаетъ, что онъ тратитъ опредѣленное количество своей личной рабочей силы на службѣ своего господина» («Капиталъ», т. I. Стр. 39) Когда три дня въ недѣлю крестьянинъ работаетъ на своемъ полѣ, а три дня на помѣщицкѣмъ, то существованіе прибавочнаго труда очевидно для всѣхъ.

«Капиталъ не избрѣлъ прибавочнаго труда. Вездѣ, гдѣ одна часть общества имѣетъ монополію на средства производства, рабочій, свободный или несвободный, долженъ къ рабочему времени, необходимому для поддержанія его собственной жизни, прибавить излишнее рабочее время, идущее на производство средствъ существованія для владѣльца средствъ производства, будетъ ли это аѳинскій *καλὸς κἀγαθός*, этрусскій теократъ, римскій гражданинъ (*civis romanus*), норманскій баронъ, американскій рабовладѣлецъ, валашскій бояринъ, современный лэндлордъ или капиталистъ» («Капиталъ» Т. I. Стр. 175—176). Но капиталъ скрылъ прибавочный трудъ подъ специфической капиталистической категоріей прибавочной цѣнности. Благодаря этому возникла иллюзія, будто капиталистическая прибыль, процентъ на капиталъ, создается

*

не неоплаченнымъ, прибавочнымъ трудомъ рабочаго, но самимъ капиталомъ. Эксплуатація крѣпостного крестьянина помѣщикомъ бросается въ глаза; напротивъ, капиталистъ и рабочій кажутся равноправными участниками гражданской сдѣлки, купли-продажи рабочей силы. Сдѣлка эта юридически вполне подобна всякой другой товарной сдѣлкѣ; и какъ при обмѣнѣ пшеницы на сукно нѣтъ основанія предполагать эксплуатацію одной стороны другой, такъ и при куплѣ-продажѣ рабочей силы эксплуатація рабочаго капиталистомъ совершенно скрывается подъ обманчивой видимостью гражданской равноправности обоихъ контрагентовъ. Но это юридическое равенство есть только правовая оболочка экономического неравенства. Капиталистическій способъ производства точно также основывается на присвоеніи прибавочнаго труда, какъ и предшествующіе ему способы производства—рабскій и крѣпостной.

Таково существенное содержаніе теоріи дѣйности и прибавочной дѣйности Маркса. Критику этой теоріи отлагаемъ до слѣдующей книжки.

М. Туганъ-Барановскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОПЕЧАТКА: въ іюльской книгѣ, стр. 169, 9-ая строка снизу—напечатано—«министерство Гюго», надо—«Гизо».

ПОПРАВКА: Въ драмѣ Метерлинка «Монна Ванна», напечатанной въ іюльской книгѣ, просить исправить слѣдующія, вкрившіяся при версткѣ, опечатки, искажающія смыслъ: на стр. 202, строка 9 сверху, послѣ словъ «оскорбитъ его» выпало слово «кошунственнымъ».—На стр. 204, строка 6 сверху, напечатано «нищій, какъ и онъ», надо читать: «нищій, только съ нею».—Стр. 220, строка 15 сверху, напечатано «лучше», надо—«раньше».—Стр. 221, строка 18 снизу, послѣ слова «рѣшетки» пропущена запятая.—Стр. 228, строка 11 снизу, послѣ слова «потому что» выпало «это».—Стр. 229, строка 4 сверху, вмѣсто «Принциваль» надо поставить «Гамбо».

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Нѣчто о «возрожденіи» Россіи.—Знаменія его: «Заря» и «Москва», славянофильскіе сборники.—«Мирный трудъ», журналъ проф. Вязьмина.—Что провозглашаютъ новоявленные пророки «возрожденія».—Образчики славянофильской экономіи.—Что такое истинный націонализмъ.—Почему проповѣдь современнаго славянофильства мертва.

«Благословите, братцы, старину сказать.

«Въ великой книгѣ Вожіей написана судьба нашей родины,—такъ вѣрили въ старину на Руси, и древняя родная мысль наша тревожно и страстно всматривалась въ темныя дали будущаго, тѣ дали, гдѣ листъ за листомъ будетъ раскрываться великая хартія судебъ всемирной...»

Откуда это? Что значитъ этотъ величаво-гаерскій тонъ, смѣсъ расшнурованнаго дѣтствомъ?—спроситъ изумленный читатель. Это—«благовѣстѣ» о «возрожденіи» Россіи, ни больше ни меньше, какъ возвѣщаютъ намъ два сборника, вышедшіе одинъ въ началѣ года, другой недавно—«Заря» и «Москва», въ которыхъ провозглашается всему міру русскому о новомъ чудѣ добромъ и радостномъ, о славянофильскомъ походѣ на всякаго врага и супостата, заполонившаго нынѣ «святую Русь». Ударяя въ бубны и тимпаны, или по-московски, «во всѣ колокола», кучка до сихъ поръ невѣдомыхъ міру славянофиловъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ общаго разгрома, постигшаго (по ихъ словамъ) «святую Русь», собралась вкупу и влюбъ и, «напрягнувши умъ, наморщивши чело», съ потугами и усиліями, отвѣчающими важности задачи, выпустила два сборника, полные предостереженій, мудрыхъ указаній и восторженныхъ откровеній.

Читатели не должны сѣтовать, если міръ, который имъ откроется, покажется имъ страненъ, напоминать имъ «чудище обло, озорно, стовѣнно и лапѣ»: все надо знать, тѣмъ болѣе свое, родное, въ которомъ какъ никакъ звучать несомнѣнно отголоски современности.

Оживленіе славянофильства—вотъ что прежде всего знаменуютъ эти сборники, которые не стоятъ одиноко, но къ нимъ примыкаютъ и другія однозначущія явленія, какъ увидимъ ниже. Признаемся,—мы думали, что славянофильство теперь есть мертвый историческій терминъ, обозначающій давно отжившее историческое явленіе. Оказывается,—это далеко не такъ; оно, по крайней мѣрѣ, само заявляетъ, что живо и несетъ въ себѣ не что-нибудь иное, какъ «воз-

рожденіе Россіи». Уже ради одной этой великой «миссіи», возлагаемой имъ на свои рамена, оно заслуживаетъ если не вниманія, то хотя бы нѣкотораго знакомства. Правда, матеріалъ для этого, — мы должны предупредить читателей, очень скуденъ. Въ обоихъ сборникахъ фигурируютъ все интересные незнакомцы, скрывающіе свои великія имена подъ многообъясчающими псевдонимами или скромными инициалами: Апокрифъ, Славяноборъ, Македонецъ, Русскій, Востокѣдъ, Г. Е. Р. У—скій, В—евъ. Остальные имена, пропечатанныя полностью, также мало говорятъ уму и сердцу: Недолинъ, Ягодинскій, Московцевъ. Къ великому нашему стыду, мы съ ними нигдѣ не встрѣчались въ печати и ничего не можемъ сказать о ихъ дѣятельности. Но, пожалуй, оно и лучше: съ тѣмъ большей свободой могутъ говорить они, не будучи связаны прошлымъ, которое обязываетъ.

И дѣйствительно, прошлаго для нихъ не существуетъ. «Заря». Выпускъ I,—читаемъ на обложкѣ перваго сборника, что знаменуетъ и выпускъ второй, стало быть дѣло, рассчитанное на будущее если не процвѣтаніе, то продолженіе. Открывается сборникъ статьей «Гр. Л. Н. Толстой и вопросъ жизни» Н. Апокрифа, въ которой нѣтъ собственно ничего славянофильскаго. Это довольно обычная критика нѣкоторыхъ положеній Л. Н. Толстого, написанная въ тонѣ сдержанномъ и даже мѣстами весьма почтительномъ, что рѣзко выдѣляетъ эту статью среди другихъ. Не соглашаясь въ основныхъ положеніяхъ, критикъ признаетъ тѣмъ не менѣе великое значеніе дѣятельности Толстого. «Одно уже то, что гр. Толстой заставилъ очень и очень многихъ относиться съ большимъ вниманіемъ и строгостью къ нравственнымъ основамъ своей жизни, требуя осмыслить ее безсмертнымъ смысломъ, онъ заслуживаетъ, чтобы имя его, великое въ изящной литературѣ, было вписано и въ книгу великихъ именъ учителей доброй жизни». И далѣе, отмѣчая «могущественную нравственную проповѣдь» Л. Толстого, авторъ задаетъ вопросъ, что «не заслужить ли современемъ гр. Л. Толстой благодарной надгробной надписи, подобной той, которою германскій народъ почтилъ своего великаго національнаго мыслителя: «Кто звалъ къ справедливости, будетъ вѣчно свѣтить, какъ звѣзды». Этотъ необычный тонъ, мало вижущійся со всѣмъ содержаніемъ сборниковъ, производитъ пріятное впечатлѣніе безпристрастнаго исканія истины даже тамъ, гдѣ авторъ и не надѣется найти ее.

Повторяемъ, эта статья попала сюда по недоразумѣнію, ибо далѣе въ сборникахъ идетъ настоящая славянофильская свистопляска съ обычными для современнаго славянофильства неуязвимыми движеніями. Начинаетъ ее г. Недолинъ, обрушиваясь сразу на весь западъ, которому онъ грозитъ «жупеломъ и металломъ», если тотъ во-время не опомнится и не признаетъ добровольно единою «святую русскую правду». Наступитъ моментъ, вопить въ восторженномъ порывѣ г. Недолинъ, когда «по пятамъ изгнанныхъ насильниковъ можетъ послѣдовать месть освободившихся народовъ, не менѣе сильныхъ, окрѣпшихъ, но не забывшихъ многовѣковаго рабства. Тогда могла бы наступить такая всемірная революція, такое страшное потрясеніе стараго европейскаго міра, подобнаго чему не видала подлунная. Россія въ тотъ часъ должна быть страшно

сильна и грозна, — грозна гнѣвомъ Бога, чтобы дать народамъ правду, судъ и свободу». Словомъ, трепещите, языцы, и покоряйтесь.

Кто же, однако, эти «рабы» Европы, готовящіеся изгнать насильниковъ и при помощи Россіи прописать на ихъ спинахъ «святую, русскую правду»? Довольно смутно объ этомъ въ статьѣ самого г. Недолина, но изъ дальнѣйшихъ статей сборника можно съ нѣкоторой долей вѣроятности догадываться, что рѣчь идетъ о славянахъ, которыхъ давятъ Европа. Получается нѣсколько странное впечатлѣніе, будто славяне не та же Европа, а Азія, что ли. Ни о какихъ особыхъ утѣсеніяхъ не говорится, приводится только описаніе хозяйства Австріи въ Босніи-Герцеговинѣ. Непохвально, конечно, ведетъ себя Австрія, спору нѣтъ, хотя отсюда еще очень далеко до невиданной въ подлунной революціи. Любопытный вопросъ, между прочимъ, можно бы задать славянофиламъ, — пожелали бы столь оплакиваемые ими славяне вырваться изъ объятій Европы и очутиться въ объятіяхъ Россіи со всей ея «святорусской правдой», которую такъ охотно готовъ прописать на спинѣ Европы г. Недолинъ? Славянъ въ Европѣ мы знаемъ — поляковъ, чеховъ, сербовъ, русиновъ, хорватовъ, болгаръ, черногорцевъ и нѣсколько болѣе мелкихъ племенъ. Что если бы сдѣлать анкету, кто изъ нихъ готовъ отдаться во власть «святорусской правды» теперь же? Смѣемъ думать, что получился бы весьма интересный и назидательный для нашихъ славянофиловъ отвѣтъ.

Но, правду говоря, насъ меньше всего интересуютъ «братушки» и отношеніе къ нимъ славянофильства. Братушки, извѣстно, народъ неблагодарный. Мы всечасно готовы ихъ освободить, а они еще за это на чашекъ просятъ. Мы за нихъ кровь проливаемъ (не говоря уже о массѣ чернилъ), а они намъ Стамбуловыми грозятъ. Словомъ, народъ жестоковѣрный и непокорный, и развѣ одинъ г. Вергунъ достоинъ уваженія. Да и онъ изъ русской правды усвоилъ одну только пословицу, что «ласковое теля двухъ матокъ сосетъ», и потому открылъ подписку на свой «Славянскій Вѣкъ» у насъ и въ Вѣнѣ. Гораздо интереснѣе для насъ отношеніе славянофильства къ намъ, живущимъ вмѣстѣ съ ними подъ крыломъ единой святорусской правды. Что-то намъ они обѣщаютъ? Какое-такое «возрожденіе» намъ пророчествуютъ? Братушки — тѣ все-таки въ «Европѣ» обрѣтаются и до нихъ не доберешься, а мы тутъ подъ рукой, и вполне понятно, что практическая программа «святорусской правды» прежде всего должна быть проведена на нашихъ спинахъ. Ясно отсюда, что мы гораздо ближе заинтересованы въ основныхъ положеніяхъ, коими славянофилы нашихъ дней готовы благодѣтельствовать своихъ присныхъ.

Сборникъ «Москва» даетъ на это по возможности отвѣтъ обстоятельный. Онъ начинается ab ovo, т.-е. съ школы, затѣмъ переходитъ къ вопросу объ національности и къ печати. Въ томъ же порядкѣ и мы будемъ знакомиться съ основными положеніями современнаго славянофильства.

Въ «Задачѣ современности» г. А. М. У—скій раскрываетъ идею возрожденія славянофильской школы, предупреждая, что «не плакать, не смѣяться, но понимать» надо его статью. Итакъ, воздержимся на время. Хотя статья трактуетъ о школѣ вообще, но рѣчь по существу идетъ о поднятій «издревле

служилого сословія», или проще — «нашего вѣрнаго дворянства». «Есть серьезныя основанія утверждать, — говоритъ авторъ вначалѣ, — что за освобожденіемъ крестьянъ установившаяся система образованія была главною причиною экономическаго паденія помѣстнаго дворянства». «Въ силу своихъ особенныхъ традицій, — поучаетъ авторъ, — дворянство не имѣло навыка къ трудовому приобрѣтенію матеріальныхъ средствъ, считая все подобное занятіемъ, не приличествующимъ дворянству, и вслѣдствіе этого, естественно, не имѣло ни надлежащихъ знаній, ни практической подготовки, необходимыхъ для самостоятельнаго, трудового приобрѣтенія средствъ, что требовалось уже новою эпохою». Надо было еоздать «новое питаніе», путь къ которому долженъ лежать черезъ школу. А для этого надо слѣдять школу «земледѣльческую», такъ какъ дворянство имѣетъ (или имѣло) землю, но не умѣло съ нею обращаться. «Программа русской школы должна быть существенно опредѣлена программой русской жизни: послѣ русской азбуки — азбука землевѣдѣнія; послѣ православнаго катехизиса — катехизисъ земледѣлія, среди молитвъ къ Богу — теплыя молитвы къ землѣ: въ этомъ основаніе національной программы русской школы». Далѣе рекомендуется внушить дворянству «уваженіе къ рублю», который дворянство раньше презирало, теперь же къ оному вожделѣтъ, но недостаточно уважаетъ. Въ заключеніе «вопросъ о правительственномъ поощреніи». Россія страна земледѣльческая, а потому «каждая постановка къмъ либо въ Россіи образцоваго, въ смыслѣ экономическомъ и культурномъ, хозяйства... подлежитъ публичной отмѣткѣ тѣмъ или другимъ способомъ въ законодательномъ порядкѣ. Въ большинствѣ случаевъ такіе дѣльные хозяева изъ лучшихъ земскихъ людей отличаются здравымъ умомъ и яснымъ пониманіемъ мѣстныхъ условій экономической жизни и народныхъ нуждъ, и поэтому только черезъ такихъ дѣтелей, людей трезваго сужденія, обширнаго ума и большого опыта, возстановится плодотворная связь между Землей и Властью. Кстати припоминается поучительный для насъ разсказъ. Въ одной старой земледѣльческой странѣ былъ слѣдующій интересный обычай: первый вельможа въ государствѣ при вступленіи своемъ въ должность обязанъ былъ при устроенныхъ въ честь этого событія празднествахъ всенародно пройти борозду въ полѣ съ сохой... Хорошій бы обычай для Россіи», глубокомысленно заключаетъ г. У — скій. Обычай ничего себѣ, замѣтимъ и мы, главное, недорогой и ни для кого не обидный — ни для «бархатника», ни для «пахотника», и сверхъ того символизирующій «плодотворную связь земли съ властью». Хорошо пишутъ господа славянофилы о воспособленіи дворянству: дворянская школа, законодательнымъ порядкомъ отмѣтка и — связь. Въ особенности правится намъ идея автора внушить дворянскому юношеству уваженіе къ рублю. По времени этотъ совѣтъ важнѣе прочихъ, такъ какъ съ каждымъ днемъ рублей у насъ становится все меньше и меньше, какъ объ этомъ докладываетъ намъ постоянно тоже «славянофилъ» г. Сергій Шараповъ.

Столько о школѣ. Авторъ ни мало не смущается вопросомъ, каковъ долженъ быть «земледѣльскій катехизисъ», что это за земледѣльческая азбука. Все это не суть важно, ибо важно одно — изыскать новый способъ «питанія» для обиженнаго судьбою сословія, которое, по своимъ традиціямъ имѣя склон-

ность къ питанію, не обладаетъ для онаго средствами. Столь же простъ въ разрѣшеніи національнаго вопроса и г. Недолинъ, который полемизируетъ съ Вл. Соловьевымъ объ націонализмѣ. «Не пристало Россіи искать, т.-е. вѣрнѣе заискивать какого-то фантастическаго примиренія съ Европой, какъ это надлежитъ намъ сдѣлать, слѣдуя политическимъ идеямъ Вл. Соловьева,—пора самой Европѣ сознать всѣ свои вины передъ Россіей, а тѣмъ народамъ, которые, давно уже и навсегда побѣжденные Россіей, вошли въ составъ ея населенія, но все еще въ лицѣ шумливыхъ газетныхъ фразеровъ «враждуютъ» съ нами заднимъ числомъ, понять смыслъ своихъ предательскихъ чувствъ, а подчасъ и дѣйствій, по отношенію къ руссійскому государству». Любопытнѣе всего въ этой тирадѣ «всѣ вины» Европы. Жаль, что дальше мы не находимъ ихъ перечисленія, а то г. Недолинъ внесъ бы очень полезную графу въ нашу долговую книгу: «а за всѣ вины столько-то». Счетъ этотъ славянофилы ведутъ издавна, со времени Петра, и до сихъ поръ не могутъ подвести итоговъ. Европа съ своей стороны могла бы предъявить болѣе существенный счетъ, въ видѣ нѣсколькихъ миллиардовъ рублей, данныхъ ею въ займы на разныя мѣропріятія, въ томъ числѣ и на воспособленіе дворянскому сословію, о нуждахъ котораго современные славянофилы такъ пекутся. Право, за это одно она заслуживаетъ спасибо. Что было бы съ ними, если бы по ихъ желанію Европа снялась съ мѣста и исчезла, какъ щедринскій мужикъ, который улетучился по молитвѣ глупаго помѣщика, ненавидѣвшаго мужичій духъ? Г. Недолинъ, надѣмся, помнить, что случилось съ глупымъ помѣщикомъ, котораго и начальство за это не одобрило.

Европу, конечно, пугать можно, но достать ее трудно, и потому г. Недолинъ всю свою энергію направляетъ на чуждыя національности, «давно уже побѣжденные», и обращается къ евреямъ. Отрицая цѣликомъ мысль Соловьева о необходимости равноправности, авторъ съ пафосомъ восклицаетъ: «Что же будетъ, если евреи, какъ того требуютъ ихъ защитники, стали бы «равноправными» съ русскимъ народомъ въ русской землѣ, если даже теперь, когда цѣлкія руки евреевъ все-жъ-таки не вполне еще развязаны, они со своимъ гениальнымъ пролазничествомъ забираются всюду, умѣютъ находить самые вліятельныя связи, легко и незамѣтно подбираютъ къ своимъ рукамъ не только богатства русской земли, но, заполняя свободныя профессіи, постепенно, но неуклонно и послѣдовательно захватываютъ и русскую литературу... Наша государственная власть... защищаетъ «малыхъ силъ», русскій народъ, отъ позорнаго еврейскаго ига». Также рѣшаетъ славянофилъ г. Недолинъ и всѣ остальные національные вопросы, все своди къ «единой святорусской правдѣ»: все, что не русское, да трепещетъ... «Націонализмъ въ политикѣ, націонализація гражданской жизни»—альфа и омега, ея же не преjdeши.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о націонализмѣ вообще, остановимся нѣсколько только на «позорномъ еврейскомъ игѣ». Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Восхода» мы нашли очень вѣрную характеристику этого «ига», которую и приводимъ. Говоря о кончинѣ Антокольскаго, родившагося въ одномъ изъ предмѣстій Вильно, «Восходъ» пишетъ:

«Трудовая жизнь виленскихъ предмѣстій, которую Антокольскій изображалъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ 40 лѣтъ тому назадъ, приняла съ тѣхъ поръ трагическія формы. Старые центры промышленной и торговой жизни падаютъ, вырастаютъ новые, но они недоступны евреямъ, они лежатъ внѣ черты осѣлости, или въ сельскихъ мѣстностяхъ, внѣ черты старыхъ городовъ, у желѣзнодорожныхъ станцій, или около рудниковъ, новыхъ пристаней... Старыя еврейскія профессіи также отживаютъ, а возникающія новыя недоступны евреямъ. Евреи удалены постепенно изъ всей области государственнаго хозяйства, получившаго въ Россіи небывалое развитіе, изъ городскихъ и земскихъ учреждений и предпріятій, устраниены отъ желѣзнодорожной службы, отрѣзаны отъ селскаго хозяйства, не принимаются на крупныя фабрики. Осталось въ нихъ распоряженіи очень немного профессій, гдѣ новые кадры увеличиваютъ число безработныхъ, и немного мѣстъ для постоянного жительства, гдѣ они скупились въ страшной тѣснотѣ и грязи, гдѣ царятъ повальные болѣзни, а нищета доходитъ до крайнихъ размѣровъ. Мирная концентрація евреевъ, ведущаяся съ 1882 года, достигла своего апогея. Идеалъ антисемитовъ—сварить евреевъ въ собственномъ соку, какъ мѣтко выразился П. Боборыкинъ,—теперь достигнутъ. Голодъ чувствуется во всѣхъ движеніяхъ и взглядахъ еврейской толпы на улицѣ—это говорить и не очень мягкосердечный сотрудникъ «Новаго Времени», посланный въ прошломъ году для ознакомленія съ виленской еврейской жизнью.

«Что же дальше? Можетъ ли общество, признающее нравственный законъ, смотрѣть равнодушно на участь миллионной массы, запертой въ тѣсныхъ стѣнахъ нѣсколькихъ крупныхъ городовъ, можетъ ли государственный организмъ допустить безъ вреда для своихъ насущныхъ интересовъ такіе очаги нищеты, гдѣ возникаютъ, растутъ и акклиматизируются не только болѣзнетворныя заразы, но и всякіе виды преступленій? Въ государствѣ, какъ въ остальномъ организмѣ, всѣ части тѣсно связаны между собой, и одинъ гніющій или омертвѣвающій очагъ поражаетъ ядовитыми соками все тѣло. Только воспитанная вѣками религіозность, покорность, выносливость и умѣренность давали еще возможность евреямъ спастись отъ полнаго упадка и разложенія; но деградация продолжается, нищета усиливается, и традиціонныя еврейскія добродѣтели падаютъ, а мѣстами проявляются уже всѣ физическіе и моральные ужасы экономической агоніи. Безшумно страдаютъ многочисленные плѣнники гетто, надъ ними злорадствуютъ антисемиты, о нихъ молчатъ сердобольные либералы. Но сама жизнь напомнила объ этихъ morituri въ тотъ часъ, когда вся Россія чествуетъ ихъ умершаго собрата, принесшаго столько славы своему отечеству. Онъ былъ счастливъ, этотъ гениальный выходецъ виленскаго гетто, онъ началъ работать въ иное время, когда не всѣ еще пути были намъ заказаны».

Имѣютъ ли что возразить авторы «Зари» на эту горькую правду? Говоря о евреяхъ, г. Недолинъ съ братіей имѣютъ въ виду обыкновенно тѣхъ немногочисленныхъ еврейскихъ представителей биржи и капитала, для которыхъ не существуетъ никакихъ ограниченій, и забываютъ о миллионной массѣ,

условія жизни которой такъ краснорѣчиво описываетъ «Восходъ» и которую имѣлъ въ виду, конечно, и покойный Вл. Соловьевъ.

Есть одно достоинство въ современномъ славянофильствѣ, это—его откровенность. Читая статьи обоихъ сборниковъ отнюдь не впадешь въ сентиментализмъ стараго славянофильства, что-то, хотя и смутно, говорившаго объ идеальномъ братствѣ, о единеніи душъ, хотя бы и въ маниловскомъ тонѣ, и проч. Нынѣ всему этому конецъ,—какой-то почти свирѣпой ненавистью ко всему чужому несетъ отъ этихъ рѣчей о приведеніи всѣхъ къ одному знаменателю. Достается жестоко и печати въ статьѣ нѣкоего г. Московцева. Вся печать, если вѣрить этому суровому стражу «національнаго русскаго слова», прогнила, заполонена еврействомъ (и дались имъ эти евреи!) и источаетъ тлетворный ядъ, отъ котораго погибаетъ все истинно-русское. Авторъ даже не задумывается, отчего же, если справедливы его нападки, эта истинно-русская печать, представляемая имъ кунно съ братьей, такъ по существу ничтожна, слаба и неподвижна, что можетъ только вопить? Что же мѣшаетъ ей проявить свою силу, коренную русскую мощь, истый духъ, по ихъ словамъ, необходимый и непереносный ни для кого, кромѣ истинно-русскихъ? Кажется, по ихъ же слову, время теперь самое для нихъ распрекрасное: всѣ излюбленные ими исконныя начала «святорусской правды» въ полномъ ходу, инородцы и иновѣрцы поставлены въ надлежащіе предѣлы, а если Европа еще не повинилась, то все же и не насканиваетъ. Между тѣмъ, г. Московцевъ вопитъ «караулъ!» и требуетъ «націонализациі русской печати». Опять таки, какъ это сдѣлать, онъ не задумывается, хотя тутъ же, какъ истинно не унывающий россиянинъ, и замѣчаетъ вскользь: «Если наше законодательство не позволяетъ евреямъ занимать мѣста на государственной службѣ, то нѣтъ никакихъ основаній допускать и сосредоточеніе печати въ еврейскихъ рукахъ». И такъ говорятъ и пишутъ люди, осмѣливающиеся считать себя «наслѣдниками» Аксакова, того самаго славянофила, который воспѣлъ гимнъ «свободному слову», который съ чисто религіознымъ пафосомъ писалъ о свободѣ слова: «Мысль, слово! Это та неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное. Бесмысленны и безсловесны только скоты, и только разумъ, иначе слово, уподобляетъ человѣка Богу. Мы, христіане, называемъ самого Бога Словомъ. Посягать на жизнь разума и слова въ человѣкѣ — не только совершать святотатство Божьихъ даровъ, но посягать на божественную сторону человѣка, на самый Духъ Божій, пребывающій въ человѣкѣ, на то, чѣмъ человѣкъ—человѣкъ. Свобода жизни разума и слова—такая свобода, которую по настоящему даже смѣшно и странно формулировать юридически или называть правомъ. Это такое же право, какъ право быть человѣкомъ, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условіе самого человѣческаго бытія,—при нарушеніи этой свободы нельзя и требовать отъ человѣка никакихъ правильныхъ отправленій человѣческаго духа, ни виѣнать что-либо ему въ преступленіе; умерщвленіе жизни, мысли и слова — самое страшное изъ всѣхъ душегубствъ». («День», 23-го января 1863 г.).

Замѣтимъ, однако, въ поученіе г. Московцеву, что русское законодательство нигдѣ не воспрепятствуетъ евреямъ занимать мѣста на государственной службѣ, такого спеціальнаго закона противъ евреевъ *пока* еще нѣтъ. Что же касается сосредоточенія печати въ еврейскихъ рукахъ, то это чистѣйшій вздоръ, не въ обиду евреямъ будь сказано. Въ столичной ежедневной печати нѣтъ ни одного органа еврейскаго. Правда, есть одна газета, редактировавшаяся евреемъ, но и тотъ, по сообщенію «Московскихъ Вѣдомостей», недавно крестился. Но, охотно уступая этого недавно крещенаго еврея г. Московцеву, все же не можемъ не возразить, что какъ одна ласточка не дѣлаетъ весны, такъ одинъ еврей, притомъ же «немножко» православный, еще не въ силахъ сдѣлать всю русскую печать еврейской. Переходя къ журналистикѣ, можемъ констатировать, что въ ней, кромѣ одного спеціально-еврейскаго изданія («Восходъ»), нѣтъ ни одного журнала, издаваемого или редактируемаго евреемъ. Въ этому можемъ добавить къ вашему утѣшенію г. Московцева, что и громадное число сотрудниковъ въ журналахъ тоже искони-русскіе люди. Поэтому, сѣтовать на сосредоточеніе прессы въ еврейскихъ рукахъ ему нечего, тѣмъ болѣе нечего задумываться объ особыхъ мѣрахъ для огражденія невинности русской печати, которая и такъ достаточно ограждена всякими писанными и неписанными законами.

Да и затѣмъ? Если вѣрить авторамъ «Зари» и «Москвы», нынѣ это во всякомъ случаѣ излишне, такъ какъ наше время есть моментъ «національнаго возрожденія Россіи». Объ этомъ свидѣлствуютъ не только два эти сборника, но... русскія общества, прототипомъ которыхъ служить «Русское собраніе» въ «Петроградѣ». Задача этихъ «разсадниковъ» истинно-русскаго духа во вкусѣ современнаго славянофильства понимается слѣдующимъ образомъ: «Путь къ объединенію русскихъ, патріотически настроенныхъ людей лежитъ въ организаціи русскихъ обществъ по примѣру Петербургскаго Русскаго Собранія. Ставя основною задачей поднятіе въ нашемъ обществѣ чувства своего національнаго достоинства, русскія общества разностороннимъ образомъ и публичными чтеніями, и нужною книгой, и патріотической газетой стремились бы освѣтить лучшія черты нашего національнаго характера, выяснить прекрасныя стороны нашей исторіи и быта, освѣтить дѣйствительность, возбуждая среди русскихъ людей энергію и предприимчивость на пользу русскаго дѣла; публичною отмѣткою антинациональныхъ теченій въ нашей жизни и литературѣ общества въ самомъ корнѣ подѣкали бы (!) всякаго рода инородческія нитриты; ознакомляли бы болѣе широкіе слои русскаго общества съ мало оцѣненными сокровищами русской религіозной и гражданской мысли». Далѣе идетъ перечисленіе еще цѣлаго ряда задачъ вплоть до поощренія національной русской промышленности. Словомъ, если бы «Русское собраніе» въ «Петроградѣ» принялось какъ слѣдуетъ важностью своей миссіи, то ему пришлось бы стать тѣмъ-то въ родѣ особаго государственнаго департамента, охватывающаго всѣ стороны и проявленія русской жизни.

Таковы мечты, но, къ счастью для насъ, не имѣющихъ чести состоять членами «Русскаго собранія», послѣднее весьма далеко и отъ сегой части этихъ

задачу. По крайней мѣрѣ, живя въ «Петроградѣ» и имѣя полную возможность слѣдить за дѣятельностью упомянутого общества, мы рѣшительно ничего о ней сказать не можемъ. Прошло уже больше года, какъ это общество возникло, и если на первыхъ порахъ еще слышались отголоски его жизни на страницахъ періодической печати, то затѣмъ очень быстро общество со страницъ печати ступшвалось. Очень вѣроятно, что члены его услаждаютъ другъ друга душеполезными бесѣдами во вкусѣ вышеприведеннаго рецепта и дѣятельно «поддѣкаютъ въ корнѣ инородческія интриги», но за стѣнами «Русскаго собранія» это не отдается. Мы подчеркиваемъ эту безжизненность Русскаго Собранія, какъ лишнее доказательство того, что почвы для его работы нѣтъ, нѣтъ той дружественной атмосферы внѣ его, которая живо воспринимала бы мысли собранія, такъ или иначе откликалась бы на нихъ, устанавливая живую связь между Собраніемъ и остальнымъ русскимъ обществомъ. Въдъ какъ-ни-какъ, а послѣднее все же живетъ, волнуется, работаетъ, но ему рѣшительно все равно до того, чѣмъ занято «Русское собраніе». И выходитъ на дѣлѣ, что послѣднее просто мертворожденный плодъ «любви несчастной» къ исключительному націонализму, всегда чуждому и русскому народу, и русской интеллигенціи.

Редакторы «Зари» и «Москвы» обнадеживаютъ себя, что это лишь пока, а вотъ со временемъ вся Россія покроется цѣлой сѣтью такихъ русскихъ собраній, и тогда «пойдетъ ужъ музыка не та». «Какъ мы слышали,—заявляетъ редакция «Москвы»,—въ Харьковѣ возникаетъ русское общество по почину проф. А. С. Вязигина, редактора «Мирнаго Труда». Эти слова побудили насъ поинтересоваться, что это за журналъ, первый номеръ котораго мы получили еще весною, но дальнѣйшихъ номеровъ такъ и не видѣли, почему и не можемъ съ достаточной достовѣрностью утверждать, что «Мирный Трудъ» въ Харьковѣ продолжается. На обложкѣ этого перваго номера значатся, въ качествѣ сотрудниковъ, чуть не всѣ профессора Харьковскаго университета и около нихъ нѣсколько хотя въ литературѣ и неизвѣстныхъ, но несомнѣнно почтенныхъ именъ, въ «Мирномъ Трудѣ» надѣющихся снискать эту недостающую имъ пока популярность въ мірѣ читателей. Журналъ открывается заявленіемъ отъ редактора, проф. Вязигина, излагающаго *profession de foi* новаго изданія. Скромно, но твердо, какъ подобаетъ истинному сыну своего отечества, редакторъ провозглашаетъ хвалу родному языку и выражаетъ увѣренность, что народъ, создавшій такой языкъ, не погибнетъ, съ чѣмъ, навѣрное, согласятся всѣ, даже и вольтеріанцы. Далѣе слѣдуетъ заявленіе, что достаточно мы созрѣли и «вошли уже, не какъ этнографическая величина, а какъ полноправный членъ въ среду культурныхъ народовъ». Отсюда слѣдуетъ, что, не отвѣщаясь отъ Запада, «страны святыхъ чудесъ», по выраженію Хомякова, намъ слѣдуетъ внимательно изучить то хорошее, что тамъ есть, но главное—оставаться на родной почвѣ. Въ особенности теперь, когда, «къ сожалѣнію, въ наше общество далеко еще не проникли твердые и ясные выводы современной науки. Она еще недостаточно знаетъ свое родное и легковѣрно усваиваетъ обобщенія, безъ дальнихъ доказательствъ, какъ непреложную истину, какъ своего рода откровеніе. Западъ попрежнему остается поставщикомъ вѣя-

ній и идей, заимствуемыхъ безъ провѣрки и порождающихъ только умственный и нравственный сумбуръ. Крайности и извращения, встрѣчающія стойкій отпоръ и дружное опроверженіе на мѣстѣ своего происхожденія, у насъ принимаются за руководящія начала, за новыя слова, вливающія жизнь въ оврахлаѣвшій міръ. Поклонники новизны пытаются водворить у насъ культъ силы, настроенія и страсти, объявляютъ беспощадную войну «обанкротившемуся» разуму и суровой логикѣ, усматриваютъ спасеніе отъ нашихъ болѣзней въ скорѣйшемъ усвоеніи прелестей капитализма и кадятъ передъ новымъ кумиромъ—босьяками, выдавая ихъ за носителей обновляющихъ идеаловъ». Такому нежелательному настроенію проф. Вязигинъ желаетъ противопоставить «не пустыя и звонкія слова, не боевые кличи и громкія рѣчи, способныя сладкимъ дурманомъ опьянить юныя головы», а—«Мирный Трудъ», ибо «наше отечество прежде всего нуждается въ скромныхъ труженикахъ, дѣлающихъ свое «маленькое дѣло» ради подъема общаго культурнаго уровня, являющагося слѣдствіемъ настойчивой работы каждаго надъ самимъ собой, а не туманныхъ стремленій къ насильственнымъ и кореннымъ переворотамъ, заранѣе осужденнымъ исторіей на полную неудачу».

Въ первой книжкѣ мы пока мало виѣмъ матеріала для сужденія, какъ новыя мирныя труженики будутъ работать надъ своимъ маленькимъ дѣломъ. Есть тутъ всего понемножку: капелька оригинальной беллетристики, въ видѣ стихотворенія въ прозѣ и переводовъ изъ Гейне, небольшой повѣстунки о жизни бонны, перевода изъ Клеменса Юноши; есть капелька критики, въ видѣ пересказа «Троихъ» Горькаго и романа Грушецкаго «Побѣжденные»; затѣмъ, какъ оно и подобаетъ журналу профессорскому рагъ excellance—статьи «серьезныя» занимаютъ преобладающее мѣсто. Содержаніе ихъ вполнѣ ясно изъ заголовковъ: «Этика въ дисциплинѣ» проф. Негушила; «Пробѣлъ въ учебномъ планѣ средней общеобразовательной школы» проф. Зеленогорскаго; «Къ вопросу о преподаваніи синтаксиса въ средней школѣ» проф. Овсяннико-Куликовскаго; «Къ исторіи возникновенія «Арзамаса» проф. Халанскаго и т. д.

Какъ видимъ, можно сказать пока одно,—довольно скучная матерія. Мы, конечно, не сомнѣваемся, что «мирныя труженики» со временемъ сдѣлаютъ свое «маленькое дѣло» болѣе живымъ и занятымъ для юныхъ и старыхъ головъ, на которыя разсчитанъ журналъ. Поэтому, воздерживаясь отъ того или иного окончательнаго сужденія, можемъ только одно констатировать, что въ журналѣ отнюдь не чувствуется тотъ специфическій духъ сугубаго націонализма, который давалъ бы право считать его будущимъ ядромъ харьковскаго «Русскаго собранія». Нѣсколько намъ извѣстныхъ почтенныхъ именъ, фигурирующихъ на обложкѣ, какъ, напр., гг. Овсяннико-Куликовскій и Радловъ, еще болѣе утверждаютъ насъ въ той мысли, что редакція «Москвы» и «Зари» не туда попала. Хотя, впрочемъ, все возможно, но тогда придется поставить крестъ надъ безвременной могилой новаго журнала, такъ какъ немислишь въ Россіи ни одинъ журналъ, который могъ бы разсчитывать на успѣхъ среди читателей, если онъ будетъ націоналистическаго направленія.

Тотъ націонализмъ, образчикомъ котораго служатъ «Заря», «Москва» и «Русское собраніе» въ «Петроградѣ», настолько чуждъ нашему обществу, что всякая попытка привить его намъ заранѣе осуждена на смерть. Славянофилы перваго призыва, Хомяковъ, Кирѣевскій, затѣмъ И. С. Аксаковъ, ихъ наиболѣе влиятельный наслѣдникъ, были, дѣйствительно, люди выдающагося ума, таланта и благородной души, и тѣмъ не менѣе ничего не сдѣлали. Они дали нѣсколько интересныхъ образцовъ, лучше сказать попытокъ своеобразной философіи, которыя прошли почти безслѣдно для русской культуры—въ наукѣ, искусствѣ и еще менѣе въ русскомъ общественномъ сознаніи. Думать, что маленькіе эпигоны этихъ дѣйствительно большихъ людей смогутъ болѣе удачно справиться съ задачей обособленія Россіи отъ всего европейскаго, просто смѣшно, когда читаешь «выкличанія» такихъ «мыслителей», какъ всѣ упоминаемые выше гг. Московцы, У—скіе, Славяноболы и Востоковѣды. Могутъ возразить, что время было тогда неблагопріятное для дѣла Хомяковыхъ и Кирѣевскихъ, а теперь именно такой моментъ, когда и общественное мнѣніе болѣе склонно къ націонализму, и условія общія—тоже. Это глубоко ошибочно, такъ какъ условія современной жизни меньше всего могутъ поощрять всякія націоналистическія попытки, и въ этомъ вся суть. Россія такъ тѣсно связана теперь съ общеевропейскими интересами и матеріально, и идейно, что отдѣлится насъ отъ Запада не смогъ бы и второй Петръ Великій, буде такой феноменъ вторично бы повторился въ исторіи. И развѣ только г. Меньшиковъ можетъ договориться до «китайской стѣны» въ своемъ іудушкиномъ пустословіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Нов. Времени» (отъ 14-го іюля) онъ разработалъ даже цѣлую программу «Россіи для русскихъ», обнаруживъ въ ней поистинѣ пошехонское невѣжество въ народномъ хозяйствѣ и финансахъ. Пусть читатели простятъ намъ небольшую выдержку изъ этихъ іудушкиныхъ рѣчей о «Россіи для русскихъ»,—онѣ очень характерны не только для г. Меньшикова.

«Допустимте на минуту,—пустословить г. Меньшиковъ,—что это возможно, что это уже случилось, что европейскія границы закрыты для нашего хлѣба. Разъ нѣтъ вывоза—нѣтъ и ввоза; все то, что наше образованное общество получаетъ на Западѣ, оно будетъ вынуждено покупать дома. Какъ вы думаете—будетъ ли это большимъ несчастьемъ?»—вопрошаетъ нововременскій Порфирій Владиміровичъ Головлевъ, и продолжаетъ съ наслажденіемъ пустословить: «Мнѣ кажется, первымъ послѣдствіемъ закрытія границы, будетъ стремительный подъемъ русскихъ производствъ. Къ намъ точно съ неба упадетъ тотъ рынокъ, отсутствіе котораго угнетаетъ всѣ промыслы и котораго мы напрасно ищемъ въ Персіи, Туркестанѣ, Турціи. Къ намъ вернется изъ-за границы нашъ русскій покупатель—все образованное общество, весь богатый класъ. Спросъ на внутренніе товары подымется на сумму теперешняго ввоза: подумайте, какой это электрическій толчокъ для «предложенія»!...» Что же касается избытка хлѣба, прежде вывозившагося, то «и съ хлѣбомъ не будетъ большой бѣды. Не станутъ его покупать у насъ—хлѣбъ останется дома. Онъ тотчасъ упадетъ въ цѣнѣ и сдѣлается болѣе доступнымъ народной массѣ. Исчезнетъ эта страшная язва—не-

дожданіе; можетъ быть, исчезнуть и голодовки: ихъ не было, или они не были столь острыми до той эпохи, когда Россія стала выбрасывать за границу цѣлыя горы зерна. Въ старинныя времена въ каждой усадьбѣ и у каждого зажиточнаго мужика бывали многолѣтніе запасы хлѣба, иногда прямо сгнивавшіе за отсутствіемъ сбыта. Эти запасы застраховывали отъ неурожаевъ, засухъ, гессенскихъ мухъ, саранчи и т. п... Если вновь появится избытокъ хлѣба въ странѣ, народъ поздоровѣетъ, отъѣтся, говоря грубо, — соберется съ силами для борьбы со стихійными бѣдствіями» и т. д., и т. д.

Можно ли возражать противъ такого безпримѣрнаго пустословія, обескураживающаго своимъ наивнымъ невѣжествомъ? Въ невинности души своей г. Меньшиковъ увѣренъ, что изъ-за границы Россія получаетъ только дорогія вина, сигары и бархаты. Только одинъ щедринскій Гудушка могъ бы побѣдоносно выступить противъ и потопить словозверженіе г. Меньшикова въ собственномъ пустословіи, въ родѣ, напр., такой реплики: «Ахъ, ахъ, ахъ! А я еще думалъ, что вы, г. Меньшиковъ, справедливый человѣкъ, степенный! Ну, а мнѣ-то, скажите, чѣмъ мнѣ-то жить прикажете? Я-то откуда свои расходы долженъ удовлетворить? Вѣдь у меня сколько расходовъ—знаете ли вы? Конца краю, голубчикъ, расходовъ у меня не видно! Я и тому дай, и другого удовлетвори, и третьему вынь да положи! Всѣмъ надо, всѣ Порфирія Владиміровича требуютъ, а Порфирій Владиміровичъ отдувайся за нихъ! Опять и то: кабы я куницу рожь продалъ—я бы денежки сейчасъ на столъ получилъ. Деньги, братъ, святое дѣло. Съ деньгами накуплю я себѣ билетовъ, положу въ вѣрное мѣсто и стану пользоваться процентами! Ни заботушки мнѣ, ни горюшка; отрѣзалъ куночничъ—пожалуйте, денежки. А за рожь-то я еще походи, да похлопочи около нея, да постарайся! Сколько ея усохнетъ, сколько на ровеснѣ поидетъ, сколько мышь съѣстъ! Нѣтъ, братъ, деньги какъ можно!» и т. д., и т. д. до безконечности, какъ и г. Меньшиковъ, неутомимо источающій свои рѣчи о мужикѣ, о Россіи для русскихъ и проч.

Столь же основательны и утвержденія нашихъ славянофиловъ современнаго толка объ особомъ національномъ духѣ, который имъ только однимъ удалось узрѣть и, по мѣткому выраженію г. Струве (въ его статьѣ «Въ чемъ же истинный націонализмъ?», напечатанной первоначально въ «Вопросахъ философіи и психологіи»), «снять съ него даже не одну фотографію въ разныхъ позахъ—религіозной, государственной, общественной». Каждый изъ нихъ вкладываетъ въ эти формы свое содержаніе и требуетъ затѣмъ общаго преклоненія, отметаая все, что не укладывается въ его формочку, яко ересь, и взывая къ охранѣ. Они желали бы остановить самую жизнь и заковать ее въ излюбленные оковы «національнаго духа». «Практически это—грубое посягательство на естественное право «исканія»,—говорится въ упомянутой статьѣ, — на право и обязанность человѣка, какъ таковаго, безконечно совершенствовать культуру». Отсюда проистекаетъ та мертвенность, которую отдаютъ всѣ славянофильскія современныя рѣчи. Тамъ, гдѣ все въ движеніи, въ исканіи, въ творчествѣ новыхъ и новыхъ идей, они желали бы ввести нѣчто неизбѣжное, утвердить на вѣки вѣчныя нѣкото-

рое *status quo*, какъ раскольники—букву вмѣсто духа. Между тѣмъ, «національный духъ создается въ вѣчно творческомъ процессѣ народной жизни, онъ не застываетъ никогда ни въ какую сущность до тѣхъ поръ, пока не прекращается этотъ процессъ; поэтому національный духъ не соизмѣримъ съ тѣми формулами, въ которыя его стремятся втиснуть отдѣльные лица, направления и поколѣнія, онъ не тождественъ съ тѣми содержаніями, которыя націоналисты всѣхъ сортовъ такъ старательно пытаются одѣть его соблазнительною, вѣчно юною и пышною тканью. Никто и ничто, никакая формула, ни трехчленная, ни двухчленная, ни одночленная, не можетъ и не имѣетъ права сказать: національный духъ—это я.

«Мы рѣшительно отвергаемъ,—говоритъ г. Струве въ томъ же мѣстѣ упомянутой статьи,—какъ нецѣльное и—да будетъ позволено такъ выразиться—наглое притязаніе присвоить какому-нибудь содержанію величество національного духа. Но мы знаемъ, какъ можно «въ духѣ и истинѣ» служить этому величеству. Для этого нужно не указывать властной рукой творческому процессу жизни его путей, а пролагать и расчищать ихъ для свободного исканія, памятуя, что только свобода творчества обеспечиваетъ національной культурѣ полноту и богатство содержанія, красоту и изящество формы» *).

Свѣжестію повѣяло на насъ отъ этихъ словъ послѣ того, какъ намъ пришлось одолѣть «Зарю» и «Москву» съ ихъ специфическимъ духомъ, отъ котораго, что называется, не продохнешь. Духъ этотъ, однако, не опасенъ, такъ какъ ютится онъ всегда на задворкахъ культуры и, помѣръ роста послѣдней, все болѣе и болѣе вытѣсняется за предѣлы общественнаго сознанія. Правда, по временамъ онъ какъ будто оживляется, крѣпнетъ и овладѣваетъ болѣе слабыми умами, какъ, напр., въ недавніе годы во Франціи. Это всегда совпадаетъ съ какому-нибудь важнымъ кризисомъ въ ростѣ общества и вмѣстѣ съ минованіемъ его исчезаетъ. Но еще никогда не бывало, чтобы окончательная побѣда принадлежала узкому націонализму, и его непремѣннымъ членамъ—шовинизму, антисемитизму и прочимъ его исключительнымъ качествамъ,—такая побѣда означала бы смерть культурѣ, смерть человѣку, какъ существу, имѣющему право «на самостоятельное мышленіе и дѣйствованіе».

«Если вѣрно, что «нація есть начало духовное»,—говоритъ г. Струве въ заключеніе упомянутой статьи о націонализмѣ,—то истинный націонализмъ не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ безусловнымъ уваженіемъ къ единственному реальному носителю и субъекту духовнаго начала на землѣ—къ человѣку. Провозгласить такое уваженіе принципомъ развитія національного духа не значитъ бросить громкую фразу. Это значитъ выговорить точное и строгое нравственное правило, вѣрность которому налагаетъ тяжелыя и отвѣтственныя обязательства».

Въ этихъ словахъ лучшій отвѣтъ современнымъ славянофиламъ съ ихъ программой ограничительныхъ мѣръ, образчики которой мы привели выше.

*) Цитируемъ по сборнику «На разныя темы», стр. 536 и слѣдующія.

Ростъ личности—вотъ отличительный признакъ нашихъ дней, и ни въ какія рамки больше не уложишь ее, кромѣ тѣхъ, которыя она сама себя выберетъ, какъ наиболѣе отвѣчающія именно этому росту. Все, что способствуетъ ему, имѣетъ будущее, — и потому національно; все, что его задерживаетъ—осуждено жизнью на гибель, — и потому противно національному духу, который устами И. С. Аксакова провозгласилъ неотъемлемыми правами всякой личности—свободу слова, мысли и совѣсти. И, по остроумному замѣчанію г. Струве, именно отсутствіе этой свободы прежде всего убило самое славянофильство! «Славянофилить «Новое Время», славянофилятъ даже «Московскія Вѣдомости», на разные голоса славянофилить «Русское собраніе», но славянофильства и славянофиловъ нѣтъ».

То, что теперь именуется этимъ историческимъ терминомъ, есть грубая поддѣлка, по существу заключающая въ себя самый наивный шовиннизмъ, съ одной стороны, съ другой—преслѣдованіе узко-сословныхъ интересовъ, преимущественно дворянскихъ. Гдѣ прежній идеализмъ, хотя и туманный, но возвышенный и благородный? Гдѣ прежняя проповѣдь вѣротерпимости и братства по отношенію къ иновѣрцамъ и инородцамъ? Гдѣ прежняя ненависть къ насилию и произволу, ненависть, извлекавшая изъ лиры Хомякова мощные звуки противъ «неправды черной?»

Все это прошло и «быльемъ поросло» для нынѣшнихъ славянофиловъ, а въ лучшемъ случаѣ звучитъ для нихъ горькой насмѣшкой.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Н а р о д и н ѣ.

Выставка по народному образованію въ Курскѣ. Съ 23-го по 30-е іюня въ г. Курскѣ была открыта устроенная мѣстнымъ губернскимъ земствомъ первая въ Россіи выставка по народному образованію. «Устройство выставокъ,—сказано въ докладѣ комиссіи курскаго губернскаго земства XXXVII очередному собранію,—является однимъ изъ испытанныхъ средствъ для наиболѣе цѣлесообразнаго направленія и наиболѣе полнаго развитія въ любой отрасли дѣятельности и въ частности въ земскомъ хозяйствѣ. Въ моменты, когда необходимо подсчитать то, что достигнуто, и опредѣлить дальнѣйшіе шаги въ томъ или иномъ кругѣ практическихъ мѣропріятій, выставки являются прекраснымъ способомъ выяснитъ очередныя нужды, требующія удовлетворенія въ данной области, привлечь къ нимъ, по возможности, широкое общественное вниманіе и освѣтитъ разрозненныя, на первый взглядъ, мѣры въ цѣльную картину». Таковы задачи выставки. Насколько успѣшно эти задачи были осуществлены, объ этомъ мы можемъ судить по многочисленнымъ отзывамъ, которыми столичная и провинціальная пресса привѣтствовала это въ высокой степени полезное земское начинаніе. Правда, выставка далеко не охватывала всей картины школьнаго дѣла въ Россіи, но и то, что она успѣла дать, представляетъ большую цѣнность, особенно если принять во вниманіе, что предпріятіе курскаго земства—первый опытъ въ этомъ направленіи, и притомъ опытъ, произведенный при крайне неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Ходатайство о разрѣшеніи устроить выставку курское земство направило въ надлежащія учрежденія 19-го декабря 1901 г., а разрѣшеніе на открытіе получено лишь 4-го апрѣля 1902 г. Въ какихъ-нибудь 2½ мѣсяца пришлось организовать и наладить сложное дѣло, которое тѣмъ не менѣе—повторяемъ—надо признать вполне удавшимся. Въ выставкѣ приняли участіе 14 губернскихъ земствъ, 33 уѣздныхъ и, кромѣ того, множество другихъ учреждений и лицъ, вѣдающихъ дѣло народнаго образованія.

Открывая выставку, предсѣдатель курской губернской земской управы Н. В. Раевскій обратился къ многочисленнымъ посѣтителямъ съ краткою рѣчью, въ которой, назвавъ выставку праздникомъ народнаго просвѣщенія, указалъ на неожиданный успѣхъ ея. Курское губернское земство опасалось даже за свою губернію, примутъ ли участіе всѣ уѣздныя земства, а оказалось, что на призывъ курскаго земства отозвалась чуть ли не вся земская Россія: на выставкѣ мы видимъ экспонаты и вологодскаго, и вятскаго земствъ, и въ то же время представленъ значительно и югъ Россіи: полтавское уѣздное земство, мели

польское и т. п. Вообще экспонатовъ такъ много, что помѣщеніе выставки, состоящее изъ 15 комнатъ, оказалось тѣснымъ. Это явленіе, несомнѣнно, доказываетъ, что въ такого рода выставкахъ чувствуется потребность, и желательно, чтобы курская выставка была первою ласточкою, чтобы вслѣдъ за нею устранивались выставки въ другихъ мѣстахъ, а затѣмъ и въ такомъ центръ, который привлечетъ бы всю земскую Россію.

Послѣ этой рѣчи выставка была открыта, и многочисленные посѣтители отправились осматривать выставку подъ руководствомъ объяснителей, имѣющихся въ каждой комнатѣ. Въ теченіе недѣли выставку посѣтило болѣе 5.000 лицъ; было не мало прїѣхавшихъ на выставку изъ Сибири, а два учителя пришли изъ Тверской губерніи пѣшкомъ. Выставка не просто осматривалась, она изучалась,—въ различныхъ углахъ выставочнаго помѣщенія можно было наблюдать народныхъ учителей и учительницъ, дѣлающихъ выборки изъ разнообразныхъ діаграммъ, записывающихъ названія представленныхъ на выставку изданій, внимательно и подробно разспрашивающихъ о тѣхъ предметахъ, которые, по ихъ мнѣнію, можно съ пользою употребить у себя, и т. д.

Изъ діаграммъ, относящихся къ движенію просвѣщенія въ Россіи отиѣтнимъ здѣсь діаграммы, выражающія процентъ грамотныхъ новобранцевъ въ Россіи и Курской губ. по сравненію съ Западною Европою. Въ Россіи грамотныхъ новобранцевъ въ 1898 г. было 44 проц., меньше, чѣмъ въ Италіи, на 14 проц., чѣмъ въ Венгріи, на 20 проц.; въ Австріи въ томъ же году было 69 проц. въ Бельгіи 84 проц.; во Франціи 90, въ Голландіи 92, въ Пруссіи 99,9; въ Германіи 99,4; въ Швеціи 99,8; въ Гессенѣ 99,88, а въ Саксоніи, Баваріи и Баденѣ 100 проц.

О заслугахъ русскаго земства передъ народной школой ясное представленіе даютъ слѣдующія цифры. По официальнымъ свѣдѣніямъ за 1896 г. проц. учащихся ко всему населенію земскихъ и неземскихъ губерній былъ для земскихъ—2,3. Для неземскихъ губерній: Астраханской, Архангельской, Оренбургской и войска Донскаго—1,2, для сѣверо-зап. края 1 проц. и для юго-запад. края—0,7.

Если сравнить населеніе этихъ четырехъ районовъ, число школъ и количество населенія, приходящагося на одну школу, то получимъ такую таблицу:

	Насе- леніе.	Число школъ.	Число жителей на одну школу.
Земскія губерніи.....	58.019.328	17.627	3.310
Неземскія: Архангельская, Астраханская, Орен- бургская, обл. войска Донскаго	4.949.549	721	6.066
Сѣверо-западн. край.....	8.925.280	1.453	6.143
Юго-западн. край.....	8.704.203	1.021	8.525

Эти данныя подтверждаются еще больше диаграммами, свидѣтельствующими о процентѣ грамотныхъ новобранцевъ въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ за рядъ десятилѣтій.

Годы.	Неземск. губерн.	Земск. губер.	Вся Россія.
1878	21,3 ⁰ / ₀	20,81	21,05
1888	25,26	33,05	30,14
1898	36,39	59,02	44,5

Помимо картограммъ и диаграммъ, характеризующихъ развитіе народнаго образованія въ Россіи вообще и въ отдѣльныхъ губерніяхъ и уѣздахъ въ частности, посѣтителѣ выставки сильно интересовались представленными вятскимъ земствомъ работами мастерской учебныхъ пособій. Опытъ вятскаго земства, какъ показала выставка, не остается единичнымъ, такъ, курское земство выставило слѣдующіе экспонаты собственной мастерской музея наглядныхъ пособій: 1) элементарную коллекцію наглядныхъ учебныхъ пособій стоимостью въ 12 руб., выработанную совместно съ с.-петербургскимъ подвижнымъ музеемъ; 2) собраніе наглядныхъ учебныхъ пособій для подвижныхъ школьныхъ музеевъ въ районахъ въ 30 сельскихъ земскихъ школахъ Курской губерніи; 3) химическіе приборы, изготовленные домашними средствами. Особенность такихъ приборовъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ всѣ стѣянки сдѣланы изъ бутылокъ отъ «монопольки»: бутылки эти оказались въ данномъ случаѣ особенно пригодны. Что касается подвижныхъ школьныхъ музеевъ, то расходъ на нихъ не превышаетъ 200 рублей. Издатель журнала «Волшебный Фонарь» г. Пашковскій экспонировалъ фонарь-фотоскопъ, благодаря которому является возможность показывать любую иллюстрацію, любую картину, не прибѣгая къ дорого стоящимъ картинамъ на стеклѣ. Пашковскій во время демонстраціи прибора бралъ любую книгу, между прочимъ, оказавшійся подъ рукой иллюстрированный каталогъ и получалъ отчетливое изображеніе физическихъ приборовъ. Окрашенные картины передаются съ сохраненіемъ всѣхъ красокъ. Еще болѣе поразительный эффектъ получался, когда г. Пашковскій показывалъ, при помощи фотоскопа, на экранѣ, которымъ служила бѣлая стѣна, механизмъ движенія колесъ въ карманныхъ часахъ. Рядомъ съ этимъ большой интересъ возбуждали экспонаты княгини Крапоткиной, представившей свѣтоты картины для волшебнаго фонаря, изготовленные посредствомъ дамарнаго лака. Достоинства этого способа—какъ сказано въ объяснительномъ листкѣ, раздававшемся публикѣ—заключается въ дешевизнѣ картинъ и въ томъ, что почти любая картина можетъ быть обращена въ свѣтовую. Въ свѣтоты картины могутъ быть обращены всякаго рода изображенія на бумагѣ, какъ одноцвѣтныя, такъ и отпечатанныя красками или раскрашенные отъ руки, хромолитографіи, гравюры, фототипія, цинкографіи, фотографическіе снимки, рисунки отъ руки, акварельные и простые. Эффектъ достигается тѣмъ, что картины, какъ напечатанныя, такъ и нарисованныя, промазываются дамаринымъ лакомъ. Денежная стоимость картинъ ничтожная, потому что одинъ пузырекъ лака цѣною въ 15 коп. достаточенъ для смазыванія 45 картинъ

Не имѣя возможности сдѣлать здѣсь сколько-нибудь полный и систематическій обзоръ выставкн, отмѣтимъ въ заключеніе очень интересный отдѣлъ секретаря курской губернской управы Е. А. Звягинцева, который экспонировалъ «школьные таланты». Онъ обратился во всё уголки Курской губерніи къ запросамъ о талантливыхъ дѣтяхъ и предложеніемъ прислать данныя, доказывающія ихъ талантливость. И вотъ, съ разныхъ концовъ г. Звягинцеву прислали рисунки, лѣпныя работы, стихи, рассказы, произведенія ручного труда, доказывающія, что не мало таятся талантовъ въ нашихъ медвѣжьихъ углахъ, — талантовъ, которымъ, вѣроятно, придется померкнуть, не расцвѣтши, благодаря убійственнымъ деревенскимъ условіямъ.

Курское губернское земство получило множество привѣтствій и благодарностей за свой добрый починъ, выполненный имъ съ полною добросовѣстностью и любовью. Надо надѣяться, что примѣръ курскаго земства не останется безъ продолженія.

Духовные запросы народнаго земснаго учителя. Учительскій персоналъ земскихъ школъ Самарской губерніи былъ опрошенъ недавно особыми вопросными листками о его матеріальномъ положеніи и духовныхъ потребностяхъ. Сводъ отвѣтовъ, данныхъ по этимъ листкамъ, приведенъ въ «Самарской газетѣ», изъ которой мы и черпаемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія о духовныхъ запросахъ земскаго учителя.

Среди учительскаго персонала земскихъ школъ Самарской губерніи по возрасту преобладаютъ молодые люди. Группа отъ 18 до 25 лѣтъ дала 125 показаній или 36,3 проц., отъ 25—35 лѣтъ 129 или 37,5 проц.; на остальные группы лицъ, старѣе 35 лѣтъ, приходится остальные 26,2 проц. Такимъ образомъ, можно съ полною увѣренностью сказать, что молодые люди въ возрастѣ до 30 лѣтъ дають намъ половину всѣхъ показаній. Занимающихся педагогической дѣятельностью отъ 1 до 5 лѣтъ 136 человѣкъ или 39,5 проц. и отъ 5 до 10 лѣтъ 19,8 проц., старыхъ учителей значить 31,7 проц. Несемейныхъ 93 человѣка или 27 проц., имѣющихъ до 3 дѣтей 29,1 проц. и многосемейныхъ 53,5 проц. Что касается матеріальныхъ условій жизни, то лицъ, получающихъ жалованье отъ 180 до 240 руб. числится 49 или 14,2 проц., 240—300 р. 102 или 29,7 проц., отъ 300 до 400 р. 37 или 28,2 проц. и свыше 400 руб. 26,7 проц.

При такомъ невысокомъ матеріальномъ достаткѣ трудно, разумѣется, дѣлать сбереженія на приобрѣтеніе книжнаго инвентаря, который вообще скудно пополняется русскимъ культурнымъ человѣкомъ средняго типа. Оказывается, тѣмъ не менѣе, что 77 человѣкъ или 22,4 проц. имѣютъ библіотеки въ 50 р., 23—отъ 50 р. до 100 р. и 11 чел. или 3,2 проц. свыше 100 р. Стало быть, почти $\frac{1}{3}$ наличнаго педагогическаго персонала считаетъ возможнымъ удѣлить часть своего скромнаго бюджета на покупку книги, а значить, книга для нихъ стала не только потребностью, но даже необходимостью. Жаль, между прочимъ, что нѣтъ данныхъ о характерѣ книгъ. 35,5 проц. или 122 чел. выписываютъ періодическія изданія (мы не знаемъ, какія, хотя это было бы

очень желательно), 80,8 проц. или 278 человекъ пользуются книгами для чтенія со стороны. Такимъ образомъ, полагая даже, что всѣ имѣющіе свои бібліотеки и выписывающіе періодическія изданія не берутъ книгъ со стороны (а этого можетъ и не быть), получимъ, что лишь около $\frac{1}{6}$ части не интересуются ничѣмъ внѣ своего мірка. Процентъ все же довольно крупный.

Отвѣты на вопросъ о томъ, по какимъ предметамъ учащіе желали бы пополнить свое образованіе, показали, что больше всего пробѣлы сознаются въ преподаваемыхъ ими предметахъ. Пополнить свое образованіе пожелали: по русскому языку 27, математикѣ 36, педагогикѣ 62 и дидактикѣ 28; въ общей суммѣ это даетъ цифру 153; въ эту же группу можно отнести и чисто прикладныя знанія, какъ-то: сельское хозяйство 4, садоводство и огородничество 31, пчеловодство 13, рукодѣліе 7, ремесла 2, кулинарное дѣло 1 и шелководство 1, а всего 59, что съ прежними составитъ 212 заявленій. Остальные предметы, какъ немѣющіе прямого отношенія къ педагогической дѣятельности, мы отнесемъ въ другую группу, гдѣ преобладаютъ: естественныя науки 42, психологія 24, исторія 26, географія 24, исторія русской литературы 20, всего 136; дагѣ идутъ логика 8, медицина 8, гигиена 7, затѣмъ отъ 1 до 5 требованій на исторію философіи, право, физиологію и др., а всего 49; сюда же можно причислить музыку и пѣніе—27, итого 212.

По мнѣнію «Самарск. Газеты», цифры эти доказываютъ стремленіе учащихся къ знанію, прежде всего, въ цѣляхъ практическихъ и довольно узкихъ; преобладаютъ запросы на то, что нужно для непосредственнаго жизненнаго обихода въ школѣ, дома, среди крестьянства. Лицъ съ болѣе широкимъ кругозоромъ и болѣе развитыми умственными запросами сравнительно весьма мало. Составъ учащихся по образованію даетъ довольно наглядное объясненіе этому, надо признать, естественному при данныхъ условіяхъ явленію. Лицъ, получившихъ полное среднее образованіе въ гимназіяхъ или институтахъ и пр. 49 или 14,3%, окончившихъ спеціально педагогическія заведенія—учительскія семинаріи, земскую школу сельскихъ учительницъ и епархіальныя училища 210 или 58,4% и, наконецъ, довольно много лицъ съ низшимъ образованіемъ—94 или 27,3%. Эти цифры говорятъ сами за себя. Всякій прошедшій среднюю школу на себѣ испыталъ ея недостатки; въ смыслѣ умственнаго развитія и возбужденія умственныхъ интересовъ она не даетъ рѣшительно ничего; всѣ вопіютъ, что она даетъ только кучу знаній, но совершенно не учитъ думать.

Прототипы героев «Войны и Мира». Недавно г. Крошевичъ, на основаніи цѣлаго ряда архивныхъ матеріаловъ доказывалъ въ «Русск. Инв.», что герой «Войны и Мира» Тушинъ—лицо вполне реальное, и что въ немъ выведенъ штабсъ-капитанъ Я. И. Судковъ, стоявшій въ «легкой ротѣ вакантной» 4-го артиллерійскаго полка. Теперь «Тифлисскій Листокъ» рассказываетъ, что прототипомъ другого героя этой замѣчательной исторической поэмы точно также послужило дѣйствительно существовавшее лицо. Звали его Руфинъ Ивановичъ Дороховъ.

Читатель, безъ сомнѣнія, помнитъ молодого гвардейца съ ясными голубыми

глазами, игрока и бретера, который держалъ съ англичаниномъ Стівенсомъ пари, что выпьетъ бутылку рому, сидя на окнѣ третьяго этажа съ опущенными наружу ногами. Знаменитый романистъ познакомился съ Дороховымъ во время службы своей на кавказской линіи и воспользовался особенностями его характера для художественнаго созданія типа человѣка, который, какъ бы «соскучившись ежедневною жизнью, чувствовалъ временами необходимость какинь-нибудь страннымъ, большею частью жестокимъ, поступкомъ выходить изъ нея». Дороховъ принадлежалъ именно къ такого рода людямъ. По рожденію, воспитанію и способностямъ онъ могъ рассчитывать на блестящую карьеру, а между тѣмъ едва не половину своей службы провелъ въ солдатской шинели. Послѣ каждаго разжалованія онъ совершалъ подвиги храбрости, чтобы заслужить офицерскіе эполеты, но лишь надѣвалъ ихъ, какъ вновь навлекалъ на себя кару закона. По отзыву близко знававшего его на Кавказѣ декабриста Гангелова, это былъ человѣкъ благовоспитанный, пріятный собесѣдникъ, острый и находчивый, но имѣлъ неукротимый характеръ, который нерѣдко проявлялся въ немъ ни съ того, ни съ сего. Въ такіа минуты никто и ничто не могло удержать его.

Первое разжалованіе постигло Дорохова въ 1819 году, когда онъ былъ 15-лѣтнимъ прапорщикомъ. Кампанія 1827 года возвратила Дорохову офицерскіе эполеты.

Осенью 1829 г. Дороховъ уже въ чинѣ поручика и съ золотой саблей за храбрость отправился для лѣченія на кавказскія минеральныя воды. Въ Тифлисѣ уговорился онъ ѣхать дальше съ декабристомъ М. И. Пушинымъ. Тотъ, зная нравъ своего спутника, согласился взять его въ свою коляску до первой драки съ кѣмъ бы то ни было. Дороховъ подчинился, но могъ выдержать условіе только до Душета. Здѣсь поколотилъ своего денщика. Пушинъ бросилъ его, и онъ уѣхалъ одинъ...

Во Владикавказѣ нагналъ его А. С. Пушкинъ, возвращавшійся изъ Эрзерума. Любитель оригинальныхъ характеровъ, поэтъ упросилъ Пушина взять съ собою Дорохова. «Долго я не хотѣлъ на это согласиться,—пишетъ Пушинъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—увѣряя Пушкина, что Дороховъ по натурѣ своей не можетъ не драться. Пушкинъ все свое краснорѣчіе употреблялъ, чтобы меня уговорить согласиться на его просьбу, находя тѣмъ граціи въ Дороховѣ и много прелести въ его товариществѣ. Въ этомъ я былъ совершенно съ нимъ согласенъ и, наконецъ, согласился на убѣдительную его просьбу принять Дорохова въ наше товарищество, но только позволилъ себѣ сдѣлать съ обоими новый уговоръ: во все время нашего слѣдованія въ карты между собою не играть. Свѣрѣя сердце, оба дали мнѣ въ этомъ честное слово. Тяжело было обоимъ во время приваловъ и ночлеговъ: одинъ не смѣлъ бить своего денщика, а другой не смѣлъ заикнуться о картахъ, пытаюсь, однако, у меня нѣсколько разъ о сложеніи тягостнаго для нихъ договора».

Послѣ многочисленныхъ и выдающихся подвиговъ, которыми искупались навлекшія кару провинности, Дороховъ собралъ команду удалцовъ, съ которыми совершалъ чудеса храбрости въ стычкахъ съ горцами. Въ 1840 году-эту

команду принять отъ него Лермонтовъ во время похода въ Чечню. Въ 1841 г., когда Лермонтовъ былъ убитъ, Дороховъ находился въ Пятигорскѣ и чуть не поколотилъ священника, отказывавшагося совершить надъ убитымъ христіанскій обрядъ погребенія.

О смерти Руфина Ивановича газета рассказываетъ:

«Полѣвка тому назадъ, 18-го января 1852 года, въ лѣсистомъ ущельѣ горной рѣчи Готы, въ Малой Чечнѣ, произошла кровавая катастрофа, всѣ подробности которой не выяснены до сихъ поръ: атаманъ кавказскаго казачьяго войска ген.-м. Ф. А. Круговской былъ убитъ чеченцами. вмѣстѣ съ нимъ пали сопровождавшіе его офицеры и конвойные казаки. Подоспѣвшіе къ мѣсту катастрофы гребенская сотня и баталіонъ куриновъ нашли только изрубленные и ограбленные трупы. Въ числѣ убитыхъ находился начальникъ ракетной команды хорунжій Руфинъ Ивановичъ Дороховъ».

Гимназическій журналъ. «Брымскій курьеръ» приводитъ интересныя выдержки изъ перваго номера журнала «Разсвѣтъ» (за декабрь прошлаго года), издававшагося учениками VI и VII классовъ Р—ской гимназіи. О задачахъ журнала даетъ представленіе статья, озаглавленная: «Значеніе журнала».

«Живемъ ли мы,—спрашиваетъ редакція полною жизнью,—дышимъ ли мы свободно, учась въ гимназіи? Каждый согласится, что нѣтъ. Гимназическая среда, выработанная общими усиліями классицизма и поколѣніями сухихъ, мертвыхъ, какъ ихъ предметы, формалистовъ, чиновниковъ-педагоговъ, ихъ отношеніемъ къ своему дѣлу, какъ къ непріятной обязанности, къ воспитанникамъ, какъ къ нерадивымъ подчиненнымъ, личнымъ своимъ врагамъ, системы наказаній, являющихся не исправленіемъ, а мстью—не есть среда жизненная. Отсутствіе высшихъ интересовъ, незнакомство съ дѣйствительностью и съ возбуждаемыми ею научными, соціальными и литературными вопросами, нежеланіе выходить изъ узкой будничной сферы съ ея заботами объ отпѣткахъ, о томъ, что спросать-ли завтра, множество спеціальныхъ гимназическихъ предразсудковъ—вотъ отличительные признаки этой среды. Но, говоря про среду, всего этого нельзя сказать про каждую отдѣльную личность. У всякаго есть интересы, поднимающіеся надъ этой средой. Но замѣтны эти интересы лишь у немногихъ, все время пребыванія въ гимназіи борющихся напряженно съ рутинной и выдержавшихъ эту борьбу; остальные же, не встрѣчая ни малѣйшаго намека на сочувствіе, подавляемые средой, скрываютъ свои лучшіе порывы въ самихъ себѣ, будучи сами по себѣ не такими, какими привыкли быть и казаться. Пробудить эти порывы и интересы, сообща обсудить ихъ, дать возможность каждому открыто высказать свои убѣжденія, подѣлиться своими знаніями сомнѣніями, впечатлѣніями вотъ цѣль нашего журнала. И въ наше время, время школьныхъ реформъ, когда распадаются ржавыя цѣпи классицизма, когда только и пишутъ, и говорятъ объ увеличеніи значенія средней школы, о необходимости расширенія умственнаго и нравственнаго кругозора учащихся,—не пора ли и намъ самимъ позаботиться о саморазвитіи, знакомствѣ съ ожидающею насъ жизнью и дѣятельностью. И кто сочувствуетъ всякимъ лучшимъ порывамъ

вамъ, будь то стремленіе впередъ, или реформа нашей школы, или желаніе развиться и познакомиться съ жизнью—тотъ не можетъ не сочувствовать нашему журналу».

Изъ другихъ статей въ первомъ выпускѣ «Разсвѣта» напечатаны: «Очеркъ о Никитинѣ»,—небольшая но тепло и задушевно написанная характеристика поэта-народника, «Нѣчто о Шумовѣ, какъ типѣ гимназической жизни»—типъ гимназиста (героя одного изъ рассказовъ г. Тимковского), которого сгубила гимназическая среда и пошлая домашняя обстановка; «Добролюбовъ и «Московскія Вѣдомости», прекрасная апологическая статья «по поводу непристойнаго фельетона г. Басаргина въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о Добролюбовѣ. «Изложеніе политической экономіи въ главнѣйшихъ элементахъ» (начало статьи), краткое, но общедоступное изложеніе основныхъ положеній, и нѣкоторыя другія статьи.

На могилѣ Г. А. Мачтета. Нѣкто г. М. У. М—ный «больной житомирецъ, волею судьбы заброшенный въ Ялту», посвящаетъ памяти Г. А. Мачтета въ «Южномъ Курьерѣ» обширное письмо, изъ котораго мы беремъ здѣсь небольшую выдержку, представляющую намъ поучительнымъ дополненіемъ къ только что сдѣланной характеристикѣ гимназическаго журнала «Разсвѣтъ». Г. М—ный рассказываетъ о своемъ тяжеломъ настроеніи, въ какое привелъ его унылый видъ заброшенной могилы Мачтета на ялтинскомъ кладбищѣ.

«Посидѣвъ (возлѣ могилы) минутъ десять, я отправился—писать онъ—отыскивать сторожа, чтобы переговорить съ нимъ на счетъ заботъ по уходу за могилкой дорогого намъ человѣка.

«Сторожа не оказалось дома. Вечеромъ, того же дня, гуляя въ саду съ дѣтвойрой своихъ знакомыхъ, я встрѣтилъ гимназиста VIII-го класса, а затѣмъ студента—обывателя Ялты, представился, передалъ имъ привѣтъ и просьбу отъ житомирской учащейся молодежи смотрѣть за могилой того, кто былъ такъ чутокъ къ ихъ брату, чтобы они передали это и меньшимъ товарищамъ. Гимназистъ и студентъ обѣщали исполнить просьбу. Дѣткамъ, что «были со мной (гимназисты и гимназистки), я рассказалъ біографію Мачтета, рассказалъ имъ нѣкоторые изъ его произведеній; они слушали очень внимательно. На завтра, въ часъ дня, въ сильнѣйшую жару, я отправляюсь снова на кладбищѣ, для переговоровъ со сторожемъ; сторожа снова не застаю дома; отправляюсь на могилу Г. А. и застаю моихъ спутниковъ двухъ гимназистовъ III-го и V-го классовъ двухъ гимназистовъ IV-го класса, съ ножикомъ, леечкой, водой, которые копали землю, сажали вокругъ могилки бордюрные растенія, а въ серединѣ—розы и кактусъ; которые бѣгали за водой, поливали, суетились, которые обѣщали завтра привести и посѣять семена ковровыхъ растеній, пока наступитъ осень и можно будетъ насадить кипарисовъ, магнолій [и др. Тутъ же присутствовала и маленькая дѣвочка сторожа, которую я просилъ поливать утромъ и вечеромъ посаженные на могилкѣ всенъ и цвѣты. Покончивъ съ работами на дорогой намъ могилѣ, мы сѣли тутъ же, недалеко, на краю богатаго памятника, окруженного стройными кипарисами и чудными магноліями,

тутъ-же я передалъ милымъ дѣткамъ, что зналъ о жизни Мачтета, крѣпко прося ихъ заботиться объ этой могилкѣ, равно передать объ этомъ своимъ товарищамъ и товаркамъ. Молчаніе этихъ скромныхъ, невинныхъ, милыхъ дѣтокъ было порукой за то, что они все исполнятъ. Черезъ полчаса мы тронулись въ городъ, будучи всѣ совершенно довольны, они, что сдѣлали доброе дѣло, а я, что могила дорогого намъ человѣка теперь не заростетъ сорной травой, а будетъ въ зелени и цвѣтахъ, какъ и сосѣднія могилки, ибо она теперь находится подъ охраной и опекой тѣхъ, кто такъ чутко къ всему хорошему, кого еще жизнь не успѣла сдѣлать черствыми».

Какъ легко, оказывается, пробудить въ чистой дѣтской душѣ тѣ «лучшіе порывы», о подавленіи которыхъ сухой гимназической рутинной рассказываетъ «Разсвѣтъ». Пришелъ чужой человѣкъ, сказалъ нѣсколько теплыхъ искреннихъ словъ о покойномъ писателѣ, и этого было достаточно, чтобы вызвать въ чуткихъ сердцахъ дѣтельную любовь къ памяти того, о комъ они только что услышали впервые.

Человѣкъ-звѣрь. Корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ о выходящемъ изъ ряда вонъ преступленіи, совершенномъ въ первыхъ числахъ мая на ст. Тихорѣцкой, Владикавказской желѣзной дороги. Фактъ произведенъ корреспондентомъ и никакихъ возраженій не вызвалъ.

«1-го мая текущаго года изъ города Екатеринодара по Новороссійской вѣтви вышла къ своимъ знакомымъ въ ст. Песчановокскую молодая 18-ти-лѣтняя барышня, дворянка, дочь чиновника (г-жа Золотова). Въ пути съ ней ѣхалъ въ томъ же вагонѣ судебный слѣдователь со ст. Тихорѣцкой, человѣкъ относительно молодой. Слѣдователю приглянулась очень недурная собой одинокая пассажирка. Въ вагонѣ пассажировъ было мало. Слѣдователь, забывъ всякій стыдъ, сдѣлалъ гнусное предложеніе. Получивъ краснорѣчивый отпоръ, представитель правосудія подъ маской лицемѣрія скрылъ обиду и свои животныя вожделѣнія, но не отказался отъ нихъ. Не доѣзжая ст. Тихорѣцкой, судебный слѣдователь положилъ часть своихъ вещей въ ручной багажъ дѣвушки, а въ Тихорѣцкой обвинилъ несчастную въ воровствѣ и приказалъ арестовать ее. Голословнаго заявленія было достаточно, чтобы, не взирая на слезы и слова оправданія, пассажирка была арестована и заключена въ кордегардію при станціи. И вотъ здѣсь-то надъ лишенной свободы и защиты дѣвушкой слѣдователь произвелъ гнусное насиліе, а затѣмъ опозоренную отдалъ на поруганіе низшихъ чиновъ администраціи поселка. Послѣдніе даже стали торговать несчастной, впуская къ ней за плату казаковъ, которые здѣсь обнаружили достаточную степень массового одичанія. Такъ велось дѣло до 6-го мая. Въ этотъ день 3. отравилась, принявъ растворъ карболовой кислоты, и къ вечеру, не приходя въ сознаніе, скончалась. Такъ какъ участниковъ злодѣйскаго поруганія надъ личностью страдальцы было довольно много, то скоро все населеніе поселка узнало ужасную правду. Какъ отнеслось интеллигентное населеніе поселка къ совершенному злодѣйству, я не знаю. Но вотъ на 3-е мая было назначено вскрытіе и погребеніе страдальцы, и здѣсь-то дѣло приняло новый

оборътъ. Рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо, въ числѣ болѣе 2.000 человекъ, явились на кладбище и заявили властямъ, что просятъ имъ выдать насильниковъ, говоря, что они ихъ разорвутъ на куски и закопаютъ въ могилу съ жертвой. Кровавый самосудъ не могъ совершиться, такъ какъ слѣдователь бѣжалъ спустя день послѣ отравленія дѣвушки; урядникъ съ товарнымъ поѣздомъ тоже постѣшилъ скрыться на ст. Кавказскую, а помощникъ атамана усакалъ въ станицу Архангельскую. На мѣсто происшествія прибыли прокуроръ и судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Слѣдствіе ведется энергично. Въ поселкѣ попрежнему непокойно. По смерти З. прибыли родители ея; ранѣе они не знали, гдѣ она находится, хотя отъ Тихорѣцкой до Екатеринодара — всего около 100 верстъ, и имѣи несчастная возможность подать роднымъ вѣсть о себѣ, — жизнь ея, вѣроятно, была бы спасена.

Изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. Въ «Вѣстникѣ Финансовъ» находимъ подробныя выдержки изъ свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за вторую половину 1900 года. Къ половинѣ 1900 г. въ Европейской Россіи и въ Бакинской губерніи было 17.997 промышленныхъ заведеній, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи. На каждое заведеніе приходилось въ среднемъ около 94 человекъ рабочихъ изъ общаго числа 1.666.177 чел. Двѣ трети фабрикъ имѣли не болѣе 50 человекъ рабочихъ и лишь 1,3 на сто фабрикъ пользовались трудомъ болѣе чѣмъ 1.000 рабочихъ (всего 238 заведеній). За полгода инспекторами было посѣщено 9.120 заведеній (50,7% всего числа, а всѣхъ посѣщеній было 15.786, т.-е. почти по два (1,7) на каждое изъ посѣщенныхъ заведеній. Хотя ближайшими поводами посѣщеній были общій надзоръ за выполненіемъ законовъ и надзоръ за паровыми котлами, однако, болѣе чѣмъ въ $\frac{1}{10}$ случаевъ посѣщенія вызывались жалобами рабочихъ на заведующихъ и послѣднихъ на рабочихъ.

Наиболѣе частымъ поводомъ жалобъ заведующихъ на рабочихъ былъ самовольный отказъ отъ работы вопреки договору — 1.345 изъ числа всѣхъ 2.745 поводовъ, т.-е. 49% случаевъ. Завѣдующіе жаловались всего на 2.697 рабочихъ (0,16% общаго числа), и въ четвертой части случаевъ жалобы оказались неосновательными (540 случаевъ) или подлежащими судебному преслѣдованію самими заведующими (108 случаевъ). Миротлюбиваго соглашенія инспекціи удалось достигнуть по отношенію къ 787 рабочимъ (29,5% всѣхъ подавшихъ поводъ къ жалобѣ), а 847 рабочихъ были привлечены инспекціей къ судебной отвѣтственности по ст. 54, уст. о наказаніяхъ за самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма или при наймѣ на срокъ неопредѣленный безъ предупрежденія за двѣ недѣли.

Жалобы рабочихъ на заведующихъ были болѣе многочисленны. Они поступили за отчетное полугодіе съ 4.013 заведеній, въ 8.992 единоличныхъ и 871 коллективныхъ, отъ лица 15.005 рабочихъ. Большая часть единоличныхъ жалобъ рабочихъ была разбрана тотчасъ же въ канцеляріяхъ (5.163), остальные же и большинство жалобъ коллективныхъ (67% всего числа) потребовали предварительнаго разслѣдованія на мѣстѣ.

Единоличныя жалобы 2.629 рабочихъ (29,3%) были признаны неосновательными, 5.057 рабочихъ (56,4% жаловавшихся) получили удовлетвореніе вполнѣ (3.755 чел.) или отчасти (1.302 чел.) и только 10,9% жалобщиковъ не могли быть удовлетворены за несостоявшимся соглашеніемъ съ завѣдующими.

Большинство коллективныхъ жалобъ (70,9% отъ лица 11.898 рабочихъ) удовлетворены вполнѣ (480) или отчасти (133). Соглашенія не состоялось по 76 жалобамъ отъ лица 1.089 рабочихъ и въ 163 случаяхъ жалобъ отъ лица 2.410 рабочихъ послѣдовалъ отказъ по неосновательности.

Коллективныя неудовольствія рабочихъ выразились, сверхъ того, въ 77 случаяхъ забастовками, въ которыхъ участвовало 20.281 чел. Недоразумѣнія, однако, улаживались по большей части очень скоро при посредничествѣ фабричныхъ инспекторовъ, такъ что почти половина забастовокъ (36) продолжалась не долѣе 1 сутокъ, 13—до 2 сутокъ и 14—до 3 сутокъ. Остановка работъ на время до 1 недѣли наблюдалась въ 12 случаяхъ и лишь въ 2 случаяхъ—въ Рязанской губерніи 98 человекъ и въ Бессарабской 12 человекъ—не работали до 2 недѣль.

Табелей взысканій съ рабочихъ за неисправную работу, за прогулъ и за нарушеніе порядка было утверждено инспекторами 1.012 и разрѣшеній на выдачу пособій изъ штрафныхъ капиталовъ фабрикъ дано 16.254.

Обычай штрафовать рабочихъ наиболѣе распространенъ на фабрикахъ Владимирской и Московской губерній, гдѣ раньше всего былъ введенъ законъ 3-го іюня 1886 г.

Въ общемъ, изъ 18.312 заведеній, состоявшихъ подъ надзоромъ фабричной инспекціи къ концу 1900 года, штрафы взыскивались только на 4.913, т.-е. въ 26,8% фабрикъ.

Сумма всѣхъ штрафныхъ капиталовъ на этихъ фабрикахъ къ 1-му января 1900 г. достигала 2.408.898 р. 58 к., въ теченіе года поступило взысканныхъ штрафовъ и доходовъ съ имѣвшихся на лицо въ % бумагахъ или въ сберегательныхъ кассахъ денегъ — 872.003 р. 46 к. (Въ это число вошли 5.215 р. 95 к., внесенные владельцами фабрикъ въ штрафные капиталы въ качествѣ пожертвованія и пр.). Оборотъ всѣхъ кассъ выражался въ концѣ года 3.280.902 р. 4 к. Израсходовано въ теченіе 1900 г. 688.525 р. 48 к. и къ 1-му января 1901 г. осталось на лицо 2.592.376 р. 57 к., изъ которыхъ 2.056.673 р. 28 к. приходится на долю фабрикъ центрального промышленнаго района.

Нарушенія законовъ и различныхъ изданныхъ въ развитіе ихъ правилъ и обязательныхъ постановленій были обнаружены фабричными инспекторами за отчетное полугодіе въ 15.269 случаяхъ, причѣмъ, однако, въ расчетъ не принималось число рабочихъ, относительно которыхъ было допущено нарушеніе закона. Такимъ образомъ, напр., неправильное веденіе расчетныхъ книжекъ или работа малолѣтнихъ, болѣе продолжительная въ теченіе дня, чѣмъ-то допускаетъ законъ, когда такія явленія обнаруживались при посѣщеніи фабрики, считались за одно нарушеніе, хотя бы они имѣли мѣсто по отношенію многихъ рабочихъ.

Только въ 6% случаевъ (922) были составлены протоколы по поводу нарушеній закона, въ остальныхъ же, за отсутствіемъ злой воли, инспектора ограничивались занесеніемъ замѣчаній и предупрежденій въ особую книгу, имѣющуюся въ каждомъ подчиненномъ надзору заведеніи.

Большая часть протоколовъ, составленныхъ по различнымъ нарушеніямъ относительно рабочихъ и устройства и содержанія рабочихъ помѣщеній, была направлена въ присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ (379 изъ 597) и лишь 168 были переданы въ общія судебныя установленія.

За мѣсяцъ. Образованные на основаніи Высочайше утвержденнаго 22-го марта 1902 г. положенія особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности мѣстные комитеты, только что приступивъ къ возложенной на нихъ работѣ, признали, что указанный имъ срокъ для представленія отзывовъ особому совѣщанію—15-е октября 1902 г.—недостаточенъ для обстоятельнаго выясненія мѣстныхъ нуждъ. Въ виду этого, съ Высочайшаго соизволенія, разрѣшено продлить срокъ представленія комитетами отзывовъ особому совѣщанію, но съ тѣмъ, чтобы отзывы комитетовъ были представлены во всякомъ случаѣ, не позднѣе 1-го февраля 1903 г.

Не ожидая поступленія того громоздкаго матеріала, который будетъ доставленъ къ указанному сроку мѣстными комитетами и потребуетъ, вѣроятно, не мало времени для одной только систематической сводки и группировки его, особое совѣщаніе теперь же приступило къ обсужденію нѣкоторыхъ отдѣльных пунктовъ своей программы по существу.

Обсуждая вопросъ объ организаціи мелкаго народнаго кредита, особое совѣщаніе пришло къ заключенію, что дѣйствующее нынѣ положеніе объ учрежденіи мѣстнаго кредита въ общемъ удовлетворяетъ своему назначенію въ качествѣ закона, нормирующаго этотъ кредитъ; уставы же и правила сельскихъ и волостныхъ банковъ и кассъ, а равно другихъ учреждений сословнаго типа сохранившихъ прежнюю организацію, требуютъ пересмотра. Предрѣшивъ затѣмъ вопросъ о томъ, въ какихъ вѣдомствахъ надлежитъ сосредоточить учрежденія мелкаго кредита, какія вѣдомства будутъ приглашены къ участію въ этихъ учрежденіяхъ, какія вѣдомства могутъ снабдить эти учрежденія основными капиталами, особое совѣщаніе передало вопросъ объ организаціи кредита въ особую подготовительную комиссію.

Для обсужденія вопроса о желѣзнодорожныхъ перевозочныхъ тарифахъ въ засѣданіе особаго совѣщанія приглашены были свѣдущія лица, въ составѣ наиболѣе видныхъ защитниковъ нынѣ дѣйствующей тарифной системы. При содѣйствіи этихъ лицъ особое совѣщаніе пришло къ заключенію, что существующіе хлѣбные тарифы вполне удовлетворительны и пересмотръ ихъ, тѣмъ менѣе переработка не вызывается интересами сельскаго хозяйства.

Затѣмъ совѣщаніе подвергло подробному и обстоятельному обсужденію вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли стремиться къ увеличенію производства въ Россіи зерновыхъ хлѣбовъ и нельзя ли ожидать, въ случаѣ быстраго возрастанія зерновыхъ продуктовъ, при стремленіи западно-европейскихъ державъ повышать

ввозныя пошлины на хлѣба, перепроизводства ихъ у насъ и паденія цѣнъ, а также не надлежитъ ли признать самое паденіе цѣнъ такимъ важнымъ обстоятельствомъ, что при принятіи мѣръ по развитію сельскаго хозяйства надлежитъ соблюдать особую осторожность.

Совѣщаніе, какъ бы въ предвидѣніи особой продуктивности своей работы, испугалось возможныхъ послѣдствій собственнаго усердія. Въ концѣ концовъ, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, особое совѣщаніе успокоилось; оно пришло къ заключенію, что въ сущности трудно найти прямое указаніе на то, чтобы возможное при увеличеніи производства хлѣбныхъ продуктовъ паденіе цѣнъ на нихъ могло быть рассматриваемо какъ обстоятельство, которое должно удерживать отъ мѣропріятій по развитію сельскаго хозяйства. При этомъ изъ сужденій совѣщанія выяснилось, что такого рода мѣропріятія слѣдуетъ преимущественно направить по пути насажденія у насъ интенсивнаго хозяйства въ связи съ увеличеніемъ скотоводства. Къ обсужденію этого собственно вопроса, т.-е. *вопроса о развитіи у насъ скотоводства*, совѣщаніе и обратилось. Происходившія по этому вопросу сужденія привели совѣщаніе къ единогласному заключенію,—которое разумѣется, никто оспаривать не станетъ—о желательности поднятія у насъ всѣхъ отраслей животноводства, и въ частности увеличенія количества скота рабочаго, мясного и молочнаго, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Далѣе, по мнѣнію совѣщанія, необходимо остановиться на вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли искать улучшенія сельскохозяйственной промышленности преимущественно въ возбужденіи самодѣтельности сельскихъ хозяевъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ принимать мѣры къ развитію самодѣтельности и устраненію препятствующихъ ей обстоятельствъ, или же надлежитъ преимущественно идти путемъ правительственнаго воздѣйствія. По этому вопросу сужденія членовъ совѣщанія сводились къ признанію невозможности достиженія серьезнаго успѣха безъ широкаго развитія частной и общественной самодѣтельности. Поэтому, и надо стремиться къ возбужденію въ населеніи личной предпримчивости, которая, какъ показываетъ тотъ же опытъ, является главнымъ и непремѣннымъ условіемъ прочнаго улучшенія хозяйственной дѣятельности. Для объединенія же и поддержки индивидуальных усилій отдѣльныхъ хозяевъ можетъ оказать значительное содѣйствіе организація разнаго рода хозяйственныхъ союзовъ.

Намѣтивъ этотъ путь для направленія своей дальнѣйшей дѣятельности, совѣщаніе не могло не признать правильнымъ сдѣланное въ средѣ его замѣчаніе о томъ, что историческія судьбы и бытовые условія русскаго народа не даютъ возможности рассчитывать на особенно широкое проявленіе у насъ частной и общественной инициативы. Поэтому, стремясь, къ развитію такой инициативы и избѣгая непосредственнаго воздѣйствія и регламентаціи, нельзя, однако, отказываться отъ примѣненія покровительственныхъ мѣръ, въ смыслѣ общаго содѣйствія сельскохозяйственной промышленности. вмѣстѣ съ тѣмъ въ совѣщаніи было обращено вниманіе на важность сближенія сельскаго населенія съ болѣе образованными и имущими классами, личная инициатива и примѣръ которыхъ могли бы оказывать весьма благотворное вліяніе на раз-

личныя стороны хозяйственного быта сельскаго населенія. Одною изъ формъ такого сближенія могло бы служить возможно широкое распространеніе неполной аренды крестьянами помѣщичьихъ земель. Такимъ образомъ могла бы сгладиться образовавшаяся послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости обособленность ихъ отъ помѣщиковъ.

Начались обсужденія и въ уѣздныхъ комитетахъ, изъ коихъ приводимъ пренія и доклады въ суджанскомъ уѣздномъ комитетѣ. 4-го іюля состоялось первое засѣданіе суджанскаго, Курской губерніи, уѣзднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Къ участію въ занятіяхъ комитета председателемъ были приглашены всѣ уѣздные земскіе гласные, члены земскаго экономического совѣта, въ числѣ коихъ было много крестьянъ, преподаватели кучеровской сельскохозяйственной школы, земскій агрономъ. Всего собралось 48 челоѣкъ. Въ залу засѣданія была допущена публика. Председатель А. В. Евреинновъ, открывъ засѣданіе и изложивъ цѣль собранія, между прочимъ объяснилъ, что Высочайше утвержденное положеніе особаго совѣщанія предоставляетъ уѣзднымъ комитетамъ право коснуться въ своихъ сужденіяхъ, помимо вопросовъ чисто сельскохозяйственныхъ и вопросовъ мѣстной жизни, также и вопросовъ, касающихся общаго правопорядка, общаго управленія, по скольку таковыя отражаются на сельскомъ хозяйствѣ и мѣстной жизни вообще, что опять-таки вноситъ громаднѣйшій интересъ въ работы уѣздныхъ комитетовъ.

Затѣмъ совѣщаніемъ единогласно принята программа занятій, составленная г. Евреинновымъ. Содержаніе ея таково: «Каково положеніе сельскаго хозяйства нашей мѣстности? Причины, влияющія на его безотрадное положеніе, распадутся на вопросы общаго характера—государственного значенія—и на вопросы частнаго характера—техническаго. Вопросы общіе: 1) Общій правопорядокъ, нынѣ почти устраняющій общественныя силы отъ дѣятельности, построенной на административно-бюрократическо-полицейскомъ основаніи и общемъ недоуверіи. 2) Правопорядокъ крестьянъ и уклада ихъ жизни: а) опека надъ ихъ дѣятельностью и даже личностью; б) обособленіе ихъ отъ другихъ сословій; в) судъ, обычай и отдѣльные законы; г) приниженность сословія; д) несоразмѣрность взимаемыхъ съ нихъ платежей; е) малоземелье; ж) чрезвычѣйность; з) отсутствіе судебной защиты для купленныхъ земель и вообще и) отсутствіе огражденія имущества ихъ; і) натуральныя повинности. 3) Административная опека какъ надъ обществомъ и его дѣятельностью, такъ и надъ отдѣльными лицами. 4) Постоянное требованіе на все разрѣшеній, отсутствіе явочнаго порядка для какой-либо коопераціи или союза. 5) Финансовая политика, построенная не на основаніи главнаго занятія 85% русскаго населенія (налоги, прямые и косвенные). 6) Вытекающая отсюда ненародная экономическая общая политика всего государства, покровительствующая весьма малому меньшинству въ ущербъ огромнаго большинства. 7) Неудовлетворительность нашихъ желѣзныхъ дорогъ. 8) Тарифы и условія перевозки. 9) Непроходность гужевыхъ дорогъ (грунтовыхъ) и неподѣздность къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. 10) Недостатокъ кредита, какъ общаго, такъ и мелкаго. 11): а) роль министерства земледѣлія; б) его средства; в) роль земства при осуществленіи обсуждаемой программы

въ жизни; г) отношеніе министерства земледѣлія и его связь съ мѣстными общественными установленіями; д) кому будетъ предоставлено проведеніе всѣхъ мѣропріятій въ среду населенія: мѣстному ли чиновничеству, или самому населенію чрезъ его представителей. 12) Народное продовольствіе, которое оставлено въ прежнемъ архаическомъ своемъ видѣ, да еще вдобавокъ изъято изъ вѣдѣнія общественныхъ установленій и ведется нынѣ бумажнымъ способомъ чиновниками, довольствующимися уже утратившими смыслъ въ нашей мѣстности хлѣбозапасными магазинами. 13) Существенный вопросъ народного образованія въ формѣ всеобщаго обученія, безъ коего немислимо проведеніе культурныхъ мѣропріятій въ массу. 14) О точномъ собираніи свѣдѣній, какъ по сельскому хозяйству вообще, такъ и по урожаямъ въ частности: а) кто будетъ вѣдать этимъ въ центрѣ; б) кто будетъ работать на мѣстѣ; в) кто даетъ на это средства. 15) Вопросъ о прессѣ, какъ специальной, такъ и общей. 16) Относящійся къ вопросу о мѣстномъ правопорядкѣ вопросъ о полномъ прекращеніи преслѣдованія сектантовъ, заставляющаго сторониться православныхъ, тогда какъ по большей части сектанты—самый хозяйственный и домовитый народъ. 17) Вопросъ о сельскомъ духовенствѣ и о зависимости прихода отъ духовной консисторіи и епархіальнаго начальства. 18) Вопросъ о сельской полиціи безопасности. Отсутствіе ея или недостаточность тяжело отражается на крестьянскомъ хозяйствѣ главнымъ образомъ. 19) Устраненіе безъ всякихъ основаній земскихъ собраній отъ обсужденій вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію особаго совѣщанія. 20) Объ организаціи земскихъ учреждений внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній. 21) Приближеніе земскихъ учреждений къ сельскому населенію устройствомъ мелкой земской единицы. 22) О необходимой для земскихъ учреждений самостоятельности и возможная ихъ устойчивость. 23) Рабочій вопросъ.

По прочтеніи и утвержденіи изложенной программы предѣвателемъ мѣстной уѣздной земской управы кн. П. Д. Долгоруковымъ было внесено заявленіе о необходимости обсужденія всѣхъ вопросовъ, намѣченныхъ комитетомъ, въ уѣздномъ земскомъ собраніи, которое представило бы мнѣнія всего заинтересованнаго населенія уѣзда.

Уѣздный комитетъ, выслушавъ это заявленіе, единогласно постановилъ возбудить предъ министромъ финансовъ чрезъ курскій губернский комитетъ ходатайство о томъ, чтобы запрошенъ былъ отзывъ суджанскаго уѣзднаго земскаго собранія по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію уѣзднаго комитета, дабы послѣдній могъ принять ихъ въ соображеніе при своихъ работахъ.

«Устраненіе земскихъ учреждений отъ выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности,—сказано въ ходатайствѣ комитета,—является совершенно нежелательнымъ. Если особое совѣщаніе признало, что «едва ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія», то очевидно, что такое мнѣніе можетъ быть представлено лучше всего земскими учреждениями, которыя являются единственными представителями всего на-

селенія. Крімъ того: а) земство имѣеть въ этомъ отношеніи большой опытъ, и теоретическій, и практический; б) земство явится въ большинствѣ случаевъ исполнителемъ намѣченныхъ мѣропріятій, что должно придать его отымавъ особую жизненность и силу, и в) земство обладаетъ въ лицѣ своихъ экономическихъ совѣтовъ и статистическихъ отдѣленій обширною организаціей, при помощи которой только и возможно болѣе или менѣе удовлетворительно выполнить задачу—выясненіе сельскохозяйственныхъ нуждъ населенія. То обстоятельство, что земскія учрежденія были запрошены о нуждахъ земледѣлія и сельскохозяйственной промышленности въ концѣ 1894 года, не можетъ служить причиной не спрашивать эти учрежденія въ настоящее время. Въ то время имѣлось въ виду выяснить преимущественно ближайшія задачи только что возникшаго министерства земледѣлія и основанія для взаимодѣйствія послѣдняго съ мѣстными учрежденіями. Агрономическая и экономическая дѣятельность земствъ почти только что началась въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ и лишь во второй половинѣ ихъ получила свое наибольшее развитіе. Съ другой стороны, неблагоприятныя условія, въ которыхъ находится сельскохозяйственная промышленность, особенно рельефно обозначились въ послѣднее время, что и было причиной учрежденія особаго совѣщанія, которое съ своей стороны, сознавая, очевидно, измѣнившіяся условія, признало необходимость новаго мѣстнаго опроса».

Для подробной разработки поставленныхъ въ программѣ вопросовъ уѣздный комитетъ учредилъ четыре подготовительныя комиссіи: 1) по вопросамъ общаго правопорядка; 2) по вопросамъ крестьянскаго правопорядка; 3) по вопросамъ юридическимъ и 4) по вопросамъ хозяйственно-агрономическо-техническимъ. Предсѣдателями комиссій избраны: въ 1-ю—предводитель дворянства А. Е. Евреиновъ, во 2-ю—податной инспекторъ П. П. Пустовитовъ, въ 3-ю—предсѣдатель земской управы кн. П. Д. Долгоруковъ и въ 4-ю—членъ уѣздной земской управы В. В. Усовъ. Всѣмъ предсѣдателямъ комиссій уѣздный комитетъ предоставилъ полнѣйшее право приглашать, кромѣ избранныхъ комитетомъ членовъ, и другихъ лицъ. Засѣданія комиссій имѣють быть публичными. Въ числѣ другихъ членовъ въ комиссіи входятъ и крестьяне.

Некрологи. 26-го іюня въ Бадъ-Гамбургѣ скончался нашъ знаменитый скульпторъ *Маркъ Маттеевичъ Антокольскій*. Покойный родился въ 1842 г. въ г. Вильнѣ, въ бѣдной еврейской семьѣ. Рано почувствовавшій свое высокое призваніе, Антокольскій только на 21-мъ году получилъ возможность пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ академію художествъ. Здѣсь онъ—по свидѣтельству близко знавшаго его Стасова—въ слѣдующемъ же году обратилъ на себя вниманіе академіи и всей русской интеллигентной публики необыкновенно своеобразными созданіями своими: «Еврей портной» и «Еврей скупой». Это были вещицы маленькія по размѣрамъ, но большія и новыя по содержанію, формамъ и выраженію. Потомъ, скоро послѣ первыхъ своихъ вещицъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько прекрасныхъ эскизовъ изъ глины: «Споръ о Талмудѣ» и разныя другія еврейскія сценки; наконецъ, выполнилъ большой эскизъ: «Кар-

диналъ инквизиціи, идущій арестовывать евреевъ въ подвалѣ во время празднованія ими праздника Пасхи». Это созданіе его было глубоко трагично, оригинально и ново. Въ 1871 г. Антокольскій выставилъ своего «Ивана Грознаго», за котораго получилъ (помимо правилъ) званіе академика, а среди русской публики сразу сдѣлался знаменитостью. Затѣмъ пошелъ рядъ его крупныхъ chefs d'oeuvre'овъ: «Петръ I» (1872), «Христосъ» (1874), характерный драматическій «Сократъ» (1877), «Спиноза», «Надгробный памятникъ княжны Оболенской» въ Римѣ (1876), «Лѣтописецъ Несторъ», «Юрмакъ», другія его скульптуры, между прочимъ проекты большихъ конныхъ статуй для Николаевского моста: «В. кн. Ярославъ», «Дмитрій Донской», «Иванъ III», «Петръ Великій» (въ 1872 года), а также значительное количество превосходныхъ портретныхъ статуй и бюстовъ.

Последнюю его работою въ настоящемъ году была его «Инквизиція», та самая, которую онъ первоначально создалъ еще въ 1869 году въ эскизѣ, но которую, вслѣдствіе постоянныхъ и горячихъ настояній г. Стасова въ теченіе долгихъ лѣтъ, онъ принялся, было, снова исполнять теперь въ большомъ масштабѣ.

— 1-го іюля, въ имѣніи Шахматово, Московской губерніи, скончался на 77 году своей жизни выдающійся ученый и видный общественный дѣятель, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета, докторъ ботаники *Андрей Николаевичъ Бекетовъ*. Авторъ многочисленныхъ научныхъ сочиненій, естественно-историческихъ наслѣдованій и переводовъ, покойный составилъ себѣ почетное имя среди популяризаторовъ науки. Своей долговременной профессорскою дѣятельностью Бекетовъ содѣйствовалъ появленію цѣлаго ряда русскихъ ученыхъ ботаниковъ, многіе изъ которыхъ теперь занимаютъ профессорскія карьеры. Кромѣ университета, А. Н. состоялъ преподавателемъ также на высшихъ женскихъ курсахъ и посвящалъ имъ много заботъ, какъ предсѣдатель комитета для доставленія средствъ курсамъ и какъ завѣдующій ими до ихъ преобразованія въ 1889 году. Весьма дѣятельное участіе онъ принималъ въ работахъ сѣздовъ русскихъ естествоиспытателей и не разъ былъ избираемъ въ предсѣдатели сѣздовъ. По его почину и при его стараніяхъ устроенъ при университетѣ ботаническій садъ, который теперь можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ въ Россіи, и значительно увеличенъ гербарій университета посредствомъ привлеченія коллекцій со всѣхъ концовъ имперіи.

— Въ пользу школы имени В. П. Острогорскаго въ Валдаѣ по 20 іюля поступило:

Отъ Правленія 0—ва взаимопомощи учащимъ въ начальныхъ училищахъ Бурской губерніи. 58 р. 41 к.

Сестрорѣцкія перчаточницы.

Тѣ бѣлоснѣжныя, равно и цвѣтныя, вязанныя замшевыя перчатки, въ которыхъ щеголяютъ наши господа военные, барышни и штатскіе кавалеры на балахъ, парадахъ и гуляньяхъ, многими тысячами изготовляются, между прочимъ, въ селеніи Сестрорѣцкѣ, Петербургской губерніи.

Петръ суровыми мѣрами сооружая здѣсь на Разливѣ оружейный заводъ и водворяя крѣпостныхъ поселенцевъ, вѣроятно, очень мало заботился о перчаткахъ. Тѣмъ не менѣе, нынѣ перчаточнымъ ремесломъ живутъ здѣсь сотни семей. Въ сотняхъ домовъ перчаточное ремесло служитъ поддержкой и подспорьемъ къ тому, что заработаетъ глава семьи на заводѣ; мало того, здѣсь есть много семей, которыя живутъ исключительно этимъ ремесломъ. Это — вдовья семья, которыхъ здѣсь великое множество, такъ какъ мужчины, съ ранняго возраста работая на заводѣ, дыша стальной и желѣзной пылью, рано отправляются въ праотцамъ.

Всѣхъ рабочихъ въ Сестрорѣцкѣ насчитываютъ до 500, но слѣдуетъ замѣтить, что цифра эта неточная, такъ какъ точныхъ свѣдѣній о числѣ сестрорѣцкихъ труженицъ нигдѣ нѣтъ, ибо ихъ участію никто не интересуется. Главный контингентъ рабочихъ — дѣвушки, сестры и жены мастеровыхъ. Мѣсто сбыта — исключительно петербургскіе перчаточные магазины: Шольца, Кошке, Книнге и др., откуда мастерицы получаютъ и заказы въ видѣ уже скроеннаго товара.

Исторія возникновенія и развитія въ Сестрорѣцкѣ перчаточнаго дѣла весьма любопытна и поучительна. Нынѣ исполнилось четверть вѣка съ тѣхъ поръ, какъ въ Сестрорѣцкѣ поселилась первая перчаточница. Ранѣе здѣсь было развито въ весьма широкихъ размѣрахъ чулочное ремесло. Пока чулки изготовлялись ручнымъ способомъ, работа эта давала сестрорѣцкимъ вязальщицамъ нѣкоторый заработокъ; онѣ получали по 5 коп. съ пары, но съ появленіемъ въ столицѣ машиннаго чулка, плата эта упала ровно вдвое. Если ранѣе средняя мастерица зарабатывала 5—7 коп. въ день, то теперь невозможно стало заработать и этого. Больше одной пары въ день не могла выставить ни одна, самая прилежная работница. Заработокъ въ 3—4 коп. въ день не удовлетворялъ и самыхъ скромныхъ жизненныхъ потребностей сестрорѣцкихъ вязальщицъ, и чулочное ремесло пришлось забросить вовсе. Бѣднота въ селеніи воцарилась неописуемая. Женщины пробивались собираніемъ грибовъ и ягодъ, таская это добро на себѣ за 30 верстъ въ столицу. Между тѣмъ, работы на заводѣ не развивались, а жизнь дорожала. Въ 1872 году селеніе постигло страшное бѣдствіе. Въ одинъ день вспыхнувшимъ пожаромъ смело свыше 400 домовъ. Сгорѣло все, что могло сгорѣть. Люди остались въ чемъ были, безъ крова, безъ пищи, безъ работы... Работы на оружейномъ заводѣ были приостановлены. Обездоленные погорѣльцы бросились всюду искать работы, дѣтей, дѣвушекъ разсвали по разнымъ мастерскимъ въ Петербургѣ — изъ хлѣба. Обстоятельство это мы отмѣчаемъ потому, главнымъ образомъ, что оно имѣло рѣшающее значеніе, какъ на развитіе перчаточнаго дѣла въ Сестрорѣцкѣ, такъ, что еще главнѣе, — на установленіе размѣра издѣльной платы за трудъ, сохранившейся и до сихъ поръ въ Сестрорѣцкѣ.

Молодежь, частью осталась въ Петербургѣ, частью вернулась въ родной Сестрорѣцкъ. Въ числѣ вернувшихся были и сестры Владиміровы, обучившіяся въ столицѣ шить перчатки. Работа тогда была исключительно ручная, такъ какъ перчаточная машина тогда еще не существовала. Благодаря введеннымъ связямъ въ Петербургѣ, дѣвушки и въ Сестрорѣцкѣ продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Одна изъ нихъ продолжаетъ дѣло и понынѣ.

Сестры Владиміровы принесли перчаточное ремесло въ Сестрорѣцкѣ, но самое дѣло онѣ мало развили (одна изъ нихъ вскорѣ умерла, другая вышла замужъ и бросила перчаточное ремесло). Главной насадительницей перчаточнаго дѣла въ Сестрорѣцкѣ была первая ученица Владиміровыхъ, предприимчивая и энергичная дѣвушка, дочь мѣстнаго торговца, Анна Гавриловна Леушина. Обучившись перчаточному ремеслу, г-жа Леушина первая сдѣлала попытку завести и непосредственныя сношенія съ Петербургомъ. Сестрорѣцкѣ тогда представлялся петербуржцамъ деревенской глушью и владѣльцы перчаточныхъ магазиновъ не рѣшались отпустить товаръ неизвѣстной дѣвушкѣ. Неутомимая пионерка не опустила рукъ при первой неудачѣ завязать знакомства. Она купила на свой рискъ нѣсколько паръ скроенныхъ перчатокъ, сшила ихъ дома и снова явилась въ Петербургъ съ готовой работой. Работа оказалась настолько изящной и тщательной, что владѣльцы перчаточныхъ магазиновъ сразу оцѣнили г-жу Леушину, и она получила первый заказъ. Работа закипѣла. Многочисленныя товарки Леушиной, видя прибыльность новаго труда, стали просить ее обучить и ихъ ея ремеслу. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Леушина обучила до 200 дѣвушекъ, получивъ съ каждой по 5 рублей. Она же имъ доставила и первую работу. Юныя труженицы рады были работать за всякую плату, только бы что-нибудь заработать, только бы какъ-нибудь продержаться дома.

Вотъ при какихъ условіяхъ устанавливалась издѣльная плата за дюжину перчатокъ.

Владимірова съ Леушиной долгое время являлись единственными посредниками между сестрорѣцкими труженицами и петербургскими поставщиками заказовъ. Онѣ были хозяйками всего дѣла. Съ развитіемъ же производства, хозяйки уже не могли справляться съ распредѣленіемъ труда: между ними и работницами образовалась новая посредническая инстанція—подхозяекъ. Хозяйки являлись отвѣтственными предъ заказчикомъ-торговцемъ за доброкачественность работы и срочность исполненія заказовъ; подхозяйки были столь же отвѣтственны передъ хозяйками. Эта форма распредѣленія труда сохранилась и до сихъ поръ, съ тою только разницею, что число самостоятельныхъ хозяекъ съ каждымъ годомъ увеличивается, хотя и незначительно. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что подобное распредѣленіе труда часто измѣняется, принимая самую примитивную форму, чуждую всякаго іерархическаго строя: подхозяйки являются просто мать или старшая сестра въ семьѣ, которыя работаютъ на ряду съ остальными труженицами семьи, безъ раздѣленія заработка; нѣрѣдко такія семьи принимаютъ въ свою среду дѣвочекъ-ученицъ. Подобныя семейныя рабочія ячейки со временемъ отдѣляются отъ хозяекъ, войдя въ непосредственныя сношенія съ Петербургомъ, но, какъ сказано выше, число ихъ увеличивается очень медленно: во-первыхъ, потому, что владѣльцы перчаточныхъ магазиновъ вообще неохотно заводятъ знакомства, предпочитая вести дѣло съ прежними хозяйками, съ которыми у нихъ съ давнихъ поръ установились прочныя отношенія на почвѣ взаимныхъ выгодъ, во-вторыхъ, какъ показала практика, нѣтъ пока и особенной выгоды стремиться къ отдѣленію.

За все время существованія перчаточнаго ремесла въ Сестрорѣцкѣ, въ самостоятельныя рабочія ячейки отдѣлилось всего какихъ-нибудь 6—10 семей. Пржежня хозяйки, конечно, дѣлають все отъ нихъ зависящее, чтобы удержать дѣло въ своихъ рукахъ,—все, включительно до «очерненія» конкурентовъ въ глазахъ заказчиковъ. Хозяйки берутъ работу за одну цѣну, а раздаютъ ее труженицамъ—за другую, сами опредѣляя размѣръ платы съ дюжины, пользуясь, конечно, всей суммой тяжелыхъ условій мѣстной жизни. Сами хозяйки въ настоящее время берутъ заказы издѣльно по 2 рубля съ дюжины, при готовомъ прикладѣ (нитки и пуговицы), а работницамъ платять разное: отъ 1 р. 30 к., до 1 р. 50 к., нинимъ и нѣсколько больше. Вся разница остается въ ихъ пользу—«за хлопоты», а также въ вознагражденіе за потерю времени и расходовъ по сношенію съ заказчиками. Бракъ, конечно, падаетъ на виновную, и хозяйка рискуеть лишь въ томъ случаѣ, если убытокъ превыситъ заработокъ труженицы и та не пожелаетъ больше работать на нее. Расчетъ труженицы получаютъ по сдѣлѣ работы.

Перчаточное дѣло значительно оживилось въ Сестрорѣцкѣ съ проведеніемъ сестрорѣцкой линіи Приморской желѣзной дороги и особенно съ введеніемъ машиннаго труда. Желѣзная дорога облегчила условія сообщенія съ Петербургомъ, превративъ Сестрорѣцкъ почти въ пригородъ, сильно сокративъ накладные расходы хозяекъ. Машина нарушила установившуюся рутину въ перчаточномъ ремеслѣ и сдѣлала трудъ работницъ почти въ 5—6 разъ интенсивнѣе. Но ни желѣзная дорога, ни машина почти не повліяли на размѣръ издѣльной платы. Всѣ выгоды и отъ проведенія дороги, и отъ введенія машиннаго труда хозяйки обратили въ свою пользу, распорядившись ими самымъ оригинальнымъ образомъ. Издѣльную плату на ручной трудъ (какъ болѣе доброначественный, хотя и не столь изящный, чѣмъ машинный) онѣ оставили пржежнему, а на машину, какъ, пожирающую слишкомъ много работы, наложили особый налогъ—въ свою пользу. Безъ дальнихъ разсужденій, онѣ понизили издѣльную плату на машинную работу до 1 р., 1 р. 20 к. и ниже съ дюжины, дабы работающія на машинѣ «не слишкомъ зазнавались».

Такъ сестрорѣцкія «фабриканши», какъ здѣсь прозвали хозяекъ-перчаточницъ, обуздали машину съ ея рабочей прытью. Тѣмъ не менѣе машина твердо пролагаетъ себѣ дорогу впередъ. Въ настоящее время въ Сестрорѣцкѣ уже работаетъ свыше 20 машинъ. Торжеству машины надъ ручнымъ трудомъ содѣйствуютъ, кромѣ ея «рабочей прыти», еще два обстоятельства: это изощество машинной работы и способъ приобрѣтенія самихъ машинъ: въ кредитъ, на выплату. Машинны приобрѣтаются обыкновенно самими хозяйками и затѣмъ отдаются той или иной труженицѣ или чаще всего подхоялкѣ и тоже на весьма льготныхъ условіяхъ, на отработку, такъ какъ хозяйки, доходность которыхъ въ прямой зависимости отъ оборотовъ дѣла, сами заинтересованы въ расширеніи машиннаго труда.

Главная «фабриканша» Сестрорѣцка М. Г. Леуниина сколотила себѣ перчаточнымъ ремесломъ порядочное состояніе. Но сколько же зарабатываютъ этимъ ремесломъ сестрорѣцкія труженицы, какъ онѣ работаютъ и какъ живутъ

Выше мы уже сказали, что хозяйки платятъ работницѣ за ручной трудъ 1 р. 30 к.—1 р. 50 к. съ дюжины и 1 р.—1 р. 20 к. съ дюжины машинной работы. Такимъ образомъ, ручная работа даетъ мастерицѣ 10—11 к. за пару перчатокъ; машинная—отъ 7 до 9 коп. съ дробями; работающая на машинѣ изъ этой платы еще должна выплачивать по 2 коп. съ дюжины «петельницамъ» за обметку петель и пришивку пуговицъ, такъ что дюжина машинной работы даетъ труженицѣ 60 к.—1 рубль, т.-е. 5—8 коп. съ дробями за пару. Машинная работа цѣнится хозяйками вдвое дешевле ручной, и работающая на машинѣ, такимъ образомъ, чтобы сравняться въ заработкѣ съ работающими «отъ руки», должна совершить двойной трудъ и еще прирабатывать на погашеніе долга по приобрѣтенію машины *). За работу перчаточница садится въ 7 часовъ утра и работаетъ, не разгибаясь, до 9 час. вечера (а при спѣшкѣ—до 12 ч. и долѣ ночи), т.-е. обычно работаетъ 14 час., изъ коихъ часа 1½—2 идетъ на обѣдъ, чай и проч. Обычный рабочій день, значить, 12 часовъ. 12 час. усидчиваго, кропотливаго труда въ наклоненномъ положеніи, при постоянномъ напряженіи зрѣнія!.. И за это время самая усердная и искусная труженица можетъ изготовить ручнымъ способомъ всего 3 пары перчатокъ и самое большое 3½ пары. Считая кругомъ даже по 11 коп. за пару, выходитъ, что за весь рабочій день въ 12 часовъ труженица можетъ заработать 33 коп.—при своей крартирѣ, на своихъ харчахъ и проч.

Машинный трудъ, при всей его дешевизнѣ, установившейся въ Сестрорѣцкѣ, все же даетъ тройной заработокъ и даже больше. Опытная мастерица на машинѣ въ тѣ же 12 часовъ труда можетъ сработать 15—18 паръ.

Вычитая праздники и «глухое время», т.-е. когда магазины не даютъ заказовъ, опытная мастерица «отъ руки» заработаетъ въ годъ въ общемъ 50—60 руб., а на машинѣ, — если работа есть во все рабочее время, что случается не всегда,—150—180 руб. Здѣсь, однако, слѣдуетъ замѣтить, что подсчетъ этотъ скорѣе теоретическій, чѣмъ дѣйствительный. Заработокъ сестрорѣцкихъ перчаточницъ подверженъ постояннымъ колебаніямъ отъ множества причинъ, такъ сказать, «домашняго свойства»: заболѣетъ сама труженица (работницы больше всего страдаютъ глазами и «круженіемъ» головы), заболѣетъ хозяйка или просто закапризничаетъ и не дастъ работы, забракують работу въ магазинѣ,—все это сбиваетъ заработокъ до той «железной нормы», которая даетъ труженицамъ возможность только кое-какъ кормиться, чтобы совсѣмъ не бросить работу.

Машина постепенно, но неуклонно оттѣсняетъ сестрорѣцкихъ труженицъ отъ насижennaго дѣла. Въ послѣдніе годы число работницъ начало сокращаться, вслѣдствіе прямого недостатка работы, независимо отъ заработной платы. Сокращеніе ручного труда, кромѣ захвата работы машиной, объясняется еще и тѣмъ, что самый спросъ на ручную работу постепенно выводится. Въ на-

*) Машина самой простой конструкціи стоитъ 60—75 руб., усовершенствованная—100—120 рублей (въ продажѣ за наличныя, вѣроятно, дешевле).

стоящее время ручная работа принимается только въ двухъ магазинахъ во всемъ Петербургѣ: кажется, Шольца и Кошке. Медленно развивается и машинный трудъ, такъ какъ онъ растетъ пока только за счетъ сокращенія ручного труда. Рынокъ сбыта труда остался прежній. Хозяйки не хотѣли или не сумѣли расширить свои операціи. Вѣрнѣе, что то и другое: и не хотѣли, и не сумѣли, не хотѣли, потому что онѣ и теперь едва справляются съ работой и вообще довольны заработкомъ; не сумѣли, потому что устарѣли, погасъ въ нихъ духъ предпріимчивости. Такимъ образомъ, не машина душитъ сестрорѣцкихъ труженицъ, а ихъ собственная непредпріимчивость, старая рутина, неумѣніе выйти изъ опеки своихъ хозяекъ, оставляющихъ львиную долю ихъ заработка себѣ за посредничество. Что это именно такъ, мы видимъ по тѣмъ, правда, еще немногимъ примѣрамъ, когда наиболѣе предпріимчивыя дѣвушки сумѣли, обзаведясь машиной, установить и непосредственныя сношенія съ Петербургомъ. У нихъ всегда есть и работа, и издѣльную плату онѣ всегда получаютъ полностью—по 2 рубля съ дюжины. Такія самостоятельныя труженицы зарабатываютъ до 2 рублей въ день и свободны отъ всякой опеки и капризовъ хозяекъ и подхозяекъ. На ихъ заработкѣ невыгодно отражаются только частыя поѣздки въ Петербургъ, отнимающія и время, и деньги. Посылать же работу въ Петербургъ съ третьими лицами считается и неудобнымъ, и непрактичнымъ. Работу надо умѣть сдать, какъ надо умѣть и получить заказъ. Отсутствие этого «умѣнія», безъ сомнѣнія, очень многихъ работницъ понуждаетъ оставаться и въ кабалѣ у хозяекъ, мастерицъ своего дѣла.

Какъ живутъ сестрорѣцкія перчаточницы? Скромный и непреодѣленный заработокъ, какъ и самая профессія ихъ, налагаютъ на нихъ особый отпечатокъ, сказывается и близость столицы. За четверть вѣка выработался особый типъ сестрорѣцкой перчаточницы. Ее можно узнать сразу. Это и не крестьянка, и не мѣщанка, и не фабричная. Опытный глазъ отличить перчаточницу даже отъ портнихи, съ которой у нея такъ много общаго. Сестрорѣцкія перчаточницы всѣ безъ исключенія грамотныя, окончившія земскую или церковно-приходскую школу. Каждая кое-что читала: Пушкина, Толстого, Гончарова, Гоголя, Достоевскаго и др. (Въ селеніи Сестрорѣцкѣ съ 1896 г. существуетъ народная читальня-библіотека). Многія изъ молодыхъ дѣвушекъ настолько начитаны, что съ большимъ успѣхомъ выступаютъ на подмосткахъ мѣстнаго народнаго театра, инныя выступаютъ даже solo въ дивертиссементѣ. Съ виду, это болѣею частью худенькіе, блѣдные заморыши, близорукія, сутуловатыя: 12-часовой непрерывный трудъ, конечно, дѣлаетъ свое разрушительное дѣло; но одѣваются всѣ съ претензіей на щегольство—это общая слабость сестрорѣцкихъ перчаточницъ, и вслѣдствіе этого почти всѣ онѣ вѣчно въ долгу у мѣстныхъ модистокъ и портнихъ. Все заказывается на выплату, въ кредитъ. Большинство же очень мало культурны, такъ какъ читать книги частью некогда, частью трудно по причинѣ страшной утомленности глазъ за работой. Идеаль большинства—выйти поскорѣ замужъ за мѣстнаго рабочаго, хотя, по совѣсти говоря, счастье это небольшое. Сестрорѣцкая рабочая молодежь далеко не завидные женихи. Все это физически слабыя и, между тѣмъ, умственно не развитые,

распущенные нравственно, полуграмотные молодые люди. Въ умственномъ и нравственномъ отношеніи «перчаточницы» стоятъ куда выше «заводчицы». Конечно, есть и среди молодыхъ рабочихъ счастливыя исключенія, но общій уровень оставляетъ желать очень многого. Молодежь эта, задвленная нуждой и заводской дисциплиной, очень неприглядна въ нерабочее время. Въ Сестрорѣцкѣ двѣ винныя лавки, изъ которыхъ одна работаетъ на 5.000 руб. въ мѣсяць, другая нѣсколько скромнѣе. Есть еще трактиръ, никогда не пустующій. Пустуетъ, къ сожалѣнію, только народная читальня-библіотека. Но молодежь эта имѣетъ за собой одну выгодную для дѣвушекъ сторону. Каждому мѣстному «обывателю» (коренные сестрорѣцкіе жители такъ и пишутся: «обыватель») полагается усадебный надѣлъ и наземныя дрова. У каждого есть какая-нибудь избенка на курьихъ ножкахъ.

Надо отдать справедливость сестрорѣцкимъ мастерицамъ и въ другомъ отношеніи: ведутъ онѣ себя, при всей своей бѣдности, въ высшей степени скромно, блюдутъ себя. Мѣстные нравы начали портиться лишь въ самое послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ Сестрорѣцкъ и его окрестности начали превращаться въ дачную мѣстность, когда на Сестрорѣцкѣ пошелъ «баринъ»...

Есть основаніе думать, что сестрорѣцкій курортъ и «господинъ дачникъ-баринъ» скорѣе выкурятъ изъ Сестрорѣцка перчаточное дѣло, чѣмъ всякая машина, вытѣсняющая ручной трудъ.

И. Соколовъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Русское Богатство». Мартъ, май.—«Русская Мысль». Май, іюнь.—«Русская Страница». Іюнь.—«Вѣстникъ Европы». Іюнь).

Высокій интересъ представляетъ закончившаяся печатаніемъ въ майской (начавшаяся въ мартовской) книжкѣ «Русскаго Богатства» статья г. Пѣшехова подъ заглавіемъ: «Централизація доходовъ, ея формы и послѣдствія». Эпиграфами къ этой статьѣ авторъ взялъ два изреченія, изъ которыхъ одно принадлежитъ князю Мещерскому и гласитъ, что «ни одинъ русскій министръ финансовъ, даже Канкринъ, не сдѣлалъ въ 9 лѣтъ такъ много для усиленія государственной власти, какъ С. Ю. Витте», а другое самому г. Витте: «Если въ биржевой игрѣ одни выигрываютъ, то не можетъ быть, чтобы никто не проигрывалъ». Князь Мещерскій, какъ извѣстно, не блещетъ познаніями въ экономическихъ (да и ни въ какихъ) наукахъ, но и онъ, вмѣстѣ съ массою народа, знаетъ, что «кто богатъ, тотъ и силенъ», и потому, усмотрѣвъ въ результатъ дѣятельности нынѣшняго руководителя экономической политики Россіи укрѣпленіе ея финансоваго благополучія, заговорилъ, какъ о выводѣ, самомъ по себѣ отсюда вытекающемъ, о безпримѣрномъ усиленіи въ это же время государственной власти. Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ изреченіе статьи секретаря С. Ю. Витте. Противъ него ничего возразить невозможно, ибо оно—сама истина.

Задачей своей статьи г. Пѣшеховъ поставилъ всестороннее изученіе государственныхъ росписей и вселопданныхъ о нихъ докладовъ министра финансовъ С. Ю. Витте за послѣднія десять лѣтъ. Разумѣется, всѣ эти документы давно извѣстны и служили въ свое время предметомъ обсужденія ихъ въ печати, но разсмотрѣніе всѣхъ ихъ въ *совокупности* еще, кажется, не производилось, а между тѣмъ именно такое разсмотрѣніе и представляетъ выдающійся интересъ.

За послѣднее десятилѣтіе въ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ было внесено около 15 миллиардовъ рублей, причемъ бюджетъ съ 1892 (965 миллионъ рублей) возросъ къ 1902 году (1.947 миллионъ) болѣе чѣмъ вдвое и по абсолютной его цифрѣ пріорветъ черезъ десять лѣтъ равнялся почти одному миллиарду (1.947 м.—965 м.—982 мил.). Чтобы дать возможность читателю представить себѣ нагляднѣе всю колоссальность этихъ цифръ, г. Пѣшеховъ сводитъ ихъ, такъ сказать, на одну ставку съ другими цифрами, заимствованными изъ того же безусловно оффиціального источника, изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ за 1897 годъ. Въ докладѣ этомъ говорится, что все годовичное производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи не превышаетъ *полутора миллиарда* рублей, а ежегодное производство горной, заводской и фабричной промышленности нѣсколько превосходитъ *два миллиарда*. Противъ послѣдней цифры можно бы представить рядъ вѣскихъ возраженій, но на этомъ мы останавливаться не будемъ, и потому сочтемъ за фактъ установленный, что общая цѣнность ежегодно производимыхъ въ Россіи *всѣхъ* продуктовъ равняется *тремъ съ половиною миллиардамъ* рублей. Если теперь съ этою цифрою сопоставить почти *двухмиллиардный* бюджетъ послѣдняго года, то отсюда можно получить наглядное представленіе о томъ, какая именно «доля всѣхъ производимыхъ въ странѣ цѣнностей, въ той или иной стадіи своего обращенія, проходитъ черезъ государственную роспись...» Такой бюджетъ превосходитъ бюджеты самыхъ богатыхъ странъ Европы, каковыми являются Англія, Франція и Германія, и указываетъ на такой финансовый блескъ, глядя на который князь Мещерскій почувствовалъ къ руководителю финансового вѣдомства родъ суевѣрнаго страха.

Какими же средствами достигнуто такое положеніе? Интересъ этого, самого по себѣ заслуживающаго самаго серьезнаго вниманія, вопроса еще усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что С. Ю. Витте вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ въ 1892 году, т.-е. непосредственно послѣ години постигшихъ почти всю Россію тягчайшихъ испытаній отъ повсемѣстныхъ голодовокъ. Нѣкоторый ключъ къ загадкѣ дастъ намъ разсмотрѣніе первой же росписи новаго руководителя финансового вѣдомства. Изъ нея выяснилось, что «особенно финансовое благополучіе неуражаемо 1891 и 1892 года затронуто было очень слабо: государственные доходы за 1892-й годъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ категорій ихъ, поступали очень исправно и, въ концѣ концовъ, *превысили* сибѣтныя предположенія на 84 миллионъ рублей». Но какъ же это могло случиться, — спросать, пожалуй, люди, не посвященные въ тайны финансовой науки? Развѣ состояніе финансовъ не находится въ самой тѣсной зави-

снестись отъ общаго состоянія экономическаго благополучія страны? Если же именно неблагополучіе ея въ этомъ отношеніи явилось фактомъ общезвѣстнымъ и засвидѣтельствованнымъ официально, то какимъ образомъ изъ неблагополучнаго состоянія всенароднаго хозяйства могло явиться полное благополучіе финансовъ? Здѣсь что-нибудь да не такъ. Такіе вопросы обнаружили бы, конечно, недостаточную компетентность лица, ихъ задающаго, если не въ теоріи, то въ практикѣ финансоваго дѣла. Гдѣ тутъ,—какъ говорятъ нѣмцы,—«Hund begabte», будетъ видно изъ всего послѣдующаго.

Не взирая на вышеуказанное превышеніе въ 1893 году смѣтныхъ предположеній доходовъ на 84 милліона рублей, новый министръ немедленно взялъ обратно внесенный его предшественникомъ въ государственный совѣтъ законопроектъ о подоходномъ обложеніи и вмѣсто того провелъ экстренно рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ дальнѣйшему возвышенію *косвенныхъ* налоговъ. Уже въ ноябрѣ и декабрѣ 1892 года были увеличены акцизы на спиртъ, вино, пиво, табакъ, освѣтительныя масла и спички; эти мѣропріятія въ связи съ нѣкоторыми другими вскорѣ и отразились на увеличеніи обыкновенныхъ доходовъ на 24½ милліона рублей. Изъ этихъ и подобныхъ имъ суммъ, превысившихъ къ 1900 году обыкновенные доходы болѣе чѣмъ на *милліардъ* рублей, составлялись все время такъ называемые «излишки» или «свободная наличность». Вопросы о цѣли и употребленіи этихъ «излишковъ» въ то именно время, когда Россія переживала столько неурожайныхъ лѣтъ, напрашивается, разумеется, самъ собою и отвѣтъ, по крайней мѣрѣ, на первый изъ нихъ мы находимъ въ докладѣ о росписи на 1893 годъ въ такихъ словахъ: «Финансовое хозяйство Россіи должно быть поставлено такимъ образомъ, чтобы поступленіе государственныхъ доходовъ было всегда нѣсколько впереди итога обыкновенно изъ года въ годъ повторяющихся расходовъ на предвидимыя государственныйя потребности, и, если, для достиженія такого положенія, требовалось бы нѣкоторое напряженіе платежныхъ силъ, то по отношенію къ плательщикамъ это имѣло бы значеніе, сходственное съ приплатой страховой преміи на случай непредвидѣнныхъ бѣдствій». Такимъ образомъ цѣлью «излишковъ» поставляется мудрое правило гласящее: береги денежку на черный день. Это, конечно, было бы очень хорошо, если бы и здѣсь мы не сталкивались съ одною неясностью. А состоитъ она вотъ въ чемъ: «излишковъ», какъ мы видѣли, накопилось къ 1900 году свыше милліарда. За это время (1892—1900) Россія пережила нѣсколько неурожайныхъ лѣтъ и китайскую войну. Если даже пройти мимо того обстоятельства, что послѣдняя потребовала нѣкотораго новаго «напряженія» платежныхъ силъ населенія (хотя бы пятирублевый налогъ, присоединенный къ прежнему десятирублевому, не считая гербоваго сбора, на заграничные паспорта, продолжающій дѣйствовать, не взирая на то, что война давно кончилась), то все же изъ «излишковъ» на помощь населенію, страдавшему отъ неурожаявъ, и на китайскую войну истрачено всего 141 милліонъ рублей, т.-е. гораздо меньше, чѣмъ получено излишковъ за одинъ, напр., 1898 (222 милліона) или 1899 (205 милліоновъ) годъ. Такимъ образомъ, особенно, если принять во вниманіе неоднократныя «подкрѣпленія»

излишковъ путемъ займовъ, становится очевиднымъ, что къ 1-му января 1901 года количество такихъ излишковъ должно было бы далеко превышать миллиардъ рублей, а между тѣмъ, какъ это явствуетъ изъ отчета государственнаго контроля, именно къ этому времени (къ 1-му января 1901 года) отъ «излишковъ» осталось всего 105 миллионъ рублей. Отсюда слѣдуетъ то, уже ничѣмъ не могущее быть опровергнутымъ, заключеніе, что, куда бы ни расходовались въ дѣйствительности «излишки», сколь ни было бы высоко полезно ихъ употребленіе, но фактъ тотъ, что ихъ нѣтъ и, слѣдовательно, идея бережливости «про черный день» сама по себѣ, а реальное положеніе вещей само по себѣ.

Однако, на какой же предметъ, въ самомъ дѣлѣ, поступили «излишки»? Дѣло просто: «Благодаря свободной наличности, — говоритъ г. Пѣшеховъ, — у насъ на ряду съ обычнымъ государственнымъ бюджетомъ успѣлъ вырасти и упрочиться другой, внѣсмѣтный, такъ сказать, бюджетъ, въ распоряженіи которымъ министерство финансовъ ничѣмъ почти не связано». Именно изъ этой «свободной наличности» черпались такіе суммы, какъ 200—300 миллионъ въ годъ, которыя дали возможность министерству финансовъ провести, напр., денежную реформу путемъ отдѣльных распоряженій, нерѣдко не проходившихъ и черезъ государственный совѣтъ. Оттого-то тщетно стали бы мы искать какихъ-либо слѣдовъ громадной стоимости нашей денежной реформы въ свѣдѣніяхъ кредитахъ государственныхъ росписей. Она ихъ миновала, и въ этомъ сила нашего финансоваго вѣдомства, централизовавшаго у себя всѣ средства страны. У министерства финансовъ сверхъ средствъ, получаемыхъ имъ на основаніи общей росписи, находятся въ распоряженіи еще другія средства, другой бюджетъ, равняющійся почти 10% бюджета общегосударственнаго, а дѣло извѣстное, что «кто богатъ, тотъ и силенъ».

Если, однако, экономическое положеніе Россіи распатано, если «господинъ урожай» является полновластнымъ хозяиномъ и распорядителемъ судьбы миллионъ крестьянъ и если, какъ это опять-таки фактъ общезвѣстный, «господинъ урожай» проявляетъ къ намъ въ теченіе дѣлаго ряда лѣтъ больше гнѣвъ, чѣмъ милость, то какъ же встаетъ объяснить «блестящее» состояніе нашихъ финансовъ, не только полное сведеніе концовъ съ концами по росписямъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, но и накопленіе колоссальныхъ «излишковъ», употребляемыхъ финансовымъ вѣдомствомъ въ высшихъ интересахъ Россіи?

Къ отвѣту на этотъ вопросъ мы и имѣемъ теперь намѣреніе перейти, предупреждая, впрочемъ, читателя, что недостатокъ мѣста заставитъ насъ быть болѣе краткимъ, чѣмъ того требуетъ важность дѣла.

Наша финансовая система построена, главнымъ образомъ, на косвенномъ обложеніи. Въ защиту его приводится обыкновенно три довода: косвенные налоги болѣе справедливы, болѣе упруги и взимаются съ болѣею легкостью. «По самой природѣ косвеннаго обложенія, — говоритъ въ первомъ же своемъ докладѣ С. Ю. Витте, — оно въ каждый данный моментъ обильнѣе оплачивается тою частью населенія, которая обладаетъ наибольшимъ покупною спо-

способностью, а следовательно и вообще распределяется между плательщиками въ известномъ соответствіи съ ихъ платежными силами». Такое положеніе было бы вѣрно при двухъ условіяхъ: во-1-хъ, если бы обложенію подвергались, дѣйствительно, только предметы роскоши, къ которымъ довольно трудно отнести, напр., керосинъ, спички и т. д., и если бы не существовало на бѣломъ свѣтѣ того явленія, которое известно подъ именемъ переложенія налоговъ съ однихъ слоевъ населенія на другіе. Мысль эту г. Пѣшеховъ иллюстрируетъ такимъ нагляднымъ разчетомъ: «Ведро водки, напр., обходится заводчику въ 60 коп. + акцизъ 4 руб. 40 коп., а всего 5 руб. Если предположить, что торговый процентъ составляетъ не больше 20%, то потребителю то же ведро обойдется въ 6 руб. Не будь акциза, потребитель, уплативъ тѣ же 20%, отдалъ бы за ведро лишь 72 коп. Въ первомъ случаѣ разница между заводской и розничной цѣной равна 1 руб., во второмъ—она была бы равна лишь 12 коп. Такимъ образомъ за оторочку въ уплатѣ акциза плательщикъ заплатитъ 88 коп., т.-е. въ полтора раза дороже, чѣмъ стоитъ сама водка. По отношенію къ суммѣ налога это составитъ 20%, тогда какъ невя при прямыхъ налогахъ взимается въ размѣрѣ лишь 6%. Мы привели самый скромный расчетъ. Въ дѣйствительности переплаты для мелкаго потребителя, особенно для деревенскаго, значительно выше, такъ какъ нѣкоторые товары доходятъ до него съ надбавкой (въ томъ числѣ и на сумму налога) не въ 20%, а въ 30—40 и даже 100%». Имѣя въ виду эти реальныя условія жизни, приходится усумниться въ той «справедливости», о которой говорилось выше, какъ о первомъ же свойствѣ косвеннаго обложенія, а между тѣмъ, не говоря уже о спиртѣ, ставшій безусловною потребностью во всѣхъ уголкахъ Россіи керосинъ даетъ указаннымъ путемъ финансовому вѣдомству десятки милліоновъ рублей.

Теперь поговоримъ объ «упругости» косвенныхъ налоговъ. Этими свойствомъ они обладаютъ, дѣйствительно, въ весьма значительной, хотя, разумѣется, не безпредѣльной степени. Оставимъ на минутку статью г. Пѣшехова и обратимся къ приложенному не такъ давно къ «Саратовской Земской Недѣлѣ» изслѣдованію д-ра Шингарева подъ заглавіемъ «Село Ново-Животинное и деревня Моховатка въ санитарномъ отношеніи» или, вѣрнѣе, къ замѣткѣ по поводу этого изслѣдованія г. Анненскаго, называющейся «Нѣсколько цифръ». Расположены деревни Ново-Животинное и Моховатка не гдѣ-нибудь въ тундрахъ, а въ одной изъ плодороднѣйшихъ губерній центра Россіи (Воронежской) и подверглись тщательнѣйшему санитарно-статистическому изслѣдованію не потому, чтобы онѣ бросились въ глаза своею выдающеюся бѣдностью, а по причинѣ случайнаго сосѣдства съ ними д-ра Шингарева и другихъ изслѣдователей. Пара цитатъ изъ работы д-ра Шингарева сразу дадутъ читателю представленіе о положеніи новоживотинцевъ и моховатцевъ. Самая большая изба въ Моховаткѣ, содержащая въ себѣ 229,2 куб. арш. воздуха, вмѣщаетъ въ то же время 22 человѣка семьи, такъ что на каждого приходится, по выраженію г. Шингарева, чуть не «гробовое» количество воздуха. Оно равняется лишь 9,5 кубическимъ аршинамъ. Такимъ количествомъ воз-

духа, съ грѣхомъ пополамъ, еще можно обходиться лѣтомъ, но зимою, когда всѣ обитатели деревень скучиваются въ избахъ, получается нѣчто, безъ преувеличенія, ужасное. Тогда, — говоритъ д-ръ Шингаревъ. «въ избѣ находится на лицо, помимо людей, еще всякія домашнія животныя: телята, овцы съ ягнятами, поросята, куры. Въ иныхъ случаяхъ даже коровъ загоняютъ въ избы теляться. Животныя не только потребляютъ кислородъ воздуха, но и отправляютъ свои естественныя потребности здѣсь же, окончательно норта воздухъ. Въ большихъ избахъ, гдѣ съ значительнымъ численнымъ составомъ семьи живешь обыкновенно и большыя скотины, порча воздуха достигаетъ крайнихъ предѣловъ». Если прибавить къ этому, — говоритъ д-ръ Шингаревъ, — что больные, старые, хилые и малолѣтніе также отправляютъ свои нужды въ избы, иногда прямо на полъ, что въ этой же избѣ «мычуть мамыка», т.-е. треплуть мятые стебли конопли, чтобы отдѣлать волокна отъ мелкой вострики, что здѣсь же стираютъ, сушатъ одежду, обувь и сбрую, курятъ махорку, то станеть вполне понятнымъ качество воздуха въ такой избѣ. Когда дверь долго не отворялась, а печка еще не топтана, т.-е. рано утромъ послѣ ночи воздухъ во многихъ избахъ бываетъ такъ плохъ, такъ зловоненъ и неровноненъ всевозможными испареніями людей, животныхъ, земляного пола и грязной одежды, что у вошедшаго съ улицы непривычнаго человѣка захватываетъ духъ, начинается кружиться голова и тѣснить въ груди чуть не до обморока. А вотъ какъ питаются жители названныхъ деревень: «гречневой крупы не было въ 68 дворахъ (изъ 90) Животиннаго и во семьхъ (70) дворахъ Моховатки; свѣжей капусты не имѣли 36 дворовъ Животиннаго и 10 Моховатки, даже квашеной капусты не имѣлось въ 11 дворахъ; огурцовъ и арбузовъ не ѣли въ 49—58 дворахъ Животиннаго и Моховатки и т. д., и т. д., все тѣ же: «не было», «не ѣли» и относительно мяса, сала, молока и пр. (молока совсѣмъ не видѣли въ теченіе года не только взрослые, но и дѣти почти въ половине (41 изъ 90) семей Животиннаго). «Цѣлый рядъ дворовъ, не имѣвшихъ возможности купить капусты, огурцовъ, мяса, цѣлыя семьи безъ молока въ теченіе цѣлаго года! Да развѣ это, — замѣчаетъ д-ръ Шингаревъ, — не хроническое недоѣданіе, не ужасная постоянная нищета... Не могу здѣсь передать того тяжелого впечатлѣнія, которое на меня произвелъ опросъ нѣсколькихъ домохозяевъ, гдѣ не было капусты. Что мяса мало ѣдятъ въ деревнѣ, — для меня это было давно извѣстно, что есть семьи, лишеныя молока, предполагалось извѣстнымъ уже ргіогі, но чтобы въ крестьянской семьѣ не было зимой кислой капусты, я уже никакъ не ожидалъ. «Да какъ же вы щи варите?» — невольно вырвался у меня навязный вопросъ, такъ творю я вѣрилъ, что традиціонныя щи, хотя бы и безъ мяса, должны быть водѣ. «Щи, — отвѣчалъ мнѣ равнодушнымъ голосомъ старый больной хозяинъ, — да мы ихъ вотъ уже года полтора не хлѣбали...»

Тѣмъ же мѣсяцемъ, и въ этихъ деревняхъ курятъ махорку, освѣщаютъ избы керосиномъ и даже пьютъ чай, — въ какихъ доляхъ это другой вопросъ (за душу населенія приходится $\frac{1}{12}$ ф. чая и $\frac{1}{6}$ ф. сахару въ годъ!), но все таки пьютъ, а за это, въ связи съ другими, обремененными также кесовыми нал-

гамп., но все же потребляемыми животными и маховатцами, товарами они платятъ, по вычисленіямъ д-ра Шингарева, въ казну *около тысячи* рублей въ годъ. Такимъ образомъ маховатцы и животинцы, при всей своей рачительной бѣдности, принимаютъ энергичное участіе въ составленіи того миллиарда «излишковъ», о которомъ мы говорили выше. «Упругость» косвенныхъ налоговъ, дѣйствительно, замѣчательное, ихъ свойство, и отражается на данномъ маленькомъ примѣрѣ, «какъ солнце въ малой каплѣ водѣ».

Третье и послѣднее свойство косвенныхъ налоговъ состоитъ, какъ мы видѣли, въ ихъ способности быть взимаемыми съ наибольшею легкостью. Это тоже чрезвычайно цѣнное свойство. «При косвенномъ обложеніи,—говоритъ г. Пѣшеховъ,—государство не вступаетъ въ непосредственныя отношенія къ плательщикамъ, и освобождается отъ обязанности прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ воздѣйствія на нихъ». Кому не извѣстны, въ самомъ дѣлѣ, тѣ мѣры, къ которымъ прибѣгаютъ у насъ обыкновенно сборщики прямыхъ налоговъ? Терминъ «выколачиваніе» получилъ на всемъ пространствѣ Руси свой вполне определенный смыслъ, а процессъ, этому термину соотвѣтствующій въ жизни, не можетъ не оставлять извѣстныхъ слѣдовъ и въ психикѣ населенія. Другое дѣло налоги косвенные. Тутъ,—справедливо говоритъ г. Пѣшеховъ, «обычатель выплачиваетъ потребныя государству суммы, вовсе не отдавая себѣ отчета, кому и на что онъ платитъ. Налогъ доходить до него въ видѣ составной части цѣны покупаемаго имъ предмета. Благодаря этому, независимо отъ высоты налоговъ, сохраняются добрыя отношенія между населеніемъ и фискомъ, дѣятельность котораго, при косвенномъ обложеніи, остается такимъ образомъ независимой не только отъ экономическихъ достатковъ, но и отъ психики населенія. Предусмотрительное желаніе не портить отношеній къ плательщикамъ и не напоминать ему безъ нужды о разбѣрахъ платимаго имъ налога можно прослѣдить даже въ мелочахъ. На пассажирскомъ билетѣ вы теперь не найдете обозначавшейся прежде суммы государственнаго сбора, на чайной или спичечной бандероли вы не встрѣтите указаній на ея стоимость».

Мы не будемъ останавливаться на сдѣланномъ г. Пѣшеховымъ прекрасномъ анализѣ причинъ, значенія и послѣдствій винной монополіи, какъ и многихъ другихъ сторонахъ его интересной статьи, и перейдемъ прямо къ тому выводу, который напрашивается уже давно самъ собою. «Блестящее состояніе финансовъ» не только не влечетъ за собою столь же «блестящаго» состоянія экономическаго положенія населенія, а даже наоборотъ. За то оно влечетъ,—и въ этомъ князь Мещерскій совершенно правъ, безпримѣрное усиленіе государственной власти и, прибавимъ мы отъ себя, въ частности власти министерства финансовъ. Послѣдняя, опирающаяся на колоссальные «излишки», достигла, дѣйствительно, полной «независимости», а все это, въ свою очередь, изъ средства для достиженія цѣлей экономическаго благополучія страны превратилось, наконецъ, въ цѣль саму себѣ довѣющую. Поворотъ нашей экономической политики по иному руслу является потребностью назрѣвшею, а въ общественномъ сознаніи, по справедливымъ словамъ, которыми г. Пѣшеховъ заканчиваетъ свою статью, «все болѣе и болѣе выясняются условія, при которыхъ это сдѣлается возможнымъ».

Въ майской книжкѣ «Русской Мысли» начата и въ іюньской окончена весьма поучительная статья покойнаго Ивановича (И. Н. Свѣдѣнцова) «Несчастье Кавказа». Статья эта отмѣчена печатью той наблюдательности, вдумчивости и отзывчивости автора на требованія жизни, которыми отмѣчены всѣ другія работы преждевременно скончавшагося писателя. Кавказъ—страна крайне некультурная и по этой причинѣ она не можетъ пользоваться даже тѣми минимальными дозами самоуправленія, которыми пользуется коренная Россія, это одно положеніе, положеніе характера, чисто теоретическаго, ибо никакихъ опытовъ для его подтвержденія никогда не производилось. Безъ благъ самоуправленія культура Кавказа нисколько не двигается впередъ, это положеніе второе уже не теоретическое, а самымъ громкимъ образомъ само о себѣ заявляющее въ жизни Кавказа на каждомъ шагѣ. Кто не слыхалъ, напр., о кавказскихъ разбояхъ? Для борьбы съ этимъ зломъ исчерпаны, кажется, рѣшительно всѣ мѣры, какими только обладаетъ царящій на Кавказѣ большіе дѣсятки лѣтъ строго бюрократическій режимъ, а разбой не только не прекращаются, но не обнаруживаютъ даже тенденціи къ ослабленію, мало того въ глазахъ массы населенія Кавказа разбойники и нынѣ, какъ и дѣсяти лѣтъ тому назадъ, являются героями, у которыхъ мѣстные жители ищутъ «правды» и на могилахъ которыхъ ставятъ памятники, какъ своимъ защитникамъ и «хорошимъ людямъ». Въ подтвержденіе этого Ивановичъ извлекъ изъ мѣстной печати цѣлый рядъ фактовъ. Не дальше, какъ въ 1897 году въ газетѣ «Каспій» рассказано по этому поводу слѣдующее: разбойнику Мамелу-Абузаръ-Оглы подавали жалобы на рѣшенія мирового судьи. Его домъ «походилъ какъ бы на присутственное мѣсто. Тамъ всегда толпился народъ,—одни приносили ему подарки, другіе—жалобы и прошенія. Подарки онъ принималъ и благодарилъ, а просьбы и жалобы рассматривалъ и выслушивалъ» (Отчетъ судебного засѣданія по дѣлу объ убійствѣ Абашидзе). На памятникѣ разбойнику Арсему въ Мухетѣ надпись: «здѣсь ты былъ хорошимъ человѣкомъ; тамъ пусть будетъ тебѣ царство небесное». На памятникѣ разбойнику Пухашвили въ Торійскомъ уѣздѣ, между сел. Двани и Цетониси, гдѣ онъ былъ убитъ предателемъ, надпись: «богатыхъ я грабилъ и давалъ бѣднякамъ; никого я не убивалъ, не видишь, что сдѣлалъ измѣнникъ Ломидзе». Въ какую историческую даль переносить всѣ эти картины!..

А между тѣмъ, на протяженіи многихъ-многихъ лѣтъ кавказскою администраціею для искорененія разбоя практиковались, — и всегда вполне безуспѣшно,—слѣдующія 18 «мѣропріятій»:

1) Административная высылка подозрѣваемыхъ въ разбоѣ и укрывательствѣ разбойниковъ.

2) Ссылка въ Сибирь по приговорамъ сельскихъ обществъ.

3) Запрещеніе проживать въ городахъ сельчанамъ, подозрѣваемымъ въ преступленіяхъ противъ собственности.

4) Преданіе разбойниковъ военному суду, который прежде приговаривалъ къ каторжнымъ работамъ и шпицрутенамъ отъ 6.000 до 12.000 ударовъ, причѣмъ многіе умирали отъ этого наказанія, а теперь, съ 1882 года—къ повѣшенію.

- 5) Арестъ семействъ бѣглыхъ преступниковъ.
- 6) Арестъ почетныхъ жителей селенія, въ которомъ появились разбойники, но не выданы жителями.
- 7) Экзекуція.
- 8) Взаимное поручительство въ уплатѣ стоимости похищеннаго неразысканными разбойниками.
- 9) Лишеніе права всего сельскаго общества выбирать своихъ старшинъ и назначеніе ихъ правительствомъ.
- 10) Лишеніе права всего сельскаго общества носить оружіе.
- 11) Примѣненіе къ данной мѣстности 27-й статьи положенія объ управленіи Кавказскимъ краемъ, предоставляющей главноначальствующему право принимать для возстановленія общественнаго спокойствія и безопасности всякія мѣры, хотя бы внѣ установленнаго порядка, подъ личною его отвѣтственностью.
- 12) Усиленіе состава полиціи.
- 13) Поимка разбойниковъ при посредствѣ земской стражи.
- 14) Наряды изъ населенія для поимки разбойниковъ.
- 15) Указаніе чрезъ выборныхъ дворянъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ разбоѣ.
- 16) Преслѣдованіе разбойниковъ при посредствѣ войскъ и казаковъ.
- 17) Командировки чиновниковъ и офицеровъ.
- 18) Наставленіе духовенства.

Странно звучитъ нулевой результатъ длиннаго списка такихъ, казалось бы, радикальныхъ мѣръ, но въ томъ-то и дѣло, что бюрократическія репрессіи не только никогда не приводятъ къ желаемымъ результатамъ, но даже нерѣдко сказываются совершенно обратными послѣдствіями. Для искорененія разбойничества испробовано, кажется, все, кромѣ того, что слѣдуетъ, и совершенно правъ долго жившій на Кавказѣ, пристально вглядывавшійся въ условія жизни этого края и искренно желавшій ему добра Свѣдѣнцовъ, когда писалъ такіа строки:

«Искоренить разбойничество можно только культурными мѣрами: развитіемъ въ населеніи чувства законности, для чего первымъ шагомъ должно быть введеніе суда присяжныхъ и выборныхъ мировыхъ судей, а также отвѣтственность административныхъ агентовъ за нарушеніе закона на общемъ основаніи; широкимъ развитіемъ образованія въ народной массѣ, поднятіемъ ея экономическаго положенія и развитіемъ въ ней самодѣтельности помощью введенія земскихъ учреждений». О необходимости такихъ реформъ на Кавказѣ раздавались весьма компетентные голоса съ самого Кавказа, на нихъ, какъ на вѣрное средство для устраненія кавказскихъ недуговъ, постоянно указываетъ лучшая часть кавказской прессы, того же желаетъ настоятельно и вся мыслящая часть нашего общества, но кавказская администрація остается въ этомъ дѣлѣ «при особомъ мнѣніи», и разбои продолжаютъ процвѣтать въ этомъ чудномъ уголкѣ земного шара.

Въ іюньской книжкѣ «Русской Старины» помѣщено продолженіе начавшагося печатаніемъ раньше интереснаго историческаго излѣдованія г. Слезкин-

скаго подъ заглавіемъ «Фотій и графиня Орлова-Чесменская». Изслѣдованіе это пріобрѣтаетъ особый интересъ именно въ іюньской книжкѣ названнаго журнала и потому на ней мы и остановимъ немного вниманіе читателя. «Слухъ о загадочныхъ отношеніяхъ болѣзненнаго, простаго, съ трудомъ окончившаго семинарію, монаха съ богатой аристократкой высшаго круга и о Юрьевомъ монастырѣ, какъ блиставшемъ драгоценностями и великолѣпіемъ, далеко прішелъ по Россіи; монастыремъ интересовались даже за границей. Нѣкоторые иностранные гости, проѣздомъ въ тогдашнія наши военныя поселенія, заглядывали и въ Юрьевъ изъ любопытства, какой такой особенный монастырь, которому настоятель далъ имя «рай земной». Такими словами начинается цитируемая часть статьи г. Слезкинскаго. Спѣшимъ заявить, что насъ интересуютъ собственно не «загадочныя отношенія» монаха къ дамѣ изъ высшаго свѣта, а нѣчто иное. Въ чемъ бы эти отношенія ни состояли и каковы бы ни были ихъ причины, но для насъ важно лишь то, что оставленные ими слѣды въ нынѣ публикуемыхъ г. Слезкинскимъ письмахъ Фотія къ графинѣ Орловой проливаютъ достаточно яркій свѣтъ на во всякомъ случаѣ, получившую историческій интересъ фигуру знаменитаго монаха. Чѣмъ былъ онъ въ глазахъ Аракчеева, а черезъ послѣдняго въ глазахъ Александра Перваго, каковъ былъ онъ въ роли «утѣшителя» всемогущаго временщика послѣ убійства Минина, — все это достаточно извѣстно, но и Фотій въ его повседневной, будничной, жизни представляетъ также значительный интересъ. Въ Новгородѣ былъ, напр., губернаторъ Жеребцовъ и къ нему Фотій относился съ большимъ подобострастіемъ, не потому, что Жеребцовъ занималъ постъ губернатора, — что для Фотія были губернаторы, — а потому, что, будучи тестемъ графа Алексѣя Орлова, онъ былъ для Фотія при жизни человѣкомъ, конечно, не безопаснымъ. Но, вотъ, Жеребцовъ кончаетъ самоубійствомъ и, Фотій спѣшитъ аттестовать его въ такихъ, характерныхъ для него, строкахъ: «Жеребцовъ, отецъ жены гр. Алексѣя Орлова, былъ злѣйшій франкъ-масонъ и ложа у него, называемая Георгія Побѣдоносца, и всѣ масонскіе ордена имѣлъ. Такая ему, варвару, и смерть. Злой злѣ и умеръ, смерть грѣшниковъ люта». Относившіеся, въ свою очередь, къ Фотію съ должнымъ «уваженіемъ» не оставались, конечно, въ проигрышѣ. Губернаторъ Денферъ грубо лѣстилъ Фотію прямо въ глаза, и Фотій писалъ о немъ Орловой: «Прошу тебя и молю, напомни брату Алексѣю объ награжденіи нашего губернатора; ужели и нынѣ ему не будетъ награжденія, онъ уже болѣе 5 лѣтъ губернаторомъ». Когда Денферъ, дѣйствительно, награду получилъ, то Фотій писалъ: «Въ Новгородѣ болѣе 700, а въ Старой Руссѣ болѣе 4.100 забрано поселянъ. Царь самъ навѣсилъ звѣзду Слезкѣ (губернатору Денферу). Вотъ какъ царь милъ и праведенъ. Губернаторъ летаетъ на крыльяхъ радости, какъ птица». И на слѣдующій же день снова: «Вчера прилетѣлъ и нашъ губернаторъ; я его со всею братією поздравилъ въ залѣ». Когда же возникло дѣло объ удаленіи отъ монастыря Юрьевской слободки, и Денферъ не оправдалъ возложенныхъ на него Фотіемъ надеждъ, то Фотій въ письмахъ всячески его поносилъ. Умилно хлопоталъ Фотій и о повышеніи по службѣ вице-губернатора Смирнова. «Вотъ случай моего писанія самый нужный, — писалъ онъ

17-го апрѣля 1836 года Орловой.—Владимірскій губернаторъ въ отставку выходитъ, и желаетъ поступить туда нашъ *духовный родственникъ* Смирновъ. Буде не поздно, приложи все стараніе... Бога ради, не опоздай, а позови къ себѣ брата и поручи ему все». Такъ-то насаждалъ черезъ Орлову Фотій вездѣ своихъ «духовныхъ родственниковъ», а это, разумѣется, не могло не отражаться на ходѣ общественныхъ дѣлъ.

Чрезвычайно интересны также отношенія Фотія къ петербургскимъ митрополитамъ,—тутъ онъ сказывается во весь ростъ,—но намъ приходится ограничиться лишь указаніемъ на эту часть изслѣдованія г. Слезекинскаго.

Въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы» г. Морозовъ далъ небольшой, но очень содержательный очеркъ, озаглавленный «Финская литература въ ея прошломъ и настоящемъ». Знакомство съ исторіей и литературой этого небольшого, но богато одареннаго отъ природы народа распространено у насъ весьма незначительно, финскій языкъ доступенъ однимъ лишь специалистамъ да тѣмъ изъ русскихъ, которыхъ судьба закидывала на продолжительное время въ глубины Финляндіи, а между тѣмъ, финны и ихъ литература представляютъ собою весьма интересный предметъ изученія. Вотъ почему статья г. Морозова не можетъ пройти незамѣченною. Она прочтется съ большимъ интересомъ, на ней остановится и вниманіе журнальныхъ обозрѣвателей. Чрезвычайно строгая привязанность финновъ къ своей родинѣ и желаніе послужить ей, кто только чѣмъ можетъ, составляетъ выдающую черту ихъ національнаго характера. Народъ этотъ маленький, подвергающійся постоянно шведскому вліянію, а посмотрите, какъ упорно хранить онъ свою собственную индивидуальность, свой бытъ, свою культуру, сколько прилагаетъ труда для ихъ развитія, сколько приноситъ жертвъ для охраны ихъ отъ всякихъ на нихъ посягновеній! «Каждый болѣе или менѣе образованный финнъ,—говоритъ г. Морозовъ,—считаетъ своимъ патриотическимъ долгомъ взять на себя извѣстную долю участія въ общемъ трудѣ изученія родины и просвѣщенія народа; и эта дружная совмѣстная культурная работа успѣла въ сравнительно короткій срокъ принести весьма замѣтные плоды». А было время, когда шведское вліяніе возымѣло было рѣшительное преобладаніе въ странѣ, но это явленіе встрѣтило еще въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка столь же рѣшительный отпоръ со стороны нѣсколькихъ, сидѣвшихъ на скамьяхъ абесскаго (впослѣдствіи переведеннаго въ Гельсингфорсъ) университета юношей. Между ними былъ и составившій впослѣдствіи славу финской поэзіи Іоганнъ-Людовигъ Рунебергъ. Начавши собираться періодически по субботамъ, юноши скоро пришли къ мысли о необходимости основать «Финское литературное общество», что и было ими въ 1831 году приведено въ исполненіе. Успѣхи этого общества и вообще ставшей быстро развиваться финской литературы были такъ разительны, что показались опасными шведской партіи («свекомановъ»), которая и стала прибѣгать ради борьбы съ соперникомъ не только къ дозволеннымъ, но и совсѣмъ ужъ недозволеннымъ средствамъ. По интригамъ свекомановъ на юную финскую литературу въ 1850 году внезапно обрушился тяжелый ударъ. Объ этомъ г. Морозовъ рассказываетъ такъ:

«По Высочайшему повелѣнію запрещено было печатать на финскомъ языкѣ какія бы то ни было книги кромѣ духовныхъ и сельскохозяйственныхъ, такъ что даже сочиненія Оаддея Булгарина и тѣ не посмѣли бы въ ту пору явиться въ финскомъ переводѣ. Эта строгая мѣра, повидимому, не находившая себѣ никакого основанія въ содержаніи и направленіи только что зарождавшейся финской словесности, объясняется происками свекомановъ, которые, видя невозможность воспрепятствовать развитію ненавистнаго имъ финноманства, грозившаго, между прочимъ, и матеріальному благосостоянію шведскаго чиновничества, рѣшились на крайній шагъ: они воспользовались подозрительностью правительства того времени, возбужденнаго революціоннымъ движеніемъ на Западѣ, и успѣли внушить тогдашнему генералъ-губернатору Финляндіи князю Меншикову, что національныя стремленія финновъ представляютъ опасность для государственнаго порядка, такъ финноманны стремятся къ созданію независимаго отъ Россіи финскаго государства. На замѣчаніе, сдѣланное однимъ изъ защитниковъ финской народности, князю Меншикову, что подобная идея можетъ придти въ голову только сумасшедшему, князь глубокомысленно замѣтилъ: «*Ma foi, le monde est plein de fous*», и запретилъ печатать финскій переводъ Корнелія Непота...» Такое положеніе вещей продолжалось до вступленія на престолъ императора Александра Второго, когда эти ограниченія пали, и финская литература получила новый толчокъ для своего развитія. Минувшаго года Морозовымъ характеристики нѣсколькихъ финскихъ поэтовъ, сдѣлаемъ пару цитатъ изъ современныхъ любимцевъ финновъ,—Арвида Эрнефельта и Юхани Ахо.

«Насъ одушевляетъ, — говоритъ Эрнефельтъ въ романѣ «Человѣческая Судьба», — мысль о томъ, что финское племя должно развиться въ особую націю, которая сама опредѣлитъ свою историческую судьбу и создастъ себѣ свою собственную культуру съ помощью своего собственного языка. Тотъ, кто не выросъ на этой мысли,—тотъ не въ состояніи насъ понимать. Ибо все коренится въ томъ, что мы вѣримъ въ свой народъ и въ его будущее, что мы любимъ этотъ народъ, его языкъ и его исторію, вѣримъ въ его культурную силу и думаемъ, что онъ необходимъ въ Европѣ. Этой идеей мы и живемъ».

Еще болѣе яркимъ выразителемъ того же настроенія является наиболѣе популярный среди финновъ писатель, вышеупомянутый Юхани Ахо.

«Будущность Финляндіи представляется намъ полною героическаго величія, — говоритъ этотъ писатель въ очеркѣ «Юношеская мечта».

«Финляндія—то же, чѣмъ нѣкогда была Греція, и финскій народъ есть другой греческій народъ! Развѣ нѣтъ у насъ острововъ—такихъ же, какъ греческій архипелагъ? Развѣ мы не такъ же побѣдоносно боролись съ насиліемъ, какъ они? Вѣдь, и у насъ были свои Тормоны и свой Саламинъ,—и мы также спасали западную цивилизацію!

«У нихъ былъ Гомеръ, а у насъ есть Калевала...»

И далѣе:

«Финскій языкъ и богатъ, и силенъ, и благозвученъ не меньше греческаго. И съ помощью этого языка мы создадимъ литературу, которая вытѣснитъ всѣ

прочія, мы создадимъ финскую цивилизацію, новую, свѣжую культуру, которая побѣдитъ всѣ старыя и отжившія. Мы распространимъ нашу идею далеко на западъ, пройдемъ всѣ народы, наши воззрѣнія повліяютъ на ихъ вѣрованія и изъ нашего языка возникнутъ новые языки. Старый міръ разлагается, нуждается въ обновленіи и очищеніи; онъ коченѣетъ въ своихъ формахъ. Мы, финны, создадимъ новыя формы и вдохнемъ въ нихъ новый духъ. И мы совершимъ это, основываясь на нашей древности—на Калевалѣ и Кантелетарѣ. Наша страна станетъ мѣстомъ общенія запада и востока; она обогатится и процвѣтетъ; рядомъ со старыми городами возникнутъ новыя; на вершинахъ горъ воздвигнутся дворцы, а на мысахъ поставятся памятники народнымъ героямъ...»

Это уже языкъ безконечно влюбленнаго въ предметъ своей страсти.. Конечно, и самъ Юхани Ахо знаетъ всю несбыточность подобныхъ мечтаній, но, старѣясь годами и потому умудряясь житейскимъ опытомъ, финскіе писатели не измѣняютъ, тѣмъ не менѣе, руслу, по которому текутъ ихъ чувства къ родинѣ. Ахо говоритъ самъ по поводу вышеприведенныхъ строкъ изъ его «Юношеской мечты» слѣдующее:

«Такъ смотрѣли мы на свою исторію, такъ мы фантазировали съ разгорѣвшимися щеками и твердо вѣрили, что наши фантазіи на самомъ дѣлѣ осуществятся. Заоблачныя глупости!»

«Но эти юношескія мечты и эта дѣтская вѣра все-таки не совсѣмъ исчезли. Бываютъ времена, когда воспоминаніе о нихъ приноситъ утѣшеніе и когда мнѣ такъ хотѣлось бы опять вернуться назадъ, къ этимъ юношескимъ фантазіямъ и къ этой дѣтской вѣрѣ».

По свидѣтельству г. Морозова, настроеніе, наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго является Юхани Ахо, рѣшительно можно назвать господствующимъ въ финской литературѣ, ибо имъ въ большей или меньшей степени проникнуты всѣ сколько-нибудь выдающіяся ея произведенія.

За границей.

Внутреннія дѣла Германіи. Когда императоръ Вильгельмъ въ іюнѣ, объѣзжая рейнскія провинціи, посѣтилъ Крефельдъ, то на приѣмѣ у бургомистра онъ шуточно спросилъ барышень, много ли онѣ танцуютъ съ молодыми поручиками. На это дочь бургомистра, краснѣя, отвѣтила ему за всѣхъ, что, «къ сожалѣнію, въ Крефельдѣ нѣтъ поручиковъ, такъ какъ нѣтъ гарнизона». — «Ну, я позабочусь о томъ, чтобы у васъ были кавалеры!» сказалъ императоръ, улыбаясь, и эти слова привели въ восторгъ общество Крефельда. Городъ давно добивается учрежденія гарнизона, но до сихъ поръ всѣ ходатайства были безуспѣшны. Теперь же въ словахъ императора крефельдцы увидѣли обѣщаніе исполнить ихъ заветное желаніе. Мѣстная печать выразила по этому поводу удовольствіе, но иначе отнеслись къ этому факту другія газеты. Первымъ выступилъ глава германскихъ прогрессистовъ Евгений Рихтеръ, возбудившій вопросъ,

не нарушил ли императоръ конституціонныхъ принциповъ, пообѣщая крефельдскимъ барышнямъ молодыхъ поручиковъ въ качествѣ кавалеровъ? Императоръ дѣйствительно отдалъ приказаніе военному министру обсудить этотъ вопросъ и приготовить квартиры для помѣщенія гарнизона въ Крефельдѣ. Этого было достаточно чтобы въ печати возникла полемика и въ гамбургской газетѣ, которая нѣкогда была привилегированнымъ органомъ Бисмарка, появилась очень рѣзкая статья, подъ заглавіемъ «Личный режимъ», которая можетъ служить подтвержденіемъ, что печать «свободнаго города» не подлежитъ юрисдикціи прусскихъ трибуналовъ. Въ заключеніе авторъ статьи объявляетъ, что рейхстагъ отвергнетъ кредиты, которые правительство вынуждено будетъ потребовать для покрытія расходовъ по переводу гусарскаго полка изъ Дюссельдорфа въ Крефельдъ. Но курьезнѣе всего, что эта же самая газета, которая всегда такъ старательно насаждала милитаризмъ, теперь вдругъ выступаетъ ярой противницей *милитаризаціи* правительства, заявляя что назначеніе генераловъ министрами ведетъ къ уничтоженію всякой инициативы министерства, которое всегда дѣлаетъ подъ козырекъ и отвѣчаетъ: «чего изволите!» [Конечно, эта статья гамбургской газеты, всегда стоявшей на стражѣ консервативныхъ принциповъ, не осталась безъ отвѣта со стороны официозныхъ органовъ германскаго правительства, и «сыръ-боръ загорѣлся». Желаніе крефельдскихъ барышень танцевать съ ловкими и удалыми гусарскими поручиками привело къ совершенно неожиданнымъ послѣдствіямъ.

Другимъ поводомъ къ ожесточенной полемикѣ служить ссора, возникшая между профессоромъ Хрустомъ и вюрцбургскимъ университетомъ, въ сущности носившая чисто мѣстный характеръ, но, благодаря особеннымъ условіямъ, возбуждавшая общественный интересъ въ Германіи, въ виду того, что вопросъ перенесенъ теперь на почву прерогативы германскихъ университетовъ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: Хрустъ, бывшій экстраординарнымъ профессоромъ по всеобщей исторіи въ вюрцбургскомъ университетѣ, пожелалъ получить званіе ординарнаго профессора. Но коллеги его, другіе профессора этого университета, не пожелали избрать его, и кандидатура его не прошла. До сихъ поръ, конечно, въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго; университетъ имѣлъ право принять или отвергнуть кандидата и этого права никто не могъ у него отнимать. Коллегія профессоровъ находила Хруста «слишкомъ элерикальнымъ» и поэтому неудобнымъ съ точки зрѣнія преподаванія исторіи. Хрустъ, однако, протестовалъ противъ обвиненія въ «ультрамонтанскихъ взглядахъ» въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ въ кѣльнской газетѣ. Но такъ или иначе назначеніе его ординарнымъ профессоромъ не состоялось и баварское правительство не счло возможнымъ навязывать этого профессора университету, который не желалъ его, хотя, быть можетъ, обвиненія университета, что Хрустъ слишкомъ элерикаленъ, и не были справедливы. Но дѣло усложнилось тѣмъ, что въ баварской палатѣ депутатовъ былъ сдѣланъ по этому поводу запросъ, причемъ министръ просвѣщенія Ландманъ говорилъ такимъ образомъ, что его рѣчь можно было считать прямымъ порицаніемъ, высказаннымъ по адресу ректора и университетскаго сената. Значеніе этихъ словъ министра усиливалось еще тѣмъ, что

онъ, безъ сомнѣнія, раньше заручился сочувствіемъ правительства, желавшаго угодить католическому большинству палаты. Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ весь университетскій сенатъ съ ректоромъ во главѣ вышелъ въ отставку. Съ этого момента университетскій конфликтъ получилъ широкій общественный характеръ и первоначальная его причина—кандидатура профессора Хруста—совершенно отступила на задній планъ. Другіе баварскіе университеты объявили себя солидарными съ юрцбургскимъ университетомъ и вступились за университетскія привилегіи, которыя до сихъ поръ считались неприкосновенными. Нѣмецкіе университеты пользовались до этого времени полнѣйшею независимостью, но въ Пруссіи начали обнаруживаться стремленія ограничить привилегіи университетовъ и подчинить ихъ желаніямъ правительства, эти стремленія рѣзко выражались въ дѣлѣ профессора Дельбрюка, доцента Аронси и профессора Лемана, и поэтому не удивительно, что баварскіе университеты, замѣтивъ, что и въ Баваріи начинаютъ проглядывать такіе же тенденціи, не на шутку всполошились. Печать подхватила это дѣло, уже послужившее поводомъ къ цѣлому ряду демонстрацій противъ баварскаго министра просвѣщенія. Мѣстный баварскій конфликтъ получилъ общій характеръ, благодаря тому, что въ полемикѣ приняли участіе берлинскія газеты. Специальный научный журналъ, органъ баварскихъ медицинскихъ факультетовъ, «Münchener Medicinische Wochenschrift», выступилъ съ категорическимъ требованіемъ отставки министра просвѣщенія Ландмана. Въ обвинительномъ актѣ противъ этого министра медицинскій журналъ, между прочимъ, указываетъ на всѣмъ извѣстное желаніе министра Ландмана навязать медицинскому факультету юрцбургскаго университета профессора гомеопата.

Какъ бы то ни было, но дѣло приняло настолько рѣзкій оборотъ, что правительство очутилось передъ альтернативой: либо пожертвовать министромъ просвѣщенія, либо вступить въ открытый конфликтъ со всѣми баварскими университетами. Последнее показалось правительству опаснѣе, и поэтому въ газетахъ напечатано было извѣщеніе, что «министръ Ландманъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, беретъ продолжительный отпускъ». Конечно, для всѣхъ было ясно, что это лишь «замаскированная отставка», и печать такъ и отнеслась къ этому сообщенію. Въ Германіи этотъ фактъ произвелъ большую сенсацию, такъ какъ то, что министръ вынужденъ былъ уступить, не парламентской волѣ, а резолюціямъ профессоровъ, представляетъ совершенно небывалый случай. Газеты предсказываютъ, что баварскій католическій центръ отомститъ за это всему министерству, которое не захотѣло отстоять своего коллегу министра просвѣщенія и принесло его въ жертву гнѣву университетскихъ корифеевъ.

Берлинскій союзъ для устройства дѣтскихъ народныхъ кухонь въ столицѣ (Verein für Kinder Volkskuchen) опубликовалъ отчетъ о своей дѣятельности, изъ котораго видно, что въ Берлинѣ были устроены имъ десять такихъ дѣтскихъ кухонь, кормившихъ ежедневно до 3.000 дѣтей. Изъ этого числа не болѣе 500 были въ состояніи заплатить пять пфениговъ за обѣдъ, остальные получали его даромъ. Въ отчетѣ напечатано кромѣ того и меню этихъ кухонь. Дѣти получали два раза въ недѣлю мясное, два раза—молочную рисовую

кашу съ сахаромъ и два раза другія каши. Вообще администрація этихъ кухонь старалась по возможности разнообразить столъ, соображаясь со средствами союза и временемъ года. Средства союза заключались въ членскихъ взносахъ, составившихъ 12.000 марокъ, и въ 36.000 марокъ, полученныхъ посредствомъ сборовъ. Кромѣ того городская администрація выдаетъ союзу ежегодную субсидію въ 1.500 марокъ. Союзъ надѣется въ будущемъ году расширить свою дѣятельность и вызвать организацію подобныхъ же дѣтскихъ столовыхъ въ разныхъ другихъ городахъ Германіи. Между прочимъ Дрезденъ уже послѣдовалъ примѣру Берлина въ этомъ отношеніи.

Религіозныя теченія въ Англіи. Ни одинъ народъ не обнаруживаетъ такой приверженности къ стариннымъ традиціямъ и обычаямъ, какъ англичане, несмотря на весь современный складъ ихъ жизни и прогрессивное направленіе. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ о королевской коронаціи, которая не состоялась, были извлечены изъ подъ спуда всѣ старинныя традиціи, относящіяся къ этой церемоніи, и все было предусмотрено до мельчайшихъ подробностей, такъ какъ англичане не допускали никакого отступленія отъ увѣковѣченнаго обычая.

Англіійская коронація составляетъ чисто религіозную церемонію. Кентерберійскій епископъ, первый духовный лордъ верхней палаты и примасъ англиканской церкви, долженъ возложить корону на главу короля и помазать его на царство и король возсѣдаетъ затѣмъ на священномъ камнѣ, который привезенъ былъ Эдуардомъ I изъ Шотландіи и согласно преданію, представляетъ тотъ самый камень, на которомъ покоилась голова Іакова, когда онъ видѣлъ во снѣ лѣстницу, спускавшуюся съ неба. Этотъ священный камень былъ привезенъ изъ Іудеи въ Испанію, изъ Испаніи въ Ирландію и изъ Ирландіи въ Шотландію. Всѣ шотландскіе короли въ давнія времена короновались на этомъ камнѣ, и шотландская нація связывала съ нимъ свою судьбу. Много разъ шотландцы пытались отнять этотъ камень у англичанъ, но тщетно. Онъ представляетъ въ настоящее время драгоценную реликвию вестминстерскаго аббатства; плоскій прямоугольный камень (египетскій сіенитъ) прочно вдѣланъ въ сидѣніе королевскаго трона, и Эдуардъ VII долженъ будетъ также возсѣдать на этомъ камнѣ во время коронаціонной церемоніи.

Съ перваго взгляда можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ, подобныя реликвіи и вся сопряженная съ этимъ обрядность уживаются въ наисовременнѣйшемъ конституціонномъ государствѣ, которое повидимому ставитъ выше всего принципъ свободы и богатства, но никакія либеральныя учрежденія и законы, никакія грандіозныя промышленныя предпріятія и спекуляціи, Chartered Company и т. п. не вліяютъ на религіозныя вѣрованія англичанъ, которыя отъ времени до времени даютъ себя чувствовать. Трудно, напримѣръ, представить себѣ, чтобы такая война, какъ трансваальская, въ основу которой заложены были чисто меркантильные расчеты, могла получить религіозное объясненіе. А между тѣмъ, на многихъ митингахъ и даже въ нѣкоторыхъ серьезныхъ органахъ англійской печати высказывалось мнѣніе,

что «Богъ собралъ англійскій народъ для того, чтобы онъ покорилъ себѣ другіе народы». Это убѣжденіе, безъ сомнѣнія гораздо болѣе содѣйствовало тому, что народъ не противился войнѣ, нежели всѣ рѣчи Чэмберлена. Заключение мира передъ самою коронаціей только утвердило это убѣжденіе, и въ одной изъ главныхъ церквей въ Уэльсѣ былъ даже пропѣтъ священный гимнъ собственнаго сочиненія, въ которомъ заявлялось, что «всякій народъ, подчиняющійся Англіи, выполняетъ этимъ волю Христа!»

Подобно старому Крюгеру, президенту бывшей трансваальской республики тысячи англичанъ читаютъ Библию и находятъ въ ней указанія какъ относительно прошлой такъ относительно и будущей исторіи англійскаго народа. Въ отдѣлѣ мелкихъ сообщеній, писемъ и объявленій въ большой лондонской политической газетѣ «Standart» постоянно можно найти апокалипсическія предсказанія, и въ Англіи это никого не удивляетъ. Кромѣ того, «British Israel Association» распространяетъ во всевозможныхъ брошюрахъ и книгахъ, въ еженедѣльномъ и ежемѣсячномъ органѣ, которые расходятся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, вѣрованіе, что старинныя израильскія пророчества относительно благословенія Авраамова сбываются буквально въ современной англійской націи. Тысячи англичанъ состоятъ членами «British Israel Association», подписываются на еженедѣльный журналъ «The Banner of Israel», а читая Библию, справляются въ руководствѣ «British Israel Fruth», ища въ немъ объясненій и указаній. Во всякомъ случаѣ, почти всѣ благочестивые англичане, состоятъ ли они членами этой ассоціаціи или нѣтъ, вѣрятъ болѣе или менѣе въ то, что пророчества Ветхаго Завѣта специально относятся къ англійскому народу, и видятъ доказательства этого въ изумительномъ распространѣніи англо-саксонской расы по всей землѣ и въ постоянномъ расширеніи ея владѣній. Въ 1878 г. маркизъ Лорнъ, генералъ-губернаторъ Канады, принимая депутацію французскихъ канадцевъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мы господствуемъ надъ французами въ Канадѣ и на островѣ Маврикія, надъ испанцами въ Тринидадѣ и Гибралтарѣ, надъ итальянцами въ Мальтѣ, надъ нѣмцами въ Гельголандѣ, надъ голландцами въ Южной Африкѣ, надъ китайцами въ Гонконгѣ, не говоря уже о милліонахъ другихъ азіатскихъ народовъ. Но укажите вы мнѣ хотя бы самую крошечную полосу земли, гдѣ бы англо-саксонцы подчинялись чужеземному флоту и чужеземнымъ законамъ и жили бы подъ управленіемъ чужеземныхъ губернаторовъ?»

Въ этихъ словахъ бывшаго канадскаго генералъ-губернатора сказывается гордая увѣренность англичанъ, что они призваны управлять міромъ — увѣренность, явившаяся источникомъ современнаго имперіализма. Но «British Israel Association» заходитъ еще дальше и доказываетъ, что выполненіе пророчества Ветхаго Завѣта относительно англійскаго народа было бы невозможно, если бы англичане сами не происходили отъ древнихъ израильтянъ. Большинство англійскаго народа не соглашается съ этими умозаключеніями, но тѣмъ не менѣе весьма многочисленные читатели «Banner of Israel» и ежемѣсячнаго журнала «The Covenant people» раздѣляютъ и этотъ взглядъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникла даже весьма серьезная полемика по этому вопросу въ англій-

скихъ газетахъ, въ которой приняли участіе многіе духовныя лица, восклицавшіе: «Если не мы тотъ народъ, который избранъ Богомъ и выполнять въ мірѣ Его волю, то гдѣ же онъ? Мы проповѣдуемъ Евангеліе міру, мы посылаемъ своихъ миссіонеровъ во всѣ области земного шара и поэтому мы должны быть израильтянами и насъ не должно смущать то, что всѣ континентальные народы насъ ненавидятъ!»

Таково убѣжденіе огромнаго числа благочестивыхъ англичанъ въ настоящее время. Покоряя другіе народы, расширяя владѣнія англосаксонской расы, англичане, по ихъ мнѣнію, выполняютъ только свою миссію, и никакія обвиненія въ алчности, меркантильныхъ цѣляхъ и т. п. не должны вліять на нихъ и не могутъ заставить ихъ отказаться отъ выполненія своего назначенія. Такіе взгляды высказываются теперь многими англійскими проповѣдниками и оправдываютъ въ глазахъ вѣрующихъ поведение Англіи въ бурской войнѣ.

Колоссальное мошенничество. Дѣло о мнѣнческомъ стоимиліонномъ наслѣдствѣ Краффорда или такъ называемое дѣло Эмберъ продолжаетъ волновать общественное мнѣніе Франціи. Судебное слѣдствіе раскрыло такія подробности, которыя заставляютъ придти къ заключенію, что дѣйствительность зачастую превосходить всякій вымыселъ. Невольно вызываетъ изумленіе то обстоятельство, что дѣло Эмберъ только теперь обратило на себя общественное вниманіе, хотя оно продолжается уже почти четверть вѣка и въ теченіе этого нзряднаго періода времени многіе французскіе суды занимались этимъ дѣломъ, множество компетентныхъ лицъ и въ томъ числѣ бывший министръ-президентъ Вальдекъ Руссо изощряли свои умы и проницательность на раскрытіе этого таинственнаго дѣла о наслѣдствѣ, и только недавно было окончательно установлено, что все это дѣло представляетъ самое колоссальное мошенничество, какое когда-либо было занесено въ судебную хронику, и по своей фантастичности и невѣроятнымъ подробностямъ, не уступаетъ любому сенсационному роману, печатающемуся въ фельетонахъ бульварной газеты. Тутъ есть и убійство, и самоубійство, подлогъ, переодѣваніе, ловкій обманъ, несуществующіе милліоны и т. д., и если оно не можетъ имѣть такого серьезнаго общественнаго значенія и такихъ важныхъ послѣдствій, какъ дѣло Дрейфуса, то, во всякомъ случаѣ, его можно поставить на ряду съ знаменитымъ панамскимъ дѣломъ. И тутъ, и тамъ замѣшаны лица, занимающія высокіе общественные посты, и ярко выступаютъ наружу недостатки административной системы. Раскрытіе этого дѣла только началось и въ будущемъ надо ожидать много сенсационныхъ разоблаченій. Но эти разоблаченія уже вызвали переполохъ въ разныхъ лагеряхъ. Націоналисты и антисемиты въ особенности заволновались. Какъ только началось дѣло Эмберъ, въ ихъ лагерѣ раздались крики: «Новое дѣло Дрейфуса, хотя и гражданское!» Но вскорѣ имъ пришлось прикусить язычокъ, такъ какъ причастнымъ къ этому дѣлу оказался адвокатъ Дюбий, глава національной партіи парижскихъ адвокатовъ и націоналистъ, выказавшій себя однимъ изъ безпощадныхъ враговъ Золя во время его процесса. Клерикальная партія также имѣетъ прикосновеніе къ этому дѣлу, и хотя гг. реакціонеры всячески желаютъ

свалить вину на разныхъ республиканскихъ дѣятелей и даже обвиняють Вальдека Руссо въ томъ, что онъ не сдѣлалъ ничего къ раскрытію этого дѣла, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ и выражалъ сомнѣніе въ существованіи сто-милліоннаго наслѣдства, сказавъ, что «это быть можетъ, самое колоссальное мо-шенничество XIX-го вѣка»,—но имъ приходится волей-неволей соблюдать осто-рожность въ своихъ обвиненіяхъ, такъ какъ на первомъ планѣ все-таки фи-гурируютъ клерикалы. Дѣло вызвало сильнѣйшую перебранку между газетами разныхъ партій, и замѣшанныя въ этомъ дѣлѣ лица грозятъ разоблаченіями, опасными для республики. Но уже теперь можно сказать, что эти разоблаченія окажутся болѣе опасными для враговъ республики, не разъ уже пытавшихся пользоваться для своихъ цѣлей подобнаго рода дѣлами, какъ Панама и дѣло Дрейфуса.

Раскрытіе этого колоссальнаго мошенничества произошло все-таки бла-годаря печати. Какъ мы уже говорили, почти цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ мо-рочила г-жа Эмберъ, жена адвоката и бывшаго депутата и невестка бывшаго министра юстиціи, французскую публику, эксплуатируя разсчитливость и жад-ность своихъ соотечественниковъ, желавшихъ попользоваться крохами отъ ея милліоновъ въ видѣ громадныхъ процентовъ за ссуду денегъ подъ эти милліоны. Нѣтъ сомнѣнія, что г-жа Эмберъ выказала гениальную находчивость и пони-маніе людей, но ей помогло также то, что она занимала видное общественное положеніе и что ея тестъ пользовался репутаціей чловѣка неподкупной чест-ности, который въ свое время усиленно занимался въ качествѣ министра юстиціи и вице-президента государственнаго контроля, раскрытіемъ разныхъ злоупотребленій и предаіемъ суду виновныхъ. Трудно въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать дѣятельность этой замѣчательной мошенницы, придумывавшей легенду о стоимилліонномъ наслѣдствѣ для выманыванія денегъ у своихъ легко-вѣрныхъ и жадныхъ къ наживѣ соотечественниковъ. Она ограничилась не только одними займами подъ это наслѣдство и уклоненіемъ отъ платежей, но она основала банкъ и газету, устроила факторію въ Мадагаскарѣ, разные учрежденія въ Тунисѣ и наконецъ, съ благословенія папы, во въ сообществѣ со многими выдающимися массонами, организовала «общество пожизненной ренты» и кассу страхованія престарѣлыхъ священниковъ. Она покупала и про-давала брилліанты, картины, замки, земли и всѣ эти операциі ей удавалось дѣлать, благодаря вѣрѣ въ ея стоимилліонное наслѣдство, существованіе кото-раго основывалось лишь на ея словахъ.

Откуда же взялась легенда о наслѣдствѣ? Ловкая героиня колоссальной ми-стификаціи выказала въ этомъ отношеніи удивительную изобрѣтательность. Вотъ что гласитъ эта легенда: нѣкій американецъ Робертъ-Генри Крафордъ, умершій гдѣ-то въ Америкѣ или въ Европѣ, между 1878 и 1883 года, оста-вилъ завѣщаніе, написанное въ Ниццѣ, въ 1877 году, которымъ объявлялъ своей наслѣдницей нѣкую Терезу Дориньякъ, крестьянку изъ Тулузы, вышед-шую замужъ въ это время за депутата Фредерика Эмберъ. Конечно прежде всего долженъ былъ возникнуть вопросъ, была ли знакома Тереза Дориньякъ съ американскимъ милліонеромъ и что побудило его завѣщать ей свои мил-

ліоны? Легенда объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: однажды у дверей магазина матери Терезы Дориньякъ (она содержала лавочку разныхъ туалетныхъ принадлежностей и лентъ въ одномъ изъ южныхъ городовъ Франціи) ужалъ одинъ богатый путешественникъ иностранецъ, которому вдругъ сдѣлалось дурно на улицѣ. Его внесли въ магазинъ, привели въ чувство и мать и дочь самоотверженно ухаживали за нимъ, пока онъ не выздоровѣлъ. Послѣ этого онъ уѣхалъ и чрезъ нѣсколько лѣтъ получено было извѣстіе о его смерти и о томъ, что благодарный американецъ завѣщалъ Терезѣ Дориньякъ все свое состояніе. Какъ это ни странно, но завѣщанія этого никто не видѣлъ въ оригиналѣ, а только копію. Ни одинъ нотаріусъ не провѣрялъ инвентаря полученнаго наслѣдства и казна не взимала слѣдующаго налога. Все это выяснилось теперь и, конечно, должно было возбудить большое изумленіе по поводу упущенія всѣхъ этихъ формальностей, казалось, неизбежныхъ при полученіи всякаго наслѣдства.

Но, г-жа Эмберъ, счастливая наслѣдница милліоновъ, едва успѣла вступить во владѣніе наслѣдствомъ, какъ уже явились новые претенденты, два племянника умершаго Брафорда, которые опротестовали завѣщаніе своего дяди. Начались переговоры, длившіеся около года, и, наконецъ, въ декабрѣ 1884 г. состоялось соглашеніе, по которому Брафорды отказались отъ всякихъ претензій на наслѣдство, подъ условіемъ полученія каждымъ изъ нихъ по три милліона отъ г-жи Эмберъ. Казалось, всѣ затрудненія были устранены, и г-жа Эмберъ могла воспользоваться наслѣдствомъ. Но не тутъ-то было. Брафорды отказались исполнить послѣднюю юридическую формальность, и дѣло снова затянулось. Г-жа Эмберъ возбудила противъ нихъ процессъ, который длился шесть лѣтъ и въ теченіе этого времени она занимала деньги въ счетъ своего наслѣдства въ 100 милліоновъ. Вообще, Брафорды обнаружили необыкновенное сутяжничество; они то соглашались, то снова придумывали какія-нибудь увертки и всячески старались затянуть дѣло до настоящаго времени, хотя въ январѣ 1890 года парижскій судъ и утвердилъ г-жу Эмберъ въ правахъ наслѣдства. Такъ, больше двадцати лѣтъ тянулось дѣло, и г-жа Эмберъ, вмѣсто проблематическихъ милліоновъ, получала настоящіе милліоны отъ разныхъ людей, осторожныхъ, расчетливыхъ и жадныхъ, надѣявшихся попользоваться отъ ея милліоновъ. Банкиры, купцы, промышленники, фабриканты охотно давали взаймы г-жѣ Эмберъ, продавали ей имѣнія, замки, картины, брилліанты—и все въ счетъ мионическихъ милліоновъ. Въ общемъ, по приблизительному вычисленію, она получила за это время около сорока милліоновъ франковъ. Случалось, что кредиторы, терявшіе терпѣніе, возбуждали противъ нея процессъ, но г-жа Эмберъ ловко изворачивалась и выплачивала нѣкоторымъ изъ нихъ, благодаря новымъ займамъ, а иногда она самолично являлась въ собраніе кредиторовъ и такъ смѣло нападала на нихъ, что они смущались и уступали ей. Если же и находились между ними болѣе храбрые люди, осмѣливавшіеся требовать раскрытія истины, то на ихъ заявленія никто не обращалъ вниманія. Нашелся, однако, одинъ изъ кредиторовъ, который напечаталъ брошюру, заключающую въ себѣ разоблаченія относительно наслѣдства г-жи Эмберъ и разослалъ эту брошюру всѣмъ сенато-

рамъ и депутатамъ, но никто на нее не обратилъ вниманія, считая ее клеветой на уважаемую семью Эмберовъ. Такимъ образомъ, г-жа Эмберъ могла продолжать свою комедію съ наслѣдствомъ. Загадочныхъ Крафордовъ никто не видѣлъ; за нихъ дѣйствовали ихъ повѣренные и нотаріусы, и по закону никто не имѣлъ права требовать приведенія Крафордовъ въ судъ или открытія кассы, въ которой хранились милліоны. Этимъ и воспользовалась г-жа Эмберъ. Между прочимъ, одинъ изъ братьевъ Крафордовъ ставилъ условіемъ своего отказа отъ наслѣдства бракъ съ сестрой г-жи Эмберъ, Маріей Дориньякъ. Но Марія упорно отказывалась и поѣтому милліоны оставались неприкосновенными въ желѣзномъ сундукѣ г-жи Эмберъ. Когда же явилась, наконецъ, необходимость показать Крафордовъ, то г-жа Эмберъ не остановилась и передъ этимъ. Она показала одного изъ нихъ у себя въ Парижѣ, на званомъ обѣдѣ; въ провинціи же видали обоихъ братьевъ. Кто игралъ роль Крафордовъ—пока не установлено.

Такъ тянулось дѣло и протянулось бы, вѣроятно, еще дольше, если бы въ нѣкоторыхъ французскихъ газетахъ не начали появляться настойчивыя статьи, говорившія о мистификаціи и требовавшія энергичнаго разслѣдованія, дѣйствительно ли существуютъ Крафорды и стомилліонное наслѣдство. Подозрѣніе было возбуждено, благодаря этимъ статьямъ, и общественное мнѣніе заинтересовалось дѣломъ, такъ что, наконецъ, по жалобѣ одного изъ кредиторовъ, начато было слѣдствіе, и власти явились въ квартиру г-жи Эмберъ, чтобы арестовать ее. Но «гнѣздо оказалось пустымъ»; г-жа Эмберъ, ея мужъ, дочь, сестра и братья—все скрылись одновременно, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ и вмѣстѣ съ этимъ разлетѣлись въ пухъ и прахъ все мечты о стомилліонномъ наслѣдствѣ, такъ какъ въ денежномъ сундукѣ не найдено ничего, кромѣ вышедшей изъ употребленія мѣдной монеты и какихъ-то пустикавъ!

Вслѣдъ за этимъ посыпались разоблаченія и аресты. По словамъ газетъ, существуютъ документы, указывающіе на прикосновенность къ дѣлу многихъ лицъ, занимавшихъ высокое общественное положеніе, бывшихъ министровъ, президентовъ и т. д. Но первымъ дѣломъ арестованы оба нотаріуса: Пармантье—нотаріусъ мнѣическихъ Крафордовъ, Дюморъ—видѣвшій «собственными глазами» милліоны въ денежномъ сундукѣ г-жи Эмберъ, и Ланглау, тоже нотаріусъ; затѣмъ арестованъ одинъ дѣлецъ, по имени Делашери, черезъ котораго г-жа Эмберъ занимала деньги у Шатманса, своего главнаго кредитора. Этотъ Шатмансъ былъ найденъ убитымъ въ вагонѣ. Его видѣли на вокзалѣ вмѣстѣ съ братомъ г-жи Эмберъ Дориньякомъ, который, однако, не призналъ личности убитаго, когда увидѣлъ его трупъ, хотя долженъ былъ хорошо знать Шатманса, такъ какъ его часто видѣли съ нимъ на вокзалѣ. Слѣдствіе ничего тогда не открыло, но теперь оно снова возобновлено, такъ какъ полагаютъ, что убійство это находится въ связи съ пресловутымъ милліоннымъ наслѣдствомъ. Арестованные нотаріусы Пармантье и Ланглау угрожаютъ разоблаченіемъ, адвокатъ Дюбюи, чтобы избѣжать настоящаго суда, обращается къ суду товарищей и, конечно, также постарается, посредствомъ сенсаціонныхъ разоблаченій, отвлечь общественное вниманіе отъ собственной особы, но взволнованная общественная совѣсть Франціи, во всякомъ случаѣ, успокоиться не можетъ и

громко требуетъ пролитія свѣта на это темное дѣло. Все громче и громче раздаются голоса противъ судебныхъ нравовъ и недостатковъ въ законодательствѣ, благодаря которымъ такое дѣло могло тянуться столько лѣтъ. Газеты говорятъ о проектахъ реформъ, которыя будутъ внесены въ самомъ началѣ парламентской сессіи. Дѣло Эмберъ послужило уже предметомъ нѣсколькихъ запросовъ въ палатѣ и обсуждалось въ сенатѣ, но такъ какъ слѣдствіе еще продолжается, то министерство ограничилось только заявленіемъ, что оно намѣрено принять всѣ мѣры къ разслѣдованію и выясненію виновности разныхъ лицъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ этому колоссальному мошенничеству.

Распродажа съ аукціона имущества, оставшагося послѣ бѣжавшихъ Эмберовъ, т.-е. картинъ, книгъ, мебели и т. д., еще разъ подтвердила то видное положеніе, которое занимали Эмберы во французскомъ обществѣ. Такъ, напримеръ, въ библіотекѣ, состоящей изъ 2.500 томовъ, большинство книгъ было съ надписями, посвященными г-жѣ Эмберъ. Между прочимъ, на одной изъ книгъ стояла подпись Феликса Фора, бывшаго президента республики. Его дочь, Люси Форъ, также подарила г-жѣ Эмберъ книгу о кардиналѣ Ньюманѣ, собственное сочиненіе, съ весьма нѣжною надписью. Поль Дешанель, бывшій президентъ палаты, также фигурируетъ въ числѣ лицъ, подносившихъ свои собственные или чужія сочиненія г-жи Эмберъ. Какъ извѣстно, онъ былъ въ числѣ близкихъ друзей гениальной мошенницы и былъ всегда желаннымъ гостемъ въ ея салонѣ. Ходили слухи, что онъ добывался руки ея дочери Евы, по крайней мѣрѣ, сама г-жа Эмберъ говорила это и огорчалась, что Ева не соглашается принять его предложеніе. Дружба съ Дешанелемъ, какъ и со многими другими высокопоставленными лицами, служила для нея хорошимъ оплотомъ противъ всякихъ подозрѣній въ ея честности и оказывала вліяніе на колеблющихся кредиторовъ. Благодаря этимъ близкимъ отношеніямъ, которыя существовали между г-жею Эмберъ и разными общественными и политическими дѣятелями, многие изъ этихъ послѣднихъ чувствуютъ себя теперь не по себѣ и со страхомъ ожидаютъ дальнѣйшихъ разоблаченій.

Сѣверный женскій конгрессъ. Въ Христианіи, лѣтомъ этого года, пропеходилъ скандинавскій женскій конгрессъ, занимавшійся вопросомъ о правахъ женщинъ въ фабричномъ законодательствѣ. Однимъ изъ интересныхъ докладовъ по этому вопросу было докладъ г-жи Гансенъ о датскомъ фабричномъ законѣ 1901 г., который является результатомъ совмѣстной работы феминистовъ и ремесленныхъ женскихъ рабочихъ союзовъ. Докладчица особенно подчеркивала то, что между представительницами женскаго движенія въ Даніи и работницами установились самыя тѣсныя отношенія. «Наше дѣло,—сказала докладчица,—не можетъ имѣть успѣха, если мы не найдемъ у работницъ поддержки и помощи». Эти слова докладчицы вызвали очень горячія пренія, бросающія нѣкоторый свѣтъ на классовыя разногласія, которыя обнаруживаются въ средѣ женскаго движенія въ скандинавскихъ странахъ. Нѣкоторыя изъ ораторшъ конгресса горячо осуждали, что поборницы женской эмансипаціи не стараются вступить въ союзъ съ работницами и не ищутъ съ ними сближенія. На это г-жа Влеръ,

жена министра въ Норвегіи, возразила: «Мы сдѣлали все возможное, чтобы сблизиться съ ними, но большинство работницъ отвергло наши попытки къ сближенію. Конечно, мы должны привлечь къ себѣ этихъ женщинъ и въ особенности женщинъ низшихъ классовъ, такъ какъ скорѣе всего надо помогать именно тѣмъ, которыя экономически не обезпечены. Лучше было бы даже, еслибъ женское движеніе началось снизу, а не наоборотъ, такъ какъ теперь, когда мы вступаемъ въ споръ съ работницами относительно какого-нибудь вопроса, то получаемъ въ отвѣтъ, что мы — женщины высшихъ классовъ, не можемъ понимать ихъ!»

Другая ораторша, г-жа Анна Брюннъ, изъ Копенгагена, сказала по этому поводу слѣдующее: «Прежде всего, женщины высшихъ классовъ должны научиться понимать то, что онѣ также нуждаются въ совмѣстной работѣ съ женщинами низшихъ классовъ, какъ и эти послѣднія. Здѣсь высказанъ былъ упрекъ, что для сближенія между тѣми и другими сдѣлано очень мало. Но тутъ никто не виноватъ, причина лежитъ глубоко. Съ давнихъ временъ уже существуетъ глубокая пропасть между различными слоями населенія, и мы не можемъ сказать заранѣе, какой мостъ можно будетъ построить черезъ эту пропасть, но, во всякомъ случаѣ, мы должны стремиться къ тому, чтобы ее перейти...»

На конгрессѣ были также и представительницы крайне отсталыхъ взглядовъ, рѣчи которыхъ вызвали весьма горячія пренія, причемъ одна изъ присутствовавшихъ заявила, что конгрессъ не можетъ высказываться по нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся работницъ, потому что эти послѣднія не имѣютъ на конгрессѣ своихъ представительницъ, «но тѣмъ не менѣе, — сказала она, — сторонницы расширенія правъ женщины, должны были бы взять подъ свою защиту работницъ и помочь имъ достигнуть лучшаго заработка. Между тѣмъ, онѣ этого не дѣлаютъ, и въ Ставангерѣ, напримѣръ, когда работницы на фабрикѣ консервовъ выступили со своими требованіями повышенія заработной платы на весьма ничтожную сумму (10 ъръ), то члены женскаго союза ничего не сдѣлали, чтобы помочь имъ, и это очень повредило ихъ дѣлу».

Такія рѣчи, конечно, вызвали цѣлый рядъ горячихъ возраженій съ другой стороны, и, наконецъ, была вотирована резолюція о необходимости болѣе тѣснаго единенія съ женщинами рабочихъ классовъ. Послѣ этого, докладчица Анна Брюннъ прочла интересный докладъ о соціальной дѣятельности датскихъ женщинъ. Въ заключеніе былъ возбужденъ вопросъ о регламентаціи проституціи. Докладчица по этому вопросу высказала мнѣніе, что положеніе дѣлъ не измѣнится до тѣхъ поръ, пока всѣмъ будутъ руководить взгляды мужчины. Необходимо возстановить равновѣсіе и поставить женщину рядомъ съ мужчиной, дать ей одинаковыя права, для того, чтобы ея взгляды служили противовѣсомъ. Только тогда возможно будетъ всестороннее обсужденіе этого важнаго въ соціальномъ отношеніи вопроса, когда въ парламентѣ будутъ принимать участіе женщины; въ противномъ же случаѣ всякое сюда относящееся законодательство будетъ носить односторонній характеръ.

Относительно этого вопроса конгрессъ выказалъ полное единодушіе, и рѣчь

докладчицы была покрыта сочувственными аплодисментами, вслѣдъ за которыми была вотирована резолюція, требующая расширенія избирательныхъ правъ женщинъ и участія ея въ парламентскихъ выборахъ. Кромѣ того, конгрессъ постановилъ резолюцію объ организаціи норвежскаго женскаго совѣта.

Причины войнъ. Общество мира въ Соединенныхъ Штатахъ опубликовало статистику войнъ со временъ Константина Великаго, распредѣляя войны по ихъ происхожденію и причинамъ. Получилась слѣдующая таблица:

Войны, имѣвшія цѣлю увеличеніе территоріи	44
Войны съ цѣлю взиманія дани	22
Войны съ цѣлю репрессалій	24
Войны, вызванныя вопросами чести и прерогативъ	8
Войны, вызванныя территоріальными спорами	6
Войны, мотивированныя династическими претензіями	41
Войны съ цѣлю вѣншательства	31
Войны, вызванныя борьбою политическихъ вліаній	23
Войны коммерческія	5
Войны гражданскія	55
Войны религіозныя, включая крестовые походы противъ турокъ и еретиковъ	28

Въ эту таблицу вошли только историческія войны. Экспедиціи противъ разныхъ дикихъ народовъ, повиднмому, слишкомъ многочисленны, и поэтому ихъ трудно было регистрировать. Но благодаря этому исключенію безчисленнаго множества военныхъ экспедицій, цифра войнъ за періодъ 16 вѣковъ получилась весьма небольшая. Миротлюбивые американцы приходятъ, на основаніи этой таблицы къ довольно оптимистическимъ выводамъ, но нѣкоторые изъ серьезныхъ американскихъ органовъ критикуютъ эти выводы. Во всякомъ случаѣ, ужъ одно исключеніе изъ этой таблицы разныхъ военныхъ экспедицій, которыя не считаются войнами, но въ сущности носятъ тотъ же самый характеръ, составляетъ большой пробѣлъ. Такого рода экспедиціи еще скорѣе указываютъ на развитіе воинственнаго духа, нежели большія войны. Одинъ изъ американскихъ журналистовъ говоритъ по этому поводу, что конецъ XIX-го вѣка и начало XX вѣка ознаменовались большими кровопролитіями. Бровъ лилась повсюду, и если большинство этихъ кровопролитныхъ столкновеній и не могутъ быть подведены подъ извѣстную рубрику, то, во всякомъ случаѣ, они указываютъ на присутствіе и развитіе воинственнаго духа націй. Очень часто тѣ причины, которыя выставляются официально какъ поводъ къ войнѣ, въ дѣйствительности служатъ лишь для прикрытія истинныхъ причинъ и стремленій. Въ прошломъ было больше войнъ, въ настоящемъ больше военныхъ экспедицій. Можно ли это считать признакомъ развитія миротлюбія въ современномъ человѣчествѣ? Американское общество мира отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно и считаетъ несомнѣннымъ признакомъ прогресса то, что гражданскія войны, столь многочисленные въ прошломъ, съ теченіемъ времени возникаютъ все рѣже и рѣже.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Статья Д. Роша о Рѣпинѣ.—Жестокости американцевъ.—Положеніе въ Испаніи.—
Трестъ разоруженія.

Въ іюньской книжкѣ французскаго журнала «Revue Illustrée» помѣщена весьма обстоятельная статья г. Дениса Роша объ И. Е. Рѣпинѣ, со снимками съ его наиболѣе извѣстныхъ картинъ и бюста (какъ извѣстно, единственнаго въ своемъ родѣ) гр. Л. Н. Толстого. Въ сжатыхъ, но сильныхъ и мѣткихъ выраженіяхъ авторъ характеризуетъ особенности многосторонняго таланта нашего великаго художника, котораго онъ называетъ неподобнымъ работникомъ (un ouvrier magistral), замѣчая, что со времени появленія «Бурлаковъ» вопросъ о томъ, достигнуть ли русскіе такой же оригинальности въ изобразительныхъ искусствахъ, которой они уже достигли въ литературѣ, былъ сразу рѣшенъ утвердительно: живопись догнала литературу. При оцѣнкѣ отдѣльныхъ произведеній Рѣпина, авторъ считается съ мнѣніями русскихъ критиковъ, обнаруживая значительную начитанность въ современной русской литературѣ. Тѣмъ удивительнѣе нѣкоторый промахъ, допущенный имъ, при разъясненіи послѣдней картины Рѣпина—«Искушеніе»: фразу, какъ извѣстно, приведенную художникомъ въ славянскомъ текстѣ—«иди за Мною, сатана», французскій критикъ толкуетъ, какъ «остроумный варіантъ» на тему объ искушеніи Христа сатаною, и переводитъ ее: «*слѣдуй за Мною, сатана* (Suis moi, satan!)». Въ оправданіе этого недосмотра г. Роша можно, правда, напомнить, что славянской текстъ ввелъ въ заблужденіе и многихъ русскихъ журналистовъ и даже вызвалъ газетную полемику, въ которую пришлось виѣшаться и самому художнику. Слѣшнимъ прибавить, что г. Рошъ уже имѣлъ не одинъ случай выказать свое основательное знаніе и пониманіе русскаго языка, выступивъ талантливимъ переводчикомъ по-французски произведеній Ант. Чехова, Вл. Короленко, М. Горькаго и др. Недавно исполненъ имъ и переводъ знаменитой брошюры А. Ө. Бони о докторѣ Гаазѣ (въ журналѣ «Le Carnet», Paris, Emile Paul, editeur).

Общественное мнѣніе американскаго союза сильно взволновано разоблаченіями дѣйствій американскихъ солдатъ на Филиппинахъ. Слѣдствие обнаружило такіе факты, которые невольно вызываютъ содроганіе. Американскіе солдаты и офицеры совершали на Филиппинахъ жестокости, достойныя среднихъ вѣковъ, и хотя они и стараются оправдать себя тѣмъ, что имѣли дѣло съ туземцами, которые также совершали жестокости и поэтому репрессаліи были необходимы, тѣмъ не менѣе общественная совѣсть возмущается и требуетъ примѣрнаго наказанія виновныхъ.

Въ удивленію, европейская печать какъ-то мало обратила вниманія на эти факты, лежащіе пятномъ на цивилизованное человѣчество, и въ европейскихъ газетахъ лишь вскользь упоминалось о поступкахъ американскихъ воиновъ, вводившихъ методы инквизиціи въ современную войну, но въ Соеди-

ненныхъ Штатахъ они все-таки вызвали взрывъ негодованія. «Избіеніе индѣйцевъ дальняго Запада (Far West) — говоритъ по этому поводу «*Revue des Revues*», представляетъ въ анналахъ американской исторіи такую печальную страницу, которую, по замѣчанію одного изъ безпристрастныхъ историковъ той эпохи (Dunn), нельзя читать безъ слезъ, и чтеніе этихъ страницъ должно вызывать краску стыда на лицѣ каждаго гражданина Соединенныхъ Штатовъ. Факты, которые произошли на Филиппинахъ, принадлежать къ тому же разряду, точно у потомковъ Пенна, Вашингтона и Франклина сохранилась привычка поступать подобнымъ образомъ. Такіе поступки ложатся пятномъ на честь американской арміи и останутся такими же неизгладимыми, какъ и тѣ, которыми ознаменовалась война съ краснокожими. Они указываютъ кромѣ того, что для нѣкоторыхъ людей, опьяненныхъ запахомъ пороха, прогрессъ, право и человѣчество становятся пустымъ звукомъ, какъ только начинается война. Эта теорія, хотя и несовмѣстная съ цивилизаціей, оправдывается на каждомъ шагѣ. Не только на Филиппинахъ, но въ Африкѣ, въ Конго, въ области Чада, въ Трансваалѣ, а также въ Китаѣ, солдаты грабили, убивали и истязали со всею жестокостію разнузданнаго звѣря въ человѣкѣ. Совершая утонченныя жестокости и низкіе поступки, люди оправдываютъ ихъ тѣми особенными условіями, которыя создаютъ традиціи войны. Война пробуждаетъ въ человѣкѣ дикую жестокость, которую сдерживали общественныя требованія во время мира. Принципы доброты и справедливости уступаютъ мѣсто непримиримой ненависти къ врагу, сопротивленіе котораго считается нужнымъ сломить во что бы то ни стало, какимъ бы то ни было способомъ. Философы пробовали возставать противъ такихъ воззрѣній, но ничего не могли сдѣлать до сихъ поръ».

Въ мартѣ 1901 г. въ американской газетѣ «Northampton Herald», издающейся въ Массачусетсѣ, появилось письмо сержанта Ролея, рассказывавшаго о «пыткѣ водой», которой былъ подвергнутъ предводитель одного племени тагаловъ на островѣ Панаѣ. «Онъ не хотѣлъ отвѣчать на наши вопросы,—пишетъ сержантъ. Его связали, повалили на спину и потащили къ колодезю. Тамъ ему начали вливать воду въ ротъ, который насильственно держали открытымъ, въ то время какъ одинъ изъ насъ растиралъ ему животъ, чтобы онъ не умеръ во время этой операціи. Это ему развязало языкъ. Старый «плутъ» скоро попросилъ пощады и сознался. Когда его снова допросили и потребовали отъ него болѣе точныхъ указаній, то пришлось опять закатить ему вторичную порцію воды, чтобы добиться отъ него свѣдѣній. Въ воду бросали соли, чтобы сдѣлать ее болѣе дѣйствительной...»

Это письмо сержанта Ролея обошло всю американскую печать. Вождь, котораго подвергли пыткѣ, пользовался уваженіемъ своего племени и притомъ былъ уже старъ. Отъ него хотѣли узнать число инсургентовъ въ округѣ, количество оружія у нихъ и позиціи, которыя они занимаютъ. Сержантъ, описывавшій это, повидимому, находилъ вполнѣ естественнымъ такіе поступки и называлъ «дѣйствительнымъ» такой способъ веденія войны. Вслѣдъ за письмомъ сержанта Ролея появились въ газетахъ письма другихъ американскихъ

солдаты, подтверждавших такой взгляд на войну. Авторы этих писем описывали жестокости и пытки, которым американцы подвергали несчастных туземцев. «Я был свидетелем болѣе двадцати разъ примѣненія пытки водой,—разсказываетъ другой сержантъ.—Я видѣлъ, какъ вливали туземцу отъ двухъ до трехъ ведеръ воды и тѣло его распухало на глазахъ, становясь вдвое или втрое больше своего нормальнаго объема, затѣмъ человека катали, чтобы вылить изъ него воду и послѣ этого возобновляли пытку. Туземецъ, конечно, сопротивлялся и солдаты зачастую раздирали ему ротъ до крови, насильственно вставляя горлышко отъ разбитой бутылки, служившее воронкой? По окончаніи пытки плѣнниковъ обыкновенно разстрѣливали, и если казнь происходила внѣ города, среди холмовъ, то трупъ казненнаго предоставляли собакамъ...»

Сержантъ, кромѣ того, разсказывалъ въ своемъ письмѣ о нападеніи на опустѣлую деревню, гдѣ были найдены только семь стариковъ, которые и были разстрѣляны. Американское военное министерство положила эти оба письма въ папку и не дало имъ никакого хода. Разоблаченіе подобныхъ фактовъ считается антинаціотичнымъ поступкомъ. Но число писемъ, полныхъ ужасающихъ подробностей пытокъ, возрастало, такъ что, въ концѣ концовъ, нельзя было оставить ихъ безъ вниманія. Однако, военное министерство все-таки колебалось, пока не вмѣшался президентъ Рузвельтъ, потребовавшій, чтобы было произведено серьезное разслѣдованіе. Военное правосудіе должно было подчиниться волѣ президента, и нѣсколько офицеровъ были препровождены въ военный судъ, который, однако, оказался простою комедіей. Между прочимъ, въ числѣ обвиняемыхъ находился майоръ Воллеръ, который безъ всякаго суда разстрѣливалъ и истреблялъ туземцевъ. На судѣ онъ привелъ въ свое оправданіе слѣдующее:

«Подъ моею командою находились пятьдесятъ человекъ и я вмѣстѣ съ ними производилъ рекогносцировки внутри острова. Мы сильно страдали. Десять человекъ не выдержали изнуренія и скончались, нѣкоторые сошли съ ума подъ вліяніемъ палящаго солнца. Дѣйствительно, мы убивали туземцевъ, но вѣдь они не хотѣли указать намъ, гдѣ мы можемъ найти съѣстные припасы... Мы были вынуждены обращаться сурово съ туземцами. Во многихъ случаяхъ намъ приходилось привязывать ихъ къ дереву и примѣнять къ нимъ «прогрессивное наказаніе»...

Это «прогрессивное наказаніе» заключалось въ томъ, что разъ или два въ день въ привязанныхъ стрѣляли, направляя выстрѣлы въ руки или ноги. Это было медленное истязаніе. Раненый такимъ образомъ человекъ мучился иногда нѣсколько дней и умиралъ. Майоръ Воллеръ говорилъ о такомъ способѣ слѣдующее: «Это было жестоко, но необходимо. Притомъ же намъ было приказано не проявлять состраданія. Генералъ Смитъ далъ мнѣ инструкціи грабить и поджигать. «Чѣмъ больше вы будете убивать, тѣмъ болѣе я буду доволенъ», сказалъ онъ. Я не долженъ былъ брать въ плѣнъ и долженъ былъ распространять опустошенія въ Самарѣ, обращая его въ ужасную пустыню. Я спросилъ генерала Смита, долженъ ли я щадить подростковъ и въ какомъ возрастѣ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Не щадить никого старше десяти лѣтъ». Я пере-

далъ это приказаніе капитану Портеру, прибавивъ, что «невозможно превращать войну въ избіеніе женщинъ, дѣтей и стариковъ».

Однако, майоръ Воллеръ все-таки убивалъ, такъ какъ этого требовала военная дисциплина.

Военный совѣтъ оправдалъ майора Воллера и поручика Дая, который служилъ подъ его начальствомъ. Противъ такого приговора протестовалъ только одинъ человѣкъ въ военномъ мірѣ — генералъ Чэффи, руководившій филиппинскою экспедиціею. Чэффи призналъ, что майоръ Воллеръ находился во время самарскихъ избіеній въ такомъ нравственномъ и физическомъ состояніи, которое до нѣкоторой степени дѣлало его невмѣняемымъ. Притомъ же онъ уступилъ приказаніямъ генерала Смита и давленію своихъ солдатъ только тогда, когда изхорадка довела его до иступленія. Разумѣется, эти обстоятельства смягчаютъ его вину, но все-таки полное оправданіе является, по мнѣнію генерала Чэффи, крупною ошибкой со стороны военного совѣта.

Президентъ Рузвельтъ потребовалъ препровожденія въ военный совѣтъ генерала Смита. Это было сдѣлано. Но военный совѣтъ оправдалъ и его!

Филиппинская кампанія еще не кончена, несмотря на всѣ увѣренія американской желтой прессы, возвѣстившей побѣду. Президентъ филиппинской комиссіи Шхорманъ высказываетъ слѣдующій взглядъ на положеніе дѣлъ: «Вы не найдете во всемъ архипелагѣ ни одного филиппинца, — говоритъ онъ, — который бы относился благопріятно къ колоніальному преобладанію Соединенныхъ Штатовъ. Если филиппинцы убѣдятся въ томъ, что наши джинго и имперіалисты служатъ выразителями взглядовъ американскаго народа, то они поступать, какъ буры, и будутъ сражаться до послѣдней крайности. При такихъ условіяхъ наша побѣда должна будетъ повести за собою полное истребленіе. Филиппинцы единодушно требуютъ независимости. Филиппинцы-христіане на Люсонѣ и Визайскихъ островахъ составляютъ шесть съ половиною милліоновъ. Прежде они дѣлились на общины, которыя соперничали между собой, но теперь, подъ вліяніемъ послѣднихъ войнъ, они прочно соединились, и національное сознаніе, только недавно пробудившееся у нихъ, громко и непрестанно требуетъ независимости. Они имѣютъ всѣ права на это и, благодаря своему теперешнему единенію, могутъ добиться независимости. Въ образованномъ классѣ филиппинскаго общества найдется столько же просвѣщенныхъ людей и хорошихъ политиковъ, какъ и въ другихъ странахъ Европы и Америки. У этой христіанской демократіи есть уже намѣченные вожди. Американцы же не могутъ быть у себя дома демократами, а въ малайской землѣ деспотами!»

Въ числѣ людей, протестующихъ противъ американской политики на Филиппинахъ, находится, между прочимъ, и знаменитый милліардеръ Эндрю Карнеджи. Онъ громко высказывается въ пользу независимости Филиппинъ. «Блакою славою покрыла бы себя американская нація въ исторіи, еслибъ она основала на Филиппинахъ первую республику Востока!» восклицаетъ онъ. Но, къ сожалѣнію, Карнеджи не занимаетъ никакого мѣста ни въ военномъ департаментѣ Соединенныхъ Штатовъ, ни въ политическомъ мірѣ.

«North American Review» печатаетъ статью о положеніи въ Испаніи. По мнѣнію автора статьи, Брукса, Испанія не можетъ найти спасенія въ обыкновенномъ конституціонномъ правительствѣ и никакое измѣненіе партій не принесетъ пользы народу. Конституціонализмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ Испаніи, представляетъ не что иное, какъ «организованное нападеніе на карманы народа». Заурядный испанецъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ соглашается доставить себѣ безпокойство и принять участіе въ выборахъ. Если онъ принадлежитъ къ образованному классу, то смотритъ на политиковъ съ недовѣріемъ, а если это крестьянинъ или мелкій торговецъ, то онъ видитъ въ выборахъ, не болѣе какъ предлогъ, которымъ пользуется полиція, чтобы причинить ему непріятности.

Испанія въ настоящее время стремится къ децентрализаціи. Это требованіе имѣетъ практическое значеніе, такъ какъ промышленные каталонцы, составляющіе всего одну десятую часть населенія Испаніи, вынуждены платить четверть всѣхъ налоговъ. По сравненію съ каталонскимъ движеніемъ карлистское движеніе сущій вздоръ. Въ настоящее время испанское дворянство покинуло карлизмъ и онъ сдѣлался жертвою религіозныхъ и финансовыхъ спекуляторовъ. Правительство все-таки достаточно сильно для того, чтобы карлистское возстаніе не могло имѣть успѣха. Но единственнымъ элементомъ, придающимъ все-таки значеніе карлистскому движенію, служитъ то, что карлисты поддерживаютъ децентрализацію и автономію провинцій. Главную опасность для Испаніи представляетъ экономическое недовольство, которое можетъ привести къ возстанію. Авторъ не думаетъ, чтобы династія въ Испаніи держалась крѣпко. Королева-регентша не привлекла къ себѣ испанскихъ сердецъ, а король слишкомъ юнъ и ничего о немъ неизвѣстно. Династія, во всякомъ случаѣ, сдѣлала большую ошибку, вступивъ въ союзъ съ клерикалами. По мнѣнію автора, судьба Испаніи находится въ рукахъ генераловъ, и армія является рѣшающимъ факторомъ. Въ настоящее же время армія воплощается въ образѣ генерала Вейлера, который и является настоящимъ «господиномъ положенія», какимъ нѣкогда былъ маршалъ Примъ. Генералъ Вейлеръ богатъ и энергиченъ; въ противоположность большинству испанцевъ, онъ говоритъ мало, но много дѣлаетъ, поэтому легко можетъ провозвести вторичное бѣгство Бурбоновъ и появленіе генерала Вейлера въ образѣ военнаго диктатора. Очень возможно, что это будетъ лишь временное разрѣшеніе вопроса, но все-таки можно допустить и другой исходъ, и «pronunciamento» превратитъ Испанію въ полуввоенную республику, достаточно сильную, чтобы подавить всякія попытки къ возстанію, гарантирующую провинціальную автономію и заботящуюся о матеріальномъ развитіи страны. При такихъ только условіяхъ положеніе Испаніи можетъ окрѣпнуть. Во всякомъ случаѣ, въ данный моментъ кризисъ надвигается, и разрѣшеніе его неизбежно.

Въ «Atlantic Monthly» напечатана остроумная шутка подъ заглавіемъ «The Disarmament Trust» (Трестъ разоруженія), въ которой рассказывается, какъ Питеру Моргану удалось добиться всеобщаго разоруженія на чисто дѣловыхъ «миръ всѣмъ», № 8, августъ. отд. II.

основаніяхъ. Разумѣется, дѣйствіе происходитъ въ будущемъ. Въ 1903 году, когда всѣ европейскіе курорты были обращены въ синдикатъ, организованный и финансируемый Питеромъ Морганомъ, этотъ послѣдній встрѣтился въ Гамбургѣ со Стэдомъ и наложилъ ему свой планъ организаціи великаго международнаго «трѣста разоруженія». Въмѣсто того, чтобы устроить новую конференцію въ Гаагѣ, Морганъ пригласилъ всѣхъ нужныхъ ему монарховъ, уполномоченныхъ, генераловъ и адмираловъ на пароходѣ «Deutschland», который былъ названъ имъ «Allgemeines Land» (Всеобщая земля), и поплылъ съ ними въ нейтральныя и тихія воды Саргассова моря. Тамъ онъ угощалъ ихъ превосходными обѣдами и затѣмъ изложилъ имъ свой планъ такого распредѣленія территорій, оккупированныхъ или свободныхъ, которое уничтожило бы всѣ препятствія ко всеобщему разоруженію. «Мой главный клеркъ,—сказалъ Морганъ,—уже составилъ меморандумъ насчетъ правильнаго и обязательнаго распредѣленія острововъ, провинцій, протекторатовъ, антерландовъ и сферъ вліянія, и тогда будетъ устранено единственное величайшее препятствіе ко всеобщему разоруженію. Крѣпости Страсбургъ и Бельфоръ будутъ сохранены какъ историческая рѣдкость, нѣчто въ родѣ музея археологій, а входная плата послужитъ для покрытія процентовъ по военнымъ долгамъ. Ружейные стволы будутъ сплавлены и металл употребленъ для обшивки судовъ. Казармы могутъ быть обращены въ склады и фабрики и «Steel Trust», конечно, будетъ радъ принять отъ державъ большинство изъ нихъ для своихъ потребностей. Что касается военного флота, то вѣдь онъ можетъ быть полезенъ, какъ торговый флотъ. Когда же мои планы достаточно созрѣютъ, то я въ состояніи буду взять флоты всего міра для образованія «корабельнаго трѣста» (Shipping Trust) и дать хорошій барышъ разнымъ націямъ.

«— Но,—возразилъ ему статсъ-секретарь Гей,—какъ же вы думаете совладать съ общественнымъ мнѣніемъ.

«— О!—воскликнулъ Морганъ.—Развѣ вы не знаете нравственнаго вліянія рекламы. Prospectus нашего трѣста разоруженія появится на первой страницѣ всѣхъ руководящихъ газетъ всего міра и увѣрю васъ, что это будетъ самымъ краснорѣчивымъ аргументомъ въ пользу нашего плана».

Планъ Моргана былъ одобренъ и вскорѣ въ нью-йоркскихъ газетахъ появилось объявленіе объ образованіи трѣста съ цѣлью приобрѣтенія армій и флотовъ всѣхъ странъ. «Financial international Disarmament Trust» обладаетъ капиталомъ въ 200.000.000 долларовъ, и любая страна имѣетъ право получить за каждые сто долларовъ своего военного бюджета акцію трѣста. Непосредственнымъ результатомъ этого должно быть образованіе въ каждой странѣ свободнаго капитала, который прежде расходовался для цѣлей національной обороны, и 2¹/₂ милліона годныхъ людей вернутся въ каждой странѣ въ промышленному труду. Трѣстъ постарается устроить такимъ образомъ, чтобы добавочныя акціи выдавались державамъ за каждые 100.000 человекъ распущеннаго войска. Ненужные флоты будутъ куплены по коммерческой расцѣнкѣ.

«Такимъ образомъ, въ виду несомнѣнныхъ выгодъ этого предпріятія,—гласитъ объявленіе—и тѣхъ, которыя будутъ обнаруживаться по мѣрѣ того, какъ

будетъ прогрессировать дѣло разоруженія, мы можемъ рекомендовать публикѣ покупать акціи трѣста разоруженія, цѣнность которыхъ будетъ все возрастать».

И такъ, если въ дѣло вмѣшается Питеръ Морганъ, мечтающій превратить весь міръ въ одинъ грандіозный синдикатъ, то мы можемъ надѣяться, что идея разоруженія будетъ осуществлена, но, также какъ и всѣ его затѣи, она осуществится на коммерческихъ основаніяхъ.

Борьба за національность.

(Письмо изъ Берлина).

I.

Однимъ изъ сложѣйшихъ и наиболѣе жгучихъ вопросовъ германской или, точнѣе, прусской политики является такъ называемый вопросъ польскій. Почти цѣлое столѣтіе (съ 1815 г.) Пруссія владѣетъ польскими провинціями, почти столѣтіе она старается обратить мятежныхъ поляковъ въ добрыхъ и мирныхъ пруссаковъ—цѣли своей она еще далеко не добилась. Скорѣй наоборотъ. Многіе склонны думать, что Пруссія своей неумѣлой, то въ одну, то въ другую сторону колеблющейся, политикой не только не уменьшила, а скорѣе увеличила существующій антагонизмъ. Польское населеніе, увѣряютъ они, не германизировалось, а еще интенсивнѣе прежняго чувствуетъ свою національную обособленность, еще энергичнѣе стремится къ достиженію самостоятельнаго національнаго и политическаго существованія. И дѣйствительно, послѣднія событія, напумпѣвшій во всемъ цивилизованномъ мірѣ врешенскій процессъ, демонстраціи по поводу него во Львовѣ и Варшавѣ, демонстрація въ берлинскомъ университетѣ противъ враждебнаго полякамъ нѣмецкаго историка, усиленный бойкотъ нѣмецкихъ фабрикатовъ—всѣ эти и многіе другіе факты даютъ право думать, что Польша еще не умерла.

Польское населеніе Пруссіи насчитываетъ всего около трехъ милліоновъ человѣкъ. Эти три милліона живутъ главнымъ образомъ на восточной окраинѣ прусскаго королевства, населяя провинціи Познань, западную Пруссію, восточную Пруссію и Верхнюю Силезію. Исторія этихъ провинцій и ихъ населенія не одинакова, неодинаковы также и ихъ религіозныя, національныя и соціальныя традиціи. Раньше другихъ подъ владычество нѣмцевъ попала Силезія и теперь она почти вполнѣ нѣмецкая провинція. Польское населеніе говоритъ тамъ на такъ называемомъ «водянистомъ» польскомъ жаргонѣ (Wasserpolnisch)—смѣсь польскаго языка съ нѣмецкимъ. Дворянства тамъ почти вовсе нѣтъ, главный контингентъ составляютъ крестьяне.

Протестантизмъ является господствующимъ исповѣданіемъ, что служитъ къ увеличенію розни между поляками-протестантами Верхней Силезіи и поляками католиками Познани и западной Пруссіи. Однако и здѣсь подъ вліяніемъ довольно энергичной агитаціи и вслѣдствіе давленія со стороны нѣмецкаго на-

селенія и неудачныхъ «мѣропріятій» правительства, національное самосознаніе обостряется и антагонизмъ между нѣмецкой и польской народностями съ каждымъ днемъ растетъ. Также незначительно пока польское движеніе въ *Восточной Пруссіи*. Здѣшніе мазуры, потомки прежняго польскаго населенія, какъ и верхне-силезцы, исповѣдуютъ преимущественно протестантизмъ и почти не теряли національную связь съ польской народностью.

Но если въ упомянутыхъ раньше прусскихъ областяхъ польское движеніе еле чувствуется, то нельзя того же сказать объ остальныхъ двухъ восточныхъ провинціяхъ, Западной Пруссіи и Познани. Здѣсь мы находимъ центральный очагъ польскаго движенія и главное поле ожесточенной войны нѣмецкой и польской національностей. Здѣсь сосредоточено большинство польскаго населенія, здѣсь оно еще сохранило въ чистотѣ свой языкъ, здѣсь оно еще живо сознаетъ свои историческія традиціи, свою польскую національность, исповѣдуя вдобавокъ не протестантизмъ, а католицизмъ, что еще болѣе увеличиваетъ рознь между польскимъ католическимъ и нѣмецкимъ протестантскимъ населеніемъ. Къ розни національной присовокупляется рознь на религіозной основѣ и примиреніе противоположныхъ интересовъ становится крайне затруднительнымъ и сложнымъ. Соответственно этому, главное вниманіе прусскаго правительства, главныя заботы его въ смыслѣ германизациі направлены именно на эти двѣ провинціи. Если здѣсь удастся задушить гадру колонизма, то тогда ужъ не трудно будетъ справиться съ слабыми національными теченіями въ остальныхъ частяхъ королевства.

Что же дѣлаетъ прусское правительство для достиженія своихъ цѣлей, какія мѣры предпринимаетъ оно, чтобы изъ польскихъ націоналистовъ, враговъ всего нѣмецкаго, въ особенности всего прусскаго, сдѣлать вѣрныхъ прусскому трону подданныхъ, обратить поляковъ въ друзей нѣмецкой культуры, заставить ихъ бросить мысль о возрожденіи польской самостоятельности?

II.

Le styl, говорятъ, c'est l'homme. Для цѣлой націи языкъ составляетъ то же, что для отдѣльнаго лица стиль. Языкъ—это стиль націи. Это не значитъ, конечно, что онъ составляетъ необходимое условіе національной принадлежности. Евреи различныхъ странъ говорятъ на различныхъ языкахъ, что не мѣшаетъ, однако, и имъ самимъ, и ихъ гонителямъ считать всѣ разбросанныя части чѣмъ-то единымъ, еврейской націей, еврейскимъ народомъ. Но чѣмъ бы ни опредѣлялась принадлежность людей къ той или другой націи—несомнѣнно, что языкъ также играетъ въ этомъ не послѣднюю роль. Несомнѣнно также, что этотъ языкъ дорогъ для каждого члена націи и онъ не легко отъ него откажется. Въ особенности если приходится отказаться не по собственной волѣ, а въ силу давленія извнѣ, со стороны другой господствующей національности. Вотъ почему всѣ мѣры прусскаго правительства стѣснить употребленіе польскаго языка встрѣчаютъ рѣзкій отпоръ со стороны поляковъ.

Въ общемъ, прусскіе поляки обладаютъ правомъ употреблять свой языкъ,

когда и где имъ заблагоразсудится. Но, благодаря различнымъ административнымъ предписаніямъ, это право значительно ограничивается. Полякамъ разрѣшено, напримѣръ, говорить на польскихъ собраніяхъ по-польски, но полиція часто подъ предлогомъ непониманія наблюдающими чинами польскаго языка (въ Пруссіи, какъ извѣстно, каждое публичное политическое собраніе происходитъ подъ наблюденіемъ одного или двухъ полицейскихъ чиновъ) распускаетъ такія собранія. Полиція поступаетъ такъ, несмотря на то, что высшая судебная инстанція нѣсколько разъ высказалась въ томъ смыслѣ, что по закону такіе поводы для распушенія собранія недопустимы. Поэтому прусскіе шовинисты («гакатисты» на здѣшнемъ жаргонѣ) требуютъ, чтобы существующее законодательство было измѣнено и на мѣсто толерантности былъ поставленъ принципъ нетерпимости, чтобы на публичныхъ польскихъ собраніяхъ польскій языкъ *по закону* уступилъ мѣсто нѣмецкому. При существующемъ положеніи вещей, при наличности данной парламентской комбинаціи и настроеніи монарха, такіе проекты невозможны. Намъ ничуть не удивить, если въ ближайшую сессію такой проектъ будетъ внесенъ на обсужденіе ландтага и будетъ принятъ парламентскимъ большинствомъ.

Не меньшее раздраженіе и недовольство возбуждаетъ въ польской средѣ обученіе польскихъ дѣтей на нѣмецкомъ языкѣ. Поляки увѣряютъ, что дѣти не понимаютъ этого языка, что имъ мучительно трудно заниматься такимъ неестественнымъ образомъ и что школа для польскихъ дѣтей является поэтому не храмомъ просвѣщенія, а инквизиторскимъ застѣнкомъ. Въ особенности сильное впечатлѣніе производитъ на поляковъ стремленіе прусскаго министерства народнаго просвѣщенія вводить и преподаваніе Закона Божьяго на нѣмецкомъ языкѣ. Эти стремленія дали матеріалъ для извѣстной врешенской вспышки. По совѣту родителей, дѣти отказались отъ урока Закона Божьяго. Тогда учитель подвергъ ихъ общей поркѣ. Возмущенные родители и родственники наказанныхъ дѣтей цѣлой толпой явились въ школу и оскорбили учителя. Въ результатъ громкій судебный процессъ, въ которомъ 24 человѣка присуждены къ тюремному заключенію отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до 2½ лѣтъ. Процессъ и приговоръ вызвали во всемъ польскомъ народѣ взрывъ негодованія и въ различныхъ мѣстахъ были устроены демонстраціи противъ прусскаго режима. Устроили подписку для осужденныхъ и въ короткое время было собрано свыше 100.000 марокъ. Въ парламенты поступили запросы правительству и послѣднему пришлось выслушать не мало сомнительныхъ комплиментовъ. Нужно согласиться, что правительство ихъ заслужило. Какъ бы ни относиться къ религіи, но несомнѣнно, что для вѣрующаго это одна изъ интимнѣйшихъ и наиболѣе дорогихъ сторонъ душевной жизни. И понятно, что всякому вѣрующему отцу и всякой вѣрующей матери (а таковыхъ большинство среди польскаго крестьянства и мѣщанства) должно быть неизмѣримо тяжело отъ того, что, благодаря безтолковому преподаванію на непонятномъ для дѣтей нѣмецкомъ языкѣ, дорогія слова молитвы и священнаго писанія въ дѣтской головкѣ принимаютъ какой-то непостижимо дикій смыслъ и значеніе. Одинъ польскій депутатъ приводилъ въ ландтагѣ нѣсколько интересныхъ слу-

чаевъ такого коверканія. «Сегодня, мама,—говорить дитя своей матери,—мы учили на память нѣсколько нѣмецкихъ словъ: во имя Отца, Сына, скрипки». Скрипка по-нѣмецки Geige, и ребенокъ смѣшалъ это слово со словомъ «Духъ»—Geist или, быть можетъ, «святой»—heilige. Другой ребенокъ, придя изъ школы домой, рассказалъ, что учитель объяснилъ имъ сегодня, какъ Матерь Божія сидѣла въ тюрьмѣ! Отсюда понятны жалобы одной обвиняемой въ вреншенскомъ процессѣ. Предсѣдатель суда спрашиваетъ ее, не все ли равно, на какомъ языкѣ дитя обучается Закону Божьему. «О, нѣтъ!—отвѣчаетъ она.—Дѣти не понимаютъ Закона Божьего на нѣмецкомъ. Въ этомъ я убѣдилась на своихъ. Религія для насъ, бѣдныхъ людей, вся наша радость, все счастье наше, наше богатство, все, все, вся наша надежда на лучшее будущее.

«Когда раньше дѣтей обучали по-польски,—продолжала она,—я знала, чему они учились. И наибольшей радостью для меня было вечеромъ поговорить съ дѣтьми о томъ, чему ихъ учили изъ катехизиса и священной исторіи. Сердце прыгало у меня отъ радости.

«Дѣти все хорошо понимали и я также. Теперь ни я, ни дѣти не понимаемъ того, чему ихъ учать».

III.

Борьба нѣмецкой и польской національностей не ограничивается областями языка и школы. Съ еще болѣшимъ ожесточеніемъ она ведется на экономической почвѣ. Крупнѣйшей мѣрой въ этой области является выкупъ польскихъ земель и перепродажа ихъ въ нѣмецкія руки. При Бисмаркѣ въ 1886 г. была образована такъ называемая «колонизаціонная коммиссія» (Ansiedelungskommission), въ распоряженіе которой былъ предоставленъ фондъ въ 100 милліоновъ марокъ. Слѣдующіе 100 милліоновъ были предоставлены этой коммиссіи въ 1898 году и, наконецъ, въ нынѣшнемъ 1902 г. правительство потребовало и получило для коммиссіи отъ ландтага дальнѣйшіе 250 милліоновъ. Всѣ эти деньги идутъ «на укрѣпленіе нѣмецкаго элемента въ провинціяхъ Познани и Западной Пруссіи», что должно совершиться посредствомъ «поселенія (въ этихъ провинціяхъ) нѣмецкихъ крестьянъ и рабочихъ». Для этой цѣли коммиссія слѣдитъ за мобилизаціей польскихъ земель и, гдѣ возможно, старается приобрести продаваемые съ аукціона польскія имѣнія. Затѣмъ эти земли предоставляются нѣмецкимъ крестьянамъ, привознымъ обыкновенно изъ западныхъ, чисто нѣмецкихъ областей Германіи.

Шестнадцатилѣтній періодъ дѣятельности колонизаціонной коммиссіи далъ въ результатѣ совершенно неожиданные итоги. Неожиданные собственно для тѣхъ, кто затѣялъ всю эту антипольскую кампанію. Для болѣе вдумчивыхъ и дальнозоркихъ эти результаты оказались совершенно естественнымъ слѣдствіемъ проводимыхъ мѣропріятій. Произошло собственно вотъ что. Когда на аграрный рынокъ была брошена первая, а затѣмъ вторая сотня милліоновъ, предназначенная специально для покупки земель и земель исключительно польскихъ, то естественно, что цѣны на эти земли поднялись въ гору. Ибо что

означали эти сотни миллионъвъ? Они означали увеличеніе спроса при неизмѣнномъ предложеніи. Такое положеніе вещей всегда ведетъ къ повышенію цѣнъ данныхъ предметовъ, что сказалось также и въ данномъ случаѣ. Имѣніе, стоящее раньше, скажемъ, 10.000 руб., отчуждалось теперь владѣльцемъ за 12—15 и болѣе тысячъ. Почти обанкротившійся польскій помѣщикъ, готовый продать свою землю за нившую цѣну, получалъ теперь за нее высшую. Въ то же время цѣна земли нѣмецкихъ аграріевъ оставалась на томъ же уровнѣ, что и раньше. Польскій помѣщикъ, продавшій свою землю за высшую цѣну, могъ приобрести теперь такое же имѣніе у обанкротившагося сосѣда-нѣмца за цѣну ниже той, которую онъ получалъ самъ за свое имѣніе. Такимъ образомъ, благодаря комиссіи, онъ получалъ такое же имѣніе, какое имѣлъ раньше да вдобавокъ у него еще оставались капиталы для дальнѣйшаго хозяйничанья и для уплаты долговъ. Въ результатѣ такой удивительно хитрой политики прусскаго правительства оказалось, что польскій элементъ въ восточныхъ провинціяхъ не ослабѣлъ, а усилился, что вмѣсто того, чтобы сумма польскихъ земель уменьшилась, она увеличилась. По официальнымъ даннымъ, «нѣмецкая рука» потеряла за послѣднія пять лѣтъ 31.000 гектаровъ (гектаръ == $\frac{1}{12}$ десятины), несмотря на то, что въ то же время комиссія приобрѣла 164.494 гектаровъ. И прусское правительство, огорченное неудачей своей хитро задуманной политики, требуетъ для поправленія своего горя... еще 250 миллионъвъ. Клинь вышибаютъ клиномъ, и прусское правительство не задумывается одну глупость исправить посредствомъ другой большаго размѣра.

IV.

Помимо правительства, нѣкоторые элементы нѣмецкаго общества самостоятельно, за свой собственный рискъ, предприняли походъ противъ польскаго врага. Въ 1894 году основался, съ одобренія Бисмарка, извѣстный союзъ гакатистовъ, названный такъ по начальнымъ буквамъ ихъ основателей: Hausmann'a, Kulemann'a и Tiedemann'a. Слово «гакатистъ» такъ привилось теперь къ нѣмецкому языку, что оно, пожалуй, вскорѣ вытѣснитъ французское «шовинистъ». Союзъ гакатистовъ ставитъ себѣ цѣлью бороться всевозможными средствами съ «польской опасностью». Онъ устраняетъ различныя собранія, пропагандируетъ повсюду необходимость энергичной борьбы съ польскими элементами, старается поддержать нѣмцевъ въ ихъ конкуренціи съ поляками, раздаетъ для этой цѣли всякія ссуды, стипендіи и т. д. Особенно сильно дѣйствующимъ средствомъ является пропагандированіе и организація торгово-промышленнаго бойкота.

«Не покупайте у поляковъ!»—вотъ лозунгъ, который на всякіе лады проповѣдуется союзомъ. Недавно въ газетахъ былъ помѣщенъ интересный документъ, показывающій, какими путемъ союзъ старается воздѣйствовать на нѣмецкую публику. Этотъ документъ, между прочимъ не писанный, а гектографированный, что указываетъ на частоту его употребленія,—былъ присланъ одной берлинской фирмѣ и гласитъ: «М. Г.! Въ здѣшнихъ польскихъ газетахъ

мы находимъ объявленіе Вашей почтенной фирмы. Быть можетъ, оно попало туда помимо Вашей воли, черезъ посредство какого-нибудь *бюро объявленій*. Мы считаемъ поэтому нашей обязанностью просить Васъ взвѣсить ниже приводимыя соображенія и затѣмъ соотвѣтствующимъ образомъ распорядиться.

«Польская политическая пресса, къ которой принадлежитъ каждый польскій органъ, появилась не вслѣдствіе существующей въ ней потребности, а исключительно ради агитаціонныхъ стремленій поляковъ-націоналистовъ. Конечной цѣлью этихъ стремленій является отпаденіе восточныхъ областей Пруссіи и образованіе польскаго государства. Каждый нѣмецъ, помогающій польской прессѣ, посредствомъ ли подписки или же помѣщеніемъ объявленій, поддерживаетъ въ то же время и національно-политическую агитацію, прибѣгающую къ помощи неслыханныхъ по отношенію къ нѣмцамъ выраженій—«*Gazeta Grudziomska*», напр., назвала пруссаковъ «чумой», *Pestluft*—сбьющую ненависть противъ всего нѣмецкаго и стремится экономически и политически погубить защитниковъ нѣмецкой культуры.

«Истинный характеръ польской прессы, читатели которой, между прочимъ, въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ низшимъ, не обладающимъ большими покупными средствами слоямъ народа, очевидно, не очень извѣстенъ въ нѣмецкомъ отечествѣ, ибо иначе господа промышленные дѣятели, купцы и т. д., вѣроятно, не доставляли бы этой прессѣ никакой поддержки. Нѣмецкія газеты вполне достаточны для объявленій и для сбыта товара etc. среди населенія, дѣйствительно обладающаго покупными средствами.

«На основаніи этого, мы очень просимъ Васъ не объявлять впредь въ польскихъ газетахъ. Мы будемъ очень рады, если въ ближайшемъ времени будемъ имѣть возможность услышать, что Ваша фирма полагаетъ важнымъ принадлежать къ числу защитниковъ нѣмецкой культуры.

Намъ неизвѣстно, какъ поступила эта фирма. Но горе ей, если она держится противоположнаго мнѣнія, если она не сочла «важнымъ считаться въ числѣ защитниковъ нѣмецкой культуры!...» Ей пришлось, вѣроятно, тогда выдержать организованный бойкотъ и понести значительные убытки. Поступая такъ, гакатисты, однако, ничуть не стѣсняются изливать свое негодованіе на поляковъ, когда тѣ, въ свою очередь, бойкотируютъ нежелательныя для нихъ предпріятія. Они твердо помнятъ старинную мудрость: *quod licet Iovi, non licet bovi*.

Не ограничиваясь пропагандой посредствомъ собраній, писемъ и т. д., гакатистскій союзъ ежесѣчасно выпускаетъ нумеръ своего журнала, специально посвященнаго травлѣ поляковъ. «*Die Ostmark*»—такъ называется этотъ журналъ—безпрестанно, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ трубитъ о ростѣ «польской опасности», стараясь внушить вліятельнымъ лицамъ необходимость рѣшительной и энергичной борьбы съ польской гидрой. Благодаря этому крику и близости членовъ гакатистскаго союза съ правительственными сферами, имъ удается направлять иногда правительственную политику на путь такихъ обоюдострыхъ мѣръ, какъ уже упомянутая выше колонизаціонная

комиссія. Въ результатѣ получается не желанное примиреніе и ассимиляція, а большій антагонизмъ и ростъ полонизма.

Къ нему-то мы теперь и перейдемъ.

V.

«Какъ аукнется, такъ и откликнется», говоритъ русская пословица. И вѣрные ей поляки стараются надлежащимъ образомъ откликнуться на всякое нѣмецкое «ауканье». На каждое нападеніе со стороны нѣмецкаго общества и нѣмецкаго правительства они стараются отвѣтить тѣмъ же оружіемъ.

Нѣмцы стараются изгнать польскій языкъ изъ публичныхъ собраній и школы—поляки отвѣчаютъ тѣмъ большимъ культивированіемъ своего языка дома, между собой и въ сношеніяхъ съ нѣмцами. Въ виду ихъ большинства въ провинціяхъ это удастся имъ очень легко. Они стараются говорить по-польски даже тогда, когда ихъ собесѣднику трудно понимать этотъ языкъ и когда они сами свободно владѣютъ нѣмецкимъ. «Нѣмцы часто безъ всякой надобности говорятъ съ своими польскими служащими по-польски,—жалуется одинъ прусскій генералъ (между прочимъ, польскій выходецъ),—поляки же никогда не разговариваютъ съ своими рабочими по-нѣмецки даже тогда, когда у нихъ всѣ рабочіе—нѣмцы».

Нѣмцы подвергаютъ польскихъ дѣтей тѣлесному наказанію—польскіе школьники нападаютъ на своего учителя и дубасятъ его палками. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщалось на дняхъ въ газетахъ.

Нѣмцы бойкотируютъ поляковъ—поляки съ тѣмъ большей энергіей и съ несомнѣнно большимъ успѣхомъ бойкотируютъ нѣмецкія предпріятія. «Многіе нѣмцы,—говоритъ тотъ же генералъ,—покупаютъ у поляковъ, послѣдніе никогда, однако, у нѣмцевъ». Это, конечно, немного преувеличено, но все-таки недалеко отъ истины. Поляки бойкотируютъ не только нѣмцевъ, но и поляковъ, которые имѣютъ сношенія съ вѣмецкимъ дѣловымъ міромъ.

Прусское правительство старается выкупить польскія земли—поляки организуютъ собственныя кассы ссудъ, земледѣльческіе банки, различные союзы взаимопомощи и въ результатѣ польскій элементъ и польскія владѣнія не уменьшаются, а увеличиваются. Они бойкотируютъ всякаго поляка, осмѣливающаго продать землю комиссіи и въ своихъ газетахъ клеймятъ ихъ, какъ «измѣнниковъ».

Нѣмцы стараются вытѣснить сильно возрастающее польское среднее сословіе—послѣднее не только не уменьшается, но все больше и больше идетъ впередъ и расширяется. Среднее сословіе вообще является самымъ энергичнымъ и боевымъ элементомъ польскаго народа. Оно болѣе другихъ классовъ защищаетъ національныя традиціи и сильнѣе другихъ протестуетъ противъ всякой ассимиляторской попытки. Стороннему наблюдателю можетъ показаться, что вообще «польскій вопросъ»—это вопросъ о существованіи польскаго мелко-буржуазнаго элемента. Большая подвижность его и болѣе интенсивное стрем-

леніе къ государственной независимости связано у этихъ элементовъ съ общій экономическій кризисомъ средняго сословія. Погибая, или во всякомъ случаѣ, сильно терпя подъ давленіемъ крупнаго капитала своей національности, оно стремится наверстать тераемое въ вытѣсненіи средняго конкурента чуждой національности. Этимъ собственно объясняются такія явленія, какъ антисемитизмъ и сіонизмъ. Въ этомъ главная суть теперешняго польскаго и антипольскаго теченій. Недаромъ же правительственные органы особенно подчеркивали ростъ польскаго средняго сословія. Имперскій канцлеръ, напр., приводилъ въ одной своей рѣчи выписки изъ отчетовъ оберъ-президентовъ Познани и Западной Пруссіи. Въ нихъ указывались данныя, рисующія побѣдное шествіе польскаго средняго сословія, его успѣхи въ смыслѣ вытѣсненія среднихъ слоевъ нѣмецкой національности. Отчетъ познанскаго оберъ-президента отъ 4-го января 1902 года особенно отмѣчаетъ переходъ нѣмецкихъ аптекъ въ польскія руки. Лѣтъ десять тому назадъ изъ 125 существующихъ въ провинціи аптекъ, 98 находилось въ рукахъ нѣмцевъ, остальные 27 въ рукахъ поляковъ. Теперь число аптекъ возросло до 134, но изъ нихъ въ рукахъ нѣмецкихъ аптекарей находится всего 85, поляки же владѣютъ 49. Такимъ образомъ, за десять лѣтъ поляки повысили число своихъ аптекъ на 15%, нѣмцы же столько же % потеряли. Также неблагоприятно положеніе нѣмецкаго ремесла. Въ началѣ прошлаго столѣтія поляки еще не имѣли широко развито ремесленнаго сословія. Только сапожничество имѣло среди нихъ нѣкоторый успѣхъ. Главный контингентъ ремесленниковъ составляли евреи, затѣмъ нѣмцы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ преобладающимъ элементомъ въ ремесленномъ сословіи были нѣмцы. Теперь не то. Хотя, какъ отмѣчаетъ тотъ же отчетъ, по числу нѣмецкіе ремесленники и не уступаютъ польскимъ, но имъ недостаетъ соотвѣтствующаго прироста. Въ строительномъ промыслѣ, лѣтъ десять тому назадъ совершенно нѣмецкомъ, насчитываютъ теперь 133 нѣмецкихъ мастера съ 508 подмастерьями и 131 ученикомъ, противъ которыхъ стоятъ 137 мастеровъ-поляковъ съ 1.212 подмастерьями и 309 учениками. Въ Познани (городѣ) 715 нѣмецкимъ мастерамъ съ 1528 подмастерьями и учениками противустоятъ 1.365 мастеровъ-поляковъ съ 3.686 подмастерьями и учениками.

На ряду съ ремесломъ польское среднее сословіе стремится захватить въ свои руки и торговлю. Крупная торговля пока равносильна какъ въ нѣмецкомъ, такъ и польскомъ лагеряхъ. Совѣтъ другое въ области мелкой. Здѣсь польскій торговецъ, благодаря большимъ связямъ *), имѣетъ гораздо большій успѣхъ въ конкуренціи и число польскихъ мелкихъ предпринимателей растетъ.

О такихъ же успѣхахъ польскаго средняго сословія сообщаетъ и оберъ-

*) Поляки покупаютъ у поляковъ. Нѣмцы остаются поэтому часто безъ покупателей и обанкриваются. Въ виду этого прусское правительство посылаетъ въ лѣта съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ нѣмецкіе гарнизоны. Солдаты и офицеры естественно покупаютъ тогда у нѣмцевъ и поддерживаютъ ихъ въ экономической борьбѣ съ поляками.

президентъ Западной Пруссіи. Число польскихъ адвокатовъ, врачей и аптекарей растетъ постоянно и въ его провинціи. Даже въ Данцигѣ горько жалуется президентъ—число польскихъ врачей и адвокатовъ постоянно увеличивается. Для того, чтобы поставить польское населеніе въ зависимости отъ нѣмецкихъ торговопромышленниковъ, поляки основали въ провинціи большіе торговые дома и потребительныя общества. Они конкурируютъ и очень успѣшно съ нѣмецкими предпріятіями и часто принуждаютъ противную сторону къ сдачѣ: нѣмецъ-торговецъ прекращаетъ свою торговлю и удаляется изъ провинціи. Въ 1873 г. было въ провинціи всего 43 общества съ резервнымъ фондомъ въ 74.396 марокъ и 3.739.302 депозита. Черезъ 28 лѣтъ (1901 году), число обществъ поднялось до 126, которыя владѣли уже 2.869.579 м. резервнаго фонда и 53.559.698 м. депозитнаго.

VI.

Съ перваго взгляда кажется, будто поляки выступаютъ въ борьбу сплошной сомкнутой массой. Кажется, всѣми владѣетъ одна мысль и только,—мысль о необходимости защитить свою національность, сохранить свои историческія традиціи и завоевать свою независимость. Но, присматриваясь ближе, вы замѣчаете, что кажущаяся вначалѣ сплошная масса на самомъ дѣлѣ пестритъ различными партіями, лигами, фракціями и т. д. Всѣ они отстаиваютъ свои особые интересы и борются не только съ германизмомъ, но и другъ съ другомъ. Нѣсколько штриховъ дадутъ вамъ представленіе, если не о всѣхъ, то о нѣкоторыхъ партіяхъ.

Было время, когда главнѣйшую роль въ польскомъ движеніи играла такъ называемая *придворная партія*. Времена измѣнились и она потеряла и свою руководящую роль. Отъ нея отказался народъ, отпали даже бывшіе вожаки ея. Главный контингентъ ея состоитъ изъ представителей высшаго духовенства и крупнаго дворянства.

Въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ она является вполне лойяльной партіей и выражаетъ полную преданность гогенцоллернскому дому. Нѣмцы, однако скептически относятся даже и къ ней и не совсѣмъ довѣряютъ ея лойяльности. Насколько этотъ скептицизмъ основателенъ, судить трудно...

Рядомъ съ ней борется *національная партія*. Она состоитъ изъ отпавшаго лѣваго крыла придворной партіи и, по своей программѣ, менѣе ея консервативна. Она болѣе, чѣмъ придворная партія, склонна къ борьбѣ за самостоятельность, но всегда готова пойти съ правительствомъ на какіе угодно компромиссы. Національная партія—это партія умѣренныхъ либераловъ.

Наиболѣе сильной въ количественномъ отношеніи являются *польская народная партія*. Она считается рѣшительнымъ противникомъ придворной партіи и представляетъ главнымъ образомъ интересы средняго сословія. Она стремится освободить его отъ опеки дворянства и духовенства и борется противъ

всякой политики примиренія съ германизмомъ: «мы не хотимъ и не въ состояніи ее хотѣть».

Въ самое послѣднее время порядочные успѣхи дѣлаетъ среди польскихъ рабочихъ демократическое теченіе. Примиыкая по своей программѣ къ демократіи нѣмецкой, она въ то же время борется еще за спеціальныя интересы польскаго населенія и проявляетъ большую подвижность и энергію.

Мнѣ остается еще коснуться отношенія различныхъ нѣмецкихъ политическихъ партій къ польскому движенію.

Въ общемъ, можно сказать, ни одна нѣмецкая партія, будь то самая реакціонная или самая радикальная, не желаетъ отдѣленія польскихъ провинцій отъ Пруссіи. Но ихъ отношеніе къ польскому вопросу, мотивы, по которымъ та или другая партія не желаетъ такого отдѣленія, различны. *Консервативная* и *національ-либеральная* партіи вполнѣ стоятъ на точкѣ зрѣнія правительственной политики, вполнѣ поддерживаютъ каждый правительственный законопроектъ и часто даже являются инициаторами тѣхъ или другихъ мѣропріятій. Ими руководить шовинистская идея, по которой Deutschland должна быть *uber alles, uber alles in der Welt*. Тяготѣніе этихъ правыхъ элементовъ къ «міровой политикѣ» (Weltpolitik) даетъ еще особый толчокъ къ энергичной борьбѣ съ полонизмомъ, который своимъ распространеніемъ грозитъ ослабить германскую имперію. И они не перестаютъ агитировать и агитировать противъ «польской опасности». Въ членскихъ рядахъ помянутаго уже гакатистскаго ферейна большинство составляютъ консервативные и отчасти національ-либеральные элементы.

Консерваторы и національ-либералы безусловные враги полонизма. Относительно католической партіи *центра* этого сказать нельзя. Эта ловкая партія, какъ и во многихъ другихъ соціально-политическихъ вопросахъ, играетъ и здѣсь двойственную роль. Ей хочется и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти. Въ польскомъ вопросѣ центру приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что большинство поляковъ католики. Выступи онъ совершенно противъ польскихъ стремленій, онъ рисковалъ бы потерять тамъ свое вліяніе надъ единовѣрцами-католиками. Такихъ потерь центръ не любитъ. Но, съ другой стороны, ему также нежелательно порвать съ правительствомъ и выступить въ качествѣ пособника антигосударственныхъ теченій. И вотъ онъ мечется между Сциллой и Харибдой и, кажется, успѣваетъ и тамъ, и тутъ. Эти господа вообще очень ловкій и изворотливый народъ и всюду умѣютъ въ мутной водичкѣ выловить надлежащую рыбку.

Говоря словами Евгенія Рихтера, *свободомыслящіе* также желаютъ ассимиляціи поляковъ съ нѣмецкимъ элементомъ. Мы—говорилъ онъ недавно—далеки отъ того, чтобы благопріятствовать какимъ-либо стремленіямъ, направленнымъ къ созданію польскаго государства или даже къ признанію федеративнаго начала въ польскихъ провинціяхъ. Свободомыслящіе,—продолжалъ онъ, того мнѣнія, что восточныя провинціи во чтобы то ни стало должны остаться составной частью прусскаго королевства и германской имперіи. Но именно

поэтому, прибавляет Рихтеръ, мы полагаемъ также, что населенію этихъ провинцій, на какомъ бы языкѣ оно ни говорило, слѣдуетъ дать одинаковыя политическія права. Законы же въ родѣ того, которымъ государство ассигнуетъ милліоны на выкупъ польскихъ имѣній, издаются не для всехъ обитателей восточныхъ провинцій. Эти законы направлены къ тому, чтобы на деньги, получаемыя отъ польскихъ налогоплательщиковъ, были приобретаемы земли, отъ пользованія которыми поляки принципиально устраниются. Такіе законы являются исключительными законами. Свободомыслящіе же враги всякаго исключительнаго законодательства и опытъ показаль, что правда на ихъ сторонѣ. Исключительными законами зло не уничтожается, а, наоборотъ, растеть. Рихтеръ предлагаетъ вспомнить исключительный законъ противъ социалистовъ. Этотъ законъ такъ сомнѣлъ германскую социаль-демократическую партію, что она является теперь сильнѣйшей, чѣмъ гдѣ-либо въ другой странѣ. Вспомните культуркампфъ — тамъ тѣ же результаты. Центръ не былъ бы теперь самой могущественной партіей въ странѣ, если бы не было исключительныхъ законовъ противъ ультрамонтановъ.

Наконецъ, социаль-демократическая партія. Эта, понятно, рѣшительно противъ всякихъ исключительныхъ мѣропріятій. Ея депутаты всегда энергичнѣйшимъ образомъ протестуютъ противъ всякаго покушенія на ограниченія правъ польскихъ согражданъ.

S.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Работы экспедиции по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ въ 1901 году.

Описаніе работъ экспедиціи въ теченіи 1899—1900 годовъ, включая сюда и зиму, проведенную на Шпицбергенѣ, было уже напечатано въ «М. Б.» за прошлый годъ. Ограничусь лишь упоминаніемъ, что вся программа наблюденій, которая должно было произвести во время зимовки русскихъ въ Горнзундѣ, закончена была съ полнымъ успѣхомъ. Въ концѣ 1900 года положеніе работъ русской экспедиціи по градусному измѣренію на Шпицбергенѣ находилось въ слѣдующемъ видѣ. Наблюденія на горѣ Кейльхау и на Геджехогѣ были закончены; Уолесъ Хедъ, мысъ Ли и Сваибергъ требовали лишь дополнительныхъ наблюденій. Кромѣ наблюденій на сѣверныхъ пунктахъ триангуляціи, оставалась также основная задача по измѣренію базиса и базисной сѣти и по связи этой сѣти съ общей сѣтью треугольниковъ, подлежащихъ измѣренію русской экспедиціи.

Шведская экспедиція за два года ограничилась измѣреніемъ базиса въ заливѣ Трейренбергъ около горы Гекла-Гукъ и наблюденіями лишь на двухъ пунктахъ—на горѣ Гекла-Гукъ и на горѣ Цельзіуса.

Снаряженіе экспедиціи въ 1901 г. было улучшено согласно опыту бывшихъ двухлѣтнихъ работъ. Геодезическіе инструменты были взяты въ такомъ комплектѣ, чтобы можно было одновременно наблюдать не менѣе, чѣмъ на четырехъ пунктахъ. Кромѣ того, приобрѣтенъ былъ въ Потсдамѣ новый усовершенствованный приборъ для производства качаній маятниковъ, дающій возможность учесть движеніе штатива—обстоятельство, по большей части игнорировавшееся до сихъ поръ при производствѣ аналогичныхъ наблюденій.

Къ веснѣ 1901 года составъ экспедиціи окончательно опредѣлился слѣдующій: астрономы В. В. Ахматовъ, А. С. Васильевъ, А. П. Ганскій, А. А. Кондратьевъ и А. Д. Педашенко; топографы Главнаго Штаба П. П. Емельяновъ, М. М. Зигель и А. В. Клементьевъ; зоологъ М. Н. Михайловскій и художникъ В. А. Шуко. Общее руководство всей экспедиціей, по просьбѣ комиссіи, принялъ на себя я. Кромѣ того, по просьбѣ же комиссіи, согласился отправиться на Шпицбергенъ академикъ О. А. Баклундъ, которому предпо-

жено было ввѣрить руководство одной изъ самыхъ деликатныхъ работъ—базиснымъ измѣреніемъ. Экспедиціонными судами, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, были транспортъ «Баканъ» и «Ледоколъ 2-й» Либавскаго порта; первый подъ командой капитана 2-го ранга С. П. Степанова, командиромъ же второго былъ И. Б. Якимовичъ, уже въ третій разъ шедшій въ составѣ экспедиціи на Шницбергенъ. До половины іюня, на случай тяжелыхъ льдовъ, въ распоряженіе экспедиціи былъ отданъ ледоколъ «Крмакъ», а для подвоза угля и свѣжей провизіи и для почтового сообщенія между Шницбергеномъ и Тромзѣ былъ нанятъ шведскій пароходъ «Рюрикъ», подъ командой капитана Экстрема, столь доблестно послужившаго на пользу русской экспедиціи въ 1900 году.

2-го іюня въ 9 час. вечера «Баканъ», «Ледоколъ 2-й» и «Крмакъ» отправились изъ Тромзѣ на Шницбергенъ. «Рюрикъ» спустя нѣсколько дней прослѣдовалъ прямо къ Уолесъ-поэнту.

По выходѣ въ океанъ мы встрѣтили свѣжій NW, разведшій большую зыбь, не стихавшую болѣе двухъ сутокъ. Но 5-го числа въ 2 часа утра волненіе ослабло, около 4-хъ часовъ утра показались первыя льдины, а съ 8-ми часовъ ледъ сталъ настолько густъ, что «Крмакъ» пошелъ впередъ, прокладывая путь для остальныхъ судовъ. На сѣверъ по нашему курсу ледъ лежалъ сплошной массой, и было очевидно, что въ этомъ направленіи будетъ затруднительно пробиться къ Уолесъ-поэнту. Вскорѣ, однако, мы замѣтили, что вдоль западнаго берега Стурфйорда, который былъ виденъ, какъ на ладони, тянется широкая полоса свободной воды въ эту полосу мы и вошли, чтобы воспользоваться безпрепятственнымъ проходомъ хотя бы до Уолесъ-Хеда.

Ставъ на якорь въ бухтѣ Бетти, мы уже съ моря замѣтили, что пирамида на г. Кейльхау скрыта подъ снѣгомъ. Для расчистки ея отправились Кейльхау В. В. Ахматовъ, А. П. Ганскій студентъ Баклундъ и 8 мезенскихъ поморовъ. Обойдя ледникъ, спускающійся съ горы Кейльхау, они пристали у ея подножія, недалеко отъ мѣста, гдѣ въ 1900 году были сложены маятники. Несмотря на возможно тщательное устройство склада, послѣдній оказался разореннымъ, брезенты, которыми были закутаны ящики, разорванными. Были очевидны слѣды хозяйничанья бѣлаго медвѣдя, къ счастью, однако, не могшаго одолѣть крѣпкихъ ящиковъ, въ которыхъ были закованы инструменты. Очистка пирамиды заняла всю ночь, и только къ полудню наши путешественники вернулись на суда. Въ тотъ же день 6-го іюня мы перешли на сѣверъ къ Уолесъ-бай, гдѣ и стали на якорь въ 10¹/₂ час. вечера. По опыту прежнихъ лѣтъ я зналъ, что Уолесъ-Хедъ одинъ изъ лучшихъ обсерваціонныхъ пунктовъ въ Стурфйордѣ, и потому немедленно съѣхалъ на берегъ, чтобы при ясной погодѣ осмотрѣть состояніе льдовъ. Результатъ осмотра былъ утѣшительный. Часть залива Жиневры была уже свободна отъ льда, а также вся сѣверная часть Стурфйорда. Около Уолесъ-поэнта видна была полоса чистой воды. Наиболѣе плотный ледъ былъ въ той части Стурфйорда, гдѣ мы пересѣкли его по пути къ Уолесъ-Хеду. Въ виду такого состоянія льда, я рѣшилъ оставить Баканъ до встрѣчи съ «Рюрикомъ» по западную сторону Стурфйорда, а оба ледокола, со всей экспедиціей, направитъ

къ Уолесъ-поэнту. Вечеромъ 7-го іюня мы достигли этого пункта. Хотя у береговъ еще держался толстый припойный ледъ, а въ глубинѣ бухточекъ, съ которой мы начинали подъемъ на Уолесъ-поэнтъ въ 1899 году, стоялъ еще нетронувшійся зимній ледъ, высадка могла совершиться безъ особыхъ затрудненій. На берегу снѣгъ уже сильно стаялъ, и базисныя работы могли быть начаты немедленно. Условія такія были вполнѣ неожиданны, такъ какъ по плану, составленному зимой въ Петербургѣ, предполагалось, что базисныя работы можно будетъ начать не ранѣе конца іюня. Низина, прилегающая къ Уолесъ-поэнту, единственное мѣсто въ Стурфіордѣ, пригодное для базисной сѣти. Въ этой части Стансъ-фореланда отъ сильно изрѣзаннаго берега тянется слегка волнистая мѣстность, окаймленная съ востока краснѣ плато, поднимающагося до 300—400 метровъ надъ уровнемъ моря. Съ сѣвера плато замыкается низину обрывисто спускающейся къ морю горой Зигеля, а съ юга Уолесъ-поэнтомъ. Плато изрѣзано рядомъ широкихъ долинъ, по которымъ спускаются съ общаго покрова материковаго льда языкообразные ледники, нижній край которыхъ, однако, не достигаетъ упомянутой низины. Къ востоку же отъ горы Зигеля и съ востока отъ Уолесъ-поэнта къ низинѣ подходятъ широкія долины, богатый моховый покровъ которыхъ служить прекраснымъ пастбищемъ для многочисленныхъ дикихъ оленей. Въ этомъ году ихъ оказалось особенно большое количество и притомъ совершенно не боявшихся приближенія охотниковъ. Объясненіе этому можно найти лишь въ томъ, что въ 1900 году Стансъ-фореландъ былъ недоступенъ изъ-за массы льда, и два поколѣнія оленей не видали людей. По всей низменности, ширина которой не превышаетъ 8 километровъ, наблюдаются сопочки, сложенные изъ діабазы, разбитаго вертикальной отдѣльностью на живописные столбы. На этихъ сопочкахъ, относящихся, несомнѣнно, къ одному обширному покрову діабазы, до высоты метровъ 20 надъ уровнемъ моря, залегаетъ сѣрая песчаная постиліоценовая глина, содержащая большое количество раковинъ моллюсковъ. Берега низменности по большей части сложены изъ тѣхъ же діабазовъ и, благодаря ихъ изрѣзанности, а также присутствію съ запада цѣлой серіи мелкихъ острововъ, образуется рядъ бухтъ, изъ которыхъ нѣкоторыя доступны лишь для мелкихъ судовъ, но частью представляютъ и хорошо защищенную стоянку для судовъ большого размѣра. Описываемая мѣстность изрѣзана цѣлой сѣтью мелкихъ рѣчекъ, питаемыхъ изъ-подъ ледниковъ, и пестритъ небольшими озерами. У самаго берега и съ востока, у подножія плато, почва суше, въ средней же части болота, хотя и неглубокія, должны были значительно затруднить измѣреніе базиса.

Считаю не лишнимъ пояснить вкратцѣ, какъ было предположено измѣрять базисъ. Обычные способы измѣренія, примѣнявшіеся при прежнихъ триангуляціяхъ, требовали большой затраты времени и при томъ краткомъ сезонѣ, въ теченіе котораго возможно производство работъ на Шпицбергенѣ, едва ли были бы примѣнными. Помимо этого, самыя вышеописанныя почвенныя условія дѣлали эти методы совершенно неприложимыми. Можно сказать, что вопросъ о градусномъ измѣреніи на Шпицбергенѣ только и могъ осуществиться, когда вве-

денъ былъ въ геодезическую науку превосходный базисный приборъ Иедерина, приспособленный какъ для быстрой, такъ и весьма точной работы. Самую существенную часть этого прибора составляютъ проволоки, отъ 24 до 25 метровъ длиной, изъ особаго не расширяющагося при измѣненіи температуры металлическаго сплава. Чтобы получить увѣренность въ неизмѣняемости длины проволокъ со времени ихъ перевоза отъ Пулково до начатія базиснаго измѣренія, рѣшено было какъ передъ этимъ измѣреніемъ, такъ и послѣ него, произвести эталонированіе проволокъ на вспомогательномъ базисѣ, который долженъ былъ быть измѣренъ одновременно нѣсколько разъ жезлами Струве и приборомъ Иедерина. Эта вспомогательная работа должна была начаться въ ближайшемъ времени послѣ выгрузки приборовъ на берегъ, и одновременно предполагалось начать рекогносцировку для выбора мѣста, подходящаго для измѣренія главнаго базиса.

11-го іюня вечеромъ оставилъ насъ Ермакъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать въ Тромсѵ. Дальнѣйшія услуги его оказались излишними.

13-го іюня начались настоящіе измѣренія на вспомогательномъ базисѣ, длиной въ 175 метр. Еще наканунѣ я долженъ былъ покинуть экспедицію съ тѣмъ, чтобы идти на «Ледоколъ» въ бухту Агарда, гдѣ долженъ былъ возобновить сигналъ, повалившійся зимой 1899—1900 года и высадить А. В. Клементьева, который долженъ былъ начать топографическую съемку окрестностей названной бухты и затѣмъ подвигаться непрерывной съемкой къ леднику Негри въ заливѣ Жиневры.

13-го іюня Ледоколъ подошелъ къ бухтѣ Агарда. Снарядившись налегкѣ, мы отправились на вершину плато Агарда. Добравшись до вершины, мы нашли сигналъ, сломаннымъ посреди штанги; но пята этой штанги и штаги, ее поддерживавшія, всё оказались на мѣстѣ.

Мы начали было сооружать пирамиду, принявъ за ось ея вертикально поставленной остатокъ штанги, но скорѣ убѣдились, что и мѣсто для сигнала было выбрано въ 1899 году неудачно: съ него нельзя было видѣть ни мысъ Недоразумѣнія, ни плато Гельвальда. Пришлось новый сигналъ поставить на сѣверной оконечности плато Агарда послѣ того, какъ мы убѣдились, что съ этого пункта отчетливо видна вся сѣверная сѣть триангуляціи. Работать новую пирамиду было очень тяжело, такъ какъ приходилось таскать камень за 75—100 сажень, да еще при леденящемъ, порывистомъ, сбивавшемъ съ ногъ людей, Nw-ѣ.

Къ 15-му іюня работы на вспомогательномъ базисѣ были окончены. Равнымъ образомъ, прибывшій на «Ледоколъ» М. М. Зигель сообщилъ, что имъ закончена съемка сѣверной части плато, прилегающаго къ базисной низинѣ, и что онъ собирается теперь идти непрерывной съемкой до мыса Ли. По словамъ Зигеля, ушедши въ ночь съ 8-го на 9-ое іюня въ бухту Бакана, онъ засталъ ее покрытой неразломаннымъ зимнимъ льдомъ, и лишь вдоль берега нашелъ узкую полынью, по которой и пробрался на своей лодкѣ до исходнаго пункта его работъ.

Въ теченіи 15-го и 16-го іюня была окончена рекогносцировка главнаго базиса «миръ вои». № 7. АВГУСТЪ. ОТД. II.

зиса. Начинаясь въ верстахъ полутора отъ южнаго берега бухты Бакана и у подножія діабазовыхъ сопочекъ, окаймляющихъ море, провѣшенная линія базиса уходитъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ подножію горъ, окаймляющихъ базисную низину съ востока. Съ юго-западнаго конца базиса невидимъ сигналъ на Уолесъ-поэнтъ; поэтому пришлось поставить вспомогательный сигналъ въ метрахъ 100 отъ главнаго и линію ихъ точно провѣсить по сигналу, поставленному на горѣ Зигеля и долженствовавшему составить сѣверную точку базисной сѣти. Къ сожалѣнію, желаніе выиграть возможно большее разстояніе въ увеличенномъ базисѣ (Зигель—Уолесъ-поэнтъ) заставило поставить сигналъ на скатѣ горы Зигеля, и обстоятельство это впоследствии надылало не мало хлопотъ при наблюденіяхъ на этотъ сигналъ съ Уолесъ-Хеда, такъ какъ пирамида проектировалась не на небо, а на фонъ горы.

Въ 1 ч. 45 мин. ночи, съ 16-го на 17-ое іюня, начинались измѣренія главнаго базиса. Погода стояла чудная: ясное небо и полное отсутствіе вѣтра. До 6 ч. 30 м. измѣрено 89 промежутковъ между штативами и былъ заложенъ временный центръ на твердой скалистой почвѣ. Та же часть базиса была измѣрена въ обратномъ направленіи съ 10-ти часовъ вечера до 2-хъ часовъ утра 18 го іюня. Обратное измѣреніе, такимъ образомъ, сдѣлано на 45 мин. быстрѣе. Въ 11 ч. 45 м. вечера отъ того же временнаго центра начато измѣреніе второй части базиса, оконченное въ 5 ч. 52 мин. утра 19-го числа. Обратное измѣреніе того же участка начато въ 9 ч. 30 м. вечера 19-го и окончено въ 3 ч. утра 20-го. И въ данномъ случаѣ обратное измѣреніе сдѣлано на 37 м. быстрѣе. Въ тотъ же день, т. е. 20-го числа, были сдѣланы подсчеты произведенныхъ измѣреній и для всего базиса получена разниця въ двухъ измѣреніяхъ 14,4 мил., а такъ какъ базисъ имѣетъ длину 6227 метровъ, то вѣроятная ошибка его измѣренія не превышаетъ $\frac{1}{800,000}$ его длины, или въ 16 разъ меньше допущенной по инструкціи, выработанной въ соединенныхъ комиссіяхъ. Чтобы покончить съ измѣреніями базиса, осталось эталонировать вѣточино проволоки на вспомогательномъ базисѣ.

Къ этому времени А. П. Ганскимъ были закончены качанія маятниковъ на Уолесъ-поэнтъ; надо было пользоваться благоприятнымъ временемъ и по возможности скорѣе занять сѣверные пункты нашей сѣти. Въ виду этого, упомянутые ученые переселились со мной и студентомъ Баклуномъ на Бакантъ, который въ ночь съ 21-го на 22-ое іюня пошелъ въ заливъ Жиневры, съ тѣмъ, чтобы попытаться высадить на мысѣ Недоразумѣнія А. Д. Педашенко и А. П. Ганскаго, а А. С. Васильова и студента Баклунда на край ледника Негри, откуда они должны были начать работы внутри Шпицбергена, т. е. выставить новый сигналъ на плато Гельвальда, дополнительный сигналъ на Сванбергъ и затѣмъ произвести всѣ требуемые наблюденія на Сванбергъ, горѣ Баклунда и горѣ Чернышева.

Утромъ 22-го іюня мы при входѣ въ заливъ Жиневры встрѣтили разбитый, густой ледъ, который, однако, не помѣшалъ намъ въ тотъ же день высадить на мысѣ Недоразумѣнія партію Педашенко и Ганскаго. Подъѣвъ къ

этому сигналу одинъ изъ самыхъ легкихъ, и при помощи 10-ти мезенскихъ поморовъ и 37-ти матросовъ Бакана всѣ инструменты и запасы, въ общемъ до 80-ти пудовъ, были доставлены въ 2¹/₂ часа. Съ этимъ сигналомъ дѣло обстоило тоже плохо. Поставленный на дамба, неправильные куски котораго послужили матеріаломъ для постройки въ 1899 году, сигналъ этотъ наполовину развалился, и пришлось его переложить сызнова, сохранивъ лишь центральную часть, наружную же оболочку сдѣлать изъ плитъ песчанника, выступающаго ниже по скату мыса.

На слѣдующій день, 23-го іюня, послѣ неудачныхъ попытокъ высадить партію А. В. Васильева и студента Баклунда на ледникъ Негри, пришлось стать на якорь посреди залива Жиневры, на глубинѣ 20 саж., а 24-го іюня, вслѣдствіе сильнаго напора льда, и совсѣмъ сняться съ якоря и идти къ югу на чистую воду. Ночью мы прибыли обратно въ бухту «Баканъ». Къ этому времени работы на вспомогательномъ базисѣ были окончены.

Чтобы обезпечить высадку партіи А. С. Васильева на ледникъ «Негри», рѣшено было отправить ее на «Ледоколъ», который и вышелъ по назначенію утромъ 26-го іюня. Съ этого же дня начаты были наблюденія горизонтальныхъ угловъ на концахъ главнаго базиса для связи его съ сигналомъ Зигеля и вспомогательной пирамидой на Уолесъ-поэнтѣ.

На югозападный конецъ базиса высадились А. А. Кондратьевъ, а на сѣверо-восточный—П. П. Емельяновъ. 28-го іюня вернулся «Ледоколъ». Ему тоже не удалось высадить партію Васильева на ледникъ Негри, изъ-за невозможности пробить широкій поясъ не тронувшагося льда.

Къ ночи 28-го іюня партія Ахматова была снята съ Уолесъ-поэнта и доставлена на «Баканъ». Работы на этомъ пунктѣ можно было считать оконченными, за исключеніемъ связей обѣихъ пирамидъ, что рѣшено было сдѣлать при помощи проволоки Іедерина. Любопытно, что съ Уолесъ-поэнта на гору Кейльхау, отстоящую на 130 километровъ, Ахматову удалось получить наблюденія уже на третій день, между тѣмъ какъ въ 1900 г. обратныя наблюденія потребовали почти 80 дней. Этотъ примѣръ лучше всего говоритъ о тѣхъ случайностяхъ, отъ которыхъ зависѣла триангуляція на Шпицбергенѣ.

Ночью 29-го іюня «Ледоколъ» ушелъ вторично въ заливъ Жиневры. Инструкція, данная А. С. Васильеву, была такова, что ему самому, прежде всего, по высадкѣ на ледникъ Негри, поручалось пройти въ обходъ горы Эдлунда на плато Гельвальда и выставить тамъ сигналъ, а студенту Баклунду съ половиной имѣющагося числа собакъ надлежало добраться до Сванберга и выставить новую пирамиду на условномъ пунктѣ, съ котораго видна гора Баклунда. Послѣ выставки сигнала на Гельвальдѣ, А. С. Васильевъ долженъ былъ отработать этотъ пунктъ и затѣмъ идти на Сванбергъ доканчивать наблюденія 1900 года. На «Ледоколѣ», для драгировки въ заливъ Жиневры, ушелъ и М. Н. Михайловскій.

Изъ-за непогоды только 2-го іюля удалось высадить партію Кондратьева на вершину Уолесъ-Хода для наблюденій на сигналы Агардъ и Зигеля.

Уже прошло три недѣли со времени высадки Клементьева въ бухтѣ Агарда и ухода Зигеля къ мысу Ли, и судьба обѣихъ начинала меня безпокоить. По-

этому я ушелъ на сѣверъ къ Агарду, гдѣ, согласно условію, мы встрѣтили «Ледоколъ». Последній былъ отправленъ къ мысу Ли, «Баканъ» же пошелъ вдоль западнаго берега Стурфюрда, такъ какъ по найденной запискѣ Клементьева его надо было искать къ сѣверу отъ Агарда. Найти Клементьева намъ удалось на слѣдующій день къ сѣверу отъ бухты Мона, рекомендованной Норденшельдомъ, какъ хорошая стоянка для судовъ. Въ настоящее время картина этой бухты совершенно измѣнилась. Ледникъ Гейесъ, около сорока лѣтъ тому назадъ доходившій лишь до восточнаго берега бухты, въ настоящее почти совершенно ее выполнилъ, уйдя въ море вереть на 5, въ видѣ длиннаго языка, по обѣ стороны котораго остались лишь узкія полоски воды. Поверхность этого ледника поражаетъ своей изломанностью и съ вершины горы кажется форменной ледяной щеткой. Очевидно, ледникъ этотъ и въ настоящее время сильно наступаетъ и благодаря изломанности сильно «телится», давая массу огромныхъ и живописныхъ айсберговъ, по обилію которыхъ впоследствии, даже и въ густомъ туманѣ, мы легко узнавали приближеніе къ этому леднику. Замѣчу кстати, что разрывы возвышенностей къ сѣверу отъ бухты Мона представляютъ одинъ изъ любопытѣйшихъ пунктовъ налеганія богато палеонтологически охарактеризованныхъ юрскихъ слоевъ на триасъ.

А. В. Клементьевымъ была уже закончена съемка до ледника Негри; поэтому партію его забрали на «Баканъ» съ тѣмъ, чтобы высадить на мысѣ Недоразумѣнія, откуда предполагалось начать съемку залива Жиневры.

10-го іюля удалось снять Ахматова съ горы Зигеля и Емельянова съ Уолесъ-поэнта. Въ тотъ же день мы перешли въ Уолесъ-бай и высадили тутъ Емельянова, которому была поручена съемка окрестностей Уолесъ-Хеда, а затѣмъ двинулись къ Агарду, у сигнала котораго долженъ былъ начать наблюденія В. В. Ахматовъ. Плато Агарда принадлежитъ къ наиболѣе возвышеннымъ пунктамъ Стурфюрда, и во всѣхъ направленіяхъ съ него отерывается широкій горизонтъ, съ амфиладой тѣснящихся одна за другой вершинъ, между которыми спускаются къ морю, на подобіе громадныхъ рѣкъ, могучіе ледники. Частая шапка тумана, окутывающая Агардъ, и обиліе сигналовъ, которые должны были быть наблюдаемы съ этого плато, давали поводъ считать этотъ пунктъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ въ нашей триангуляціи и поэтому, высаживая на него Ахматова, мы полагали, что ему придется просидѣть на немъ не менѣе мѣсяца.

Встрѣтивъ въ гавани Андерсона «Ледоколъ», я узналъ, что студентъ Бакундъ вернулся со Сванберга, гдѣ поставилъ дополнительный сигналъ.

Сигналъ на Гельвальдѣ стоитъ. Васильеву, значить, удалось добраться до вершины этого плато. Работы А. Д. Педашенко на мысѣ Недоразумѣнія только въ послѣднее время пошли успѣшно. Несмотря на относительно небольшую абсолютную высоту, наблюденія на этомъ сигналѣ были очень затруднены метеорологическими условіями: вѣтеръ, туманъ и снѣгъ въ различной послѣдовательности почти непрерывно пестрятъ въ журналѣ Педашенко за первыя двѣ недѣли его пребыванія на мысѣ Недоразумѣнія.

Все вышесказанное было далеко отъ розовыхъ надеждъ на положеніе дѣлъ внутри Шпицбергена, и поэтому на «Ледоколѣ» я пошелъ къ леднику Негри,

гдѣ рассчитывалъ получить какія-либо свѣдѣнія о Васильевѣ и студентѣ Баклундѣ. 14-го іюля «Ледоколъ» подошелъ къ леднику и бросилъ якорь въ прекрасной бухтѣ, образованной мореннымъ островомъ и выступами самого ледника. Послѣдній принадлежитъ къ числу наиболѣе любопытныхъ ледниковъ Шпицбергена, и всѣ явленія, связанныя съ материковымъ льдомъ, выражены на немъ, какъ на модели. Надо замѣтить, что ледникъ Негри достигаетъ до 30 верстъ ширины и весьма полого спускается къ морю, открывая огромный горизонтъ внутрь страны. Даже съ палубы судна видны всѣ послѣдовательные пунатаки или вершины, выступающія изъ материкового льда. Справа видѣются горы Верблюжьи, а затѣмъ къ западу рядъ округленныхъ пунатакъ, ведущихъ къ Сванбергу и къ горѣ Баклунда. Противъ самой стоянки «Ледокола» начинается широкая, мощно развитая морена, далеко уходящая внутрь страны по направленію къ Верблюжьей горѣ. У самого моря морена достигаетъ ширины не менѣе 2-хъ верстъ и представляетъ рядъ характерныхъ холмовъ, среди которыхъ стекаетъ масса рѣчекъ, соединяющихся въ нѣсколько крупныхъ потоковъ, впадающихъ въ море. Здѣсь можно видѣть всѣ своеобразныя формы, получающіяся при стиваніи льда, образованіе моренныхъ озеръ, оригинальныхъ столбовъ глины, при усыханіи распадающихся на параллелопипеды, строеніе самихъ холмовъ, ядро которыхъ состоитъ изъ льда, а оболочка толщиной не болѣе метра, изъ различной формы валуновъ и глины, и т. п. явленія, повторяющіяся на всѣхъ отмирающихъ ледникахъ. Для исторіи вѣковыхъ колебаній береговъ Шпицбергена, безъ сомнѣнія, представлять большой интересъ наблюдавшіеся нами факты находенія въ матеріалѣ морены, на абсолютной высотѣ до 100 метровъ, постплиоценовыхъ морскихъ раковинъ, кусковъ довольно свѣжаго дерева и китовыхъ костей. Поверхность ледника лишена почти трещинъ, но зато изоборждена цѣлой сѣтью ледниковыхъ ручьевъ, протекающихъ въ болѣе или менѣе глубокихъ желобкахъ. Вблизи вышеописанной срединной морены рѣчки спускаются рядомъ каскадовъ, исчезая въ глубокихъ ущельяхъ, уходящихъ подъ моренный покровъ. Студенту Баклунду на пути къ Гельвальду пришлось наблюдать ледниковый фонтанъ, совершенно такого же типа, какой наблюдался Норденшельдомъ въ Гренландіи. Къ сожалѣнію, густой туманъ не позволилъ его снять. Когда мнѣ пришлось быть въ этомъ пунктѣ, то фонтанъ почти исчезъ, благодаря тому, что ледниковый потокъ нашелъ себѣ новый путь подъ мореной. Способъ отдѣленія айсберговъ у такихъ ледниковъ, какъ Негри, совершенно иной, чѣмъ у изломанныхъ и наступающихъ: у первыхъ происходитъ не обрушеніе краевъ, какъ у вторыхъ, а цѣлыя поля внезапно отдѣляются отъ массы льда и затѣмъ всплываютъ на подобіе гигантскихъ столовыхъ горъ. Въ августѣ истекшаго лѣта такого рода айсберги отдѣлялись въ огромномъ количествѣ отъ ледника Негри, и на наше обычное якорное мѣсто въ Ледяной бухтѣ приходилось попадать нерѣдко лавируя между многочисленными обмельѣвшими ледяными громадами.

На ледникѣ, у склада провизіи, мы встрѣтили А. С. Васильева и студента Баклунда. По словамъ перваго, походъ къ плато Гельвальда стоилъ гораздо

больше времени, чѣмъ мы предполагали. Идя по большей части въ туманѣ, онъ добрался до сильно наломаннаго ледника съ запада отъ Гельвальда и здѣсь былъ принужденъ остановиться, такъ какъ дальнѣйшее странствованіе среди зіяющихъ трещинъ было очевиднымъ безуміемъ. Но при первой открывшейся возможности, преодолевая большія трудности и опасности, наши смѣльчаки въ ночь съ 9-го на 10-е іюля добрались до вершины, и пирамида была сооружена. Убѣдившись, что съ этого пункта будутъ видны всѣ сигналы, не исключая Тумбъ-поента въ Гинлопенѣ, Васильевъ пошелъ въ обратный путь. Въ ночь съ 14-го на 15-е іюля Васильевъ ушелъ на Сванбергъ.

19-го іюля А. П. Ганскій, закончившій наблюденія маятниковъ на мысѣ Недоразумѣнія, перешелъ на Уолесъ-Хедъ, а въ ночь съ 23-го на 24-ое іюля А. Д. Педашенко, также выполнившій задачу на томъ же мысу, былъ поднять со всѣмъ грузомъ къ сигналу Гельвальда.

24-го и 25-го іюля стояли штормовыя погоды, и намъ не удалось высадить Клементьева у Геджехога, гдѣ онъ долженъ былъ связать съемку Емельянова съ сѣвера со съемкой Зигеля, доведенной въ 1900 году до бухты Бетти. Это удалось сдѣлать лишь два дня спустя.

Между тѣмъ, дѣла у Кондратьева шли не блестяще. Окончивъ всѣ остальные сигналы, онъ отчаялся въ возможности видѣть сигналъ на горѣ Зигеля. Предвидя такой неприятный сюрпризъ, я уже заранѣе замѣнилъ гелиографиста Томкевича, бывшаго до сихъ поръ у А. Д. Педашенко, боцманмантомъ Пряхинымъ, а перваго взялъ на «Баканъ», чтобы въ случаѣ надобности, прибѣгнуть для наблюденія пирамиды Зигеля къ гелиографу. П. П. Емельяновъ предложилъ отправиться съ Томкевичемъ на гору Зигеля и устроить свѣтовую сигнализацию къ Уолесъ-Хеду. Отвѣтныи гелиографъ былъ оставленъ Кондратьеву и Ганскому. Окончательно условившись въ подробностяхъ сигнализациі, мы вышли 26-го іюля въ 2¹/₂ ч. дня къ бухтѣ Бакана. Въ 8¹/₄ час. вечера Баканъ стоялъ уже на якорѣ, а въ 11 ч. вечера Емельяновъ и его спутники были на вершинѣ горы Зигеля. Черезъ полчаса былъ посланъ первый сигналъ на Уолесъ-Хедъ и отъ Кондратьева послѣдовалъ отвѣтъ: «ясно вижу». Дѣло съ этимъ сигналомъ было устроено и нѣсколько часовъ солнечной погоды было достаточно для окончанія работъ на Уолесъ-Хедѣ. Какъ потомъ оказалось, несмотря на 65 километровъ, отдѣляющихъ оба пункта, свѣтовой сигналъ съ горы Зигеля былъ виденъ Кондратьеву очень отчетливо и въ трубу наблюдался въ видѣ звѣздочки, не уступающей по яркости полярной звѣздѣ.

30-го іюля былъ снятъ съ Агарда Ахматовъ, а 1-го августа закончены были наблюденія Кондратьева и Ганскаго на Уолесъ-Хедѣ. Съ высадкой Кондратьева на мысъ Ли можно было считать, что судьба всѣхъ прибрежныхъ пунктовъ триангуляціонной сѣти обезпечена. Единственно о работахъ Васильева внутри Шпицбергена не было никакихъ извѣстій.

Мы должны были выполнить послѣдній пунктъ нашей программы—попытаться пройти въ Гинлопенъ и отнаблюдать Тумбъ-поентъ. Въ составъ партіи, шедшей на Тумбъ-поентъ, вошли Ахматовъ и Ганскій. Сопровождать ихъ отправился и я. Только на «Ледоколѣ» могли мы пробиться сквозь густой ледъ къ этому пункту утромъ 5-го августа. На условномъ мѣстѣ на островѣ Іедерина,

окаймленномъ толстымъ, но изъѣденнымъ водою припойнымъ льдомъ, мы нашли записку де-Гера, въ которой сообщалось, что шведы 11-го іюля высадили астронома Цейцеля на Тумбъ-поэнтъ и сами ушли къ Черной горѣ. Такимъ образомъ, условіе наше о занятіи шведами, по возможности, сѣверныхъ пунктовъ было нарушено, и шведы заняли Тумбъ-поэнтъ, даже не сдѣлавъ попытки добраться до этихъ пунктовъ. Очевидно было также, что на Черной горѣ, пунктѣ, болѣе легкомъ, наблюденія закончены. Намъ не оставалось иного исхода, какъ идти обратно на соединеніе съ Баканомъ, ожидавшимъ насъ въ Тимень-стритъ. Я послалъ «Ледоколъ» къ леднику Негри за вѣстями о Васильевѣ, а самъ пошелъ къ леднику Инглефейлда, къ сѣверу отъ бухты Уолесъ, чтобы высадить тутъ Емельянова, которому предстояло связать своею съемку со съемкой Клементьева къ югу отъ бухты Агарда.

У бухты Мона мы сошлись съ Ледоколомъ, снявшимъ съ ледника Негри М. М. Зигеля, закончившаго работы около Сванберга и привезшаго письмо Васильева весьма неутѣшительнаго содержанія. Пробывъ на Сванбергѣ съ 18-го по 28-ое іюля, Васильевъ не могъ почти ничего сдѣлать изъ-за плохихъ погодъ и состоянія атмосферы. Изображенія сигналовъ, по его словамъ, невозможно плохи. Весь горизонтъ затянутъ маревомъ. Васильевъ убѣдился также что съ горы Баклунда сигналъ Агардъ не можетъ быть видимъ, и что за сигналъ на горѣ Баклунда принята была одна изъ остроконечныхъ вершинъ на гребнѣ этой горы. Обстоятельства наблюденій и на горѣ Баклунда остаются неблагоприятны, поэтому, при желаніи навѣрняка окончить работы внутри Шпицбергена, необходимо послать кого либо изъ освободившихся астрономовъ для наблюденія сигналовъ на Сванбергѣ.

Порѣшивъ, что на Сванбергъ отправится В. В. Ахматовъ, мы забрали изъ гавани Андерсона всѣхъ собакъ, остававшихся тамъ на излеченіи, и затѣмъ пошли къ леднику Негри. 9-го августа Ахматовъ, имѣя въ упряжкѣ 20 наименѣе пострадавшихъ собакъ, двинулся къ Сванбергу. Чтобы облегчить наведеніе на пирамиду мыса Недоразумѣнія, проектирующуюся при наблюденіяхъ какъ со Сванберга, такъ и съ горы Баклунда на темный фонъ діабазовъ, я высадилъ у этой пирамиды студента Баклунда и гелиографиста Томкевича для послышки свѣтовыхъ сигналовъ на означенные пункты внутри Шпицбергена, а также поручилъ имъ перекрасить пирамиду въ розовый цвѣтъ.

Оставалось высадить Ганскаго съ маятниками на плато Гельвальда. 10-го августа вечеромъ весь грузъ былъ положенъ на двое саней, который тянули 16 матросовъ съ Бакана. Уже на высотѣ 150 метровъ мы попали въ густой туманъ, и лишь у вершины плато тучи стали проноситься. Открылась чудная картина восходящаго солнца, окруженнаго краснымъ и зеленымъ ореоломъ. Съ восходомъ солнца картина горъ оживилась, и на самомъ плато, у сигнала, можно было любоваться отчетливо выступавшими вершинами цѣпи Хиденіуса, горъ Чернышева, Баклунда и Сванберга, возвышавшимися надъ молочными клубами тумана, скрывавшаго всю поверхность материковаго льда. Въ ясную погоду картина, открывающаяся съ вершины Гельвальда, еще болѣе величественна: на сѣверъ взоръ теряется среди обширнаго покрова льда, саваномъ окутавшаго весь Шпицбергенъ, и среди многочисленныхъ отдѣльныхъ вершинъ, выступаю-

щихъ на ослѣнительно бѣлой поверхности; а съ юга—передъ глазами вся панорама залива Жиневры и острововъ Гелисъ-Зунда, за которыми разстилается безпредѣльная даль океана, уходящаго къ землѣ Короля Карла. Работы Педашенко приходили къ концу. Единственное затрудненіе представляла пирамида на горѣ Чернышева, которую трудно было рассмотреть въ трубу инструмента Траутона. Палатка Васильева на горѣ Баклунда была видна. Въ 7 часовъ утра я и докторъ Волковичъ вернулись на Баканъ. Теперь нужно было только часовъ восемь ясныхъ, чтобы на всѣхъ занятыхъ пунктахъ были окончены наблюденія.

Съ 12-го числа начались утренніе морозы, а съ ними появились замѣчательная прозрачность и покой воздуха. Надежды на окончаніе работъ стали все болѣе обрисовываться. Съ 14-го августа начали постепенно снимать съ береговъ партіи топографовъ, закончившихъ съемки.

20-го августа на «Ледоколъ» я отправился къ мысу Ли за М. М. Зигелемъ, снявшимъ весь Тимень-стригъ, а затѣмъ пошелъ въ заливъ Жиневры къ леднику Негри. Задержанные туманомъ, мы только 21-го утромъ вошли въ Ледяную бухту, и тутъ насъ ждалъ болѣе чѣмъ радостный сюрпризъ. На складѣ стояли палатки Васильева и Ахматова. Первый пришелъ къ складу уже 18-го числа, а второй—19-го. Всѣ работы внутри Шпицбергена окончены. На горѣ Чернышева заложены въ мѣдной коробѣ максимумъ и минимумъ термометръ и водруженъ сдѣланный на Баканѣ изъ желѣза русскій національный флагъ. Къ 11 часамъ утра того же дня все со склада было перевезено на «Ледоколъ», а въ 3¹/₂ часа пополудни мы уже стояли на якорѣ около Гельвальда. Васильевъ съ двумя рабочими немедленно отправились на вершину плато, захвативъ съ собою сильную трубу для розысканія пирамиды на горѣ Чернышева, если ее до сихъ поръ не удалось пронаблюдать А. Д. Педашенко. Ночью прибылъ Ганскій съ извѣстіемъ, что искомая пирамида усмотрѣна, и что къ сигналу надо отправить приборъ Бамберга при 16-ти рабочихъ, которые утромъ могутъ спустить съ плато всѣ грузы.

Въ 12 часовъ дня 22-го августа вернулись Васильевъ и Педашенко. Пирамиду Чернышева удалось пронаблюдать. Триангуляція фактически была окончена!

У ледника Негри въ Ледяной бухтѣ мы встрѣтились съ Баканомъ.

Въ ту же ночь 22-го августа «Баканъ» и «Ледоколъ» разошлись, назначивъ встрѣчу либо въ бухтѣ Бетти, либо въ Горнзундѣ. Ледоколъ пошелъ къ Уолесъ-поэту, для высадки Ахматова, Ганскаго, Емельянова и Клементьева, которымъ поручено было сдѣлать еще разъ опредѣленіе разстоянія между главной и вспомогательной пирамидой на Уолесъ-поэнтѣ, а же съ М. М. Зигелемъ предполагали высадиться у Зюдъ-Капа, гдѣ я хотѣлъ сдѣлать дополнительныя геологическія изслѣдованія этой въ высшей степени интересной части Шпицбергена. Къ сожалѣнію, штилевая погода, бывшія до сихъ поръ, смѣнились штормами, и намъ до 25-го августа пришлось отстаиваться въ бухтѣ Бетти при вѣтрѣ, порывы котораго доходили до 10 балловъ. Высадиться у Зюдъ-Капа при этихъ условіяхъ было невозможно; поэтому вмѣстѣ съ пришедшимъ къ намъ «Ледоколомъ» мы пошли въ Горнзундъ. По пути намъ досталась поря-

дочная трепка и только 26-го августа мы пришли къ нашей зимовкѣ. Все въ ней мы нашли въ порядкѣ. Очевидно, никто не пользовался оставленными въ дому запасами. По нашемъ приходѣ настала чудная погода: ни одно облачко не затуманило живописныхъ альпійскихъ вершинъ, окружающихъ Горнзундъ, и онъ еще разъ оправдалъ репутацію самаго величественнаго и красиваго фіорда Шпицбергена. Ахматовъ и Ганскій произвели наблюденія маятниковъ. 28-го августа утромъ мы вышли изъ Горнзунда. По пути мы встрѣтили сильную зыбь и туманъ. «Ледоколъ» прошелъ прямо въ Тромсё, «Баканъ» же, снесенный нѣсколько къ сѣверо-востоку, направился въ Гаммерфестъ.

31-го августа мы пришли въ Тромсё, а на слѣдующее утро туда уже прибыло судно шведской экспедиціи «Антарктикъ» шедшее уже къ югу въ то время, когда мы еще на правлялись въ Горнзундъ. Шведами окончены всѣ сигналы въ Гинлопентъ до горы Цельзуса, но три сѣверныхъ трехугольника остались недоѣланными. Въ общемъ работами шведской и русской экспедиціи окончено измѣреніе дуги въ $3\frac{1}{2}^{\circ}$, изъ которыхъ на долю русскихъ работъ приходится дуга около $2\frac{1}{2}^{\circ}$. Принимая во вниманіе исключительныя условія производства градусныхъ измѣреній на Шпицбергенѣ, успѣхъ этой работы лучше всего можно оцѣнить, если сопоставить время, затраченное русской экспедиціей на Шпицбергенѣ, при измѣреніи дуги въ $2\frac{1}{2}^{\circ}$, съ тѣми сроками, въ которые закончены отдѣльныя части дуги при скандинаво-русскомъ измѣреніи. Если взять только тѣ части дуги, которыя были измѣрены наиболѣе быстро, то и тутъ получимъ, что подольско-волынская дуга въ $5^{\circ}8'$ потребовала пяти лѣтъ работы, лапландская въ $3^{\circ}4'$ —7 лѣтъ и финляндская въ $1^{\circ}56'$ —5 лѣтъ.

Въ настоящее время идетъ дѣятельная обработка научныхъ матеріаловъ, собранныхъ экспедиціей, и, надо думать, потребуется не одинъ годъ упорнаго труда прежде, чѣмъ будутъ опубликованы всѣ результаты наблюденій и сборовъ экспедиціи. Безспорно, единственный въ своемъ родѣ матеріалъ составлять топографическія съемки восточнаго Шпицбергена, исполненныя въ масштабѣ 2-хъ верстъ въ дюймѣ и съ горизонталями черезъ 10 сажень. На такомъ обширномъ пространствѣ и подобныхъ съемокъ въ полярныхъ странахъ до сихъ поръ никогда не производилось. Съемки эти послужатъ драгоценнымъ матеріаломъ при изученіи особенностей материковаго льда и его движенія, а также для рѣшенія вопроса объ общемъ увеличеніи или уменьшеніи ледяного покрова Шпицбергена.

Въ заключеніе небольшая справка изъ исторіи полярныхъ изслѣдованій. 135 лѣтъ тому назадъ окончилась неудачная экспедиція Чичагова, посѣтившаго, между прочимъ, западный Шпицбергенъ, и съ тѣхъ поръ до середины прошлаго столѣтія только русскіе поморы были посѣтителями суровыхъ береговъ Груманда, на которыхъ основали цѣлый рядъ временныхъ зимовьевъ—поселеній, опоясывающихъ весь Шпицбергенъ по западную и восточную сторону. Остатки разрушившихся избъ и рядъ могилъ остались единственными памятниками предпримчивости русскаго человѣка. За это время изъ другихъ странъ, по преимуществу изъ Скандинавіи, на ряду съ промышленниками, пришли и научные изслѣдователи, добывшіе богатую жатву на болѣе доступныхъ частяхъ Шпицбергена. Организовавъ экспедицію 1899—1901 года,

Россія внесла крупную лепту въ общую сокровищницу полярныхъ исследованийъ и выполнила значительный пробѣлъ въ познаніи этихъ острововъ, а тотъ смѣльчакъ, который доблестно до русскаго флага, развивающагося на одной изъ высшихъ точекъ внутри Шпицбергена, лучше всего оцѣнить трудности, которыя преодолѣла русская экспедиція.

Акад. В. Чернышевъ.

† Андрей Николаевичъ Бекетовъ.

Русскую науку и русское общество постигла тяжелая утрата: 1-го іюля въ имѣніи Шахматова, Московской губ., скончался заслуженный профессоръ петербургскаго университета, извѣстный ботаникъ Андрей Николаевичъ Бекетовъ. Покойный происходилъ изъ старой дворянской семьи и родился въ с. Алферьевѣ Пензенской губ. 26-го ноября 1825 г.; среднее образованіе получилъ въ 1-ой Спб. гимназій; по окончаніи ея, онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, на факультетъ восточныхъ языковъ, но со 2-го курса вышелъ и въ 1842 г. опредѣлился юнкеромъ въ л. гв. егерскій полкъ. Впрочемъ, увлеченіе военной службой было непродолжительно и вскорѣ уже мы видимъ Андрея Николаевича вольнослушателемъ на естественномъ факультетѣ казанскаго университета, тогда славившагося своими научными силами. Въ 1849 г., по окончаніи университета, А. Н. Бекетовъ уѣзжаетъ въ Тифлисъ, гдѣ беретъ мѣсто учителя естественныхъ наукъ въ гимназій; педагогическая дѣятельность не помѣшала чисто научнымъ занятіямъ: въ 1853 г., въ петербургскомъ университетѣ Бекетовъ защищаетъ диссертацию на степень магистра: «Очеркъ тифлисской флоры, съ описаніемъ лютиковыхъ, ей принадлежащихъ», а въ 1858 г. московскій университетъ удостоиваетъ его степени доктора ботаники за работу: «О морфологическихъ отношеніяхъ листовыхъ частей между собою и стеблемъ». Эти научные труды быстро выдвинули молодого ботаника и въ 1859 г. его приглашаютъ занять катедру ботаники въ харьковскомъ университетѣ, а черезъ два года онъ переходитъ на ту же катедру въ петербургскій университетъ; съ этимъ послѣднимъ была связана вся дальнѣйшая дѣятельность Андрея Николаевича. То было время, когда на университетъ не смотрѣли, какъ на заведеніе, въ которомъ выдаютъ дипломы, жалованье и чины, Университетъ былъ или, по крайней мѣрѣ, стремился быть духовнымъ орденомъ, гдѣ всякій членъ работаетъ подъ общимъ знаменемъ науки и просвѣщенія. Съ университетомъ сживались и сливались.

Однимъ изъ наиболее яркихъ представителей такого отношенія къ университету былъ покойный ученый. Вся жизнь его въ теченіе 35-ти слѣдующихъ лѣтъ была посвящена петербургскому университету. Работы было много и работы самой разнообразной. Нужно было еще создавать русскую университетскую науку: не было еще университетскихъ курсовъ, не было и благоустроенныхъ лабораторій и кабинетовъ; нужно было создавать и отношенія между профессорами и студентами и бороться и отстаивать созданное съ такимъ трудомъ. Во всемъ этомъ самое дѣятельное участіе принималъ Андрей Николаевичъ. Уже въ 1862 г. появляется 1-й томъ его капитальнаго и въ то время единствен-

наго но полнотѣ и тщательной обработкѣ труда, озаглавленнаго «Курсъ ботаники для университетскихъ слушателей»; 2-я часть этого курса вышла въ 1871 г. Также не мало энергій и труда пришлось потратить покойному ученому при устройствѣ университетскаго ботаническаго сада и при расширеніи гербарія; много времени отдавалъ онъ своимъ ближайшимъ ученикамъ—спеціалистамъ ботаникамъ и воспиталъ цѣлую плеяду «молодыхъ ботаниковъ», изъ которыхъ теперь многіе уже сдѣлались извѣстными учеными и профессорами. Общая внутренняя жизнь университета брала тоже много силъ: въ 70-е годы Андрей Николаевичъ былъ деканомъ физико-математическаго факультета, а затѣмъ около 7 лѣтъ (1876—1883) несъ тяготы ректорской должности. Сколько нужно было энергій, такта, а главное беззаветной любви къ alma mater и къ молодежи, чтобы въ теченіе 7 лѣтъ въ то острое время простоять на этомъ опасномъ посту и не оставить въ памяти студентовъ ни одного темнаго пятнышка, ничего, кромѣ уваженія и любви! Домъ его всегда былъ открытъ для молодежи, тамъ въ тяжелую минуту каждый искалъ совѣта и помощи.

Удивительно, какъ при такой кипучей дѣятельности въ университетѣ у Андрея Николаевича оставалось еще время и на многое другое. Онъ принималъ горячее участіе въ организаціи высшихъ женскихъ курсовъ и былъ тамъ не только профессоромъ, но и председателемъ комитета для доставленія средствъ курсамъ, былъ также однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ организаторовъ съѣздовъ русскихъ естествоиспытателей и врачей, однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ вольно-экономическаго общества, гдѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ состоялъ секретаремъ и редакторомъ трудовъ Общества.

Какъ всѣ большіе люди 60-хъ годовъ Андрей Николаевичъ понималъ, что постановка и организація высшего образованія въ Россіи неразрывно связаны съ просвѣщеніемъ массъ, что это послѣднее заслуживаетъ вниманія и само по себѣ, и потому нашъ маститый ученый не мало своего времени отдавалъ и популяризаціи естествознанія. Такъ, появились слѣдующія его книги и статьи: «О землѣ и тваряхъ на ней живущихъ», «Бесѣды о звѣряхъ», «Ботаническіе очерки», «Изъ жизни природы и людей», «О питаніи человѣка въ настоящемъ и будущемъ», «Главнѣйшіе съѣдобные и вредные грибы» и нѣкоторыя другія. Многія изъ этихъ книгъ имѣли крупный успѣхъ и разошлись въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Кромѣ того, Андрей Николаевичъ перевелъ самъ или былъ редакторомъ многочисленныхъ и крупныхъ сочиненій западно-европейской научной литературы (Шлейдена, Гексли, Росмесслера, Гризебаха и другихъ).

Эта разносторонняя и плодотворная дѣятельность говоритъ намъ, что въ лицѣ покойнаго ученаго мы потеряли рѣдкаго, особенно у насъ въ Россіи чловека, трудившагося и въ сферѣ научной мысли и на поприщѣ общественной жизни и не утерывшаго при этомъ сердечной и дѣятельной доброты.

Въ этомъ краткомъ некрологѣ мы не пытались, конечно, дать полной характеристики обаятельной личности покойнаго, надѣемся, что это сдѣлаютъ люди, болѣе близко знавшіе Андрея Николаевича.

В. Ар.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Нѣкоторые условія химическаго взаимодействія. — «Красное море». — Многолѣтнее голоданіе нѣкоторыхъ рыбъ. — † Фаф.

Нѣкоторые условія химическаго взаимодействія. Извѣстно, что многія вещества реагируютъ другъ на друга только въ присутствіи нѣкотораго количества воды; если же эти вещества абсолютно сухи, то реакціи не происходитъ. Такъ напр., можно перегонять фосфоръ въ атмосферѣ кислорода, если то и другое вещество не содержатъ и слѣдовъ воды. До сихъ поръ указывали только на одно исключеніе; утверждали, что кислородъ и водородъ, даже абсолютно сухіе, все же соединяются другъ съ другомъ и образуютъ воду. Недавно этимъ вопросомъ занялся *В. Баксъ*. Прежде всего онъ поставилъ себѣ задачу — получить совершенно чистые кислородъ и водородъ. Послѣ разныхъ опытовъ авторъ избралъ для этой цѣли электролитическое разложеніе чистаго ѣдкаго барита. Получивъ совершенно чистые кислородъ и водородъ и высушивъ ихъ совершеннѣйшимъ образомъ (въ теченіе 10 дней надъ фосфорнымъ ангидридомъ), онъ заключилъ ихъ въ соотвѣтственномъ количествѣ въ запаянныя трубки и подвергъ дѣйствию высокой температуры въ 600° ; при обычныхъ условіяхъ полученія водорода и кислорода такой температуры совершенно достаточно, чтобы произошла бурная реакція и газы эти съ взрывомъ соединились, образуя воду. Въ трубкахъ, въ которыхъ были заключены водородъ и кислородъ, подвергавшіеся высушиванію всего въ теченіи 2-хъ дней, реакція образованія воды шла, не медленно и постепенно, безъ взрыва. Если же въ трубкахъ находились газы, не подвергавшіеся подобному высушиванію, то происходила обычная реакція со взрывомъ.

Авторъ утверждаетъ, что абсолютно сухіе водородъ и кислородъ не соединяются даже при дѣйствіи температуры въ 1.000° Ц., въ чемъ онъ удостовѣрился, нагрѣвая въ такихъ трубкахъ, при помощи электрическаго тока, серебряную проволоку до температуры ея плавленія, т. е. до 1.000° Ц. Но если вмѣсто серебряной проволоки взять при этихъ же условіяхъ платиновую, то реакція происходитъ съ сильнымъ взрывомъ; авторъ приписываетъ это каталитическому дѣйствію самой платины.

«Красное море». *Б. Торрей* описываетъ въ «*American Naturalist*» интересное явленіе «краснаго моря», наблюдавшееся прошлымъ лѣтомъ на берегу Калифорніи у порта Санъ-Педро. 7-го іюля на поверхности воды у входа въ этотъ портъ, было замѣчено удлинненное пятно краснаго цвѣта. Въ теченіе слѣдующихъ дней пятно это постепенно приближалось къ берегу, измѣняя форму и дробясь на болѣе мелкія пятна, изъ которыхъ каждое занимало поверхность въ нѣсколько десятинъ. 16-го іюля «красное море» достигало берега. Оказалось, что красный цвѣтъ воды днемъ и сильная фосфоресценція ночью происходили отъ того, что вода въ данномъ мѣстѣ была переполнена особыми жгу-

тиковыми инфузоріями—перидиніями, по мѣтнію г. Торрея, вѣроятно, изъ рода *Gonyodax*. По прошествіи 4-хъ дней, 20-го іюля, съ моря, все еще краснаго, пошелъ крайне непріятный запахъ, 21-го онъ сталъ невыносимымъ и ночью на берегъ было выброшено большое количество различныхъ мертвыхъ морскихъ животныхъ — голотурій, скатовъ, рыбъ. Черезъ нѣсколько дней этотъ запахъ исчезъ, хотя прибрежная полоса воды оставалась еще красной и на берегъ все еще порой выкидывало мертвыхъ животныхъ.

Эта усиленная смертность морскихъ животныхъ была вызвана смертностью перидиній. Но что было причиной послѣдней? Вѣроятно нагрѣваніе воды вдоль берега и недостатокъ кислорода. Перидиніи погибали, главнымъ образомъ, вдоль берега. «Красное море» танулось, по крайней мѣрѣ, на 320 километровъ вдоль берега, и ширина этой полосы воды, переполненной перидиніями, достигала многихъ километровъ. Только въ концѣ іюля исчезли перидиніи, вѣроятно, встребленные ноктилуками. Откуда появились въ такомъ громадномъ количествѣ перидиніи? Определенно отвѣтить на этотъ вопросъ затруднительно. Очень можетъ быть, что морское теченіе вынесло ихъ на поверхность изъ болѣе глубокихъ слоевъ моря.

Многолѣтнее голоданіе нѣкоторыхъ змѣй. Въ неволѣ многія змѣи одного и того же вида продолжаютъ принимать пищу, тогда какъ другія съ упорствомъ отказываются отъ нея и по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени околѣваютъ. Подобные факты давно уже наблюдались въ звѣринцѣ пресмыкающихся парижскаго музея естественныхъ наукъ. Такъ, Огюсть Дюмериль рассказываетъ объ одной гремучей змѣѣ (*Crotalus durissus* L.), которая начала ѣсть только послѣ 26-ти мѣсячнаго поста, другой наблюдатель упоминаетъ объ одномъ пифонѣ (Pyhon Sebac D. B.), постившемся въ теченіи 28 мѣсяцевъ. Пеллегрэнъ сообщалъ о смерти двухъ змѣй отъ истощенія послѣ голоданія, продолжавшагося въ одномъ случаѣ три, а въ другомъ четыре года. Недавно этотъ же ученый докладывалъ парижскому зоологическому обществу о пифонѣ, околѣвшемъ послѣ 2 $\frac{1}{2}$ лѣтъ полнаго голоданія. Въ данномъ случаѣ поразителенъ не этотъ срокъ (какъ мы видѣли, наблюдались случаи и болѣе поразительные въ этомъ отношеніи), а громадная потеря въ вѣсѣ животного (около $\frac{2}{3}$ первоначальнаго вѣса).

Давно уже женевскій ученый Шосса производилъ опыты, главнымъ образомъ надъ теплокровными животными, и показалъ, что смерть, независимо отъ другихъ причинъ, наступала, когда животное теряло отъ 40% до 50% первоначальнаго своего вѣса. Пеллегрэнъ пришелъ къ подобнымъ же результатамъ, производя опыты надъ ужами. Онъ нашелъ, что индивидуумы, которые были лишены не только твердой пищи, но и воды, умирали, когда потеря въ вѣсѣ достигала 38% первоначальнаго вѣса, индивидуумы же, лишенные только твердой пищи, жили втрое дольше, и смерть наступала у нихъ только тогда, когда потеря въ вѣсѣ достигала 43% первоначальнаго вѣса. Мы видимъ, что упомянутый выше случай съ пифономъ является въ данномъ отношеніи исключительнымъ.

17-го ноября 1899 г. въ парижскій музей естественныхъ наукъ посту-

пилъ великолѣпный экземпляръ пифона изъ Японіи (*Python reticulatus* Schneid.); онъ имѣлъ въ длину 6,45 метра, обладалъ вибриколѣпной окраской и отличался необыкновенной живостью движеній. Ему была предложена самая разнообразная добыча: барашки, зайцы, гуси, утки, куры, но онъ не пожиралъ ничего. Случалось, что онъ душилъ въ своихъ кольцахъ одно изъ этихъ животныхъ, но оставлялъ трупъ нетронутымъ; время отъ времени онъ купался въ бассейнѣ, имѣвшемся въ его клѣткѣ. По мѣрѣ голоданія пифонъ все болѣе и болѣе уменьшался въ объемѣ; его вначалѣ блестящая окраска стала тусклою и сѣрой. Къ началу 1902 года онъ такъ похудѣлъ, что буквально представлялъ скелетъ, обтянутый кожей; вялый и инертный онъ лежалъ безъ движенія, свернувшись въ клубокъ въ углу своей клѣтки. Дѣлались попытки питать этого пифона искусственно, но было уже поздно. Тѣло животного покрылось язвами, постепенно отпадали куски гангренозной кожи, и отъ него шелъ невыносимый запахъ. Такимъ образомъ частичная смерть предшествовала общей, которая наступила 20-го апрѣля 1902 г., т.-е. послѣ 2-хъ лѣтъ, 5-ти мѣсяцевъ и 3-хъ дней голоданія. Пифонъ, вѣсившій при поступленіи въ зверинецъ 75 кило, теперь вѣсилъ только 27 кило; во время голоданія онъ потерялъ, слѣдовательно, 48 кило, почти $\frac{2}{3}$ первоначальнаго своего вѣса.

Эти случаи сознательнаго голоданія животныхъ имѣютъ, по нашему мнѣнію, большое значеніе не только для общей физиологій, но и для сравнительной психологій.

† Фай. 4 іюля с. г. въ Парижѣ на 88-мъ году жизни скончался знаменитый астрономъ Фай. Съ Фаемъ сошелъ въ могилу послѣдній изъ учениковъ школы Араго. Фай занимался не только астрономіей, но и геодезіей и метеорологіей. Сначала онъ былъ адъютантомъ парижской обсерваторіи, затѣмъ членомъ и президентомъ совѣта ея, одновременно читалъ лекціи по астрономіи въ политехнической школѣ, а въ 1847 г. былъ избранъ членомъ парижской академіи наукъ. Кроме того, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ Фай былъ президентомъ «Bureau des Longitudes» и въ блестящемъ возрожденіи въ 60-е годы французской геодезіи покойный ученый занималъ видное мѣсто, но, конечно, главныя работы его были въ области астрономіи, причемъ работы эти носили чрезвычайно разносторонній характеръ, то касаясь тонкостей астрономическихъ измѣреній, то захватывая такіа широкія темы, какъ строеніе солнца и система міровъ.

Въ 1843 г. Фай открылъ періодическую комету, носящую нынѣ его имя. Открытіе это и интересныя формы кометныхъ хвостовъ натолкнули его на цѣлый рядъ новыхъ соображеній. Фай начиналъ развивать, мысль, что на ряду съ ньютоновскою силой притяженія необходимо еще признать существованіе отталкивательной силы, испускаемой поверхностью свѣтящихся тѣлъ и по отношенію къ разрывѣнной матеріи могущей оказаться сильнѣе силы тяготѣнія. Эта мысль вызвала цѣлый потокъ работъ, какъ чисто математическихъ, такъ и опытныхъ. Читатели «Міра Божьяго» знаютъ, что въ самое послѣднее время прямое измѣреніе этой силы свѣтовой энергіи далъ нашъ соотечественникъ проф. Лебедевъ. Такимъ образомъ, гипотеза Фая получила фактическое обо-

снованіе. Размышляя объ источникѣ этой отталкивательной силы, Фай былъ приведенъ къ разсмотрѣнію строенія солнца. Въ это время преобладающее большинство ученыхъ предполагало, что вся свѣтовая и тепловая энергія солнца сосредоточена въ его тонкой оболочкѣ. Солнечныя пятна разсматривались, какъ случайные разрывы этой оболочки, открывавшіе темное ядро. Фай приходитъ къ совершенно противоположному взгляду. По его мнѣнію солнце, если не все цѣликомъ, то, по крайней мѣрѣ, на большую глубину, газообразно. Сильныя токи возбуждаютъ солнечную массу и заставляютъ ее всю цѣликомъ принимать участіе въ лучеспусканіи. Солнечныя пятна—это вихри, происшедшіе отъ встрѣчи двухъ слоевъ фотосферы, владѣющихъ различными скоростями; такой вихрь втягиваетъ въ себя сверху болѣе холодныя газы, которые и стремятся внизъ образовавшейся такимъ образомъ воронки. Спектральныя изслѣдованія подтверждаютъ такое объясненіе природы солнечныхъ пятенъ. Гипотеза знаменитаго французскаго астронома о происхожденіи міровъ можетъ быть выражена въ слѣдующихъ краткихъ словахъ. Онъ исходитъ изъ существованія темной и холодной туманности; влѣдствіе взаимнаго притяженія частицъ, туманность эта начинаетъ сжиматься, матерія нагревается, появляется слабый свѣтъ; по различнымъ направленіямъ въ этой туманности несутся «потoki» матеріи, иногда эти потоки сталкиваются и образуютъ благодаря этому спиральныя туманности, а затѣмъ и различныя звѣздныя системы. Планетныя системы, по мнѣнію Фая, рѣдкое исключеніе. Какъ извѣстно, по этой гипотезѣ земля и внутреннія планеты старше солнца, но послѣднее старше Урана и Нептуна, чѣмъ и объясняется обратное вращеніе послѣднихъ. Изслѣдованіе этихъ міровыхъ проблемъ натолкнуло Фая на разсмотрѣніе аналогичныхъ явленій, происходящихъ на земномъ шарѣ и отъ изученія небесныхъ вихрей пытливымъ умъ переходитъ къ земнымъ—къ циклонамъ. И здѣсь, благодаря анализу большого числа наблюденій, Фаю удалось выяснитъ нѣкоторыя законности этихъ явленій. Но неба и воздуха было мало спекулятивному уму знаменитаго астронома и онъ обращаетъ свое вниманіе на самый земной шаръ. Чѣмъ объяснить аномаліи, наблюдаемыя при измѣреніяхъ тяжести, болѣе сильное притяженіе, обыкновенно наблюдаемое на берегахъ морей и на островахъ, и относительное ослабленіе его вблизи горъ? Такимъ анализомъ Фай доказываетъ, что объясненіе можно найти, предположивъ неодинаковую скорость отвердѣванія земной коры въ частяхъ, занятыхъ океаномъ, и въ частяхъ материковыхъ.

Въ заключеніе нужно прибавить, что всѣ эти разнообразныя работы Фая были наложены всегда увлекательно и блестяще.

Внѣшняя жизнь покойнаго, какъ и большинства современныхъ ученыхъ, не блистала событіями, или, лучше сказать, «событія» были связаны съ наукой. Всѣ друзья и коллеги покойнаго считали необходимымъ отмѣтить удивительно счастливую семейную жизнь Фая. Съ женой, пережившей его, онъ прожилъ 50 лѣтъ, она была «идеаломъ» жены ученаго и «освобождала» его отъ всѣхъ мелочей жизни, которыя могли бы потревожить олимпійски-дѣтское спокойствіе жреца науки. Исторія и общественная жизнь, вѣроятно, также спокойно шли мимо.

В. Ар.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Августъ

1902 г.

Содержаніе: Критика и исторія литературы и искусствъ.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія.—Политическая экономія.—Философія.—Медицина и гігіена.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Н. И. Новиковъ. «Трутенъ»; «Живописецъ»; «Кошелекъ».—Жизнь П. И. Чайковского.

Н. И. Новиковъ. «Трутенъ»; «Живописецъ»; «Кошелекъ». Спб. Изд. А. С. Суворина. Заканчивая первый годъ изданія «Трутенъ», Новиковъ вполне искренно писалъ: «Притчи г. Сумарокова какъ нынѣ безпримѣрны, такъ и у потомковъ нашихъ останутся неподражаемыми; а «Трутенъ» и прочія подобныя же ему бездѣлки нынѣ есть и впредь останутся бездѣлками-жъ». Но «потомки» отнеслись къ притчамъ Сумарокова и сатирическимъ журналамъ Новикова совершенно иначе. Притчи русскаго Лафонтена, Виргилія, Расина и Вольтера, какъ называлъ Сумарокова Новиковъ, давно забыты, а такія «бездѣлки», какъ «Трутенъ» и «Живописецъ», выдержали не одно изданіе еще при жизни ихъ издателя, были перепечатаны въ полномъ видѣ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ и, наконецъ, въ началѣ XX вѣка появились въ дешевомъ изданіи, предназначенномъ для самаго широкаго распространенія. «Живописецъ», напримѣръ, съ 1772 до 1864 года выдержалъ семь изданій, причемъ въ нѣкоторыя изъ этихъ изданій вошли лучшія статьи «Трутенъ», отдѣльно выдержавшаго три изданія. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Почти все пороки и недостатки русской общественной жизни, противъ которыхъ было направлено жало новиковской сатиры—крѣпостное право съ его ужасными злоупотребленіями, «неправда черная въ судахъ», казнокрадство, французomanія, сословные предрасудки, подслуживаніе лицамъ вмѣсто службы дѣлу—долго не исчезали съ лица земли русской и давали обильный матеріалъ для сатиры вплоть до эпохи великихъ реформъ. Достаточно вспомнить Фонвизина съ его комедіями, Крылова съ его сатирическими журналами, комедіями и баснями, Капниста съ «Ябедой», Грибоедова съ «Горемъ отъ ума», Гоголя съ «Ревизоромъ» и «Мертвыми душами», наконецъ, Щедрина съ «Губернскими очерками», не говоря уже о болѣе мелкихъ явленіяхъ русской сатирической и обличительной литературы, чтобы видѣть, какіе замѣчательные писатели шли по стопамъ Новикова и какіе перлы русской словесности создались подъ вліяніемъ неустройствъ и несправедливостей русской жизни, которыя бичевались еще въ «Трутенѣ» и «Живописцѣ».

Конечно, съ теченіемъ времени сатира Новикова значительно устарѣла и перестала уже удовлетворять верху русской интеллигенціи. Но зато еще при жизни Новикова его журналы пришлись по вкусу «нашимъ мѣщанамъ» и

пріобрѣли популярность въ той средѣ русскихъ читателей, которая пробавлялась «Письмовникомъ» Курганова и даже гораздо худшимъ матеріаломъ для чтенія. Въ этой средѣ сатира Новикова долго сохраняла животрепещущій интересъ и долго нравилась не только обличеніями вяточниковъ, казнокрадовъ и лободниковъ, но и тѣмъ демократическимъ духомъ, который въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» такъ рѣзко выдѣляется на фонѣ аристократическаго вѣка Екатерины II. «Не порода,—говоритъ Новиковъ,—но добродѣтели дѣлаютъ человека достойнымъ почтенія честныхъ людей». «Не чины человека украшаютъ, но добродѣтели». «Порочный человекъ во всякомъ званіи равнаго достоинства презрѣнъ». Теперь это трюны и дѣтская, прописная мораль, но для разнаго рода Змѣяновъ, Стозмѣевъ, Злорадовъ, Безразсудовъ, Прозазовъ и т. п. это были революціонныя формулы, за которыя рекомендовалось познакомиться съллаго журналиста съ мѣстами болѣе или менѣе отдаленными.

Со времени реформъ императора Александра II сатира Новикова имѣетъ почти исключительно историческое значеніе, и, какъ выдающійся фактъ развитія русскаго самосознанія, она давно уже привлекаетъ къ себѣ вниманіе историковъ русской литературы и русскаго просвѣщенія. О Новиковѣ и о его журналахъ въ истекшее столѣтіе появилась цѣлая литература. Но, къ сожалѣнію, и до настоящаго времени какъ личность знаменитаго журналиста, такъ и литературная его дѣятельность все еще остаются недостаточно выясненными. Въ частности, до сихъ поръ не опредѣлена степень личнаго участія Новикова въ издаваемыхъ имъ сатирическихъ журналахъ. Съ одной стороны, мы имѣемъ указанія на несомнѣнное или вѣроятное сотрудничество въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» цѣлаго ряда писателей XVIII вѣка, въ томъ числѣ даже императрицы Екатерины II и Радищева; съ другой—имѣется такое заявленіе проф. Незеленова, автора цѣлой—книги о Новиковѣ: «Богѣе, чѣмъ вѣроятно, что издатель Трутня, Живописца и Кошелька былъ ихъ авторомъ». Что касается самого Новикова, то онъ въ предисловіи къ «Трутню» общалъ писать «очень мало» и печатать *еще* присылаемыя ему письма, сочиненія и переводы, въ особенности же статьи сатирическія и критическія, «ко исправленію правовъ служація». И дѣйствительно, Новикову присылали массу разнаго рода оригинальныхъ и переводныхъ статей въ стихахъ и въ прозѣ, такъ что, когда рѣзкія сатиры вызывали недовольство власть имѣющихъ, издатель могъ отводить грозу разнаго рода невинными былями, притчами и сказками, сентиментальными пѣсенками, высокопарными одами, беззубыми сатирами Буало и даже рѣчами архіереевъ. Едвали можетъ подлежать сомнѣнію, что личное участіе Новикова въ издаваемыхъ имъ журналахъ было очень невелико и ограничивалось, главнымъ образомъ, редакционными трудами, сокращеніемъ и исправленіемъ рукописей, печатными возраженіями своимъ сотрудникамъ и оппонентамъ и т. д. Въ журналахъ Новикова не мало намековъ на эту черную редакторскую работу. Въ одномъ письмѣ въ редакцію «Трутня» даже говорится, что редакторъ «присылаемыя къ нему пьесы исправлялъ и своимъ хорошимъ вкусомъ и остроуміемъ изъ худыхъ писателей дѣлалъ хорошихъ авторовъ». Въ какой степени эта похвала относится къ самому Новикову, конечно, судить трудно. Точно также трудно опредѣлить, какія изъ напечатанныхъ въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» писемъ были дѣйствительно присланы въ редакцію и какія были составлены самимъ Новиковымъ.

Но какъ бы ни было ограничено личное участіе Новикова въ сочиненіи сатирическихъ статей, его выдающіяся заслуги въ качествѣ издателя и его гражданское мужество не подлежатъ сомнѣнію и спору. Сочувствіе Екатерины II сатирической дѣятельности Новикова—вопросъ спорный, а сильное неудовольствіе, возбужденное его журналами въ довольно вліятельныхъ сферахъ,—несомнѣнный фактъ. Самъ издатель отлично понималъ, въ какое опас-

ное положеніе ставить его «пристрастіе къ неучтливой истинѣ», и не разъ вынужденъ былъ кривить душой. Какъ ни трудна была для него, по собственному его признанію, «наука ласкательства», тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ очень грубо, по современнымъ понятіямъ, льстить не только императрицѣ, но и ея приближеннымъ и искать себѣ покровительства у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, напримѣръ, у Воеводскаго и Нарышкина, которымъ посвященъ «Трутенъ». Можетъ быть, «Трутенъ» и «Живописецъ», посвященный комедіи «О, время!», т.-е. Екатеринѣ II, только имѣя такихъ покровителей, и могли просуществовать болѣе года, тогда какъ «Кошелекъ», посвященный «Отечеству», погибъ на девятомъ номерѣ. Во всякомъ случаѣ, Новиковъ испыталъ едва ли не весь трагизмъ журналиста по призванію, одушевленного самыми высокими стремленіями, но встрѣчающаго на каждомъ шагу препятствія,—журналиста, которому суждено было пережить и прекращеніе своихъ изданій, и равнодушіе публики, вызванное независимыми отъ него обстоятельствами.

Новое изданіе сатирическихъ журналовъ Новикова представляетъ собою воспроизведеніе первыхъ ихъ изданій, съ заглавными листами, виньетками, ороеграфіей и даже съ опечатками. Говорить о пользѣ общедоступнаго изданія этихъ журналовъ, отдѣльныя статьи которыхъ будутъ всегда перечитываться съ интересомъ и удовольствіемъ, нѣтъ надобности. Но нельзя не пожалѣть, что вступительныя статьи о «Трутнѣ», «Живописцѣ» и «Кошелекѣ» черезчуръ кратки и сообщаютъ не всегда вѣрныя свѣдѣнія. Автору этихъ статей, очевидно, неизвѣстны изданія «Трутеня» и «Живописца», сдѣланныя въ 60-хъ годахъ г. Ефремовымъ. Изъ этихъ изданій можно было бы позаимствовать и необходимыя примѣчанія, безъ которыхъ многое въ текстѣ журналовъ останется для большинства читателей непонятнымъ. Можно было бы раскрыть и нѣкоторые инициалы и псевдонимы, выставленные подъ отдѣльными статьями.

С. Аишевскій *).

М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго, т. II-ой (вып. VIII—XVI-й). Всего будетъ 3 тома. Ц. по подписнѣ 6 р. Второй томъ **) жизнеописанія П. И. Чайковскаго обнимаетъ собою время съ 1877 по 1884-й годъ (П. И. родился въ 1840 г.). Въ творческой дѣятельности Чайковскаго этотъ періодъ начинается созданіемъ оперы «Евгеній Онегинъ» и IV-й симфоніи и оканчивается фортепианнымъ «Тріо» и 3-й Сюитой.

6-го іюля 1877 года произошло событіе, имѣвшее роковыя послѣдствія въ жизни Чайковскаго, событіе, едва не стоившее ему жизни и приведшее его въ состояніе, близкое къ безумію. Событіе это была его женитьба на А. И. Милоковой.

Въ письмѣ къ близкому другу, Н. Ф. фонъ-Меккъ, Чайковскій такъ описываетъ, какъ онъ сдѣлался женихомъ. «Я получилъ (въ началѣ мая) письмо отъ одной дѣвушки, которую зналъ и встрѣчалъ прежде. Изъ этого письма я узналъ, что она давно удостоила меня своей любовью... Въ одинъ прекрасный вечеръ, я отправился къ моей будущей супругѣ, сказалъ ей откровенно, что не люблю ее, но буду ей, во всякомъ случаѣ, преданнымъ и благодарнымъ другомъ... Засимъ я спросилъ ее—желаетъ ли она быть моею женой. Отвѣтъ былъ, разумѣется, утвердительный». Таково было сватовство П. И. Послѣ свадьбы, 15-го іюля П. И. пишетъ: «Я не могу еще рѣшить, счастливъ я или наоборотъ», а 26-го іюля, уѣзжая къ роднымъ въ деревню, П. И. пи-

*) *Поправка:* Въ іюльской книгѣ, въ библиографическомъ отдѣлѣ на стр. 85, строка 18-ая снизу, должно быть *раскольниковъ* вмѣсто *ремесленниковъ*; на стр. 86, строка 15-ая сверху, вмѣсто *внушительной* должно быть *вступительной*.

С. А.

**) О первомъ томѣ см. «М. В.» 1901 г., дек.

спеть: «Я ѣду черезъ часъ. Еще нѣсколько дней и, клянусь вамъ, я бы съ ума сошелъ».

Проживъ въ деревнѣ, Чайковскій въ началѣ сентября вернулся къ женѣ въ Москву, а 24-го сентября уѣхалъ въ Петербургъ, «въ состояніи, близкомъ къ безумію» *). Его встрѣтилъ братъ Анатолій и отвезъ въ гостиницу, гдѣ съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ, послѣ котораго П. И. два дня былъ въ безсознательномъ состояніи. Послѣ этого, по настоянію врачей, братъ увезъ П. И. за границу, въ Кларанъ, и на цѣлые семь лѣтъ П. И. сдѣлался чело-вѣкомъ, совершенно неспособнымъ переносить жизнь въ обществѣ вслѣдствіе крайняго нервного расстройства.

Расстройство это выражалось, прежде всего, въ чрезвычайномъ повышеніи душевной чувствительности, вслѣдствіе котораго обычныя сношенія людей между собою, основанныя, главнымъ образомъ, на неискренности и притворствѣ, называемыхъ умѣньемъ держать себя, сдѣлались для П. И. невыполнимыми. Въ то же время одиночество было для П. И. невыносимымъ вслѣдствіе душевной тоски, «жгучей, сумасшедшей тоски», не покидавшей нѣкоторые дни П. И. ни на одну минуту. Эта мучительная тоска не находилась въ связи съ внѣшними обстоятельствомъ жизни П. И. и была въ немъ, такъ сказать, органическая; она уступала только музыкальному творчеству, которое было въ этотъ періодъ жизни П. И. его истиннымъ спасеніемъ.

Уѣзжая въ такомъ состояніи за границу, П. И. былъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ своего жалованья профессора московской консерваторіи. Родные его также не могли много ему помочь. Казалось бы, что П. И., написавшій уже 2 симфоніи, 2 оперы, считавшійся уже звѣздой среди русскихъ композиторовъ, могъ разсчитывать на матеріальную поддержку со стороны общества въ моментъ столь тяжкаго нервного заболѣванія, въ особенности имѣя личнаго друга въ лицѣ директора московской консерваторіи, Николая Рубинштейна.

Но это только казалось. Николай Рубинштейнъ, обладавшій колоссальнымъ нервнымъ здоровьемъ, не могъ понять, что бы изъ-за какого-то нервного расстройства можно было избѣгать людей. Поэтому, отыскивая матеріальныя средства для П. И., онъ остановился на мысли поручить П. И. представительство отъ русской музыки на парижской всемірной выставкѣ, за что П. И. получилъ бы извѣстное вознагражденіе. Когда П. И., совершенно неспособный въ это время имѣть дѣло съ кѣмъ либо изъ людей, не считая ближайшихъ къ нему братьевъ, отказался отъ этого представительства, то Н. Рубинштейнъ въ письмѣ къ нему слишкомъ открыто обнаружилъ то свойство чело-вѣческой дружбы, которое Пушкинъ такъ хорошо охарактеризовалъ словами «покровительства позоръ». Этими письмомъ П. И. былъ ужасно обиженъ и отвѣчалъ на него очень рѣзко.

Во всякомъ случаѣ, заботы о матеріальныхъ средствахъ были для П. И. въ это время совершенно не по силамъ, и весьма возможно, что онъ бы погибъ, не создавъ «Оле-Гина» и позднѣйшихъ своихъ твореній, если бы не пришла къ нему на помощь, и притомъ съ необыкновенной, чисто женской, деликатностью Н. Ф. фонъ-Меккъ, вдова милліонера.

*) О причинахъ, породившихъ семейное несчастье П. И., издатель говоритъ слѣдующее: «Я не смѣю изложить въ подробностяхъ всю грустную исторію послѣдствій этой женитьбы, во-первыхъ, не обладаа пужнымъ для этого безпристрастіемъ, во-вторыхъ, не имѣя въ рукахъ не только свидѣтельства altera pars, но и возможности въ будущемъ когда-либо имѣть его, въ-третьихъ, не желая затрогивать законную щепетильность многихъ лицъ, живущихъ и понынѣ».

Самъ П. И. говорилъ, что оба они «противъ воли обманули другъ друга во всемъ», и что жена его «поступала честно и искренно, и была причиной самаго глубокаго и сильнаго несчастья мужа противъ желанія и безсознательно».

Этотъ эпизодъ въ жизни П. И. настолько¹ интересенъ, что заслуживаетъ быть воспроизведеннымъ здѣсь. Надежда Филаретовна фонъ-Меккъ была въ это время уже матерью одиннадцати дѣтей и ей было 46 лѣтъ. Она была преданной поклонницей таланта П. И. и черезъ скрипача Котекъ, съ которымъ она музицировала и который былъ близокъ къ П. И., она имѣла самыя подробныя свѣдѣнія о жизни П. И. Зная о стѣсненномъ матеріальномъ положеніи П. И., Н. Ф. уже въ 1876 черезъ Котека пробовала ему помогать, заказывая переложенія его сочиненій для скрипки съ фортепіано и платя за нихъ очень щедро. Весною 1877 года, заказывая П. И. одно сочиненіе, Н. Ф. проситъ его прислать ей свою фотографію, и при этомъ пишетъ: «Было время, что я очень хотѣла познакомиться съ вами: теперь же, чѣмъ больше я очаровываюсь вами, тѣмъ больше я боюсь знакомства». На это П. И. отвѣчалъ: «Вы совершенно правы. Я чувствую, что при боже близкомъ ознакомленіи со мной, вы бы не нашли того соответствія, той полной гармоніи музыканта съ человѣкомъ, о которой мечтаете».

Узнавъ о болѣзни П. И. и его затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, Н. Ф. предложила ему 6.000 рублей въ годъ до того времени, пока онъ не будетъ въ состояніи опять приняться за профессуру въ Москвѣ. Пособіе это должно было остаться въ тайнѣ между ними. П. И. принялъ даръ Н. Ф., и между ними установилась самая тѣсная и нѣжная дружба, къ которой наиболѣе подходитъ возвышенное понятіе Платонической любви, потому что оба они, состоя другъ съ другомъ съ этихъ поръ въ подробнѣйшей перепискѣ, а позже даже встрѣчаясь въ толпѣ или въ театрѣ, умерли, *никогда въ жизни не слышаго голоса другъ друга*.

Объясненіе этого интереснаго, быть можетъ, единственнаго въ исторіи, факта пока мало доступно, такъ какъ, по словамъ издателя, письма самой Н. Ф. еще не подлежатъ опубликованію. Во всякомъ случаѣ письма П. И. къ ней переполнены сильнѣйшими выраженіями нѣжнѣйшей дружбы и любви, и несомнѣнно, что именно Надеждѣ Фил. мы обязаны спасеніемъ П. И. отъ грозившей ему психической гибели. Н. Ф. окружила его нѣжнѣйшей заботливостію, освободила его совершенно отъ безпокойствъ о своей матеріальной жизни, и въ то же время предоставила ему абсолютную свободу въ выборѣ мѣстожителства и окружающихъ людей, а это было для него важнѣйшее.

Всѣ эти семь лѣтъ П. И. прожилъ, главнымъ образомъ, въ деревнѣ Каменкѣ, Кіевской губ., у сестры, бывшей замужемъ за Давыдовымъ, или за границей. Ближайшими къ нему людьми были слуга Алексѣй и братъ Модестъ. Отношенія къ другимъ людямъ, даже близкимъ ему и любимымъ имъ, были ему тяжелы, а жизнь въ обществѣ, когда ему по случаю постановки его оперъ приходилось бывать въ столицахъ, была для него буквально невыносима, и кончалась нервнымъ расстройствомъ. Только въ концѣ 1884 года П. И. настолько оправился, что въ немъ пробуждается потребность въ личномъ сношеніи съ обществомъ, и это совпало съ матеріальнымъ обезпеченіемъ, которое доставила ему опера «Онѣгинъ», только съ этого времени ставшая популярной, несмотря на ярые нападки прессы (въ Петербургѣ «Онѣгинъ» былъ поставленъ на Императорской сценѣ 19-го октября 1884 г.).

Но не только устраненіемъ отъ него матеріальныхъ заботъ сыграла такую роль въ жизни П. И. его «невидимый геній», «ея фея», какъ называлъ Надежду Фил. П. И. Еще важнѣе были для него ея нравственная поддержка, духовное единеніе съ ней. въ то время, когда П. И. чувствовалъ себя нравственно разбитымъ и одинокимъ, такъ что даже вѣра въ свой талантъ нерѣдко въ немъ угасала. П. И. писалъ Надеждѣ Филаретовнѣ почти ежедневно и о самыхъ интимныхъ сторонахъ своей жизни, и эти письма и составляютъ главное содержаніе II-го тома его біографіи.

Благодаря этой перепискѣ мы имѣемъ не только точныя данныя о жизни П. И. за этотъ періодъ времени, но мы имѣемъ крайне интересную книгу, заключающую въ себѣ мнѣнія П. И. о главныхъ событіяхъ и лицахъ не только музыкальной жизни этихъ лѣтъ, но отчасти и политической, а также мнѣнія его о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ религіозныхъ и философскихъ вопросахъ.

Письма П. И. не только интересны, какъ принадлежащія перу человека, творившаго въ музыкальной области, но они написаны превосходнымъ литературнымъ языкомъ и поражаютъ полчасъ глубиной и важностью своего содержания. Читая этотъ томъ, почти исключительно состоящій изъ писемъ П. И., я испытывалъ иногда малую, точно читаешь повѣсть въ письмахъ Тургенева или «Безъ догмата» Сенкевича, до того выпукло и интересно вырисовывается личность П. И. въ этой перепискѣ.

Наибольшую важность фактической матеріалъ, заключающійся въ этой перепискѣ, имѣетъ для интересующихся музыкой и психологіей творчества.

По послѣднему вопросу мы находимъ здѣсь чрезвычайно важное и подробное описаніе своего процесса творчества Чайковскимъ, и того состоянія духа, какое необходимо для творческой работы. Особенно важно такое показаніе со стороны истиннаго художника, какимъ былъ П. И., съ тѣхъ поръ, какъ А. Толстой въ своей статьѣ «Что такое искусство?» по своему обыкновенію ребромъ поставилъ вопросъ о томъ, что долженъ чувствовать художникъ, когда онъ создаетъ свои произведенія.

По этому вопросу Чайковскій, между прочимъ, пишетъ слѣдующее. «Для артиста въ моментъ творчества всегда необходимо полное спокойствіе. Въ этомъ смыслѣ художественное творчество всегда объективно, даже и музыкальное. Тѣ, которые думаютъ, что творящій художникъ въ минуты аффектовъ способенъ посредствомъ средствъ своего искусства выразить то, что онъ чувствуетъ, — ошибаются. И печальныя, и радостныя чувства выражаются всегда, такъ сказать, ретроспективно. Не имѣя особенныхъ причинъ радоваться, я могу проникнуться веселымъ творческимъ настроеніемъ, и наоборотъ, среди счастливой обстановки произвести вещь, проникнутую самыми мрачными и безнадолжными ощущеніями».

«Словомъ, артистъ живетъ двойною жизнью: общечеловѣческой и артистической, причемъ обѣ эти жизни текутъ иногда не вмѣстѣ *)».

Во время творчества, говоритъ Чайковскій далѣе: «Душа трепещетъ отъ какого то совершенно непостижимаго и невыразимо сладкаго волненія, рѣшительно не успѣваешь слѣдовать за ея порывомъ куда-то, время проходитъ буквально незамѣтно. Въ этомъ состояніи есть что-то сонambuлическое. On ne s'entend pas vivre». И еще далѣе: «Находясь въ нормальномъ состояніи духа, я могу сказать, что сочиняю всегда, въ каждую минуту дня и при всякой обстановкѣ».

Во II-мъ томѣ мы находимъ массу отзывовъ П. И. о музыкальныхъ произведеніяхъ и музыкантахъ, отзывовъ, крайне интересныхъ и важныхъ, но иногда на столько рѣзкихъ, что невольно является вопросъ, достаточно ли своевременно появленіе въ печати такихъ отзывовъ о живущихъ еще людяхъ со стороны Чайковского, который всю свою жизнь являлся образцомъ деликатности въ сношеніяхъ съ людьми.

Викторъ Валтеръ.

*) Рискую быть нескромнымъ, не могу все же отказать себѣ въ удовольствіи указать на совпаденіе этихъ словъ съ тѣмъ, что я писалъ по этому же вопросу въ брошюрѣ «Въ защиту искусства». С.-Пб. 1899 г.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Нибуръ. «Рабство, какъ система хозяйства». — Н. М. Павловъ. «Русская исторія до новѣйшихъ временъ».

Г. І. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Изданіе магазина «Книжное дѣло». Стр. 431. Цѣна 2 руб. (Москва. 1902). Кромѣ чрезвычайно плохой книги о рабствѣ Ингрэма и совершенно поверхностной «Эволюціи рабства» Летурно, не только у насъ, но и въ Западной Европѣ почти не существуетъ *общей* исторической сводки данныхъ, касающихся этого важнаго института (книги, напр., Турмана о рабствѣ — «Histoire de l'esclavage ancien et moderne» и о крѣпостномъ состояніи «Histoire du servage» страдаютъ не только безпорядочностью и отсутствіемъ критики въ чемъ упрекаетъ первую книгу Нибуръ, но и неполнотою и случайностью въ выборѣ фактовъ). Вотъ почему книга Нибура можетъ привлечь къ себѣ вниманіе всѣхъ, занимающихся социологіею или социальнo-экономическою исторіею. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она не обманетъ читателя, а въ другихъ — обманетъ.

Остановимся сначала на ея недостаткахъ, къ сожалѣнію, довольно крупныхъ. Книга Нибура занимаетъ (безъ библіографіи) 402 страницы, изъ которыхъ первыя 47 и послѣднія 50 заняты нѣкоторыми теоретическими соображеніями о рабствѣ, какъ особомъ социальномъ институтѣ, а остальныя 305 почти сплошь заняты изложеніемъ этнографическихъ данныхъ, и, въ лучшемъ случаѣ попытками ихъ классификаціи. Это дѣлаетъ книгу на шесть седьмыхъ совершенно неудобочитаемою, что особенно досадно въ виду цѣлой массы интересныхъ и многозначительныхъ данныхъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ по монотоннымъ этнографическимъ описаніямъ, наполняющимъ работу. Во-вторыхъ, распредѣленіе излагаемыхъ матеріаловъ чрезвычайно произвольно. Между главою объ экономическихъ отношеніяхъ въ Океаніи и положеніемъ женщинъ въ Меланезіи, на Ново-Соломоновыхъ, Ново-Гибридскихъ и другихъ островахъ, находимъ ни съ того, ни съ сего три главы о сельскихъ классахъ Англіи и Германіи въ средніе вѣка. Связи между этими главами и окружающимъ ихъ контекстомъ ни малѣйшей нѣтъ, и быть не можетъ (да авторъ ее и не устанавливаетъ, а, просто, какъ будто постороннее лицо вставило эти ненужныя главы, спокойно продолжаетъ прерванный рассказъ объ Океаніи). Такихъ неожиданностей весьма много. Акад. Янгуль въ одной старой своей статьѣ упрекаетъ англичанъ въ «слабости классификаціи». Быть можетъ, изъ всѣхъ когда-либо высказанныхъ огульныхъ приговоровъ — этотъ наиболѣе близокъ къ истинѣ: англичане и американцы слишкомъ часто грѣшатъ въ этомъ отношеніи, и Нибуръ исключенія ни въ какомъ случаѣ не составляетъ.

Третьимъ недостаткомъ работы Нибура мы считаемъ его односторонность въ собираніи матеріаловъ: этнографія у него — исчерпывающая, но исторію онъ эксплуатируетъ чрезвычайно мало и поверхностно. «У варуа на похоронахъ вождя убиваютъ рабовъ, но это еще не доказываетъ, чтобы рабство было здѣсь социальнымъ установленіемъ». «Адума и ошебо работоторговцы, но про домашнее рабство у нихъ нѣтъ никакихъ упоминаній». — «Авторы описывающіе ваніоро не упоминаютъ про рабство, но относящіеся сюда указанія не достаточно подробны, чтобы можно было сдѣлать выводъ объ отсутствіи здѣсь рабства». Такихъ ничемныхъ сообщеній въ книгѣ Нибура болѣе, нежели достаточно. Для «адума» и «ваніоро» (о которыхъ ровно ничего положительнаго въ данномъ вопросѣ неизвѣстно) у автора нашлось мѣсто, а для римлянъ не нашлось. Кромѣ бѣг-

лыхъ, случайныхъ пятистрочныхъ упоминаній (очень немногочисленныхъ) мы ровно ничего о римлянахъ тутъ не нашли. Ученое коллекціонерство слишкомъ увлекло автора, — и читатель отъ этого остался въ прямомъ проигрышѣ.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ книга Нибура (снѣженная превосходнымъ указателемъ) имѣетъ большую цѣнность, какъ *единственный* справочный трудъ по вопросу о рабствѣ; мало того, — замѣчательно богатая библиографія этнографическихъ первоисточниковъ и литературы предмета—дѣлаетъ книгу совершенно необходимою для всякаго, занимающагося изученіемъ рабства и сопредѣльныхъ соціально-юридическихъ вопросовъ (мы встрѣтили тутъ, между прочими—и Петрова—ислѣдователя Аляски, и Миклуху-Маклая, и Ковалевскаго и Иславина, — и другихъ русскихъ ученыхъ и путешественниковъ; судя по библиографіи Нибура, русскимъ путешественникамъ присуща довольно упорная тенденція къ изученію именно полярныхъ странъ, — мезенской, тундры, Камчатки и другихъ мѣстъ, столь отдаленныхъ, что никакіе этнографы другой національности не дѣлаютъ имъ тамъ никакой конкуренціи).

Помимо своего справочнаго и библиографическаго значенія книга Нибура любопытна по нѣкоторымъ не вполне ясно доказаннымъ, но остроумнымъ и правдоподобнымъ обобщеніямъ, касающимся связи между различными способами національнаго хозяйства и невольничествомъ. Ходъ рабовладѣльческой эволюціи представляется Нибуромъ въ такомъ видѣ.

Первые рабы—вѣроятно плѣнники, взятые на войнѣ. «На древнѣйшихъ стадіяхъ культуры съ рабами, въ общемъ, обращаются мягко и разица между молодыми рабами и свободными дѣтьми—невелика». «Постепенно число рабовъ возрастаетъ, начинается работорговля». Простонародье, видя въ рабахъ орудіе аристократіи, начинаетъ относиться къ нимъ съ недовѣріемъ и ненавистью». Затѣмъ «дальнѣйшее развитіе рабства можетъ идти двумя различными путями: въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ вывозятся масло, хлопокъ и тому подобное продукты, рабство принимаетъ огромные размѣры. Обширныя плантаціи могутъ лучше всего обрабатываться рабами, такъ какъ промышленныя издѣлія ввозятся, то трудъ рабовъ долженъ не только прокормить хозяина, но и снабдить его предметами роскоши; нужды рабовладѣльца, и, вышѣ съ тѣмъ, стремленіе его къ расширенію рабства становятся безграничными». Что же касается странъ, гдѣ разводятся зерновые хлѣба и продукты земледѣлія не вывозятся въ очень большихъ размѣрахъ, — то тамъ хозяинъ не заинтересованъ въ безпредѣльномъ увеличеніи численности рабовъ, — и «рабы, за исключеніемъ немногихъ, приравненныхъ къ домашнимъ работамъ, скоро получаютъ позволеніе жить довольно независимо, оставаясь обязанными только доставлять опредѣленное количество земледѣльческихъ продуктовъ» и исполнять нѣкоторыя другія обязанности. При свѣтѣ этихъ (впрочемъ, не совсемъ новыхъ) соображеній, — особенно ясно становится, почему, напр., у древнихъ германцевъ, при всей ихъ дикости, рабамъ жилось въ тацитовскія времена гораздо лучше, нежели у утонченныхъ соотечественниковъ Тацита, и почему какой-нибудь рабъ гуруна или даже вроеза далеко не всегда оказался бы въ выигрышѣ, если бы изъ вѣгвама своего хозяина онъ попалъ въ крѣпостные въ усадьбу иного русскаго помѣщика эпохи Вѣлинскаго и Грамовскаго. Если гдѣ и показываетъ себя «желудокъ» и только онъ одинъ — «царемъ исторіи», — то именно въ эволюціи рабства: можетъ быть, исторія рабства и носить такой безпросвѣтно мрачный колоритъ, — между многими прочимъ, — и по этой причинѣ.

Переводъ исполненъ литературно, но тяжело; неудобныя выраженія попадаютъ довольно часто. Замѣтимъ переводчику, что англійское *moral science*, въ примѣненіи къ этнологіи, никакъ нельзя переводить словами «моральная наука» (стр. 4). Единственный переводъ, вѣрно передающій не звукъ, а смыслъ подлинника, былъ бы: «общественная наука». Ученый міръ прочтетъ Нибура, если

еще не читалъ его на англійскомъ языкѣ, а средній читатель едва ли одолѣетъ эту работу.

Евг. Тарле.

Н. М. Павловъ. Русская исторія до новѣйшихъ временъ. Вторые пять вѣковъ перваго тысячелѣтія (1332—1862). Томъ первый. М. 1902. in 8-vo. Стр. 4 нн. + 448. Ц. 1 р. 50 к. Книга Н. М. Павлова — удивительная книга! Когда одну за другой перелистываешь ея немудренныя страницы, то испытываешь ужасное чувство утраты связи съ дѣйствительностью: какъ будто поднимаешься быстро, быстро на какія-то надземныя высоты, съ которыхъ ежеминутно рискуешь упасть на землю и разбиться безъ смысла и безъ цѣли. Современный читатель такъ привыкъ къ болѣе или менѣе серьезному историческому изложенію, что архаическое созданіе г. Павлова, отлившееся въ форму стараго лѣтописнаго сказанія, прямо поражаетъ своимъ чисто дѣтскимъ содержаніемъ и необычайно выдержанною наивностью. Хочется думать, что авторъ шутить: откопалъ гдѣ-то старую рукопись XVIII вѣка, пообчистилъ отъ пыли, тиснулъ, да и пустилъ гулять среди русской публики подъ видомъ своего сочиненія, а самъ посмѣивается: пусть-де злятся присяжные критики.

Мы не будемъ злиться на автора, прежде всего, по той причинѣ, что серьезно критиковать его «русскую исторію» нельзя; немного пожуричь его стоитъ, ибо не мѣшало бы нѣсколько съ большимъ уваженіемъ относиться къ нашему читателю, который, во всякомъ случаѣ, переросъ историческое міровоззрѣніе Пимена. Мало того: писаніе г. Павлова не имѣетъ даже той цѣны, какую имѣетъ трудъ Пимена, какъ современника или очевидца описываемыхъ имъ событій. Припомните порученіе Пимена Григорію:

« Въ часм
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыхъ чудеса,
Пророчества и знаменія небесны».

Г. Павловъ тоже описываетъ управу государей, войну и миръ и пр., но онъ описываетъ, конечно, не какъ очевидецъ, «не мудрствуя лукаво», а по напередъ созданной имъ дѣтской схемѣ. Исторія московскаго періода превращена у него въ семейную исторію сыновей и внуковъ Ивана Калиты; эта семейная исторія описана чисто вышнимъ образомъ: живыя лица на фонѣ современной имъ обстановки отсутствуютъ; все это какіе-то герои внѣ времени и пространства, герои безъ опредѣленной физіономіи, наряженные въ износившіеся театральные костюмы. Отъ времени до времени вспыхиваетъ въ книгѣ русскій народъ; онъ призывается авторомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, наскучивъ безъ толку нагораживать событія, авторъ испытываетъ желаніе пофилософствовать. Авторъ и философствуетъ отъ имени народа, который такимъ образомъ играетъ у него роль хора въ античной трагедіи. Герои сами по себѣ, народъ самъ по себѣ: между ними отсутствуетъ всякая связь, и авторъ спѣшитъ создать ее, вставляя морализирующія сентенціи и словесныя украшенія. Сужденія автора обыкновенно абсолютны и безапелляционны: читатель долженъ ему *вприти* на слово, ибо къ доказательствамъ авторъ не прибѣгаетъ; все въ русскомъ прошломъ ясно, просто, никакихъ контроверзъ. Возсоздавать русское прошлое путемъ критическаго анализа историческихъ источниковъ нельзя; только *горячая тѣра* и *безграничная фантазія* автора могутъ чудодѣйственно извлечь изъ мрака вѣковъ нашу исторію. Шутка ли: тысячу лѣтъ прожили, поучаетъ г. Павловъ. А ума не нажили, вертится на языкѣ читателя, который умиляется надъ такою фразой г. Павлова: «Пусть еще и въ наши дни всѣ мы, русскіе люди, повторяемъ подчасъ то самое изреченіе, которымъ новгородцы звали къ себѣ на помощь Рюрика. Тѣмъ не менѣе, однако,

въ отвѣтъ на разные совѣты о *государственномъ нарядѣ* (курсивъ принадлежитъ автору) новѣйшихъ византійцевъ (sic!) ежечасно мы и возражаемъ: «вѣтъ, боюсь грѣха! Да не будетъ. Русь свои обычаи имутъ», точь-въ-точь какъ Владиміръ... слово въ слово даже до сегодня». Это разсужденіе призвано въ книгѣ доказать большую, преобладающую истину, что русскій народъ «нерушимо сохранилъ въ нѣдрахъ своихъ вѣрность собственному историческому призванію». А въ чемъ же заключается это «собственное историческое призваніе»? Прежде чѣмъ отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, читатель долженъ ознакомиться съ другимъ положеніемъ г. Павлова, которое мы, не рискуя впасть въ преувеличеніе, признаемъ классическимъ: «Замѣчательно, что народъ, издревле сохранившій наиболѣе другихъ свою первобытную цѣльность, — помнящій себя въ человечествѣ еще съ библейскихъ временъ (!!!), а подъ настоящимъ своимъ именемъ выступившій на свѣтъ также изстари, — наконецъ, увлекшись подражаніемъ славолібію прочихъ, насчитавшій въ 1862 году цѣлое тысячелѣтіе своей славы (чему воздвигнуть даже монументъ въ Новгородѣ!) — этотъ самый народъ, по всеобщему признанію, почитается еще недостижимымъ совершеннѣйшаго: въ общей семьѣ европейскихъ народовъ слыветъ младшимъ противъ другихъ и моложе всѣхъ. Но если этотъ свыше чѣмъ тысячелѣтній народъ, а по своей принадлежности къ славянству и вовсе незапамятный сторожилъ Европы, кажется въ ней моложе всѣхъ, нужны ли еще другія свидѣтельства въ доказательство живости нашей многовѣковой старины и цѣльности самой исторіи нашей». Пока авторъ убѣждаетъ читателя въ томъ, что мы призваны быть вѣчно несовершеннѣйшими и на всѣ совѣты объ установленіи порядка отвѣчали «боюсь грѣха», отмѣтимъ одну, двѣ оригинальныхъ мысли въ русской лѣтописи почтеннаго автора. Татарщина, по мнѣнію г. Павлова, внесла много порчи въ народный бытъ: «татарство страшно огрубило нравы, особенно же повредило именно тѣмъ, что рабство, котораго вовсе не знала древняя Русь, стало у насъ какъ бы роднымъ явленіемъ, и глядѣло напоследокъ какъ бы даже отечественною стариною». Какъ же это такъ: г. Павловъ утверждаетъ, что древняя Русь вовсе не знала рабства, а *Русская Правда* думаетъ совѣтъ иначе: она перечисляетъ различные источники холопства; да и церковныя проповѣди говорятъ о томъ, чтобы господа милovali рабовъ своихъ. Автору не мѣшало бы предварительно справиться съ «Русскою Правдой», прежде чѣмъ писать приведенную выше смѣлую фразу. На Петербургъ авторъ золь: названіе это «антинаціонально» и «нескладно». Ростъ московскаго государства есть «возвращеніе русской державы въ свои древніе предѣлы». Калита, по словамъ автора, не былъ «творцомъ небывалаго на Руси *государственного права*» (курсивъ и ковычки принадлежатъ автору) и заводчикомъ небывалыхъ порядковъ». Въ русскомъ прошломъ, къ счастью, не было государственнаго права, а былъ «старинно-патріархальный взглядъ князей». Вся древняя Русь у автора называется страной «удѣльно-вѣчевого уклада»... Стоить ли и прилично ли утомлять вниманіе читателей выписками всѣхъ оригинальностей нашего историка. На ряду съ дурнымъ тономъ изложенія, на ряду съ фальшивой фразистостью авторъ проводитъ грубо-пристрастную точку зрѣнія на Москву: все вездѣ плохо, только въ Москвѣ все прекрасно... Позвольте привести еще только одну выдержку, чтобы покончить съ указаніями на историческіе приемы г. Павлова. Вотъ начало параграфа объ «общепризнанномъ первенствѣ московскихъ князей»: «Такъ ужъ къ этому времени опустились по своему быту и упали во мнѣніи народа измѣльчавшіе князья — всѣ вообще, кромѣ московскихъ. Одни они только въ этомъ отношеніи составляли исключеніе: не къ упадку клонились, а шли въ гору. И самъ народъ видѣлъ въ томъ свою славу: величался и любовался ихъ возвышеніемъ. Прозваніе «Гордый», утвердившееся въ народѣ за Симеономъ Іоанновичемъ, ошибочно было бы по-

нимать въ томъ худомъ смыслѣ, будто онъ держалъ себя высокомерно съ прочими князьями и превозносился, какъ спѣшведъ или гордецъ, надъ всею братіей. Напротивъ, любясь несравненнымъ достоинствомъ своего великаго князя — его чудеснымъ, ровнымъ со всѣми обхожденіемъ и прирожденнымъ вѣжествомъ, свойственнымъ высокому рожденію и его положенію — народъ далъ ему такое имя не по враждѣ къ нему, а изъ расположенія...»

Но довольно... Что можно сказать о несчастной литературѣ, которая въ началѣ XX вѣка терпитъ подобныя творенія? Въ какое положеніе понадесть читатель, взявшій въ руки сію *новую* книгу по русской исторіи? Исторія — не баллада, оговоркой «въ ней большія чудеса, очень мало складу» не оправдывается, а въ русской исторіи г. Павлова такъ «мало складу», что мало-мальски образованному читателю становится неловко за ея автора.

В. Николаевъ.

СОЦІОЛОГІЯ.

Г. Тардъ. «Соціальные этюды».

Г. Тардъ. Соціальные этюды: Соціальные законы. — Толпа и публика. — Преступность толпы — Трансформация власти. — Переводъ І. Гольденберга. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1902. (366+VI стр. 8°). Цѣна 1 р. 50 к. Работы Тарда уже отчасти извѣстны русской читающей публикѣ. Извѣстна, вѣроятно, и довольно оригинальная фязіономія этого автора, какъ соціологическаго писателя. Если кто хоть немного познакомится съ произведеніями такого писателя, тотъ никогда не забудетъ впечатлѣнія произведеннаго на него его словами, но именно *впечатлѣнія*, а самое содержаніе его мыслей можетъ очень скоро забыться; даже болѣе того — трудно себѣ дать точный отчетъ въ содержаніи его работъ. Тардъ обладаетъ, повидимому, чересчуръ живымъ характеромъ: представленія и мысли ассоціируются у него самымъ причудливымъ образомъ, и читатель, слѣдя за авторомъ, нерѣдко можетъ удивляться, любоваться, даже восхищаться самымъ неожиданнымъ выводомъ, самымъ смѣлымъ парадоксомъ. Читатель чувствуетъ, что онъ никогда такихъ выводовъ сдѣлать не можетъ, не можетъ и повѣрить справедливости его парадоксовъ, но всѣ эти прыжки мысли такъ изящны и выполняются авторомъ съ такой легкостью и увѣренностью въ себѣ, что читатель невольно заинтересовывается: хочется посмотреть, что будетъ дальше. Но, когда закроешь книгу и захочешь дать отчетъ себѣ въ томъ, къ какимъ результатамъ привелъ тебя авторъ, то оказывается, что, кромѣ сомнѣній, не остается ничего. Конечно, сомнѣніе само по себѣ — вещь не дурная; въ настоящее время оно даже считается очень цѣннымъ въ наукѣ, и отъ него, говорятъ, ведетъ начало вся новѣйшая философія; но сомнѣніе, возбуждаемое чтеніемъ произведеній Тарда, это — сомнѣніе совершенно особаго рода. Тардъ, какъ соціологъ, имѣетъ свою особую доктрину. Эту доктрину онъ и хочетъ обосновать своими работами. Всѣ соціальныя явленія, которыхъ касается Тардъ, освѣщаются и толкуются имъ съ точки зрѣнія этой доктрины. Тотъ, кто вѣритъ въ эту доктрину, конечно, будетъ со всѣмъ соглашаться, но для того, кто не вѣритъ, всѣ эти толкованія не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ въ нихъ онъ не можетъ найти *доказательствъ*, которыя бы могли его *убѣдить*. Тардъ, повидимому, и самъ это очень хорошо чувствуетъ. Въ своемъ предисловіи къ русскому изданію «Этюдовъ» онъ говоритъ, что эти его статьи представляютъ «примѣненіе къ одной изъ отраслей соціальной науки, въ данномъ случаѣ къ политикѣ, основной соціологической концепціи, которая формулирована мною въ моихъ «Соціальныхъ законахъ»

и которая сама находитъ себѣ конечное объясненіе въ извѣстномъ образомъ понимаемой психологіи. Эта специальная психологія,—психологія коллективная, если хотѣть,—*скорѣе угадывается, чѣмъ точно формулируется* въ наброскахъ «Толпа и публика» и «Преступность толпы». Такимъ образомъ, по признанію самого Тарда, «конечное объясненіе» или основа его доктрины «скорѣе угадывается, чѣмъ точно формулируется». Поэтому, оказывается, что его доктрина въ сущности нигдѣ не излагается, а только иллюстрируется. И самъ Тардъ, повидимому, этимъ нисколько не смущается. Въмѣсто того, чтобы доказать тѣ основныя положенія, съ которыми онъ на каждомъ шагѣ оперируетъ, Тардъ ихъ просто навязываетъ читателю: въ одномъ мѣстѣ онъ такую истину называетъ «въ несчастію, слишкомъ очевиднымъ обстоятельствомъ» (75), въ другомъ предлагаетъ читателю «проникнуться той очень простой истиной, что всѣ *факты* исторіи въ самомъ началѣ своемъ были *вопросами*» (275) и т. д. Бѣда въ томъ, что эти «истины» либо оказываются настолько пустыми, что въ нихъ даже и содержанія нельзя никакого открыть (почему не называть, напр., *факты* исторіи, если угодно, *вопросами*?); либо, если въ нихъ владывать то содержаніе, которое желаетъ вложить Тардъ, оказываются вовсе не такими нетребующими доказательства аксіомами, какъ это хочетъ представить авторъ. «Передъ крестовыми походами—продолжаетъ Тардъ,—былъ вопросъ о походахъ; передъ торжествомъ христіанства въ римской имперіи тамъ существовалъ вопросъ христіанскій, подобно тому, какъ существуютъ теперь вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи...» Согласитесь, читатель, что такъ аргументировать нельзя: вѣдь самъ Тардъ говоритъ, что «вопросы» предшествуютъ «фактамъ», и вдругъ эта «очень простая истина» подтверждается тѣмъ вопросомъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи, который существуетъ теперь. Но вѣдь мы же не можемъ знать, какому «факту» долженъ предшествовать этотъ «вопросъ»; въ настоящую же минуту мы знаемъ только то, что этотъ «вопросъ» возникъ *послѣ* извѣстнаго историческаго «факта», когда Эльзасъ и Лотарингія отошли къ Германіи. Выходитъ, стало быть, что иллюстраціи Тарда говорятъ какъ разъ противоположное тому, что онъ признаетъ «очень простой истиной», которой и предлагаетъ читателю проникнуться.

Но меня могутъ упрекнуть въ пристрастной подтасовкѣ неудачныхъ фразъ изъ сочиненій Тарда, и потому лучше хотя бы кратко разсмотрѣть содержаніе перваго этюда, «Соціальныхъ законовъ», гдѣ, по признанію самого автора, формулирована его «основная соціологическая концепція». Этотъ этюдъ состоитъ изъ трехъ главъ. Первая озаглавлена «Повтореніе явленій», вторая—«Противоположеніе явленій» и третья—«Приспособленіе явленій». Какъ видитъ читатель, заголовки ничѣмъ не указываютъ на то, что въ этихъ главахъ трактуются соціологическія темы; и это вовсе не случайно. Тардъ въ этомъ этюдѣ хочетъ показать, что повтореніе, противоположеніе и приспособленіе—это три закона, которые господствуютъ во всѣхъ наукахъ, а слѣдовательно, и въ соціологіи. Этимъ путемъ онъ хочетъ «показать, чѣмъ должна быть соціологія, если она желаетъ заслужить имя науки» (стр. 6). Постановка вопроса, характерная не для одного только Тарда. Есть много соціологовъ, которые стараются доказать, что соціологія—тоже наука, и даже настоящая наука; но доказываютъ это чрезвычайно страннымъ способомъ. Если дѣйствительно три указанныхъ Тардомъ закона (что подъ ними разумѣется, это пока для насъ безразлично) имѣютъ такое широкое значеніе, что всѣ науки подчинены имъ, то эти законы никомъ образомъ не могутъ быть названы соціальными законами, потому что съ тѣмъ же правомъ можно было бы ихъ назвать и законами зоологическими, ботаническими и т. д. Слѣдовательно, такіа доказательства оказываютъ медвѣжью услугу соціологіи, такъ какъ совершенно логично можно было бы сдѣлать изъ этихъ соображеній слѣдующій выводъ: если соціо-

логія обладает только такими законами, которые есть и въ другихъ наукахъ, то нѣтъ никакого основанія признавать ее особою наукою. Самое большее, что можно было бы вывести изъ этихъ законовъ, это то, что социологія *можетъ* быть наукою, потому что у нея есть съ науками нѣкоторые общіе признаки. Но Тардъ хочетъ доказать, что это-то и есть социальныя законы, и такимъ образомъ доказываетъ, что его социологія не можетъ «заслужить имени» особой науки.

Мы знаемъ уже, что «конечное объясненіе» «основной социологической концепціи» Тарда заключается «въ извѣстномъ образомъ понимаемой психологіи». Интересно поэтому прослѣдить, какими путемъ приходитъ Тардъ къ своей «психологіи коллективной», или «между-мозговой». Зачатки серьезной разработки социологическихъ вопросовъ Тардъ видитъ въ работахъ лингвистовъ, мнѣологовъ и особенно экономистовъ. «Эти специалисты социологіи — говоритъ онъ, — усмотрѣли не мало интересныхъ отношеній между послѣдовательными и совмѣстными фактами, отношеній, которыя ежеминутно повторяются въ предѣлахъ изучаемой области». Это подобіе безчисленныхъ человѣческихъ дѣйствій, выражаются ли послѣднія въ произношеніи гласныхъ или согласныхъ, въ покупкахъ или продажахъ, въ производствѣ или потребленіи извѣстныхъ товаровъ и т. д. Правда, когда лингвисты или экономисты пытались формулировать на основаніи этихъ подобій законы, то эти самыя подобія дали поводъ къ построенію законовъ несовершенныхъ, примѣнимыхъ лишь къ толкованію большинства случаевъ; но объясняется это тѣмъ, что ихъ поспѣшили провозгласить раньше, чѣмъ выдѣлили изъ этихъ частичныхъ истинъ ту дѣйствительно общую истину, которую онѣ включаютъ въ себя, элементарный социальный фактъ, который социологія ищетъ въ темнотѣ и который она должна найти для того, чтобы выйти на свѣтъ. Въ поискахъ за этимъ общимъ объясненіемъ, распространяющимся одновременно на законы или псевдо-законы — экономическіе, лингвистическіе мнѣологическіе, часто высказывалось то соображеніе, что объясненіе это можетъ дать психологія (стр. 12—13). Это понялъ уже Стюартъ Милль, но ошибка его заключалась въ томъ, что для него психологія была только индивидуальной. Между тѣмъ «за элементарными социальными фактами слѣдуетъ обращаться не къ этой исключительно внутренне-мозговой психологіи, а прежде всего къ психологіи между-мозговой, которая изучаетъ, какъ именно входятъ между собою въ сознательныя отношенія индивидуумы, прежде всего два индивидуума. Соприкосновеніе между двумя умами порождаетъ совершенно непредвидѣнные душевныя состоянія, которыхъ фізіологическая психологія не можетъ объяснить». Эти особые душевныя состоянія наблюдаются особенно при «опытахъ гипнотическаго внушенія и внушенія въ состоянія бодрствованія». Такимъ образомъ Тардъ приходитъ къ основному социологическому факту, къ подражанію, называемому внушеніемъ. Такъ какъ для подражанія необходимы два индивидуума, то Тардъ и кладетъ въ основу всего «элементарную социальную пару». «Я утверждаю, — говоритъ онъ, — что отношеніе между этими двумя лицами составляетъ единый и необходимый элементъ социальной жизни, и что въ первоначальномъ видѣ онъ есть подражаніе одного лица другому» (17). И здѣсь опять Тардъ вѣренъ себѣ: онъ старается по возможности твердо *внушить* это читателю. «Необходимо хорошо понять это во избѣжаніе *тишета* и *поверхностности* возраженій». Боясь того, что мои возраженія будутъ поверхностны и тишеты, я пока не буду возражать противъ послѣдняго утвержденія Тарда. Но, вѣдь это его положеніе относительно «элементарной социальной пары» подражающихъ другъ другу людей есть выводъ изъ всей предшествующей аргументаціи, если только можно это назвать аргументаціей. Поэтому, прежде чѣмъ высказывать свои сомнѣнія относительно вывода, рассмотримъ рассужденіе Тарда. Первыми социологами Тардъ называетъ лингвистовъ, мнѣологовъ и экономистовъ.

Мы должны сказать, что это не вѣрно, ни исторически, ни по существу (конечно, мы не говоримъ объ экономистахъ, которые никогда не переставали быть социологами, занимаясь *общественнымъ хозяйствомъ*). Конечно, и про миеологовъ и лингвистовъ можно было бы сказать, что они занимаются изслѣдованіемъ такихъ продуктовъ человѣческой культуры, которые могли создаться только въ обществѣ; но въ этомъ смыслѣ къ социологіи можно отнести еще множество другихъ наукъ. Исторически невѣрно это утвержденіе Тарда потому, что ни лингвисты, ни миеологи, формулируя свои законы, никогда не думали распространять ихъ на всѣ социальныя науки, что же касается совершенства лингвистическихъ законовъ, къ которому такъ скептически относится Тардъ, то эти законы въ настоящее время по своей точности превосходятъ законы какой либо другой исторической науки. Никогда также не пускались ни лингвисты, ни миеологи, ни насколько мнѣ извѣстно, экономисты въ поиски за общимъ объясненіемъ экономическихъ, лингвистическихъ и миеологическихъ фактовъ. Если дѣйствительно для объясненія многихъ фактовъ жизни языка современное языковѣдѣе пользуется данными психологіи, то въ настоящее время ни одинъ языковѣдъ не скажетъ, чтобы психологіей объяснялось въ языковѣданіи все, напротивъ, въ настоящее время и уже давно усердно разрабатывается такъ называемая физиологія звука, о которой и самъ Тардъ кое-что знаетъ. Однимъ словомъ во всемъ этомъ очень много поклеповъ на лингвистовъ и миеологовъ. Общаго объясненія всѣмъ этимъ фактамъ ищетъ Тардъ, а не лингвисты и миеологи, и ему во что-бы то ни стало нужно добыть «элементарный социальный фактъ». Почему это ему нужно? Трудно сказать, но кажется, здѣсь дѣло не обошлось безъ вліянія естествознанія, которое доискалось во многихъ случаяхъ до подобныхъ элементовъ. Тардъ чувствуетъ однако, что опираясь на психологію индивидуума, физическаго элемента общества, ни къ чему нельзя придти, такъ какъ въ единицѣ уже нельзя найти никакого слѣда общественности. Поэтому ему необходимо, чтобы «элементарный социальный фактъ» былъ, такъ сказать, больше единицы; но для элементарности этого факта необходимо, чтобы единицъ было по меньше, —отсюда и получается тардовская пара. Но приходя къ своей парѣ, Тардъ видитъ, что губить индивидуальную психологію: она уже не можетъ служить основой для социологіи въ его парѣ, такъ какъ нѣтъ никакихъ данныхъ относительно психологіи пары. Слѣдовательно, для социологіи нужна особая психологія: это и есть психологія «между-мозговая», къ ней относятся явленія внушенія, и далѣе теорія Тарда уже легко приходитъ къ «внушенію—подражанію». Такимъ образомъ Тардъ, повидимому, принадлежитъ къ школѣ социологовъ-психологовъ, но идетъ дальше ихъ, отрицая индивидуальную психологію. Къ сожалѣнію, другой психологіи, кромѣ индивидуальной, до сихъ поръ не существуетъ, а психологія «между-мозговая» самимъ Тардомъ «скорѣе угадывается, чѣмъ точно формулируется».

Читатель видитъ уже, сколько во всей этой теоріи произвольнаго, совершенно недоказаннаго, и изъ такихъ произвольныхъ утвержденій она состоитъ отъ начала до конца. Такъ напр., рассматривая «элементарную социальную пару», Тардъ говоритъ: «но что же можетъ быть передано одною душой другой при ихъ психологическомъ общеніи? Чувства ли ихъ, привязанности? Нѣтъ, это ни въ какомъ случаѣ не сообщаемо. Все, что два субъекта могутъ сознательно сообщать другъ другу это ихъ понятія и хотѣнія, ихъ сужденія и намѣренія». Невольно спрашиваешь, почему чувства и привязанности ни въ какомъ случаѣ невозможно сообщить другому, а можно сообщить понятія, хотѣнія? Отвѣта на это нѣтъ. Вообще вся книжка Тарда составлена изъ афоризмовъ, которые нерѣдко отличаются остроуміемъ, но которые были бы пригодны развѣ только для эпиграфовъ, если бы были нѣсколько глубже. Напр.: «Если существуютъ народы и классы, у которыхъ религіозная вѣра растетъ, тогда

какъ у другихъ народовъ или классовъ она падаетъ, то потому, что каждый человѣкъ заключаетъ въ себѣ возможность усиленія и ослабленія вѣры» (38), или: «Любовь мужчины къ женщинѣ не можетъ одновременно расти и падать, это возможно лишь попеременно; но мужчина можетъ одновременно любить и ненавидѣть одну и ту же женщину,—антиномія сердца, выражающаяся въ столькихъ преступленіяхъ, вызываемыхъ страстями» (37) и т. д.

Намъ, конечно, нѣтъ возможности сообщить и разобрать все содержаніе книги Тарда, а потому приходится даже отказаться отъ разъясненія того, что это за всеобщіе законы повторенія, противоположенія и приспособленія, о которыхъ я упоминалъ выше: это слишкомъ увеличило бы объемъ рецензіи. Поэтому я ограничусь краткимъ указаніемъ содержанія слѣдующихъ главъ этюдовъ. Сравнительная характеристика «Толпы и Публики» сводится въ сущности къ выясненію понятія публики. Подъ публикой Тардъ разумѣетъ, такъ сказать, культурную толпу, объединенную вокругъ какого либо центра: напр., читатели одной и той же газеты. «Публика, въ концѣ концовъ, есть лишь родъ коммерческой кліентуры» (94). Весь этюдъ сводится къ установленію различныхъ видовъ толпы и публики: мужской, женской, толпы выходящей, внимающей, манифестирующей и т. д. Слѣдующій этюдъ трактуетъ о преступленіяхъ толпы и старается выяснитъ, почему толпа совершаетъ иногда такіа дѣянія, на которыя не способны отдѣльные ея члены. Наконецъ, обширный этюдъ о «Трансформаціяхъ власти» касается многихъ весьма интересныхъ соціологическихъ вопросовъ, какъ напр. объ источникахъ власти, о благородныхъ сословіяхъ, о возникновеніи городовъ и столицъ, о борьбѣ партій, о войнѣ и дипломатіи, о политическомъ искусствѣ и политической морали. Мы даже и не пытаемся передать содержаніе всѣхъ этихъ этюдовъ, такъ какъ главное ихъ содержаніе заключается въ самомъ способѣ трактованія предмета, о которомъ мы постарались дать читателю нѣкоторое представленіе.

Тардъ раздѣляетъ со многими соціологами тотъ недостатокъ, что часто доказательство ведется путемъ сравненія. Сравненія эти берутся по преимуществу изъ области естественныхъ наукъ. Такъ Тардъ говоритъ напр. объ «интерференціи подражательныхъ лучей» (стр. 27, 28, 79 сл.), о «двухъ подражательныхъ изученіяхъ» (69). Употребленіе такихъ «физическихъ метафоръ» (27) и «гидравлическихъ сравненій» (84) нисколько не уясняютъ существа дѣла, а скорѣе вредятъ, придавая неопредѣленной мысли слишкомъ опредѣленную видимость. Иногда это стремленіе къ внѣшней точности ведетъ къ математическимъ формулировкамъ законовъ, совершенно недоказаннымъ. Такъ на стр. 26 говорится о распространеніи примѣра въ группѣ по геометрической прогрессіи, если группа однородна. Это—несомнѣнное злоупотребленіе точностью: я думаю, что даже теоретически невозможно доказать справедливости этого. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что знаменатель этой прогрессіи самъ долженъ убывать (не знаю, въ какой прогрессіи). Немного ниже, правда, Тардъ говоритъ о стремленіи къ геометрической прогрессіи, но зачѣмъ же такъ играть точными математическими терминами?

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить скромности Тарда. На стр. 21 онъ слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ свою собственную концепцію: «Этому взгляду суждено произвести въ соціологіи такіа же измѣненія, какія произвело въ математикѣ введеніе анализа безконечно малыхъ».

Д. Кудрявскій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Тотоміанцъ. «Муниципализація промышленныхъ предприятий». — Парусъ. «Торговопромышленный кризисъ и профессиональные союзы». Рихардъ Эренбергъ. «Вольшія состоянія».

В. Ө. Тотоміанцъ. Муниципализація промышленныхъ предприятий. Москва. 1902. 174 стр. Ц. 1 р. 50 коп. Быстрый ростъ большихъ городовъ, представляющій одно изъ наиболѣе яркихъ явленій новѣйшей стадіи культурнаго развитія необычайно расширилъ и усложнилъ сферу дѣятельности города. Уже давно городъ началъ играть крупную роль въ организаціи и экономіи народнаго хозяйства, и все современное крупно-капиталистическое развитіе было бы немислимо безъ роста большихъ городовъ. Но до послѣдняго времени города рѣдко и неохотно выступали въ качествѣ самостоятельнаго хозяйствующаго субъекта, въ качествѣ предпринимателя.

Въ настоящее время эта сторона дѣятельности быстро и широко развивается западно-европейскими, въ особенности англійскими муниципалитетами.

Западно-европейскіе муниципалитеты выступаютъ въ роли финансистовъ, покупая цѣнныя бумаги, главнымъ образомъ государственную ренту, содержатъ свои ломбарды и банки, свои собственные страховыя общества, имѣютъ собственные рестораны (Бреславль), аптеки, прачешныя, пекарни, не говоря уже о водоснабженіи, освѣщеніи и передвиженіи. Исходя изъ той мысли, что все растуція финансовыя нужды городовъ требуютъ созданія прочнаго и постояннаго источника городскихъ доходовъ и что города дешевле и лучше сумѣютъ удовлетворить нужды городского населенія, чѣмъ частные предприниматели, западно-европейскіе муниципалитеты одно за другимъ стали сосредоточивать въ своихъ рукахъ крупныя городскія предпріятія. Такъ какъ рука объ руку съ этимъ шло на западѣ неуклонное расширеніе избирательныхъ правъ городскихъ обывателей и этимъ путемъ городское управленіе все болѣе демократизировалось, все болѣе точно выражало интересы большинства населенія, то понятно, что расширеніе и улучшеніе муниципальных промышленныхъ предпріятій было направляемо въ сторону желательную для этого большинства.

Безъ этихъ предварительныхъ условій демократизаціи городского управленія и широкой гласности его функціонированія, расширеніе муниципальных промышленныхъ предпріятій само по себѣ могло дать весьма печальные результаты; нельзя поэтому не пожалѣть, что, задавшись цѣлью выяснитъ успѣхи муниципальной промышленности, г. Тотоміанцъ совершенно отказался отъ задачи выяснитъ ту правовую обстановку, въ которой эта дѣятельность на западѣ совершается, а безъ выясненія этой обстановки совершенно нельзя понять въ чемъ кроется успѣхъ западно-европейскихъ муниципальных предпріятій.

Поразительные успѣхи муниципальных промышленныхъ предпріятій совершенно незамѣтнымъ образомъ, такъ сказать, ниже порога сознанія, революционизировали міровоззрѣніе многихъ ярыхъ индивидуалистовъ и сторонниковъ свободной конкуренціи. Извѣстный англійскій экономистъ Сидней Веббъ превосходно обрисовалъ этотъ процессъ:

«Практическій человѣкъ, — говоритъ онъ, — презирающій всѣ теоріи социальной организаціи, подчиняется измѣнившимся условіямъ жизни и идетъ по пути коллективизма, не признавая въ то же время социализма. Англійскій гласный — индивидуалистъ шагаетъ по муниципальной мостовой, поливаемой муниципальной водой; онъ смотритъ на муниципальные часы, возвышающіеся надъ муниципальномъ рынкомъ, чтобы во время встрѣтитъ своихъ дѣтей, вы-

ходящихъ изъ муниципальной школы, рядомъ съ которой находится муниципальный госпиталь; онъ садится на муниципальный трамвай и ѣдетъ въ муниципальную бібліотеку, чтобы подготовиться тамъ къ рѣчи о необходимости перехода въ руки государства каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Во время этой рѣчи въ городской думѣ онъ не преминетъ воскликнуть: «соціализмъ, господа гласные, не стоитъ того, чтобы человекъ практически разбирался въ его фантазіяхъ и абсурдѣ. Индивидуальное дѣйствіе, самопомощь—вотъ что возвеличило нашъ городъ!»

Эти удивительные успѣхи муниципализаціи промышленныхъ предпріятій внимательно зарегистрированы въ книгѣ г. Тотоміанца. Книга эта написана нѣсколько сухо, хотя собранныя въ ней фактическія данныя весьма краснорѣчивы. Авторъ, по его собственнымъ словамъ, руководился принципомъ, выраженнымъ американскимъ соціологомъ Уордомъ въ словахъ: «Большая часть всего цѣннаго въ наукѣ есть результатъ разсужденія о собранныхъ фактахъ». И поэтому «больше всего посвятилъ времени сбору мелкихъ и крупныхъ фактовъ, разбѣянныхъ во множествѣ городскихъ отчетовъ, проектовъ, газетныхъ и журнальныхъ статей, брошюръ и книгъ». (Предисловіе). Но вѣдь американскій соціологъ говоритъ не о сыромъ сборѣ фактовъ, а о «результатѣ разсужденія», и намъ думается, что большія старанія автора, направленные на разработку этой стороны изслѣдованія, много бы могли содѣйствовать оживленію и большей систематичности его интересной работы.

Первая глава труда г. Тотоміанца носитъ общій характеръ, будучи посвящена выясненію состава и значенія муниципальных промышленныхъ предпріятій. Авторъ, какъ мы уже упомянули, ограничилъ, къ сожалѣнію, свою задачу изслѣдованіемъ промышленной дѣятельности муниципалитетовъ только съ финансовой стороны, оставивъ въ сторонѣ правовыя нормы, ее регулирующія. По его выраженію, онъ считаетъ своею задачею «представить промышленную область муниципалитетовъ какъ источникъ доходовъ въ то время, когда коммунальные расходы все увеличиваются и увеличиваются и городской долгъ не перестаетъ расти».

Переходя затѣмъ къ описанію удивительно богато разросшейся промышленной дѣятельности западно-европейскихъ и американскихъ городовъ, авторъ, какъ намъ кажется, слишкомъ подробно разсматриваетъ эту дѣятельность со стороны городского фиска, въ то же время недостаточно выясняетъ ея обще-культурное значеніе, ея значеніе для городского потребителя. Авторъ даже считаетъ, что «муниципалитеты въ общемъ не должны браться за предпріятія, финансовые результаты которыхъ сомнительны» (39). Съ этимъ едва ли можно вполне согласиться, намъ думается, что муниципалитеты должны взять на себя цѣлый рядъ предпріятій, «финансовые результаты которыхъ сомнительны», имѣя при этомъ въ виду цѣли просвѣщенія или улучшенія матеріальнаго положенія маломущихъ слоевъ городского населенія. Едва ли правильно, какъ это дѣлаетъ авторъ, разсматривать всѣ промышленныя предпріятія лишь съ точки зрѣнія фиска и предоставлять всѣ не приносящія дохода предпріятія частнымъ предпринимателямъ. Намъ думается, что не фискальныя соображенія, а заботы о здоровьи городского населенія должны заставить муниципалитеты взять въ свои руки тѣ предпріятія, отъ доброкачественности и дешевизны продуктовъ которыхъ зависитъ здоровье населенія, и при этомъ вся получаемая прибыль должна цѣлкомъ идти на удешевленіе и улучшеніе этихъ продуктовъ, а не на улучшеніе финансовъ города. Говоримъ, конечно, лишь объ опредѣленныхъ отрасляхъ промышленныхъ предпріятій городовъ, а не о нихъ всѣхъ. Въ книгѣ г. Тотоміанца мы находимъ интересныя данныя о положеніи рабочихъ въ муниципальных предпріятіяхъ, о незаконно раз-

личныхъ формахъ этихъ предпріятій, объ отношеніи къ нимъ кооперативнаго движенія и т. д.

По свѣжести и полнотѣ фактическихъ данныхъ книга г. Тотоміанца заслуживаетъ полнаго вниманія.

П. Берлинъ.

Парвусъ. Торгово-промышленный кризисъ и профессиональные союзы. (Parvus. Handelskrise und Gewerkschaften. Nebst Anhang: Gesetzentwurf über den achtstündigen Normalarbeitstag. Verlag: M. Ernst. München). Промышленный міръ переживаетъ теперь тяжелый хозяйственный кризисъ. Экономическій подъемъ, наблюдаемый въ Германіи съ 1895 года, смѣнился въ 1900 году цѣлымъ рядомъ крупныхъ и мелкихъ банкротствъ. Множество заводовъ и фабрикъ или совсѣмъ прекратили свою дѣятельность, или значительно сократили ее. Десятки и сотни тысячъ рабочихъ потеряли заработокъ, сотни тысячъ семействъ лишились средствъ къ поддержанію жизни. По послѣднимъ *приблизительнымъ* расчетамъ во всей германской имперіи насчитывается свыше пяти-сотъ тысячъ безработныхъ.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь помочь бѣдствующимъ рабочимъ, нѣкоторые муниципалитеты принуждены были предпринять различныя работы и такимъ путемъ доставить безработныхъ возможность перебитья. Въ то же время профессиональные союзы рабочихъ опустошали свои кассы для поддержки товарищей, лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію.

Въ періодъ промышленнаго подъема профессиональные союзы сдѣлали порядочные успѣхи. Число членовъ съ 252.044 въ 1894 году поднялось въ 1900 г. до 680.427. Членскіе взносы съ 2,7 милл. марокъ повысились до 7,7; расходы съ 2,1 милл. поднялись до 6,5 милл. (По послѣднему отчету, число членовъ понизилось въ 1901 г. до 677.510, хотя касса отъ этого не пострадала: приходы повысились до 9.722.720 марокъ, расходы — до 8.967.168 м. Р. О.).

Итакъ, развитіе профессиональныхъ союзовъ несомнѣнно. Это развитіе слѣдуетъ приписать, съ одной стороны, промышленному подъему, съ другой — существованію сильно сплоченной социалъдемократіи. Безъ нея вносимые въ парламентъ реакціонные законопроекты стали бы законами и тормазили бы развитіе профессиональныхъ союзовъ. Это положеніе — одинъ изъ главныхъ тезисовъ Парвуса. Въ то время какъ нѣкоторые политики — въ родѣ Зомбарта, Булемана и др — полагаютъ, что демократія точно свинцомъ давитъ на союзы и мѣшаетъ ихъ успѣшному развитію, Парвусъ утверждаетъ противное. Профессиональные союзы заняты лишь экономической борьбой и для успѣха въ ней они нуждаются въ политическомъ представительствѣ. Безъ такого они лишились бы подъ давленіемъ реакціи всѣхъ тѣхъ вольностей, которыя даютъ возможность организоваться, бороться и побѣждать.

Въ періодъ промышленнаго расцвѣта рабочіе организациі успѣли добиться нѣкоторыхъ выгодъ. Тогда это было нетрудно. При измѣнившейся конъюнктурѣ трудно ожидать отъ борьбы какихъ-либо успѣховъ. Что же въ такомъ случаѣ дѣлать союзамъ? Нельзя же оставлять ихъ въ бездѣйствіи. Бездѣйствіе ведетъ къ дезорганизациі. И Парвусъ рекомендуетъ поэтому заняться упроченіемъ союзовъ путемъ дисциплинированія ихъ членовъ. Дальше онъ рекомендуетъ заняться организацией статистическихъ изслѣдованій экономическаго положенія той или другой профессіи, чтеніемъ рефератовъ о значеніи профессиональныхъ организациі и т. д.

Особенно важна агитація въ пользу законодательнаго ограниченія рабочаго дня. Уменьшенный рабочій день повыситъ спросъ на рабочихъ и заработная плата поэтому не падетъ изъ-за конкуренціи безработныхъ. Чтобы изъ области теоретическихъ соображеній перейти къ практикѣ, Парвусъ приложилъ къ своему сочиненію проектъ закона о введеніи нормальнаго рабочаго дня.

Этими мы истощили главное содержаніе книжки.

Изложеніе Парвуса пересыпано различными теоретическими соображеніями и замѣчаніями относительно кривизовъ, концентраціи капитала, значенія личнаго начала въ промышленности и т. д. Его утвержденія по этимъ вопросамъ крайне общи и въ своей общности безусловно невѣрны. Мѣсто, однако, не позволяетъ намъ подробнѣе коснуться этихъ побочных соображеній. Впрочемъ, для главныхъ положеній автора они не важны.

Р. Олыгинъ.

Рихардъ Эренбергъ. Большія состоянія. Ихъ возникновеніе и значеніе. Фуггеры, Ротшильды, Круппъ. (Richard Ehrenberg. Grosse Vermögen. Ihre Entstehung und ihre Bedeutung. Die Fugger, Rothschild, Krupp. Jena. Verlag von Gustav Fischer). Существуетъ мнѣніе, по которому всякій самъ купецъ своего «счастія». Не «судьба», не какія-либо внѣшнія силы или условія опредѣляютъ ростъ богатствъ *отдельнаго* человѣка, а онъ самъ, его трудолюбіе, энергія, способности. Это мнѣніе исповѣдуется счастливыми, которымъ тѣмъ или другимъ путемъ удалось овладѣть порядочнымъ состояніемъ или завоевать значительное и прочное положеніе на соціальной лѣстницѣ. Въ своей абсолютности и общности это мнѣніе нецѣло и противорѣчитъ ежедневному опыту.

Существуетъ и противоположное мнѣніе, которое превозглашаетъ ничтожество человеческой индивидуальности и всемогущество объективныхъ условій. Въ экономической борьбѣ побѣждаетъ не человѣкъ, не энергія, не талантъ, предусмотрительность и т. д., а исключительно большее количество капитала. Человѣкъ ничто, капиталъ все. Это мнѣніе исповѣдуется всѣми обиженными судьбой, оттолкнутыми отъ пользованія жизненными радостями, униженными и оскорбленными. Оргодоксальные марксисты также раздѣляютъ его. Однако, не трудно видѣть, что и это мнѣніе нецѣло и противорѣчитъ тому, что мы вокругъ насъ наблюдаемъ.

Истина лежитъ посрединѣ. Однѣ личные качества безъ соответственныхъ объективныхъ условій часто оказываются безсильными въ экономической борьбѣ. Но, съ другой стороны, болѣе или менѣе капиталъ можетъ служить только *условіемъ*, но ни въ коемъ случаѣ рѣшающимъ моментомъ въ дѣлѣ достиженія богатствъ.

Книга роштокскаго профессора можетъ послужить прекраснѣйшей иллюстраціей къ высказанному нами мнѣнію. Исторія средневѣковыхъ купцовъ Фуггеровъ, банкировъ Ротшильдовъ и заводчика Круппа—это не исторія развитія бездушнаго капитала, а живыхъ людей, ихъ способностей, таланта, энергіи. Фуггеры, Ротшильды, Круппъ стали богатыми не потому, что обладали крупными капиталами—съ ними конкурировали часто люди болѣе богатые,—а потому, что были надѣлены извѣстными талантами и энергіей. Но понятно, что безъ нѣкоторыхъ объективныхъ условій всѣ субъективные качества ихъ пропали бы даромъ, и Эренбергъ тщательно отмѣчаетъ всѣ эти условія.

Какое значеніе имѣетъ крупный капиталъ? На этотъ вопросъ у Эренберга нельзя найти опредѣленнаго отвѣта. Онъ расцѣнитъ меценатство Фуггеровъ, указываетъ на благотворительную дѣятельность Ротшильдовъ, но въ этомъ, конечно, не можетъ заключаться все значеніе крупныхъ капиталовъ. Въ общемъ можно сказать, что они способствуютъ обогащенію нашей культуры, что они развиваютъ ее, расширяютъ; обогащеніе это достается однако не даромъ: море пота и крови нужно отдать за него. Такова ужъ судьба человечества: милліонами жизней приходится ему пожертвовать для того, чтобы жизнь другихъ милліоновъ была хоть немного облегчена и украшена. Но развѣ нельзя уменьшить число жертвъ, приносимыхъ Молоху-культурѣ? Мы думаемъ, что можно, и ихъ нужно у него отвоевать.

Книга Эренберга написана на основаніи архивныхъ данныхъ, исключая однако монографіи о Круппѣ. Къ сожалѣнію, у него не было матеріала для

исторіи какой-нибудь латифундіи. Было бы интересно сопоставить рядомъ съ торговымъ и промышленнымъ капиталомъ капиталъ земледѣльческій.

Р. Олыгинъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Карлейль. «Sartor Resartus. Жизнь и мысли герръ Тейфельсдрекъ».

Sartor Resartus. Жизнь и мысли герръ Тейфельсдрекъ. Въ трехъ книгахъ. Т. Карлейля. Переводъ съ англійскаго Н. Горбова. Москва. 1902.

Почти одновременно появились двѣ книги: первый русскій переводъ карлейлевскаго «Sartor Resartus'a» и новое нѣмецкое изданіе (двадцать шестая тысяча за восемнадцать мѣсяцевъ) лекцій проф. Адольфа Гарнака *), читанныхъ имъ студентамъ берлинскаго университета. Эти двѣ книги—и старая, и новая—останавливаютъ и надолго задерживаютъ вниманіе читателя и просятся на сопоставленіе не только потому, что ихъ послѣднія изданія появились одновременно, и не только потому, что Гарнакъ упоминаетъ о Карлейлѣ и сочувственно на него ссылается. Въ разной постановкѣ своей ихъ занимаетъ одинъ и тотъ же вопросъ, въ разномъ смыслѣ—они оба дѣти какъ будто одной эпохи и, даже, вопреки біографической хронологіи, Карлейль, подобно современнику своему, Эдгару Поэ, часто кажется человѣкомъ временъ скорѣе Бельше и Верлена, нежели Джона Стюарта Милля и Льюиса (который посвятилъ ему свой трехтомный трудъ о Гёте). Лихорадочно разбрасывающійся анализъ, неустанно работающая и подчиняющая себѣ всего автора фантазія, капризный, но не кокетничающій и не ломающійся стиль—все это роднитъ не только настроеніе, но и нѣкоторые основныя мысли Карлейля съ нашей, а не съ его эпохой, съ началомъ двадцатаго вѣка, а не съ первой половиной девятнадцатаго, когда былъ написанъ столь характерный для него «Sartor Resartus». Какъ дышать вчерашнимъ и сегодняшнимъ нашимъ литературнымъ днемъ, интересами этого дня, такія, напримѣръ, его строки: «Въ символѣ заключается скрытность, но также и откровеніе; такимъ образомъ здѣсь, съ помощью молчанія и рѣчи, дѣйствующихъ совмѣстно, получается двойная значительность. И если, съ одной стороны, рѣчь сама по себѣ возвышенна, а молчаніе, съ другой, благопристойно и благородно—какъ выразительнѣе будетъ ихъ союзъ! Такъ, во многихъ нарисованныхъ девизахъ или простыхъ эмблемахъ на печатяхъ самая обыкновенная истина появляется передъ нами возвышенной съ совершенно новымъ эмфазомъ. Ибо именно здѣсь фантазія съ ея мистическимъ царствомъ чудесъ проникаетъ въ тѣсную прозаическую область чувства и соединяется съ нимъ. Собственно въ символѣ, въ томъ, что мы можемъ назвать символомъ, заключается всегда, болѣе или менѣе ясно и прямо, нѣкоторое воплощеніе и откровеніе безконечнаго; безконечное съ помощью его сливается съ конечнымъ, является видимымъ и, такъ сказать, досягаемымъ. Символами, вслѣдствіе этого, человѣкъ руководится, управляется, дѣлается счастливымъ, дѣлается несчастнымъ. Повсюду видитъ онъ себя окруженнымъ символами, признаваемыми за таковыя или непризнаваемыми: вселенная есть только обширный символъ Бога, и, если ты этого хочешь, что такое самъ человѣкъ, какъ не символъ Бога?.. Развѣ все, что онъ дѣлаетъ, не символично,—откровеніе чувству мистической, Богомъ данной силы, которая заключается въ немъ, благовѣстіе свободы, которое онъ, мессія природы, проповѣдуетъ, какъ можетъ, словомъ и дѣломъ? Онъ не строитъ ни одной лачуги, которая не была бы видимымъ во-

*) «Das Wesen des Christentums». Leipzig. 1902.

площеніємъ мысли, которая не носила бы видимаго воспоминанія о невидимыхъ вещахъ, которая не была бы въ трансцендентальномъ смыслѣ символична столько же, сколько и реальна». Много, очень много у Карлейля такихъ, забѣжавшихъ впередъ, не его, а нашей эпохѣ современныхъ, страницъ, но мы не будемъ загромождать ими настоящую замѣтку; о Карлейлѣ можно написать книгу и о Гарнакѣ—другую книгу, если бы стремиться къ тщательной и полной ихъ характеристикѣ, къ анализу ихъ произведеній и причинъ ихъ шумнаго успѣха. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь одну, наиболее сближающую этихъ двухъ писателей, черту; для цѣлей такого сопоставленія изъ нѣсколькихъ сочиненій Гарнака мы считаемъ наиболее пригоднымъ изданіе его лекцій, а изъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ, написанныхъ Карлейлемъ, тотъ томъ, который занятъ нынѣ переведеннымъ на русскій языкъ «Sartor Resartus'омъ». Карлейля поглощаютъ всѣ главные проблемы социальной и духовной жизни, которыя съ такою неотступностью стоятъ предъ нашими послѣдними поколѣніями; кромѣ приведенной тирады о символахъ, очень многое у него кажется написаннымъ вчера или сегодня, но мы остановимся лишь на одной изъ этихъ проблемъ.

Абсолютное, абсолютная истина въ мірознаніи и въ морали—вотъ что всегда влекло къ себѣ Карлейля и вотъ что нѣмымъ сфинксомъ выступаетъ изъ каждой страницы «Sartor Resartus'a». Не поиски абсолютнаго,—Карлейль его не ищетъ, а оно само, размышленіе о немъ, точнѣе благоговѣніе предъ нимъ. Карлейль согласился съ такою характеристикой своего міровоззрѣнія, сдѣланною Джономъ Стерлингомъ: «Міръ, съ человѣкомъ, какъ его главнымъ предметомъ, весь есть область чуда и тайны; но, чтобы быть понятымъ, они требуютъ, прежде всего, благоговѣнія къ себѣ». Онъ считаетъ религію высочайшею формою отношеній человѣка къ міру и полагаетъ, что въѣтъ ея—удѣлъ человѣка—незнаніе, и тутъ же (въ одобренной имъ характеристикѣ его воззрѣнія) читаемъ: «Впрочемъ, въ концѣ концовъ, мы неизмѣримо невѣжественны. Вокругъ насъ полнота жизни, то слышная въ звукахъ, то видимая въ формахъ; но мы не можемъ измѣрить ея объема или исчислить и послѣдовать ея безконечныхъ силъ». Нельзя смущаться тѣмъ, что Карлейль очень часто какъ будто противорѣчитъ себѣ и иной разъ, казалось бы, изображаетъ себя обладающимъ тою истинною, познать которую, по его же многообразнымъ утвержденіямъ, представляется столь труднымъ; онъ былъ поэтомъ въ душѣ, а поэзію считалъ главнымъ выраженіемъ «чувства божественнаго», «высочайшей формою божественнаго въ человѣческомъ существованіи, свободнѣйшимъ признаніемъ божественнаго во всемъ».

Тайна абсолютнаго не проявляется отъ этихъ восторговъ предъ поэзією,—ни для читателей, ни для Карлейля, и не сбивчивость мысли, а патетическая сила языка часто виновата въ видимыхъ, кажущихся его противорѣчіяхъ. Что такое означаютъ слова «Sartor Resartus»? Заштопанный портной. А чему посвящена озаглавленная такимъ страннымъ образомъ книга? Яко бы изложенію мыслей нѣмецкаго философа герра Тейфельсдрека о «философіи одежды». На самомъ же дѣлѣ это—хаотическое, капризное, раскидчивое трактованіе вѣчныхъ вопросовъ о происхожденіи міра, объ устройствѣ вселенной, о социальныхъ неустройствахъ. Герръ Тейфельсдрекъ, обрисованный въ видѣ умозрительнаго нѣмецкаго мыслителя старыхъ временъ, изображенъ Карлейлемъ въ тѣхъ теплыхъ, мягкихъ, добродушно-ироническихъ тонахъ, которые указываютъ на любовное отношеніе автора къ выводимому имъ типу. Уже исчезающій образъ стараго, расстѣяннаго, «не отъ міра сего» нѣмецкаго ученаго, имѣвшій такъ много въ себѣ симпатичнаго, выступаетъ, несмотря на бѣглость штриховъ, очень рельефно. Комическія внѣшнія черты этого лица еще болѣе отбѣиваютъ всю выразительность хотя бы такого крика отчаянія, влагаемаго

авторомъ въ его уста: «кто я? что такое это я? Голосъ, движеніе, вѣѣшность; нѣкоторая воплощенная, получившая образъ, мысль Вѣчнаго Ума? Cogito, ergo sum. Увы, бѣдный мыслитель, это мало подвигаетъ насъ впередъ. Конечно, я есмь и еще недавно не былъ; но откуда, какъ, для чего? Отвѣтъ лежитъ вокругъ; онъ написанъ всѣми красками и почерками; онъ произносится на всѣ тоны восторга и воплей въ тысячеликой, тысячегласой гармонической природѣ; но гдѣ тотъ острый глазъ, то чуткое ухо, для которыхъ это Богомъ написанное откровеніе выскажетъ раздѣльно свою мысль? Мы пребываемъ какъ бы въ безконечной фантазмагоріи, въ пещерѣ грѣзъ, безконечной, ибо самая слабая звѣзда, самый отдаленный вѣкъ лежатъ не ближе нашего къ предѣламъ; звуки и многоцвѣтные образы летаютъ вокругъ нашихъ чувствъ; не Яго, недремлющаго, чье твореніе—и грѣза, и грѣзачій, Яго—мы не видимъ, и даже не подозреваемъ, кромѣ рѣдкихъ минутъ полубоддрствованія. Твореніе, скажутъ, находится передъ нами, какъ великолѣпная радуга; но солнце, ее произведшее, находится сзади насъ и скрыто отъ насъ. И въ этомъ странномъ снѣ какъ пѣляемся мы за тѣни, какъ будто бы онѣ—сущности; и мы спимъ крѣпче всего тогда, когда мнимъ себя наиболѣе бдящими! Какая изъ вашихъ философскихъ системъ есть что нибудь иное, чѣмъ теорема грѣзъ,—одно частное, принятое на вѣру, когда и дѣлимое, и дѣлитель неизвѣстны? Ваши національные войны, съ ихъ бѣгствомъ изъ Москвы, ваши кровавыя, полныя ненависти революціи, что все это какъ не сомнамбулизмъ больныхъ спящихъ? И эти сновидѣнія, этотъ сомнамбулизмъ есть то, что мы называемъ на землѣ жизнью; и большинство бродитъ въ этомъ, не смущаясь, какъ будто можетъ отличить правую руку отъ лѣвой, а между тѣмъ мудръ только тотъ, кто знаетъ, что онъ ничего не знаетъ!» Это отчаяніе умѣряется нѣсколько характернымъ для времени Карлейля, для первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, социальнымъ оптимизмомъ. Несмотря на «чувства острой печали и тяжкаго негодованія», отъ которыхъ по мнѣнію Карлейля никогда вполне не отрѣшится тотъ, кто «взвѣшиваетъ должнымъ образомъ положеніе міра»,—онъ вѣритъ въ добро и въ конечное торжество его. «Первая пригоршня селитры, сѣры и угля выбросила пестикъ изъ ступки монаха Шварца сквозъ потолокъ; но что сдѣлаетъ послѣдняя? Она довершитъ окончательное и безпорное преклоненіе силы предъ мыслью, животнаго мужества предъ духовнымъ». Но нѣтъ у него столь же свѣтлой вѣры въ конечное торжество познающаго ума въ области вѣчныхъ тайнъ: подобно Шопенгауэру, онъ считаетъ удивленіе естественнымъ состояніемъ философа, «всемирное удивленіе» и, судя по остальнымъ его словамъ, *вѣчное* удивленіе... Христіанскую религію онъ считаетъ «вышимъ, до чего достигала человѣческая мысль». На той же страницѣ читаемъ, что «всѣ вещи, даже небесныя свѣтила... имѣютъ свой періодъ возростанія, періодъ кульминаціонный и періодъ упадка»; религіи и все прочее: «торъ, эдды, африканскіе мумбоджумбо, индѣйскіе Пауау» должны будутъ исчезнуть...

Какая же черта бросается, прежде всего, въ глаза, когда мы знакомимся съ работою карлейлевской мысли надъ проблемами бытія? Глубокое, проникновенное и грустное сознаніе страшной трудности задачи и страшной слабости силъ, съ которыми приходится приступать къ ея разрѣшенію. Это сознаніе бросаетъ необыкновенно привлекательный колоритъ на всю книгу Карлейля, въ которой и тѣни нѣтъ задорнаго и крикливаго провозглашенія, что вотъ вчера еще я не позналъ истины, а сегодня она—у меня въ карманѣ,—нѣтъ и тѣни наивнаго самообольщенія прозелита, примкнувшаго къ вѣковой традиціи, но полагающаго, что этимъ самымъ открылъ онъ вѣсть какую Америку и что другіе, прежніе его единомышленники просто недогадливы,—не болѣе,—если остаются «на побѣгушкахъ» у сомнѣнія... Много потрудились западная

наука надъ вѣчными вопросами,—и Карлейль, одинъ изъ самыхъ могучихъ ея представителей, тоже много и тоже бесплодно мучился ими.

И въ наше время эта сторона его дѣятельности, пожалуй, еще больше привлечетъ къ себѣ вниманіе общества, нежели семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Потребности религіознаго чувства ищутъ себѣ того или иного удовлетворенія—и разное удовлетворяются (и не удовлетворяются) въ современномъ обществѣ, но пробужденіе и оживленіе ихъ въ послѣдніе годы—несомнѣны. И если справедливо, что въ извѣстномъ вопросѣ двадцатый вѣкъ знаетъ столько же, сколько зналъ Анаксагоръ, то что же удивительнаго, что послѣднія семьдесятъ лѣтъ были въ этомъ отношеніи такъ же бесполезны, какъ предшествующія тысячелѣтія? Толпы берлинскихъ студентовъ, слушавшія профессора Гарнака, десятки тысячъ людей, прочитавшихъ потомъ его лекціи въ книжкѣ, въ извѣстномъ смыслѣ могли быть также мало удовлетворены, какъ и читатели «Sartor Resartus'a», если бы пришли къ нему съ вопросами, на которые только вѣра даетъ свои опредѣленные отвѣты. Но книжка его такъ же мало возбуждаетъ чувства разочарованія, какъ и работа Карлейля. Секретъ Гарнака тотъ же, что и секретъ Карлейля: искренность, вдумчивость, серьезная забота о большой задачѣ и малыхъ средствахъ,—все это и здѣсь производитъ впечатлѣніе, самое выгодное и для автора, и для его цѣли. А цѣль его—послужить дѣлу познанія и душевнаго мира (насколько, прибавимъ, это возможно безъ окончательныхъ отвѣтовъ)... Профессоръ Гарнакъ *) еще до своихъ прогрессивныхъ въ Германіи лекцій написалъ большую «Исторію древнехристіанской литературы», издалъ творенія нѣкоторыхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства, выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько большихъ изслѣдованій по церковному устройству первыхъ вѣковъ, издалъ и снабдилъ примѣчаніями цѣлую массу весьма важныхъ для исторіи церкви—произведеній. Во всеоружіи всего, что только можетъ теперь дать избраннымъ имъ отрасль исторической науки, онъ приступилъ къ анализу существа религіи и необыкновенно сильно и талантливо исполнилъ свою задачу. «Господа»,—такъ закончилъ онъ свой курсъ: «религія, то-есть любовь къ Богу и къ ближнему, даетъ жизни смыслъ; наука этого не можетъ дать. Говорю по собственному своему опыту, какъ человѣкъ, который тридцать лѣтъ надъ этими предметами трудился: дивна чистая наука и горе тому, кто низко ее цѣнитъ и заглушаетъ въ себѣ склонность къ познанію! Но на вопросы: откуда? куда? и зачѣмъ? она (наука) отвѣчаетъ теперь такъ же мало, какъ двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ. Правда, она учитъ насъ о фактическомъ, вскрываетъ противорѣчія, связываетъ явленія, исправляетъ обманы нашихъ чувствъ и представленій. Но гдѣ и какъ начинается линія міра и линія нашей собственной жизни, та линія, которой лишь одну часть она, наука, намъ показывается, и куда ведетъ эта линія,—объ этомъ наука насъ не учитъ». Но, заключаетъ Гарнакъ, изученіе собственного внутренняго міра и исторіи человѣчества, можетъ привести не къ упадку духа и не къ тоскѣ, а къ сознанію, что Богъ есть. Какъ бы ни отнесся читатель къ заключенію книги Гарнака, онъ всегда долженъ будетъ признавать внутреннюю силу и красоту за этою дисциплиною мысли, за этимъ свѣтлымъ духомъ умственной свободы и независимости, который позволяетъ ученому служить наукѣ и ей одной, не фальсифицировать ее и, выйдя съ тѣмъ, не обращаться къ ней съ ругательствами только за то, что въ извѣстныхъ вопросахъ она совсѣмъ бессильна. Что онъ сохранилъ свою вѣру—это его личное счастье; что онъ остался въ своихъ лекціяхъ ученымъ, и только

*) Онъ—благородный почитатель «des grossten Schriftstellers» нашего времени, Толстого.

ученымъ, что онъ сдержалъ данное въ предисловіи обѣщаніе представить «чисто-историческую» постановку вопроса — въ этомъ его важная заслуга.

Гарнакъ знаетъ Карлейля и ссылается разъ на него; Карлейль, навѣрно, съ своей стороны полюбилъ бы соотечественника своего мюнхенскаго профессора, если бы былъ современникомъ Гарнака. Оба они слишкомъ серьезно относятся къ вопросу о Богѣ и вѣрѣ, оба признають за вѣрой послѣднее слово въ этомъ вопросѣ, хотя и понимаютъ, что оно доказательно только для вѣрующихъ, оба всю жизнь служили наукѣ и проникнуты духомъ научнаго изслѣдованія, хотя и не закрываютъ глазъ на сравнительную ограниченность предѣловъ научнаго вѣдѣнія, и, вслѣдствіе всего этого, оба равно далеки отъ внезапныхъ открытій религиозныхъ Америкъ и отъ исторически-истерическихъ и раздражительныхъ приглашеній всѣхъ и каждого въ эти Америки неотлагательно слѣдовать. Были у насъ славянофилы, претендовавшіе на полное познаніе не въ примѣръ прочимъ русскаго народнаго духа, и дождались они ядовитыхъ словъ отъ всеглашняго врага своего Тургенева, считавшаго русскій народъ сфинксомъ: «Увы! не довольно надѣтъ мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о всероссійскій сфинксъ!» Живи теперь этотъ несправильный западникъ, онъ могъ бы сказать по аналогіи: «Увы! недостаточно придти въ восторгъ отъ нѣсколькихъ произведеній искусства, чтобы разгадать твою тайну, о всемірный сфинксъ!» Онъ бы такъ сказалъ, посмотрѣлъ бы на Карлейля и Гарнака съ одной стороны, потомъ на иныхъ новѣйшихъ отечественныхъ Колумбовъ съ другой стороны, и, бонимся, остался бы по прежнему западникомъ...

Рекомендуемъ «Sartor Resartus'a» вниманію читателей съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что переводъ выполненъ г. Горбовымъ весьма тщательно и литературно. Г. Горбовъ любовно относится къ Карлейлю (которому онъ посвятилъ маленькое, но прекрасно написанное предисловіе) и это любовное отношеніе къ автору выгодно отразилось на переводѣ. Замѣтимъ только, что «out fitnes» (цитируемъ англійское изд. London 1858, стр. 7) лучше было бы перевести словами «наша способность» или «наша пригодность», а не словами «наше внутреннее право» (русс. перев., стр. 11); переводъ «it tailorises us» (англ. изд., стр. 34) словами «приводитъ насъ въ портновское настроеніе» — неуклюжъ; лишнее было перевести слово «the man» (англ. изд., стр. 127) словами «нашъ ученый мужъ» (русс. перев., стр. 230), въ переводѣ получился отгѣнокъ ироніи, именно въ этой фразѣ отсутствующій въ подлинникѣ (да и, вообще, прибавлять слова отъ себя всегда излишне); слова «though a sansculottist» (англ. изд., 146) г. Горбовъ перевелъ словами: «хотя и санкулоттъ» (рус. пер. стр. 264), тогда какъ надо было оставить безъ измѣненія карлейлевскій терминъ, обозначающій не санкулотта, а защитника санкулоттовъ; «diseases of the nerves» (англ. изд., стр. 159) сильнѣе, нежели просто «разстройство нервовъ» (рус. перев., стр. 288), это выраженіе слѣдуетъ передать словами: «нервные болѣзни».

Эти и очень немногія (2—3) другія неточности перевода не помѣшаютъ, конечно, намъ признать, что г. Горбовъ превосходно справился со своею труднѣйшею задачей: ибо невозможно себя представить болѣе причудливаго и головоломнаго стиля, нежели стиль Sartor Resartus'a. Очень вѣстатіи переводчикъ перевелъ и часть характеристики Джона Стерлинга, отсутствующей во всѣхъ извѣстныхъ намъ изданіяхъ этой книги. Жаль только, что онъ сохранилъ и чудаческую типографскую особенность Sartor'a: большія буквы для цѣлой массы обыкновеннѣйшихъ нарицательныхъ словъ (Призрачное Существованіе, Шапка, Природа, Искусство, Реальное, Душа, Фейерверкъ, Желудокъ, Ласточка, Домикъ, Разносчикъ и т. д. и т. д. до безконечности); этою странностью Карлейль, очевидно, хотѣлъ усилить нѣмецкій «couleur locale» повѣствованія о геррѣ

Тейфельсдрекъ, но на русскомъ языкѣ все это вышло неловко и ненужно, и большія буквы, пестря въ глазахъ, развлекаютъ вниманіе.

Издатели исполнили свое дѣло такъ же добросовѣстно, какъ и переводчики: изданіе чрезвычайно опрятно и даже щеголевато. *Ест. Тарле.*

МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА.

А. Никитинъ. «Пассажирскіе пароходы на Волгѣ въ санитарномъ отношеніи». — Г. Хлопинъ. «Общедоступное руководство къ предупрежденію болѣзней и сохраненію здоровья». — Г. Хлопинъ. «Загрязненіе проточныхъ водъ». — В. Лунинъ. «Пища и болѣзни желудка». — Филипповъ. «Гигіена дѣтей».

А. Ф. Никитинъ. Пассажирскіе пароходы на Волгѣ въ санитарномъ отношеніи. Спб. 1902. Цѣна не обозначена. На Волгѣ насчитывается, кромѣ мелкихъ пароходовъ, предназначенныхъ для перевозки пассажировъ на небольшихъ разстояніяхъ и съ одного берега на другой, большихъ пассажирскихъ пароходовъ до 400, на которыхъ за время навигаціи, т.-е. почти за полугодіе перевозятся нѣсколько милліоновъ людей. Такіе огромные размѣры пассажирскаго движенія на волжскихъ пароходахъ оправдываютъ интересъ къ этому движенію и съ санитарной точки зрѣнія. Не останавливаясь на устройствѣ помѣщеній для пассажировъ первыхъ двухъ классовъ и даже третьяго, очень далекихъ во многихъ отношеніяхъ отъ благоустройства, приведемъ только сдѣланное авторомъ описаніе поистинѣ безобразнаго 4-ого класса, гдѣ тысячи людей нерѣдко проводятъ одну или двѣ недѣли времени.

Этотъ 4-ый классъ устривается на нижней палубѣ, гдѣ расположенъ нары либо въ два яруса, либо вдоль боковыхъ стѣнъ парохода. Вслѣдствіе отсутствія переборокъ между нарами, пассажиры размѣщаются на нихъ вплотную, безъ различія пола и возраста, плотно прижимаясь другъ къ другу. При такой тѣснотѣ создается возможность передачи не только паразитовъ, но и заразныхъ болѣзней. Но и такіе нары не обязательны для пароходовъ, среди которыхъ имѣются и такіе, гдѣ пассажиры ѣдятъ, отдыхаютъ и спятъ прямо на грязной палубѣ. Число пассажирскихъ мѣстъ 4-го класса доходитъ до 1.000, но такъ какъ палуба предназначена и для товара, то въ зависимости отъ количества послѣдняго находится и пространство, остающееся для пассажировъ.

Если мы къ этому прибавимъ, что для животныхъ тоже отводится мѣсто на этой же палубѣ, то станетъ понятно, въ какихъ условіяхъ совершаетъ свое путешествіе неприхотливый русскій мужичокъ. Чтобы пройти мимо лошадей, сообщаетъ г-нъ Никитинъ, надо или самому наклониться, или взять морду животного и отвести ее въ сторону. Всѣ изверженія животныхъ ручьями разливаются по палубѣ, гдѣ живутъ и ѣдятъ люди....

Еще болѣе несчастными, чѣмъ эти пассажиры, являются арестанты, которыхъ иной разъ въ количествѣ 100 человѣкъ, перевозятъ въ товарномъ трюмѣ.

Если таково главное помѣщеніе пассажировъ, то нечего говорить о всѣхъ дополнительныхъ мѣстахъ, которые только дополняютъ общую картину.

Такъ какъ пароходный буфетъ по своимъ цѣнамъ совершенно недоступенъ пассажирамъ 4-го класса, то они запасаются провизіей во время стоянокъ пароходовъ и въ суетѣ и торопливости имъ не приходится останавливаться на качествахъ предлагаемой имъ пищи.

Читая все это, не знаешь, чему больше удивляться: выносливости ли и терпѣнію русскаго человѣка, или наглости тѣхъ, которые позволяютъ себѣ такимъ образомъ обращаться съ людьми. *Врачъ В. И. Б.—кз.*

Общедоступное руководство къ предупрежденію болѣзней и сохраненію здоровья. Составлено проф. Г. В. Хлопинымъ и докторами: В. В. Гориневскимъ, О. А. Литинскимъ, А. В. Погожевымъ, М. И. Покровской, Н. Я. Пясковскимъ, М. А. Раскиной и А. И. Скибневскимъ. Подъ редакціей проф. Г. В. Хлопина. Введеніе Ф. Ф. Эрисмана. Въ 4-хъ томахъ, съ рисунками въ текстѣ. Томъ I. Бесплатное приложеніе къ журналу «Спутникъ Здоровья» за 1902 годъ. Популярное руководство по гигиенѣ, которое напутствовалъ своимъ введеніемъ проф. Ф. Ф. Эрисманъ, представляетъ большой интересъ. Въ прекрасно написанномъ, доступномъ большому кругу читателей предисловіи профессоръ устанавливаетъ разницу между гигиеной индивидуальной и общественной, наглядно показывая, что успѣхи первой не могутъ дать существенныхъ результатовъ, если будетъ въ загонѣ общественная гигиена и санитарія. А развитіе последней возможно только при общемъ просвѣщеніи и улучшеніи матеріальнаго благосостоянія массъ. «И такъ какъ, — говоритъ Ф. Ф. Эрисманъ, развитіе народовъ, въ этомъ отношеніи, совершается лишь медленно, шагъ за шагомъ, то и уменьшеніе заболѣваемости и смертности, путемъ оздоровленія страны, составляя часть общаго культурнаго движенія, происходитъ лишь постепенно, и его нельзя форсировать искусственными, придуманными за кабинетнымъ столомъ и въ канцеляріяхъ мѣрами. Здѣсь нуженъ упорный многолѣтній трудъ, упорная борьба противъ невѣжества, гдѣ бы оно ни показывалось, нужна строгая послѣдовательность въ мѣропріятіяхъ, нужна — last not least — сердечная любовь къ непросвѣщенному, темному народу. И только тотъ, кто сознаетъ все это своимъ разумомъ, только тотъ, кто чувствуетъ эту любовь къ ближнему въ своемъ сердцѣ — только тотъ будетъ настоящимъ борцомъ за общественное здравье».

Въ вышедшемъ пока первомъ томѣ помѣщены работа редактора книги проф. Г. В. Хлопина «Фальсификація пищевыхъ продуктовъ и простѣйшіе способы ея распознаванія» и женщины-врача М. А. Раскиной «Повальные болѣзни, ихъ источники, способы распространенія и борьба съ ними».

Имя редактора изданія вполне гарантируетъ солидность и богатое содержаніе помѣщаемыхъ въ немъ трудовъ.

Въ концѣ своего изслѣдованія проф. Г. В. Хлопинъ указываетъ на необходимость общественной и государственной борьбы съ достигшей колоссальныхъ размѣровъ фальсификаціей продуктовъ, а эта борьба будетъ плодотворна только при существованіи спеціальнаго закона противъ фальсификаціи пищевыхъ и вкусовыхъ продуктовъ, — закона, изданіе котораго составляетъ у насъ въ Россіи насущную потребность.

Статья д-ра М. А. Раскиной о повальныхъ болѣзняхъ, написанная, очевидно, знатокомъ дѣла, читается съ большимъ интересомъ.

Если послѣдующіе томы будутъ также хорошо составлены, какъ вышедшій первый, то руководство это явится одной изъ лучшихъ у насъ книгъ по популярной медицинѣ и гигиенѣ.

Врачъ В. И. Б.—ъ.

Проф. Г. В. Хлопинъ. Загрязненіе проточныхъ водъ хозяйственными и фабричными отбросами и мѣры къ его устраненію. Юрьевъ. 1902 г. Цѣна 65 коп. Тотъ фактъ, что теоретическая гигиена не можетъ еще въ настоящее время съ положительностью высказаться о значеніи повсемѣстно наблюдаемаго загрязненія естественныхъ водоемовъ, въ значительной мѣрѣ объясняетъ отсутствіе у насъ въ повсюду твердыхъ и ясныхъ законоположеній, гарантирующихъ чистоту разныхъ водоводствъ. Въ то время какъ т. наз. контагіонисты съ Кохомъ во главѣ требуютъ строгаго охраненія питьевыхъ водъ отъ загрязненія, локалисты, имѣвшіе во главѣ нынѣ уже покойнаго Петтенкофера, отстаиваютъ важное значеніе чистоты почвы, которая (чистота) можетъ быть куплена, если въ этомъ представится надобность, даже цѣною загрязненія питьевыхъ водъ.

Представителямъ промышленныхъ интересовъ и городовъ на руку последнее воззрѣніе, представители же интересовъ населенія, вынужденнаго пользоваться для питья и хозяйственныхъ нуждъ грязной водою, стоятъ, конечно, на точкѣ зрѣнія контагіонистовъ.

Не имѣя возможности касаться здѣсь тѣхъ сторонъ исслѣдованія проф. Г. В. Хлопина, которые представляютъ интересъ для специалистовъ, скажемъ только, что, какъ видно изъ работы профессора, и въ европейскихъ государствахъ законы объ охраненіи водъ отъ загрязненія далеки отъ совершенства, между прочимъ, и въ Англіи, славящейся своимъ санитарнымъ законодательствомъ. По словамъ проф. Хлопина, въ европейскихъ странахъ загрязненіе водъ зашло такъ далеко, что законы о чистотѣ ихъ являются уже до извѣстной степени запоздалыми.

Тѣмъ больше оснований, говоритъ онъ, посильнѣе съ законодательной разработкой этого вопроса въ Россіи, гдѣ загрязненіе рѣкъ и другихъ водоемовъ пока не зашло такъ далеко и гдѣ, поэтому, еще возможно цѣлесообразными мѣропріятіями парализовать возникающій отъ загрязненія вредъ.

Книга проф. Р. В. Хлопина, хотя и написана для специалистовъ, будетъ съ пользою прочтена лицами, такъ или иначе принимающими участіе въ рѣшеніи вопросовъ общественнаго здравоохраненія. *В. И. Б—з.*

Д-ръ мед. В. Л. Лунцъ. Пища и болѣзни желудка. Популярно-научныя бесѣды съ рисунками въ текствѣ. Спб., 1902 г. Цѣна 80 к. Прекрасно изданная и хорошо написанная книжка д-ра Лунца знакомитъ читателей какъ съ физиологической дѣятельностью желудка, такъ и съ нѣкоторыми патологическими явленіями въ области этого органа. Первая глава книги посвящена выясненію значенія пищевыхъ веществъ и оцѣнкѣ питательности пищевыхъ продуктовъ.

Такъ какъ число лицъ, въ той или иной степени страдающихъ болѣзнями желудка, очень велико, то и кругъ читателей книжки д-ра Лунца долженъ быть обширный и съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что въ главахъ, посвященныхъ діетѣ при болѣзняхъ желудка, идетъ рѣчь о такихъ діететическихкихъ приѣмахъ, которые доступны если не только богатымъ, то во всякомъ случаѣ зажиточнымъ классамъ, а было бы важнѣе дать діететическія указанія и для тѣхъ, кто объ устрѣцахъ и трюфеляхъ только слыхалъ—вѣдь они-то составляютъ большинство. *Врачъ В. И. Б—з.*

Гигіена дѣтей. А. Н. Филиппова, прив.-доц. дѣтскихъ болѣзней въ московскомъ университетѣ. Съ 32 рисунками. Ц. 2 р. 1902. Книга эта составлена изъ лекцій, читанныхъ авторомъ студентамъ и предназначается для интеллигентныхъ матерей. Прекрасной рекомендаціей ей служитъ предисловіе покойнаго профессора Филатова, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Предлагаемое руководство, основываясь на современныхъ научныхъ данныхъ и оставляя въ сторонѣ всякія сомнительныя гипотезы и недоказанныя теоріи, выводитъ гигиеническія правила и законы, причемъ при выборѣ гигиеническихъ мѣръ и предписаній отдастъ предпочтеніе средствамъ, наиболѣе практичнымъ, по возможности дешевымъ и общедоступнымъ». И дѣйствительно, можно смѣло рекомендовать эту книгу, необходимую въ каждой семьѣ, тѣмъ болѣе, что къ достоинствамъ, упомянутымъ выше проф. Филатовымъ присоединяется толковое и ясное изложеніе. Нужно только замѣтить, что врядъ ли удачна мысль автора одну и ту же книгу предназначить и студентамъ, и «интеллигентнымъ матерямъ»: для первыхъ многія объясненія являются излишними, для вторыхъ—слишкомъ специальными и даже совершенно непонятными. Что, напр., «интеллигентная мать» не врачъ вынесетъ изъ слѣдующихъ строкъ: «Легкое не дышавшаго ребенка представляетъ особенное состояніе снаденія, совершенно безвоздушнаго, и потому это состояніе въ отличіе отъ ателектаза называется

ap:ctasia.» (стр. 31.); или: «У здоровыхъ дѣтей, особенно во время сна, наблюдаются явленія такъ называемаго *Хейнз-Штоксова* дыханія» (стр. 33). Или: «У новорожденныхъ иногда наблюдаются неправильности сердцебиенія: аритмія, перебои, *pulsus bigeminus*» (раздвоенный).» (стр. 24). Также совершенно излишни для матерей описаніе результатовъ перкуссіи груди ребенка. Лучше бы вмѣсто этого 22-хъ строчекъ мелкаго шрифта (стр. 37 и 38) г. Филипповъ объяснилъ, почему «частые насморки ведутъ къ хроническому катарру слизистой оболочки носа и смежныхъ областей гѣва, гортани и уха»... такъ какъ для непосвященныхъ совершенно непонятна эта связь носа и уха, а также и лобныхъ пазухъ, о которыхъ говорится нѣсколькими строками ниже (стр. 29). Къ слову замѣтить, намъ кажется совершенно излишней боязнъ автора выносить грудныхъ дѣтей на воздухъ зимой. Г. Филипповъ разрѣшаетъ такія прогулки только въ «невѣтреные, морозные дни до 5° R на короткое время (до 5—8 минутъ) подъ густой вуалью» (стр. 61). Здоровыя 9—10-мѣсячныя дѣти отлично выносятъ температуру и болѣе низкую, такъ что ихъ смѣло можно выносить и до 10° мороза по R безъ всякой густой вуали (которая только раздражаетъ ихъ) и притомъ въ теченіе не 5—8 мин., а и 2—3-хъ часовъ, конечно, не подъ рясъ, а съ промежутками въ теченіе дня. Можетъ быть, главнымъ образомъ, оттого у насъ на сѣверѣ и встрѣчаются такъ часто блѣдныя, анемичныя дѣти, даже у состоятельныхъ людей, что ихъ, изъ боязни простудить, такъ старательно лишаютъ воздуха. Да и много ли на сѣверѣ на всю зиму придется дней съ 5° R, да еще безвѣтреныхъ? Мы, конечно, не хотимъ сказать, что не нужно остерегаться выносить дѣтей въ сильный вѣтеръ и дождь.

Затѣмъ позволимъ себѣ еще два маленькихъ замѣчанія. Во-первыхъ, намъ кажется, лучше всего совѣтовать мыть ребенка не губкой, а простой мягкой тряпочкой, которую гораздо легче содержать въ чистотѣ, чѣмъ губку. Во-вторыхъ, почему авторъ совѣтуетъ купать ребенка послѣ года только разъ въ недѣлю? Вѣдь не только ребенку, который пачкается гораздо больше, но и взрослому ежедневное купаніе ничего, кромѣ пользы, принести не можетъ.

Выше мы говорили, что языкъ разбираемой книги въ общемъ вполне толковый, простой и ясный, но все же должны отмѣтить, что мѣстами встрѣчаются выраженія въ родѣ «натура», «ирритменты», послѣднее даже довольно часто.

Несмотря на указанные нами недосмотры, все же «Руководство по гигиенѣ» г. Филиппова является цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу по данному предмету, и книгу эту можно смѣло рекомендовать каждой «интеллигентной матери».

Врачъ С.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го іюня по 15-ое іюля 1902 г.).

- Т. Гексли и Г. Мартинъ. Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Изд. Б-ни для Самообразованія. Мск. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.
- М. Нордау. Новые парадоксы. Изд. Павленкова. Спб. 1902 г. Ц. 75 коп.
- Князьковъ. Какъ начался расколъ русской церкви. Изд. С. Курининъ и К°. Мск. 1902 г. Ц. 35 к.
- Брюнгесъ. Рескинъ и библия. Изд. Посредника. Мск. 1902 г. Ц. 90 к.
- В. Вундтъ. Введеніе въ философію. Изд. «Образованія». Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Степановъ и Базаровъ. Обществ. отношенія во Франціи XVII и XVIII вв. Изд. «Образованія». Спб. Ц. 50 к.
- Галиций, Гг. Читателямъ и гг. писателямъ. Спб. Ц. 50 к.
- М. Чайковский. Жизнь П. И. Чайковского. Вып. XIX т. III. Юргенсонъ. Мск. 1902 г.
- Лазурскій. Западно-европейскій романтизмъ и романтизмъ Жуковского. Рѣчь пр. въ Новороссійскомъ У-тѣ.
- Глѣбовскій. О дѣйствиіи свѣта вольтовой дуги на волчанку. Исслѣд. при медицин. акад.
- Гр. Новополинъ. Въ сумеркахъ литературы и жизни. Изд. Головиной. Харьк. 1902 г. Ц. 1 р.
- Бертинъ. Разказы. Изд. О-ва «Трудъ». Спб. Ц. 1 р.
- Ф. Лангманъ. Бартель и Туразеръ. Изд. Головиной. Харьк. 1902 г. Ц. 30 к.
- Шницлеръ. Поручикъ Густль. Изд. то же. Ц. 25 к.
- Пружанскій. Въ разгарѣ страстей. Изд. Т-ва «Народная Польза». Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- М. Серао. Сестра Джіована. Изд. т-ва «Общественная Польза». Спб. Ц. 1 р.
- Загоскинъ. Юрій Милославскій. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.
- Писаревскій. Горошки. Изд. Германа. Одесса. Ц. 1 р.
- Андаевъ. Стихи прованка. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.
- С. Сергѣевъ-Ценскій. Думы и грезы. Павлоградъ. Ц. 45 к.
- А. Переводчикова. Стихотворенія. Саратовъ. Ц. 50 к.
- П. Н. Полевой. Какъ мы поселились въ деревнѣ. Изд. Девриена. Спб. 1902 г.
- Р. Киплингъ. По склонамъ Нагорья и трудобамъ Калькуты. Изд. Вс. Попова. Кіевъ. 1902 г. Ц. 65 к.
- А. Луговой. Умеръ талантъ. Изд. Маркса. Спб. Ц. 60 к.
- Жуковский. Собраніе сочиненій. Съ иллюстр. 2 т. Изд. Сытина. Мск. Ц. 7 р.
- И. Забѣлинъ. Исторія г. Москвы. Изд. г. думы. 1902 г. Т. I.
- Гамбаровъ. Двадцать пять лѣтъ дѣятельности госуд. имперск. банка въ Германіи.
- Гофштетеръ. Пожарно-страховое дѣло въ земскихъ губ. Спб. Ц. 2 р.
- А. Бычковъ. Очерки Якутской области. Ирк. Макушина. 1902 г.
- Маренинъ. Албанія и албанциты. Изд. «Военн. журн.» Софія. 1902 г. Ц. 1 р.
- Отчетъ совѣта вѣток. о-ва землед. колоній и ремесл, пріютовъ за 1901 г.
- Дергманъ. Практнч. совѣты для сохраненія жизни. Изд. о-ва «Помощь». Спб. Ц. 50 к.

Конантъ-Дайль. Война въ Южной Африкѣ.

Изд. газ. «Торісъ» Одесса. Ц. 25 к.

О. Н. Попова. Родной міръ. Изд. 2-ое. Спб. Ц. 25 к.

Народная бібліотека при Раменской м-рѣ (каталогъ и обзорѣніе дѣятельн.). Ц. 20 к.

Матеріалы для оцѣнки фабр. зав. и друг. промысл. завед. Нижег. губ.

Дерновъ. Другъ пчеловода. Календарь. Спб. 1902 г.

Пономаревъ. Сборникъ задачъ по элемент. физикѣ. Харьк. 1902 г. Ц. 1 р.

Македоновъ. Хозяйственное положеніе стан. Барыкаевской, Каменномыской и Севастопольской. Воронежъ. 1901 г.

Отчетъ Иваново-Вознесенской общ. Б-ки за 1901 г. Г. Владиміръ 1902 г.

Радцигъ. Производство и потребленіе овса на всемъ. Изд. т-ва «Народная Польза». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Пермская губ. въ сельскохоз. отнош. Пермь. 1902 г.

Обзоръ податнаго состоянія Курской губ. за 1900 г.

Отчетъ нижегор. общественной б-ки за 1901 г.

Н. И. Ильминскій и просвѣщ. инородцевъ. Изд. «Русской Школы». Спб. Ц. 35 к.

Лясъ. Таблицы вычисленія 5% госуд. налога. Двинскъ. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Fields of Ethics*» by prof. George Herbert Palmer. Boston (Houghton Mifflin and Co). (Область этики). Въ книгѣ заключаются шесть лекцій профессора Гарвардскаго университета Пальмера. Авторъ называетъ свои лекціи «введеніемъ въ этику» и говоритъ, что онъ не имѣетъ въ виду въ этихъ лекціяхъ налагать главные принципы нравственной науки или анализировать волю и говорить о происхожденіи нравственнаго чувства и о тѣхъ отдаленныхъ идеалахъ, въ которыхъ долженъ стремиться человѣкъ. Авторъ хочетъ, прежде всего, опредѣлить то мѣсто, которое занимаетъ этика «въ рациональной схемѣ вселенной» (in a rational scheme of universe), указать границы, отдѣляющія ее отъ другихъ областей знанія и установить характеръ нравственнаго человѣка. По его словамъ, этика—это наука, которая учитъ человѣка, какъ жить полною жизнью». Авторъ старается доказать это въ своей книгѣ, главнымъ достоинствомъ которой, помимо содержательности, является простота изложенія, благодаря чему книга доступна большому кругу читателей, не получившихъ спеціальнаго философскаго образованія. (Daily News).

«*The Origin of Thought*» by Rev. d. Nicholson (Kegan Paul). (Происхожденіе мысли). Авторъ заявляетъ, что онъ написалъ свою книгу для «мыслящихъ молодыхъ женщинъ и мужчинъ, получившихъ хорошее общее образованіе, но не читавшихъ философскихъ сочиненій». Онъ знакомитъ своихъ читателей со взглядами равныхъ философовъ, приводитъ собственные наблюденія и дѣлаетъ выводы. Множество цитатъ, которыми изобилуетъ книга, указываютъ на обширную эрудицію ея автора. (Athenaeum).

«*Lamarck, the Founder of Evolution: his Life and work*» by Alphens S. Packard (Longmans). (Ламаркъ, основатель эволюціи; его жизнь и труды). Въ исторіи естественныхъ наукъ Ламаркъ занимаетъ исключительное мѣсто. Какъ систематикъ натуралистъ, въ особенности въ томъ, что касается растений и моллюсковъ, онъ до сихъ поръ не имѣетъ соперниковъ. Но въ настоящее время онъ привлекаетъ всеобщее вниманіе не столько своими научными изслѣдованіями, сколько своими смѣлыми выводами относительно превращенія организмовъ. При его жизни, взгляды его на органическую эволюцію не встрѣтили должной оцѣнки, его осмѣивали и имъ пренебрегали. Величайшій натуралистъ того времени очень невеликодушно отнесся къ Ламарку и не выказалъ долж-

наго вниманія его трудамъ. Находя, что памяти Ламарка до сихъ поръ еще не оказано должной справедливости, авторъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Парижѣ въ 1899 г. и постарался собрать разбросанный и довольно скудный матеріалъ, касающійся жизни Ламарка, для того, чтобы написать его біографію и обзоръ его трудовъ. На основаніи этого матеріала, авторъ доказываетъ, что Ламаркъ черпалъ свое вдохновеніе непосредственно изъ природы и не основывалъ своихъ смѣлыхъ выводовъ на какихъ-либо наблюденіяхъ или трудахъ своихъ предшественниковъ. (Athenaeum).

«*The Lesson of Evolution*» by Frederick Wollaston Hutton (Duckworth and Co). (Урокъ эволюціи). Въ этой небольшой книгѣ заключаются двѣ публичныя лекціи: одна о «прогрессѣ науки», другая «о прогрессѣ жизни». Послѣдняя заключаетъ въ себѣ ясное и сжатое изложеніе доктрины эволюціи. Обѣ лекціи составлены очень популярно и поэтому доступны весьма широкому кругу читателей, интересующихся биологическими и философскими вопросами. (Athenaeum).

«*The Study of Religion*» by Murris Gastrow (Walter Scott). (Изученіе религіи). Авторъ въ теченіе многихъ лѣтъ подготавливалъ свой трудъ, включенный въ серію изданій подъ общимъ заглавіемъ «Contemporary Science Series». Онъ изслѣдуетъ въ своей книгѣ исторію религіи и вліяніе различныхъ факторовъ, этики, философіи, міеологии и т. д., на ея изученіе. Библиографическій указатель подтверждаетъ громадную эрудицію автора. (Bookseller).

«*L'Education des jeunes filles*» par Henri Marion (Armand Colin). Paris (Воспитаніе молодыхъ девицъ). Очеркъ женской психологіи покойнаго профессора Маріона пользуется вполне заслуженною известностью. Въ этой книгѣ профессоръ Маріонъ разсматриваетъ вопросы воспитанія молодыхъ девицъ, какъ нравственнаго, такъ и физическаго, и такъ какъ онъ, читая лекціи въ Сорбоннѣ, приобрѣлъ большую опытность въ этихъ вопросахъ, то его взгляды, конечно, заслуживаютъ вниманія. По его мнѣнію, будущее общества вообще, и въ особенности будущее французскаго общества, находится въ зависимости отъ разрѣшенія проблемы женскаго воспитанія. (Journal des Débats).

«*Le Monde invisible*» par Jules Bon Paris (Flammarion). (Невидимый міръ). Авторъ излагаетъ ученіе теософовъ, оккультистовъ, спиритовъ и т. д., не стараясь

несколько вліять на читателей въ пользу той или другой доктрины и оставаясь объективнымъ. Онъ хорошо знакомъ съ предметомъ. Онъ посѣщалъ засѣданія теософовъ, лично зналъ полковника Олкотта, американскаго теософа и его ученицу Анну Везантъ. Два года тому назадъ онъ ѣздилъ въ Индію специально для того, чтобы познакомиться съ Махатмой, великимъ жрецомъ теософовъ. Онъ былъ приверженцемъ оккультизма, но вернулся изъ Индіи съ сомнѣніями въ душѣ. Въ своей книгѣ онъ дѣлаетъ обзоръ всѣмъ оккультическимъ явленіямъ. Блестящія и остроумныя стили, свойственные автору, увеличиваетъ интересъ книги, которая снабжена предисловіемъ, написаннымъ Сюлли Прюдомомъ. (Journal des Débats).

«Der Untergang der Erde und die kosmischen katastrophen» von Dr. Wilhelm Meyer. Betrachtungen über die zukünftigen Schicksale unserer Erdenwelt. Berlin (Allgemeiner Verein für Deutsche Literatur). (Гибель земли и космическія катастрофы). Талантливый популяризаторъ Вильгельмъ Мейеръ изслѣдуетъ въ этой книгѣ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся гибели земли. Рядомъ съ строго научнымъ изслѣдованіемъ въ книгѣ отводится также довольно значительное мѣсто фантазіи. Авторъ разсматриваетъ съ различныхъ точекъ зрѣнія гипотезы о гибели земли и опредѣляетъ ихъ вѣроятность на основаніи существующихъ познаній въ геофизикѣ и астрофизикѣ. Землетрясенія и вулканическія катастрофы, имѣвшія мѣсто недавно въ различныхъ областяхъ земного шара, придаютъ особенный интересъ той главѣ, которая занимается этими вопросами. Авторъ говоритъ о потопахъ и землетрясеніяхъ. Что потопъ не былъ легендой, а является историческимъ фактомъ — это подтверждается многочисленными историческими и геологическими изысканіями. Явленіе это повторяется и въ наше время, но только въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ. Великія наводненія, поражающія ту или другую область, конечно, представляютъ потопъ въ миниатюрѣ. Подобный потопъ, напримѣръ, наблюдался въ 1887 году въ Китаѣ, когда Хоанго вышла изъ береговъ и залила 20.000 квадратныхъ километровъ, причемъ погибло полтора милліона людей. По словамъ автора, условія гибели земли безконечно разнообразны; земля можетъ погибнуть различными способами, но изслѣдуя исторію земли, авторъ приходитъ къ оптимистическому выводу, что катастрофы обыкновенно только поражаютъ какую-нибудь часть земли и не вся жизнь на землѣ погибаетъ отъ нихъ. (Berliner Tageblatt).

«Elements d'une Psychologie politique du peuple Américain» par Emill Boutmy (Элементы политической психологіи американскаго народа). (Armand Colin). Paris. Тѣ,

кто уже знакомъ съ предшествовавшими работами автора, признаютъ его авторитетомъ въ вопросахъ политической и социальной характеристики англо-саксонской расы. Это новое сочиненіе является какъ бы дополненіемъ его характеристики англійскаго народа. Авторъ изслѣдуетъ въ немъ различныя фазы американской жизни съ философской и политико-экономической точки зрѣнія. Послѣдняя глава, посвященная развитію империализма въ Соединенныхъ Штатахъ, представляетъ специальный интересъ. (Journal des Débats).

«Fatalism, True and False» by W. Henry Miller (Greening and Co). (Истинный и ложный фатализмъ). Очень интересная и омило написанная маленькая книга, могущая заинтересовать каждого читателя. Авторъ выдвигаетъ на первый планъ законъ необходимости, который, по его мнѣнію, управляетъ вселенной и отрицаетъ божественность и преступность этой доктрины. (Daily News).

«Educated Working Women» by Clara G. Collet (King and Son). (Образованныя работницы). Въ этихъ очеркахъ обсуждается важная социальная проблема, касающаяся положенія образованныхъ работницъ въ современномъ обществѣ. Авторъ доказываетъ необходимость измѣненія существующихъ условій и повышенія заработной платы женщинъ, для того, чтобы работа образованныхъ женщинъ была болѣе полезной, какъ для нихъ самихъ, такъ и для общества. (Daily News).

«Last Letters of Martyred Missionaries. Edited by Marshall Broomhall (Morgan and Scott). (Послѣднія письма замученныхъ миссіонеровъ). Въ этой книгѣ собраны послѣднія письма миссіонеровъ, погибшихъ во время кризиса 1900 года, указывающія, что вѣкъ христіанскаго героизма и самоотверженія еще не миновалъ. Письма дополняются иллюстраціями и портретами. (Bookseller).

«Among Hills and Valleys in Western China» by Hannoh Davies. (Partridge and Co). (Среди холмовъ и долинъ западнаго Китая). Въ предисловіи къ своему дневнику миссъ Дэвисъ говоритъ, что она не предназначала его для печати, но событія послѣднихъ двухъ лѣтъ заставили ее измѣнить свое намѣреніе. Дѣйствительно, ея очерки китайской жизни и характера очень интересны. Миссъ Дэвисъ имѣла возможность изучить китайцевъ, занимаясь въ теченіи многихъ лѣтъ миссіонерскою дѣятельностью внутри Китая. Книга иллюстрирована. (Bookseller).

«Central and South America» Vol. 2. With Maps and Illustrations. By A. H. Keane edited by sir Clements Markham (Центральная и южная Америка). Понятнѣйшія открытія и изслѣдованія въ южной и центральной Америкѣ потребовали значительнаго расширенія первоначальнаго

изданія. Въ этихъ двухъ томахъ заключаются самыя подробныя географическія и др. свѣдѣнія объ этихъ странахъ, извѣдуются политическія перемѣны и обсуждается вліяніе желѣзныхъ дорогъ и прорытіе междуокеанскаго канала. Много вниманія удѣляется въ этихъ сочиненіяхъ европейскимъ колоніямъ въ Южной Америкѣ. Кромѣ прекрасныхъ картъ, въ обоихъ томахъ помѣщено много иллюстрацій.

(Bookseller).

«*The Criminals by Havoclock Ellis (Walker Scott). (Преступники).* Эта книга входитъ въ составъ бібліотеки «Contemporary Science Series» и вышла теперь третьимъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ. Авторъ сдѣлалъ свою специальностью изученіе преступниковъ и проявляетъ уже много изслѣдованій въ области криминологіи. Онъ дѣлаетъ вполне опредѣленныя и рѣзкія различія между случайнымъ, привычнымъ и профессиональнымъ преступникомъ. Въ книгѣ заключается до пятидесяти иллюстрацій, преимущественно портретовъ различныхъ психически ненормальныхъ субъектовъ.

(Bookseller).

«*Une sorcière au XVIIIe siècle. — Marie Anne de La Ville (1680 — 1725) — M. Coynard. (Колдунья XVIII вѣка).* Это историческое сочиненіе, увлекательное какъ романъ, основано на точныхъ научныхъ данныхъ и представляетъ въ высшей степени интересную монографію, въ которой отражается цѣлая эпоха. Исторія героини этой монографіи является въ то же время и исторіей вѣка и можетъ привлечь вниманіе не однихъ только профессиональныхъ психологовъ, которыхъ должна заинтересовать личность героини, но и всѣхъ образованныхъ читателей, знакомыхъ съ исторіей вѣка.

(Journal des Débats).

«*La vie universitaire dans l'ancienne Espagne par Gustave Regnier (Университетская жизнь въ старой Испаніи).* Авторъ не имѣетъ въ виду дать въ своей книгѣ исторію высшаго образованія въ Испаніи; онъ хочетъ только представить въ цѣломъ рядъ очерковъ и картинъ университетскую жизнь въ отдаленные времена. Профессора и студенты и вся шумная и восторженная испанская молодежь дефилируетъ передъ глазами читателя въ этихъ очеркахъ изъ вѣка въ вѣкъ. Послѣ дней славы — дни упадка. Авторъ такъ живо рисуетъ сцены университетской жизни, что воображеніе читателя переносится въ старинные испанскіе университеты. Во всѣхъ подробностяхъ своихъ очерковъ авторъ обнаружи-

ваетъ чрезвычайно основательное знакомство съ предметомъ и обширную эрудицію.

(Journal des Débats).

«*Le Merveilleux au XVIIIe siècle par Ernest d'Hauterive (Чудесное въ XVIII вѣкѣ).* Восемнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ ученыхъ и философовъ, но въ то же время онъ былъ вѣкомъ суевѣрія. Ни въ одной эпохѣ не существовало такой массы предрассудковъ, такого обилія нелѣпыхъ и ложныхъ вѣрованій. Колдовство и магія, теософія и спиритизмъ — всѣ эти спиритуалистическія доктрины находили повсюду массу самыхъ горячихъ адептовъ, чѣмъ и пользовались умные и ловкіе шарлатаны въ роѣ Каліостро и Сентъ-Жермена. Авторъ изображаетъ эту ложнопутную эпоху въ своей книгѣ, которая читается съ большимъ интересомъ, такъ какъ бросаетъ новый свѣтъ на исторію общества и нравовъ XVIII вѣка.

(Journal des Débats).

«*L'Introduction à l'étude de la figure humaine par le docteur Paul Richar (Введеніе къ изученію человѣческой фигуры).* Книга служитъ введеніемъ къ цѣлому ряду изслѣдованій человѣческой фигуры. Авторъ высказываетъ въ ней свои взгляды на отношенія искусства къ наукѣ и на нѣкоторыя проблемы эстетики. Онъ предполагаетъ издать нѣчто въ родѣ энциклопедіи по морфологіи человѣка и многие ученые и художники обѣщали ему свое содѣйствіе.

(Journal des Débats).

«*The Varieties of Religions Experiences. A study in Human Nature, by William James, professor of Philosophy at Harvard University (Longman). (Разнообразіе религиознаго опыта).* Авторъ цитируетъ взгляды на религію философовъ, какъ Августина, Канта, Лессинга и Гегеля, мистиковъ, піетистовъ, сектантовъ, интераторовъ, ученыхъ, католическихъ и протестантскихъ святыхъ, мучениковъ и чудотворцевъ, спиритуалистовъ и др. и стремится найти общіе элементы въ этомъ необыкновенномъ разнообразіи религиозныхъ взглядовъ. Для изучающихъ философію религій и психологовъ книга эта можетъ представлять очень цѣнный источникъ, такъ какъ матеріалъ, собранный авторомъ, очень великъ.

(Daily News).

«*Personal idealism. Philosophical Essays by Eight Members of Oxford University. Edited by Henry Stuart (Личный идеализмъ).* Въ этихъ очеркахъ восемь различныхъ авторовъ высказываютъ свои философскіе взгляды, отличающіеся смѣлостью и оригинальностью.

(Daily News).

влюбленные и отличаются отъ законнаго супруга.

— Питеръ,—спросила Леонора, когда они поднимались по лѣстницѣ.—Говорили ли вы какой-нибудь другой дѣвущкѣ свои политическіе секреты?

Дороти шла какъ разъ сзади ихъ и дотронулась вѣромъ до плеча Питера. Когда онъ обернулся, она сказала ему однимъ движеніемъ губъ: «скажите да».

Питеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ Леонорѣ.

— Нѣтъ, вы единственный человѣкъ, съ которымъ я люблю говорить о политикѣ.

«О!» мысленно воскликнула Дороти, «какой ты большой, вѣрный, старый дуракъ! Я только что все такъ славно подстроила!»

Когда взаимныя привѣтствія были окончены, Дороти дѣйствительно оказала Питеру большую услугу.

— Предложите мнѣ руку, Питеръ,—сказала она ему,—я хочу познакомить васъ съ одной барышней.

— Питеръ танцуетъ этого вальсъ со мной!—быстро сказала Леонора.

Питеръ блаженствовалъ впродолженіи двухъ минутъ, но послѣ этого она имѣла жестокость сказать ему:

— Довольно! вы отвратительно танцуете.

Питеръ отвелъ ее къ матери и сказалъ:

— Извините меня, мнѣ надо поговорить съ Дороти.

— Я такъ и знала, что вы будете ухаживать за замужними дамами. Всѣ мужчины вашего возраста занимаются этимъ,—съ необъяснимой жестокостью уколола его Леонора.

Питеру больше не хотѣлось говорить съ Дороти. Онъ сѣлъ рядомъ съ Леонорой и болталъ съ нею, пока какой-то излищный, но, навѣрное, нигуда не годный юноша не похитилъ его сокровища. Только тогда Питеръ направился къ Дороти.

— Зачѣмъ вамъ понадобилось, чтобы я отвѣтилъ «да»?—спросилъ онъ.

Дороти только вздохнула.

— Я думала, что вы не поймете меня, но вы еще наивнѣе, чѣмъ я пред-

полагала. Ничего, теперь дѣло уже сдѣлано. Питеръ, сдѣлаете вы мнѣ одолженіе?

— Съ удовольствіемъ.

— Займись миссъ Биддль изъ Филадельфіи. Она почти никого не знаетъ изъ мужчинъ и не танцуетъ. Если я представлю васъ, вы постараетесь, чтобы ей не было скучно?

— Конечно,—довольно угрюмо отвѣтилъ Питеръ.

— Только пожалуйста не покидайте ее, какъ только къ ней кто-нибудь подойдетъ. Это можетъ навести ее на мысль, что вы желаете избавиться отъ нея, а миссъ Биддль очень чувствительна. Говорю вамъ прямо, потому что знаю, что вы не захотите ее обидѣть.

«Ну, сударыня моя» мысленно прибавила Дороти, «попробуйте теперь обижать моего стараго Питера!»

— Кто эта барышня, съ которой говорить м-ръ Стерлингъ?—спросила Леонора у своего кавалера.

— А это милліонерша миссъ Биддль изъ Филадельфіи. Говорятъ, она до сихъ поръ не нашла себѣ супруга, который былъ бы достоинъ ея, поэтому она заморозилась до самой своей смерти, надѣясь встрѣтить достойнаго ея на небесахъ. Она завидный призъ.

— Какъ она хороша!—замѣтила Леонора.

— Вы находите? Многіе такъ думаютъ, только не я; я не люблю блондинокъ.

Когда Леонора танцевала уже съ четвертымъ кавалеромъ, она спросила:

— Что за особа миссъ Биддль?

— Она просто ослѣпительна,—былъ отвѣтъ,—всѣ мужчины по ней съ ума сходятъ, но она умѣетъ ихъ держать на благородномъ разстояніи.

— Она умна?

— Умна ли? Вотъ въ томъ-то и горе, что умна! Она не желаетъ и слышать о человѣкѣ, если онъ не уменъ. Посмотрите на нее сегодня! Ей удалось поймать на удочку крупную рыбу, и она положительно прогоняетъ прочь всѣхъ, кто рѣшается подойти къ ней. Она такого сорта дѣвущка, что если что задумаетъ, такъ ужъ своего добьется.

— Какую крупную рыбу она поймала?—спросила Леонора, прикидываясь непонимающей.

— Да этого молчаливаго великана-Стерлянга. Онъ тоже важничаетъ и находитъ, что всё для него не хороши, кромѣ Пеллей, Де-Во и Огденовъ. Не знаю, что они въ немъ нашли. Я какъ-то этой весной сидѣлъ противъ него у Вильяма Пелля, и за весь обѣдъ онъ сказалъ только три слова. А вѣдь онъ сидѣлъ рядомъ съ такой умной дѣвушкой, какъ миссъ Уинтропъ.

Послѣ пятого вальса къ Леонорѣ подошла Дороти.

— Дѣло идетъ великолѣпно, — сказала она. — Вы замѣтили, какъ Питеръ повернулся спиной ко всей залѣ? Я слышала, какъ кто-то сказалъ, что миссъ Биддль замораживаетъ каждого, кто отваживается нарушить ихъ *tête-à-tête*. Надо что-нибудь устроить на этой недѣлѣ, чтобы они имѣли возможность встрѣчаться почаще. Хотите мнѣ помочь?

— Я очень занята на этой недѣлѣ, — отвѣтила Леонора.

— Какъ мнѣ жаль? Ну да ничего, я сама съумѣю добыть Питера. Постойте-ка! Она великолѣпно ѣздитъ верхомъ! Вѣдь Питеръ привелъ своихъ лошадей?

— Одну только, — отвѣтила Леонора съ скрытымъ неудовольствіемъ.

— Сейчасъ устрою это, — сказала Дороти, боясь, что Питеръ начинаетъ терять терпѣніе.

— Мама, — замѣтила Леонора, — какъ миссисъ Ривингтонъ постарѣла!

— Я этого не замѣчаю, милочка, — отвѣтила мать.

Дороти подошла къ своей парочкѣ и сказала:

— Питеръ, вы бы показали миссъ Биддль оранжерей! Онѣ очень любопытны.

Питеръ вѣжливо поднялся, но лицо его было крайне безучастно.

— Вотъ что еще, Питеръ, — продолжала Дороти жалобнымъ голосомъ, — не поведете ли вы меня къ ужину? Ни одинъ изъ кавалеровъ не сдѣлалъ мнѣ чести пригласить меня.

— Хорошо.

— Мы сядемъ вмѣстѣ, — сказала Дороти, обращаясь къ миссъ Биддль.

Когда Питеръ садился въ экипажъ, онъ былъ въ очень мрачномъ настроеніи.

«Мнѣ достался только одинъ вальсъ», думалъ онъ», а я весь вечеръ не видать ее».

— Что миссъ Биддль дѣйствительно такъ умна, какъ про нее говорятъ? — спросила миссисъ Д'Аллуа.

— Миссъ Биддль — незаурядная дѣвушка, я рѣдко встрѣчалъ такихъ образованныхъ женщинъ, какъ она.

— Я тоже могу сказать это, — замѣтилъ Уаттсъ. — За нашими столками она все время вела остроумный и живой разговоръ. Вотъ дѣвушка, такъ дѣвушка! Я хотѣлъ поговорить съ нею послѣ ужина, но оказалось, что она даетъ урокъ итальянскаго языка Питеру.

— Какимъ образомъ? — спросила миссисъ Д'Аллуа.

— Видите ли, — объяснялъ Питеръ, — ко мнѣ приходятъ три раза въ недѣлю итальянцы къ завтраку, чтобы говорить со мной на своемъ языкѣ, которому я стараюсь выучиться. Дороти сказала объ этомъ миссъ Биддль, и она предложила мнѣ для практики говорить съ нею по-итальянски. У нея великолѣпный выговоръ, и съ ея стороны было очень мило предложить мнѣ это, потому что я говорю очень плохо и едва ли могъ доставить ей удовольствіе.

— Зачѣмъ вамъ понадобился итальянскій языкъ?

— Чтобы привлечь итальянцевъ-эмигрантовъ.

— Охъ ты, лиса! — сказалъ Уаттсъ. Онъ обернулся къ Леонорѣ. — Отчего моя Крошка замолчала?

— О, — отвѣтила Леонора утомленнымъ голосомъ, — я слишкомъ много танцевала и устала!

— Ты подольше спи завтра, — сказалъ Уаттсъ.

— До завтра все пройдетъ; я собираюсь пораньше поѣхать верхомъ.

— И мы съ Питеромъ тоже, — замѣтилъ Уаттсъ.

— Я долженъ извиниться, — сказалъ Питеръ. — Я обѣщалъ сопровождать миссъ Биддль и Дороти.

— Ага! — засмѣялся Уаттсъ. — Для практики итальянскаго языка?»

И Питеръ, и Леонора были очень мрачны, когда разошлись по своимъ комнатамъ.

Леонора, вздыхая, говорила раздѣвавшей ее горничной:

— О, Мари, я такъ устала! Не будите меня до втораго завтрака!

А Питеръ ворчалъ, ни къ кому не обращаясь:

— И вечеръ, и утреннія прогулки пренали! И какъ это Дороти не понимаетъ! Не хорошо съ ея стороны быть такой навязчивой!

Очевидно, поведеніе Дороти заслуживало порицанія. А между тѣмъ она мирно укладывалась спать и, засыпая, думала:

«У каждаго влюбленнаго долженъ быть ангелъ-хранитель, и я буду имъ для Питера».

Глава LIII.

Вмѣшательство.

Когда Питеръ вернулся со своей прогулки на другое утро, онъ засталъ Леонору въ большой гостиной за чтеніемъ газетъ. Она привѣтствовала его ледянымъ: «здравствуйте», но тотчасъ же смягчилась настолько, чтобы сказать ему, что на его имя получена телеграмма и лежать на каминѣ.

Она не просила его прочесть полную депешу, напротивъ, развернула новую газету и, казалось, съ особымъ интересомъ погрузилась въ чтеніе. Газета была коммерческая, и страница, приковавшая къ себѣ вниманіе Леоноры, была наполнена объявленіями о дѣлахъ на кофе, хлопкѣ, муку, патоку, бобы, масла и прочими столь же интересными свѣдѣніями.

Питеръ взялъ депешу, но не торопился читать ее. Онъ посмотрѣлъ на своего «друга», такъ демонстративно скрывавшагося за развернутой газетой. Онъ видѣлъ, что Леонора умышленно не желаетъ обращать на него вниманія, но послѣ минутнаго колебанія все-таки замѣтилъ:

— Неужели вы думаете, что я буду читать эту депешу одинъ?

Молчаніе.

— Вѣдь это отвѣтъ на то, что мы написали имъ вчера, и я не рѣшусь отвѣчать безъ вашего совѣта.

Молчаніе.

Питеръ хладнокровно взялъ газету и отвелъ ее въ сторону, чтобы видѣть лицо Леоноры. Леонора посмѣивалась за газетой и теперь посмѣшила принять серьезное выраженіе и строго взглянула на Питера. Но Питеръ сказалъ:

— Попались, — и разсмѣялся. За нимъ разсмѣялась и Леонора, и они вплоть до завтрака занялись дешифрованіемъ депеши и сочиненіемъ отвѣта.

Какъ только кончился завтракъ, Питеръ спросилъ:

— Теперь вы мнѣ дадите урокъ танцевъ?

— Нѣтъ.

— Почему же нѣтъ?

— Потому что не стоитъ тратить время на ученіе человѣка, который не желаетъ танцовать.

— Мнѣ вчера страшно хотѣлось танцовать.

— Такъ что же вы не танцовали?

— Дороти просила меня сдѣлать ей одно одолженіе.

— Я очень низкаго мнѣнія о мужчинахъ, которые позволяютъ женщинамъ командовать собою.

— Мнѣ хотѣлось доставить удовольствіе Дороти. Мнѣ вѣдь все равно было разговаривать съ одной барышней или съ другой. Такъ какъ вы нашли, что я отвратительно танцую, то я думалъ, что вы больше не захотите танцовать со мной, не то меня не удержали бы никакими канатами.

— Я тоже умѣю говорить по итальянски, — вдругъ заявила Леонора, хотя, казалось, между этимъ заявленіемъ и предыдущимъ разговоромъ не было никакой логической связи.

— Хотите говорить со мной по итальянски? Видите, въ моемъ участкѣ теперь появилось много итальянцевъ, которые часто попадаютъ въ бѣду, благодаря своему невѣжеству и незнакомству съ англійскимъ языкомъ. Мнѣ бы хотѣлось подучиться, чтобы я могъ помогать имъ, не прибѣгая къ переводчику.

Питеръ уже научился мотивировать свои просьбы пользой ближнихъ, а не собственными желаніями.

— Хорошо, — сказала очень любезно Леонора. — Я даже готова дать вамъ еще одинъ урокъ танцевъ. Весело ли вы катались?

— Я люблю Дороти, и миссъ Бяддль мнѣ очень нравится, но я мечталъ о другой прогулкѣ.

Темно-сѣрые глаза посмотрѣли на него очень ласково. Леонора завела музыкальный ящикъ и обученіе началось. По окончаніи урока Леонора сказала: — Вы сдѣлали большіе успѣхи

— Достаточно, чтобы танцевать съ вами?

— Да, — отвѣтила Леонора, — я сжальюсь надъ вами, если только вы не предпочтете разговаривать съ другими барышнями.

Питеръ тихонько улыбнулся.

— Питеръ, — сказала Леонора, когда они пили чай, — вы считаете меня только легкомысленной бабочкой?

— Вы хотите знать, что я объ васъ думаю? — спросилъ Питеръ.

— О нѣтъ! — быстро отвѣтила Леонора. — Скажите мнѣ: вы считаете меня только свѣтской дѣвушкой?

— Да, — сказалъ Питеръ; его лицо и голосъ свидѣтельствовали, что онъ говоритъ искренно.

Леонора надула губки.

— Я считаю васъ свѣтской дѣвушкой, — продолжалъ Питеръ, — потому что съ вами всегда пріятно проводить время.

Леонора такъ и просіяла.

— Питеръ, хотите доставить мнѣ удовольствіе?

— Конечно, хочу.

— Скажите Дороти, что я помогала вамъ разбирать денешніе и отвѣчать на нихъ.

Питеръ былъ очень удивленъ, но отвѣтилъ:

— Хорошо.

Однако онъ плохо справился со своею задачей, по мнѣнію Леоноры. Встрѣтивъ Дороти на пикникѣ на слѣдующій день и, едва успѣвъ поздороваться съ нею, онъ прямо сказалъ: — Дороти, миссъ

Д'Аллау помогаетъ мнѣ разбирать и писать шифрованные денешніе.

Дороти въ первую минуту казалась пораженной при этомъ сообщеніи, но, взглянувъ на Леонору, стоявшую съ торжествующимъ видомъ рядомъ съ Питеромъ, вдругъ раскатилась самымъ веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ.

— Что съ вами? — спросилъ Питеръ.

— Вотъ славная шутка! — захлебывалась Дороти. — Вотъ умора-то!

Леонора перестала торжествовать и густо покраснѣла, и когда кто-то загворилъ съ Дороти и отвлекъ ее вниманіе, Леонора сердито сказала Питеру:

— Можно ли быть такимъ неловкимъ! Развѣ я этого хотѣла!

Питеръ вздыхалъ про себя: — Я просто болванъ! Я старался сдѣлать то, что ей хотѣлось, а она разсердилась и теперь весь день, вѣроятно, будетъ не въ духѣ. Что такое политика въ сравненіи съ женщиной!

Но Леонора не мстила Питеру и была съ нимъ очень мила, несмотря на свое неудовольствіе.

— Отчего это Дороти не можетъ оставить меня въ покоѣ? — мысленно спрашивалъ себя Питеръ. — Что она виѣшивается въ мои дѣла? Очень это мнѣ нужно!

Питеръ неоднократно повторялъ это, вздыхая, всѣ слѣдующіе дни. Дороти постоянно виѣшивалась въ его дѣла, но все-таки эти дни были еще сравнительно счастливыми. Леонора почти все время была мила, хотя крайне неровна въ обращеніи, такъ что Питеръ никогда не могъ предвидѣть, какъ она будетъ обращаться съ нимъ черезъ часъ. Иногда онъ чувствовалъ, что Леонора считаетъ его не лучше той травы, которую давятъ на лугу ея ножки. Поэтому вдругъ она становилась нѣжна и даже ухаживала за нимъ.

Разъ за обѣдомъ, когда Питеру пришлось сидѣть между миссъ Бяддль и Леонорой, Питеръ былъ готовъ повѣрить, что настала золотой вѣкъ, такъ Леонора была очаровательна, но на слѣдующее утро она заняла:

— Вотъ скука была вчера! Ни съ кѣмъ, кромѣ васъ, и поговорить не удалось!

Къ счастью для Питера, Д'Аллуа были новые люди въ Ньюпортѣ, и Леонора еще не выѣзжала. Однако, черезъ недѣлю Питеръ сталъ замѣчать, что разные кавалеры мѣшаютъ ему не меньше Дороти. Они являлись утромъ, днемъ и вечеромъ, устраивали пикники, поѣздки, катанья на яхтахъ.

Онъ считалъ себя счастливымъ, когда ему удавалось выпить чашку чаю съ Леонорой, даже если кругомъ сидѣло нѣсколько постороннихъ мужчинъ. Питеръ теперь понималъ, что подразумѣвала миссъ Де-Во, когда говорила, что трудно видѣть свѣтскую дѣвушку такъ часто, чтобы успѣть полюбить ее и сказать ей это.

Въ церквахъ молились о дождѣ, потому что стояла засуха, и Питеръ каждый разъ съ особымъ усердіемъ говорилъ «аминь».

Двѣ недѣли прошли, и однажды Питеръ грустно объявилъ, что долженъ уѣхать.

— Вадоръ, — сказала Уаттсъ. — Ты собирался прогостить мѣсяцъ.

— Я надѣюсь, что вы еще останетесь, — сказала миссисъ Д'Аллуа.

Питеръ подождалъ, не скажетъ ли чего-нибудь еще кто-нибудь, но никто больше ничего не сказалъ.

— Я думаю, что мнѣ нужно ѣхать, — сказалъ онъ, наконецъ. — Не то, что бы я хотѣлъ этого, но меня ждутъ въ Сиракузахъ.

Питеръ говорилъ такимъ голосомъ, точно въ Сиракузахъ его ожидала пытка.

— Вамъ необходимо тамъ быть? — спросила Леонора.

— Необходимости нѣтъ, но мнѣ лучше поѣхать.

Вечеромъ Леонора сказала:

— Я рѣшила, что вамъ не зачѣмъ ѣхать въ Сиракузы. Вы мнѣ нужны здѣсь, чтобы объяснить все, что происходитъ.

И эти холодныя, оскорбительныя слова наполнили душу Питера счастьемъ.

— Я рѣшилъ остаться еще на недѣлю, — заявилъ онъ миссисъ Д'Аллуа.

Никакіе вопли и призывы не могли заставить его измѣнить это рѣшеніе, хотя телеграфъ работалъ во всю, и депеши

такъ и летали между Ньюпортомъ, Нью-Йоркомъ и Сиракузами.

Черезъ два дня послѣ этого Леонора съ Питеромъ собирались ѣхать на вечеръ.

— Мама всегда увозить меня тотчасъ послѣ ужина, — жаловалась Леонора, — и мнѣ никогда не удается танцовать котильонъ, а это самое веселое.

— Сколько вальсовъ вы мнѣ оставили? — освѣдомился Питеръ, тщательно осматривая свой бальный костюмъ.

— Я буду танцовать съ вами первый, — сказала Леонора, — а если вы сядете рядомъ со мной, я вамъ сдѣлаю знакъ, когда ко мнѣ будетъ подходить кавалеръ, который мнѣ не нравится. Вы тогда скорѣе приглашайте меня, и я буду танцовать съ вами.

Питеръ просіялъ.

«Какъ хорошо», думалъ онъ, «что я не поѣхалъ въ Сиракузы, и какая досада, что есть другіе танцы, кромѣ вальсовъ».

Но послѣ второго вальса, Питеръ подслушалъ, что говорилъ своей дамѣ пятнадцатилѣтній кавалеръ.

«Вотъ умный мальчикъ!», подумалъ Питеръ. «Какъ это мнѣ самому не пришло въ голову!»

Онъ дождался, когда Леонора вернулась на свое мѣсто, и подошелъ къ ней.

— Не хотите ли просидѣть со мной этотъ танецъ? — спросилъ онъ.

Леонора, казалось, была удивлена.

«Какъ онъ поумнѣлъ!», — подумала она, не подозрѣвая, что Питеръ повторилъ ей чужія слова, т. е. его «умъ» оказался умомъ попугая.

Леонора прислушалась къ тому, что заигралъ оркестръ, и убѣдившись, что начинается кадрили, т. е. самый скучный танецъ, осчастливила Питера согласіемъ.

— Не выйдемъ ли мы на веранду? — предложилъ Питеръ.

— О чемъ же вы будете со мной говорить? — спросила Леонора, усаживаясь на плетеный диванчикъ, при мягкомъ свѣтѣ китайскихъ фонариковъ.

— Мнѣ хочется рассказать вамъ нѣчто, случившееся, какъ мнѣ теперь кажется, чуть не сто лѣтъ назадъ, — на-

чалъ Питеръ.—Но я боюсь, что надобитъ вамъ.

— Начинайте, а если мнѣ не понравится, я прерву васъ,—сказала Леонора, обезпечивая себѣ отступленіе, съ ловкостью, достойной германской арміи.

— Не знаю, какъ вы къ этому отнесетесь,—колебался Питеръ.—Мнѣ кажется, что я не сумѣю объяснить вамъ такъ, чтобы вы поняли, какъ я самъ понимаю. Но вы должны знать это, потому что это... этого требуетъ справедливость.

Леонора очень нѣжно смотрѣла на Питера, но онъ этого не видѣлъ, такъ какъ она сидѣла спиной къ свѣту. Она же хорошо видѣла его сконфуженное и грустное лицо, и когда онъ снова замаялся, она тихонько сказала:

— Вы хотите... рассказать мнѣ... про маму?

Питеръ вдрогнулъ:

— Да, а развѣ узнаете?

— Да,—кратко сказала Леонора.— Потому-то я и вѣрила вамъ, еще не зная васъ, и хотѣла подружиться съ вами.

Питеръ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Я такъ этого боялся! Она сама вамъ сказала?

— Да, т.-е. миссъ Де-Во первая сказала, что у васъ было разочарованіе; тогда я спросила маму, знаетъ ли она эту дѣвушку. И она мнѣ все рассказала. Я рада, что вы заговорили объ этомъ, потому что мнѣ хочется спросить васъ...

— Что?

— Не потому ли вы не хотѣли идти къ намъ?

— Нѣтъ.

— Отчего же мама говорила, что вы придете?

— Когда Питеръ ничего не отвѣтилъ, Леонора продолжала:

— Я знала, т.-е. чувствовала, что что-то неблагополучно. Но что именно?

— Я не могу сказать вамъ:

— Нѣтъ можете,—очень рѣшительно сказала Леонора.

Питеръ колебался.

— Она была недовольна мной, пока я не извинился.

— А когда вы извинились?

— Она сама пригласила меня гостить.

— Значитъ она даромъ сердилась?

— Она не поняла меня

— Скажите, что это было?

— Миссъ Д'Аллуа, я знаю, вы не хотите меня огорчать, хотя мнѣ это очень больно. Я не могу сказать вамъ этого ни за что на свѣтѣ.

— О Питеръ, простите меня,—воскликнула Леонора.—Я не подумала!

— Вы не сердитесь на меня за то, что я любилъ вашу мать, и не могу вамъ сказать того, что вамъ хочется знать?—спросилъ Питеръ голосомъ, внушающимъ всякія опасенія.

— Нѣтъ,—сказала Леонора, вставая.—А теперь пойдите танцевать.

— Еще минуточку,—умолялъ Питеръ.

Но Леонора уже стояла въ дверяхъ.

— Идете вы?—спросила она.

— Можно васъ просить на этотъ вальсъ?—спросилъ Питеръ, стараясь получить хоть что-нибудь.

— Нѣтъ, я уже общалась м-ру Рутгерсу.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ хозяинъ дома.

— Поздравляю васъ, м-ръ Стерлингъ.

Питеру хотѣлось ударить его, но онъ удержался.

— Позвольте и мнѣ поздравить васъ,—сказалъ другой.

— Съ чѣмъ? спросилъ Питеръ, ничего не понимая.

— О, Питеръ!—воскликнула Дороти, подбѣгая къ нему.—Какъ я рада! Какой пріятный сюрпризъ!

— Какъ, развѣ вы не знаете?—спросилъ хозяинъ.

— О!—закричала Леонора,—вѣрно что-нибудь произошло въ избирательномъ собраніи!

— Да,—подтвердилъ хозяинъ.—Маннерсъ только что пріѣхалъ изъ клуба. Тамъ получена телеграмма, что ваша кандидатура была предложена собранію въ девять часовъ, и васъ избрали единогласно, не прибѣгая даже къ баллотировкѣ. Всѣ точно громомъ поражены.

— Всѣ, кромѣ меня!—сказалъ свѣжій голосокъ.—Я это давно знала!

Всѣ разсмѣялись, кромѣ Дороти, которая подозрѣвала, что это правда. Но

она не сказала этого, напротивъ, насмѣшливо улыбулась:

— Какой вздоръ! Станетъ Питеръ повѣрять вамъ свои тайны! Пойдемте со мной, Питеръ, миссъ Биддль хочетъ поздравить васъ.

— Питеръ пригласилъ меня на этотъ вальсъ, — объявила Леонора. — О, мръ Рутгерсъ, простите меня! Я уже раньше общалась м-ру Стерлингу.

Питеръ почувствовалъ, что есть съ чѣмъ поздравлять его.

«Я не собираюсь выходить за него замужъ», думала Леонора, «но я не хочу, чтобы моихъ друзей женили противъ моей воли. Не советую пробовать, миссисъ Ривингтонъ!»

Вѣщательство Дороти начинало приносить плоды.

А еще мужчины находятъ женщинъ неспособными къ политикѣ!

Глава IV.

Упрямство.

На слѣдующее утро Питеръ увидѣлъ, что его молитва о дождѣ услышана, и спустился къ завтраку въ самый радужномъ настроеніи.

— Посмотрите, какъ сіяетъ будущее превосходительство, — замѣтилъ Уаттсъ, этимъ возгласомъ напоминая Питеру о житейской прозѣ. Питеръ напрасно надѣялся провести день вдвоемъ съ Леонорой: не успѣли они сѣсть за столъ, какъ Пеллъ зашелъ поздравить его, а вслѣдъ за нимъ всѣ знакомые сочли своимъ долгомъ сдѣлать то же самое, и каждый старался посидѣть подольше, по причинѣ дождя.

Питеръ горько сожалѣлъ, что не назначили собраніе двумя днями раньше или двумя днями позже.

— Надѣюсь, вы никого не пригласили на ленчъ? — спросилъ Питеръ миссисъ Д'Аллау, отозвавъ ее въ сторону.

— Почему? — былъ вопросъ.

Питеръ не зналъ, что отвѣтить, наконецъ жалобно сказалъ.

— Мнѣ... мнѣ надо работать!

Ложь тотчасъ же получала достойное возмездіе, такъ какъ въ эту минуту ла-

кей доложилъ о приходѣ Дороти, миссъ Де-Во, миссъ Биддль, Рей и Огдена.

Дороти вошла со словами:

— Мы всѣ остаемся завтракать, если насъ пригласятъ.

— О Питеръ! — сказалъ Рей, когда они сѣли за столъ. — Видѣлъ ты сегоднѣшній номеръ «Голоса Труда»? Они гдѣ-то выкопали старую школьную пѣсню Уаттса и напечатали ее, какъ доказательство того, что ты въ университетѣ пьянствовалъ. Вотъ она, и ноты приложены и заглавіе выдуманно: «Кабацкій Пить».

— Послушай, Рей, намъ надо написать письмо въ редакцію съ изложеніемъ истины, — сказалъ Уаттсъ.

— Никогда не слѣдуетъ писать опроверженія въ ту газету, въ которой напечатана ложь, — засмѣялся Питеръ. — Надо написать въ другую газету, и тогда онѣ поругаются. Но, по моему, теперь не стоитъ съ ними связываться. Оппозиція, навѣрное, только скажетъ: «Конечно, друзья м-ра Стерлинга обязаны были приписать пѣсню такое происхожденіе. Ихъ поступокъ дѣлаетъ имъ честь».

— Отчего вы сами не опровергнете эту клевету? — съ беспокойствомъ спросила Леонора. — Это ужасно, что васъ могутъ считать пьяницей!

— Если бы я опровергалъ все, что про меня сочиняютъ, у меня ни на что больше не хватило бы времени. Никто не вѣритъ такимъ сплетнямъ, кромѣ тѣхъ, кому выгодно имъ вѣрить, а они не повѣрили бы мнѣ, сколько бы я ни опровергалъ. Если вы считаете человѣка негодяемъ, вы не повѣрите его честному слову.

— Однако, Питеръ, — сказала миссисъ Д'Аллау, вамъ необходимо опровергнуть эту гадость для будущаго. Когда вы и ваши друзья умрете, публика начнетъ рыться въ старыхъ газетахъ, чтобы узнать, какъ думали о васъ современники, и она неправильно будетъ судить о васъ.

— Этого я не боюсь. Врядъ ли моя особа оставить глубокій слѣдъ въ исторіи, если же я буду знаменитъ, всѣ эти мелкія нападенія не повредятъ мнѣ. Самого Вашингтона современныя ему га-

зеты называли убійцей, предателемъ и тираномъ, а Линкольна обливали такими помоями, какихъ теперь даже выдумать не сумѣютъ. Чѣмъ выше человекъ, тѣмъ сильнѣе клевета.

— Зачѣмъ газеты называютъ васъ «Питъ»? — возмущенно спрашивала Леонора. — Я люблю имя Питеръ, но «Питъ» — ужасно!

— Чтобы доказать, что я не гошусь въ губернаторы.

— Вы это серьезно? — спросила миссъ Биддль.

— О да. Съ ихъ точки зрѣнія умышленное опущеніе буквы «р» должно непременно убѣдить избирателей, что я мужикъ и негодяй.

— Имъ это не удастся! — объявила Леонора авторитетнымъ тономъ.

— Я думаю. Даже если они будутъ настаивать и убѣждать тѣхъ избирателей, которые позволяютъ убѣдить себя подобными аргументами, я все-таки буду избранъ.

— Почему? — спросила миссъ д'Аллуа.

— Потому что интеллигентные люди не допустятъ ввести себя въ заблужденіе такими аргументами и будутъ только возмущены ими, а невѣжественный народъ, котораго можно заставить повѣрить всему, что про меня распускаютъ, будетъ считать меня именно такимъ человекомъ, за котораго имъ пріятно подать голосъ.

— Какъ это возможно, что бы газеты такъ ругали тебя! — возмущался Уаттсъ. — Вѣдь всѣ редакторы тебя знаютъ!

— О да, я знакомъ со всѣми, кто только причастенъ къ нью-іорской прессѣ.

— Такъ они всѣ лично знаютъ тебя?

— Несомнѣнно, но изъ партійныхъ соображеній они принуждены писать именно то, что пишутъ.

— Значить, газеты сознательно лгутъ, чтобы ввести въ заблужденіе народъ? — спросила миссъ Биддль.

— Собственно говоря, понятіе объ этомъ всегда бываетъ противорѣчивымъ. Я не думаю, чтобы пишущая братія имѣла болѣе низкія нравственныя понятія, чѣмъ люди другихъ профессій. Въ принципѣ они всегда готовы стоять за высокое и прекрасное, пока оно без-

партійно, и многіе изъ тѣхъ, которые сегодня стараются смѣшать меня съ грязью, помогали мнѣ прежде болѣе, чѣмъ я сумѣлъ бы сказать, и даже въ эту минуту — мои личные друзья.

— Какъ это бесчестно!

— Я не рѣшусь этого сказать. Если лучшіе и честнѣйшіе государственные мужи Европы и Америки лгутъ и надуваютъ другъ друга безпредѣльно, прикрываясь тѣмъ, что это «дипломатія», и получаютъ похвалы и награды отъ своего правительства и своей страны за низости, если только онѣ имѣли успѣхъ, слово «бесчестно» мнѣ кажется слишкомъ сильнымъ, когда имъ клеветать чисто партійную прессу. Вѣрно одно, что партійная пресса прекратила бы завтра же свое существованіе, если бы ее не поддерживали узость и мелочность читателей.

— Вызванный ею же, — замѣтилъ Огденъ.

— Постольку же, поскольку кабаки создаютъ пьяницу, пища вызываетъ голодъ, а книги дѣлаютъ читателей.

— А все таки, сознайся, они попали не въ бровь, а прямо въ глазъ, когда называли тебя другомъ кабатчиковъ, — смѣялся Уаттсъ.

— Да, я ихъ другъ, но только на выборахъ — въ этомъ вся разница.

— М-ръ Стерлингъ, почему вы защищаете «салоны»? — спросила миссъ Биддль.

— Я не защитникъ «салоновъ». Мое самое горячее желаніе, чтобы насталъ тотъ день, когда люди перестанутъ находить удовольствіе въ пьянствѣ, и когда всѣ кабаки и «салоны» исчезнутъ. Но пока этотъ день не насталъ, пока человечество не воспиталось и нравственно не возвысилось, я хочу, чтобы поступали справедливо.

— Что вы хотите сказать?

— Богатый человекъ можетъ имѣть запасъ вина у себя, можетъ пойти въ клубъ или ресторанъ и во всякое время получить то, что хочетъ. Не справедливо, что человекъ въ карманахъ котораго вмѣсто золотыхъ — мѣдяки, не пользуется тѣмъ же правомъ. Вотъ почему я всегда защищаю «салоны» и

допущеніе въ нихъ торговли по воскресеньямъ. Вы знаете, какъ я самъ смотрю на воскресные дни, какъ я отношусь къ вину. Но если я требую для себя права проводить воскресенье, какъ я хочу, и никогда не пить вина, я долженъ и другимъ предоставить подобное же право вести себя, какъ они хотятъ. Если человекъ, въ какое ему угодно время, хочетъ выпить, кто уполномочилъ меня запрещать ему это?

— Но вѣдь люди обращаются въ скотовъ,—сказалъ Уаттсъ.

— Процентъ спившихся шампанскимъ болѣе значителенъ, чѣмъ процентъ спившихся водкой, соотвѣтственно количеству людей, пьющихъ то или другое. Но человекъ, который напьется шампанскимъ отправляютъ домой на извозчикѣ и уложить въ постель, а тотъ, кому средства не позволяютъ напиться столь дорогимъ способомъ, и кто лишится разсудка отъ ядовитой и фальсифицированной воды, фальсифицированной благодаря нашему непомерно высокому акцизу, рискуетъ попасть въ полицію. Въ этомъ и заключается позоръ нашего, такъ называемаго, законодательства трезвости. Оно основывается на несправедливомъ вмѣшательствѣ, въ личную свободу человека и потворствуетъ тому, у кого есть деньги. Если богатъ въ правѣ имѣть свой клубъ оставьте бѣдняку его «садонъ»

— Какъ много лучше было бы совсѣмъ запретить продажу спиртныхъ напитковъ сказала миссисъ Д'Аллау.

— Это и невозможно и не законно. Вы не можете воспитывать человека, связывая ему руки. Ему нужно быть свободнымъ, чтобы стать сильнымъ. Я много думалъ объ этой задачѣ, и знаю только одинъ честный и практическій способъ улучшить наше теперешнее положеніе. Но хотя газеты и называютъ меня «боссомъ», я недостаточно силенъ, чтобы заставить принять его.

— А что это за способъ, Питеръ?—спросила Дороти.

— До тѣхъ поръ, пока пьющій человекъ не мѣшаетъ другимъ, мы не имѣемъ права останавливать его. Но въ ту минуту какъ онъ начнетъ угрожать спокойствію окружающихъ, каждый имѣетъ

право защищать себя свою семью и обуздать его, какъ обуздываютъ воровъ, убійцъ и драчуновъ. По моей мысли слѣдовало бы выдавать патентъ, въ родѣ собачьихъ свидѣтельствъ, каждому, кто его потребуетъ, и эти патенты каждый долженъ предъявлять для того, чтобы получить желаемый напитокъ. Если человекъ во второй разъ попадетъ въ полицейскій судъ за пьянство или по жалобѣ родственниковъ, у него должны отобрать патентъ и подъ угрозой крупнаго штрафа, навсегда запретить не только продавать ему спиртные напитки, но даже угощать его.

— О! засмѣялся Уаттсъ.—Ты просто безподобенъ! Вы только представьте себѣ хозяина дома, говорящаго за обѣдомъ своимъ приглашеннымъ: «дорогіе друзья, прежде чѣмъ начнутъ наливать вино, потрудитесь предъявить ваши патенты».

— Смѣйся, Уаттсъ,—сказалъ Питеръ. А между тѣмъ мой способъ спасъ бы многихъ юношей отъ гибели, а общество отъ частыхъ случаевъ, которые удалось видѣть даже мнѣ, съ моей малой свѣтской опытностью. Всѣ очень скоро привыкли бы къ своимъ патентамъ и предъявляли бы ихъ такъ же просто, какъ мы предъявляемъ билетъ на право верховой ѣзды у воротъ парка. Благодаря этому задача объ искорененіи пьянства была бы рѣшена, а это все, о чемъ мы имѣемъ право мечтать, пока человечество... И Питеръ замолчалъ, съ улыбкой глядя на Леонору.

— Что человечество?—спросила она.

— Остальное—шифръ,—сказалъ Питеръ,—но если бы онъ кончилъ свою фразу, онъ бы сказалъ: «Пока человечество не станетъ хоть въ половину такъ совершенно, какъ вы».

Когда послѣдніе гости разошлись, пошелъ такой проливной дождь, что Питеръ снова началъ надѣяться. Онъ бродилъ по комнатамъ въ погонѣ за счастьемъ и вдругъ увидѣлъ, что его счастье спускается по широкой лѣстницѣ въ охотничьей фуражкѣ и макинтошѣ.

— Вы собираетесь выйти въ такую погоду?—спросилъ Питеръ.

— Да, у меня не было моціону сегодня, и я хочу прогуляться.

— Вѣдь льетъ, какъ изъ ведра! — воскликнулъ Питеръ.

— Знаю.

— Вы навсквозь промокнете!

— Надѣюсь. Я люблю гулять подъ дождемъ.

Питеръ взялся за ручку выходной двери.

— Вы не должны выходить.

— Нѣтъ, пойду, — сказала Леонора, которая всегда становилась особенно упряма, когда ей что-нибудь запрещали.

— Пожалуйста, не ходите, — умолялъ Питеръ.

— Пропустите меня, — рѣшительно заявила Леонора.

— Вашъ отецъ знаетъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Вы должны спросить его. Вамъ нечего гулять въ такую погоду.

— Я не стану его спрашивать.

— Такъ я спрошу, — и Питеръ быстрыми шагами направился въ библіотеку.

— Уаттсъ, — сказалъ онъ, — дождь льетъ потоками, а Леонора вѣдь желаніе идти гулять. Пожалуйста, запрети ей.

— Ладно, — отвѣтилъ Уаттсъ, не отрываясь отъ книги.

Но и этого было довольно, и Питеръ поспѣшилъ обратно въ переднюю.

Она была пуста. Питеръ заглянулъ еще въ двѣ комнаты — тоже никого. Онъ открылъ входную дверь. Вдали онъ увидѣлъ знакомую ему фигурку въ макинтошѣ. Питеръ схватилъ съ вѣшалки первую попавшуюся фуражку и бросился въ погоню. Леонора быстро шла впередъ, но черезъ нѣсколько секундъ Питеръ догналъ ее.

— Отецъ велѣлъ вамъ передать, что запрещаетъ вамъ выходить.

— Теперь уже поздно, я вышла, — отвѣтила Леонора.

— Но вы должны сейчасъ же вернуться.

— И не подумаю.

— Будете ли вы слушаться отца?

— Онъ никогда не запретилъ бы, еслибъ вы не вѣшались. Это ваше приказаніе, а не его. И я все-таки буду гулять.

— Вы сейчасъ же вернетесь домой.

Леонора остановилась и посмотрѣла ему въ лицо: «Это становится забавнымъ», подумала она. «Посмотримъ, кто кого переупрямитъ», и громко спросила:

— Кто это говоритъ?

— Я говорю.

— А я говорю — нѣтъ.

Питеръ сознавалъ свою безпомощность:

— Пожалуйста, вернитесь.

Леонора внутренне смѣялась.

— Не желаю.

— Такъ мнѣ придется заставить васъ.

— Какъ? — спросила Леонора.

Дѣйствительно, это была задача. Питеръ былъ бы въ меньшемъ недоумѣніи, если бы имѣлъ передъ собой запутанный юридическій вопросъ.

— Я заставлю васъ, — снова повторилъ онъ, не зная, что сказать.

— Можетъ быть, вы возьмете веревку и потащите меня? — спросила Леонора съ насмѣшкою на лицѣ и въ голосѣ.

Питеръ казался олицетвореніемъ безпомощности.

— Пожалуйста, торопитесь, и скажите — какъ, — продолжала Леонора, — потому что мнѣ хочется скорѣе пройти на скалы. Здѣсь на травѣ очень мокро. Можетъ быть, вы понесете меня, какъ малолѣтняго ребенка, на рукахъ?

Она мучила его, какъ только женщина умѣетъ мучить, и Питеръ видѣлъ, что она права: онъ сознавалъ свое безсиліе. Но пока Леонора говорила, выраженіе лица его измѣнилось. Леонора говоритъ, что трава мокрая! Она простудится, получитъ воспаленіе легкихъ и умретъ! Въ этихъ предположеніяхъ было такъ мало логики, что школьникъ постыдился бы высказать ихъ, не только такой знаменитый юристъ.

Но Питеру въ данный моментъ все это казалось возможнымъ, и онъ думалъ: «Я долженъ заставить ее вернуться, даже если она никогда не проститъ мнѣ». Питеръ не колебался и сдѣлалъ шагъ впередъ. Леонора была поражена. Ея вызывающій взглядъ вдругъ сталъ испуганнымъ, она повернулась и быстро побѣжала по лугу. Питеръ побѣжалъ за нею, и хотя могъ бы догнать ее черезъ десять секундъ, онъ не сдѣлалъ этого.

Онъ думалъ: «Пусть запыхается, тогда она будетъ меньше сердиться, или, по крайней мѣрѣ, не будетъ въ состояніи говорить. Какъ она граціозно бѣжить!»

Какъ только Леонора увидѣла, что Питеръ не собирается хватать ее, она замедлила свой бѣгъ. Питеръ тотчасъ поравнялся съ ней.

— Вернитесь вы теперь? — спросилъ онъ.

Леонора съ трудомъ переводила дыхание, но не хотѣла, чтобы Питеръ замѣтилъ, какъ она запыхалась, и потому она ничего не отвѣчала.

— Вы не туда идете, — продолжалъ Питеръ, дотрогиваясь до ея руки. Такъ какъ она продолжала молчать, Питеръ взялъ ее за руку и остановился.

— Пустите меня, — сказала она еще запыхавшимся голосомъ.

— Вы должны вернуться.

Молниеносный взглядъ былъ отвѣтомъ. Глаза Леоноры сверкали отъ негодованія.

— Пустите меня! — повторила она.

Питеръ былъ въ ужасномъ положеніи, но все-таки сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Вы знаете, какъ мнѣ больно оскорблять васъ. Я никогда не думалъ, что осмѣлюсь дотронуться до васъ безъ вашего разрѣшенія, но ваше здоровье мнѣ слишкомъ дорого, ради него я не побоюсь вашего гнѣва. Вы должны вернуться домой.

Леонора чувствовала, что Питеръ рѣшился поставить на своемъ. Она повернулась и медленно пошла къ дому. Питеръ тотчасъ же выпустилъ ея руку и пошелъ рядомъ съ нею. Напрасно онъ старался поймать ея взглядъ:

Леонора смотрѣла передъ собой и держалась прямо, какъ солдатъ. Актеръ, которому нужно было бы изображать оскорбленное достоинство, могъ бы вынести изъ этого шествія нѣсколько драгочѣнныхъ наблюденій.

Питеръ чувствовалъ себя почти преступникомъ, но и почти счастливымъ. Онъ спасъ Леонору отъ безвременной могилы, а это что-нибудь да значило. Кромѣ того, онъ могъ смотрѣть на нее, а это тоже что-нибудь да значило.

Щеки Леоноры разгорѣлись отъ бѣга,

дождевыя капли, какъ брилліанты, дрожали на растрепавшихся локонахъ.

Питеру казалось, что она никогда не была такъ прелестна. Ему такъ хотѣлось взять ее въ свои объятія, что онъ начиналъ жалѣть, зачѣмъ она согласилась вернуться. Но Питеръ чувствовалъ, что она глубоко оскорблена, и если ему не удастся скоро помириться, онъ будетъ въ немилости, по крайней мѣрѣ, цѣлый день.

Цѣлый день невниманія! Цѣлый день не видѣть ласковаго взгляда и улыбки!

Питеръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы пробовать заговорить теперь же. Онъ ждалъ, пока они вернулись домой.

Питеръ, который шелъ сзади нея, на крыльцѣ обогналъ ее и вошелъ первымъ.

— Миссъ Д'Аллау, сказалъ онъ, заговаривая ей дорогу, — простите меня, если я обидѣлъ васъ.

Леонорѣ предстоялъ выборъ: остановиться молча или, оттолкнувъ Питера, пройти мимо. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ ея позиція была неприступна. Но женщины инстинктивно предпочитаютъ нападать или защищаться словами, а не дѣйствіями. Поэтому она сказала, не глядя на Питера:

— Вы не имѣли никакого права и поступили очень грубо.

— Мнѣ это было гораздо больнѣе, чѣмъ вамъ.

Тонъ Питера доставлялъ Леонорѣ удовольствіе, но она боялась сдаться и поэтому сказала:

— Дайте мнѣ пройти, пожалуйста.

Питеръ неохотно подвинулся ровно настолько, чтобы она могла пройти. Онъ чувствовалъ, что не сказалъ и половины того, что ему хотѣлось, но боялся снова оскорбить ее.

Оказалось, что онъ сдѣлалъ именно то, что было лучше всего: проходя около него, Леонора воскликнула:

— Вѣдь ваше платье насквозь промокло!

— Это ничего не значитъ, — сказалъ Питеръ, оборачиваясь на голосъ. Ея большіе темные глаза теперь прямо смотрѣли на него, и въ нихъ не было гнѣва. Леонора остановилась.

— Вотъ какъ глупо было идти подъ дождь,—сказала Леонора.

— Да, вы правы,—отвѣтилъ Питеръ, осмѣливаясь слегка улыбнуться.

Леонора быстро поняла намекъ, заключавшійся въ словахъ Питера.

— Это совсѣмъ другое дѣло,—сказала она.— На мнѣ были каалоши и макинтошъ, а вы этого не надѣли, хотя дождь лилъ, какъ изъ ведра.

— Я привыкъ,—возразилъ Питеръ.— Мнѣ никогда не повредить, если я промокну.

— Я тоже привыкла. Я часами гуляла подъ дождемъ въ Швеціи, въ Норвегій и на Оркнейскихъ островахъ. Только я одѣвалась, какъ слѣдуетъ. Идите и сейчасъ же переодѣньтесь.

Питеръ и самъ собирался сдѣлать это, но онъ видѣлъ выгоду своего положенія и не хотѣлъ уступить ее.

— Не стоитъ.

— Никогда я не видала подобнаго упорства! — воскликнула Леонора.— Жаль мнѣ вашу жену, если вамъ когда-нибудь удастся найти ее! Она будетъ очень страдать отъ васъ!

Подобные взгляды вовсе не нравились Питеру, но онъ не терпѣлъ надежды получить хоть какую-нибудь милость отъ Леоноры, и потому сказалъ:

— Переодѣваться слишкомъ большая возня. Но если вы дадите мнѣ чашку чаю, это спасетъ отъ простуды.

Было уже почти пять часовъ, и Питеру не хотѣлось лишаться обычнаго получасового разговора за чайнымъ столикомъ. Леонора снисходительно согласилась.

— Когда вы переодѣнетесь, я напою васъ чаемъ,—и стала подниматься по лѣстницѣ.

Когда она поднялась во второй этажъ то остановилась, перевѣсившись черезъ перилы и позвала: «Питеръ!»

— Я!—отвѣтилъ Питеръ, снизу любясь ею.

Леонора весело улыбалась и съ торжествомъ заявила:

— А все-таки я сдѣлала по своему и прогулялась! — она вошла въ свою комнату съ очень побѣдоноснымъ видомъ.

Питеръ пошелъ къ себѣ, улыбаясь: «Только тотъ юристъ хорошъ» сообщалъ

онъ своему зеркалу, «который умѣетъ увѣрить обѣ стороны въ ихъ правотѣ». Питеръ быстро переодѣлся и бѣгомъ сбѣжалъ внизъ, къ чайному столу.

Леоноры еще не было. Питеръ спокойно ждалъ пять минутъ, съ почти нечеловѣческимъ терпѣніемъ. Затѣмъ онъ сталъ волноваться. Онъ бѣгалъ по комнатамъ въ продолженіи двухъ минутъ и, наконецъ, пришелъ въ отчаяніе:

— Я думалъ, что она простила меня!—громко сказалъ онъ.

— Что?—спросило съ порога очаровательное видѣніе.

Женщины сказали бы, что главная прелесть его заключалась въ парижскомъ платьѣ, но Питеръ лучше зналъ. Онъ простилъ ей, что она такъ долго заставляла его ждать, видя, что она привадицалась для него.

— Не налить ли мнѣ вамъ въ чай немного рому?—спросила Леонора.

— Вложите въ чай все, что хотите, кромѣ сахарныхъ щипцовъ,—и Питеръ завладѣлъ ими.

Какъ же я положу сахаръ?

— Пальцы выдумали прежде щипцовъ,—поучалъ Питеръ.— Вѣдь не дадите же вы мнѣ чаю безъ сахару?

— Слѣдовало бы дать, въ наказаніе,—сказала Леонора, опуская пальчиками сахаръ въ чашку.

«Я не могу ждать пять лѣтъ!» думалъ Питеръ. «Я не могу ждать пяти мѣсяцевъ, недѣль, дней, минутъ, сек...»

Глава LV.

Подарокъ.

Леонора скоро убѣдилась, что ей не легко быть строгой съ Питеромъ. Въ первый же вечеръ она заявила ему, что ѣдетъ въ гости и не возьметъ его съ собой.

— Прекрасно, значитъ мнѣ удастся во время лечъ спать, былъ спокойный отвѣтъ.

Леонора этого не ожидала. На слѣдующее утро, возясь съ цвѣтами, она замѣтила Питеру, который стоялъ радомъ и смотрѣлъ на нее.

— Миссъ Уинтропъ немолвлена. Какъ

это глупо со стороны дѣвушки, которая только что начала выѣзжать! Еще и повеселиться не успѣла, а уже стремится къ скучной замужней жизни!

Она держала въ рукахъ розу и собиралась оживить ею Питера, если доза окажется слишкомъ сильной для одного пріема, но когда она взглянула на него, онъ только счастливо улыбнулся.

— Что вы скажете?—спросила Леонора съ неодобреніемъ.

— Простите меня,—отвѣтилъ Питеръ.— Я не разслышалъ. Вы сказали, кажется, что миссъ Уинтропъ вышла замужъ?

— Почему вы улыбаетесь?—спросила Леонора тѣмъ же тономъ.

— Я думалъ о... о... Питеръ замялся и разсмѣялся.

— О чемъ?

— Лучше не спрашивайте!—смѣялся Питеръ.

— О чемъ вы думали?

— О рѣсницахъ,—сознался Питеръ.

«Это ужасно!» мысленно разсуждала Леонора. «Я больше не могу ничѣмъ проныть его, сколько ни стараюсь!»

По правдѣ сказать, Питеръ теперь мало обращалъ вниманія на то, что Леонора говорила ему. Онъ просто наслаждался ея обществомъ. Онъ былъ вполне счастливъ и въ то же время вполне несчастливъ. Счастливъ своей надеждой и несчастливъ отъ неизвѣстности. Говоря парадоксально, онъ вѣрилъ, что она любить его, и въ то же время не былъ въ этомъ увѣренъ.

Онъ чувствовалъ, что ему необходимо объясниться, и не смѣлъ приступить къ этому. Настоящее было такъ опредѣленно, а будущее покрыто мракомъ!

Вотъ почему онъ въ продолженіи двухъ дней только ходилъ за Леонорой, наслаждаясь ея присутствіемъ и терпѣливо снося ея щелчки и капризы.

Питеръ былъ очень молчаливъ и разсѣянъ, но его молчаливость и разсѣянность не приносили облегченія Леонорѣ, напротивъ только еще болѣе пугали ее. Питеръ не спускалъ съ нея глазъ, и его безмолвное обожаніе и нѣжность были такъ очевидны, что Леонора чувствовала, какъ негѣпы были ея стара-

нія не замѣчать ихъ. Когда онъ говорилъ: «миссъ д'Аллуа», звукъ его голоса и взглядъ говорили: «моя дорогая».

Леонора терялась и не знала, какъ заставить его вести себя приличнѣе, хотя бы для общества. Два раза онъ даже нечаянно сказалъ просто «Леонора», и тѣмъ страшно сконфузилъ обладательницу этого имени. Каждый разъ ей хотѣлось оборвать его и хорошенько проучить, но не хватало храбрости.

Леонора сознавала, что ходить надъ заряженной миной, но не могла заранѣе знать, какое ея слово или жестъ вызоветъ взрывъ.

«Что же я тогда отвѣчу ему?» спрашивала она себя.

Роковая минута настала.

Питеръ сошелъ внизъ «въ полномъ парадѣ», готовый ѣхать на балъ. Въ большой гостиной стояла Леонора, въ бальномъ платьѣ, и положивъ руку на мраморную доску каминна, задумчиво смотрѣла въ огонь. Онъ остановился въ дверяхъ и молча наблюдалъ прелестную картину.

Потомъ тоже подошелъ къ камину. Леонора прервала молчаніе.

— Я думаю, пора ѣхать.

Она чувствовала себя неловко подъ его пристальнымъ взглядомъ.

— Еще только десять часовъ,—сказалъ Питеръ.

Снова наступило молчаніе. Черезъ нѣсколько времени Леонора снова прервала его.

— Скажите что нибудь.

— Что нибудь? Что же вы хотите?

— Если вы собираетесь только молчать, то гораздо лучше будетъ поѣхать къ Перди, чѣмъ стоять здѣсь. Не пойдемъ ли мы въ бібліотеку къ папѣ и къ мамѣ?

Леонора начинала волноваться. Питеру эта мысль не улыбалась, поэтому онъ сказалъ:

— Попробую позабавить васъ. Пойдите, я расскажу вамъ что-то очень интересное про себя самого: завтра день моего рожденія.

— О!—воскликнула Леонора,—отчего же вы раньше этого не сказали? Я бы приготовила вамъ подарокъ.

— Я этого то и боялся.

— Вы развѣ не хотите, чтобы я подарила вамъ что нибудь?

— О да!—Руки Питера дрожали, и онъ сказалъ, съ трудомъ выговаривая слова:— я хочу, чтобы вы мнѣ пода-рили... поцѣлуй!

— Питеръ! — воскликнула Леонора, отступая отъ него съ негодующимъ и оскорбленнымъ видомъ. Не думала я, что вы можете сказать мнѣ это! Вы!

— Я не хотѣлъ васъ обидѣть.

— Но обидѣли! — Леонора готова была плакать.

— Но я, право, не хотѣлъ обидѣть васъ. Питеръ никакъ не могъ подобрать словъ, заикался и путался. Если бы я считалъ васъ такой дѣвушкой, которая готова поцѣловать каждого, кто ее попроситъ, я бы не просилъ у васъ поцѣлуя. Но я знаю, что вы совсѣмъ другая.

Питеръ съ отчаяніемъ безпомощно оглядывался, точно надѣясь что нужная ему слова написаны по стѣнамъ.

— Я смотрѣлъ на васъ, мечталъ о васъ и полюбилъ васъ, и все-таки не знаю васъ! Знаю только, что вы не дадите поцѣлуя, если сердце не подскажетъ вамъ. Лицо его приняло отчаянное выраженіе, и онъ быстро продолжалъ: — Я спросилъ безъ всякой надежды. Вы такъ прелестны, а я... я никогда не нравился женщинамъ. Я такъ старался понравиться вамъ, такъ старался, что, можетъ быть, ввелъ васъ въ заблужденіе. Можетъ быть, я именно таковъ, какъ про меня говорятъ! Если для васъ я былъ иной, то это потому, что вы не такая, какъ всѣ.

Потокъ безсвязныхъ словъ прервался, и Питеръ забѣгалъ по комнатамъ. Глядя на него можно было подумать, что онъ готовъ покончить съ собой. Вдругъ его лицо и голосъ стали менѣ безумны, и онъ нѣжно сказалъ:

— Мнѣ нечего говорить вамъ, какъ я васъ люблю! Вы это давно знаете, а если не знаете—не поймете, какъ бы я ни старался сказать вамъ. Моя любовь проситъ у васъ поцѣлуя. Я жду его, и знаю, что выѣстъ съ поцѣлуемъ, если только я получу его, вы отдадите мнѣ и ваше сердце.

Леонора не поднимала глазъ съ горящихъ угольевъ въ каминѣ, но исподтишка слѣдила за Питеромъ и думала:

«Бѣдный, милый! Вѣдь онъ и вправду мучится. Вотъ мечется! Точно дикій звѣрь въ клеткѣ!»

Наступило молчаніе. Питеръ остановился противъ Леоноры и сказалъ:

— Поцѣлуете вы меня, миссъ Д'Альга? въ его голосъ слышалась горячая мольба: «не отказывай мнѣ, моя любовь!»

— Да,—тихонько отвѣтила Леонора, я поцѣлую васъ въ день вашего рожденія,—и отступила назадъ, точно боясь, что Питеръ сейчасъ потребуетъ объясненнаго. Питеръ увидѣлъ ея движеніе и понялъ его. Онъ продолжалъ спокойно стоять и только сказалъ:

— Не сумѣю выразить вамъ, какъ я счастливъ!

Леонора посмотрѣла ему въ лицо. Если бы она не прочла въ его глазахъ желанія обнять ее, она бы никогда не простила ему. Но теперь, видя что онъ уступаетъ изъ опасенія испугать и обидѣть ее, она еще больше любила его. Леонора довѣрчиво положила ручку въ руку Питера и сказала:

— И я счастлива!

Они нѣсколько времени стояли молча. Леонора снова смотрѣла на огонь, а Питеръ на Леонору. Наконецъ, Питеръ сказалъ:

— Хотите сдѣлать мнѣ большое удовольствіе?

— Нѣтъ, — отвѣтила Леонора,—на сегодня довольно. А впрочемъ, можете сказать, чего вы хотите?

— Посмотрите на меня.

— Зачѣмъ?—спросила Леонора, быстро поднявъ на него взглядъ.

— Я хочу видѣть ваши глаза.

— Для чего? опять спросила Леонора, еще быстрее опуская глаза.

— Я всю жизнь мечталъ объ однихъ глазахъ и теперь хотѣлъ бы видѣть, похожи ли мои мечты на дѣйствительность.

— Какая удивительная просьба, коварно замѣтила Леонора. Вы давно могли видѣть ихъ. Вотъ фантазія влюбиться въ дѣвушку, не зная какіе у нея глаза!

— Вы такъ мало показывали мнѣ

ваши глаза, что я никогда не могъ разглядѣть ихъ.

— Вы разглядывали ихъ каждый разъ, какъ я смотрѣла на васъ. Иногда это было очень неловко. А теперь вдругъ я покажу ихъ вамъ, а вы найдете, что они не такіе, о какихъ вы мечтали?

— Я никогда не теряю времени на обсужденіе невозможнаго.

Покажите вы мнѣ ихъ или нѣтъ?

— Сколько вамъ нужно времени на это?

— Я скажу вамъ, когда увижу ихъ, осторожно отвѣтилъ Питеръ.

— Мнѣ кажется, у меня слишкомъ мало времени сегодня вечеромъ, попрежнему коварно, но съ довольной улыбкой сказала Леонора.

Питеръ молчалъ, что бы дать Леонорѣ время самой устыдиться своей жестокости, наконецъ сказалъ: Если бы я зналъ, что могу чѣмъ нибудь доставить вамъ удовольствіе, я не заставилъ бы дважды просить себя.

— Это совсѣмъ другое дѣло. А впрочемъ смотрите!

И Леонора полу-насмѣшливо, полурѣдко подняла глаза на Питера.

Питеръ молча сталъ изучать ихъ, и изучалъ такъ долго, что Леонора, которая чувствовала себя неловко подъ его пристальнымъ взглядомъ, но не хотѣла показать этого, спросила:

— Нравятся они вамъ?

— Да, отвѣтилъ Питеръ.

— Это все, что вы можете сказать? Другіе люди говорили о нихъ разныя пріятныя вещи!—сказала Леонора, дѣлая видъ, что она обижена, но тайнѣ очень польщенная восторженнымъ тономъ, какимъ было сдѣлано это краткое восклицаніе.

— Я думаю,—отвѣтилъ Питеръ,—что мнѣ пришлось бы придумывать новыя слова для выраженія моего восхищенія. Леонора опустила глазки, улыбаясь довольной улыбкой.

Снова наступило молчаніе. Питеръ продолжалъ держать маленькую ручку, которая довѣрчиво лежала въ его рукѣ.

Вдругъ онъ опустил свободную руку въ карманъ на груди и вынулъ небольшое саше.

— Дважды я сдѣлалъ нѣчто, что самъ считаю дурнымъ дѣломъ. Можетъ быть, теперь вы простите меня.

Онъ вынулъ изъ саше перчатку и маленькій носовой платочекъ и показалъ ихъ Леонорѣ.

Леонора посмотрѣла и серьезно спросила:

— Это та самая перчатка, которую я потеряла въ домѣ миссисъ Костелль?

Питеръ молча кивнулъ головой.

— А платокъ тотъ самый, который исчезъ у васъ въ кабинетѣ, послѣ второго обѣда?

Питеръ опять молча кивнулъ головой.

— И оба раза вы помогали мнѣ искать ихъ?

Питеръ въ третій разъ утвердительно кивнулъ головой.

Онъ чувствовалъ себя въ положеніи преступника на допросѣ.

— Я все время знала, что они у васъ, — разсмѣялась Леонора. — Было ужасно смѣшно, какъ вы старательно искали ихъ, а ваше лицо выдавало васъ. Вотъ потому-то я такъ настойчиво требовала, чтобы непременно нашли.

Питеръ почувствовалъ то, что чувствуетъ обвиняемый, когда присяжные говорятъ: «не виновентъ».

— Но откуда взялись эти дырки?—спросила Леонора. — Развѣ у васъ водятся мыши?

Питеръ вынулъ изъ саше исковерканную золотую монету.

— Посмотрите, — сказалъ онъ.

— Ахъ, это моя счастливая монета!—воскликнула Леонора. — Какъ вы ее испортили! О, какой вы небрежный мальчикъ!

— Нѣтъ, — сказалъ Питеръ, — для меня она не испорчена. Знаете ли вы, что прѣбило дырки и согнуло золотой?

— Что?

— Пули.

— Питеръ!

— Да, если бы ваша счастливая монета не задержала пули, меня бы не было теперь здѣсь съ вами. Я хочу вернуть ее вамъ.

— Нѣтъ, не надо. Я хочу, чтобы мое счастье осталось у васъ.

— Да оно и останется моимъ, даже если я отдамъ вамъ монету.

— Какимъ образомъ?

— Я велю сдѣлать изъ нея гладкое золотое кольцо, и когда дамъ его вамъ, все ваше счастье станетъ моимъ.

Наступило молчаніе.

Наконецъ, Питеръ спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, почему вы все говорили о пяти годахъ?

— О! право, Питеръ, я это думала. Я сама не знала... Право! Вы вѣрите мнѣ?

Леонора говорила такимъ торопливымъ и испуганнымъ голосомъ, точно ее обвиняли въ убійствѣ.

Питеръ улыбнулся. Онъ охотно вѣрилъ каждому ея слову.

Ее готовность вѣрить ей заставила Леонору почувствовать нѣсколько укоровъ совѣсти. Она сказала:

— Видите ли... Питеръ... я и прежде рѣшила... что если когда-нибудь выйду замужъ... то только... за васъ... но я думала... что это будетъ не такъ скоро. Какъ вы думаете? Не лучше ли подождать? Это было бы... благоразумнѣе...

— Я и такъ долго ждалъ.

— Бѣдный, милый!

Леонора положила и другую ручку въ руку Питера. Питеръ былъ въ такомъ восторгѣ, что не могъ найти словъ для выраженія его. Онъ только сказалъ:

— Я люблю ваши ручки почти больше, чѣмъ ваши глаза.

— Это очень пріятно, — сказала Леонора лукаво.

— И я ужасно люблю, какъ вы говорите «милый». Вы не скажете ли еще разъ?

— Нѣтъ, я терпѣть не могу повторять одно и то же.

Настала снова длинная пауза.

— Нельзя всего сказать словами, — замѣтилъ, наконецъ, Питеръ.

— Вы правы.

И оба снова замолчали, какъ бы подтверждавая высказанную истину. Вдругъ дверь растворилась.

— Алло! — сказалъ голосъ Уаттса. — Уже вернулись? Весело провели вечеръ?

— Чрезвычайно! — спокойно, но съ большимъ выраженіемъ сказалъ Питеръ.

— Пустите мою руку, Питеръ, пожа-

луйста! — шепнулъ умоляющій голосъ. — Ради Бога! Я не могу сегодня! О, пожалуйста, пустите!

— Скажите «милый», — коварно шепнулъ Питеръ.

— Пожалуйста, милый, — покорно повторила Леонора, и когда Питеръ пустил ее, бѣгомъ выбѣжала изъ комнаты.

— Неужели ты спать, Крошка?

— Я... мнѣ пора.

— Питеръ, пойдемъ покуремъ, — сказалъ Уаттсъ, направляясь къ библиотекѣ.

— Сейчасъ, — отвѣтилъ Питеръ я, выйдя на лѣстницу, сказалъ поднимающейся Леонорѣ:

— Пожалуйста, дорогая!

— Въ чемъ дѣло? — спросила она.

Питеръ тоже поднялся на первую площадку.

— Пожалуйста! — повторилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не сегодня, — сказала Леонора, — но вотъ вашъ моя рука.

Питеръ повернулъ нѣжную ручку ладонью къверху и поцѣловалъ ее. А потомъ, забывъ Уаттса и его сигары, ушелъ въ свою комнату и долго, долго думалъ о завтрашнемъ подаркѣ.

Глава LIX.

«Собирайте розы, пока онѣ цвѣтутъ».

Если Питеръ безпокойно метался по комнатамъ въ только что описанный нами вечеръ, то на слѣдующее утро онъ казался еще безпокойнѣе. Всталъ онъ чрезвычайно рано, хотя по видимому никакой надобности въ этомъ не было, и все время безцѣльно бродилъ изъ передней въ залу и обратно, каждый разъ по нѣсколькимъ времени останавливаясь въ передней у лѣстницы.

Какъ могла Леонора сойти изъ своей комнаты въ садъ, безъ того, чтобы Питеръ замѣтилъ ее? онъ съ изумленіемъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ, когда, бросивъ случайно взглядъ въ окно, увидѣлъ, что она собираетъ розы. Однако у него не было времени изслѣдовать этотъ вопросъ: онъ прекратилъ свою прогулку по комнатамъ и быстро направился въ садъ.

— Доброе утро, — сказала Леонора

привѣтливо, но не поднимая глазъ на Питера и не прерывая своего занятія.

Питеръ сначала ей ничего не отвѣтилъ, но черезъ нѣсколько секундъ спросилъ: это все?

— Я не знаю, что вамъ еще нужно? возразила Леонора съ невиннымъ видомъ. — Кромѣ того, насъ могутъ видѣть изъ окна.

Питеръ спокойно отобралъ у Леоноры корзинку:

— Я понесу вамъ ее.

— Прекрасно, — отвѣтила Леонора. Только совершенно лишнее держать меня за руку, — я не младенецъ и не калѣка.

— Я думалъ, что помогаю вамъ.

— Вы мнѣ только мѣшаете. Если желаете помогать, несите корзинку, и будетъ съ васъ.

— Хорошо, покорно отвѣтилъ Питеръ.

— Знаете, вы совсѣмъ не такъ настойчивы, какъ про васъ говорятъ, сказала Леонора, срѣзая розы и бросая ихъ въ корзинку, которую Питеръ держалъ передъ ней.

— Не обольщайтесь, пожалуйста, на мой счетъ.

— Не бойтесь! Я хотѣла только сказать, что вы не всегда настаиваете, чтобы сдѣлали по вашему.

— Я только тогда отступаю отъ своихъ намѣреній, когда вижу, что это мнѣ выгодно. Въ этомъ отношеніи я дѣйствительно не настойчивъ.

— Предположимъ, вы будете продолжать рѣзать розы съ этихъ кустовъ, а я пойду домой дѣлать букеты?

— Предположимъ, — спокойно отвѣтилъ Питеръ, не выказывая ни малѣйшаго энтузіазма.

— Значитъ вы согласны?

— Нѣтъ, не согласенъ.

— Почему?

— Предложеніе отложить дѣло никогда не требуетъ объясненія.

— Знаете ли, что вы очень дурно начинаете?

— Я самъ это думалъ съ той минуты, какъ подошелъ къ вамъ.

— Почему же вы не уходите?

— Зачѣмъ ухудшать то, что уже плохо?

— Видите, — сказала Леонора, — бла-

годаря разговору съ вами, я чуть не обрѣзала палецъ.

— Покажите. Питеръ протянулъ руку

— Мнѣ некогда.

— Знаете ли, что у васъ цѣлую недѣлю не будетъ розъ, если вы срѣжете всѣ бутены? Вы и такъ срѣзали розъ вдвое больше, чѣмъ обыкновенно.

— Такъ я пойду и поставлю ихъ въ воду. А вы побѣгайте по лугу съ Дурячкомъ.

— Я никогда не бѣгаю до завтрака. Доктора говорятъ, что это вредно

Питеръ пошелъ за Леонорой въ комнаты. Она была необыкновенно занята размѣщеніемъ цвѣтовъ, а Питеръ былъ необыкновенно занятъ созерцаніемъ ея.

— Оставьте мнѣ одну розу, сказалъ онъ.

— Возьмите, — отвѣтила Леонора.

— Мое правило никогда самому не брать того, что могутъ мнѣ дать. Не можете же вы отказать приколотъ розу мнѣ въ петлицу, принимая во вниманіе, что сегодня день моего рожденія.

— Если мнѣ нужно что нибудь сдѣлать, я предпочитаю сдѣлать это сейчасъ а не откладывать въ долгій ящикъ.

— Леонора выбрала розу и приколотла ее въ петлицу Питеру. Но когда она хотѣла отойти отъ него, ея руки оказались въ плѣну и такъ крѣпко прижатыми къ его груди, что она чувствовала бѣшеніе его сердца.

— Ай, пустите! — умоляла она, а щеки ея стали краснѣе розы.

— Вы можете не давать мнѣ его, если не хотите, — покорно сказалъ Питеръ. Но вчера вечеромъ я сидѣлъ и мечталъ объ немъ, ночью видѣлъ его во снѣ, и утромъ проснулся съ мыслью о немъ. И теперь думаю все о томъ же. Я могу подождать, но я уже такъ долго ждалъ!

Леонора, съ горящими щеками, очень робко протянула Питеру губки.

— Однако, замѣтила она, принимаясь за цвѣты, разъ вы столько ждали, что же вы теперь, такъ долго возились?

— Мнѣ очень жаль, что я такъ плохо это сдѣлалъ, — виновато сознался Питеръ. Я такой медлитель! Я еще разъ попробую?

— Нѣтъ, не надо.

— Такъ покажите мнѣ вы.

— Нѣтъ.

— Кто теперь упрямится?

— Конечно, вы, — быстро сказала Леонора, — и это мнѣ вовсе не нравится.

— О, Леонора, если бы знали, какъ я счастливъ!

Леонора забыла, что только что обвиняла его въ упрямствѣ.

— И я тоже, — сказала она. — Я больше не буду упрямой.

— Лучше было теперь? — спросилъ Питеръ.

— Нѣтъ, это было бы невозможно! Но вамъ нужно столько времени! Я не буду въ состояніи давать вамъ больше одного въ день, такъ это долго!

— Тогда я буду еще медленнѣе!

— А я буду цѣловать васъ черезъ день!

— А я буду возаться еще дольше!

— О, да, — вздохнула Леонора, — вы все такъ ужасно настойчивы!

Такъ прошло время до завтрака. Оба были счастливы. Не стоить трудиться описывать слѣдующую недѣлю.

Всѣ слова и дѣйствія влюбленныхъ кажутся постороннимъ зрителямъ бессмысленными и страшно скучными, только для нихъ самихъ они полны значенія и прелести, которыхъ нельзя передать никакими описаніями.

Леонора первая нарушила очарованіе. Каждый день Питеръ получалъ отъ лидеров партіи умоляющія письма и телеграммы, надъ которыми только смѣялся и которыя часто оставлялъ безъ отвѣта. Но однажды м-ръ Пелль сообщилъ Леонорѣ нѣчто, заставившее ее сказать Питеру:

— Правда, что вы обѣщали говорить въ Нью-Йоркѣ 15-го?

— Да, но я написалъ Грину, что не стану.

— А вы собирались въ продолженіи недѣли говорить рѣчи по всему штату?

— Да, но у меня теперь нѣтъ времени.

— Нѣтъ, время найдется. Вы должны ѣхать завтра же.

— Не могу, — заворчалъ Питеръ.

— Должны!

— Кто это сказалъ?

— Я! Пожалуйста, Питеръ. Мнѣ такъ хочется, чтобы вы побѣдили. Я никогда не прощу себѣ, если, благодаря мнѣ, вы потерпите пораженіе.

— Но цѣлую недѣлю! — продолжалъ ворчать Питеръ.

— Вѣдь мы переѣзжаемъ 18-го, и, конечно, вамъ пришлось бы уѣхать накануне. Такъ что разница не велика.

— Ну что же, — вздохнулъ Питеръ. — Если я сдѣлаю по вашему, вы дадите мнѣ до отъѣзда тѣ семь, которые я теряю?

— Боже мой, Питеръ, вы и требовать этого не должны, разъ я отсылаю взсъ для вашей же пользы. Вы никогда не довольны и ко всему придираетесь.

— Я получалъ бы ихъ, если бы остался. И такъ по одному въ день ужасно мало! Мнѣ кажется, разъ я дѣлаю вамъ одолженіе и уѣзжаю, не слѣдовало бы заставлять меня страдать больше, чѣмъ необходимо.

— Я буду звать васъ ворчункомъ, — сказала Леонора, поглаживая его по щекѣ. Потому она прижалась личикомъ къ его щекѣ. — Спасибо вамъ, милый. Вѣдь и мнѣ тоже тяжело.

Поэтому Питеръ надѣлъ латы, взялъ оружіе и вышелъ на арену.

Хорошо или плохо онъ говорилъ, мы предоставляемъ судить тѣмъ, кто его слышалъ. Не лишнее будетъ замѣтить, что одна особа, вполне безпристрастная, прочтя его первую рѣчь, произнесенную въ «Союзѣ Бупера», писала ему: «Невозможна клевета звать васъ молчаливымъ. Ваша рѣчь просто великолѣпна! Какъ бы я хотѣла слышать и видѣть васъ, мой дорогой! Я чувствую себя очень одинокой, и Дурачокъ, и Дымка тоже. Цѣлый день мы безцѣльно бродимъ по комнатамъ, ожидая вашихъ писемъ и газетъ».

Задумавшись надъ этимъ письмомъ, Питеръ заставилъ три тысячи народу въ Бруклинѣ-Риверѣ ожидать цѣлыхъ десять минутъ! Но когда онъ, наконецъ, покончилъ съ письмомъ и взошелъ на кафедру, то превзошелъ самого себя. Современные ораторы обыкновенно, когда говорятъ, больше думаютъ объ отсутствующихъ, чѣмъ о присутствующихъ. Въ описываемый вечеръ Питеръ поступалъ также. Онъ говорилъ только для одной особы, а между тѣмъ, за всю компанію эта рѣчь была самая блестящая.

Ровно недѣлю спустя Питеръ звонилъ у дверей дома на 57-й улицѣ.

Онъ былъ одѣтъ для верховой ѣзды.

— Господа завтракаютъ, — сказали ему лакей.

Питеръ поспѣшилъ положить шляпу и хлысть на столъ въ передней и хотѣлъ идти въ столовую, когда навстрѣчу ему съ салфеткой въ рукахъ выбѣжала Леонора.

— Я знала что это вы, — сказала она, тихо подавая ему руку (откуда Леонора знала, что звонокъ въ 9 час. утра обозначалъ Питера—исторія о томъ умалчиваесть).

— Я сомнѣвалась, найдете ли вы дорогу въ столовую. Мама послала меня звать васъ завтракать.

Питеръ держалъ ее ручку въ своихъ рукахъ дольше, чѣмъ это требуется закономъ свѣтскихъ приличій, но сиротинскій вѣсъ вѣжливости: — Какъ поживаютъ ваши родители и... въ это время лакей вышелъ, и Питеръ пересталъ интересоваться родителями.

— Какъ могли вы придти такъ поздно, — спросила Леонора. — Я цѣлый часъ караулила васъ у окна.

— Поздъ опоздалъ! Росписаніе на этой дорогѣ—просто издѣвательство, — отвѣтилъ Питеръ. Между тѣмъ, именно эта дорога самая благоустроенная и аккуратная, и поздъ Питера опоздалъ только на семь минутъ.

— Однако, вы уже катались верхомъ!

— Нѣтъ, я уговорился ѣхать послѣ завтрака съ одной пренепріятной дѣвицей, поэтому одѣлся заранѣе.

— А если непріятная дѣвица откажется или скажетъ, что никакого уговора не было?

— Не поспѣетъ, — сказалъ Питеръ. — Хотя этотъ пунктъ въ контрактъ не внесенъ, однако законъ признаетъ его внѣ всякаго сомнѣнія. Леонора засмѣялась счастливымъ смѣхомъ.

— Для кого эти фіалки?

— Мнѣ пришлось побывать въ четырехъ мѣстахъ, чтобы достать ихъ въ это время года. Скверныя дѣвочки доставляютъ очень много хлопотъ своими капризами. Что вы мнѣ дадите за нихъ?

— Нѣсколько цвѣточковъ, сказала

Леонора и получила весь букетъ. Кто послѣ этого поспѣетъ сказать, что у женщинъ нѣтъ коммерческихъ способностей и проницательности?

Правда, она поцѣловала цвѣточки, прежде чѣмъ приколотла ихъ въ петлицу Питера, а это возбуждаетъ вопросъ—кто получилъ большую выгоду?

— Я за занавѣсомъ и ничего не вижу, — сказалъ голосъ изъ за двери, и потому не пугайтесь, мнѣ только любопытно знать, желаете ли вы завтракать?

Черезъ нѣсколько дней Питеръ снова поднимался по знакомой лѣстницѣ 57-й улицы. Онъ такъ часто продѣлывалъ это, что его извозчикъ, не дальше какъ сегодня утромъ, сказалъ ему: «Все туда же, баринъ?»

Какъ Питеръ умудрялся находить время—просто непостижимо, если принять во вниманіе, что его адвокатская практика стала, какъ говорили, еще обширнѣе, и политическія дѣла не сократились.

Съ лѣстницы Питеръ перешелъ въ переднюю, изъ передней въ комнату и прямо попалъ въ чьи то объятія.

— Хвала Создателю, что ты наконецъ явился, — замѣтилъ Уаттсъ. Крошка положительно отказалась дать мнѣ чаю, пока ты не придешь.

— Я былъ въ главной квартирѣ, и они говорили, говорили безъ конца. Я просто потерялъ съ ними терпѣніе. Можно подумать, что судьба рода человеческого зависитъ отъ этой камнани!

— Ворчунъ сейчасъ получить чаю и прилечь въ лучшее настроеніе, — сказала Леонора усаживаясь на кушетку около чайнаго столика.

— Я уже началъ, замѣтилъ Питеръ, занимая мѣсто у ногъ Леоноры.

— Сдается мнѣ, что вы сейчасъ же начнете попросишничать. Не люблю я дѣтей, которыхъ надо закусать, чтобы они не капризничали. Хорошіе мальчики никогда не бываютъ не въ духѣ.

— Я былъ не въ духѣ оттого, что мнѣ мѣшали идти къ вамъ, шевелуль Питеръ. Мнѣ кажется, этого достаточно, чтобы самаго яроткаго человѣка привести въ убійственное настроеніе.

— Ну, чего же вамъ нужно отъ меня?—смиловилась Леонора.

— Что бы вы всё пріѣхали ко мнѣ послѣ обѣда. Меня предупредили, что сегодня, въ 9 часовъ, мнѣ дадутъ серенаду, и я думаю, что вы захотите послушать ее.

— Какъ весело! — воскликнула Леонора. Конечно мы прідемъ! Вы будете говорить.

— Нѣтъ, мы только будемъ сидѣть у окна и слушать.

— Сколько будетъ народу?

— Это зависитъ отъ того, какую газету вы будете читать. «Свѣтъ» вѣроятно скажетъ, что было десять тысячъ, «Трибуна» три тысячи, а «Голосъ Труда» горсточка.

Да, кстати, я привнесъ вамъ теперь «Голосъ». Питеръ подаль Леонорѣ газету, которую вынулъ изъ кармана.

Это было просто безсовѣстно съ его стороны. Онъ зналъ, что Леонора была съ нимъ еще нѣжнѣе каждый разъ, какъ газеты обрушивались на него, въ особенности, если онъ прикидывался, что ихъ нападки и ругательства огорчаютъ его. По этому онъ постоянно приносилъ Леонорѣ газету рабочей партіи, которая ядовитѣе всѣхъ нападала на него, и дѣлала огорченное лицо, чтобы Леонора утѣшала его.

— О, Боже? — сказала Леонора. Опять эту ужасная газета! Просто читать не хочется. Очень бранятся сегодня?

— Не читалъ еще, — улыбаясь Питеръ. Я никогда не читаю... Питеръ закашлялся, сразу принявъ грустный видъ и продолжалъ: тѣхъ статей, въ которыхъ не говорится обо мнѣ.

— «Это вѣдь не ложь», оправдывался онъ передъ самимъ собой, «вѣдь я дѣйствительно не читаю этой газеты».

Но онъ все таки чувствовалъ себя виноватымъ. Было ясно, что Питеръ начиналъ и зѣвнѣть своей обычной правдивости.

— Я не думаю, чтобы они могли выдумать еще что нибудь худшее послѣ того, какъ говорили, что вы отказались отъ иска противъ Больмана, потому что онъ обѣщалъ помогать вамъ въ политикѣ, — сказала Леонора, опуская своими пальчиками два куска сахару въ чашку. Она поѣшала чай и попробовала его. Такъ хорошо? — спросала она, передавая чашку Питеру.

— Великолѣпно, — отвѣтилъ Питеръ, сіяя отъ удовольствія. Но тотчасъ схватился, что выходить изъ своей роли, и грустно вздохнулъ. Сознаюсь, все это глубоко огорчаетъ меня. Зачѣмъ люди такъ несправедливы!

— Бѣдненькій! — шепнулъ милый голосокъ. Вы получите сегодня одинъ сверхъ счета.

Ну можно ли было огорчаться ругательствами американской газеты, имѣя въ виду такое вознагражденіе?

Правда что слово «однѣ» очень неопредѣленное. Можетъ быть, Леонора думала о стаканѣ чаю? Но этого Питеръ никогда не узналъ, потому что онъ не успѣлъ еще приняться за чай, какъ Леонора громко вскрикнула. Она такъ порывисто вскочила съ кушетки что толкнула столикъ, и чашки со звономъ посыпались на полъ.

— Леонора! — воскликнулъ Питеръ, — что случ...

— Питеръ, — перебила она его, — скажите, что это неправда!

Страшно было видѣть, какое страданіе исказило ея личико, и какое отчаяніе звучало въ голосъ.

— Дитя мое, что случилось? — спросила мать.

— Это не можетъ быть! Мама! Папа! — кричала Леонора. — Скажите, вѣдь это неправда?

— Что моя дорогая? — спросилъ Питеръ, поддерживая ее.

— Вотъ это! — глухо сказала Леонора, протягивая газету.

Миссисъ Д'Алуа схватила ее.

— Бѣдная моя дѣвочка! — воскликнула она, пробѣжавъ развернутую статью. — Зачѣмъ я допустила это! Питеръ! Питеръ! Неужели вамъ было мало своего позора, что вы рѣшились заставить страдать отъ него мою несчастную дѣвочку!

Она оттолкнула Питера и страстно обняла Леонору.

— Мама! — закричала Леонора. — Не говори такъ! Не смѣй! Я знаю, что онъ не могъ сдѣлать этого! Это невозможно!

Питеръ вырвалъ газету. На первой страницѣ крупными буквами было напечатано:

«Сознавайтесь Стерлингъ!

Кто этого мальчикъ?

Сыщавъ Пейтеръ открылъ воспитанника, о которомъ опекунскій совѣтъ не имѣетъ понятія, и мы въ правѣ требовать объясненій отъ

НЕПОРОЧНАГО СТЕРЛИНГА».

Безполезно приводить всю статью. Она была такъ подтасована, что должна была навести на самыя грязныя и гнусныя подозрѣнія, хотя опредѣленнаго ничего сказано не было.

— Годубка моя!—говорила миссисъ Д'Аллауа.—Ты имѣешь право убить меня за то, что я допустила его въ нашъ домъ послѣ того, какъ онъ во всемъ сознался мнѣ! Я... Не дрожи такъ, радость моя! О, Уаттсъ, мы убили ее!

Питеръ съ минуту держалъ газету, потомъ передалъ ее Уаттсу. Онъ сказалъ только: «Уаттсъ?!» но въ этомъ словѣ звучалъ призывъ о помощи и пощадѣ, столь же ужасный, какъ крикъ Леоноры минуту тому назадъ.

— Ну понятно, дружище!—воскликнулъ Уаттсъ.—Леонора, дорогая, ничего нѣтъ! Ты не должна думать! Питеръ хорошій человѣкъ, лучше насъ всѣхъ! Ты не должна вѣрить!

— Молчи!—крикнула Леонора.—Дайте мнѣ говорить! Мама, Питеръ сказалъ тебѣ, что это правда?

Всѣ молчали.

— Мама! скажи что-нибудь! Папа! Питеръ! Отвѣчайте!

— Леонора, не сомнѣвайтесь во мнѣ.—началъ Питеръ.—Вѣрьте мнѣ, я...

— Скажите мнѣ,—перебила его Леонора,—это была причина, почему вы не хотѣли идти къ намъ? О, я понимаю теперь! Мама знаетъ это. Такъ вотъ что огорчало васъ? А я-то думала, что любовь къ...—Леонора застонала.

— Любовь моя!—въ отчаяніи воскликнулъ Питеръ.—Не смотрите на меня такъ! Не говорите...

— Не троньте меня! Не смѣйте!—закричала Леонора.—Уходите!

Леонора бросилась на коверъ и разразилась страшными рыданіями.

— Это невозможно!—сказалъ Питеръ.—Уаттсъ, это убьетъ ее.

Но Уаттсъ исчезъ изъ комнаты.

— Уходите скорѣй!—рыдала Леонора.

ра.—Уходите, вамъ нечего здѣсь дѣлать. уходите!

Питеръ нагнулся, нѣжно поднялъ съ полу Леонору и положилъ ее на диванъ. Онъ прижалъ къ губамъ подолъ ея платья.

— Да, мнѣ больше ничего не остается!—тихо сказалъ онъ.—Прощай, моя любовь! Я ухожу.

Онъ оглянулся кругомъ съ безумнымъ видомъ, затѣмъ быстро прошелъ всѣ комнаты, шатаясь, какъ пьяный, спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу. Онъ толкнулъ кого-то и на сердитое восклицаніе: «что за невѣжа!» машинально сказалъ «извините». Черезъ минуту онъ снова наткнулся на что-то и снова извинился, а двѣ хорошо одѣтыя дѣвушки громко разсмѣялись, глядя, какъ господинъ безъ шляпы извиняется передъ фонарнымъ столбомъ. Питеръ пошелъ дальше, но не успѣлъ пройти десяти шаговъ, какъ чья-то рука опустилась на его плечо.

— Потяните, красавчикъ,—произнесъ чей-то голосъ.—Позвать вамъ извозчика или мнѣ проводить васъ домой? Куда васъ доставить?

— Извините,—сказалъ Питеръ.

— Идемте,—продолжалъ полисменъ, всстрахивая его.—Гдѣ вы живете? Боже мой, да это м-ръ Стерлингъ! Что случилось, сэръ?

— Мнѣ кажется, я убилъ ее,—сказалъ Питеръ.

«Вотъ такъ угостился!» подумалъ полисменъ. «И это онъ—онъ! Никто не узнаетъ». Полисменъ остановилъ проѣзжавшаго извозчика, посадилъ Питера, сказалъ адресъ и самъ сѣлъ. На другой день его оштрафовали за то, что онъ «самовольно отлучился съ поста безъ уважительныхъ причинъ», но онъ ни за что не хотѣлъ сказать, гдѣ былъ.

Дойхавъ до дому Питера, полисменъ помогъ ему войти въ элеваторъ, довелъ его до двери и позвонилъ. Никто не открывалъ; занятія въ конторѣ уже кончились, а Джениферъ, знавшій, что баринъ не объѣдетъ дома, ушелъ по своимъ дѣламъ.

Полисменъ, уже обшарившій раньше карманы Питера, чтобы заплатить извознику, повторилъ эту операцію и оты-

скалъ ключъ. Онъ открылъ дверь, довель Питера до кабинета, усадилъ его въ кресло, положилъ на письменный столъ кошелекъ и ключъ, и съ большимъ трудомъ написалъ на клочкѣ бумаги: «М-ръ Стерлингъ, я взялъ 2—50, чтобы заплатить извозчику. Джонъ Матти, полицменъ 22-го участка», положилъ написанное рядомъ съ кошелькомъ и ключами. Потомъ онъ вернулся на свой постъ.

Что же дѣлалъ Питеръ, оставшись одинъ? Онъ старался думать, а его глаза болѣли и горѣли, точно ихъ жгли раскаленнымъ желѣзомъ. Вдругъ онъ всталъ и пошелъ ходить по комнатѣ, натываясь на столы и стулья. Онъ продолжалъ думать, по временамъ выкрикивая безсвязныя слова:

— Если бы я могъ понять! Я ничего не вижу! Что говорилъ мнѣ докторъ Пильцеръ про ея глаза? Или онъ говорилъ про мои глаза? Онъ мнѣ далъ лекарство. Не могу вспомнить! Развѣ оно поможетъ ей? Почему я не могу думать? Господи, какая боль въ ея головѣ и глазахъ! Почему такъ темно кругомъ, только болъ пронизываетъ всю голову! Она сверкаетъ какъ молнія, я вижу ее. Почему я не могу думать? Какія у нея ужасныя глаза! Онъ далъ мнѣ какое-то лекарство, но оно не поможетъ ей. Она прогнала меня! Если бы только эта агонія кончилась! Какъ она страдаетъ, и ея страданія увеличиваются каждую минуту! Не могу вспомнить, гдѣ лекарство? Вотъ опять идетъ! Теперь я знаю, что это не молнія, а керосинъ.

— Скорѣ ребята! Развѣ вы не слышите воплей моей малютки? Это ужасно! Если бы я только могъ вспомнить.— Что говорилъ французскій докторъ, если это вернется? Нѣтъ, давай рельсы! — Питеръ бросился къ окну.— Еще одно усиліе, товарищи! Слышите ея вопли? Ломайте двери!

Питеръ схватилъ горшокъ съ цвѣтами и бросилъ его въ окно, и стекла со звономъ посыпались на полъ и на улицу.

— Если бы я могъ видѣть! Но все темно кругомъ. Это свѣтъ? Нѣтъ, слишкомъ поздно! Я не могу спасти ее!

Такъ безумствовалъ Питеръ, страдая и физически, и нравственно.

Вдругъ звуки военной музыки вернулись въ разбитое окно.

— Впередъ!—закричалъ Питеръ!— Поддсь, не позволяйте обижать ее. Спасите ее! О, спасите ее! Почему я не могу найти ее? Не задерживайте меня!—кричалъ онъ натываясь на стулъ. Онъ схватилъ его и съ такой силой швырнулъ въ стѣну, что стулъ разлетѣлся на куски, вдрызг разбивъ нѣсколько рамъ съ картинами.

— Я не позволю отталкивать меня!—кричалъ онъ съ безумнымъ отчаяніемъ.— Она — все, что я имѣю! Я былъ такъ одинокъ столько лѣтъ! Оставьте, и убейте васъ! Я не могу видѣть ея страданій, это убиваетъ меня! Было бы не такъ ужасно, если бы не я самъ сдѣлалъ это! Если бы я не такъ любилъ ее! Но самъ, самъ! Я не могу! Ребята, хотите постоять за меня и помочь мнѣ спасти ее?

Оркестръ смолкъ. Наступило минутное молчаніе, потомъ съ улицы раздалось пѣніе пяти тысячъ голосовъ на мотивъ марша: «Мы идемъ черезъ Георгію»:

Собирайтесь вокругъ вождя, ребята,
Собирайтесь вокругъ глубокого зна-

мени,

Сравнимся за нашего кандидата,
За нашего сильнаго Стерлинга.
Сравнимся за честное правительство,

ребята!

Побѣдимъ безсовѣстную шайку!
Подавайте голоса за свободу и за

Стерлинга!

Ура! Ура! За храбраго и честнаго

Стерлинга!

Ура! Ура! За Стерлинга, который

всегда правъ!

Подавайте голоса одинъ за другими,
Двѣсти тысячъ голосовъ
За свободу и Стерлинга!

— Я не могу побѣдить столѣтнихъ! Двѣсти тысячъ! У меня нѣтъ оружія! Я не стрѣлялъ въ нихъ, нѣтъ! Я только командовалъ. Мнѣ больно, но я не думаю, что и ей такъ больно! У меня никого нѣтъ, кромѣ нея. Неужели вы думаете, что я хотѣлъ убить ее? Нѣтъ! Нѣтъ жертвы, которой бы я не принесъ для нея. А вы мнѣ говорите о баллотировкѣ! Двѣсти тысячъ голосовъ! Я такъ старался для нея! Я не хотѣлъ дѣлать ей больно. Я разыскалъ ихъ семью, я всѣхъ навѣстилъ! Если бы я могъ знать! Если бы я могъ думать.

Она слишкомъ страдает! Я не могу думать, пока она лежитъ на ковръ и такъ дрожать. Смотрите, какія молніи проходить сквозь ея голову! Не прячь свое личико въ коверъ.

— Нечего удивляться, что такъ темно! Подумай только, и все будетъ хорошо.

Съ улицы снова донеслась пѣсня на мотивъ: «Жили были три вороны»:

Стивенъ Магиръ замышлялъ, чтобы
его выбрали 4-го ноября.

Стивенъ Магиръ замышлялъ, чтобы
его выбрали 4-го ноября.

Стивенъ Магиръ замышлялъ да
замышлялъ,

Только всѣ его замыслы вылетѣли
въ трубу!

А народъ будетъ кричать «Ура—
ра—ра—ра!»

А народъ будетъ кричать «Ура—
ра—ра—ра!»

Потому, что Питера Стерлинга вы-
берутъ 4-го ноября!

Потому, что Питера Стерлинга вы-
берутъ 4-го ноября.

Питера Стерлинга выберутъ

А Стивенъ Магиръ останется въ
дуракахъ.

И весь народъ будетъ кричать:
«Ура—ра—ра—ра!»

И весь народъ будетъ кричать
«Ура—ра—ра—ра!»

— Это Стивенъ Магиръ! Онъ всегда былъ измѣнникомъ. Если бы онъ попался мнѣ!—Питеръ схватилъ стулъ.

— Кто это? А! Это вы! Вы ее убили! Вотъ вамъ! И второй стулъ съ такой силой перелетѣлъ черезъ комнату и ударился въ дверь, что сорвалъ ее съ петель, и она съ трескомъ полетѣла на полъ.

— Я убилъ его!—вскрикнулъ Питеръ.—Я... нѣтъ, я убилъ мою голубку! У меня больше никого нѣтъ на свѣтѣ!

Такъ безумствовалъ Питеръ. Онъ спотыкался, падалъ, вставалъ, опять со стономъ падалъ, въ то время какъ факельное шествіе приветствовало его громкими, восторженными криками и пѣніемъ.

Питеръ дико боролся со своимъ несчастьемъ, когда два посѣтителя, которые долго и тѣтно звонили, пока вернувшійся Джениферъ не открылъ имъ, остановились передъ тѣмъ, что прежде было дверью.

— Боже мой!—закричалъ одинъ изъ вошедшихъ.—Онъ сума сошелъ! Уйдемъ скорѣе!

Но другая особа, ничего не отвѣчая и не выказывая ни малѣйшаго страха, прямо подошла къ бѣснующемуся чело-вѣку и взяла его за руку. Питеръ сразу остановился.

— Я не могу думать! Я не могу думать, пока она лежитъ на ковръ! Какъ ея глаза горятъ!

— Пожалуйста, сядьте, Питеръ. Пожалуйста, милый, для меня. Вотъ вамъ стулъ. Пожалуйста, сядьте.

Питеръ упалъ въ кресло.

— Я говорю вамъ, что не могу думать. Они все жгутъ! Это керосинъ! Онъ хотѣлъ вскопичить, но чьи-то нѣжныя руки удержали его, и онъ снова упалъ въ кресло.

— Вотъ, барышня, ради самого неба, смочите этимъ глаза барину,—сказалъ Джениферъ умоляющимъ голосомъ, весь въ слезахъ, появляясь съ пузырькомъ въ рукахъ.—Докторъ далъ это ему, когда у него болѣли глаза.

Леонора опустила въ колѣни передъ Питеромъ, и смочивъ пальцы примочкой, стала тихонько гладить его вѣки.

Было ли это дѣйствіе лекарства, или въ тонкихъ пальчикахъ заключалась цѣлебная сила, но рѣзкія черты страданія исчезли съ лица Питера, и онъ спокойно откинулся въ креслѣ. Лицо Питера постепенно измѣнялось: оно сначала стало спокойнѣе, потомъ выраженія напряженной мысли, страха и сомнѣнія, но не страданія, быстро сѣнились одно другимъ, наконецъ, онъ протянулъ руку и сознательно схватилъ руку Леоноры.

— Вы пришли ко мнѣ?—сказалъ Питеръ.—Онъ сказалъ вамъ?

— Кто, что?—спрашивала Леонора.

— Вы все еще думаете, что я могъ.... вскричалъ Питеръ.—Зачѣмъ же вы пришли?—Питеръ безумно вскинулъ глазами и вскопичилъ бы, если бы Леонора, все еще стоявшая передъ нимъ на колѣняхъ, не удержала его.

— Не волнуйтесь, Питеръ!—умоляла она.—Не будетъ говорить объ этомъ теперь. Вамъ нужно успокоиться.

— Скажите мнѣ, я хочу знать!—Питера волновало больше присутствіе Леоноры, чѣмъ ея слова.

— О Питеръ! Я просила папу привести меня сюда, потому что... О, Боже! Я хотѣла просить васъ сдѣлать что-то ради меня!

— Что такое?

— Я хотѣла просить васъ....—Леонора заплакала:—жениться на ней.... Тогда я всегда буду думать, что вы такой... какимъ я такъ любила васъ, а не....—Леонора опустила голову на колѣни Питера и горько плакала.

Питеръ обнялъ ее и поднялъ ее голову на свое плечо:

— Дорогая моя,—сказалъ онъ,—вы любите меня?

— Люблю!—рыдала Леонора.

— Вы вѣрите, что я люблю васъ?

— Вѣрю.

— Загляните въ самую глубину своего сердца, могли бы вы солгать мнѣ?

— Нѣтъ.

— И я не могу лгать вамъ. Не я отецъ этого мальчика, не я опозорилъ его мать.

— Но вы сказали....—всхлипывала Леонора.

— Я солгалъ вашей матери, дорогая.

— Зачѣмъ?—Леонора подняла голову. Въ глазахъ ея мелькнула надежда вмѣстѣ съ сомнѣніемъ.

— Потому что тогда ложь была лучше правды. Уаттсъ подтвердить вамъ, что я тогда солгалъ.

— Папа?

— Да, Крошка. Милый, старый Питеръ говоритъ тебѣ правду.

— Но если вы солгали мамѣ, почему я могу знать, что вы не лжете и мнѣ?

— Я не могу лгать вамъ, Леонора. Я говорю вамъ правду. Вѣрите ли мнѣ?

— Вѣрю!—вскричала Леонора.— Я чувствую, что вы говорите правду! Я вижу ее на вашемъ лицѣ, слышу въ голосѣ!

Въ ту же минуту ея руки обвились вокругъ его шеи, горячія губки прижались къ его губамъ.

Въ это время кто-то изъ участниковъ факельнаго шествія закричалъ: «Что случилось со Стерлингомъ?»

И тысячи веселыхъ голосовъ закричали: «Все благополучно!»

ГЛАВА LX.

Загадка.

М-ръ Пирсъ собирался говорить. М-ръ Пирсъ обыкновенно всегда говорилъ, но за послѣдніе три часа онъ былъ принужденъ молчать и могъ произнести только нѣсколько словъ, обращенныхъ къ случайнымъ слушателямъ. Но наконецъ, м-ру Пирсу показалось, что важнѣйшій мигъ насталъ, и что аудитория у него будетъ подходящая.

По первому взгляду можно было думать, что предположеніе м-ра Пирса небезосновательно: въ большой гостиной собралось около двадцати человекъ, и видъ у всѣхъ былъ очень утомленный: они съ видимымъ удовольствіемъ усаживались по диванамъ и по кресламъ. Судя по измученному виду всѣхъ собравшихся и по царствовавшему въ гостиной беспорядку, такъ какъ вся мебель была сдвинута со своихъ мѣстъ, можно было заподозрить, что здѣсь только что происходило сраженіе, но масса цвѣтовъ и нарядные костюмы отвергали эту мысль и ясно доказывали, что беспорядокъ и утомленіе были вызваны совсѣмъ другимъ.

Однако, ожиданіямъ м-ра Пирса не суждено было осуществиться всѣ присутствующіе въ гостиной, все близкіе друзья, сошлись здѣсь для того, чтобы поговорить о только что совершившемся событіи, и вовсе не были расположены выслушивать разглашествованія почтеннаго джентльмена.

Мистеръ Пирсъ прочистилъ горло и началъ:

— Развитіе брачныхъ обычаевъ и церемоній отъ первыхъ временъ весьма любопытно...

— Какая была прелестная свадьба!—сказала Дороти, вздохнувъ отъ удовольствія и отъ усталости.

— Неправда ли? хоромъ подхватили всѣ, кромѣ м-ра Пирса, съ неодобреніемъ покосившагося на виновницу перерыва.

— Какъ я уже замѣтилъ... снова началъ м-ръ Пирсъ.

— Лучше всего были подарки отъ «шестого», снова перебилъ на этотъ разъ Уаттсъ. М-ръ Моріерти сказалъ: «Вѣ Богу,

трудно было бы сыскать другую такую чужу!» И онъ вполне правъ подобнаго безобразія трудно сыскать!

— Возвращаясь къ предмету... по-пробовалъ опять м-ръ Пирсъ.

— Леонора сказала, что именно этотъ подарокъ ей дороже всѣхъ остальныхъ, сказала молоденькая, прелестно одѣтая дѣвушка.

— О, она была въ такомъ восторгѣ отъ всѣхъ подарковъ «участка» и «политическихъ друзей», что на наши и вниманія не обратила,—засмѣялся Уаттсъ. Гдѣ ужъ намъ посидѣть... за «сѣрыми»! Она стала такой же поклонницей народа, какъ и самъ Питеръ

— Не думаю, чтобы ей было до нихъ какое нибудь дѣло,—замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей,—она обожаютъ ихъ за то, что они обожаютъ его.

— Такъ всегда бываетъ на свѣтѣ! вздохнулъ Лиспенардъ.—Этого счастливаго смертнаго обожаютъ всѣ, начиная съ любого ирландца-кабатчика и кончая Леонорой! А между тѣмъ взгляните на меня какой я умный, кроткій, ласковый человѣкъ, и никто меня не обожаетъ! Никто даже думать обо мнѣ не хочетъ, я считаютъ меня годнымъ только на то, чтобы быть шаферомъ болѣе счастливыхъ людей. А Питеръ, посмотрите на Питера онъ добился любви очаровательнѣйшей дѣвушки, которая чуть не молится на него. Я никогда не видѣлъ подобной идеализаціи!

— Значить, вы не наблюдали Питера,—вышла миссисъ Д'Аллуа, которая, въ качествѣ нѣжной матери, не желала, чтобы кто нибудь подумалъ, что Леонора любить больше, чѣмъ любима.

— Взявъ за основаніе современный бракъ... снова попробовалъ м-ръ Пирсъ.

— О!—засмѣялась Дороти,—развѣ можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что они идеальная парочка. И я очень горжусь, потому что я устроила это!

— Кукуреку!—закричалъ Рей.

— Конечно, я и мой собственный мужъ не имѣетъ права набрасывать тѣмъ сомнѣнія на мои слова!

— Только онъ одинъ посидѣлъ,—сказалъ Огденъ.

— А все таки я настаиваю на своемъ.

Леонора никогда не обратила бы вниманія на такого молчаливаго, серьезнаго человѣка, какъ Питеръ если бы я не показала ей, какъ смотреть на него другія.

— Мнѣ кажется, что виновникомъ всего является самъ Питеръ,—замѣтилъ Ле-Гранъ.

— Вирочемъ, какъ холостякъ, я не могу ожидать, чтобы мое мнѣніе было принято.

— Напротивъ, онъ чуть не испортилъ все дѣло своимъ смиреніемъ, сказала Дороти. Ни одна дѣвушка не станетъ считать человѣка достойнымъ вниманія, если онъ позволяетъ ей дурно обращаться съ собою.

— Но каждой дѣвушкѣ чрезвычайно лестно, когда мужчина обращается съ ней такъ, точно она одна существуетъ на свѣтѣ, а Питеръ доходилъ въ этомъ до абсурда,—сказалъ Лиспенардъ. Просто смѣхъ разбиралъ, при видѣ, какъ милъ и любезенъ становился старый отшельникъ, стоило ей только появиться, и какъ его глаза неотступно слѣдили за ней. Ужъ одно то, что онъ выучился танцевать, показывается, какъ обстоитъ дѣло!

— Онъ началъ гораздо раньше, когда вамъ это и не снилось, замѣтила миссисъ Д'Аллуа. Не такъ ли Уаттсъ?

— Безъ сомнѣнія,—смѣялся Уаттсъ. Да и она тоже. Я никогда раньше не видѣлъ, чтобы она съ кѣмъ нибудь обращалась такъ, какъ съ Питеромъ. съ самаго начала. Помню, какъ она вернулась домой послѣ своего приключенія, просто въ дикомъ восторгѣ отъ Питера, и объявила мнѣ: «О, я такъ счастлива! Я приобрѣла новаго друга, и мы всегда будемъ съ нимъ такими друзьями».

— Приходится задать тотъ вопросъ, который задалъ одинъ ирландецъ во время уличной драки: «А кто первый бросилъ послѣдній камень?» со смѣхомъ сказалъ Огденъ.

— Право, если бы только это не казалось такой безмыслицей, я бы сказалъ, что они оба начали въ ту минуту, какъ встрѣтились, заявилъ Уаттсъ.

— Мнѣ это вовсе не кажется безмыслицей,—сказала сѣдая, изящная дама, которая казалась наименѣе взволнованной, а можетъ быть, была слишкомъ

хорошо воспитанной, чтобы выказывать свои чувства.—Я даже думаю, что они начали тогда, когда еще и не встрѣчались. Леонора была уже почти влюблена въ Питера еще въ Европѣ, а Питеръ, хотя ничего не зналъ о ней, именно такой человѣкъ, который выдумываетъ себѣ идеалъ и любить его. Случилось только, что она подходила подъ этотъ идеалъ.

— Право, миссъ Де-Во,—сказалъ м-ръ Пирсъ,—вы слишкомъ ошибочно судите о немъ. Хотя Питеръ теперь мой внукъ, я все-таки могу судить, что онъ такое. Онъ вовсе не такого сорта человѣкъ, чтобы увлекаться идеалами.

— Я не обольщаюсь, что знаю Питера. Онъ не позволяетъ людямъ заглядывать въ свою душу,—отвѣтила миссъ Де-Во.—Но въ одномъ я твердо увѣрена: все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ такъ, какъ ему подсказываетъ сердце, и въ душѣ онъ идеалистъ.

— О!—закричали многіе.

— Это очень странное мнѣніе,—сказалъ м-ръ Пирсъ.—Я не знаю человѣка, въ которомъ бы было меньше чувствительнаго и идеальнаго. Идеалистъ—человѣкъ мечтаній и романовъ. Питеръ слишкомъ уменъ, чтобы быть идеалистомъ. Въ немъ нѣтъ ничего героическаго и романческаго.

— Пустяки,—paterfamilias,—вступился Уаттсъ.—Вы совсѣмъ не знаете моего пріятеля. Вы видѣли въ немъ только холоднаго, умнаго юриста. Если ваше прежнее опредѣленіе романтизма, какъ «любви и борьбы добра со зломъ» справедливо, то въ Питерѣ этого романтизма больше, чѣмъ во всѣхъ насъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ,—возразилъ м-ръ Пирсъ.—Вы видѣли, какъ Питеръ влюбился, и всѣ рѣшили, что онъ романтикъ. Но это неправда. Онъ хладнокровный человѣкъ, никогда не дѣйствующій, заранѣе не взвѣсивъ своихъ поступковъ, и въ этомъ весь секретъ его успѣха. Онъ спокойно намѣтилъ свой жизненный путь и идетъ имъ, несмотря по сторонамъ. Онъ не обращаетъ вниманія на то, что не сообразно съ его цѣлями, и пользуется всѣмъ, что можетъ способствовать достиженію ихъ. Много лѣтъ тому назадъ, когда онъ только что сошелъ со школь-

ной скамьи, я предсказывалъ ему крупный успѣхъ только на основаніи изученія его умственнаго склада, и я оказался пророкомъ! Онъ никогда не сдѣлалъ ни одной ошибки въ юридическомъ, политическомъ или общественномъ отношеніи. Идеалистъ, человѣкъ романтический и пылкій, никогда не достигъ бы того успѣха, котораго достигъ Питеръ только благодаря полному отсутствію въ немъ чувствительности. Хотя...

— Я не могу согласиться съ вами,—перебила его Дороти.—Вы не понимаете Питера! Онъ крайне чувствительный человѣкъ. Вспомните его рѣчь объ отравленныхъ дѣтяхъ! Подумайте о его отношеніяхъ къ матери, пока она была жива, о добротѣ и участіи къ бѣднякамъ! Рей говорилъ мнѣ, что въ послѣдніе годы онъ отказывался отъ одного выгоднаго дѣла за другимъ, чтобы нѣтъ время даромъ заниматься дѣлами бѣдняковъ своего участка. Если бы...

— Это пріобрѣтало ему голоса,—вставилъ м-ръ Пирсъ.

— А помните, когда Костелль умеръ бѣднякомъ, Питеръ выкупилъ его нѣтъ—це въ Вестчестеръ и подарилъ его мнѣ?—продолжала Дороти, все болѣе и болѣе воодушевляясь.—Что же, онъ это сдѣлалъ тоже для выборовъ? Если бы только могла сказать вамъ, что онъ сдѣлалъ лично для меня, вы бы перестали утверждать, что въ немъ нѣтъ чувствъ.

— Я не сомнѣваюсь, что есть много его поступковъ, которые съ перваго взгляда возбуждаютъ восторгъ и кажутся только слѣдствіемъ сердечной доброты,—кратко возразилъ м-ръ Пирсъ.—Но если ихъ внимательно разобрать, то всегда можно найти, что Питеръ нигдѣ изъистинный интересъ поступить именно даннымъ образомъ. Конечно, услуга, оказанная имъ миссисъ Ривингтонъ, ни въ какомъ случаѣ не могла повредить ему! Покупка нѣтъ Костелля несомнѣнно доставила удовольствіе друзьямъ политическаго лидера. Мнѣ очень непріятно бороться противъ вашихъ розовыхъ взглядовъ на Питера, но, зная его такъ хорошо, я долженъ сдѣлать это во имя справедливости. Въ немъ нѣтъ чувствительности, и благодаря этому, онъ

дѣлать ошибокъ, и никакія чувства никогда не заставили его хоть на шагъ отступитъ отъ его честолюбія.

— А я говорю вамъ, что секретъ его успѣха въ его любящемъ и отзывчивомъ сердцѣ, — горяче возразила Дороти.

— Я думаю, — вѣшался Пелль, — что успѣхъ Питера основывается на его способности пріобрѣтать друзей. Эта способность просто поразительна! Я имѣлъ возможность наблюдать его въ обществѣ и на политической аренѣ. Казалось, онъ никогда ни въ комъ не возбуждалъ ни зависти, ни горечи. Всѣ любили его, всѣ вѣряли ему, но никто его не понималъ. Поэтому онъ всѣхъ интересуется, но не возбуждаетъ въ нихъ враждебныхъ чувствъ. Я слышалъ, какъ многіе увѣряли, что Питеръ неинтересный, заурядный человѣкъ, а между тѣмъ, его не забывалъ никто, кто хоть разъ встрѣтился его. Я увѣренъ, мы всѣ чувствуемъ, что, какъ говорить миссъ Де-Во, у Питера въ душѣ есть что-то, чего онъ никому не показываетъ. Я никогда не могъ сказать, почему онъ сдѣлалъ то я не сдѣлалъ другое; однако, все, что онъ ни дѣлаетъ, — хорошо. Онъ напоминаетъ мнѣ одну французку, которая говорила своей сестрѣ: Не знаю почему, но я не встрѣчала никого, кромѣ меня самой, кто бы былъ всегда правъ».

— Вы попали совершенно вѣрно, — сказалъ Огденъ, и я могу доказать, что вы правы, передавъ, какъ самъ Питеръ объясняетъ свой успѣхъ. Разъ какъ то мнѣ пришлось говорить съ нимъ объ очень странномъ расположеніи аргументовъ въ одномъ дѣлѣ, и вотъ, что онъ сказалъ мнѣ: «Огденъ, я строю свою защиту такимъ образомъ потому, что судья Поттеръ именно такъ смотритъ на вещи. Если вамъ надо убѣдиться въ чемъ-нибудь самому, выбирайте тѣ доказательства, которыя для васъ убѣдительнѣе всего. Если же вамъ приходится имѣть дѣло съ судьями и присяжными, выбирайте только тѣ факты, которые доступны ихъ пониманію. Люди толкуютъ о моихъ необыкновенныхъ успѣхахъ въ защитѣ, а причина ихъ, что я не увѣренъ въ томъ, что нѣтъ другихъ аргументовъ и другихъ взглядовъ, кромѣ

моихъ. Я близко изучилъ всѣхъ судей, поэтому знаю, какъ надо говорить съ каждымъ изъ нихъ, и въ каждомъ дѣлѣ стараюсь выдвинуть ту сторону, которая можетъ наиболѣе заинтересовать присяжныхъ. Но что гораздо важнѣе всякаго изученія, это то, что я могу понять, какъ взглянуть на данный вопросъ заурядный человѣкъ. Видите ли, я самъ сынъ простыхъ людей; я встрѣчаюсь съ разными людьми, слушаю, что они говорятъ, и стараюсь стать на ихъ точку зрѣнія. Я никогда не старался обособиться отъ людей, рѣшать, что хорошо для другихъ, и потомъ тратить время на то, чтобы доказывать имъ это. Я имѣю успѣхъ потому, что я нормальный и заурядный человѣкъ, и потому меня понимаютъ нормальные и заурядные люди, т. е., говоря другими словами, меня понимаетъ большинство».

— Но м-ръ Стерлингъ вовсе не заурядный человѣкъ, — сказала одна изъ нарядныхъ барышень. — Онъ очень молчаливъ, и то, что онъ говоритъ, не блещетъ остроуміемъ, но онъ совсѣмъ особенный и очень интересный.

— И все таки я считаю, что онъ правъ, — возразилъ Огденъ. — Онъ умѣетъ угадывать, что думаетъ или чувствуетъ большинство о данномъ вопросѣ. Въ этомъ и заключается секретъ его успѣха, а вовсе не въ томъ, чувствителенъ онъ или нѣтъ.

— Никто изъ васъ не разгадалъ истинную тайну успѣха Питера, — заявилъ Рей. — Онъ лежитъ въ его удивительной способности къ труду. Эта способность просто чудесна въ глазахъ такого лѣнтяя, какъ я. Я видѣлъ, какъ Питеръ работалъ съ девяти часовъ утра до часу ночи, едва дѣлая перерывы, чтобы только поѣсть.

— Однако, онъ не кажется честолюбивымъ человѣкомъ, — сказалъ Ле-Гранъ. — Онъ не заботится объ успѣхахъ въ обществѣ, до сихъ поръ упорно не принималъ ни одной должности и постоянно отказывался отъ веденія дѣлъ, которыя могли доставить ему денегъ.

— Да, — сказалъ Рей, — Питеръ много потрудился и на политической, и на юридической аренѣ, но не искалъ ни

почестей, ни денегъ. Онъ много разъ могъ сдѣлаться судьей, и Костель хотѣлъ, чтобы онъ искалъ губернаторства уже шесть лѣтъ тому назадъ. Въ этомъ году онъ выставилъ свою кандидатуру противъ своего личнаго желанія. Онъ придаетъ также мало значенія деньгамъ или своей репутаціи адвоката, какъ и свѣтскимъ успѣхамъ, и очень часто кончалъ мирнымъ путемъ дѣла, которыя покрыли бы его славой если бы онъ довелъ ихъ до разбирательства. Питеръ былъ бы вдвое богаче, чѣмъ теперь, если бы онъ употреблялъ свои деньги въ дѣло, а не раздавалъ бы ихъ въ долгъ бѣднякамъ или на устройство рабочихъ союзовъ. Я много разъ говорилъ съ нимъ объ этомъ, но онъ только отвѣчалъ, что ему некогда возиться съ деньгами, что онъ теряютъ свою цѣну, когда о нихъ слишкомъ заботятся. Миѣ кажется, что онъ работаетъ только ради самого труда.

— Вотъ это дѣйствительно похоже на Питера, — замѣтила миссъ Де-Во. Его единственная мечта — помогать другимъ. У него нѣтъ жажды славы и денегъ, и онъ не стремится увеличивать ихъ.

— Помяните мое слово, — вмѣшался Лиспенардъ, — съ нынѣшняго дня не будемъ предѣловъ въ его стремленіяхъ добывать и то, и другое!

— Ну, ужъ больше стараться, чѣмъ Стерлингъ старался добыть политическое вліяніе — невозможно, — сказалъ одинъ изъ присутствующихъ сановниковъ. — Должно быть, ему очень важно было приобрести это вліяніе, если онъ такъ много времени проводилъ въ кабакахъ и «салонахъ». Не могли же ему нравиться тѣ люди которыхъ онъ тамъ встрѣчалъ.

— Я говорилъ съ Питеромъ также и объ этомъ, и доказывалъ ему, что ему нечего тратить времени на нихъ, сказалъ Огденъ. — Но онъ сказалъ миѣ, что ему нѣтъ дѣла до чужихъ денегъ и за славой онъ не гонится, а если ему нравится заниматься политикой, то это его личное дѣло и больше никого не касается.

— Я какъ-то спросила Питера, какъ можетъ онъ, со своими привычками и вкусами, ходить по «салонамъ» и про-

водить время съ политиками и грубымъ, необразованнымъ народомъ его участка, — сказала миссъ Де-Во. — Онъ отвѣтилъ миѣ: «Это мой способъ стараться дѣлать добро, и миѣ доставляетъ удовольствіе выручать людей изъ бѣды или предупреждать политическія несправедливости. Я беру миръ и человечество такими, какіе они есть, и дѣлаю, что могу, не оплакивая и не критикуя ихъ грѣховъ и недостатковъ. Я восхищаюсь людьми, которые стоятъ за благородныя утопіи, но свою жизнь я посвящаю на служеніе дѣйствительности. Я не говорю, что избралъ благую часть, потому что я работникъ, а не проповѣдникъ. И именно потому, что я готовъ всегда дѣлать то, въ чемъ нуждается міръ, я приобрѣлъ власть и успѣхъ, и могу сдѣлать еще больше». Я увѣрена, — прибавила миссъ Де-Во, — что успѣхъ пришелъ къ Питеру потому, что онъ не стремился къ нему.

— Всѣ вы неправы, — ворчалъ Лиспенардъ. — Я люблю Питера не меньше, чѣмъ собственныхъ родственниковъ. — И простая миѣ эти слова тѣ изъ нихъ, которые здѣсь присутствуютъ, — но я долженъ сказать, что всей своей карьерой онъ обязанъ только самому дурацкому счастью, какое я только видѣлъ!

— Счастьемъ! — воскликнула Дороти

— Да, счастьемъ, удачѣ, называйте какъ хотите. Судите сами: вышелъ онъ на дорогу, какъ и всѣ мы. А тутъ Фортуна приглашаетъ его взглянуть, какъ умираетъ больной котенокъ. Кажется, что въ этомъ особеннаго? Санитарное управленіе констатируетъ сотню подобныхъ случаевъ. Но Фортуна знаетъ, что дѣлаетъ, и приглашаетъ Питера именно къ такому котенку, о которомъ можно сказать длинную рѣчь. Онъ говоритъ рѣчь, обливая гнѣвомъ и топча въ грязь извѣстнаго миллионера-пивовара. И что же, — пивоваръ борется съ нимъ? Нисколько. Фортуна вмѣшивается, пивоваръ бросается на грудь Питера и клянется въ вѣчной любви. Моя сестрица шепчетъ ему, а онъ даетъ ей щелчокъ. Что же, она уничтожаетъ его, какъ уничтожила бы другого? Нѣтъ. Опять вмѣшается Фортуна — и она лучшіе друзья.

— Лиспенардъ! — Миссъ Де-Во попробовала съ негодованіемъ прервать его, но Лиспенардъ спокойно продолжалъ:

— Подождите, пока я кончу. Каждому его очередь. Ну-съ, Фортуна устраиваетъ, что Питеръ фуксомъ попадаетъ въ избирательное собраніе, и Питеръ ротируетъ вопреки желаніямъ Костелля. Что же происходитъ? Костелль принимаетъ его подъ свое крыло и толкаетъ впередъ, сколько силъ хватаетъ. Питеръ машетъ рукой на общество, и общество рѣшается, что онъ необыкновенный человѣкъ, и начинаетъ ухаживать за нимъ! Онъ отказывается говорить и всё въ голосъ заявляютъ: «Какъ онъ интересенъ»!

Питеръ добивается должности. Что же, противная партія борется съ нимъ? И не думаетъ. Она сейчасъ же выставляетъ противъ него мошенника демагога и ничтожество, который воображаетъ, что можно привлечь избирателей, разгуливая въ одной рубашкѣ безъ сюртука. Поэтому Питера выбираютъ губернаторомъ неслыханнымъ прежде большинствомъ. Вы думаете, Фортуна удовлетворена? Нѣтъ. Она заставлятъ всѣхъ и cadaго предсказывать, что онъ черезъ два года будетъ президентомъ, если только захочетъ. Другъ или врагъ, нарочно или нечаянно, всё, съ кѣмъ онъ встрѣчается, содѣйствуютъ его успѣху. Теперь посмотрите на меня: никто не заботится обо мнѣ. Нѣтъ, это просто немислимое, дурацкое счастье!

— А то, что произошло сегодня утромъ—тоже дурацкое счастье?—сиречь дружка.

— Безусловно, — вздохнулъ Лиспенардъ. — И еще какое счастье! Я всегда говорилъ, что Питеръ никогда не женится, потому что слишкомъ серьезно смотреть на женщинъ, а кромѣ того, такъ бовтса ихъ и такъ это показывается, что онѣ думаютъ будто онъ чувствуетъ къ нимъ отвращеніе. Но Фортуна не можетъ допустить подобныхъ отношеній. О, вѣтъ! Ей даже мало того, чтобы Питеръ женился, какъ всё мы грѣшныя. Сто былъ бы для него слишкомъ большой рискъ. И вотъ она выбираетъ прелестнѣйшую дѣвушку, возить ее по всей Европѣ, чтобы у нея

не было друзей, и чтобы она не знакомилась съ другими мужчинами. Она заботится, чтобы поклонницы Питера вскружили голову дѣвушка своимъ разказами, въ которыхъ выставляли его за думчивымъ, несчастнымъ героемъ, вмѣсто того удачливаго человѣка, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Настоящій заговоръ, чтобы обмануть неопытную дѣвушку! Затѣмъ, прежде чѣмъ дѣвушка успѣла узнать свѣтъ, Фортуна переноситъ ее сюда. Что же, она знакомитъ ихъ на базѣ, гдѣ Питеръ всегда недоловокъ и молчаливъ? О, нѣтъ! Она сажаетъ его на лошадь, гдѣ онъ эффектнѣе всего. Она устраиваетъ романическое спасеніе, гдѣ они знакомятся прежде, чѣмъ дѣвушка видѣла другихъ мужчинъ. Счастье, и больше ничего! Все равно, чтобы ни дѣлалъ, чтобы ни говорилъ Питеръ,—Фортуна все обращаетъ въ его пользу, онъ всегда получаетъ всѣхъ козырей.

— Нѣтъ тутъ никакого счастья! — воскликнулъ м-ръ Пирсъ. — Онъ всѣмъ обязанъ своей ловкости и дальновидности. Онъ заранѣе обдумалъ каждый ходъ, а потомъ только передвигалъ шахматы. Да взгляните только на его женитьбу! Развѣ онъ влюбился въ молодости и всю жизнь возился съ какой-нибудь неизвѣстной барышней? Нѣтъ! Онъ ждалъ пока достигнетъ положенія, которое позволило бы ему выбрать изъ лучшихъ лучшую, и такъ и поступилъ, говоря смѣло, хотя она моя внучка.

— Вотъ такъ штука, — сказалъ Уаттсъ, — мы всё знаемъ Питера достаточно долго, чтобы разобрать, что онъ за птица, а между тѣмъ, всё разошлись во мнѣніяхъ. Что это значить? Что мы всё дураки или Питеръ обманщикъ?

— Онъ самый откровенный человѣкъ изъ всѣхъ, кого я знаю, — замѣтила миссъ Де-Во.

— Но онъ ничего не говоритъ, — добавилъ кто-то.

— Да, онъ удивительно молчаливъ, — замѣтилъ дружка.

— Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ ораторствуетъ, — вставилъ Рей.

— А Леонора увѣряетъ, что онъ любитъ шутить, — сказалъ Уаттсъ.

— Я никогда не видѣла, чтобы женщина такъ заблуждалась насчетъ мужины, — сказала Дороти. — Это просто ужасно! Какъ вы думаете, что она заявила мнѣ сегодня?

— Что же?

— Она говорила о ихъ планахъ послѣ возвращенія изъ свадебнаго путешествія и сказала: «Я хочу, чтобы Питеръ сохранилъ свою холостую квартиру». — «А онъ согласенъ?» спрашиваю я. «Я еще не говорила съ нимъ, но онъ, конечно, согласится». Я ей говорю: «Леонора, всѣ женщины увѣрены, что управляютъ своими мужьями, но это невѣрно, и Питеръ меньше позволить командовать собой, чѣмъ кто бы то ни былъ». Какъ вы думаете, что она мнѣ отвѣтила?

— Да не томите насъ!

— Она сказала: «Никто изъ васъ никогда не понималъ Питера, а я понимаю». Каково! Этого цыпленокъ, знающій Питера вдвое меньше мѣсяцевъ, чѣмъ я знаю его лѣтъ, и говорить это мнѣ!

— Право, не знаю, — вздохнулъ Лиспенардъ. — Однако, видя какъ влюбленъ Питеръ, на котораго, казалось, ни одна женщина не производила впечатлѣнія, я готовъ повѣрить, что каждый знаетъ его лучше, чѣмъ я. Я не хочу рисковать своей репутацией, рассуждая о такомъ несложномъ вопросѣ, какъ характеръ Питера. Теперь я скажу вамъ два слова и вы всё найдете, что всё правы, и всё неправы.

— Да онъ хуже Леоноры! — воскликнула Дороти.

— Ну-съ, — сказалъ Уаттсъ, — мы всё слушаемъ. Что такое Питеръ?

— Онъ — особый типъ людей, изрѣдка встрѣчающійся у насъ, но иностранцы его не понимаютъ, а американцы — понимаютъ рѣдко.

— Но кто же онъ, наконецъ?

— Питеръ — практическій идеалистъ.

Глава LXI.

Теорія Леоноры.

Для насъ гораздо важнѣе того, что думали о Питерѣ его друзья и общество, мнѣніе его собственной жены.

Была ли она права, говоря, что два понимаетъ его?

Или она, какъ и самъ Питеръ когда то создала себѣ идеалъ и любила его, думая что любить Питера?

Всегда является загадкой, любилъ ли мы человѣка за тѣ достоинства, которыя есть въ немъ, или за тѣ, которыя ему приписываетъ наша любовь.

Была молодая дѣвушка, не знакомая со свѣтомъ и съ людьми, и она съ радостью соединила свою жизнь съ жизнью человѣка, котораго, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, знала по наслышкѣ. Но она, повидимому, полюбила его на всю жизнь, на радость и горе, до самой смерти.

Любовь ея вынесла тяжелое испытаніе, и она повѣрила Питеру.

Правда, она видѣла, какъ мало значенія придавали позорной статьѣ пера-дочные люди какъ ее замалчивали честные газеты но она такъ же видѣла, что Питеръ не оправдывался публично потаивалъ въ объясненіи даже ей. Вѣрила ли она Питеру слѣпо, или все таки сомнѣвалась? Знала она его или нѣтъ? Можетъ быть, разговоръ, происходившій между ними недѣлю спустя послѣ описаннаго въ предыдущей главѣ, послужить отвѣтомъ на эти вопросы.

Разговоръ происходилъ на палубѣ парохода. Въ послѣдній разъ мы видимъ Питера тамъ же, гдѣ познакомились съ нимъ. Но какая разница въ обстановкѣ.

Судно не качается лѣниво на волнахъ, но быстро несется по направленію на югъ точно торопится скорѣе достигнуть этой сказочной страны.

Хотя же половина ноября, но въ воздухѣ ласкающая температура тропиковъ. Ни море, ни небо не напоминаютъ ааистывшаго свинца. Море фосфорисцируетъ кажется расплавленнымъ золотомъ и полная луна наполняетъ воздухъ серебромъ.

Питеръ не ходитъ по палубѣ взадъ и впередъ съ выраженіемъ страданія на лицѣ. Онъ сидитъ на кормѣ на сверткѣ снастей, удобно прислонившись къ борту. На козлѣнкахъ у него Леонора.

— Отчего ты не куришь? — спрашиваетъ она.

— Я слишкомъ счастливъ, — говоритъ

Питеръ, и тонъ его не позволялъ сомнѣваться въ его словахъ.

— Хочешь, я откушу кончикъ?— продолжалъ испытательница.

— Очень хочу, но моею правой рукой такъ удобно, что она отказывается шевелиться.

— Такъ и не шевелись. Я знаю гдѣ сигары, и даже гдѣ спички.

И Питеръ не шевелился пока Леонора обыскивала его карманы. Ему было очень приятно, что маленькая ручка шарилла по карманамъ.

— Ну вотъ и готово. Ты въ самомъ дѣлѣ счастливъ?

— Не знаю, есть ли кто въ мірѣ счастливѣе меня. Я думаю, что это невозможно!

— Милый, я хочу поговорить съ тобой.

— Такъ значитъ, наши желанія взаимны. А что же мы дѣлали всѣ эти шесть дней?

— Мы рассказывали другъ другу все какъ должны были.

— Но теперь я буду просить о двухъ одолженіяхъ, дорогой мой.

— Не думаю, чтобы это было необходимо. Просто скажи, чего ты хочешь.

— Нѣтъ, это одолженія. Хотя я увѣрена, что ты согласишься.

— Въ чемъ дѣло?

— Во первыхъ, я хочу, чтобы ты сохранилъ свою холостую квартиру.

— Голубка моя, когда мы вернемся изъ нашей поѣздки, намъ придется на три года переселиться въ Альбани, а когда мы возвратимся въ Нью-Йоркъ, мы конечно, купимъ домъ.

— Да, но я все таки хочу, чтобы ты сохранилъ свою прежнюю квартиру, потому что я люблю ее. Я не думаю, чтобы я могла такъ любить другую. Намъ будетъ очень удобно имѣть ее, когда мы будемъ наѣзжать изъ Альбани. И потомъ вѣдь тебѣ нельзя прерывать отношеній съ участкомъ.

— Но вѣдь не думаешь же ты, когда мы вернемся въ Нью-Йоркъ что я стану жить здѣсь а ты на другомъ концѣ города?

— О, нѣтъ, конечно нѣтъ, Питеръ! Какой ты смѣшной! Но я буду заходить туда. Мы иногда будемъ тамъ давать маленькіе обѣды, самымъ близкимъ

друзьямъ, а когда намъ захочется уйти отъ людей, мы будемъ обѣдать тамъ вдвоемъ и иногда ночевать. Тогда, если тебѣ надо будетъ зайти въ «салоны» или на предварительное голосованіе мы вмѣстѣ пообѣдаемъ, ты уйдешь, а я буду ждать тебя. А иногда, когда я побѣду за покупками, я забѣгу къ тебѣ завтракать. Я общаю не надоѣдать тебѣ. Ты будешь работать, а я займусь цвѣтами или книжками, пока ты не кончишь и потомъ мы вмѣстѣ вернемся домой.

— Лиспенардъ на дняхъ испугалъ меня, а ты еще больше пугаешь.

— Какъ такъ?

— Лиспенардъ сказалъ, что въ тридцать лѣтъ ты будешь еще очаровательнѣе, чѣмъ теперь.

— И это тебя испугало?—разсмѣялась Леонора.

— Ужасно. Если это случится, мнѣ придется бросить адвокатуру и политику, чтобы только любоваться тобой.

— Что же общаго между этимъ и моимъ желаніемъ завтракать съ тобой?

— Ты думаешь, я могу работать, зная, что ты въ сосѣдней комнатѣ?

— Значить, ты не хочешь, чтобы я приходила? А я такъ славно придумала.

— Нѣтъ, очень хочу. Если и другое одолженіе, о которомъ ты хочешь просить, тоже въ этомъ родѣ, я не сжѣмъ и отвѣтить тебѣ. Я буду умолять, чтобы ты еще что-нибудь попросила.

— Это совсѣмъ другое дѣло. Постарайся понять меня!

— Я, во всякомъ случаѣ, пойму, что лучше тебя нѣтъ никого на свѣтѣ.

— Голубчикъ, я должна вспомнить объ этомъ ужасномъ времени; только на минуточку, дорогой. Ты не долженъ думать, что я не вѣрю твоимъ словамъ. Нѣтъ, нѣтъ! Я вѣрю каждому твоему слову и въ доказательство никогда больше не упомяну объ этомъ. Но когда ты убѣдишься, что я вѣрю тебѣ безусловно, какъ-нибудь вечеромъ, въ бурную погоду, когда мы пообѣдаемъ на твоей квартирѣ, когда я налью тебѣ кофе и откушу кончикъ сигары, я усажу тебя у камина, сяду къ тебѣ на колѣни, какъ сажу теперь, и прижмусь вотъ такъ щекой къ твоей щекѣ, и тогда я

хочу, чтобы ты самъ, безъ моихъ вѣпросовъ, разсказалъ, зачѣмъ ты солгалъ тогда мамѣ.

— Радость моя, — сказалъ Питеръ — я не могу сказать тебѣ этого, я далъ слово.

— Оно, вѣдь, не касается твоей жены, мой дорогой. Кромѣ того, друзья должны все говорить другъ другу, а вѣдь мы самые лучшие друзья, — не правда ли?

— А если я не скажу этого даже моему лучшему другу.

— Я никогда больше не упомяну объ этомъ, Питеръ, но я знаю, что иногда, когда я останусь одна, я буду плакать. Не потому, чтобы я сомнѣвалась въ тебѣ, милый, но потому, что ты не доверяешь мнѣ.

— Знаешь ли ты, любовь моя, что я не могу перенести этой мысли?

— Знаю, голубчикъ, потому то я и сказала тебѣ это.

— Откуда ты могла знать?

— Оттого, что я понимаю тебя. Я знаю тебя, и, кромѣ меня, тебя никто не знаетъ.

— Скажи же мнѣ, кто я?

— Я думаю, дорогой, что въ жизни твоей случилось что-то, что сдѣлало тебя очень несчастнымъ и убило всѣ твои надежды, все твоё честолюбіе. Поэтому, вмѣсто того, чтобы добиться какого положенія и богатства, ты сталъ дѣлать добро другимъ. Ты нашёлъ, что больше всего добра можно сдѣлать бѣднымъ людямъ, и сталъ работать среди нихъ. Потому ты увидалъ, что тебѣ нужны деньги, чтобы помогать, и началъ зарабатывать ихъ. Наконецъ, ты нашёлъ, что ты можешь еще больше помочь, если займешься политикой, и занялся ею. Ты старался приобрести вліяніе, чтобы употребить его съ пользой. Я знаю, тебѣ не всегда нравилось то, что приходилось дѣлать. Ты бы предпочелъ сидѣть у камина и читать, чѣмъ ходить по «салонамъ». Ты охотнѣе держался бы въ сторонѣ отъ нечестныхъ людей, а тебѣ приходилось просить ихъ и при-

нимать ихъ помощь. Но ты жертвовалъ своими чувствами и принципами, потому что сознавалъ, что ихъ нельзя принимать во вниманіе, если ты можешь помочь своимъ ближнимъ. А такъ какъ надъ тобой смѣялись и не понимали тебя, ты, молчаливъ и нелюдимъ, избѣгалъ общества, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ты считалъ, что твоё появленіе въ свѣтъ можетъ помочь тебѣ дѣлать добро.

— Какая ты маленькая идеалистка!

— Подожди, милый, это еще не все, что нашла въ тебѣ маленькая, идеалистка! Она еще кое-что знаетъ. Она знаетъ, что ты всю жизнь ждалъ и мечталъ, чтобы кто-нибудь повялъ тебя, чтобы ты могъ разсказать кому-нибудь про свои мечты и надежды, и вотъ, наконецъ, ты встрѣтилъ ее, и она старается вознаградить тебя за всѣ твои несчастія, за всѣ жертвы, которыя ты принеся. Ты не долженъ думать, мой дорогой, что я задавала тебѣ столько вопросовъ изъ одного пустого любопытства. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ хотѣлось, чтобы ты отвѣчалъ мнѣ, потому что я чувствовала, что ты не открываешь другимъ свою душу, а когда ты все говорилъ мнѣ, ты хотѣлъ, чтобы я знала, каковъ ты на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему я знала, что въ ту ужасную ночь ты говоришь мнѣ правду. Вотъ почему я чувствую, что, рано или поздно, ты скажешь мнѣ, почему ты солгалъ мамѣ.

Что бы ни думалъ Питеръ, онъ не сталъ отрицать справедливости теоріи Леонора о мотивахъ его прошлой жизни или о его будущемъ поведеніи. Онъ только крѣпко поцѣловалъ нѣжную щеку, прижавшуюся къ нему съ такимъ довѣріемъ и любовью, и сказалъ:

— Мнѣ нравятся твои мысли обо мнѣ, моя безцѣнная Крошка!

— Я очень рада, — отвѣтила Леонора. — Ты какъ-то сказалъ, что легко сказать хорошую рѣчь о прекрасномъ предметѣ. Это справедливо также относительно мыслей, мой дорогой.

отвѣчено отъ этихъ мрачныхъ размышленій поразительно красивою здѣсь природою. На берегу снова было безчисленное множество песчаныхъ крабовъ, которые по своей окраскѣ были чрезвычайно похожи на сѣровато-бѣлый коралловый песокъ, при каждомъ шагѣ разлетались въ стороны жуки изъ рода *Cicindela*. Надъ кустарниками порхали пестрые бабочки, а въ лѣсу цикады и какія-то удивительно каркающія птицы воспроизводили свой вечерній концертъ. Мѣстами волны набрасали здѣсь цѣлыя банки изъ обломковъ коралловъ, раковинъ, плавучаго дерева и различныхъ плодовъ, и банки эти прерывались лишь тамъ, гдѣ скалы и гроты подходили къ самой водѣ. Дремучій дѣвственный лѣсъ находился на заднемъ планѣ, уступая береговую полосу особой береговой растительности, которая почти космополитически распространена по всѣмъ берегамъ тропическихъ странъ. Здѣсь баррингтонія съ огромными листьями, терминалии и цѣлующія эритрины прикрывали собою наружную полосу берегового лѣса, образованную небольшими деревцами *Tournefortia argentea* и *Scaevola Koenigii*, и перешанную съ огромными розетками ароматически пахнущаго *Crinum asiaticum*. Надъ всѣми этими растеніями высоко выдавались стволы пандануса съ ихъ дихотомическими вѣтвями и жесткими узкими листьями.

Мы остановимся теперь нѣсколько на результатахъ нашихъ зоологическихъ глубоководныхъ изслѣдованій во впадинѣ Ментавей. Богатые сборы, поднимавшіеся нашими тралами во время нашихъ зигзагообразныхъ рейсовъ между островами, держали насъ все время въ самомъ напряженномъ состояніи и развернули передъ нами неожиданно богатѣйшую картину типичной глубоководной фауны. Уже при входѣ во впадину Ментавей 21-го января намъ бросилось въ глаза, что тралы наши приносили со значительныхъ глубинъ такихъ рыбъ, которыя были извѣстны до тѣхъ поръ лишь изъ описаній предшествовавшихъ глубоководныхъ экспедицій. Надежда, что при болѣе подробномъ изслѣдованіи этой впадины намъ удастся заполнить пробѣлы, существовавшіе въ прежнихъ работахъ по фаунѣ глубинъ Индійскаго океана, не обманула насъ. Интересныхъ животныхъ было добыто такое множество, что нѣтъ возможности описать ихъ здѣсь всѣхъ, и мы удовольствуемся лишь бѣглыми указаніями на наиболѣе выдающихся представителей ментавейской глубоководной фауны.

Изъ низшихъ животныхъ здѣсь встрѣчалось большое количество стеклянныхъ губокъ гексактинеллидъ, роговыхъ коралловъ, морскихъ

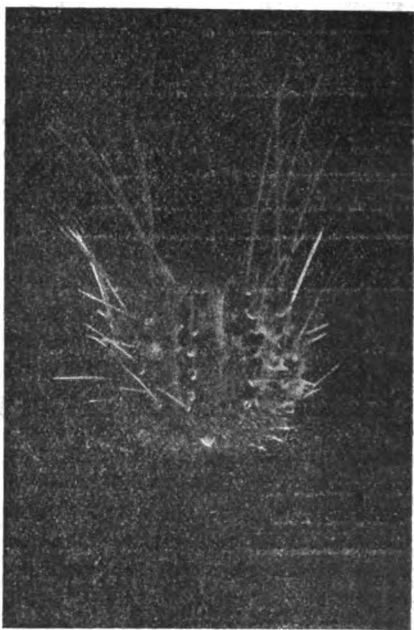

Рис. 66. Морской ежъ. *Dermatodiadema indicum* Döderlein.

перьевъ и нидей; нарѣдки были также и каменные кораллы, при томъ не только колоніальныя, но и одиночныя формы ихъ. Между послѣдними особый интересъ представляли виды *Flabellum* со сплюснутой съ боковъ чашечкой необыкновенно крупныхъ разтѣровъ.

Особенно обильны и интересны были собраныя нами иглокожія. Здѣсь мы нашли известную до тѣхъ поръ лишь изъ сѣверныхъ морей морскую звѣзду *Brissinga* и множество глубоководныхъ голотурій, офиуръ и морскихъ ежей. Между послѣдними особенно бросались въ глаза покрытые мягкой кожей и снабженные ядовитыми шипами представители рода *Phormosoma*. Въ Сѣверномъ Ниаскомъ проливѣ къ нимъ присоединились многочисленные представители рода *Palaeopneustes*, являющіеся одною изъ наиболѣе интересныхъ находокъ въ Индійскомъ океанѣ: они были восхитительно окрашены, огромныя желтые

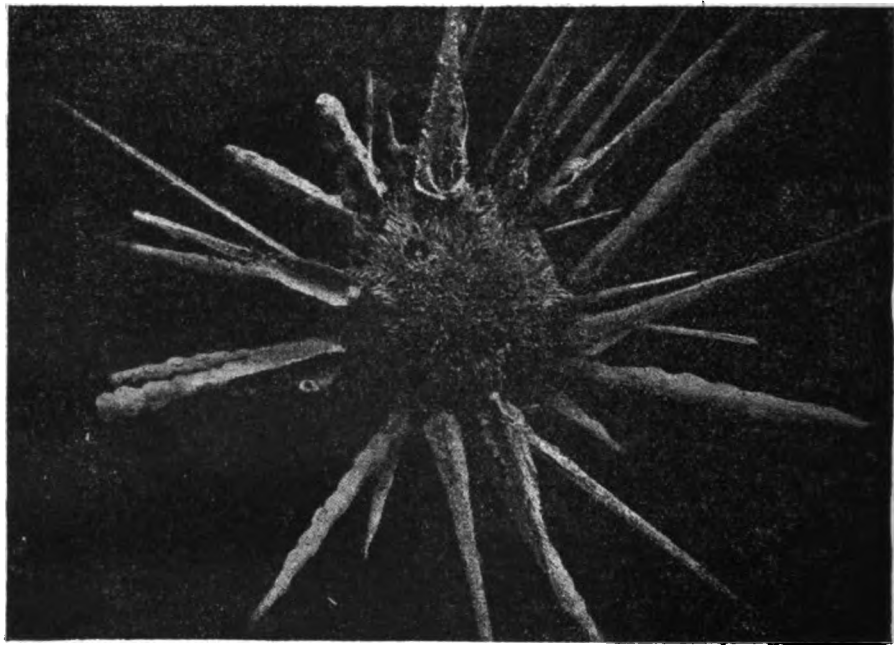

Рис. 67. Морской ежъ *Stereocidaris* sp. изъ Южнаго Ниаскаго пролива.

спянные шипы ихъ составляли замѣчательный контрастъ съ темно-фіолетовымъ цвѣтомъ всего тѣла. Далѣе были нами найдены небольшіе ежи изъ семейства діадемовыхъ и превосходные представители индійскихъ родовъ *Porcidaris*, *Dorocidaris* и *Stereocidaris* съ огромными трехгранными шипами, на которыхъ поселяется обыкновенно цѣлый микрокозмія вѣзшихъ организмовъ. Приятнымъ сюрпризомъ для насъ было также нахожденіе четырехъ новыхъ представителей морскихъ лилій,—они относятся къ родамъ *Pentacrinus* и *Metacrinus*.

Между ракообразными мы встрѣтили также огромное количество формъ, не попадавшихъ ранѣе. Прежде всего здѣсь встрѣчались глубоководныя креветки изъ рода *Nematocarcinus* съ чудовищно удлинненными ногами, нерѣдко блещущія самыми яркими цвѣтами. Попадались и креветки съ усиками длиною въ 10 и даже 12 разъ болѣе

длины тѣла (*Aristaeus Aristacopsis*). Къ нимъ присоединялись многочисленныя крабы, въ особенности представители рода *Lithodes*, усаженные тѣлымъ тѣломъ острыхъ шиповъ. Раки отшельники, водящіеся здѣсь на глубинахъ, прячутъ свое нѣжное брюшко, за отсутствіемъ подходящихъ раковинъ, въ пустые кусочки дерева или же въ коническія раковинки моллюска зубовика (*Dentalium*) длиною въ палецъ. На ряду съ ракообразными, обладающими огромными пурпурно-красными блестящими глазами, какъ, напримѣръ, *Nephrops andamanicus*, встрѣчались и раки съ выродившимися стебельчатыми глазами. Въ меньшей степени сказывается отсутствіе пигмента и редукція глаза у родовъ *Munida* и *Munidopsis*, тогда какъ у рода *Nephropsis*, похожаго на нашего рѣчного рака и выловленнаго здѣсь къ нашему не малому изумленію, (до сихъ поръ онъ былъ добытъ лишь въ Тихомъ океанѣ) глаза оказались уже сильно уменьшенными. Наконецъ, у рода *Pentacheles*, принадлежащаго къ семейству эрионидъ, глаза совершенно отсутствовали. Особый интерес возбуждала затѣмъ находка гигантскаго усконогаго, близкаго къ роду *Scalpellum* и замѣчательнаго своими огромными размѣрами.

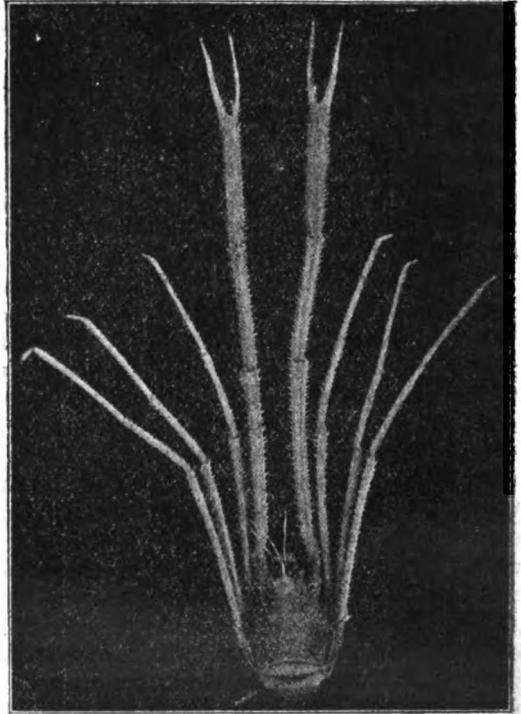

Рис. 68. Ракъ *Munidopsis* sp. изъ Южнаго Ниагскаго пролива.

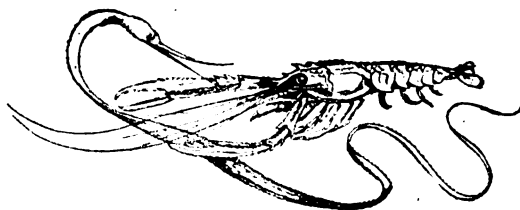
Между моллюсками находились представители многихъ характерныхъ для глубокихъ водъ типовъ, при томъ въ такихъ неподобныхъ экземплярахъ, какіе до сихъ поръ положительно никому не попадались. Мы нашли здѣсь, напр., моллюска, относящагося къ роду *Xenophora* и обладающаго замѣчательнымъ обыкновеніемъ прикрѣплять къ своимъ раковинамъ пустыя раковины другихъ моллюсковъ, при томъ располагая ихъ очень правильно. Можно положительно подумать, что раковины эти прикрѣплены нарочно какому-либо искусною рукою.

Что касается до головоногихъ, то здѣсь мы сдѣлали лишь одну находку, но зато необыкновенно цѣнную. Когда мы подняли на поверхность нашъ трагъ въ Южномъ Ниагскомъ проливѣ съ глубины 594 метровъ, то оказалось, что онъ не попалъ на дно, но зато въ сѣти его нашелся превосходно сохранившійся экземпляръ головоногаго *Spirula*. Раковины его, изогнутыя, какъ почтовый рогъ, прибиваются жѣстами во множествѣ къ берегу, но, какъ это ни странно, экземпляры *Spirula* съ хорошо сохранившимся мягкимъ тѣломъ принадлежатъ къ величайшимъ рѣдкостямъ. Экспедиція «Челленжера» и амери-

канская экспедиція «Блэкъ» добыли лишь по одному живому экземпляру *Spirula*: можно было себѣ представить, какъ мы были обрадованы, что и намъ удалось добыть это драгоценное животное!

Наконецъ, что касается рыбъ, то должно упомянуть, что мы выловили огромное количество такихъ видовъ, которые были уже получены во время изслѣдованій Индійскаго океана судномъ «Ивестигаторъ». Особенно часто попадались крупные представители рода *Lamprogrammus* и глубоководные угри рода *Congromuraena*, снабженные пурпуровыми глазами. Къ нимъ присоединялись часто курьезные представители семейства лофинтъ, напримѣръ *Chaunax* и *Dibranchius*. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ будутъ нами рассмотрѣны еще поздѣе, когда мы будемъ говорить о развитіи ихъ удивительныхъ органовъ осязанія на концѣ морды. Попадались и чрезвычайно своеобразныя по своимъ внѣшнимъ формамъ представители скопелидъ (*Neoscopelus*, *Echiostoma* и др.), снабженные свѣтящимися органами. Какъ между живущими на днѣ, такъ и между плавающими въ глубокихъ слояхъ воды, намъ бросались въ глаза виды, положенія которыхъ въ системѣ мы совершенно не могли опредѣлить. Когда же мы у острововъ Баніакъ подняли съ глубины 1.143 метровъ черную бархатистую рыбу около 50 сант. длины съ голою, слегка голубоватою кожею съ необыкновенно широкой головой, огромными глазами, расположеніемъ плавниковъ, какъ у карпа, и отростками по бокамъ—изумленію нашему не было границъ, и мы даже и не пытались опредѣлить это чудовище по имѣвшейся у насъ литературѣ.

Намъ бросилось въ глаза, что здѣсь на глубинахъ около Суматры царитъ замѣчательное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ организмовъ,—совершенно не наблюдалось того преобладанія опредѣленныхъ видовъ въ томъ или другомъ уловѣ, какъ это замѣчается въ Атлантическомъ океанѣ. Богатство формъ, скучивающихся здѣсь на сравнительно небольшомъ пространствѣ, заставляетъ думать, что притокъ пищи долженъ быть необыкновенно обилёнъ. Изслѣдованіе планктона во впадинѣ Ментавей показало, дѣйствительно, присутствіе очень богатой флоры низшихъ организмовъ. Характерныя для открытаго моря формы поверхностныхъ слоевъ большею частью отсутствовали и были замѣнены видами, которые привязаны къ берегамъ. Въ особенно большомъ количествѣ попадались спирально свернутыя водоросли изъ рода *Oscillaria*, которыя при относительно крупной величинѣ окрашивали воду на большомъ протяженіи и иногда являлись главною составною частью той массы планктона, которую приносили напівъ вертикальныя сѣти. Что касается до грунта дна, то онъ имѣлъ оливково-зеленую окраску, иногда переходящую въ сѣрые или коричневыя тона, какъ это встрѣчается и на глубинахъ Бенгальскаго залива и какъ было найдено голландскою экспедиціею также въ Малайскомъ архипелагѣ.

ГЛАВА XV.

Глубоководныя изслѣдованія.—Никобарскіе острова.—Тувемцы.—Корабль духовъ.

Можно было думать уже а priori, что добытыя нами во впадинѣ Ментавей представители глубоководной фауны будутъ во многихъ отношеніяхъ соответствовать тому, что было получено индійскимъ промысловымъ судномъ «Инвестигаторъ» въ Бенгальскомъ заливѣ. На дѣлѣ, однако, оказалось столь значительное отличіе, что являлось желательнымъ связать наши изслѣдованія съ индійскими, которыя простирались до Андаманскихъ острововъ и продолжить наши работы до Никобарскихъ острововъ. Надо сказать, что въ то же время голландская экспедиція «Сибоба» произвела обстоятельное изслѣдованіе въ глубоководномъ районѣ восточнаго Малайскаго архипелага, и можно думать, что результаты всѣхъ трехъ экспедицій дадутъ если и не вполне законченную, то все же довольно полную картину глубоководной фауны этой части океана.

Рядъ траловъ, поднятыхъ нами 7-го и 8-го февраля съ глубины 300—800 метровъ, послѣ того, какъ мы покинули Суматру, показали намъ, что мы все еще находимся на классической глубоководной почвѣ. Кромѣ того, что было уже добыто во впадинѣ Ментавей, насъ поразило здѣсь прежде всего богатство стеклянными губками гексактинеидами, которыя даже на относительно небольшихъ глубинахъ попадались въ видѣ великолѣпныя экземпляровъ. Представители родовъ *Phoronema*, *Hyalonema*, *Aphrocalistes* и экземпляръ *Semperella* вышиною почти въ 80 сант. богато вознаградили насъ за всѣ наши старанія. Кромѣ другихъ находокъ, можно указать еще специально на крабовъ, между которыми оказалось не только множество новыхъ формъ, но и порядочное количество интереснѣйшихъ представителей, добытыхъ ранѣе экспедиціей «Чалленджеръ». Такъ былъ добытъ извѣстная до сихъ поръ лишь по одному положанному экземпляру *Cyrtomaria Sukhi* и крупный крабъ *Platymaia Wyville-Thomsoni* (рис. 69). Въ отчетахъ экспедиціи «Чалленджера» послѣдній видъ отмѣчается, какъ одно изъ интереснѣйшихъ открытій экспедиціи—онъ былъ найденъ въ одномъ лишь экземплярѣ въ Тихомъ океанѣ, тогда какъ намъ удалось у Никобарскихъ острововъ добыть ихъ не менѣе 25 и большею частью въ прекрасномъ состояніи. Между экземплярами этого краба, замѣчательнаго своими сплюснутыми и курьезно видоизмѣненными ногами, которыя вооружены спереди огромными шипами, намъ попались и молодые формы около одного сантиметра длиною, такъ что мы имѣемъ возможность выяснитъ до нѣкоторой степени исторію развитія этого курьезнаго обитателя глубинъ.

Грунтъ дна и здѣсь былъ образованъ иломъ оливково-зеленаго цвѣта, который въ окрестностяхъ средней группы Никобарскихъ острововъ имѣлъ оригинальную особенность. Когда мы на западъ отъ острова Кахаля измѣрили глубину въ 805 метровъ, лодъ не принесъ никакого грунта и спущенный нами траль вернулся сильно изорваннымъ и наполненнымъ огромными кусками бѣловато-сѣрой цементировавшейся массы. Этотъ своеобразный глубоководный илъ намъ приходилось разрубать топоромъ, чтобы добывать оттуда многочисленныхъ, сидѣвшихъ въ немъ зеленоватыхъ червей гиферей, принадлежащихъ къ роду *Phascolosoma* и продѣлывавшихъ въ этой массѣ ходы около сантиметра шириною. Такъ какъ намъ казалось опаснымъ продолжать работу на этомъ грунтѣ, столь гибельномъ для сѣтей, хотя, по всей вѣроятности, и обильномъ стеклянными губками, мы рѣшили отправиться далѣе, но предварительно высадились въ гавани острова Нанкаури.

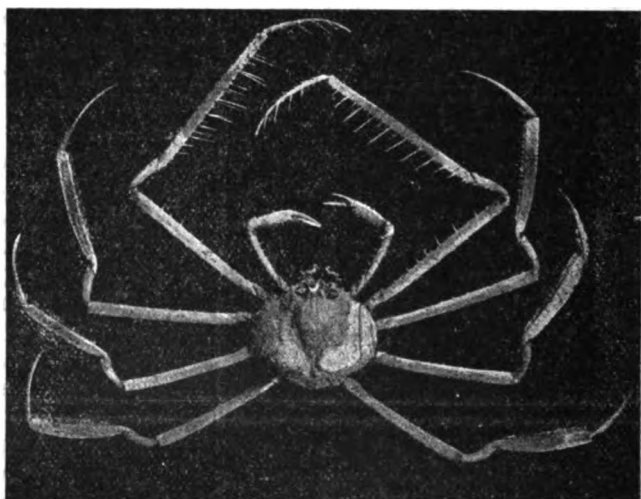

Рис. 69. Крабъ *Platymaia Wyville-Thomsoni* М. съ глубины 269 метровъ.

Никобарскіе острова дѣлятся на три группы, изъ которыхъ самая южная образована большимъ и малымъ Никобарскимъ островомъ. Первый сильно вытянутъ въ длину, покрытъ густымъ лѣсомъ и обладаетъ горными хребтами, поднимающимися до 600 метровъ въ высоту. Между обоими островами находится проливъ св. Георгія, гдѣ мы вечеромъ 7-го февраля стали на якорь подъ защитою маленькаго островка, носящаго названіе Кандуль. Съѣхавъ на берегъ на этотъ островъ, мы убѣдились, что онъ совершенно необитаемъ. Песчаный берегъ былъ покрытъ обломками коралловыхъ рифовъ и въ песокъ его возились безчисленные крабы съ прямостоячими вальковатыми глазами. На берегу снова мы нашли типичную береговую флору, привязанную къ солончатой почвѣ и состоящую изъ баррингтоній съ ихъ огромными плавающими плодами, безчисленныхъ панданусовъ, пальмъ, принадлежащихъ къ роду *Susac* и казуаринъ, покрывавшихъ своею красивою зеленью крутые обрывы. Летучія собаки висѣли по деревьямъ и производили положительно адскій концертъ.

Средняя группа Никобарскихъ острововъ состоитъ изъ трехъ боль-

шихъ острововъ Кахаль, Нанкаури и Карморта. Когда мы обошли покрытый лѣсомъ Кахаль, передъ нами открылся видъ на болѣе оголенный островъ Карморта съ его зелеными холмами. Онъ такъ близко располагается отъ острова Нанкаури, что между ними остается лишь узкій извилистый проходъ — хорошо защищенная, но необыкновенно жаркая и пользующаяся дурною славою изъ-за частыхъ заботливаний маляріей гавань Нанкаури. Окрестности ея необыкновенно живописны: дѣвственный лѣсъ подходитъ здѣсь къ самому берегу и хижины туземцевъ рѣзко вырисовываются на темномъ фонѣ листвы. При самомъ нашемъ входѣ въ гавань наше вниманіе привлекли къ себѣ красновато-коричневые нагіе туземцы, стоявшіе на скалахъ съ гарпунами и охотившіеся на рыбъ. Хотя въ руководствахъ къ мореплаванію обитатели Никобарскихъ острововъ и изображаются какъ морскіе разбойники и потому рекомендуется осторожность при посѣщеніи острововъ, видѣвшіеся селенія такъ привлекали наше любопытство, что мы не могли удержаться отъ искушенія, и, вставъ на якорь противъ одного изъ селеній, называемаго Иту, спустили лодку и съѣхали на берегъ.

Никобарское поселеніе производить такое оригинальное впечатлѣніе, что воспоминаніе о немъ никогда не изгладится изъ памяти. Шесть большихъ хижинъ располагалось въ полосѣ прилива на высокихъ столбахъ, причѣмъ сами хижины имѣли видъ соломенныхъ ульевъ. Чудный дѣвственный лѣсъ, образованный роскошными экземплярами *Calophyllum* съ его пахучими бѣлыми цвѣтами, деревьями *Heritiera littoralis* съ оригинальными корнями, эритринами и понгаміями, надъ которыми возвышаются перистые пучки кокосовыхъ, ротанговыхъ и пинанговыхъ пальмъ, тѣснымъ кольцомъ окружаетъ селеніе. Послѣднее уже издали бросается въ глаза, благодаря тому обстоятельству, что передъ нимъ торчатъ изъ воды огромныя бамбучины, къ которымъ на одинаковыхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого привязаны 5—7 огромныхъ пучковъ сухихъ листьевъ. Мы насчитали шесть такихъ стволовъ, укрепленныхъ ротанговыми веревками, чтобы не упали отъ вѣтра; несомнѣнно, они свидѣтельствовали о суевѣріи жителей и представляли изъ себя «деревья духовъ». Высадка на берегъ затрудняется коралловыми банками, по которымъ ползаютъ черныя голотуріи и извивающіяся офиуры. Какой-то молодой туземецъ, одѣтый въ бѣлую куртку и саронгъ, кричалъ намъ съ берега на ломанномъ англійскомъ языкѣ, гдѣ лучше пристать, и завѣрялъ насъ, что мы будемъ радушно приняты. Потомъ оказалось, что онъ много лѣтъ провелъ на Андаманскихъ островахъ и былъ настолько отполированъ культурою, что могъ на своемъ трудно понятномъ англійскомъ языкѣ дать намъ кое-какія разъясненія. Хотя мы пробыли въ селеніи Иту лишь нѣсколько часовъ, быть можетъ, все же будетъ не безынтересно сказать нѣсколько словъ о туземцахъ, живущихъ здѣсь положительно съ такою же простотою, какъ въ раю.

Первый разъ въ жизни мнѣ пришлось увидѣть дикарей, ходившихъ совершенно нагими, если не считать тонкаго шнура вокругъ поясаицы. Это были два старика, которые вышли къ намъ навстрѣчу и радушно пожимали намъ руки. «Ничто не можетъ быть цѣломудреннѣе и пріятнѣе чистой природы», — сказалъ когда-то Лессингъ, и слова его невольно приходили на умъ при видѣ этихъ людей безо всякаго смущенія привѣтствовавшихъ насъ и приглашавшихъ войти въ ихъ жилища, хотя на нихъ не было никакого костюма. Остальные туземцы имѣли, повидимому, время облачиться въ кое-какія принадлежности туалета

не столько изъ чувства стыда, сколько, вѣроятно, изъ желанія похвастаться своимъ богатствомъ. У однихъ былъ одѣтъ саронгъ, у другихъ короткіе штаны или куртка и лишь мальчишки бѣгли совсѣмъ голыми за исключеніемъ бѣлой или красной повязки вокругъ поясицы, конецъ которой они кокетливо перебрасывали черезъ плечо. Первое, что намъ бросилось въ глаза у стариковъ было ужаснѣйшее перерожденіе зубовъ вслѣдствіе чрезвычайнаго жеванія бетеля. Десны у нихъ были распухшими и переднихъ зубовъ совершенно не хватало или отъ нихъ имѣлись лишь обломки — это придавало лицу довольно отталки-

вающее выраженіе, къ которому надо было привыкнуть. Всѣ предшествовавшіе путешественники сообщаютъ единогласно, что никобарцы принадлежать къ наиболѣе некрасивымъ первобытнымъ племенамъ. Я не могу согласиться съ этимъ заключеніемъ — оба старика, которые насъ первые встрѣтили, были хорошо сложены, сильны и коренасты, и если не обращать вниманія на обезображенный ротъ, производили совсѣмъ ужъ не такое отталкивающее впечатлѣніе. Между молодыми встрѣчались люди, хотя и нельзя сказать чтобы особенно красивые, но все же выказывавшіе довольно хорошее сложеніе, мальчишки же производили впечатлѣніе премилыхъ шалуновъ. Туземцы охотно согласились позировать передъ камерой, и потому мы можемъ предложить читателю нѣсколько снимковъ съ натуры. Если фязіономіи туземцевъ ка-

Рис. 70. Старый никобарецъ.

жутся нѣсколько серьезными и недовѣрчивыми, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ того невольнаго сомнѣнія, которое возбуждаетъ во всѣхъ таинственный фотографическій аппаратъ. Цвѣтъ кожи никобарцевъ нѣсколько темнѣе, чѣмъ у малайцевъ, и имѣетъ явственный красновато-коричневатый оттѣнокъ, который особенно бросался въ глаза у туземцевъ, занимавшихся на берегу рыбною ловлею — онъ напомнилъ намъ краснокожихъ Сѣверной Америки. Въ среднемъ никобарцы болѣе крупнаго роста, чѣмъ малайцы — ростъ ихъ около 1,6 метра и подходитъ къ росту европейцевъ. Скулы ихъ сильно выдаются, носъ сплюснутъ и углы широкаго рта нѣсколько приподняты. Косого расположенія глазъ ни у одного изъ нихъ не было замѣтно: глаза лежатъ обыкновенно глубоко подъ сильно развитыми надбровными дугами и верхнее вѣко нѣсколько прикрыто заходящей за него кожною складкою.

Приплюснутая форма затылка, которая, по сообщенію пражниковъ путешественниковъ, вызывается у дѣтей искусственно, но бросалась въ глаза. Черные волосы густы и длинны, у одного изъ стариковъ свисали до самыхъ плечъ густые сѣдоватые локоны, придерживаемые ободомъ. У другихъ мужчинъ мы замѣтили волосы то сильно волнистые, то жесткіе и короткіе. У двоихъ, и между прочимъ у нашего переводчика, между ними имѣлся проборъ и волосы были сильно смазаны кокосовымъ масломъ, мальчишки же ходили коротко остриженными. Ни у одного туземца не было и признаковъ бороды. Тѣло у всѣхъ было пропорціонально сложено и, за исключеніемъ болѣе пожилыхъ, уже сказанныхъ къ ожиренію субъактовъ, проявляло сильную мускулатуру и рѣзко выдающіеся кровеносные сосуды. У обоихъ стариковъ въ продырявленныхъ ушахъ торчали кусочки бамбука, которые при отсутствіи одѣянія играли до нѣкоторой степени роль кармановъ—туда они втыкали сигары, которыя принимали отъ насъ съ большою охотою. Татуировки не было замѣтно ни у одного изъ туземцевъ. Въ видѣ украшенія мужчины носили серебряные браслеты и кольца. Въ языкѣ ихъ поражали, какъ сообщалось уже и прежними путешественниками, особые гортанные звуки, которые, впрочемъ, меньше свойственны были молодымъ. Относительно женщинъ я могу, къ сожалѣнію, только сообщить, что болѣе старыя были поразительно безобразны со своими сильно выдающимися скулами, плоскими носами и исковерканнымъ, благодаря жеванію бетеля, ртомъ. Было очень трудно убѣдить ихъ выйти изъ ихъ закопченныхъ хижинъ для позирования передъ камерой. Когда же онѣ появились, то все мужское населеніе было поражено, повидимому, ихъ необыкновенно параднымъ одѣяніемъ: съ волосъ ихъ такъ и капало кокосовое масло, а тѣло было облечено въ бумажные платки, невѣроятно яркихъ красокъ и въ кофты, либо совершенно незастегнутыя, либо застегнутыя на выворотъ.

Изъ шести хижинъ, три имѣли у основанія квадратныя очертанія, и какъ мы скоро замѣтили, являлись лишь амбарами для провіанта. Для той же цѣли служила небольшая восьмая хижина, выстроенная нѣсколько поодаль и какъ бы спрятанная среди пальмъ. Хижины, служившія для обитанія имѣютъ такую форму, какой не встрѣчается болѣе нигдѣ на всемъ Малайскомъ архипелагѣ, за исключеніемъ острова Энтамо—именно онѣ круглы и издали напоминаютъ огромные соломенные ульи. Поселеніе располагается исключительно въ полосѣ прилива, причемъ заботятся, чтобы хижины, были по возможности защищены отъ юго-западнаго муссона и открыты для прохладнаго сѣверо-восточнаго. Всѣ онѣ располагаются на высокихъ столбахъ, сдѣланныхъ изъ обтесанныхъ бревенъ. Округлыя хижины покоятся приблизительно на 18 столбахъ, поставленныхъ по окружности и подпертыхъ мѣстами косо направленными подставками. Внутри наружныхъ столбовъ, встрѣчается еще нѣкоторое количество внутреннихъ столбовъ, которые подпираютъ крестообразно положенные стволы бамбука. Полъ хижины располагается на 2 — 2½ метрахъ надъ землею, такъ что по нимъ легко можно пройти. Между столбами, подпирающими полъ, остается пространство, которымъ пользуются для сохраненія различныхъ запасовъ, они помѣщаются или на особыхъ подставкахъ, или на площадкахъ, подвѣшенныхъ на ротанговыхъ веревкахъ. Куполообразная крыша, увѣчанная фигурно вырѣзаннымъ столбомъ, круто поднимается и покрыта снаружи волокнами пальмы виша. Стѣны жилого помѣщенія устраиваются изъ досокъ и, какъ было видно, по крайней мѣрѣ, на

двухъ хижинахъ, покрываются либо пальмовой корою, либо пальмовыми листьями. Къ четырехъугольному входу въ хижину, закрываемому слепеннымъ изъ пальмовыхъ волоконъ пологомъ, ведетъ лѣстница.

При посѣщеніи такой хижины бросается, прежде всего, въ глаза то огромное количество людей, которое въ ней обычно помѣщается;—я замѣтилъ по крайней мѣрѣ 10 душъ, болѣею частью старыя женщины съ обнаженною верхнею частью тѣла,—онѣ были заняты разрываніемъ банановыхъ листьевъ для притопленія «корабля духовъ», о которомъ рѣчь будетъ ниже. Посрединѣ хижины висѣла ярко раскрашенная четырехъугольная доска, обвѣшанная зелеными гирляндами изъ расплѣзанныхъ листьевъ. Первоначально я подумалъ, что это тоже украшеніе корабля духовъ, но затѣмъ узналъ, что такая доска имѣется въ каждой хижинѣ и вѣнкамъ листьевъ, повѣшеннымъ на ней, приписывается чудодѣйственная сила. Эти вѣнки изъ листьевъ раскладываются вокругъ дома во время празднествъ для защиты отъ злыхъ духовъ и потому, миссионеры называютъ ихъ «вѣнками пьянства». Противъ самаго входа располагается низкій очагъ, окруженный камнями, и на немъ въ одной изъ хижинъ старики жарятъ рѣзъзанную пополамъ курицу, причемъ топливомъ ему служили сухіе пальмовые листья. Наравнѣ съ разнообразными украшеніями, платками, шнурами бусъ и круглыми плетеными корзинами, висѣвшими на потолкѣ, бросались въ глаза курьезныя фигуры фетишей, разставленные по стѣнамъ—это были изображенія почти въ ростъ человѣка, съ повязкою вокругъ поясины и съ оружіемъ въ неуклюже вытянутыхъ рукахъ. Положительно, мнѣ никогда не приходилось видѣть чего-либо болѣе курьезнаго, какъ эта забавная коллекція примѣрно изъ 15 фетишей, между которыми находились также фигуры, напоминавшія до нѣкоторой степени европейцевъ въ цилиндрѣ.

Пробываніе въ хижинѣ, наполненной дымомъ и запахомъ отъ скупившихся людей, не особенно пріятно, но оно несомнѣнно, для туземцевъ цѣлесообразно—москиты, обуславливающіе заболѣваніе маляріей, никоимъ образомъ не могутъ сюда проникнуть. Не подлежитъ сомнѣнію, что собственное малайскимъ и папуасскимъ племенамъ характерное для нихъ обыкновеніе строить хижины на столбахъ или въ дѣревяхъ обуславливается не столько боязнью нападенія, сколько вѣковымъ опытомъ, передаваемымъ по традиціи и убѣждающимъ въ томъ, что такія жилища лучше защищаютъ отъ маляріи. Москиты поднимаются на воздухъ не особенно высоко, и итальянскіе пастухи Кампаньи, спящіе на высокихъ помостахъ, подъ которыми они разводятъ сильно дымящійся огонь, защищаются отъ лихорадки сходнымъ же способомъ, какъ дикари, скупивающіеся въ наполненныхъ дымомъ и почти герметически запирающихся хижинахъ на высокихъ столбахъ.

Изъ домашнихъ животныхъ мы замѣтили черныхъ свиней, большое количество куръ и довольно кроткихъ собакъ средней величины. Свинья даетъ никобарцу жаркое въ праздникъ, въ обыкновенное же время объ его трапезѣ заботится богатая окружающая растительность. Любимымъ кушаньемъ никобарцевъ является особое тѣсто, приготовляемое изъ плодовъ одного изъ панданусовъ (*Pandanus melleri*), которое замѣняетъ хлѣбъ. Мы находили всюду большіе запасы собранныхъ плодовъ пандануса. Выѣстъ съ тѣмъ доставляетъ обильное питаніе никобарцу и обычный другъ человѣка подъ тропиками—кокосовая пальма. Послѣ того, какъ мы походили по берегу подъ жгучими лу-

чами солища, туземцы поднесли намъ разбитые кокосовые орѣхи, водянистое содержимое которыхъ показалось намъ положительно нектаромъ. Надрѣзая почки и черешки листьевъ пальмы, никобарцы добываютъ свое пальмовое вино или «тодди», которое сохраняется въ бамбуковыхъ сосудахъ. Изъ саговой пальмы (*Cycas Rumphii*) готовится особое крахмалистое печенье и, кромѣ того, въ пищу употребляются бананы, папайи, плоды манго и аванасы.

Кромѣ того, и море предлагаетъ туземцамъ свои обильныя сокровища. Всѣ наблюдатели согласны съ тѣмъ, что никобарцы превосходные рыболовы,—своими острогами хорошей работы, а также и своими сѣтями и вентерями они добываютъ самыхъ разнообразныхъ и очень вкусныхъ рыбъ. Менѣе склонностей, повидимому, проявляютъ туземцы къ охотѣ, но все же иногда они охотятся съ дротинками на дикихъ свиней и, собираясь въ большія общества, рѣшаются предпринимать охоты даже на буйволовъ. Подобно всѣмъ дикимъ народамъ, никобарцы отъ природы обладаютъ большою наблюдательностью, прекрасно различаютъ растенія и животныхъ и даютъ имъ особыя названія.

Успѣшному рыболовству ихъ содѣйствуетъ превосходное устройство лодокъ. Онѣ готовятся изъ стволовъ *Calophyllum*, снабжены двумя боковыми поплавками изъ бревенъ, мачтой и парусами, сдѣланными изъ листьевъ ротанга или изъ вымѣняемой парусины. Передняя часть оканчивается красиво изогнутымъ носомъ, множество скамеечекъ позволяютъ помѣщаться въ лодкѣ большому числу гребцовъ, которые гребутъ веслами съ удлиненными лопастями, сдѣланными изъ красного дерева и дикаго мангустана. Мнѣ удалось вымѣнять одну такую лодку отъ туземцевъ, прїѣхавшихъ къ намъ, и она украшаетъ теперь собою лейпцигскій этнографическій музей. Въ тихихъ заводяхъ вдоль берега я видѣлъ еще туземцевъ, ловившихъ рыбу стоя, съ очень небольшихъ челночковъ.

Случаю угодно было, чтобы мы застали туземцевъ за занятіемъ, о которомъ прежніе путешественники, даже проводившіе болѣе долгое время, знали лишь по наслышкѣ. Именно, они усердно трудились надъ приготовленіемъ своеобразнаго судна, которое играетъ большую роль въ ихъ вѣрованіяхъ и является какъ бы *кораблемъ духовъ*. До сихъ поръ существовало лишь достовѣрное описаніе такого корабля духовъ, вышедшее изъ-подъ пера датскаго наблюдателя де-Рейсторффа, который былъ убитъ на островѣ Карморта, впрочемъ, не никобарцами, а однимъ изъ сипаевъ. Въ виду этого, будетъ, быть можетъ, не безынтереснымъ, если мы опишемъ то, что намъ удалось видѣть, и, на основаніи сообщеній миссіонеровъ и знатоковъ даннаго племени, попробуемъ охарактеризовать религіозныя воззрѣнія туземцевъ. При этомъ мы будемъ слѣдовать даннымъ, сообщаемымъ австрійскимъ морскимъ врачомъ Свобода, пробывшимъ нѣкоторое время на Никобарскихъ островахъ.

Какъ и у всѣхъ первобытныхъ народностей, основой религіозныхъ представленій является вѣрованіе въ злыхъ духовъ, въ особенности въ духовъ умершихъ—«кии», которые снова стремятся войти въ какое-нибудь тѣло и вселиться въ кого-нибудь изъ живыхъ. Духъ умершаго остается безъ родины, безъ собственности и безъ какихъ-либо радостей и пытается отдѣлаться отъ мертваго тѣла и завладѣть кѣмъ-либо изъ оставшихся въ живыхъ. Если ему это удастся, то тотъ, кѣмъ духъ завладѣлъ, начинаетъ испытывать различныя несчастья—прежде всего уже заболѣваетъ лихорадкой. Чтобы защититься отъ

этого и сдѣлать пребываніе «иви» въ мертвомъ тѣлѣ болѣе пріятнымъ, умершему кладутъ въ гробъ все, что онъ считалъ особенно цѣннымъ во время своей жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родственники отказываются на долгое время отъ всѣхъ радостей и наслажденій, въ особенности отъ жеванія бетеля, чтобы примирить съ собою душу умершаго. Имя его болѣе не упоминается, и всякія отношенія къ нему прерываются уже тѣмъ, что всѣ родственники отказываются отъ наслѣдства. Такимъ образомъ, суевѣріе получаетъ даже перевѣсъ надъ аличностью: всѣ украшенія кладутся вмѣстѣ съ трупомъ, а домашняя утварь и оружіе ставится связаннымъ или сломаннымъ надъ могилой. Туземцы привели насъ къ расположенному рядомъ съ послѣдней хижиной кладбищу—маленькому, живописно спрятанному между кокосовыми пальмами мѣстечку, вокругъ котораго стояло нѣсколько невысокихъ столбовъ. Здѣсь мы увидѣли два связанныхъ между собою пучка различныхъ вещей, причѣмъ одинъ изъ нихъ висѣлъ на перекладинѣ, положенной между двумя деревьями. Посреди между обоими пучками находился еще свертокъ связанныхъ дротишковъ и гарпуновъ для ловли рыбы. Что содержится въ туго завязанныхъ и завернутыхъ снаружн обрывками матерій пакетахъ, я не могъ разобрать—въ одномъ пучкѣ висѣла скорлупа отъ кокосовыхъ орѣховъ, въ другомъ—тщательно завернутый узелокъ. На землѣ лежали плетенныя корзинки, изломанныя глиняныя чашки, молотокъ и, кромѣ того, были повѣшены цѣлыя гирлянды кокосовыхъ скорлупъ на веревкѣ изъ ротанговой пальмы.

Несмотря на всѣ принимаемыя мѣры, иви все же часто возвращаются въ хижины и, чтобы оградиться отъ нихъ, туземцы устраиваютъ выше упомянутые деревья духовъ, торчащіе изъ воды. Рес-торффъ считалъ эти деревья за вѣхи, выставляемыя для указанія мѣста, гдѣ можно пристать къ берегу, другіе наблюдатели считаютъ ихъ предметами, связанными съ вѣрованіемъ въ злыхъ духовъ. Это послѣднее предположеніе является, несомнѣнно, болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ туземцы превосходные рыболовы и не нуждаются въ этихъ курьезныхъ украшенияхъ для того, чтобы ориентироваться въ хорошо извѣстномъ мѣстѣ фарватерѣ. Если я считаю эти деревья духовъ приспособленіями, которые должны оградить отъ нашествія иви, то основываю это мнѣніе на томъ обстоятельстве, что, съ одной стороны, такіе же стволы, украшенные пучками листьевъ, устраиваются надъ могилами, съ другой же—подобные, но болѣе короткіе столбы съ однимъ лишь пучкомъ листьевъ на верхушкѣ, находились противъ каждой изъ трехъ хижинъ. Эти послѣдніе столбы совершенно напоминали столбы, выставляемые на могилахъ и считающіеся превосходнымъ чудодѣйственнымъ средствомъ противъ иви; на тѣхъ и на другихъ столбахъ были навязаны также кокосовыя скорлупы.

Подобно тому, какъ деревни и отдѣльныя хижины защищаются отъ вреднаго дѣйствія иви, такъ и каждый изъ туземцевъ старается вооружиться хорошимъ талисманомъ, который бы отгонялъ и пугалъ злыхъ духовъ. Для этой цѣли служатъ особые фетиши или «кареау» туземцевъ, вырѣзаемые изъ мягкаго дерева и разставляемые по стѣнамъ жилищъ; благодаря подражанію европейскому одѣванію, фетиши эти получаютъ иногда поразительно курьезную форму. Въ литературѣ мнѣ не приходилось встрѣчать никакихъ указаній на присутствіе подобныхъ идоловъ у никобарцевъ, и потому будетъ, пожалуй, небезынтересно привести здѣсь изображеніе такого фетиша (рис. 71), котораго съ удовольствіемъ продали мнѣ за бутылку виски. Это, несомнѣнно, идолъ

женскаго пола, моделью для коего служила, надо полагать, бабушка самого дьявола и, по всей вѣроятности, онъ дѣйствительно можетъ внушить всѣмъ забирающимся въ хижину иви достаточный ужасъ и отвращеніе. Физиономія его выкрашена въ красный цвѣтъ, окрѣпшащіяся груди вымазаны кровью, а глаза сдѣланы изъ перламутра. Когда я его осторожно положилъ на песокъ, сейчасъ же подошелъ одинъ изъ стариковъ, поднялъ и снова поставилъ его вертикально.

Если послѣ погребенія умершаго родственника испытываютъ какія-либо несчастія или заболѣваютъ лихорадкой, то тогда принимаются различныя мѣры для изгнанія иви. Устраивается особое празднество, зарѣзывается свинья, выпивается въ изобиліи пальмовое вино, выкуривается много табаку и въ то же время женщины завываютъ страшнымъ образомъ и приносятъ въ жертву духу различные предметы своего обихода и пищевые запасы. Особые волшебники или «манлоенз», обладающіе способностью видѣть въ пьяномъ состояніи иви и укрощать ихъ, постепенно приходятъ все въ большее и большее возбужденіе и производятъ заклинанія; они начинаютъ жалобную пѣсню, бѣгаютъ за иви, чтобы поймать его, посадить его въ особую корзинку для духовъ и помѣстить на кораблѣ духовъ. Какъ разъ за приготовленіемъ такого корабля мы и застали населеніе Иту. Основу корабля образуютъ три длинныхъ ствола, связанные въ плотъ пятью перекладинами, находящимися на равныхъ между собою разстояніяхъ. Корабль снабженъ двумя мачтами изъ бамбука и бугипритомъ, который находится на переднемъ концѣ, обращенномъ къ водѣ. Отъ мачтъ идутъ веревки изъ ротанговой пальмы, увѣшанныя гирляндами изъ расщепленныхъ пальмовыхъ листьевъ; на задней мачтѣ гирлянда образовывала нѣчто въ родѣ паруса и, кромѣ того, обѣ мачты были украшены еще расщепленными банановыми листьями. Въ заднемъ отдѣлѣ корабля находится столъ, покрытый кокосовыми циновками и отъ него идутъ деревянные палки въ бугиприту. На этомъ столѣ, по словамъ Рейсторффа, кладется пища для иви на три дня и, кромѣ того, вѣшаются корзинки для духовъ, служащія для помѣщенія иви. Очевидно также для украшенія корабля духовъ стояли приготовленныя около одной изъ хижинъ бамбучины съ пучками листьевъ, совершенно напоминавшія тѣ, которыми были вѣтнуты въ землю передъ хижинами. Не берусь сказать, были ли плоды панданусовъ и кокосовыя орѣхи, лежавшіе на особомъ помостѣ около корабля и большая плетеная корзинка, также предназначенныя для иви.

Корабль духовъ берется затѣмъ на буксиръ и выводится въ открытое море, гдѣ его предоставляютъ волѣ вѣтра и волнъ. Этихъ, однако, еще не заканчиваются мѣры, принимаемыя для умиротворенія душъ усопшихъ. Три мѣсяца спустя послѣ смерти какъ болѣе близкіе, такъ и болѣе отдаленные родственники устраиваютъ особый праздникъ мерт-

Рис. 71. Фетишъ никобарцевъ.

ныхъ, при свѣтѣ факеловъ, и, наконецъ, часто еще по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ устраивается болѣе грандіозный праздникъ, при которомъ поминуются и всѣ поздне умершіе. Празднества эти связаны съ большими расходами, такъ какъ на нихъ собираются и приглашенные изъ сосѣднихъ деревень, ожидающіе, что хозяева не будутъ скушаться на питія и яства, и прежде всего на свиное жарное и пальмовое вино. Потому еще задолго до праздника свиньи пощипаются въ бамбуковые стойла и ихъ начинаютъ откармливать кокосами и панданусами, причемъ охраняютъ отъ вселенія въ нихъ иви вырѣзанными изъ дерева свиньиными фетишами — это основывается на томъ, что свиньи также страдаютъ отъ лихорадки. По прошествіи многихъ дней, проведенныхъ въ пѣніи и пляскѣ, въ закалываніи свиней и торжественныхъ пирахъ, устраивается общее оплакиваніе и трупъ вырывается. Черепъ очищается и его несутъ торжественной процессіей въ хижину, причемъ мужчины фехтуютъ особыми налками и въ особые колпакахъ. Въ хижинѣ на черепъ одѣвается особая шляпа. Всѣ родственники кладутъ себѣ его на колѣни, ласкаютъ его и помѣщаютъ затѣмъ на алтарь, ставя передъ нимъ бетель, сигаретки и праздничный ужинъ. Когда мертвецъ достаточно проникнется убѣжденіемъ, что оставшіеся въ живыхъ сильно опечалены его смертію, черепъ снова зарывается въ землю. Наконецъ, сжигаются сухіе листья украшеній на могилѣ, причемъ туземцы голые перескакиваютъ черезъ огонь, чтобы предохранить себя «отъ холода», т.-е. отъ лихорадки. Послѣ того, какъ при помощи факеловъ иви оказываются окончательно изгнанными изъ хижины, передъ хижинной вѣшается особая доска и тогда только для семьи начинается новая эра существованія, уже свободная отъ преслѣдованій злыхъ духовъ.

Вѣроятно, у многихъ читателей рассказъ этотъ вызоветъ сожалѣніе къ суевѣрнымъ заблужденіямъ дикарей, благодаря которымъ отравляется значительная часть ихъ существованія. Положительно кажется, что туземцы живутъ въ постоянной атмосферѣ ожиданія несчастія и вѣчно думаютъ о томъ, какъ бы отклонить неминуемую бѣду, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, чтобы только спастись отъ нея. Заботы о предохраненіи себя отъ злыхъ духовъ ведутъ нерѣдко къ самой утонченной жестокости, но иногда обуславливаютъ такъ же и появленіе обычаявъ, не лишенныхъ нѣкотораго поэтическаго оттѣнка. Къ такимъ обычаямъ должно причислить приготовленіе корабля духовъ—этого курьезнаго судна, которое должно умиротворить души усоншихъ тѣлъ, что будетъ предоставлено посреди моря вогѣ река. Вполнѣ ясно, однако, что первобытный человѣкъ, обитающій въ этихъ зараженныхъ лихорадкою мѣстностяхъ, подпадаетъ сильнѣе помрачающему его умъ чувству страха, чѣмъ обитатели болѣе здоровыхъ горныхъ странъ. Въ гавани Нанкаури старанія всѣхъ многочисленныхъ миссіонеровъ оставались безплодными, несмотря на все ихъ самопожертвованіе. Устроенная здѣсь въ 1889 году англійско-индійскимъ правительствомъ колонія для преступниковъ должна была быть уничтожена изъ-за лихорадки—лишь туземцы могутъ здѣсь выдержать, да и то они не застрахованы отъ этой болѣзни. Всѣ помыслы и всѣ старанія туземцевъ направлены къ тому, чтобы предохранить себя отъ этого, подкарауливающаго ихъ въ густыхъ джунгляхъ бѣдствія, и продолжительный опытъ научилъ ихъ, какъ оградиться отъ «вио»—слово, которое можно перевести почти прямо маляріей. Полежимъ, не малую роль тутъ играютъ и пустые предрасудки, но кажется, что

никобарцы сумѣли все же соединить пріятное съ полезнымъ, и въ ихъ признакахъ, фехтованіи на палкахъ, галлерейхъ предковъ, корабляхъ духовъ, опьяненіи пальмовымъ виномъ и поѣданіи свинины, не мало такого, что ихъ дѣйствительно предохраняетъ отъ яви—маларіи. Фетишизмъ заключается въ томъ, что какому-либо изъ вещественныхъ предметовъ придаются сверхъестественныя свойства. Нанному просвѣщенному образу мыслей противно допущеніе такой связи естественнаго со сверхъестественнымъ, но оно вполне согласуется съ наивнымъ міровоззрѣніемъ простаго народа. Послѣднее силонъ проникнуто фетишистическими воззрѣніями, благодаря чему является иногда поразительный параллелизмъ съ міромъ идей первобытнаго человѣка. Какъ тамъ, такъ и здѣсь встрѣчаются вѣрованія во влияніе духовъ, которыхъ стараются сдѣлать для себя благосклонными при помощи амулетовъ, реликвій, разрисованныхъ и вырѣзанныхъ фетишей, или же пробуютъ изгнать при помощи заклинателей или колдуновъ.

Вѣрованія никобарцевъ, несмотря на всѣ параллели съ другими фетишистическими представленіями малайскихъ народностей, проявляютъ все же столько своеобразныхъ чертъ, что всѣ наблюдавшіе эту народность невольно задаются вопросомъ,—откуда она произошла? На сѣверныхъ островахъ она уже болѣе пришла въ соприкосновеніе съ культурой, чѣмъ на среднихъ и южныхъ, и именно на самомъ южномъ изъ острововъ, на Большомъ Никобарскомъ, сохранились внутри острова и въ нѣкоторыхъ береговыхъ мѣстечкахъ въ наиболѣе чистомъ видѣ первобытныя условія. Тамъ обитаетъ племя «жонпентъ», которое по сообщенію Рейсторффа, и бывшаго начальника колоніи преступниковъ Мана, является наиболѣе примитивнымъ между остальными никобарцами. Для выясненія вопроса о происхожденіи никобарцевъ слѣдовало бы подвергнуть обстоятельному этнографическому изслѣдованію этихъ наиболѣе первобытныхъ обитателей острововъ и ознакомиться подробнѣе съ ихъ внѣшностью, языкомъ и обычаями. Взгляды Рейсторффа, который относитъ никобарцевъ къ монгольской расѣ, встрѣтили мало сочувствія. Для тѣхъ же, кто считаетъ ихъ принадлежащими къ заключающей такіе разнородные элементы малайской расѣ, можетъ служить подтвержденіемъ не только типъ туземцевъ, но и то не маловажное обстоятельство, что округлыя хижины, совершенно неизвѣстныя на всемъ Малайскомъ архипелагѣ, встрѣчаются снова очень далеко отъ Никобарскихъ острововъ на островѣ Энгано, самомъ южномъ изъ острововъ Ментавейской впадины. И дѣйствительно, Джиглали удостовѣряетъ, что многочисленныя фотографіи, которыя были получены безстрашнымъ путешественникомъ Модиглали, выказываютъ необыкновенное сходство между обитателями острова Энгано и никобарцами.

ГЛАВА XVI.

Отъ Никобарскихъ острововъ до Цейлона.—Островъ Цейлонъ.—Маледивскіе острова.

Вечеромъ 9-го февраля съ заходомъ солнца мы покинули удаленную гавань Нанкаурн. Мирно отражались въ морѣ кижинны, окаймленные темной зеленью, туземцы махали намъ руками съ лодокъ, посылая прощальный привѣтъ. Быстро наступила темнота и на безоблачномъ небѣ заблестали въ зенитѣ Оріонъ и Сиріусъ, и съ радостью привѣтствовали мы давно не виданное созвѣдіе Большой Медвѣдицы—признакъ того, что мы находились уже на 8° сѣвернѣе экватора. Мы взяли курсъ на Цейлонъ и, благодаря попутному вѣтру и теченію, быстро прошли черезъ южную часть Бенгальскаго залива. Два промѣра, давшіе глубины въ 3.974 и 3.692 метра, показали намъ, что глубоководный нѣтъ все еще такой же зеленоватый, какой былъ нами найденъ при приближеніи къ Суматрѣ.

Въ виду того, что эта область была уже изслѣдована индійскою глубоководной экспедиціей, мы не производили работъ трапомъ и ограничивались ловомъ вертикальными сѣтями, которые здѣсь, какъ и ранѣе въ Атлантическомъ океанѣ, дали намъ необыкновенно богатые результаты.

На поверхности мы встрѣтили такую же микроскопическую фауну, какъ и въ тропическихъ частяхъ Атлантическаго океана — она характерна для всѣхъ тропическихъ морей. Шарообразные *Pyrocystis*, ридосолени, цератин съ длинными отростками и уюмянутые выше превосходные представители перидиніевыхъ (*Amphisolenia*, *Ornithocercus*, *Ceratocorys*, *Goniодона*), а также встрѣчавшіеся на большихъ глубинахъ *Planktoniella*, *Halosphaera*, *Asteromphalus*, являлись характерными формами нашихъ улововъ.

Между тѣмъ, палуба «Вальдивіи» превратилась мало-по-малу въ зоологическій садъ. Каждый изъ нашихъ матросовъ не преминулъ обзавестись въ Падангѣ обезьяной и свободные отъ занятій часы проводить съ нею вмѣстѣ въ нѣжномъ tête-à-tête. Когда поднимался глубоководный трапъ, то постоянно десятка два четверорукихъ шныряли вокругъ и около и, вполне раздѣляя воодушевленіе, охватывавшее зоологовъ при поимкѣ замѣчательной добычи, старались утащить неподвижка какого-нибудь глубоководнаго рака, взобраться съ нимъ на ванты и тамъ разобрать его по суставчикамъ. Намъ пришлось прива-

затъ всю эту компанію на веревку, и обезьяны мстили намъ за лишеніе свободы тѣмъ, что если кто-нибудь проходилъ неосторожно мимо, старались укусить его за ногу. Одна изъ крупныхъ мартышекъ какъ то оторвалась и во время усердной погони за ней упала за бортъ при полномъ ходѣ судна. Хотя она и проявляла удивительную антипатію къ нѣкоторымъ изъ ученыхъ изслѣдователей, она была, тѣмъ не менѣе, любимцемъ всей команды, и ея жалкая участь возбудила всеобщее сожалѣніе. Мы, однако, слишкомъ преждевременно оплакивали ее и не приняла во вниманіе той ловкости и присутствія духа, которыя свойственны обезьянамъ: въ послѣдній моментъ она схватилась за нашъ лагъ, постоянно тащившійся за пароходомъ, уцѣпилась за него, несмотря на то, что онъ вертѣлся, и была поднята на лаггинѣ на бортъ, гдѣ вмѣсто благодарности за спасеніе стала тотчасъ же скалить на насъ зубы. Врядъ ли какое-либо другое животное или хотя бы даже человѣкъ могъ повторить такую удивительную штуку!

Вечеромъ 12-го февраля мы замѣтили южный маякъ Цейлона, подернутого, несмотря на совершенно безоблачное небо, голубоватымъ туманомъ. Когда мы снова на другое утро оказались посреди роя сингалезскихъ лодокъ въ обширной гавани Коломбо и сразу перенеслись въ сущію океаническаго пароходнаго сообщенія и дѣловое оживленіе большого торговаго города, намъ положительно взгрустнулось о тѣхъ мирныхъ и тихихъ фіордахъ и бухтахъ, гдѣ приходилось останавливаться за послѣднее время. Никто, однако, не можетъ противустоять волшебной красотѣ этого знаменитаго тропическаго острова, даже и въ томъ случаѣ, если передъ нимъ ранѣе развертывались картины богѣе богатой растительности! Правда, съ погруженными въ постоянную влажность лѣсами Камерунскаго пика и зарослями западной Суматры врядъ ли можетъ сравниться какая-либо тропическая растительность, но зато Цейлонъ представляетъ въ своихъ священныхъ баньянахъ (*Ficus religiosa*) съ ихъ лѣсомъ столбообразныхъ корней, свѣшивающихся съ вѣтвей и укореняющихся въ землѣ, въ своихъ пальмахъ талипо (*Corypha umbraculifera*), несущихъ огромныя кисти цвѣтовъ и, наконецъ, въ величественныхъ бамбукахъ ботаническаго сада Пераденія такіа растительныя формы, которыя свидѣлствуютъ о необыкновенной мощности силъ тропической природы.

На горномъ плато Суматры Агамъ, быть можетъ, также жила народность, культура которой теряется въ не менѣе сѣдой древности, чѣмъ культура сингалезовъ — завоевателей Цейлона, но тамъ отсутствуетъ исторически провѣренное преданіе. Когда же посѣтитель вступаетъ на почву Цейлона и совершаетъ поѣздку въ прежнюю сингалезскую столицу Канди, его охватываетъ историческая атмосфера. Посѣщеніе буддійскаго храма, заключающаго въ себѣ реликвию, священную для многихъ милліоновъ людей — именно зубъ Будды, менѣе привлекательно, но зато поразительное удовольствіе доставляетъ поѣздка по окружающимъ хребтамъ, во время которой можно вдоволь налюбоваться на великолѣпныя виды. Въ горной котловинѣ располагается тамъ тихое озеро, окаймленное храмами, виллами и цѣлымъ лабиринтомъ домиковъ города; съ другого пункта открывается видъ на долину Махавелли-Ганга и на центральную группу горъ острова съ выдающимися на югъ вершинами; между ними особенно выдѣляется прославленная въ легендахъ и сказаніяхъ остроковечная Адамова гора.

Пробѣгая черезъ густо населенную и усѣянную чайными плантаціями страну, приходится познакомиться съ коричневыми сингалезами

и позднѣйшими пришельцами томиами, и надо отдать справедливость какъ тѣмъ, такъ и другимъ, что своимъ тѣлосложеніемъ, граціозностью и красотой они положительно выдѣляются изъ другихъ племенъ, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться. Быть можетъ, у нихъ также есть свои недостатки и, пожалуй, въ смыслѣ энергіи и національнаго самосознанія они стоятъ ниже многихъ другихъ народностей, все же, однако, эти почитатели Сивы и сингапурскіе буддисты производятъ всегда самое симпатичное впечатлѣніе.

Мы здѣсь лишь бѣгло говоримъ о Цейлонѣ, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду, что у этого тропическаго острова уже достаточно бытописателей болѣе компетентныхъ. Тотъ, кому удалось пробить лишь нѣсколько дней въ Коломбо, Кэнди и въ ботаническомъ саду Перадени, подавляетъ сразу такимъ количествомъ новыхъ впечатлѣній, что едва въ состояніи переработать ихъ, не говоря уже о томъ, что не можетъ дать достаточно яркой картины.

Благодаря стараніямъ нашего консула, одинъ изъ мѣстныхъ молодыхъ врачей, м-ръ Г. Гэй, согласился сопровождать насъ во время дальнѣйшаго плаванія. Взявъ его на бортъ, мы 16-го февраля утромъ подняли якорь и направились мимо длиннаго ряда пароходовъ, свидѣтельствовавшихъ о торговомъ значеніи Коломбо. Пройдя по гладкой, какъ зеркало бухтѣ къ выходу, мы взяли направленіе на юго-западъ, къ Маледивскимъ коралловымъ островамъ, расположеннымъ неподалеку отъ экватора. Снова принялись мы за правильные промѣры, такъ какъ находились въ части моря, мало или совершенно не изслѣдованной въ океанографическомъ отношеніи. 17-го и 18-го февраля были найдены значительныя глубины въ 4.454 и 4.133 метра. Зеленоватый глубоководный илъ, который по выходѣ изъ впадины Ментавой постоянно встрѣчался намъ, былъ здѣсь затѣненъ желтовато-сѣрыми глобигерновымъ иломъ. Температура на глубинахъ была 1,4° и температурныя серіи показывали, что лишь верхніе слои воды, самое большее толщею въ 100 метровъ, оказываются сильно прогрѣтыми, затѣмъ же слѣдуетъ быстрый скачокъ и вплоть до дна температура сильно понижается.

Тогда какъ до сихъ поръ мы, благодаря вліянію сѣверо-восточнаго муссона, ощущали очень сильное теченіе къ западу, которое даже мѣшало намъ во время работъ съ сѣтями и термометрами, 18-го февраля мы вступили въ область, совершенно не имѣющую теченій. Мы воспользовались этими благоприятными условіями и съ ранняго утра до вечера занимались различными океано-графическими и зоологическими работами.

Особенно поразили насъ здѣсь результаты, полученные при примѣненіи вертикальныхъ сѣтей. Обиліе организмовъ, свободно плавающихъ въ болѣе глубокихъ слояхъ, здѣсь поразительно; сѣти приходили нерѣдко совершенно наполненными черными глубоководными рыбами, прозрачными головоногими, пестрыми раками сергестидами, фіолетовыми глубоководными медузами (*Atolla*) и различными формами червей, между которыми особенно бросались въ глаза ведущіе пелагическій образъ жизни немертины (*Pelagonemertes*). Не менѣе интереса возбуждала также находка одного изъ килевогихъ моллюсковъ изъ рода *Carinaria* длиною въ 53 сант.,—настоящаго великана между своими сородичами.

На поверхности также царилъ богатая жизнь. Особенно много встрѣчалось здѣсь акулъ, которыя вообще появились снова, какъ только мы оставили антарктическія широты. Мы не рѣшались болѣе спускаться въ

время остановокъ парохода лодку для лова на поверхности, послѣ того какъ однажды акула при такомъ случаѣ схватила за весло. 17-го февраля мы при обычномъ оживленіи, охватывающемъ все судно, поймали не менѣе 7 акулъ, на которыхъ держались многочисленныя рыбы-прилипалы (*Echeneis*). Постепенно мы научились также убивать акулъ и изъ ружья, что удавалось лишь тогда, когда ей бросали предварительно бутылку, которую она пробовала схватить, приподнимая надъ водою голову. Если пуля попадала въ мозгъ, то чудовище съ силою ударило хвостомъ по водѣ и затѣмъ исчезало въ глубинѣ.

Особенно интересна была находка, сдѣланная 17-го февраля на поверхности моря. Вблизи нашего судна мы замѣтили плывущую раковину наутилуса, которая, повидимому, содержала еще живого моллюска. Намъ удалось выловить ее, но при этомъ оказалось, что въ жилой камерѣ находится не головоногое, а рыбки, которыя въ нее прятались. Около судна мы замѣтили и еще нѣсколькихъ рыбокъ, плававшихъ то въ ту, то въ другую сторону,—мы бросили имъ еще разъ пустую раковину и замѣтили, что всѣ онѣ снова направились къ ней и спрятались въ ней. Рыбокъ этихъ мы нѣкоторое время держали еще въ нашемъ большомъ резервуарѣ—это были представители семейства баллистидъ, но съ точностью опредѣлить мы могли лишь одинъ видъ (*Glyphidodon bengalensis*). Большой шипъ спинного плавника прячется у нихъ въ особый желобокъ и при приближеніи человѣка онѣ стараются поскорѣе попасть въ жилую камеру раковины, обросшей гидрондами и водорослями, и плотно прижимаются къ ея боковымъ стѣнкамъ. Хвостовый плавникъ у нихъ, какъ у плохихъ пловцовъ, развитъ очень слабо. Удивительно, какъ быстро онѣ могли мѣнять при возбужденіи свою окраску: на сѣромъ фонѣ выступали у нихъ свѣтлыя пятна или же самый фонъ становился голубоватымъ и покрывался иногда бѣлымъ мраморнымъ узоромъ.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ экватору, тѣмъ сильнѣе заволакивалось небо и въ то же время поднимался западный вѣтеръ. Никогда намъ не приходилось видѣть болѣе красивыхъ солнечныхъ закатовъ, какъ здѣсь, посреди тропическаго Индійскаго океана; богатство и яркость красокъ кроваво-красныхъ облаковъ съ золотистыми каймами и своеобразный свинцовый цвѣтъ воды, въ которомъ отражались красные лучи, врядъ ли могъ бы быть переданъ какимъ либо живописцемъ. Мы имѣли въ виду произвести кое какія изслѣдованія вблизи экватора, и потому подъ вечеръ 19-го февраля направились къ одному изъ коралловыхъ атолловъ группы Маледивскихъ острововъ,—именно, къ атоллу Суадива, гдѣ встали на якорь, недалеко отъ рифа, на глубинѣ около 10 сажень, у островка, названнаго на картѣ Кандухулуду. Маледивскіе острова представляютъ изъ себя, какъ извѣстно, вытянутый въ длину рядъ коралловыхъ атолловъ, простирающійся отъ 0°42' южн. шир. до 7° 6' сѣв. шир., слѣдовательно, на протяженіи около 8 градусо-выхъ широты. Въ общей сложности здѣсь, по всей вѣроятности, около 20 крупныхъ атолловъ, которые въ политическомъ отношеніи дѣлятся султаномъ, имѣющимъ свою резиденцію на островѣ Мале, на 12 группъ. Атоллы раздѣляются между собою глубокими и широкими проливами, по которымъ могутъ свободно проходить даже крупныя океаническіе пароходы. Наиболѣе широкимъ проливомъ является экваторіальный проливъ, между атоллами Суадива и Аду; именно въ этомъ проливѣ мы и имѣли въ виду произвести изслѣдованія.

Атоллы круто спускаются какъ на западѣ, такъ и на востокѣ въ

море, имѣющее здѣсь болѣе 4.000 метровъ глубины. Проливы между атоллами, за исключеніемъ восьмиградуснаго и экваторіальнаго пролива, еще не промѣрены; въ первомъ имѣются глубины до 1766 метровъ, въ послѣднемъ мы получили подъ самымъ экваторомъ глубину въ 2.253 метра. Рельефъ дна производитъ такое впечатлѣніе, какъ еслибы здѣсь каходился подводный хребетъ, на вершинахъ котораго и разрослись коралловые рифы, образовавъ тѣ огромныя кольцообразныя атоллы, которые такъ характерны для Маледивскихъ острововъ.

Атоллъ Суадива имѣетъ въ своемъ продолжномъ поперечникѣ съ сѣвера на югъ не менѣе 45 морскихъ миль и является еще и въ томъ отношеніи типичнымъ маледивскимъ атоллomъ, что не образуетъ совершенно замкнутаго кольца, а прерванъ болѣе чѣмъ сотнею проливовъ. Такимъ образомъ онъ разбитъ на огромное количество маленькихъ островковъ, каждый изъ которыхъ окруженъ плоскимъ краевымъ рифомъ. Внутренняя часть атолла также занята нѣкоторыми количествомъ островковъ и обладаетъ относительно небольшими глубинами, не свыше 80 метровъ. Въ проливахъ между островами замѣчается во время приливного или отливного теченія довольно сильное движеніе воды. Въ проливѣ, передъ которымъ мы стали на якорь, наблюдалось вечеромъ сильное направленное на юго-востокъ теченіе изнутри атолла, а на слѣдующее утро замѣчалось теченіе въ обратномъ направленіи. Тогда какъ сѣверныя атоллы подвергаются еще дѣйствію Индійскихъ муссоновъ, южныя стоятъ уже внѣ такового—здѣсь направленіе вѣтра и погоды перемѣнчивы, часто бываютъ дожди и сильныя бури.

Вскорѣ послѣ того какъ мы встали на якорь, къ намъ подошла большая плоскодонная лодка, на которой гребли около 20 человекъ. Люди эти производили впечатлѣніе мирныхъ жителей и мы позволили имъ подняться къ намъ на бортъ. Это былъ старшина селенія Кандухулу, славный добродушный старикъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ односельчанъ, чтобы привѣтствовать насъ. Мы были поражены красотою, ловкостью и статнымъ сложеніемъ туземцевъ, которые съ любопытствомъ, но и съ нѣкоторой недоувѣрчивостью осматривали наше судно. Очень скоро завязалась оживленная бесѣда. Человѣкъ всадъ остается человѣкомъ, и выраженія наиболѣе простыхъ чувствъ и желаній при помощи пантомимы удивительно легко понимается всѣми на всемъ земномъ шарѣ, будь это негры, пласцы, никобарцы или маледивцы. Сношенія были облегчены еще тѣмъ обстоятельствомъ, что старикъ зналъ словъ 6 на ломаномъ англійскомъ языкѣ. Онъ представилъ мнѣ своего брата и пригласилъ меня провести ночь въ своемъ жилищѣ на сушѣ. Предложеніе это я отклонилъ, но обѣщалъ ему завтра утромъ навѣстить его и вымѣнять у него сѣдобныхъ черепахъ—пособіемъ при этомъ объясненіи служилъ рисунокъ черепахи.

Между тѣмъ, мы имѣли полную возможность познаться ближе со своеобразнымъ типомъ южныхъ маледивцевъ (рис. 72)—онъ совершенно отличенъ отъ малайскаго и указываетъ скорѣе на связь съ индійскими или даже арабскими племенами. Выраженіе лица довольно умное, глаза большіе и выразительные, губы толстыя и мясистыя, носъ то широкій, то совершенно арійскаго типа. Между болѣе молодыми туземцами намъ бросались въ глаза субъекты совершенно свѣтло-коричневые. Почти всѣ носили на головѣ, въ противоположность маледивцамъ сѣверныхъ атоллomъ, тюрбанъ изъ бѣлой или пестрой матеріи. Верхняя часть тѣла у молодыхъ обыкновенно голая, старыя же носили разноцвѣтныя куртки. Поверхъ невысокихъ панталонъ у нихъ былъ одѣтъ въ родѣ са-

ронга кусокъ матеріи, придерживавшійся поясомъ, за которымъ торчалъ ножъ.

Раннимъ утромъ, еще до восхода солнца, я отправился съ нѣкоторыми изъ спутниковъ ко входу въ атоллъ. Грести намъ было легко, такъ какъ теченіе было попутное, но вблизи острова намъ сильно помѣшала береговая рифъ. Намъ замѣтили, однако, съ берега собравшіеся тамъ туземцы, одинъ изъ нихъ сѣлъ въ лодку и провелъ насъ по извилистому фарватеру къ берегу. Тамъ насъ встрѣтило все мужское населеніе острова, и прежде всего насъ повели къ огромнымъ черепакамъ, лежавшимъ на спинахъ въ числѣ около 30 на берегу—

Рис. 72. Старшина и жители острова Кандухулуду.

это были морскія черепахи (*Chelonia viridis*), которыхъ намъ продали за недорогую цѣну. Нѣсколько далѣе внутри острова располагалось спрятанное между кокосовыми пальмами, бананами, манго и гранатовыми деревьями, селеніе. Въ этихъ деревьяхъ были оживлены огромнымъ количествомъ летучихъ собакъ и воронъ, мы подстрѣлили одну изъ нихъ и впоследствии оказалось, что найденный тамъ видъ вороны—новый. Почти на каждой пальмѣ бросались въ глаза маленькіе навѣсы или же западни, сдѣланные для защиты орѣховъ отъ кокосовыхъ крысъ.

Само селеніе состояло изъ низкихъ прямоугольных хижинъ, которыя всѣ цѣликомъ были сдѣланы изъ матеріаловъ, доставляемыхъ

кокосовой пальмой; усыпанныя бѣлымъ коралловымъ пескомъ дорожки, равно какъ и хижины, поражали своею чистотою и опрятностью. Нашъ любезный путеводитель, старшина деревни, привелъ насъ въ свою хижину и съ гордостью показалъ стѣнные часы, горящій свѣтильникъ и фарфоровую посуду. Когда я увидѣлъ чистыя кровати и блестящій чистотою полъ, покрытый плетеными циновками, я даже пожалѣлъ нѣсколько, что не принялъ его приглашенія переночевать здѣсь. Тѣмъ-то дорожка ведетъ отсюда мимо нѣсколькихъ цистернъ къ небольшому кладбищу, затѣненному кокосовыми пальмами и цвѣтущими *Plumiera*, оно прилегаетъ къ очень скромной на видъ мечети. Наши спутники начали читать здѣсь молитвы, мы же за это время разсмотрѣли надгробные памятники изъ кораллового известняка, испещренные арабскими и арабскими надписями. На семейной могилѣ старшины селенія были выставлены многочисленные бѣлые флажки, на другихъ маладивскихъ могилахъ висѣли куски кисеи.

Когда мы вернулись въ деревню, постепенно и дѣти стали относиться къ намъ довѣрчивѣе и вмѣстѣ съ женщинами и дѣвушками рѣшились, наконецъ, приблизиться къ намъ. Съ гордостью представилъ старикъ свою дочь, которая была окружена очень красивыми дѣвушками. У всѣхъ у нихъ спускалась до колѣнъ розовая верхняя одежда, изъ-подъ которой была видна пестрая юбка. Шея и грудь у нихъ были прикрыты изящными вышивками съ серебромъ и золотомъ, и еще болѣе поразили насъ богатыя украшенія ихъ на шеѣ въ видѣ золотыхъ ожерелій, золотые браслеты и украшенія изъ монетъ; несомнѣнно, здѣсь населеніе пользуется извѣстнымъ благосостояніемъ, на что указывало и убранство хижинъ. Серебряныя монеты, которыя я имъ давалъ, они принимали очень охотно, отъ мѣдныхъ же отказывались. Они, очевидно, очень были изумлены, что мы не носимъ никакихъ украшеній, и выражали самую наивную радость, когда замѣчали у насъ хотя золотыя обручальныя кольца. Населеніе острова произвело на насъ впечатлѣніе настоящей идилліи—все добродушные и красивые люди съ большимъ любопытствомъ, но и съ нѣкоторой сдержанностью разсматривавшіе чужестранцевъ и не безъ гордости разрѣшавшіе имъ познакомиться со своимъ внутреннимъ бытомъ.

Мужчины проводили насъ до судна, нагрузивъ свои лодки курами и черепаками. Гребутъ они сидя, длинными веслами, у которыхъ очень короткія лопасти, и пользуются парусомъ изъ черехугольной циновки или треугольнаго куска парусины. Вокругъ «Вальдивіи» царило сильное оживленіе при нашемъ отходѣ, когда маладивцы въ своихъ семи лодкахъ, содержащихъ каждая по 20—30 человекъ, окружали пароходъ и прощались съ нами громкими криками.

Довольно трудно выяснитъ этнографическій характеръ населенія маладивскихъ острововъ, тѣмъ болѣе, что историческія данныя захватываютъ очень небольшой промежутокъ времени. Первый, кто посѣтилъ Маладивы и пробылъ здѣсь болѣе долгое время, именно полтора года, былъ знаменитый арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута. Уроженецъ Танжера онъ по стопамъ Марко Поло посѣтилъ Бухару, переднюю Индію, Тибетъ, Китай и, наконецъ, въ 1343 году прибылъ на Маладивскіе острова. Тамъ онъ женился на дѣвушкѣ, принадлежавшей къ знатному семейству, и заслужилъ большое уваженіе туземцевъ, такъ что былъ даже назначенъ министромъ; въ концѣ концовъ, однако, его стало томить желаніе побывать на родинѣ, и онъ уѣхалъ снова съ острововъ. Особенно подробное описаніе острововъ далъ позднѣе фран-

пузскій дворянинъ Пираръ-де-Лаваль. Въ немъ жилъ, очевидно, неукротимый духъ предприимчиваго нормана, побудившій его пуститься изъ Сентъ-Мало вокругъ мыса Доброй Надежды и черезъ Мадагаскаръ для отысканія прославленныхъ своимъ богатствомъ индійскихъ земель. Онъ претерпѣлъ кораблекрушеніе у Маледивскихъ острововъ и содержался тамъ въ плѣну не менѣе 5 лѣтъ, причемъ съ нимъ обращались, однако, очень хорошо. Освободился онъ, благодаря нападенію на острова бенгальскаго царька, въ 1607 году и послѣ многихъ приключеній вернулся во Францію.

Изъ сообщеній обоихъ путешественниковъ ясно, что, во всякомъ случаѣ, съ того времени, когда они были на островахъ, этнографическій характеръ народности по сію пору не измѣнился.

Въ болѣе новыя времена Маледивскіе острова были посѣщены лишь немногими путешественниками, несмотря на то, что обычный путь въ Индію и на востокъ Азіи ведетъ мимо нихъ. Наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія сообщаютъ англійскіе морскіе офицеры, командированные англійскимъ правительствомъ для промѣровъ и изслѣдованія острововъ въ 1834—36 годахъ. Топографическія съемки атолловъ были произведены капитаномъ Моресби и его офицерами и представляютъ изъ себя примѣръ самой точной и добросовѣстной картографической работы; для изученія коралловыхъ образованій онѣ тѣмъ болѣе цѣнны, что позднѣе, руководствуясь данными картами, можно будетъ легко прослѣдить происшедшія, благодаря поднятію или опусканію, измѣненія. Если принять во вниманіе, что всѣ офицеры и команда ихъ болѣе сильнѣйшей чаларіей, то можно положительно лишь удивляться ихъ выносливости и энергіи. Извлеченія изъ ихъ описанія острововъ, дополненное собственными наблюденіями, было опубликовано Беллемъ и въ недавнее время Россетомъ, который побывалъ на островѣ Малэ, гдѣ живетъ султанъ. При нижеслѣдующихъ краткихъ замѣчаніяхъ мы будемъ придерживаться данныхъ, сообщаемыхъ послѣднимъ изслѣдователемъ.

Есть основаніе предположить, что Маледивскіе острова были первоначально заселены съ острова Цейлона и лишь позднѣе къ сингалезской крови примѣшалась арабская съ Малабарскаго берега; кромѣ того, въ составъ населенія вошелъ и чернокожій элементъ съ африканскаго побережья. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ отнюдь не чистую рассу, но смѣшеніе, притомъ весьма счастливое—индо-германскихъ, хамитическихъ и семитическихъ народовъ. Вліяніе ислама сказывается здѣсь, повидимому, уже съ VIII вѣка, и несомнѣнно, что въ XII вѣкѣ, когда маледивцы находились подъ властью возникшаго на берегу Индіи магометанскаго королевства, они были приверженцами ислама. Когда съ началомъ XVI столѣтія владычество надъ міромъ перешло къ португальцамъ, маледивцы подпали подъ ихъ власть. Съ того времени и на этихъ далеко выдвинутыхъ въ море атоллахъ отражается тотъ огромный переворотъ, который сказался въ переходѣ владычества надъ міромъ отъ португальцевъ сперва къ голландцамъ и затѣмъ, послѣ занятія Цейлона въ 1796 году—къ англичанамъ. Разумѣется, при этомъ дѣло не обошлось безъ жестокостей и чувствительныхъ ударовъ со стороны завоевателей. Впрочемъ, и до сихъ поръ маледивскіе султаны, имѣющие свою резиденцію на самомъ крупномъ изъ атолловъ, именно на островѣ Малэ, умѣютъ сохранять нѣкоторую независимость.

Въ исторіи отмѣченъ цѣлый рядъ энергичныхъ, дѣятельныхъ и высоко одаренныхъ правителей, которые, мудро сознавая свое безсиліе въ борьбѣ противъ могущественнаго европейскаго вліянія, отпра-

вѣляютъ ежегодно съ 1645 года къ губернатору Цейлона посольство, принимаемое тамъ обыкновенно съ большими почестями. Жестокія распри, происходящія обыкновенно при магометанскихъ дворахъ, какъ слѣдствіе недостаточно урегулированнаго права престолонаслѣдія, происходили, впрочемъ, и на Маледивскихъ островахъ, и если онѣ тамъ сказывались въ болѣе мягкой формѣ, то это зависѣло отъ мягкаго и, несмотря на сильную приверженность къ мусульманству, терпимаго образа мыслей туземнаго населенія.

662
Годъ XI-й.

№

PUBLIC LIBRARY.
7th FLOOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
для
САМООБРАЗОВАНІЯ.

І Ю Л Ъ
1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР
1. ЭВОЛЮЦІОННЫЙ И КРИТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ. Проф. Г. Челпанова.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ЮЖНЫХЪ НАБРОСКОВЪ. О. Чюминой.	23
3. ИТА ГАЙНЕ. Повѣсть. (Окончаніе). Семена Юшкевича.	25
4. О ВРАЧАХЪ. (По поводу «Записокъ врача» В. Вересаева) Врача Д. Жбанкова.	55
5. СОЦІОЛОГІЯ, СОЦІАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ И СОЦІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. (Соціологическій этюдъ). Проф. Н. Райхесберга.	85
6. ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ. (Изъ пугевыхъ замѣтокъ 1901 года). (Окончаніе). Александра Кауфмана.	100
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ МАРИИ КОНОПНИЦКОЙ. (Переводъ съ польскаго). А. Калин—скаго	120
8. МЫСЛЬ. Разсказъ. (Посвящаю женѣ моей А. М. Андреевой). Леонида Андреева	122
9. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Очеркъ VIII. Марисъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго.	160
10. МОННА ВАННА. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Мориса Метерлинка. Переводъ съ французскаго. Т. Богдановичъ.	191
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПѢВЦЫ. (Сонетъ). О. Чюминой.	236
12. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. П. Милюкова.	237
13. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Ром. м-рсъ Гѣмпфри Уордъ. Перев. съ авглійскаго З. Журавской (Продолженіе).	259

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОСТРОГОРСКІЙ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ. (Набросокъ воспоминаній ученика). Ив. Гревса.	1
15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Воспоминанія Вл. Короленко «О Глѣбѣ Успенскомъ».—Цѣльность личности Успенскаго какъ писателя и человѣка.—Его творчество.—Громадное значеніе Успенскаго какъ художника и бытописателя русской жизни.—Его законченность какъ писателя. А. Б.	15

16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Харьковскіе кобзари.—Предѣлы крестьянскаго самоуправления. — «Тавричане». — Изъ школьныхъ воспоминаній.—Изверженія грязнаго вулкана на Кавказѣ.—Русскіе рабочіе въ Пруссіи.—За мѣсяцъ. . . .	25
17. Изъ русскихъ журналовъ. («Русская Мысль» — май; «Историческій Вѣстникъ» — май; «Новое Дѣло» — май).	38
18. За границей. Миръ и домашнія дѣла въ Англіи.—Музей мира и войны.—Изъ дебрей Испаніи.—Общественная жизнь въ Германіи.—Изъ области женскаго движенія во Франціи.—Китайская періодическая печать.	44
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. Л. Н. Толстой о воспитаніи и обученіи. — Женское движеніе въ европейскихъ государствахъ.—Образованіе негровъ и роль ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Эпизоды изъ бурской войны.	56
20. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. За мамонтомъ. П. Ю. Шмидта. . . .	63
21. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Отклоненіе маятника въ Индіи.—Сейсмографъ, какъ барометръ.—Жидкіе кристаллы.—Еще о цвѣтной фотографіи.—Клещи на корняхъ винограда.—Глазъ крота.—Чума у птицъ.—Движеніе кишекъ, видимое благодаря лучамъ Рентгена.—Общество для изученія психологіи животныхъ.—Отравленіе пивомъ. В. А.	72
22. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія русская.—Философія.—Географія и этнографія.—Естествознаніе.—Медицина.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	81
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	108

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной. . . .	161.
25. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. . . .	175

„МІРЪ ВОЖІЙ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ и редакціи: Развѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы — въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи, и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнечій мостъ, д. Коха.

1) Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятые мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какихъ объясненія не вступаетъ.

3) Принятые статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, не принятые же сохраняются на теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтового расхода деньгами или марками.

4) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣчную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтового Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа маіаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ по вторникамъ, отъ 2 до 4 час., кромѣ праздничныхъ дней.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб., безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Развѣзжая, 7.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова.

Редакторъ О. Д. Батюшковъ.

скаго учителя.—Прототипы героев «Войны и мира».—Гимназическій журналъ.—На могилѣ Г. А. Мачтета.—Человѣкъ-звѣрь.—Изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ.—За мѣсяцъ.—Некрологи.	15
16. СЕСТРОРЪЦКІЯ ПЕРЧАТОЧНИЦЫ. И. Соколова.	31
17. Изъ русскихъ журналовъ. («Русское Богатство». Мартъ, май.—«Русская Мысль». Май, июнь.—«Русская Старина». Июнь.—«Вѣстникъ Европы». Июль).	37
18. За границей. Внутреннія дѣла въ Германіи.—Религіозныя теченія въ Англіи.—Колоссальное мошенничество.—Сѣверный женскій конгрессъ.—Причины войнъ.	49
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. Статья Д. Роша о Рѣпинѣ.—Жестокости американцевъ.—Положеніе въ Испаніи.—Трестъ разоруженія.	61
20. БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. (Письмо изъ Берлина). С.	67
21. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Работы экспедиціи по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ въ 1901 году. Акад. Ѳ. Чернышева. † А. Н. Бекетовъ. (Некрологъ).	78
22. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Нѣкоторыя условія химическаго взаимодѣйствія.—«Красное море».—Многолѣтнее голоданіе нѣкоторыхъ змѣй.—† Фай. В. Аг.	92
23. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Критика и исторія литературы и искусствъ.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія.—Политическая экономія.—Философія.—Медицина и гигиена.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.	96
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	126

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ДОСТОПЪЧЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.	185
26. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками.	207

MICROFILMED
MICROFILMED

MICROFILMED

MAY 13 1937

23

